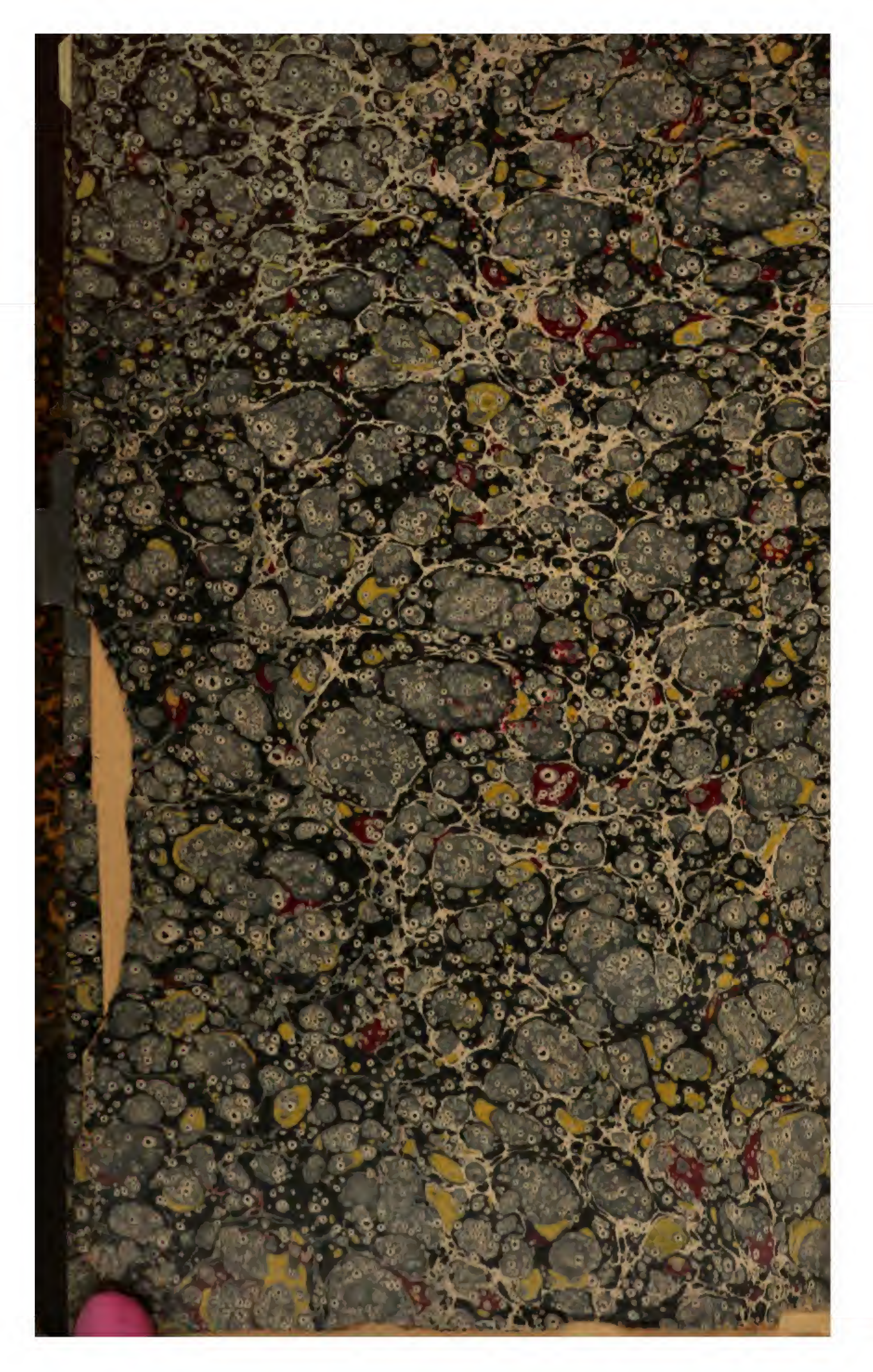

P Slav
176
25
Bd. April, 1886.
VE RI TAS
Harvard College Library
FROM THE FUND OF
CHARLES MINOT
(Class of 1828).
Received 1 Dec. 1885 - 11 Jan. 1886

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 11-я.
НОЯБРЬ, 1885.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

годъ XLIX. — томъ CCXC. — 1/13 ноября, 1885.

39-2

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ШЕСТНАДЦАТЫЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1885

(1080)

ВСЕСОСЛОВНАЯ СЕМЬЯ

Разсказъ изъ лѣтописей одного благонамѣреннаго селенія.

XI *).

Вернувшись изъ города ночью, на понедѣльникъ, Мироновъ, къ немалой досадѣ своей, узналъ отъ Анны Марковны, что Ильюха у ней отпросился въ городъ, на воскресенье. Собственно говоря, тутъ не было никакого ущерба ни интересамъ его, ни хозяйскому праву на трудъ работника, такъ какъ нѣтъ въ мірѣ власти, способной заставить русскаго мужика работать въ праздникъ, и стало быть, для хозяина все равно, гдѣ бы тотъ ни провелъ этотъ день. Но именно то, что Ильюха далъ себѣ этотъ, повидимому, излишній трудъ сказаться передъ уходомъ, было уже подозрительно. А потомъ: отчего же онъ не сказался ему? Все это быстро мелькнуло въ умѣ у Терентья Степаныча, и какъ опытный человѣкъ, онъ смекнулъ, въ чемъ дѣло.

— Ушелъ вѣрно ночью?—сказалъ онъ.

— Надо быть, ночью.

— И не вернулся еще?

— Да не слыхать.

— Ну и не жди теперь, значитъ, анаѳему вплоть до вторника, либо до середы!.. А ты зачѣмъ не сказала сегодня поутру, когда уѣзжалъ?

— Запамятовала, Терентій Степанычъ.

— Вотъ то-то „запамятовала"!.. Смотри!.. — ворчалъ Мироновъ, успѣвшій уже не разъ подмѣтить за вдовушкою кое-какіе

*) См. выше: октябрь, стр. 480.

грѣшки, виною которыхъ была очевидно слабость ея къ молодому, красивому батраку.

Но ему предстояла еще одна и, какъ впослѣдствіи оказалось, зловѣщая неожиданность.

Рано поутру, передъ уходомъ въ поле, три остальные работника изъ акуловскихъ объявили ему настойчиво, что имъ тоже нужно домой. Давно, молъ, обѣщано, а теперь Ильюху уволили, такъ заразъ отпустилъ бы уже и ихъ.

— Повремените, братцы, — отвѣчалъ имъ на это Терентій Степанычъ: — вотъ какъ вернется, тогда погляжу; кого-нибудь одного, пожалуй... А разомъ-то всѣхъ? Вы люди неглупые, сами вы посудите: какъ же оно возможно?..

Просители молча переглянулись и продолжали стоять, не трогаясь, у крыльца.

— Онъ вамъ не сказывалъ, когда будетъ назадъ?

— Не, — отвѣчалъ одинъ: — не сказывалъ. А такъ надо бы думать, раньше какъ въ четвертокъ не будетъ.

— Вотъ то-то же „въ четвертокъ"!.. Да вы чего дожидаетесь?.. Сказано, не пущу.

— Побойся Бога, Терентій Степановичъ, батюшка! — продолжалъ говорившій. — Когда ужъ теперь чередоваться? Илья на дворѣ; того и гляди безъ сѣна останешься!

— Э! полно, Алеха! Богъ милостивъ! Домашніе-то чать и безъ васъ не зѣваютъ... Да что попустому языкъ чесать! Анна Марковна, дай-ка намъ, матушка, полуштофъ; пропустимъ почарочкѣ, да и маршъ, за дѣло!

Средство было дѣйствительное и оно разгладило хмурые лбы.

— Что-жъ, братцы? — сказалъ одинъ изъ работниковъ, ухмыляясь: — надо уважить хозяина... Ждемъ что ли до середы? Хозяину двое сутокъ, а намъ остальные до праздника-то, до самого, значитъ, до послѣ-Ильи?... Такъ что ли, Терентій Степановичъ?

— Инъ будь по твоему, — отвѣчалъ Мироновъ: — только чуръ, братцы, меня не оставьте безъ рукъ. Пусть кто-нибудь сходитъ ночью въ Акуловку, и пусть мнѣ пришлютъ на смѣну другихъ. Завтра ли, въ середу ли, мнѣ все едино. Какъ только пришлютъ, такъ тотчасъ и отпущу. А до эфтаго чтобы не было больше пустыхъ разговоровъ... Ступайте съ Богомъ.

Три мужичка переглянулись въ недоумѣніи, но хозяинъ уже исчезъ.

— Вотъ тебѣ и рѣшилъ! — ворчалъ Алеха, тотъ самый, что говорилъ за другихъ. — Чтожъ, братцы, кому идти?

— Да чего идти-то? — сказалъ другой. — Кого они тамъ при-

шлютъ? Жди, какъ же! Нашелъ дураковъ!.. Хозяинъ-то вишь не простъ, хорошо придумалъ!

— Эхъ, братцы!—вмѣшался третій.—Не за сто вѣдь верстъ!.. Пустите меня. Все уже, какъ ни на есть, хоть двое на волѣ. А если теперь мы съ Ильюхою не вернемся до послѣ-завтра, то нечего, значитъ, и вамъ тутъ сидѣть. Шабашъ! и валяй по домамъ!.. Не даромъ виномъ угощалъ, скалдырникъ! Чай въ городѣ что-нибудь тамъ слыхалъ.

— Чего слыхать-то?

— А вотъ чего, братцы... Намедни поваръ исправниковъ въ церкви сказывалъ: говоритъ, бумага пришла какая-то, за большими печатями и съ заказомъ—чтобъ значитъ съ сотскимъ не посылать, а прямо отъ самого почтмейстера, изъ рукъ въ руки, Михайлѣ Ликсандрычу...

Кидали кому идти, досталось изобрѣтателю, — значитъ тому же Петру. Само собой, ни Петра, ни Ильюхи въ середу не было; да товарищи ихъ и не ждали. Какой дуракъ, на ихъ мѣстѣ, вернулся бы? Но окончивъ работу, въ середу, остальные поужинали и, помолившись Богу, ушли, не сказавъ ни слова хозяину.

— Куда вы?—спросилъ мужикъ изъ другой деревни, закрѣпощенный уже давно и съ семействомъ, въ Вытяговѣ.

— Домой,—отвѣчалъ спокойно Алеха. —Хозяинъ до послѣ-праздника отпустилъ.

Тотъ подивился: что это сталось съ хозяиномъ?.. Но Мироновъ и самъ былъ не менѣе удивленъ, когда поутру, на вопросъ, гдѣ акуловскіе, дворовый его отвѣчалъ, что еще наканунѣ ушли. Лицо у Терентья Степаныча потемнѣло какъ небо передъ грозой, но онъ не сказалъ ни слова. Чувство собственнаго достоинства, свойственное подобнымъ завоевателямъ, не позволяло ему признаться передъ батракомъ, что онъ позволилъ себя перехитрить какому-нибудь Петру съ Алехой. Оставить, однако, такую дерзость безъ наказанія онъ, понятно, не могъ... Было всего какихъ-нибудь пять часовъ утра и, по его разсчету, къ семи онъ поспѣетъ въ Величково; а оттуда всего шесть верстъ до Акуловки.—„Надо нагрянуть туда къ обѣду, — думалъ онъ. — Лишь бы Антипычъ не закобянился?“ Но онъ зналъ хорошо старшину и надѣялся, что послѣдній, быть можетъ, и поломавшись немного для важности, окончательно все же не выдастъ пріятеля.

— Ей! Пофредотъ!—окликнулъ онъ уходившаго.—Сбѣгай на станцію, скажи Павлику, чтобы прислалъ почтовую тройку; да живо! чтобъ въ полчаса была тутъ.

Антипыча онъ засталъ въ семействѣ, за самоваромъ, и, помо-

лившись на образа, отвѣсилъ низкій поклонъ ему и его домашнимъ. Едва взглянувъ на гостя, тотъ понялъ, что онъ не даромъ пожаловалъ.

— Чтò такое?—спросилъ онъ тревожно.

Тотъ отвѣчалъ:—пустякъ;—но какъ-тò значительно поднятыя, густыя брови и озабоченный взоръ его говорили другое... Правленіе было рядомъ. Перемигнувшись, Антипычъ вызвалъ его туда и съ понятнымъ участіемъ выслушалъ краткій разсказъ своего предшественника.

— Ага! Вотъ видишь? А ты не вѣрилъ еще намедни!.. Ѣдемъ къ Михайлѣ Ликсандрычу...

— Да полно нужно ли? — отвѣчалъ Мироновъ, смотря не совсѣмъ спокойно ему въ глаза. — Провозишься двое сутокъ; да придерется еще, зачѣмъ про старое не донесъ.

Онъ опасался, чтобъ старшина не впуталъ какъ-нибудь его зятя. Но тотъ не настаивалъ, самъ не желая безъ нужды связываться съ полиціей. Ему хотѣлось не больше какъ постращать пріятеля, показавъ, какъ легко онъ можетъ ему напакостить, чего онъ видимо и достигъ.

Потолковавъ немного, рѣшили распорядиться патріархальнымъ образомъ, но съ приличною обстоятельствамъ быстротой, предоставивъ суду потомъ одобрить, заднимъ числомъ, внушеніе, которое ожидало бунтовщиковъ. Потомъ воротились въ семейство и не спѣша, такъ какъ времени у нихъ было вдоволь, бесѣдовали за самоваромъ до десяти; а въ десять, взявъ съ собою, на всякій случай, сотскаго съ писаремъ, укатили въ Акуловку. Время разсчитано было такъ, чтобы сцапать всѣхъ бѣглецовъ по возможности на дому, въ такую пору, когда мужикъ, наработавшійся съ утра и упаренный, послѣ обѣда приляжетъ соснуть. Троихъ, косившихъ по близости, такъ и нашли; но съ Ильюхою, на котораго Вытяговскій хозяинъ былъ въ сердцѣ своемъ особенно золъ, дѣло не обошлось такъ гладко. Мѣсто работы его, въ верстѣ отъ деревни, съ подходу было открытое, и завидѣвъ незванныхъ гостей еще издали, онъ далъ тягу въ лѣсъ. Тогда, дѣлать нечего, принялись за отца съ племянницей, и старшина, обругавъ все семейство бунтовщиками, грозилъ отобрать у нихъ коровенку и лошаденку за долгъ, если они не найдутъ немедленно и не выдадутъ бѣглеца. Бабенка, бойкая молодая солдатка, попробовала-было считаться со старшиной; но видя, что дядя повѣсилъ голову и молчитъ, притихла, и словно желая уйти отъ ссоры, пошла потихоньку въ лѣсъ... Завоеватели поняли, что это значитъ, и успокоились. Старшина закурилъ даже трубочку и завелъ прія-

тельскую бесѣду со старикомъ... Дѣйствительно, черезъ десять минутъ солдатка вернулась съ Ильей.

— Ахъ ты такой сякой, — обратился къ нему старшина.— Ты бунтовать?

Но парень, озлобленный, блѣдный, не отвѣчая ни слова, глядѣлъ на него съ Мироновымъ, какъ затравленный волкъ на обступившихъ его охотниковъ.

— Иванъ Антоновичъ! батюшка!—заступился старикъ, лепеча и шамкая.—Взмилуйся! Смирный онъ у меня, послушный; куда ему бунтовать?.. Терентій Степанычъ! Бога ты не боишься! За что?

— За что-о-о? голосила въ слезахъ солдатка.

— Замедлилъ онъ здѣсь маненечко, — продолжалъ отецъ:— правда! Да три-то денечка, почтенные господа, куды ужъ ни шло! Вѣдь цѣльный мѣсяцъ мы его здѣсь не видали!.. А и теперича не силкомъ ушелъ отъ хозяина, а отпущенъ; вотъ ей-же-ей — отпущенъ! Спроси вотъ хоть самого... Да ты чего молчишь? — обратился онъ къ сыну.—Скажи хозяину, кто отпущалъ.

— Анна Марковна,—нехотя отвѣчалъ Илья.

Но это, повидимому, только озлило Миронова.

— А вотъ погоди!—сказалъ онъ, зловѣщимъ взоромъ мѣряя съ головы до ногъ батрака.—Вотъ я те ужо покажу Анну Марковну!.. И обращаясь къ пріятелю: — Первый зачинщикъ всему! — пояснилъ онъ.

— Знаемъ мы, — сказалъ тотъ. — Извѣстны уже не мало и раньше... Черезъ кого же и слухи-то здѣсь пошли?..

Въ дѣйствительности онъ ничего не слыхалъ до этого объ Ильѣ; но онъ понималъ, что въ подобныхъ дѣлахъ необходимъ козелъ отпущенія, а почему пріятель избралъ для этой роли Ильюху, и было ли тутъ желаніе выгородить другое лицо, или какіе-нибудь особые счеты съ работникомъ, это было ему все равно.

Въ Величковѣ, куда всѣхъ арестованныхъ привели, на дворѣ волостного правленія, въ тотъ же день, происходила расправа. Петру только пригрозили, но онъ былъ милостиво прощенъ хозяиномъ; двоимъ, самовольно ушедшимъ, досталось уже не шутя; но Илью, котораго привели подъ конвоемъ и связаннаго, отодрали самымъ нещаднымъ образомъ. Послѣ чего отправили всѣхъ ихъ, съ сотскимъ, въ Вытягово, куда и Мироновъ, заѣхавъ сперва по какому-то дѣлу на станцію, воротился немного спустя.

Къ этому времени, дома было извѣстно все, и Анна Марковна успѣла уже посчитаться съ Дуней, жалуясь ей сперва на отца, а потомъ и на мужа ея.

— Если теперича онъ оставляетъ меня тутъ хозяйкой, и я

безъ него отпустила работника, такъ съ меня и спрашивай; а за что онъ казнилъ невиннаго? Этимъ онъ, значитъ, мнѣ безчестіе хотѣлъ нанести... А вашъ-то супругъ благовѣрный, ужъ нечего говорить, хорошъ! Ученый и офицеръ, и сѣдина въ бородѣ, а не нашелъ себѣ лучшаго дѣла какъ бунтовать необразованныхъ мужиковъ! Вотъ бы кого, замѣсто ихъ, разложить да выпороть!

— Да, вотъ видите, не спросили васъ, — отрѣзала ей язвительно Дуня. — А слѣдовало бы, такъ какъ вы тутъ настоящая госпожа.

— Не госпожа, да и не батрачка. Даромъ что не въ офицерскихъ чинахъ, какъ нѣкоторые; а не въ долгу у хозяина, и не за 300 рублевъ у него живу!

— Еще бы! Извѣстно, изъ-за чего вы живете у тятеньки!.. А Ильюшу все-таки жаль, не правда ли? Что же вы тутъ торчите? Тятеньки еще нѣтъ. Ступайте скорѣй утѣшать... и т. д.

Но не взирая на всѣ эти колкости, у Авдотьи Терентьевны было доброе сердце и она отъ души жалѣла Илью.

— На вотъ, отдай ему отъ меня, — сказала она немного попозже мужу, передавая ему свою единственную трехрублевую ассигнацію, подаренную ей съ недѣлю тому назадъ, въ ея именины, отцомъ. — Скажи ему отъ меня, что я ничего не знала, иначе я выпросила бы ему прощеніе... Да глупостямъ-то своимъ его не учи! Вонъ Анна Марковна ужъ и такъ говоритъ, что ему за тебя досталось!..

Первый, кто встрѣтилъ завоевателя, когда онъ вернулся, послѣ одержанной имъ побѣды, домой, была хозяйка его. Глаза у Анны Марковны были заплаканы; но при людяхъ она не сказала ему ничего, и только когда они остались одни, между ними произошло короткое, но довольно бурное объясненіе.

— Что? налакался невинной крови? Иродъ! — сказала дьяконша, вся дрожа отъ обиды.

Но Иродъ, должно быть, истратившій уже въ Величковѣ весь запасъ своего свирѣпства, выслушалъ это, сравнительно говоря, спокойно.

— Охъ, не тебѣ бы ужъ говорить, безстыдница! — отвѣчалъ онъ.—На вотъ, поди теперь, обнимайся съ драною шкурой!..

— А и обнимусь, такъ не что возьмешь! Не жена я тебѣ, чтобъ сносить твое надругательство, Фараонъ ты этакій! Тигръ ты необразованный! Взяла вотъ, да и ушла, къ кому вздумается!..

— Да полно, дура! — перебилъ онъ, теряя терпѣніе. — Чего расхныкалась? Не тебя вѣдь выдрали. А стоило бы!.. Ступай-ка лучше, ставь самоваръ... Измаялся я сегодня съ утра.

Въ сумерки, онъ разспрашивалъ Пофредота, что сдѣлали безъ него. Но не сдѣлано было почти ничего; только бабы ходили сѣно разметывать.

— Жать бы пора,—говорилъ онъ, остановясь у воротъ, выходившихъ въ поле.—Когда Сочневскіе обѣщали быть?..

За воротами, недалеко, у изгороди, отдѣлявшей выгонъ отъ пахоты, кто-то стоялъ, опираясь локтями на перекладину. Всматриваясь, не трудно было узнать Герасимовича; но на дворѣ темнѣло и дальше, за изгородью, въ кустахъ, не видать было ничего.

— Съ кѣмъ это онъ?—спросилъ Мироновъ.

— Съ Ильюхою,—отвѣчалъ батракъ.—Съ приходу тамъ завалился... И къ ужину не пришелъ...

Хозяинъ наморщилъ лобъ, но не сказалъ ни слова, и постоявъ, вернулся къ себѣ на крылечко одинъ. Не то чтобы совѣсть въ немъ шевельнулась; но онъ почувствовалъ въ эту минуту, какъ-то особенно непріятно, что онъ въ этомъ дѣлѣ одинъ. Дочь, Анна Марковна, зять, работники, всѣ—даже старый дворовый его батракъ Пофредотъ, хотя послѣдній и не показывалъ этого, были явно противъ него. За самоваромъ двѣ молодыя бабы сидѣли молча; никто не спросилъ у него ничего, не улыбнулся въ отвѣтъ на шутку... А съ Ильюхою вонъ, поди,—бесѣдуютъ!.. И Анютка подлая ужъ навѣрно тоже сидѣла тамъ!.. Мрачный, озлобленный, пристальный взглядъ Ильюхи, когда расправа надъ нимъ была кончена, и онъ всталъ, окровавленный, съ земли, не выходилъ изъ памяти у его палача.

„Сбыть' бы его отсюда?—думалъ онъ.—Да вотъ, ужо кончу съ сѣномъ"...

Но словно нелегкая услыхала это желаніе, на другой день, рано, ему донесли, что Илья, не ночевавшій въ избѣ, пропалъ. Искали работника въ огородѣ, въ овинѣ, въ пунѣ, въ березнякѣ, вплоть до самой рѣки, и нигдѣ не нашли. Народъ открещивался отъ мысли, что парень, можетъ быть, самъ покончилъ съ собой, а единственное, что оставалось кромѣ того, — то-есть, что онъ опять убѣжалъ къ отцу,—представлялось крайне невѣроятнымъ. Болѣе всѣхъ встревоженъ былъ самъ хозяинъ, совѣсть котораго рисовала доносъ судебнымъ властямъ или слѣдствіе о прибитомъ водою гдѣ-нибудь недалеко на берегу утопленникѣ. Мрачный и озабоченный новыми хлопотами по дѣлу, которое онъ считалъ уже конченымъ, онъ, однако, отправился самъ на станцію и послалъ немедлено верхового въ Акуловку, справиться, не видали ли тамъ Илью, и въ случаѣ, если тамъ ничего не знаютъ о немъ, проѣхать оттуда въ Величково, къ старшинѣ и увѣдомить его о

случившемся. Къ полудню, посланный возвратился безъ всякаго результата. Въ деревнѣ не знають, молъ, ничего, а старшину не видѣлъ и вмѣсто него сказалъ писарю.

— Что же онъ?

— Да ничего; говорить: „дамъ знать"... Иванъ Антипычъ вечоръ еще въ городъ уѣхали.

— А еще что-нибудь говорилъ?

— Еще говорить: переложили, молъ, давеча перцу-то... Не нажить бы хлопотъ.

Справлялись въ другихъ деревняхъ, поближе, и въ городѣ: — на почтовомъ дворѣ, въ кабакахъ... ни слуху, ни духу. Два дня прошло послѣ этого безъ малѣйшихъ вѣстей, — работникъ пропалъ безслѣдно.

Былъ ужъ канунъ Ильинскаго праздника, и Неплѣскинъ, удившій рыбу на мельницѣ, въ двухъ верстахъ отъ дома, подъ вечеръ возвращался оттуда знакомой тропой. Кругомъ становилось темно и въ перелѣскахъ, по низкимъ мѣстамъ стлался уже ночной туманъ. Онъ шелъ задумавшись, и предметомъ мыслей его была судьба пропавшаго, въ которой онъ чувствовалъ и себя не-совсѣмъ безгрѣшнымъ; какъ вдругъ, на пути его, въ двадцати шагахъ, изъ чащи олешника выдѣлилась человѣческая фигура. Она стояла такъ неподвижно, что издали ее трудно было замѣтить; но что-то знакомое остановило на ней вниманіе подходящаго и онъ скоро узналъ акуловскаго работника.

— Ильюха?—произнесъ онъ въ недоумѣньи, подходя.

— Я, баринъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь?

— Да что дѣлать-то? Худы мои дѣла, вотъ что! Самъ видишь: какъ звѣрь, днемъ прячусь въ лѣсу, а ночью брожу.

И онъ стоялъ, повѣсивъ голову, опустивъ руки. Волосы его были всклочены, одежа изорвана и въ грязи.

— Но ты же не звѣрь, чтобы такъ жить; да и что толку? Ты пропадешь тутъ съ голоду и нужды, или тебя найдутъ и, понятно, опять не похвалятъ. Вернись лучше самъ. Пойдемъ; мы съ женой ужъ какъ-нибудь уломаемъ Терентья Степаныча, чтобы онъ забылъ все старое... Скажемъ, что ты былъ боленъ послѣ расправы и пролежалъ это время гдѣ-нибудь...

— Не, баринъ; незачѣмъ мнѣ теперь туда... А только сдается, не даромъ свелъ насъ Господь въ такую пору... Баринъ! голубчикъ! великая у меня просьба въ тебѣ и къ твоей Авдотьюшкѣ. Добрые вы, хорошіе! будьте милосливы, не оставьте вы безъ

меня моего старика, въ Акуловкѣ!..—И онъ поклонился въ ноги Неплѣскину.

Тотъ разумѣется обѣщалъ, но всѣ попытки его добиться отъ парня, что онъ намѣренъ съ собою дѣлать, были напрасны и онъ воротился, ломая голову надъ печальной загадкой.

— Боюсь, не сдѣлалъ бы онъ чего надъ тятенькой,—говорила Дуня, услышавъ объ этой встрѣчѣ; но мужъ успокоилъ ее, замѣтивъ, что этого рода расплата не въ нравахъ русскаго мужика.

На другой день, все Вытягово отправилось за три версты, въ приходскую церковь; дома остался только одинъ Пафредотъ. Святой оказался вѣренъ своей привычкѣ и ночью уже гремѣло, но безъ дождя, а къ утру задулъ сухой, горячій вѣтеръ, крутя по дорогѣ столбами пыль. Въ тѣсной, биткомъ набитой церкви, невзирая на настежъ открытыя двери, стояла едва выносимая духота. Дымъ ладона, чадъ отъ свѣчей, и множество раскраснѣвшихся, загорѣлыхъ лицъ въ поту... Къ концу обѣдни сверкнуло и грянулъ тяжелый раскатъ. Народъ крестясь оглядывался на дверь; но затворить ее за толпою, которыя напирала снаружи, не было никакой возможности. Тѣмъ временемъ на дворѣ стемнѣло и въ окна забарабанилъ дождь. Вторая молнія озарила всю церковь и вслѣдъ за нею, безъ промежутка, раздался такой ударъ, что стекла задребезжали...

Немного спустя, на паперти началась какая-то суматоха. Люди шептались, тревожно указывая другъ другу на что-то происходившее за стѣнами храма, и взоры непогруженныхъ въ молитву начали обращаться въ другую сторону. Еще немного,—стали слышны тревожные голоса.—Въ Заполье, надо быть?—Не, не въ Заполье, голубушка, ближе.—Видно святой прогнѣвался! —Ахти! Ахти! во какъ!.. И вдругъ, уже въ самой церкви, кто-то произнесъ внятно:—Вытягово горитъ!..

Мироновъ вздрогнулъ и блѣдный, какъ полотно, направился торопливо протискиваясь къ дверямъ. За нимъ растерянныя и испуганныя,—Дуня съ ребенкомъ, и Анна Марковна. Народъ, поглядывая на Дуню съ жалостью, разступался у нихъ на пути.

— И съ младенцемъ еще! Гляди-ка: съ младенцемъ! Господи Іисусе Христе, спаси и помилуй!—слышался сострадательный женскій шопотъ... Съ паперти, они увидали на небосклонѣ густой, разстилающійся по-вѣтру столбъ дыма, снизу котораго взлизывали порою красные языки.

Крестясь, Терентій Степанычъ взглянулъ на эту картину и сердце его упало. Меньше, чѣмъ кто-нибудь, онъ способенъ былъ усомниться, что это горитъ дѣйствительно его Вытягово.

— Куда?—спросилъ онъ замѣтивъ хьатавшуюся безсмысленно за рукавъ его дочь.—Оставайся тутъ, съ Анной Марковной, у попа... Гдѣ мужъ?

Неплёскина и двоихъ работниковъ отыскали на паперти; третій былъ недалеко.

— Отцы родные!—сказалъ Мироновъ, низко кланяясь на всѣ стороны:—Не покиньте въ бѣдѣ!

Но Мухи, хотя большинство ихъ, по-христіански, и сострадали ближнему своему Пауку, понятно не торопились лѣзть за него въ огонь... Телега тройкою подкатила къ паперти... Всѣ Вытяговскіе, и съ ними хозяинъ, самъ пять, вскочили въ нее. — Гайда! — раздался его озлобленный крикъ и они понеслись вскачь, одѣтые облакомъ пыли.

Надежда еще оставалась на ливень; но дождь, который накрапывалъ, разогнало и вѣтеръ въ лѣсу шумѣлъ, сгибая верхи деревъ... Картина, открывшаяся глазамъ, когда они выскакали на оржаное поле, вырвала общій крикъ ужаса. Усадьба, все отъ хозяйскаго дома вплоть до овина, пылала и по-вѣтру отъ нея разстилалась далеко черная туча дыма, съ вихремъ огня и искръ. Трудно было и разглядѣть тамъ что-нибудь, до того все слилось въ какую-то вакханалію дикихъ стихій, одержавшихъ побѣду надъ человѣкомъ. Шагахъ въ сорока отъ воротъ, они обогнали стадо, бѣжавшее, какъ не трудно было понять, отъ грозы, но испуганное вблизи огнемъ. Толпясь у сломанной изгороди, скотина ревѣла, а потерявшій голову мальчикъ пастухъ и его помощница, маленькая дѣвочка, боясь, чтобы паства ихъ не попала въ рожь, усердно гнали ее въ огонь.

— Куда вы, черти?—сказалъ хозяинъ, соскакивая.—Гони назадъ!.. Гей! Пофредотъ! Пофредотъ!..

Далѣе ѣхать нельзя было. Кони, фыркая и прядя ушами, остановились въ упоръ; да и было съ чего. Какъ разъ, за самыми воротами, горѣлъ сарай.

— Пофредотъ! — вопилъ въ отчаяніи Мироновъ; но никакого отвѣта не было; только собаки, выбѣжавшія на встрѣчу, выли... Тогда, оставивъ одного ямщика съ лошадьми, онъ кинулся, съ зятемъ и съ остальными впередъ, въ стоявшія настежь отворенными ворота.

Съ трудомъ миновавъ два-три пылающія строенія, они проскользнули-таки на дворъ. Передъ ними хозяйскій домъ горѣлъ, какъ одинъ громадный костеръ. Съ рѣшительностью спасти, если еще не поздно, хотя бы одинъ свой завѣтный сундукъ, Мироновъ кинулся на крыльцо, въ открытыя настежь двери; но прямо

на встрѣчу ему, изъ сѣней, пахнуло огнемъ и опаленный, почти обезумѣвъ отъ жару и дыму, несчастный едва убрался назадъ ползкомъ. На крыльцѣ его подхватили и вытащили... Тогда только ему стало ясно, что никакія силы и способы въ мірѣ не въ состояніи уже не только остановить огонь, но даже и вырвать изъ пасти его хоть что-нибудь цѣнное. Опамятовавшись, онъ обернулся; чтобы взглянуть еще разъ на домъ, гдѣ погибало столько нажитаго всякою правдою и неправдой добра, и зарыдавъ ударился о земь.

Дымъ, застилавшій минутами, все душилъ ихъ, и на дворѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ пылающими постройками, было жарко, какъ въ русской печи, когда хозяйка ставитъ въ нее пирогъ. Чтобъ выйти скорѣй за черту пожара, работники бросились въ огородъ; за ними Неплёскинъ тащилъ, ухвативъ въ охабку, рвавшаго на себѣ одежу и волосы старика... Вдругъ, кто-то изъ двухъ переднихъ остановился.

— Эхе, братъ! Гляди-ка!—и онъ указалъ въ грядѣ капусты что-то блестящее. Это было разбитое, небольшое туалетное зеркало Дуни, которое мужъ ея сразу узналъ. Очевидно, кто-то былъ ранѣе ихъ на пожарѣ и пытался не безъ успѣха спасти что попало подъ руку. Стали искать и тогда только увидали, неподалеку, въ кустахъ, мѣстами раскиданный въ безпорядкѣ, мѣстами наваленный въ груду, разнаго рода домашній скарбъ. Неплёскина поразило при этомъ одно: почти всѣ вещи, которыя попадались ему на глаза, были сверху, изъ кабинета его и изъ спальни жены. Ея сундуки съ нарядами и другими остатками городского величія найдены были то же тутъ, и отъ нихъ, къ калиткѣ, между грядами рыхлой земли, замѣтны были глубокія борозды, заставлявшія думать, что ихъ не несли на себѣ, а вѣроятно найдя черезъ-чуръ тяжелыми, волокли. Но слѣдующее открытіе, сдѣланное Алехой, было еще интереснѣе.

— Ой лихо, братцы!—заголосилъ работникъ, наткнувшись на что-то.—Покойника тутъ нашелъ!

И дѣйствительно, у плетня, въ высокой, сорной травѣ, лежалъ пластомъ стражъ дома, старикъ Пофредотъ.

Стали его осматривать... Оказалось, что онъ не болѣе, какъ мертвецки пьянъ.

XII.

Вслѣдъ за прибывшими началъ сбѣгаться, со станціи и изъ ближайшихъ селеній, оставшійся тамъ народъ. Съ помощью его, Миронову, скоро оправившемуся отъ перваго потрясенія, удалось отстоять кое-что не безнадежно охваченное огнемъ. Это былъ скотный дворъ съ прилегающею къ нему семейной избой. Вся остальная усадьба сгорѣла до основанія, и не раньше, какъ къ вечеру, ливень успѣлъ загасить догорающіе костры. Спасенное неизвѣстною рукою добро къ тому времени перетаскано уже было въ избу; но хозяинъ напрасно искалъ между нимъ сундука, стоявшаго у него подъ постелью; изъ нижняго этажа, гдѣ онъ жилъ, нашлись только два шандала, укладка, принадлежавшая Аннѣ Марковнѣ, нѣсколько образовъ въ серебряныхъ ризахъ, да самоваръ. Пьяный батракъ былъ положенъ въ сѣняхъ и что съ нимъ ни дѣлали, чтобы привесть его въ чувство, все оставалось напрасно. Естественно приходило на мысль, что онъ не по собственному почину такъ нализался; но въ этотъ вечеръ всѣмъ было не до того. Неплескинъ, тушившій огонь и таскавшій вещи своими руками, когда работа была окончена, укатилъ къ своимъ и къ ночи, изъ Ольхина, отъ него пришло извѣстіе, что онъ съ Дунею и съ ребенкомъ тамъ, а Анна Марковна у попа.

Въ сумерки, наконецъ чужой народъ разошелся; свои работники, бабы и дѣти, вернувшись изъ церкви, спали уже давно въ повалку въ избѣ, загроможденной всякаго рода движимостью. Мироновъ одинъ не спалъ... Всю ночь, на-пролетъ, не смыкая глазъ, онъ думалъ то объ огнѣ, оставившемъ его безъ пріюта и безъ копѣйки въ рукахъ, то о невыясненныхъ еще причинахъ пожара и о другихъ, невольно припоминающихся въ связи съ нимъ, загадочныхъ обстоятельствахъ. Потери его были несмѣтны, но онъ смотрѣлъ имъ прямо въ глаза и никакое горе не въ силахъ было сломить въ его сердцѣ той стойкой рѣшимости, съ которою этотъ воитель создалъ уже себѣ однажды, изъ ничего, достатокъ, почетъ и власть. Старъ онъ былъ, разумѣется, чтобы теперь начинать все съизнова; но не все же вѣдь и пропало... И вотъ онъ высчитывалъ, чего стоитъ его земля и какія деньги онъ можетъ выручить, если теперь продать, ну положимъ хоть половину ее;—и что принесетъ ему жатва;—и сколько надо занять немедленно, чтобы окончить, какъ слѣдуетъ, въ этомъ году, полевыя работы;—и какіе проценты съ него сдерутъ?.. Но и это еще не все. Овинъ и амбары его сгорѣли; необходимо хоть какъ

нибудь да обстроиться; но на это опять нужны деньги и деньги; гдѣ ихъ взять? Продать развѣ жатву, всю на корню? Но разбойники (теперь они стали сразу разбойниками въ его глазахъ) городскіе купцы прижмутъ его на цѣнѣ. И онъ прикидывалъ уже мысленно, сколько онъ самъ, въ подобномъ случаѣ, счелъ бы не только возможнымъ, но и вполнѣ справедливымъ, урвать у своего сосѣда въ бѣдѣ...

Солнце застало его на развалинахъ дома, мѣстами еще курившихся. Чорный, какъ трубочистъ, онъ рылся съ какимъ-то остервенѣніемъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ, по его разсчету, должна была находиться его кровать и подъ нею завѣтный сундукъ. Но какъ разъ на томъ самомъ мѣстѣ потухшія головни и пепелъ, смѣшанный съ мусоромъ, возвышались горой; простой только трудъ разрыть эту гору требовалъ очевидно дружныхъ усилій не одного десятка рабочихъ рукъ. Да и чего искать тамъ, когда подъ ногами его, въ золѣ, валялись еще неостывшіе сплавки мѣди, въ которыхъ не трудно было узнать дверныя ручки и прочій приборъ? Какой незаколдованный, деревянный сундукъ способенъ былъ уцѣлѣть въ такомъ адскомъ огнѣ?..

Топотъ копытъ въ воротахъ и громкіе голоса заставили его воротиться къ избѣ. Это былъ старшина съ тревожнымъ извѣстіемъ, что Ларіонъ Михайловичъ (становой) будетъ слѣдомъ за нимъ и съ вопросами, на которые онъ не зналъ, что̀ ему отвѣчать. Вдвоемъ они принялись за единственнаго свидѣтеля, отъ котораго предстояла надежда узнать что-нибудь; но старикъ съ перепою едва стоялъ на ногахъ и допросъ, вынуждавшій его къ нелегкому мысленному усилію, былъ для него настоящей пыткой.—„Отцы родные! — молилъ онъ. — Ужъ лучше выдерите потомъ, да только оставьте теперь въ покоѣ! Не помню я ничего, акромѣ, что дюже былъ пьянъ!..“ Но строгій видъ старшины и угрозы его согнать со свѣта бездѣльника, вмѣстѣ съ чаркой вина, которою догадались опохмѣлить несчастнаго, наконецъ развязали ему языкъ.

Вздыхая и охая и слезясь, онъ разсказалъ, что по случаю праздника спозаранку былъ выпивши, а когда остался одинъ, то хватилъ еще добрымъ порядкомъ и обо всемъ, что̀ послѣ происходило, припоминаетъ теперь, какъ сквозь сонъ. А случилось вотъ что: приходитъ къ нему въ избу Ильюха:—Здорово, молъ, братецъ?—Здорово!—Ты здѣсь одинъ,—говоритъ?—Одинъ.—Ну такъ давай моего святого справлять; и поставилъ на столъ полуштофъ... Когда они его выпили, онъ опять-таки не припомнитъ, по той причинѣ, что очень уже охмѣлѣлъ; но помнитъ,

какъ парень ходилъ въ огородъ и принесъ съ собой огурцовъ; и какъ они увидали въ окошко дымъ.

— Ильюха-то высунулся и говоритъ: „Никакъ молъ на кухнѣ забыли огонь потушить"; и выбѣжалъ; я за нимъ, да дальше-то и не помню.

— А какъ ты попалъ въ огородъ?

— Не помню, Терентій Степановичъ, батюшка!

— И гдѣ сперва загорѣлось?.. Кто вещи изъ дома таскалъ?

— Какъ есть ничего не помню, отецъ родной!

— Ну, братъ,—сказалъ старшина:—хорошо, какъ сказкѣ твоей повѣрятъ. А то гляди не пришлось бы тебѣ другую подсочинять! На глазахъ у тебя разбойникъ пустилъ хозяину краснаго пѣтуха; а ты вотъ видишь ли, такъ и повѣрилъ, что онъ пришёлъ съ тобою пророка справлять!.. И память-то у тебя покладливая! Какъ водку пилъ, помнишь; а какъ усадьба сгорѣла надъ головой—ни, ни! все вылетѣло въ хмѣлю!.. Ну, вотъ постой, пріѣдетъ Ларіонъ Михайловичъ; онъ разберетъ!

Батракъ, весь дрожа отъ страха и призывая Бога въ свидѣтели, повалился въ ноги.

Къ полудню пріѣхалъ и становой; да не одинъ. За нимъ, въ почтовой телегѣ, сотскій привезъ Илью. Парень самъ по-утру явился съ жалобою на старшину, который, въ угоду пріятелю, отодралъ его безъ суда. Начальство, слыхавшее уже кое-что о Вытяговскомъ несчастіи, но не знавшее еще, гдѣ Илья отпраздновалъ своего святого, безъ всякихъ разспросовъ сказало: „ладно", и взяло его на всякій случай съ собою на слѣдствіе. Оно началось съ того, что несчастнаго оробѣвшаго старика заставили повторить свое показаніе; а потомъ уже принялись за Илью.

—„Илья Михѣевъ—отданъ Акуловскимъ сельскимъ обществомъ въ заработки въ Вытяговскую усадьбу владѣльцу оной, Терентью Миронову",—читалъ пропуская лишнее становой, бѣлокурый, худой и желчный на видъ мужчина лѣтъ подъ сорокъ: —Ты?—спросилъ онъ, поднявъ глаза на работника.

— Я, ваше высокородіе.

— Слыхали мы, братъ, о тебѣ...—И обратясь къ старшинѣ: —Онъ самый значитъ, черезъ котораго ложные слухи о новой волѣ пошли тутъ, между рабочими?

— Онъ самый, Ларіонъ Михайлычъ.

— И сверхъ того, первый, подавшій тутъ въ Вытяговѣ примѣръ ослушанія, за что и былъ въ свое время наказанъ; но на другой день снова ушелъ?.. Хе, хе, братъ, да о тебѣ, какъ вижу, имѣется уже не маленькій послужной списокъ!.. Ну, хорошо; а

теперь скажи: что это тебѣ вздумалось праздновать свои именины тутъ въ Вытяговѣ?

Парень молчалъ.

— Да ты чего волкомъ-то смотришь? Я честью спрашиваю, такъ ты честью отвѣчай.

— Нече мнѣ отвѣчать вамъ, Ларіонъ Михалычъ,—сказалъ Илья:—а только думается, какъ еслибы вашей милости довелось просидѣть трое сутокъ въ лѣсу, такъ и вамъ бы пришла охота, въ праздникъ, зайти куда ни на есть въ жилье и съ людьми подъ кровлею отдохнуть.

— Понятно... Да ты зачѣмъ же въ лѣсу-то прятался?

Парень весь вспыхнулъ и съ языка у него сорвался неосторожный отвѣтъ.—Зачѣмъ,—отвѣчалъ онъ, сверкнувъ глазами:—про то у меня на спинѣ написано! Лютъ я былъ на хозяина за его надо мной надругательство и боялся, какъ бы не сдѣлать чего надъ нимъ. Потому и не смѣлъ вернуться въ усадьбу.

— Записать бы, Ларіонъ Михайлычъ?—шепнулъ молодой, бѣлобрысый писарь.

Тотъ кивнулъ утвердительно головой, и обращаясь опять къ Ильѣ:—Ну, хорошо, разсказывай: какъ же вы тутъ пировали?

— Извѣстно ужъ какъ. Хозяина дома не было; вижу, старикъ одинъ; ну мы и выпили съ нимъ маленько.

— Да, такъ маленько, что онъ цѣлые сутки потомъ лежалъ безъ чувствъ!.. Ну, а иллюминацію, въ честь твоего святого, кто зажигалъ?

— Огонь-то?—отвѣчалъ парень, повидимому, спокойно.—Да Богъ его вѣдаетъ... Надо быть громомъ попало; а либо въ стряпущей трубу позабыли закрыть и изъ печки выдуло... Сижу это я со старикомъ, вижу дымъ; а въ усадьбѣ, опричь насъ двоихъ, ни души. „Смотри, — говорю: — ужъ не пожаръ ли?..“ А онъ былъ съ утра еще дюже хмѣленъ, сталъ подниматься изъ-за стола, упалъ. Такъ и выбѣжалъ я безъ него, одинъ, съ своими двумя руками, на дворъ. Гляжу: вся чорная половина дома горитъ... Струсилъ я крѣпко въ ту пору, по той причинѣ—одинъ. Туши—не туши теперь, думаю: все равно, ничего не подѣлаешь; такъ ужъ лучше, покуда время, вытащу, что успѣю, на дворъ... Ну и бросился я на верхъ въ господскія, чистыя горницы, выбилъ тамъ два окна и повыбросалъ въ нихъ, что успѣлъ; да на силу потомъ и самъ-то ноги унесъ;—весь пережегся... вонъ!.. И онъ протянулъ свои, мѣстами дѣйствительно обожженыя руки.

Все остальное не трудно было и безъ него понять. По его словамъ, когда онъ выбрался изъ дому, сильный вихорь разме-

[illegible]

Тотъ отвѣчалъ коротко, что причины ему неизвѣстны. Тогда становой прочелъ ему главныя показанія и спросилъ: не раздѣляетъ ли онъ подозрѣнія, высказаннаго Мироновымъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ, подумавъ.—Парень имѣлъ, конечно, личные счеты съ хозяиномъ, такъ какъ, по требованію его, былъ жестоко и совершенно несправедливо наказанъ; но трудно представить себѣ, чтобы сдѣлавъ такое дѣло, онъ самъ отдался въ руки полиціи.

— Почему же?

— Да потому, вотъ видите ли, что это была бы дерзость знакомаго хорошо съ уголовщиной и увѣреннаго въ безнаказанности злодѣя. А ужъ такой, конечно, съумѣлъ бы иначе схоронить концы. Какой идіотъ пойдетъ поджигать среди бѣлаго дня и почти на глазахъ у домового сторожа?

— Но онъ напоилъ его до безпамятства.

— Нѣтъ; изъ того, что̀ сторожъ показываетъ, напротивъ, ясно, что этотъ послѣдній былъ уже ранѣе пьянъ, такъ что довольно было немногаго, чтобы совсѣмъ его уложить. Но я васъ спрашиваю, можно ли было на это разсчитывать?.. Еще мудренѣе предположить, чтобы время, когда стоявшіе у обѣдни должны были воротиться въ усадьбу, было такъ аккуратно, минута въ минуту, разсчитано. Служба уже подходила къ концу, когда съ паперти увидали пожаръ. Чего же онъ ожидалъ такъ долго? Чтобы его застали на дѣлѣ, или чтобы старикъ свалился мертвецки пьяный? Но было гораздо болѣе шансовъ дождаться перваго...

— Напрасно вы такъ за него стараетесь,—перебилъ становой.—То, что̀ мнѣ нужно отъ васъ, касается болѣе васъ самихъ, чѣмъ его... И помолчавъ:—Какъ вамъ извѣстно, въ уѣздѣ у насъ нынѣшнимъ лѣтомъ не разъ уже замѣчены случаи безпорядковъ между рабочими. Это естественно стало предметомъ особеннаго вниманія со стороны уѣздной полиціи, и негласнымъ дознаніемъ обнаружено, что одною изъ главныхъ причинъ были слухи, распространявшіеся изъ Вытягова. Къ несчастію, наши свѣденія указываютъ на васъ.

— Вранье!—произнесъ Неплёскинъ, хмурясь и пожимая плечами.

— Ну да, положимъ... Отъ мужика дѣйствительно не добьешься, что̀ собственно ему сказано и что̀ онъ, по своему невѣжеству, самъ напуталъ или присочинилъ. Но вы понимаете, что если вранье ведетъ къ безпорядкамъ, а безпорядки къ бунту, то мы не имѣемъ права смотрѣть на него какъ на пустяки, не заслуживающіе вниманія. Возьмите хоть то, напримѣръ, что въ Величковѣ, въ одинъ

этотъ мѣсяцъ, уже три раза драли за самовольный уходъ!.. А теперь вонъ пожаръ, и дѣло о немъ пойдетъ, безъ сомнѣнія, на судебное разбирательство. Совсѣмъ умолчать о васъ, стало быть, по такому тревожному времени, и при строгихъ инструкціяхъ свыше на этотъ счетъ, мы не можемъ. Но не желая дѣлать вамъ непріятностей безъ нужды, мы можемъ принять отъ васъ, косвеннымъ образомъ, всякое объясненіе, какое вы сами сочтете удобнымъ дать. Всего лучше воспользуйтесь настоящимъ случаемъ и представьте мнѣ, въ формѣ якобы вытребованнаго у васъ показанія, собственный вашъ отчетъ обо всемъ, что̀ вы слышали между вытяговскими рабочими. Я его покажу исправнику, и при извѣстныхъ условіяхъ, мы представимъ его куда слѣдуетъ съ одобрительнымъ отзывомъ.

— Если не ошибаюсь, — сказалъ Неплёскинъ, нѣсколько озадаченный: — вы предлагаете мнѣ въ свое оправданіе написать доносъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ съ усмѣшкою становой:—въ этомъ нѣтъ надобности, такъ какъ въ извѣстномъ смыслѣ мы уже имѣемъ доносъ, и весьма удобный для васъ. Къ счастію вашему, старшина и тесть вашъ прямо указываютъ намъ на Илью Михѣева, какъ на единственнаго виновника ложныхъ слуховъ и коновода бунта. Сошлитесь просто на ихъ показаніе, а о себѣ скажите, что вы старались молъ вразумить заблудшихъ; но что они, по невѣжеству своему, толковали превратно ваши слова или что-нибудь въ этомъ родѣ... Въ подробности вамъ не нужно входить...

— Помилуйте! Да вѣдь это же ложь!

Тотъ вытаращилъ глаза.—Какъ ложь?

— Да такъ. Они на него наклепали самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Собственно говоря, вина его только въ томъ, что онъ волочился за молодою вдовушкою, что̀ хозяйничаетъ у тестя. Парень красивъ и женщина эта, тронутая его привязанностью, была къ нему снисходительна. Такъ, напримѣръ, не спросясь у хозяина, она отпустила его домой съ субботы до понедѣльника. А онъ пробылъ до четверга... Вотъ вамъ и все его преступленіе... И за это его не только выдрали, такъ что онъ цѣлый вечеръ потомъ лежалъ, а хотятъ и въ конецъ погубить.

Тотъ слушалъ съ холодно-недовѣрчивою усмѣшкой.

— Такъ ли-съ?—сказалъ онъ.

— Вы можете мнѣ не вѣрить; но если я дамъ вамъ свое показаніе о причинахъ того, что̀ вы называете бунтомъ, то я не могу умолчать о подобныхъ вещахъ.

— Какъ вамъ угодно,—сказалъ становой.—Только я вижу,

Иванъ Герасимовичъ, что вы человѣкъ не практическій и желалъ бы васъ остеречь. Послушайтесь моего совѣта: не рыцарствуйте. Михѣеву этому, за котораго вы такъ стоите, если, какъ я не сомнѣваюсь, его отправятъ на каторгу за поджогъ, все равно не надбавятъ уже ничего за такія, сравнительно говоря, бездѣлки, какъ это второстепенное обвиненіе. Ну и оставьте его за нимъ.

— Нѣтъ, не оставлю... И прежде всего потому, что считаю долгомъ своимъ указать настоящихъ виновниковъ. Это такіе люди какъ вашъ Величковскій старшина и мой почтеннѣйшій тесть,—ростовщики и грабители! Сами они, а не тѣ, которыхъ они дерутъ, виновники всѣхъ безпорядковъ, такъ какъ они закабаляютъ и разоряютъ народъ, ставятъ его въ такія условія, въ которыхъ даже скотина, еслибы она платила подати, не могла бы существовать. И жадность ихъ безгранична. Имъ мало уже двухъ, трехъ кабальныхъ, они заѣдаютъ цѣлыя сельскія общества; какъ напримѣръ, мой тесть заѣлъ Акуловку... Вы требуете порядка; а я у васъ спрашиваю: развѣ это порядокъ, чтобы какая-нибудь одна свинья жирѣла на счетъ двадцати семей, у которыхъ она отнимаетъ хлѣбъ? Дерите ихъ сколько угодно, переведите на ихъ спинѣ хоть весь березнякъ въ уѣздѣ, они не будутъ сидѣть спокойно, и между ними будутъ волненія, будутъ убійства и воровства, и поджоги и бунты... И все это будетъ дѣло тѣхъ, которымъ вы потакаете,—вы, подкупные сторожа благочинія!..

— Позвольте! позвольте! — сказалъ становой, уколотый до крови этой квалификаціей.—Какъ вы смѣете оскорблять должностное лицо, пріѣхавшее къ вамъ объясняться по службѣ?.. Ну, а если, оставивъ вѣжливости, я вамъ скажу, что вы бунтовщикъ, который живетъ тутъ въ уѣздѣ съ преступными цѣлями, и что я упеку васъ въ острогъ за подстрекательство къ безпорядкамъ путемъ возбужденія ненависти между сословіями?..

— Такъ чтожъ? Я приму это за угрозу, съ цѣлью выманить у меня подачку.

— Нѣтъ! это чортъ знаетъ что!—произнесъ тотъ, вскочивъ и задыхаясь отъ бѣшенства.

— Но я полагаю, что это не больше какъ шутка съ обѣихъ сторонъ,—прибавилъ Неплёскинъ, пытаясь смягчить немного дикость такой развязки.—Потому что вѣдь вы же не думаете серьезно меня обвинять въ подобныхъ грѣхахъ, какъ и я не думаю обвинять васъ лично въ подкупности. Я говорилъ вообще о полиціи, какъ и вы говорили, конечно, объ агитаторѣ, существующемъ болѣе въ вашемъ воображеніи. Еслибы вы не шутя считали меня бунтовщикомъ, живущимъ въ уѣздѣ съ преступными цѣлями, вы бы,

конечно, не предложили мнѣ дать показаніе, которое вы представите съ одобрительнымъ отзывомъ...

Сторожъ порядка, бѣжавшій уже изъ комнаты, остановился въ недоумѣніи.

...При извѣстныхъ условіяхъ,—договорилъ самъ не зная зачѣмъ Неплёскинъ.

Тотъ, какъ обвареный, вылетѣлъ на крыльцо, свирѣпымъ голосомъ кликнулъ кучера и, вскочивъ въ тарантасъ, укатилъ изъ Ольхина, не оглядываясь.

— Какое безумство! — воскликнулъ Петръ Иванычъ, узнавъ, чѣмъ кончилось объясненіе.

— А чтожъ мнѣ съ нимъ дѣлать? Не взятку же ему дать, чтобы онъ замялъ это дѣло! Чортъ его побери! Да еслибы я и хотѣлъ, то не изъ чего.

— Иванъ Герасимовичъ! Голубчикъ! Да ты рехнулся, право! Ну отклонилъ бы любезно его предложеніе. А за что же, — ну ты подумай:—за что ты его обругалъ?

— Да я, вотъ видишь ли, не имѣлъ намѣренія... Такъ, съ языка сорвалось...

— Такъ ты бы хоть извинился; не дорогого бы стоило.

— Я лучше сдѣлалъ; я обратилъ все въ шутку.

— Ну, другъ мой, послѣ того какъ вы успѣли ужъ поругаться, это была плохая шутка... Смотри, не нагадилъ бы онъ тебѣ.

— А пускай!.. Ну, засадятъ или сошлютъ... Ну, непріятно оно, конечно; да вѣдь покуда еще, Богъ милостивъ, не сижу и не сосланъ; чего же я буду заранѣше печалиться?.. Что оно возможно? Да мало ли что возможно?.. Я, братъ, еще въ походахъ выучился не думать о томъ, что̀ будетъ. Сегодня цѣлъ и здоровъ, ну и будетъ съ тебя.

Рано поутру, въ этотъ день, въ Мирковѣ, я получилъ нѣсколько строкъ отъ Петра Ивановича, съ краткимъ извѣстіемъ о случившемся и съ убѣдительною просьбою навѣстить ихъ немедленно, въ Ольхинѣ, куда я и поспѣлъ къ обѣду. Но передъ этимъ, догадываясь о неудобствахъ, съ которыми было бы связано, для обѣихъ сторонъ, слишкомъ долгое пребываніе погорѣльцевъ въ домѣ Ларисы Дмитріевны, и желая освободить ее отъ гостей, я заѣхалъ въ Неглинское и привезъ Неплёскинымъ приглашеніе отъ кузины тотчасъ же переѣхать въ ея село, гдѣ квартира, назначенная для нихъ, уже давно готова, и гдѣ она будетъ рада принять ихъ покуда какъ дорогихъ гостей. Узнавъ это, Дуня, выбѣжавшая на встрѣчу мнѣ первая, была такъ обрадована, что едва не прыгнула опять мнѣ на шею; но случай подобнаго рода

въ Мирковѣ, очевидно, не былъ еще забытъ, потому что она, покраснѣвъ, ограничилась крѣпкимъ рукопожатіемъ. За обѣдомъ и долго еще потомъ, то она, то мужъ, по просьбѣ моей, разсказывали о вытяговскихъ событіяхъ, и въ заключеніе, Петръ Иванычъ, перебиваемый часто и горячо пріятелемъ, описалъ мнѣ ссору послѣдняго съ становымъ. Дуня при этомъ вмѣшивалась и обвиняла мужа въ томъ, что онъ заварилъ всю эту кашу. Я, разумѣется, тоже не могъ его похвалить; но имѣя въ виду, что главный его обвинитель еще въ резервѣ, держалъ, хотя и не слишкомъ искренно, его сторону. Хозяйка одна сидѣла съ невозмутимымъ лицомъ и слушала насъ, повидимому, безстрастно. Минутами только, игравшая у нея на губахъ и знакомая мнѣ хорошо, язвительная усмѣшка свидѣтельствовала какъ безпощадно-строго женщина эта смотритъ на слабости и ошибки людей.

Я ночевалъ у нихъ и, какъ нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ, встрѣтилъ ее поутру одну. Это было въ саду, и она очевидно не прочь была поболтать безъ свидѣтелей. Послѣ того, какъ я увидѣлъ ее въ первый разъ, она пополнѣла, что̀, сообщая округлость ея чертамъ, заставляло ее смотрѣть вообще добрѣе и привлекательнѣе.

— Не знаю ужъ, какъ и благодарить васъ! — сказала она, протягивая мнѣ обѣ руки; но спохватясь, прибавила:—если только заботливость ваша не относилась больше къ моимъ гостямъ.

Я отвѣчалъ съ усмѣшкою, что я думалъ прежде всего о ней, хотя, конечно, и гости ея заслуживаютъ участія;—съ чѣмъ, разумѣется, трудно было не согласиться. Барыня только замѣтила мнѣ, что Неплёскины въ сущности ничего не теряютъ, — такъ какъ они и безъ этого не могли жить долѣе у отца; а ихъ собственность, кажется, спасена.

— То-есть мелкія вещи и сундуки. Но мебель, конечно, сгорѣла. Надо и такъ удивляться, какъ человѣкъ одинъ успѣлъ столько повытаскать.

— Да; если онъ не имѣлъ возможности сдѣлать это заблаговременно.

— Вы, значитъ, думаете,—сказалъ я:—что этотъ несчастный поджегъ усадьбу?

— Еще бы!.. Конечно, тотъ, кто его возбуждалъ противъ хозяина и кто самъ, по совѣсти, болѣе всѣхъ виноватъ въ случившемся, будетъ доказывать на судѣ его невинность и вѣроятно заставитъ опять нашихъ дамъ расплакаться; только меня-то ужъ онъ не увѣритъ.

— Не думаю,—отвѣчалъ я: — чтобы Ивану Герасимовичу,

на этотъ разъ, пришлось защищать кого-нибудь, кромѣ себя...—И видя ея недоумѣніе, я объяснилъ ей, что, разумѣется никому не придетъ на умъ преслѣдовать его, какъ подстрекателя за поджогъ; но что дѣла о безпорядкахъ, предшествовавшихъ пожару, теперь ужъ нельзя замять и что оно грозитъ ему крупными непріятностями, если не хуже.

— О! будьте спокойны, выпутается! Такіе люди топятъ только другихъ; а сами изъ всякой воды выходятъ сухи.

— Лариса Дмитріевна! — перебилъ я, не вытерпѣвъ.—Вы меня удивляете! Я понимаю, что человѣкъ этотъ почему-нибудь можетъ лично не нравиться. Его характеръ и образъ жизни, манеры и убѣжденія могутъ быть не по вкусу. Но обвинять его не шутя, что онъ топитъ кого-нибудь, самъ не рискуя лѣзть въ воду, право, это въ моихъ глазахъ такъ же непостижимо, какъ еслибы вы, напримѣръ, обвиняли бухгалтера, объясняющаго купцу его банкротство, что онъ подстрекаетъ его обокрасть или ограбить кого-нибудь. Что онъ бесѣдовалъ откровенно съ вытяговскими работниками о ихъ бѣдственномъ положеніи въ кабалѣ у тестя, это, быть можетъ, очень неосторожно; но допуская это, что́ же онъ могъ имъ сказать? Не могъ же онъ ихъ увѣрять, что они, насильно оторванные отъ дому и вынужденные работать на ростовщика, должны быть довольны своимъ положеніемъ?

— А позвольте узнать,—переспросила она:—что́ по вашему нужно для мужика, чтобы онъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ?

Я думалъ, не зная, что́ ей отвѣчать.

— Въ старыя времена, — продолжала она: — указывали на насъ, помѣщиковъ, какъ на тормазъ всему, и увѣряли, что воля сдѣлаетъ крѣпостныхъ счастливѣйшими людьми. Но вотъ, пресловутая воля ваша давно ужъ дана; а кому она послужила въ прокъ?.. Мироновымъ?.. Или ихъ мало еще?... Постойте, будетъ не меньше чѣмъ насъ, и будутъ богаче насъ... Я вамъ скажу, что́ нужно для мужика и безъ чего онъ не будетъ доволенъ. Покуда онъ подчиненъ кому-нибудь, нужно, чтобы никто не мѣшалъ ему грабить и всячески разорять хозяина. Но разъ онъ сорвался съ привязи, онъ не будетъ доволенъ, покуда ему не удастся сѣсть на шею всѣмъ остальнымъ и высосать изъ своихъ подневольныхъ всю кровь... Вотъ и подите, толкуйте съ ними, какъ ихъ устроить!..

XIII.

Пріютъ Натальи Ивановны,—первый починъ подобнаго рода въ нашемъ краю,—былъ открытъ, и Дуня съ мужемъ жили уже давно въ Неглинскомъ, когда состоялся судъ по обвиненію о поджогѣ въ Вытяговѣ. Уѣздная наша публика ожидала его съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, и, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, слухи о направленіи, которое принимаетъ дѣло, давая пищу жадному любопытству, служили неисчерпаемой тэмою всякаго рода толковъ и пересудовъ. Но не задолго до разбирательства, общему ожиданію потрясающаго эффекта былъ нанесенъ ударъ. Въ одно прекрасное утро, въ городѣ, съ быстротою молніи, распространилось извѣстіе, что виновный сознался. Слѣдствіемъ было выяснено, что хотя онъ и вынесъ изъ дома дѣйствительно очень много; но сдѣлалъ это не вслѣдъ за началомъ пожара, а раньше. Стали высчитывать, сколько времени необходимо было ему, чтобы повыбросать или спустить въ окно и потомъ стащить въ огородъ все спасенное имъ добро, начиная съ того момента, когда, по его показанію, значительная часть дома стояла уже въ огнѣ, а стало быть и пожаръ былъ видѣнъ съ паперти, —и безъ малаго до того, когда хозяинъ съ его домочадцами прискакали въ усадьбу,—и какъ ни усчитывали, все выходило уже никакъ не меньше получаса. Съ другой стороны, всѣ показанія были согласны, что между первой тревогой, начавшейся на паперти, и отъѣздомъ вытяговскихъ, не могло пройти болѣе трехъ минутъ. Оставалось поэтому допустить, что тройка почтовыхъ, какъ можно себѣ представить—несшаяся все время въ карьеръ, употребила около получаса, чтобы проскакать, по гладкой дорогѣ, какихъ-нибудь три версты разстоянія отъ погоста до Вытягова, тогда какъ даже почтовыя правила допускаютъ, въ лѣтнее время, обыкновенной, ровной ѣзды на разстояніи до 12-ти верстъ,—не болѣе часу!.. Итоги эти, какъ ни казались просты, послѣ того какъ они уже съ достовѣрностью были выяснены, потребовали, однако, двухъ мѣсяцевъ всякаго рода справокъ, разспросовъ, допросовъ, переписей и вычисленій,—не говоря ужъ объ очныхъ ставкахъ между свидѣтелями, безпрестанно противорѣчившими другъ другу. За то, когда слѣдствіе, разъ добившись до нихъ, поставило ихъ на видъ обвиняемому, этотъ послѣдній, видимо раньше не воображавшій себѣ, чтобы въ разсказѣ его могли быть отысканы этого рода несообразности, былъ до того пораженъ, что не могъ даже слова выговорить въ отвѣтъ, и блѣдный, какъ полотно, смотрѣлъ большими испуганными глазами на слѣдователя.

Два дня послѣ этого отъ него не могли ничего добиться;—на третій—онъ силился что-то сказать, но вмѣсто этого повалился въ ноги передъ Гриневичемъ, и послѣ двухъ-трехъ добродушныхъ вопросовъ со стороны послѣдняго, объявилъ, что онъ дольше не въ силахъ таить грѣха на душѣ. — „Не тревожьте, молъ, никого другого,—я сжегъ усадьбу".

Этимъ, однако, не удовольствовались, и ступившее, наконецъ, на твердую почву слѣдствіе продолжалось еще недѣли три. Искали усердно чего-нибудь, чтобы привлечь Неплёскина, если не въ качествѣ соучастника, то, по крайней мѣрѣ, какъ подстрекателя и единственное лицо, съ которымъ преступникъ видѣлся наканунѣ пожара и говорилъ. Что именно? было давно извѣстно изъ совершенно-согласнаго показанія обоихъ; но обвиненіе сильно подозрѣвало, что это не все, и что Неплёскину былъ извѣстенъ если не ясно-опредѣленный умыселъ бѣглеца, то, по крайней мѣрѣ, рѣшимость его отомстить хозяину и намекъ на способъ достичь своей цѣли. Многія обстоятельства косвенно подтверждали ту же догадку: — бесѣда съ работникомъ у плетня, передъ уходомъ Ильи, подмѣченная Мироновымъ,—деньги, переданныя ему, и даже самая просьба его не оставить отца, когда (по его показанію) его больше не будетъ здѣсь. Но слѣдствіе сильно подозрѣвало, что время и поводъ такого исчезновенія между ними были точнѣе опредѣлены... Далѣе шелъ вопросъ, почему спасенныя вещи оказывались почти безъ изъятія сверху, изъ помѣщенія Дуни съ мужемъ, тогда какъ внизу находился хозяйскій сундукъ, образа въ дорогихъ окладахъ и прочее? Отвѣтъ на это, пожалуй, былъ простъ и могъ ограничиться русской пословицей: „снявши голову по волосамъ не плачутъ". Сжигая усадьбу надъ головою хозяина, странно бы было спасать его деньги и прочую движимость; тогда какъ съ другой стороны, преступникъ, въ которомъ, какъ видно, еще не заглохли добрыя чувства, естественно могъ пожалѣть ни въ чемъ неповинную дочь и мужа ея. Но слѣдователь, разъ одержавъ блистательную побѣду, не видѣлъ нужды останавливаться изъ-за такихъ пустяковъ, и разыгравшаяся фантазія рисовала уже ему заранѣе условленный у Ильи съ Неплёскинымъ взломъ сундука, содержаніе котораго, безъ сомнѣнія, спрятано было по уговору гдѣ-нибудь, или передано съ рукъ на руки, тоже глухою ночью, гдѣ-нибудь недалеко отъ Ольхина, и такъ далѣе... Въ перспективѣ легко укладывался цѣлый романъ, во вкусѣ какого-нибудь Габоріо, сенсаціонный эффектъ котораго еще выигрывалъ въ смыслѣ таинственности и глубины, отъ случайно припутаннаго къ нему, якобы политическаго мотива. Чтобы

объяснить послѣдній, стоитъ только прибавить, что рядомъ съ слѣдствіемъ о поджогѣ производилось негласно еще и другое слѣдствіе о возмутительныхъ слухахъ, распространенныхъ между работниками и порожденныхъ ими волненіяхъ, нити которыхъ сосредоточивались, повидимому, въ рукахъ у того же загадочнаго лица... И вотъ, необузданному воображенію молодого слѣдователя рисовался уже агентъ подпольной шайки, съ фальшивымъ паспортомъ отставного поручика, путемъ поджога захватывающій необходимую для его преступныхъ цѣлей крупную сумму изъ сундука!.. Все, даже женитьба, служитъ ему орудіемъ и онъ ужъ почти у цѣли; но непредвидѣнная ошибка въ рѣшительную минуту разстраиваетъ всѣ планы его. Онъ не разсчелъ, да и какъ разсчесть? — что слѣдствіе будетъ въ рукахъ у такого, хотя, быть можетъ, еще и не слишкомъ опытнаго, но тѣмъ не менѣе геніальнаго сыщика, какъ этотъ будущій нашъ Лекокъ!..

Старикъ прокуроръ, въ пріятельскихъ разговорахъ, слегка подшучивалъ, разумѣется, надъ „Лекокомъ", но тѣмъ не менѣе предоставилъ ему неограниченную свободу доискиваться чего угодно и сколько угодно. Время, однако же, шло, не принося съ собою новыхъ открытій, и легкость, съ которой преслѣдуемый выпутывался изъ всѣхъ разставленныхъ для него сѣтей, его безпечность и хладнокровіе на допросахъ сводили съ ума молодого слѣдователя. Спѣша развязкой, онъ собирался уже, по выраженію принципала его, козырнуть; но какъ разъ около этого времени, прокуроръ сообщилъ „Лекоку" неоффиціальнымъ путемъ дошедшее до него внушеніе, которое охладило чувствительно его пылъ. Внушеніе это, по формѣ, не отличалось ничѣмъ отъ простого, дружескаго совѣта и состояло единственно въ томъ, чтобы не впутывать въ обвиненіе лицъ, противъ которыхъ нѣтъ несомнѣнныхъ уликъ, дабы не связывать, въ случаѣ ихъ публичнаго оправданія, руки высшей губернской администраціи... Это лишало судебное разбирательство, какъ увѣрялъ Гриневичъ, всякаго вкуса въ глазахъ просвѣщенныхъ людей.

— Какой человѣческій интересъ,—говорилъ онъ:—смотрѣть, какъ мы будемъ ломиться въ открытую дверь?

— Экъ, батюшка!—возразилъ ему прокуроръ:—не раскусили вы еще, какъ я вижу, нашей уѣздной публики! Что ей до насъ и до нашего интереса въ дѣлѣ? Въ глазахъ ея мы—чиновники, исполняющіе свою обязанность; а такихъ она видитъ вокругъ себя сотнями, каждый день. Но скажите ей, что по улицѣ проведутъ ручного медвѣдя, который помялъ бока своему вожаку, и она просидитъ у окна съ утра до вечера, чтобы только взгля-

нуть на такого звѣря, потому что въ глазахъ ея онъ, не взирая на звѣрство свое, герой; а героевъ ей рѣдко случается видѣть во-очію... Будьте спокойны, я вамъ ручаюсь, что интересу хватитъ на три такихъ помѣщенія какъ у насъ.

И онъ не ошибся. За два часа до разбирательства зала суда полна была такъ, что барьеръ, охранявшій ея оффиціальную часть, трещалъ, и дамамъ, въ надеждѣ на ихъ номерные билеты пріѣхавшимъ за пять минутъ, пришлось не безъ ущерба для ихъ туалета, локтей и прочаго, продираться сквозь городское мѣщанство, массой столпившееся у входа.

Фигура красиваго молодого парня, мотивы и обстоятельства совершеннаго имъ преступленья, видное мѣсто между которыми занимала любовь, сильно интриговали общество, барынь особенно, и сколько я могъ судить по числу знакомыхъ, съ которыми мнѣ довелось въ этотъ день раскланиваться, всѣ онѣ были тутъ. Кузина, пріѣхавшая со мной, сидѣла въ первомъ ряду, и лорнетъ ея неуклонно направленъ былъ на Илью все время, покуда не начался допросъ свидѣтелей. Усадивъ ее тамъ, я помѣнялся мѣстами съ одной знакомой ея, сидѣвшею позади, и занялъ мѣсто этой послѣдней возлѣ Ларисы Дмитріевны.

Защитникомъ подсудимаго былъ молодой человѣкъ изъ X***, почти никому неизвѣстный въ городѣ, и о которомъ я слышалъ только по поводу его совѣщаній съ Неплёскинымъ.

— Молодъ и не притравленъ еще какъ слѣдуетъ,—отзывался о немъ Иванъ Герасимовичъ:—но зубастъ.

Онъ говорилъ это уже послѣ того какъ Ильюха сознался, и когда я замѣтилъ ему, что теперь все равно, такъ какъ далѣе снисхожденія трудно чего-нибудь ожидать.—Какъ для кого,— отвѣчалъ онъ:—а по моему публика тутъ не посторонняя. Это собственный, кровный ея интересъ, и ей не мѣшаетъ знать, изъ-за чего у насъ иногда пропадаютъ люди.

— Вы, значитъ, учили его?—спросилъ я.

— Да; мнѣ, вотъ видите, не дадутъ говорить; а я бы имъ объяснилъ, кто тутъ дѣйствительно виноватый.

— Да вѣдь онъ тесть вамъ?

— Такъ чтожъ? Свидѣтель долженъ быть выше лицепріятія.

Допросъ свидѣтелей начинался съ потерпѣвшаго. Разсказывая о происшествіи, патріархъ былъ такъ взволнованъ, что голосъ его дрожалъ и онъ нѣсколько разъ утиралъ глаза. Но существенный интересъ его показанія былъ впереди. Послѣ короткихъ вопросовъ со стороны обвиненія относительно промежутка времени между первой тревогой, заставившей его уйти изъ церкви и прибытіемъ на пожаръ,—допросъ перешелъ къ защитнику.

Плотный, приземистый, бѣлокурый, дурно одѣтый юноша, съ грубоватой физіономіей, медленно поднялся и уставилъ пристальный взоръ на Миронова.

— Вы говорили,—началъ онъ, явственно выговаривая слова: —на другой же день послѣ пожара въ Вытяговѣ, на слѣдствіи, что вы знаете, чье это дѣло?.. Не можете ли вы объяснить суду: почему вы были такъ твердо въ этомъ увѣрены?

Терентій Степановъ молчалъ, въ замѣшательствѣ, очевидно стараясь взять въ толкъ, зачѣмъ у него это спрашиваютъ.

— Вы опасались, быть можетъ, уже давно, чтобъ вамъ не пустили „краснаго пѣтуха"?

— Нѣтъ, сударь, не опасался, по той причинѣ, что смирный я человѣкъ и въ жизнь свою никому отъ меня притѣсненія не было!

— Обращайте отвѣты ваши къ суду,—замѣтилъ ему предсѣдатель.

Мироновъ, сконфуженный, обернулся къ нему.

— Что же заставило васъ не только сказать съ увѣренностью, что у васъ былъ поджогъ, но тутъ же и указать на Михѣева?

Патріархъ глянулъ искоса на защитника и, помявшись, сталъ объяснять пространно свои соображенія.—Больно оно въ глаза уже лѣзло,—заключилъ онъ.—Ребенокъ и тотъ бы не усомнился.

— Вы намекаете, очевидно, что подсудимый имѣлъ причины вамъ мстить?.. Потрудитесь, пожалуйста, объяснить суду: какія?

Мироновъ мялся. Онъ къ этому времени уже смекнулъ, куда направленъ допросъ.

— Можетъ быть, между прочимъ то, что онъ былъ наказанъ по вашей жалобѣ?

— Да ужъ понятно, не безъ того.

— Но и другіе вѣдь, кромѣ него, были тоже наказаны... Или, быть можетъ, онъ былъ наказанъ строже другихъ? И вообще гораздо строже обыкновеннаго?.. Наказанъ въ дѣйствительности жестокимъ образомъ, такъ что едва дошелъ потомъ до усадьбы и легъ у воротъ... не пришелъ даже вмѣстѣ съ другими ужинать?...

— Не могу знать...

— То-есть, вы не желаете дать на счетъ этого показанія? Но для защиты оно и не важно. Фактъ истязанія подтвержденъ экспертизой и многочисленными свидѣтельствами, такъ что о немъ не можетъ быть спору. Желательно только, чтобы вы объяснили суду, чѣмъ подсудимый далъ поводъ къ такой безпощадной жестокости?

Отвѣчая на это, Мироновъ, не то съ разсчетомъ, не то по

привычкѣ, пріобрѣтенной во времена конфиденціальныхъ своихъ объясненій съ начальствомъ, понизилъ голосъ. Слышны были только слова, на которыхъ онъ дѣлалъ особое удареніе:—„безпорядки“, —„зачинщикъ“, и прочая. Но предсѣдатель остановилъ его замѣчаніемъ, обращеннымъ къ защитнику, что подобныя объясненія отъ свидѣтеля не нужны, такъ какъ не онъ распоряжался.

— Защита,—отвѣчалъ тотъ:—ихъ и не требуетъ. Потрудитесь намъ объяснить, свидѣтель,—продолжалъ онъ:—вашъ личный поводъ неудовольствія противъ Михѣева. Чтó именно вы, какъ хозяинъ, или иначе, имѣли противъ него?

Молчаніе.

— Вы заявили въ волости, что онъ бросилъ работу и отлучился безъ дозволенія?

— Такъ-съ.

— Извѣстно, однако, что онъ имѣлъ дозволеніе... Кто завѣдываетъ у васъ полевыми работами въ ваше отсутствіе?

— Старикъ у меня въ усадьбѣ живетъ,—отвѣчалъ Мироновъ, видимо затрудняясь:—батракъ...

— А кромѣ него?.. Въ усадьбѣ у васъ, съ тѣхъ поръ какъ вы выдали дочь вашу замужъ, живетъ вдова изъ духовнаго званія,—молодая женщина. Въ какой должности она у васъ состоитъ?

(Въ массѣ стоящей публики слышно сдержанное хихиканье).

— Въ ключницахъ,—отвѣчалъ съ достоинствомъ патріархъ.

— Ну а еще?

— Господинъ защитникъ,—остановилъ его предсѣдатель.— я васъ прошу ограничить допросъ вашъ сущностью дѣла.

Но человѣкъ, къ которому онъ обращался, видимо былъ не изъ робкихъ. — Прошу извиненія, — отвѣчалъ онъ. — То, чтó я спрашиваю, весьма существенно. Есть положительныя свидѣтельства, что подсудимый уволенъ былъ именно этою женщиной и что именно это ея вмѣшательство было причиной особеннаго неудовольствія со стороны хозяина. Спрашиваю же я только:— имѣла ли она на то право, формально ей предоставленное, или, на основаніи личныхъ своихъ отношеній къ свидѣтелю, думала, что она въ правѣ распоряжаться въ его отсутствіи?

Крупныя капли пота выступили на лбу у патріарха и онъ отеръ ихъ ситцевымъ, съ розовыми цвѣточками, носовымъ платкомъ.

— Никто, безъ меня, не властенъ,—отвѣчалъ онъ съ запинкою и пыхтя,—уволить отъ дѣла работника... А что баба воображаетъ себѣ, такъ объ эфтомъ, я полагаю, ее и спрашивать... Въ ключницахъ она у меня на дому... А по полевымъ работамъ я не держу прикащика...

Слѣдствіе, съ перерывомъ для отдыха, длилось отъ двухъ по полудни до девяти часовъ вечера; но у меня сохранились въ памяти только однѣ выдающіяся его черты.

На вопросъ о предвзятомъ намѣреніи Илья объяснилъ, что не имѣлъ его, когда пришелъ въ Вытягово; но что вино, къ которому онъ не привыкъ, разожгло ему злобу въ сердцѣ. Минуты, когда онъ рѣшился, не помнитъ ясно, по той причинѣ, что въ голову ему о ту пору ужъ стукнуло; но помнитъ, что, увидавъ старика совсѣмъ охмѣлѣвшимъ, ушелъ изъ избы уже съ умысломъ.

Спрошенный по тому же предмету батракъ подтвердилъ приблизительно прежнее свое показаніе, что съ утра еще былъ хмѣленъ и не помнитъ въ точности ничего, что было у нихъ съ Ильей; но что Илья кажись какъ будто бы тоже былъ во хмѣлю и дюже ругался, грозя, что когда-нибудь разочтется съ хозяиномъ.

Дуня, сконфуженная и раскраснѣвшаяся, отвѣчала безсвязно; но подтвердила въ сущности показанія мужа о встрѣчѣ его съ подсудимымъ въ лѣсу. Деньги дала потому, что ей жалко было работника, но о намѣреніи его опять уйти не знала еще тогда. На счетъ отношеній отца къ Аннѣ Марковнѣ наотрѣзъ отказалась отъ всякаго показанія.

Но молодая вдовушка, обозвавъ всѣ толки на счетъ своего поведенія мерзкими выдумками, отозвалась, однако же, храбро и на прямикъ, что Терентій Степановъ дѣйствительно ее ревновалъ къ Ильѣ и что глупость эта, насколько ей то извѣстно, была единственною причиною злобы Миронова противъ работника. Вызванная,—она кивнула ласково подсудимому, и во время допроса не разъ, съ нескрываемой жалостью, обращала глаза на Илью, который смотрѣлъ на нее, не смигнувъ, какимъ-то убитымъ взоромъ. Когда она, уходя, кивнула ему опять, двѣ крупныхъ слезы сверкнули и покатились по исхудалымъ его щекамъ.

Въ антрактѣ Лариса Дмитріевна угощала насъ пирожками съ мясомъ и бутербродами. Въ залѣ отдохновенія, впрочемъ, на этотъ разъ, для желающихъ были чай и зельтерская вода. Слѣдствіе подходило уже къ концу, когда предсѣдатель вызвалъ Неплёскина. Вопросы, предложенные ему со стороны обвиненія, были весьма коротки и незначительны. Его заставили повторить свой разсказъ о встрѣчѣ съ Ильей и о томъ, чему онъ былъ свидѣтелемъ по прибытіи на пожаръ. Онъ отвѣчалъ на все коротко и сдержанно. Но едва допросъ перешелъ къ защитнику, какъ черты его оживились и онъ обмѣнялся съ этимъ лицомъ значительнымъ взглядомъ.

— Свидѣтель,—произнесъ тотъ:—вы жили послѣднее время въ Вытяговѣ. Я попросилъ бы васъ объяснить суду обстоятельно,

что̀ вамъ извѣстно объ отношеніяхъ вашего родственника къ своимъ работникамъ, въ особенности же къ Ильѣ Михѣеву.

Въ залѣ суда наступила мертвая тишина. Весь городъ зналъ и любилъ своего оратора, не взирая на то, что слава его въ послѣднее время померкла.

Темное большинство, я увѣренъ, ждало и этотъ разъ, что вотъ онъ начнетъ блестящую рѣчь.

— Отношенія Вытяговскаго хозяина,—отвѣчалъ онъ спокойно:—къ крестьянамъ, отданнымъ ему за долги въ заработки, не имѣли въ себѣ ничего исключительнаго. Это своего рода промыселъ и онъ поступалъ, какъ всякій другой поступилъ бы въ подобныхъ случаяхъ. Онъ ихъ держалъ у себя, не скажу, какъ крѣпостныхъ на барщинѣ, такъ какъ барщина отнимала у мужика только извѣстные дни въ недѣлю, а какъ рабочій скотъ, у котораго нѣтъ ни семьи, ни своего хозяйства.

— Свидѣтель,—рѣзко остановилъ его предсѣдатель:—я васъ прошу воздерживаться отъ всякихъ намековъ на упраздненный порядокъ вещей и оставить въ покоѣ установившіеся въ крестьянскомъ быту обычаи. Судъ не нуждается въ вашей оцѣнкѣ экономическихъ отношеній. Объясните просто и коротко, что̀ вы видѣли въ Вытяговѣ.

— Да я именно это и видѣлъ въ Вытяговѣ. Я видѣлъ людей, оторванныхъ отъ своей семьи, отъ дому, отъ самыхъ необходимыхъ работъ на своихъ участкахъ и безотлучно закрѣпощенныхъ на цѣлое лѣто.

— Если вы будете такъ продолжать, то я удалю васъ изъ засѣданія.

— Судъ, очевидно, находитъ,—вмѣшался защитникъ:—что смыслъ экономическихъ отношеній вытяговскаго землевладѣльца къ своимъ рабочимъ достаточно разъясненъ. Если такъ, то и я считаю возможнымъ оставить этотъ печальный предметъ... И обращаясь къ Неплёскину:—разскажите, что̀ вамъ извѣстно дальше.

— Далѣе мнѣ извѣстно, что подсудимый не былъ не только зачинщикомъ, но и участникомъ безпорядковъ, произведенныхъ скопомъ. Онъ былъ уволенъ на воскресенье лицомъ, которое онъ считалъ уполномоченнымъ отъ хозяина, и ушелъ одинъ, не сговариваясь ни съ кѣмъ изъ товарищей, даже безъ вѣдома ихъ. Вина его только въ томъ, что онъ не вернулся въ обѣщанный срокъ.

— Что же могло такъ сильно озлобить противъ него хозяина?

Неплёскинъ, повидимому, не ожидавшій такого вопроса, смѣшался.

— Оставьте всякія родственныя соображенія,—увѣщевалъ

защитникъ:—и отвѣчайте правду. Зналъ г-нъ Мироновъ или не зналъ, какъ ничтожна въ дѣйствительности была вина подсудимаго?

— Трудно предположить, — отвѣчалъ Неплёскинъ, — чтобы такой заботливый и толковый хозяинъ способенъ былъ ошибиться на этотъ счетъ.

— Понятно. Но, можетъ быть, у него съ подсудимымъ были какіе-нибудь другіе личные счеты, которые онъ не желалъ объяснять старшинѣ?

Молчаніе.

— И что этого рода счеты замаскированы были сознательно ложнымъ съ его стороны обвиненіемъ въ подстрекательствѣ къ безпорядкамъ?

Онъ пристально посмотрѣлъ на Ивана Герасимовича; но тотъ опустилъ глаза и молчалъ.

— Если васъ затрудняетъ прямой отвѣтъ, то не сочтете ли вы возможнымъ, по меньшей мѣрѣ, хоть намекнуть суду: какого рода личные счеты могли быть у г-на Миронова съ подсудимымъ?

— Какъ членъ семьи,—отвѣчалъ Неплёскинъ,—я не считаю себя обязаннымъ отвѣчать на подобный вопросъ.

— А я прошу судъ,—возразилъ горячо защитникъ,—напомнить свидѣтелю, что онъ, по долгу и совѣсти, обязанъ показывать безъ утайки и лицепріятія все, что̀ ему извѣстно.

— Свидѣтель, вы слышите это напоминаніе?

— Я не нуждаюсь въ немъ, господинъ предсѣдатель. Я знаю самъ свои обязанности; но я знаю, кромѣ того, законъ, освобождающій близкаго родственника отъ показанія въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, гдѣ вопросъ касается обстоятельствъ, способныхъ, при ложномъ истолкованіи, бросить тѣнь на семейную честь.

— Вы не имѣете болѣе ничего спросить?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ защитникъ.

— Свидѣтель, вы можете удалиться.

— Какая наглая и безсовѣстная комедія!—гнѣвно шепнула моя сосѣдка.

— Вы думаете?

— А вы? Неужели вы не видите, что эти люди спѣлись и что они играютъ другъ другу въ руку?

Изъ остальныхъ свидѣтелей сильный эффектъ произвелъ старикъ, отецъ подсудимаго.

Дрожащимъ голосомъ онъ объяснилъ, что Ильюха остался на старости у него одинъ работникомъ и кормильцемъ.—Слабъ я, отцы родимые,—говорилъ онъ,—не помню ужъ, сколько годовъ и на свѣтѣ живу... Руки и ноги болятъ... Съ лежанки безъ по-

мощи слѣзть не могу... Не будь племянницы, сдохъ бы за лѣто, какъ звѣрь, что за старостью не способенъ пищу себѣ добыть.

На вопросъ защитника: былъ ли отпущенъ Илья домой съ тѣхъ поръ, какъ ушелъ на заработки, старикъ отвѣчалъ:—да, на Петровку и на Ивановъ день. А съ той поры до послѣдняго раза и духу его не слыхали въ Акуловкѣ... Тихій онъ у меня, порядливый,—продолжалъ бѣдняга слезливымъ голосомъ:—съизмала не было отъ него никому обиды, ни озорничества; въ дракахъ и пьянымъ никто не видалъ... Съ чего на него нашло такое, и въ толкъ не возьму... Ильюша! голубчикъ ты мой! Родной! Зарылъ бы ты прежде отца въ сырую землю!..

Я поглядѣлъ на свою сосѣдку. Она украдкою отирала глаза...

Было уже поздно; лампы давно горѣли въ судѣ, и всѣ мы устали до смерти, когда, послѣ новаго роздыха, начались судебныя пренія.

XIV.

Рѣчь прокурора была коротка и отличалась умѣренностью. Я приведу ее вкратцѣ.

Доказывать фактъ преступленія въ виду такого полнаго совпаденія выясненныхъ судебнымъ слѣдствіемъ обстоятельствъ съ собственнымъ показаніемъ подсудимаго, по его словамъ, было бы лишнее. Виновникъ дѣла, разъ уличенный въ неправдоподобіи первыхъ своихъ объясненій, чистосердечно сознался и тѣмъ значительно упростилъ задачу его обвинителя. Остается только одинъ вопросъ: въ какой мѣрѣ можно признать поступокъ его дѣломъ сознательнымъ и вмѣняемымъ? Но и тутъ существуютъ данныя, не оставляющія сомнѣнія, что подсудимый, въ день совершенія имъ преступленія, явился въ Вытягово уже съ рѣшимостью такъ или иначе отомстить хозяину. Самъ онъ, здѣсь на судѣ, показалъ, что будучи отуманенъ въ ту пору виномъ, къ которому не привыкъ, не помнитъ минуты, когда онъ рѣшился собственно на поджогъ, но онъ сознается, однако же, что пришелъ съ рѣшимостью отомстить вообще, и показаніе пьянствовавшаго съ нимъ сторожа подтверждаетъ это.—„Дюже ругался,—говоритъ онъ:—и грозилъ, что, дастъ Богъ, разочтется съ хозяиномъ". Сопоставляя это съ тѣмъ замѣчательнымъ обстоятельствомъ, что подсудимый, котораго съ молоду никогда не видали пьянымъ, приноситъ съ собой полуштофъ и пьетъ, не трудно уже прослѣдить съ достовѣрностью, что совершалось въ душѣ у этого человѣка. Онъ зналъ, разумѣется, раньше, что сторожъ долженъ остаться

одинъ въ усадьбѣ, и безъ сомнѣнія, выпилъ уже съ утра. Планъ напоить его окончательно, такъ, чтобы онъ не могъ уже послѣ ни помѣшать подсудимому, ни явиться свидѣтелемъ противъ него, поэтому очевиденъ. Весьма вѣроятно, однако, и то, что у трезваго еще не хватало дерзости на такое тяжелое преступленіе, какъ поджогъ. И вотъ, онъ ищетъ ее въ винѣ. Но и безъ этой, бросающейся въ глаза послѣдовательности во всѣхъ поступкахъ его, какъ отрицать обдуманный умыселъ у человѣка, повытаскавшаго изъ дома такую пропасть вещей, прежде чѣмъ сдѣлать послѣдній, роковой шагъ? Очевидно, онъ не былъ такъ отуманенъ ни злобою, ни виномъ, чтобы дойти до безпамятства. Онъ способенъ былъ вѣрно расчесть, что, однажды пустивъ хозяину краснаго пѣтуха, онъ не успѣетъ вмѣстѣ спасти вещей и убраться самъ во-время. И опять эта совѣстливость въ соединеніи съ самымъ предательскимъ умысломъ! Ни дочь, ни зять хозяина не причастны къ ссорѣ его съ послѣднимъ; напротивъ, они жалѣли его и дочь подарила даже ему изъ состраданія три рубля: не малыя деньги для человѣка безъ гроша и вынужденнаго скрываться въ лѣсу. За что же онъ ихъ разоритъ?.. И вотъ, онъ спускаетъ на поясѣ, изъ окна тяжелые сундуки, волочитъ ихъ въ огородъ, уноситъ туда же лежащаго замертво-пьянымъ въ семейной избѣ батрака, очевидно, разсчитывая, что ни кола въ усадьбѣ не уцѣлѣетъ. Спрашивается: чѣмъ объяснить это все? Но обвинитель далекъ отъ того, чтобы отрицать за преступникомъ обстоятельства, облегчающія вину. Безспорно онъ не успѣлъ еще заглушить въ себѣ окончательно добрыхъ чувствъ, и безспорно онъ былъ оскорбленъ наказаніемъ, превышавшимъ мѣру первоначальной его вины. Былъ онъ или не былъ зачинщикомъ безпорядковъ: это вопросъ, который мы здѣсь не призваны разбирать, такъ какъ, съ одной стороны, онъ не входитъ въ предѣлы нашего обвиненія, а съ другой—и данныхъ, чтобы рѣшить его съ достовѣрностью, мы не имѣемъ. Допустимъ, какъ это и вѣроятно, что не былъ, а что источникомъ злоумышленныхъ толковъ въ дѣйствительности служило другое лицо, пути и цѣли котораго до сихъ поръ не выяснены, все-таки это не оправданіе для такого ужаснаго самосуда и долгъ мой предостеречь васъ, господа присяжные, отъ одного изъ тѣхъ пагубныхъ заблужденій, къ которымъ часто ведетъ у насъ чувство естественной жалости. Строгость закона, какъ бы она ни казалась порою чрезмѣрна для сострадательныхъ душъ, должна быть чтима и охраняема, какъ единственный вѣрный оплотъ, защищающій вашу собственность, жизнь и честь отъ произвола страстей, не знающихъ сплошь и

рядомъ другой узды кромѣ страха, внушаемаго судомъ и наказаніемъ. Подумайте, чего будутъ стоить ваши усадьбы, овины, амбары, вашъ скотъ и запасы всякаго рода, обезпечивающіе вамъ вѣрное пользованіе плодами вашихъ трудовъ, если всякій, кто, основательно или нѣтъ, сочтетъ себя вами обиженнымъ, будетъ имѣть возможность, въ разсчетѣ на ваше мягкосердечіе, безнаказанно, среди бѣлаго дня, забраться къ вамъ въ домъ и подбросить охапку тлѣющаго тряпья вамъ подъ полъ или подъ крышу? Не есть ли такой поступокъ съ его стороны самый безчеловѣчно-жестокій судъ, какой только можно себѣ вообразить,—пристрастный и торопливый, не знающій никакого другого закона, кромѣ неумолимой злобы—судъ человѣка, въ собственномъ дѣлѣ не допускающаго и тѣни того снисхожденія, котораго онъ, попавшись, потомъ навѣрное будетъ ждать и даже требовать для себя"?..

Онъ говорилъ еще, въ этомъ смыслѣ, и кончилъ среди гробового молчанія. Рѣчь его, своею сдержанностію и разсудительностію, никого не удовлетворила.

— И вашимъ, и нашимъ,—отозвалась о ней ядовито Лариса Дмитріевна,—поклонъ на всѣ стороны и у всѣхъ просимъ прощенія, если не угодили.

Я былъ не согласенъ съ этимъ; но странно сказать, когда онъ кончилъ, мнѣ первый разъ пришло въ голову: ну а какъ оправдаютъ?.. Составъ присяжныхъ не обѣщалъ ничего заранѣе. Между ними были три купчика, нѣсколько мужиковъ, съ виду не изъ зажиточныхъ; остальные изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ и городского чиновничества: случайное сочетаніе единицъ безъ всякой опредѣленной физіономіи.

Рѣчь, обращенная къ нимъ, не взирая на перерывы со стороны предсѣдателя, приглашавшаго нѣсколько разъ защитника выражаться умѣреннѣе, сказана была съ необычайнымъ апломбомъ и поражала отвагой, съ которой она, бросая скромную почву защиты, переходила въ страстный и наступательный тонъ. Впослѣдствіи я узналъ, что программа ея составлена была съ помощію Неплѣскина, а особенно патетическія мѣста и заключенія принадлежали даже дословно ему.

Защитникъ началъ съ того, что очертилъ безпощадными красками личный характеръ и промыселъ вытяговскаго хозяина. Это былъ обвинительный актъ, по смыслу котораго самъ Мироновъ являлся истинною причиной всего. Для насъ,—говорилъ ораторъ,—не испытавшихъ въ жизни своей ничего подобнаго, трудно представить себѣ, что̀ долженъ чувствовать человѣкъ въ томъ положеніи, до какого послѣдовательно былъ доведенъ подсудимый; а все-таки, господа, я попрошу васъ сдѣлать усиліе и хотя на

минуту вообразить себѣ, что вы тамъ, на заработкахъ у человѣка, которому вы нужны, какъ лошадь, какъ волъ, и который не признаетъ въ васъ почти ничего человѣческаго. Какое дѣло ему, что у васъ, недалеко, есть домъ и семейство, гдѣ цѣлое лѣто уже ждутъ-недождутся вашего появленія, гдѣ ваше присутствіе, ваша помощь—вопросъ о жизни и смерти для остальныхъ? Деревня ваша въ долгу у него и вы отданы ему въ руки, какъ нѣкоторая, недостаточная уплата по счету, который за всѣмъ тѣмъ растетъ. Все время и трудъ вашъ принадлежатъ ему и онъ не уступитъ изъ нихъ ни на одну копѣйку изъ стоимости, хотя бы отъ этой копѣйки зависѣло счастіе и спокойствіе всѣхъ, кто вамъ дорогъ... И вотъ золотые іюльскіе дни уходятъ. Еще недѣля, и все, что возможно еще спасти тамъ, дома, потеряно невозвратно. Отчаяніе овладѣваетъ вами. Вамъ надо, во что бы ни стало, надо быть тамъ. Хозяинъ уѣхалъ на воскресенье; вы обращаетесь къ женщинѣ, приказывающей обыкновенно въ его отсутствіи, и она, сострадая вашей бѣдѣ, отпускаетъ васъ на свой страхъ. Къ несчастію женщина эта молода, вы тоже молоды и красивы; а онъ старикъ и ревнивъ. Ея снисхожденіе къ вамъ—въ глазахъ его ваша единственная, но непростительная вина. Скажемъ прямо, такъ какъ для всѣхъ здѣсь присутствующихъ, не взирая на недомолвки свидѣтелей, это давно уже ясно: парень любилъ горячо молодую женщину и она не могла не быть тронута этой привязанностью. Но какъ смѣлъ онъ, батракъ, стать поперегъ дороги хозяину, этому гордому, властному старику, тысячнику, еще недавно отдавшему дочь за поручика, и человѣку, передъ которымъ все по сосѣдству гнетъ шею?.. Вина несчастнаго молодого парня безмѣрна въ глазахъ старика, да только она изъ тѣхъ, которыя неудобно назвать ихъ настоящимъ именемъ. Чтобы наказать его, нуженъ предлогъ; и вотъ, наконецъ, онъ въ рукахъ. Другіе работники, вслѣдъ за Михѣевымъ, тоже ушли и это уже безъ дозволенія, никому не сказавшись. Отсюда жалоба другу хозяина, старшинѣ, на Михѣева, какъ на зачинщика безпорядковъ, бунтовщика и прочая: все, что въ подобныхъ случаяхъ наизусть извѣстно. Ни въ чемъ неповиннаго молодого парня ловятъ какъ дезертира въ военное время, приводятъ въ волость связаннаго, хотя онъ не думалъ сопротивляться, и тамъ!.

На этомъ мѣстѣ ораторъ остановился на мигъ, глубоко взволнованный. Лицо его блѣдно, и голосъ дрожитъ. Онъ выпилъ стаканъ воды, медленно обводя глазами всю залу суда, какъ бы прося прощенія у присутствующихъ въ томъ, что онъ вынужденъ разсказать, и затѣмъ, не жалѣя красокъ сгруппировалъ все, что выяснено было въ разбивку на счетъ жестокости наказанія.

Картина вышла такая, что съ дамами дѣлалось дурно. Одна, сидѣвшая недалеко отъ насъ, торопливо встала, чтобы уйти, но стиснутая въ толпѣ у входа, упала безъ чувствъ. Невыносимая духота, стоявшая къ этому времени въ залѣ суда, конечно, и безъ другихъ причинъ способна была объяснить такіе случаи; но послѣдніе тѣмъ не менѣе производили могущественный эффектъ.

Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на присяжныхъ. Они далеки были отъ спокойствія, приличествующаго суду, и по смущенному виду ничѣмъ не отличались отъ публики. Вся многочисленная толпа послѣдней охвачена была чувствомъ чего-то мучительнаго и подавляющаго, словно среди ея во очію совершалась казнь. И еще разъ въ умѣ у меня промелькнула та же мысль, только теперь еще настойчивѣе. Я посмотрѣлъ на Ларису Дмитріевну, и она на меня. На лицѣ у нея была злоба и отвращеніе.—„Вотъ, посмотрите, если не оправдаютъ!“—шепнула она.

Защитникъ, тѣмъ временемъ, самъ задыхаясь отъ силы своихъ ощущеній, описывалъ въ страстныхъ словахъ состояніе духа Ильи въ ту пору, когда онъ лежалъ у воротъ, и послѣ, когда скитался какъ раненый звѣрь въ лѣсу.—Не нужно быть сердцевѣдомъ,—говорилъ онъ,—чтобы понять, какъ мало, въ подобнаго рода нервной горячкѣ, душа человѣка неразвитого и не привыкшаго управлять теченіемъ своихъ мыслей, способна къ какому-нибудь отчетливо сознанному и обдуманному рѣшенію. Воистину это была горячка, и то, что̀ ему мерещилось въ эти минуты, похоже больше на бредъ, чѣмъ на мысли здороваго человѣка. Вернуться въ усадьбу или въ семью не приходило ему, очевидно, и въ голову. Онъ, опозоренный, не жилецъ уже больше ни въ Вытяговѣ, ни въ той Акуловкѣ, которая продаетъ дѣтей своихъ. Онъ—бездомный бродяга и мѣсто его—гдѣ Богъ приведетъ заработать копѣйку на хлѣбъ насущный. Но сердце его скорбитъ о покинутомъ старикѣ отцѣ. И вотъ, встрѣтивъ въ сумерки, на опушкѣ, „добраго господина“, бродяга кидается ему въ ноги съ мольбой не покинуть отца, когда его, несчастнаго, ужъ не будетъ тутъ. Что онъ былъ озлобленъ и страстно желалъ погибели своему врагу—это не подлежитъ сомнѣнію; но несомнѣнно и то, что человѣкъ, въ такія минуты, не властенъ надъ совершающимся въ душѣ. Что онъ, измученный свыше силъ, безотчетно ищетъ забвенія, столь же понятно. Но въ эту сторону онъ жестоко ошибся:—вино, къ которому онъ не привыкъ, мѣсто того, чтобъ успокоить страдальца, по собственному его сознанію, разожгло ему злобу въ сердцѣ. Что было дальше—вы знаете. Старый батракъ показалъ, что подсудимый былъ пьянъ, да трудно его себѣ и представить иначе; къ несчастію то, что̀ горѣло въ

разгоряченномъ его мозгу, оказалось сильнѣе вина. Въ конецъ обезумѣвъ отъ страсти, онъ выбѣгаетъ отъ пьянаго батрака уже съ умысломъ. Только подобнаго рода умыселъ мы встрѣчаемъ и у людей, отъ душевнаго потрясенія недвусмысленно потерявшихъ разсудокъ. И они тоже, при всемъ несомнѣнномъ своемъ безумствѣ середи бури сорвавшихся съ привязи въ нихъ стихійныхъ силъ, способны выполнить съ рѣдкою даже у хладнокровныхъ злодѣевъ послѣдовательностью задуманный ими безумный планъ,—и они тоже при этомъ часто бываютъ не чужды жалости, состраданія, и такъ далѣе. Лѣтописи душевныхъ болѣзней полны примѣровъ нѣжнѣйшей заботливости къ однимъ, рядомъ съ неистовымъ озлобленіемъ противъ другихъ. Нечего удивляться, стало быть, что подсудимый не кинулся безъ дальнѣйшаго поджигать, а усердно работалъ сперва, спасая имущество „добрыхъ господъ", не сдѣлавшихъ ему никакого зла. Онъ, можетъ быть, и одумался бы еще, еслибы странный, громовый ударъ надъ самою головой не напомнилъ ему о его рѣшимости. Сами стихіи какъ бы сказали ему: „вотъ минута!" И бросивъ все, онъ ею воспользовался... Я не оправдываю его. Онъ поступилъ безумно и отвратительно. Но если былъ когда-нибудь человѣкъ, совершившій злодѣйство въ припадкѣ полнѣйшей нравственной невмѣняемости, то вы, господа, конечно, видите его, въ эту минуту, передъ собой. Припомните: если не всѣ, то нѣкоторые изъ васъ, конечно, знаютъ по личному опыту, что такое любовь въ двадцать лѣтъ, и къ какому безумству способенъ страстно-привязанный къ женщинѣ человѣкъ, которому, на глазахъ у нея, нанесено тяжелое оскорбленіе, съ явнымъ намѣреніемъ унизить его передъ ней. Представьте себя на мѣстѣ несчастнаго и рѣшите по совѣсти: въ правѣ ли вы признать его виноватымъ въ томъ дѣлѣ, которое онъ совершилъ?.."

Впечатлѣніе этой страстной рѣчи на нашу уѣздную публику, не взирая на очевидную силу свою, было далеко не однородно. Пылкая молодежь апплодировала; но между людьми солидными слышенъ былъ ропотъ неудовольствія.

— Что за мерзость! — сказала Лариса Дмитріевна такъ внятно, что всѣ сидѣвшіе возлѣ насъ оглянулись, Наташа въ этомъ числѣ. Она, очевидно, симпатизировала моей сосѣдкѣ. Другіе смотрѣли въ недоумѣніи, очевидно, не понимая, къ чему относится рѣзкій отзывъ м-мъ Горностаевой.

— Молодъ вѣдь еще, матушка!—обратилась къ ней съ соболѣзнующимъ видомъ одна пожилая барыня.—Жалости, вѣдь, достойно, въ этакіе-то лѣта, да угодить на каторгу!

— Не торопитесь жалѣть!—отвѣчала та съ презрительною усмѣшкой.—Еще обѣлятъ!

И она не ошиблась. Въ полночь присяжные воротились и вынесли подсудимому на-чисто оправдательный приговоръ.

XV.

Еще задолго до разбирательства Горностаевы обѣщали остановиться въ Мирковѣ, отъ котораго было всего пять верстъ до города; и такимъ образомъ вся наша маленькая, пріятельская компанія встрѣтилась, въ этотъ день, у меня за ужиномъ. Меньше чѣмъ черезъ часъ, мы сидѣли уже за столомъ и повѣряли въ запуски свои впечатлѣнія. Кузина съ Ларисой Дмитріевной ругали безъ исключенія все: судъ, прокурора, защитника и присяжныхъ, а Петръ Иванычъ мягко и осторожно держалъ оппозицію. Присутствіе Дуни, не говоря уже о „Ксантиппѣ", передъ которою онъ всегда пасовалъ, естественно затрудняло его. Но главный его союзникъ вовсе не принималъ участія въ разговорѣ, и это интриговало мою кузину, любившую слушать Неплёскина, хотя и спорившую съ нимъ иногда до слезъ.

— Ты что же молчишь?—сказала она, предательски выдвигая меня впередъ.—Я удивляюсь, право, вамъ, господа: какъ вы храбры, когда вамъ аплодируютъ, и какіе трусы передъ малѣйшимъ противорѣчіемъ! Вотъ, мой кузенъ боится Ивана Герасимовича; а Иванъ Герасимовичъ боится ужъ и не знаю кого,—должно быть, меня.

— Нѣтъ,—простодушно поправила Дуня:—не васъ, а Ларисы Дмитріевны.

— Однѣ только мы, женщины, никого не боимся; не такъ ли, Авдотья Терентьевна?

— Я никого не боюсь,—отвѣчала Дуня:—но я не люблю, когда эти господа начинаютъ умничать. Слушаешь, слушаешь иногда, даже одурь возьметъ!

Всѣ засмѣялись.

— Вы что же думаете на счетъ сегодняшняго?—коварно спросила ее Лариса Дмитріевна.—Честно они это сдѣлали?

— Что помиловали-то Ильюху?.. А Богъ съ нимъ; что̀ за бѣда?.. Не воръ онъ какой-нибудь и не душегубъ, а несчастный... И это правда, что тотъ на судѣ говорилъ: что если теперь по совѣсти разсуждать, то вѣдь и тятенька тоже передъ Ильею не правъ.

— Вотъ, господа, вамъ примѣръ,—обратилась кузина ко мнѣ и Неплёскину.—Ну, Вася, мой другъ, теперь тебѣ стыдно ужъ пятиться. Говори намъ сейчасъ, что̀ ты думаешь.

— Думаю,—отвѣчалъ я,—что судъ присяжныхъ не исправитель нравственности и не призванъ рѣшать психологическихъ или другихъ подобныхъ задачъ, потому что преступникъ отнюдь не значитъ еще необходимо дурной человѣкъ. Преступникъ, въ сердцѣ своемъ, можетъ быть нравственнѣе и чище любого изъ тѣхъ, кто призванъ его судить. Но онъ нарушаетъ законъ, служащій охраной общественной безопасности, и угрожаемое имъ общество совершенно логически поступаетъ съ нимъ, какъ съ врагомъ: беретъ его въ плѣнъ, обезоруживаетъ и запираетъ или изгоняетъ, если еще не хуже того. И въ этомъ нѣтъ ничего ни нравственнаго, ни справедливаго. Напротивъ, подобно войнѣ, это одно изъ жестокихъ насильствъ, которыя безобразятъ жизнь. Но насильство это необходимо, такъ какъ безъ обороны себя никакое общество не могло бы существовать... По крайней мѣрѣ иные такъ думаютъ, и я тоже... И потому я думаю, что присяжные, какъ представители общества на судѣ, не въ правѣ миловать ни воровъ, ни убійцъ, ни поджигателей...

Въ сущности это было недалеко отъ собственной философіи права Неплёскина; но люди грызутся не изъ-за идей, а изъ-за ихъ житейскаго приложенія. Въ одну минуту все напускное его спокойствіе лопнуло и у насъ завязался отчаянный споръ, къ великому торжеству двухъ барынь, которыя аплодировали. Но я не любитель этого рода ристалищъ; разъ накаливъ Ивана Герасимовича дó-красна, я понемногу оставилъ его говорить одного. И надо отдать ему честь: онъ говорилъ такъ хорошо, что мы всѣ, согласные или не согласные съ нимъ, заслушались. Даже старикъ мой Осипъ, съ своею дочкой, прислуживавшіе намъ за столомъ, и тѣ не могли утаить своего одобренія.

Было уже три часа, когда, наконецъ, кузина встала и, вмѣстѣ съ своими вассалами, укатила домой, а остальные, усталые, разошлись по разнымъ комнатамъ спать.

На завтра гости мои были приглашены въ Неглинское, гдѣ Наташа желала имъ показать пріютъ; но въ промежуткѣ случилось нѣчто глубоко-всѣхъ огорчившее.

Въ девятомъ часу по-утру, меня разбудили съ запискою отъ кузины.

„Жду тебя сію минуту,“ —писала она, очевидно, взволнованная и въ попыхахъ. — „У насъ арестъ, курьерская тройка и офицеръ изъ П* съ предписаніемъ. — Представь:—Ивана Герасимовича, несчастнаго, высылаютъ; и мы съ женою его не знаемъ, чтó дѣлать; тѣмъ больше, что сроку на сборы дано всего три часа!

Н. О.“

Я приказалъ разбудить Петра Ивановича и показать ему эту записку, а самъ уѣхалъ, не дожидаясь его.

Натаща встрѣтила меня на крыльцѣ пріюта, разстроенная гораздо больше, чѣмъ по письму ея можно было предполагать.

— Уговори ты, пожалуйста, эту безумную,—начала она, по привычкѣ, безъ предисловій.— Я съ нею изъ силъ уже выбилась; хочетъ все бросить и ѣхать за нимъ.

— А онъ?

— Да что онъ! Поди вонъ, полюбуйся!.. Сидитъ, какъ ни въ чемъ не бывало, съ этимъ противнымъ, пузатымъ майоромъ, и распиваетъ съ нимъ чай... Точно его и не касается.

На вопросъ мой о мѣстѣ, она называла мнѣ дальній уѣздный городъ в**ской губерніи.—И это на зиму-то!.. Съ ребенкомъ.

Я засталъ Ивана Герасимовича, въ самомъ дѣлѣ, съ жандармскимъ маіоромъ. Они сидѣли за самоваромъ и мирно бесѣдовали о чемъ-то. Въ комнатѣ безпорядокъ: сѣно, оберточная бумага, рогожи, веревки... Въ углу, на стулѣ, въ наволочкѣ, увязанная и запечатанная валялась связка. Не трудно было понять, что обыскъ сопровождалъ арестъ (майоръ пріѣхалъ съ исправникомъ; но послѣдній пробылъ въ Неглинскомъ всего полчаса) и что это захваченныя, на всякій случай, бумаги... Въ домѣ шла бѣготня; то громко звали кого нибудь, то за дверями слышался озабоченный шопотъ. Въ сосѣдней комнатѣ, Дуня, съ горничною кузины, укладывала въ походный, старый, обтрепанный чемоданъ Ивана Герасимовича его пожитки... Сѣрый, туманный ноябрьскій день смотрѣлъ непривѣтливо въ запотѣвшія окна.

— Вотъ, батюшка,—обратился ко мнѣ Неплёскинъ:—вышелъ совсѣмъ неожиданно „дальній путь"! — и продолжая свой разговоръ съ маіоромъ:—Онъ какъ же узналъ?..

— Да просто. Тройка-то, подъ исправниковъ тарантасъ, была у него со станціи.

Послѣ короткихъ переговоровъ, въ полголоса, съ нимъ и съ его конвоиромъ, я постучался въ двери.—Авдотья Терентьевна, можно къ вамъ?

Она отвѣчала, но какъ-то не сразу и нерѣшительно: — можно.

Дуня была не одѣта, въ блузѣ, наброшенной на скоро сверхъ бѣлья, съ заплаканнымъ, раскраснѣвшимся отъ тревоги лицомъ.

— Вотъ какая бѣда стряслась!—сказала она, пожимая мнѣ руку.—Вы извините, что я къ вамъ такъ... не успѣла... Вы слышали?—высылаютъ!

— Это какое нибудь недоразумѣніе,—успокоивалъ я.—Когда дѣло выяснится, его навѣрное возвратятъ.

— Ну да, вы всѣ говорите такъ; но вы не думаете... Васъ научила Наталья Павловна, чтобы не пускать меня съ нимъ.

Слово за слово, я сталъ ее урезонивать, объясняя, что всячески ей невозможно уѣхать немедленно съ нимъ или вслѣдъ за нимъ, такъ какъ на это нѣтъ разрѣшенія; а безъ разрѣшенія ее могутъ вернуть съ дороги, или, еще того хуже, изъ К** и она только измучитъ себя, продѣлавъ весь путь, туда и обратно, даромъ.—Не говоря ужъ, чего это будетъ стоить,—прибавилъ я: и что деньги, которыя вы проѣздите совершенно напрасно, могли бы ему пригодиться на мѣстѣ... У васъ вѣдь онѣ не въ избыткѣ?

— Какой тамъ избытокъ, голубчикъ! Всего какихъ-нибудь десять рублей остатку за этотъ мѣсяцъ. Но, я надѣюсь, Наталья Павловна не откажетъ дать что-нибудь впередъ, изъ жалованья... Я заслужу.

— Вы, значитъ, разсчитываете вернуться скоро?

Она не знала, что отвѣчать.

— Авдотья Терентьевна, милая,—извините меня,—вы кажется сами себѣ не даете отчета, что вы намѣрены предпринять... Подумайте: если его вернутъ въ скоромъ времени, то вамъ, право, не стоитъ дѣлать такую прогулку — съ ребенкомъ! въ распутицу! въ долгъ!.. А если нѣтъ, то вѣдь мало доѣхать туда; надо знать еще, чѣмъ вы будете жить тамъ, втроемъ, если вы бросите ваше мѣсто здѣсь.

Слезы сверкнули у ней на глазахъ. — Будь оно проклято— это дѣло!—шептала она.

— Тогда какъ съ весьма небольшою помощью, высылаемою отъ васъ, онъ могъ бы существовать тамъ безбѣдно... Ему одному вѣдь немного нужно.

— Эхъ, Ваня! Ваня!

Бѣдняжка ломала руки; но рѣчь моя не пропала даромъ, и объ отъѣздѣ ея послѣ этого не было болѣе разговору.

Мы толковали еще, когда въ сосѣднюю комнату кто-то вбѣжалъ и кинулся, съ громкими возгласами къ Неплёскину. Это былъ Петръ Иванычъ. Жена его тоже пріѣхала; но Наташа ее увела къ себѣ.

Въ первомъ часу все было готово, и послѣ короткаго завтрака у кузины, перекладная съ курьерскою тройкою, съ колокольчикомъ и съ солдатомъ на облучкѣ, подкатила къ крыльцу. Неплёскинъ былъ блѣденъ, но велъ себя сдержанно, какъ философъ, привыкшій ко всякаго рода разлукамъ и неожиданно дальнимъ путямъ.

Дуня и Петръ Ивановичъ ѣхали его провожать до первой станціи, гдѣ его ожидалъ и тесть. Простясь со мной и съ кузиной, онъ подошелъ къ Ларисѣ Дмитріевнѣ. Лицо у нея все время было какъ каменное и глаза смотрѣли неумолимо строго. Но въ ту минуту, когда онъ нагнулся, чтобы поцѣловать ей руку, она обняла и благословила его.

— Не покиньте жену,—шепнулъ онъ, прощаясь съ Наташей.

— Будьте спокойны.

Прощальныя рѣчи не клеились...

— Трогай!..—И тройка лихо выскакала за ворота; за ней тарантасъ... Еще минута, и все это скрылось изъ виду; только далеко, за рощей, слышенъ былъ звонъ колокольчика.

Дворъ опустѣлъ. Накрапывалъ мелкій дождь... Печальные и безмолвные, мы воротились въ комнату.

XVI.

Случай этотъ, въ связи съ оправдательнымъ приговоромъ присяжныхъ, надѣлалъ у насъ не мало шуму, который, однако, утихъ, какъ утихаетъ обыкновенно все, чтó въ жизни людей составляетъ небольше какъ шумъ;—и Неплёскинъ забытъ былъ нашимъ уѣзднымъ обществомъ. Но для людей, которые знали его коротко, потеря этого человѣка, въ такой глуши, составляла большое лишеніе. Словно замуровали окно, въ которое проникалъ освѣжающій вѣтерокъ и изъ котораго взоръ, утомленный узостью непосредственной обстановки, могъ отдыхать на просторѣ.

На первыхъ порахъ мы еще надѣялись, что съ развязкой особаго слѣдствія о безпорядкахъ, его, какъ виновнаго только въ неосторожности, возвратятъ; но дѣло объ этомъ пошло въ Петербургъ и тамъ, за множествомъ болѣе важныхъ, застряло, а съ нимъ застрялъ и пріятель нашъ въ К***. Онъ былъ лѣнивъ разсказывать о себѣ и изъ писемъ его мы немного могли узнать о его житьѣ, кромѣ того, что К** не отличается ровно ничѣмъ отъ другихъ подобнаго рода мѣстъ, о которыхъ можно только сказать, что они существуютъ,—а болѣе ничего.—„Даю уроки юнымъ туземцамъ,—писалъ онъ Петру Иванычу:—но ты можешь себѣ представить, какіе... Книгъ въ городѣ нѣтъ и ничего другого подобнаго... Кабаки для простого народа и карты для остальныхъ—единственный отдыхъ отъ злобы дневныхъ заботъ. Что до меня, то я иногда отъ скуки играю въ шашки съ сидѣльцами, скандализируя этимъ весь здѣшній beau-monde“...

Время летѣло, не принося съ собою новыхъ надеждъ, какъ вдругъ,—это было въ началѣ войны,—жена отъ него получила извѣстіе, что онъ подалъ просьбу о зачисленіи въ старый свой ...скій полкъ. Передавая объ этомъ кузинѣ, Дуня расплакалась.

— Вотъ выдумалъ еще что!—восклицала она:—дуракъ! Ей Богу дуракъ! Ну куда ему, старому, на войну?.. Сляжетъ тамъ гдѣ-нибудь, если еще не хуже...

Но мѣсяца черезъ два, когда къ крыльцу ея подкатила перекладная и изъ нея молодецки спрыгнулъ на подъѣздъ загорѣлый, рослый мужчина въ военномъ кителѣ и въ фуражкѣ съ кокардой, она опалѣла отъ радости.

— Матушки! Да вѣдь это Ваня!—воскликнула она вдругъ, и швырнувъ питомца, бывшаго у нея на рукахъ, кормилицѣ, вылетѣла стремглавъ на встрѣчу.

Онъ завернулъ проѣздомъ и прожилъ съ недѣлю, въ послѣдніе дни которой Петръ Иванычъ, конечно, не отходилъ отъ него, и друзья, за долгое время, наговорились всласть. Главнымъ вопросомъ, понятно, была война. Неплёскинъ, не защищая ее по существу, смотрѣлъ, однако же, на нее снисходительно, какъ на отдушину, черезъ которую разрушительныя стремленія человѣчества вырываются на просторъ. Война, молъ, не создаетъ и не воспитываетъ тѣхъ стадовыхъ инстинктовъ жадности, властолюбія и задора, которые въ ней разыгрываются. Все это сѣется и восходитъ въ мирныя времена, уживаясь отлично съ набожностію, патріотизмомъ и просвѣщеніемъ, и не приводитъ въ ужасъ рѣшительно никого. Съ чего же ахать, когда тѣ самые люди, что и во время мира грызутся изъ-подтишка, вдругъ цѣлыми націями схватятся между собою за волоса. Это не болѣе какъ естественная развязка,—и прочая...

Мы проводили его на этотъ разъ весело и почти съ торжествомъ, въ твердой увѣренности, что съ такою фалангою закаленныхъ бойцовъ впереди, наша армія на своемъ пути не встрѣтитъ серьезныхъ преградъ:—значитъ, иди себѣ, милый другъ, ни о чемъ не заботясь, прямой дорогою на Царьградъ и служи молебенъ въ Святой Софіи... Но письма его изъ Румыніи и потомъ изъ авангарда были весьма далеки отъ побѣднаго настроенія, охватившаго всю Россію послѣ извѣстій о переправѣ черезъ Дунай и о быстромъ движеніи нашихъ впередъ. Онъ говорилъ подробно о неурядицѣ, царствовавшей въ тылу, и о слабости наступающаго отряда, жаловался на недостатокъ вѣрныхъ извѣстій о непріятелѣ и описывалъ страшное воровство, которымъ заняты цѣлыя тучи хищниковъ паразитовъ, сопровождающихъ

нашу армію. Многіе, молъ, изъ мерзавцевъ уже успѣли разбогатѣть и цинически щеголяютъ своею добычею на виду у всѣхъ. „Въ сущности то же, что и въ прошедшую нашу кампанію,— пояснялъ онъ: — только теперь мы лучше вооружены и у насъ есть все-таки рельсовый путь въ тылу; да и враги, которымъ дорого обошелся тогдашній успѣхъ, стали теперь разсчетливѣе; а у главнаго пѣтуха, безъ котораго и тогда никто не сунулся бы впередъ, теперь и совсѣмъ пропала охота драться“...

Слѣдомъ за симъ пришло извѣстіе о двухъ первыхъ ударахъ, которые мы понесли подъ Плевной. Барометръ патріотическихъ ожиданій мгновенно упалъ и тревожные слухи стали распространяться въ публикѣ: слухи, что нашъ авангардъ отрѣзанъ, а главныя силы отброшены и прижаты къ рѣкѣ.

Долго послѣ того ни Дуня, ни Петръ Иванычъ не получали писемъ... Пришло наконецъ одно,—увы!—адресованное чужою рукою, и въ немъ всего десять строкъ, написанныхъ подъ диктовку кѣмъ-то (какъ оказалось потомъ, сестрой милосердія), сообщали печальную вѣсть. Бѣдняга былъ раненъ, при взятіи Ловчи, пулею въ грудь на вылетъ и находился въ походномъ госпиталѣ. Въ концѣ приписано тою же рукою, но, очевидно, уже безъ вѣдома диктовавшаго:—„очень плохъ“!

Дуня, уѣхавшая къ нему немедленно, не застала уже его въ живыхъ. Съ трудомъ она отъискала его слѣды и воротилась, мѣсяца черезъ три, больная, едва узнаваемая, съ такою повѣстью, отъ которой кровь застывала въ жилахъ.

Время, однако, все исцѣлило и въ настоящую пору она процвѣтаетъ въ нашемъ уѣздномъ городѣ замужемъ за однимъ акцизнымъ...

Но Петръ Иванычъ и до сихъ поръ безутѣшенъ.

Такъ кончилъ этотъ поручикъ отъ философіи, и я долженъ отдать ему справедливость, онъ былъ не дюжинный человѣкъ. Не знаю, много ли еще остается такихъ, но что порода ихъ вымираетъ—это не подлежитъ сомнѣнію. Не бросимъ же камня въ этихъ людей, а скажемъ лучше, что въ нихъ, не взирая на всѣ ихъ крупные недостатки, было не мало хорошаго и что хорошее это, какъ разъ теперь, особенно цѣнно для насъ, въ виду того, что дни его уже сочтены.

Н. Ахшарумовъ.

П. А. ПЛЕТНЕВЪ

Біографическій очеркъ

Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, по порученію второго отдѣленія Императорской Академіи наукъ, издалъ Я. Гротъ, въ трехъ томахъ. Спб., 1885.

I.

Изданіе сборника сочиненій П. А. Плетнева, разсѣянныхъ по различнымъ періодическимъ изданіямъ прежнихъ годовъ, представляется со стороны почтеннаго академика Я. К. Грота трудомъ, заслуживающимъ полнаго уваженія и для исторіи литературы весьма цѣннымъ. Это изданіе даетъ намъ возможность познакомиться основательно съ полнымъ цикломъ литературной дѣятельности писателя, игравшаго видную роль въ свое время въ нашей литературѣ, и опредѣлить точнымъ образомъ эту роль.

Роль Плетнева въ литературѣ нашей, въ качествѣ критика, не маловажна, и въ этомъ насъ можетъ убѣдить самое простое соображеніе. Въ исторіи нашей литературы мы имѣемъ нѣсколько критиковъ, которые по своей талантливости и вліянію на современниковъ составили эпохи, названныя ихъ именемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что критика имѣла тогда значеніе не одно только личное, но и собирательное, въ томъ смыслѣ, что въ критическихъ статьяхъ высказывались мнѣнія, принадлежащія отнюдь не однимъ критикамъ, а также и тѣмъ литературнымъ кружкамъ, представителями которыхъ они служили. Можно положительно сказать, что въ то время не было такого кружка, который не выставилъ бы своего критика. Такъ, московскіе приверженцы

псевдоклассицизма имѣли своимъ представителемъ Каченовскаго; шеллингисты—Веневитинова, Ив. Кирѣевскаго и Надеждина; кружокъ Станкевича создалъ Бѣлинскаго, который вмѣстѣ со своимъ кружкомъ отъ праваго лагеря гегеліанцевъ перешелъ къ лѣвому, и т. д.

Но въ 20-хъ и 30-хъ годахъ нѣсколько литераторовъ стояли совершенно особнякомъ и составляли свой особенный кружокъ. И это были не какія-нибудь второстепенныя и третьестепенныя силы,—напротивъ, это были такіе корифеи нашей литературы, какъ Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ, Пушкинъ, Гоголь и др. Кружокъ этотъ, составлявшій литературныя вершины эпохи, считаемой золотымъ вѣкомъ нашей литературы, былъ весьма замкнутый; онъ чуждался всѣхъ прочихъ литераторовъ, не принадлежащихъ къ нему, и хотя прислушивался къ голосу вышеупомянутыхъ критиковъ, но не считалъ приговоры ихъ для себя обязательными, и подобно тому, какъ критики эти были далеки отъ того, чтобы проводить взгляды и сужденія, какіе господствовали въ кружкѣ корифеевъ, такъ въ свою очередь и корифеи ни одного изъ нихъ не могли считать за выразителя своихъ эстетическихъ взглядовъ, за человѣка вполнѣ своего.

Но и корифеи не остались безъ своего критика. Кружокъ ихъ въ свою очередь выставилъ истолкователя своихъ эстетическихъ взглядовъ и сужденій. Это и былъ именно П. А. Плетневъ. Въ этомъ и заключается несомнѣнное значеніе его въ ряду критиковъ его времени. Этимъ же опредѣляется и характеръ критическихъ статей Плетнева, вполнѣ согласованный съ тѣми нравами, вкусами и духомъ, какіе господствовали въ кружкѣ. Поэтому, прежде, чѣмъ мы приступимъ къ статьямъ Плетнева, постараемся въ главныхъ чертахъ охарактеризовать духъ кружка, представителемъ котораго является Плетневъ.

II.

Въ послѣднія 30 лѣтъ литературные нравы у насъ до такой степени измѣнились, что вполнѣ вѣрно и безпристрастно представить себѣ духъ и характеръ кружка, о которомъ идетъ рѣчь, становится дѣломъ величайшей трудности. Въ настоящее время литераторы, независимо отъ того, къ какому слою общества принадлежатъ они, и какъ великъ ихъ талантъ, раздѣляются на особые лагери, группируясь по большей части вокругъ тѣхъ или другихъ органовъ печати. Ничего подобнаго не было въ 20-хъ и

30-хъ годахъ. Общество до такой степени было еще проникнуто патріархальными понятіями, что тѣ самые іерархическіе порядки, которые господствовали въ немъ, проникали и въ литературу. Въ ней была своя табель о рангахъ, свой плебсъ внизу и своя аристократія, не имѣвшая съ этимъ плебсомъ ничего общаго. Журналистика разсматривалась, какъ нѣчто стоящее на самомъ низу іерархической лѣстницы, какъ своего рода базаръ, исполненный торгашей, барышниковъ и скупщиковъ, къ которымъ литературные аристократы могли изрѣдка снисходить лишь для какихъ-нибудь матеріальныхъ сдѣлокъ. Литературную же аристократію составляли нѣсколько первоклассныхъ свѣтилъ. Это былъ своего рода Олимпъ, недоступный для непосвященныхъ. Писатели, имѣвшіе счастіе принадлежать къ Олимпу, были обыкновенно люди настолько обезпеченные, что имѣли возможность вращаться въ большомъ свѣтѣ, а нѣкоторые изъ нихъ имѣли доступъ и ко двору. Въ то же время они составляли между собою особенный негласный союзъ, который мало было бы назвать литературнымъ обществомъ. Это была своего рода литературная академія, имѣвшая свою исторію, свои традиціи и свой авторитетъ, которымъ она пользовалась во всемъ образованномъ обществѣ. Чтобы попасть въ число первоклассныхъ писателей, необходимо было быть принятымъ въ члены этой академіи, а этого нельзя было достигнуть никакими журнальными захваливаніями и панегириками; необходимо было, чтобы олимпійцы сами замѣтили писателя, приблизили къ себѣ. Но кто разъ вступалъ въ союзъ избранныхъ, тотъ, во-первыхъ, сейчасъ же отдѣлялся отъ литературнаго плебса, а во-вторыхъ, дѣлался не только сочленомъ, по отношенію къ прочимъ свѣтиламъ Олимпа, но немедленно же вступалъ съ ними въ самыя дружескія и интимныя отношенія.

Вмѣстѣ съ изолированностью отъ литературнаго плебса, кружокъ строго наблюдалъ чистоту своего призванія. Это былъ культъ чистаго искусства, безъ малѣйшей посторонней примѣси. Но если бы мы смѣшали членовъ того кружка съ тѣми защитниками чистаго искусства, которые явились въ 40-хъ годахъ и позже, то впали бы въ заблужденіе, въ которому всегда приводитъ перенесеніе на предшествующія эпохи понятій и условій позднѣйшаго времени. Приверженцы чистаго искусства въ 40-хъ годахъ, а позже и тѣмъ болѣе, во-первыхъ, выставляли чистое искусство не столько какъ эстетическую теорію, сколько какъ голый принципъ; и во-вторыхъ, это были далеко не олимпійцы, а потому имъ приходилось бороться съ противниками въ неизмѣримой степени сильнѣйшими и вліятельнѣйшими. Совсѣмъ иное представляли со-

бою олимпійцы, о которыхъ идетъ теперь рѣчь. Это были отнюдь не люди какой-нибудь партіи, и поклонялись они чистому искусству вовсе не изъ полемики съ своими противниками. Вопросъ о какихъ-либо утилитарныхъ цѣляхъ искусства еще тогда и не выдвигался. Пушкинъ, написавшій свое знаменитое стихотвореніе „Чернь“ въ 1828 г., по своей геніальной прозорливости предупредилъ время лѣтъ по крайней мѣрѣ на десять, если не на пятнадцать. Не говоря уже о томъ, что въ самомъ обществѣ не было ни малѣйшихъ требованій, чтобы литература принимала участіе въ разрѣшеніи какихъ-либо общественныхъ вопросовъ,—у литературы были въ то время свои важныя и весьма почтенныя задачи, которыя исчерпывали все ея содержаніе и составляли „суть“ литературнаго движенія того времени. Прежде чѣмъ литература могла послужить для какихъ-либо высшихъ общественныхъ цѣлей, она дѣйствительно должна была сдѣлаться литературой, и это время было эпохою именно органическаго роста и развитія ея, заключавшихся въ выработкѣ языка и слога, въ переходѣ отъ тяжелыхъ и неповоротливыхъ книжныхъ формъ XVIII вѣка къ разговорной рѣчи Пушкина, воздушно легкой, гибкой и способной къ выраженію самыхъ отвлеченныхъ идей; въ пересадкѣ тѣхъ разнообразныхъ видовъ поэзіи, какія были выработаны западными литературами; наконецъ, въ постепенномъ переходѣ съ риторической, фальшивой ходульности псевдоклассицизма на реальную почву естественности и простоты. Все это требовало не мало тяжелыхъ трудовъ, таланта, усилій, и во всемъ этомъ была своя новаторская отвага; это былъ рядъ подвиговъ въ своемъ родѣ гражданскихъ, и подвиговъ этихъ было вполнѣ достаточно для бойцовъ того времени. Поэтому, если мы видимъ, что олимпійцы въ своихъ письмахъ или статьяхъ такъ много говорили о языкѣ, слогѣ, красотахъ формъ или отдѣльныхъ выраженій, о художественности образовъ и тому подобныхъ эстетическихъ тонкостяхъ, распространяться о которыхъ въ настоящее время считается излишнимъ, то это происходило вовсе не отъ того, чтобы люди эти были безцѣльные эстетики и эпикурейцы,— это была труженическая работа, которая созидала литературу для того, чтобы передать намъ ее выработанною и пригодною для достиженія какихъ угодно высокихъ цѣлей.

Въ нравахъ Олимпа была еще одна весьма почтенная и характерная черта и для насъ очень важная въ видахъ опредѣленія характера критической дѣятельности Плетнева, а именно, полное отсутствіе какого бы-то ни было партизанства и полемическаго задора. Журнальный міръ и въ то время, какъ и въ

наше, былъ преисполненъ ожесточенной борьбы, дѣлясь на партіи, сообразно различнымъ литературнымъ школамъ, причемъ классики метали громы въ романтиковъ; романтики, отпѣвая классиковъ, въ свою очередь съ презрѣніемъ относились къ „грязнымъ“, какъ они выражались, натуралистамъ, а послѣдніе уничтожали романтиковъ. Олимпійцы съ презрѣніемъ смотрѣли на весь этотъ шумъ и гамъ журнальнаго плебса, считая полемику порожденіемъ грубой нетерпимости и признакомъ дурного тона. Въ то же время въ ихъ средѣ мирно и незлобиво уживались другъ съ другомъ писатели самыхъ разнородныхъ школъ и направленій. Свято и нерушимо чтилась здѣсь по установившейся традиціи память закатившихся свѣтилъ прошлаго столѣтія—Ломоносова, Державина, Фонвизина, Дмитріева и др. Карамзину, какъ создателю литературнаго языка, молились здѣсь, какъ учителю и пророку. Изъ современныхъ же свѣтилъ неоклассикъ Батюшковъ не мѣшалъ Жуковскому вводить въ нашу литературу мечтательный нѣмецкій романтизмъ; Жуковскій въ свою очередь крѣпко жалъ руку Гоголю, несмотря на его крайній натурализмъ. Однимъ словомъ, въ олимпійскую среду съ одинаковымъ почетомъ и привѣтомъ принимался каждый писатель, какимъ бы новаторомъ онъ ни являлся, если только видѣли въ немъ сильный талантъ, а въ произведеніяхъ его находили полное удовлетвореніе всѣмъ эстетическимъ требованіямъ.

Начало этой литературной академіи трудно опредѣлить; оно теряется въ глубинѣ XVIII-го столѣтія. Концомъ же ея можно считать появленіе во второй половинѣ 30-хъ годовъ статей Бѣлинскаго. Съ этого времени ни одинъ уже молодой сильный талантъ не входитъ болѣе въ среду олимпійцевъ, и всѣ они начинаютъ группироваться вокругъ новаго вождя, въ лицѣ Бѣлинскаго. Гоголь былъ послѣднимъ новобращемъ въ сонмѣ олимпійцевъ, и затѣмъ свѣтила Олимпа, окруженные ореоломъ, мирно угасаютъ одно за другимъ въ теченіе 50-хъ годовъ.

III.

Трудно представить критика, который болѣе соотвѣтствовалъ бы нравамъ, вкусамъ и духу олимпійскаго кружка, и былъ бы болѣе способенъ служить выразителемъ эстетическихъ взглядовъ и сужденій его, какъ Плетневъ. Неизвѣстно, какъ произошла подобная ассимиляція: приблизили ли олимпійцы къ себѣ человѣка, котораго сразу нашли такимъ, какого имъ было нужно, или же,

подчинивши его своему могучему вліянію, они постепенно выработали изъ него своего критика. Вѣрнѣе всего, что здѣсь случилось и то, и другое.

П. А. Плетневъ родился въ 1792 г., въ бѣжецкомъ уѣздѣ тверской губерніи, отъ родителей духовнаго званія, и получивъ первоначальное воспитаніе въ семинаріи, въ 1811 году былъ привезенъ въ Петербургъ для поступленія въ педагогическій институтъ. Это было время, когда былъ живъ еще Державинъ, когда Карамзинъ писалъ въ своемъ уединеніи первые томы своей исторіи, а Жуковскій успѣлъ уже написать свои первыя баллады. Молодежь этого времени переходила отъ Карамзинскаго сантиментализма къ романтизму въ нѣмецкомъ духѣ, стремилась въ туманную даль, и восторженно поклоняясь всему прекрасному, въ то же время считала это прекрасное мимолетнымъ на землѣ.

Въ педагогическомъ институтѣ, Плетневъ сначала занялся было физико-математическими науками, но страсть къ литературѣ перетянула его на словесный отдѣлъ. Здѣсь, кромѣ древнихъ языковъ, извѣстныхъ ему еще въ семинаріи, онъ усвоилъ себѣ новые языки и пріобрѣлъ основательныя для своего времени свѣдѣнія по исторіи вообще, и въ особенности по исторіи литературъ западно-европейскихъ и русской. Впослѣдствіи начитанность его еще болѣе возрасла. Такъ напримѣръ, по словамъ Я. К. Грота [1], „онъ глубоко изучилъ Шекспира, котораго цѣнилъ, какъ знатокъ; часто говорилъ онъ, что мечтою его молодости было посвятить цѣлую жизнь критической разработкѣ этого писателя".

Кончивъ курсъ въ институтѣ, около 1818 года, т.-е. почти въ одно время, какъ и Пушкинъ вышелъ изъ царскосельскаго лицея, Плетневъ не былъ подобно нѣкоторымъ изъ своихъ товарищей посланъ за границу для довершенія своего образованія; но тѣмъ не менѣе онъ и тогда уже выдавался, такъ какъ Вольное Общество любителей россійской словесности, черезъ годъ лишь по выходѣ его изъ института, избрало его въ свои члены, а вскорѣ затѣмъ на него были возложены обязанности редактора журнала „Соревнователь", который это Общество издавало. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вступилъ на поприще преподавателя словесности въ екатерининскомъ и патріотическомъ институтахъ.

Подъ вліяніемъ романтическихъ вѣяній и того обаянія, какое производила въ то время литература, находившаяся въ самомъ зенитѣ своего золотого вѣка, изъ Плетнева, по самой природѣ своей крайне мягкаго и деликатнаго, выработался типъ одного

---

[1]) Рус. Арх., 1869, стр. 2082.

изъ тѣхъ восторженныхъ словесниковъ и поклонниковъ всего изящнаго, какихъ не мало было въ первую четверть нынѣшняго столѣтія въ педагогической средѣ. Нынѣ подобный типъ идеальныхъ учителей россійской словесности давно уже исчезъ, но въ тѣ отдаленныя отъ насъ времена онъ встрѣчался довольно часто, и если такого рода педагогъ, при своихъ пламенныхъ романтическихъ порывахъ, обладалъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ и декламаторскимъ искусствомъ, онъ дѣлался идеаломъ всего класса, особенно же въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Не малый восторгъ возбуждалъ и Плетневъ, будучи преподавателемъ въ упомянутыхъ институтахъ. „Въ семействахъ и учебныхъ заведеніяхъ,—говоритъ г. Гротъ [1]),—гдѣ онъ являлся преподавателемъ, онъ былъ искренне любимъ всѣми: въ его обращеніи, въ его рѣчахъ и взорѣ живо чувствовалось сердечное участіе въ своему дѣлу и къ молодежи; въ его личности была неотразимая притягательная сила. Многочисленные его ученики и ученицы разныхъ поколѣній, разсѣянные по всей Россіи, съ непритворнымъ чувствомъ любви вспоминали и еще теперь вспоминаютъ своего бывшаго наставника. Говорю это съ полнымъ знаніемъ дѣла, потому что сколько разъ бывалъ свидѣтелемъ, какъ встрѣчались съ Плетневымъ такія лица послѣ многолѣтняго отсутствія, и какъ тепло выражали свою неохладѣвшую къ нему привязанность".

Эта приверженность его къ молодежи и страсть помогать ей и словами, и дѣломъ, не покидала Плетнева и впослѣдствіи, когда, оставивъ чисто педагогическое поприще въ качествѣ учителя, онъ сдѣлался профессоромъ а потомъ ректоромъ с.-петербургскаго университета. „Сколько было лицъ,—говоритъ Я. К. Гротъ [2]),—и не литераторовъ, которые, подобно Гоголю, считали себя обязанными Плетневу. Дѣйствовать въ пользу другихъ онъ могъ въ двоякомъ качествѣ: во-1-хъ, какъ университетскій профессоръ, и ректоръ; во-2-хъ, какъ издатель журнала. Всякій, кто обращался къ нему, во имя ли того или другого его положенія, или просто какъ къ человѣку, могъ быть увѣренъ, что найдетъ не только самый сочувственный пріемъ, но и дѣятельную, по возможности, помощь. Съ полнымъ участіемъ, съ любовью входилъ онъ въ положеніе другого, готовъ былъ служить каждому добрымъ совѣтомъ, содѣйствіемъ, а иногда и деньгами. О такихъ дѣлахъ своихъ самъ онъ никогда не говорилъ, какъ и вообще ничѣмъ не хвалился, будучи въ высшей степени скроменъ и

---

1) Ibid., стр. 2069.
2) Ibid., стр. 2072.

совершенно чуждъ всякой суетности. Многіе изъ бывшихъ студентовъ петербургскаго университета могутъ подтвердить справедливость этого разсказа о радушной поддержкѣ, которую они находили въ своемъ добромъ и ласковомъ ректорѣ. Съ такимъ же радушіемъ и честнымъ дружелюбіемъ встрѣчалъ онъ молодыхъ людей, которые совѣтовались съ нимъ о своихъ литературныхъ опытахъ. Скольких новичковъ на этомъ пути поставилъ онъ на ноги; скольких вывелъ на прямую дорогу; скольких, напротивъ, удержалъ отъ поприща, къ которому они не имѣли призванія".

Въ подтвержденіе этихъ словъ г. Грота мы можемъ представить и другія вѣскія свидѣтельства. Такъ, мы видимъ изъ письма Плетнева Пушкину 22 февраля 1831 г. (см. Соч. Плетн., т. III, стр. 366), что Гоголь своимъ переходомъ изъ гражданской службы на педагогическое поприще, равно и знакомствомъ съ Жуковскимъ и Пушкинымъ, былъ обязанъ, главнымъ образомъ, Плетневу. Въ вышеупомянутомъ письмѣ къ Пушкину Плетневъ, между прочимъ, пишетъ:

„Надобно познакомить тебя съ молодымъ писателемъ, который обѣщаетъ что-то очень хорошее. Ты, можетъ быть, замѣтилъ въ „Сѣв. Цвѣтахъ" отрывокъ изъ историческаго романа съ подписью 0000, также въ „Литерат. Газетѣ" — „Мысли о преподаваніи географіи", статью: „Женщина" и главу изъ малороссійской повѣсти „Учитель". Ихъ писалъ Гоголь-Яновскій. Онъ воспитывался въ нѣжинскомъ лицеѣ Безбородки. Сперва онъ пошелъ было по гражданской службѣ, но страсть къ педагогикѣ привела его подъ мои знамена: онъ перешелъ также въ учителя. Жуковскій отъ него въ восторгѣ. Я нетерпѣливо желаю подвести его къ тебѣ подъ благословеніе. Онъ любитъ науки только для нихъ самихъ, а, какъ художникъ, готовъ для нихъ подвергать себя всѣмъ лишеніямъ. Это меня трогаетъ и восхищаетъ".

Такое же теплое участіе принялъ онъ въ неизвѣстной обитательницѣ заброшеннаго въ степи хутора Макаровки, изюмскаго уѣзда, харьковской губерніи, которая обратилась къ нему, какъ издателю „Современника" съ повѣстью. Онъ, „какъ человѣкъ прямодушный (такъ пишетъ онъ кн. Вяземскому, 20 ноября 1861 г.), не выразилъ своего сочувствія къ этому бывшему тогда въ модѣ роду сочиненій, гдѣ мало истины и все въ преувеличенномъ видѣ", но тѣмъ не менѣе замѣтилъ въ ней талантъ, завязалъ съ нею переписку и заочное знакомство; она начала постоянно вызывать его замѣчанія и мнѣнія, а въ 1861 г. Плетневъ, вмѣстѣ съ Вяземскимъ, хлопочетъ уже о какомъ-то денежномъ

пособія для нея, но такомъ, чтобы пособіе это имѣло видъ скорѣе лестнаго подарка, чѣмъ оскорбительной подачки, и скромная харьковская хуторянка дѣлается уже въ то время извѣстностью, даровитою писательницею Кохановскою.

Читая, наконецъ, біографію Некрасова, мы, въ свою очередь, встрѣчаемъ фактъ того живого участія, какое принялъ Плетневъ въ судьбѣ бѣднаго, голодавшаго юноши, стучавшагося въ двери университета. Получивъ на пріемномъ экзаменѣ единицу изъ географіи и опасаясь экзамена физики, Некрасовъ явился къ ректору, Плетневу, и откровенно высказалъ ему свое положеніе: онъ противъ воли отца поступаетъ въ университетъ, и теперь, если его не примутъ въ число студентовъ, его положеніе будетъ отчаянное. Плетневъ справился о прочихъ отмѣткахъ, отлично рекомендовавшихъ юношу, желавшаго притомъ поступить на философскій (или на историко-филологическій) факультетъ, и обнадежилъ Некрасова обѣщаніемъ ходатайствовать за него въ совѣтѣ. Но Некрасовъ совсѣмъ не явился на экзаменъ изъ физики и въ совѣтѣ только поэтому не могло быть о немъ и рѣчи. Зато потомъ при свиданіи, Плетневъ убѣждалъ Некрасова все-таки не оставлять университета и поступить вольнослушателемъ. Некрасовъ сначала не рѣшался. Нѣсколько дней спустя, на старомъ исаакіевскомъ мосту юноша видитъ, что кто-то догоняетъ его и идетъ съ нимъ рядомъ, всматриваясь въ него. Это былъ Плетневъ. Онъ снова сталъ убѣждать его, и Некрасовъ подалъ прошеніе. Вотъ, какое теплое участіе случалось оказывать Плетневу людямъ, совершенно ему незнакомымъ. . . . .

Мы упомянули выше о характерѣ уроковъ Плетнева въ средне-учебныхъ заведеніяхъ; что же касается до профессорскихъ лекцій, то вотъ что говоритъ о нихъ М. Н. Лонгиновъ, въ № 2 „Современной Лѣтописи“, 1866 г.: „онъ читалъ не мертвыя лекціи, а живыя импровизаціи, исполненныя знанія и любви къ дѣлу... Онѣ были въ высшей степени занимательны. Плетневъ являлся въ аудиторію съ Державинымъ, Фонвизинымъ, Костровымъ и т. п., начиналъ читать ихъ, избирая именно особенно замѣчательное, и тутъ сливалось множество эстетическихъ, филологическихъ, анекдотическихъ и другихъ замѣчаній, дѣлавшихъ его лекціи вдохновеннымъ комментаріемъ, по выраженію Пушкина. Плетневу обязанъ я тѣмъ, что сталъ на настоящую точку зрѣнія при изученіи нашихъ старыхъ писателей. На лекціяхъ его читались также сочиненія студентовъ, велись диспуты, обсуживались замѣчательныя литературныя новости“. . . . . .

Въ заключеніе характеристики Плетнева, какъ человѣка,

считаю нелишнимъ привести о немъ мнѣніе двухъ изъ близкихъ ему современниковъ. Во-первыхъ — вотъ, что говоритъ о немъ г. Гротъ [1]): „Своебразная личность Плетнева была результатомъ двухъ элементовъ: съ одной стороны, глубокаго, самобытнаго развитія, съ другой—литературныхъ преданій, которыя онъ почерпнулъ изъ сношеній съ талантливыми и высокообразованными писателями, въ кругу которыхъ провелъ лучшіе годы молодости. Даръ разумнаго спокойствія и созерцанія облегчилъ ему стремленіе къ самоусовершенствованію, которое всегда было главною цѣлію. Не по своему былъ онъ мудръ (какъ выразился Тургеневъ), но онъ приблизился, насколько это возможно, къ той единой мудрости, которая дается человѣку, когда онъ твердо и прямо идетъ путемъ добра и истины. Эти два идеала были такъ же дороги Плетневу, какъ и третій, - идеалъ прекраснаго; но его стремленіе въ послѣднему было замѣтнѣе, а потому и болѣе оцѣнено свѣтомъ. Вотъ начала, подъ вліяніемъ которыхъ сложился этотъ цѣльный и незавиcимый характеръ. Ни для какихъ благъ въ мірѣ онъ не приносилъ въ жертву своихъ убѣжденій и правилъ; для внѣшняго успѣха онъ никогда не позволялъ себѣ ни искательства, ни преклоненія; вообще всякое униженіе своего достоинства было ему ненавистно“.

А вотъ что вспоминаетъ о немъ Тургеневъ [2]): „Онъ былъ прекрасный семьянинъ и во второй своей супругѣ, въ дѣтяхъ своихъ, нашелъ все нужное для истиннаго счастія. Мнѣ пришлось раза два встрѣчаться съ нимъ за-границею: разстроенное здоровье заставило его покинуть Петербургъ и свою ректорскую должность; въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ Парижѣ, незадолго до его кончины. Онъ совершенно безропотно и даже весело переносилъ свою весьма тягостную и несносную болѣзнь“. —„Я знаю, что я скоро долженъ умереть,—говорилъ онъ мнѣ,—и кромѣ благодарности судьбѣ ничего не чувствую;—пожилъ я довольно, видѣлъ и испыталъ много хорошаго, зналъ прекрасныхъ людей;—чего-же больше? Надо и честь знать“! И на смерти его, какъ я потомъ слышалъ, лежалъ тотъ-же отпечатокъ душевной тишины и покорности.

„Я любилъ бесѣдовать съ нимъ. До самой старости онъ сохранилъ почти дѣтскую свѣжесть впечатлѣній и, какъ въ молодые годы, *умилялся* передъ красотою: онъ и тогда не *восторгался* ею.

---

[1]) Ibid. стр. 2076.

[2]) Ibid. стр. 1674, а также въ посмертномъ изданіи сочиненій И. С. Тургенева, т. I, стр. 17.

Онъ не разставался съ дорогими воспоминаніями своей жизни; онъ лелѣялъ ихъ, онъ трогательно гордился ими. Разсказывать о Пушкинѣ, о Жуковскомъ—было для него праздникомъ. И любовь къ родной словесности, къ родному языку, къ самому его звуку, не охладѣла въ немъ; его коренное, чисто-русское происхожденіе сказывалось и въ этомъ—онъ былъ, какъ извѣстно, изъ духовнаго званія. Этому-же происхожденію приписываю я его елейность, а, можетъ быть, и житейскую его мудрость. Онъ съ прежнимъ участіемъ слушалъ произведенія нашихъ новыхъ писателей—и произносилъ свой судъ, не всегда глубокій, но почти всегда вѣрный и, при всей мягкости формъ, неуклонно согласный съ тѣми началами, которымъ онъ никогда не измѣнялъ въ дѣлѣ поэзіи и искусства. Студенческія „исторіи“, случившіяся во время его отсутствія за-границей, глубоко его огорчили, глубже чѣмъ я ожидалъ, зная его характеръ; онъ скорбѣлъ о своемъ „бѣдномъ“ университетѣ, и осужденіе его падало не на однихъ молодыхъ людей“...

IV.

Біографъ Плетнева, Я. К. Гротъ, приписываетъ случайнымъ обстоятельствамъ сближеніе Плетнева съ лицейскими поэтами и съ Жуковскимъ. Но едва ли это сближеніе могло быть дѣломъ слѣпого случая. Какъ восторженный словесникъ, увлекавшійся и заходящими, и восходящими свѣтилами своего вѣка, Плетневъ навѣрное сознательно стремился всѣми силами своей души приблизиться къ тѣмъ богамъ, которымъ онъ молился, и боги имѣли всѣ причины внять его мольбамъ. Онъ вошелъ въ среду ихъ сначала, конечно, какъ лишь поклонникъ ихъ и почитатель. Затѣмъ, онъ быстро и легко пріобрѣлъ полное довѣріе и дружбу съ ихъ стороны, благодаря симпатическимъ качествамъ характера; а сверхъ всего того, онъ, не ограничиваясь одними восторженными поклоненіями, оказался для нихъ человѣкомъ въ высшей степени полезнымъ и необходимымъ въ различныхъ житейскихъ отношеніяхъ. Большая часть ихъ постоянно путешествовала и вообще вела жизнь самую кочевую, а онъ, по обязанностямъ своей службы, проживалъ осѣдло въ Петербургѣ, и потому могъ исполнять дружескія порученія, которыя они ему давали, какъ-то: высылать имъ необходимыя для нихъ книги, пристроивать ихъ произведенія и для этого входить въ сношенія съ книгопродавцами, издателями журналовъ, цензорами, наконецъ,

слѣдить за выпускомъ въ свѣтъ ихъ изданій, и т. п. Всю жизнь Плетневъ былъ заваленъ множествомъ подобнаго рода порученій со стороны своихъ кочующихъ друзей и не только терпѣливо, но съ величайшею готовностью и радостью исполнялъ ихъ. Такъ, уже въ 1822 году Пушкинъ въ письмѣ къ А. А. Бестужеву изъ Кишинева, между прочимъ, пишетъ ему [1]: „предвижу препятствіе къ напечатанію стиховъ къ Овидію, но старушку (цензуру) можно и должно обмануть, ибо она очень ...; повидимому, ее пострадали моимъ именемъ. Не называйте меня, а поднесите ей мои стихи подъ именемъ кого вамъ угодно (напр. услужливаго Плетнева, или какого-нибудь путешественника, скитающагося по Тавридѣ)“... Двадцать четыре года спустя, въ 1846 г. Гоголь въ своемъ письмѣ къ И. И. Сосницкому о продажѣ изданія „Ревизора“ въ пользу бѣдныхъ, между прочимъ, проситъ его всѣ жертвуемыя деньги доставлять Плетневу, которому порученъ сборъ денегъ, и отъ котораго поступятъ они къ тѣмъ, на кого возложена раздача бѣднымъ. „Побывайте,—пишетъ Гоголь,—у Плетнева теперь же и спросите его, не нужно ли какого вспомоществованія собственно отъ васъ въ дѣлѣ изданія „Ревизора“, относительно ли корректуры или чего другого. На немъ слишкомъ навьючено теперь всякихъ обузъ, и ему довольно тяжело и трудно управляться одному“ [2].

Но мы представили бы положеніе Плетнева въ кружкѣ олимпійцевъ въ ложномъ свѣтѣ, еслибы вообразили, что роль его по отношенію къ нимъ исчерпывалась бы подобнымъ коммиссіонерствомъ. Онъ былъ ихъ другомъ въ истинномъ и высшемъ значеніи этого слова, былъ повѣреннымъ всѣхъ ихъ сердечныхъ семейныхъ тайнъ; къ тому же мнѣніемъ и совѣтомъ его дорожили не только въ житейскихъ дѣлахъ, но и въ литературныхъ. Ему первому сообщали олимпійцы о своихъ художественныхъ замыслахъ и читали свои произведенія, съ цѣлію узнать его мнѣніе и получать отъ него замѣчанія, которыя всегда принимались во вниманіе, и очень часто, на основаніи этихъ замѣчаній, корифеи дѣлали поправки въ своихъ произведеніяхъ. Нагляднымъ доказательствомъ тому, какъ высоко цѣнили Плетнева друзья его, и какъ критика, и какъ человѣка, можетъ служить слѣдующая выдержка изъ письма къ Плетневу Гоголя въ 1842 г. послѣ выхода въ свѣтъ „Мертвыхъ душъ“. „Вы вѣрно будете писать разборъ „Мертвыхъ душъ“; по крайней мѣрѣ, мнѣ бы этого очень хотѣлось.

---

[1] Р. Стар. 1882, № 2, стр. 450.

[2] Р. Стар. 1872, № 10, стр. 443.

Я дорожу вашимъ мнѣніемъ. У васъ много внутренняго, глубоко-эстетическаго чувства, хотя вы не брызжете внѣшнимъ, блестящимъ фейерверкомъ, который слѣпитъ очи большинства. Пришлите мнѣ листки вашего разбора въ письмѣ. Мнѣ теперь больше чѣмъ когда-либо нужна самая строгая и основательная критика. Ради вашей дружбы, будьте взыскательны, какъ только можно... Не позабудьте же этого, добрый старый другъ мой! Я васъ сильно люблю. Любовь эта, подобно нѣкоторымъ другимъ сильнымъ чувствамъ, заключена на днѣ души моей, и я не стремлюсь ее обнаруживать знаками. Но вы сами должны чувствовать, что съ воспоминаніемъ о васъ слито воспоминаніе о многихъ свѣтлыхъ и прекрасныхъ минутахъ моей жизни“ [1]).

Еще болѣе было бы ошибочно предполагать, будто Плетневъ угождалъ олимпійцамъ, смотрѣлъ сквозь пальцы на всѣ ихъ недостатки, а они любили его исключительно за то, что онъ восхвалялъ ихъ. Напротивъ, онъ держалъ себя съ ними съ большимъ достоинствомъ и откровенно, порою съ немалою рѣзкостью высказывалъ имъ свои мнѣнія о ихъ недостаткахъ не только литературныхъ, но и нравственныхъ. Примѣромъ этого можетъ служить письмо его къ Пушкину 14 апрѣля 1826 года, въ которомъ онъ сурово укоряетъ своего друга за то, что тотъ написалъ гр. Бенкендорфу жалобу на Ольдекопа, напечатавшаго свой переводъ „Кавказскаго плѣнника, вмѣстѣ съ подлинникомъ. „Нестыдно ли тебѣ,—пишетъ Плетневъ,—такую старину вспоминать, каково дѣло твое съ Ольдекопомъ. Книги его ужъ нѣтъ ни экземпляра; да я не знаю, существуетъ ли она въ какомъ-нибудь форматѣ. И изъ-за чего ты хлопочешь? Если хочешь денегъ, согласись только вновь напечатать „Кавказ. Плѣн.“ или „Бахч. Фонт.“, и деньги посыплются къ тебѣ. Если хочешь примѣромъ его учить другихъ: этого никто не дѣлалъ, да и не сдѣлаетъ. Оставь во рту у нищаго кусокъ. Если его вырвешь, онъ, можетъ быть, умретъ съ голода, а ты до-сыта не наѣшься“ [2]).

V.

Плетневъ началъ свое литературное поприще стихотвореніями. Первое изъ нихъ, о Ломоносовѣ, было напечатано въ 1820 году въ „Соревнователѣ“, „Трудахъ Вольн. Общ. любителей росс. слов.“,

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 449—500.
[2]) Сочин. Плетнева, т. III, стр. 342.

въ XI т. на 91 стр., подъ заглавіемъ: „Голосъ природы". Затѣмъ, въ теченіи 20-хъ годовъ ежегодно являлось въ свѣтъ по нѣскольку его стихотвореній, какъ въ „Соревнователѣ", такъ и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ и альманахахъ,—въ „Сынѣ Отечества", въ „Новостяхъ литературы" (прибавленія къ Рус. Инвалиду), въ „Полярной звѣздѣ", въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ, въ „Утренней Зарѣ". Не отличаясь всѣми признаками особенно крупнаго дарованія, стихи Плетнева весьма гладки и не лишены мѣстами изящества и поэтическаго огонька; и въ этомъ отношеніи нельзя вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ Пушкина, высказаннымъ имъ въ письмѣ къ брату Л. С. изъ Кишинева въ 1822 году, по поводу стихотворенія Плетнева: „Батюшковъ изъ Рима"; оно было напечатано въ „Сынѣ Отечества", 1821 г., въ № 8. Въ этомъ стихотвореніи Плетневъ говоритъ отъ лица самого Батюшкова, а именно, что, покинувъ родину и друзей, подъ чужимъ небомъ, среди чуждыхъ страннику красотъ прелестной Авзоніи, онъ утратилъ свое поэтическое вдохновеніе:

Напрасно нѣга и любовь
Сулятъ мнѣ упоенья—
Хладѣетъ пламенная кровь
И вянутъ наслажденья.
Веселья и любви пѣвецъ,
Я позабылъ забавы;
Я снялъ свой миртовый вѣнецъ
И дни влачу безъ славы.—

Батюшковъ, у котораго въ то время развивалась уже его душевная болѣзнь, очень былъ обиженъ этими стихами. Недоволенъ былъ ими и Пушкинъ, и въ вышеупомянутомъ письмѣ вотъ что онъ высказалъ по поводу этого стихотворенія:

„Батюшковъ правъ, что сердится на Плетнева; на его мѣстѣ я бы съ ума сошелъ со злости. „Б. изъ Рима" не имѣетъ человѣческаго смысла, даромъ, что новость на Олимпѣ мила. Вообще мнѣніе мое, что Плетневу приличнѣе проза, нежели стихи—онъ не имѣетъ никакого чувства, никакой живости—слогъ его блѣденъ, какъ мертвецъ. Кланяйся ему отъ меня (т.-е. Плетневу, а не его слогу), и увѣрь его, что онъ нашъ Гёте".

Письмо это было показано Плетневу, и вызвало лучшее изъ его стихотвореній, въ видѣ посланія его къ Пушкину; оно напечатано въ „Трудахъ Вольн. Общ. росс. слов.", 1824 г. № 4. Начинается это посланіе слѣдующими двумя куплетами:

Я не сержусь на ѣдкій твой упрекъ:
На немъ печать твоей открытой силы;
И, можетъ быть, взыскательный урокъ
Ослабшія мои возбудитъ крылы.
Твой гордый гнѣвъ, скажу безъ лишнихъ словъ,
Утѣшнѣе хвалы простонародной:
Я узнаю судью моихъ стиховъ,
А не льстеца съ улыбкою холодной.
Притворство прочь; на поприщѣ моемъ
Я не свершилъ достойное поэта.
Но мысль моя божественнымъ огнемъ
Въ минуты думъ не разъ была согрѣта.
Въ набросанныхъ съ небрежностью стихахъ
Ты не ищи любимыхъ мной созданій;
Они живутъ въ несказанныхъ мечтахъ;
Я ихъ храню въ толпѣ моихъ желаній.

Онъ объясняетъ бѣдность своего поэтическаго вдохновенія массою прозаическихъ заботъ, которыя снѣдаютъ его бездѣйственные годы, тѣмъ, что на немъ лежитъ „властительная цѣпь суровыхъ нуждъ, желаній безнадежныхъ", и что онъ проходитъ „уныло жизни степь", и радуется „средь радостей ничтожныхъ"; а затѣмъ, въ дальнѣйшихъ стихахъ посланія, начинаетъ биться даже совсѣмъ особая жилка, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ того крайне возбужденнаго состоянія, въ которомъ находилось въ тѣ годы наше общество:

Но жизни цѣпь (ты хладно скажешь мнѣ)
Презрительна для гордаго поэта:
Онъ духомъ царь въ забвенной сторонѣ,
Онъ сердцемъ мужъ въ младенческія лѣта.
Я бъ думалъ такъ: но перенеси меня
Въ тотъ край, гдѣ все живетъ одушевленьемъ;
Гдѣ мыслію, исполненной огня,
Всѣ дѣлятся, какъ лучшимъ наслажденьемъ;
Гдѣ вѣрный вкусъ торжественно взялъ власть
Надъ мнѣніемъ невѣжества и лести;
Гдѣ передъ нимъ молчитъ слѣпая страсть,
И даръ одинъ идетъ дорогой чести!
Тамъ рубище и хижина пѣвца
Безцѣннѣе вельможескаго злата:
Тамъ изъ оковъ для славнаго вѣнца
Зовутъ во храмъ гонимаго Торквата.
Но здѣсь, какъ здѣсь бороться съ жизнью намъ
И пламенно предаться страсти милой,
Гдѣ хладъ въ сердцахъ къ плѣнительнымъ мечтамъ,
И даръ убитъ невѣжествомъ и силой!
Ужасно зрѣть, когда сраженъ судьбой
Любимецъ Музъ, и вмѣсто состраданья,

Коварный смѣхъ встрѣчаетъ предъ собой,
Торжественный упрекъ и поруганья!..

Затѣмъ слѣдуютъ жалобы на уединеніе, на разлуку съ друзьями, которые могли бы вдохновлять его и дѣлить съ нимъ жажду къ пѣснопѣнью. Посланіе заканчивается слѣдующими стихами:

Съ любовію моей
Къ поэзіи, въ душѣ съ тоской глубокой,
Быть можетъ, я подъ бурей грозныхъ дней
Склонюсь къ землѣ, какъ тополь одинокій.

Стихи эти понравились Пушкину, и въ письмѣ къ своему брату, 6 окт. 1822 г., онъ пишетъ, между прочимъ: „Еслибъ ты былъ у меня подъ рукою, моя прелесть, то я бы тебѣ уши выдралъ. Зачѣмъ ты показалъ Плетневу письмо мое? Въ дружескомъ обращеніи я предаюсь рѣзкимъ и необдуманнымъ сужденіямъ; они должны оставаться между нами... Впрочемъ, посланіе Плетнева, можетъ быть, первая его піэса, которая вырвалась отъ полноты чувства; она блещетъ красотами истинными. Онъ умѣлъ воспользоваться своимъ выгоднымъ противъ меня положеніемъ; тонъ его смѣлъ и благороденъ"...

Послѣ этого Пушкинъ относился къ стихотвореніямъ Плетнева гораздо мягче и снисходительнѣе, и даже слѣдующіе восемь стиховъ его заучилъ наизусть и при первой встрѣчѣ прочелъ ихъ своему другу:

Муза, ты мой путь презрѣнный
Съ гордостью не обошла,
И судьбѣ моей забвенной
Руку вѣрную дала.
Будь до гроба мой вожатый!
Оживи мои мечты,
И на горькія утраты
Брось послѣдніе цвѣты!..

Но муза, видно, не послушалась поэта и не осталась его вожатымъ до гроба. По крайней мѣрѣ, послѣ 1827 года, Плетневъ покинулъ поэтическое поприще окончательно и не печаталъ болѣе своихъ стихотвореній.

VI.

Одновременно съ стихотвореніями начали печататься и критическія статьи Плетнева въ журналахъ двадцатыхъ годовъ. Впрочемъ, самая первая его статья, появившаяся въ печати, относится къ болѣе раннему времени, именно къ 1818 году. Это

было предисловіе къ книгѣ, вышедшей въ этомъ году подъ заглавіемъ: „Евгенія, или письма къ другу, собранныя Иваномъ Георгіевскимъ". Въ этомъ предисловіи, озаглавленномъ: „Извѣстіе объ Иванѣ Георгіевскомъ, авторѣ романа Евгенія", Плетневъ сообщилъ біографическія свѣденія объ авторѣ книги, и судя по этимъ біографическимъ свѣденіямъ и тому горячему тону, съ которымъ написана статья, можно полагать, что прежде времени умершій отъ чахотки Иванъ Георгіевскій былъ товарищъ Плетнева и по семинаріи, и по педагогическому институту, другъ его дѣтства, къ которому онъ питалъ самыя нѣжныя чувства. Конечно, онъ, подразумѣваетъ, между прочимъ и себя въ числѣ товарищей Георгіевскаго въ слѣдующихъ строкахъ біографіи:

„Характеръ его рано принялъ то направленіе, отъ котораго никогда не уклонялся. Пусть себѣ представятъ его пятнадцати, шестнадцати лѣтъ—во власти людей, державшихся еще деспотическихъ правилъ Аристотеля: окруженный безотвѣтными товарищами, онъ отваживается свободно открывать свои мысли, требуетъ или удовлетворительнаго рѣшенія, или права на скромное сомнѣніе. Дѣтскія забавы не доставляли ему истинныхъ радостей. Обыкновенно небольшое общество его пріятелей находило одно удовольствіе въ прогулкахъ по прекраснымъ берегамъ Волги. Этотъ вкусъ онъ такъ умѣлъ усилить въ кругу своемъ, что никто изъ друзей его не хотѣлъ показываться дитятею. Никогда не могъ онъ послѣ вспомнить безъ особеннаго чувства о тѣхъ товарищахъ, которые раздѣляли съ нимъ дѣтскія его мечтанія".

Замѣчательно, что совершенно подобно Плетневу (вѣроятно, друзья руководствовались въ этомъ случаѣ общими склонностями и взаимными вліяніями другъ на друга) Георгіевскій поступилъ сперва на математическое отдѣленіе. „Особенно математика, предметъ столько же трудный, сколько и занимательный, увлекла его въ свои тонкости. Можетъ быть, и противъ собственнаго вкуса, желая только быть побѣдителемъ на самомъ труднѣйшемъ пути, онъ сдѣлался къ ней пристрастнымъ до излишества. Когда же болѣзнь принудила его прервать всѣ занятія, и юноша навсегда потерялъ ту крѣпость, которая обѣщала ему счастливую и долговременную жизнь,—тогда сдѣлавшись опытнѣе и недовѣрчивѣе къ своему сложенію, онъ ограничился тѣми предметами, кои болѣе сходствовали съ его вкусомъ. Тогда филологія, исторія и философія заняли его совершенно".

Дѣйствительно, вмѣстѣ съ Георгіевскимъ и Плетневъ тогда же перешелъ на филологическій отдѣлъ, а потому считаемъ не лишнимъ привести изъ біографіи Георгіевскаго слѣдующія строки, въ

которыхъ Плетневъ, описывая, чѣмъ занимался Георгіевскій въ институтѣ, подразумѣваетъ здѣсь, конечно, и самого себя, жившаго съ своимъ другомъ одною нераздѣльною жизнію.

„Въ скоромъ времени къ познаніямъ въ древней словесности, онъ присоединилъ познанія въ языкахъ нѣмецкомъ и французскомъ. Шиллеръ и Ж.-Ж. Руссо—двѣ точки соединенія чувствительныхъ сердецъ, по выраженію одного нашего стихотворца, сдѣлались любимыми его собесѣдниками. Тогда мечтательный міръ превратился для него въ отечество: тамъ только былъ онъ совершенно счастливымъ. Не имѣя никакихъ знакомствъ, со времени пріѣзда своего въ Петербургъ, онъ не чувствовалъ въ нихъ надобности. Ему пріятно только было видѣть подлѣ себя друга, который бы принималъ участіе въ сладостныхъ мечтахъ его: остальная жъ вселенная была ему чуждою“.

Кромѣ такихъ біографическихъ свѣдѣній, откуда мы узнаемъ, что̀ занимало Плетнева вмѣстѣ съ его другомъ въ стѣнахъ института, эта статья любопытна также и въ томъ отношеніи, что показываетъ намъ, какъ сильно вліялъ Карамзинъ на молодежь того времени. Здѣсь мы видимъ не одинъ только сантиментальный тонъ, но и языкъ Карамзина, и любимыя его аллегорическія выраженія. Такъ, приступая къ біографіи друга, Плетневъ говоритъ, что онъ считаетъ себя „въ правѣ посадить цвѣтокъ на свѣжей могилѣ своего Агатона“, и затѣмъ продолжаетъ: „если истинная чувствительность, чистая нравственность и твердыя правила заставляютъ уважать людей въ зрѣлыхъ лѣтахъ, то можно ли юношѣ отказать въ любви за сіи качества, особенно, смѣю сказать, въ нынѣшнее время, когда разсѣянность сдѣлалась стихіей юношей, когда такъ рѣдко встрѣчаются молодые Сократы“?

VII.

Уже четыре года спустя, послѣ этого перваго опыта, Плетневъ успѣлъ избавиться отъ подражанія Карамзину, и въ 1822 г., въ статьѣ о стихотвореніяхъ Милонова, напечатанной въ „Соревнователѣ“, мы видимъ его ставшимъ на свои ноги. Статья написана вполнѣ оригинальнымъ слогомъ, и въ ней впервые онъ является выразителемъ идей и взглядовъ олимпійцевъ, критикомъ ихъ кружка.

Такъ, всѣми членами кружка раздѣлялась идея, бывшая въ то время совершенно новою: именно, что поэтомъ надо родиться, а нельзя сдѣлаться, и что только человѣкъ, владѣющій врожден-

нымъ талантомъ, способенъ силою вдохновенія создать произведеніе вполнѣ естественное и истинное. Идея эта явилась у насъ вмѣстѣ съ романтизмомъ, и въ ней выражалось главное отрицаніе псевдо-классицизма съ его стремленіями путемъ риторики и піитики искусственно создавать поэтовъ. Но раздѣляя эту идею, олимпійцы въ одинъ голосъ исповѣдывали, что одного поэтическаго таланта и вдохновенія все-таки мало для созданія произведенія вполнѣ совершеннаго. Необходима сверхъ того масса труда чисто техническаго, чтобы вполнѣ овладѣть формою, отчеканить ее, придать ей ту гармонію, изящество, красоту, при условіи которыхъ лишь форма способна сдѣлаться вполнѣ художественною выразительницею поэтическаго содержанія. Требованіе это олимпійцы считали тѣмъ болѣе важнымъ, что главная суть литературнаго движенія того времени заключалась, какъ мы выше говорили, въ выработкѣ именно формъ поэзіи и языка. Она-то именно и побуждала всѣхъ корифеевъ, начиная съ Жуковскаго и кончая Гоголемъ, употреблять на отдѣлку своихъ произведеній гораздо болѣе времени, чѣмъ на первоначальное созданіе ихъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ и оставшіяся отъ нихъ черновыя рукописи.

На основаніи этихъ двухъ идей и Плетневъ разбираетъ Милонова. „Истинное одушевленіе поэта,—говоритъ онъ,—ничего не имѣетъ общаго съ холоднымъ жаромъ къ авторству. Первое ко всему возбуждаетъ сильное участіе въ читателѣ, согрѣваетъ душу и двигаетъ по волѣ своей всѣ ея способности: а послѣдній далѣе слуха нашего не знаетъ дороги—и всѣ звуки его въ немъ умираютъ. Кто, читая стихи Милонова, не скажетъ, что онъ былъ истинный поэтъ? Мысли, чувства, картины — все изливалось у него изъ сердца, изъ сего единственнаго источника поэзіи. Разсудокъ можетъ быть прекраснымъ наставникомъ стихотворца, но не замѣнитъ чувствительности и воображенія“.

Но если въ Милоновѣ Плетневъ усматриваетъ истинный поэтическій талантъ, почему же, однако, произведенія его не выдвинулись впередъ, не сдѣлались классическими, а напротивъ того, оставались въ полномъ пренебреженіи? Причину этого явленія Плетневъ усматриваетъ именно въ неудовлетворительности Милонова относительно тѣхъ формальныхъ техническихъ требованій, которыя считались въ кружкѣ корифеевъ столь важными.

„Онъ умеръ, — говоритъ Плетневъ,—около тридцати лѣтъ отъ роду. Мужество его дарованій ручалось, что онъ могъ бы со временемъ произвести что-нибудь важнѣе первыхъ своихъ стихотвореній. Но.... любителямъ талантовъ осталось только почтить его

воспоминаніемъ—этою скудною данью, которая, между тѣмъ, составляетъ единственную и самую сладостную надежду дѣтей Аполлона. Надобно теперь сказать о немъ, какъ о писателѣ. Къ сожалѣнію, мы уже замѣтили во многихъ приведенныхъ выше мѣстахъ, что онъ былъ въ семъ отношеніи ниже своего времени. Почитатель и любимецъ Дмитріева, современникъ и почти сверстникъ Жуковскаго и Батюшкова, онъ далеко отсталъ отъ нихъ въ слогѣ. Знавшіе коротко Милонова говорятъ, что онъ очень легко писалъ стихи: это, можетъ быть, болѣе всего ему вредило. Чтобы сдѣлать стихи легкими, надобно ихъ написать съ большимъ трудомъ. Всякое произведеніе искусства требуетъ для совершеннѣйшей своей отдѣлки необыкновеннаго терпѣнія: а поэзія стоитъ выше всѣхъ искусствъ, и слѣдственно, ея произведенія, съ большимъ трудомъ противъ прочихъ, надобно обрабатывать. Правда, что Милоновъ самою небрежностью слога съ нѣкоторой стороны выигралъ: онъ ею показалъ, что не принадлежитъ къ толпѣ словесныхъ подражателей, которыхъ, на бѣду образцовымъ нашимъ поэтамъ, такъ много въ нынѣшнее время — и которые, кромѣ словъ, ничего не умѣютъ занять отъ своихъ примѣровъ. Между тѣмъ, непростительно отличному писателю стоять по языку позади отъ своего времени. Не предлагая вопроса: какой поэтъ выше—одаренный большимъ талантомъ и не умѣющій хорошо писать, или при меньшемъ талантѣ совершенно владѣющій языкомъ—мы замѣтимъ только, что языкъ есть собраніе понятій, облеченныхъ въ условные звуки. Слѣдственно, кто пренебрегаетъ тайнами языка, тотъ, сочиняя, противорѣчитъ своему намѣренію, т.-е. выраженію мыслей. Главные недостатки Милонова суть: стеченіе въ одномъ мѣстѣ многихъ согласныхъ, а часто и гласныхъ, затрудняющихъ выговоръ, неумѣстныя усѣченія словъ (это чаще всего встрѣчается) и запутанная ихъ разстановка. Сверхъ того, встрѣчаются у него періоды столь длинные, что вниманіе, будучи утомлено наборомъ подлежащихъ или сказуемыхъ, теряетъ изъ виду связь мыслей. Сравнивъ дарованіе его съ выраженіемъ мыслей словами, скажемъ, что никто справедливѣе Милонова не выбиралъ эпиграфа для своей книги:

„Меня переживутъ мои сердечны чувства“.

Объясняя, такимъ образомъ, неуспѣхъ Милонова пренебреженіемъ къ языку и формѣ, Плетневъ въ то же время отдавалъ справедливость Жуковскому и Батюшкову именно за то, что они первые обратили главное вниманіе на выработку языка.

„Мы видѣли,—говоритъ онъ въ своей замѣткѣ о сочиненіяхъ

Жуковскаго и Батюшкова, напечатанной въ томъ же году въ книгѣ Греча: „Опытъ краткой исторіи русской литературы", —что истинная поэзія никогда не дичилась угрюмаго отечества нашего. Съ начала XII до XVIII столѣтія она то рѣже, то чаще, оживляла лиры нашихъ пѣснопѣвцевъ хотя разными, но равно плѣнительными звуками. У насъ недоставало только рѣшительной отдѣлки языка поэзіи. Всеобъемлющій Ломоносовъ, отважный Петровъ и неподражаемый Державинъ обогатили словесность нашу высокими, можетъ быть единственными произведеніями поэзіи, но не побѣдили своенравнаго языка. Всѣ удивлялись поэтамъ, а стихи ихъ читали немногіе. Свѣтская и затѣйливая муза Дмитріева наконецъ получила доступъ во всѣ кабинеты. Съ нею начали бесѣдовать и записные литераторы, и безприсяжные щеголи, и полуфранцуженки-женщины. Въ это время явились два человѣка, которые совершенно овладѣли языкомъ поэзіи. Они наши современники; они съ царствованія Александра I (эпохи блистательнѣйшей въ исторіи отечества) начали новый періодъ русской поэзіи: я говорю о Жуковскомъ и Батюшковѣ.

„Чистота, свобода и гармонія составляютъ главнѣйшія совершенства новаго стихотворнаго языка нашего. Объяснимъ каждое изъ нихъ порознь. Употребленіе собственно русскихъ словъ и оборотовъ не даетъ еще полнаго понятія о чистотѣ нашего языка. Ему вредятъ, его обезображиваютъ неправильныя усѣченія словъ, невѣрныя въ нихъ ударенія и неумѣстная смѣсь славянскихъ словъ съ чистымъ русскимъ нарѣчіемъ. До временъ Жуковскаго и Батюшкова, всѣ наши стихотворцы, болѣе или менѣе, подвержены были сему пороку: языкъ упрямился; мѣра и риѳма часто смѣялись надъ стихотворцемъ и побѣждали его. Подъ именемъ свободы языка, здѣсь разумѣется правильный ходъ всѣхъ словъ періода, смотря по смыслу рѣчи. Русскій языкъ менѣе всѣхъ новѣйшихъ языковъ стѣсняется разстановкою словъ; однакоже, по свойству понятій, выражаемыхъ словами, и въ немъ надобно держаться естественнаго словотеченія".

Приводя далѣе нѣкоторые запутанные и тяжелые стихи изъ одъ Державина, Плетневъ продолжаетъ: „Всякій согласится, что подобная разстановка словъ, при всѣхъ совершенствахъ поэзіи, стихи дѣлаетъ запутанными. Жуковскій и Батюшковъ показали прекрасные образцы, какъ надобно побѣждать сіи трудности, и очищать дорогу теченію мыслей. Это имѣло удивительныя послѣдствія. Въ нынѣшнее время произведенія второклассныхъ и, если угодно, третьеклассныхъ поэтовъ носятъ на себѣ отпечатокъ легкости и пріятности выраженій. Ихъ можно читать съ удоволь-

ствіемъ. Кругъ литературной дѣятельности распространился, и богатства вкуса умножились"...

Вотъ эта самая важность выработки языка, которую Плетневъ ставилъ въ заслугу Батюшкову и Жуковскому, и заставляла его и въ письмахъ къ друзьямъ своимъ, и въ печатныхъ критическихъ статьяхъ, постоянно весьма строго относиться къ каждому неточному или неловкому выраженію и слову, къ малѣйшей запинкѣ въ стихахъ, и друзья были весьма благодарны ему за это: онъ помогалъ имъ, содѣйствуя именно тому дѣлу, которое ихъ наиболѣе занимало, и вполнѣ удовлетворялъ этимъ ихъ требованіе отъ критики.

VIII.

Но не однимъ только стилистомъ былъ Плетневъ въ своихъ статьяхъ. Главная заслуга его заключается въ томъ, что уже въ началѣ 20-хъ годовъ, за 14 лѣтъ раньше Бѣлинскаго, въ то время, когда не появлялось критикъ не только Веневитинова, Кирѣевскаго, Надеждина, но и Полевого, выступившаго со своимъ „Московскимъ Телеграфомъ" лишь въ 1824 году, онъ первый ввелъ характеристики поэтовъ по существу, по внутреннему характеру ихъ поэзіи. Такъ, уже въ вышеупомянутой замѣткѣ его о Жуковскомъ и Батюшковѣ онъ дѣлаетъ весьма мѣткое опредѣленіе различія между романтикомъ Жуковскимъ и неоклассикомъ Батюшковымъ. „Батюшковъ, — говоритъ онъ, — держится новѣйшей классической школы. Нѣжность чувствъ, умѣряемая голосомъ истины, воображеніе живое, но всегда послушное строгому вкусу, описанія прекрасныя, но никогда не преувеличенныя—отличаютъ сію школу отъ романтической. Батюшковъ задумывается, а не мечтаетъ. Его скорѣе увлекаетъ чувство, нежели воображеніе. Онъ преимущественно любитъ такъ-называемую пластическую красоту, а не воображаемую. Ею исполнена для него природа. Чувство нѣги и наслажденія, въ разнообразнѣйшихъ видахъ, но постоянно прекрасныхъ, разливается на всю его поэзію" и т. д. И всѣ дальнѣйшія его опредѣленія и Пушкина, и Дельвига, и Крылова, и Гоголя, и прочихъ писателей его времени столь же точны, мѣтки и обличаютъ въ нёмъ глубокое поэтическое и критическое чутье. Довольно сказать, что всѣ позднѣйшіе критики, не исключая и Бѣлинскаго, нисколько не измѣнили, не перерѣшили его характеристикъ; они только развили ихъ, придали имъ болѣе глубокія философскія и соціальныя подосновы, выразили ихъ рельефнѣе, разностороннѣе, талантливѣе; но съ чисто эстети-

ческой стороны характеристики эти остались тѣ же самыя. Это дѣло было уже сдѣлано Плетневымъ вполнѣ правильно и передѣлывать его не было никакихъ основаній.

Правильности и безпристрастію его литературныхъ характеристикъ и приговоровъ много содѣйствовало именно отсутствіе предвзятости, существовавшее въ кружкѣ, въ которомъ онъ вращался. — Онъ сразу очутился подъ вліяніемъ талантливѣйшихъ друзей столь различныхъ направленій, какъ неоклассикъ Батюшковъ, романтикъ Жуковскій, байронистъ, а потомъ реалистъ Пушкинъ, и впослѣдствіи натуралистъ Гоголь. Видя, какъ всѣ эти столь не похожіе одинъ на другого писатели мирно уживаются въ взаимномъ уваженіи другъ къ другу, и онъ привыкъ каждому воздавать должное по заслугамъ. Это избавило его отъ той узкости и односторонности, къ какой приходили всѣ тѣ его сверстники, которые, выказывая приверженность къ одной какой-нибудь школѣ, отрицали въ то же время всѣ другія; такъ, напримѣръ, Полевой со своими романтическими идеалами не могъ понять Гоголя, потому что послѣдній не подходилъ къ этимъ романтическимъ идеаламъ.—У Плетнева мы не видимъ подобнаго печальнаго побужденія увязнуть въ одной какой-нибудь доктринѣ, воспринятой въ молодыхъ лѣтахъ. Напротивъ, онъ не только постоянно шелъ вмѣстѣ со своимъ вѣкомъ, но предугадывалъ новыя литературныя движенія и вѣянія въ самомъ ихъ зародышѣ, предупреждалъ ихъ, такъ сказать.

Напримѣръ, казалось весьма естественно было бы ожидать, что воспитавшись на сантиментализмѣ Карамзина и перейдя затѣмъ къ романтизму Жуковскаго, онъ остановится на этомъ романтизмѣ, какъ на послѣднемъ и окончательномъ словѣ литературы. Между тѣмъ, уже въ 1822 году онъ предвидѣлъ, что дальнѣйшее движеніе литературы не можетъ ограничиться одною пересадкою западныхъ формъ, какъ это было до сихъ поръ, а ей предстоитъ иная трудная и высшая задача, — стать на народную почву. Казалось, ничего не давало поводъ ожидать подобнаго движенія: Жуковскій продолжалъ свои переводы и передѣлки иностранныхъ произведеній; Батюшковъ писалъ свои космополитическія элегіи; Пушкинъ только-что успѣлъ издать первую свою поэму „Русланъ и Людмила“, и еще неизвѣстно было, куда пойдетъ и какъ опредѣлится этотъ необычайно сильный, но еще молодой тогда талантъ. И вотъ стоило только написать Гнѣдичу идиллію, и въ ней изобразить вмѣсто обычныхъ аркадскихъ пастуховъ и пастушекъ русскихъ рыбаковъ на берегу Невы, — и этого уже было достаточно, чтобы Плетневъ поднялъ вопросъ о

народности въ литературѣ, въ своей статьѣ о „Рыбакахъ", помѣщенной въ „Трудахъ В. Об. люб. рос. словесности".

Начиная съ того, что „когда произведеніе рождается отъ истиннаго одушевленія, когда оно въ состояніи совершенно овладѣть нашимъ сердцемъ и направить волю нашу къ какой-нибудь прекрасной рѣшимости, — то какимъ бы орудіемъ ни образовалъ его художникъ и въ какую бы страну оно перенесено ни было, вездѣ и всегда будутъ почитать его совершеннымъ", — Плетневъ замѣчаетъ далѣе, что все-таки есть „причины, можетъ быть важнѣе приведенныхъ нами, по которымъ надобно согласиться съ мнѣніемъ сочинителя вышеозначенной идилліи, что народная поэзія (мы думаемъ, что онъ самъ не откажется распространить своего замѣчанія объ идилліяхъ и на другіе роды поэзіи) предпочтительнѣе неопредѣленной или всеобщей поэзіи. Любовь къ отечеству есть первая добродѣтель въ гражданинѣ—и она столь естественна каждому, что мы не умѣли бы вообразить такого космополита, который бы не чувствовалъ внутренняго удовольствія, услышавъ звуки природнаго языка въ чужой землѣ, или приближаясь къ отечеству изъ дальняго путешествія. Ежели ее назвать предразсудкомъ, тогда будетъ предразсудокъ и то чувство, которое привязываетъ дѣтей къ родителямъ. По любви къ отечеству всѣ произведенія народной поэзіи становятся для насъ особенно драгоцѣнными. Они возвышаютъ нравственное бытіе народа, и потому дѣлаются предметомъ всеобщаго наслажденія. Произведеніе поэзіи, заимствованное по предмету изъ другой страны, ограничивается тѣснымъ кругомъ знатоковъ и любителей искусствъ; но народное мало-по-малу переходитъ отъ высшаго класса къ среднему, а наконецъ и къ низшему. Знакомыя имена, знакомыя происшествія, знакомыя мѣста возбуждаютъ любопытство въ самомъ необразованномъ человѣкѣ. Удивительно ли, что въ Аѳинахъ почти каждый гражданинъ могъ быть судьею поэта или другого художника? Въ театрѣ, на площади, въ домахъ — онъ слышалъ, видѣлъ все греческое... Въ нынѣшнее время, когда число произведеній поэзіи чрезвычайно увеличилось, самые чужестранцы, любопытствуя узнать поэзію какого-нибудь народа, всего прежде ищутъ особенно относящагося къ тому народу... Кто бы повѣрилъ, что въ Парижѣ съ бóльшимъ участіемъ читаютъ переводы нашихъ простонародныхъ пѣсенъ, нежели переводъ единственной, несравненной пьесы Батюшкова: „Умирающій Тассъ"?.. Народная поэзія преимущественнѣе неопредѣленной потому, что она вѣрнѣе достигаетъ своей цѣли: она живѣйшее въ насъ рождаетъ удовольствіе, и чувствованія, ею возбуждаемыя, глубже и продолжительнѣе бываютъ въ нашемъ

сердцѣ. Это преимущество касается произведеній поэзіи. Но съ нею соединены выгоды для самихъ поэтовъ. Изображая свою природу, свои нравы и проч., они не будутъ принуждены мучить свое воображеніе, чтобъ хорошо описать то, чего они не видали своими глазами. Имъ надобно будетъ только вглядываться во всѣ окружающіе ихъ предметы — и критика не укоритъ ихъ ни въ ложныхъ картинахъ, ни въ смѣси чувствованій древнихъ съ новѣйшими, ни въ другихъ подобныхъ симъ ошибкахъ, почти безпрестанно встрѣчающихся у нашихъ поэтовъ. Правда, что наше небо не такъ ясно и чисто, какъ небо Греціи или Италіи; наши луга не такъ роскошны, какъ долины Евфрата; но истинно прекрасное и въ самой дикости своей прекрасно. Природа въ водопадѣ Державина можетъ очаровать и полуденнаго жителя".

Послѣ того насъ нисколько не удивляетъ, что въ 1833 г. Плетневъ посвятилъ вопросу о народности въ литературѣ цѣлую рѣчь, прочитанную имъ въ торжественномъ собраніи с.-петербургскаго университета, 31 августа того года. Въ 1833 году вопросъ о народности былъ уже вопросомъ не новымъ и въ литературѣ, и въ самой жизни; но въ 1822 году вышеприведенныя мысли были еще совершенною новостью; они были своего рода предвидѣніемъ, ставили русской литературѣ задачу будущаго.

IX.

Не могъ упустить изъ виду по своей чуткости Плетневъ въ нашей литературѣ 20-хъ годовъ и еще одного важнаго явленія, которое только-что нарождалось въ то время для того, чтобы въ продолженіе по крайней мѣрѣ 25 лѣтъ оказывать на ея судьбы сильное вліяніе,—именно байронизма.—Такъ, въ своей статьѣ о переводѣ Жуковскаго „Шильонскаго узника" и затѣмъ о „Кавказскомъ плѣнникѣ" Пушкина, напечатанныхъ въ „Собесѣдникѣ" 1822 г., онъ говоритъ о поэзіи Байрона, какъ о новомъ литературномъ явленіи, весьма знаменательномъ. Правда, по своей кроткой и мирной натурѣ Плетневъ не могъ оцѣнить значенія этого новаго явленія въ смыслѣ нравственнаго протеста. Его, напротивъ, смутилъ съ этой стороны гордый и требовательный духъ Байрона, неспособный мириться на немногомъ. „Одного,—говоритъ онъ,— нельзя извинить въ немъ, что онъ, по какой-то странной мизантропіи, какъ бы не признаетъ въ человѣкѣ истинно-благородныхъ чувствованій, когда изображаетъ его въ счастливомъ гражданскомъ состояніи. Онъ скорѣе открываетъ ихъ въ какомъ-нибудь стра-

дальцѣ или злодѣѣ. Вѣроятно, такая прихоть воображенія происходитъ изъ частныхъ обстоятельствъ жизни поэта; но онъ долженъ помнить, что носитъ на себѣ священную обязанность — говорить языкомъ истины не для одного вѣка, а для потомства".

Но это не помѣшало ему съ чисто литературной стороны вполнѣ вѣрно оцѣнить Байрона, какъ переходную ступень отъ крайняго романтизма къ реализму. „Лордъ Байронъ, — говоритъ онъ,—занимающій въ нынѣшнее время своими произведеніями не одну Англію, но и всю Европу, образовалъ новый родъ поэмы. Не прибѣгая къ вымысламъ чудеснаго, онъ ограничивается повѣствованіемъ дѣйствія естественнаго. Часто у него въ цѣлой поэмѣ одинъ только герой. Сочинитель описываетъ его чувствованія, которыя должны рождаться въ немъ, судя по тому положенію, въ какомъ поэтъ его представляетъ. Въ этомъ родѣ написана переведенная на русскій языкъ поэма его: „Шильонскій узникъ". Трудно еще рѣшить: выиграетъ ли что-нибудь поэзія эпическая отъ такихъ новостей или потеряетъ? По крайней мѣрѣ, могли согласиться, что мы находимся почти въ необходимости отказаться въ эпическомъ родѣ отъ прелестныхъ вымысловъ чудеснаго. Высокая степень просвѣщенія и чистота истинной религіи не позволяютъ намъ принимать участія въ дѣйствіяхъ волшебниковъ и волшебницъ, того искренне-младенческаго участія, какое принимали греки и римляне въ дѣйствіяхъ своихъ боговъ и своихъ богинь. Еще будетъ страннѣе, если мы въ забавы поэтическаго воображенія будемъ вводить вымышленныя дѣйствія истиннаго Бога. Тогда нѣжное чувство нравственности и строгій голосъ разсудка возстанутъ противъ поэзіи. Итакъ, можетъ быть, родъ поэмъ лорда Байрона, или подобный оному, остался одинъ изъ приличнѣйшихъ нашему образованному времени. Такова участь поэзіи: подобно красотѣ, она прелестнѣе бываетъ въ возрастѣ дѣтскаго легкомыслія—и теряетъ силу своего очарованія въ зрѣлости. Впрочемъ, это одни предположенія критики: явится геній —и она съ удовольствіемъ покорится высокимъ его внушеніямъ".

Такимъ образомъ, не отрицая вполнѣ романтизма Жуковскаго, съ его вѣдьмами, чертями и мертвецами, и воздавая ему должное, подобно тому, какъ и всему воздавалъ должное Плетневъ, въ то же время онъ расчищалъ поле для посѣвовъ совершенно новыхъ. Такъ, онъ привѣтствовалъ въ „Кавказскомъ плѣнникѣ" новость, написанную „въ родѣ новѣйшихъ англійскихъ поэмъ, каковыя особенно встрѣчаются у Байрона". „Разсматривая,—говоритъ онъ, —Шильонскаго узника, мы замѣтили, что въ нихъ (т.-е. поэмахъ) поэтъ не предается вымысламъ чудеснаго, не составляетъ обшир-

наго повѣствованія, но, избравъ одинъ случай въ жизни своего героя, ограничивается отдѣлкою картинъ, представляющихся воображенію, смотря по всѣмъ обстоятельствамъ, сопровождающимъ главное дѣйствіе. Въ подобныхъ сочиненіяхъ выборъ происшествія, мѣстныя описанія и опредѣленность характера дѣйствующихъ лицъ составляютъ главное"...

Разбирая такимъ образомъ „Кавказскаго плѣнника", онъ заканчиваетъ свою характеристику слѣдующими словами: „Критика не можетъ и не должна говорить хладнокровно о подобныхъ произведеніяхъ, потому что они питаютъ образованный вкусъ; они однимъ своимъ появленіемъ уничтожаютъ ложно-прекрасное, очищаютъ поле словесности и разрѣшаютъ шумные толки невѣжества и пристрастія. Пушкинъ, одаренъ будучи истиннымъ и оригинальнымъ талантомъ, идетъ наравнѣ съ другими превосходными поэтами нашего времени. Конечно, онъ не безъ ошибокъ. Въ первой его поэмѣ: „Русланъ и Людмила", есть погрѣшности въ планѣ; главныя лица могли бы явиться занимательнѣе, пошире, и болѣе обнаружить силы въ характерахъ; но сіи ошибки неразлучны съ первыми опытами въ родѣ эпическомъ, требующемъ величайшихъ соображеній и зрѣлости генія. Можно ручаться, что постоянное вниманіе и любовь къ своему искусству доведутъ его до того совершенства въ планахъ, которое теперь такъ видимо въ частныхъ отдѣлкахъ его произведеній"...

X.

Основательное изученіе Шиллера и Шекспира еще въ ранней молодости сдѣлало Плетнева глубокимъ знатокомъ драматическаго искусства, что, въ свою очередь, не замедлило обнаружиться въ первые же годы его литературной дѣятельности. Такъ, все въ томъ же 1822 г., въ „Трудахъ Вольн. Общ. люб. слов.", была помѣщена замѣчательная статья его: „Драматическое искусство г-жи Семеновой". Чтобы судить о томъ, какія глубокія и тонкія сужденія объ игрѣ Семеновой приводитъ въ статьѣ своей Плетневъ, обратимъ вниманіе хотя бы на слѣдующее мѣсто статьи:

„До сихъ поръ, —говоритъ Плетневъ:—какъ у насъ на французской сценѣ, такъ и въ Парижѣ, актрисы старались въ роли Медеи только о томъ, чтобы въ полной мѣрѣ показать въ ней зрителямъ фурію. Но г-жа Семенова первая образовала изъ нея совершенно трагическое лицо. Бѣшенство и злоба, безъ другихъ благородныхъ движеній сердца, не могутъ никогда быть предме-

томъ трагедіи, потому что они возбуждаютъ одинъ холодный ужасъ, не приводя въ умиленіе зрителей, что совсѣмъ противно цѣли трагедіи. Г-жа Семенова, постигнувъ свое искусство, рѣшилась совсѣмъ преобразовать лицо Медеи. Это не произвольный поступокъ; онъ основанъ на глубокомъ познаніи человѣческаго сердца. Чѣмъ сильнѣе въ комъ характеръ, тѣмъ живѣе дѣйствуютъ и всѣ страсти. Она сообщила Медеѣ чувствительность, равную ея мести. Мысль—погубить дѣтей—терзаетъ ее, какъ самую нѣжнѣйшую мать. Въ ней уже не было ничего общаго съ фуріями: зрители были свидѣтелями трогательнаго явленія. Медея была жалкимъ существомъ: на нее смотря, почти всѣ плакали въ продолженіе всего четвертаго дѣйствія. Вотъ въ чемъ г-жа Семенова превзошла всѣхъ извѣстнѣйшихъ актрисъ въ семъ родѣ. Представленіе Медеи было торжествомъ ея таланта и показало, что она умѣетъ созидать для себя роли и понимать, въ чемъ состоитъ обладаніе своимъ искусствомъ. Такъ умѣлъ Расинъ изъ преступной Федры сдѣлать самое занимательное, самое трагательное лицо".

Такую же глубину и мѣткость сужденій обнаруживаетъ Плетневъ и въ своей критической статьѣ о переводѣ Жуковскаго „Орлеанской дѣвы" (въ „Трудахъ В. О. л. р. с.", 1824 г.). Здѣсь онъ рѣшительно становится на сторону новой романтической драмы, говоритъ о всѣхъ ея преимуществахъ, опровергаетъ необходимость пресловутыхъ классическихъ единствъ, но по своему обыкновенію, не останавливается на романтической драмѣ, а заглядываетъ впередъ. Говоря о томъ, что „мы начали съ французскихъ трагедій, и что прекрасныя въ своемъ отечествѣ, у насъ онѣ почти безжизненны", онъ тутъ же прибавляетъ: „и романтическія трагедіи не наши", и тутъ же дѣлаетъ характеристику трагедій Шиллера сравнительно съ шекспировскими, поражающую опять своею вѣрностью и замѣчательнымъ чутьемъ реализма, присутствующимъ во всѣхъ критическихъ этюдахъ Плетнева.

„Мы,—говоритъ онъ,—не ослѣплены красотами Шиллера. У него есть очень чувствительные недостатки. Слабѣйшую сторону въ его трагедіяхъ, по нашему мнѣнію, составляютъ характеры дѣйствующихъ лицъ. Въ этомъ отношеніи Шиллеръ несравненно ниже образца своего, т.-е. Шекспира. Трагикъ, преобразуя въ идеалъ избираемое для сочиненія лицо, не долженъ сглаживать съ него всѣ первобытныя черты, а только озарить ихъ поэтическимъ свѣтомъ. Онъ обязанъ снять съ него все грубое, ничтожное, земное; но не имѣетъ права замѣнить существенной или природной красоты его красотою вымышленною или мечтатель-

ною. Такимъ образомъ, въ трагедіяхъ Шекспира прекрасная природа отражается, какъ въ чистомъ зеркалѣ. У него всѣ чувствуютъ, мыслятъ и говорятъ сообразно съ тѣми обстоятельствами жизни, въ которыхъ находятся. Его искусство украшаетъ природу, но не противорѣчитъ ей. Для этого надобно имѣть особенную власть надъ своимъ геніемъ. Шиллеръ былъ рабомъ его. Исполненный высочайшаго вдохновенія, чувствительный, величайшій мечтатель, онъ не умѣлъ отдѣлять собственнаго своего существованія отъ тѣхъ лицъ, которыя дѣйствуютъ у него въ трагедіи, и потому въ каждомъ изъ нихъ мы видимъ поэта, узнаемъ Шиллера. Онъ слишкомъ неосторожно передаетъ всякому лицу свои поэтическія мечты, свои возвышенныя созерцанія и все богатство своихъ опытовъ и умозрѣній. Поселянинъ и вельможа, простой воинъ и государь, у него часто стремятся къ чему-то одному и даже сходно изъясняются. Есть, конечно, между ними явное различіе, безъ чего Шиллеръ не былъ бы величайшимъ поэтомъ. Каждое лицо поставлено въ особенной рамѣ, оживлено особенными красками; есть на немъ свой свѣтъ и своя тѣнь; но, разсматривая пристальнѣе всю галерею сихъ портретовъ, думаешь, будто они всѣ одного семейства, хотя судьба и назначила имъ разные удѣлы въ жизни. Слѣдствіемъ этого недостатка часто бываетъ излишняя утонченность въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ. Зрители принуждены бываютъ сожалѣть, что сочинитель не даетъ имъ свободы въ изображеніи своихъ чувствованій, какъ бы подсказывая каждому изъ нихъ всѣ свои любимыя выраженія, мысли и красоты поэзіи".

По всѣмъ этимъ основаніямъ, на романтическія драмы въ духѣ шиллеровскихъ Плетневъ и смотрѣлъ, какъ лишь на переходную ступень: „онѣ, — говоритъ онъ въ той же статьѣ, — ближайшую составляютъ ступень къ тѣмъ, въ которыхъ нѣкогда восторженные зрители увидятъ все собственное: и объемъ дѣйствія, и его расположеніе, и движеніе страстей, и краски ихъ, и прелесть языка".

XI.

Кромѣ всѣхъ вышеназванныхъ статей Плетнева, появившихся въ теченіе 20-хъ годовъ, обращаетъ на себя еще вниманіе обширная статья, напечатанная въ альманахѣ барона Дельвига „Сѣверные Цвѣты" на 1825 г., подъ заглавіемъ: „Письмо

къ графинѣ С. И. С. [1]) о русскихъ поэтахъ". Статья эта, представляющая своего рода смотръ всѣхъ русскихъ поэтовъ, начиная съ Ломоносова и кончая Пушкинымъ и заключающая въ себѣ рядъ сжатыхъ характеристикъ ихъ, болѣе всего любопытна по тѣмъ мотивамъ, которые вызвали ее.

Это было время, когда ничтожная еще пока горсть русскихъ писателей (какъ живыхъ, такъ и умершихъ, начиная съ Кантемира) нуждалась еще не только въ объясненіяхъ и характеристикахъ ихъ дѣятельности, но прежде всего въ отстояніи права на ихъ существованіе. Наиболѣе образованная и читающая публика, состоявшая все то время по большей части изъ людей великосвѣтскихъ, воспитанныхъ на иностранныхъ языкахъ иностранными педагогами, порою плохо даже говорившихъ на своемъ родномъ языкѣ и едва понимавшихъ его, совершенно не знала русской литературы и относилась къ ней съ открытымъ презрѣніемъ, и съ своей стороны, пожалуй, имѣла на это свои права, если взять во вниманіе тяжеловѣсныя и неуклюжія произведенія XVIII-го вѣка, написанныя на необработанномъ еще языкѣ сравнительно съ французскою литературою золотого вѣка. Плетневъ, вращавшійся въ великосвѣтскомъ обществѣ, не разъ, конечно, былъ поражаемъ подобнымъ пренебреженіемъ и глубоко оскорбляемъ при своей горячей любви къ отечественнымъ музамъ. И вотъ когда однажды графиня С. И. Соллогубъ выразилась при немъ, что она готова промѣнять всю русскую литературу на одного Ламартина, онъ и рѣшился посвятить ей цѣлое обозрѣніе русской литературы въ защиту ея существованія. Статья эта, въ которой Плетневъ на каждой страницѣ старается доказать, что и въ русской литературѣ можно найти цѣлую серію писателей, которые не только стоятъ въ уровнѣ съ Ламартиномъ, но значительно превосходятъ его, любопытна для насъ, кромѣ того, въ томъ отношеніи, что она показываетъ, какъ друзья Плетнева строго слѣдили за всѣмъ тѣмъ, что онъ писалъ, останавливали его отъ какихъ-либо излишнихъ увлеченій, направляли и наставляли его. Такъ, изъ письма Плетнева къ Пушкину 7 февр. 1825 г. [2]), мы видимъ, что и Пушкинъ, и Баратынскій, остались недовольны статьей Плетнева. Имъ прежде всего не понравилась самая мысль защищать русскую литературу отъ нападокъ одной изъ тѣхъ свѣтскихъ недоучекъ, которыхъ самъ Плетневъ въ одной изъ своихъ статей клеймитъ названіемъ полуфранцуженокъ, и

[1]) Софьѣ Ивановнѣ Соллогубъ, урожденной Архаровой, матери писателя гр. Вл. Алекс. Соллогуба.

[2]) Сочиненія Плетнева, т. 3-й, стр. 315.

друзья приписали эту мысль „куростройству", вслѣдствіе чего Плетневъ оправдывался въ своемъ письмѣ, говоря: „я писалъ къ дамѣ, ей-Богу, не изъ куростройства, но изъ простодушнаго доброжелательства, хоть двухъ-трехъ изъ нихъ заставить прочитать что-нибудь по-русски; особенно хотѣлось мнѣ завлечь ихъ любопытство познакомиться съ нашими поэтами, когда онѣ узнаютъ хоть по одной пьесѣ изъ каждаго. Онѣ, сколько бы мы ихъ ни бранили, все-таки участіемъ своимъ много пособляютъ переносить тяжелое бремя авторства, особенно, гдѣ нѣтъ совсѣмъ времени дѣловымъ людямъ заниматься ни прозой, ни стихами".

Не понравилось друзьямъ и то, что въ своей статьѣ Плетневъ, ни слова не сказавши о многихъ выдающихся писателяхъ, какъ, напримѣръ, о всѣхъ драматическихъ, въ то же время упоминаетъ о такихъ ничтожествахъ, какъ Туманскій и А. Крыловъ. „Драматическихъ писателей,—оправдывается Плетневъ:—я пропустилъ потому, что вообще полагаю наши трагедіи и комедіи (выключая Недоросль), если не совсѣмъ ничтожными, по крайней мѣрѣ, дурными въ отношеніи къ другимъ родамъ. Шаховской, мнѣ кажется, то же со временемъ получитъ за свои комедіи, что Херасковъ получилъ уже отъ нашего вѣка за свои поэмы. Катенина талантъ я уважаю, но жесткихъ стиховъ его не люблю. Хмѣльницкій опрятенъ, но въ немъ истинной поэзіи не больше, какъ и въ нашихъ актрисахъ. У Дмитріева есть пять-шесть страницъ, которыхъ, кажется, не сгладитъ время. О Туманскомъ, о А. Крыловѣ согласенъ съ тобою. Впрочемъ, я многихъ изъ молодыхъ назвалъ за то, что у нихъ есть какое-то ухо, а я чернить не могу, у кого одни только уши, какъ, напр., у Воейкова и ему подобныхъ".

XII.

Въ 30-ыхъ годахъ, профессура, очевидно, нѣсколько отвлекала Плетнева отъ литературныхъ работъ; по крайней мѣрѣ, онъ не является уже такимъ плодовитымъ, какъ въ 20-хъ годахъ. Изъ наиболѣе выдающихся работъ его въ это десятилѣтіе являются слѣдующія: разборъ „Ундины" Жуковскаго, напечатанный въ „Литер. прибавл. къ Русск. Инвалиду" 1837 г.; „Шекспиръ", по поводу перевода „Гамлета" Н. Полевого,—помѣщено въ томъ же году и тамъ же; некрологъ бар. Дельвига,—въ „Литерат. Газетѣ" 1831, № 4, и „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ", статья, напечатанная въ „Современникѣ" 1838, № 10.

О разборѣ „Ундины" мы скажемъ лишь, что онъ представ-

ляетъ образецъ именно той чисто эстетической критики, какой требовали отъ Плетнева друзья его. Въ статьѣ же о Шекспирѣ Плетневъ заплатилъ дань писателю, которымъ восхищался и котораго изучалъ со школьной скамейки. Вся статья проникнута тѣмъ восторженнымъ тономъ, какимъ въ то время обыкновенно писали о Шекспирѣ, причемъ выше всего въ Шекспирѣ ставитъ Плетневъ его объективность. „Можно сказать,—говоритъ онъ,—что прочитавши всего Шекспира, нигдѣ самого его не замѣтишь. Кто опредѣлитъ, чѣмъ онъ высказался? Онъ или все былъ, или остался сокровеннымъ. Изъ столькихъ лицъ есть ли хоть одно, на которое можно указать и прибавить: вотъ характеръ, любимый авторомъ? Сочинилъ ли онъ хоть одну сцену, хоть одинъ монологъ? Нѣтъ, все принадлежитъ естеству изображеннаго дѣйствія. Личной шекспировской страсти, или мысли, которую онъ хоть разъ гдѣ-нибудь высказалъ, напрасно будемъ искать въ его твореніяхъ. Вокругъ него движется цѣлый міръ, всѣ состоянія, всѣ возрасты, люди со всѣми ощущеніями сердца, на всѣхъ ступеняхъ образованности, все дѣйствуетъ, борется, одерживаетъ побѣду или уступаетъ: а онъ, какъ духъ, невидимый, ничему не причастный, отъ всего отрѣшенный, стоитъ въ волшебномъ кругу своемъ и смотритъ на все безстрастно. Нѣтъ ни языка его, ни движеній, ни голоса: во всемъ вполнѣ преобладаетъ тотъ, кого онъ передъ нами выводитъ“.

Приступая затѣмъ къ оцѣнкѣ перевода „Гамлета“ и сравнивая этотъ новый переводъ съ прежнимъ переводомъ Вронченки, Плетневъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: въ новомъ переводѣ „Гамлета“ словосочиненіе легче, періоды округленнѣе и фразы яснѣе, нежели въ старомъ. Видно, что работой занимался писатель, который привыкъ управляться съ языкомъ. Но въ то же время чувствуешь, что онъ не поэтъ. Онъ схватываетъ мысль въ зародышѣ, передаетъ одинъ живой смыслъ подлинника, и равнодушно пропускаетъ все, что составляло краски, живость, полноту картины, всю индивидуальность Шекспира. Эта метода въ современной литературѣ есть анахронизмъ. Чтеніе прежняго перевода соединено было съ чувствительнымъ усиліемъ: оно заставляло задумываться, повторять, но вознаграждено драгоцѣнностью пріобрѣтенія; вы сходились наконецъ лицомъ къ лицу съ этимъ оригинальнымъ Шекспиромъ, дивились его неистощимой изобрѣтательности идей, его пламенному краснорѣчію, богатству его поэзіи. Въ новомъ переводѣ остались только намеки на кисть его; подробности замѣнены общими мѣстами, пластика—отвлеченными понятіями. Нынѣшній переводчикъ „Гамлета“ желалъ ста-

рыя формы разговоровъ освѣтить краткостью и ввести болѣе быстроты въ монологи. Можно повѣрить, что это измѣненіе благопріятно для театра, но не для литературы. Даже на сценѣ геніальная поэзія, еслибы она вполнѣ была выражена, не показалась бы многорѣчіемъ, по крайней мѣрѣ для многихъ зрителей. Переводчикъ вѣрно не смѣшиваетъ Шекспира съ обыкновенными писателями, которыхъ можно и сокращать, и исправлять. У Пушкина (въ его „Анджелѣ") въ сокращеніяхъ мы видѣли равносильную замѣну, сохраненіе господствующаго тона и поэтическихъ красокъ. Но здѣсь пропуски не замѣнены ничѣмъ. Этотъ странный и господствующій недостатокъ новаго перевода „Гамлета" только и можно изъяснить отсутствіемъ чувства поэзіи".

Подобный отзывъ о переводѣ Полевого, хотя и не лишенный правды, но тѣмъ не менѣе для мягкаго и кроткаго Плетнева слишкомъ суровый, объясняется отношеніемъ друзей Плетнева къ Полевому. Полевой первый въ своемъ „Московскомъ Телеграфѣ" возсталъ противъ аристократизма въ литературѣ, великосвѣтскости, и не мало дѣлалъ всякаго рода насмѣшекъ и обидныхъ намековъ на страницахъ своего журнала по адрессу Пушкина и его друзей. Вслѣдствіе этого олимпійцы всегда относились къ Полевому враждебно, а когда Полевой, по прекращеніи „Телеграфа", палъ духомъ и началъ сближаться съ Гречами, Булгариными и Сенковскими, къ враждебности присоединилось презрѣніе. Эти чувства сообщились и Плетневу, хотя по своему миролюбію и смиренію онъ сильно ими тяготился, судя по слѣдующему письму къ Я. К. Гроту, написанному въ 1846 году, послѣ смерти Полевого [1]):

„Бѣдный Полевой умеръ вечеромъ въ 11 часовъ въ прошлую пятницу 22 февраля отъ нервной горячки. Много идей волновало меня при этомъ извѣстіи. Преобладающая была та, что я недоволенъ былъ собою: все говорю я о духѣ христіанства, о любви къ человѣчеству, о самосовершенствованіи, о смиреніи—и сколько лѣтъ ношу въ сердцѣ это гнусное чувство нерасположенія къ нѣкоторымъ писателямъ, оскверняю свой языкъ ихъ бранью, и равнодушно встрѣчаю ихъ смерть. Это верхъ испорченности сердца. Кто мнѣ далъ право считать ихъ ниже себя оттого только, что они иначе думаютъ и иначе дѣйствуютъ, чѣмъ я? Одно только препятствуетъ мнѣ не любить ихъ: это продажность ихъ убѣжденій и развратъ, распространяемый въ молодомъ поколѣніи. По крайней мѣрѣ, если Богъ не растворитъ мое сердце любовью къ

1) Р. Арх. 1869 г. стр. 2078.

нимъ, я буду стараться забывать ихъ, не писать о нихъ, не говорить, — а тѣмъ менѣе ругать и злословить ихъ. Братъ, поддержи меня въ этомъ намѣреніи".

XIII.

Что касается до краткаго некролога бар. Дельвига и посмертной біографіи Пушкина, то этими статьями открывается серія біографій, на которыя Плетневъ смотрѣлъ, какъ на самый любимый родъ своихъ сочиненій. Мы видѣли, что біографіей своего друга Георгіевскаго онъ началъ свое литературное поприще. Біографіями же занимался онъ преимущественно и подъ конецъ его. Вотъ что говоритъ онъ объ этомъ предметѣ въ письмѣ своемъ къ Жуковскому 4 февр. 1852 г.:

„Меня успокоиваетъ одно: въ отчетахъ моихъ по академіи и университету, я нахожу возможность и удобный случай помѣщать небольшія біографіи тѣхъ замѣчательныхъ лицъ, которыя состояли въ качествѣ членовъ этихъ ученыхъ обществъ. Конечно, какъ члены бываютъ разнаго сорта, такъ и біографіи мои. Но мнѣ все-таки весело помянуть отъ души добрымъ словомъ человѣка, который чѣмъ-нибудь въ жизни своей согрѣлъ мое сердце. По академіи набралось 20 біографій. По университету выйдетъ не менѣе. Ежели по смерти моей въ чьей-нибудь душѣ сохранится обо мнѣ теплое воспоминаніе, ему легко будетъ выбрать эти сорокъ или пятьдесятъ біографій, и приложивши къ нимъ незамѣчательные разборы мои разныхъ лучшихъ сочиненій русскихъ, издать ихъ въ одной книгѣ [1]). Хоть я и знаю, что это не выйдетъ что-нибудь вѣковѣчное, однако же читатель встрѣтитъ тутъ не одну мысль, не одно слово, согрѣтое чувствомъ и проникнутое живымъ убѣжденіемъ. Изъ всѣхъ родовъ сочиненій я болѣе всего люблю біографіи. Ихъ чтеніе доставляетъ мнѣ всегда величайшее наслажденіе"...

Послѣ біографіи Пушкина каждая утрата какого-либо выдающагося литературнаго и общественнаго дѣятеля сопровождалась біографіей со стороны Плетнева. Такъ, въ 1845 году онъ написалъ въ „Современникѣ" некрологъ И. А. Крылова и сверхъ того

---

[1]) „Вторая половина, — говоритъ г. Гротъ, — высказаннаго здѣсь желанія осуществляется настоящимъ изданіемъ. Что касается краткихъ академическихъ біографій, о которыхъ говоритъ Плетневъ, то онѣ уже соединены въ двухъ томахъ отчетовъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности, изданныхъ въ 1859 и 1865 г." (см. Соч. Плетнева, т. III, стр. 728).

обширную біографію, приложенную къ „Полному собранію сочиненій И. Крылова“ 1847 г. Въ 1853 г. появилась въ к. III „Живописнаго Сборника“ біографія его В. А. Жуковскаго. Въ 1855 г. 29 дек. была читана имъ въ торжественномъ собраніи имп. акад. наукъ біографія графа С. С. Уварова, напечатанная въ „Ученыхъ Запискахъ“ II отд. акад. наукъ (кн. II, вып. I).

Всѣ эти біографіи въ настоящее время, конечно, во многомъ утратили свое значеніе, такъ какъ многіе факты, впослѣдствіи обнародованные, были въ то время умолчаны Плетневымъ или потому, что было преждевременно ихъ обнародовать, или по цензурнымъ условіямъ того времени; съ другой стороны, измѣнились и нѣкоторые взгляды на личности, изображаемыя въ нихъ. Тѣмъ не менѣе въ свое время біографіи эти имѣли весьма важное значеніе при изученіи писателей, о которыхъ онѣ трактовали, и тѣмъ болѣе цѣнное, что онѣ были составлены человѣкомъ, лично и близко знакомымъ съ ними, что̀ ставитъ на видъ и самъ Плетневъ въ своемъ вышеупомянутомъ письмѣ. „Еслибы,—говоритъ онъ;—я зналъ такъ близко Карамзина, какъ удалось мнѣ знать Крылова, я счастливѣйшимъ почелъ бы себя человѣкомъ, занявшись его біографіей. Но писать, основываясь на однихъ книгахъ, совсѣмъ не то, что писать по убѣжденію. Посмотрите, какъ Барантъ въ „Journal des Débats“ нѣсколькими строками обрисовалъ графа Алексѣя Сенъ-При. И все это оттого, что кромѣ таланта автора, тутъ было живое сочувствіе между ними, и жизнь, проведенная въ сообществѣ, снабдила живописца лучшими своими красками“...

XIV.

Что касается до эстетическихъ взглядовъ и тѣхъ основаній, на которыхъ Плетневъ строилъ свои критическіе разборы, то съ теченіемъ времени, они значительно измѣнились сравнительно съ тѣми, какіе выражалъ Плетневъ въ 20-хъ годахъ. Движеніе жизни и обстоятельства вліяли на него въ этомъ отношеніи, какъ и на всѣхъ его современниковъ. Выше мы видѣли, что и въ 20-хъ годахъ, при всей своей приверженности къ романтизму, онъ смотрѣлъ на эту школу, какъ на переходную, и глядѣлъ впередъ, уже въ байронизмѣ предвидя поворотъ къ реализму. Къ концу 30-хъ годовъ онъ вполнѣ отрѣшился отъ романтизма. Такъ, въ своей статьѣ въ „Современникѣ“ 1838 года въ т. XVIII, подъ заглавіемъ: „Курсы литературы“, онъ высказываетъ совершенно новые взгляды на значеніе литературы: „Вслѣдствіе,—говоритъ

онъ,—безконечнаго разнообразія между людьми, эстетическія способности ихъ, не теряя ни мало силы своей и другихъ совершенствъ, обнаруживаются въ неисчислимо-разнообразныхъ явленіяхъ. Одно согласіе съ общими законами духа человѣческаго такъ еще мало даетъ характера и поразительной красоты произведенію, что мы даже сами требуемъ индивидуальныхъ достоинствъ отъ сочинителя, который въ послѣднемъ случаѣ не можетъ и не долженъ противорѣчить ни вѣку своему, ни своему мѣсту. Отсюда выводятся главнѣйшія требованія искусства. Литература безъ красокъ и жизни сдѣлалась бы сухимъ изложеніемъ отвлеченностей. Въ ней должна отражаться особенность дѣйствующихъ лицъ. Никто не живетъ безъ какого-нибудь отношенія къ обществу своего времени. Итакъ, оцѣнка литературы заключается въ соображеніи обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ явились ея произведенія. Какъ жизнь, не противорѣчащая общей идеѣ человѣка, его честному призванію и законамъ, принятымъ въ обществѣ, есть достоинство, такъ литература, вѣрно выражающая эту жизнь, есть совершенство...

„Первоначальное, естественное развитіе литературы было соотвѣтственно всему, что̀ ею выражается. Философія, исторія, эстетика и естествовѣденіе нашли въ ней основаніе своихъ истинъ. Еслибы мы случайно не обратились на другой путь и не начали бы искать для своихъ созданій чуждыхъ ей элементовъ, мы въ ней до сихъ поръ видѣли бы неисчезающую жизнь каждаго народа, каждой эпохи, каждой страны. Но самые успѣхи первобытной, могущественной, органической литературы подали поводъ настроить ее въ тотъ ложный путь, который такъ часто въ ней до сихъ поръ отдается. Восхищаясь совершенствами литературныхъ произведеній, совершенствами относительными, какъ все человѣчески-прекрасное, вздумали принять ихъ за неизмѣнимый образецъ, и предложили на будущее время все согласовать съ его видами и свойствами. Изъ литературы, искусства изящнаго, то-есть изъ естественнаго стремленія человѣческаго духа къ творенію, образовали искусство механическое, заключенное въ обработкѣ опредѣленныхъ матеріаловъ въ опредѣленной формѣ...

„Мы не безъ намѣренія желали навести читателей нашихъ на эту точку созерцанія литературъ. Уже нѣсколько лѣтъ и у насъ въ Россіи, и на Западѣ у прочихъ европейцевъ вошло въ обыкновеніе дѣлить все, что̀ составляетъ литературу, на классицизмъ и романтизмъ. Это странное повтореніе ошибки напоми-

наетъ намъ забытые курсы всемірной исторіи, гдѣ всѣ народы древняго міра включались въ четыре монархіи: Ассирійскую, Персидскую, Македонскую и Римскую. Если испанская поэма о Сидѣ проникнута духомъ романтизма, что же послѣ того находите вы романтическаго въ Шекспирѣ? Шиллера называютъ романтикомъ и Виктора Гюго тоже; но есть ли между ними что-нибудь общаго? Омерическія и Оссіановскія пѣсни размѣщаютъ какъ противуположности; но не больше ли между ними сходства, нежели между Софокломъ и Расиномъ, которыхъ въ одну ставятъ категорію? Подобныхъ вопросовъ можно сдѣлать безчисленное множество"...

Такимъ образомъ, въ концѣ 30-хъ годовъ Плетневъ, какъ мы видимъ, рѣшительно выступилъ на широкую и свѣтлую дорогу реализма, хотя реальная жилка замѣчалась уже и въ первыхъ его критическихъ работахъ, когда онъ превозносилъ Батюшкова за опредѣленность и пластичность его образовъ, говорилъ о томъ, что романтическія драмы въ духѣ Шиллера намъ не съ руки, и привѣтствовалъ байронизмъ за то, что тотъ отказался отъ всего чудеснаго и обратился къ дѣйствительности.

XV.

Въ 40-хъ годахъ былъ выставленъ новый эстетическій принципъ утилитаризма и началась борьба приверженцевъ полезнаго искусства, требовавшихъ, чтобы оно было выразителемъ общественныхъ стремленій, съ послѣдователями теоріи чистаго искусства. Вѣрный традиціямъ Олимпа, критикомъ котораго не переставалъ быть Плетневъ, теперь уже въ качествѣ издателя и редактора „Современника", понятно, онъ началъ ратовать за чистое искусство. Онъ не былъ бы наслѣдникомъ Пушкина по изданію „Современника", не былъ бы другомъ Жуковскаго и Гоголя, еслибы поступилъ иначе.

Такъ, свою статью о В. А. Жуковскомъ, напечатанную въ 1-мъ томѣ „Извѣстій" Второго отд. академіи наукъ въ 1852 г. Плетневъ прямо начинаетъ слѣдующими словами: „Поэзія, можетъ быть, никогда не была такъ ложно понимаема, какъ многіе понимаютъ ее въ наше время. Съ высоты провозвѣстницы божественныхъ истинъ (таково было о ней понятіе древнихъ) теперь низводятъ ее до забавы младенчествующихъ народовъ. Изъ вдохновеннаго искусства превращаютъ ее въ холодное разсужденіе на заданный предметъ. По счастію, въ природѣ души человѣ-

ческой гораздо болѣе силы и истины, нежели въ убѣжденіяхъ превратнаго или ложнаго ученія. Истинные поэты и въ наше время являются съ тѣмъ же достоинствомъ, могуществомъ и вліяніемъ на современниковъ, какими ознаменовано было ихъ явленіе въ прежніе вѣка. Для человѣчества поэзія не утратила и никогда не можетъ утратить истиннаго своего значенія, какъ все прекрасное и высокое отъ природы, врожденное намъ и душѣ нашей. Ея основаніе не искусственное, не случайное, не временное: оно изъ числа тѣхъ вѣчныхъ и повсемѣстныхъ началъ, изъ которыхъ какъ въ древнія времена, такъ и въ новыя, у дикихъ и образованныхъ народовъ, возникли одинаково равныя понятія о доблестяхъ и совершенствахъ души. Во времена явной испорченности нравовъ, для человѣчества не утратили точнаго значенія своего ни благодарность, ни состраданіе, ни кротость, ни терпѣніе. Подобно тому и съ поэзіею всегда будетъ слито понятіе о вдохновенной человѣку силѣ къ воссозданію всего прекраснаго, поражающаго его въ природѣ. Это понятіе, въ сущности своей, нисколько не зависитъ ни отъ времени, ни отъ мѣста. Только формы и краски поэзіи могутъ измѣняться, а сама она неизмѣнна".

Но высказывая подобныя мысли, Плетневъ возставалъ лишь противъ тенденціозности и рабскаго подчиненія поэзіи „злобамъ дня" и вкусамъ публики, которыя могутъ быть порою весьма низменны, грубы, и низводить искусство до жалкаго фиглярства, способствующаго лишь къ большему паденію нравовъ; но изъ этого вовсе не слѣдовало, чтобы онъ отрицалъ всякую утилитарность искусства и обрекалъ его на доставленіе однихъ эстетическихъ наслажденій. Напротивъ того, онъ приписывалъ искусству весьма высокую и важную роль въ обществѣ и требовалъ только, чтобы въ этой роли оно было вполнѣ независимо и свободно, подчиняясь лишь своимъ непроизвольнымъ вдохновеніямъ. Такъ въ этой же самой статьѣ, въ X главѣ (стр. 30), онъ высказываетъ тѣ же самыя мысли, которыя, года четыре спустя, были приведены другимъ писателемъ противнаго лагеря, въ статьѣ о Лессингѣ: „Съ нѣкотораго времени,—говоритъ онъ, — повторяется мысль, что поэтъ есть выраженіе того общества, посреди котораго онъ дѣйствуетъ. Мнѣ кажется, это не во всѣхъ отношеніяхъ справедливо. Общество и поэтъ часто находятся на разныхъ ступеняхъ умственной дѣятельности. Не всегда жизнь современниковъ вноситъ любимые свои интересы въ душу поэта, котораго дарованіе и высшій умъ ставятъ въ положеніе отдѣльное и независимое. Изъ писателей, конечно, многіе заботливо

высматриваютъ, тѣмъ охотнѣе занимается общество, и поспѣшно возвращаютъ ему отъ него же принятое. Но есть мыслители, которые, повидимому, посланы Провидѣніемъ, чтобы вести общество къ постиженію высшихъ идей, болѣе достойныхъ назначенія человѣчества. Поэтъ, принадлежащій къ этому разряду существъ, не будетъ выраженіемъ общества. По крайней мѣрѣ, несомнѣнно, что истинные поэты всегда сохраняли независимость въ выборѣ предметовъ и сужденіяхъ своихъ. Это было причиною, что на нихъ повсюду смотрѣли, какъ на провозвѣстниковъ новыхъ истинъ"...

„Все это, — заключаетъ онъ ниже, — приводитъ къ одному общему заключенію: писатель пріобрѣтаетъ власть надъ умами и раздѣляетъ съ государственными людьми титлю полезнаго обществу сановника не массой напечатанныхъ сочиненій, не разнообразіемъ изложенныхъ предметовъ, но всѣми признаннымъ, не двухсмысленнымъ достоинствомъ слова, которое остается памятникомъ достоинства души его"...

Но этого мало: въ своей критической статьѣ о первой части „Мертвыхъ душъ", напечатанной въ „Современникѣ" 1842 г. въ XXVII томѣ и представляющей, не только прекрасный, но до сихъ поръ единственный по своей обстоятельности и цѣльности разборъ поэмы Гоголя, Плетневъ высказалъ, между прочимъ, замѣчательную мысль, которая не только въ то время никому не пришла въ голову, но и до сихъ поръ еще не проведена съ достодолжною ясностью и внушительностью, именно, что сатира „Мертвыхъ душъ" при всемъ своемъ эстетическомъ совершенствѣ, страдаетъ тѣмъ, что стоитъ исключительно на индивидуально-моральной почвѣ при полномъ отсутствіи общественнаго элемента.

„При всѣхъ достоинствахъ,—говоритъ Плетневъ въ IX главѣ статьи,—которыя зависѣли единственно отъ таланта художника, поэма, конечно, поразитъ каждаго недостаткомъ важнымъ. Въ ней нѣтъ того, чего мы еще не встрѣчаемъ въ нашей жизни— серьезнаго общественнаго интереса. Я не умѣлъ придумать другого названія тому качеству нашихъ разговоровъ, мыслей и поступковъ, которые, не отнимая у нихъ особенностей національности, придаютъ имъ цѣнность общую и вводятъ ихъ въ соприкосновеніе съ интересами другихъ народовъ. Самыя поразительныя мѣста, отъ которыхъ приходишь въ восхищеніе, не выносятъ души на тотъ горизонтъ, откуда она обозрѣваетъ подобныя явленія у иностранныхъ писателей. Во всемъ чувствуешь мелочность и ограниченность. Въ первой моей выноскѣ, гдѣ на сценѣ цѣлое общество, разговоръ живъ, разнообразенъ; въ немъ исчер-

пано все комическое, прямо относящееся къ тому случаю, о которомъ идетъ рѣчь—но онъ прекрасенъ только относительно, когда читатель какъ-нибудь сближенъ съ понятіями общества. Для иностранца, который не въ состояніи трепетать отъ художественнаго мастерства автора, вся прелесть исчезаетъ за недостаткомъ жизни, болѣе цѣнной и болѣе общепонятной. Это все нисколько не говоритъ противъ Гоголя, напротивъ, еще оправдываетъ его. Авторъ безъ такту, привыкнувшій обманываться въ своихъ ощущеніяхъ, легко подымающійся на ходули, когда не на чемъ болѣе показаться высокимъ, обыкновенно поддѣлывается подъ какой-нибудь извѣстный ему тонъ—и такимъ образомъ все рисуетъ ложно. Гоголь возвратилъ обществу то, что оно могло ему дать само. Исключенія встрѣчаются или въ другомъ разрядѣ людей, или, проглядывая даже здѣсь, не входятъ еще въ жизнь, какъ черты рѣзкія. Какъ прежняя, такъ нынѣшняя наша общежительность хранитъ въ своей исторіи любопытныя доказательства въ оправданіе того, что и у всѣхъ самыхъ великихъ писателей русскихъ степень развитія интересовъ всегда была ниже, нежели у писателей другихъ народовъ".

Это замѣчательнѣйшее мѣсто безспорно принадлежитъ къ числу тѣхъ предвидѣній, которыя порою посѣщали Плетнева и заставляли его далеко выходить изъ рамокъ и своего времени, и тѣмъ болѣе своего кружка.

Этой же самой широтѣ своихъ воззрѣній на искусство и отсутствію подчиненія какимъ-либо узкимъ и условнымъ доктринамъ былъ обязанъ Плетневъ тому, что каждое новое литературное явленіе мало-мальски носящее на себѣ печать истиннаго таланта, было встрѣчаемо имъ съ одинаковымъ восторгомъ и горячимъ сочувствіемъ до самой его смерти. Такъ, онъ привѣтствовалъ въ своихъ рецензіяхъ почти всѣ восходящія свѣтила 40-хъ годовъ—и Тургенева, и Достоевскаго, и Писемскаго, и Островскаго, и Плещеева, и Ап. Майкова, и Як. Полонскаго, и каждаго охарактеризовалъ онъ съ обычною своею мѣткостью и чуткостью. Такъ, напримѣръ, изумительно вѣрно было подмѣчено имъ отсутствіе комизма въ талантѣ Достоевскаго, въ его разборѣ „Бѣдныхъ людей" (см. Соч. Плетнева, т. II, стр. 520), и та подражательность, искусственность и напряженность, какую обнаруживалъ Достоевскій въ комическихъ мѣстахъ своихъ первыхъ произведеній. Не менѣе заслуживаетъ вниманія отзывъ его о „Горькой Судьбинѣ" Писемскаго и „Грозѣ" Островскаго, написанный имъ по случаю представленія этихъ драмъ на соисканіе уваровской преміи. Отзывъ этотъ съ его подробной характеристикою обѣихъ

драмъ наглядно показываетъ, какъ цѣнилъ и какъ понималъ Плетневъ тѣ совершенно новыя и реальныя произведенія, которыя такъ рѣзко и радикально отличались отъ всѣхъ тѣхъ литературныхъ явленій, съ которыми Плетневъ свыкся въ годы своей молодости и зрѣлаго возраста. Это отсутствіе традиціонной косности и рутины безспорно принадлежитъ къ числу самыхъ лучшихъ качествъ Плетнева.

XVI.

Половина третьяго тома изданія занята весьма интересною перепискою Плетнева съ А. С. Пушкинымъ, кн. П. А. Вяземскимъ и В. А. Жуковскимъ. Насколько драгоцѣнно это собраніе писемъ для исторіи литературы, для біографій всѣхъ вышеупомянутыхъ литературныхъ дѣятелей, равно и для исторіи вообще, это мы увидимъ по тѣмъ немногимъ выдержкамъ, какія намѣрены здѣсь представить. Выберемъ же мы лишь тѣ мѣста изъ переписки Плетнева съ Жуковскимъ и кн. Вяземскимъ, которыя бросаютъ свѣтъ на послѣдніе годы жизни Плетнева.

Первая, впрочемъ, выдержка относится къ болѣе раннему времени, именно къ 1833 году. Въ это время Плетневъ пользовался уже извѣстностью и почетомъ и занималъ каѳедру въ университетѣ; положеніе его было вполнѣ обезпечено; но дорого стоило ему это обезпеченіе. Бѣдный труженикъ, вышедшій изъ нужды, онъ всю жизнь долженъ былъ поддерживать существованіе своей семьи тяжелымъ игомъ службы, отнимавшей у него массу времени на труды и заботы чисто механическія и мѣшавшія ему предаваться любимымъ занятіямъ на всемъ просторѣ. Этотъ гнетъ вмѣстѣ съ тяжкимъ сознаніемъ зависимости въ значительной степени омрачалъ его жизнь, особенно, когда невольно напрашивалась на сравненіе завидная жизнь обезпеченныхъ и независимыхъ друзей его, пользующихся полною возможностью, гдѣ угодно жить и чѣмъ угодно заниматься. И вотъ, въ одномъ изъ писемъ къ Жуковскому, именно отъ 17 февраля 1833 г., говоря о томъ, что въ теченіе трехъ недѣль онъ никакъ не могъ выбрать свободнаго времени для этого письма и пишетъ его въ три часа ночи, Плетневъ въ сокрушеніи подводитъ слѣдующій итогъ своей жизни:

„Вы не можете представить, какъ уже тягостна мнѣ становится такая жизнь. Мнѣ сорокъ лѣтъ, а я еще не жилъ, какъ другіе. Я только работалъ, да и то безъ выгоды; потому что если пересталъ бы сегодня работать по обыкновенному, то при-

нужденъ былъ бы и себѣ, и своимъ, отказывать въ необходимомъ, или по крайней мѣрѣ въ такомъ, къ чему всѣ привыкли. Какая была бы разница въ моемъ положеніи, если бы я двадцатилѣтнюю службу свою отдалъ какому-нибудь антрепризу, какъ это дѣлаютъ дѣти негоціантовъ! Я былъ бы съ независимымъ состояніемъ и работалъ бы только для того, чтобы жизни давать разнообразіе и прелесть. Но теперь уже поздно о чемъ-нибудь мечтать. Лучше свыкаться съ идеею о неизбѣжности своихъ трудовъ и близости конца ихъ у гроба".

Если въ 1833 году, когда Плетневу было съ небольшимъ 40 лѣтъ, и когда общественная атмосфера относительно была все-таки свѣжѣе, онъ такъ тяготился своею службою, то каково же было выносить ему этотъ самый гнетъ послѣ 1848 года, когда наступили такія тяжкія времена, что даже Плетневъ, несмотря на всѣ свои связи и даже близость ко двору, былъ заподозрѣнъ, и положеніе его поколебалось. Вотъ что писалъ онъ по этому поводу Жуковскому, 3 янв. 1850 г.:

„Моя служба осталась въ прежнемъ мѣстѣ, а недавно еще очень покачивалась. Много переворотовъ было, а еще больше ожидаемъ по министерству просвѣщенія. Уваровъ не довольно внимательно слѣдовалъ за направленіемъ періодической литературы. При открывшихся въ Европѣ безпорядкахъ, государь принужденъ былъ поручить особой коммиссіи пересмотрѣть все, что̀ пишутъ въ нашихъ журналахъ. Затѣмъ образовался постоянный цензурный комитетъ (тайный), который обязанъ просматривать все выходящее изъ печати. Предсѣдателемъ былъ Д. П. Бутурлинъ; членами: баронъ М. А. Корфъ и П. И. Дегай, а производителемъ былъ каммергеръ И. Л. Голенищевъ-Кутузовъ (сынъ Логина Ивановича). Они навредили Уварову до того, что онъ принужденъ былъ выйти въ отставку. Министерствомъ пока управляетъ Шихматовъ. Уваровъ замѣтно поправился отъ того нервическаго удара, на который могъ сослаться, чтобы оставить министерство. Между тѣмъ, составленъ еще комитетъ для разбора всѣхъ постановленій министерства просвѣщенія. Предсѣдателемъ Блудовъ, а членами: Протасовъ, Ростовцевъ, Анненковъ и баронъ Корфъ. Это было устроено по возвращеніи государя изъ похода. Тайный цензурный комитетъ ввелъ въ подозрительное положеніе всѣ русскіе университеты, хотя въ нихъ и капли нѣтъ того, что̀ бываетъ въ заграничныхъ. Послѣдовало новое постановленіе, чтобы ректоры не были избираемы профессорами, а правительствомъ на неопредѣленное время. Стороною я узналъ, что бутурлинскій комитетъ и на меня по-

далъ государю доносъ, находя въ моихъ лекціяхъ и годичныхъ отчетахъ слѣды либеральныхъ идей. Я написалъ наслѣднику письмо, изложивши въ немъ правила моей жизни, службы и всѣхъ сочиненій моихъ [1]). Онъ прочиталъ это государю, который велѣлъ меня успокоить. Тогда министерство просвѣщенія снова представило меня въ ректоры и государь утвердилъ. Но Уваровъ увѣряетъ, что еслибы я не поступилъ такъ рѣшительно, то не былъ бы утвержденъ, и (по словамъ его) перемѣна въ способѣ избранія ректоровъ устроена была для благовиднаго удаленія меня отъ должности. Послѣ того, когда я былъ у наслѣдника, государь, проходя мимо меня, спросилъ меня, доволенъ ли я студентами, прибавивъ, что всѣмъ внѣшнимъ и онъ въ нихъ доволенъ, но желаетъ, чтобы у нихъ поболѣе было тутъ (показывая на сердце), особенно послѣ такихъ ужасныхъ исторій, какъ недавняя (съ Петрашевскимъ). Все это, конечно, правда; но какъ помочь? У насъ не дѣти и не воспитываются, а совершеннолѣтніе и живутъ у себя. Впрочемъ, въ этой исторіи изъ 700 студентовъ замѣшанъ былъ только одинъ. Теперь ректоръ не долженъ самъ читать лекцій, а обязанъ безпрестанно ходить по аудиторіямъ и наблюдать за направленіемъ и духомъ лекцій. И это, конечно, хорошо, но для людей неблагонамѣренныхъ сколько средствъ къ злоупотребленіямъ! Никто не знаетъ, кого назначатъ въ министры. Даже говорятъ, будто изъ нашего вѣдомства составятъ, какъ изъ военно-учебныхъ заведеній, штабъ подъ главнымъ начальствомъ наслѣдника. Это было бы для насъ лучше".

XVII.

При всѣхъ такихъ мрачныхъ обстоятельствахъ обычныя и сопровождавшія всю жизнь Плетнева хлопоты о различныхъ изданіяхъ друзей его сдѣлались особенно тяжелы и мучительны. Каждую строку приходилось отстаивать въ цензурѣ съ большими затрудненіями. До какой степени была въ то время строга цензура, это мы видимъ изъ того, что даже сочиненія такого, можно сказать, высокопоставленнаго писателя, какимъ былъ Жуковскій, не могли безпрепятственно появляться въ печати. Въ это время какъ разъ Жуковскій издавалъ полное собраніе своихъ сочиненій. Не мало трудовъ и хлопотъ стоило Плетневу запродать это из-

---

[1]) П. А. Плетневъ былъ однимъ изъ наставниковъ покойнаго государя, тогда наслѣдника цесаревича.

даніе въ казну. Затѣмъ все прежде напечатанное Жуковскимъ прошло сквозь цензуру свободно. Но вотъ онъ прислалъ три тетради новыхъ своихъ прозаическихъ сочиненій. Изъ-за нихъ-то и начались самыя тяжкія мытарства Плетнева.

Въ письмѣ своемъ, 25 іюня 1850 г., Жуковскій распорядился со своими тетрадями такъ, чтобы тетрадь подъ № 1 Плетневъ отдалъ въ свѣтскую цензуру немедленно по полученіи; подъ № 2 и съ нею статью подъ заглавіемъ: „Письмо къ графу Ш." представилъ бы великому князю наслѣднику, дабы онъ испросилъ разрѣшеніе напечатать ее въ полномъ собраніи сочиненій; тетрадь же № 3 отдалъ неоффиціально духовному цензору, дабы онъ вычеркнулъ то, что можетъ ему показаться сомнительнымъ. „Я желаю,—писалъ Жуковскій,—чтобы въ моихъ христіанскихъ разсужденіяхъ и тѣни несогласнаго съ православіемъ не встрѣтилось".

Плетневъ такъ и поступилъ согласно съ этой инструкціей. И вотъ какова была участь каждой изъ трехъ тетрадей: тетрадь № 1 была 18 іюля отдана Плетневымъ цензору Шидловскому. „Я надѣялся,—пишетъ Плетневъ Жуковскому, 5 окт.,—что, не пропустивъ ни одного дня въ бездѣйствіи, я, до отбытія отсюда г. Рейфа, получу обратно рукописи и съ нимъ же къ вамъ ихъ отправлю. Вышло совсѣмъ не такъ. Г. Шидловскій донесъ цензурному комитету, что вашу рукопись подъ № 1 можетъ разрѣшить къ печатанію только главное управленіе цензуры. Ее туда и послали; но отвѣта не получено мною до сихъ поръ".

Затѣмъ еще мѣсяцъ спустя, 6 ноября, Плетневъ писалъ по поводу все той же тетради № 1-й:

„Вотъ и теперь надобно къ тому разсказу прибавить новости, конечно смѣшныя, но тѣмъ не менѣе печальныя, потому что узнаешь изъ нихъ, какъ трудно самую свѣтлую мысль провести черезъ головы тупыя и отуманенныя отчасти невѣжествомъ, а отчасти ложнымъ страхомъ. Государь желаетъ, чтобы при цензированіи книгъ какъ можно болѣе было вниманія, осторожности и ума. Онъ такъ обезпечилъ особу цензора, что каждому опредѣлилъ въ годъ жалованья по 3 тыс. руб. сер. Что-жъ цензора? Они разочли, что легче всего сохранить эту благостыню, не пропуская ничего, что только мелькнетъ живого: они знаютъ, что мѣсто ихъ можно потерять только за пропущенное, а не за вычеркнутое, какъ бы ни было несправедливо послѣднее. Ваша тетрадь, о которой я писалъ, что изъ цензурнаго комитета передана въ главное управленіе цензуры, была тамъ разсматриваема, т.-е. ее повертѣли, поглядѣли на нее, кое-что и прочли изъ нея,

да и отдали на окончательное заключеніе одного изъ членовъ—Мусина-Пушкина, какъ предсѣдателя меньшей инстанціи, т.-е. цензурнаго комитета. И онъ нѣсколько часовъ у себя провозился съ нею. Два узла держатъ все дѣло: они боятся имени вашего и не желаютъ прослыть обскурантами, а еще болѣе боятся—ну, если пропущенное не понравится кому-нибудь повыше! Вотъ Мусинъ-Пушкинъ, ничего не сдѣлавъ, и взвалилъ опять всю отвѣтственность на ценвора, первоначально читавшаго вашу рукопись (Шидловскаго), приказавъ ему приготовить новое донесеніе, самое подробное, которое побудило бы главное управленіе цензуры наконецъ чѣмъ-нибудь рѣшить это дѣло. Шидловскій потѣлъ, потѣлъ—и написалъ на васъ разборъ въ 20 листовъ. Это еще не внесено въ главное управленіе цензуры. Но вы согласитесь, будетъ ли тамъ довольно времени въ засѣданіи прочесть эти 20 листовъ и провѣрить отзывъ цензора съ оригиналомъ вашимъ? Дѣло или передастся секретарю для составленія новой докладной записки, или просто будетъ тянуться до вашего пріѣзда"...

Дѣло, однакожъ, рѣшилось тѣмъ, что 15 декабря, какъ видно изъ письма Плетнева, 25 декабря 1850 г., министръ народнаго просвѣщ. призвалъ къ себѣ Плетнева, и показавъ ему тетрадь № 1, сказалъ: „эта рукопись находилась поочередно у всѣхъ членовъ главнаго управл. цензуры. Общее заключеніе вышло то, что безъ Высочайшаго разрѣшенія нельзя ее печатать. Поэтому я намѣренъ представить ее на благоусмотрѣніе государя. Но какъ она переписана не четко, то возьмите ее къ себѣ, наймите вдругъ нѣсколько писцовъ, потомъ свѣрьте копію съ оригиналомъ—и поскорѣе доставьте ее мнѣ".

Этого не было исполнено, такъ какъ Жуковскій, какъ увидимъ ниже, потребовалъ возвращенія ему всѣхъ его рукописей, ходившихъ по цензурнымъ мытарствамъ.

Что касается до рукописи № 2, то о судьбѣ ея вотъ что пишетъ Плетневъ въ письмѣ 5 окт. 1850 г.: „Тетрадь подъ № 2 препровождена къ его императорскому высочеству государю цесаревичу при особомъ отъ меня письмѣ въ Петергофъ... Наканунѣ отъѣзда государя цесаревича на Кавказъ явился я къ его высочеству и узналъ, что маневры и другія занятія въ лагерное время не оставили свободной минуты для доклада этого дѣла государю императору. Тогда я выпросилъ обратно тетрадь и черезъ цензурный комитетъ отправилъ ее общимъ путемъ къ министру импер. двора. За отсутствіемъ министра просвѣщенія товарищъ его отвѣчалъ мнѣ, что это сочиненіе (т.-е. письмо къ

князю Варшавскому о русской и англійской политикѣ), по представленію московскаго цензурнаго комитета, уже было докладываемо государю императору, въ томъ видѣ, какъ оно было выдано на нѣмецкомъ языкѣ, но Высочайшаго соизволенія не послѣдовало на изданіе его въ Россіи, почему товарищъ министра народнаго просвѣщенія не считаетъ себя въ правѣ входить съ новымъ о томъ представленіемъ. Рукопись эту мнѣ возвратили, и я ее храню до новаго съ вашей стороны назначенія"...

Что касается, наконецъ, до рукописи № 3, то пролежавши въ духовной цензурѣ ровно пять мѣсяцевъ, она была возвращена Плетневу лишь 16 декабря, причемъ, какъ пишетъ Плетневъ въ письмѣ своемъ 25 декабря: „какая-то духовная особа, не означившая на ней имени своего, карандашемъ нацарапала на вашей рукописи слѣдующія историческія слова: „Авторъ слѣдуетъ одному французскому писателю [1]), котораго представляетъ святымъ, но который, однакожъ, неизвѣстенъ и не признанъ въ нашей церкви, и его мысли, изложенныя Жуковскимъ, не отличаются вѣрностью и основательностью. Собственныя мысли Жуковскаго также требуютъ исправленія въ отношеніи къ точности и ясности. Потому статьи не иначе могутъ быть одобрены къ напечатанію, какъ по исключеніи всего, что̀ касается французскаго писателя, и исправленія собственныхъ мыслей Жуковскаго". — „Меня,—продолжаетъ Плетневъ:—это нисколько не удивило, потому что я довольно привыкъ къ мнѣніямъ этой цензуры. Полагаю, что и вы на это не болѣе, какъ улыбаетесь".

Но Жуковскій былъ глубоко огорченъ и оскорбленъ отношеніемъ къ нему цензуры, и вотъ что писалъ онъ по этому поводу Плетневу, 19 дек. 1850 г.:

„Теперь отвѣчаю на послѣднее письмо ваше одною короткою строкою: возьмите назадъ манускрипты мои изъ цензуры. Я раздумалъ ихъ печатать и весьма радъ, что цензурныя затрудненія меня на то надоумили. Я не намѣренъ ничего впредь печатать, кромѣ, разумѣется, если что напишется стихотворное. Теперь для меня наступила эпоха прозы. Я хотѣлъ дѣлиться съ своими соотечественниками тѣми мыслями, которыя жизнь развила въ головѣ и сердцѣ. Это не нужно; гораздо вѣрнѣе, покойнѣе и смиреннѣе думать и выражать искренно свои мысли про себя. Зачѣмъ подвергать себя недоразумѣнію, произвольному суду, и навлекать на себя неосновательныя обвиненія? Я знаю по совѣсти, что у меня въ томъ, что̀ представлено въ манускрип-

---

[1]) Лувиньи—въ статьѣ: „О внутренней христіанской жизни".

тахъ моихъ на судъ цензуры, нѣтъ ни одной вредной мысли. Можетъ быть, иное худо и неясно выражено; можетъ быть, иное ошибочно,—еще тотъ не родился, кто бы мыслилъ безошибочно, но вреднаго нѣтъ и быть не можетъ. Вредное выходитъ изъ источника нечистаго. По моему направленію философическому я строгій христіанинъ... по моему глубокому убѣжденію я принадлежу къ православію и наиболѣе утвердился въ немъ въ послѣднее время жизни... Относительно политики я, по глубокому убѣжденію, а не по страху полиціи, вѣрую въ необходимость самодержавія и болѣе всего желаю сохранить его для нашей Россіи неприкосновеннымъ; мнѣнія, на этой базѣ утвержденныя, не только не могутъ быть у насъ вредны, но они необходимо должны быть пущены въ ходъ, выраженныя не лакейскимъ оффиціальнымъ слогомъ, а словомъ сердца и ума, покореннаго высшей правдѣ. Судя самого себя съ тѣмъ беспристрастіемъ, которое въ 67 лѣтъ весьма естественно, могу думать, что мой голосъ отозвался бы не въ одномъ умѣ, но и въ сердцѣ моихъ соотечественниковъ; особенно онъ принесъ бы пользу начинающемуся поколѣнію, которое мало у насъ въ отношеніи этомъ слышитъ добраго.—Но теперь, благодаря строгому суду нашихъ цензоровъ, я долженъ буду вѣроятно узнать, что мои мысли могутъ быть не законны и вредны. Смиряюсь напередъ и смиряюсь безо всякой досады передъ ихъ приговоромъ. И это меня просвѣщаетъ вполнѣ насчетъ того, что̀ я долженъ дѣлать. Я не покину пера, но навсегда отказываюсь отъ печатанія“...

11-го же октября 1851 г., Жуковскій въ отвѣтъ на нѣкоторыя новыя подробности о тѣхъ цензурныхъ запрещеніяхъ, какимъ подверглись его рукописи, между прочимъ пишетъ Плетневу:

„То, что̀ вы въ послѣднемъ письмѣ пишете о цензурѣ и о замѣткахъ ея на мои статьи, дѣйствуетъ на душу, какъ удушье на горло, не потому, что оно касается до меня лично, а потому, что это есть общее бѣдствіе: больше говорить не буду“.

XVIII.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что подобнаго рода испытанія такъ воздѣйствовали на всѣхъ подвизавшихся на литературномъ и ученомъ поприщахъ въ началѣ 50-хъ годовъ, что даже кроткаго и миролюбиваго Плетнева мы не узнаемъ въ перепискѣ его съ кн. Вяземскимъ. И у него въ свою очередь сердце перепол-

нилось ядомъ, какъ объ этомъ можно судить напримѣръ по слѣдующему письму его къ кн. Вяземскому, 6 янв. 1855 г.:

„Съ Гречемъ произошла вотъ какая исторія. Уже года три онъ хлопоталъ, чтобы его друзья отпраздновали 50-лѣтній юбилей литературной его жизни. Нынѣшней осенью удалось ему склонить Я. И. Ростовцева войти черезъ Государя Наслѣдника съ докладомъ къ Его Величеству о дозволеніи праздновать этотъ юбилей Греча, какъ автора грамматики, по которой учатся всѣ кадеты. Соизволеніе воспослѣдовало. Напечатали приглашеніе участвовать въ этомъ дѣлѣ денежными приношеніями, и брали съ рыла не менѣе 25 р. с. Раздавателями билетовъ объявлены были въ печатномъ приглашеніи: Рикордъ, Ростовцевъ, гр. Толстой (Θ. П., вице-презид. Ак. Х.), Панаевъ (Вл. Ив.) и Княжевичъ (А. М.). Когда набралось довольно денегъ, чтобы подарить Гречу серебряный кубокъ и накормить обѣдомъ подписчиковъ, то напечатано было, что праздникъ совершится 27 дек. 1854 г. въ залѣ 1 кадет. корпуса.

„Вы не удивитесь, что Министерство Н. П., не раздѣляя убѣжденій Штаба Воен. завед., не приступило къ участію въ праздникѣ. Однако же, 27 дек., по утру, явилась къ министру просв. депутація, а именно: Ростовцевъ, Княжевичъ, и какъ ни нелѣпо и смѣшно, самъ Гречъ. Они убѣждали его не отказать имъ въ чести присутствовать на обѣдѣ, присовокупивъ, что его отсутствіе огорчитъ Главнаго Начальн. Военно-учеб. зав. Нечего было сказать противъ такого довода, и А. С. Норовъ вынулъ изъ кармана 25 р. с., и отдавъ ихъ депутаціи, отвѣчалъ, что онъ явится къ 4 часамъ.

„Гостей между тѣмъ (числ. до 300) не впускали въ столовую до половины 6-го часа. Такъ какъ Гречъ носитъ титулъ почетнаго библіотекаря Публ. Библіотеки, состоящей въ вѣдомствѣ министра Имп. Двора, то надѣялись и ожидали, что гр. В. Θ. Адлербергъ, по ходатайству бар. М. А. Корфа и распорядителей юбилея, испроситъ къ началу обѣда звѣзду или хоть на шею Владим. крестъ юбиляру. Въ половинѣ 6-го часа прискакалъ курьеръ и объявилъ, что гр. Адлербергъ къ обѣду не можетъ прибыть. Всѣ поняли, что Гречъ остался съ носомъ, и сѣли кушать. Юбиляра посадили между Норовымъ и Корфомъ, а vis-à-vis сѣли распорядители, кромѣ Рикорда, опасно заболѣвшаго и еще не выздоровѣвшаго. Читано было много разныхъ вещей довольно скучныхъ. Говорятъ, что всего скучнѣе была біографія Греча, которую онъ сочинилъ и прочиталъ самъ въ назиданіе гостямъ. Отрѣшковъ, послѣ рѣчи своей, сказалъ, что въ доказательство,

какъ онъ уважаетъ Греча, отступаетъ отъ обычая своего и вмѣсто всегдашняго напитка своего—воды, пьетъ его здоровье виномъ. Гречъ на это съострилъ достойно: „и я, въ изъявленіе моего уваженія къ вамъ, отказываюсь отъ обыкновеннаго напитка моего—вина, и пью ваше здоровье водою". По этому образчику можете судить о прочемъ...

„Но я приготовилъ ему другой юбилей, какого и не ожидалъ онъ. Второе Отдѣл. Акад. Наукъ просило министра просв., чтобы онъ за долгую службу и отлично уважаемые всѣми ученые труды А. Х. Востокова исходатайствовалъ ему отъ Государя звѣзду Станислава. Министръ удостоился получить къ этому представленію соизволеніе Его Величества, съ тѣмъ, чтобы объ этой наградѣ объявить 1 янв. 1855 г. Припомните, что 29 дек. бываетъ всегда торжественное собраніе Акад., въ которомъ я читаю отчетъ о годичныхъ занятіяхъ русскихъ академиковъ. Мнѣ пришла мысль объявить на этомъ строго-ученомъ праздникѣ 50-лѣтній юбилей трудовъ Востокова и Государеву награду связать съ этимъ случаемъ. Поэтому я не только исчислилъ труды Востокова въ 1854 г., но и все, что онъ сдѣлалъ для филологіи. Норовъ разрѣшилъ мнѣ соединить извѣстіе о наградѣ со днемъ юбилея Академика. Онъ даже мнѣ послѣ сказалъ, что по прочтеніи исчисленія трудовъ Востокова онъ самъ объявитъ о пожалованной ему звѣздѣ Государемъ.

„Гречъ, почти никогда не приходившій въ Академію 29 дек., нынче явился, надѣясь пристыдить академиковъ, не почтившихъ праздника его. Но когда онъ выслушалъ мою статью о Востоковѣ, гдѣ я назвалъ его единственнымъ и беспримѣрнымъ изслѣдователемъ русскаго языка, когда я прибавилъ, что, съ окончаніемъ 1854 года, кончилось 50 лѣтъ его ученыхъ трудовъ, ибо въ 1804 г. были приготовлены къ печати первыя его сочиненія, и наконецъ, когда, послѣ моихъ словъ, министръ всталъ, подошелъ къ Востокову и со всею торжественностью объявилъ, что Государь нынче награждаетъ его заслуги,—тогда Гречъ такъ былъ пораженъ, что вышелъ изъ собранія и уѣхалъ домой"...

XIX.

Въ слѣдующемъ, 1856 году, мы видимъ новую перемѣну въ духѣ Плетнева, судя по письмамъ его къ кн. Вяземскому. Вмѣстѣ съ общимъ оживленіемъ, очевидно, ожилъ и онъ, исполнившись новою жизнію и энергіею. Такъ, мы видимъ его путешествующимъ за границею (въ первый разъ въ жизни) съ больною женою. Здѣсь онъ знакомится съ французскими учеными, Легувé, Вильменомъ, которому онъ представляется въ качествѣ русскаго академика, какъ къ непремѣнному секретарю французской академіи. Въ Англіи онъ восхищается порядками оксфордскаго университета, и описывая ихъ въ письмѣ къ кн. Вяземскому, 26 октября 1856 г., переходитъ къ слѣдующимъ взглядамъ на необходимость реформъ въ русскомъ воспитаніи:

„Что же намъ бы можно занять изъ всего этого? По моему мнѣнію, три особенно предмета: 1) улучшить предуниверситетское ученіе, безъ котораго, какъ безъ фундамента, все послѣдующее разсыпается; 2) сильнѣе развивать, смотря по наклонностямъ и способностямъ молодыхъ людей, спеціальное образованіе, такъ, чтобы внѣ школы оно оставалось потребностью ума въ продолженіе всей жизни; и 3) доставить несравненно болѣе средствъ каждому изъ обучающихся къ собственнымъ умственнымъ занятіямъ, постепенно освобождая ихъ отъ такъ называемыхъ общихъ и вспомогательныхъ наукъ, давящихъ заботливый умъ. Въ заключеніе нельзя не посовѣтовать, чтобы въ среднихъ заведеніяхъ скорѣе сближали бы формы жизни и ученія съ образованіемъ домашнимъ, смотрѣли бы поблагосклоннѣе на отроческій возрастъ и доискивались бы въ его сердцѣ дѣтской любви, а не страха подчиненности. Высшее средство во всѣмъ успѣхамъ есть самостоятельная работа, поддерживаемая благимъ даромъ разумной свободы. Когда живешь въ Англіи, то изумляешься, какъ эта свобода развиваетъ повсемѣстно успѣхи ума и дѣйствій. Я не ослѣпленъ наружностью: въ Англіи болѣе, нежели гдѣ нибудь, противорѣчій и противоположностей, за то нигдѣ нѣтъ и такого твердаго отпора беззаконію и злоупотребленію“.

Насколько занимали Плетнева всѣ предпринятыя въ то время реформы и особенно касающіяся министерства народн. просвѣщенія, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ выдержкамъ изъ письма его къ кн. Вяземскому, 17 декабря 1856 г.:

„Въ письмѣ вашемъ, князь П. Ан., которое я получилъ отъ гр. М. Ю. Вьельгорскаго, болѣе всего я пораженъ былъ истиною

словъ: „у насъ любятъ возбуждать побочные вопросы, такъ сказать, проселочные; а тѣ, которые лежатъ на столбовой дорогѣ и заваливаютъ и загораживаютъ путь, о тѣхъ никто не помышляетъ". Это именно сказать надобно, когда слышишь, что Госуд. Совѣтъ озабоченъ организаціею нашего министерства просв., а спокоенъ и доволенъ ходомъ дѣлъ въ министерствѣ юстиц., вн. дѣлъ, финансовъ и пр. Могу сказать, положа руку на сердце, что въ Россіи, сравнительно съ самыми благоустроенными государствами, министерство просвѣщ. организовано правильнѣе, удачнѣе, нежели многія другія, отъ которыхъ благосостояніе государства зависитъ несравненно болѣе.

„Если только мы подумаемъ о низости, до которой дошла наша полиція, о злоупотребленіяхъ въ нашихъ судахъ, о хищничествѣ, которому подвергаются казенныя деньги, отпускаемыя въ распоряженіе чиновниковъ, и проч., то не должны ли сознаться, что министерство просвѣщенія передъ прочими министерствами идетъ чисто и безпорочно? Извѣстно ли въ Государственномъ Совѣтѣ, что молодые люди, въ послѣднюю войну удостоившіеся довѣренности Ея Величества для раздачи пособій въ Крыму, были большею частію изъ студентовъ петербургскаго университета, начиная съ гр. Вьельгорскаго, Матюшкина, и оканчивая гр. Паленомъ? Когда я слышу споры объ уничтоженіи привилегій ученымъ, то мнѣ приходитъ на мысль, что враги просвѣщенныхъ людей ничего болѣе не принимаютъ за истину, кромѣ диссертаціи Ж. Ж. Руссо, написанной въ часы глубокой ипохондріи и тоски противъ злоупотребленій просвѣщенія и образованности"...

Высказывая затѣмъ цѣлый рядъ вѣскихъ опровержeній предполагаемаго по слухамъ уничтоженія ученыхъ привилегій, Плетневъ затѣмъ говоритъ о своихъ посѣщеніяхъ публичныхъ курсовъ въ Collége de France, въ Сорбоннѣ, и о впечатлѣніяхъ, выносимыхъ имъ оттуда. „Едва,—говоритъ онъ,—случается у меня свободный часъ отъ домашнихъ заботъ, я спѣшу туда, желая ознакомиться тамъ со всѣмъ: съ объемомъ предметовъ, съ распредѣленіемъ ихъ, съ духомъ преподаванія, словомъ, со всѣми способами возбужденія умственной дѣятельности публики. Я упомянулъ выше, что организація нашего министерства просвѣщенія ничѣмъ не уступаетъ организаціи иностранныхъ министерствъ той же части. Судя по строгой системѣ, которую находимъ въ нашемъ распредѣленіи высшихъ, среднихъ и низшихъ училищъ, въ полнотѣ и гармоніи курсовъ, въ точномъ исполненіи предначертаній начальниковъ—можно даже сказать, что русское министерство просвѣщенія лучше организовано, нежели французское. Только

здѣшніе слушатели гораздо сильнѣе нашихъ поднимаютъ успѣхи занятій преподавателей и своихъ собственныхъ занятій, а слѣдственно и попечительности министерства. Вы не можете представить, какая здѣсь жажда къ пріобрѣтенію знаній, какое благоговѣніе къ труду ученаго человѣка и какой духъ порядка и благочинія въ собраніяхъ, при которыхъ нѣтъ никакихъ формальностей, никакого особаго надзора, ничего, напоминающаго о мѣрахъ, готовыхъ возстановить малѣйшее неустройство! Въ аудиторіи, гдѣ иногда собирается за полчаса до открытія лекцій отъ 100 до 500 человѣкъ, всѣхъ сословій и возрастовъ, гдѣ часто рядомъ съ молодымъ человѣкомъ садится, за недостаткомъ другого свободнаго мѣста, 18-лѣтняя дѣвушка, безъ компаньонки, нѣтъ ни празднаго разговора, ни шопоту, ни улыбокъ; все хранитъ одно молчаливое ожиданіе того, для котораго собрались со всѣхъ сторонъ города въ эту даль (Rue St. Jacques), на самый конецъ Парижа. Симметріи, внѣшняго порядка и чопорности нѣтъ ни въ чемъ. Слушатели въ пальто, профессоръ въ сюртукѣ. Отдаленный гдѣ-нибудь въ темномъ углу слушатель сидитъ, или оперпись на засаленную стѣну спиною стоитъ даже въ истасканной своей шляпѣ. Никому нѣтъ дѣла до такихъ явленій. Всѣ думаютъ только объ одномъ. При первомъ словѣ: „Messieurs“, тишина превращается въ мертвое молчаніе. Жизнь и торжественное выраженіе всеобщаго удовольствія пробуждаются только при послѣднемъ словѣ профессора, съ которымъ онъ встаетъ, покидая собраніе. Его сопровождаютъ рукоплесканія“...

Изъ всѣхъ профессоровъ Collége de France наиболѣе увлекала въ то время Плетнева личность блиставшаго въ то время профессора Лабуле. Вотъ что пишетъ онъ объ этомъ своемъ увлеченіи кн. Вяземскому, 19 апрѣля 1857 г.:

„Со мною здѣсь (въ Парижѣ) былъ молодой мой по университету товарищъ Стасюлевичъ, но теперь уѣхалъ въ Англію, а оттуда проберется прямо въ Германію—и мы не увидимся до Россіи. Всѣ лекціи мы здѣсь слушали вмѣстѣ. Отъ того и разговоры наши дома (особенно о Лабуле) становились живѣе. Этотъ Лабуле для меня идеалъ, не только профессора и гражданина, но и просто человѣка. Теперь онъ во второмъ семестрѣ читаетъ о государственныхъ расходахъ въ римской имперіи (въ первомъ читалъ о законодательствѣ и администраціи ея). Изложеніе его такъ назидательно своею истиною, ясностью, что не можешь слушать его, не пропуская каждаго факта черезъ свое сердце, и отъ того всегда становится на душѣ и живо, и грустно. Пораженъ бываешь повтореніемъ явленій на землѣ. А когда стано-

виться на той мысли, что въ каждомъ вѣкѣ являлись геніальные люди, вызывавшіеся поправить, улучшить машину общественной жизни, что эти мудрецы даже совсѣмъ ломали ее и замѣняли новою—общество же только страдало и страдаетъ: то невольно упадешь духомъ и охладѣваешь ко всему, и хочется только дожить до своего срока въ безвѣстности и тишинѣ. Лабуле и самъ впадаетъ иногда въ эту апатическую меланхолію. Разъ, подробно и картинно представивши намъ римскій театръ, циркъ и амфитеатръ, по случаю объясненія, какихъ издержекъ они стоили правительству, онъ перешелъ къ такъ называемому имъ заключенію лекціи, которымъ непремѣнно за долгъ считаетъ онъ довершить всякій разсказъ, и которое составляетъ обыкновенно высочайшую прелесть каждой его лекціи. Въ его тонѣ и видѣ было что-то грустное; нельзя было не замѣтить, что и этого человѣка, по наружности столь положительнаго и даже холоднаго, бѣдствія человѣческія растрогали до глубины души. Онъ самъ себѣ задалъ вопросъ: „Какой путь частному гражданину остается избрать посреди распаденія, которое было въ Римѣ, всѣхъ началъ нравственности?" И онъ весь одушевился, начавъ изображеніе высокихъ качествъ души, которыя тѣмъ болѣе должны быть, независимо отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, сохраняемы въ частности каждымъ, чѣмъ голосъ ихъ рѣже и глуше слышится въ общественной жизни. „Это единственное сокровище (сказалъ онъ), на которое никому посягнуть нельзя, единственное наслѣдство, изъ котораго въ потомствѣ должно выдти и непремѣнно выйдетъ истинно полезное употребленіе". Въ Парижѣ, кто только знаетъ Лабуле, всѣ единогласно говорятъ, что онъ у себя дома и въ обществѣ точно таковъ же, какъ на каѳедрѣ: человѣкъ непреклонной чести и воли. Я часто думаю, сколько бы пользы можно изъ него извлечь, еслибы нашлось средство вызывать его неподкупный голосъ при разрѣшеніи государственныхъ вопросовъ. Къ несчастью, къ намъ хоть и много на житье ежегодно переѣзжаетъ французовъ, но не такихъ"...

Это живое и чисто юношеское увлеченіе показываетъ, сколько еще огня и жизни сохранялось въ духовномъ мірѣ этого человѣка, не смотря на то, что онъ уже пережилъ всѣхъ друзей своей юности и оставался одинокимъ, въ такомъ возрастѣ, когда люди обыкновенно дѣлаются холодны ко всему окружающему и черствѣютъ сердцемъ потому только, что окружены бываютъ младшимъ поколѣніемъ, равнодушнымъ къ наболѣвшимъ ранамъ ихъ прожитой жизни. Плетневъ не переставалъ съ тою же чуткостью, какъ и въ былые годы, стремиться съ горячимъ и чисто юно-

шескимъ сочувствіемъ ко всему, въ чемъ онъ усматривалъ истинно человѣческое и доблестное.

Но годы его были уже сочтены. Здоровье его настолько было уже подточено многолѣтними и неусыпными трудами, что въ послѣднія пять лѣтъ своей жизни ему пришлось, оставивши всѣ дѣла свои, бороться съ упорнымъ недугомъ, и наконецъ въ 1865 году его не стало. Онъ умеръ въ Парижѣ въ тотъ самый день 29 декабря, въ который въ былыя времена на торжественныхъ собраніяхъ академіи читалъ обыкновенно свои годовые отчеты академической дѣятельности. Наканунѣ телеграммы, принесшей извѣстіе о кончинѣ Плетнева, 28 декабря, было получено редакціею „Вѣстника Европы" его „Письмо", отъ 23 декабря (на слѣдующій день послѣ того его постигъ ударъ), которое онъ предназначилъ для помѣщенія въ первой книгѣ, тогда только-что основаннаго журнала [1]). Изъ этого „Письма", написаннаго за недѣлю до смерти, видно, что семидесяти-трехъ-лѣтній старецъ, можно сказать, у самыхъ дверей гроба, оставался неизмѣнно вѣрнымъ тѣмъ идеямъ, которыя выработались въ немъ еще въ молодости и сопровождали всю его жизнь. Самое названіе журнала перенесло Плетнева въ эпоху перваго основателя „Вѣстника Европы", Карамзина, и имя Карамзина навело его на тэму объ истинномъ значеніи авторитета, какимъ былъ нѣкогда Карамзинъ. „Отличительный характеръ авторитетовъ,—говорилъ П. А. Плетневъ,—состоитъ именно въ томъ, что они, не измѣняя внутренняго своего достоинства, оставляютъ каждому **свободный** путь труда... Авторитетъ, какого бы онъ ни былъ времени, въ отношеніи къ намъ — то же, что природа. Онъ животворитъ насъ и вдохновляетъ, **не связывая нашихъ силъ и не налагая на насъ обязанности бездушнаго повторенія.** Истинное созданіе во всѣхъ своихъ проявленіяхъ свободно"...

Обращаясь затѣмъ къ Карамзину, Плетневъ продолжаетъ: „Карамзинъ безспорно замѣчательнѣйшій литераторъ въ лучшемъ и высшемъ значеніи этого слова. Чѣмъ ни занимался онъ въ нашей литературѣ, на всемъ оставилъ слѣды обновленія и совершенствованія... Начиная съ языка, важнѣйшей принадлежности въ литературѣ, онъ далъ образцы вкуса и заставилъ уважать высшія требованія искусства, о которыхъ до него никто и не думалъ. Но при всемъ томъ,—заключаетъ Плетневъ, вѣрный основной идеѣ всей своей жизни,—эти улучшенія, эти богатства, внесенныя Ка-

---

[1]) „Вѣст. Европы", 1866 г., т. I, стр. XII.—Это „Письмо въ Редакцію" не вошло въ полное собраніе сочиненій П. А. Плетнева.

рамзинымъ въ общую сокровищницу литературы нашей, какъ и все, пережившее свой вѣкъ, не могутъ быть снова принимаемы для поддержанія достоинства и блеска современныхъ трудовъ. На этомъ же поприщѣ необходимо полное обновленіе. Жизнь и мысль народа не могутъ остановиться. Какъ самое время, онѣ безпрерывно мчатся впередъ. Окружаемые при этомъ движеніи всѣмъ новымъ, мы прошлому—отводимъ мѣсто въ исторіи, подчиняясь въ настоящемъ—властительству новыхъ силъ".

Въ этихъ немногихъ словахъ П. А. Плетневъ высказался весь: такъ думалъ онъ и согласно съ тѣмъ дѣйствовалъ всю жизнь, и съ этою же мыслью сошелъ въ могилу.

А. Скабичевскій.

МОЯ ЖЕНИТЬБА

Записки В. И. Матвѣева.

Окончаніе.

II *).

Полтора мѣсяца прошли, и мы съ Ольгой обвѣнчались. Странно, въ день свадьбы, даже въ церкви предъ аналоемъ, мнѣ опять казалось, что все это не серьезно, что это не болѣе какъ последній актъ театральной пьесы, не имѣющей никакого отношенія къ дѣйствительной жизни. Послѣ вѣнца, вечеромъ у насъ собралось человѣкъ двадцать. Былъ ужинъ съ скоромными шуточками доктора, котораго тщетно унимала жена, съ тонкой ироніей Вите и съ гаерствомъ Цвѣтаева. Цвѣтаевъ былъ, впрочемъ, черезъ-чуръ шуменъ, черезъ-чуръ развязенъ; въ его шуткахъ было слишкомъ много напускного и онѣ никому не казались забавны.

Первые дни нашего медоваго мѣсяца прошли какъ въ чаду.

Масляница была въ полномъ ходу,—мы веселились. Мы сдѣлали визиты чуть не всему городу: принимали визиты у себя, причемъ, однако, большая часть мѣстной аристократіи прислали намъ карточки черезъ лакеевъ. Губернаторша подъѣхала къ нашей квартирѣ сама, но изъ кареты не вышла, хотя мы были дома. Мы нѣсколько разъ были въ театрѣ, получили нѣсколько приглашеній на блины; были блины у насъ. Наконецъ все успокоилось, и мы остались съ Ольгой, такъ сказать, съ глазу на глазъ.

---

*) См. выше: октябрь, 571 стр.

Сознаюсь, съ перваго же шага я сдѣлалъ большую ошибку. Мнѣ слѣдовало съ самаго же начала дать Ольгѣ возможность освоиться съ обязанностями жены и хозяйки. Но я упустилъ это. Въ виду того, что лѣтомъ намъ предстояло уѣхать мѣсяца на два изъ Гайска, я, не обзаводясь домомъ, предпочелъ пока полухолостую жизнь. Мы остались на моей прежней квартирѣ, въ которой, къ тремъ прежнимъ комнатамъ, хозяйка присоединила четвертую. Столъ мы также имѣли отъ хозяевъ. На Ольгѣ не лежало никакихъ заботъ и она вела совершенно праздную жизнь, ничѣмъ не занятая, ничѣмъ не интересующаяся. Ей дѣйствительно нечего было дѣлать, а баловство хозяекъ, потерявшихъ всякую мѣру въ своей услужливости, окончательно ее портило. Чай, напримѣръ, подавался ей въ постели, въ которой она и валялась до полудня, если не приходилъ кто-нибудь. Читать Ольга совсѣмъ не привыкла; даже какой-нибудь романъ, особенно рекомендованный ей хозяйской дочерью, большой любительницей романовъ, читала по недѣлямъ. Музыки она почти не знала и нисколько не интересовалась ею. Наконецъ съ матерью и сестрой Ольга видѣлась далеко не каждый день, хотя тѣ и жили въ двухъ шагахъ. Впрочемъ, мать все еще была недовольна неудачнымъ, по ея мнѣнію, бракомъ Ольги, а Любовь Васильевнѣ было некогда. Ювинъ предлагалъ ей очень выгодное мѣсто въ своей заводской конторѣ, но она отказалась и имѣла въ виду мѣсто въ Москвѣ. Ее приглашали классной дамой въ пансіонъ, гдѣ она воспитывалась, но для этого ей нужно было предварительно выдержать экзаменъ на званіе домашней учительницы, къ которому она теперь и готовилась усердно. Со времени женитьбы, мои отношенія съ Любой стали какъ-то натянуты; при встрѣчѣ мы обмѣнивались съ нею самыми незначащими фразами, да и съ Ольгой она была не особенно привѣтлива и разговорчива. За то у нея возникла сильная дружба съ Сименсами, особенно съ нимъ. Докторъ являлся ея главнымъ менторомъ и ходатаемъ на счетъ экзамена. Мое участіе ограничивалось тѣмъ только, что я занимался съ нею нѣсколько часовъ въ недѣлю исторіей и географіей.

Возвращаюсь къ Ольгѣ. Было, впрочемъ, одно средство, разгонявшее ея апатію: карты. Ольга выучилась, наконецъ, играть въ умныя игры. Извѣстно, что карты такъ же необходимы привилегированному русскому человѣку, какъ зелено-вино непривилегированному,—и Гайскъ игралъ (вѣроятно, играетъ и теперь); играли мужчины, играли и дамы такъ-называемаго порядочнаго общества. Мнѣ не разъ случалось даже при утреннемъ посѣ-

щеніи какого-нибудь изъ „лучшихъ“ домовъ Гайска заставать дамъ за любимымъ ими въ то время рамсомъ. По вечерамъ же навѣрное не менѣе половины обитательницъ Гайска непремѣнно рамсировали или въ клубѣ, или гдѣ-нибудь на дому. Впрочемъ до рамса Ольга еще не дошла, но по нѣскольку часовъ въ день проводила за пикетомъ. Усердную партнершу она нашла въ женѣ Сименса:—докторша была страстной охотницей до картъ. Часто, возвратясь изъ гимназіи, я заставалъ у насъ Александру Викторовну за пикетомъ съ Ольгой. Иногда за женою являлся докторъ.

— Шура, ради Бога, какъ тебѣ не стыдно; пора, наконецъ, домой, дѣти давно ѣсть просятъ.

Карты оставлялись, но не надолго; вечеромъ нескончаемый пикетъ возобновлялся уже не у насъ, а у Сименсовъ. Пока наши жены, по выраженію доктора, „пикировались“, мы болтали, садились за преферансъ вдвоемъ, если не было третьяго, кончали игру, закусывали, а пикетъ все продолжался. Докторъ терялъ терпѣніе.

— Нужно же, Саша, кончить; давно спать пора. Ты забываешь, что у тебя есть дѣти, о которыхъ тебѣ нужно завтра позаботиться пораньше. Пойдемъ, пожалуйста, ужинать. Ольга Васильевна, вы совсѣмъ сбили съ толку мою жену.

— Сама же Александра Викторовна выучила меня пикету,—оправдывалась Ольга.

— Хорошо, но надо въ мѣру. Право, мы съ Василіемъ Ивановичемъ въ одинъ прекрасный день побросаемъ всѣ карты въ печку, чтобы и духу ихъ больше не было.

— Смѣй только, тогда мы съ Ольгой Васильевной станемъ ѣздить въ клубъ играть въ рамсъ и вы насъ до свѣта не будете видѣть.

— Да, этого только не доставало.

Для меня, впрочемъ, было нѣчто болѣе непріятное, нежели карты. Это посѣщенія Цвѣтаева. По волѣ судебъ онъ не уѣхалъ изъ Гайска: въ обществѣ такихъ же шалопутовъ, какъ и самъ (странно, какъ Увальцевъ попалъ въ ихъ число), онъ остался для какихъ-то постныхъ спектаклей, которые со второй недѣли поста они стали давать то въ театрѣ, то въ клубѣ подъ названіемъ литературно-музыкальныхъ вечеровъ. По неволѣ, вслѣдствіе настояній Ольги, я долженъ былъ посѣщать съ нею эти вечера и, между прочимъ, имѣлъ случай еще два-три раза наслаждаться фарсомъ Цвѣтаева, пародировавшимъ Ольдриджа,—второе или третье усовершенствованное изданіе шутовской выходки, которою онъ потѣшалъ насъ когда-то у Ривановыхъ.

Любопытно, что эта пошлость пришлась чрезвычайно по вкусу публикѣ (читатель разумѣй: публикѣ Гайской!). Самъ Вите помѣстилъ въ газетѣ панегирикъ таланту Цвѣтаева, вопреки моему разбору этой пародіи, не удостоившемуся печати. На мой саркастическій вопросъ по этому предмету, Вите отвѣчалъ мнѣ:

— Полноте, Василій Ивановичъ, къ чему было тратить и столько фразъ, и столько желчи по поводу очень безобиднаго и къ тому же очень веселаго фарса. Надо давать жить людямъ. Притомъ исполненіе Цвѣтаева дѣйствительно своего рода совершенство; да и самый фарсъ такъ талантливо-комиченъ, что стоитъ иной серьезной комедіи. Знаете ли, я даже совѣтовалъ Цвѣтаеву написать цѣлую пьесу подъ заглавіемъ „Ольдриджъ на Гайской сценѣ", и онъ обѣщалъ. Увѣряю васъ, такая пьеса имѣла бы успѣхъ даже въ столицѣ, разумѣется, если роль Ольдриджа играть такъ, какъ играетъ ее Цвѣтаевъ.

Вотъ, поди же, говори съ такими цѣнителями искусства. Впрочемъ, бѣда была не въ однихъ спектакляхъ, въ дни, когда они не давались, было еще хуже: Цвѣтаевъ чуть не съ утра и уже положительно до утра слѣдующаго торчалъ у насъ, обращаясь фамильярно не только съ Ольгой, но и со мной. Я каялся, но поздно, въ той короткости, которую допустилъ въ нашихъ отношеніяхъ.

Ольгѣ было съ нимъ, повидимому, очень весело, хохотъ ихъ (они уходили обыкновенно къ хозяйкамъ, когда я ложился отдыхать послѣ обѣда) барабанилъ мнѣ въ уши черезъ три комнаты. По вечерамъ у нихъ съ хозяйками, иногда съ Александрой Викторовной, устраивался вистъ и тянулся далеко за полночь. Я успѣвалъ ужъ порядкомъ заснуть, когда, зѣвая, являлась въ спальную Ольга.

Нужно ли говорить, какъ свободно, всей грудью вздохнулъ я, когда Цвѣтаевъ убрался наконецъ изъ Гайска. Вскорѣ, выдержавъ экзаменъ, уѣхала въ Москву Люба съ матерью.

Разумѣется, и до ихъ отъѣзда, и послѣ въ особенности, игрою въ пикетъ и въ вистъ жизнь не исчерпывалась. Съ моей стороны, не было недостатка въ попыткахъ благотворно подѣйствовать на развитіе ума и сердца Ольги. Но это оказалось не легко. Познаній въ ней не было никакихъ, ни историческихъ, ни литературныхъ; о географіи и физикѣ она не имѣла понятія. Словомъ, это было круглое невѣжество. По-французски она знала нѣсколько фразъ, по-нѣмецки не знала ни слова. Я убѣдился, что Любовь Васильевна была совершенно права, утверждая, что Ольга не понимаетъ ни пьесъ, въ которыхъ играетъ, ни своихъ

ролей. Словомъ, это была олицетворенная умственная апатія. Разогнать эту апатію, возбудить дремлющій умъ я и имѣлъ въ виду. Недававшееся Ольгѣ чтеніе, я рѣшился замѣнить бесѣдами. Обыкновенно по послѣ обѣдамъ, прилегши отдохнуть, я подзывалъ Ольгу, она садилась возлѣ и я начиналъ бесѣду, продолжавшуюся часъ и больше. Я говорилъ ей объ историческихъ личностяхъ, объ литературныхъ произведеніяхъ, стараясь въ то же время знакомить ее съ формами общества и общественной жизни, съ нравами, обычаями и культурой народовъ. Иногда бесѣду я подкрѣплялъ чтеніемъ выдающихся отрывковъ разныхъ писателей. Все время Ольга сидѣла тихо и слушала, повидимому, внимательно, но если черезъ нѣсколько дней я спрашивалъ ее о разсказанномъ, она съ очень милой, чисто дѣтской улыбкой отвѣчала, что ничего не помнитъ, — она такая безпамятная. Помнила она только то, что́ не стоило помнить: о королѣ-героѣ Лудовикѣ Святомъ знала, что онъ зачѣмъ-то садился подъ дубомъ. Возвышенно трогательный образъ Ламанчскаго рыцаря заставлялъ ее хохотать при воспоминаніи о томъ, какъ его побили, о томъ, какъ служанокъ онъ принялъ за важныхъ барынь и какъ повисъ на веревкѣ, взбираясь къ чьему-то окну. Понятно, что мое рвеніе къ развитію жены все болѣе и болѣе охладѣвало.

Хозяйство шло не лучше развитія. Изъ хозяйственныхъ заботъ на Ольгѣ лежало собственно разливаніе чая и отдача въ стирку бѣлья, но долго она и съ этимъ не могла справиться: чай наливала мнѣ то слишкомъ слабый, то слишкомъ сладкій; только мѣсяца полтора спустя чай сталъ мнѣ подаваться по вкусу. Съ бѣльемъ было еще хуже. Надѣвъ рубашку я вдругъ замѣчалъ, что недостаетъ пуговицы.

— Ахъ, эти прачки такія безпорядочныя, ни на что не обращаютъ вниманія. Подожди, не снимай; я возьму иголку и пришью.

Начиналось пришиванье очень неловкое и прерывалось обыкновенно (каюсь, моя вина) поцѣлуями и объятіями, послѣ которыхъ Ольга убѣгала.

— Ну вотъ видишь, развѣ можно пришить пуговицу, когда у тебя все глупости на умѣ. Никогда больше не буду пришивать.

Впрочемъ въ общемъ итогѣ, въ первое время послѣ женитьбы, несчастнымъ я себя считать не могъ. Ольга не уклонялась ни отъ поцѣлуевъ, ни отъ ласкъ моихъ, хотя въ ней это и отзывалось нѣсколько холодной покорностью содержанки, рѣшившейся добросовѣстно исполнить принятыя на себя условія: если я не подзывалъ ее къ себѣ—я нарочно это пробовалъ—ей по цѣлымъ

дiямъ не приходило въ голову не только приласкаться, но даже подойти ко мнѣ. Въ обращенiи Ольга была кротка и послушна, всѣмъ довольна и не требовательна по отношенiю ко мнѣ. Безъ опасенiя, что она будетъ скучать или будетъ на меня дуться, я могъ иногда до поздней ночи, чуть не до утра просидѣть у прiятелей или въ клубѣ. Если я будилъ ее своимъ приходомъ, она встрѣчала меня ласковой полусонной улыбкой.

— Это ты? Озябъ? Иди скорѣе, я тебя согрѣю; посмотри, какая я теплая.

Я спѣшилъ затушить свѣчу и былъ доволенъ и судьбой своей и женою. Въ самомъ дѣлѣ, если не предлагать жизни какихъ-нибудь особенныхъ неисполнимыхъ требованiй, мнѣ нечѣмъ было быть серьезно недовольну. Нужно сказать, что я никогда не былъ увколебимымъ идеалистомъ и тогда уже, не смотря на то, что мнѣ не было тридцати лѣтъ, держался твердо практической почвы. По тогдашнему моему мнѣнiю, женщина прежде всего должна быть женщиной: не быть сварливой, не читать намъ морали и не пускаться въ выспреннiе дебаты тогда, когда намъ по-просту хочется цѣловаться. Теперь въ сорокъ лѣтъ я остаюсь при томъ же убѣжденiи и думаю, что его раздѣляетъ со мною большинство мужей, хотя рѣдкiй изъ нихъ, послѣ совершившейся у насъ женской эманципацiи, рѣшится открыто въ этомъ сознаться. Но я... j'avais toujours le courage de mon opinion и вмѣняю себѣ это въ заслугу.

Такъ протянулось до лѣта. На каникулы мы уѣхали изъ Гайска: проѣхали сперва по Волгѣ до Нижняго, кое-гдѣ останавливаясь на дорогѣ; оттуда по желѣзной дорогѣ въ Москву. Въ Москвѣ мнѣ необходимо было пробыть около мѣсяца; я писалъ историческое сочиненiе и долженъ былъ поработать съ книгами, которыхъ нельзя было достать въ Гайскѣ. Мы остановились въ заранѣе нанятыхъ для насъ Любою меблированныхъ комнатахъ, недалеко отъ квартиры матери Ольги и отъ Любы. Съ Москвы началась коренная перемѣна въ нравѣ Ольги и въ ея отношенiяхъ ко мнѣ. Кое-что замѣчалось уже дорогой; Ольга капризничала, дулась по самому ничтожному поводу, но я приписывалъ это ея положенiю: она была беременна. Въ Москвѣ капризы и раздражительность Ольги дошли до крайности. Въ добавокъ снова появился роковой для меня Цвѣтаевъ и съ нею рѣшительно не было ладу. Меня она по три по четыре дня буквально не подпускала къ себѣ; уходила къ матери и оставалась тамъ ночевать, не смотря на всѣ мои убѣжденiя. Дома она постоянно дурила: глядя въ зеркало на свое осунувшееся лицо и

на слишкомъ округлившійся станъ, на которомъ съ трудомъ застегивалось платье, она начинала плакать.

— На что я стала похожа; что вы со мной сдѣлали; куда я могу показаться въ такомъ видѣ?

Тщетно я старался втолковать ей, что все это въ порядкѣ вещей, что это священное назначеніе женщины, что теперь она мнѣ въ десять разъ дороже и милѣе.

— Не нужно мнѣ вашего назначенія; не хочу я вовсе вамъ нравиться. Ничего я не хочу. Ребенка, если будетъ, заброшу, отдамъ въ воспитательный домъ, какъ Левина. У нея тутъ былъ въ прошломъ году ребенокъ, она чуть за это время съ голоду не умерла. Уйдите, я васъ видѣть не могу; вы мнѣ противны; я сама себѣ противна; уйдите, уйдите, не то я брошусь въ окно.

Когда пришло время возвращаться въ Гайскъ, нужно было очень энергическое вмѣшательство матери и сестры, чтобы убѣдить Ольгу ѣхать со мною. Благо, что въ это время Цвѣтаевъ отправился уже въ Нижній на ярмарочную сцену, а то пожалуй Ольга не поѣхала бы.

— Опять въ этотъ проклятый Гайскъ,—плача твердила она. —Живой души тамъ не увидишь, а эти глупыя лекціи, въ которыхъ я ничего не понимаю, мнѣ не нужны. Никто не неволилъ тебя жениться. Зналъ, кого бралъ. Какая дура была, такая и останусь.

Квартира въ Гайскѣ была мною пріискана еще съ весны. Это былъ небольшой отдѣльный домикъ съ мезониномъ, въ четыре комнаты внизу и двѣ вверху. Внизу былъ мой кабинетъ, столовая и гостиная; вверху спальная и другая комната, предназначавшаяся для будущей дѣтской, пока уборная Ольги. Впрочемъ спальной для меня служилъ собственно кабинетъ, такъ какъ капризы Ольги шли все crescendo: она не только не позволяла мнѣ курить—мать ея курила и у нихъ въ квартирѣ постоянно стоялъ дымъ столбомъ,—но сердилась, если я читалъ въ постели.

Все въ домѣ шло у насъ самымъ безпорядочнымъ образомъ. Ольга по прежнему не вставала до полудня; кухарка дѣлала, что̀ и какъ хотѣла. Вчастую мнѣ приходилось уходить въ гимназію безъ чаю или, возвратясь въ три часа домой, до пяти ждать обѣда и жену, которая въ это время гдѣ-нибудь—у Сименса или у бывшихъ хозяекъ — играла въ карты. Жизнь дѣлалась невыносимой и я норовилъ бывать дома, какъ можно меньше.

Въ началѣ сентября, ко мнѣ въ гимназію прибѣжала кухарка съ извѣстіемъ, что барыня очень больна. Оказалось, что

Ольга выкинула. Вслѣдъ за тѣмъ она заболѣла очень серьезно. Сименсъ покачивалъ головой и говорилъ, что если Ольга выживетъ, то благодаря лишь жизненной энергіи и выносливости женской натуры; мужчина при подобной болѣзни умеръ бы неизбѣжно.

Болѣзнь снова какъ будто сблизила насъ съ Ольгой. Сильно страдая и тоскуя, особенно по ночамъ, когда я одинъ сидѣлъ въ креслѣ у ея постели, она не разъ обращала на меня кроткій, безпомощный, какъ у ребенка взоръ, точно ища во мнѣ опоры и спасенія. Среди стоновъ отъ боли, на блѣдномъ прозрачномъ лицѣ ея появлялась легкая, страдальческая улыбка.

— Вѣдь это скоро пройдетъ? Что говоритъ докторъ? Вѣдь я не умру?

Какъ, подумаешь, люди малодушны; какъ боится смерти даже тотъ, кто никому не нуженъ, да и самому жизнь не въ особенную радость.

Спасибо бывшимъ хозяйкамъ: кто-нибудь изъ нихъ, мать или дочь, почти безотлучно находились у насъ. Тѣмъ не менѣе Ольга стала требовать, чтобы я написалъ о ея болѣзни въ Москву и просилъ мать и сестру пріѣхать. Мать оказалась тоже нездоровой, но Люба черезъ нѣсколько дней послѣ письма пріѣхала. Ея пріѣздъ доставилъ мнѣ большое удовольствіе: во-первыхъ, она окончательно освободила меня отъ дежурства у постели больной, во-вторыхъ, взяла въ свои руки хозяйство, которое мнѣ порядкомъ надоѣло.

Опасный періодъ болѣзни прошелъ и Ольга стала поправляться, все еще впрочемъ не покидая своей комнаты. Наконецъ —это было около половины октября—возвратясь изъ гимназіи, я засталъ Ольгу въ гостиной, кокетливо одѣтой, передъ большимъ стѣннымъ зеркаломъ. Я хотѣлъ поцѣловать ее, она отстранила меня рукой.

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста, безъ нѣжностей. Довольно я за нихъ поплатилась. Больше ужъ не попадусь.

— Что это значитъ, ты меня не любишь и не хочешь любить?

— Можно любить безъ поцѣлуевъ и безъ глупостей. Спасибо. Второй разъ изъ-за этого я умирать не намѣрена.

Мнѣ оставалось пожать плечами и приказать давать обѣдать въ надеждѣ, что время устранитъ отъ меня смѣшную перспективу при молодой и красивой женѣ жить соломеннымъ вдовцемъ. Надежда моя, однако, не оправдалась. Ольга не только сдѣлалась для меня совершенно недоступна, но и въ домѣ оказыва-

лась гостьей, оставивъ всѣ хозяйственныя заботы на обязанности сестры, съ которой обращалась притомъ, какъ съ наемной экономкой. Она сердилась на нее, если прачка опаздывала съ бѣльемъ, если самоваръ не поспѣвалъ такъ скоро, какъ ей хотѣлось; выговаривала ей за испорченное кухаркой кушанье. Я вышелъ, наконецъ, изъ терпѣнья.

— Да ты съ ума сходишь, Ольга. Какъ ты смѣешь выговаривать Любѣ за то, что составляетъ не ея, а твою обязанность? Не она, а ты должна быть въ кухнѣ и смотрѣть за тѣмъ, чтобы вмѣсто супа намъ не подавали какую-то бурду. Что ты, окончательно поглупѣла или умышленно юродствуешь?

— Я прошу васъ не употреблять со мною подобныхъ выраженій. А еще смѣете требовать отъ жены какой-то любви, когда вамъ дороже всякая...

Она встала изъ-за стола и ушла на верхъ. Люба сидѣла, закрывъ лицо руками и не возражая ни слова.

— Это чортъ знаетъ, что такое, наконецъ. Прежде всего, кажется, нужно отправить къ дьяволу всѣхъ этихъ Цвѣтаевыхъ.

— Я завтра уѣду,—проговорила Люба.—Вѣдь это каждый день, да еще отъ кухарки постоянно слышишь дерзости, вслѣдствіе того, что при мнѣ ей не совсѣмъ удобно воровать.

— Нѣтъ, пожалуйста, не уѣзжайте; безъ васъ жизнь окончательно станетъ невыносима. Пробудьте еще хоть недѣли двѣ; авось, какъ-нибудь уладится.

— Хорошо, я останусь.

Я упомянулъ о Цвѣтаевѣ. Дѣло въ томъ, что онъ снова былъ тутъ, какъ тутъ, и состоялъ въ труппѣ, явившейся на ту зиму потѣшать гайцевъ. Содержателемъ труппы былъ на этотъ разъ Увальцевъ. Онъ тоже получалъ отъ города субсидію, но уже не такую, какъ Доливо-Вольскій; поэтому и труппа была далеко не въ прошлогоднемъ составѣ. Изъ прежнихъ, не считая самого Увальцева, были только Цвѣтаевъ и Левина, да нѣсколько второстепенныхъ актеровъ и актрисъ. Цвѣтаевъ являлся чуть уже не въ качествѣ первостепеннаго артиста. Удивительно, какъ растутъ эти мальчишки. Вчерашняя мартышка сегодня становится персоной. Цвѣтаевъ, годъ тому назадъ игравшій исключительно шутовъ и юродивыхъ да подмастерьевъ во французскихъ водевиляхъ, теперь фигурировалъ уже въ роли Подхалюзина въ комедіи „Свои люди сочтемся“, въ роли Кречинскаго и даже—risum teneatis amici—въ свой бенефисъ, въ роли Гамлета! Цвѣтаевъ — Гамлетъ!! До чего можетъ доходить людская злость: Вите, въ пику мнѣ—мы съ весны какъ-то разошлись съ нимъ—считалъ

обязанностью въ театральныхъ рецензіяхъ постоянно превозносить Цвѣтаева. А если иногда и порицалъ его слегка, то, очевидно, только для очистки совѣсти. Кстати о рецензіяхъ. Я писать ихъ отказался. Собственно Вите и не предлагалъ мнѣ этого, но, разумѣется, я могъ бы писать ихъ, еслибы захотѣлъ. Рецензіи писалъ самъ Вите. Я не буду ни сравнивать ихъ съ моими прошлогодними, ни критиковать ихъ... Если читатель подумаетъ, что онѣ были ниже критики, — я предоставлю читателю думать, какъ онъ хочетъ. Были люди, находившіе эти рецензіи веселыми и остроумными, имъ я могу сказать одно: „на здоровье!"

Съ Цвѣтаевымъ повторилось то же, что̀ было весною. Ольга заявила, что не хочетъ вводить меня въ расходы, но если я позволю ей ходить въ театръ съ бывшей хозяйкой или ея дочерью, то Цвѣтаевъ можетъ постоянно доставать для нихъ билеты. Въ отвѣтъ на это мнѣ оставалось одно: абонировать ложу, благо еще Увальцевъ уступилъ за полцѣны. Цвѣтаевъ заходилъ къ намъ утромъ, приходилъ вечеромъ въ дни, когда не было спектаклей, а въ спектакляхъ торчалъ у насъ въ ложѣ все время, когда былъ свободенъ. Это было не только непріятно, это было скандально. До меня доходили намеки на нелестные слухи, ходившіе по городу. Я наконецъ счелъ нужнымъ серьезно замѣтить объ этомъ Ольгѣ. Она посмотрѣла на меня черезъ плечо—она взяла привычку постоянно отъ меня отворачиваться — и иронически улыбнулась:

— Скажите, пожалуйста! Не воображаете ли вы, чтобы ради вашихъ капризовъ или какихъ-то сплетенъ я откажусь отъ всякихъ знакомствъ.—Обращеніе со мной и Ольги, и Цвѣтаева было просто невозможно. Оба они не обращали на меня ни малѣйшаго вниманія; точно меня совсѣмъ не было. Говорила со мной одна Люба, только одна она была внимательна ко мнѣ, только съ ней я могъ отводить душу. Но и ей было далеко не по себѣ. Существовавшіе у насъ въ домѣ порядки дѣйствовали на нее тяжело. Она похудѣла и поблѣднѣла; обычная ея веселость исчезла; я не видѣлъ никогда на лицѣ ея улыбки, она боялась даже говорить громко. Точно какой-то кошмаръ давилъ и меня, и ее. И подумаешь, что кошмаръ этотъ олицетворялся въ такой ничтожной, дрянненькой личности, какою была Ольга.

Добромъ это не могло кончиться. Какъ-то вечеромъ я долго засидѣлся въ клубѣ. На мой звонокъ отворила мнѣ Люба, помѣщавшаяся внизу въ столовой. Она объяснила, что кухарка отпросилась ночевать къ дочери, и со свѣчей въ рукѣ проводила

меня въ кабинетъ. Не знаю какъ случилось, но мы обнимались и цѣловались, и плакали.

— Бѣдный, бѣдный ты, Вася,—твердила Люба.

Съ сознаніемъ чего-то крайне недолжнаго, я вырвался изъ ея объятій и пошелъ наверхъ.

— Кто тамъ, что вамъ здѣсь нужно?—раздался недовольный голосъ, когда я отворилъ дверь спальной.

— Я останусь здѣсь.

— Это что за новости?

— Тамъ сестра твоя, она плачетъ.

Ну и ступайте утѣшьте ее. Это вамъ не впервые.

— Ты съ ума сошла.

— Оставьте меня въ покоѣ. Я хочу спать.

Я вышелъ, хлопнувъ дверью. Я именно хлопнулъ дверью и очень радъ, что хлопнулъ. Еслибы я засталъ Любу въ своей комнатѣ, судьба наша рѣшилась бы тогда же. Но ея уже не было. Однако, при данномъ положеніи вещей исходъ былъ несомнѣненъ. Не прошло нѣсколькихъ дней, и въ одно прекрасное утро я очутился въ щекотливомъ положеніи мужа одной сестры и любовника другой.

Любовь эта приносила намъ съ Любой мало радости. Меня гнело сознаніе, что совершилось нѣчто очень некрасивое; Любу, вѣроятно, тоже. Она замѣтно худѣла съ каждымъ днемъ, почти не ѣла и не спала. Не разъ, проснувшись ночью, я находилъ ее на колѣняхъ у моей постели.

Обращеніе Ольги какъ со мной, такъ и съ Любой ухудшалось, если это было только возможно. Нужно было видѣть, какія презрительно-насмѣшливыя гримасы позволяло себѣ по нашему адресу это глупенькое созданіе. Какъ извѣстно, ироническая рѣчь по преимуществу свойственна глупцамъ, такъ какъ для нея не требуется ничего, кромѣ желанія иронизировать, ни мысли, ни соображенія, ни смысла, ни даже словъ: достаточно повторить слова иронизируемаго. Вамъ скажутъ: „я усталъ“, повторите: „А, вы устали“ и иронія готова; скажутъ: Петербургъ хорошій городъ—повторите: „А, Петербургъ хорошій городъ“ и опять иронія. Такою ироническою рѣчью говорила съ нами Ольга, а часто и Цвѣтаевъ. Я подозрѣвалъ даже, не онъ ли дрессируетъ ее теперь въ ироніи, какъ въ прошломъ году дрессировалъ въ небесной кротости Дездемоны и Корделіи. Я говорилъ, напримѣръ, Ольгѣ, что не намѣренъ болѣе терпѣть въ домѣ безпорядковъ и получалъ въ отвѣтъ: „не намѣрены? неужели?“ Я говорилъ, что Люба уѣзжаетъ; мнѣ отвѣчали: „уѣзжаетъ? уже? какъ это жалко“.

Я дѣйствительно не только не удерживалъ Любу, но даже желалъ, чтобы она скорѣе уѣхала. Отношенія слишкомъ перепутались, и нужно было привести ихъ въ порядокъ. Я далъ себѣ слово тотчасъ по отъѣздѣ Любы положить конецъ и постоянному пребыванію въ моемъ домѣ Цвѣтаева, и нелѣпымъ отношеніямъ, установившимся между мною и Ольгой. Люба уѣхала утромъ, и я тотчасъ же позвалъ Ольгу. Я объявилъ ей, что поведеніе ея выходитъ изъ всякихъ границъ. Понимаетъ ли она, что она моя жена и не имѣетъ права вести себя такъ ни по отношенію ко мнѣ лично, ни по отношенію къ моему имени, которое она носитъ.

— Милая сестрица уѣхала, такъ вы, кажется, вспомнили, что у васъ есть жена.

— Почему бы ни вспомнилъ, но и вамъ, милостивая государыня, напомню, что у васъ есть мужъ, есть обязанности, которыя вы должны исполнять. Если же вы этого не поймете, то...

— Если же не пойму, то?

— То я васъ брошу; или вы уѣдете отсюда, или я.

— Ахъ, какъ это страшно! да я ничего лучшаго не желаю, какъ того, чтобы вы меня бросили.

— И прекрасно, но предварительно, и не дальше какъ сегодня, я надаю оплеухъ Цвѣтаеву и думаю, что послѣ этого онъ догадается, пока вы у меня въ домѣ, не совать сюда болѣе носа.

Наконецъ, я нашелъ слабую струну Ольги. Слезы брызнули у нея изъ глазъ.

— Вы хотите осрамить меня на весь городъ. Цвѣтаевъ ни въ чемъ не виноватъ. Не говорите ему ничего; я сама устрою, чтобы онъ приходилъ порѣже. Въ нашихъ отношеніяхъ съ нимъ нѣтъ ничего дурного.

Ольга какъ будто смирилась немного: вставала раньше, заглядывала въ кухню и даже открыла мнѣ доступъ въ свою спальню, но присутствіе мое выносила съ такимъ видимымъ неудовольствіемъ, что я вскорѣ счелъ за лучшее снова переселиться къ себѣ въ кабинетъ, особенно, когда между нами возникъ очень существенный предметъ разногласія. Временная кротость Ольги нашла себѣ объясненіе въ просьбѣ, съ которою Ольга обратилась ко мнѣ: позволить ей играть на сценѣ.

— Что играть, на какой сценѣ?

— Да здѣсь. Я знаю, меня примутъ. Увальцеву нужна актриса именно на тѣ роли, которыя я играла.

— Ты опять хочешь идти въ актрисы. Въ умѣ ли ты, Ольга! Развѣ ты забыла, что пока ты оставалась на театрѣ, я не могъ

жениться на тебѣ. Не говоря о томъ, что я стану сказкою города, меня еще просто прогонятъ со службы.

— За то, что я буду играть на сценѣ?

— Да, за это!

— Развѣ въ этомъ есть что-нибудь стыднаго или неприличнаго? Мало ли знатныхъ людей женились на актрисахъ. Наша губернаторша была актрисой.

— Была, но не осталась ею.

— Хорошо, если нельзя здѣсь, я уѣду въ другой городъ. Я найду себѣ мѣсто; буду играть подъ моимъ прежнимъ именемъ или даже совсѣмъ подъ чужимъ и никто не узнаетъ. Въ постъ и лѣтомъ я могу, если хочешь, пріѣзжать къ тебѣ. Я могу и деньги зарабатывать; всѣ говорятъ, что у меня есть талантъ.

— Кто это всѣ? Все тотъ же Цвѣтаевъ?

— И Цвѣтаевъ, и другіе. И самъ же ты писалъ это.

— Есть ли у тебя талантъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ твои планы—вздоръ: я буду жить въ Гайскѣ, а ты двадцатилѣтняя женщина будешь странствующей актрисой и станешь разъѣзжать по ярмарочнымъ театрамъ, неизвѣстно гдѣ и съ кѣмъ. Это нелѣпость.

— Что же мнѣ дѣлать. Я здѣсь пропадаю съ тоски. Отпусти меня. Если тебѣ скучно одному, пригласи Любу, она пріѣдетъ. Я не буду въ претензіи.

— Что за галиматья! Не прикажешь ли взять ее въ жены вмѣсто тебя?

— Напрасно ты думаешь, что я ничего не знаю. Отпусти меня; и для тебя, и для меня это будетъ лучше. Я такъ жить не могу. Тебѣ съ меня проку не будетъ.

— Какъ это ты смѣешь говорить такъ? Зачѣмъ же ты выходила за меня?

— Развѣ я что понимала? Говорили: выходи,—я вышла. Ты могъ понимать лучше, зачѣмъ ты женился!

— Ольга, ты не понимаешь, что говоришь. Тебя сбиваютъ съ толку. Разъ навсегда ты должна понять свое положеніе. Актрисой, по крайней мѣрѣ, съ моего согласія, ты не будешь. Выходя замужъ, ты клялась быть вѣрной и послушной мужу и дѣлить съ нимъ жизнь. Въ церкви мы играли не комедію, не водевиль Дьяченко. Ты должна исполнять то, въ чемъ клялась.

— Ты увидишь, что это будетъ хуже и для меня, и для тебя.

Ольга ушла на верхъ. Съ этихъ поръ она какъ-то окончательно замкнулась. Она разливала чай и утромъ, и вечеромъ, заказывала обѣдъ, но затѣмъ, кромѣ односложныхъ отвѣтовъ на

вопросы, я не слышалъ отъ нея ни слова. Если я приходилъ къ ней, она не сопротивлялась, но показывала ко мнѣ чуть не отвращеніе, и я спѣшилъ убраться во-свояси. Цвѣтаевъ дѣйствительно сталъ бывать у насъ рѣже, но сама Ольга безпрестанно выходила. Если я спрашивалъ, гдѣ она была, она отвѣчала мнѣ языкомъ московскихъ швеекъ: „гдѣ была, тамъ нѣту". Въ томъ, что она не бываетъ у Цвѣтаева, я былъ увѣренъ: Гайскъ не такой городъ, гдѣ бы подобныя посѣщенія замужней женщины были возможны; о такомъ посѣщеніи черезъ часъ толковалъ бы весь городъ. Но я зналъ, что они встрѣчались и преимущественно у моихъ бывшихъ хозяекъ, добродушіе которыхъ, особенно старухи, не знало предѣловъ. Возвратившись домой и не найдя Ольги дома, я шелъ къ нимъ: Ольга почти всегда была тамъ за вистомъ вмѣстѣ съ Цвѣтаевымъ. Не разъ старуха, разливаясь въ нѣжностяхъ по адресу Ольги и выражая сожалѣніе, что она, бѣдная, скучаетъ, вслѣдъ затѣмъ начинала осыпать похвалами Цвѣтаева, точно въ ея умѣ Ольга и Цвѣтаевъ были неразлучны. Въ довершеніе всего Цвѣтаевъ поселился у моихъ бывшихъ хозяекъ, въ десяти шагахъ отъ насъ, въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ прежде жилъ я съ Ольгой. Тутъ ужъ я не могъ быть увѣренъ въ томъ, что подъ предлогомъ визитовъ къ нимъ Ольга не станетъ ходить къ Цвѣтаеву. Положеніе сдѣлалось невозможнымъ. Нужна была развязка. Развязка послѣдовала, хотя не совсѣмъ въ томъ родѣ, какъ я могъ ожидать.

Недѣли черезъ двѣ послѣ разговора съ Ольгой объ актерствѣ я около трехъ часовъ возвратился изъ гимназіи. Кухарка подала мнѣ письмо.

— Отъ барыни.

— Отъ барыни? Гдѣ же барыня?

— Онѣ уѣхали. Заѣхала какая-то дама, потомъ господинъ Цвѣтаевъ пришелъ. Онѣ взяли чемоданъ, большой узелъ, подушку и уѣхали.

Я развернулъ письмо. Ольга писала: „Я не въ состояніи выносить долѣе такую жизнь. Вы не хотѣли по доброй волѣ отпустить меня; я уѣзжаю безъ вашего разрѣшенія и поступаю на сцену въ Казань. Мнѣ говорили, что вы имѣете право вытребовать меня по этапу. Требуйте, если хотите, но знайте, что я молчать не буду и всему городу объявлю о причинѣ, по которой уѣхала,—вы знаете, какой. Я вамъ ничего объ этомъ до сихъ поръ не говорила, но я все знала. Спросите вашу кухарку; она даже предлагала мнѣ показать васъ съ нею, когда вы были вмѣстѣ. Добровольно я не вернусь. Если не хотите скандала,

выдайте бумагу, по которой я могла бы жить. Передайте ее вашимъ бывшимъ хозяйкамъ, онѣ мнѣ перешлютъ. Сами вы можете жить какъ вамъ угодно и съ кѣмъ вамъ угодно. Я васъ не побезпокою. О. Р.“

— Съ какой дамой барыня уѣхала?

— Не знаю. Я въ первый разъ ихъ видѣла; молодая, изъ себя красивая, только не русская точно. Прикажете подавать обѣдать?

Мнѣ, разумѣется, было не до обѣда. Было надъ чѣмъ призадуматься. Положимъ, возня съ Ольгой мнѣ надоѣла до-нельзя; я не разъ каялся, что женился и давно радъ былъ бы разстаться съ Ольгой благовиднымъ образомъ. Но въ томъ-то и дѣло, что образъ былъ самый неблаговидный. Во-первыхъ, весь городъ узнаетъ, да уже вѣрно и узналъ, что Ольга уѣхала тайкомъ; во-вторыхъ, отъ нея, за глазами и за тысячи верстъ, я всего могъ ожидать и вовсе не былъ расположенъ попасть въ число обманываемыхъ мужей. Но что же было дѣлать? Гнаться за нею и вернуть? Къ чему? Чтобы снова повторилось то же? Потомъ эта исторія съ Любой;—изъ этого, чортъ знаетъ, что̀ можетъ еще выйти. Сама Люба, пожалуй, не отопрется. Да объ этомъ и Цвѣтаевъ, разумѣется, знаетъ; не сама же Ольга сочиняла свое письмо ко мнѣ; сочинялъ его, очевидно, Цвѣтаевъ, какъ когда-то сочинялъ англійскую рѣчь Ольдриджу. Нехорошо. Положеніе оказывалось таково, что было надъ чѣмъ серьезно призадуматься. Я приказалъ давать обѣдать. Въ это время раздался звонокъ, и явился докторъ Сименсъ, по обыкновенію бодрый, по обыкновенію въ отличнѣйшемъ расположеніи духа.

— Дома Василій Ивановичъ? — раздался изъ передней его звучный голосъ.

— Дома, дома. Очень радъ, что вы пришли, докторъ; я самъ хотѣлъ послѣ обѣда идти къ вамъ; мнѣ нужно поговорить съ вами кое о чемъ, весьма серьезномъ.

— Знаю, знаю: затѣмъ и зашелъ.

— Что знаете?

— Да вы о чемъ, объ отъѣздѣ Ольги Васильевны?

— Вы откуда же знаете объ этомъ?

— Вотъ-на! Да объ этомъ ужъ цѣлый городъ, чай, знаетъ. Мнѣ собственно сказалъ Вите.

— Вы, можетъ быть, знаете и то, съ кѣмъ уѣхала Ольга; съ Цвѣтаевымъ?

— Съ какимъ Цвѣтаевымъ? — она уѣхала съ Левиной. Да что у васъ вышло?

— Ничего не вышло. Ольга хотѣла непремѣнно опять въ актрисы идти; я, разумѣется, не согласился. Теперь она пишетъ, что уѣзжаетъ въ Казань на сцену.

Я подалъ Сименсу письмо Ольги.

— А здѣсь чортъ знаетъ что толкуютъ и Любовь Васильевну приплетаютъ. Те-те-те, да и жена ваша, повидимому, на то же намекаетъ; значитъ, и ей наболтали. Скверно.

Я долженъ признаться, что, давая Сименсу письмо, я совсѣмъ упустилъ изъ вида строки о Любѣ; а то не далъ бы.

— Ну, что́ скажете, что̀ мнѣ теперь дѣлать?

— Что дѣлать? Да ничего не дѣлать: баба съ возу, кобылѣ легче. А знаете что: велите-ка водки подать, да закусить что-нибудь; у меня съ утра маковой росинки во рту не было.

— Я прикажу давать обѣдать.

— Закусить довольно, а обѣдать къ намъ пойдемъ.

Подали водку и закуску.

— Да съ какой же стати Ольга уѣхала съ Левиной и куда ѣдетъ Левина?

— А вы и не знаете? Эхъ, вы, Акимъ-простота! То-то и бѣда ваша, что вы не сильны въ мѣстной внутренней политикѣ. А безъ этого въ такихъ городахъ, какъ нашъ, жить нельзя: вѣчно на бобахъ будете оставаться. Левину Вите выпроводилъ. Вотъ учитесь, какъ умные люди поступаютъ; вчужѣ любо. „Хорошая ты-молъ женщина, Анюта, и люблю я тебя, а все-таки дольше оставаться намъ вмѣстѣ не съ руки. Чѣмъ больше привыкнемъ другъ къ другу, тѣмъ труднѣе будетъ разстаться, а разстаться рано или поздно нужно. И теперь ты со мною чуть не голодаешь, а что дальше будетъ? Нечего тебѣ сидѣть въ клѣткѣ, въ которой держать меня и въ которой мнѣ и одному тѣсно. Да хотя бы и выпустили, наконецъ, я перелетная птица и Богъ вѣсть, какъ и гдѣ скоротаю свой вѣкъ". Такъ и убѣдилъ. Плакала она много, а согласилась.

— Вы разсказываете такъ, точно все это при васъ и происходило.

— Да, при мнѣ и происходило. Вчера Вите прислалъ мнѣ утромъ записку, пріѣзжайте-молъ вечеромъ въ гостинницу на кое-какой прощальный ужинъ, да денегъ съ собой захватите: я хочу взять у васъ взаймы рублей двѣсти.

— Что-жъ вы поѣхали и денегъ дали?

— Поѣхалъ и денегъ далъ. Почему же бы я ихъ не далъ Вите? Онъ тутъ же ихъ изъ рукъ въ руки и передалъ Левиной.

— И она взяла?

— Взяла, разумѣется; какъ же иначе она могла уѣхать?

— Куда же она уѣхала?

— Туда же, куда и ваша жена, — въ Казань. Тамъ Доливо-Вольскій; онѣ съ нимъ списались.

— Значитъ, вы вчера еще знали, что Ольга ѣдетъ?

— Вчера я зналъ только о Левиной, а объ Ольгѣ Васильевнѣ это сегодня разъяснилось.

— На какія же деньги поѣхала Ольга?

— Этого доложить вамъ не могу. Можетъ быть, здѣсь достала, можетъ быть, Доливо-Вольскій прислалъ. А знаете что: вѣдь, какъ оказывается, жена-то ваша женщина далеко не безъ характера.

— Вы точно ее одобряете?

— Я ничего не одобряю и не осуждаю; я только, такъ сказать, констатирую факты. Ну, да еще успѣемъ натолковаться. Идемте обѣдать; Шура давно ждетъ.

Пока я недоумѣвалъ, послѣдовать ли мнѣ совѣту Сименса: махнуть на Ольгу рукой, или, вопреки совѣту, ѣхать ее розыскивать,—отъѣздъ мой изъ Гайска былъ рѣшенъ помимо меня. Директоръ гимназіи послѣ отъѣзда жены корчилъ по отношенію ко мнѣ какія-то таинственно-холодныя мины — онѣ необыкновенно шли къ его физіономіи сиваго мерина,—а дня черезъ четыре не менѣе таинственно попросилъ зайти послѣ уроковъ къ нему. Отъ него я услышалъ приблизительно слѣдующее:

— Въ городѣ безъ умолку толкуютъ объ отъѣздѣ вашей жены и ставятъ его въ связь съ какой-то исторіей съ ея сестрою. Все это, конечно, вздоръ, но вы знаете, какой у насъ городъ: я увѣренъ, что обо всемъ этомъ довели уже до свѣденія попечителя. Поэтому вамъ очень не мѣшало бы повидаться съ нимъ и объясниться лично. Я могу дать вамъ на мѣсяцъ отпускъ и уже приказалъ написать его. Поѣзжайте, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, а то ужъ и ученики—мнѣ передавали надзиратели—начинаютъ сочинять глупыя пѣсенки на вашъ счетъ. Отъ меня потрудитесь передать попечителю, что приписываемые вамъ поступки до того безнравственны, что я рѣшительно отказываюсь признать ихъ совмѣстимость съ вашимъ званіемъ педагога и на этомъ основаніи убѣжденъ, что вся болтовня о васъ не болѣе, какъ низкая и нелѣпая клевета. Прощайте.

Скотина: туда же съ ироніей, которую, вѣроятно, высиживалъ цѣлое утро. А самъ забылъ, что при немъ проживаютъ двѣ какія-то женины племянницы, довольно зрѣлыя дѣвы-нѣмки, къ которымъ отношенія его болѣе, чѣмъ сомнительны. Не даромъ

одна изъ нихъ, Каролинхенъ, уѣзжала зачѣмъ-то на довольно продолжительное время въ Москву и вернулась хуже кошки, которую двѣ недѣли морили голодомъ. Теперь, вѣроятно, туда же отправится Амальхенъ. Впрочемъ, прежде Амальхенъ отправиться мнѣ, да и слава Богу: порядкомъ пріѣлся мнѣ Гайскъ.

Соображая, что мнѣ едва ли придется вернуться, я ликвидировалъ свои дѣла. Мебель я довольно выгодно сбылъ хозяину дома.

Прощаться мнѣ было не съ кѣмъ. Нанявъ возокъ до ближайшей станціи желѣзной дороги, я отобѣдалъ у Сименса и пустился въ путь. Любопытная женская черта: жена Сименса все это время точно дулась на меня и почти не удостоивала словомъ. А повидимому, что ей Гекуба и что она Гекубѣ? Безподобно неизмѣненъ былъ самъ Сименсъ. Проводивъ меня до заставы, онъ меня крѣпко обнялъ, чуть не приподнявъ на аршинъ отъ земли въ своихъ могучихъ рукахъ.

— Ну, съ Богомъ. Чего пріуныли? Былъ молодцу не укоръ. Одно важно въ жизни: быть немножко человѣкомъ и не слишкомъ пакостить людямъ; остальное—sont des пустяки. Перемелется—все мука будетъ. Не два вѣка жить. Gaudeamus igitur juvenes dum sumus. Прощайте. Не забывайте. Пишите. Поцѣлуйте лишній разъ за меня Любовь Васильевну. Какъ бы радъ былъ увидѣть ее. Addio.

Въ Москвѣ я прежде всего далъ знать о своемъ пріѣздѣ Любѣ и вечеромъ она пришла ко мнѣ. Отъ нея я узналъ, что Ольга пробыла въ Москвѣ два дня и уѣхала въ Казань вмѣстѣ съ Левиной. Мать по болѣзни не поѣхала.

— Что же, мать не убѣждала Ольгу вернуться въ Гайскъ?— спросилъ я.

— Нѣтъ. Она нѣсколько разъ повторяла, что была увѣрена въ томъ, что изъ этого замужества проку не выйдетъ.

— А ты?

— А я что могла говорить: меня же во всемъ обвиняютъ. Ольга со мной не сказала и пары словъ. Да знаешь ли, я дѣйствительно думаю, что чѣмъ скорѣе вы разстались, тѣмъ лучше; ужиться вы не могли. Теперь Ольга не отстала еще отъ театра и найдетъ себѣ занятіе. Потомъ было бы хуже.

Съ этимъ отчасти я самъ былъ согласенъ. Что касается Любы, то за то время, какъ я ее не видѣлъ, она еще похорошѣла и стала какъ-то изящнѣе и привлекательнѣе. Но подите съ послѣдовательностью женскихъ мыслей и логики: давно ли Люба вѣшалась мнѣ на шею; теперь же строила изъ себя недотрогу. Я

едва вымолилъ у нея одинъ поцѣлуй; съ тѣмъ она и уѣхала. Правда, не надолго. Черезъ нѣсколько дней она стала менѣе сурова, но на условіяхъ: у нихъ все условія. Нечего дѣлать, я долженъ былъ согласиться: я немедленно выслалъ Ольгѣ видъ на жительство; во-вторыхъ, выдалъ письменное обязательство удѣлять ей ежемѣсячно извѣстную сумму, на первый разъ, впрочемъ, немного, всего 350 рублей въ годъ. Но и съ этимъ я уѣхалъ недалеко! поселиться со мной Люба рѣшительно отказалась, и мнѣ приходилось жить бобылемъ. Впрочемъ, я самъ не зналъ еще, какъ и гдѣ устроюсь. Это зависѣло отъ моего свиданія съ попечителемъ, а мнѣ куда какъ не хотѣлось къ нему являться, тѣмъ болѣе, что окружной инспекторъ, съ которымъ я видѣлся, намекалъ мнѣ о разныхъ доносахъ попечителю на мой счетъ, но явиться было необходимо, и скрѣпя сердце я отправился. Попечитель былъ военный генералъ, изъ ученыхъ. Онъ зналъ меня немножко еще до моего учительства и обращался со мною обыкновенно очень привѣтливо. На этотъ разъ онъ также встрѣтилъ меня съ веселымъ видомъ.

— А, вы здѣсь. Что скажете хорошенькаго?

— Я въ отпускѣ и явился къ вашему превосходительству съ просьбой, по семейнымъ обстоятельствамъ, перевести меня изъ Гайска.

— Ахъ да, знаю; мнѣ очень много о васъ писали. Очень жаль, что вы тамъ неудачно устроились. Не ожидалъ, что вы будете вести себя такъ легкомысленно.

— Въ чемъ же легкомысліе, ваше превосходительство?

— Прежде всего въ вашей женитьбѣ. Есть, mon cher, извѣстныя традиціи, отступать отъ которыхъ дѣло въ высшей степени рискованное. Но что я съ вами буду дѣлать: у меня въ округѣ нѣтъ мѣстъ свободныхъ.

— Быть можетъ, кто-нибудь изъ учителей другихъ гимназій согласится помѣняться со мною; Гайскъ городъ хорошій.

— Какое я имѣю право, любезный Матвѣевъ, гонять кого-нибудь съ насиженнаго мѣста ради... pour votre bon plaisir et pour les beaux yeux de madame votre femme. Притомъ, откровенно говоря, это ни къ чему не поведетъ. Съ такой исторіей на плечахъ, какъ ваша, вамъ постоянно грозитъ скандалъ, и вамъ постоянно придется перебираться съ мѣста на мѣсто. У васъ еще какая-то исторія со свояченицей? Все, что могу для васъ сдѣлать, это пока—имѣйте въ виду: пока — то-есть до каникулъ, прикомандировать васъ къ одной изъ здѣшнихъ гимназій. А затѣмъ

совѣтовалъ бы устроиться по другому вѣдомству или по крайней мѣрѣ уѣхать куда-нибудь подальше.

Если читатели не забыли, цѣль моего писанія—не біографія моя. Поэтому о слѣдующихъ восьми годахъ моей жизни, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ моей женитьбѣ, я скажу весьма коротко. Я послѣдовалъ совѣту попечителя бросить педагогію, но изъ этого сама собою вытекала необходимость уѣхать изъ Москвы, такъ какъ для человѣка, выбившагося почему-нибудь изъ извѣстной колеи, найти себѣ занятія въ Москвѣ рѣшительно невозможно. Я задумалъ переѣхать въ Петербургъ. Сдѣлать это совѣтовала мнѣ и Люба, обѣщая даже пріѣхать жить со мною. Кстати представился случай. Я встрѣтилъ въ Москвѣ университетскаго товарища, состоявшаго секретаремъ при одной изъ большихъ петербургскихъ газетъ, „Оплотъ". По его словамъ, пристроиться къ газетному міру вовсе не трудно. Онъ снабдилъ меня письмецомъ къ редактору „Оплота"—самъ товарищъ съ разстроенной грудью ѣхалъ на три мѣсяца на родину въ Малороссію. Мой пріѣздъ въ Петербургъ оказался очень удаченъ. Редакція предложила мнѣ временно занять мѣсто секретаря, а когда товарищъ запоздалъ возвращеніемъ, то это мѣсто осталось за мной окончательно. Правда, мнѣ было нѣсколько неловко: я точно перебилъ мѣсто у товарища, но очевидно, если бы не было меня, взяли бы другого. Понятно, что редакціи, особенно такой аккуратной и почтенной газеты какъ „Оплотъ" не было ни надобности, ни возможности держать у себя секретаремъ человѣка, который изъ трехъ два дня былъ боленъ. Я никогда не могъ понять, изъ-за чего товарищъ сталъ на меня дуться, тѣмъ болѣе, что коекакія работы въ газетѣ, и съ хорошей платой, за нимъ остались, хотя проводя утро въ редакціи, я легко могъ бы ихъ дѣлать. Но когда редакторъ выразилъ желаніе сохранить ихъ за товарищемъ, я не настаивалъ на передачѣ ихъ мнѣ, хотя редакція и страдала нѣсколько отъ его неаккуратности. Но все это такъ, къ слову.

Въ матерьяльномъ отношеніи переѣздъ мой въ Петербургъ оказался очень благопріятнымъ. Мнѣ удалось пріобрѣсти полное довѣріе редактора „Оплота", дѣйствительно лучшей изъ петербургскихъ газетъ, и онъ предложилъ мнѣ скоро управленіе однимъ изъ своихъ домовъ. Вскорѣ, съ построчной платой за мелкія статьи, я получалъ уже до четырехъ тысячъ рублей въ годъ, а иногда и больше, при даровой квартирѣ.

Скучалъ я, впрочемъ, порядкомъ. Не смотря на мои просьбы, Люба не соглашалась переселиться въ Петербургъ, такъ какъ

мать ея была сильно больна и не вставала уже съ постели. Впрочемъ, два раза Люба пріѣзжала ко мнѣ, и каждый ея пріѣздъ сопровождался убѣжденіями увеличить сумму, выдаваемую Ольгѣ. По обычному мягкосердію я уступалъ и вскорѣ эта выдача дошла до 50 рублей въ мѣсяцъ. Ольга скиталась гдѣ-то по театрамъ на югѣ и, какъ можно было предвидѣть, вмѣстѣ съ Цвѣтаевымъ. По крайней мѣрѣ въ разныхъ провинціальныхъ газетахъ мнѣ не разъ приходилось встрѣчать рядомъ имена „талантливыхъ исполнителей"—хороши таланты!—Цвѣтаева и Ривановой. Никакихъ непосредственныхъ сношеній я съ Ольгой не имѣлъ. Деньги я отсылалъ въ одну московскую контору, откуда мнѣ доставлялись аккуратно росписки Ольги въ полученіи.

Года два съ небольшимъ спустя, жизнь моя окончательно сложилась. Старуха Риванова умерла; Люба переѣхала въ Петербургъ и поселилась у меня. Мы зажили мирно и покойно. Люба была совершенная противуположность Ольги: была аккуратна, заботлива, внимательна и совершенно не требовательна. Скучать ей было некогда: она всегда умѣла найти себѣ дѣло. У насъ въ домѣ помѣщалась типографія, въ которой мнѣ удалось доставить Любѣ мѣсто корректорши, и гдѣ она пріобрѣла вскорѣ большой авторитетъ, благодаря прилежанію и серьезному отношенію къ работѣ. У нея образовался большой и очень разнообразный кругъ знакомыхъ: авторы, метранпажи, студенты, студентки. Меня Люба ни въ чемъ не стѣсняла. Велъ я жизнь на холостую ногу. Проработавъ утро въ редакціи, я приходилъ домой пообѣдать, соснуть часокъ; затѣмъ ѣхалъ обыкновенно къ знакомымъ или въ клубъ поиграть въ преферансъ или стуколку. Изрѣдка, разъ въ недѣлю, мы отправлялись въ клубъ на семейный вечеръ вмѣстѣ съ Любой, но и тутъ мнѣ не нужно было заниматься ею: вокругъ нея всегда оказывалась толпа знакомыхъ мужчинъ и женщинъ. Я игралъ въ карты, она танцовала, слушала любезности, но я всегда былъ увѣренъ, что по первому моему слову она броситъ всѣхъ, чтобы идти со мною ужинать или ѣхать домой. Рѣшительно не понимаю, гдѣ у меня были глаза и разсудокъ, когда этой ловкой и всесторонней, въ то же время милой и мягкой женщинѣ я могъ предпочесть грубую и невѣжественную Ольгу.

Объ Ольгѣ, съ тѣхъ поръ какъ Люба переѣхала въ Петербургъ, мы имѣли короткія извѣстія отъ Увальцевой, съ которой Люба была въ постоянной перепискѣ. Увальцевы жили въ Москвѣ—Увальцевъ поступилъ на московскую сцену,—но были au courant событій театральнаго міра во всей южной половинѣ Россіи. Ольга

оказывалась неразлучна съ Цвѣтаевымъ, который, между тѣмъ, все шелъ въ гору и фигурировалъ уже во главѣ труппы, игравшей въ Харьковѣ, въ Таганрогѣ и наконецъ въ Одессѣ. Иныхъ сношеній съ сестрою, насколько я зналъ по крайней мѣрѣ, Люба не имѣла.

Такъ тянулись года за годами, и прошло болѣе семи лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ Ольгой, когда вдругъ извѣстія о ней прекратились. Ни о ней, ни о Цвѣтаевѣ Увальцевы ничего не знали; въ газетахъ о нихъ также не попадалось извѣстій. Люба еще писала кое-кому, но отвѣта не получила. Деньги, высылавшіяся Ольгѣ въ московскую контору, оказывались не взятыми. Люба собиралась уже ѣхать въ Москву разузнать о сестрѣ, когда, наконецъ, пришла вѣсть объ Ольгѣ въ совершенно неожиданной формѣ.

Въ одно прекрасное утро я получилъ повѣстку слѣдующаго содержанія: полиціей задержана женщина, именующая себя вашею женою, Ольгою Васильевой Матвѣевой. Вслѣдствіе сего такой-то покорнѣйше проситъ васъ пожаловать въ такой-то день и часъ туда-то для нужныхъ по этому предмету объясненій.

Извѣстіе о томъ, что Ольга арестована, меня не очень удивило. На томъ пути, по которому она пошла, ожидать такой развязки было очень естественно. Чувство, которое я могъ въ себѣ подмѣтить, по поводу повѣстки, было не столько огорченіе, сколько не лишенное нѣкоторой торжественности ожиданіе чего-то выходящаго изъ ряда, любопытство особаго рода. А меня немного бѣсило только то, что Люба цѣлый день ходила съ заплаканными глазами.

Въ назначенный день къ 11 часамъ я отправился по указанному мнѣ адресу, и перейдя черезъ дворъ по темной и очень невзрачной лѣстницѣ, поднялся во второй этажъ. Вручивъ дежурному присланное мнѣ объявленіе, я, по его указанію, вошелъ въ большую комнату, гдѣ уже находилось человѣкъ до двадцати. Преимущественно это были молодыя женщины, бѣдно одѣтыя, съ сосредоточенно мрачнымъ видомъ, молча сидѣвшія вдоль стѣны. У нѣкоторыхъ были узелки въ рукахъ. Мое вниманіе привлекъ особенно сѣдой высокій старикъ, нервно ходившій на разстояніи шести шаговъ взадъ и впередъ, въ одномъ изъ угловъ. Впрочемъ, долго разслѣдовать мнѣ не пришлось, такъ какъ меня тотчасъ же позвали. Комната, куда меня ввели, была почти пустая; за простымъ канцелярскимъ столомъ сидѣлъ офицеръ, лѣтъ тридцати-пяти, бѣлокурый, тонкій, съ худощавымъ лицомъ, блѣдно-голубыми глазами и большимъ открытымъ лбомъ.

— Дама, именующая себя вашей женой, еще не прибыла и вамъ придется немного подождать.

— А она гдѣ?

— Въ домѣ предварительнаго заключенія.

— Она въ чемъ нибудь обвиняется?

— Пока,—замѣтилъ офицеръ съ улыбкой,—я не имѣю возможности сказать вамъ что-нибудь по этому предмету и напротивъ отъ васъ желалъ бы получить кое-какія разъясненія. Скажите, пожалуйста, давно вы разстались съ вашею женою и что было причиною вашего разрыва?

— Лѣтъ восемь назадъ, а причина—просто такъ называемое несходство характеровъ: ей непремѣнно хотѣлось оставаться актрисой; я считалъ это неудобнымъ.

— Было, кажется, еще что-то. Скажите, пожалуйста, сестра вашей жены Любовь Васильева Риванова живетъ съ вами?

— Да, госпожа Риванова, но не Любовь Васильева, а Любовь Васильевна, занимаетъ комнату у меня въ квартирѣ.

— Разумѣется, не Любовь Васильева, а Любовь Васильевна. Это съ моей стороны, такъ сказать, lapsus linguae. Вы понимаете по-латыни?

— Понимаю. А вы, смѣю спросить?

— Немножко. Я бывшій студентъ дерптскаго университета.

— Очень радъ. Но позвольте узнать, для чего именно я приглашенъ, какого рода вопросы могутъ мнѣ предлагаться, и насколько я обязанъ отвѣчать на нихъ?

— Сейчасъ. Еще одинъ вопросъ:—встрѣчали вы когда нибудь нѣкоего актера Цвѣтаева, Якова Петрова, или, если вамъ угодно, Петровича.

— Этого шута? Да, встрѣчалъ лѣтъ восемь тому назатъ въ Г'айскѣ. А онъ тоже арестованъ вмѣстѣ съ Ольгой?

— Ну, положимъ, Цвѣтаевъ не совсѣмъ шутъ. Что касается предлагаемыхъ вамъ вопросовъ, то вы можете отвѣчать на то, на что сочтете для себя удобнымъ и такъ, какъ хотите. Все, что намъ нужно знать, мы знаемъ.

— Зачѣмъ же меня позвали?

— Я вамъ сейчасъ объясню. Въ дѣлѣ, по которому арестована ваша жена, она скомпрометирована очень немного, какъ это теперь разъяснилось. Притомъ она серьезно больна. Вопросъ въ томъ, должна ли она оставаться въ тюремной больницѣ или вы захотите взять ее къ себѣ на поруки?

— Къ чему будетъ обязывать меня это поручительство?

— Представить ее, по требованію полиціи, къ слѣдствію

или суду или указать, гдѣ она находится. Въ противномъ случаѣ съ васъ будетъ взыскана извѣстная сумма, примѣрно, рублей въ тысячу.

— Я согласенъ.

— Очень радъ. Отъ вашей гуманности будетъ зависѣть устроить жизнь вашей жены такъ, чтобы обстановка менѣе вредно вліяла на ея здоровье.

— Сперва я все-таки долженъ увидѣться съ Ольгой.

— Вы ее сейчасъ увидите.

Офицеръ позвонилъ; въ дверяхъ показался полицейскій служитель.

— Матвѣева здѣсь?

— Привезли, ваше высокородіе.

— Пусть введутъ.

Появилась Ольга, съ конвойнымъ. По знаку офицера, конвойный вышелъ. Ольга сильно измѣнилась; она очень похудѣла, глаза ея ввалились и казались большими; на щекахъ игралъ подозрительный румянецъ.

— Здравствуй, Ольга,—обратился я къ ней, протягивая руку.

— Здравствуйте,—едва слышно проговорила она, вскинувъ на меня глазами и тотчасъ же опустивъ ихъ и какъ бы нехотя подавая мнѣ руку. Офицеръ подалъ ей стулъ.

— Могу я сообщить ей то, чтó вы сказали?

— Разумѣется.

— Господинъ офицеръ находитъ возможнымъ отпустить тебя жить ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы ты пока у меня оставалась. Если ты согласна, я могу обѣщать тебѣ и удобства и доктора, такъ какъ тебѣ нужно серьезно лечиться.

Ольга еще разъ посмотрѣла на меня.

— Это я сейчасъ должна сказать?

— Разумѣется, нѣтъ,—вставилъ офицеръ: —мужъ вашъ дѣлаетъ вамъ предложеніе, которое вы вольны принять или не принять. Отвѣтите ли вы на это сегодня или завтра, все равно, если только онъ не измѣнитъ своего намѣренія. Но имѣйте въ виду, что онъ беретъ васъ на поруки и за васъ отвѣчаетъ; поэтому вы должны обѣщать никуда не выѣзжать безъ его разрѣшенія, и—прибавлю я совѣтъ отъ себя — не видѣться съ лицами, свиданіе съ которыми онъ признаетъ для васъ неудобнымъ.

— Это значитъ та же тюрьма... хорошо, позвольте мнѣ подумать. Я скажу послѣ.

— Какъ вамъ угодно.

Съ минуту длилось молчанье. Ольга встала.

— Могу я уйти теперь?

— Если вы или мужъ вашъ не имѣете ничего сказать другъ другу...

— Подумай, Ольга, — прибавилъ я, — и соглашайся скорѣе. Ручаюсь тебѣ, что ты не раскаешься.

Офицеръ позвонилъ, и Ольга была сдана конвойному, въ сопровожденіи котораго она прибыла.

— Вы ее теперь видѣли, — проговорилъ офицеръ; — у нея чахотка въ послѣднемъ градусѣ. По словамъ доктора она протянетъ нѣсколько мѣсяцевъ, не болѣе полугода, и вы, принимая ее на поруки, не очень рискуете своими деньгами.

— Я не заявлялъ вамъ, г. офицеръ, опасеній относительно своихъ денегъ. Но отчего Ольга могла такъ заболѣть? Насколько мнѣ было извѣстно, еще недавно она была совершенно здорова. Откуда взялась у нея чахотка?

— Не могу сказать вамъ. Вѣроятно, неприглядная жизнь, лишенія, скитаніе изъ угла въ уголъ, сырыя квартиры, недостатокъ теплой одежды, наконецъ, быть можетъ, простуда, словомъ обычная обстановка провинціальной актрисы, не прибѣгающей къ такъ-называемымъ дополнительнымъ источникамъ средствъ существованія.

— Но я посылалъ ей постоянно деньги, да и она сама достаточно зарабатывала; наконецъ, если ей было мало, я всегда готовъ былъ бы дать сколько нужно; стоило бы ей написать.

— Ну, видите ли, эти люди немножко горды и умѣютъ болѣть и умирать, не кланяясь и не унижаясь.

— Вы великій адвокатъ особъ, ввѣренныхъ вашему надзору, и составляете себѣ о нихъ, какъ кажется, высокое понятіе. Я заключаю это по вашему отзыву о Цвѣтаевѣ.

— Бранить людей, ввѣренныхъ, какъ вы говорите, моему надзору, не входитъ въ кругъ моихъ обязанностей, но стараться ясно уразумѣть характеръ тѣхъ, съ кѣмъ мнѣ приходится имѣть дѣло, — моя несомнѣнная обязанность.

— Позвольте узнать, Ольга давно подъ арестомъ?

— Около года, но сюда доставлена мѣсяца два тому назадъ.

— Не тюрьмы ли, вѣрнѣе, убили ея здоровье?

— Очень можетъ быть: тюрьмы, какъ извѣстно, не санитарные пансіоны для женъ, пущенныхъ по бѣлому свѣту. Извините, однако, я васъ задерживаю, а у васъ, вѣроятно, не менѣе дѣла, чѣмъ у меня.

— Гдѣ я могу видѣть Ольгу и могу ли я поговорить съ нею наединѣ?

— Видѣть ее вы можете въ домѣ заключенія или въ пріемные дни, или въ другіе съ разрѣшенія завѣдующаго офицера. Свиданія наединѣ не допускаются, они происходятъ въ присутствіи кого-нибудь, но едва ли найдутъ нужнымъ очень стѣснять вашъ разговоръ.

Я поспѣшилъ домой, гдѣ Люба съ нетерпѣніемъ ждала извѣстій о сестрѣ. Узнавъ о ея болѣзни, Люба настойчиво требовала, чтобы я на другой же день взялъ Ольгу. Я приглашалъ ее ѣхать за Ольгой вмѣстѣ, но она заявила, что хочетъ въ первый разъ увидѣться съ Ольгой безъ свидѣтелей. Мы рѣшили, что троимъ помѣщаться намъ въ моей квартирѣ тѣсно, что въ ней будетъ жить Ольга съ Любой, а я возьму другую маленькую квартиру, благо такая была свободна этажемъ выше.

На другой день въ одиннадцать часовъ я былъ уже въ домѣ заключенія. Квартиру завѣдующаго отдѣленіемъ арестантовъ, гдѣ находилась Ольга, мнѣ указали напротивъ. Я засталъ его за скромнымъ завтракомъ. Это былъ на видъ полный, нѣсколько болѣзненный и еще совсѣмъ молодой человѣкъ; послѣднее не мѣшало мнѣ, однако, прозрѣвать въ лицѣ его несомнѣнное присутствіе дара сердцевѣдѣнія. Онъ былъ, впрочемъ, очень любезенъ, поспѣшилъ покончить съ завтракомъ и тотчасъ же пошелъ со мною въ домъ заключенія, откуда только-что, по его словамъ, возвратился.

По знаку завѣдующаго, предъ нами отворились желѣзныя двери дома заключенія. Шагахъ въ десяти отъ входныхъ дверей, по корридору, находилась желѣзная рѣшетка съ запоромъ. Насъ впустили и тотчасъ же за нами задвигались засовы и щелкнули запираемые замки. Меня немного покоробило, хотя, для меня по крайней мѣрѣ, на рѣшеткѣ и не было дантовой надписи.

Ольга явилась черезъ четверть часа. Завѣдующій отворилъ намъ одну изъ выходившихъ на корридоръ комнатъ и, не затворяя двери, остался въ корридорѣ. Ольга казалась убитой. Войдя въ комнату, она продолжительно закашлялась кашлемъ, надрывающимъ душу.

— Прежде всего, Ольга,—сказалъ я, поздоровавшись съ нею,—простимъ другъ другу всѣ наши взаимныя вины и забудемъ, чтó было. Переѣзжай скорѣе ко мнѣ и я постараюсь доставить тебѣ покой, въ которомъ ты очень нуждаешься.

— Я женой вамъ быть не могу; притомъ я очень больна.

— Не объ этомъ и рѣчь. Переѣзжай ко мнѣ, лечись, а когда выздоровѣешь, ты свободна жить какъ и гдѣ захочешь.

— А эта... сестра тутъ?

— Здѣсь; она ждетъ тебя съ нетерпѣніемъ. Она не пріѣхала сюда потому, что хочетъ встрѣтиться съ тобой наединѣ.

— Хорошо; я согласна; благодарю. Только нельзя ли какъ-нибудь поскорѣй? Здѣсь я очень мучусь.

Она заплакала. Я взялъ ее за руку. Блѣдная, исхудалая рука была горяча. На щекахъ Ольги выступали яркія красныя пятна.

— Мнѣ всѣ въ больницѣ говорятъ, что я скоро умру. Только это неправда. Я здоровая, я никогда не болѣла. Я очень сильно простудилась. Это пройдетъ. Лишь бы отсюда какъ-нибудь поскорѣе выбраться.

— Въ такомъ случаѣ прощай. Поѣду скорѣе хлопотать и, быть можетъ, еще сегодня пріѣду за тобою. Не то завтра.

Я поспѣшилъ ко вчерашнему офицеру. Онъ былъ на своемъ посту и черезъ пять минутъ меня принялъ.

— Хорошо, это мы сейчасъ устроимъ, — отвѣтилъ онъ мнѣ на мое заявленіе:—садитесь.

— Куда я долженъ внести залогъ? Деньги со мною.

— Денегъ не нужно; вы подпишите только обязательство.

— Могу я узнать, въ чемъ обвиняется или обвинялась Ольга? Если не какъ мужу ея, то какъ поручителю мнѣ не лишнее знать это.

— Собственно пустяки. Въ Москвѣ было арестовано нѣсколько человѣкъ по поводу одного дѣла. Въ числѣ арестованныхъ находился Цвѣтаевъ и потому въ шайку могла быть вовлечена ваша жена. Ее съ разными письмами, о содержаніи которыхъ она, впрочемъ, ничего не знала, посылали сперва въ Харьковъ, потомъ въ Кіевъ. Въ Кіевѣ ее арестовали.

— А Цвѣтаевъ серьезно скомпрометированъ?

— А этотъ вопросъ въ качествѣ чего, мужа или поручителя? Впрочемъ, ради того, что мы оба съ вами знаемъ по-латыни, я вамъ отвѣчу. Помните у Тацита: rara temporum felicitate, ubi sentire quae velis et quae sentias dicere licet. Цвѣтаевъ скомпрометированъ очень не серьезно; на него былъ сдѣланъ ложный доносъ. На дняхъ онъ будетъ выпущенъ. Видите ли, даже съ нарушеніемъ служебнаго долга храненія канцелярской тайны сообщаю вамъ это радостное извѣстіе.

Онъ же еще глумился надо мною.

— Вчера, г. офицеръ, вы упоминали о кругѣ вашихъ обязанностей. Позвольте узнать, входитъ ли въ него издѣвательство надъ людьми, которые, не имѣя счастія состоять подъ вашимъ надзоромъ, должны, однако, являться къ вамъ никакъ не по соб-

ственному желанію и, быть можетъ даже, безъ особеннаго удовольствія, или это снова lapsus linguae?

— Именно lapsus linguae, настолько же по крайней мѣрѣ, какъ и ваши вопросы объ обстоятельствахъ, васъ не касающихся. Но приступимъ къ дѣлу. Вамъ предстоитъ еще явиться къ начальству, а оно можетъ уѣхать.

Черезъ два часа я везъ уже Ольгу домой. Когда мы вышли изъ тюрьмы во дворъ, Ольга остановилась и внимательнымъ взоромъ окинула одно за другимъ рѣшетчатыя окна многоэтажнаго обширнаго зданія. Я могъ догадываться, о чемъ и о комъ она думаетъ въ эту минуту. Признаюсь, мнѣ очень хотѣлось измѣнить удрученное состояніе духа Ольги на свѣтлое, сообщивъ ей то, что̀ я узналъ отъ офицера объ участи Цвѣтаева. Но имя это никакъ не шло на языкъ и я предпочелъ передать Ольгѣ радостное извѣстіе дома черезъ Любу.

Люба встрѣтила насъ у дверей квартиры. Я передалъ ей Ольгу, а самъ ушелъ въ свое новое помѣщеніе и оттуда написалъ Любѣ двѣ строчки о Цвѣтаевѣ. Черезъ десять минутъ Люба прибѣжала ко мнѣ съ просьбой сообщить это подробнѣе. Добавлять собственно было нечего. Я передалъ буквально слова офицера, съ умолчаніемъ, разумѣется, о его милой шуточкѣ.

Обѣдали мы въ этотъ день поздно. Когда я пришелъ къ обѣду, Ольгу я засталъ веселою и оживленною и довольно нарядно одѣтою въ одно изъ лучшихъ Любиныхъ платьевъ, которое, разумѣется, пришлось порядкомъ передѣлать, чтобы оно пришлось впору на исхудавшую Ольгу.

— Мы къ вамъ съ просьбой. Позвольте намъ съ Ольгой ѣхать сегодня въ театръ.

— Что вы, Ольга и такъ больна; можетъ простудиться еще больше.

— Нѣтъ, ради Бога позвольте. Не то мнѣ будетъ казаться, что я все еще въ неволѣ. Я не простужусь.

— Да и мнѣ нельзя ѣхать. Я долженъ быть вечеромъ кое-гдѣ.

— Мы однѣ; намъ еще вольнѣе будетъ.

— У Ольги наконецъ и шубы нѣтъ (я привезъ ее въ Любиной шубѣ).

— Она надѣнетъ мою, а я въ пальто. Сегодня не очень холодно.

— Боюсь я за Ольгу, но дѣлать нечего; поѣзжайте.

— Такъ я сейчасъ же послѣ обѣда съѣзжу за билетами.

— Возьми ложу. Вотъ деньги.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо. Я повезу сегодня Олю на свои

деньги; я ей много должна за прошлое, когда мнѣ ради нея платили деньги въ театрѣ, для котораго я совсѣмъ не годилась.

— Какъ хочешь, но когда будешь ѣхать, зайди ко мнѣ, я попрошу тебя купить кое-что мимоходомъ.

За обѣдомъ Ольга, очевидно, подъ вліяніемъ вѣсти о Цвѣтаевѣ и предстоящей поѣздки въ театръ, была очень разговорчива. Она разсказывала, обращаясь къ сестрѣ, про свои успѣхи на разныхъ театрахъ.

— А знаешь,—говорила она.—Доливо-Вольскій совсѣмъ прогорѣлъ со своею Мальчевской. Онъ у насъ служилъ въ Одессѣ и мы платили ему большое жалованье. Онъ дѣйствительно хорошій артистъ и публика его прекрасно принимала, особенно въ „Смерти Іоанна Грознаго“.

Это мы, у насъ въ моемъ присутствіи было нѣсколько странно, но Ольга, повидимому, такъ свыклась съ своимъ положеніемъ, что оно для нея было совершенно естественно.

— Въ Одессѣ наши дѣла шли прекрасно, но на бѣду сгорѣлъ театръ. Мы уѣхали, а тамъ эта исторія.

— Да въ чемъ же эта исторія?

— Ай нѣтъ, не надо. Послѣ когда-нибудь.

Послѣ обѣда я ушелъ къ себѣ. Зашла Люба въ шубѣ и шляпкѣ.

— Вотъ полтораста рублей; заѣзжай, пожалуйста, и купи шубу для Ольги. Бѣдняжкѣ немного придется ее надѣвать, но нужно все-таки, чтобы была. Я вернусь сегодня не поздно, ты потомъ зайдешь, когда Ольга уляжется.

— Не знаю. Неловко. Ольга можетъ хватиться. Что она подумаетъ?

Въ отвѣтъ я пожалъ только плечами.

Люба, однако, пришла. Было около двѣнадцати часовъ.

— Олю я только-что уложила; она, кажется, заснула; она очень утомлена, но очень счастлива. Завтра утромъ она намѣрена прійти сюда благодарить тебя за шубу. Она упрашиваетъ меня съѣздить завтра въ домъ заключенія повидаться съ Цвѣтаевымъ. Тамъ у нихъ завтра пріемный день. Не знаю, какъ быть: мнѣ страшно ѣхать туда. Вѣдь самой Ольгѣ нельзя туда идти?

— Отчего же нельзя; можно, какъ и всякому другому.

— Она, кажется, думаетъ, что нельзя.

— Да и пусть думаетъ; ей нельзя выходить; если не будетъ беречься, то уходитъ себя въ нѣсколько недѣль. Завтра я приглашу доктора.

— Какъ же мнѣ сдѣлать, ѣхать?

— Дѣлай, какъ знаешь. Пожалуйста, не путайте меня въ эти отношенія съ Цвѣтаевымъ, иначе положеніе мое станетъ ужъ через-чуръ комичнымъ.

На другой день Ольга не приходила благодарить меня; она не вставала съ постели; съ ночи она была въ постоянной лихорадкѣ; вчерашнее возбужденіе смѣнилось замѣтнымъ упадкомъ силъ. Приглашенный врачъ, тщательно осмотрѣвъ больную, подтвердилъ то, что говорилъ жандармскій подполковникъ. Жизнь Ольги кончена; впереди нѣсколько мѣсяцевъ судорожнаго вспыхиванія догорающей лампы, а тамъ мракъ, мракъ. Не знаю, съ какимъ чувствомъ встрѣчу я сообщеніе о собственной близкой кончинѣ, но вообще вѣсть о смерти, наступившей или грозящей, если она происходитъ не на глазахъ, не производитъ на меня сильнаго впечатлѣнія: всѣ тамъ будемъ; годомъ, десятью или хотя бы тысячью лѣтъ раньше или позже, не все ли равно. Не все ли равно, меньше или больше секундой будетъ сверкать въ солнечномъ свѣтѣ мыльный пузырь: лопнуть онъ долженъ. Мало того, радужный блескъ пузыря — его единственный raison-d'être — никогда не существовалъ ни въ самомъ пузырѣ, ни даже въ солнцѣ, его освѣщавшемъ; реаленъ онъ былъ только для глаза, который смотрѣлъ на него. Гдѣ же глазъ, схватывающій безконечные переливы свѣта и тѣни человѣческой жизни? Vanitas vanitatum et omnia vanitas! Я вспомнилъ Сименса и ночь, когда мы возвращались съ нимъ въ день игры Ольги въ спектаклѣ Ольдриджа. Хорошо бы вернуться за девять лѣтъ, хоть къ тому же вечеру. Для чего? Для того, чтобы вновь продѣлать ту же комедію? Гдѣ-то Сименсъ и что съ нимъ?

Крайней степени смѣшного мнѣ избѣгнуть не удалось. Цвѣтаева выпустили. Дѣло шло о свиданіи его съ Ольгой, которая была, однако, настолько совѣстлива, что непосредственное появленіе его въ моей квартирѣ считала ненормальнымъ. Парламентеромъ явилась Люба.

— Василій Ивановичъ, рѣши, пожалуйста, какъ быть. Ольга настаиваетъ переѣхать на другую квартиру; она боится, что ты будешь недоволенъ и обидишься. Требовать, чтобы она не видалась съ Цвѣтаевымъ, невозможно: люди прожили вмѣстѣ семь лѣтъ; затѣмъ цѣлый годъ — и какой ужасный годъ — были въ разлукѣ. Теперь она умираетъ...

Люба не кончила и разрыдалась. Я былъ въ раздумьѣ.

— Переѣхать Ольгѣ нельзя: переѣздъ непремѣнно будетъ для нея вреденъ. Остается одно: скажи Ольгѣ, что я передаю

квартиру въ совершенное ея вѣденіе; она полная хозяйка, можетъ принимать безпрепятственно всѣхъ, кого пожелаетъ. Чтобы не стѣснять, я обѣщаю никогда не показываться.

— Вася, для чего ты не хочешь быть великодушнымъ до конца, для чего это прибавленіе, отзывающееся неудовольствіемъ. Мы съ тобой во всякомъ случаѣ болѣе виноваты, чѣмъ Оля и Цвѣтаевъ. Она помирилась съ нашими отношеніями, не отравляй и ты послѣднихъ дней ея.

— Чего же ты хочешь, наконецъ?

— Хочу, чтобы ты приходилъ по прежнему, не избѣгалъ замѣтно для Ольги Цвѣтаева, и если встрѣтишь его, обошелся съ нимъ мягко и спокойно. Притомъ онъ на-дняхъ уѣдетъ въ Москву и если будетъ пріѣзжать, то ненадолго.

— Хорошо, хорошо, пусть такъ. Больше, надѣюсь, ничего?

— Больше ничего. Благодарю тебя за Ольгу.

И я видѣлъ его, и говорилъ и обѣдалъ съ нимъ. Я не узналъ бы его, еслибы встрѣтилъ, не зная, кто онъ. Ему было, какъ онъ сказалъ мнѣ, тридцать-четыре года; слѣдовательно девять лѣтъ назадъ въ Гайскѣ онъ вовсе не былъ такимъ мальчикомъ, какъ мнѣ тогда казалось. Держалъ онъ теперь себя очень прилично, говорилъ мало, но разсудительно и съ тактомъ. Онъ, дѣйствительно, уѣхалъ скоро въ Москву, потомъ вернулся и вновь уѣхалъ и опять пріѣхалъ. Ольгѣ становилось все хуже и хуже; она не вставала съ постели, лихорадка ее не покидала; она ничего не ѣла и таяла какъ свѣчка. Истомилась Люба; похудѣвшая, постоянно печальная и озабоченная, она ни днемъ, ни ночью не покидала сестры. Я могъ видѣть ее изрѣдка и только на минуту.

Въ началѣ марта Ольга скончалась. За недѣлю до смерти я какъ-то вечеромъ сидѣлъ у ея постели; лампа слабо освѣщала комнату. Я смотрѣлъ на Ольгу и мнѣ ясно вспомнилась болѣзнь ея девять лѣтъ назадъ въ Гайскѣ. Было точно повтореніе прошлаго. Исхудалое лицо Ольги съ прозрачною кожею казалось дѣвственно молодымъ; взоръ ея, какъ и тогда, съ выраженіемъ безпомощности и мольбы останавливался на мнѣ; холодная, влажная рука сжимала мою руку. Она закрыла глаза и лежала неподвижно; пожатіе ея пальцевъ дѣлалось слабѣе. Думая, что она забылась, я освободилъ свою руку и тихонько всталъ. Взглянувъ на нее еще разъ, я вдругъ увидѣлъ, какъ двѣ крупныя слезы изъ-подъ закрытыхъ вѣкъ скатились на щеки. Жизнь отлетала; она это чувствовала и прощалась съ нею. Мнѣ стало жутко; я поспѣшилъ выйти изъ комнаты.

Небольшимъ кортежемъ, по улицамъ, покрытымъ вновь выпавшимъ снѣгомъ, двигалась похоронная процессія. Цвѣтаевъ, за нѣсколько дней предъ тѣмъ вызванный Любою изъ Москвы, шелъ поодаль. Нужно замѣтить, что его пріѣзду придавалось какое-то особенное значеніе въ связи съ какимъ-то таинственнымъ посѣщеніемъ; меня просили не приходить въ извѣстный часъ; на лѣстницѣ я случайно встрѣтилъ какую-то женщину съ ребенкомъ. Теперь ту же женщину съ тѣмъ же ребенкомъ я видалъ въ процессіи. За гробомъ я шелъ недолго и сѣлъ въ карету, уступивъ мѣсто тѣмъ, кто имѣлъ на него болѣе права. Въ кладбищенской церкви я стоялъ въ сторонѣ и не подошелъ проститься съ покойной: на послѣднее лобызаніе мертвыхъ у меня какъ-то никогда не хватало духа. Теперь я разсмотрѣлъ ребенка, когда его подносили къ гробу. Это была дѣвочка трехъ-четырехъ лѣтъ. Чья она дочь, я справляться объ этомъ не сталъ: какое мнѣ дѣло!

Гробъ опустили. Надъ свѣжей могилой быстро насыпали холмъ и водрузили крестъ. Мокрый мартовскій снѣгъ покрылъ бѣлой пеленою и холмъ, и вѣнки изъ иммортелей, положенные на могилу. Съ Ольгой было кончено.

Съ кладбища я уѣхалъ одинъ, такъ какъ Люба ѣхать со мною уклонилась, и въ каретѣ имѣлъ полный досугъ предаться приличествующимъ событію размышленіямъ. Finita la comedia,— думалось мнѣ. Это именно была комедія, въ ея старинномъ, нехитромъ смыслѣ: забавный фарсъ, водевиль, нѣчто безсодержательное, призрачное и нелѣпое, благодаря чему девятилѣтній періодъ могъ бы быть безъ ущерба вычеркнутъ изъ моей жизни. Благодаря ли этому только?—шевельнулся вопросъ. Но что за дѣло. Девять лѣтъ тому назадъ мнѣ было двадцать-девять лѣтъ, теперь стало тридцать-восемь; вотъ и все. Жизнь далеко еще не ушла; я могу еще устроить жизнь, какъ хочу, могу обзавестись семьей, могу жениться. Въ этомъ даже Люба не помѣха. Между нами почти одни отношенія двухъ добрыхъ товарищей. Ничего романтическаго между нами давно уже нѣтъ, да и врядъ ли когда-нибудь было, по крайней мѣрѣ съ моей стороны. Женись я завтра, и мы съ Любой могли бы оставаться по прежнему добрыми товарищами, пожалуй даже подъ одною кровлей.

Мнѣ предстояло еще фигурировать на похоронномъ обѣдѣ, и вскорѣ Люба пришла звать меня внизъ, гдѣ была приготовлена трапеза и гдѣ собрался причтъ и участники похоронъ, по большой части мнѣ невѣдомые и, кажется, никѣмъ не званные.

— А Цвѣтаевъ здѣсь?

— Здѣсь. Онъ въ комнатѣ, гдѣ умерла Оля; онъ проситъ позволенья пробыть тамъ немного. Съ вечернимъ поѣздомъ онъ уѣзжаетъ въ Москву. Онъ поручилъ спросить васъ, позволите ли вы ему прійти поблагодарить васъ и за Олю, и за себя?

— Поблагодари его за любезное желаніе, но передай, что взаимныя отношенія наши настолько ненормальны, что для насъ обоихъ удобнѣе, какъ можно скорѣе покончить съ ними и не осложнять ихъ ни свиданіями, ни обмѣномъ любезностей. Мнѣ очень жаль Ольгу, но правду сказать, вся эта траги-комедія мнѣ порядкомъ надоѣла и мнѣ хотѣлось бы поскорѣе сбросить съ себя роль огорченнаго дурака. Я вѣдь никогда не фигурировалъ на театральныхъ подмосткахъ.

— Еще: вы никуда не уѣзжаете послѣ обѣда?

— Нѣтъ, а что?

— Мнѣ нужно будетъ поговорить съ вами.

Слѣдуетъ замѣтить, что съ того времени, какъ поселилась у насъ Ольга, Люба очень часто стала говорить мнѣ вы вмѣсто ты, и я мало обращалъ вниманія на то, какое мѣстоименіе употребляетъ она.

— Говори теперь.

— Теперь некогда; нужно идти. Тамъ ждутъ.

— Подожди же, пойдемъ вмѣстѣ.

— Какъ, развѣ и вы пойдете? Я думала, что вы теперь же отказались уже играть роль огорченнаго дурака, по вашему выраженію.

— Люба, чтó съ тобой сдѣлалось, чтò ты придираешься. Мы прожили съ тобою неразлучно почти шесть лѣтъ и, какъ мнѣ казалось, до сихъ поръ ты не затрудинялась понимать мои слова именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ они говорились.

— Мало ли что могло казаться.

Она ушла; я пошелъ вслѣдъ за нею. Наконецъ, послѣднее явленіе послѣдняго акта печальнаго фарса было окончено. Мертваго по всѣмъ правиламъ спровадили туда, „откуда никто не приходитъ“; живымъ оставалось подумать какъ лучше устроиться. Перебираться снова въ квартиру, гдѣ умерла Ольга, мнѣ не хотѣлось; оставаться же въ той, которую занималъ теперь я, было невозможно: мнѣ и одному было въ ней тѣсно, а для Любы совсѣмъ не было мѣста. Была въ домѣ еще одна свободная квартира, но очень большая; за нее приходилось приплачивать рублей пятьсотъ въ годъ; но дѣлать нечего, я рѣшилъ взять ее, благо со смертью Ольги мой расходный бюджетъ значительно сокращался. Я позвалъ дворника и приказалъ ему немедленно заняться

уборкой и очисткой квартиры. Въ это время пришла Люба. Я совсѣмъ забылъ, что она собиралась прійти ко мнѣ для „серьезнаго" разговора, а разговоръ дѣйствительно оказался серьезенъ. Люба объявила, что она теперь же отъ меня перебирается пока въ нанятую гдѣ-то ею комнату, а затѣмъ, какъ только кончитъ находящуюся у ней работу типографіи, и совершенно изъ Петербурга. Добиться отъ нея толкомъ, для чего и зачѣмъ, я никакъ не могъ; она говорила, что должна, что на ней лежатъ обязанности; толковала, что я теперь свободенъ, могу устроить жизнь, какъ хочу, могу жениться.

Убѣждать въ чемъ нибудь женщину я всегда считалъ потеряннымъ трудомъ; очень упрашивать не въ моемъ характерѣ, и я счелъ за лучшее оставить Любу дѣлать какъ знаетъ.

— Мы еще увидимся съ тобою?

— Да, я зайду передъ отъѣздомъ.

— Надѣюсь, теперь ты поселяешься одна!

— Что за вопросъ; разумѣется, одна; съ кѣмъ же?

— А мѣсто твоего пребыванія не тайна?

— Я оставила у Маши свой адресъ на случай, если что-нибудь понадобится.

— Люба, я не буду тебя упрашивать; поступай какъ хочешь, но если вечеромъ по возвращеніи домой—мнѣ нужно быть кое-гдѣ—я застану тебя здѣсь, я буду очень счастливъ.

— Вы меня не застанете здѣсь, потому что вечеромъ я буду сидѣть дома за работой.

На другой день я заѣхалъ къ Любѣ, но не засталъ ее дома и написалъ нѣсколько словъ, прося ее прійти вечеромъ, такъ какъ мнѣ нужно поговорить съ нею. Она, однако, не пришла. Просидѣвъ въ ожиданіи ея цѣлый вечеръ дома одинъ, я былъ раздосадованъ и рѣшилъ по отношенію къ ней не дѣлать болѣе никакихъ попытокъ. Такъ прошло два дня; Люба не показывалась и на третій день я снова къ ней заѣхалъ. Она была дома и сидѣла у стола за работой.

— Что-жъ ты не пришла, Люба? Я все время ждалъ тебя.

— Мнѣ было некогда, да я вамъ и сказала, что не приду. Между нами все кончено и мнѣ не зачѣмъ было приходить.

Холодный, рѣзкій тонъ, которымъ говорила Люба, взорвалъ меня.

— Вамъ можно было прійти хоть для того, чтобы дать мнѣ кое-какія объясненія, на которыя, какъ кажется, я имѣю право. Вы вольны дарить своею благосклонностью кого вздумаете, мѣнять свои привязанности и сожительства, но на прощаньи не соблаго-

волите ли, наконецъ, объяснить мнѣ, какую роль игралъ я въ девятилѣтнемъ фарсѣ, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, а пожалуй, и авторомъ котораго были вы?

Люба откинулась на спинку кресла и посмотрѣла въ упоръ мнѣ въ глаза; такого рѣзкаго, строгаго и рѣшительнаго взгляда я никогда не замѣчалъ въ ней.

— Какую роль? вы знаете, какую роль; вы прекрасно опредѣлили ее въ разговорѣ со мною въ день похоронъ Оли передъ обѣдомъ.

— То есть?

— Я не буду повторять вашихъ словъ, но вы ихъ, вѣроятно, не забыли.

— Вы намекаете на мое выраженіе: роль огорченнаго дурака? Это ужъ, выражаясь мягко, слишкомъ безцеремонно.

Люба пожала плечами. Разговаривать дольше было нечего. Я взялся за шляпу. Въ раздумьѣ я прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ.

— Что я игралъ, какъ теперь оказывается, не умную роль, я готовъ согласиться. Но согласитесь, что если это такъ, то эту роль навязали мнѣ вы. Для чего же вы это сдѣлали?

— Такой безсердечный эгоистъ, какъ вы, и не могъ играть никакой иной роли.

Что такое женская логика — всѣмъ извѣстно. Дважды два — стеариновая свѣчка, въ устахъ женщины вовсе не такая смѣлая гипербола, какъ это кажется съ перваго раза. Не менѣе извѣстно, однако, что эта логика удивительно служитъ женщинамъ. Благодаря ей обвиняющій и требующій объясненій какъ-то разомъ превращается въ подсудимаго. Стоитъ вспомнить въ Байроновомъ Донъ-Жуанѣ геніальную филиппику донны Юліи, обращенную къ мужу, явившемуся въ сопровожденіи друзей уличать жену въ невѣрности. Нѣчто подобное повторилось со мною. Привести разговоръ нашъ подробно я не имѣю возможности, особенно при той страстности и стремительности, съ какимъ его вела Люба; могу передать его только въ общихъ чертахъ.

— Безсердечный эгоистъ и наивный дуракъ,—это что-то не вяжется, это чисто по-женски. Но дѣло не въ выраженіяхъ. Такъ какъ мы коснулись вашего участія въ моей судьбѣ, то позвольте нѣсколько вопросовъ, которые я не рѣшился сдѣлать вамъ до сихъ поръ, хотя они и часто приходили мнѣ въ голову. Скажите прежде всего, для чего вы женили меня на Ольгѣ?

— Я хотѣла уѣхать молча, безъ всякихъ разговоровъ о томъ, что происходило въ эти девять лѣтъ. Но вы хотите объясненій;

будемъ говорить. Вы спрашиваете, для чего я васъ женила на Ольгѣ? Слушайте, Василій Ивановичъ. Девять лѣтъ тому назадъ я васъ страстно любила. Что я въ васъ нашла, право, теперь и понять не могу, но это было такъ. Вы меня отвергли; вамъ казалось, что вы влюблены въ Ольгу. Вы и ухаживали за нею и хотѣли жениться и отлынивали. Правду сказать, я и тогда не считала васъ человѣкомъ годнымъ въ мужья для Ольги, но я за нее боялась. Ольга была въ то время наивная, самолюбивая и отчасти взбалмошная дѣвушка; она легко могла сдѣлаться жертвою перваго негодяя; бракъ я считала для нея охраной. При томъ, если бы я не содѣйствовала браку Ольги съ вами, мнѣ самой могло бы казаться, что я дѣйствую такъ изъ эгоистическихъ побужденій. Что до васъ, то, по своей безхарактерности, вы ни на чемъ не могли остановиться; нужно было рѣшить за васъ. Я рѣшила и дѣйствительно женила васъ на Ольгѣ.

— Для того, чтобы вслѣдъ затѣмъ втереться между нами неодолимой преградой...

— Вы лжете; этого не было. Когда я пріѣхала по вашему вызову изъ Гайска, между вами и Ольгой существовалъ уже непоправимый разрывъ. Въ короткое время вы успѣли возбудить въ ней къ себѣ непримиримую ненависть. Теперь эту ненависть я легко себѣ объясняю: свойственная вамъ педантическая сухость, отсутствіе въ вашей натурѣ искренности и непосредственности должны были отталкивающимъ образомъ дѣйствовать на сердечную, не лишенную артистическаго чутья, хотя и не развитую Ольгу. Но тогда я была за васъ. Я все еще васъ любила. Я почти ненавидѣла Ольгу за страданія, которыя, какъ мнѣ казалось, она причиняетъ вамъ. Сама я готова была сдѣлаться вашей рабой, вашей собакой. Я краснѣю теперь при воспоминаніи о своемъ чувствѣ. Я отрезвилась, и то отчасти лишь только тогда, когда вы безсердечно меня выгнали въ надеждѣ снова сойтись съ Ольгой.

— Моя безсердечность, повидимому, была не слишкомъ велика, если не помѣшала вамъ простить ее мнѣ и снова сойтись со мною.

— Дѣло не въ томъ, что я простила вамъ, а въ томъ, что я не прощала себѣ несчастія Ольги. Я на вашъ счетъ и въ то время еще не ошибалась: я не представляла возможнымъ въ васъ того равнодушія къ участи и образу жизни жены вашей, къ какому въ дѣйствительности вы оказались способны. Я боялась какихъ-нибудь принудительныхъ дѣйствій вашихъ по отношенію къ Ольгѣ и, становясь между вами и ею, хотѣла обезпечить ей

свободу и нѣкоторый достатокъ. Когда я узнала, что Ольга сошлась съ Цвѣтаевымъ — а это было не скоро — я переѣхала къ вамъ въ Петербургъ.

— Для того, чтобы вымогать съ меня деньги въ пользу счастливыхъ любовниковъ?

— Да, въ пользу женщины, носившей ваше имя и принужденной, по вашей винѣ, мыкаться по бѣлому свѣту. Но за то сама я не стоила вамъ ни копѣйки. Въ денежномъ отношеніи, если кто изъ насъ въ долгу передъ другимъ, то не я: я платила половину всѣхъ расходовъ по дому; въ этомъ вы можете удостовѣриться изъ расходныхъ книгъ, которыя найдете въ моей бывшей комнатѣ.

Люба встала и оперлась о спинку кресла.

— Перехожу къ вамъ. Я прожила съ вами безотлучно шесть лѣтъ. За все это время вы едва ли найдете возможность въ чемъ-нибудь упрекнуть меня: въ малѣйшемъ капризѣ, въ малѣйшемъ недостаткѣ вниманія, въ самомъ легкомъ припадкѣ лѣни. Я дѣлала все, что могла, для вашего спокойствія, для вашего комфорта, денежныхъ выгодъ и для вашего удовольствія. Я сидѣла безропотно одна дома, если вы считали удобнымъ отлучаться безъ меня, я безпрекословно ѣхала съ вами, если вамъ угодно было звать меня съ собою. Я внимательно слушала ваши длинные разсказы о вашихъ дѣлахъ и отношеніяхъ къ разнымъ лицамъ и никогда не заикалась вамъ о моихъ собственныхъ. Ни одна самая примѣрная и любящая жена не могла бы быть беззавѣтнѣе предана вашимъ интересамъ, не могла быть покорнѣе вашей волѣ. Это могла только я, такъ какъ все это было для меня въ родѣ монашескаго послушанія, было дѣломъ принятаго мною на себя обѣта. Какъ же вы цѣнили все это? Видѣла ли я отъ васъ въ теченіе шести лѣтъ хотя каплю вниманія? Спросили ли вы когда-нибудь о моихъ желаніяхъ, подумали ли когда-нибудь доставить мнѣ удовольствіе. Возьмемъ хоть пустяки: скажите, подарили ли вы мнѣ за всѣ шесть лѣтъ какую-нибудь бездѣлицу, хоть ленту, пуговицу...

— Для чего бы я сталъ дарить тебѣ, когда я отдавалъ тебѣ всѣ деньги и ты могла покупать на нихъ все, что хотѣла...

— Однако, я подарки вамъ давала и, какъ мнѣ казалось, они доставляли вамъ удовольствіе. Почему же вамъ не пришло въ голову и мнѣ сдѣлать такое же удовольствіе? Пробыли ли вы хоть одинъ вечеръ со мною, когда знали, что я тоскую и скучаю, помогли ли хоть разъ въ работѣ — а вамъ я помогала не

разъ, просидѣли ли хоть нѣсколько часовъ у моей постели, когда я бывала больна?

— Я готовъ бы былъ все это сдѣлать, еслибы ты потребовала или хотя бы намекнула.

— По отношенію къ вамъ я все это дѣлала безъ всякихъ требованій и намековъ. Вы же обращались со мной, какъ съ экономкой, взятой съ улицы, вы и ласкали меня какъ куртизанку. Да и съ той вы были бы, вѣроятно, деликатнѣе, хотя бы изъ опасенія скандала. Не разъ послѣ того, какъ вы отъ меня уходили, я по цѣлымъ часамъ плакала отъ стыда и обиды. Хорошо, что у насъ не было дѣтей. Впрочемъ, ихъ и не могло и не должно было быть.

Я саркастически расхохотался.

— Вы напрасно смѣетесь; это не такъ безсмысленно, какъ вамъ показалось: дряблымъ, лишеннымъ почина и энергіи натурамъ, какова ваша, природа отказываетъ въ творчествѣ, какъ умственномъ и нравственномъ, такъ и физическомъ.

Люба замолчала. Да и было пора; идти далѣе въ абсурдѣ было трудно. Я овладѣлъ собою.

— Изъ всего, что ты сейчасъ наговорила, я вижу, Люба, одно, что ты сердишься, отчасти, быть можетъ, и не безъ нѣкотораго основанія. Но если подумать, то всѣ мои преступленія, которыя ты такъ краснорѣчиво описала, не такъ уже ужасны; они происходили просто изъ того, что я не понималъ тебя и твоего характера. Всѣ ихъ легко исправить; разумѣется, кромѣ послѣдняго; въ немъ я не властенъ, но и тутъ еще Богъ-вѣсть кто изъ насъ виноватъ. Безъ шутокъ, Люба, я всегда любилъ и люблю тебя искренно и готовъ сдѣлать все, чтобы ты была счастлива. Забудемъ нашу размолвку, поѣдемъ ко мнѣ, будемъ жить по-прежнему; говори мнѣ, чего хочешь, требуй и я даю тебѣ слово, что ни на волосъ не выйду изъ твоей воли.

— Я вамъ сказала, что я не могу жить у васъ, что на мнѣ лежатъ обязанности, которыя я должна исполнить...

— Да какія обязанности, откуда онѣ взялись; скажи толкомъ.

— Я вамъ этого сказать не могу, но еслибы ихъ и не было, я все-таки бы не осталась: я хочу жить съ живыми людьми, а не съ ходячими манекенами, годными развѣ только въ сотрудники „Оплота". Я не осталась бы ужъ и потому, что какъ восемь лѣтъ назадъ вы могли бы снова прогнать меня, еслибы—я не хочу сказать, полюбили кого-нибудь—любить вы неспособны, но если бы просто разочли, что вамъ выгодно пристроиться къ какой-нибудь другой женщинѣ.

— Знаешь, Люба, всему должна быть мѣра. Въ теченіе шести лѣтъ ты не замѣтила за мной, надѣюсь, ничего безчестнаго, между тѣмъ, ты въ теченіе двухъ часовъ вкривь и вкось толковала мои поступки и бранила меня, а теперь высказываешь какія-то оскорбительныя предположенія, ни на чемъ не основанныя и вытекающія изъ твоей фантазіи.

— Я говорю то, въ чемъ убѣждена.

— Но убѣжденія не могутъ же и не должны составляться зря, безъ основаній и смысла, особенно такія, которыя вредятъ другому. Знаешь ли, твое теперешнее состояніе и исторію, которую ты затѣяла, я просто приписываю разстройству твоихъ нервовъ, вслѣдствіе болѣзни и смерти сестры. Я вовсе не прочь, чтобы ты на время уѣхала куда-нибудь отдохнуть. Поѣзжай хоть въ Крымъ. Теперь тамъ хорошо, уже весна. Проживи лѣто, купайся, ѣшь виноградъ, а осенью возвратишься.

— Я поѣду туда, куда я должна ѣхать.

— Что это опять за „должна". Ужъ не попала ли ты въ чьи-нибудь руки?

— Что за глупости!

— Ну такъ я ничего не понимаю. Ну, да, хорошо, должна ѣхать и поѣдешь, но какой же смыслъ теперь играть намъ въ прятки. Поѣдемъ ко мнѣ обѣдать; говорить будемъ о постороннихъ вещахъ, вовсе не касаясь вопроса о томъ, какъ ты устроишься. Ѣдешь?

— Я не могу; черезъ два часа я должна отнести работу въ типографію. Я и такъ ужъ потеряла много времени.

— Приходи въ такомъ случаѣ вечеромъ; всего лучше заходи изъ типографіи.

— Хорошо, если можно будетъ, вечеромъ приду. А теперь мнѣ некогда. До свиданья.

Весь вечеръ я прождалъ Любу. Около девяти часовъ послышался звонокъ и я вышелъ въ переднюю, надѣясь встрѣтить желанную гостью. Но это оказался посыльный съ письмомъ. Письмо, разумѣется, было отъ Любы.

„Когда вы получите эту записку,—писала она,—я буду уже далеко отъ Петербурга. Немедленный отъѣздъ я сочла лучшимъ средствомъ къ прекращенію переговоровъ, которые ни къ чему повести не могутъ. Еще разъ вмѣняю себѣ въ обязанность поблагодарить васъ за доброту, съ которой вы дали въ послѣдніе дни пріютъ несчастной Олѣ. Прощайте, будьте счастливы".

Признаюсь, вся эта исторія мнѣ порядкомъ надоѣла. Я бросилъ письмо и поѣхалъ въ клубъ. Охъ, ужъ эти бабы! Въ лучшей

изъ нихъ столько капризовъ и необъяснимыхъ фантазій, что выйдешь изъ всякаго терпѣнья.

Я ждалъ какихъ-нибудь извѣстій отъ Любы, но не получалъ ихъ. Наконецъ я написалъ въ Москву Увальцеву, не знаетъ ли онъ, гдѣ она и что съ нею. Отъ Увальцева я получилъ очень лаконическій отвѣтъ: она, молъ, въ Москвѣ и нѣсколько дней тому назадъ Любовь Васильевна Риванова и Яковъ Петровичъ Цвѣтаевъ изволили сочетаться законнымъ бракомъ. Это слѣдовало предвидѣть. Туда и дорога. Но любопытно, чѣмъ это привлекаетъ ихъ всѣхъ этотъ молодецъ?

Прошло болѣе двухъ лѣтъ. Какъ-то утромъ, когда я сидѣлъ въ редакціи „Оплота" мнѣ подали визитную карточку и черезъ нѣсколько секундъ я обнимался и лобызался съ несравненнымъ докторомъ Сименсомъ. Онъ былъ все тотъ же, такой же добрый, такой же веселый, только, какъ будто бы помолодѣлъ немного. Я потащилъ его къ себѣ обѣдать. Оказалось, что докторъ пріѣхалъ въ Петербургъ опредѣлять своего старшаго сына въ горный институтъ.

— При томъ хотѣлось на старости лѣтъ взглянуть еще разъ на Петербургъ, да на недѣльку, другую отдохнуть отъ дѣтскаго гаму и крику.

— Да развѣ у васъ такъ много дѣтей?

— Пятеро, батенька, пятеро. Послѣднему и двухъ лѣтъ нѣтъ. Саша, шутъ ее побери, такая плодущая, чуть оплошалъ, глядишь, ужъ и въ интересномъ положеніи. Того и жди, что шестымъ обзаведемся. Да, батенька, не смотря на то, что намъ подъ пятьдесятъ, споспѣшествуемъ по мѣрѣ силъ славѣ отечества. А вы что же, бобылемъ? Какая у васъ квартира роскошная, министерская: и то сказать, персона не маловажная, секретарь „Оплота". Да, что это за нарядная особа отворила намъ двери.

— Нарядная особа?—Это просто прислуга моя, Маша.

— Гм... вотъ оно, гдѣ раки зимуютъ. Ну, да, ладно. Вспомнимъ старину да пройдемся по чарочкѣ. Никакъ это сигъ; давненько не ѣдалъ я его.

Мы стали перебирать старыхъ Гайскихъ знакомыхъ.

— А о Вите слыхали?

— Да читалъ. Скажите, съ чего это онъ застрѣлился. Что съ нимъ сдѣлалось?

— Богъ его вѣдаетъ. Вскорѣ послѣ вашего отъѣзда онъ выписалъ мать изъ Новгорода. Они хорошо жили, ихъ всѣ любили въ городѣ. Потомъ мать стала болѣть и наконецъ умерла. Вите

затосковалъ. Губернаторъ выхлопоталъ ему отпускъ; онъ собирался ѣхать и день отъѣзда ужъ назначилъ, а наканунѣ его нашли на кладбищѣ на могилѣ матери съ револьверомъ въ рукѣ и съ простреленною грудью. Жаль, хорошій былъ человѣкъ.

— А что, — отдалъ онъ вамъ тѣ двѣсти рублей, помните? —сорвался у меня вопросъ.

Докторъ вспыхнулъ; въ первый разъ видѣлъ я его разсерженнымъ.

— Какое вамъ до этого дѣло!—закричалъ онъ дикимъ голосомъ, ударивъ кулакомъ по столу. Впрочемъ Сименсъ самъ тотчасъ же понялъ неумѣстность своей выходки.

— Разумѣется, отдалъ, что за вопросъ?—прибавилъ онъ уже обыкновеннымъ своимъ голосомъ.

— Да, знаете ли, кого я видѣлъ проѣздомъ въ Москвѣ?— Цвѣтаевыхъ; онъ вѣдь женился на вашей свояченицѣ. Я встрѣтилъ ихъ у Увальцевыхъ; съ ними была дѣвочка лѣтъ шести; Увальцевы сказали мнѣ потомъ, что пріемышъ. Впрочемъ у нихъ и свой ребенокъ есть; Цвѣтаева все домой спѣшила: Яша, молъ, проснется, кушать попроситъ. Отъ нихъ я слышалъ о смерти бѣдной Ольги Васильевны. Что за славная барыня эта Любовь Васильевна. Ей ужъ тридцать пять лѣтъ, съ хвостикомъ, пожалуй, а ей и тридцати не дашь.

Зналъ ли Сименсъ больше, чѣмъ говорилъ или нѣтъ, не знаю. Разумѣется, вторично разговора на эту тэму я не затѣвалъ.

Этимъ я оканчиваю мои записки: то, что я предполагалъ разсказать въ нихъ, разсказано. Если я не скрылъ слабостей и дурныхъ сторонъ тѣхъ лицъ, даже близкихъ мнѣ, о которыхъ пришлось говорить, это едва ли можетъ быть поставлено мнѣ въ вину: on ne transige point avec la verité. Исторія должна быть правдива. „Дорогъ Платонъ, но дороже истина“.

Ѳ. Стулли.

РЕФОРМАЦІЯ

и

КАТОЛИЧЕСКАЯ РЕАКЦІЯ ВЪ ПОЛЬШѢ

VIII *).

Начало іезуитской реакціи и борьба противъ религіозной свободы.

Общій взглядъ на католическую реакцію.—Задача іезуитизма въ Польшѣ.—Слабость отпора, оказаннаго духовенствомъ реформаціонному движенію до появленія іезуитовъ.—Защита шляхтой религіозной свободы.—Папскіе нунціи.—Гозій и призваніе іезуитовъ въ Польшу.—Начало реакціи въ обществѣ.—Фанатизированіе католиковъ іезуитами.—Іезуитская печать.—Образованіе католической партіи.—Кандидаты на польскій престолъ.—Политика Станислава Карнковскаго.—Избраніе Генриха Валуа.—Идея свободы совѣсти въ польскомъ обществѣ.—Ограниченіе этой свободы въ Варшавской генеральной конфедераціи.—Споръ о королевской присягѣ.

Реформація XVI в., породившая протестантизмъ и сектантство, не осталась безъ вліянія на самый католицизмъ. Можно сказать, что за реформой Лютера, Цвингли и Кальвина, за реформой анабаптистовъ, либертиновъ и антитринитаріевъ въ XVI в. произошла третья реформа, результатомъ которой былъ католицизмъ новаго времени, католицизмъ іезуитовъ и Тридентскаго собора. Между этимъ католицизмомъ и средневѣковымъ лежитъ эпоха, когда римская церковь находилась въ полномъ почти разложеніи и ея дезорганизація была такъ велика, что, не смотря на свои громадныя средства, католицизмъ не могъ оказывать отпора дви-

*) См. выше: окт., 433 стр.

женію, начавшему реформу всей нравственной жизни во имя христіанскаго идеала, не могъ именно потому, что его силы бездѣйствовали. Протестантская и сектантская реформація заставила католицизмъ произвести реформу въ самомъ себѣ, и только послѣ этой реформы онъ могъ выступить побѣдоносно противъ „ереси" и начать реакцію. Этотъ католицизмъ новаго времени, строго говоря, моложе протестантизма и сектантства XVI в.: онъ—продуктъ ордена іезуитовъ и постановленій Тридентскаго собора, онъ организовался и выработалъ свои принципы между 1540 и 1563 гг. „Общество Іисуса" внесло въ дряхлѣвшую римскую церковь новый духъ; Тридентскій соборъ реформировалъ ее сообразно съ требованіями новаго положенія вещей. Нельзя сравнивать между собою католицизмъ начала и конца XVI в.: передъ реформаціей это было нѣчто окоченѣвшее въ оффиціальномъ формализмѣ, внутренно разлагавшееся, безсильное, но послѣ Тридентскаго собора мы видимъ жизнь и сильную дѣятельность. Это не церковь XIV и XV вѣковъ, которая не могла ни жить, ни умереть, а цѣлая дѣятельная система, приспособляющаяся къ обстоятельствамъ, заискивающая у королей и народовъ, всѣхъ заманивающая, кого деспотизмомъ и тираннією, кого снисходительной терпимостью и свободой; это—не безсильное учрежденіе, которое ищетъ помощи извнѣ, не имѣя внутренней силы,—всюду обращается съ просьбой о реформѣ и излѣченіи, не обнаруживая искренняго желанія исправиться и обновиться, а стройная организація, которая пользуется въ обществѣ, ею же перевоспитанномъ, большимъ авторитетомъ и, умѣя фанатизировать массы, руководить ими въ борьбѣ съ протестантизмомъ. Педагогика и дипломатія были двумя великими орудіями, которыми дѣйствовала эта церковь: моделировать личность на свой фасонъ и съумѣть заставить ее служить чужимъ цѣлямъ такъ, чтобы она этого сама и не замѣчала,—были два искусства, особенно отличающія дѣятельность главныхъ представителей возродившагося католицизма. Одной прежней церковной каѳедры и громовъ папскаго отлученія было мало для власти надъ новымъ обществомъ: его нужно было еще такъ воспитать, чтобы оно не шло слушать другихъ проповѣдниковъ, кромѣ католическихъ, чтобы оно не оставалось равнодушнымъ къ отлученію; нужно было еще эксплуатировать человѣческія слабости, чтобы былъ интересъ быть католикомъ и служить римской церкви,—и оказывать человѣку поблажки, когда въ этомъ была какая-либо выгода. Эта новая политика имѣла и новый органъ—орденъ іезуитовъ, и іезуитизмъ въ католической реакціи то же, что протестантизмъ въ реформаціи. Это были два противоположные прин-

ципа. Какъ ни какъ, а протестантизмъ выводилъ личность на новую дорогу, воспитывалъ ее къ самоопредѣленію и самостоятельности; іезуитизмъ убивалъ личность, дрессируя ее для служенія цѣлямъ, ей постороннимъ. Протестантизмъ былъ продуктомъ пробудившейся совѣсти, іезуитизмъ заглушалъ ея голосъ своими казуистическими успокоеніями. Протестантизмъ оживлялъ мысль, іезуитизмъ зарывалъ ее въ ворохѣ мертвой учености. Протестантизмъ оживлялъ чувство національнаго и политическаго патріотизма, іезуитизмъ не зналъ родины и не научалъ ее любить. Этому новому принципу пришлось столкнуться съ принципомъ, ему противоположнымъ, и въ Польшѣ.

Іезуитамъ, вождямъ католической реакціи во всей Европѣ, предстояла въ Рѣчи Посполитой трудная задача. Не то представляло трудность, что здѣсь нужно было искоренять протестантизмъ: протестанты не составляли большинства націи, были раздѣлены въ вѣроисповѣдномъ отношеніи на четыре лагеря, не отличались особой энергіей и не проявляли въ общемъ никакого фанатизма, съ которымъ приходилось бы считаться. Если шляхтичъ битьемъ гналъ народъ въ реформированный имъ „зборъ“ [1]), то это происходило не изъ фанатизма, а потому, что онъ считалъ себя собственникомъ костёла и плебаніи [2]) могъ дѣлать съ ними, что хотѣлъ, смотря на хлоповъ, какъ на людей отданныхъ ему въ полную власть. На эти массы, бывшія только нѣмыми свидѣтелями „профанаціи“ церквей, на шляхетское разновѣрство, на властолюбіе шляхты іезуиту можно было даже очень удобно опереться, только стоило немножко разнуздать въ массѣ сидѣвшаго въ ней звѣря, дискредитировать реформацію именно ея разновѣрствомъ и втереться въ довѣріе шляхты, льстя ея слишкомъ бросавшимся въ глаза инстинктамъ. И опять не то было трудно, что приходилось дѣйствовать въ странѣ, гдѣ правительство давало молчаливое и даже не молчаливое согласіе на религіозную свободу: правительства мѣняются, а законы—дѣло рукъ человѣческихъ. Самое трудное представлялъ изъ себя весь духъ польскаго общества, индифферентизмъ и склонность къ вольномыслію и въ его католическихъ членахъ, антипатія къ клерикализму, а чтó еще важнѣе,—общее настроеніе польскаго духовенства, болѣе заботившагося о своихъ десятинахъ и мѣстахъ въ сенатѣ, чѣмъ о вѣрѣ, болѣе ревностно хлопотавшаго о національномъ соборѣ, чѣмъ о борьбѣ съ „ересью“, сопротивлявшагося

---

[1]) Bukowski, I, 239.
[2]) Ibid., I, 236.

тридентскимъ постановленіямъ и готоваго вступать въ компромиссы съ нововѣрами, если только дѣло не касалось кармана и власти. Предстояло передѣлать старыхъ католиковъ въ католиковъ новаго образца, созданнаго совокупными усиліями ордена и собора, а для этого нужно было воспитать подроставшія поколѣнія въ иномъ духѣ, чѣмъ воспитывались ихъ отцы, и найти другія средства, чтобы подѣйствовать на тѣхъ, кого воспитывать было слишкомъ поздно,—однимъ словомъ, предстояло направить на свѣтское общество и духовенство орудія педагогики и дипломатіи, а у іезуитовъ обѣ системы были уже готовы: они явились въ Польшѣ черезъ четверть вѣка послѣ того, какъ Игнатій Лойола основалъ свою „фалангу“, явились сюда опытными воспитателями и искусными мастерами политическихъ дѣлъ. Сдѣлать свѣтскій культурный классъ и духовенство другими, чѣмъ они были, когда нужно, нафанатизировать уличную толпу,—потомъ уже легко было нетерпимость въ мысляхъ и поступкахъ перевести въ законодательство и, опираясь на двойную силу общества и государства, нанести ударъ тѣмъ еретикамъ, которыхъ не проймешь ни увѣщаніемъ, ни проповѣдью, ни лестью, ни обѣщаніями, ни страхомъ передъ разнузданной толпой. Начать іезуитамъ предстояло съ высшаго духовенства, затронувъ его интересы и показавъ ему, что лучше всего они оберегутся подъ защитой папскаго Рима,—и съ „дѣтей“, воспитавъ ихъ такъ, чтобы они не были похожи на своихъ „отцовъ“, и іезуитамъ съ ихъ покровителями удалось и организовать католическую партію съ епископами, которой раньше не существовало, и создать новое поколѣніе добрыхъ католиковъ, готовыхъ не останавливаться и предъ насиліями надъ „синагогами сатаны“ и „еретиками“. Понятное дѣло, что при всемъ этомъ вездѣ и во всемъ нужно былъ мѣшать нововѣрамъ и пуще всего препятствовать имъ формальнымъ закономъ закрѣпить фактически установившуюся въ Рѣчи Посполитой религіозную свободу.

Успѣхъ реформаціоннаго движенія въ Польшѣ при Сигизмундѣ-Августѣ обусловливался въ значительной мѣрѣ слабостью оказаннаго со стороны духовенства отпора. Мы уже кое-что знаемъ въ этомъ отношеніи, но до сихъ поръ вообще обратили мало вниманія на эту сторону дѣла: по тому, какъ епископы выхлопатывали у короля разные эдикты противъ ереси, мы такъ же еще мало можемъ судить о ихъ дѣйствительномъ поведеніи, какъ объ отношеніи Сигизмунда-Августа къ протестантизму на основаніи однихъ его „мѣръ“, не принимая въ разсчетъ, что у него въ почетѣ были и Янъ Ласкій, и Николай Радзивиллъ, и Лелій Социнъ, и Бландрата.

Польскій епископатъ середины XVI вѣка былъ болѣе или менѣе тронутъ реформаціоннымъ движеніемъ и вольномысленнымъ духомъ, а потому въ немъ не было убѣжденія въ истинности и правотѣ защищаемаго имъ дѣла, когда приходилось ex officio выступать въ роли судей и карателей. Чуть не всѣхъ епископовъ современники самихъ подозрѣвали въ еретичествѣ, и Андрею Зебржидовскому, замѣстившему въ 1550 г. Самуила Мацѣевскаго на краковской каѳедрѣ, который самъ былъ однимъ изъ членовъ краковскаго кружка вольнодумцевъ, приходилось имѣть дѣло съ обвиненіемъ въ атеизмѣ, въ отрицаніи всякой религіи, въ томъ, будто бы онъ публично назвалъ Моисея, Магомета и Іисуса Христа обманщиками. Яковъ Уханскій, сдѣлавшійся даже примасомъ, подозрѣвался въ тайномъ лютеранствѣ, да и на самомъ дѣлѣ онъ велъ себя не такъ, чтобы не вызывать подозрѣній, имѣя въ головѣ собственный планъ реформы посредствомъ національнаго собора. Было время, что слухи объ Уханскомъ и Дрогоевскомъ, еп. куявскомъ, также подозрѣвавшемся въ ереси, вызвали въ римской инквизиціи мысль притянуть ихъ къ своему суду. Когда еще дѣйствовала церковная юрисдикція, епископы судили въ своихъ судахъ, но въ процессахъ не всегда фигурировала „ересь“, а очень и очень часто одна „десятина“, и бывали случаи, когда духовенство къ процессамъ относилось совсѣмъ холодно [1]). Если піотрковскій синодъ 1551 г. и принялъ рѣшеніе всячески преслѣдовать еретиковъ, то тутъ дѣйствовалъ страхъ за десятины, церковныя имѣнія и т. п., да давленіе, которое на епископовъ оказывала часть низшаго духовенства: и здѣсь Дрогоевскій, еп. куявскій, посовѣтовалъ быть съ шляхтой поосторожнѣе. Такъ иногда и дѣлали, стараясь заочно приговаривать на судахъ, чтобы избѣгать шляхетской публики, а при малѣйшей уступчивости еретика судъ превращался въ богословскій диспутъ. На сеймики епископы также не рѣшались появляться, когда видѣли, что шляхта противъ нихъ раздражена [2]). Оказывало духовенство ревность къ вѣрѣ, но больше на словахъ, и еще въ присутствіи нунціевъ: уѣхалъ нунцій, и все забыто. Но этого мало: готовы были идти на прямые компромиссы съ протестантами. Напр., на сеймѣ 1556 г. епископы предложили шляхтѣ содержать при своихъ домахъ протестантскихъ проповѣдниковъ, но только утвержденныхъ самими епископами! На сеймѣ 1565 г. Уханскій серьезно совѣтовалъ своимъ товарищамъ идти на уступки требованіямъ шляхты, чтобы путемъ ком-

[1]) Любовичъ, 102.

[2]) Впрочемъ, иногда католическое духовенство дозволяло себѣ прямыя насилія противъ протестантскихъ проповѣдниковъ: это были своего рода репрессаліи.

промисса сохранить часть своихъ правъ и привилегій. Піотрковскій синодъ 1557 г. увѣщевалъ Дрогоевскаго, чтобы онъ не держалъ въ своей службѣ заподозрѣнныхъ въ еретичествѣ и не водилъ компаніи съ протестантами. Въ 1561 г. краковскій еп. Падневскій, желая сохранить за собою подканцлерство, которое было „несовмѣстимо“ съ краковскимъ епископствомъ, заискивалъ у протестантовъ и даже вступилъ съ ними въ переговоры, требуя отъ нихъ только, чтобы сами они установили между собою согласіе, и лишь папскій нунцій этому помѣшалъ. Когда въ 1564 г. Уханскій хлопоталъ у Сигизмунда-Августа о возобновленіи анти-еретическаго варшавскаго эдикта 1557 г., епископъ куявскій Николай Вольскій, дѣлавшій все наперекоръ примасу, поддерживалъ протестантовъ. Каноники, видя малую ревность епископовъ, боялись этой уступчивости своихъ принципаловъ, и варшавскій синодъ 1561 г. сдѣлалъ постановленіе, чтобы капитулы посылали къ епископамъ „на помощь“ нѣсколькихъ канониковъ. Одинъ краковскій каноникъ въ письмѣ къ Гозію, ревностному, какъ увидимъ, католику среди польскаго епископата, жаловался, что епископскія мѣста розданы крючкотворцамъ (rabulis), торгашамъ, грабителямъ, пьяницамъ, тупицамъ, еретикамъ, безбожникамъ et caeteris id genus diversi modi bestialibus hominibus: „чего можно, спрашиваетъ онъ, ждать отъ такихъ людей для церкви Божіей? Бываютъ у насъ и синоды, дѣлаются постановленія, назначаются и наказанія. Но конченъ синодъ—все забывается и ничего не исполняется“. Въ инструкціи, данной краковскимъ капитуломъ двумъ высланнымъ на піотрковскій синодъ каноникамъ, между прочимъ, было написано слѣдующее: „неудивительно, что есть такіе епископы, когда имъ не извѣстны ни священное писаніе, ни каноническое право и когда поэтому, не зная закона Божія, они не могутъ наставлять ни себя самихъ, ни другихъ. Мало того: они не держатъ въ своихъ куріяхъ образованныхъ и свѣдущихъ людей, разговорами, совѣтами и знаніями которыхъ могли бы похвально пользоваться въ разрѣшеніи всякихъ дѣлъ. Вмѣсто нихъ нѣкоторые изъ самихъ господъ епископовъ приняли къ себѣ людей подозрительныхъ, опальныхъ еретиковъ и т. п. людей и держатъ ихъ у себя“. За то сколько энергіи выказалъ епископатъ въ борьбѣ съ шляхтой на сеймахъ въ царствованіе Сигизмунда-Августа: когда на сеймахъ говорились рѣчи, которыя должны были бы возмущать католическое чувство сановниковъ церкви, они молчали, но когда король далъ согласіе на постановленіе посольской избы 1562—63 г., наносившее ударъ духовной юрисдикціи, епископы вскочили съ своихъ мѣстъ въ сенатѣ и ушли

такъ быстро и скоро, что, не нашедши своихъ слугъ, которые не ожидали ранняго ихъ выхода,—должны были или по страшной грязи идти по домамъ своимъ, или же садиться на чужихъ коней.

Таковъ былъ епископатъ польскій передъ началомъ дѣятельности іезуитовъ въ Рѣчи Посполитой. Со стороны католическаго общества энергичнаго противодѣйствія противъ протестантизма не было: крестьянская масса была пассивна; горожане въ большинствѣ случаевъ были недовольны появленіемъ ереси, но сидѣли смирно; органы администраціи не хотѣли приводить въ исполненіе приговоровъ церковнаго суда, когда таковые еще постановлялись и исполненіе ихъ поручалось именно свѣтскимъ властямъ. Что касается до шляхты, то и католическая ея часть во многомъ дѣйствовала заодно съ протестантами и помогала имъ и, по крайней мѣрѣ, не препятствовала дѣятельно сопротивляться духовенству при защитѣ религіозной свободы. Когда въ Познани еп. Чарнковскій приговорилъ двухъ горожанъ къ сожженію на кострѣ за ересь, мѣстная шляхта бросилась на ратушу, гдѣ содержались несчастные, и ихъ освободила, такъ что епископъ не посмѣлъ ихъ требовать снова къ суду. Онъ задумалъ, однако, показать примѣръ на нѣкоемъ Павлѣ Органистѣ, по ремеслу портномъ, приговоривъ его заочно къ смерти, но около ста шляхтичей, имѣя во главѣ Якова Остророга, Яна Томицкаго, Рафаила Лещинскаго, Войцѣха Маршевскаго и др., явились къ епископу для защиты Органисты, и когда, узнавъ о цѣли ихъ прибытія, Чарнковскій выразилъ удивленіе, что они такъ заступаются за портного, словно обида была нанесена имъ всѣмъ, Остророгъ отвѣчалъ: „мы не беремъ на себя защиты портного, но предвидимъ, что удайся тебѣ сегодня съ портнымъ, ты завтра сдѣлалъ бы то же самое съ Маршевскимъ, Томицкимъ, Остророгомъ и иными“. Одинъ случай дѣйствительнаго сожженія на кострѣ нѣкой Лаженцкой, бывшей въ услуженіи у евреевъ и обвиненной въ томъ, что она, по ихъ наущенію, украла во время причащенія гостію и отдала ее евреямъ, которые, прокалывая ее шпильками, точили изъ нея кровь для своихъ обрядовъ,—и сожженіе вмѣстѣ съ Лаженцкой одного еврея вызвали цѣлую бурю, и жизнь папскаго нунція Липпомано, въ угоду коему духовенство устроило это auto-da-fe, была даже въ опасности (1556). И католики были страшно возмущены этой казнью, а когда извѣстный намъ Вергерій опубликовалъ письмо Липпомана къ кардиналу Контарини, въ которомъ папскій нунцій писалъ о данномъ имъ королю совѣтѣ казнить съ десятокъ знатнѣйшихъ

„еретиковъ“, то это письмо произвело сильное впечатлѣніе и на католиковъ: жизни шляхтича грозила смертная казнь за его религіозныя убѣжденія, а съ этимъ не могло примириться шляхетское чувство.

Въ Римѣ зорко слѣдили за польскимъ клиромъ и обществомъ: ни тому, ни другому не довѣряли. Папа былъ противъ польскихъ требованій относительно реформы церкви; самыя эти требованія (польскій языкъ въ богослуженіи, отмѣна целибата и національный соборъ) заставили Павла IV послать въ Польшу нунція, который закрѣпилъ бы правовѣріе въ Рѣчи Посполитой, возбудивъ ревность къ вѣрѣ въ ея духовенствѣ. Это и былъ Липпомано. Съ самаго же начала онъ увидѣлъ всю трудность своей миссіи и даже просилъ папу позволить ему уѣхать назадъ: онъ и уѣхалъ, хотя не тотчасъ же, ничего не сдѣлавъ. Когда явился другой нунцій, Камиллъ Ментуатъ, католическая шляхта стала роптать на вмѣшательство куріи въ польскія дѣла и на присутствіе нунціевъ на сеймахъ. Положеніе Коммендоне, пріѣхавшаго въ Польшу въ 1563 г., было еще затруднительнѣе: ему пришлось бороться съ желаніемъ высшаго духовенства созвать національный соборъ и съ его сопротивленіемъ тридентскимъ постановленіямъ, которое увлекло даже болѣе правовѣрные капитулы, выразившіе намѣреніе объ отправкѣ въ Римъ посольства съ просьбою отмѣнить новые законы. Объ одномъ постановленіи Коммендоне самъ ходатайствовалъ въ Римѣ въ этомъ смыслѣ: это было предписаніе о созваніи провинціальнаго синода, который, какъ имѣлъ основаніе бояться папскій нунцій, легко могъ превратиться въ національный соборъ. Опасеніе было не напрасно: Уханскій пригласилъ епископовъ на синодъ (1565), поставивъ въ числу вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію, бракъ священниковъ и чашу для мірянъ. Коммендоне помѣшалъ синоду собраться и оставилъ Польшу съ крайней тревогой въ сердцѣ какъ-разъ около этого времени [1]).

Но именно въ эту эпоху спасителями падавшаго католицизма явились іезуиты, призванные въ Польшу Гозіемъ.

Мы еще не имѣли случая останавливаться на этой замѣчательной личности [2]). Студентомъ краковскаго университета въ двадцатыхъ годахъ XVI в., онъ уже бросалъ въ огонь еретическія книги; краковскимъ каноникомъ, онъ убѣждалъ Сигизмунда I и епископовъ сороковыхъ годовъ дѣйствовать противъ ереси.

[1]) Впослѣдствіи, какъ увидимъ, онъ опять былъ въ Польшѣ.

[2]) Жуковичъ, Кардиналъ Гозій и польская церковь его времени. Спб. 1882.

Въ 1548 г. Сигизмундъ-Августъ сдѣлалъ его епископомъ кульмскимъ, а въ 1550 поручилъ ему вармійскую эпархію, гдѣ епископъ пользовался княжескими правами, дававшими Гозію особенныя средства для борьбы съ протестантизмомъ въ этой странѣ съ нѣмецкимъ населеніемъ. Время отъ времени вармійскій епископъ посѣщалъ и коренную Польшу (его эпархія не была подчинена гнѣзненскому архіепископу): здѣсь онъ хлопоталъ около Сигизмунда-Августа, дѣлался душою католическихъ синодовъ, появлялся на сеймахъ, разстраивалъ планы протестантовъ, противодѣйствовалъ стремленію клира къ національному собору, поддерживалъ правовѣріе въ католикахъ (между прочимъ, изданіемъ Исповѣданія вѣры), писалъ къ папѣ, убѣждая его прислать нунція. Павелъ IV, отправляя въ Польшу Липпомано, рекомендовалъ ему во всемъ совѣтоваться съ Гозіемъ и его слушаться. Въ 1558 году папа даже вызвалъ его въ Римъ, чтобы выслушать его мнѣніе объ общей церковной политикѣ, а преемникъ Павла IV, Пій IV, поручилъ ему дипломатическую миссію въ Вѣнѣ, за исполненіе которой далъ кардинальскую шляпу и сдѣлалъ его однимъ изъ своихъ легатовъ на Тридентскомъ соборѣ. Здѣсь онъ былъ какъ бы центромъ всего строго-католическаго, беззавѣтно преданнаго папству, не допускавшаго никакихъ компромиссовъ съ его противниками, за что протестанты прозвали его „богомъ папистовъ". Вернувшись въ Польшу, онъ убѣждалъ Сигизмунда-Августа изгнать изъ государства всѣхъ „еретическихъ" проповѣдниковъ, а если ужъ терпѣть, такъ терпѣть всѣхъ: изгнаніе одной секты усилило бы другія и было бы молчаливымъ ихъ признаніемъ, а всѣ онѣ одинаково—порожденіе отца дьявола". Онъ убѣждалъ короля принять тридентскія постановленія и не допускать ни провинціальнаго синода, ни національнаго собора. Въ одномъ смыслѣ съ нимъ дѣйствовалъ и Коммендоне: изданіе парчовскихъ эдиктовъ 1564 г. (изгнаніе иностранныхъ проповѣдниковъ и запрещеніе быть въ общеніи съ ересью) было ихъ дѣломъ. Король принялъ и тридентскія постановленія, не смотря на то, что духовенство долго и послѣ того на нихъ не соглашалось. Послѣ люблинскаго сейма (1569) Гозій навсегда оставилъ Польшу, уѣхавъ въ Римъ, гдѣ и умеръ въ 1579, имѣвъ утѣшеніе получить изъ Польши за эти десять лѣтъ много отрадныхъ для него вѣстей и видѣть своими глазами, какъ сыновья протестантскихъ пановъ и шляхтичей, воспитанные іезуитами, пріѣзжали у подножія папскаго трона замаливать свои и своихъ отцовъ грѣхи. Дѣло въ томъ, что на Тридентскомъ соборѣ Гозій вошелъ въ переговоры съ генераломъ ордена Лайнезомъ по поводу пригла-

шенія іезуитовъ въ Польшу: въ 1564 г. прибыли первыя ихъ партіи въ Гейльсбергъ (въ вармійской эпархіи), въ 1565 открыта въ Брунсбергѣ коллегія, а въ 1567 г. тамъ же и духовная семинарія. Такъ какъ школы въ Рѣчи Посполитой вообще были плохи, а брунсбергская коллегія была устроена хорошо, то въ нее стали поступать ученики даже изъ Малой Польши, дѣти протестантовъ. Изъ Варміи легко было іезуитамъ проникнуть и въ сосѣднюю плоцкую эпархію, въ которой епископъ Носковскій въ 1566 г. устроилъ іезуитскую школу въ Пултускѣ.

Гозій—типъ обновленнаго католика: благочестивый, цѣломудренный, преданный дѣламъ милосердія, набожный до энтузіазма, готовый на мученическій подвигъ, не шедшій ни на какія сдѣлки съ „дьявольскою вѣркою", онъ подчинялъ себѣ польскій епископатъ, чувствовавшій себя какъ-то неловко въ его присутствіи, и умѣлъ импонировать даже врагамъ, но въ немъ было и нѣчто общее съ тѣмъ орденомъ, который онъ вызвалъ въ Польшу: онъ не стѣснялся въ выборѣ средствъ, гдѣ нужно—сѣя раздоръ, гдѣ нужно — обнаруживая фанатическую строгость, гдѣ нужно—пуская въ ходъ инсинуацію, проповѣдуя насиліе надъ протестантами, уча, что клятва, данная еретикамъ, не дѣйствительна; онъ ловко пользовался слабыми сторонами противника, умѣя всегда найтись, отличаясь какой-то особой изобрѣтательностью въ выборѣ средствъ, знаніемъ страны и людей. Его эпархія не была чисто польской, но онъ былъ главнымъ борцомъ католицизма въ Польшѣ съ самаго начала реформаціи. Прусскій городъ Гейльсбергъ былъ центромъ остатковъ польскаго католицизма: сюда стекались вѣсти изъ всѣхъ даже захолустій Рѣчи Посполитой и отсюда летѣли письма къ королю, къ епископамъ, къ магнатамъ, къ правительственнымъ агентамъ. Время отъ времени Гозій появляется на самой аренѣ борьбы, наблюдаетъ за польскимъ духовенствомъ на синодахъ, на сеймахъ. Гозій видѣлъ слабыя стороны польскаго протестантизма: по его словамъ, „междоусобіе еретиковъ было залогомъ мира для церкви", и онъ ждалъ только, чтобы „еретики перегрызли и пережрали другъ друга". Онъ добивался для антитринитаріевъ свободы слова и дѣйствія, чтобы сѣять раздоръ среди нововѣровъ, а проповѣдуя, что всѣ соглашенія враждующихъ сектъ—чистѣйшій обманъ, дискредитировалъ ихъ въ глазахъ общества. Съ торжествомъ указывалъ онъ на антитринитаризмъ, какъ на зрѣлый плодъ самовольнаго выступленія изъ церкви, и въ то же время чутко прислушивался къ выраженіямъ разочарованія, начинавшаго овладѣвать обществомъ послѣ первыхъ успѣховъ реформаціи, которые, однако, не привели

ни къ какимъ прочнымъ результатамъ: онъ угадывалъ, что подготовляется для реакціи почва, и видѣлъ, какъ ею воспользоваться, чтобы эта почва произвела плоды въ духѣ его пониманія христіанства въ неразлучномъ соединеніи съ идеей католической церкви подъ абсолютнымъ главенствомъ папы. Онъ понялъ, какое орудіе—іезуиты въ борьбѣ съ протестантизмомъ, съ индифферентизмомъ и вольномысліемъ, и призвалъ іезуитовъ въ Польшу. Не мало содѣйствовалъ онъ и тому, чтобы сохранить короля и епископатъ хоть наружно вѣрными католицизму, пока на помощь не придетъ орденъ, который онъ задумалъ призвать еще въ 1554 г.: на Сигизмунда-Августа онъ дѣйствовалъ, указывая на политическую неблагонадежность панско-шляхетскаго протестантизма, а епископамъ внушалъ мысль, что только въ тѣсномъ единеніи съ Римомъ спасеніе всѣхъ ихъ привилегій, хотя своими обличеніями испорченности клира онъ думалъ дѣйствовать на него и воспитательнымъ образомъ. Это было какое-то соединеніе средневѣкового аскета съ дипломатомъ эпохи Возрожденія, и хотя онъ не былъ формальнымъ іезуитомъ, онъ, собственно говоря, началъ въ Польшѣ еще до прибытія въ ея предѣлы „Общества Іисуса“ ультрамонтанско-іезуитскую реакцію, которая такъ глубоко въѣлась въ позднѣйшую Рѣчь Посполитую.

Іезуиты въ Рѣчи Посполитой начали свою дѣятельность съ педагогики. Въ XVI в. краковская академія и ея „колоніи“ сильно поотстали отъ подобныхъ учрежденій на Западѣ, и шляхта не разъ жаловалась на духовенство, что оно плохо учитъ, а между тѣмъ, стремленіе къ образованію составляетъ одну изъ самыхъ почтенныхъ чертъ тогдашняго польскаго общества. Что касается до школъ протестантскихъ, то большею частью это были элементарныя училища съ вѣроисповѣднымъ характеромъ. О приглашеніи іезуитовъ [1]) заговорили было на варшавскомъ синодѣ 1561 г., но тогда многіе члены воспротивились, говоря, что въ самой Польшѣ найдутся люди, которые съ охотой и умѣніемъ займутся воспитаніемъ юношества, если имъ хорошо будутъ платить, но дѣло не двигалось впередъ. За вармійской и плоцкой эпархіей въ дѣлѣ открытія іезуитскихъ школъ послѣдовали и другія, и даже сами протестанты отдавали въ эти коллегіи своихъ дѣтей. Впослѣдствіи только одни социніане могли своей раковской академіей и другими подобными учрежденіями соперничать съ іезуитами на педагогическомъ поприщѣ: въ социніанскія школы

[1]) Первая мысль явилась еще вскорѣ послѣ основанія ордена. Bukowski, I, 567—573.

не задумывались отдавать своихъ дѣтей и католики, которымъ нравилась терпимость въ отношеніяхъ къ ученикамъ разныхъ исповѣданій и хорошіе успѣхи въ наукахъ воспитанниковъ этихъ школъ. Это — замѣчательная черта: протестантскія дѣти учились у іезуитовъ, католическія—у социніанъ, потому что родители выше всего ставили образованіе и посылали сыновей туда, гдѣ лучше, по ихъ мнѣнію, учили, не обращая вниманія на то, какой вѣры были наставники. Педагогическое дѣло іезуитовъ пошло такъ хорошо, что въ 1574 г. уже была образована въ орденѣ особая польская провинція. Іезуиты подмѣтили въ обществѣ нѣкоторые признаки возможности реакціи и ихъ эксплуатировали, особенно въ той части шляхты, которую начиналъ пугать антитринитаризмъ. Дѣйствительно, во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ были даже случаи возвращенія въ католицизмъ „по причинѣ разнообразія сектъ и проклятій, которыя онѣ одна на другую налагаютъ“, и папскій нунцій хлопоталъ даже о томъ, чтобы дать право разрѣшенія еретиковъ нѣкоторымъ ксендзамъ. Случалось и такъ, что паны и шляхтичи прогоняли изъ своихъ имѣній протестантскихъ проповѣдниковъ и водворяли въ „профанированныхъ“ костелахъ католическихъ каплановъ. Конечно, нунцій Руджіери преувеличивалъ, говоря, что за его время въ Польшѣ (1566—1568 гг.) обратилось десять тысячъ человѣкъ, и не забудемъ еще, что при обратныхъ переходахъ въ католицизмъ происходили отпаденія, особенно въ антитринитаризмъ: это было одно изъ проявленій религіозной свободы, но важно то, что были возвращенія въ католицизмъ. Со времени введенія іезуитовъ они дѣлаются чаще и систематичнѣе. Интересна исторія одного обращенія: Николай Радзивиллъ Черный послалъ своего сына, прозваннаго Сироткой, въ молодыхъ годахъ за границу для утвержденія въ кальвинизмѣ, и Сиротка не замедлилъ начать одѣвать своихъ слугъ во время ночныхъ оргій въ католическія священныя облаченія, но около 1572 г. онъ дѣлается отчаяннымъ папистомъ: изъ имѣній Радзивилловъ изгоняются кальвинисты, костелы возвращаются католикамъ, школы и типографіи отдаются іезуитамъ, скупаются протестантскія книги и сжигаются рукою палача на виленскомъ рынкѣ на сумму въ пять тысячъ дукатовъ; самъ Сиротка предпринимаетъ пилигримство въ Палестину (1582—84 гг.), по чистымъ четвергамъ омываетъ ноги двѣнадцати нищимъ и т. п. Братья Сиротки—Юрій дѣлается виленскимъ епископомъ, потомъ кардиналомъ, желаетъ вступить въ орденъ іезуитовъ, Станиславъ поддерживаетъ виленскихъ отцовъ ордена. Примѣръ Радзивилловъ, „обработанныхъ“ іезуитами, нашелъ по-

дражателей и въ болѣе мелкой литовской шляхтѣ. Понятно, что кто проходилъ новую школу, былъ уже инымъ человѣкомъ: іезуиты подстрекали своихъ учениковъ ко всякимъ насиліямъ надъ протестантами, и Хроника краковскаго сбора Войцѣха Венгерскаго, напр., полна описаніями подвиговъ, совершавшихся „жаками“, т.-е. школьниками. Первое нападеніе на краковскую протестантскую церковь академическіе „жаки“ сдѣлали въ 1574 г., разнесши ее и даже убивши двухъ защитниковъ „сбора“. Городскія власти не могли ничего сдѣлать: „сборъ“ охранялся особой привилегіей Сигизмунда-Августа, но за „жаковъ“ была толпа. Правда, пять человѣкъ было казнено, за то Гозій изъ Рима поощрялъ героевъ, „достойныхъ вѣчной памяти и того, чтобы прославиться во всей церкви“ за разрушеніе „синагоги сатаны“. Въ 1575 г. въ Краковѣ было сдѣлано нападеніе на протестантское кладбище, „вытащили изъ гробовъ тѣла знатныхъ людей, ставили вверхъ ногами, всячески надъ ними издѣвались, поразваляли ограду и иныя инсоленціи безбожныя и почти поганскія чинили“. Въ 1577 г. повторяется нападеніе на кладбище, въ 1578 г. выбрасываютъ изъ гроба тѣло протестантки во время похоронной процессіи. Герои—всегда школьники. Въ 1579 году „жаки“ изъ школы Дѣвы Маріи, св. Стефана и св. Анны производятъ новое покушеніе на „сборъ“, но ограничиваются выбитіемъ стеколъ въ окнахъ. Разграбленія „сбора“ повторяются въ 1587 и 1591 г., такъ что протестанты не возобновляютъ болѣе своего храма, а переносятъ его за милю отъ Кракова въ Александровицы, имѣніе Станислава Карминскаго, но въ 1613 г. студенты и школьники добираются и до новаго „сбора“, ранятъ сеньора „сборовъ“ заторскаго дистрикта Варѳ. Битнера и жгутъ плебанію, такъ что церковь переносятъ снова въ другое имѣніе. Многіе краковскіе протестанты даже сочли себя вынужденными переселиться въ Торнъ, Данцигъ и другіе города. Въ Познани, гдѣ іезуиты завели школу въ 1573 г., дѣлается то же самое, такъ что и здѣсь съ 1616 — 17 гг. не было больше „синагогъ сатаны“. Антитринитаріи подвергаются такимъ же насиліямъ; намъ уже извѣстно, какой опасности подвергся Ф. Социнъ въ Краковѣ въ 1598 г. Можно сказать, что нападенія на протестантовъ и особенно на ихъ „сборы“ входили въ учебный планъ іезуитовъ. На жалобы познанскихъ протестантовъ, у которыхъ „жаки“ поджигали церкви, іезуиты отвѣчали, что ихъ ученики заслуживаютъ всякой похвалы за ревность къ вѣрѣ. Пожаръ лютеранской кирки въ Познани, произведенный „жаками“ же, ихъ воспитатели комментировали брошюрой О сборѣ еретическомъ въ Познани

краткое разсужденіе, въ которомъ даются причины, по коимъ его милость ксендзъ бискупъ справедливо еретикамъ сборъ въ Познани строить запретилъ и запретить долженъ (1614). Кромѣ школъ, іезуиты дѣйствовали проповѣдью, публичными диспутами (часто поддѣльными), печатной пропагандой (первое польское іезуитское сочиненіе: Postylla catoliczna Вуйка 1575 г.) и т. п. До іезуитовъ вся почти польская печать была въ рукахъ нововѣровъ: историкъ реформаціи въ Польшѣ, ксендзъ Буковскій говоритъ, что до 1564 г. протестантскія сочиненія были численнѣе католическихъ, что послѣднихъ до 1570 г. можно насчитать два-три десятка только, и что въ 1572 г. протестантскихъ типографій было больше, чѣмъ католическихъ [1]). Въ первой четверти XVII в. съ іезуитами въ развитіи литературной дѣятельности могли потягаться развѣ одни социніане, вообще немало потрудившіеся на этомъ поприщѣ.

Такъ дѣйствовали іезуиты на общество, но предстояло еще повліять на духовенство, особенно высшее, которое плохо защищало вѣру, мечтало о „костёлѣ народовомъ“ и сопротивлялось принятію тридентскихъ постановленій. Недостатокъ въ католическомъ убѣжденіи замѣнялся у епископовъ сознаніемъ опасности отъ протестантизма для ихъ правъ и привилегій: Гозій и іезуиты ловко эксплуатировали боязнь епископата и указывали на единую „спасающую“ церковь, ибо путь національнаго собора былъ все-таки довольно скользкій,—что еще изъ него выйдетъ. Въ 1571 г. Коммендоне снова пріѣхалъ въ Польшу, гдѣ мысль о національномъ соборѣ все еще была сильна, и бракоразводный планъ Сигизмунда-Августа грозилъ еще повтореніемъ исторіи съ Генрихомъ VIII. Но въ 1572 г. Сигизмунда-Августа не стало, и папскому нунцію предстояла новая задача: династія Ягеллоновъ прекращалась, и для Рима было небезразлично, кто займетъ престолъ, т.-е. нуженъ былъ во что бы то ни стало католикъ, и католикъ, обязанный выборомъ только однимъ католикамъ. Съ своей стороны папа въ этомъ же смыслѣ писалъ польскимъ епископамъ, совѣтуя имъ дѣйствовать согласно съ указаніями Коммендоне.

Въ это безкоролевье 1572—73 гг. [2]) папскому нунцію уда-

---

[1]) Bukowski. I, 467. Изъ новыхъ историковъ польской реформаціи на протестантскую и католическую литературу обратилъ вниманіе Буковскій (I, 440 sq., 465 sq.) и Koniecki, Geschichte der Reformation in Polen, стр. 115 sq., (у послѣдняго одна протест. литература). Теологическихъ сочиненій и протестанты писали мало.

[2]) По исторіи этого безкоролевья см. сочиненія, кромѣ современныхъ описаній Оржельскаго, Соликовскаго, Гейденштейна и др.: Pilinski, Das polnische Interreg-

лось положить вообще начало католической партіи въ Польшѣ. Пріѣздъ Коммендоне особенно привѣтствовалъ куявскій епископъ Станиславъ Карнковскій (впослѣдствіи примасъ), какъ прибытіе „божественной силы, сошедшей какъ бы съ неба". Карнковскій былъ представителемъ новой генераціи въ польскомъ епископатѣ: епископъ куявскій съ 1567 г., онъ велъ дѣятельную борьбу съ протестантизмомъ въ своей епархіи, а послѣ отъѣзда Гозія изъ Польши онъ принялъ оставленное имъ наслѣдство — стоять во главѣ католиковъ, такъ что Гозію пришлось даже сдерживать пылъ Карнковскаго, желавшаго пустить въ ходъ въ борьбу съ ересью самыя радикальныя средства. Съ самаго же начала онъ сталъ также хлопотать о томъ, чтобы польское духовенство приняло постановленія Тридентскаго собора, но это случилось только на піотрковскомъ синодѣ, 1577 г., собранномъ по настоянію Карнковскаго же и уже, конечно, не съ тѣми цѣлями, съ какими добивался синода прежде Уханскій: послѣдній на этотъ разъ даже долгое время противодѣйствовалъ такому собранію, но энергичный епископъ настоялъ на своемъ [1]. Съ Гозіемъ до самой его смерти Карнковскій былъ въ перепискѣ. И по личному характеру куявскій епископъ былъ самымъ подходящимъ человѣкомъ для того, чтобы стать во главѣ политической партіи: страстное честолюбіе, знаніе людей, умѣніе ими пользоваться, беззастѣнчивость въ выборѣ средствъ, убѣжденіе въ собственныхъ силахъ и даже собственной непогрѣшимости соединялись въ немъ съ теоріей о необходимости все подчинять авторитету церкви, и воскрешая средневѣковые теократическіе идеалы, онъ готовъ былъ поддерживать и всякій свѣтскій абсолютизмъ, если чрезъ него надѣялся установить абсолютизмъ церковный. Карнковскій былъ силой, а въ числѣ польскихъ епископовъ были люди, готовые пристать ко всякому сильнѣйшему, особенно, напр., познанскій епископъ Адамъ Конарскій. Гозій и Коммендоне поняли, что̀ могъ значить этотъ человѣкъ: около него легко было образовать партію. За три года до смерти Сигизмунда-Августа вліятельный протестантскій панъ Альбрехтъ Ласкій перешелъ въ католицизмъ и сдѣлался вскорѣ

---

num von 1572—73. Heidelberg, 1861 (по-польски Краковъ 1872); Marquis de Noailles, Henri de Valois et la Pologne en 1572. P. 1867; Reimann, Die polnische Königswahl von 1573. Der Kampf Roms gegen die religiöse Freiheit Polens in den Jahren 1572 und 1574 (Histor. Zeitschrift. 1864. XI-XII). Tomek, Snahy domu rakauského o nabyti korune polske v. XVI stuleti (Casop. Mus. Cesk. 1851). Въ русской литературѣ: Трачевскій, Польское безкоролевье по прекращеніи династіи Ягеллоновъ. М. 1869; Уманецъ. Два года послѣ Ягеллоновъ (вторая часть „Вырожденія Польши". Спб. 1872).

[1]) Pawiński, Synod piotrkowski w roku 1577 (Źródła dziejowe, томъ IV).

ревностнымъ поклонникомъ Коммендоне. Папскій нунцій свелъ Альбрехта Ласкаго съ куявскимъ епископомъ, взявъ съ нихъ клятву въ томъ, что они будутъ дѣйствовать заодно въ дѣлѣ избранія новаго короля, а въ случаѣ разногласія прибѣгать къ его посредничеству. Къ этому дуумвирату присоединился тоже вліятельный среди мало-польской шляхты Андрей Зборовскій, почитатель іезуитовъ и поклонникъ Коммендоне, а у Андрея Зборовскаго былъ братъ протестантъ, по имени Петръ, воевода сандомірскій, человѣкъ самолюбивый, стремившійся къ первенству среди нововѣровъ и даже предсѣдательствовавшій на сандомірскомъ синодѣ 1570 г.: его тоже привлекли на сторону партіи. Дѣло въ томъ, что у Петра Зборовскаго былъ соперникъ, маршалокъ великій коронный Янъ Фирлей, утянувшій у него изъ-подъ носа краковское воеводство, а по смерти Сигизмунда-Августа самый вліятельный человѣкъ не только среди мало-польской шляхты протестантскаго исповѣданія, но и вообще во всей Малой Польшѣ. Петръ Зборовскій предпочелъ получить религіозную свободу изъ рукъ короля-католика, чѣмъ короля-протестанта изъ рукъ своего врага Яна Фирлея, а тутъ Коммендоне черезъ Андрея Зборовскаго возбуждалъ въ сандомірскомъ воеводѣ подозрѣнія на счетъ какихъ-то замысловъ маршалка великаго короннаго. Папскому нунцію удалось еще присоединить двухъ литовскихъ вельможъ, обращенныхъ имъ въ католицизмъ, — Яна Ходкѣвича и Николая Радзивилла Сиротку. Это не была еще организованная партія, и вообще такихъ партій съ ясно опредѣленными цѣлями въ первое безкоролевье не было, но начало было положено.

Кандидатомъ Коммендоне былъ одинъ изъ сыновей императора Максимиліана II, которыхъ воспитывала въ Мадридѣ ихъ мать, сестра Филиппа II, и папа Григорій XIII былъ за эту кандидатуру. Планъ Коммендоне былъ такой: императоръ пришлетъ блестящее посольство изъ католиковъ, а потомъ самъ или сынъ его Эрнестъ станетъ съ нѣсколькими эскадронами конницы въ Бреславлѣ; Литва (т.-е. Ходкѣвичъ и Радзивиллъ) провозгласитъ своимъ великимъ княземъ эрцгерцога, за него подымется въ Польшѣ Альбрехтъ Ласкій съ войсками, навербованными на нѣмецкія деньги, а тутъ подоспѣетъ и императоръ или его сынъ. Но императоръ хотѣлъ дѣйствовать строго легальнымъ путемъ, да и Карнковскій былъ противъ этой кандидатуры. Куявскій епископъ сначала хлопоталъ въ пользу Ивана Грознаго, разсчитывая, что онъ будетъ служить Господу ревностно, такъ какъ москали еретиковъ ненавидятъ, но потомъ перешелъ къ мысли папскаго нунція Портико о сестрѣ покойнаго короля, старой

дѣвѣ Аннѣ, которую легко было забрать въ руки. Между тѣмъ, въ Польшу пріѣхали и французскіе агенты съ кандидатурой Генриха Анжуйскаго, брата Карла IX, незадолго устроившаго варѳоломеевскую ночь: крайнимъ реакціонерамъ нравился герой этой рѣзни, но его агентъ Монлюкъ зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло,—и не переставалъ твердить, что Генрихъ—врагъ всякихъ преслѣдованій за вѣру, что онъ хочетъ царствовать въ странѣ, гдѣ господствуетъ свобода совѣсти. Въ самомъ дѣлѣ, даже Зборовскій—католикъ и Ласкій были противъ парижской кровавой свадьбы, но кандидатура была ими принята, схватился за нее и Карнковскій, и Коммендоне пришлось уступить [1]). Но если голоса и раздѣлялись въ этомъ кружкѣ, стремившемся образовать цѣлую партію, то никто въ концѣ-концовъ не велъ въ Польшѣ такой послѣдовательной линіи, какъ кружокъ, состоявшій изъ Коммендоне, Карнковскаго, Ласкаго и братьевъ Зборовскихъ, причемъ главнымъ его дѣятелемъ былъ именно еп. куявскій, который дорожилъ нестолько личностью кандидата, сколько политическими принципами, и нужно отдать ему справедливость: дѣйствовалъ онъ необыкновенно ловко.

Примасомъ былъ все еще Уханскій, а извѣстно, чего хотѣлъ гнѣзненскій архіепископъ. Въ данный моментъ онъ намѣревался одновременно съ „конвокаціоннымъ“ сеймомъ въ безкоролевье устроить и синодъ, который ради религіознаго мира сдѣлалъ бы уступки разновѣрцамъ. Карнковскій, поддерживаемый Коммендоне, протестовалъ противъ намѣренія созвать синодъ въ безкоролевье и даже съумѣлъ перетянуть честолюбиваго архіепископа на свою сторону, провозгласивъ, что примасъ во время безкоролевья является „интеррексомъ“, заступаетъ въ междуцарствіе мѣсто короля, вообще посредничаетъ между государемъ и государствомъ и призываетъ народъ къ сопротивленію противъ недостойнаго короля. Это было очень ловко: однимъ ударомъ Карнковскій привлекалъ Уханскаго на свою сторону, отклонялъ его отъ плановъ его насчетъ національнаго собора и въ то же время возвышалъ политическое значеніе клира. Современники поняли, куда клонились идеи куявскаго епископа: на конвокаціонномъ сеймѣ шляхта протестовала противъ исключительнаго права примаса во время безкоролевій, опасаясь,—какъ сказано въ сдѣланной спеціально по этому поводу нѣкоторыми земскими послами Протестаціи,—какъ бы отъ этого не пострадали государство и шляхетская вольность

[1]) Не имѣя въ виду всей исторіи перваго безкоролевья, мы не разсматриваемъ судьбы всѣхъ кандидатуръ. Кромѣ австрійской, московской и французской кандидатуръ, были еще и другія.

и Рѣчью Посполитою не завладѣла бы папская курія, чтобы посадить своего короля. Споръ окончился компромиссомъ: терминъ interrex (безкороль) былъ уничтоженъ, но за примасомъ признано право созывать сеймы во время безкоролевій. Карнковскій хлопоталъ о первенствѣ Уханскаго потому, что мало-польскіе протестанты выдвигали на первый планъ значеніе маршалка великаго короннаго, а таковымъ былъ, какъ мы знаемъ, Янъ Фирлей, и это же заставило Уханскаго тѣснѣе соединиться съ католиками, такъ какъ главная оппозиція противъ его исключительнаго положенія шла именно со стороны протестантовъ. Оставалось назначить мѣсто королевской элекціи: Янъ Фирлей указывалъ на Люблинъ, надѣясь, что мало-польская шляхта обезпечитъ возможность выбрать въ короли протестанта или такого католика, который утвердитъ религіозную свободу, но на конвокаціонномъ сеймѣ, происходившемъ въ Варшавѣ, мало-полянамъ не повезло. Варшава, главный городъ Мазовіи, была центромъ незапятнаннаго католицизма, а мелкая мазовецкая шляхта совершенно невѣжественна, но именно этотъ католицизмъ привлекалъ Карнковскаго къ Варшавѣ, а невѣжество мѣстной шляхты, даже не знавшей хорошенько, кто были кандидаты, особенно располагало французскаго агента Монлюка въ пользу этого города, и онъ усиленно хлопоталъ въ одномъ смыслѣ съ Карнковскимъ: ожидали особаго наплыва на сеймъ именно этой шляхты, а голоса должны были и имѣли право подавать всѣ шляхтичи. Петръ Зборовскій съ своей партіей, желая имѣть королемъ Генриха Анжуйскаго, тоже высказался за Варшаву, а между тѣмъ, протестанты и кандидата-то не имѣли, колеблясь между Іоанномъ III шведскимъ, семиградскимъ воеводой Стефаномъ Баторіемъ, Альбертомъ-Фридрихомъ прусскимъ и т. п., хотя подъ конецъ часть протестантской шляхты и сошлась на шведскомъ королѣ. Куда мѣтилъ вообще Карнковскій, можно видѣть изъ того, что̀ онъ еще задумывалъ: нужно было выработать самую форму избранія короля, и конвокаціонный сеймъ поручилъ это дѣло коммиссіи, въ которой епископъ куявскій игралъ видную роль, — вотъ онъ и предложилъ: рѣчи иностранные послы въ пользу своихъ кандидатовъ будутъ держать въ сенатѣ, résumé принадлежитъ примасу, и онъ же будетъ устраивать соглашеніе между всѣми земскими послами на выборѣ одного. Этотъ планъ не прошелъ, но у Карнковскаго было много и иныхъ хлопотъ, чтобы поддержать французскую кандидатуру.

Извѣстно, что королемъ былъ избранъ Генрихъ. Петръ Зборовскій съ братьями, съ Ласкимъ, Ходкѣвичемъ и Радзивилломъ

готовы были поддержать французскаго кандидата съ оружіемъ въ рукахъ, а когда выборъ состоялся, многіе каштеляны и воеводы противной стороны собрались у Грохова, не желая признать элекціи. Элекціонное поле готово было превратиться въ поле битвы, но дѣло кончилось переговорами. Выборъ Генриха Анжуйскаго былъ значительной побѣдой реакціи: не будь протестантскому маршалку коронному противопоставленъ примасъ, не будь послѣдній отклоненъ отъ своихъ мыслей о національной церкви и связанъ тѣсными узами съ зародышемъ католической партіи, оставайся еще Ласкій, Ходкѣвичъ, Радзивиллъ въ протестантизмѣ, не съумѣй Коммендоне перетянуть на свою сторону Петра Зборовскаго, не явись въ польскомъ епископатѣ такого человѣка, какъ Карнковскій, да не заключи реакція союза съ невѣжествомъ мазовецкой шляхты, не былъ бы выбранъ Генрихъ Анжуйскій, могъ легко даже быть избранъ протестантъ. Но въ томъ-то и дѣло еще, что протестантовъ ослабило соперничество Яна Фирлея и Петра Зборовскаго, и что они не выказали особой энергіи въ проведеніи своихъ кандидатовъ, а между тѣмъ, на сторонѣ протестантовъ было образованіе, была извѣстная опытность, вынесенная изъ сеймовъ предыдущей эпохи: раздѣленіе было побѣждено интригой и невѣжествомъ.

Коммендоне провалился съ своей австрійской кандидатурой, но у него была еще одна задача—не допустить легализированія вѣротерпимости, религіозной свободы. Іезуиты дѣлали свое дѣло и перевоспитывали польскую шляхту, неспособную идти на ножи изъ-за различія религіозныхъ мнѣній, но нунцію этого, конечно, было мало: существовавшая пока только de facto религіозная свобода имѣла свой главный корень въ нравахъ общества, но она могла получить легальную силу, санкцію закона, превратиться въ свободу de jure, а тогда о насильственномъ подавленіи протестантизма и думать было бы нечего. Идея свободы совѣсти начинала уже укореняться въ польскихъ умахъ, и не даромъ разные кандидаты на польскій престолъ завѣряли поляковъ, что будутъ поддерживать религіозную свободу. Австрійская кандидатура находила даже поддержку въ части протестантской шляхты, и вѣротерпимость Максимиліана II выставлялась на видъ; ту же гарантію, думали, представляетъ и кандидатура Ивана Грознаго, который, говоря съ польскими послами, безъ негодованія отнесся къ „людямъ вѣры Лютера Мартина, что образа разрушаютъ" (burzą), какъ сказано въ польскомъ денесеніи. Французскій агентъ Монлюкъ всячески выхвалялъ своего принца—и что умѣренный онъ человѣкъ, и что религію онъ оставитъ въ томъ положеніи,

въ какомъ она находится. Варѳоломеевская ночь оттолкнула-было поляковъ отъ Франціи и вызвала противъ нея рядъ памфлетовъ, такъ что Монлюкъ уже считалъ свое дѣло проиграннымъ, напрягъ всѣ свои силы и счелъ нужнымъ защищаться въ отвѣтныхъ памфлетахъ. Знаменитый Янъ Замойскій, которому „лучше было не родиться, чѣмъ не быть католикомъ", и который „готовъ былъ отдать полъ-жизни, чтобы видѣть католиками другихъ", и тотъ былъ за свободу въ дѣлахъ вѣры и соглашался „скорѣе умереть, чѣмъ потерпѣть, чтобы одинъ хоть полякъ насильно былъ вынужденъ принять католицизмъ".

Еще до избранія Генриха на конвокаціонномъ сеймѣ 1573 г. шляхта составила генеральную варшавскую конфедерацію, изъ десяти пунктовъ которой для насъ важны три: во второмъ говорилось, что имѣющій быть избраннымъ король долженъ присягнуть въ сохраненіи религіознаго мира между несогласными въ вѣрѣ (dissidentes de religione), а третій пунктъ во избѣжаніе какого-либо междоусобія по причинѣ несогласія въ религіи заключалъ въ себѣ торжественное и клятвенное объявленіе подписавшихся, что они будутъ соблюдать религіозный миръ, не будутъ другъ друга преслѣдовать, а также не станутъ помогать въ этомъ никакой власти или ея органамъ и даже будутъ сопротивляться. Эта свобода, однако, была чисто шляхетской, ибо четвертый пунктъ конфедераціи гласилъ такъ: этимъ „мы вовсе не ослабляемъ власти какъ духовныхъ пановъ, такъ и свѣтскихъ надъ ихъ подданными и не нарушаемъ повиновенія подданныхъ своимъ господамъ"... такъ что „каждый панъ и нынѣ, какъ это и прежде всегда бывало, воленъ наказывать своего непослушнаго подданнаго какъ въ духовныхъ, такъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ (tam in spiritualibus, quam in saecularibus)". Это своего рода—cujus regio, ejus religio.

Подъ конфедераціей подписались всѣ сенаторы свѣтскіе безъ различія вѣроисповѣданія и почти всѣ земскіе послы, а также епископъ Красинскій, но Уханскій, по настоянію Коммендоне, и остальные не подписались: имъ казалось, что „еретики" требовали себѣ больше, чѣмъ имъ дано во Франціи и Германіи, и оскорблялись выраженіемъ „dissidentes de religione", коимъ всѣ „секты" ставились на одну доску съ католицизмомъ. Часть велико-полянъ и мазовшане также отвергли конфедерацію на своихъ сеймикахъ въ Шродѣ и Варшавѣ. Духовенство особенно противъ нея агитировало: она открываетъ путь ересямъ и безбожію, уничтожаетъ всякую власть, дѣлаетъ возможными подъ покровомъ христіанской свободы крестьянскія возстанія, дозволитъ королю

самому перейти въ какую-либо секту, не признающую присяги и т. п. Въ этомъ спорѣ католическая партія стала еще сильнѣе сплачиваться, хотя Петръ Зборовскій отсталъ отъ нея и перешелъ къ своему врагу Яну Фирлею, какъ только дѣло коснулось конфедераціи. Янъ Фирлей, съ своей стороны, дѣятельно хлопоталъ, чтобы религіозная конфедерація была включена въ королевскую присягу, и коммиссія, выработавшая такъ называемыя „Генриховы статьи“ (Articuli Henriciani), т.-е. новый законъ объ организаціи верховной власти въ Польшѣ, внесла въ нихъ параграфъ, по коему король долженъ былъ „вѣчно наблюдать особенную конфедерацію, заключенную для охраны религіознаго мира нѣкоторыми обывателями польскаго государства“. Значительное большинство католическихъ пановъ дало свое согласіе на этотъ параграфъ, но епископы, капитулы и мелкая католическая шляхта были противъ, и соглашенія не состоялось. Петръ Зборовскій, сторонникъ Генриха, писалъ его брату Карлу IX письмо въ защиту протестантовъ и французскихъ, а Генрихъ особымъ письмомъ завѣрялъ польскаго пана, что религіозный миръ не будетъ нарушенъ. Въ рѣшительный моментъ, когда элекціонное поле подъ Варшавой готово было сдѣлаться полемъ битвы, Зборовскій перешелъ на сторону Фирлея, требовавшаго принятія „Генриховыхъ статей“. Тогда только статьи были приняты, была скрѣплена печатями и многими подписями генеральная конфедерація, а въ договорные пункты съ новымъ королемъ включены слова, которыя должны были войти и въ формулу присяги: „я буду охранять и поддерживать миръ и спокойствіе между несогласными въ вѣрѣ и никакимъ образомъ, ни собственною властью, ни властью моихъ чиновниковъ или какихъ-либо чиновъ (statuum quorumvis authoritate) не позволю кого-либо преслѣдовать и притѣснять изъ-за вѣры, ниже самъ ни притѣснять, ни преслѣдовать не буду“. Янъ Фирлей заставилъ французскихъ пословъ поклясться, что Генрихъ дастъ такую присягу, но Уханскій составилъ оффиціальный протестъ, подъ которымъ подписались, кромѣ епископовъ, Альбрехтъ Ласкій, Радзивиллъ и нѣсколько шляхтичей. Папа, довольный выборомъ, былъ противъ присяги пословъ, такъ какъ „не можетъ быть согласія между Христомъ и Беліаломъ“, а Гозій, тоже обрадованный выборомъ, хотѣлъ изъ Рима самъ ѣхать въ Парижъ, чтобы удержать Генриха отъ произнесенія требуемой отъ него присяги, но долженъ былъ ограничиться посылкой въ столицу Франціи своего секретаря Решки. Новый король еще въ Парижѣ, однако, присягнулъ, опасаясь потерять корону. Ему дали знать, что генеральная конфедерація, не будучи выраженіемъ воли всего

народа, не имѣетъ законной силы, и онъ принялъ это къ свѣденію: была лазейка, чтобы вообще обойти стѣснительныя условія элекціи. И католическая партія не дремала: еще предстояла коронація въ Краковѣ, и „такъ какъ несправедливая клятва не связываетъ“, то дѣло считалось поправимымъ. Коммендоне, кромѣ того, заслалъ на встрѣчу новому королю своего агента, который сталъ совѣтовать Генриху опираться на однихъ католиковъ, не оказывать милостей протестантамъ, не поручать еретикамъ важныхъ должностей, ибо это—лучшее средство заставить ихъ убѣдиться въ своихъ заблужденіяхъ. Сверхъ того, составленъ былъ заговоръ съ цѣлью выкинуть изъ королевской присяги ненавистную статью во время самой коронаціи, и вотъ когда въ краковскомъ соборѣ дошло дѣло на коронаціи до чтенія присяжнаго листа, архіепископъ выпустилъ изъ него параграфъ о диссидентахъ: тогда Янъ Фирлей прервалъ церемонію и, положивъ руку на корону, требовалъ прочтенія статьи,—но затѣмъ слѣдуютъ противорѣчивыя показанія свидѣтелей и современниковъ, что было далѣе, только Генрихъ, подтвердивъ всѣ условія своего избранія, на коронаціонномъ сеймѣ, сдѣлалъ исключеніе для „спорныхъ артикуловъ“ съ отсылкою ихъ на разсмотрѣніе сеймиковъ. Кажется, впрочемъ, что присяга была принесена, хотя и при протестѣ Уханскаго, но коронаціонный сеймъ уничтожилъ ея силу. Въ упорномъ сопротивленіи нѣкоторыхъ католиковъ закону о религіозной свободѣ можно видѣть дѣло рукъ Гозія, который и послѣ не оставлялъ своими совѣтами короля польскаго, когда онъ покинулъ тайно свое новое королевство.

IX.

Побѣда католической реакціи и гибель протестантизма.

Польша въ 1572 и въ 1574 годахъ.—Результаты бѣгства Генриха.—Антагонизмъ „можновладства“ и рыцарства.—Религіозныя убѣжденія Стефана Баторія.—Его политика по отношенію къ диссидентамъ.—Консолидація католицизма и іезуиты.—Новое безкоролевье.—Борьба реакціи съ протестантизмомъ въ царствованіе Сигизмунда III.—Упадокъ протестантизма и усиленіе іезуитизма.—Проповѣдь золотой вольности.—Положеніе дѣлъ при Владиславѣ IV.—Изгнаніе антитринитаріевъ.—Притѣсненія диссидентовъ.

Немного времени—два года, но полныхъ и двухъ лѣтъ не прошло со дня смерти Сигизмунда-Августа (7 іюля 1572) до бѣгства короля Генриха отъ польскихъ подданныхъ на вакантный тронъ Франціи (18 іюля 1574), а уже въ Польшѣ про-

изошла большая перемѣна. Если посравнить то, что́ было въ Рѣчи Посполитой до 1572 г., съ тѣмъ, что̀ многое представляло въ ней изъ себя въ 1574 г., когда началось новое безкоролевье [1]), то разница будетъ замѣчена большая. Для насъ особенно важенъ успѣхъ католической реакціи. Во-первыхъ, у нея была цѣлая программа дѣйствій—не допускать внесенія религіозной свободы въ законы государства, имѣть королемъ непремѣнно католика, опираться главнымъ образомъ на мелкую и необразованную мазовецкую шляхту и быть въ постоянномъ единеніи съ Римомъ, который лучше всего обезпечитъ за духовенствомъ его привилегіи: до 1572 года этой программы еще не существовало. Во-вторыхъ, начинала формироваться католическая партія, которой также еще не было въ 1572 году: въ началѣ безкоролевья Коммендоне едва имѣетъ на своей сторонѣ небольшой кружокъ вліятельныхъ, правда, лицъ, но все-таки только кружокъ, а въ концѣ разрозненные дотолѣ католики уже составляютъ изъ себя партію, выступающую противъ дарованія диссидентамъ такихъ же правъ, какія принадлежали приверженцамъ старой церкви. Въ-третьихъ, реакція показала свою силу: все случилось въ ея пользу. Силу эту уже чувствуютъ протестанты: они не мечтаютъ болѣе о полной побѣдѣ надъ католицизмомъ, хотятъ обезопасить себя отъ возможности подвергнуться легальнымъ преслѣдованіямъ, и имъ не удается даже осуществить законнымъ путемъ это скромное желаніе. До 1572 г. протестантизмъ наступалъ, католицизмъ оборонялся, но оборона была слаба: въ 1572—74 г. католицизмъ переходитъ въ наступленіе, и разновѣрству приходится только защищаться. И другіе успѣхи дѣлаетъ реакція: педагогическая и проповѣдническая дѣятельность іезуитовъ подготовляетъ для зарождающейся партіи широкую основу въ массѣ фанатизируемаго ими юношества. Замѣтимъ, что не прошло и трехъ мѣсяцевъ послѣ „утечки“ Генриха, какъ въ Краковѣ „жаки“ сдѣлали первое нападеніе на кальвинскій „сборъ“,—начало множества дѣяній подобнаго рода. Новое поколѣніе воспитывалось прямо въ реакціонномъ духѣ. Тѣ люди, которые дѣйствовали въ Польшѣ въ эпоху Генриха Валуа, казались Риму черезъ-чуръ терпимыми, и Римъ упрекалъ ихъ, что еретики съумѣли ихъ словить на красивыя слова о „согласіи и братствѣ“. Одна мазовецкая шляхта была образцомъ католиче-

[1]) Hüppe, De Poloniae post Henricum interregno (1575—76). Бреславль, 1866; Уманецъ. Русско-литовская партія въ Польшѣ 1574 — 76. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1875. XII). Особенно Zakrzewski, Po ucieczce Henryka (1574—75). Kraków. 1878.

скаго правовѣрія, но новое поколѣніе воспитывалось именно по этому самому образцу. Просвѣщенная протестантская шляхта, мечтавшая все еще о „направѣ Рѣчи Посполитой“ [1], потерпѣла новое политическое пораженіе отъ епископовъ: Риму нужно было удержать ихъ за собой, самимъ имъ нужно было сохранить свое положеніе въ государствѣ, и „направа“ съ легкимъ сердцемъ была принесена въ жертву этимъ интересамъ съ помощью правовѣрной мазовецкой шляхты и сеймиковъ. Въ это же время уже начинала складываться теорія позднѣйшей Рѣчи Посполитой: все для шляхты, все чрезъ шляхту, и каждый шляхтичъ имѣетъ самыя широкія права. Раздоръ между велико-полянами и мало-полянами рѣшилъ дѣло въ пользу мазовшанъ, а мазовшане были за реакцію. Побѣда этой реакціи выразилась и въ побѣдѣ чисто анархическихъ элементовъ общества надъ болѣе здравыми политическими принципами земскихъ пословъ эпохи Сигизмунда-Августа.

Побѣда побѣдой, но бѣгство Генриха портило все: снова все ставилось на карту. Епископатъ былъ настроенъ монархически: онъ уже проникался идеями Тридентскаго собора, хотя и медлилъ принимать его постановленія; въ королѣ съ сильною властью онъ видѣлъ гарантію своихъ правъ и привилегій. Генрихъ позорно бѣжалъ: что если новый король не будетъ такимъ же католикомъ, да и можно ли ради святости присяги отказаться признавать бѣглеца своимъ королемъ? Не видя ничего лучшаго, духовенство стремилось удержать на тронѣ французскаго принца, такъ позорно бѣжавшаго изъ Польши, чтобы сдѣлаться за смертью брата королемъ Франціи. Объ этомъ думалъ и Гозій: онъ писалъ Генриху, писалъ и полякамъ, убѣждая особенно епископовъ не соглашаться на безкоролевье, не нарушать данной присяги. Для Карнковскаго дѣло имѣло и личный интересъ: онъ все-таки старался для выбора Генриха, а потомъ былъ его главнымъ совѣтникомъ. За бѣжавшаго готовы были стоять и Зборовскіе, и Ласкій, и многіе свѣтскіе сенаторы, которые вообще въ эту эпоху свои личные разсчеты выдвигали на первый планъ. Но шляхта судила иначе, и пришлось искать на осиротѣлый тронъ новаго короля.

Карнковскій, потерпѣвъ неудачу, отстранился отъ всякой агитаціи, и на его мѣсто выдвинулся Петръ Мышковскій, епископъ плоцкій: о немъ Гозій теперь отзывается, какъ объ естественномъ вождѣ польскаго духовенства, а о Карнковскомъ пишетъ, что „и самъ онъ онѣмѣлъ, и о немъ царствуетъ молчаніе“. Мышковскій съ

[1]) Bobrzynski, II, 106 и слѣд.

Уханскимъ устроили цѣлый заговоръ: ихъ кандидата, цесаря Максимиліана, шляхта вся не приметъ, а такъ какъ общей „сгоды“ не достигнуть, то докончить элекцію цесаря, не обращая вниманія на несогласныхъ съ нею, а тамъ протестуй себѣ, когда ужъ будетъ поздно. Уханскій такъ и сдѣлалъ и „огласилъ“ торжественно Максимиліана королемъ польскимъ. Но шляхта отвѣтила другимъ выборомъ—Анны Ягеллонки и воеводы семиградскаго Стефана Баторія, одного изъ прежнихъ кандидатовъ на польскій престолъ. Вопросъ диссидентскій, около котораго все вращалось въ первое безкоролевье, не игралъ главной роли въ этой элекціи: здѣсь столкнулись сенатъ, стоявшій за одного кандидата, и шляхта, намѣтившая другого. Еще въ первую элекцію послѣдняя была противъ австрійской кандидатуры, боясь деспотизма Габсбурговъ, которые могутъ погубить вольности Рѣчи Посполитой, а „можновладство“ дорожило императорами священной римской имперіи, какъ источникомъ почестей, раздавателями высокихъ аристократическихъ титуловъ этой имперіи, лучшими союзниками въ стремленіи пановъ создать себѣ особое положеніе въ Рѣчи Посполитой. Представителемъ „можновладства“ въ польскомъ епископатѣ и былъ Петръ Мышковскій: онъ надѣялся, что Габсбурги создадутъ въ Польшѣ аристократическую іерархію, и отъ нихъ же ожидалъ онъ спасенія католицизма. Дѣло въ томъ, что Мышковскій одинъ изъ первыхъ ввелъ въ себѣ іезуитовъ и изъ этого же ордена выбиралъ себѣ повѣренныхъ и агентовъ. Хотя онъ дѣйствовалъ съ Уханскимъ заодно, но за примасомъ все еще приходилось наблюдать: не даромъ Гозій изъ Рима хлопоталъ противъ созванія во время и этого безкоролевья провинціальнаго синода, который и теперь легко еще могъ превратиться въ національный соборъ. Шляхта не захотѣла можновладческаго выбора: выбранъ былъ не кандидатъ Мышковскаго, выбранъ былъ Стефанъ Баторій. Положеніе было опасное: семиградскій воевода въ вѣрѣ былъ очень нетвердъ, и выбрала его партія, въ которой не было ни одного епископа. Тутъ-то и наступила минута Карнковскаго: сначала онъ устранился, стушевался, горюя о Генрихѣ и понимая, что австрійская кандидатура успѣха въ шляхтѣ имѣть не будетъ. Вѣрно разсчитывая, что переходъ его къ баторіанамъ подниметъ его популярность и дозволитъ ему оказывать вліяніе на самого Баторія, Карнковскій рѣшается на смѣлый поступокъ: въ Римѣ не приняли посольства новаго короля-электа, Уханскій отказался его короновать, Гозій былъ противъ выбора, но Карнковскій коронуетъ Баторія.

Въ чемъ же было дѣло? Каковы были религіозныя убѣжде-

нія новаго короля, что отъ него отступался и Римъ, и польскій примасъ, и „богъ папистовъ" Гозій? И что дозволило Карнковскому рѣшиться на такой смѣлый шагъ, который потомъ одинъ за другимъ одобрили остальные епископы и даже самъ Гозій, хотя бы и послѣ долгихъ колебаній?

Вступленіе Стефана Баторія на престолъ было новой побѣдой реакціи или, вѣрнѣе, признаніемъ со стороны новаго короля необходимости быть католикомъ и идти заодно съ іезуитами. Передъ занятіемъ польско-литовскаго трона въ жизни семиградскаго воеводы былъ моментъ, напоминающій ту минуту въ жизни Генриха IV, когда онъ полутора десятками лѣтъ позднѣе сказалъ: „Paris vaut une messe". И Стефанъ Баторій нашелъ, что Польша стоитъ мессы.

Многіе историки полагали, что Стефанъ Баторій былъ всегда католикомъ, хотя и склоннымъ къ реформаціи, но въ сущности этого не было: воспитанный въ протестантизмѣ, онъ въ числѣ своихъ агентовъ, дѣйствовавшихъ за него въ Польшѣ, употреблялъ не только протестантовъ, но даже антитринитарія Бландрату; выборомъ своимъ онъ былъ обязанъ отчасти разновѣрамъ, и посольство, отправленное къ нему изъ Польши въ Трансильванію, состояло изъ протестантовъ же. Во всякомъ случаѣ онъ возбуждалъ къ себѣ сильное подозрѣніе въ ревностныхъ католикахъ, и до сихъ поръ рѣшительный его переходъ къ католицизму представляетъ нѣкоторую загадку. Карнковскій одновременно съ посольствомъ, поѣхавшимъ къ Стефану, отправилъ къ нему своего агента Соликовскаго. Не безъ труда добился этотъ посланецъ куявскаго епископа свиданія съ новымъ королемъ: этому мѣшала протестантская шляхта, бывшая въ посольствѣ. Однако Соликовскому дана была публичная аудіенція, и кромѣ того онъ видѣлся съ Баторіемъ частнымъ образомъ. Соликовскій самъ разсказываетъ объ этомъ свиданіи [1]), самъ передаетъ то, что говорилъ королю-электу на счетъ католицизма, какъ одной изъ основъ государства. Онъ указывалъ ему на то, что католики и особенно епископы—главная часть государства, что только переходъ духовенства на его сторону утвердитъ его престолъ. Эта бесѣда подѣйствовала на Баторія: онъ ѣхалъ въ Польшу съ сильно монархическими тенденціями и видѣлъ, какую крѣпкую опору можетъ оказать королевской власти католицизмъ, возрожденный на Тридентскомъ соборѣ, какую помощь заключало въ себѣ со-

---

[1]) Solikowski, Commentarius brevis rerum polonicarum. 1647. (Польскій переводъ изданъ былъ Сырокомлей въ 1855 г.).

дѣйствіе іезуитовъ. На другой день послѣ свиданія Стефана съ Соликовскимъ послы видѣли новаго короля набожно колѣнопреклоненнымъ передъ католическимъ алтаремъ во время мессы: король открыто признавалъ себя добрымъ католикомъ. Одинъ изъ кандидатовъ протестантской шляхты въ первое безкоролевье своимъ поведеніемъ теперь показывалъ, что онъ не вѣрилъ въ силу польскаго протестантизма: католицизмъ, реакція и тутъ побѣждали. Баторій былъ покровитель іезуитовъ, и съ нимъ даже Гозій подъ конецъ своей жизни сошелся.

Однако, Стефанъ Баторій не былъ королемъ, какой былъ бы желательнымъ крайнимъ представителямъ католической реакціи: онъ не былъ орудіемъ насильственнаго искорененія „ереси", котораго добивались іезуиты, онъ видѣлъ въ католицизмѣ одно изъ своихъ политическихъ средствъ. Говорятъ, что когда ему совѣтовали сдѣлать такъ, чтобы въ Польшѣ былъ одинъ законъ, одна религія, онъ отвѣчалъ, что его дѣло царствовать надъ народами, а не надъ религіозными убѣжденіями: rex sum populorum, non conscientiarum. Давъ присягу въ соблюденіи варшавской религіозной конфедераціи, онъ старался оградить протестантовъ отъ насилій. Достаточно указать на то, что когда въ Краковѣ въ 1577 и 1578 гг. произошли уже извѣстные намъ антипротестантскіе безпорядки, король издалъ въ 1578 г. особый актъ (Ordinationis litterae de pace et tranquillitate conservanda in civitate Cracoviensi) [1]), запрещавшій „возбуждать смятенія или дѣлать бунтъ изъ-за какихъ бы то ни было причинъ частнаго или общественнаго характера или даже изъ-за религіи". Но въ то же время Стефанъ Баторій косо смотрѣлъ на дальнѣйшіе успѣхи протестантизма въ Польшѣ. Мы знаемъ, что Мазовія оставалась строго католической, но тѣмъ не менѣе и въ Варшавѣ нѣкоторые мѣщане нѣмецкаго происхожденія начали подъ предлогомъ религіи собираться на частныхъ квартирахъ и устраивать сообщества, вводя въ этомъ городѣ религіозныя новшества. Стефанъ Баторій, отмѣчая такой фактъ въ приказѣ варшавскому магистрату (1577), предписывалъ ему положить этому конецъ [2]). Король хотѣлъ сохранить въ религіи status quo, въ какомъ засталъ Польшу, но не болѣе. Краковскому „сбору", какъ мы знаемъ, еще Сигизмундъ-Августъ выдалъ привилегію, и эта привилегія была подтверждена особымъ документомъ новаго короля.

Одиннадцатилѣтнее царствованіе Стефана Баторія (1575—

[1]) Приведено у Венгерскаго, Kronika zboru, 31—37.

[2]) Pawiński, Początki panowania Stefana Batorego (Źródła dziejowe IV, 102 и слѣд.).

1586) было временемъ, когда въ Польшѣ окончательно консолидировалась шляхетская Рѣчь Посполитая и іезуитскій католицизмъ. „Направа Рѣчи Посполитой“ въ прежнемъ смыслѣ отошла въ область преданій, и хотя Стефанъ Баторій хотѣлъ быть „настоящимъ, а не намалеваннымъ королемъ“, ему все-таки пришлось опираться на шляхту, нашедшую выразителя своихъ идей въ Янѣ Замойскомъ. Консолидировался и католицизмъ. Впервые послѣ того, какъ соединеннымъ усиліямъ Коммендоне и Гозія удалось въ послѣдніе годы Сигизмунда-Августа не допустить собранія въ Польшѣ провинціальнаго синода, который подъ председательствомъ Уханскаго легко могъ бы превратиться въ національный соборъ, настала удобная минута для такого синода. Это понялъ Карнковскій и сталъ дѣятельно хлопотать о его созваніи, не смотря на несочувствіе Уханскаго. Въ Піотрковѣ въ 1577 г. собралось польское духовенство, руководимое Карнковскимъ, и приняло тридентскіе постановленія черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ ихъ изданія и черезъ тринадцать по принятіи ихъ Сигизмундомъ-Августомъ. Это былъ отказъ польскаго клира отъ идеи національной церкви, это было объявленіе, что протестантизму уже уступокъ дѣлаться не будетъ. Въ послѣднемъ смыслѣ піотрковскій синодъ протестовалъ противъ варшавской конфедераціи и предавалъ проклятію лицъ, признающихъ религіозную свободу. Все, что только могло поддержать въ Польшѣ политическое значеніе и моральный авторитетъ клира, было одобрено, принято, утверждено на синодѣ 1577 г.: для Рѣчи Посполитой онъ былъ тѣмъ же, чѣмъ Тридентскій соборъ для остальной Европы. „Мнѣ, писалъ Гозій изъ Рима Карнковскому, весьма понравился этотъ синодъ“, и папа, конечно, не замедлилъ дать санкцію всѣмъ піотрковскимъ опредѣленіямъ.

Въ то самое время, какъ Карнковскій, кардиналъ Гозій и папа дѣлали все, что отъ нихъ зависѣло для реставраціи католицизма въ Польшѣ, въ то время, какъ польскій епископатъ шелъ на встрѣчу Стефану Баторію, совѣтовавшему ему обдѣлывать свои дѣла безъ излишняго шума, іезуиты [1]) продолжали вести свою линію, воспитывая польское юношество въ духѣ повиновенія церкви, и, не ограничиваясь одною педагогическою дѣятельностью, начинали выступать въ роли проповѣдниковъ, духовниковъ, лѣкарей, благотворителей и т. п. Начали они устраивать на улицахъ (ранѣе всего въ Вильнѣ) фиктивные диспуты съ ини-

---

[1]) Moraczewski, Jezuici w Polsce. 1861; Сливовъ, Іезуиты въ Литвѣ („Русск. Вѣстн.“ 1875).

мыми протестантскими богословами, уклоняясь, однако, на первыхъ порахъ отъ вызывовъ настоящихъ протестантовъ. Сами разновѣрцы начинали уже бояться усиленія „неизвѣстной дотолѣ секты іезуитовъ", исподтишка и исподволь опутывавшей польское общество. Понятно, что „Общество Іисуса" не могло оставить въ покоѣ и самого Стефана Баторія: ему твердили, что іезуиты воспитываютъ юношество въ духѣ преданности монархіи и порядку, въ духѣ легальности, и знаменитый проповѣдникъ Петръ Скарга [1]), уже іезуитъ изъ поляковъ, подобно нѣкоторымъ другимъ, выступающимъ около этого времени на сцену, въ своихъ „казаніяхъ" отстаивалъ идею прочной королевской власти и громилъ земскихъ пословъ, проводившихъ теорію шляхетской вольности. Іезуиты льстили стремленіямъ Стефана Баторія, и онъ изливалъ на нихъ свои милости, основывая новыя коллегіи, превращая виленскую коллегію въ академію и т. п. На общество отцы ордена тоже дѣйствовали очень искусно, заманивая въ свои ряды профессоровъ краковскаго университета и другихъ поляковъ, дѣйствуя на умы и сердца своей эрудиціей, элоквенціей, своимъ умѣніемъ очаровывать, подлаживаться ко всевозможнымъ вкусамъ, выставляя на видъ свою набожность, благотворительность, заботу объ образованіи бѣдныхъ, привлекая къ себѣ театральной пышностью культа, диспутами, имѣвшими видъ комедій, литературной полемикой со всѣми признаками инсинуаціи и шантажа, закрѣпляя свое вліяніе посредствомъ исповѣди и ослабляя враговъ умѣніемъ сѣять между ними раздоры. Теоретики цареубійства, гдѣ имъ приходилось выступать на дорогу революціи, они въ Польшѣ исповѣдывали, оффиціально учили о непосредственно божественномъ происхожденіи королевской власти, о соотвѣтствіи абсолютной монархіи съ священнымъ писаніемъ, о томъ, что Польшѣ нужна сильная королевская власть; но тѣми же іезуитами воспитанная шляхта именно въ католицизмѣ стала видѣть лучшую опору и гарантію своей вольности [2]). Словомъ, все пускалось въ ходъ, чтобы къ новому царствованію подготовить себѣ почву для полнаго владычества.

Это новое царствованіе было Сигизмунда III, воспитаннаго іезуитами. Почти полвѣка (1587—1632) сидѣлъ онъ на польскомъ престолѣ: это было время, когда іезуиты искореняли упо-

---

[1]) Maur. Dzieduszycki, Piotr Skarga i wiek jego. Первое изданіе подъ псевдонимомъ Рыхцицкаго; сочиненіе крайне клерикальное.

[2]) Bobrzynski, II, 137 и 177. Впрочемъ, перемѣна въ политическихъ принципахъ, заявлявшихся іезуитами, произошла только въ началѣ XVII в. Ibid. 173 См. у насъ ниже.

требленіе національнаго языка ради космополитической латыни, убивали всякое проявленіе свободной мысли, льстили анархическимъ стремленіямъ шляхты и выступали прямо въ роли политическихъ дѣятелей: въ концѣ XVI в. они посредствомъ брестской уніи подчиняли Риму русскую церковь въ польско-литовскомъ государствѣ, въ началѣ XVII засматривались и на „схизматическую“ Москву.

Въ безкоролевье, послѣдовавшее за смертью Стефана Баторія, старый вождь католической реакціи Карнковскій былъ примасомъ, и онъ созвалъ „конвокаціонный“ сеймъ, на которомъ Зборовскій потребовалъ безусловнаго утвержденія варшавской генеральной конфедераціи (1587), возобновленной въ концѣ 1586 г. краковскою, сандомірскою и люблинскою шляхтою подъ названіемъ pax inter dissidentes de religione novissima confoederatione et juramento Henrici et Stephani regum confirmata. Повторилась старая исторія: епископы, въ данномъ случаѣ, побуждаемые еще папскимъ легатомъ Аннибаломъ капуанскимъ, епископомъ неапольскимъ, уперлись по прежнему, за исключеніемъ одного еп. каменецкаго Гослицкаго, который, подобно тому, какъ раньше это было сдѣлано Красинскимъ, подписался подъ конфедераціей „ради благъ мира“, а потомъ и нѣкоторыя воеводства точно также протестовали противъ конфедераціи въ защиту религіозной свободы. Крайняя реакція тотчасъ по смерти Стефана Баторія воспользовалась новымъ безкоролевьемъ для своихъ цѣлей: снова начались нападенія на протестантовъ. Хроника Венгерскаго, этотъ мартирологъ краковскаго „сбора“, прямо говоритъ о попустительствѣ мѣстныхъ властей, когда въ столицѣ государства начались безпорядки (разграбленіе „сбора“): власти эти были призваны на судъ элекціоннаго сейма, но не явились; тогда дѣло отложили до сейма коронаціоннаго, но и сюда не явились вызванные подстаростій и бурмистры краковскіе. При новомъ королѣ дѣло заглохло, „и такъ impune,—замѣчаетъ Венгерскій,—прошли всѣ оные эксцессы, своевольными людьми произведенные“. Да и какъ имъ было не остаться безнаказанными, когда самъ новый король въ душѣ сочувствовалъ „эксцессамъ“ и одинъ изъ такихъ „эксцессовъ“,—разграбленіе краковскаго „сбора“, послѣ чего мѣстные протестанты должны были перенести свою церковь за милю отъ города,—по свидѣтельству Венгерскаго, происходилъ въ присутствіи самого Сигизмунда III (1591)?

Шведскій королевичъ, вступившій на престолъ подъ этимъ именемъ, воспитанникъ Варшевицкаго и Поссевина, знаменитыхъ іезуитовъ того времени, былъ обязанъ своей короной католиче-

ской шляхтѣ, сгруппировавщейся около канцлера Яна Замойскаго, который силой устранилъ съ дороги своей австрійскаго эрцгерцога Максимиліана, выбраннаго Зборовскими и ихъ партіей. Но канцлеръ послѣ перваго же свиданія съ новымъ королемъ увидѣлъ, что онъ не что иное, какъ „нѣмой дьяволенокъ". Реакція, однако, должна была быть довольна: папа, державшійся сначала австрійской кандидатуры, возлагалъ большія надежды на Сигизмунда, какъ на будущаго возстановителя католицизма не только въ Польшѣ, но и въ Швеціи, и на то же самое разсчитывали іезуиты, имѣвшіе полное право смотрѣть на Сигизмунда III, какъ на своего человѣка. И дѣйствительно, новый король польскій и во внутренней, и во внѣшней политикѣ стоялъ въ рядахъ католической реакціи, окруживъ себя іезуитами, перенесши столицу въ правовѣрную Варшаву, сдѣлавъ изъ нея такую же опору католицизма, какой на другомъ концѣ Европы былъ Мадридъ.

Между тѣмъ, представители трехъ протестантскихъ исповѣданій въ Рѣчи Посполитой ослабляли себя взаимными спорами, и только чувствуя усиленіе реакціи, они рѣшались на новыя соглашенія. Такой характеръ имѣлъ торнскій съѣздъ лютеранъ, кальвинистовъ и братьевъ чешскихъ въ 1595 г., за которымъ слѣдовалъ православно-протестантскій соборъ въ Брестѣ 1596 г. [1]). Протестантамъ приходилось подумать, что предпринять въ виду нападеній фанатизированной іезуитами толпы на „сборы" въ Краковѣ, въ Вильнѣ, въ Познани. Чего они могли ждать отъ правительства, показывало запрещеніе короля и куявскаго епископа Розражевскаго собраться диссидентамъ въ Торнѣ. Разновѣры не повиновались, обратились къ Сигизмунду съ протестомъ и съ просьбой о заступничествѣ, но король не удостоилъ эту просьбу никакимъ отвѣтомъ. Но и среди католиковъ была еще партія, стоявшая за свободу вѣроисповѣданія и враждебная іезуитамъ: эту партію окрестили названіемъ „политической", и изъ нея вышелъ цѣлый обвинительный актъ противъ Общества Іисуса, вышедшій въ свѣтъ по-польски въ 1606 г., а въ 1609 г. полатыни. Іезуиты,—такова была жалоба политиковъ,—мѣшаясь во всѣ общественныя дѣла, главная причина всѣхъ безпорядковъ. Все зло отъ Тридентскаго собора, имѣвшаго въ виду одно—усилить власть папы и куріи, а іезуиты вездѣ взялись всевозможными средствами выполнять эту задачу: они такъ искусно дѣйствуютъ, что дѣлаются опасными для польской шляхты и для всѣхъ народовъ, дорожащихъ своими законами и своей свободой.

---

[1]) См. выше, гл. VI въ концѣ.

Ведутъ они себя такъ, какъ будто бы у нихъ на умѣ благо Польши, а на самомъ дѣлѣ хотятъ они совсѣмъ иного. Они лишили короны и жизни Генриха III во Франціи, они давали дурные совѣты Баторію (семиградскому князю, племяннику Стефана), они устраивали заговоры въ Англіи, и ихъ хорошо понялъ Замойскій, признавшій, что они не годятся для воспитанія юношества. А если, дѣлался отсюда выводъ, этотъ орденъ вредитъ Рѣчи Посполитой и не годится для образованія молодежи, то для сохраненія мира Польша должна изгнать отъ себя членовъ этого ордена. Конечно, іезуиты не замедлили отвѣчать, и изъ-подъ пера Петра Скарги вышли двѣ защиты [1]). Въ это время членамъ „общества" представился случай нанести и довольно чувствительный ударъ своимъ врагамъ Поводомъ былъ такъ называемый „рокошъ Зебржидовскаго" [2]).

Такъ называется происшедшее въ Польшѣ междоусобіе, вызванное политикой Сигизмунда III, который находился въ рукахъ іезуитовъ. Въ 1588 г. Зебржидовскій поступилъ въ католическое „братство милосердія" и былъ въ довольно близкихъ отношеніяхъ къ Петру Скаргѣ: замѣчательно, что во главѣ недовольныхъ становится католикъ, замѣчательно потому, что еще были въ Польшѣ католики, не шедшіе за іезуитами, замѣчательно и потому, что среди тогдашнихъ протестантовъ не нашлось ни одного вліятельнаго и искуснаго вождя, около котораго сгруппировались бы всѣ недовольные Римомъ. Хотя у рокошанъ было сто тысячъ вооруженной шляхты, побѣда осталась на сторонѣ Сигизмунда. У рокошанъ не было единства дѣйствія. „Протестантская партія,—говоритъ гр. Красинскій,—достаточно сильная, чтобы стать во главѣ, подчинилась вождю умѣренныхъ католиковъ, который не былъ достаточно рѣшителенъ для возбужденія рвенія въ своихъ сторонникахъ" [3]). „Политическіе" католики начала XVII в. еще желали охранить своихъ иновѣрныхъ соотечественниковъ, но не хотѣли разрывать связей съ Римомъ и не рѣшались послѣдовать совѣту тѣхъ, которые предлагали свергнуть Сигизмунда съ престола. Единства цѣли у рокошанъ также не было: подъ однимъ знаменемъ стояли недовольные королемъ съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія, и Сигизмунду III ставили въ упрекъ рѣшительно все, что противъ него могли имѣть тѣ или другіе поляки, напр.,

---

[1]) Изложеніе ихъ можно найти въ соч. гр. Дзѣдушицкаго. II, 425, 468 sq. (по первому изданію).

[2]) О рокошѣ писали современники Лубенскій, Пясецкій и др. См. Schmitt, Rokosz Zebrzydowskiego. 1858.

[3]) Krasinski, 235 (по нѣм. переводу).

даже то, что онъ лишился шведской короны. Въ этомъ рокошѣ 1606 — 8 гг. нѣкоторые историки видѣли движеніе, главнымъ образомъ, протестантское. Такъ смотритъ гр. Красинскій [1]), такъ думаетъ и гр. Дзѣдушицкій, біографъ-панегиристъ Петра Скарги, авторъ, для котораго рокошъ Зебржидовскаго „былъ собственно послѣднимъ великимъ усиліемъ разновѣрства", чтобы „снести католическую церковь въ Польшѣ" [2]). Таково было и мнѣніе нѣкоторыхъ современниковъ, если и не утверждавшихъ, что иновѣріе было причиной рокоша, то все-таки указывавшихъ на то, что имъ болѣе всего думали воспользоваться разновѣрцы, главные дѣятели этой усобицы изъ-за нарушенія королемъ договора (рокоши съ избранія Генриха Анжуйскаго дозволялись противъ королевской власти въ случаѣ несоблюденія ею основныхъ законовъ или нарушенія pacta conventa, т.-е. условій избранія). Для другихъ историковъ это—чисто политическое движеніе, стремившееся установить въ Польшѣ парламентское правленіе съ министерствомъ, которое опиралось бы на сеймовое большинство [3]), а для третьихъ рокошъ Зебржидовскаго былъ проявленіемъ шляхетскаго индивидуализма, фрондерства, недостатка въ патріотизмѣ, т.-е. чѣмъ-то чисто отрицательнымъ, безсмысленнымъ, ненужнымъ, вреднымъ, а потому ни къ чему и не приведшимъ [4]). Не разбирая здѣсь вопроса по существу, что повело бы насъ слишкомъ далеко, одно мы должны принять: хотя Сигизмундъ III и вынужденъ былъ подтвердить вѣроисповѣдную свободу, неудача рокошанъ, въ числѣ коихъ было множество разновѣрцевъ, была сильнымъ пораженіемъ для послѣднихъ: іезуитамъ данъ былъ поводъ говорить, что протестанты—бунтовщики и враги отечества, тѣмъ болѣе, что шведы, ведшіе тогда войну съ Польшей, завладѣвъ какимъ-либо городомъ, оказывали въ немъ покровительство диссидентамъ и преслѣдовали католическое духовенство. Такъ смотрятъ на дѣло почти всѣ польскіе историки [5]).

„Съ 1606 г. по 1620,—говоритъ Лукашевичъ,—польскіе диссиденты лишились двухъ третей своихъ храмовъ" [6]). Реакція была въ разгарѣ: въ королевскихъ особенно городахъ у диссидентовъ отбирали или разбивали церкви, лишали разновѣрцевъ должно-

---

[1]) Krasinski, стр. 231 sq.

[2]) Maur. Dzieduszycki (Rychcicki), т. II, стр. 380. Ср. 425, 493 и вообще см. стр. 365 sq., 379 sq.

[3]) Bobrzynski, II, 167—169.

[4]) Szujski, III, 169—170, 192—193.

[5]) Szujski, III, 243. Krasinski, 236. Dzieduszycki, II, 493.

[6]) Łukaszewicz, O kos'ciołach braci czeskich, 188.

стей, наносили имъ публичныя оскорбленія, и въ то же время все рѣдѣли и рѣдѣли ряды протестантовъ отъ переходовъ въ католицизмъ, развивалась нетерпимость и т. д. Въ 1617 г. въ Краковѣ вводится index librorum prohibitorum, въ 1618 устанавливается цензура, въ 1627 г. по обвиненію епископа перемышльскаго передъ люблинскимъ судомъ нѣкій Болестрашицкій приговаривается къ безчестію за изданіе перевода книги Пьера Дюмулена „Nouveauté du papisme opposée à l'antiquité du christianisme" (приговоръ былъ однако отмѣненъ на ближайшемъ сеймѣ). Число іезуитскихъ учрежденій разрослось такъ, что въ 1608 г. изъ нихъ образовались уже двѣ „провинціи"—польская и литовская; у іезуитовъ было множество школъ, типографій и т. п. При вступленіи на престолъ Сигизмунда III въ литовскомъ сенатѣ было только два католика, а въ коронномъ множество протестантовъ, въ годъ смерти этого короля въ первомъ некатоликовъ не было вовсе, а во-второмъ только два.

Іезуитская реакція побѣждала, но и политическіе принципы іезуитовъ измѣнялись. Это произошло не безъ вліянія рокоша Зебржидовскаго. До этого времени іезуиты и по разсчету, и отчасти по убѣжденію провозглашали идеи монархическаго абсолютизма; напр., Христофоръ Варшевицкій [1]) въ своемъ „De optimo statu libertatis" (1598) прямо рекомендовалъ Польшѣ деспотизмъ Филиппа II; идеалъ католической монархіи развивалъ и Петръ Скарга въ своихъ Сеймовыхъ проповѣдяхъ (1600). Послѣ рокоша и Сигизмундъ боялся имѣть такихъ союзниковъ, и іезуиты увидѣли ясно, что абсолютистическія теоріи не по вкусу шляхтѣ. Они поняли, что, добившись своего относительно правительства, имъ нужно теперь обратить фронтъ въ другую сторону: изъ новыхъ изданій Сеймовыхъ проповѣдей выкидываются мѣста о монархіи, и провозглашается, что католицизмъ и „золотая вольность"—одно и то же. Эта вольность была однако самаго ревниваго свойства: она шла рука объ руку съ іезуитской цензурой и нетерпимостью къ иновѣрію, ибо все, что выходило изъ рамокъ однообразія, уже считалось опаснымъ для вольности. Польская шляхта XVI и XVII вв. была свободолюбива: въ XVI в. она осуществляла свою свободу, переходя въ протестантизмъ, который несъ съ собою свѣтъ и жизнь, каковы бы ни были недостатки протестантизма вообще и польскаго въ частности; въ XVII она стремилась къ той же свободѣ, и іезуиты

[1]) О Христофорѣ Варшевицкомъ и его сочиненіяхъ см. новѣйшее еще неоконченное историко-литературное изслѣдованіе проф. Вержбовскаго.

съумѣли эксплуатировать это стремленіе, чтобы нагонять на общество мракъ и приводить его въ застою. Но и подъ покровомъ протестантизма, и подъ покровомъ іезуитизма совершалась органически одна, такъ сказать, прямолинейная эволюція. „Золотая вольность, — говоря словами новѣйшаго польскаго историка, —была прежде всего вольностью шляхетскою и, слѣдовательно, привилегіей одного сословія, которая повлекла за собою приниженіе городовъ и неволю деревенскаго люда“ [1]). Протестантизмъ не заключалъ въ себѣ принциповъ для оправданія такой тенденціи, іезуиты оправдывали все, что угодно, и съ этой стороны величайшимъ несчастьемъ для польской націи было то, что она не сдѣлалась протестантской и попала въ передѣлку „Общества Іисуса“.

Дальнѣйшее извѣстно. Среди католиковъ 1532 г. было еще много „политическихъ“, и конвокаціонный сеймъ по смерти Сигизмунда III утвердилъ религіозную свободу и отмѣнилъ противныя ей распоряженія покойнаго короля, хотя и съ оговоркой, чтобы въ королевскихъ городахъ новыхъ „зборовъ“ не строили ad evitandos tumultus. Епископы съ своей стороны занесли въ варшавскія городскія книги протестъ противъ всего, что̀ постановлено in favorem haereticorum et schismaticorum. На элекціонномъ сеймѣ протестанты требовали наказать епископа луцкаго Гроховскаго, какъ нарушителя мира, за нападеніе на диссидентскую конфедерацію: имъ объявили, что они только терпимы въ Польшѣ да и то изъ милости только, а не по особому праву. Новый король, Владиславъ IV, былъ вѣротерпимъ: его подозрѣвали за то въ склонности къ протестантизму. Это не мѣшало іезуитскимъ школярамъ попрежнему дѣлать всякія насилія надъ протестантами. Одна Хроника краковскаго сбора наполнена цѣлымъ рядомъ извѣстій о чинившихся студентами „мордованіяхъ, напастяхъ, эксцессахъ, гвалтахъ, сбурженіяхъ“ и т. п. надъ краковскими протестантами и ихъ домами. Безнаказанность была полная: арестовывать буяновъ боялись, а когда одного „бунтовника“ Валентія Искру городской судъ приговорилъ къ смертной казни и король утвердилъ приговоръ, то разныя важныя свѣтскія и духовныя особы стали ходатайствовать за „злочинца“, а другія и угрожали, коль этотъ Искра будетъ казненъ. Стали за него и университетскіе профессора, а въ костелахъ собирали деньги на его выкупъ. Протестанты побоялись настаивать на его казни. „Такъ, —заключаетъ свой разсказъ Венгерскій, —этотъ Валентій Искра, своеволь-

---

[1]) Bobrzynski, II, 177.

ный человѣкъ и бунтовщикъ, просидѣвши почти годъ цѣлый въ тюрьмѣ, былъ выпущенъ на свободу". То же происходило и по другимъ городамъ, и только въ шляхетскихъ помѣстьяхъ было тихо, но эти помѣстья то-и-дѣло переходили на сторону католиковъ.

Продолжалось это и при Янѣ Казимірѣ, рьяномъ недругѣ нововѣрія, а гоненія только поддерживали и укрѣпляли религіозное чувство диссидентовъ, не хотѣвшихъ переходить въ католицизмъ,—чувство, не очень-то бывшее напряженнымъ въ началѣ реформаціоннаго движенія. Особенно много потерпѣли въ эту эпоху антитринитаріи, отвергнутые другими диссидентами и изгнанные наконецъ изъ предѣловъ государства, чѣмъ создавался опасный прецедентъ и для другихъ. Это было „начало конца", конца печальнаго для польскихъ протестантовъ, которые, не помѣшавъ удару, нанесенному одной „ереси", укрѣпляли руку, имѣвшую поразить и другія, и лишали себя союзниковъ въ борьбѣ съ іезуитизмомъ. Антитринитаризмъ палъ въ Польшѣ отъ соединенныхъ усилій католической и протестантской нетерпимости. Вотъ краткая исторія этого паденія.

Съ одной стороны, антитринитаріи подвергались нападеніямъ, съ другой, происходитъ рядъ попытокъ законодательнымъ путемъ уничтожить эту форму иновѣрія въ Польшѣ. Въ 1627 г., напримѣръ, насиліе нафанатизированной толпы положило конецъ существованію люблинской антитринитарской общины; въ 1638 г. социніанская столица Раковъ лишилась своей церкви, школы и типографіи; въ 1656 г. три тысячи крестьянъ напали на Сандечъ, гдѣ разграбили и сожгли дома социніанъ и многихъ предали смерти; подобныя явленія были въ Чарковѣ и др. мѣстахъ (много социніанъ погибло, впрочемъ, отъ козаковъ, которые однако и католикамъ не давали пощады). Между тѣмъ исповѣданія лютеранское, чешское и гельветическое еще на сандомірскомъ синодѣ исключили „аріанъ" изъ „соглашенія" (consensus sandomiriensis) и не поддерживали ихъ во время гоненій. На „конвокаціонныхъ" сеймахъ 1632 и 1648 г. католики уже прямо заявляли, что готовы жить въ мирѣ со всѣми диссидентами, но только не съ тѣми, которые заблуждаются относительно св. Троицы, и требовали исключить ихъ изъ пользованія вѣротерпимостью: ихъ и оффиціально въ 1648 г. не хотятъ называть диссидентами, а — прямо еретиками. Былъ еще случай, что антитринитарія Немирича хотѣли силою удалить изъ посольской избы за его еретическія мнѣнія о св. Троицѣ, а въ 1646 г. онъ былъ за богохульство приговоренъ къ громадному штрафу и закрытію сектантскихъ

общинъ въ своихъ имѣніяхъ. Въ 1647 г. сеймъ приговорилъ къ сожженію социніанскую книгу „Confessio fidei christianae“ Шлихтинга, самого же автора, успѣвшаго бѣжать за границу,— къ безчестію и конфискаціи, а особый сеймовой декретъ подъ страхомъ такого же наказанія запрещалъ печатать и распространять социніанскія книги. Немудрено поэтому, что когда шведы побѣдоносно проходили по Польшѣ (1655—57 гг.), сектанты въ большомъ количествѣ переходили на сторону шведскаго короля, и этимъ, конечно, воспользовались іезуиты, указывавшіе вообще, что Богъ наслалъ на Рѣчь Посполитую бѣдствія козацкаго бунта и войнъ шведской и московской за терпимость къ ереси. Начались усиленныя нападенія на диссидентовъ, грабежи ихъ имѣній, убійства и даже казни, если еретики были не шляхетскаго происхожденія, и ненависть хлоповъ къ панамъ, подогрѣтая мрачными проповѣдниками религіозной нетерпимости, произвела въ это время немало жестокостей и опустошеній. На сеймѣ 1558 г. духовенство потребовало примѣненія къ еретикамъ, „отнимающимъ у Сына Божія предвѣчность“, которые „начали распространяться съ недавняго времени“ (non a longis temporibus, — это послѣ столѣтней давности!), стараго статута Ягеллы 1424, изгонявшаго изъ страны гуситовъ. Сеймовая конституція 1658 г. подъ страхомъ смертной казни запрещала исповѣданіе и распространеніе ереси и для упорныхъ, которые не желали бы перейти въ католицизмъ, давала трехлѣтній срокъ для распродажи своихъ имѣній и выселенія изъ предѣловъ государства. Ни протесты социніанъ, ни даже попытки иностранныхъ правительствъ отклонить это рѣшеніе не помогли: сеймъ 1659 г. даже сократилъ на годъ прежній трехлѣтній срокъ. Этого добились іезуиты, зорко слѣдившіе вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы социніане отнюдь за это время не производили „оказательства“ своей ереси: кого казнили, кого грабили и убивали, кто бѣжалъ (бѣжали преимущественно въ Голландію). Авторъ одного посланія изгнанныхъ антитринитаріевъ [1]) основательно сопоставлялъ эдиктъ 1658 г. съ присягой Яна Казиміра, въ которой мы читаемъ извѣстную формулу: pacem quoque et tranquillitatem inter dissidentes de religione и т. д. Но что̀ значили такіе литературные протесты издалека? За границей ученые социніане писали свои апологіи и мартирологи, предостерегая поляковъ отъ испанской инквизиціи и австрійскаго деспотизма. Внѣ своей родины идеи польскихъ социніанъ были отчасти усвоены англійскими деистами и нѣмецкими раціоналистами, но большин-

[1]) Приведено у Любенецкаго, стр. 292—293.

ство изгнанныхъ изъ Польши сектантовъ денаціонализировалось весьма быстро и примкнуло къ протестантизму.

А въ Польшѣ и остальнымъ диссидентамъ пришлось плохо. Элекціонный сеймъ 1669 г. подъ страхомъ смертной казни или изгнанія запретилъ отпаденіе отъ католицизма и постановилъ, что только католикъ можетъ быть польскимъ королемъ. Черезъ двадцать лѣтъ послѣ этого одинъ случай показалъ, въ какомъ положеніи была тогда въ Польшѣ религіозная свобода. Литовскій шляхтичъ Казиміръ Лещинскій, читая „Естественное богословіе" Генриха Альстеда, нашелъ, что его доказательства бытія Божія составлены весьма неумѣло и скорѣе могутъ достигнуть противоположной цѣли,—и въ насмѣшку надъ неостроумнымъ авторомъ приписалъ на полѣ книги: „ergo non est Deus". На него донесли, какъ на безбожника, и познанскій епископъ Витвицкій притянулъ его къ суду. Ни шляхетская вольность, ни заступничество короля Яна Собѣскаго, ни покорное подчиненіе подсудимаго епископамъ его не спасли: сеймъ приговорилъ его къ казни, и, вырвавъ у него языкъ, его сожгли. Антидиссидентскія постановленія слѣдовали одно за другимъ, все болѣе и болѣе ограничивая права некатоликовъ: при переходѣ въ XVIII в. реакція была совершенной побѣдительницей.

Въ 1696 г. въ pacta conventa Августа II вносится запрещеніе вводить въ сенатъ и принимать на важныя должности вообще не-католиковъ.

Въ 1716 г. шляхтѣ запрещается строить протестантскія церкви въ своихъ имѣніяхъ, а во время домашняго богослуженія не дозволялись ни пѣніе, ни проповѣдь. Исключались отсюда посланники иноземныхъ государей, но на богослуженіи въ ихъ жилищахъ посторонніе лица не имѣли права присутствовать.

Конституціей 1717 г. у протестантской шляхты отнято было право засѣдать въ посольской избѣ, коммиссіяхъ и трибуналахъ и составлять конфедераціи для своихъ религіозныхъ цѣлей. Единственный протестантскій членъ сейма 1718 г. Піотровскій исключается изъ числа земскихъ пословъ по настоянію одного посторонняго сейму каноника (Ancuta), автора вышедшей черезъ годъ книжки „Полное право католической религіи въ королевствѣ польскомъ и великомъ княжествѣ литовскомъ". Рядомъ съ этимъ идутъ прежнія нападенія на протестантовъ [1]), и они начинаютъ обращать свои взоры къ иностраннымъ дворамъ, хотя сеймъ 1726 г. грозитъ за это смертной казнью.

---

[1]) Jablonski, Das betrübte Thorn. 1725.

Начинавшееся иностранное вмѣшательство не помогало. Вотъ какъ жаловались польскіе протестанты королю Станиславу Понятовскому и сейму за шесть лѣтъ до перваго „разбора“ Рѣчи Посполитой:

„Наши церкви у насъ отняли подъ разными предлогами, или же онѣ лежатъ въ развалинахъ, такъ какъ возстановленіе ихъ запрещено... Законы противъ аріанизма совершенно неосновательно и несправедливо примѣняютъ къ намъ, хотя мы далеки отъ аріанскихъ заблужденій. Наши дѣти должны воспитываться въ невѣжествѣ и безъ познанія Бога, ибо во многихъ мѣстахъ мы не имѣемъ права держать школъ... Наши духовные подвергаются большимъ опасностямъ, когда посѣщаютъ больныхъ и умирающихъ... Погребеніе нашихъ покойниковъ даже ночью небезопасно, и мы нерѣдко вынуждены крестить дѣтей нашихъ внѣ страны, за границей... Въ нашихъ церквахъ дѣлаютъ обыски католическіе священники... Во многихъ городахъ лица, принадлежащія къ нашему исповѣданію, должны сопровождать католическія процессіи. Насъ подчиняютъ церковнымъ законамъ... Насъ называютъ еретиками, хотя законы страны даютъ намъ имя диссидентовъ. Притѣсненія, которыя мы претерпѣваемъ, тѣмъ тяжелѣе, что у насъ нѣтъ защитниковъ ни въ сенатѣ, ни на сеймахъ, ни въ судахъ; даже на выборы мы не смѣемъ являться, не подвергая себя явной опасности“.

Польша пала католической и шляхетской Рѣчью Посполитой, въ вѣкъ вольномысленнаго просвѣщенія и просвѣщеннаго абсолютизма, и та самая шляхта, которая двумя вѣками ранѣе нападала на епископскій судъ de haeresi, какъ на опасный для посполитой вольности, теперь сама изгоняла и судила еретиковъ на своихъ сеймахъ: нигдѣ іезуитизмъ не показалъ такъ своей ловкости въ искорененіи протестантизма, религіозной терпимости и свободы мысли, какъ въ Польшѣ. Ожививъ въ XVI в. политическую жизнь и просвѣщеніе въ польской націи, реформація призвала въ страну іезуитовъ, которые убили все, что было жизненнаго и прогрессивнаго въ польскомъ обществѣ XVI в. Таковъ былъ окончательный результатъ реформаціоннаго движенія въ Польшѣ.

Н. Карѣевъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ВЪ МИНУТУ СКОРБИ.

Полночь бьетъ... Заснуть пора,
Но чего-то страшно спать.
Съ другомъ что-ли до утра
Вслухъ теперь-бы помечтать,

Вспомнить счастье дѣтскихъ лѣтъ,
Дѣтства ясную печаль...
Ахъ, на свѣтѣ друга нѣтъ,
И что нѣтъ его,—не жаль!

Если души всѣхъ людей
Таковы, какъ и моя,
Не хочу имѣть друзей,
Не могу быть другомъ я...

Никого я не люблю,
Всѣ мнѣ чужды, чуждъ я всѣмъ,
Ни о комъ я не скорблю
И не радуюсь ни съ кѣмъ.

Есть слова... Я всѣ ихъ зналъ.
Отъ высокихъ словъ не разъ
Я скорбѣлъ и ликовалъ,
Даже слезы лилъ подчасъ.

Но усталъ я лепетать
Звучный лепетъ дѣтскихъ дней.
Полночь бьетъ... Мнѣ страшно спать,
А не спать еще страшнѣй...

II.

МОЙ ДЕМОНЪ.

Нѣтъ, никогда съ тѣхъ поръ, какъ мрачныя созданья
Сомнѣній и тоски тревожатъ духъ людей
Гордыней гнѣвною иль смѣхомъ отрицанья
Или отравою страстей,

Съ тѣхъ поръ, какъ мудрый Змій изъ праха показался,
Чтобъ воспарить потомъ къ надзвѣздной вышинѣ,—
До нынѣ никому онъ въ мірѣ не являлся
Столь мощнымъ, страшнымъ, злымъ, какъ мнѣ...

Мой демонъ страшенъ тѣмъ, что пламенной печати
Злорадства и вражды не выжжено на немъ,
Что небу онъ не шлетъ угрозъ или проклятій
И не глумится надъ добромъ.

Мой демонъ страшенъ тѣмъ, что, правду отрицая,
Онъ высшей правды ждетъ страстнѣй, чѣмъ Серафимъ.
Мой демонъ страшенъ тѣмъ, что, душу искушая,
Уму онъ кажется святымъ...

Привѣтна рѣчь его, и кротокъ взоръ лучистой,
Его хулы звучатъ печалью неземной;
Когда-жъ его прогнать хочу молитвой чистой—
Онъ вмѣстѣ молится со мной...

Н. Минскій.

АФРИКАНСКАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ

ВЪ

БЕРЛИНѢ.

Колоніальная политика современныхъ государствъ.

Взаимныя отношенія современныхъ цивилизованныхъ государствъ представляютъ картину рѣдкую по разнообразію тоновъ, яркости колорита и богатству детальной разработки. Культурныя стремленія народовъ вызвали въ жизнь множество международныхъ соглашеній, общихъ мѣропріятій и учрежденій, имѣющихъ цѣлью содѣйствовать отдѣльнымъ подданнымъ государствъ находить въ области международныхъ сношеній необходимыя средства для удовлетворенія своихъ физическихъ и духовныхъ потребностей. Уже созданы общіе порядки для почты и телеграфа; уже приняты общія международныя мѣры для борьбы противъ угрожающихъ всѣмъ народамъ опасностей отъ болѣзней и эпидемій и, наконецъ, въ ближайшемъ будущемъ ждетъ осуществленія грандіозная мысль составить изъ большинства европейскихъ государствъ одно общество для охраненія произведеній духовнаго труда отъ незаконной и своекорыстной эксплуатаціи. Однимъ словомъ, сознаніе со стороны современныхъ народовъ неотложной необходимости соединить свои единичныя силы для удовлетворенія своихъ культурныхъ потребностей не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію и подтверждается ежегодно международными конгрессами и конференціями, созываемыми правительствами для борьбы противъ угрожающихъ всѣмъ опасностей и препятствій въ развитіи общей культурной работы. Но рядомъ съ этими стрем-

леніями современныхъ народовъ, придающими такую отрадную живость современной международной жизни, мы видимъ, что фонъ ея составляютъ грозныя громовыя тучи, которыя могутъ во всякую минуту разразиться опустошительными войнами и ужаснымъ кровопролитіемъ. Сознаніе общихъ культурныхъ интересовъ и необходимости общихъ учрежденій для ихъ защиты не могло затушить въ современныхъ народахъ чувствъ подозрительности и даже ненависти, съ которыми они относятся къ обоюднымъ политическимъ стремленіямъ. Достаточно какого-нибудь слуха, чтобъ произвести панику на биржѣ и тревожить мирное развитіе торговли и промышленности.

Это послѣднее обстоятельство подтверждаетъ существованіе органической и неразрывной связи между культурными стремленіями народовъ и ихъ политическими интересами въ области международныхъ отношеній. Нельзя не сочувствовать всѣмъ мѣропріятіямъ современныхъ государствъ, направленныхъ къ развитію торговли, промышленности, науки, искусства и вообще безопасности и скорости сношеній между ихъ подданными. Нельзя не пожелать, чтобы всѣ современныя правительства сознавали свой долгъ покровительствовать развитію народнаго труда и содѣйствовать полному удовлетворенію культурныхъ стремленій своихъ подданныхъ. Но, съ другой стороны, нельзя упускать изъ виду, что это законное покровительство правительства народному труду можетъ принять форму явнаго нарушенія законныхъ правъ другихъ народовъ и что мѣры, принимаемыя въ виду иной цѣли, могутъ вызывать серьезнѣйшія столкновенія съ другими государствами.

Эти мысли сами собою напрашиваются при внимательномъ изученіи колоніальной политики современныхъ западно-европейскихъ державъ. Въ продолженіе послѣднихъ двадцати лѣтъ политика этихъ державъ возвратилась къ направленію, которое можно было считать совершенно забытымъ и осужденнымъ, какъ опытомъ, такъ и наукою. Занятіе новооткрытыхъ земель и острововъ, учрежденіе въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ свѣта новыхъ факторій и колоній, наконецъ, охраненіе силою оружія тѣхъ новыхъ пріобрѣтеній, все это заставляетъ думать, что въ концѣ XIX вѣка должны повторяться событія, которыми такъ богата исторія XVI и XVII вѣковъ. Можно думать, что опять возникнутъ войны изъ-за владычества надъ землями, которыя важны, какъ рынки или для сбыта произведеній европейской промышленности или для закупки сырыхъ продуктовъ, вывозимыхъ въ Европу для обработки. Опять цѣли и средства колоніальной поли-

тики серьезно обсуждаются со стороны правительствъ, которыя, наконецъ согласились созвать прошлою осенью въ Берлинѣ конференцію для опредѣленія основныхъ положеній для развитія колоніальныхъ своихъ интересовъ и стремленій въ Африкѣ.

Насколько богата въ области колоніальной политики дѣятельность современныхъ западно-европейскихъ державъ, можно видѣть изъ одного перечисленія значительнѣйшихъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ ими въ продолженіе послѣднихъ двадцати лѣтъ. Англія, обладавшая уже громаднѣйшими по пространству и численности народонаселенія владѣніями въ Америкѣ, Австраліи, Африкѣ и Азіи, еще значительно расширила въ послѣдніе года свои владѣнія въ особенности въ Африкѣ. Стремленіе Англіи обратить Египетъ въ свое владѣніе не требуетъ доказательствъ. На всемъ берегу Чермнаго моря вплоть до мыса Гуардафуи (Расъ Азиръ) провозглашается англійскій протекторатъ. На западномъ берегу Африки, по всему Гвинейскому заливу и Золотому Берегу англійское владычество установилось твердымъ образомъ, въ особенности послѣ уступки имъ Голландіею своихъ вланѣній. Кромѣ того, Англія имѣетъ право считаться полнымъ хозяиномъ на всемъ нижнемъ теченіи рѣки Нигера и, на юго-востокѣ, Камеруна.

Франція еще съ бо̀льшимъ увлеченіемъ бросилась въ колоніальную политику, совершенно забывая горькій опытъ, вынесенный изъ пятидесятилѣтней колонизаціи Алжиріи. Благодаря замѣчательной предпріимчивости генерала Федэрба, бывшаго много лѣтъ губернаторомъ Сенегамбіи, границы этого французскаго владѣнія на западномъ берегу Африки значительно были расширены въ глубь африканскаго континента. Война съ Тунисомъ окончилась въ 1882 году установленіемъ надъ этою страною исключительнаго французскаго протектората. Сверхъ того французское правительство учредило колоніи въ Обокѣ и Сагалло, расширило границы своихъ владѣній на берегахъ рѣки Нигера до Бамаку и благодаря предпріимчивости такихъ агентовъ, какъ де-Брацца, французское владычество установилось также на берегахъ рѣки Конго.

Испанія и Португалія, исторія которыхъ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій есть не что иное, какъ исторія ихъ усилій колонизировать открытыя ихъ отважными мореплавателями земли, также старались утверждать или расширять свою власть надъ различными областями преимущественно въ Африкѣ. Такъ Испанія завладѣла окончательно городомъ и областью Санте-Круцъ-де-Маръ-Пеквена и утвердила свое владычество надъ всѣмъ пространствомъ между мысами Боядоръ и Бланкъ. Португалія ста-

ралась всѣми средствами добиться признанія своихъ вѣковыхъ претензій на значительнѣйшую часть южной часть Гвинеи и въ особенности на устье рѣки Конго, получившей послѣ путешествій американскаго публициста Стэнли совершенно исключительное значеніе для всемірной торговли.

Италія не могла остаться позади другихъ европейскихъ державъ въ захватѣ новыхъ земель и потому основала свою колонію въ Ассабѣ и съ увлеченіемъ приняла англійское предложеніе занять своими войсками Массуа, на западномъ берегу Чермнаго моря. Кажется, что огромнѣйшія жертвы людьми и деньгами, которыя самымъ непроизводительнымъ образомъ были поглощены этими двумя итальянскими „колоніями", нисколько не охладили колонизаторскій пылъ итальянскаго правительства.

Голландія, уже владѣющая богатѣйшими островами въ Остъ-Индіи, также не могла устоять предъ общимъ увлеченіемъ и также расширила свои владѣнія на берегахъ рѣки Конго и въ особенности на югъ отъ устьевъ этой рѣки.

Наконецъ маленькая Бельгія присвоила себѣ въ современной колоніальной политикѣ такую выдающуюся и исключительную роль, которая не совсѣмъ соотвѣтствуетъ ея международному положенію вѣчно нейтральнаго государства и ея политическому значенію. Впрочемъ, до сихъ поръ Бельгія, какъ держава, не учреждала никакихъ колоній, но король бельгійцевъ занялъ въ этомъ вопросѣ первенствующее положеніе. По его личному почину было учреждено извѣстное общество „Association internationale du Congo", которое посвятило себя изученію рѣки Конго и прилегающихъ къ ней областей. Это общество, съ исторіею котораго мы познакомимся впослѣдствіи, пріобрѣло громаднѣйшія области на берегахъ этой африканской рѣки и основало, послѣ берлинской конференціи, государство Конго подъ верховною властью короля Леопольда II. Такимъ образомъ Бельгія и государство Конго имѣютъ одного и того же государя и нѣтъ сомнѣнія, что бельгійцы воспользуются тѣми преимуществами и естественными льготами, которыя созданы для нихъ обстоятельствами и, въ особенности, личною инціативою ихъ короля.

Однако, какъ бы ни были значительны колоніальныя пріобрѣтенія всѣхъ вышеупомянутыхъ государствъ, они далеко не произвели такого дѣйствія и шума, какъ пріобрѣтенія, сдѣланныя въ новѣйшее время Германіей, которая изъ исключительно континентальной державы мало-по-малу превращается въ сильную морскую и колоніальную державу. Нельзя сказать, чтобы колоніи, основанныя до сихъ поръ Германіей, могли сравниваться по

естественному богатству или торговому значенію съ колоніями другихъ вышеприведенныхъ западно-европейскихъ державъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что Германія сразу заняла въ колоніальной политикѣ первенствующее мѣсто. Вѣдь въ столицѣ Германской Имперіи была собрана международная конференція, которая навсегда составитъ эпоху въ исторіи колонизаціи европейскими народами не-европейскихъ и варварскихъ странъ. Энергія и смѣлость, съ которыми князь Бисмаркъ защищаетъ и покровительствуетъ стремленіямъ германскаго народа на поприщѣ колоніальной политики, выдвинули на первое мѣсто этотъ вопросъ и придали ему такое животрепещущее значеніе въ настоящее время. Германія поставила подъ свое могущественное покровительство различныя области, пріобрѣтенныя предпріимчивыми германскими коммерсантами на юго-западномъ и восточномъ берегу Африки. Она обезпечила это покровительство за факторіями бременскаго купца Людерица въ Ангра-Пеквена и за складами и землями, пріобрѣтенными гамбургскимъ торговымъ домомъ Вермонъ на Золотомъ Берегу, въ Камерунѣ и въ заливѣ Біафра. Въ настоящее время германскій флагъ поднятъ также на берегахъ рѣки Конго, на сѣверо-восточномъ берегу Африки, на островахъ Фиджи и, въ самое послѣднее время, также на Каролинскихъ островахъ, на которые Испанія приписываетъ себѣ вѣковое правовладѣніе.

Всѣ приведенные факты доказываютъ, что возвратилось время, когда вопросы колоніальной политики составляли предметъ глубокаго изученія и вызывали серьезныя столкновенія между государствами. И дѣйствительно, въ настоящее время основанія и цѣли колоніальныхъ пріобрѣтеній вызываютъ самое серьезное вниманіе, и относительно разумности современной колоніальной политики высказываются самыя противорѣчивыя воззрѣнія.

По мнѣнію однихъ, и въ особенности германскихъ публицистовъ и политиковъ, пріобрѣтеніе колоній неотложно необходимо для прогрессивнаго развитія отечественной торговли и промышленности. Германская Имперія должна сдѣлаться великою колоніальною державою, потому что только посредствомъ основанія колоній германцы могутъ находить новые рынки для сбыта произведеній своей мануфактурной промышленности, развивать свои способности ассимилировать другіе народы и пріобрѣтать значеніе на моряхъ. Прежней до-седанской Германіи ставится въ упрекъ, что она усматривала назначеніе германскаго народа исключительно въ развитіи науки и искусства, вмѣсто того, чтобы завоевать себѣ подобающее мѣсто на поприщѣ всемірной торговли и промышленности. Въ Германіи учреждены особенныя колоніальныя

общества (Colonialvereine), поставившія себѣ задачею распространять всѣми способами это увлеченіе колоніальною политикою и поддерживать движеніе, направленное къ пріобрѣтенію въ различныхъ частяхъ свѣта новыхъ областей и къ учрежденію подъ германскимъ флагомъ новыхъ факторій.

Но не только въ Германіи общественное мнѣніе увлекается идеею о заморскихъ колоніяхъ. Во Франціи и въ Италіи существуютъ весьма вліятельныя общественныя теченія, напирающія на правительства въ только-что указанномъ смыслѣ. Извѣстный французскій политико-экономъ Леруа-Больё серьезно утверждаетъ, что если французскіе или итальянскіе переселенцы постоянно будутъ и впредь переходить въ составъ народовъ, которые оказываютъ имъ гостепріимство и если не будетъ особенныхъ французскихъ или итальянскихъ колоній, куда можно направить теченіе эмиграціи, въ такомъ случаѣ черезъ одно или два столѣтія на всемъ земномъ шарѣ останутся вѣроятно только три народа: англо-саксонцы, русскіе и китайцы. Эти три народа поглотятъ собою всѣ остальные и развѣ только одни германцы еще сохранятъ свою національную самобытность въ центрѣ Европы.

„Тотъ народъ,—говоритъ Леруа-Больё, — который имѣетъ наибольше способности къ колонизаціи, есть первенствующій народъ; если онъ еще сегодня не представляется таковымъ, то онъ имъ будетъ завтра [1]). Таково мнѣніе, которое безъ сомнѣнія господствуетъ въ настоящее время въ западной Европѣ и защищается такими замѣчательными государственными людьми, какъ князь Бисмаркъ, и писателями, какъ Леруа-Больё, Рошеръ и др.

Но нельзя сказать, чтобы это господствующее мнѣніе не находило сильныхъ противниковъ, отстаивающихъ прямо противоположное положеніе, что колонизація можетъ только ослабить политическое могущество европейскаго государства, требуя отъ него жертвъ, которыя далеко не выкупаются торговыми выгодами, представляемыми вновь учрежденными колоніями. Знаменитый Тюрго говоритъ уже въ половинѣ прошлаго столѣтія, что „колоніи подобны плодамъ, которые остаются на деревѣ, пока они не созрѣли“, и за четверть вѣка до отпаденія отъ Англіи сѣверо-американскихъ колоній, онъ уже предсказалъ, что „какъ только Америка въ состояніи будетъ имѣть попеченіе о самой себѣ, она сдѣлаетъ то, что̀ сдѣлали въ свое время Кароагеняне“. Исторія колоніальной политики Испаніи, Португаліи и Англіи приводится въ

---

[1]) P. Leroy-Beaulieu, De la colonisation chez les peuples modernes. Paris. 1879, p. 643.

доказательство этого положенія, потому что главнѣйшія испанскія и португальскія колоніи отдѣлились отъ метрополіи съ той самой минуты, какъ онѣ убѣдились въ своей собственной жизненной силѣ и въ своей способности дать отпоръ своимъ прежнимъ естественнымъ покровителямъ. Если Англія сохранила за собою громаднѣйшія колоніальныя владѣнія до настоящаго времени, то благодаря только той широкой свободѣ и почти полной автономіи, которую англійское правительство благоразумнымъ образомъ предоставляетъ Канадѣ, Австраліи и другимъ своимъ колоніямъ.

Кромѣ того, колоніи всегда вызывали самыя ожесточенныя войны между европейскими народами въ продолженіе трехъ столѣтій, и Бентамъ справедливо ставитъ освобожденіе колоній отъ метрополій первымъ условіемъ для лучшаго обезпеченія международнаго мира. Наконецъ доводы, приведенные отцомъ науки политической экономіи противъ заблужденій прежней колоніальной политики, остались до сихъ поръ заслуживающими глубокаго вниманія и отчасти неопровергнутыми. Если метрополія желаетъ пользоваться всѣми выгодами, которыя представляетъ торговля съ колоніями, она должна ихъ эксплуатировать и ограничивать ихъ свободу торговли въ свою пользу. Въ такомъ случаѣ колоніи должны видѣть въ метрополіи своего естественнаго врага и стремиться всѣми способами къ отложенію. Если же, наоборотъ, такая эксплуатація со стороны метрополіи не происходитъ и торговля съ колоніею совершенно свободна для всѣхъ, то нѣтъ надобности одной державѣ - метрополіи приносить особенныя жертвы на учрежденіе и сохраненіе колоніи. Въ такомъ случаѣ колонія будетъ торговать съ тѣми народами, которые даютъ высшія цѣны за ея произведенія и привозятъ продукты, въ которыхъ колонія нуждается [1]).

Наконецъ, нельзя не сознаться, что нѣкоторые факты новѣйшаго опыта въ области колоніальныхъ экспериментовъ, сдѣланныхъ Франціей въ Тонкинѣ и Италіей въ Массуа, оправдываютъ скептическое отношеніе къ колоніальной политикѣ современныхъ государствъ.

Имѣя въ виду тѣ обстоятельства, понятенъ будетъ интересъ, возбужденный берлинскою африканскою конференціей, въ постановленіяхъ которой рельефно обнаружилось современное направленіе колоніальной политики и значеніе, которое колоніи получили въ глазахъ европейскихъ государствъ. Но ошибочно было

---

[1]) Срав. Adam Smith, Wealth of nations, IV, ch. VII, part. III.

бы думать, что берлинская конференція уничтожила всѣ сомнѣнія относительно разумности новой колоніальной политики и примирила мнѣнія обѣихъ враждующихъ партій. Нисколько! Эта борьба продолжается, и если сторонники колонизаціи далекихъ тропическихъ странъ въ настоящее время торжествуютъ побѣду, то они этимъ прежде всего обязаны князю Бисмарку, ставшему въ ихъ ряды, и нѣкоторымъ другимъ, чисто случайнымъ обстоятельствамъ. Насколько же нынѣшнее движеніе въ западной Европѣ въ пользу учрежденія новыхъ колоній окажется плодотворнымъ и выгоднымъ для народнаго хозяйства и политическаго процвѣтанія увлекшихся колоніальною политикою государствъ, покажетъ будущее.

I.

Нельзя понять современную постановку вопросовъ колоніальной политики и опредѣлить значеніе постановленій берлинской африканской конференціи, не уяснивъ себѣ различныя существующія системы колонизаціи и опытъ прежней колоніальной политики. Только посредствомъ сопоставленія результатовъ колоніальной политики европейскихъ государствъ въ прежнія времена можно опредѣлить значеніе и особенности современныхъ колонизаторскихъ стремленій современныхъ народовъ.

Одинъ изъ лучшихъ изслѣдователей этого вопроса, Рошеръ, раздѣляетъ всѣ когда-либо существовавшія колоніи на четыре главныя категоріи: 1) завоевательныя колоніи, 2) коммерческія, 3) земледѣльческія и наконецъ 4) колоніи-плантаціи [1].

Подъ завоевательными колоніями (Eroberungskolonien) понимаются такія поселенія въ завоеванной странѣ, которыя имѣютъ цѣлью извлекать изъ военнаго и политическаго превосходства надъ какою-нибудь областью всевозможныя выгоды въ пользу завоевателя. Такія колоніи могутъ быть учреждаемы только въ болѣе или менѣе богатыхъ странахъ, съ населеніемъ довольно образованнымъ и значительнымъ, потому что только при такихъ условіяхъ завоевателю-колонизатору будетъ разсчетъ оставаться въ занятой имъ странѣ. Въ видѣ примѣровъ можно привести завоеванія норманнами Франціи, Италіи и Англіи, или шведами Финляндіи. Но наиболѣе поучительнымъ примѣромъ такого рода колонизаціи останется образъ дѣйствія испанцевъ въ Мексикѣ,

[1]) Roscher und Jannasch, Kolonien, Kolonialpolitik und Auswanderung. Lpz. 1885, стр. 3 и д.

Перу, Богота и въ другихъ частяхъ Америки. Испанцевъ-колонизаторовъ справедливо называли и „завоевателями“ (conquistadores) и вся ихъ колоніальная система состояла въ самой безпощадной эксплуатаціи занятыхъ ими земель, населеніе которыхъ было отдано въ тягло испанскимъ властелинамъ. Въ тѣсной связи съ завоевательными колоніями находятся военныя колоніи, которыя учреждались, напр., римлянами для лучшаго удержанія въ покорности завоеванныхъ земель.

Существенно отличаются отъ завоевательныхъ—колоніи торговыя (Handelskolonien), которыя учреждаются исключительно съ коммерческою цѣлью, и потому такая колонія должна представлять собою выгодный рынокъ для сбыта извѣстныхъ продуктовъ или для пріобрѣтенія другихъ. Подобныя колоніи возникають обыкновенно изъ факторій, которыя торговые люди основываютъ въ дальномъ иностранномъ городѣ или мѣстности, съ цѣлью устроить правильный обмѣнъ продуктовъ или продажу и покупку таковыхъ въ средѣ мѣстнаго населенія. Наиболѣе замѣчательными примѣрами такого рода колоній являются знаменитыя итальянскія колоніи въ Сиріи, Египтѣ, Малой Азіи и въ Крыму, возникшія съ XII столѣтія и развившіяся подъ покровительствомъ крестоносцевъ. Сюда же можно отнести знаменитыя факторіи Ганзейскаго союза, учрежденныя во всѣхъ главныхъ торговыхъ пунктахъ западной Европы и процвѣтавшія въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ.

Возникаютъ такія торговыя колоніи также на перекрестныхъ пунктахъ всемірной торговли, гдѣ требуется хорошій портъ для отдыха, и припасы, необходимые для дальнѣйшаго слѣдованія судовъ съ ихъ экипажами. Въ этомъ отношеніи любопытно возникновеніе порта Сингапура, достигшаго въ самое короткое время замѣчательнаго процвѣтанія. Основатель этой колоніи, сэръ Стамфордъ Рафльсъ, самъ опредѣлилъ ея назначеніе, сказавъ, что онъ не желаетъ захвата территоріи, но только созданія въ Сингапурѣ громаднаго торговаго склада и центра для распространенія англійскаго политическаго вліянія.

Нельзя также не признать такими коммерческими колоніями поселенія (settlements) европейцевъ и американцевъ въ предѣлахъ такихъ восточныхъ государствъ, какъ Турція, Китай и Японія. Здѣсь также возникаютъ первоначально факторіи, часто по инціативѣ какого-нибудь предпріимчиваго коммерсанта, а потомъ изъ нихъ образовываются цѣлыя поселенія, надъ которыми господствуетъ консульская власть съ правомъ судить и наказывать за всѣ совершенныя членами поселенія преступныя дѣянія. По-

добныя поселенія разрослись въ нѣкоторыхъ городахъ дальняго Востока (напр. въ Шанхаѣ) въ маленькій европейскій городъ съ европейскими порядками и властями, которые существуютъ совершенно независимо отъ мѣстной верховной власти. Населенія подобнаго поселенія одной національности называются у французовъ нація (nation), имѣющая подъ предсѣдательствомъ своего (французскаго) консула свои особенныя національныя собранія [1].

Но характеристическою чертою такихъ поселеній или вообще торговыхъ колоній является отсутствіе дѣйствительной осѣдлости въ средѣ ихъ членовъ: обыкновенно ни одинъ европеецъ не поселяется въ подобной колоніи sans esprit de retour. Каждый сохраняетъ тайное желаніе нажить, насколько возможно скорѣе, состояніе и возвратиться затѣмъ на родину. Этою характеристическою особенностью объясняется та безнравственная и часто преступная погоня за богатствомъ, которою обыкновенно отличается жизнь въ торговой колоніи. Безпредѣльная эксплуатація мѣстнаго полудикаго и беззащитнаго населенія, дерзкое и высокомѣрное отношеніе къ туземнымъ властямъ, которыхъ заставляютъ силою оружія или обманомъ признать за иностранцами всевозможныя привилегіи и права--вотъ обыкновенно средства, которыми европейцы распространяютъ изъ своихъ колоній блага европейской цивилизаціи и культуры на африканскіе и азіятскіе туземные народы.

Въ этомъ отношеніи современный Египетъ служитъ лучшимъ примѣромъ. Изъ факторій, учрежденныхъ венеціанцами, генуэзцами и пизанцами въ Египтѣ въ началѣ среднихъ вѣковъ, развились могущественныя европейскія колоніи, во главѣ которыхъ были, поставленные европейскими правительствами, консулы съ обширными полномочіями по администраціи и суду. Эти колоніи и консульскія полномочія сохранились въ Египтѣ до настоящаго времени, и безсовѣстная эксплуатація несчастныхъ феллаховъ и безпомощнаго правительства хедифа не прекратилась, не смотря на учрежденные международные суды и на англійскую оккупацію. Послѣдняя только увеличила тяжесть ига, наложеннаго европейцами на эту несчастную страну.

Наконецъ, можно замѣтить, что всякая колонизація обыкновенно начинается учрежденіемъ факторій или товарныхъ складовъ, которые мало-по-малу расширяются въ цѣлое поселеніе или торговую колонію. Такимъ образомъ, торговая колонія есть общій типъ, а другія колоніи, какъ завоевательная и земледѣльческая,

[1] Мое соч.: О консулахъ и консульской юрисдикціи на Востокѣ. Спб. 1873.

представляются только видами ея. Другою общею чертою всякой торговой колоніи является стремленіе основателя ея устранять всякую конкурренцію, чтобъ самымъ неограниченнымъ образомъ пользоваться всѣми выгодами и всѣми барышами, которые можно только извлекать изъ туземной торговли. Отсюда понятно, почему колоніальная политика воодушевлялась самымъ узкимъ эгоизмомъ и вызывала самыя стѣснительныя мѣры противъ всякой конкурренціи, которыя естественнымъ образомъ служили поводами для нескончаемыхъ столкновеній съ другими народами, съ бывшими опасными соперниками.

Но для того, чтобъ основывать торговыя колоніи и поддерживать надъ ними свою исключительную власть, основатели торговыхъ колоній должны обладать большимъ военнымъ флотомъ и богатствомъ. При отсутствіи этихъ двухъ условій торговыя колоніи не могутъ быть охраняемы ни отъ опасныхъ конкуррентовъ, ни отъ непріятельскихъ захватовъ.

Земледѣльческія колоніи (Ackerbaukolonien) основываются въ странахъ съ первобытною культурою и огромными свободными, т.-е. никѣмъ незанятыми, землями. Только въ такихъ странахъ выходцы изъ цивилизованныхъ государствъ могутъ находить земли для завладѣнія и обработки, которыя въ состояніи давать средства для пропитанія переселенца съ семьею. Первымъ условіемъ для основанія подобной колоніи необходима рѣшимость колонизаторовъ поселиться на долгое время на занятой землѣ, обработка которой требуетъ много труда и времени. Подобныя земледѣльческія колоніи возникаютъ обыкновенно въ странахъ, въ которыхъ климатъ не отличается существеннымъ образомъ отъ климата родины переселенцевъ. Наконецъ, понятно, почему такія колоніи, созданныя тяжелымъ трудомъ переселенцевъ, отличаются духомъ независимости и демократическими тенденціями. Подъ типъ земледѣльческихъ колоній подходятъ многія древне-греческія колоніи, поселенія англичанъ въ Сѣверной Америкѣ, испанцевъ въ южной Америкѣ, нѣмцевъ въ Венгріи и русскихъ въ Сибири.

Наконецъ, что касается колоній-плантацій (Pflanzungskolonien), то исключительное назначеніе ихъ, по Рошеру, производить товары, извѣстные подъ названіемъ колоніальныхъ, какъ-то кофе, сахаръ, ваниль, индиго и т. п. Эти колоніи называютъ „оранжереями Европы“, въ которыхъ всѣ работы совершаютъ негры или туземцы, привыкшіе къ тропическому климату. Европейцы никогда не считаютъ себя дома въ подобныхъ колоніяхъ, но продолжаютъ жить жизнью своей родины и только ждутъ вре-

мени, когда нажитое богатство имъ позволитъ возвратиться въ Европу, или, по меньшей мѣрѣ, жить тамъ болѣе или менѣе продолжительное время каждый годъ. Англійскіе весть-индскіе острова и голландскія колоніи въ Гуйана и Остъ-Индіи представляютъ лучшій типъ мелкихъ колоній, процвѣтаніе которыхъ зависитъ въ значительной степени отъ сохраненія невольничества, такъ какъ европейцы не въ состояніи исполнить тяжелый трудъ подъ тропическимъ небомъ подобныхъ колоній-плантацій.

Таковы главнѣйшіе виды колоній, учрежденныхъ когда-либо европейскими державами. Но, если мы привели раздѣленіе различныхъ колоній и системъ колонизаціи, предложенное такимъ авторитетомъ въ этомъ вопросѣ какъ Рошеръ, то все - таки не потому, что считаемъ его теорію безусловно основательною. Такъ намъ кажется довольно труднымъ провести какую-нибудь точную границу между земледѣльческими колоніями и „колоніями-плантаціями": въ тѣхъ и другихъ земледѣліе составляетъ главное основаніе богатства колонизаторовъ. Кромѣ того, нельзя отрицать, что различіе между приведенными четырьмя видами колонизаціи весьма часто стушевывается въ продолженіе времени и торговая колонія можетъ перейти въ земледѣльческую или наоборотъ.

Болѣе простымъ представляется намъ раздѣленіе колоній на такія, которыя возникли по частному почину самихъ колонизаторовъ и являются естественнымъ послѣдствіемъ господствующаго государственнаго строя; другія же возникаютъ по непосредственной иниціативѣ самихъ государствъ или состоятъ подъ ихъ покровительствомъ. Перваго рода колоніи можно назвать античными, потому что они существовали исключительно въ древнемъ мірѣ, когда жители древняго греческаго городового государства, оказавшіеся излишними, вслѣдствіе естественнаго нароста населенія, вынуждены были выселяться и основывать новыя колоніи.

Колоніи второго рода существуютъ почти исключительно въ настоящее время и ихъ можно назвать современными, потому что государство—родина колонизаторовъ—или само поручило кому-либо основаніе колоніи, или уже возникшую колонію оно беретъ подъ свою власть и покровительство. Въ послѣднемъ случаѣ колонія не является отрѣзаннымъ отъ родины колонизаторовъ ломтемъ, но сохраняетъ тѣсную связь съ государствомъ, въ составъ котораго входитъ также населеніе колоніи. При такихъ условіяхъ современная колонія должна быть только расширеніемъ предѣловъ государственной территоріи метрополіи и послѣдняя обязана поддерживать надъ колоніей свой авторитетъ и охранять

ея неприкосновенность отъ внѣшнихъ враговъ. Изъ современнаго государства переселяются въ принадлежащія ему колоніи лишніе капиталы, рабочіе, ремесленники и купцы, которые не находятъ на родинѣ, благодаря развитой до послѣдней степени конкурренціи, ни необходимаго поприща для дѣятельности, ни достаточныхъ средствъ существованія. Современное государство, основывая колонію, обязано брать на себя трудную роль воспитывать дикое или полу-дикое населеніе занятыхъ для колонизаціи земель и распространять въ его средѣ европейскую культуру и цивилизацію [1]). Эта роль выпала также на долю Россіи и Средней Азіи.

Если теперь спросить, какими причинами вызываются колоніи, то существуютъ извѣстныя обстоятельства, которыя во всѣ времена приводили къ учрежденію новыхъ колоній. Такъ, слишкомъ большая густота народонаселенія всегда вызывала отчаянную борьбу за существованіе, которая оканчивалась или гибелью „лишнихъ" жителей или выселеніемъ ихъ за предѣлы родины. Эмиграція ирландцевъ, англичанъ и нѣмцевъ въ Америку и Австралію объясняется, въ значительной степени, этою общею причиною, дѣйствіе которой чувствовали народы античнаго міра, и отъ него терпятъ также современныя западно-европейскія государства.

Не менѣе сильно дѣйствуетъ на развитіе колонизаціи огромное накопленіе капиталовъ въ странѣ, которое приводитъ естественнымъ образомъ къ такому пониженію процентовъ, что капиталы должны искать за-границею другого употребленія. Въ этой причинѣ усматриваютъ, между прочимъ, въ Германіи необходимость въ основаніи колоній съ новыми рынками и лучшими условіями для употребленія накопленныхъ и свободныхъ капиталовъ. Къ другимъ причинамъ, вызвавшимъ учрежденіе новыхъ колоній, нельзя не отнести неудовольствіе части гражданъ цивилизованнаго государства соціальнымъ и политическимъ строемъ родины. Большіе политическіе перевороты или религіозная нетерпимость приводили къ эмиграціи части населенія, и такіе эмигранты положили основаніе такимъ колоніямъ, какъ нынѣшніе Сѣверо-Американскіе Штаты.

Само собою разумѣется, что всѣ эти различныя причины могутъ дѣйствовать вмѣстѣ и исторія колонизаціи представляетъ тому много примѣровъ. Такъ, Колумбъ не только былъ воодушевленъ мыслью открыть свѣтъ, существованіе котораго онъ угадалъ своимъ возвышеннымъ умомъ, но онъ также увлекался

---

[1]) Срав. Seeley, The expansion of England, chap. III, IV.

религіозною цѣлью: собрать настолько денегъ, чтобъ вызвать новый крестовый походъ и завоевать святыя мѣста. Кортесъ, завоеватель Мексики, поставилъ на своемъ знамени знаменитыя слова: Sub hoc signo vinces!—и не только жажда золота, но не менѣе религіозный фанатизмъ руководили имъ при разрушеніи царства Монтецумы и идоловъ мексиканцевъ.

Указавъ на эти общія историческія причины колонизаціи, мы увидимъ теперь, какъ онѣ обнаруживали свое дѣйствіе въ главнѣйшихъ системахъ колонизаціи, примѣнявшихся до настоящаго времени европейскими государствами.

II.

Колоніальныя державы XVI и XVII вѣковъ не только различались по объему своихъ колоніальныхъ владѣній, но также по политикѣ, которой они придерживались въ отношеніи ихъ. Общія начала колоніальной политики были одинаковы какъ въ Испаніи, такъ и въ Англіи или Голландіи, потому что всѣ колоніальныя державы руководились одною общею цѣлью: извлекать изъ колоній наибольшую пользу при наименьшей тратѣ силъ для достиженія этой цѣли. Только весьма различны были средства, къ которымъ прибѣгали эти колоніальныя государства въ преслѣдованіи указанной цѣли. Въ этомъ отношеніи существовала существенная разница между колоніальною политикою Испаніи и Португаліи съ одной стороны, Англіи и Голландіи съ другой. Если первыя двѣ державы усматривали въ устроеніи всевозможныхъ преградъ для торговли самой метрополіи съ колоніями лучшій способъ выгодной эксплуатаціи послѣднихъ, то, напротивъ, англійская и голландская политика старалась развивать эту торговлю и увеличивать производительность своихъ колоній. Только отъ этой торговли и болѣе развитой производительности колоній должны были обогащаться исключительно Англія и Голландія, но никакъ не другіе народы. Англо-голландская колоніальная система привела къ дѣйствительному развитію производительныхъ силъ и общественно-государственныхъ порядковъ въ колоніяхъ въ смыслѣ самоуправленія и свободы. Испано-португальская система имѣла послѣдствіемъ экономическое истощеніе колоній и политическое ихъ разстройство, обнаруживающееся и по настоящее время постоянными заговорами и государственными переворотами въ странахъ, бывшихъ прежде испанскими колоніями. Если англо-голландская система не препятствовала серьезными мѣрами развитію

демократическихъ порядковъ и общественнаго самоуправленія, свойственныхъ вообще колоніямъ, то, напротивъ, испано-португальская колоніальная политика развивала классъ могущественныхъ чиновниковъ-бюрократовъ, старавшихся убивать въ колоніяхъ малѣйшіе проблески самостоятельности и туземной самобытности. Окончательный результатъ соотвѣтствовалъ политикѣ той и другой системы: Англія и Голландія до сихъ поръ сохранили свои богатѣйшія колоніи и политическое и экономическое ихъ могущество покоится, въ значительной степени, на этихъ владѣніяхъ. Испанія и Португалія потеряли безвозвратно лучшія свои колоніи, и тѣ, которыя за ними остались, находятся далеко не въ цвѣтущемъ положеніи.

Что касается Франціи, какъ колоніальной державы, то даже такіе воодушевленные защитники новыхъ колоніальныхъ пріобрѣтеній, какъ напр. Леруа-Больё и Габріэль Шармъ [1]), не могутъ отрицать, что политика французскаго правительства, въ отношеніи колоній, всегда отличалась большою неустойчивостью и „казеннымъ“ къ нимъ отношеніемъ. И дѣйствительно, всѣмъ извѣстна неспособность французовъ колонизировать прочнымъ и успѣшнымъ образомъ какую-нибудь страну.

Если теперь посмотримъ поближе, какими особенностями отличались испано-португальская и англо-голландская системы, то обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе факты. Образъ дѣйствія испанскаго правительства въ отношеніи своихъ колоній и, съ другой стороны, мѣры, принятыя англійскимъ правительствомъ, обнаруживаютъ характеристичныя черты той или другой системы.

Испанская поговорка говоритъ: „кто желаетъ сдѣлать карьеру, долженъ служить церкви, на морѣ или въ королевскомъ домѣ“. Въ этой поговоркѣ выражается общее направленіе общественной жизни Испаніи: дворянство, духовенство и въ частности военное сословіе поглощали собою всю общественную жизнь и службу. Занятіе торговлею и промышленностью должно было считаться унизительнымъ и потому нигдѣ въ свѣтѣ не было столько дворянъ, офицеровъ, чиновниковъ, монаховъ и священниковъ, какъ въ этой странѣ.

Подобный строй общественнаго порядка проявлялъ непосредственное свое дѣйствіе въ сферѣ колоніальной политики. Испанское правительство Филиппа II и его преемниковъ усматривало единственный источникъ народнаго богатства исключительно въ американскихъ золотыхъ и серебряныхъ пріискахъ. Потому относи-

---

[1]) Gabriel Charmes, Politique exterieure et coloniale. Paris, 1885.

лось оно съ величайшимъ презрѣніемъ къ промышленности и земледѣлію самой Испаніи и нисколько не останавливалось предъ самыми жестокими мѣрами истребленія противъ своихъ подданныхъ, занимавшихся промышленностью или земледѣліемъ, если они не исповѣдывали господствующую и единственно терпимую вѣру [1]). Для того, чтобъ получить изъ своихъ богатыхъ американскихъ колоній добытые драгоцѣнные камни, золото, серебро и ртуть, испанское правительство опредѣлило самымъ подробнымъ образомъ не только порядокъ добыванія этихъ предметовъ, но и путь, по которому они могли быть вывозимы. Всѣ эти колоніальныя богатства отправлялись изъ Америки чрезъ Портобелло въ Севилью особенными кораблями, которые ходили караванами и, подъ страхомъ жестокихъ наказаній, не смѣли заходить на пути въ какой-либо неназначенный портъ. Эти экспедиціи отправлялись изъ Америки въ метрополію въ опредѣленные сроки и состояли изъ извѣстнаго числа военныхъ судовъ подъ начальствомъ адмирала. Право же пользоваться этими морскими караванами для продажи товаровъ или покупки колоніальныхъ предметовъ сдѣлалось скоро монополіей двухъ торговыхъ компаній, которыя также устраняли возможность всякой конкурренціи. Понятно, что такая запретительная система вызывала контрабандную торговлю въ самыхъ неслыханныхъ размѣрахъ и англійскія, французскія и голландскія колоніи въ Вестъ-Индіи были до начала нынѣшняго столѣтія открытыми притонами организованной контрабандной торговли съ испанскими колоніями.

Далѣе, испанское правительство воздвигало всевозможныя преграды для переселенія въ колоніи и сношеній съ ними. Исключительно черезъ Севилью можно было попасть въ колонію и то не иначе какъ съ особеннаго разрѣшенія правительства и обыкновенно не болѣе какъ на два года. Система изолированности колоній отъ всего остальнаго міра проводилась съ крайнею строгостью и послѣдовательностью. Наиболѣе рельефно обнаруживается это направленіе испанской колоніальной политики въ организаціи знаменитой іезуитской колоніи въ Парагваѣ, въ которой всѣ хорошія и дурныя стороны этой политики выступаютъ совершенно осязательнымъ образомъ. Какъ во всѣхъ испанскихъ колоніяхъ, такъ и въ частности парагвайской, всѣмъ вмѣнено въ обязанность относиться человѣколюбиво и справедливо къ туземному населенію индѣйцевъ. Вся жизнь этой колоніи была опредѣлена какъ жизнь въ монастырѣ: вся правительственная власть сосредоточи-

---

[1]) Срав. Leroy-Beaulieu, De la colonisation, p. 36 etc.

валась въ рукахъ или монаховъ, или священниковъ. Вообще на весь внутренній строй испанскихъ колоній католическая церковь имѣла самое рѣшительное вліяніе, и полнѣйшій застой общественной и экономической жизни колоній значительно объясняется этимъ пагубнымъ вліяніемъ. Церковь не могла желать поселенія иностранцевъ, менѣе всего иновѣрцевъ, въ странахъ, подлежащихъ власти католическаго короля. Потому иностранцы совсѣмъ не допускались и если они получали разрѣшеніе на поселеніе отъ центральнаго правительства, то колоніальная мѣстная власть изобрѣтала всевозможныя средства, чтобъ сдѣлать иностранцамъ жизнь нестерпимою.

Однимъ словомъ, сама Испанія казалась осаждаемою крѣпостью, въ которую колоніи могли вступать только чрезъ одни ворота— городъ Севилью. Съ другой стороны, сами колоніи также были такими осаждаемыми и неприступными крѣпостями, въ которыя метрополія могла входить только въ опредѣленные сроки и при соблюденіи весьма строгихъ предписаній.

Если теперь спросить: какую пользу принесли эти колоніи Испаніи, то на этотъ вопросъ можно только отвѣтить — весьма незначительную. Едва ли можно считать, вмѣстѣ съ Рошеромъ, особеннымъ барышемъ для Испаніи одно только „политическое наслажденіе“ владѣть такими огромнѣйшими странами, какими были испанскія колоніи еще въ половинѣ прошлаго столѣтія. Едва ли испанцы чувствовали такое наслажденіе и едва ли они увлекались идеею объ „исторической славѣ“, которая выпадетъ на ихъ долю за обращеніе въ христіанскую вѣру языческаго населенія колоній и за распространеніе въ его средѣ культуры и цивилизаціи [1]). Еслибъ испанцы сознавали все то, что имъ приписываютъ, они не убивали бы систематически въ подчиненныхъ колоніяхъ всякую свободу и всякій личный и общественный починъ, стараясь превращать живыхъ людей въ бездушныя машины. Этимъ путемъ нельзя распространять блага высшей культуры, а менѣе всего можно ихъ прививать.

Оцѣнкѣ подлежитъ только непосредственная польза, которую Испанія извлекала изъ своихъ богатѣйшихъ колоній. Эта польза не превышала пяти милліоновъ піастровъ въ годъ, которые поступали въ государственную казну. Цѣлая армія чиновниковъ всѣхъ ранговъ поглощала самую значительную часть дохода, поступавшаго изъ колоній, и только для должностныхъ лицъ, священнослужителей и военныхъ, а равно и для незначительной

[1]) Roscher, Kolonien, стр. 170.

части испанскаго купечества колоніи приносили болѣе или менѣе значительную пользу. Купеческія компаніи, имѣвшія монополію на подвозъ въ колоніи опредѣленныхъ предметовъ, наживали 300 процентовъ, потому что въ состояніи были назначать цѣны ad libitum на свои товары. Они оставляли иногда безъ подвоза хлѣба колонію, чтобъ заставить населеніе ея платить бѣшеныя деньги за привезенный во время наступившаго голода хлѣбъ. Жители острова Св. Христофа буквально умерли бы отъ голода, еслибъ случайно не зашло голландское судно съ хлѣбомъ. Но испанская компанія объявила, что этотъ хлѣбъ—контрабанда и получила право конфисковать въ свою пользу и судно, и грузъ. Только во время войны Испаніи съ какою-нибудь другою державою колоніямъ было жить легче, потому что тогда подвозъ контрабанды былъ несравненно безопаснѣе, и сообразно съ уменьшеніемъ риска, падали также цѣны на подвозимые контрабандные товары [1]).

Такова колоніальная система Испаніи, которая привела къ отложенію самыхъ богатыхъ колоній въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Наполеоновскія войны дали рѣшительный толчекъ къ эмансипаціи этихъ колоній и союзники испанцевъ, англичане, весьма удачно воспользовались обстоятельствами, чтобъ развязывать узелъ, связывавшій американскія и испанскія владѣнія съ мадридскимъ правительствомъ. Англія открыто потворствовала возставшимъ колоніямъ и первая признала ихъ независимость. Но если посмотримъ, какіе порядки и права были заложены трехвѣковымъ владычествомъ Испаніи въ ея американскихъ колоніяхъ, то справедливость требуетъ сказать, что это владычество было въ высшей степени пагубно, какъ для самой Испаніи, такъ и для ея колоній. Въ самой Испаніи легкость наживы для арміи чиновниковъ и монаховъ насчетъ колоній воспитывала тунеядство и обскурантизмъ, которые сдѣлались типичными чертами національнаго характера испанцевъ. Произволъ же испанскихъ колоніальныхъ властей и іезуитскіе порядки, навязанные колоніямъ, содѣйствовали искорененію всякой личной инипіативы и пониманія свободы, какъ неразрывно связанное съ порядкомъ условіе правильной общественной жизни. Въ бывшихъ испанскихъ колоніяхъ въ Америкѣ государственные перевороты, нескончаемыя смуты, открытый разбой, насилія и продажность всего и всѣхъ сдѣлались совершенно нормальнымъ обыденнымъ порядкомъ. Въ одномъ Буэносъ-Айресѣ въ продолженіе девяти мѣсяцевъ были низвергнуты 15 президентовъ этой республики, изъ

[1]) Срав. Guyot, Lettres sur la politique coloniale. Paris, 1885, p. 115, etc.

которыхъ каждый былъ избранъ на три года! Какіе порядки существуютъ въ Мексикѣ, въ американскихъ республикахъ центральной Америки и въ южно-американскихъ, какъ Перу, Боливія и Чили—извѣстно каждому [1]).

Наконецъ, любопытно, что эти бывшія испанскія колоніи платятъ своей бывшей метрополіи-воспитательницѣ неблагодарностью, впрочемъ, совершенно справедливою, за образъ дѣйствія ея въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Сношенія и торговые обороты между этими бывшими испанскими владѣніями и Испаніею весьма случайны и незначительны. Напр., въ 1854 году изъ Перу вывозили въ Испанію всего на 20,000 франковъ; въ Англію же больше, чѣмъ на 30 милліоновъ. Привозъ изъ Испаніи немногимъ превысилъ сумму въ 2 милліона, между тѣмъ, какъ изъ Франціи онъ превысилъ сумму въ 5 милліоновъ, а изъ Англіи—18 милліоновъ.

Этотъ результатъ испанской политики служитъ подтвержденіемъ аксіомы, что колонизація по силамъ и выгодна только для государства, постоянно развивающагося въ культурномъ и политическомъ отношеніи. Только такое государство имѣетъ достаточно могущества, чтобы поддерживать свою власть надъ колоніями и необходимую культурную силу, чтобъ совершить дѣло колонизаціи съ пользою для себя и для подвластныхъ колоній. Какъ этотъ окончательный выводъ, такъ и представляемая характеристика колоніальной политики Испаніи относятся большею частью также къ Португаліи.

Остановимся теперь на колонизаторской дѣятельности той державы, которая является въ настоящее время первенствующимъ колоніальнымъ государствомъ—Англіи. Нельзя не сказать, прежде всего, оцѣнка этой дѣятельности со стороны писателей и государственныхъ людей весьма различна. Если Адамъ Смитъ доказывалъ, что Англія была близорука и несправедлива въ отношеніи своихъ колоній, и если Боркъ былъ убѣжденъ, что только мытарства и насилія со стороны англійскаго правительства вызвали возстаніе сѣверо-американскихъ колоній, то въ новѣйшее время, напротивъ, сэръ Корнуэль Льюисъ и Силей утверждаютъ, что такія обвиненія несправедливы и, по меньшей мѣрѣ, преувеличены.

„Наша старая колоніальная система, — говоритъ Силей, — нисколько не была на практикѣ деспотическою... Несчастіе этой системы заключалось не въ томъ, что она слишкомъ вмѣшивалась,

---

[1]) Срав. Leroy-Beaulieu, De la colonisation, p. 40 etc.

но въ томъ, что вмѣшательство, ею дозволяемое, носило ненавистный характеръ. По этой системѣ мало требовалось отъ колоній, но что̀ требовалось, было несправедливо. Она предоставляла неограниченную свободу колоніямъ во всѣхъ областяхъ, за исключеніемъ одной—торговли и въ эту область она вмѣшивалась съ цѣлью облагать населеніе колоній въ пользу торговцевъ въ метрополіи... По этой системѣ слѣдовало бы управлять жителями колоній, какъ англичанами и братьями, а, между тѣмъ, ими управляли какъ будто они—покоренные индѣйцы. Съ другой стороны, въ то самое время какъ Англія обращалась съ ними какъ съ покоренными, она давала имъ столько свободы, что они могли легко бунтоваться" [1]).

Это мнѣніе современнаго англійскаго писателя, высказавшаго весьма остроумный взглядъ на исторію Англіи въ связи съ ея многочисленными колоніями, становится въ разрѣзъ съ мнѣніемъ, которое высказалъ Адамъ Смитъ и господствующимъ въ особенности въ континентальной литературѣ. Посмотримъ, которое же изъ тѣхъ двухъ мнѣній болѣе подтверждается фактами.

Первоначальныя цѣли англійской колоніальной политики представляются несравненно возвышеннѣе и справедливѣе задачъ, которыя себѣ поставили испанцы. Основателемъ англійской колонизаціи справедливо считается сэръ Вальтеръ Ралей (Raleigh), который вызывалъ своихъ соотечественниковъ на переселеніе во вновь открытый свѣтъ (Америку), но не только для добыванія одного золота. Вотъ какія цѣли поставилъ онъ англійской колонизаціи: завладѣніе новыми плодородными землями, которыя должны находиться въ благопріятномъ климатѣ; пріобрѣтеніе новыхъ предметовъ для обмѣна; открытіе новыхъ рынковъ; увеличеніе судоходства и, наконецъ, уменьшеніе густоты народонаселенія въ Англіи, посредствомъ выселенія въ колоніи. Подобную же инструкцію далъ нѣсколько лѣтъ позже (въ 1576 году) знаменитый Гаклуйтъ (Hackluyt) англичанамъ, предпринявшимъ экспедицію для открытія новыхъ земель и учрежденія новыхъ колоній. На основаніи этой инструкціи, членамъ экспедиціи было предписано, при основаніи новой колоніи, смотрѣть, чтобъ послѣдняя имѣла хорошій портъ и могла бы служить отличнымъ складочнымъ мѣстомъ для привозныхъ и вывозныхъ товаровъ. Далѣе, колонія должна имѣть умѣренный климатъ, прѣсную воду, съѣстные припасы, дрова и лѣсъ для постройки домовъ [2]).

[1]) Seeley, Expansion of England, p. 79 etc.

[2]) Hackluyt. Voyages, navigations, traffiques and discoveries of the English nation t. III, p. 45 etc.

Наконецъ, знаменитый лордъ Бэконъ преподавалъ такія самыя наставленія своимъ соотечественникамъ, требуя отъ нихъ, чтобъ они, при основаніи колоній, не увлекались жаждою легкой и скорой наживы, но работали въ виду будущихъ временъ, когда ихъ разумное и справедливое отношеніе къ туземному населенію занятой страны и къ источникамъ естественнаго богатства, въ ней скрывающагося, навѣрно принесетъ имъ богатые плоды.

Эти практическіе совѣты великихъ основателей англійской колоніальной системы не только дѣлаютъ имъ честь, но и обнаруживаютъ глубокое пониманіе условій, безусловно необходимыхъ для колонизаціи со стороны европейцевъ. Такъ, требованіе, чтобъ колонія была основана только въ умѣренномъ климатѣ, безусловно основательно, потому что, какъ показываетъ вѣковой опытъ, только въ умѣренномъ климатѣ европейцы могутъ жить и имѣть дѣтей. Это условіе, къ сожалѣнію, часто забывается въ настоящее время, когда желаютъ заставить европейцевъ привыкать къ убійственному африканскому климату, требовавшему уже слишкомъ много жертвъ.

Но указанія первыхъ англійскихъ колонизаторовъ важны еще какъ критеріумъ другихъ колоніальныхъ системъ и даже самой англійской. Такъ, требованіе, чтобъ колонизаторы не увлекались жаждою золота и лучше занимались земледѣліемъ или торговлею своими произведеніями, заключаетъ въ себѣ неопровержимую критику образа дѣйствія Испаніи въ отношеніи ея колоній. Если же лордъ Бэконъ настаиваетъ на человѣколюбивомъ отношеніи къ туземнымъ жителямъ, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ уже впередъ осуждалъ поведеніе своихъ соотечественниковъ къ краснокожимъ въ Америкѣ и индусамъ въ Азіи.

Дѣйствительно, значительная часть этихъ разумныхъ совѣтовъ весьма скоро была забыта англичанами, и колоніальная система ихъ приняла направленіе, которое ни Ралей, ни Гаклуйтъ, ни лордъ Бэконъ одобрить не могли.

Всѣ англійскія колоніи раздѣлялись, на основаніи ихъ происхожденія и присвоенныхъ имъ правъ, на три категоріи: 1) колоніи, управляемыя на правѣ частной собственности (Proprietary-colonies); 2) колоніи, управляемыя на основаніи особенныхъ пожалованій (Charter-colonies) и, наконецъ, 3) колоніи, принадлежащія англійской коронѣ (Crown-colonies).

Колоніи первой категоріи принадлежали, какъ частная собственность, опредѣленному лицу или цѣлому роду, которые управляли ими въ силу права перваго завладѣнія, признаннаго впослѣдствіи англійскимъ правительствомъ. Въ этомъ смыслѣ, Мэрилендъ

въ Сѣверной Америкѣ составлялъ колоніальную собственность лорда Балтимора, который налагалъ на населеніе подати и получилъ отъ англійскаго короля въ 1632 году право назначать всѣхъ чиновниковъ, возводить въ званіе барона, давать амнистію и, вообще, управлять почти неограниченнымъ образомъ всѣми, безъ исключенія, жителями своей колоніи.

Изъ всѣхъ подобнаго рода колоній самая знаменитая—Пенсильванія, принадлежавшая Вильяму Пенну, который пріобрѣлъ ее въ 1681 году отъ короля Карла II за долгъ въ 16,000 фунтовъ стерл. Пеннъ обязался не налагать никакихъ пошлинъ на товары и вообще не стѣснять торговлю, но издавать законы, которые, по истеченіи пяти лѣтъ послѣ ихъ обнародованія, должны были быть представлены на одобреніе англійскаго правительства. Несмотря на всевозможныя права и льготы, Пеннъ раззорился, управляя этою колоніею; только его наслѣдникъ сталъ получать отъ Пенсильваніи значительный доходъ. Судьба этихъ колоній, принадлежавшихъ опредѣленнымъ лицамъ, была та, что онѣ мало-помалу стали обращаться во владѣнія, зависящія отъ англійскаго правительства, и подчиняться англійскимъ законамъ. Англійское правительство воспользовалось въ 1729 году своимъ несомнѣннымъ правомъ выкупить право владѣнія оставшихся собственниковъ колоній и обратить послѣднія въ коронныя колоніи.

Та же самая судьба выпала на долю колоній второй категоріи, основывавшихся на основаніи особенныхъ жалованныхъ грамотъ, полученныхъ отъ королевской власти. Такъ король Іаковъ I пожаловалъ въ 1606 году двумъ торговымъ компаніямъ право колонизировать, первой—южную часть берега нынѣшнихъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, а второй—сѣверную часть того же берега. Эти компаніи должны были имѣть свои управленія въ Англіи и надъ ними, для контроля надъ ихъ образомъ дѣйствія, былъ учрежденъ въ Лондонѣ особенный верховный совѣтъ.

Впослѣдствіи были учреждены еще другія подобныя компаніи, которымъ королевское правительство жаловало право управленія и эксплуатаціи американскихъ колоній. Такъ, кромѣ компаніи, управлявшей нынѣшнимъ штатомъ Виргинія, была другая для эксплуатаціи Массачузетса; третья для Коннектикэта и т. д. Общія собранія этихъ компаній получали, мало-по-малу, почти неограниченную власть надъ колоніями, обыкновенно подъ условіемъ уплаты въ пользу королевской англійской казны опредѣленной подати, въ видѣ 20% сбора съ добываемаго золота и серебра. Только нельзя не замѣтить, что жители этихъ колоній, переселившіеся изъ Европы или происходившіе отъ англичанъ, весьма

скоро пришли къ сознанію своихъ правъ и добились участія какъ въ мѣстномъ законодательствѣ, такъ и въ управленіи [1]). Когда же англійское правительство отказалось продолжать признавать дѣйствіе жалованныхъ грамотъ и поставило эти колоніи подъ непосредственную свою власть, жители ихъ были поставлены въ равное съ населеніемъ всѣхъ коронныхъ колоній положеніе.

Вообще, исторія всѣхъ торговыхъ колоній, получившихъ право осуществлять верховную власть надъ какою-нибудь областью, показываетъ, какъ скоро обнаруживается полная несостоятельность ихъ благоразумно пользоваться ихъ обширными правами. Правительство должно, въ концѣ концовъ, вмѣшиваться и охранять своихъ подданныхъ—жителей подвластной компаніи территоріи—отъ безсовѣстной эксплуатаціи, вызванной низкимъ торгашескимъ интересомъ. Правительство торговой компаніи можетъ руководствоваться только соображеніями объ увеличеніи своего барыша и всякія возвышенныя соображенія объ общественной пользѣ должны быть ему чужды. Исторія вышеупомянутыхъ компаній, учрежденныхъ съ колонизаторскою миссіей, равно и знаменитой англійской ость-индской компаніи, завоевавшей для Англіи всю Индію, служитъ доказательствомъ неотложной необходимости правительственнаго вмѣшательства въ дѣло колонизаціи и управленія колоніями [2]).

Въ виду этихъ соображеній понятно, почему въ настоящее время почти всѣ англійскія колоніи принадлежатъ правительству и называются коронными. Положеніе этихъ колоній было съ самаго начала весьма удовлетворительно: въ нихъ были введены англійскіе законы, суды и порядки, такъ что каждый переселившійся англичанинъ находилъ за моремъ, въ колоніи, новую родину въ буквальномъ смыслѣ слова. Но если спросимъ, какой же порядокъ управленія выработался для этихъ коронныхъ англійскихъ колоній, ты мы войдемъ, при разсмотрѣніи этого вопроса, прямо въ самую суть англійской колоніальной политики.

Первоначально, во второй половинѣ XVI вѣка, въ основаніе англійской системы была положена широкая свобода торговли, человѣколюбивое отношеніе къ туземному или первоначальному населенію и уваженіе политическихъ правъ переселившихся европейцевъ. Но, начиная съ первыхъ годовъ XVII столѣтія, колоніальная политика начинаетъ принимать совершенно другое направленіе: противъ индѣйцевъ начинаются безпощадныя войны истреб-

---

[1]) Bancroft, History of the colonisation of the United States, II, p. 78 etc.

[2]) Roscher, Kolonien, S. 199, 254 etc.

ленія, свободу торговли начинають систематически ограничивать и, наконецъ, надъ правами населенія колоніи надругаться. Мало-по-малу становятся девизомъ англійской колоніальной политики слова лорда Шеффильда: „Единственная польза отъ американскихъ колоній или вестъ-индскихъ острововъ заключается въ монополизаціи ихъ потребленія и въ транспортѣ ихъ произведеній“.

Согласно этому воззрѣнію на колоніи, постепенно получившему съ XVII ст. значеніе господствующаго мнѣнія, всѣ торговые обороты съ колоніями должны исключительно сосредоточиваться въ рукахъ англичанъ и всякія сношенія другихъ европейскихъ народовъ съ колоніями должны быть преслѣдуемы какъ преступное нарушеніе правъ англійской короны.

Это положеніе было торжественно подтверждено въ знаменитомъ навигаціонномъ актѣ Кромвелля 1651 года, въ силу котораго никакіе не-европейскіе товары и, въ частности, изъ англійскихъ колоній не могутъ быть привезены въ Англію иначе какъ на англійскихъ судахъ, т.-е. на такихъ судахъ, которыя построены въ Англіи, принадлежать англійскимъ подданнымъ и имѣютъ экипажъ, состоящій подъ командою англичанина и на три четверти изъ англійскихъ подданныхъ.

Такимъ образомъ, торговля съ колоніями сдѣлалась равною каботажной торговлѣ, обыкновенно открытой только подданнымъ одного прибрежнаго государства. Кромѣ того, только англичане могли имѣть продолжительное пребываніе въ колоніяхъ и заниматься тамъ торговыми оборотами. Наконецъ, навигаціонный актъ приводитъ списокъ точно исчисленныхъ товаровъ (enumerated articles), которые могутъ быть привозимы изъ какой-нибудь англійской колоніи исключительно въ Англію, Ирландію или въ другія англійскія колоніи. Къ такимъ товарамъ были причислены наиболѣе важные и цѣнные, какъ сахаръ, табакъ, хлопокъ и т. п. Черезъ немного лѣтъ было прибавлено къ этому предписанію навигаціоннаго акта, что европейскіе товары, даже если они составляютъ грузъ англійскаго судна, все-таки не могутъ быть прямо привозимы въ колоніи, но должны непремѣнно быть сперва привезены въ Англію, а оттуда въ колоніи [1]).

Такимъ образомъ, Англія должна была сдѣлаться складочнымъ мѣстомъ для всѣхъ товаровъ, которые привозились въ колоніи или оттуда вывозились, и англійское судоходство должно было принять грандіозные размѣры. Идея же о спискѣ „исчисленныхъ предметовъ“ оказалась впослѣдствіи въ высшей степени счастливою: ан-

[1]) Roscher, Kolonien, S. 209.

глійское правительство постоянно измѣняло его, сообразно обстоятельствамъ и состоянію англійской промышленности и земледѣлія. Почти всѣ колоніальные продукты, которыхъ сама Англія не въ состояніи была производить или въ которыхъ нуждались англійскіе фабрики и заводы, были мало-по-малу причислены къ „enumerated articles". Напротивъ, тѣ колоніальные продукты, конкурренція съ которыми была опасна для англійской промышленности, могли быть вывозимы непосредственно изъ колоній во всѣ страны, но только на англійскихъ судахъ. Къ такимъ предметамъ были отнесены, напр. хлѣбъ, солонина, соленая рыба, ромъ и лѣсъ, т.-е. такіе предметы, которые наибольше производили колоніи. Вообще, измѣненіе этого списка исчисленныхъ товаровъ вполнѣ зависѣло отъ усмотрѣнія англійскаго правительства, и жители колоній никакъ не могли предвидѣть судьбу производимыхъ ими товаровъ. Такой произволъ долженъ былъ вызвать въ населеніи колоній сильнѣйшее ожесточеніе, тѣмъ болѣе, что контроль за точнымъ исполненіемъ предписаній навигаціоннаго акта вызывалъ крайне стѣснительныя для производства и сбыта товаровъ мѣры.

Но положеніе англійскихъ колоній стало еще хуже съ конца XVII столѣтія, когда въ Англіи воцарилась меркантильная система, предъ истинами которой преклонялись и государственные люди, и писатели. По мѣрѣ того какъ эта система сдѣлалась достояніемъ всѣхъ и по мѣрѣ того, какъ англійскій парламентъ, съ воцареніемъ Вильгельма Оранскаго, сталъ присвоивать себѣ верховную власть въ законодательствѣ и управленіи, положеніе колоній дѣлалось все хуже и хуже. Англійскій парламентъ, въ составъ котораго вошли наиболѣе крупные представители англійской торговли и промышленности, еще менѣе считалъ нужнымъ стѣсняться въ своихъ мѣропріятіяхъ въ отношеніи колоній, нежели это дѣлали Стюарты или Кромвелль. Если, благодаря навигаціонному акту, англійское кораблестроеніе и мореплаваніе должны были развиться до небывалыхъ размѣровъ, то, съ начала прошлаго столѣтія, англійское правительство поставило себѣ цѣлью развить до грандіозности свою фабричную и заводскую промышленности на счетъ законныхъ интересовъ и природнаго богатства колоній.

Эту цѣль англійской колоніальной политики можно резюмировать въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: колоніи должны исключительно производить сырье для обработки на англійскихъ фабрикахъ и заводахъ. Сами колоніи не должны были имѣть никакой промышленности и всѣ свои мануфактурныя произведенія исклю-

чительно покупать на англійскихъ рынкахъ, откуда ихъ привозили въ колоніи на англійскихъ же судахъ. Малѣйшій признакъ промышленной конкурренціи со стороны колоній былъ убитъ въ самомъ зародышѣ. Когда, напр., въ 1699 году англійское правительство стало замѣчать, что американскіе платки дѣлаютъ на нѣкоторыхъ иностранныхъ рынкахъ конкурренцію англійскимъ платкамъ, оно немедленно запретило вывозить изъ какой бы то ни было англійской колоніи шерстяныя издѣлія. Даже изъ одной колоніи въ другую было запрещено, подъ страхомъ конфискаціи судна, товаровъ и наложенія громадной денежной пени, вывозить шерстяныя вещи. Этого мало: даже американскимъ матросамъ было предписано имѣть на себѣ шерстяныхъ вещей не болѣе какъ на 40 шиллинговъ.

Далѣе, въ 1719 году актомъ парламента было запрещено колоніямъ имѣть какіе-либо чугунные или желѣзодѣлательные заводы, и тѣ, которые существовали, должны были закрыться, такъ что, строго говоря, ни одинъ купецъ не въ правѣ былъ сдѣлать гвоздя, но долженъ былъ купить его у англійскаго купца. Недаромъ лордъ Чатамъ воскликнулъ въ одной рѣчи: „Я не допущу, чтобъ хоть одинъ гвоздь для подковы былъ кованъ въ колоніяхъ!“ [1]). Кромѣ того, колоніямъ было запрещено заниматься шляпочнымъ производствомъ. Словомъ сказать, колоніи должны были исключительно заниматься поставкою для англійскихъ фабрикъ и заводовъ сырыхъ матеріаловъ и всѣ промышленныя и мануфактурныя издѣлія пріобрѣтать у англичанъ.

Понятно будетъ, что эта колоніальная система, основанная на неограниченной и систематической эксплуатаціи колоній, должна была встрѣтить со стороны населенія послѣднихъ самое энергическое сопротивленіе и возбудить въ немъ чувства глубокой ненависти къ метрополіи. Поэтому болѣе или менѣе серьезныя революціонныя вспышки постоянно возникали въ колоніяхъ и уже въ половинѣ прошлаго столѣтія американцы и англичане, переселившіеся въ Сѣверную Америку, положительно предсказали скорое освобожденіе колоній изъ-подъ ига Англіи. Отпаденіе сѣверо-американскихъ колоній отъ Англіи явилось естественнымъ результатомъ англійской колоніальной политики, и Версальскій мирный трактатъ 1783 года, признавшій полную независимость Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ, былъ самымъ чувствительнымъ ударомъ, когда-либо нанесеннымъ колоніальной системѣ Англіи. Впрочемъ, сама эта держава подкапывалась подъ основы создан-

[1]) Guyot, Lettres sur la politique coloniale, p. 117.

наго предпріимчивостью ея народа великолѣпнаго колоніальнаго зданія, посредствомъ постоянныхъ покушеній на такую колоніальную же систему другихъ правительствъ. Затѣмъ, наполеоновскія войны начала нынѣшняго столѣтія, освобожденіе негровъ и распространеніе принциповъ манчестерской школы политико-экономистовъ произвели существенный переворотъ въ отношеніяхъ Англіи къ своимъ колоніямъ. Въ настоящее время англійское правительство относится съ большимъ уваженіемъ къ самостоятельности колоній въ области мѣстнаго управленія, промышленности и торговли, стараясь привязывать къ себѣ симпатіи жителей колоній могущественнымъ покровительствомъ ихъ интересовъ.

Англійскому правительству удалось, въ значительной степени, вызвать въ своихъ колоніяхъ богатое развитіе промышленности, земледѣлія и торговли, и англійскій народъ уже давно убѣдился, что чѣмъ богаче колоніи, тѣмъ лучшими покупщиками онѣ будутъ англійскихъ произведеній. Мало того: если политическія отношенія между Англіею и бывшими ея колоніями въ Сѣверной Америкѣ не совсѣмъ дружелюбны, все-таки взаимные ихъ торговые обороты приняли преимущественно послѣ основанія сѣверо-американской республики самое грандіозное развитіе. Нельзя не признать долю истины за словами сэра Чарльза Дилька, что „чрезъ Соединенные Штаты Англія говоритъ со всѣмъ міромъ“.

Только много испытаній должна была вынести Англія раньше, чѣмъ она отказалась отъ своей старой колоніальной системы, благодаря которой она могла развивать свою промышленность и судоходство до небывалыхъ размѣровъ. Нѣтъ также сомнѣнія въ томъ, что англійская казна, а въ особенности англійскіе подданные, отправлявшіеся въ колоніи въ качествѣ должностныхъ лицъ или военныхъ, наживали себѣ въ короткое время значительныя состоянія. Но едва ли можно теперь, послѣ всѣхъ вышеприведенныхъ фактовъ, признать справедливымъ мнѣніе Силея, что англійская колоніальная политика не была „деспотическимъ“ вмѣшательствомъ во всю хозяйственную жизнь колоній и что напрасно на нее нападаютъ. Эта система носила самый ненавистный характеръ не только потому, что приводила къ „непріятному вмѣшательству“ въ дѣла колоній, но, въ особенности, по причинѣ самой безсовѣстной эксплуатаціи силъ и средствъ населенія колоній она возбуждала справедливое негодованіе и ненависть со стороны терпѣвшихъ.

Потому несравненно болѣе справедливъ взглядъ Адама Смита на англійскую колоніальную систему, и навсегда останется глу-

боко вѣрнымъ слѣдующее положеніе, которое онъ поставилъ на видъ своему отечеству. „Кто препятствуетъ, — говоритъ онъ, — великому народу примѣнять свои капиталы и свои производительныя силы такимъ образомъ, какъ онъ самъ признаетъ наиболѣе для себя выгоднымъ, тотъ очевидно нарушаетъ самыя священныя права человѣчества!"

Это теоретическое положеніе нашло многихъ убѣжденныхъ защитниковъ въ самой Англіи, въ которой имѣется въ настоящее время почти столько же сторонниковъ колоніальныхъ владѣній, сколько ярыхъ противниковъ колоній. Послѣдніе готовы немедленно освободить всѣ колоніи и даже усматриваютъ самое лучшее разрѣшеніе средне-азіатскаго вопроса въ отказѣ Англіи отъ Индіи. По ихъ мнѣнію, колоніи доставляютъ Англіи только затрудненія, и въ случаѣ какихъ-нибудь международныхъ замѣшательствъ, онѣ будутъ служить ближайшими мишенями для непріятельскихъ дѣйствій [1]). Даже такіе практическіе государственные дѣятели, какъ лордъ Карнарвонъ и лордъ Гренвилль, высказывали свое убѣжденіе, что отнынѣ англійскій плательщикъ податей не долженъ платить ни одного пенса на сохраненіе колоній, если онѣ сами не жертвуютъ все на это дѣло.

Но, съ другой стороны, вся англійская джентри и въ особенности сыновья духовныхъ лицъ, врачи, офицеры и торговцы, находящіе въ колоніяхъ широкое поприще для дѣятельности и обогащенія въ весьма короткое время, до такой степени заинтересованы въ дальнѣйшей ихъ принадлежности Англіи, что не допускаютъ даже мысли объ отреченіи отъ нихъ. Вѣдь въ одной Остъ-Индіи 8,103 европейскихъ офицера получаютъ содержанія на сумму въ 4.736,000 ф. ст. и среднее офицерское жалованье составляетъ 555 ф. ст. Туземная индійская армія изъ 125,000 человѣкъ стоитъ индійскому казначейству 1.400,000 ф. ст., между тѣмъ, какъ служащіе въ ней европейскіе офицеры обходятся въ 2.500,000 ф. ст. Только одна дача для бомбейскаго губернатора стоила не менѣе 175,000 ф. ст.

Естественно, что при такихъ обстоятельствахъ слишкомъ значительная и вліятельная часть англійскаго общества заинтересована въ сохраненіи колоніальныхъ владѣній. Но имѣются еще другіе, болѣе возвышенные, мотивы, которые заставляютъ англійскихъ государственныхъ дѣятелей и писателей стоять за сохраненіе власти надъ колоніями. Они стоятъ на почвѣ національнаго достоинства и доказываютъ, что Англія должна и на

---

[1]) Срав. Allen, Why keep India? (Contemporary Review, 1880, p. 544 etc.).

будущее время оставаться Greater Britain, т.-е. великою колоніальною державою, въ границахъ которой „солнце никогда не заходитъ". Если Англія предоставитъ на произволъ судьбы свои колоніи, въ пріобрѣтеніи и охраненіи которыхъ сосредоточивается вся англійская исторія за послѣднія три столѣтія, то она добровольно отречется отъ занимаемаго ею въ мірѣ почетнаго мѣста великой и всемірной державы и низойдетъ на степень Даніи или Швеціи. Въ силу этихъ соображеній, связанныхъ съ національною честью и исторіею, Англія должна всѣми средствами защищать неприкосновенность своихъ колоніальныхъ владѣній отъ всякаго посягательства со стороны иностранныхъ государствъ [1]).

Это направленіе господствуетъ въ настоящее время въ правительственной политикѣ и въ общественномъ мнѣніи Англіи. Но что́ думаютъ сами англійскія колоніи о своей подчиненности англійскому правительству? Довольны ли онѣ своимъ нынѣшнимъ положеніемъ и не желаютъ ли онѣ слѣдовать примѣру Сѣверо-Американскихъ Штатовъ?

За исключеніемъ Индіи, большая часть колоній можетъ быть совершенно довольна современною колоніальною политикою англійскаго правительства, потому что принадлежность къ Англіи доставляетъ имъ такія удобства и выгоды, которыя имъ трудно будетъ сохранить при полной независимости отъ англійскаго правительства. Въ настоящее время не ставится въ Англіи вопросъ: имѣетъ ли англійское правительство право налагать налоги или повинности на колоніи? Но, напротивъ, спрашиваютъ: въ какомъ размѣрѣ колоніи должны имѣть право налагать тяжести и обязательства на Англію?

Было бы не безполезно, еслибы всякая европейская держава, раньше чѣмъ увлекаться легкостью колоніальныхъ пріобрѣтеній, поставила себѣ этотъ вопросъ и старалась бы на него отвѣтить хладнокровнымъ образомъ.

III.

Въ настоящее время, когда всѣ главнѣйшія европейскія державы увидѣли въ колонизаціи самое лучшее средство для спасенія отъ слишкомъ большой густоты населенія и для сбыта своихъ мануфактурныхъ произведеній, понятно, что вышеизложенные результаты исторіи колоніальной политики легко забываются. Гос-

---

[1]) Seeley, The expansion of England, p. 24, 315 etc. (Tauchnitz edition).

подствуетъ въ западной Европѣ убѣжденіе, что колонизація населенныхъ дикими или полудикими племенами земель безотложно необходима для спасенія Европы отъ бѣдствій увеличивающагося пауперизма и промышленныхъ кризисовъ, и потому правительства и органы общественнаго мнѣнія занимаются отыскиваніемъ новыхъ колоній и стараются содѣйствовать переселеніямъ въ далекія страны съ цѣлью колонизаціи.

Берлинская африканская конференція навсегда останется памятникомъ этого новаго направленія, принятаго въ наше время этимъ вопросомъ, и потому мы остановимся на обстоятельствахъ, вызвавшихъ созваніе этого международнаго собранія, а затѣмъ перейдемъ къ обсужденію его постановленій, огромнаго значенія которыхъ никто не отрицаетъ.

Въ сентябрѣ 1876 года, король бельгійцевъ, Леопольдъ II, пригласилъ въ Брюссель на конференцію наиболѣе извѣстныхъ путешественниковъ по Африкѣ, географовъ и другихъ лицъ, съ цѣлью опредѣлить мѣры, которыми можно было наилучшимъ образомъ содѣйствовать изслѣдованію „темнаго континента“. Въ этомъ совѣщаніи участвовали представители Бельгіи, Австро-Венгріи, Германіи, Англіи, Италіи и Россіи и результатомъ совѣщанія было рѣшеніе: учредить особенное общество, подъ названіемъ „Association internationale africaine“, которое король Леопольдъ II принялъ подъ свое особенное покровительство. Задачи этого общества были слѣдующія: 1) научное изслѣдованіе неизвѣстныхъ областей Центральной Африки; 2) открытіе Центральной Африки для распространенія европейской цивилизаціи и для торговли и, наконецъ, 3) уничтоженіе торга невольниками. Для разрѣшенія этихъ задачъ общество взяло на себя снаряженіе на свой счетъ ученыхъ экспедицій во внутрь Африки и учрежденіе внутри этого „темнаго континента“ особенныхъ спасательныхъ станцій. Что касается организаціи этого африканскаго общества, то она была весьма простая: въ Брюсселѣ должно было находиться его правленіе, а въ различныхъ европейскихъ государствахъ были учреждены особенные мѣстные комитеты для собиранія средствъ, необходимыхъ обществу. Такіе комитеты дѣйствительно были учреждены въ столицахъ главнѣйшихъ европейскихъ державъ, но изъ всѣхъ комитетовъ первое мѣсто безспорно принадлежитъ брюссельскому, принявшему названіе: „Comité d'études du Haut-Congo“. Этотъ комитетъ, учрежденный въ ноябрѣ 1876 года, получилъ немедленно весьма значительныя средства, благодаря въ особенности щедрости короля Леопольда II, и ему принадлежитъ глав-

нымъ образомъ заслуга въ открытіи теченія почти всей рѣки Конго и въ изслѣдованіи прилегающихъ къ ней земель [1]).

Благодаря замѣчательной предпріимчивости и энергіи знаменитаго путешественника Стэнли, поступившаго уже въ 1877 году на службу брюссельскаго комитета, удалось открыть внутри Африки совершенно неизвѣстныя страны и племена, среди которыхъ Стэнли или его помощники основывали свои станціи или поселенія. Начальникомъ такого поселенія обыкновенно назначался какой-нибудь европеецъ, согласившійся поступить на службу африканскаго общества.

Назначеніе этихъ станцій не заключается въ томъ, чтобъ служить укрѣпленіями для защиты отъ враждебныхъ набѣговъ со стороны окружающихъ дикихъ племенъ или быть аванпостами для завоеванія вновь открытыхъ земель. Эти станціи должны были служить мѣстами отдыха для путешественниковъ всѣхъ странъ безъ всякаго различія національностей и совершить мирное завоеваніе африканскихъ племенъ силою не оружія, но вліяніемъ высшей европейской цивилизаціи. Въ этихъ станціяхъ находятъ, разумѣется, также убѣжище европейскіе торговцы, рискнувшіе съ своими товарами въ глубь „темнаго континента“, и при каждой станціи устроены склады для привозимыхъ на продажу неграмъ товаровъ. Но отсюда никакъ не слѣдуетъ дѣлать заключеніе, что станціи, основанныя на берегахъ Конго „африканскимъ международнымъ обществомъ“, имѣютъ торговую цѣль.

Результаты дѣятельности этого общества по-истинѣ блестящіе: въ продолженіе семи лѣтъ уполномоченные общества не только открыли почти все теченіе рѣки Конго, но и основали цѣлый рядъ станцій, изъ которыхъ получили особенное значеніе слѣдующія: Виви, Иссангила, Маніанга, Леопольдвиль и Карема. На всѣхъ этихъ поселеніяхъ поднятъ флагъ „международнаго африканскаго общества“, представляющій звѣзду на синемъ полѣ. Еслибъ не было на рѣкѣ Конго, между Виви и Леопольдвилемъ, водопадовъ, препятствующихъ на разстояніи около 400 километровъ судоходству, то Стэнли открылъ бы европейской торговлѣ рѣку, на которой судоходство въ самую глубь Африки отъ западнаго ея берега или Атлантическаго океана могло бы свободно происходить на разстояніи около 6,000 километровъ. По словамъ самого Стэнли, не менѣе 1.090,000 квадратныхъ миль предоставляетъ Африканское международное общество эксплуатаціи со стороны

---

[1]) Срав. Stanley, Der Kongo und die Gründung des Kongostaates. Lpz. 1885, S. 36, flg.

европейской торговли [1]). На основаніи же заключенныхъ уполномоченными общества съ 450 мѣстными предводителями населенія договоровъ, послѣдніе уступили этому обществу громаднѣйшія пространства въ полную собственность.

Но эти мирныя завоеванія, сдѣланныя безъ пролитія крови, частнымъ обществомъ, вызвали весьма серьезныя столкновенія съ нѣкоторыми европейскими правительствами, признающими за собою также право на нѣкоторыя части рѣки Конго и на открытыя отъ ихъ имени области. Въ этомъ отношеніи заслуживали наибольшаго вниманія претензіи Португаліи, которая, безъ сомнѣнія, была въ продолженіе вѣковъ единственною колоніальною державою въ Африкѣ. Самъ Стэнли признаетъ, что уже въ концѣ XV вѣка португальскій офицеръ открылъ устье рѣки Конго и занялъ его именемъ своего отечества. И такъ какъ устье этой рѣки находилось въ границахъ португальской области Ангола, то отсюда португальское правительство вывело положеніе, что все теченіе рѣки Конго на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ километровъ должно быть признано подъ его властью. Кромѣ того, Португалія не переставала доказывать въ многочисленныхъ дипломатическихъ депешахъ и запискахъ, сообщаемыхъ европейскимъ державамъ, что ея историческія права на владѣніе всею территоріею рѣки Конго не могутъ подлежать сомнѣнію и что международное Африканское общество захватываетъ чужую собственность.

Противъ этихъ португальскихъ претензій возстало, прежде всего, само Африканское общество, которое доказывало, что оно не отрицаетъ историческихъ правъ Португаліи, если завладѣваетъ землями, надъ которыми лиссабонское правительство никогда не осуществляло своей власти. Оно основательно утверждало, что до путешествій Ливингстона и, въ особенности, Стэнли португальцы, какъ и другіе европейцы, не имѣли никакого понятія ни о теченіи рѣки Конго, ни о земляхъ, черезъ которыя она протекаетъ. Въ продолженіе четырехъ столѣтій португальское правительство ограничивало свою колонизаторскую дѣятельность открытіемъ въ Ландана и Порта-да-Ленха рынковъ для обмѣна европейскихъ произведеній съ тѣми, которыя туда приносили сами негры-купцы. Городъ же Бома, находящійся при самомъ устьѣ рѣки Конго, былъ въ теченіе двухъ столѣтій главнымъ рынкомъ для продажи въ колоніи европейскихъ державъ негровъ-невольниковъ, и португальское правительство ничего не сдѣлало, чтобы прекратить этотъ торгъ человѣческимъ мясомъ, признанный Вѣнскимъ кон-

[1]) Stanley, Der Kongo, Bd. II, S. 361.

грессомъ 1815 года противнымъ „всѣмъ законамъ божескимъ и человѣческимъ“ [1]). Вообще Португалія, по словамъ Стэнли, поддерживала на западномъ берегу полнѣйшую анархію и не можетъ имѣть правъ на земли, о существованіи которыхъ португальскія власти ничего не знали.

Но не только международное Африканское общество вступило въ споръ съ Португаліею насчетъ ея претензій на западномъ берегу Африки. Къ обществу присоединилось въ 1884 г. французское правительство. Впрочемъ, въ 1883 г. отношенія между послѣдними не были особенно дружественны, вслѣдствіе того, что послѣ занятія французами Пунта-Негра, на сѣверѣ отъ португальскаго владѣнія Кабинда, снаряженная французская экспедиція, подъ начальствомъ графа Саворгньянъ де-Брацца, вышла изъ Огове и достигла лѣваго берега рѣки Конго, гдѣ она основала городъ Браццавиль. Этого мало: графъ Брацца также вступилъ въ переговоры съ мѣстными предводителями, изъ которыхъ наиболѣе могущественный, по имени Макоко, уступилъ Брацца значительную территорію на правомъ берегу рѣки Конго.

Эти дѣйствія французской экспедиціи, получившія одобреніе со стороны правительства республики и палатъ, вызвали со стороны международнаго Африканскаго общества и, въ особенности самого Стэнли, самые энергическіе протесты. Знаменитый африканскій путешественникъ былъ изумленъ, когда, катаясь весною 1881 года на своемъ пароходѣ „En avant“ на рѣкѣ Конго, онъ увидѣлъ въ первый разъ французское поселеніе Браццавиль. Онъ немедленно заложилъ напротивъ того поселенія, на лѣвомъ берегу рѣки, станцію Леопольдвиль, и заявилъ самымъ категорическимъ образомъ, что Брацца нарушилъ права международнаго Африканскаго общества, занявъ мѣста, уже прежде ему уступленныя королемъ Макоко. Но французскій путешественникъ не уступилъ и сослался на свой договоръ съ Макоко. Оказалось, какъ и слѣдовало ожидать, что этотъ интересный африканскій властитель имѣлъ самыя дикія понятія о святости договоровъ и за бездѣлушки и скверный ромъ продалъ Брацца то, что́ уже раньше имъ было продано Стэнли.

Впрочемъ, этотъ споръ между французскимъ правительствомъ и международнымъ Африканскимъ обществомъ не получилъ остраго характера: послѣднее убѣдилось, что весь французскій народъ стоитъ за сохраненіе сдѣланныхъ въ Африкѣ и на берегахъ Конго пріобрѣтеній, и потому общество признало болѣе благо-

[1]) Stanley, Der Kongo, I, 108.

разумнымъ отказаться отъ своихъ претензій. Стэнли вынесъ только изъ этого спора убѣжденіе въ необходимости занимать, насколько возможно, больше на рѣкѣ Конго и утверждать свою власть, не договорами съ полудикими африканскими властителями, но фактическимъ занятіемъ, т.-е. учрежденіемъ новыхъ станцій. Это онъ и сдѣлалъ, основавъ въ 150 километрахъ отъ Леопольдвиля новую станцію Болобо и, на разстояніи около 460 километровъ отъ послѣдней, послѣднюю свою станцію Нкенго, которая находится почти подъ экваторомъ и въ короткое время значительно развилась.

Примиреніе между французскимъ правительствомъ и международнымъ Африканскимъ обществомъ получило торжественное утвержденіе въ договорѣ, заключенномъ 23 апрѣля 1834 года между ними, въ силу котораго общество обязывается, въ случаѣ если оно намѣрено будетъ уступить или продать часть или всѣ свои африканскія владѣнія, признать за Франціей право преимущественной покупки (droit de préemption). Такимъ образомъ, интересы Франціи и международнаго Африканскаго общества были поставлены въ самую близкую и тѣсную связь, которая весьма скоро обнаружилась въ общей ихъ кампаніи противъ Португаліи, по поводу заключеннаго послѣднею державою съ Англіей, въ февралѣ 1884 г., торговаго трактата.

Но не только Франція выступила въ качествѣ заинтересованной въ торговлѣ на рѣкѣ Конго державы. По мѣрѣ того, какъ въ Европѣ дѣлалось извѣстнымъ, что внутри Африки постоянно открываются новые рынки для европейскихъ товаровъ и новыя богатства природы, туда направляются англичане, нѣмцы, голландцы и бельгійцы, и почти каждый представитель этихъ національностей старается захватить, именемъ своего отечественнаго правительства, какой-нибудь кусокъ земли, въ особенности на берегахъ великой рѣки Конго. Но, не только на берега этой рѣки направляютъ европейскіе выходцы свои взоры; они пускаются въ поиски, по прибрежью Африки къ сѣверу и югу отъ устьевъ Конго, новыхъ, еще незанятыхъ какимъ-нибудь европейскимъ правительствомъ земель.

Такъ, Англія поставила себѣ цѣлью окончательно подчинить своей власти весь югъ Африки, несмотря на энергическое сопротивленіе со стороны потомковъ голландскихъ колонистовъ. Далѣе, она старается подчинить своему исключительному вліянію все теченіе рѣки Нигера, не смотря на претензіи Франціи на верхнюю часть этой громадной и судоходной рѣки. Но въ особенности утвердилась въ послѣднее время англійская власть на Золотомъ

берегу Африки, посредствомъ договоровъ какъ съ европейскими державами (Голландія), такъ и съ предводителями туземнаго населенія.

Но особенно международное значеніе получило дѣятельное вмѣшательство Германской имперіи въ африканскія дѣла. Между изслѣдователями африканскаго материка встрѣчаются весьма почетныя германскія имена, пользующіяся громкою извѣстностью. Всѣмъ извѣстны такія имена, какъ Барть, Нахтигаль, Рольфсъ, Бастіанъ, Флегель и др. Но до самаго послѣдняго времени открытія этихъ отважныхъ піонеровъ европейской цивилизаціи имѣли только научный интересъ, и германское правительство относилось съ уваженіемъ къ ихъ научнымъ заслугамъ, пренебрегая практическою пользою, которую можно было извлечь изъ открытія ими новыхъ земель и областей. Въ послѣднее время и, въ особенности, послѣ блестящихъ успѣховъ, достигнутыхъ международнымъ Африканскимъ обществомъ, германское правительство поддалось вліянію общественнаго мнѣнія своего народа, увлекающагося вопросами колонизаціи, и стало извлекать практическую пользу изъ трудовъ германскихъ піонеровъ въ Африкѣ. Наиболѣе замѣчательные германскіе изслѣдователи „темнаго континента“, какъ Нахтигаль и Рольфсъ, были назначены княземъ Бисмаркомъ генеральными коммиссарами и консулами поставленныхъ подъ покровительство германской имперіи африканскихъ областей. Для изслѣдованія береговъ рѣки Конго и другихъ частей Африки были снаряжены экспедиціи или берлинскимъ „африканскимъ обществомъ“ или же самимъ правительствомъ. Коммерческія предпріятія германскихъ подданныхъ, какъ бременскаго купца Людерица и гамбургскаго Вермона, были поставлены подъ могущественное покровительство германскаго имперскаго флага. Въ настоящее время германцы занимають на западномъ берегу Африки различные порты, съ окрестными областями, изъ которыхъ получили наибольшую извѣстность: Ангра Пеквена (или Людерицландъ), Багейда, Литтль Поно, Камерунъ и другіе. Кромѣ того, въ новѣйшее время, нѣмецкая экспедиція была снаряжена для изслѣдованія рѣки Конго и занятія, именемъ Германской имперіи, частей берега той великой рѣки, которыя еще не заняты другими европейскими народами или международнымъ Африканскимъ обществомъ.

Наконецъ, выступили также Соединенные Американскіе Штаты съ заявленіемъ, что они не могутъ относиться равнодушно къ событіямъ, подготовляющимся въ Африкѣ. Въ декабрѣ 1883 г., президентъ республики обратился къ конгрессу съ посланіемъ,

въ которомъ онъ обратилъ вниманіе законодательнаго собранія на необходимость принять мѣры для защиты американскихъ интересовъ на берегахъ Конго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ выразилъ предположеніе о необходимости войти въ соглашеніе съ европейскими державами съ цѣлью обезпечить полную свободу торговыхъ оборотовъ и сношеній на берегахъ рѣки Конго. Комитетъ иностранныхъ дѣлъ „вашингтонскаго сената" вполнѣ одобрилъ предположеніе президента республики и даже вступилъ въ подробное обсужденіе спора, возникшаго относительно права международнаго Африканскаго общества заключать договоры объ уступкѣ земель со стороны туземныхъ африканскихъ королей. Имѣя въ виду собственныя историческія традиціи Соединенныхъ Штатовъ, правительство которыхъ также заключало съ предводителями индѣйцевъ всевозможные договоры, вашингтонскій комитетъ иностранныхъ дѣлъ также высказался въ пользу юридической силы заключенныхъ международнымъ Африканскимъ обществомъ договоровъ. Онъ могъ высказаться въ томъ смыслѣ еще и потому, что такіе авторитетные писатели международнаго права какъ сэръ Трэверсъ Тьютъ и недавно умершій профессоръ брюссельскаго университета, Арицъ, категорически высказались за признаніе за такими договорами характера международныхъ трактатовъ [1]).

Мимоходомъ будь сказано, что, несмотря на полное уваженіе къ авторитету упомянутыхъ писателей, мы все-таки думаемъ, что международные договоры могутъ быть заключаемы только между государствами, болѣе или менѣе цивилизованными. Но признать таковымъ государствомъ земли, которыя какой-нибудь африканскій негритянскій король Макоко считаетъ своими и о границахъ которыхъ онъ не имѣетъ никакого опредѣленнаго понятія — едва ли возможно.

Какъ бы то ни было, всѣ эти захваты и событія на западномъ берегу Африки должны были вызывать споры и столкновенія между европейскими государствами, представители которыхъ встрѣчались на земляхъ, не подчиненныхъ никакому установленному правительству и потому подлежащихъ оккупаціи. Только нѣкоторыя европейскія державы приписывали себѣ „историческія" и „вѣковыя" права на части Африки, подвергшіяся въ самое послѣднее время захвату. Такія права себѣ приписывала Португалія въ отношеніи всего теченія рѣки Конго отъ истока до устьевъ и упирала на нихъ въ спорѣ съ международнымъ Африканскимъ обществомъ. На уваженіи такихъ же историческихъ

---

1) Stanley, Der Kongo, I, 396.

своихъ правъ настаивала Англія въ спорѣ съ Германіей относительно Ангра Пеквены и Камеруна. Когда въ ноябрѣ 1883 года бременскій купецъ Людерицъ купилъ у мѣстныхъ властителей всю область, начиная съ рѣки Оранаиъ до 26° южной широты, англійское правительство протестовало противъ этой оккупаціи на томъ основаніи, что весь западный берегъ Африки, начиная съ португальскихъ владѣній, у устьевъ рѣки Конго, до границъ Капланда, находится подъ англійскою верховною властью. Между тѣмъ, нѣсколько мѣсяцевъ раньше, въ февралѣ того же года, само англійское правительство формально отвѣтило князю Бисмарку на поставленный имъ вопросъ: можетъ ли англійское правительство оказать факторіи германскаго подданнаго Людерица въ Ангра Пеквенѣ необходимую защиту,—что оно этого не въ состояніи сдѣлать. Когда же вслѣдъ затѣмъ князь Бисмаркъ потребовалъ отъ англійскаго правительства доказать законныя основанія своихъ претензій на земли около Ангра Пеквены, оно не отвѣчало нѣсколько мѣсяцевъ, но тайкомъ стало принимать мѣры для дѣйствительнаго занятія юго-западнаго африканскаго берега. Но въ концѣ концовъ Англія должна была согласиться на признаніе за Германскою имперіею права владѣнія на всю занятую или купленную Людерицомъ область [1]).

Не менѣе неудачны были попытки Англіи препятствовать завладѣнію со стороны Германіи еще другихъ частей на западномъ берегу Африки, какъ напр. въ частности въ Камерунѣ, гдѣ въ январѣ нынѣшняго года, благодаря англійскимъ проискамъ въ средѣ туземнаго населенія, произошла кровавая стычка съ германскими солдатами военнаго корвета.

Эти неудачи англійской политики привели министерство Гладстона къ слѣдующему отчаянному рѣшенію: оно заключило съ Португаліею особенный международный трактатъ, въ февралѣ 1884 года, въ силу котораго Англія торжественно признаетъ верховное право владѣнія Португаліи на весь юго-западный берегъ Африки между 8° и 5° 12′ южной широты и на всѣ внутреннія земли Африки по теченію рѣки Конго вплоть до мѣстечка Ноки, т.-е. на все устье этой рѣки и еще значительную часть верхъ по теченію ея. Сверхъ того, на основаніи статьи 4-й этого договора, обѣ договаривающіяся державы согласились учредить смѣшанную коммиссію изъ представителей Англіи и Португаліи для разработки общаго устава судоходства и рѣчной полиціи для рѣки Конго.

[1]) Срав. германскія „Weissbücher" съ обнародованною объ этихъ новыхъ завладѣніяхъ дипломатическою перепискою: Angra Pequena, Togogebiet und Biafra, Bai, Kamerun и т. д.

Заключеніемъ этого любопытнаго акта англійское правительство желало сдѣлать навсегда Португалію своею союзницею въ африканскихъ дѣлахъ, создать оплотъ, какъ противъ захватовъ на берегахъ рѣки Конго со стороны Франціи и международнаго Африканскаго общества, такъ и вообще противъ развитія торговыхъ оборотовъ европейскихъ народовъ. Для достиженія послѣдней цѣли послужилъ бы составленный англійскими и португальскими делегатами уставъ судоходства и рѣчной полиціи, который долженъ былъ получить обязательную силу для всѣхъ торгующихъ на великой африканской рѣкѣ народовъ.

Этого мало: за платоническое признаніе „историческихъ правъ" Португаліи, англійское правительство получило въ пользу своей торговли въ португальскихъ владѣніяхъ весьма существенныя льготы, которыя вполнѣ имѣли характеръ привилегій. Но, заключивъ этотъ договоръ, само англійское правительство предвидѣло сильныя возраженія со стороны другихъ европейскихъ державъ, заинтересованныхъ въ африканской торговлѣ. Поэтому оно довело его до свѣденія другихъ державъ и отложило ратификацію его на неопредѣленное время.

И дѣйствительно, англо-португальскій трактатъ встрѣтилъ серьезнѣйшія возраженія со стороны французскаго правительства, которому не трудно было доказать всю проблематичность „историческихъ правъ" Португаліи на весь юго-западный берегъ Африки и на берега рѣки Конго. Что касается Германіи, то князь Бисмаркъ не считалъ нужнымъ протестовать противъ англо-португальскаго трактата на томъ основаніи, что онъ не считалъ его для Германіи обязательнымъ, такъ какъ она не участвовала въ его заключеніи. Но, въ то же время, германскій канцлеръ не находилъ также возможнымъ обратить серьезное вниманіе на этотъ договоръ, рѣшавшій будущую судьбу всѣхъ колоній на берегахъ рѣки Конго: онъ просто считалъ этотъ договоръ несуществующимъ для Германіи.

Однако, не только со стороны державъ англо-португальскій трактатъ былъ принятъ съ оговорками и протестами, онъ возбудилъ въ самой Англіи сильнѣйшую оппозицію со стороны торговыхъ палатъ главнѣйшихъ англійскихъ городовъ и органовъ печати, которые не могли простить правительству его согласія признать права Португаліи на такія части южнаго берега Африки, на которыя Англія, въ продолженіе вѣковъ, отрицала права этой державы.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, англійское правительство отказало въ ратификаціи февральскаго трактата, оставшагося

такимъ образомъ безъ всякой юридической силы. Но за то непосредственнымъ послѣдствіемъ этого трактата было созваніе берлинской африканской конференціи. Лѣтомъ 1884 года, французскій посолъ при берлинскомъ дворѣ, баронъ Курсель, имѣлъ съ княземъ Бисмаркомъ, въ Варцинѣ, нѣсколько совѣщаній объ устройствѣ африканскихъ дѣлъ и, какъ видно изъ письма къ нему германскаго канцлера отъ 13-го сентября 1884 года, государственные люди пришли къ убѣжденію въ необходимости войти въ переговоры съ другими европейскими и заинтересованными въ колонизаціи Африки державами, насчетъ опредѣленія границъ взаимныхъ ихъ владѣній, условій торговли и судоходства. По мнѣнію канцлера, желательно примѣнять къ судоходству на рѣкахъ Конго и Нигерѣ начала, провозглашенныя Вѣнскимъ конгрессомъ 1815 года относительно судоходства на всѣхъ международныхъ судоходныхъ рѣкахъ. Наконецъ, князь Бисмаркъ призналъ не менѣе желательнымъ выяснить, посредствомъ взаимнаго обмѣна мыслей между державами, условія, соблюденіе которыхъ основываетъ законное право оккупаціи земель, не подчиненныхъ власти правильно установленнаго правительства.

Французское правительство, депешею отъ 29-го сентября 1884 года, совершенно приняло мнѣніе германскаго канцлера въ необходимости разрѣшить спорные и намѣченные имъ пункты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заявило о своемъ согласіи совокупно съ германскимъ правительствомъ пригласить европейскія державы и Соединенные Американскіе Штаты назначить своихъ представителей на конференцію въ Берлинѣ. Съ цѣлью придать больше значенія рѣшеніямъ этой конференціи, князь Бисмаркъ предложилъ французскому правительству пригласить на эту конференцію не только морскія и колоніальныя державы, непосредственно заинтересованныя въ колонизаціи и торговлѣ Африки, но вообще всѣ великія державы и скандинавскія государства.

Это предложеніе было также принято Франціей, и въ октябрѣ 1884 года оффиціальное приглашеніе на назначеніе уполномоченныхъ на конференцію въ Берлинъ могло быть отправлено ко всѣмъ великимъ и скандинавскимъ государствамъ и къ великой сѣверо-американской республикѣ.

При такихъ обстоятельствахъ состоялось созваніе берлинской африканской конференціи.

Ф. Мартенсъ.

НАПОЛЕОНЪ I
по
НОВЫМЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ

X*).

Въ концѣ октября, Буонапарте прибылъ въ Аяччіо.

Фешъ былъ правъ въ своихъ письмахъ, вызывая Наполеона, для его же пользы, на родину. Болѣе подходящихъ условій для выступленія на арену патріотически-политической дѣятельности, о чемъ только онъ и мечталъ, нельзя было и ожидать: до того уже было велико, къ пріѣзду его, революціонное броженіе на всемъ островѣ. Но, для уразумѣнія начавшейся съ этой поры дѣятельности Буонапарте на его родинѣ, необходимо сказать о ней нѣсколько словъ.

Въ настоящее время, Корсика, чуждая Франціи по происхожденію и по языку своихъ обитателей, такъ тѣсно срослась съ нею, что оторвать ее могла бы развѣ только сила, въ родѣ той, какая оторвала отъ Франціи Эльзасъ и Лотарингію. Но къ такому союзу Корсика пришла далеко не вдругъ послѣ своего завоеванія, а много лѣтъ спустя, и только вслѣдствіе тѣхъ идей, которыя, съ конца прошлаго вѣка, переработывая внутреннюю жизнь Франціи и ея отношенія къ Корсикѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ переработали понятія и нравы и самихъ корсиканцевъ.

---

*) См. выше: октябрь, 621 стр.

Не то было, а особенно въ первыя двадцать лѣтъ, слѣдовавшихъ за завоеваніемъ, въ теченіе которыхъ въ основу мѣръ, долженствовавшихъ умиротворить и слить это новое пріобрѣтеніе съ метрополіею, правительство старой Франціи главнѣйшимъ образомъ полагало: преслѣдованія и изгнаніе патріотовъ; введеніе полицейско-бюрократическаго режима въ администрацію и, помощью его, передѣлку всего общественнаго строя, кончая даже учрежденіемъ въ демократической, полу-пастушеской Корсикѣ крупнаго землевладѣльческаго дворянства.—Всѣ эти мѣры, находившіяся въ полномъ противорѣчіи со всѣми бытовыми условіями и нравами корсиканцевъ, не только не сближали, но еще болѣе возбуждали ихъ вражду къ завоевателямъ, которые, къ тому же, лишили ихъ независимости какъ разъ тогда, когда они, свергнувъ иго генуэзцевъ, только-что начали пользоваться свободой, и когда ихъ народный герой и вождь Паоли вызывалъ въ Корсику Руссо, помочь ему въ начертаніи законовъ!.. Вслѣдствіе всего этого и черезъ двадцать лѣтъ послѣ покоренія, корсиканцы удерживались подъ властью Франціи только силою. И чѣмъ покорнѣе, повидимому, становились они, тѣмъ глубже проникались враждою къ французамъ и тѣмъ чаще обращали взоры къ Паоли, проживавшему тогда въ изгнаніи въ Лондонѣ, ожидая, вмѣстѣ съ нимъ, только удобнаго случая, чтобы вновь возстать за свою независимость, въ несчастной борьбѣ за которую едва ли не заключалась вся многовѣковая исторія бѣдной Корсики.

При такомъ направленіи умовъ въ Корсикѣ, революціонное движеніе, начавшееся въ 1789 году во Франціи, отразилось и въ Корсикѣ, хотя приняло въ ней не только анти-правительственную, но и анти-французскую окраску.

Ко времени прибытія Буонапарте попытокъ къ возстанію еще не было; но и безъ того уже власть, видимо, ускользала изъ ослабѣвавшихъ рукъ королевскаго правительства и переходила въ другія, болѣе крѣпкія и ловкія руки партіи, прямо враждебной существовавшему порядку. Доказательствомъ тому служили выборы въ собраніе сословныхъ представителей. На выборахъ дворянства и духовенства правительству удалось еще провести своихъ кандидатовъ, генерала Буттафуоко и аббата Перетти, — людей ненавидимыхъ на всемъ островѣ. Но на выборахъ средняго сословія, восторжествовали анти-правительственные кандидаты, Саличетти и Колонна, родственникъ Паоли, — оба, а особенно первый, люди даровитые, честолюбивые и очень вліятельные. Первому изъ нихъ, какъ увидимъ, довелось, имѣть и весьма рѣшительное вліяніе на карьеру Буонапарте.

По внѣшности, программою партіи, восторжествовавшей на выборахъ въ среднемъ сословіи,—а къ этой партіи принадлежало едва ли не все населеніе Корсики, — была административная реформа; въ дѣйствительности же, тайною цѣлію ея стремленій была полная независимость родины, или, по меньшей мѣрѣ, независимость автономическая, но подъ протекторатомъ Англіи, такъ какъ отъ Франціи эта партія не ждала уже ничего добраго. Безусловно признаваемымъ главою этой партіи считался Паоли. Правда, появился уже и тогда, преимущественно среди молодежи, проникнутой новыми идеями, кружокъ людей, далеко не такъ скептически относившійся къ Франціи и вѣрившій въ возможность добиться и отъ ней политической свободы, представителемъ этого кружка былъ Саличетти,—но кружокъ этотъ былъ еще слишкомъ слабъ, а потому и шелъ пока безпрекословно за Паоли.

Въ Аяччіо преобладала партія чистыхъ „паолистовъ", предводимая Филиппомъ Массеріа, другомъ Паоли и горячимъ патріотомъ, дѣйствовавшимъ прямо во имя освобожденія Корсики. Особенно дѣятельную поддержку своимъ планамъ Массеріа находилъ тогда въ человѣкѣ выдающихся способностей, Карло Поццо-ди-Борго, вступившемъ впослѣдствіи въ русскую службу, будущимъ графомъ и дѣдомъ извѣстнаго французскаго писателя, Луи-Блана, мать котораго была его дочерью.

Къ этой группѣ патріотовъ примкнула, съ Наполеономъ во главѣ, и семья Буонапартовъ, для которыхъ каждая мысль его тогда уже начинала становиться чуть не непреложною истиною. Въ городскомъ обществѣ Наполеонъ значенія еще не имѣлъ; но его либеральныя рѣчи, произносимыя въ разныхъ случаяхъ, его живые и образные разсказы о видѣнномъ и слышанномъ во Франціи и даже самый офицерскій чинъ начинали создавать ему нѣкоторое положеніе: его охотно слушали и уже почти всѣ знали.

Какъ зажигательно, однако, ни дѣйствовали извѣстія о событіяхъ, происходившихъ тогда во Франціи, на корсиканскихъ патріотовъ, тѣмъ не менѣе, желанія, на первый разъ заявленныя ими собранію сословныхъ представителей, отличались вообще большою умѣренностью и сводились, главнымъ образомъ, къ ходатайству объ учрежденіи,—взамѣнъ ненавистныхъ дворянской, поземельной коммиссіи двѣнадцати и трибуналовъ,—центральнаго комитета, члены котораго назначались бы по выбору населенія. Комитетъ этотъ долженъ былъ, по идеѣ патріотовъ, реставрировать въ себѣ нѣкоторымъ образомъ прежнюю корсиканскую „генеральную консульту", существовавшую при Паоли, но, однако, съ ограниченіемъ правъ и обязанностей комитета кругомъ однихъ

лишь административныхъ дѣлъ. Буонапарте также раздѣлялъ въ принципѣ этотъ проектъ патріотовъ, но только предлагалъ въ немъ сдѣлать дополненіе, безъ котораго, по мнѣнію его, проектируемый центральный комитетъ остался бы учрежденіемъ безъ надлежащаго авторитета; а именно, онъ желалъ, чтобы въ распоряженіе комитета предоставлена была общественная вооруженная сила, которая набиралась бы среди туземнаго населенія и содержалась на его счетъ. Предложеніе Буонапарте, нашедшее сильную поддержку у Поццо-ди-Борго и Массеріа, было принято и немедленно послано въ Парижъ, къ депутатамъ, въ видѣ дополненія къ имѣвшемуся уже у нихъ проекту.

Имѣть „національную гвардію", по образцу той, какая была учреждена во всѣхъ значительныхъ городахъ Франціи, составляло тогда любимую мечту патріотовъ города Аяччіо, тѣмъ болѣе теперь для нихъ драгоцѣнной, что, со времени завоеванія острова французами, они были обиднѣйшимъ манеромъ лишены этой прерогативы своего гражданства. Такимъ образомъ, внося свое предложеніе, Буонапарте прежде всего льстилъ, патріотическимъ страстямъ и народнымъ вкусамъ, чѣмъ,—въ случаѣ даже непринятія предложенія правительствомъ, — выдвигалъ себя изъ толпы. Въ случаѣ же принятія предложенія, Буонапарте являлся бы тогда въ глазахъ сограждане человѣкомъ, давшимъ, такъ сказать, отечеству вооруженную силу, и ему должно было, очевидно, принадлежать въ ней и видное мѣсто. Но и это не все. Такъ какъ по инниціативѣ комитета Аяччіо въ этомъ дѣлѣ, членамъ его, по всей вѣроятности, предстояло войти съ преобладающею ролью и въ члены будущаго центральнаго комитета, то для Буонапарте являлась возможность провести въ этотъ комитетъ своихъ родственниковъ, доставивъ, такимъ образомъ, имъ прибыльныя мѣста, а себѣ — вліяніе въ комитетѣ.

Разсчетамъ Буонапарте и его соотечественниковъ пришлось, однако, потерпѣть на этотъ разъ печальное разочарованіе. Дѣло въ томъ, что въ ту пору Корсика, по прежнему, продолжала еще оставаться въ вѣдомствѣ военнаго министра, къ которому, вслѣдствіе того, и поступали на предварительное разсмотрѣніе всѣ ходатайства корсиканскихъ патріотовъ. Военный же министръ, —подбиваемый особенно роялистомъ, Буттафуоко, совѣтовавшимъ ему не дѣлать корсиканцамъ ни малѣйшихъ уступокъ,—порѣшилъ передать всѣ эти ходатайства на предварительное заключеніе коммиссіи двѣнадцати, т.-е., той самой коммиссіи, на упраздненіи которой корсиканцы именно и настаивали!..

Такой ироническій поворотъ, данный министромъ дѣлу, ка-

савшемуся главнѣйшихъ интересовъ Корсики, возбудилъ въ ней всеобщее негодованіе. Съ особенною силою проявилось оно въ Аяччіо, гдѣ подпоручикъ Буонапарте, въ порывѣ яростнаго патріотизма, предложилъ,—ни больше ни меньше,—какъ разогнать реакціонный коммунальный совѣтъ, призвать гражданъ къ оружію, овладѣть городскою цитаделью и выгнать французовъ изъ Аяччіо. А самъ, въ этихъ видахъ, началъ немедленно формировать національную гвардію изъ тѣхъ элементовъ, какіе у него нашлись подъ рукой.

Но лишь только слухи объ этой агитаціи дошли до министра, какъ онъ,—опять по совѣту Буттафуоко,—объявилъ островъ въ осадномъ положеніи и далъ королевскимъ коммиссарамъ приказаніе разогнать въ Аяччіо формируемую городскую гвардію и закрыть демократическій клубъ. Какъ было приказано, такъ и было сдѣлано: требованія коммиссаровъ были исполнены безъ сопротивленія. Но не смотря на то, появляться по улицамъ Аяччіо они болѣе уже не считали для себя безопаснымъ. Очевидно, спокойствіе въ городѣ было только наружное и нуженъ былъ только какой-нибудь толчекъ, чтобы волненіе началось снова.

Такимъ толчкомъ оказалась публикація отвѣта „коммиссіи двѣнадцати" относительно корсиканскихъ ходатайствъ, переданныхъ ей военнымъ министромъ на разсмотрѣніе; она, какъ и слѣдовало ожидать, отвергала ихъ всѣ,—не только какъ не нужныя, но и какъ вредныя для Корсики. Негодованіе патріотовъ дошло тогда до готовности схватиться за оружіе; но такъ какъ на успѣхъ такого крайняго средства разсчитывать было еще рано, то, по совѣту Буонапарте, рѣшено было пока ограничиться отправленіемъ къ либеральнымъ депутатамъ, Саличетти и Колонна, адреса, который служилъ бы возраженіемъ на заключеніе дворянской коммиссіи. Составленіе адреса взялъ на себя Буонапарте. Адресъ этотъ былъ имъ прочитанъ на сходкѣ ночью 31 октября, въ церкви Св. Франциска и, послѣ единогласнаго одобренія, подписанъ всѣми патріотами.

Читая нынѣ этотъ адресъ, принадлежность котораго перу Наполеона не подлежитъ сомнѣнію, все-таки хочешь усумниться въ томъ. Такъ мысли, здѣсь изложенныя, не похожи на то, что̀ потомъ творилъ и проповѣдывалъ авторъ этого адреса. Вотъ нѣкоторыя мѣста, дающія понятія о цѣломъ.—„Когда должностныя лица, вопреки закону, начинаютъ захватывать въ свои руки власть,—говоритъ будущій герой 18-го брюмера,—когда представители, не получившіе миссій (намекъ на Буттафуоко и Перетти), начинаютъ говорить во имя народа, вопреки его желаній, тогда граж-

данамъ ничего не остается, какъ только соединиться для протеста противъ такого насилія... Двадцать лѣтъ назадъ, мы включены были въ составъ монархіи и лишены свободы какъ разъ въ тотъ моментъ, когда только начинали пользоваться ея благодѣяніями... Подъ гнетомъ административнаго произвола, мы, въ теченіе 20-ти лѣтъ, влачили безнадежное существованіе, какъ вдругъ благодѣтельная революція, возвратившая человѣку его права, а Францію—самой себѣ, оживила насъ, зажгла и въ нашихъ опечаленныхъ сердцахъ искру надежды... Вмѣсто ожидаемой свободы, наше положеніе нынѣ еще болѣе ухудшилось. Справедливость требуетъ, чтобы было, наконецъ, обращено хотя нѣкоторое вниманіе на нужды народа", и т. д.

Въ концѣ адреса слѣдуютъ подписи всѣхъ, болѣе или менѣе, важнѣйшихъ жителей Аяччіо, а въ главѣ всѣхъ стоитъ: „Буонапарте, артиллеріи офицеръ".

Любопытно было, однако, знать, что̀ чувствовалъ Буонапарте, когда ядовито разилъ въ своемъ адресѣ дворянскую коммиссію, членомъ которой такъ долго былъ и его покойный отецъ? И какъ поступилъ бы онъ въ пору своего величія съ какимъ-нибудь подпоручикомъ своей арміи, который позволилъ бы себѣ подписаться подъ адресомъ, подобнымъ тому, какой онъ теперь писалъ...

Движеніе, начавшееся въ Аяччіо, не смотря на осадное положеніе, начало, однако, быстро распространяться по всему острову, принимая все болѣе и болѣе острый характеръ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ произошли даже кровавыя столкновенія. Въ виду этихъ фактовъ, поборники корсиканской независимости, а въ числѣ ихъ и Буонапарте, торжествовали: революціонное движеніе въ Корсикѣ, очевидно, близилось къ тому фазису, когда до поголовнаго возстанія было недалеко.

Французское правительство понимало надвигающуюся опасность, грозившую внести новыя осложненія въ его, и безъ того запутанныя тогда дѣла, но крайне затруднялось въ выборѣ мѣръ, которыми можно было бы предотвратить ее. Прибѣгнуть къ новымъ репрессаліямъ, на чемъ настаивала часть людей придворной сферы, правительству было тяжело, такъ какъ для этого требовалась отправка въ Корсику новыхъ войскъ, которыя нужны были дома. Вступать въ переговоры съ изгнанникомъ Паоли, предлагавшимъ то, что̀ онъ предлагалъ и двадцать лѣтъ тому назадъ, т.-е. протекторатъ надъ островомъ, на условіи предоставленія ему извѣстныхъ автономическихъ правъ, правительство не рѣшилось, какъ не хотѣло и отказаться совсѣмъ отъ острова,

предоставивъ его своей собственной судьбѣ, о чемъ заводилась рѣчь даже въ національномъ собраніи... Но среди этого хаоса противорѣчивыхъ мнѣній, вдругъ, явился человѣкъ, подсказавшій провительству выходъ. Это былъ—Саличетти, либеральный корсиканскій депутатъ, успѣвшій уже стать блестящимъ ораторомъ и дѣятелемъ собранія, другомъ и пріятелемъ всѣхъ его главнѣйшихъ вожаковъ, начиная съ Мирабо.

Саличетти не вѣрилъ въ возможность сохраненія его родиною независимости и признавалъ лишь одну комбинацію, столь же способную предотвратить почти готовое въ ней возстаніе, какъ и выгодную для обѣихъ сторонъ: это—включеніе Корсики въ составъ Франціи, какъ вполнѣ равноправнаго ея члена. Благодаря могущественной поддержкѣ Мирабо и Вольнея, Саличетти добился того, что собраніе, 30 ноября 1789 г., не только приняло его програму, но постановило и амнистію всѣмъ корсиканскимъ изгнанникамъ.

Что программа Саличетти была вѣрна, а политика, по отношенію къ Корсикѣ, была не только гуманная, но и дальновидная, то доказывается настоящимъ Корсики. Конечно, дѣло наладилось не сразу. Не обошлось, а особенно первое время, безъ волненій и осложненій. Но вѣрная идея, положенная въ основу слитія двухъ чуждыхъ прежде другъ другу странъ, взяла свое. Нынѣ Корсика, когда-то столь враждебная Франціи, съ гордостью считаетъ ее своимъ отечествомъ, хотя сохраняетъ и свой мѣстный языкъ, и свой колоритъ нравовъ и обычаевъ...

Рѣшеніе собранія, какъ легко усмотрѣть, расходилось съ программою и надеждами Паоли; но за всѣмъ тѣмъ, оно, безъ борьбы и жертвъ, представляло въ себѣ столько гарантій свободы и матеріальныхъ выгодъ для многострадальной Корсики, что, какъ самъ Паоли, такъ за нимъ и большинство корсиканцевъ, встрѣтили это рѣшеніе съ чувствомъ самаго неподдѣльнаго восторга. Не радовались рѣшенію собранія въ Корсикѣ только роялисты, да „непримиримые“, упорно мечтавшіе о независимости и оставшіеся теперь, вдругъ, въ меньшинствѣ; въ числѣ ихъ былъ и Буонапарте. Но, не вѣря ни искренности отреченія Паоли отъ его программы, ни искренности и твердости правительства, они утѣшали себя тѣмъ, что нежданный и крутой поворотъ въ умахъ ихъ соотечественниковъ въ пользу Франціи не прочепъ, и что само правительство скоро опять оттолкнетъ Корсику отъ ней; а потому они рѣшили ждать, не теряя, однако, удобныхъ случаевъ для дѣйствія.

Первымъ слѣдствіемъ рѣшенія собранія были снятіе осаднаго

положенія съ острова и запрещеніе войскамъ всякаго вмѣшательства въ случаяхъ нарушенія гдѣ-либо порядка, безъ вызова къ тому со стороны мѣстныхъ властей. И то, и другое, конечно, очень обрадовало островитянъ, жившихъ такъ долго въ желѣзныхъ тискахъ, но было на руку и „непримиримымъ", тѣмъ болѣе, что, въ ожиданіи новаго административнаго устройства края, старыя власти какъ бы сами собою потеряли значеніе.

Какъ только извѣстіе о распоряженіи этомъ достигло Аяччіо, Буонапарте съ друзьями тотчасъ принялись за дѣло. Они учредили въ городѣ новый муниципальный совѣтъ и приступили къ устройству національной гвардіи. Городскимъ мэромъ они поставили Леви, родственника Буонапартовъ, а секретаремъ муниципалитета Іосифа, будущаго короля испанскаго. Мѣсто начальника гвардіи г. Аяччіо досталось, однако, не Буонапарте, а Перальди, его же, впрочемъ, родственнику. Но Буонапарте относился теперь къ этому обстоятельству равнодушно. Ему хотѣлось—не просто почетнаго, да еще требующаго расходовъ, званія, какимъ становилось теперь мѣсто Перальди; онъ разсчитывалъ на учрежденіе центральнаго комитета и проектируемой имъ національной милиціи, во главѣ которой онъ могъ бы сдѣлаться Вашингтономъ Корсики. Вотъ, о чемъ мечталъ Буонапарте, внутренно проклинавшій рѣшеніе собранія, бывшаго для него ушатомъ холодной воды, вылитой на голову. Но такъ какъ дѣлать было нечего, то, въ ожиданіи лучшихъ для себя временъ, онъ явился теперь въ роли яростнаго члена вновь открывшагося въ Аяччіо демократическаго клуба. Здѣсь онъ металъ громы противъ самоуправства и злоупотребленій королевскихъ чиновниковъ (которыхъ, впослѣдствіи, самъ возстановлялъ); протестовалъ противу роялистскихъ депутатовъ, Буттафуоко и Перетти; а когда тѣ прислали къ своимъ избирателямъ нѣчто въ родѣ оправдательнаго манифеста, то Буонапарте внесъ предложеніе о публичномъ порицаніи ихъ политической дѣятельности.

Но такого публичнаго порицанія, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ Буттафуоко, Буонапарте показалось еще недостаточнымъ; онъ написалъ къ нему еще частное письмо, которое вскорѣ опубликовалъ, гдѣ, понося политическую дѣятельность Буттафуоко, не щадитъ даже его интимной жизни.

Любопытно, что и здѣсь, какъ въ адресѣ, онъ съ особою злобою разитъ именно тѣ черты и тотъ характеръ политическихъ воззрѣній въ другомъ, которые, чрезъ какіе-нибудь 10 лѣтъ, самъ же приметъ за основу своей карьеры, оставивъ въ этомъ

отношеніи далеко за собою Буттафуоко, безвѣстно умершаго въ 1806 г., въ Бастіи.

„Исторія вашей жизни, по крайней мѣрѣ, съ того времени, какъ вы выступили на политическое поприще, извѣстна: главнѣйшія дѣянія ваши записаны въ здѣшней лѣтописи кровью",—пишетъ Буонапарте къ Буттафуоко...—„Вы съ презрѣніемъ отнеслись и признавали пустой болтовней стремленіе вашихъ соотечественниковъ къ свободѣ, независимости, конституціи..."—„Часть патріотовъ погибла въ бою за свободу; другая должна была покинуть родную землю, ставшую омерзительнымъ гнѣздомъ тиранніи; но большинство не могло—ни умереть, ни бѣжать: оно сдѣлалось жертвой преслѣдованій, погибая на эшафотахъ и въ тулонскихъ тюрьмахъ отъ отравы, мученій и всякаго рода страданій... О, Боже! Неужели ты не накажешь палачей ихъ?!.." „Вы намѣревались раздѣлить Корсику на десять баронствъ. Какъ! Не довольствуясь цѣпями рабства, которыя вы помогали ковать нашимъ угнетателямъ, вы хотѣли еще возстановить въ ней безсмысленный феодальный режимъ?.. Въ Версали вы стали ревностнымъ роялистомъ. А въ Парижѣ вы съ грустью увидѣли возсозданіе именно того самаго образа правленія, которое въ такихъ страшныхъ потокахъ крови было потоплено у насъ... О, Ламетъ! О, Робеспьеръ! О, Петіонъ! О, Вольней! О, Мирабо! О, Барнавъ! О, Бальи! О, Ля-Файетъ!—заканчиваетъ въ экзальтаціи Наполеонъ,—взгляните, что за человѣкъ возсѣдаетъ рядомъ съ вами! Пропитанный кровью своихъ братьевъ и запачканный разными преступленіями, онъ съ увѣренностью вступаетъ въ вашу среду, прикрывшись генеральскимъ мундиромъ, этою единственною наградою, заслуженною имъ своими преступленіями!.. И еслибы еще онъ былъ голосомъ народа!.. но, вѣдь онъ ничто иное, какъ избранникъ какихъ-то двѣнадцати дворянъ!.."

Буттафуоко написалъ ему довольно снисходительный отвѣтъ, въ которомъ говорилъ: „Вы не умѣете еще различать людей и судите о нихъ лишь по внушеніямъ суфлеровъ"... Но какой жестокій отвѣтъ могъ бы онъ написать нѣсколько лѣтъ спустя! Какую параллель онъ могъ бы провести тогда между своею политическою дѣятельностью, такъ безпощадно теперь поносимою Наполеономъ, и дѣятельностью его самого, начавшеюся съ мая 1793 года!..

XI.

Разсчеты „непримиримыхъ“ на непрочность настроенія въ пользу Франціи ихъ соотечественниковъ стали оправдываться скорѣе, чѣмъ даже можно было предположить. Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ ликованіе и надежды, возбужденныя рѣшеніемъ собранія, вновь уступили мѣсто чувствамъ недовѣрія къ правительству и страху за свое будущее. Причиною въ такой быстрой перемѣнѣ послужили слухи, упорно начавшіеся распространяться по острову,—что правительство, вмѣсто осуществленія этого рѣшенія, въ тайнѣ собирается, или сохранить на островѣ старый ненавистный порядокъ вещей, или же передать ихъ подъ власть ихъ старой, и также глубоко ненавидимой, госпожѣ, генуэзской республикѣ. На ряду съ этими слухами, настойчиво пошли еще и другіе, подвергавшіе сомнѣнію прочность вновь установившагося порядка вещей во Франціи. Въ прочность его не вѣрила тогда и Европа; сомнѣвалась въ ней сама Франція: что же было удивительнаго, что начала въ томъ сомнѣваться и Корсика, сбиваемая окончательно съ толку тою дѣйствительностью, какая тогда, вслѣдствіе начинавшей обостряться борьбы между дворомъ и собраніемъ, все болѣе и болѣе стала примѣчаться во всѣхъ дѣйствіяхъ правительства.

Опять наступалъ въ умахъ корсиканцевъ поворотъ, благопріятный для цѣлей „непримиримыхъ“—независимости родины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то тревожно-революціонное состояніе общества, когда Буонапарте и его друзьямъ приходилось только умѣло дѣйствовать. А потому, демократическій клубъ г. Аяччіо, заправляемый Массеріа, Поццо и Буонапарте, оживился; но они скоро примѣтили, что однѣхъ интригъ и агитаціи мало; чтобы поднять населеніе острова, и что для этого необходимъ съ ихъ стороны какой-либо крупный шагъ, способный увлечь за ними всѣхъ даже до прибытія Паоли, безъ указанія котораго островитяне не хотѣли предпринимать ничего. Такимъ шагомъ долженъ былъ быть захватъ цитадели Аяччіо, занимаемой французскимъ гарнизономъ; мысль объ этомъ была подана Буонапарте.

Друзья начали втихомолку подготовляться къ ея осуществленію. Буонапарте предстоялъ скоро возвратъ въ полкъ, такъ какъ срокъ отпуска истекалъ. Но счастье не покидало своего баловня, и онъ снова получилъ 4-мѣсячный отпускъ, опять съ сохраненіемъ содержанія.

Между тѣмъ, въ Корсикѣ, рядомъ съ толками о будущемъ,

шли разговоры и о торжественной встрѣчѣ Паоли,—вчера еще изгнанника, теперь торжественно принимаемаго въ Тюльери королемъ и восторженно чествуемаго въ собраніи и парижскимъ народомъ, всюду привѣтствовавшимъ его, какъ непоколебимаго борца за свободу.

Демократическій клубъ Аяччіо рѣшилъ послать, для встрѣчи Паоли, въ Марсель народную депутацію, въ числѣ которой, по протекціи брата, былъ и Іосифъ Буонапарте. Наполеонъ воспользовался этой поѣздкой, чтобы послать Рейналю, проживавшему въ Марсели, „исторію Корсики", передѣланную въ послѣдній разъ и въ такомъ видѣ посвящаемую окончательно этой знаменитости. При отправленіи депутаціи встрѣтилось, однако, маленькое затрудненіе: ни въ клубѣ, ни въ муниципалитетѣ, ни у самихъ депутатовъ не оказывалось денегъ на путешествіе. Но, по совѣту Наполеона, затрудненіе это было немедленно устранено. Особая делегація, въ сопровожденіи національныхъ гвардейцевъ, отправилась въ монастырь св. Франциска, вскрыла тамъ монастырскую кассу, и взявъ изъ нея 3 тысячи ливровъ, положила въ замѣнъ ихъ росписку, по которой уплата „позаимствованныхъ" денегъ возлагалась на счетъ будущей центральной власти!..

Нѣсколько труднѣе, чѣмъ это полученіе денегъ, являлся захватъ цитадели, замышляемый Буонапарте съ Массеріа и Поццо. Успѣхъ этого предпріятія заговорщики основали не столько на употребленіи открытой силы, сколько на какой-либо смутѣ въ городѣ, во время которой, при содѣйствіи соумышленныхъ съ ними чиновъ гарнизона и при общемъ переполохѣ властей, можно было бы нечаянно завладѣть цитаделью. Представился, наконецъ, и случай къ этой, столь желанной смутѣ.

Прибылъ въ Аяччіо нѣкій Каденоль, инженеръ, который имѣлъ какъ-то неосторожность высказать рабочимъ свою враждебность къ новому порядку вещей во Франціи вообще, а къ національному собранію въ особенности. При крайнемъ различіи взглядовъ на этотъ предметъ, существовавшемъ тогда въ обществѣ, въ выходкѣ Каденоля не было ровно ничего особеннаго. Но клубъ, въ которомъ засѣдали Массеріа, Буонапарте и др., нашелъ нужнымъ по этому поводу не только поднять крики, но потребовать даже преданія Каденоля суду. Муниципалитетъ уступилъ требованію, и арестовалъ Каденоля. Тогда въ свою очередь взволновались „умѣренные", и королевскій судья, Ракенъ, въ угоду этой партіи, сдѣлалъ распоряженіе объ освобожденіи Каденоля. Муниципалитетъ на отрѣзъ отказался исполнить распоряженіе. Весь городъ пришелъ въ неописанное волненіе. Буонапарте и его единомы-

шленники торжествовали: въ ночь съ 24 на 25 іюня, „патріотическое“ общество объявило свои засѣданія безпрерывными и, по примѣру Парижа, организовавъ городскую коммуну, стало издавать декреты, повелѣвавшіе арестъ всѣхъ враговъ національнаго собранія и свободы, а равно предписывавшіе коменданту безотлагательное принятіе мѣръ безопасности города, по соглашенію съ національной гвардіею. Въ числѣ лицъ, подписавшихъ эти декреты, вездѣ значатся, между прочими, и имена Буонапартовъ. Но все это волненіе, также, какъ прибытіе въ городъ массы вооруженныхъ горцевъ, обнаруживавшее отчасти настоящія намѣренія руководителей коммуны, побудили коменданта немедленно принять свои мѣры.

Во-время предупрежденные, офицеры и чиновники успѣли укрыться въ цитадель, а когда, затѣмъ, явились національные гвардейцы съ предложеніемъ своихъ услугъ коменданту, то подъемный мостъ, ведущій къ цитадели, оказался поднятымъ. Тѣмъ не менѣе, нѣсколько чиновниковъ осталось въ рукахъ городскихъ инсургентовъ,—чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе принимавшихъ вызывающій видъ.

Взбѣшенный комендантъ намѣревался было уже силою освобождать плѣнниковъ, а въ крайнемъ случаѣ, приступить и къ бомбардированію города. Но солдаты Лимузенскаго полка, занимавшіе цитадель, изъ которыхъ не малое число втайнѣ сочувствовали дѣйствіямъ патріотическаго клуба, открыто заявили, что они готовы умереть за защиту поста, ввѣреннаго ихъ охранѣ,—но что освобождать плѣнниковъ, кромѣ одного офицера, какъ своего, и идти противъ народа, они положительно не желаютъ. Вслей-неволей, коменданту пришлось вступить съ возставшимъ городомъ въ переговоры.

Въ клубѣ Буонапарте явился самымъ ярымъ поборникомъ продолженія разъ начавшагося конфликта. Онъ доказывалъ неспособность цитадели къ продолжительному сопротивленію; совѣтовалъ не бояться пустыхъ комендантскихъ угрозъ бомбардированія, противъ чего у нихъ было прекрасное средство въ заложникахъ... Но, не смотря на всю горячность его доводовъ, между горожанами стало обнаруживаться колебаніе. Такому повороту въ ихъ мысляхъ способствовалъ не мало видъ пушекъ, смотрѣвшихъ изъ цитадели, но еще болѣе внушенія клерикаловъ. Они не простили экспедиціи на монастырскую кассу и теперь громко проповѣдывали горожанамъ, что руководимое Буонапарте движеніе направляется вовсе не противъ французовъ, а противъ Бога, религіи и самого Паоли, и что, поэтому, надо тотчасъ подавить движеніе,—хотя бы даже силою. Убѣжденія клерикаловъ начали брать верхъ.

Плѣнники вскорѣ были выпущены на свободу, а вслѣдъ затѣмъ, уступила свое мѣсто городскому муниципалитету и импровизованная коммуна, закончивъ свое существованіе прокламаціей, написанной Буонапарте, которая должна была оправдать ея дѣйствія, и по обыкновенію его, была составлена въ высокопарно-демократическомъ тонѣ все съ рѣзкими выходками противъ тираніи, презрѣнія человѣческихъ правъ, и пр. Но на этомъ и окончилось все дѣло, задуманное „непримиримыми“. Неудача его, правда, не заставила ихъ покинуть своихъ плановъ о захватѣ цитадели, но вообще поколебала авторитетъ ихъ всѣхъ, а въ особенности Буонапарте.

Были, кромѣ этого, и другія обстоятельства, которыя стали съ нѣкотораго времени отталкивать отъ Буонапарте многихъ— даже изъ его сторонниковъ; они заключались въ рѣзкости его политическихъ воззрѣній, и еще болѣе—въ его антирелигіозномъ образѣ мыслей. Вѣрный послѣдователь въ этомъ отношеніи своего отца, юный подпоручикъ не только не ограничивался публичнымъ выраженіемъ восторженнаго одобренія всѣхъ декретовъ нац. собранія, относившихся до духовенства, но началъ даже, вмѣстѣ съ Фешемъ, составлять особую записку „о присягѣ духовенства конституціи“.—Эта записка не замедлила огласиться и произвела самое неблагопріятное впечатлѣніе на его соотечественниковъ, громадное большинство которыхъ отличалось самымъ грубымъ религіознымъ фанатизмомъ. Почти одновременно съ запискою, получился новый декретъ націон. собранія, по которому духовныя имущества передавались въ собственность націи.

Религіозное возбужденіе корсиканцевъ дошло до послѣдней степени. Въ Аяччіо, съ минуты на минуту, ждали возстанія, которому, теперь готовы были въ тайнѣ помогать и королевскіе органы, изъ противудѣйствія нац. собранію. Положеніе людей, не только свободно мыслившихъ, но даже только—не суевѣрныхъ, сдѣлалось въ городѣ не безопаснымъ, а подпоручику Буонапарте стали даже угрожать смертью. Что эти угрозы были не напрасны, въ томъ онъ скоро убѣдился.

Въ день Успенія, идя по площади Ольмо, Наполеону пришлось какъ-то натолкнуться на процессію, выходившую изъ церкви. Съ веревками на шеяхъ шли монахи, сопровождаемые громадною толпой, въ которой, изъ числа кающихся, кто шелъ босикомъ, кто тащилъ на себѣ цѣпи, кто билъ себя или другихъ желѣзными прутьями, крича: „да здравствуетъ религія!“—Выказалъ ли Буонапарте какое-либо отвращеніе къ этому зрѣлищу, или безъ всякаго съ его стороны повода, но только толпа, под-

биваемая аббатомъ Бекко, бросилась на него съ яростными криками: „смерть якобинцамъ! смерть офицеру!..“

Сопровождавшіе его друзья, Конти и По, сами спѣшили спастись. Гибель Наполеона сдѣлалась уже совсѣмъ неизбѣжною, если бы въ эту минуту не закрыла его рука какого-то кающагося, который грозно объявилъ, что убьетъ каждаго, кто осмѣлится прикоснуться къ офицеру. Этотъ кающійся, спасшій Наполеону жизнь, оказался Трента Косте, бандитъ по ремеслу, пользовавшійся страшною извѣстностью среди мѣстнаго населенія. Наполеонъ, какъ говорятъ, припомнилъ впослѣдствіи услугу, оказанную ему Косте, и возвелъ его въ санъ инспектора минеральныхъ водъ и лѣсовъ Корсики...

Эта уличная сцена, гдѣ едва не погибъ будущій завоеватель Европы, была только прелюдіей къ другимъ сценамъ подобнаго рода,—такъ, что самъ муниципалитетъ нашелъ необходимымъ принять нѣкоторыя мѣры предосторожности.

Какъ бы то ни было, но надежды Буонапарте на овладѣніе цитаделью, долженствовавшее послужить, по его мнѣнію, началомъ борьбы за независимость, во время которой онъ могъ бы занять роль, такъ нѣкогда прославившую Паоли, потерпѣли на этотъ разъ полное крушеніе. Неудача эта крѣпко раздражала молодого подпоручика, но не измѣняла его стремленій и надеждъ, осуществленіе которыхъ онъ отлагалъ теперь только до ожидаемаго пріѣзда Паоли. А потому, не смотря на враждебность клерикаловъ, роялистовъ и на нерасположеніе къ нему „умѣренныхъ“, Буонапарте, попрежнему и какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ агитировать въ демократическомъ клубѣ, посѣщать сборы націон. гвардейцевъ, и, по просьбѣ гражданъ, сочинялъ даже отъ имени ихъ привѣтственный адресъ, который лично и долженъ былъ вручить Паоли.

17-го іюля 1790 г., прибылъ, наконецъ, Паоли, встрѣченный въ Бастіи депутаціями отъ всѣхъ городовъ Корсики, въ томъ числѣ и отъ Аяччіо, адресъ отъ котораго былъ читанъ самимъ его авторомъ. Это была первая встрѣча Буонапарте съ Паоли, который съ особою привѣтливостью обошелся съ нимъ и, быстро примѣтивъ въ молодомъ артиллеристѣ выдающіяся способности, тутъ же предрекъ ему блестящую будущность.

Чтобы удалить отъ себя всякое подозрѣніе въ подтасовкѣ предстоявшихъ выборовъ, Паоли избралъ себѣ для жительства маленькое мѣстечко Ростино, неподалеку отъ Корте, которое онъ занималъ еще до своего изгнанія, 20 лѣтъ тому назадъ. Здѣсь, съ тою неподдѣльною привѣтливостью, которая такъ отличала его

симпатичную личность, онъ принималъ не многихъ, желавшихъ посѣтить его, ведя самую скромную жизнь и не вмѣшиваясь пока ни во что. Но, видно, такова уже нравственная сила людей, подобныхъ Паоли, которые, честно служа идеѣ, которою бываютъ проникнуты, не заботятся ни о вліяніи, ни о славѣ, которыя однако сами приходятъ къ нимъ! Паоли принималъ со всею искренностью программу, вытекавшую изъ рѣшенія собранія 30 ноября; доказательствомъ тому, что она будетъ правительствомъ выполнена, служилъ его возвратъ на родину, и этого оказалось сразу достаточнымъ, чтобы вселить на всемъ островѣ довѣріе къ будущему и спокойствіе.

Въ сентябрѣ открылась сессія корсиканскаго собранія, которая, избравъ Паоли своимъ президентомъ и начальникомъ всей націон. корсиканской гвардіи, и покончивъ дѣло съ административною организаціею новаго „департамента“ (какъ съ той поры стала называться Корсика), 8 октября приступила къ выборамъ членовъ департаментской директоріи. Президентомъ ея единодушно былъ избранъ опять Паоли. Въ тотъ же день собраніемъ было поставлено: выдавать Паоли 50 тыс. ливровъ ежегоднаго жалованья, воздвигнуть ему статую и, отнынѣ, ежегодно праздновать день 30 ноября, въ который Корсика слилась съ Франціею на условіяхъ полной равноправности.

Паоли отказался отъ назначеннаго ему содержанія, находя его обременительнымъ для страны, а для него, при его скромныхъ привычкахъ, излишнимъ. Также точно онъ отказался и отъ статуи, сказавъ собранію: „Вѣрьте, мнѣ, господа,—никогда не слѣдуетъ ни расточать похвалъ, ни воздвигать статуй ни одному гражданину, пока онъ не закончилъ своей карьеры!..“

Въ заключеніе всего, собраніе составило списокъ своихъ desiderata и, постановивъ: представить націон. собранію протестъ противъ политическаго поведенія въ немъ двухъ корсиканскихъ депутатовъ, Буттафуоко и Перетти, а также ходатайство о распущеніи королевско-корсиканскаго полка и о замѣнѣ его особымъ корпусомъ войскъ, состоящимъ изъ 500 корсиканцевъ и содержимымъ на счетъ острова, спокойно разошлось.

Братья Наполеона также принимали участіе въ выборахъ и въ засѣданіяхъ собранія въ Ореццо, но и самъ Наполеонъ, къ великому униженію и огорченію его, оказался, лицомъ очень ничтожнымъ, сравнительно съ такими восходящими корсиканскими звѣздами, какъ Поццо, Саличетти и другіе. Ему оставалось надѣяться только на полученіе мѣста начальника корсиканской нац. гвардіи, что, впрочемъ, Паоли ему обѣщалъ. Съ этою надеждою,

съ которою все-таки приходилось повременить, Буонапарте и возвратился въ Аяччіо, гдѣ бросился опять въ политику, такъ какъ дѣло шло о выборахъ на разныя кантональныя и городскія должности.

Вообще, по возвратѣ изъ Орецдо, Буонапарте, заявлявшій себя и прежде „паолистомъ“, сдѣлался еще болѣе пламеннымъ партизаномъ корсиканскаго героя. Да и не мудрено. Объ интригахъ и доносахъ, начавшихъ уже тогда внушать въ правительственныхъ французскихъ сферахъ подозрѣнія относительно чистоты намѣреній Паоли и приведшихъ вскорѣ къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ, Буонапарте еще не зналъ ничего. Паоли былъ тогда на островѣ всемогущимъ. Слѣдовательно, держаться за него было дѣломъ простого разсчета.

Въ ожиданіи рѣшеній по ходатайствамъ, отправленнымъ изъ Корсики для представленія нац. собранію, Буонапарте, по совѣту Рейналя, работалъ теперь надъ конкурсною тэмою, предложенною Ліонскою академіею. Изъ этого произведенія Буонапарте, вообще не заключающаго въ себѣ ничего особеннаго и плохо написаннаго, любопытно указать нѣкоторыя данныя о направленіи ума автора въ эту эпоху его жизни. О Паоли онъ говоритъ: „Изъ всѣхъ законодателей, когда-либо призывавшихся довѣріемъ народовъ къ начертанію для нихъ законовъ, никто болѣе Ликурга и Паоли не былъ проникнутъ идеею истины... Въ своей изумительной дѣятельности, въ убѣдительной силѣ своихъ рѣчей и всеобъемлющемъ геніальномъ умѣ Паоли нашелъ средства, обезпечивающія вновь имъ созданную конституцію отъ посягательствъ на нее враговъ и злыхъ людей... Одаренный всѣми качествами, какими только природа можетъ надѣлить одного человѣка для утѣшенія народовъ, Паоли народился въ Корсикѣ, чтобы привлечь къ ней взоры всей Европы“... О монархіи будущій цезарь выражается такъ: „гдѣ властвуютъ короли, тамъ—людей нѣтъ· тамъ есть только рабъ—притѣснитель, еще болѣе презрѣнный, чѣмъ рабъ притѣсняемый. Вы читали Тацита. Кто же изъ васъ тогда не готовъ былъ воскликнуть, вмѣстѣ съ младшимъ Катономъ: „дайте мнѣ мечъ, чтобы поразить это чудовище!..“ Особенно, какъ кажется, привлекали къ себѣ тогда его вниманіе вопросы о богатствѣ: „право на пользованіе произведеніями земли, необходимыми для существованія, даются человѣку самимъ актомъ его рожденія“,—говоритъ въ своей академической рѣчи Буонапарте, возмущающійся при видѣ существующаго въ мірѣ несправедливаго распредѣленія земель и богатствъ, въ результатѣ чего, по его мнѣнію, получается то, что лѣнивецъ,

ничего не дѣлающій, становится всѣмъ, тогда какъ работающій человѣкъ—ничѣмъ.—„Нравственный міръ богатаго человѣка" представляется Буонапарте ничѣмъ инымъ „какъ амальгамою болѣзненнаго воображенія, тщеславія, чувственныхъ наслажденій, капризовъ и фантазіи... Законодатель! возвести богатому: образумься! твои богатства составляютъ твое несчастье!".. и т. д.

Въ первыхъ числахъ декабря, когда Буонапарте закончилъ это свое произведеніе, долженствовавшее, вмѣстѣ съ „исторіею Корсики", составить, по его мнѣнію, ему извѣстность, получилась въ Аяччіо вѣсть объ осужденіи національнымъ собраніемъ политическаго поведенія Буттафуоко и Перетти. Вѣсть объ осужденіи собраніемъ этихъ представителей корсиканскаго дворянства и духовенства, документально и публично изобличенныхъ въ предательствѣ графомъ Мирабо, произвела въ Аяччіо громадный эффектъ. Письмо Буонапарте къ Буттафуоко читалось теперь на расхватъ, о Буонапарте опять всѣ заговорили, восхваляя его дальновидность, патріотизмъ; къ нему возвращалось довѣріе согражданъ, въ послѣднее время порядочно поколебавшееся, а главное, всѣмъ этимъ пріобрѣталась извѣстность, чего онъ такъ постоянно домогался. Будущее казалось ему теперь обезпеченнымъ, а особенно подъ эгидою Паоли.

Оставалось подождать возврата изъ Парижа делегатовъ и результатовъ ихъ ходатайствъ, въ числѣ которыхъ, было важное для Буонапарте ходатайство о преобразованіи королевско-корсиканскаго полка, при чемъ открывалось бы мѣсто, обѣщанное ему Паоли.

Возвратились, наконецъ, нетерпѣливо ожидаемые делегаты, Поццо-ди-Борго и Жантили. Но результаты ихъ патріотическихъ ходатайствъ оказывались далеко не тѣ, на которые довѣрители ихъ и сами они могли разсчитывать, судя по всякаго рода почестямъ и любезностямъ, какими ихъ осыпали въ Парижѣ. Инсинуаціи, шедшія изъ Корсики противъ Паоли, а въ особенности со стороны военныхъ французскихъ властей, подозрѣвавшихъ его въ намѣреніяхъ сдѣлаться на своемъ островѣ независимымъ владѣтелемъ, возъимѣли, вѣроятно, уже тогда свое дѣйствіе, и потому большая часть ходатайствъ, подъ разными благовидными предлогами и въ самой любезной формѣ, но тѣмъ не менѣе были въ Парижѣ отклонены. Что теперь было дѣлать Буонапарте? Въ Корсикѣ, ждать было нечего; ѣхать въ полкъ, какъ ему совѣтовали друзья и самъ Паоли, было не легко послѣ трехмѣсячной слишкомъ просрочки отпуска, длившагося и безъ того годъ!.. Просрочка отпуска, безъ особо уважительныхъ причинъ,

считается однимъ изъ немаловажныхъ воинскихъ преступленій, могущихъ повлечь за собою, по меньшей мѣрѣ, заключеніе въ крѣпости въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. А какія уважительныя причины своей просрочки могъ представить Буонапарте особенно послѣ его участія въ попыткахъ возстанія въ Аяччіо? Оставалось придумать какой-либо предлогъ, запастись отъ мѣстныхъ властей какими-либо уважительными удостовѣреніями, съ которыми и предстать предъ начальствомъ. На этомъ Буонапарте и порѣшилъ и, забравъ съ собою брата Людовика, 1-го февр. 1791 г. отплылъ изъ Аяччіо.

Съ какими надеждами и планами ѣхалъ теперь во Францію Буонапарте, предполагавшій въ прошломъ году никогда уже болѣе не возвращаться туда, и которому предстояло теперь, прежде всего, оправдываться въ просрочкѣ и разныхъ другихъ своихъ поступкахъ предъ своимъ начальствомъ, а быть можетъ, даже и предъ военнымъ судомъ?—Сказать трудно. И во всякомъ случаѣ, какъ и прежде, главное поприще своей будущей дѣятельности онъ все-таки разсчитывалъ найти въ Корсикѣ, но никакъ не во Франціи, которую по прежнему считалъ себѣ чужою и ко всѣмъ дѣламъ которой,—не исключая даже дѣлъ, относившихся къ громаднымъ тогдашнимъ преобразованіямъ въ ея вооруженныхъ силахъ,—относился съ полнымъ равнодушіемъ.

XII.

Настоящій свой пріѣздъ изъ Корсики въ Оксоннъ, штабъквартиру Ла-Ферскаго полка, Буонапарте совершилъ не торопясь, останавливался по пути, прислушивался и приглядывался ко всему, происходившему во Франціи, приближавшейся уже тогда къ революціонному кризису, и писалъ съ дороги письма. Вотъ, напр., отрывокъ изъ письма къ Фешу.

„Вездѣ, гдѣ я ни проѣзжалъ, а особенно въ Дофинэ,—пишетъ Буонапарте,—народъ непоколебимъ въ своихъ стремленіяхъ и готовъ сложить свою голову за поддержку конституціи. Въ Валансѣ я нашелъ: народъ—съ твердой рѣшимостью не уступать ни въ чемъ; солдатъ—въ патріотическомъ настроеніи; между офицерами — аристократовъ... Что до священниковъ въ Дофинэ, то они всѣ приняли гражданскую присягу. Надъ протестами епископовъ, по этому поводу, тутъ всѣ смѣются... Такъ называемое „порядочное общество" состоитъ на три четверти изъ лицъ, прикрывающихся маскою англійскаго конституціона-

лизма. Женщины—повсюду роялистки, чтó, впрочемъ, и не удивительно: вѣдь, свобода—то же женщина, но только красотою своею далеко превосходящая ихъ всѣхъ".

Въ половинѣ февраля, братья прибыли въ Оксоннъ. Въ видахъ своего оправданія въ просрочкѣ подпор. Буонапарте представилъ начальству удостовѣреніе мѣстныхъ властей, будто онъ два раза былъ задержанъ въ портѣ Аяччіо неблагопріятными вѣтрами. Добрякъ, командиръ полка, де-Лансъ нашелъ эти причины уважительными, и ходатайствуя о томъ же у военнагó министра, просилъ еще о выдачѣ Буонапарте слѣдовавшаго ему содержанія за время его невольной просрочки. А министръ не только уважилъ ходатайства де-Ланса, но призналъ достаточными и объясненія самого Буонапарте по поводу взведенныхъ на него комендантомъ Аяччіо обвиненій, которыя такъ и оставилъ безъ послѣдствій.

Въ Оксоннѣ Буонапарте опять повелъ тотъ же образъ жизни, что и прежде, т.-е., за исключеніемъ времени, посвящаемаго службѣ, отдаваясь чтенію, литературнымъ занятіямъ и посѣщенію небольшого кружка знакомыхъ, а также и „патріотическаго" общества, вновь теперь здѣсь образовавшагося. Общества полковыхъ товарищей Буонапарте избѣгалъ теперь еще болѣе, чѣмъ прежде. Дѣло въ томъ, что къ прежнимъ причинамъ, отталкивавшимъ его отъ этого общества, прибавились теперь новыя, заключавшіяся въ политическихъ воззрѣніяхъ, раздѣлявшихъ тогда офицеровъ всѣхъ чиновъ и частей французской арміи на два враждебныхъ лагеря. Къ одному лагерю принадлежало большинство, отстаивавшее старый порядокъ вещей, во имя котораго многіе тогда уже эмигрировали или собирались эмигрировать; къ другому—либеральное меньшинство. Буонапарте держался послѣдняго лагеря и сближался только съ нѣкоторыми изъ сослуживцевъ, изъ этого круга.

Братья жили прямо въ нищетѣ. Это была одна изъ тяжелыхъ эпохъ жизни будущаго повелителя Франціи, и впослѣдствіи онъ нерѣдко съ горечью вспоминалъ о ней, забывая, къ сожалѣнію, при этомъ и по поводу этого многое, чтó слѣдовало бы ему еще помнить! Двадцать лѣтъ спустя, когда Людовикъ, возведенный имъ въ короли, позволилъ себѣ, не спросясь его, отказаться отъ престола, Наполеонъ говорилъ герцогу Виченцкому: „Отказаться, даже не предупредивъ меня! Спасаться отъ меня бѣгствомъ въ Вестфалію, какъ бы отъ тирана!.. Братъ, вредящій мнѣ, вмѣсто того, чтобы мнѣ содѣйствовать! И кто же это?—Людовикъ, котораго я воспитывалъ на мое поручичье жалованье,

16*

одинъ Богъ знаетъ, цѣною какихъ лишеній!.. Знаете ли, какъ я достигалъ этого? Я не посѣщалъ ни кафе, ни общества; я ѣлъ одинъ черствый хлѣбъ и собственноручно чистилъ свое платье, чтобы подольше сохранить его. Чтобы не пятнать въ этомъ отношеніи товарищей, я жилъ въ своей коморкѣ, какъ медвѣдь, проводя время съ книгами, этими единственными моими друзьями! А чтобы добыть книгъ, къ какимъ опять лишеніямъ для себя самого необходимо бывало прибѣгать мнѣ!.. Впрочемъ, живя въ многочисленной семьѣ, я привыкъ съ ранняго дѣтства къ лишеніямъ всякаго рода".

Надежды на нѣкоторую поправку своего бѣдственнаго денежнаго положенія Буонапарте возлагалъ частью на ліонскую премію, въ 1500 ливровъ, за отправленное на конкурсъ сочиненіе, а частью—опять на „исторію Корсики".

Но вопросъ: какъ издать ее, по прежнему оставался задачей для автора. Книгопродавецъ въ Оксоннѣ, Жоли, брался издать „Письмо Буонапарте къ Буттафуоко", но отъ изданія „Исторіи" отказался. Не смотря на эту неудачу, Буонапарте не прерывалъ своихъ литературныхъ занятій и въ Оксоннѣ написалъ еще два произведенія: „Разговоръ о любви" и „Размышленіе о естественномъ состояніи человѣка". Въ первомъ изъ нихъ, написанномъ въ какомъ-то мизантропическомъ настроеніи, авторъ не только отвергаетъ существованіе любви, но считаетъ даже это чувство „зловреднымъ для общества и для индивидуальнаго счастья человѣка", а потому, полагаетъ, что „было бы великимъ благодѣяніемъ, еслибы божественная сила освободила человѣчество отъ этого чувства совсѣмъ". Въ другомъ сочиненіи, писанномъ, видимо, подъ вліяніемъ Руссо, Буонапарте силится доказать, что всѣ высшія качества сердца человѣка, какъ-то: состраданіе, дружба, любовь, признательность, уваженіе, и проч., составляютъ неразрывную принадлежность самой природы его, какою человѣкъ обладалъ всегда, а не съ той только поры, когда сложились общества...

Буонапарте не долго пришлось оставаться въ Оксоннѣ. Вслѣдствіе новыхъ преобразованій по военному вѣдомству, онъ переведенъ былъ изъ Ла-Ферскаго полка, ставшаго № 1, въ прежній Гренобльскій артиллерійскій полкъ, названный № 4 и расположенный на квартирахъ въ Валансѣ.

Переводъ этотъ, сопровождавшійся производствомъ Буонапарте въ поручики и для него совершенно неожиданный, переселялъ его опять въ Валансъ, гдѣ ему прежде жилось хорошо и гдѣ у него гораздо болѣе было связей и знакомствъ, чѣмъ

въ Оксоннѣ. Казалось бы, такой переводъ долженъ былъ только порадовать его. Между тѣмъ, онъ пришелся не по вкусу Буонапарте, который обратился даже къ высшему начальству съ просьбою объ оставленіи его въ прежнемъ мѣстѣ служенія.

Въ прошеніи своемъ онъ указываетъ на воспитаніе своего брата, приготовляемаго къ поступленію на службу также въ артиллерію, чтó будто бы ему невозможно будетъ продолжать въ другомъ полку. Но мотивъ этотъ, видимо, не серьезный. Вѣроятнѣе всего, что настоящею причиною, заставлявшею Буонапарте не желать перевода, было стѣсненное денежное положеніе. Но, какъ бы то ни было, просьба его уважена не была. 14-го іюня Буонапарте распрощался съ Оксонномъ, а 16-го уже устраивался съ братомъ въ Валансѣ, на своей прежней скромной квартиркѣ, въ домѣ дѣвицы Бонъ.

Офицерскій персоналъ полка, въ который прибылъ теперь Буонапарте, начиная съ командира, былъ почти весь новый и, въ нѣкоторомъ отношеніи, даже исключительный; въ немъ почти преобладали офицеры, принадлежавшіе къ самымъ горячимъ поклонникамъ новаго порядка вещей. Главнѣйшихъ представителей валанскаго общества, среди котораго когда-то вращался Буонапарте,—людей, по преимуществу богатыхъ, теперь на лицо не оказывалось: кто умеръ, кто переселился въ деревню. Да и чѣмъ это общество могло быть полезно ему теперь? Другое дѣло—„общество друзей конституціи“, находившееся въ близкихъ сношеніяхъ съ клубомъ якобинцевъ въ Парижѣ: Буонапарте теперь немедленно примкнулъ къ нему и даже сдѣлался секретаремъ его. Но едва прошло шесть дней по пріѣздѣ Буонапарте въ Валансъ, какъ городъ, вмѣстѣ со всею Франціею, былъ потрясенъ двумя удручающими извѣстіями: одно сообщало о бѣгствѣ королевской фамиліи, а другое, пришедшее нѣсколькими часами позже,—о томъ, что королевская фамилія арестована.

До этого рокового событія общественное мнѣніе, по крайней мѣрѣ громаднаго большинства французовъ, еще вѣрило въ своего короля и относилось скорѣе съ насмѣшливымъ презрѣніемъ, нежели съ серьезнымъ опасеніемъ ко всѣмъ выходкамъ эмиграціи, грозившей придти со всею Европою для возстановленія во Франціи стараго порядка.

Теперь большинство общества начинало убѣждаться, что угрозы эмиграціи—не одно пустое хвастовство, что ея замыселъ—ниспровергнуть вновь установившійся порядокъ, хотя бы даже съ помощью оружія чужеземцевъ, есть, въ сущности, замыселъ самого короля, что послѣдній былъ именно во главѣ заговора, затѣвае-

маго противъ Франціи. Весьма многіе уже тогда предусматривали печальныя послѣдствія этого факта, а всѣ начали сознавать значеніе опасности, грозящей не только новому порядку вещей, а пожалуй и самой Франціи.

Взрывъ всеобщаго негодованія противъ заговора и военныхъ заговорщиковъ, участвовавшихъ въ бѣгствѣ короля, охватилъ всю страну. Всѣ теперь были на сторонѣ національнаго собранія; всѣ превозносили его энергію, требовали рѣшительныхъ мѣръ къ огражденію безопасности отечества и вездѣ приготовлялись къ самой торжественной присягѣ на вѣрность конституціи.

Для этого торжества, послѣдовавшаго 14-го іюля, депутаты 22 обществъ изъ нѣсколькихъ департаментовъ собрались въ Валансъ.

При торжествѣ говорились, конечно, либеральныя рѣчи; говорилъ, между прочимъ, и поручикъ Буонапарте въ качествѣ „секретаря общества друзей конституціи". Вечеромъ состоялся банкетъ, на которомъ офицеры и граждане говорили патріотическія рѣчи, выражавшія ихъ общую готовность умереть за отечество и за конституцію; въ числѣ ораторовъ, выдававшихся особою рѣзкостью политическихъ мнѣній, опять фигурировалъ поручикъ Буонапарте.

Вообще различіе политическихъ воззрѣній во французскомъ обществѣ, не исключая и военнаго, было въ эту пору весьма велико; но послѣ бѣгства короля, всѣ сходились въ одномъ— въ чувствѣ негодованія при одной мысли объ иностранномъ вмѣшательствѣ. Съ особою силою чувство это выступало въ народныхъ массахъ и въ солдатахъ. Герцогъ Броліо, находившійся во время бѣгства короля въ Страсбургѣ, говоритъ, что послѣ этого событія „установилось самое тѣсное сближеніе между линейными войсками и національной гвардіей, и что, проѣзжая по дорогѣ отъ Страсбурга до Парижа, онъ вездѣ встрѣчалъ необыкновенное патріотическое одушевленіе рядомъ съ величайшею повсемѣстною тишиною, и тысячи вооруженныхъ людей... Въ городахъ цѣлыя толпы рабочихъ, съ женами и дѣтьми, предлагали свои руки на работы при поправкахъ старыхъ и устройствѣ новыхъ укрѣпленій, и дѣйствительно работали надъ ними, не требуя и даже отказываясь отъ платы; въ деревняхъ народъ, за неимѣніемъ другого оружія, собирался идти на встрѣчу враговъ новаго порядка съ желѣзомъ отъ плуговъ, предлагая на защиту его и свою жизнь, и послѣднее свое нищенское достояніе". Поручикъ Буонапарте все это видѣлъ и хорошо зналъ, чего хочетъ народъ.

Среди общей патріотической экзальтаціи, охватившей Францію,

онъ отличался самыми необузданными выходками противъ двора и эмигрантовъ.—„Наша сторона (т.-е. Дофинэ),—пишетъ онъ къ Нодену, — полна ревности и огня. Въ одномъ изъ собраній 22-хъ обществъ, трехъ департаментовъ, недавно имѣвшемъ здѣсь мѣсто, подана петиція, въ которой также настаиваютъ на судѣ надъ королемъ... Я предлагалъ тостъ за оксоннскихъ патріотовъ. На солдатъ, сержантовъ и половину офицеровъ нашего полка положиться можно... Въ моихъ венахъ южная кровь течетъ быстрѣе Роны".

Въ словахъ Буонапарте была правда. Ему не сидѣлось въ Валансѣ; его тянуло въ Парижъ, гдѣ ему хотѣлось присутствовать на засѣданіяхъ клуба якобинцевъ, въ связи съ которымъ состояло общество „другой конституціи".

„Пришлите мнѣ 300 франковъ,—умоляетъ онъ старика Люціана,—которыхъ мнѣ будетъ вполнѣ достаточно, чтобы съѣздить въ Парижъ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, можно превозмочь всѣ препятствія выдвинуться. Внутренній голосъ говоритъ мнѣ, что успѣхъ ждетъ меня тамъ". Но на этотъ разъ онъ въ Парижъ не попалъ.

Между тѣмъ, происки эмигрантовъ, число и сила которыхъ все росли, начали производить свое дѣйствіе. Слухи о коалиціи противъ Франціи становились все настойчивѣе. 24-го августа была подписана извѣстная пильницкая декларація. Національное собраніе, съ своей стороны, принимало мѣры къ оборонѣ. Война, казалось, висѣла въ воздухѣ.

Но какъ, повидимому, ни горячо Буонапарте относился ко всѣмъ жгучимъ, внутреннимъ и внѣшнимъ вопросамъ, занимавшимъ тогда Францію, душою онъ все-таки и теперь принадлежалъ — не ей, а своей Корсикѣ [1]). А потому, лишь только онъ узналъ о декретѣ Собранія, устанавливавшемъ формированье 4-хъ корсиканскихъ волонтерскихъ батальоновъ, какъ, махнувъ рукой на все, сталъ лихорадочно собираться домой.

Сначала онъ было предполагалъ отправиться туда въ качествѣ офицера, командируемаго съ транспортомъ оружія для вооруженія корсиканскихъ волонтеровъ, о чемъ даже подавалъ министру особую записку. Но когда предположеніе это почему-то не удалось, онъ добился новаго отпуска, который на этотъ разъ дали ему на три мѣсяца, но безъ содержанія, и съ обязатель-

---

[1]) Буонапарте, до 1793 г. почти во всѣхъ своихъ письмахъ, разговорахъ и проч., обращаясь къ французамъ или говоря о нихъ, употребляетъ: вы, у васъ, у нихъ и т. д., да и неудивительно: онъ считаетъ себя корсиканцемъ, чего пока не скрываетъ.

ствомъ вернуться въ Валансѣ никакъ не позже 31 декабря 1791 года.

XIII.

6-го сентября Буонапарте съ братомъ Людовикомъ прибыли въ Аяччіо. Въ положеніи семьи, за свое шестимѣсячное отсутствіе, Буонапарте не нашелъ ни какихъ особыхъ перемѣнъ: мать попрежнему перебивалась въ нуждѣ; дѣти росли; Іосифъ занималъ свою прежнюю должность, а Люціанъ ничего не дѣлалъ. Одинъ аббатъ Фешъ успѣлъ въ это время достичь званія конституціоннаго епископа и ждалъ только смерти самого епископа, старика Люціана, чтобы занять его мѣсто.

15 октября умеръ и старикъ Люціанъ. Буонапарте сдѣлался теперь окончательно главою своей семьи. „Съ этихъ поръ,—говоритъ его братъ Люціанъ, — съ нимъ уже болѣе не спорили: онъ сердился при малѣйшемъ возраженіи и выходилъ изъ себя, когда встрѣчалъ хотя какое-либо сопротивленіе. Даже Іосифъ, и тотъ болѣе не осмѣливался уже возражать ему“.

Измѣнился въ эту пору и самый характеръ рѣчи Буонапарте. Имена героевъ Греціи и Рима, Эпаминонда, Леонида и Брута, не сходили у него теперь съ устъ. Особенно онъ восторгался Юліемъ Цесаремъ: „да развѣ можетъ найтись человѣкъ, который не пожелалъ бы быть — даже заколотымъ, чтобъ только походить на Цесаря?“.. иногда восклицалъ онъ. Стремленіе играть видную общественную роль, составлявшее издавна завѣтную мечту Буонапарте, становилось у него теперь просто какой-то мономаніей, тѣмъ болѣе мучительной, что вопросы: въ какую же сторону кинуться, гдѣ искать поприща, на которомъ можно было бы, наконецъ, выдвинуться, — по прежнему оставались для него ни мало не выяснившимися.

Корсику, по пріѣздѣ своемъ, Буонапарте нашелъ въ томъ состояніи умственнаго и матеріальнаго разлада, какимъ обыкновенно сопровождается общественное переустройство въ странахъ, долго жившихъ подъ однимъ порядкомъ вещей и, затѣмъ, круто переходящихъ къ другому, совершенно противоположному. Никакія самыя благодѣтельныя реформы не даютъ сразу добрыхъ плодовъ своихъ: надобно, чтобы онѣ установились, окрѣпли и чтобы общество,—проникшись духомъ ихъ,—освоилось съ новыми жизненными условіями, которыя ими создаются. А для всего этого требуется время и терпѣніе. То полу-рабское существованіе, въ которомъ такъ долго томились корсиканцы подъ игомъ полицей-

ско-бюрократическаго режима, не могло дать имъ ни образованія, ни нравовъ, необходимыхъ для воспріятія новыхъ учрежденій, къ которымъ они такъ давно стремились и которыя сдѣлались теперь ихъ достояніемъ. Сначала съ восторгомъ и дружно схватились островитяне за свое общественное переустройство. Не прошло и года, какъ всѣ старыя учрежденія были упразднены, должности, занимавшіяся французами, замѣщены корсиканцами, и вся новая административная машина пущена въ ходъ. Но, — какъ и слѣдовало ожидать,—частью по неимѣнію людей, достаточно подготовленныхъ къ занятію должностей, а частью, по невѣжеству самого общества, привыкшаго смотрѣть на подобныя должности какъ на прибыльную синекуру, выборы привели къ тому, что новыя учрежденія наполнились массою людей, либо неумѣлыхъ, грубыхъ, либо просто дурныхъ. Въ дѣйствіяхъ новой администраціи сразу оказались неурядица и злоупотребленія. Дурные инстинкты общества, воспитавшагося подъ ферулой чиновничьяго произвола, когда оно вырвалось на свободу, нашли теперь для себя широкій просторъ.

На всемъ островѣ воцарился какой-то хаосъ, въ которомъ стала исчезать даже личная безопасность. Ликованія и надежды, съ которыми такъ недавно еще корсиканское общество встрѣчало новыя учрежденія, наивно ожидая, что, съ введеніемъ ихъ, чуть не сразу наступитъ земной рай на ихъ островѣ, стали быстро теперь исчезать при видѣ печальной дѣйствительности. Не понимая, что причины всѣхъ золъ, препятствующихъ пользоваться всѣми благами свободы и независимости, имѣющихся у него теперь въ рукахъ, лежатъ въ немъ самомъ, общество,—какъ обыкновенно, стало искать ихъ въ недостаткахъ новыхъ учрежденій, по мнѣнію однихъ — скороспѣлыхъ... по мнѣнію другихъ,—недостаточно свободныхъ. Партія, во главѣ которой стоялъ Саличетти, относила хаотическое положеніе дѣлъ въ Корсикѣ даже къ тайному противодѣйствію новымъ учрежденіямъ со стороны Паоли, котораго она подозрѣвала, или прикидывалась, что подозрѣваетъ, въ замыслахъ объ отдѣленіи отъ Франціи. Народъ, а особенно горожане, не желалъ признавать новыхъ „конституціонныхъ" епископовъ, нерѣдко оказывая при этомъ даже вооруженное сопротивленіе.

Въ депутаты собранія хотѣлось попасть чуть не каждому корсиканцу. Спорамъ и распрямъ по этому поводу не было конца. —„Въ теченіе трехъ лѣтъ, — говоритъ Вольней, посѣтившій въ это время Корсику, въ ней совершилось до трехъ сотъ убійствъ. Юстиція — почти исчезла. Поля и деревни, видимо, пустѣютъ. Па-

харь не иначе выходитъ на поле, какъ съ ружьемъ за спиной... Я видѣлъ избирательныя собранія, состоящія изъ 400 человѣкъ, которымъ управляютъ и вертятъ какихъ-нибудь 10, 12 лицъ, образующихъ между собою аристократическія лиги, раздающія себѣ мѣста и назначающія себѣ содержаніе. Поссориться и помириться имъ не стоитъ ничего... Режимъ, подъ которымъ жила Корсика, вкоренилъ въ ея населеніи порочныя привычки, заимствованныя имъ изъ состоянія дикости и только-что возникавшей цивилизаціи".

При своемъ свѣтломъ умѣ, при многолѣтнемъ опытѣ, вынесенномъ изъ долгаго пребыванія въ Англіи, Паоли прекрасно понималъ, что путь обновленія и освобожденія, на который только-что вступило его отечество, — не такой, по которому сразу научаются легко ходить общества, даже далеко опередившія его соотечественниковъ по своему умственному и иному развитію. А потому, не смущаясь ни интригами враговъ, ни сумятицей переходнаго времени, онъ сохранялъ выжидательное положеніе, стараясь поддерживать наилучшія отношенія къ французскому правительству и, въ то же время, употребляя всѣ усилія къ обузданію расходившихся страстей, но дѣлалъ все это съ той никогда не покидавшей его сдержанностью и мягкостью, которая составляли характерныя черты его личности. При всемъ разладѣ, господствовавшемъ въ Корсикѣ, онъ былъ едва ли не болѣе, чѣмъ прежде, популярнымъ и вліятельнымъ человѣкомъ.

До сихъ поръ Буонапарте былъ пламеннымъ корсиканскимъ патріотомъ, и приверженцемъ Паоли. Какъ ни увлекали его послѣднія событія во Франціи, онѣ не измѣнили пока ни въ чемъ его корсиканскихъ стремленій. А то состояніе, въ которомъ онъ, по возвратѣ, засталъ свою родину, и то положеніе, которое въ ней занималъ Паоли, еще болѣе закрѣпляли его въ этихъ воззрѣніяхъ. Все здѣсь предвѣщало кризисъ, бурю; а когда же, какъ не во время общественныхъ кризисовъ, можно скорѣе всего выбиться на первый планъ человѣку темному, но способному? Въ Паоли Буонапарте видѣлъ силу, на поддержку которой тѣмъ смѣлѣе могъ разсчитывать, что Паоли, замѣтившій въ немъ выдающіяся способности, хотя и не одобрялъ вообще его непокойнаго нрава и прежняго поведенія въ Аяччіо, тѣмъ не менѣе продолжалъ относиться къ нему благосклонно.

XIV.

Первою заботою Буонапарте было теперь ходатайство о переводѣ его на службу въ одинъ изъ четырехъ, имѣющихся сформироваться волонтерскихъ баталіоновъ. Но переводъ этотъ оказывался далеко не легкимъ, по разнымъ спеціально служебнымъ условіямъ, которыми обставлялся составъ офицерскаго персонала этихъ баталіоновъ.

Буонапарте нашелъ себѣ поддержку въ генералѣ Росси, который однако долженъ былъ обратиться къ военному министру. Но наступалъ уже конецъ 1791 г., а съ нимъ и конецъ отпуска Буонапарте, а отвѣта министра на запросъ Росси все еще не получалось. Дѣло формированья баталіоновъ затягивалось, а между тѣмъ во Франціи шли усиленныя приготовленія къ войнѣ. Войска приводились на военную ногу. Артиллерійскія роты, а въ томъ числѣ и рота, гдѣ числился Буонапарте, распредѣлялись по арміямъ, формировавшимся по границамъ. Декретомъ національн. собранія повелѣвалось всѣмъ офицерамъ быть на своихъ мѣстахъ къ 25 декабря, подъ угрозою отвѣтственности, установленной для дезертировъ. Особыя коммиссіи должны были произвести смотры всѣмъ частямъ арміи и удостовѣриться въ наличномъ присутствіи всѣхъ ея чиновъ отъ генерала до солдата [1]).

Повелѣніе было кратко, но рѣшительно. Шло оно не отъ того національнаго собранія, „принципы котораго,—по словамъ самого Буонапарте, послѣ принесенія имъ присяги конституціи,—такъ гармонически сливались съ прирожденными душѣ его склонностями“. Казалось бы, теперь именно ему слѣдовало бросить все и поспѣшить къ мѣсту своего служенія,—тѣмъ болѣе, что истекалъ и срокъ его отпуска. Вышло однако такъ, что Буонапарте не только не обратилъ вниманія на повелительный призывъ собранія, но, пропустивъ срокъ отпуска, остался преспокойно въ Корсикѣ даже и по полученіи отвѣта военнаго министра на запросъ Росси, когда уже не оставалось ни малѣйшаго предлога для дальнѣйшей просрочки.

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что такое суровое распоряженіе обусловливалось, кромѣ грозящей войны, и порядками, существовавшими во франц. арміи до революціи. Офицеры, а особенно пользовавшіеся связями въ придворныхъ и высшихъ слояхъ, а такихъ было масса, обыкновенно не служили, а только числились въ своихъ частяхъ, находясь вѣчно, то въ отпускахъ, то въ командировкахъ, сочиняемыхъ подъ разными предлогами. А многіе высшіе чины, какъ, напр., начальники бригадъ, дивизій не иначе даже соглашались командовать ими, какъ съ условіемъ оставаться на жительствѣ въ Парижѣ.

Въ этомъ отвѣтѣ, писанномъ отъ 14 января, когда министерство еще не могло знать о неявкѣ къ смотру Буонапарте, министръ, правда, не встрѣчалъ, съ своей стороны препятствій къ назначенію Буонапарте на просимое имъ мѣсто въ волонтерскомъ баталіонѣ, но указывалъ на новый состоявшійся законъ, предоставлявшій назначеніе на такія мѣста выбору самихъ волонтеровъ. Буонапарте оставалось, одно изъ двухъ: или немедленно отправляться въ полкъ, или просить отставки, чтобы затѣмъ предъявить себя кандидатомъ на какое-либо изъ офицерскихъ мѣстъ на выборахъ волонтеровъ. Ни того, ни другого Буонапарте, однако, не сдѣлалъ.

Въ чемъ же заключались причины, которыя побуждали его къ такому серьезному и опасному нарушенію воинской дисциплины? Въ письмахъ этого времени къ одному изъ сослуживцевъ онъ то высказываетъ готовность вернуться въ полкъ, если ему послѣ упомянутаго выше смотра дано какое-нибудь „повышеніе“ (а смотръ долженъ былъ объявить его, какъ неявившагося къ службѣ—дезертиромъ), то ссылался на „предложеніе“ ему мѣста въ волонтерскомъ полку генераломъ Росси (когда на дѣлѣ онъ самъ выпрашивалъ у него этого мѣста), то ссылался на священныя обязанности и долгъ чести къ родинѣ, не позволявшіе ему оставлять Корсику...

Трудно допустить, чтобы Буонапарте не понималъ и самъ хорошо всѣхъ противорѣчій и неправильности своихъ дѣйствій. Но ему нужно было въ это время, для осуществленія своихъ плановъ, быть во чтобы то ни стало въ Корсикѣ, съ судьбою которой онъ упорно продолжалъ еще въ мечтахъ своихъ связывать и судьбу свою; съ другой стороны, ему не хотѣлось пока покидать и службы, которая могла явиться для него убѣжищемъ, въ случаѣ неудачъ на родинѣ. А для этого ему не оставалось ничего другого, какъ пуститься на разнаго рода завѣдомо ложные доводы, которые онъ и представлялъ въ письмахъ къ человѣку, состоявшему, по своей должности, членомъ особой коммиссіи, провѣрявшей наличный составъ арміи. На успѣхъ такого маневра Буонапарте тѣмъ смѣлѣе могъ разсчитывать, что во Франціи, въ то время, все еще относились къ корсиканцамъ нѣсколько снисходительно, какъ къ людямъ, не вполнѣ еще освоившимся со всѣми условіями гражданской жизни своей метрополіи.

Только съ этой точки зрѣнія и можно цѣнить аргументацію, приводимую Буонапарте въ оправданіе своей неявки; и во всякомъ случаѣ это дѣло указываетъ, что и въ эту эпоху своей жизни, предшествовавшую всего тремя съ небольшимъ годами на-

наченію его главнокомандующимъ итальянскою арміею, Буонапарте не считалъ ни Францію своимъ отечествомъ, ни себя—французомъ.

XV.

Но въ чемъ заключались эти планы, изъ-за которыхъ Буонапарте пускался теперь въ такую не совсѣмъ достойную и даже опасную для него, какъ офицера, игру? Эти планы оставались тѣ же, что и прежде: независимость Корсики и, какъ прологъ въ ней, захватъ цитадели Аяччіо. Время для осуществленія этихъ плановъ представлялось ему теперь самое удобное. Буонапарте и прежде не вѣрилъ искренности неодобренія Паоли во всѣмъ своимъ попыткамъ этого рода, объясняя это неодобреніе только ихъ неуспѣшностью. Теперь же, когда въ тайномъ стремленіи къ независимости острова стали подозрѣвать Паоли чуть не всѣ, и друзья и враги его, Буонапарте уже почти не сомнѣвался, что, принимаясь вновь за свои замыслы, онъ дѣйствуетъ вполнѣ согласно съ его сокровенными видами. И, наконецъ, если бы Паоли даже и не одобрялъ, по прежнему, его намѣренія, то захватъ цитадели и потрясающій эффектъ, который такой смѣлый ударъ могъ произвесть на всемъ островѣ, сдѣлають то, что самъ Паоли не будетъ болѣе въ силахъ устоять противъ общаго движенія.

Изъ прежнихъ попытокъ противъ цитадели Буонапарте зналъ, что это дѣло вообще не легкое и, во всякомъ случаѣ, требующее серьезной подготовки. Въ имѣющихъ вскорѣ формироваться корсиканскихъ батальонахъ, въ которыхъ ему такъ хотѣлось пристроиться и занять мѣсто повліятельнѣе, Буонапарте видѣлъ драгоцѣнное орудіе, не только для захвата цитадели, но и для дальнѣйшихъ плановъ вообще. Но, пока тянулось формированіе этихъ батальоновъ, онъ, чтобы не терять напрасно времени, почти немедленно по прибытіи въ Аяччіо, приступилъ къ агитаціи, направленной къ тому, чтобы захватить въ руки своей партіи администрацію, какъ города, такъ и округа Аяччіо.

Надобно замѣтить, что еще до прибытія его въ Аяччіо, здѣсь возникла жестокая борьба между двумя партіями, на которыя раздѣлилось населеніе города: партіею—якобинскою изъ людей, принадлежавшихъ, какъ по профессіямъ, такъ и по состоянію, къ самымъ разнороднымъ слоямъ городского общества, и партіею „фейльяновъ“, почти исключительно изъ буржуазіи и чиновничества. По примѣру парижскому, обѣ партіи имѣли свои клубы.

Буонапарте примкнулъ конечно къ первой, сдѣлавшись самымъ яростнымъ ораторомъ якобинскаго клуба, который особенно охотно посѣщался простымъ народомъ, прибывавшимъ въ городъ по разнымъ дѣламъ. Послѣднее обстоятельство играло въ его глазахъ немаловажную роль, потому что главнѣйшій контингентъ волонтеровъ въ будущіе батальоны оказывался не въ городскомъ, сильно клерикальномъ, низшемъ классѣ, а въ населеніи деревенскомъ, вообще болѣе энергическомъ, воинственномъ и свободномъ.

Преобладаніе партіи умѣренной, успѣвшей занять всѣ главныя административныя и муниципальныя должности въ Аяччіо, какъ это засталъ Буонапарте по своемъ прибытіи, мѣшало, конечно, его намѣреніямъ. Агитація, которую, какъ замѣчено выше, онъ тотчасъ повелъ противу такого положенія вещей, представлялась средствомъ, по духу новыхъ учрежденій, вполнѣ законнымъ. Но какъ человѣкъ, гнавшійся всегда за успѣхомъ и уже и въ ту пору начавшій считать собственныя идеи и стремленія единственно непогрѣшимыми, Буонапарте прибѣгаетъ къ другому болѣе вѣрному средству, чтобы вырвать администрацію изъ рукъ враждебной партіи: къ силѣ. Но такъ какъ для этого у него не имѣлось еще въ рукахъ достаточныхъ средствъ, то онъ обратился съ письмомъ къ Поццо-ди-Борго (бывшему тогда депутатомъ въ нац. собраніи), прося его содѣйствія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, преподавая ему совѣты, вполнѣ уже характеризующіе будущаго творца 18 брюмера.—„Вамъ уже достаточно было писано о дѣлахъ Аяччіо,—говорится въ этомъ письмѣ,—а потому, чтобы не отнимать васъ отъ занятій, я постараюсь быть краткимъ. Городъ этотъ преисполненъ дурными гражданами. О неблагонамѣренности и безуміи ихъ трудно даже дать вамъ понятіе.—Вообще, весь округъ этотъ началъ такъ дурно, что для поправленія дѣлъ, вамъ не остается другого лекарства, какъ собственною властью отрѣшить отъ должностей трехъ членовъ: Онделла, Фолаччи и Челли, и назначить трехъ другихъ... Средство это жестоко, быть можетъ—незаконно, но оно—необходимо. Не забывайте, гг. администраторы, великой истины, высказанной еще Монтескьё и тщетно когда-то защищаемой Мирабо: на законы, какъ на статуи извѣстныхъ божествъ, въ извѣстныхъ случаяхъ должно быть набрасываемо покрывало".

Политическая интрига, которой Буонапарте предался съ такимъ пыломъ, не ограничивалась на этотъ разъ однимъ роднымъ его городомъ. Неизвѣстно, какими путями, но онъ успѣлъ пристроиться къ Вольнею, изучавшему въ это время Корсику, и, вмѣстѣ съ нимъ, совершилъ нѣсколько экскурсій по острову, велъ

при этомъ свою пропаганду и уговаривалъ жителей деревень записываться въ волонтеры, и преимущественно во 2-й батальонъ, гдѣ предполагалъ служить самъ.

Буонопарте получилъ теперь извѣстіе и о рѣшеніи ліонской академіи относительно рѣчи его, представленной на конкурсъ. Но рѣшеніе это, съ которымъ онъ связывалъ надежду на полученіе 1500 ф. преміи, оказалось печальнымъ.

Кампиньоль положилъ такую резолюцію: „Быть можетъ, произведеніе это и принадлежитъ человѣку съ сердцемъ, но оно такъ дурно соображено, переполнено такими несообразностями и противорѣчіями и, вообще, такъ плохо написано, что не заслуживаетъ никакого вниманія". Васселье характеризовалъ его не лучше, помѣтивъ: „Это, видимо, какой-то бредъ!.."

Но Буонапарте скоро утѣшился въ своей литературной неудачѣ. Приближалось 1-е апрѣля, когда должны были собраться всѣ волонтеры въ Аяччіо для окончательнаго устройства батальоновъ, и слѣдовательно, для выбора своихъ офицеровъ.

Попасть при этомъ въ субалтернъ-офицеры не представляло никакихъ особыхъ затрудненій для офицера регулярныхъ войскъ, и къ тому же, артиллериста. Но Буонапарте и прежде добивался, по меньшей мѣрѣ, должности батальоннаго адъютанта, а теперь на предстоявшихъ выборахъ, онъ предполагалъ уже добиться, ни болѣе ни менѣе, какъ должности одного изъ подполковниковъ 2-го батальона. По прямому смыслу закона 4 августа, Буонапарте, какъ поручикъ, считавшійся, не смотря на свою неявку, состоявшимъ на службѣ въ регулярныхъ войскахъ, не имѣлъ права на занятіе этой должности. Но Буонапарте считалъ уже не излишнимъ „набрасываніе покрывала на законъ, въ извѣстныхъ случаяхъ", т.-е. когда ему это оказывалось для себя полезнымъ: законно или противозаконно будетъ сдѣлано избраніе на желанную должность, это было ему безразлично, лишь бы только волонтеры выбрали его, лишь бы совершился фактъ. Дѣло выбора было нелегко; кромѣ того, что на два мѣста старшихъ офицеровъ было восемь кандидатовъ, одинъ изъ правительственныхъ коммиссаровъ, которые должны были принять участіе въ дѣлѣ выборовъ, былъ нерасположенъ къ Буонапарте. Это былъ нѣкто Мурати, человѣкъ вліятельный и притомъ дѣйствовавшій отъ имени Паоли.

Такъ какъ никакихъ способовъ къ привлеченію Мурати на свою сторону не имѣлось, то для устраненія его отъ выборовъ, Буонапарте придумалъ весьма простое, не лишенное оригиналь-

ности средство: внезапно захватить его и продержать у себя въ плѣну, пока не окончатся выборы.

И дѣйствительно, наканунѣ выборовъ, когда Мурати сидѣлъ за обѣдомъ въ знакомомъ домѣ, гдѣ остановился по пріѣздѣ въ Аяччіо, является нѣсколько національныхъ гвардейцевъ и просятъ о себѣ доложить. Ничего не подозрѣвая, Мурати выходитъ къ нимъ. Но едва онъ успѣлъ освѣдомиться, что имъ нужно, какъ они стремительно бросились на него, схватили и притащили въ домъ Буонапарте, гдѣ и посадили подъ замокъ. Мурати попробовалъ было требовать объясненій такого неслыханнаго насилія, но получилъ отъ Буонапарте весьма короткій отвѣтъ: „я желалъ вамъ предоставить ту свободу дѣйствій, какою иначе вы пользоваться не могли"!..

При слухѣ о такомъ небываломъ происшествіи, пріятели Мурати схватились-было за оружіе, собираясь даже разнести домъ Буонапарте; но другіе не допустили ихъ до такого насилія, считая выходку Буонапарте слишкомъ нелѣпою, чтобы она могла имѣть какія-либо серьезныя послѣдствія относительно предстоявшихъ выборовъ, и слишкомъ безобразною, чтобы не привлечь на него и безъ того строгой законной кары. Послѣдствія показали, что это разсужденіе было ошибочно. На другой день, когда собрались въ церкви волонтеры для выборовъ, одинъ изъ участниковъ въ выборахъ тщетно пробовалъ протестовать противъ акта насилія, совершеннаго противъ правительственнаго коммиссара и, вслѣдствіе этого, противъ законности самихъ выборовъ. Протестовавшему не дали даже докончить рѣчи, стащили съ трибуны и вытолкнули изъ церкви. Часъ спустя, Кенца и Буонапарте провозглашены были избранными, первый—старшимъ, а послѣдній младшимъ подполковникомъ. На слѣдующій день подписаны были акты, подтверждавшіе правильность выборовъ, при крикахъ: „да здравствуетъ конституція! да здравствуетъ законодательное собраніе!, да здравствуетъ Буонапарте!" А чрезъ нѣсколько недѣль въ военномъ парижскомъ журналѣ можно было уже прочесть назначеніе во 2-й баталіонъ корсиканскихъ волонтеровъ подполковниками: Кенца и Буонапарте.

XVI.

Приступая къ осуществленію своего стараго плана—о захватѣ цитадели Аяччіо, Буонапарте имѣлъ, какъ казалось, въ настоящее время если не все, то уже весьма большіе шансы на

успѣхъ. Теперь у него было не только много партизановъ въ городѣ, но, что еще важнѣе, былъ цѣлый баталіонъ въ рукахъ, въ которомъ всѣ, не исключая даже старшаго его, подп. Кенца, готовы были безпрекословно исполнять его указанія. Съ солдатами гарнизона, занимавшаго цитадель, заведены были таинственныя связи. Составъ муниципальныхъ властей въ Аяччіо, вообще не расположенныхъ къ нему, оставался, правда, прежній: единомышленникъ Буонапарте, депутатъ Поццо, не оказалъ ему въ данномъ случаѣ просимаго имъ содѣйствія. Но это не представлялось для Буонапарте особымъ препятствіемъ. При волненіи и смутѣ въ городѣ, которыя, по плану его, должны были предшествовать покушенію и послужить для него поводомъ, всѣ эти власти могли быть замѣнены другими, какъ это и было сдѣлано въ прошломъ году. Оставалось только тонкимъ образомъ вызвать смуту въ городѣ. При томъ возбужденномъ состояніи, въ какомъ находилась тогда Корсика, это было очень просто.

Какъ было выше замѣчено, декреты собранія относительно духовенства произвели большой разладъ въ умахъ корсиканскаго населенія, а особенно городского, которое, въ противоположность деревенскому, отличалось вообще крайнимъ фанатизмомъ и суевѣріемъ.

Въ Кальви, Бастіа, на островѣ Руссъ, обнародованіе этихъ декретовъ послужило даже поводомъ къ кровавымъ выходкамъ черни противъ свободномыслящихъ вообще, а противъ духовенства, принявшаго присягу конституціи, въ особенности. Прибрежные пункты Корсики, а въ томъ числѣ и Аяччіо, сдѣлались въ это время какъ бы притонами для цѣлой массы монаховъ разныхъ орденовъ и священниковъ, отказавшихся принять присягу и открыто отвергавшихъ декреты собранія. Благодаря благоразумной сдержанности муниципалитета, оставлявшаго этихъ фанатиковъ въ покоѣ, въ Аяччіо все шло пока мирно; но понятно, что достаточно было малѣйшей искры, чтобы возбудить общій пожаръ.

Вотъ эту-то искру и рѣшился кинуть Буонапарте, подъучившій своего брата Іосифа и Феша потребовать отъ муниципалитета точнаго исполненія декрета нац. собранія о духовенствѣ. Муниципалитетъ не могъ отказать такому вполнѣ законному требованію, и чрезъ два дня монастырь капуциновъ былъ занятъ отрядомъ національной гвардіи. Клерикалы, какъ и слѣдовало ожидать, заволновались, потребовали очищенія монастыря и стали готовиться къ демонстраціи.

8-го апрѣля наступилъ день пасхи. Неприсягавшіе священ-

ники, подъ прикрытіемъ вооруженной толпы преданныхъ имъ людей, отправились въ монастырь св. Франциска, вошли въ него, несмотря на угрозы гвардейцевъ и враждебныхъ имъ горожанъ, и совершили богослуженіе, во время котораго проповѣдникъ возвѣстилъ вѣрнымъ, что завтра назначается торжественная публичная процессія. Вызовъ, такимъ образомъ, былъ брошенъ.

На другой день вечеромъ, когда предвозвѣщенная процессія двинулась, волонтеры попытались-было ее остановить, но встрѣтили отпоръ; произошла кровавая схватка. Волонтеры были разсѣяны, одинъ изъ офицеровъ ихъ убитъ и самъ Буонапарте едва успѣлъ скрыться.

Наступившая ночь остановила борьбу. Буонапарте воспользовался этимъ обстоятельствомъ, собралъ и ободрилъ волонтеровъ и на другое утро, когда вновь загорѣлась борьба, то одна изъ башень городской ограды и обѣ улицы, ведущія къ цитадели, и единственныя ворота, чрезъ которыя велось сообщеніе города съ окрестностями, были уже заняты волонтерами. Первая часть плана была уже выполнена. Городъ находился во власти Буонапарте, между прочимъ, уже по одному тому, что, владѣя единственнымъ сообщеніемъ города, онъ могъ не допустить теперь въ него подвоза продовольствія. Оставалось только овладѣть цитаделью; но для этого оказывалось необходимымъ содѣйствіе мэра и муниципалитета. Попытка смѣнить ихъ не удалась, а на счастье или несчастье Буонапарте въ городѣ опять начало возрастать вліяніе „умѣренныхъ“. Опять пошли переговоры, продолжавшіеся цѣлый день.

За ночь силы Буонапарте увеличились горцами, прибывшими изъ окрестностей на зовъ своихъ товарищей; но и побѣжденные, собравшись теперь въ цитадели, просили помощи гарнизона. Чтобы избѣжать кровопролитія, муниципалитетъ предложилъ отдать дѣло на рѣшеніе третейскаго суда. Обѣ стороны согласились и выслали делегатовъ къ коменданту, признанному судьей. Комендантъ предложилъ такое рѣшеніе: муниципалитету соблюдать отнынѣ съ точностію законы, относящіеся до духовенства и процессій, а волонтерамъ—не вмѣшиваться въ городскія дѣла иначе, какъ по приказанію, которое, по закону, могло исходить лишь отъ него или муниципалитета.

Рѣшеніе коменданта было какъ нельзя болѣе правильно. Враждовавшіе выразили готовность принять его и, давъ обѣщаніе употребить всѣ мѣры къ возстановленію спокойствія города, мирно разошлись; при этомъ, самъ Буонапарте, вмѣстѣ съ пикетомъ

42-го полка, сопровождалъ до ратуши членовъ муниципальнаго совѣта.

Но Буонапарте не былъ изъ людей, которые легко отказываются отъ своихъ плановъ. Онъ допустилъ въ городъ, остававшійся безъ продовольствія, подвозъ жизненныхъ припасовъ; но, не смотря на признаніе третейскаго рѣшенія, по прежнему продолжалъ занимать съ своими волонтерами всѣ занятыя ими позиціи; а когда на другой день, вечеромъ, получилъ приказъ объ очищеніи ихъ, то отказался отъ исполненія его. Комендантъ приказалъ произвести пушечный выстрѣлъ, возвѣщавшій тревогу. Ночь съ 11 на 12 апр. прошла въ приготовленіяхъ съ обѣихъ сторонъ. Буонапарте возвелъ противу входа въ цитадель баррикаду.

Впослѣдствіи онъ увѣрялъ, что, въ виду правоты защищаемаго имъ дѣла, французскіе солдаты, составлявшіе гарнизонъ, отказались бы дѣйствовать противъ него, и что онъ собирался встрѣтить ихъ изъ-за баррикады—не выстрѣлами, а братскими криками: „да здравствуютъ линейцы!" Все это однако относится къ области ничѣмъ не подтверждаемыхъ вымысловъ; въ дѣйствительности, остается вѣрнымъ то, что только совершенно непредвидѣнное обстоятельство предотвратило борьбу, которая, иначе, становилась неизбѣжною. Обстоятельство это заключалось въ неожиданномъ прибытіи въ городъ трехъ коммиссаровъ, присланныхъ Паоли. Они потребовали прекращенія враждебныхъ дѣйствій, и большинство жителей г. Аяччіо встрѣтило это требованіе съ величайшею радостью. Оказывалось, что въ сущности, кромѣ Буонапарте и нѣсколькихъ его экзальтированныхъ сообщниковъ, никто ничего другого и не желалъ, какъ спокойствія.

Во избѣжаніе всякихъ случайностей въ будущемъ, коммиссары нашли нужнымъ вывести 2-й баталіонъ изъ Аяччіо, направивъ одну его половину—въ Бонифачіо, а другую—въ Корте. Буонапарте было объявлено, какъ отъ директоріи острова, такъ и отъ Паоли, оффиціальное неодобреніе.

Такимъ образомъ, мечты его вновь потерпѣли крушеніе, и худо было еще то, что все дѣло это получило такую огласку, что затереть его, какъ это нерѣдко практиковалось въ Корсикѣ въ подобныхъ случаяхъ, представлялось положительно невозможнымъ, при всемъ желаніи со стороны самихъ коммиссаровъ. Комендантъ послалъ противъ него обвиненіе военному министру, другіе требовали представленія всѣхъ дѣйствій его исполнительному совѣту, для возбужденія преслѣдованія. Чтобы ослабить впечатлѣніе, произведенное исторіей, въ которой онъ игралъ такую роль, Буонапарте, съ дерзостью, ему свойственною, составилъ

длинную оправдательную записку и отправилъ ее въ директорію, къ военному министру и въ законодательное собраніе. Въ запискѣ этой, преисполненной всевозможными риторическими фразами, Буонапарте самымъ беззастѣнчивымъ образомъ валилъ всю вину на мэра, муниципалитетъ и своихъ согражданъ, понося ихъ всячески и дѣлая исключеніе въ пользу лишь крестьянъ и солдатъ 42-го полка, которыхъ осыпалъ льстивыми похвалами. Вотъ коротенькій отрывокъ изъ этой записки, дающей понятіе, какъ о ней, такъ и о невѣроятной подвижности принципіальныхъ воззрѣній ея автора, или топтавшаго въ грязь законность, или распинающагося за нее, и все это во имя правъ и свободы!

„...12 апрѣля, на разсвѣтѣ, — говоритъ онъ, — загрохотали пушки, предвѣщавшія начало смерти и рѣзни, въ которой должна была потечь кровь континентальныхъ патріотовъ. Вотъ, на этомъ-то и основывались всѣ разсчеты ихъ (т.-е., мэра, муниципальныхъ властей, и пр.), чтобы прикрыть свои намѣренія. Но, безумцы! они не знали, что наши братья 42-го полка—люди, обладающіе разумомъ, сердцемъ и преисполненные высокихъ чувствъ чести. Они не понимали, что въ моментъ, когда дѣло доходитъ до борьбы противъ братьевъ, согражданъ, каждому солдату позволительно размышлять, знать и помнить, что оружіе, врученное ему, предназначается лишь для того, чтобы служить ему противъ враговъ государства и заговорщиковъ! Они не знали того, что солдаты 42-го полка, прибывшаго изъ Франціи, и ознакомленные съ революціями и заговорами, слишкомъ опытны для того, чтобы съумѣть отличить насъ, своихъ друзей, отъ нихъ,—своихъ враговъ, и что, еслибы ихъ оружію и пришлось окраситься кровью, то оно, конечно, окрасилось бы *ихъ* кровью, а *не нашею*". — „Вотъ, граждане, настоящая картина происшествій, нарушившихъ общее спокойствіе и едва не послужившихъ къ разрушенію главнаго города Корсики, самаго цвѣтущаго въ ней по своимъ положенію, торговлѣ и даже по нравственному закалу его жителей. Вы знаете, народы—все равно, что волны, приводимыя въ движеніе вѣтрами. Подъ дурными вліяніями, въ нихъ быстро разнуздываются всѣ страсти; но, предоставленные своимъ собственнымъ инстинктамъ, они всегда остаются покойными, смирными и великодушными"... и т. д.

Какое впечатлѣніе произвела эта странная оправдательная записка въ правительственныхъ мѣстахъ, куда была отправлена—неизвѣстно, но въ Аяччіо она возмутила чуть не всѣхъ его граждамъ. Буонапарте ни какъ не удавалось „стать пророкомъ на своей родинѣ", и ему ничего не оставалось тамъ дѣлать, какъ

развѣ ждать удара ножемъ изъ-за угла, по корсиканскому обычаю, отъ какого-нибудь изъ своихъ ненавистниковъ. Жизнь въ Корте, куда онъ попалъ съ пятью ротами своего баталіона, — жизнь скучная, бездѣятельная, не могла удовлетворить его неугомонной натуры. Мысль о возвратѣ во Францію, по-неволѣ, вновь предстала предъ нимъ. Ѣхать въ Валансъ, въ полкъ, гдѣ онъ считался дезертиромъ, было незачѣмъ. Оставалось, одно: отправиться въ Парижъ, и тамъ, въ самомъ центрѣ властей, попытаться оправдаться, подобно тому, какъ ему удалось это въ полку, въ прошломъ году, какъ въ неявкѣ, такъ и въ прочихъ обвиненіяхъ, висѣвшихъ теперь надъ нимъ и грозившихъ ему не легкою отвѣтственностью. Но такъ какъ для этого все-таки требовались хоть какіе-нибудь оправдательные документы то Буонапарте немедленно принялся за хлопоты о нихъ.

Паоли, частью по добротѣ и расположенію къ нему, а частью для того, чтобы избавиться отъ человѣка, хотя и способнаго, но по характеру невыносимаго и не безопаснаго для спокойствія Аяччіо, охотно соглашался дать свидѣтельство, удостовѣрявшее обязательность прежняго пребыванія Буонапарте въ Корсикѣ, но съ условіемъ—безотлагательнаго и окончательнаго возврата на службу въ артиллерію. Росси, въ качествѣ родственника, снабдилъ его аттестаціями объ усердной и полезной службѣ въ баталіонѣ, а Массеріа и Іосифъ выправили ему удостовѣреніе въ гражданской благонамѣренности и патріотизмѣ за подписью мѣстныхъ властей и патріотическаго клуба. Запасшись всѣми этими бумагами и нѣсколькими рекомендательными письмами, Буонапарте занялъ у кого-то денегъ на дорогу, и 2 мая отплылъ во Францію.

XVII.

Покидая Корсику, Буонапарте, вообще не вѣрившій въ возможность близкой войны, не подозрѣвалъ, что она уже объявлена. Извѣстіе это удивило его; но, какъ ни странно, будущій полководецъ и въ это время все еще продолжалъ относиться съ полнѣйшимъ индифферентизмомъ къ военнымъ дѣламъ и къ войнѣ, которая, казалось, должна была влечь его къ себѣ и по его врожденнымъ инстинктамъ и по перспективѣ, открываемой ею для его честолюбія. Онъ торопился теперь въ Парижъ только за тѣмъ, чтобы поскорѣе быть зачисленнымъ вновь на службу, т.-е., другими словами, быть оправданнымъ въ тяготѣвшихъ надъ

нимъ обвиненіяхъ, а вовсе не за тѣмъ, чтобы поскорѣе стать въ ряды сражавшейся уже арміи.

Время было однако крайне неблагопріятное для ходатайствъ, съ которыми прибылъ Буонапарте. Волны революціи подымались все выше и выше, угрожая собою снести и старый, и вновь народившійся порядокъ. Едва держался король, продолжавшій еще завѣрять собраніе и націю въ своей вѣрности конституціи и, въ то же время, ведшій тайные переговоры съ воевавшими противъ Франціи державами, на помощь которыхъ онъ только и возлагалъ всѣ свои надежды; но едва держалось и собраніе, которому также начинали немногимъ болѣе довѣрять, чѣмъ и королю. Дезертирство въ арміи все усиливалось, опустошая ряды ея офицерскаго персонала. Поведеніе старшихъ военачальниковъ возбуждало всеобщее подозрѣніе. Въ обществѣ только и было рѣчи, что о заговорахъ и объ измѣнѣ. Засѣданія собранія не закрывались. Въ военномъ министерствѣ шла непрерывная, денная и ночная работа: вели войну и въ то же время рѣшали вопросы о комплектованіи, организаціи, вооруженіи и снабженіи арміи, захваченной войною въ состояніи полнѣйшихъ неготовности и разстройства. А между тѣмъ военные министры безпрестанно мѣнялись: въ маѣ вступилъ Серванъ, а въ іюнѣ былъ уже Дюмурье, черезъ недѣлю сдававшій свой портфель Лежару, и т. д.; словомъ, съ 9 мая по 21 августа—смѣнилось шесть министровъ.

Первое время, по прибытіи, благодаря участію къ своей судьбѣ новаго директора артиллерійскаго управленія, Вошеля, Буонапарте возъимѣлъ-было даже надежды на скорое рѣшеніе своего дѣла; но такъ какъ для этого потребовались предварительныя справки, на которыя нельзя было въ ту пору ни отъ кого добиться отвѣта, то ему скоро пришлось вооружиться терпѣніемъ и ждать. Буонапарте помѣстился въ отелѣ „Голландскихъ патріотовъ", служившемъ мѣстомъ сбора либеральныхъ корсиканскихъ депутатовъ.

Годъ тому назадъ, состоя въ Валансѣ секретаремъ общества „друзей конституціи", Буонапарте рвался въ Парижъ, гдѣ,—по словамъ его письма къ старику Люціану,—„внутренній голосъ" пророчилъ ему успѣхъ. Пророчество пока не оправдывалось. Тягостная неизвѣстность исхода своихъ дѣлъ, въ которыхъ очутился теперь молодой корсиканецъ въ громадномъ городѣ, бушевавшемъ тогда, какъ море, и готовомъ, какъ море, ежеминутно поглотить въ омутѣ революціи и не такого пловца, какимъ былъ тогда Буонапарте, — не только умѣрила его мечты, но и навѣяла на него скептическое равнодушіе къ политической жизни и мысли о буржуазномъ спокойствіи.

„...Люди, стоящіе во главѣ дѣлъ—просто жалкіе люди,—писалъ онъ, въ іюлѣ, къ брату Іосифу. — Когда поближе присмотришься ко всему, то, право нельзя не прійти къ убѣжденію, что народъ вовсе не заслуживаетъ трудовъ и хлопотъ, какими пріобрѣтается его благорасположеніе. Тебѣ извѣстно, чтó творилось въ Аяччіо; совершенно то же самое дѣлается и въ Парижѣ — съ тою лишь разницею, что люди здѣсь, быть можетъ, еще мельче, злѣе и болѣе склонны къ сплетнѣ и клеветѣ. Да, надобно побыть на мѣстѣ, чтобы узнать, что — энтузіазмъ энтузіазмомъ, а французскій народъ все - таки — народъ состарившійся, не имѣющій въ себѣ задатковъ для будущаго. Всякій преслѣдуетъ личныя цѣли, всякій стремится выскочить, прибѣгая то къ устрашенію, то къ клеветѣ. Никогда самая презрѣнная интрига не была еще въ большемъ ходу, чѣмъ теперь. Все это до крайности умаляетъ чувство чести. Жалко смотрѣть на людей, гоняющихся за видными общественными должностями, — особенно, когда они могутъ обходиться безъ послѣднихъ... Независимая и покойная жизнь, семья и ея радости, да четыре, пять тысячъ франковъ годового дохода, — вотъ, любезный другъ, къ чему долженъ стремиться человѣкъ въ возрастѣ отъ 25 до 40 лѣтъ, когда улегшіяся мечты перестаютъ уже болѣе волновать его“.

Не мало, конечно, добавляла горечи къ незавидному положенію Буонапарте и крайняя нужда въ деньгахъ, какую ему постоянно приходилось терпѣть, а теперь особенно. Между тѣмъ и самое дѣло о дѣйствіяхъ его въ Аяччіо принимало очень дурной оборотъ. Военный министръ Лежаръ, получивъ донесеніе отъ коменданта Аяччіо и жалобы на Буонапарте отъ другихъ, отнесся къ этому дѣлу весьма не дружелюбно. „...По тщательномъ ознакомленіи со всѣми представленными вами документами,—писалъ Лежаръ къ коменданту Аяччіо,—я пришелъ къ убѣжденію... въ величайшей виновности гг. Кенца и Буонапарте, своими поступками поощрявшихъ даже безпорядки и своевольство подчиненныхъ имъ частей войскъ. Если бы эти преступленія не выходили изъ сферы чисто воинской службы, я, не колеблясь, испросилъ бы разрѣшеніе короля о преданіи военному суду обоихъ этихъ штабъ-офицеровъ; но такъ какъ ими затрогиваются еще и интересы общественной безопасности, то, согласно новому закону, я нахожусь вынужденнымъ препроводить это дѣло къ министру юстиціи и просить уже его распоряженій о возбужденіи преслѣдованія какъ зачинщиковъ безпорядковъ, такъ равно и ихъ сообщниковъ“.

При такомъ взглядѣ на дѣло военнаго министра, Буонапарте приходилось— не только терять надежду на вторичное зачисленіе

на службу, но ждать чего-нибудь хуже; онъ могъ считать себя счастливымъ уже и тѣмъ, что оставался пока на свободѣ. Захвать правительственнаго коммиссара и покушеніе противъ цитадели въ обыкновенное, нормальное время, обошлись бы ему очень дорого.—Вообще положеніе Буонапарте, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе становилось неопредѣленнѣе и мрачнѣй. Одни какія-либо чрезвычайныя событія только и могли его выручить изъ бѣды. А такихъ событій, къ счастью Буонапарте, было въ то время много. 20-го іюня произошли возстаніе и нашествіе народа на Тюльери, едва не окончившіяся не только низверженіемъ королевской власти, но и гибелью короля и королевской семьи. Чрезъ восемь дней послѣ того случилось другое событіе, надѣлавшее не меньше тревоги. Это было внезапное появленіе въ Парижѣ генерала Ла-Файета. Онъ покинулъ, безъ дозволенія, свою армію, стоявшую въ виду непріятеля, и прибылъ съ тѣмъ, чтобы, по словамъ его, обращеннымъ къ собранію, „требовать, отъ имени арміи и честныхъ гражданъ", мѣръ, которыя оградили бы конституцію отъ покушеній разныхъ партій, и вмѣстѣ оградили бы свободу дѣйствій какъ короля, такъ и самого собранія.

Цѣль Ла-Файета, несомнѣнно, сама по себѣ была благонамѣренная; но способъ, избранный имъ для достиженія ея, шелъ слишкомъ въ разрѣзъ съ законностью, защиту которой самовольно онъ принималъ на себя,—чтобы не привести его къ результатамъ, прямо противуположнымъ тѣмъ, къ которымъ онъ стремился. Собраніе выслушало требованіе Ла-Файета, воздало даже ему, какъ народной знаменитости, почести, вмѣсто того, чтобы предать суду, какъ того справедливо требовали нѣкоторые депутаты, напр., Гаде. Мнѣніе Гаде и его сторонниковъ дѣлалось преобладающимъ. Слухи о военномъ заговорѣ стали быстро рости; начали подозрѣвать не только короля, Ла-Файета, скоро утратившаго всю свою популярность, но и собраніе. Раздѣлялъ мнѣніе Гаде и Буонапарте, въ это время проповѣдовавшій чрезвычайную политическую умѣренность. „Въ глазахъ разсудительнаго человѣка,—писалъ онъ къ Іосифу,—заявленіе Ла-Файета можетъ быть оправдываемо необходимостью; но, въ то же время, оно не можетъ быть не признано крайне опаснымъ для общественной свободы. Въ дѣлѣ революціи, примѣръ — законъ; а что можетъ быть опаснѣе примѣра, поданнаго этимъ генераломъ? Якобинцы воспользуются теперь раздраженіемъ черни и, безъ сомнѣнія, вызовутъ столкновеніе, которымъ лишь ускорится гибель конституціи"...

Событія, дѣйствительно, быстро неслись. Все предвѣщало близ-

кій кризисъ. Министерства падали. Непріятельская армія, а въ слѣдъ за ней эмигранты переступали уже границу Франціи.

Собраніе провозглашало „отечество въ опасности“ и „всеобщій призывъ къ оружію“... Въ первыхъ числахъ августа, почти одновременно со вступленіемъ въ Парижъ марсельцевъ, полученъ былъ несчастный манифестъ герцога Брауншвейскаго, исполненный самыхъ нелѣпыхъ требованій и оскорбительныхъ для націи угрозъ. Общая возбужденность стала превращаться въ какое-то изступленіе.

10-го августа произошло новое возстаніе, среди котораго погибла старая монархія. Низверженіе короля, заключеннаго съ его семьею въ Тампль, еще не было провозглашено, но власть надъ Франціею была уже въ желѣзныхъ рукахъ конвента. Ла-Файетъ сдѣлалъ, было, попытку къ защитѣ короля и низверженной конституціонной монархіи,—за что Буонапарте называлъ его „un niais“,—арестовалъ даже присланныхъ къ нему конвентомъ трехъ коммиссаровъ. Но, покинутый арміею, вынужденъ былъ бѣжать за границу и искать прибѣжища у австрійцевъ, которые, со свойственнымъ имъ великодушіемъ, засадили Ла-Файета въ тюрьму.—20-го августа капитулировалъ Лонгви. Непріятель приближался уже къ Вердюну. Для Франціи, казалось, наступалъ послѣдній часъ...

Что же дѣлалъ въ эту пору Буонапарте? Какъ относился онъ къ событіямъ, приведшимъ страну къ тому трагическому положенію, для выхода изъ котораго требовалось величайшаго напряженія всѣхъ ея нравственныхъ и матеріальныхъ силъ? Непосредственнаго участія во всѣхъ этихъ событіяхъ Буонапарте не принималъ; но былъ ихъ очевидцемъ, находился въ соприкосновеніи съ энтузіазмомъ, охватившимъ французскій народъ, видѣлъ не однѣ сцены ужаса, но и проявленія самаго высокаго патріотизма и самопожертвованія. Не поддался ли и онъ теперь общему теченію, какъ это было въ прошломъ году въ Валансѣ, и какъ то можно было бы предположить, судя по его предшествовавшимъ сочиненіямъ, рѣчамъ и выходкамъ? Ни мало! Въ революціи Буонапарте видѣлъ только постоянно растущій мятежъ. Ни въ успѣхъ революціи, ни тѣмъ болѣе въ успѣхъ начатой войны онъ не вѣрилъ и интересовался ими настолько, насколько тотъ или другой исходъ ихъ могъ представлять шансовъ для независимости Корсики. Истомленный безплодными ходатайствами и денежною нуждою, Буонапарте собирался уже бросить все и уѣхать къ себѣ на родину, что, вѣроятно, въ концѣ іюля и сдѣлалъ бы, еслибы не появились въ газетахъ слухи о закрытіи института Св. Людовика, гдѣ оставалась еще его сестра Элиза.

Слухи эти вынудили его повременить съ отъѣздомъ, чтобы, въ случаѣ, еслибы они оказались вѣрными, захватить кстати домой и сестру. 16-го августа дѣйствительно появился декретъ, упразднявшій институтъ Св. Людовика, а тѣмъ временемъ разразилась и роковая буря 10 августа. Теперь перемѣнилось все. Лежаръ уже не былъ болѣе министромъ. Одинъ изъ опаснѣйшихъ обличителей Буонапарте находился въ плѣну у австрійцевъ. Непріятель былъ чуть не у воротъ Парижа. Нужда въ офицерахъ оказывалась крайняя: брали, кого попало, — лишь бы хоть немного былъ подходящимъ! Между тѣмъ, въ министерствѣ снова явилось ходатайство о зачисленіи на службу исключеннаго изъ ней за неявку Буонапарте. Новому министру Сервану некогда было разбирать дѣло по обвиненію кокого-то офицера-корсиканца, что-то натворившаго тамъ у себя на островѣ; Серванъ утвердилъ ходатайство и 30 августа поручикъ Буонапарте вновь зачисляется и еще съ производствомъ въ капитаны, со старшинствомъ отъ 6 февраля и съ возвращеніемъ ему всего слѣдовавшаго содержанія за время его самовольной отлучки!

Буонапарте ожилъ и сразу стряхнулъ съ себя налетѣвшія-было на него, въ ожиданіи грозы, чувства умѣренности и скромности.

„Не бойтесь за вашихъ племянниковъ: они съумѣютъ пробить себѣ дорогу“,—пишетъ онъ теперь къ Паравичини, и въ тотъ же день, когда состоялся приказъ о его зачисленіи на службу, уже обращается къ военному министру съ новымъ ходатайствомъ—о переводѣ его изъ сухопутной въ морскую артиллерію.

Причины, побуждавшія Буонапарте къ переводу во флотъ, заключались, съ одной стороны, въ желаніи попасть подъ начальство бывшаго его профессора по парижской школѣ, Монжа, къ нему вообще благоволившаго и тогда только-что вступившаго въ управленіе морскимъ министерствомъ, а съ другой — въ разсчетѣ выиграть при этомъ переводѣ старшинство въ чинѣ, да, кстати, уйти и изъ-подъ начальства нерасположеннаго къ нему командира 4-го арт. полка, Кампаньоля. Любопытно, что, для приданія большаго вѣса настоящему своему ходатайству, Буонапарте прилагалъ къ просьбѣ аттестацію, данную ему еще въ Бріеннѣ, и патентъ на чинъ подполковника 2-го баталіона корсиканскихъ волонтеровъ. Но въ министерствѣ нашли эту просьбу не заслуживавшей вниманія.

Но, что же, однако, теперь станетъ дѣлать этотъ неугомонный человѣкъ, котораго такъ причудливо спасало отъ суда и возвращало въ ряды арміи паденіе монархіи? Рота, въ которую

вновь зачислился Буонапарте, входила тогда въ составъ арміи, предназначавшейся къ занятію Савойи и Ниццы. Походъ обѣщалъ быть любопытнымъ; поприще для отличій, къ которымъ съ такою жаждою всегда стремился Буонапарте, теперь для него открывалось. Казалось бы, что ничего другого ему и не оставалось дѣлать, какъ ѣхать въ свою часть, хотя бы для того, чтобы, ставъ въ ряды товарищей, снять съ себя некрасивую тѣнь неявки подъ знамена! Но Буонапарте, который, впослѣдствіи, уже бывши императоромъ, говаривалъ Жозефинѣ, „что правила морали и приличія писаны не для него", уже и въ ту пору разсуждалъ и дѣйствовалъ не такъ, какъ другіе. По его разсужденіямъ выходило, что ему надобно было ѣхать—не къ мѣсту служенія, а въ Корсику, съ идеей о которой связывались у него, по прежнему, всѣ расчеты объ устройствѣ и своей собственной судьбы. А такъ какъ для новаго отпуска, при тогдашнихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, требовался и чрезвычайный предлогъ, то Буонапарте сослался на необходимость проводить до дому институтку-сестру. И любопытно, что этотъ предлогъ былъ признанъ неумолимыми и безпощадными людьми конвента совершенно достаточнымъ...

Оставаться дольше въ Парижѣ, гдѣ наступили тогда страшные сентябрьскіе дни, Буонапарте было не зачѣмъ. А потому, взявъ со всевозможною поспѣшностью изъ института сестру и получивъ слѣдующія ей дотаціонныя и прогонныя деньги, онъ немедленно отправился въ путь и, 17-го сентября, вмѣстѣ съ Элизою, благополучно высаживался въ Аяччіо.

XVIII.

Провозглашеніе республики и выборы въ конвентъ, послѣдовавшіе вскорѣ за прибытіемъ Буонапарте въ Аяччіо, до крайности обострили взаимныя отношенія корсиканскихъ партій. „Паолисты" по прежнему преобладали, но „прогрессисты", считавшіе въ рядахъ своихъ Саличетти, становились теперь силою, съ которою приходилось уже считаться,—тѣмъ болѣе, что прогрессисты, какъ стоявшіе за безусловную нераздѣльность Корсики съ Франціею, имѣли за собою довѣріе и поддержку, какими ни Паоли, ни его единомышленники не пользовались со стороны смѣнявшихся правительствъ во Франціи, всегда ихъ подозрѣвавшихъ въ тайныхъ стремленіяхъ къ независимости Корсики.

Буонапарте былъ всегда и прежде всего человѣкомъ себялюбивыхъ разсчетовъ. Онъ видѣлъ завязавшуюся борьбу между этими

двумя партіями; понималъ отлично значеніе, какое можетъ имѣть на судьбу Корсики тотъ или другой исходъ ея; но, не имѣя возможности предусмотрѣть, которой изъ нихъ достанется въ концѣ концовъ побѣда, почелъ за лучшее, не разрывая пока ни съ одной, попытаться создать себѣ независимое положеніе и даже какъ бы сгруппировать около себя свою особую политическую партію. Къ такой попыткѣ подстрекала Буонапарте, между прочимъ, и та авторитетность, какую онъ вдругъ пріобрѣлъ теперь въ патріотическомъ обществѣ и демократическомъ клубѣ Аяччіо, благодаря единственно торжеству, съ которымъ онъ вывернулся изъ-подъ висѣвшей надъ нимъ отвѣтственности и, вмѣсто тюрьмы, попалъ даже въ капитаны артиллеріи, на 24-мъ году отъ роду! Рисуясь въ роли—то яростнаго корсиканскаго патріота, то—крайняго прогрессиста съ сильно демагогическимъ оттѣнкомъ, онъ принималъ горячее участіе въ избирательной борьбѣ, разъѣзжалъ по деревнямъ, говорилъ бурныя революціонныя рѣчи, злобствуя въ нихъ особенно противъ Поццо [1]) и другихъ своихъ политическихъ враговъ, ненависть къ которымъ простиралъ такъ далеко, что выражалъ даже желаніе, ни больше, ни меньше, какъ сжечь самый клубъ ихъ! О возвращеніи въ полкъ, къ чему обязывали Буонапарте долгъ службы и слово, данное имъ Паоли предъ отъѣздомъ въ Парижъ, онъ больше и не думалъ, и со времени выборовъ, вообще, сталъ дѣйствовать не какъ офицеръ, находившійся въ кратковременномъ отпуску, а скорѣе какъ гражданинъ, окончательно основавшійся на жительствѣ въ Корсикѣ. Время, которое оставалось у Буонапарте отъ засѣданій въ патріотическомъ обществѣ, онъ посвящалъ перепискѣ съ офицерами волонтерскихъ баталіоновъ или составленію проектовъ укрѣпленія важнѣйшихъ приморскихъ пунктовъ острова Аяччіо, С. Флорана, Кольви и другихъ, которые онъ, въ этихъ видахъ, лично обозрѣвалъ, и, въ заключеніе всего, вступилъ даже въ командованіе своимъ 2-мъ баталіономъ, гдѣ держалъ себя съ тономъ крайней самоувѣренности.

Уже однѣхъ рѣчей Буонапарте, возвратившагося въ Корсику, вопреки данному слову, было достаточно, чтобы возбудить въ Паоли (который незадолго передъ тѣмъ возведенъ былъ въ чинъ генералъ-лейтенанта и назначенъ командиромъ дивизіи, находившейся въ Корсикѣ) нѣкоторое неудовольствіе; послѣдняя же вы-

[1]) Прежняя дружба между Поццо-ди-Борго и Буонапарте, со времени выборовъ волонтеровъ, ареста Мурати и пр., превратилась между ними въ непримиримую вражду.

ходка Буонапарте, его претензія вступить въ командованіе частью войскъ, находившихся подъ командою Паоли, даже безъ предварительнаго на то его разрѣшенія, положила терпѣнію старца конецъ. Теперь, какъ высшая гражданская и воинская власть на островѣ, онъ долженъ былъ потребовать отчета у офицера, не только не исполнявшаго обязанностей службы, но даже терявшаго простое воинское благоприличіе; Паоли долженъ былъ узнать отъ него—за кого же, наконецъ, онъ считаетъ себя? Если за капитана 4-го артиллерійскаго полка, то почему онъ, пользуясь всѣмъ содержаніемъ, не находится въ своей ротѣ, участвующей въ военномъ походѣ? А если за подполковника національной корсиканской гвардіи, то на какомъ основаніи разгуливаетъ по острову и не находится при своей части, расположенной въ Корте? Свиданіе Паоли съ Буонапарте произошло въ присутствіи трехъ лицъ, адвоката Тибери и двухъ подполковниковъ, Рока и Грималъди. Не смотря на всю деликатность формы, въ какую были облечены вопросы Паоли, Буонапарте, забывая всякое приличіе, позволилъ себѣ отвѣчать съ такою грубою заносчивостью, что сдержанность и добродушіе, составлявшіе отличительную черту характера корсиканскаго героя, наконецъ, покинули его. Старикъ вспыхнулъ и, прервавъ разговоръ, указалъ Буонапарте на дверь.

Собственно говоря, Паоли могъ и имѣлъ право не только высылать его за дверь, но выслать съ острова и препроводить къ мѣсту служенія. Наглость Буонапарте до крайности огорчила и Іосифа, и генерала Казабіанку. И тотъ, и другой употребляли всѣ мѣры, чтобы уговорить Буонапарте къ извиненію, чѣмъ только, по мнѣнію ихъ, можно было предотвратить грозящую для него бѣду. Но, разсчитывая на добродушіе и постоянную снисходительность къ нему Паоли, а главное, имѣя въ виду предполагавшуюся тогда экспедицію на островъ Сардинію, принявъ участіе въ которой, онъ можетъ уйти изъ-подъ вѣденія Паоли, Буонапарте остался глухъ ко всѣмъ настояніямъ брата и Казабіанки и, принимая видъ обиженнаго человѣка, немедленно уѣхалъ изъ Корте въ Аяччіо.

Но ему вскорѣ пришлось раскаиваться въ упорствѣ, съ какимъ онъ отвергъ благоразумные совѣты. Паоли, правда, не поставленъ былъ,—какъ то первоначально предполагалось,—въ главѣ экспедиціи, предназначавшейся для завоеванія о-ва Сардиніи; но, тѣмъ не менѣе, конвентъ давалъ Паоли, какъ лицу, облеченному высшею военно-гражданскою властью въ краѣ, сосѣднемъ съ предстоявшимъ театромъ войны, большія полномочія, предоставивъ

даже ему организацію отряда, какой войска, стоявшія въ Корсикѣ, могутъ выдѣлить въ составъ экспедиціоннаго корпуса, формировавшагося уже тогда на югѣ Франціи.

Такимъ образомъ, оказывалось, что участіе Буонапарте въ экспедиціи не только находилось въ зависимости отъ усмотрѣнія Паоли, но, если и могло даже быть разрѣшено имъ, то развѣ въ видѣ исключительной мѣры,—такъ какъ Буонапарте, послѣ приказа, возвращавшаго его на службу въ 4-й артиллерійскій полкъ, къ составу корсиканскихъ войскъ болѣе уже не принадлежалъ и находился въ Корсикѣ въ отпуску, да и то разрѣшенномъ только для препровожденія на родину институтки-сестры.

По своимъ полномочіямъ, Паоли могъ найти предлогъ къ допущенію отпускного Буонапарте къ временному отправленію обязанностей офицера во 2-мъ волонтерскомъ баталіонѣ, гдѣ онъ прежде числился и который теперь назначенъ былъ къ участію въ экспедиціи; но, что могло побуждать Паоли къ такому исключительному распоряженію по отношенію къ офицеру, совершавшему такія безтактныя выходки?

Упорство и лесть, дерзость и вкрадчивость, всегда превосходно уживались въ натурѣ Буонапарте. Оставаться, въ качествѣ зрителя экспедиціи, съ которою онъ, послѣ семилѣтнихъ безплодныхъ попытокъ создать себѣ на родинѣ видное положеніе, связывалъ надежду выдвинуться, было выше его силъ. Буонапарте прибѣгъ къ смиренію. Онъ началъ писать къ Паоли, умоляя о прощеніи и завѣряя его въ своей неизмѣнной преданности; заставилъ просить за себя Казабіанку, родныхъ и пріятелей и достигъ своего: разрѣшеніе участвовать въ экспедиціи ему было дано.

Сборы къ экспедиціи шли, однако, медленно и съ величайшею неурядицею. Вмѣсто октября, какъ предполагалось, главныя силы дессанта прибыли въ Аяччіо, гдѣ ихъ ожидалъ корсиканскій отрядъ, только въ декабрѣ, да и то еще не въ полномъ составѣ. А тутъ, тѣмъ временемъ, подвернулась еще новая бѣда. Между прибывшими французскими матросами и солдатами, съ одной стороны, и корсиканскими волонтерами и жителями Аяччіо, съ другой, случайно произошло такое кровавое побоище, при которомъ едва не погибъ и начальникъ всей экспедиціи, адмиралъ Трюге. Побоище это кой-какъ прекратили, но озлобленіе между двумя сторонами дошло до такого неистовства, что принятіе волонтеровъ на суда, гдѣ они находились бы въ постоянномъ соприкосновеніи съ французскими матросами и солдатами, становилось дѣломъ немыслимымъ. Трюге не зналъ уже какъ быть, когда Буонапарте предложилъ комбинацію, которая не только устра-

вяла надобность совмѣстной перевозки двухъ враждебныхъ элементовъ, но имѣла даже цѣну остроумнаго военнаго соображенія. По мысли Буонапарте, главныя силы, составленныя изъ французскихъ войскъ, должны были плыть изъ Аяччіо прямо къ г. Кальяри, взятіемъ котораго должно было начаться завоеваніе о-ва Сардиніи; а корсиканскій отрядъ, дойдя тѣмъ временемъ сухимъ путемъ до Бонифачіо, долженъ былъ оттуда произвесть дессантъ на островокъ Мадалену, что̀ вмѣстѣ съ тѣмъ послужило бы диверсіею, развлекавшею силы противника. Предложеніе Буонапарте, льстившее, между прочимъ, и корсиканскому партикуляризму, было принято, хотя начальникомъ корсиканскаго отряда назначили—не его, а Колонну.

Послѣ сборовъ, длившихся еще два мѣсяца, экспедиція была, наконецъ, предпринята. Трюге отправился къ Кальяри, а Колонна, съ Буонапарте, высадились у г. Мадалена. Но оба предпріятія ждала такая траги-комическая развязка, какой невозможно было и предполагать. Подъ Кальяри, наканунѣ уже овладѣнія городомъ, войска, охваченныя ночью какою-то паникою, стали стрѣлять другъ въ друга, а на утро не только не пришли въ себя, но подняли формальный бунтъ, требуя отъ Трюге немедленной посадки на суда и отплытія во Францію, и грозя ему, въ противномъ случаѣ, сдаться военно-плѣнными. Трюге былъ вынужденъ уступить.

Не лучшій исходъ имѣла и диверсія противу Мадалены: здѣсь взбунтовались моряки, которые, высадивъ дессантъ, сначала отказались изъ трусости содѣйствовать ему, безъ чего овладѣніе городомъ Мадаленою для дессанта становилось невозможнымъ; а затѣмъ,—когда вслѣдствіе того, было рѣшено отступленіе,—едва согласились приблизиться къ берегу, чтобы принять обратно дессантъ на суда. Причемъ не только не взяли высаженной артиллеріи, но, еслибы не настойчивость Колонны, то оробѣвшіе моряки бросили бы на берегу, въ добычу непріятеля, еще и цѣлую роту, при которой находился Буонапарте.

Этимъ эпилогомъ завершилась вся экспедиція на островъ Сардинію, о которой болѣе уже и не помышляли. Плохо вообще соображенная, еще хуже исполненная, экспедиція эта, на которую ушло не мало денегъ, не дешево обошлась и въ политическомъ отношеніи: она уронила значеніе Франціи въ глазахъ всей Италіи и Корсики, а кромѣ того, послужила и косвенною причиною къ принятію по отношенію къ Паоли и корсиканцамъ такихъ безразсудныхъ мѣръ, которыя вызвали ихъ къ возстанію.

Что касается Буонапарте, возлагавшаго такія надежды на эту

экспедицію, въ концѣ которой онъ едва даже не попался въ плѣнъ къ сардинцамъ, то, по возвратѣ изъ нея, онъ покинулъ и Банифачіо, и свой баталіонъ, и поѣхалъ, опять не въ свою артиллерійскую роту, сражавшуюся въ Савойѣ, а въ Аяччіо, гдѣ по наступившимъ временамъ, признавалъ свое присутствіе болѣе для себя полезнымъ. А времена, въ самомъ дѣлѣ, наступали такія, когда ему, а еще болѣе его землякамъ, приходилось очень и очень призадуматься.

Н. Д.

ВЪ ПАНЦЫРѢ ВЕЛИКАНА

Романъ Ф. Анстп.

Съ англійскаго.

XVII *).

Въ которой Маркъ наживаетъ врага и вновь обрѣтаетъ друга.

Слава Марка все росла и онъ сталъ получать доказательства этого въ болѣе пріятной и существенной формѣ, нежели пустые комплименты. Издатели и редакторы постоянно приглашали его сотрудничать и предлагали такія условія, о которыхъ онъ не смѣлъ и мечтать.

Чильтонъ и Фладгэтъ приставали, чтобы онъ имъ далъ новый романъ, но Маркъ никакъ не могъ рѣшить, послать ли имъ: „Единственную красивую дочь" или „Звонкіе колокола". Сначала ему съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ хотѣлось видѣть въ печати свои собственныя произведенія, но теперь, когда время наступило, онъ колебался.

Не то, чтобы онъ сомнѣвался въ ихъ достоинствахъ, но онъ съ каждымъ днемъ убѣждался, что трудно будетъ затмить „Иллюзію" и что необходимо употребить величайшія для того усилія. Новыя и блестящія идеи, но которыя влекли за собой передѣлку всего плана, постоянно приходили ему въ голову и онъ передѣлывалъ свои романы, и никакъ не могъ рѣшиться съ ними разстаться.

---

*) См. выше: октябрь, 668 стр.

Разъ онъ занимался у себя на квартирѣ, какъ вдругъ услышалъ чьи-то тяжелые шаги по лѣстницѣ и вслѣдъ затѣмъ кто-то постучался въ его дверь. Онъ закричалъ: „войдите“, и въ дверяхъ появился старый джентльменъ, въ которомъ онъ тотчасъ же призналъ сердитаго сосѣда м-ра Лайтовлера. Онъ съ минуту простоялъ молча, очевидно онѣмѣвъ отъ гнѣва, который Маркъ никакъ не могъ объяснить себѣ. „Это старикъ Гомпеджъ,—думалъ онъ.—Что ему отъ меня нужно“.

Тотъ обрѣлъ наконецъ даръ слова и началъ съ убійственной вѣжливостью:

— Я вижу, что попалъ куда слѣдуетъ. Я пришелъ задать вамъ одинъ вопросъ...

Тутъ онъ вынулъ что-то изъ кармана пальто и швырнулъ на столъ передъ Маркомъ: то былъ экземпляръ „Иллюзіи“.

— Мнѣ говорили, что отъ васъ я могу узнать то, что̀ мнѣ нужно. Будьте такъ добры сообщить мнѣ имя, настоящее имя автора этой книги. У меня есть важныя причины желать узнать это.

И онъ взглянулъ на Марка, у котораго сердце внезапно и больно сжалось.

Неужели этотъ бѣдовый старикъ разгадалъ его?

Инстинктъ скорѣе, нежели разумъ, удержали его отъ того, чтобы не выдать себя словами.

— Вотъ странный вопросъ, сэръ,—прошепталъ онъ.

— Можетъ быть,—отвѣчалъ тотъ,—но я его задаю вамъ и желаю, чтобы вы мнѣ отвѣтили.

— Еслибы авторъ этой книги желалъ, чтобы его настоящее имя стало извѣстно, то напечаталъ бы его.

— Покорнѣйше прошу не отвиливать, сэръ. Это совершенно безполезно, потому что вы понимаете, что я знаю то, что̀ знаю,—(онъ повторилъ это съ усиленной злобой).—Я знаю имя настоящаго автора этого... этого прекраснаго произведенія. И узналъ его изъ достовѣрнаго источника.

— Кто сказалъ вамъ?—спросилъ Маркъ такимъ измѣнившимся голосомъ, что самъ его не узналъ. „Неужели Гольройдъ довѣрился этому сердитому старому джентльмену?“

— Джентльменъ, имѣющій, кажется, честь быть вашимъ родственникомъ, сэръ. Видите ли, что я васъ знаю, м-ръ... м-ръ Кириллъ Эрнстонъ. Можете ли вы отрицать это?

Маркъ съ облегченіемъ перевелъ духъ. Какого страху натерпѣлся онъ! Старый джентльменъ очевидно воображалъ, что открылъ Богъ вѣсть какую литературную тайну. Но что его такъ разсердило?

— Разумѣется, нѣтъ,—отвѣчалъ Маркъ твердымъ и спокойнымъ тономъ. Я—Кириллъ Эрнстонъ. Мнѣ очень жаль, если это вамъ непріятно.

— Это очень мнѣ непріятно, сэръ. Я имѣю основательныя причины быть недовольнымъ и это вамъ хорошо извѣстно.

— Неужели?—вяло переспросилъ Маркъ.—Представьте, однако, что мнѣ это рѣшительно неизвѣстно.

— Ну такъ я вамъ скажу, сэръ. Въ этомъ своемъ романѣ вы вывели одно дѣйствующее лицо... позвольте... по имени Блакшо... удалившагося отъ дѣлъ провинціальнаго стряпчаго, сэръ.

— Очень можетъ быть; чтожъ дальше?

— Я—удалившійся отъ дѣлъ провинціальный стряпчій, сэръ. Вы изобразили его низкимъ человѣкомъ, сэръ. Вы черезъ всю свою книгу заставляете его заводить мелкія дрязги и ссоры. И даже разъ выводите его пьянымъ. Что вы хотѣли этимъ сказать?

— Боже милостивый!—засмѣялся Маркъ:—неужели вы серьезно думаете, что я имѣлъ при этомъ въ виду именно васъ?

— Совершенно серьезно, молодой человѣкъ,—заскрежеталъ зубами м-ръ Гомпеджъ.

— Нѣкоторые люди готовы найти личности у Эвклида,—возразилъ Маркъ, вполнѣ овладѣвшій собой и котораго эта сцена начинала забавлять.—Я думаю, что вы одинъ изъ нихъ, м-ръ Гомпеджъ. Повѣрите ли вы мнѣ, если я вамъ скажу, что эта книга была написана гораздо раньше, чѣмъ я имѣлъ удовольствіе впервые васъ встрѣтить.

— Нѣтъ, сэръ, не повѣрю. Это мнѣ доказываетъ только то, что я зналъ раньше, что во всемъ этомъ дѣлѣ учавствовало другое лицо. Вашъ дядюшка, вотъ кто, сэръ.

— Неужели? однако онъ довольно чуждъ литературѣ вообще,—замѣтилъ Маркъ.

— Не настолько чуждъ, чтобы не написать пасквиль. Вашъ дядюшка прислалъ мнѣ эту книгу въ подарокъ, какъ первое произведеніе своего племянника. Я думалъ сначала, что онъ хочетъ помириться со мной, пока не раскрылъ книги. Поглядите сэръ.

И старикъ дрожащими руками сталъ переворачивать страницы.

— Вотъ мѣсто,—гдѣ вашъ стряпчій замѣшанъ въ какихъ-то плутняхъ,—подчеркнутое вашимъ милымъ дядюшкой! А вотъ въ другомъ мѣстѣ онъ съ кѣмъ-то подрался, опять подчеркнуто красными чернилами. Что вы на это скажете, сэръ?

— Что я могу сказать?—пожалъ плечами Маркъ.—Ступайте къ дядѣ и воюйте съ нимъ. Если онъ такъ безразсуденъ, что оскорбилъ васъ, это не причина приходить вамъ сюда и ругать меня.

— Вы такъ же виноваты, какъ и онъ. Я вызывалъ его въ судъ изъ-за того гуся и онъ это помнитъ. Вы тоже, помнится мнѣ, помогали ему въ томъ дѣлѣ. Ваша жертва, сэръ, никогда вполнѣ не могла оправиться послѣ того пассажа, никогда, если вамъ пріятно это слышать.

— Пожалуйста, не называйте вашего гуся моей жертвою. Вы конечно мнѣ не повѣрите, но я такъ же неповиненъ въ томъ оскорбленіи, какъ и въ настоящемъ.

— Я не вѣрю вамъ, сэръ. Я считаю, что изъ угожденія дядюшкѣ вы очернили мой характеръ. Нѣтъ словъ, чтобы описать такую низость.

— Согласенъ съ вами. Еслибы я это сдѣлалъ, то вы были бы правы, но такъ какъ я вовсе не имѣлъ васъ въ виду, то знаете ли, м-ръ Гомпеджъ, я желалъ бы, чтобы вы оставили меня въ покоѣ.

— Я ухожу, сэръ, я ухожу. Я все сказалъ. Вы не перемѣнили мое мнѣніе. Я не слѣпой, я видѣлъ, какъ вы измѣнились въ лицѣ при видѣ меня. Вы испугались меня: какая могла быть у васъ причина бояться меня?

Конечно Маркъ могъ бы удовлетворительно отвѣтить и на этотъ вопросъ, но это не поправило бы дѣла. А потому, подобно многимъ лучшимъ людямъ, онъ долженъ былъ допустить возникшее недоразумѣніе, хотя могъ бы однимъ словомъ разсѣять его. Правда и то, что молчаніе въ этомъ случаѣ нельзя было назвать ни дон-кихотскимъ, ни геройскимъ.

— Я могу только повторить,—возразилъ высокомѣрнѣйшимъ тономъ Маркъ,—что когда эта книга была написана, я никогда васъ не видалъ и даже не слыхалъ о вашемъ существованіи. Если вы мнѣ не вѣрите, тѣмъ хуже для васъ.

— Благодарите своего дядюшку и свое собственное поведеніе за то, что я вамъ не вѣрю, а я вамъ не вѣрю. Есть извѣстная манера играть словами, которая все прикрываетъ, а насколько я васъ знаю, вы вполнѣ способны на все такое. Я пришелъ, чтобы высказать вамъ, что̀ я о васъ думаю и какъ намѣренъ поступить. Вы злоупотребляете талантомъ, дарованнымъ вамъ Богомъ, сэръ, нападая на человѣка, который ничего худого вамъ не сдѣлалъ. Вы подкупленный литературный убійца; вотъ какъ я о васъ думаю! Я не начну противъ васъ процесса, я не

такъ глупъ. Еслибы я былъ моложе, то прибѣгнулъ бы къ хлысту, вмѣсто закона. Но въ мои года я долженъ оставить васъ безнаказаннымъ. Но только запомните мои слова: вы добромъ не кончите. Есть справедливость на землѣ, что̀ бы ни говорили, и человѣкъ, начинающій свою карьеру какъ вы, будетъ наказанъ. Когда-нибудь, сэръ, вы будете изобличены! Вотъ все, что́ я имѣю вамъ сказать!

Онъ повернулся на каблукахъ и пошелъ къ двери, оставивъ Марка съ суевѣрной боязнью въ сердцѣ, вызванной послѣдними словами и досадой на Гольройда за то, что онъ подвергнулъ его всему этому.

— Нужно опять прочитать эту анаѳемскую книгу!—подумалъ онъ.—Гольройдъ чего-добраго задѣлъ въ ней полъ-Лондона.

Кстати будетъ теперь замѣтить, что Винцентъ Гольройдъ былъ такъ же неповиненъ въ намѣреніи изобразить м-ра Гомпеджа въ своемъ романѣ, какъ и самъ Маркъ. Онъ слыхалъ про него отъ Лангтоновъ, но сходство между его воображаемымъ стряпчимъ и крестнымъ отцомъ Долли было ничтожное и совершенно случайное.

На слѣдующій день, когда Маркъ со страхомъ думалъ, что „Иллюзія“ вся преисполнена личностями, тяжелые шаги раздались на лѣстницѣ и онъ съ ужасомъ подумалъ, что, быть можетъ, обиженный м-ръ Гомпеджъ вспомнилъ еще что-нибудь обидное и опять идетъ браниться съ нимъ.

Однако на этотъ разъ посѣтителемъ оказался м-ръ Соломонъ Лайтовлеръ; онъ остановился въ дверяхъ, изобразивъ на своемъ лицѣ ободрительную, какъ онъ думалъ, улыбку, но благодаря недостаточной упругости его личныхъ мускуловъ, Маркъ не понялъ ея значенія.

— О! это вы?—горько сказалъ онъ.—Милости просимъ, дядюшка. Вы объявили въ послѣдній разъ, какъ я васъ видѣлъ, что слова не скажете со мной во всю жизнь, но если вы передумали, то тѣмъ лучше. Вчера меня облаялъ вашъ пріятель Гомпеджъ, сегодня вашъ чередъ. Будете вы меня предавать анаѳемѣ стоя или сидя? Гомпеджъ совершилъ это, стоя.

— Нѣтъ, нѣтъ, я совсѣмъ не затѣмъ пришелъ, мой другъ. Я вовсе не намѣренъ бранить тебя. Забудемъ прошлое. Маркъ, милый мой мальчикъ, я горжусь тобой!

— Какъ? литераторомъ? Дорогой дядюшка, вы вѣрно нездоровы... или же разорились?

— Я здоровъ, слава Богу, и не разорился. Но... я прочиталъ твою книгу, Маркъ.

— Знаю. Гомпеджъ тоже прочиталъ,—отвѣчалъ Маркъ.

Дядя Соломонъ ухмыльнулся.

— Ты намекаешь на него въ своей книгѣ,—сказалъ онъ.— Когда я увидѣлъ, что тамъ фигурируетъ провинціальный стряпчій, я сказалъ себѣ: это навѣрное Гомпеджъ. И ты очень похоже изобразилъ его, скажу я тебѣ. Никогда не думалъ, что ты такъ порадуешь меня.

— Но напрасно вы выразили свою радость, пославъ ему экземпляръ книги съ подчеркнутыми мѣстами.

— Я боялся, что онъ иначе не прочтетъ ее.

— Но извѣстно ли вамъ, что это называется диффамаціей? —спросилъ Маркъ, желая попугать дядю, и, можетъ быть, и оттого, что слишкомъ смутно помнилъ, что̀ въ законѣ называется этимъ именемъ.

— Ну вотъ еще! Я ничего не писалъ, я только подчеркнулъ нѣкоторыя мѣста въ книгѣ. Развѣ это диффамація?

— Придирчивый судья чего-добраго усмотритъ въ этомъ диффамацію и во всякомъ случаѣ, все это очень для меня непріятно. Мнѣ вовсе невесело было слушать его брань.

— Гомпеджъ не станетъ больше судиться со мной. Съ него довольно. Не будь такимъ трусомъ и не падай духомъ. Ты самъ не знаешь, какъ ты угодилъ мнѣ. Это совсѣмъ измѣняетъ твое положеніе, юноша; знаешь ли ты это!

— Вы ужъ разъ мнѣ это говорили.

— Я говорилъ не въ этомъ смыслѣ. А теперь я доволенъ тобой и докажу тебѣ это. Каковы твои денежныя дѣла, ну-ка?

Маркъ уже чувствовалъ стѣсненіе въ деньгахъ и тревожился этимъ. Чекъ дядюшкинъ уже былъ весь истраченъ, а школьное жалованье далеко недостаточно для его роскошныхъ вкусовъ. Онъ получилъ большую сумму за „Иллюзію“, но конечно не могъ тратить этихъ денегъ. Такъ низко онъ еще не упалъ, хотя въ сущности и не зналъ, что̀ ему дѣлать съ этими деньгами. Конечно, онъ получитъ хорошій гонораръ за свои два романа, но это еще впереди, а тѣмъ временемъ расходы его возрасли вмѣстѣ съ новымъ образомъ жизни въ размѣрахъ, удивлявшихъ его самого, хотя онъ и не былъ изъ особенно экономныхъ.

Поэтому онъ далъ понять дядѣ, что хотя ожидаетъ уплаты крупной суммы, но въ настоящую минуту находится въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

— Зачѣмъ же ты не обратился ко мнѣ!—закричалъ дядя.

И совершенно на манеръ театральнаго дядюшки, вынулъ изъ кармана книжку съ чеками и написавъ кругленькую сумму, по-

далъ чекъ Марку, объявивъ, что это его жалованье за одну четверть года и что онъ будетъ получать его до тѣхъ поръ, пока будетъ дѣлать ему честь. Маркъ былъ сначала до того пораженъ, что не могъ почти благодарить дядю за такую неожиданную щедрость, а наивное довольство старика даже пристыдило его. Но онъ принудилъ себя поблагодарить его.

— Ладно, ладно,—замѣтилъ дядя.—Я радъ помочь тебѣ. Я, какъ объяснялъ твоей матери на дняхъ, вовсе не раздѣляю ея односторонности и ограниченности во взглядахъ и если ты чувствуешь въ себѣ призваніе быть писателемъ, ну и пиши. Я ничего противъ этого не имѣю.

И послѣ многихъ такихъ рѣчей, дядюшка Соломонъ, убѣдивъ себя и чуть ли даже и самого племянника, что его взгляды были съ самаго начала такъ же широки и вовсе не измѣнились подъ вліяніемъ обстоятельствъ, ушелъ, оставивъ Марка размышлять объ этомъ новомъ поворотѣ колеса фортуны, благодаря которому онъ нажилъ отчаяннаго врага, но вмѣстѣ съ тѣмъ вернулъ могущественнаго покровителя, и обоихъ вполнѣ незаслуженно.

Теперь онъ довольно легко относился къ первому; покровитель былъ для него важнѣе врага. „Да и у кого нѣтъ враговъ“, —думалъ онъ.

Но только тѣ, у кого прошлое безупречно или, наоборотъ, слишкомъ замарано, могутъ съ покойнымъ равнодушіемъ относиться къ своимъ врагамъ и хотя Маркъ никогда не узналъ, какимъ образомъ неприязнь м-ра Гомпеджа повредила ему, но она не осталась безъ вліянія на его дальнѣйшую судьбу.

XVIII.

Черезъ нѣсколько дней послѣ событій, описанныхъ въ предъидущей главѣ, Маркъ пришелъ съ визитомъ въ Кенсингтонъ-паркъ-Гарденсъ. Ему отворилъ дверь не внушительный Чампіонъ, но Колинъ, увидѣвшій Марка въ окно и поспѣшившій перехватить его.

— Мабель дома,—объявилъ онъ.—Но прежде подите къ Долли и переговорите съ ней. Она ужасно о чемъ-то плачетъ и не хочетъ сказать мнѣ. Можетъ быть, она скажетъ вамъ. Пожалуйста, сэръ, подите къ ней. Совсѣмъ не весело, когда она плачетъ, а теперь она безпрестанно это дѣлаетъ.

Колинъ чувствовалъ безусловное довѣріе, основанное, какъ онъ думалъ, на личномъ опытѣ.

Маркъ вспомнилъ, что на-дняхъ сама Мабель высказывала ему, что Долли безпокоитъ ее въ послѣднее время своимъ разстроеннымъ видомъ и частыми, хотя на видъ и безпричинными, слезами. Еслибы ему удалось успокоить ребенка, то сестра ея была бы навѣрное очень ему за это благодарна. И вотъ, съ свойственной ему самоувѣренностью, онъ предпринялъ дѣло, которое должно было дорого обойтись ему.—Хорошо; но предоставьте мнѣ дѣйствовать, а сами бѣгите къ сестрицѣ Мабель и предупредите ее о моемъ приходѣ.

И онъ направился въ библіотеку. Тамъ онъ нашелъ Долли въ креслахъ, изнемогающей отъ слезъ и тайнаго страха, котораго она не смѣла никому повѣдать. Маркъ былъ настолько добръ, чтобы тронуться безпомощнымъ отчаяніемъ ребенка, и впервые подумалъ, что причина, пожалуй, и не совсѣмъ ничтожная, и тѣмъ сильнѣе захотѣлось ему, помимо всѣхъ личныхъ мотивовъ, успокоить бѣдную дѣвочку. Онъ все забылъ кромѣ этого, и безкорыстная симпатія, воодушевлявшая его, сообщила ему такой тактъ и такую мягкость, какъ люди, хорошо его знавшіе, не могли бы и предположить въ немъ. Мало-по-малу Долли, не хотѣвшая сначала говорить съ нимъ и отвернувшаяся отъ него, призналась, что она очень несчастна, что она сдѣлала нѣчто такое, чего не должна никому говорить.

Тутъ она вскочила съ покраснѣвшимъ лицомъ и стала умолять его уйти и оставить ее.

— Не заставляйте меня сказать вамъ,—жалобно просила она.—О! я знаю, что вы жалѣете меня, я васъ теперь полюбила, но я право не могу вамъ сказать, не могу. Пожалуйста, уйдите, я такъ боюсь, что скажу вамъ.

— Но почему вы этого боитесь?—спрашивалъ Маркъ.—Я самъ не очень хорошій, Долли, вамъ нечего меня бояться.

— Не въ томъ дѣло,—съ трепетомъ объявила Долли,—но онъ сказалъ, что если я кому-нибудь скажу, то меня посадятъ въ тюрьму.

— Кто смѣлъ сказать такую безсовѣстную ложь?—спросилъ Маркъ, чувствуя, какъ вся кровь закипаетъ въ немъ отъ негодованія на такую глупую жестокость.—Вѣдь это не Колинъ, Долли?

— Нѣтъ, не Колинъ, но Гарольдъ, Гарольдъ Каффинъ. О, м-ръ Ашбёрнъ,—сказала она вдругъ съ проснувшейся надеждой,—неужели это неправда? Онъ сказалъ, что папа, какъ юристъ, долженъ будетъ помогать закону наказать меня...

— Какой мерзавецъ! — пробормоталъ сквозь зубы Маркъ,

понимая, что истина сейчасъ раскроется передъ нимъ.—Такъ это онъ сказалъ, Долли; можетъ быть, онъ хотѣлъ подразнить васъ?

— Не знаю. Онъ часто дразнилъ меня, но не такъ... И притомъ я все-таки это сдѣлала, хотя и нечаянно.

— Ну, такъ выслушайте меня, Долли,—сказалъ Маркъ.— Если вы боитесь, что васъ посадятъ въ тюрьму, то выкиньте это изъ головы. Вѣдь вы вѣрите мнѣ? Вы знаете, что я ни за что васъ не обману. Ну, такъ повторяю вамъ, что вы не могли ничего сдѣлать такого, за что сажаютъ въ тюрьму. Понимаете? Гарольдъ Каффинъ сказалъ это, чтобы васъ только напугать. Никто въ свѣтѣ не подумаетъ даже посадить васъ въ тюрьму, что бы вы ни сдѣлали. Успокоились ли вы?

Къ великому смущенію Марка, она обняла его обѣими руками за шею въ полу-истерическомъ припадкѣ радости и облегченія. — Повторите мнѣ это еще разъ! — закричала она.—Вы увѣрены, что это такъ, что меня не посадятъ въ тюрьму? О! тогда я ничего не боюсь. Я такъ рада, такъ рада. Теперь я вамъ все разскажу.

Но какой-то инстинктъ удержалъ Марка отъ выслушиванія этого признанія; онъ превозмогъ главное затрудненіе; остальное, подумалъ онъ, лучше предоставить болѣе деликатнымъ рукамъ. Поэтому онъ сказалъ:

— Не говорите мнѣ ничего, Долли; я увѣренъ, что вы не могли сдѣлать ничего особенно худого. Подите лучше къ Мабель и разскажите ей. И послѣ этого вы опять будете счастливы.

— А вы пойдете со мной?—спросила Долли, сердце которой было вполнѣ покорено.

И Маркъ повелъ ее за руку въ ту самую комнатку, гдѣ происходила его первая бесѣда съ ней о волшебникахъ. Тамъ онъ нашелъ Мабель, сидѣвшую у окна на своемъ любимомъ креслѣ. Она покраснѣла, увидя Марка.

— Я ухожу,—объявилъ онъ, пожавъ ей руку.—Я привелъ къ вамъ молодую лэди, которая желаетъ сообщить вамъ страшную тайну, которая все это время мучила ее самое и васъ. Она убѣдилась, что въ сущности это совсѣмъ не такъ страшно.

И онъ оставилъ ихъ вдвоемъ. Ему тяжело было уходить, повидавъ такъ мало Мабель, но то была жертва, которую она способна была оцѣнить.

XIX.

Объявленіе войны.

Утромъ того дня, въ который Долли освободилась отъ страха, угнетавшаго ее такъ долго, Мабель получила записку отъ Гарольда Каффина. Онъ писалъ, что долженъ сообщить ей нѣчто, чего откладывать долѣе не желаетъ, и что онъ не будетъ счастливъ до тѣхъ поръ, пока не объяснится съ ней. Можетъ ли онъ пріѣхать къ ней завтра утромъ?

Эти слова она поняла сначала такъ, какъ ей казалось всего вѣроятнѣе; давно уже она предвидѣла неизбѣжность подобнаго объясненія и даже чувствовала сожалѣніе къ Гарольду, къ которому начала относиться мягче. Поэтому она написала ему нѣсколько строкъ, въ которыхъ старалась, по возможности, подготовить его къ единственному отвѣту, какой онъ могъ отъ нея услышать. Но прежде чѣмъ она успѣла послать письмо, Долли призналась ей въ своемъ невинномъ проступкѣ.

Мабель перечитала записку Каффина и разорвала свой отвѣтъ съ пылающимъ лицомъ. Она, вѣрно, не поняла его; онъ не могъ писать объ этомъ; онъ, должно быть, хотѣлъ покаяться въ причиненномъ имъ злѣ. И вмѣсто прежняго письма, она написала: — „Я готова выслушать то, что̀ вы имѣете мнѣ сказать“, и сама опустила записку въ почтовый ящикъ.

Гарольдъ нашелъ ея отвѣтъ, вернувшись поздно вечеромъ домой, и не усмотрѣлъ въ немъ ничего особеннаго.

„Нельзя сказать, чтобы записка была изъ очень любезныхъ, подумалъ онъ. Но въ сущности, что же иное она могла пока сказать. Я думаю, что дѣло въ шляпѣ“.

Такимъ образомъ на слѣдующее утро онъ спокойно и самоувѣренно вышелъ изъ кэба у дверей Лангтоновъ. Быть можетъ, сердце и билось у него сильнѣе обыкновеннаго, но лишь отъ того, что онъ предвкушалъ побѣду. Послѣ отвѣта Мабель онъ больше не сомнѣвался въ успѣхѣ.

Его ввели въ маленькій будуаръ, выходившій окнами на скверъ, но Мабель тамъ не было. Она заставила даже его прождать нѣсколько минутъ, что̀ очень его позабавило. „Чисто поженски, — думалъ онъ. — Не можетъ не помучить хоть на-послѣдокъ“. За дверью послышались шаги, то была она, и онъ вскочилъ съ мѣста, когда дверь отворилась. „Мабель!“ — закричалъ онъ. Онъ хотѣлъ-было сказать: „милая!“ но что-то въ ея лицѣ удержало его.

Она остановилась въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, слегка опершись одной рукой на маленькій столикъ. Лицо ея было блѣднѣе обыкновеннаго и она старательно отворачивалась отъ него и не взяла протянутой имъ руки. Но все-таки и это не встревожило его. Что бы она ни чувствовала, но не такая она была дѣвушка, чтобы бросаться на шею человѣку, она была горда и онъ долженъ выказать смиреніе... до поры до времени.

— Вы хотите мнѣ что-то сказать, Гарольдъ?

Съ какимъ трудомъ выговорила она его имя; ему хотѣлось обнять ее, но онъ не посмѣлъ. Онъ долженъ быть остороженъ.

— Да,—отвѣчалъ онъ:—вы выслушаете меня, Мабель, неправда ли?

— Я сказала вамъ, что выслушаю. Надѣюсь, что ваши объясненія заставятъ меня думать о васъ иначе.

Онъ не понялъ, что она собственно хочетъ этимъ сказать, но нашелъ слова ея не особенно любезными.

— Я надѣялся,—сказалъ онъ,—что вы не считаете меня дурнымъ человѣкомъ.

И такъ какъ она ничего не отвѣчала, то сразу приступилъ къ объясненію. Онъ былъ холоднымъ любовникомъ на сценѣ, но практика выработала въ немъ, по-крайней мѣрѣ, краснорѣчіе и, кромѣ того, онъ говорилъ теперь совсѣмъ въ серьезъ и въ его голосѣ слышалась искренняя страсть и сдержанная сила, которыя могли бы въ иное время тронуть ее.

Теперь же она дала ему договорить только потому, что чувствовала себя не въ силахъ перебить его, не потерявъ самообладанія. Она чувствовала, что онъ человѣкъ съ сильной волей и была тѣмъ благодарнѣе судьбѣ за то, что была обезпечена отъ его вліянія.

Онъ кончилъ, а она все молчала и ему стало наконецъ неловко. Но вотъ она взглянула на него и хотя глаза ея горѣли, но не страстью, которую онъ надѣялся въ нихъ прочесть.

— И это все, что̀ вы имѣете мнѣ сказать?—горько произнесла она.—Знаете ли, я ожидала совсѣмъ не того.

— Я сказалъ, что́ чувствовалъ. Быть можетъ, можно было быть краснорѣчивѣе. Во всякомъ случаѣ, скажите мнѣ, чего вы ожидали отъ меня, и я вамъ скажу.

— Да, я скажу; я ждала объясненія.

— Объясненія!—повторилъ онъ, недоумѣвая,—но чего же?

— Неужели вы не помните ничего такого, за что вы нашли бы нужнымъ повиниться, еслибы я случайно о томъ узнала? Ви-

дите, Гарольдъ, я вамъ облегчаю всѣ пути. Подумайте... вспомните хорошенько.

Каффинъ совершенно позабылъ о томъ непріятномъ эпизодѣ, а потому добросовѣстно отвѣчалъ:

— Честное слово, не помню. Я не хвалюсь, что лучше моихъ ближнихъ, но съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ о васъ думать, я не глядѣлъ ни на одну женщину. Если вы слышали какую-нибудь глупую сплетню, то не вѣрьте ей.

Мабель засмѣялась, но не весело.

— О! это совсѣмъ не то; право, Гарольдъ мнѣ не до ревности, особливо теперь. Гарольдъ, Долли мнѣ все разсказала и... о письмѣ,—прибавила она, такъ какъ онъ все еще какъ будто не понималъ, въ чемъ дѣло.

Теперь онъ понялъ и отступилъ точно затѣмъ, чтобы отклониться отъ удара. Все! слово это на минуту какъ бы оглушило его; онъ-то думалъ, что употребилъ всѣ средства, чтобы заставить дѣвочку молчать объ этомъ злосчастномъ письмѣ, и вотъ теперь Мабель узнала все!

Но онъ почти тотчасъ же опомнился, понимая, что теперь не время терять голову.

— Полагаю, что я долженъ, въ свою очередь, просить объясненія,—развязно произнесъ онъ:—я, должно быть, очень провинился, но, представьте,—рѣшительно не помню, какъ и въ чемъ.

— Хорошо, я вамъ объясню. Я знаю, что вы пришли и застали бѣдную дѣвочку въ тотъ моментъ, какъ она сдирала почтовую марку съ какого-то стараго моего конверта и имѣли жестокость увѣрить ее, что она воровка. Можете ли вы это отрицать?

„Съ какого-то стараго конверта!“ худшее изъ опасеній Каффина разсѣялось при этихъ словахъ. Она не знаетъ, что въ конвертѣ было непрочитанное письмо; она не догадывается... да и какъ бы она могла догадаться, когда сама Долли этого не знаетъ,—откуда пришло письмо. Онъ можетъ ее задобрить.

— Отрицать!—повторилъ онъ:—конечно, нѣтъ; я припоминаю, что подшутилъ надъ ней въ этомъ родѣ. Но неужели можно сердиться за простую шутку?

— Шутку,—повторила она съ негодованіемъ.—Такими шутками вы никого не развеселите, кромѣ самого себя. Вы намѣренно запугали ее; и такъ успѣли въ этомъ, что она была несчастна и боялась, что ее посадятъ въ тюрьму, много дней и недѣль сряду. Вы напугали ее тюрьмой, Гарольдъ; вы научили ее бояться отца родного и всѣхъ насъ... Кто перескажетъ, ка-

кихъ мукъ натерпѣлась моя бѣдная Долли! И вы смѣете называть это шуткой!

— Я никакъ не ожидалъ, что она пойметъ все это буквально,—сказалъ онъ.

— О, Гарольдъ, вы не такой глупецъ; только жестокій глупецъ могъ бы не понять, что̀ онъ сдѣлалъ. И вы видѣли ее съ тѣхъ поръ столько разъ; вы должны были замѣтить, какъ она перемѣнилась, и все-таки не пожалѣли ее! Неужели вы въ самомъ дѣлѣ не понимаете, что́ вы сдѣлали? Неужели вы часто шутите такимъ образомъ съ дѣтьми?

— Полноте, Мабель,—проговорилъ Каффинъ, съ замѣшательствомъ,—вы очень жестоки ко мнѣ.

— А вы не были жестоки съ моей дорогой Долли?—спросила Мабель.—Что она вамъ сдѣлала? Какъ могли вы найти удовольствіе въ томъ, чтобы мучить ее? Развѣ вы ненавидите всѣхъ дѣтей... или только одну Долли?

Онъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ.—О! если вы намѣрены задавать мнѣ такіе вопросы... Конечно, я не думаю ненавидѣть вашу бѣдную сестренку. Говорю вамъ, что сожалѣю, очень сожалѣю, что она приняла это такъ серьезно. И... и если я могу чѣмъ-нибудь загладить... приказывайте...

— Загладить, разумѣется, конфектами, или шоколадомъ, такъ, не правда ли?—замѣтила Мабель.—Шоколадомъ вознаградить дитя за то, что она долгіе дни чуждалась всѣхъ, кто ее любитъ? Она мучилась до болѣзни и мы ничѣмъ не могли помочь ей; еще немного и вы бы ее убили. Быть можетъ, тогда вашъ юмористическій умъ былъ бы удовлетворенъ? Еслибы не одинъ добрый человѣкъ, почти чужой, который съумѣлъ разгадать то, что̀ мы всѣ слѣпо проглядѣли, а именно, что какой-то негодяй напугалъ ее, мы бы никогда не узнали всей истины, или бы, узнали ее слишкомъ поздно!

— Понимаю теперь,—сказалъ Каффинъ,—я такъ и думалъ, что это чьи-нибудь интриги; кому-то понадобилось, для какихъ-то личныхъ цѣлей, очернить меня въ вашихъ глазахъ, Мабель. Если вы слушаете клеветниковъ, то, конечно, я не стану оправдываться.

— О! я назову вамъ его имя,—сказала она,—и тогда даже вы согласитесь, что у него не было иныхъ мотивовъ, кромѣ природной доброты. Я сомнѣваюсь даже въ томъ, чтобы онъ когда-либо встрѣчался съ вами. Это Маркъ Ашбёрнъ, тотъ самый, который написалъ „Иллюзію“ (выраженіе ея лица смягчилось, когда она произнесла его имя, и Каффинъ замѣтилъ это). Если вы ду-

маете, что онъ способенъ васъ оклеветать... Но къ чему говорить объ этомъ? Вы сами сознались. Никакая клевета ничего не прибавитъ и не убавитъ.

— Если вы такого дурного обо мнѣ мнѣнія,—проговорилъ Каффинъ, поблѣднѣвъ какъ смерть,—то мы не можемъ встрѣчаться даже какъ простые знакомые.

— Да, это и мое желаніе.

— Неужели вы хотите сказать, что все кончено между нами? Мабель! неужели это такъ?

— Я не знала, что между нами было что-то такое, что могло кончиться, какъ вы говорите. Но, разумѣется, дружескія отношенія стали теперь невозможны. Мы, конечно, будемъ видѣться. Я не скажу объ этомъ даже мамашѣ, а слѣдовательно нашъ домъ останется открытъ для васъ. Но если вы принудите меня защищать себя или Долли, то вамъ откажутъ отъ дома.

Ея равнодушное презрѣніе только сильнѣе раздражило его желаніе восторжествовать надъ ней. Онъ такъ былъ увѣренъ въ своей побѣдѣ сегодня утромъ, и вотъ теперь она отошла отъ него такъ далеко.

— Нѣтъ, это не можетъ такъ кончиться,—рѣзко произнесъ онъ:—я не позволю вамъ сдѣлать изъ мухи слона, Мабель, потому что вамъ такъ вздумалось. Вы не имѣете права судить меня, потому что ребенокъ наговорилъ про меня.

— Я сужу по дѣйствію вашихъ словъ. Я и сама очень хорошо знаю, что у васъ злой языкъ; вы вполнѣ способны мучить ребенка.

— Вашъ языкъ золъ, Мабель! но вы смягчитесь, я надѣюсь. Мабель, я люблю васъ, хотите вы этого или нѣтъ, и вы не можете такъ меня бросить. Слышите! Вы меня прежде обнадеживали! Я заставлю васъ перемѣнить мнѣніе о себѣ. Нѣтъ... я безумецъ, что говорю это... я только прошу простить меня и дозволить надѣяться!

Онъ подошелъ къ ней и хотѣлъ взять ее за руки, но она отвела ихъ за спину.—Не смѣйте подходить ко мнѣ! Я думала, что достаточно показала вамъ, какъ я о васъ думаю! Позволить вамъ надѣяться! Неужели вы думаете, что я могу довѣрять человѣку, способному на такую сознательную жестокость, какую вы проявили въ вашемъ поступкѣ съ Долли? Нѣтъ, вамъ нечего надѣяться. Что до прощенія, то даже и этого я пока не въ состояніи вамъ обѣщать. Со временемъ, можетъ быть, когда Долли совсѣмъ объ этомъ позабудетъ, можетъ быть, и я тогда прощу, но не раньше, поняли вы теперь? Довольно съ васъ?

Каффинъ продолжалъ неподвижно стоять и лицо его было мрачно и злобно, а глаза устремлены на коверъ подъ его ногами. Онъ коротко и злобно разсмѣялся.—Хорошо,—сказалъ онъ,—полагаю, что съ меня довольно. Вы были такъ добры, что не поскупились на разъясненія. Желаю, ради вашего спокойствія, чтобы судьба не послала мнѣ случай отблагодарить васъ за это.

— Я также этого желаю. Вы, конечно, воспользуетесь имъ.

— Благодарю за хорошее обо мнѣ мнѣніе. Постараюсь оправдать его, когда придетъ время,—пригрозилъ онъ, уходя.

Она мужественно выдержала свиданіе. Но теперь, когда дверь за нимъ затворилась, упала, вся дрожа, на низенькое кресло и залилась слезами, которыя еще не успѣли просохнуть, когда пришла Долли.

— Онъ ушелъ?—спросила она и, взглянувъ въ лицо сестры, прибавила поспѣшно:

— Мабель! Гарольдъ обидѣлъ тебя?

— Нѣтъ, милочка, нѣтъ,—отвѣчала Мабель, обнявъ Долли за талію.—Очень глупо, что я плачу, Гарольдъ больше не тронетъ ни тебя, ни меня.

Тѣмъ временемъ Гарольдъ яростно шагалъ по улицѣ, весь пылая гнѣвомъ и жаждой мести, какъ вдругъ, неподалеку отъ своей квартиры, наткнулся на какого-то прохожаго, и, вглядѣвшись въ него, узналъ въ немъ своего дядюшку, м-ра Антони Гомпеджа. Онъ не былъ расположенъ разговаривать о постороннихъ вещахъ и еслибы его уважаемый дядюшка стоялъ къ нему спиной, а не лицомъ, то онъ прошелъ бы мимо, не окликнувъ его. Но теперь этого нельзя было сдѣлать и онъ любезно и почтительно поздоровался съ нимъ.

— Неужели вы заходили ко мнѣ? какое счастіе, что я какъ разъ вернулся во время; еще минутка, я бы разошелся съ вами. Войдите, дядюшка, позавтракаемъ вмѣстѣ.

— Нѣтъ, голубчикъ, я не могу долго оставаться. Я былъ по сосѣдству съ тобой по одному дѣлу и заглянулъ къ тебѣ. Мнѣ не хочется опять подниматься по лѣстницѣ, да и пора на желѣзную дорогу. Я ждалъ тебя въ твоей роскошной квартирѣ, думалъ, что ты скоро воротишься. Но не хочешь ли проводить меня, если никуда не торопишься.

— Помилуйте, дядюшка, я очень радъ,—сказалъ Каффинъ, внутренно бѣсясь, но онъ поставилъ себѣ за правило ухаживать за дядей и на этотъ разъ увидѣлъ, что не даромъ потерялъ время. Дорогой дядя спросилъ его:

— Кстати, ты знаешься съ писателями, Гарольдъ; не встрѣчалъ ли ты нѣкоего Марка Ашбёрна?

— Разъ встрѣтился съ нимъ,—отвѣчалъ Каффинъ и брови его наморщились.—Онъ написалъ „Иллюзію"?

— Да, чортъ бы его побралъ!—отвѣчалъ дядя съ горячностью и разсказалъ о своей обидѣ.—Быть можетъ, въ мои годы и не слѣдовало бы признаваться въ этомъ, но я ненавижу этого человѣка!

— Неужели?—переспросилъ Каффинъ со смѣхомъ:—какое странное совпаденіе обстоятельствъ: я также ненавижу его.

— У него совѣсть нечиста, — продолжалъ дядя, —за нимъ водятся грѣшки.

(Какъ и за всѣми нами, — подумалъ племянникъ). — Но что же заставляетъ васъ такъ думать?—прибавилъ онъ вслухъ и съ интересомъ ждалъ отвѣта.

— Я прочиталъ это на его лицѣ; у молодого человѣка съ чистой совѣстью никогда не бываетъ такого взгляда, какимъ онъ поглядѣлъ на меня, когда я вошелъ. Онъ совсѣмъ помертвѣлъ отъ страха, сэръ, буквально помертвѣлъ.

— Только-то?—сказалъ Каффинъ, слегка разочарованный.— Знаете, это ничего не значитъ. Онъ могъ испугаться васъ послѣ того, что̀ вы разсказали. Онъ, можетъ быть, изъ тѣхъ нервныхъ людей, которые вздрагиваютъ отъ всякаго пустяка, а вы къ тому же пришли обругать его, какъ сами говорите.

— Не болтай пустяковъ,—перебилъ нетерпѣливо старикъ:— онъ нисколько не нервенъ; онъ самый хладнокровный и нахальный негодяй, какого я только встрѣчалъ, когда ему нечего бояться. У него совѣсть не чиста, сэръ, совѣсть не чиста. Помнишь картину, на которой представлена станція желѣзной дороги и лицо фальшиваго монетчика, когда полицейскіе арестуютъ его въ дверяхъ вагона? Ну вотъ; у молодого Ашбёрна было такое же выраженіе, когда я заговорилъ съ нимъ.

— А что именно вы ему сказали?—настаивалъ Каффинъ.— Продолжайте, добрый дядюшка, какъ мы говоримъ на сценѣ; вы сильно меня заинтересовали.

— Право, я не помню, что̀ именно сказалъ; я былъ очень раздраженъ, помню это. Кажется, я спросилъ у него настоящее имя автора книги.

Каффину опять пришлось разочароваться.

— Ну понятно, что онъ испугался; онъ зналъ, что вывелъ васъ въ ней. Такъ, по крайней мѣрѣ, вы говорите. Я не читалъ книги.

— Не то, не то, повторяю тебѣ,—упорно стоялъ на своемъ старикъ.—Тебя тамъ не было, а я былъ. Неужели ты думаешь, что я глупѣе тебя. Не таковъ онъ гусь, чтобы испугаться этого. Когда онъ узналъ, зачѣмъ я пришелъ, онъ сейчасъ же успокоился. Нѣтъ, нѣтъ, онъ укралъ что-нибудь или поддѣлалъ чужую подпись, повѣрь моему слову... и я надѣюсь, что доживу до того, какъ онъ будетъ пойманъ и изобличенъ.

— Желаю отъ души, чтобы это сбылось; но, знаете ли, дядюшка, все это довольно фантастично!

— Хорошо, хорошо, увидимъ. Тутъ я съ тобой прощусь. Если опять встрѣтишься съ этимъ негодяемъ, то припомни, что я тебѣ сказалъ.

„Да, да, непремѣнно,—думалъ Каффинъ, возвращаясь домой одинъ.—Я долженъ поближе познакомиться съ моимъ милымъ Апбёрномъ и если въ его прошломъ есть что-либо двусмысленное, то поставлю себѣ за удовольствіе вывести его на свѣжую воду. Лишь бы только все это не были дядюшкины фантазіи! Лишь бы за нимъ, въ самомъ дѣлѣ, водились грѣшки“!

XX.

Переговоры съ непріятелемъ.

М-ръ Фладгэтъ былъ однимъ изъ тѣхъ домовитыхъ холостяковъ, которымъ никогда не бываетъ уютно въ меблированныхъ комнатахъ и квартирахъ и которые при первой же возможности заводятъ собственное хозяйство. Онъ нанималъ большой, старомодный домъ по сосѣдству съ Россель-скверомъ и часто давалъ сытные, хотя и не притязательные, обѣды. На его воскресныхъ обѣдахъ въ особенности всегда можно было встрѣтить одну или двѣ изъ второстепенныхъ знаменитостей и на одинъ изъ такихъ обѣдовъ былъ приглашенъ и Маркъ, какъ это естественно слѣдовало послѣ успѣха „Иллюзіи“.

Онъ очутился въ обществѣ лицъ, знакомыхъ ему по фотографіямъ, и услышалъ имена, ставшія уже общественнымъ достояніемъ. Были между ними и такія, которыя когда-то гремѣли, а теперь уже начинали забываться; другіе же, въ настоящее время мало извѣстныя, долженствовали прославиться и, наконецъ, немногія, и отнюдь не менѣе одаренныя чѣмъ остальныя, которымъ не суждено было никогда попасть въ знаменитости. Было два или три созвѣздія значительной величины, окруженныя какъ бы „млечнымъ

путемъ" изъ меньшихъ звѣздъ, и въ числѣ ихъ адвокатура, профессора и сцена насчитывали болѣе или менѣе представителей.

Маркъ, какъ начинающая знаменитость, которой предстоитъ оправдать свой первый успѣхъ, занималъ мѣсто среднее между звѣздами первой и второй величины. М-ръ Фладгэтъ познакомилъ его со многими выдающимися людьми, собравшимися у него, и всѣ они привѣтливо поощряли Марка.

Въ ту минуту какъ онъ отошелъ на минуту отъ главнаго центра бесѣды, его хозяинъ, порхавшій отъ одного кружка гостей къ другому, поспѣшилъ перехватить его, говоря: — м-ръ Эр. Ашбёрнъ, я желаю васъ познакомить съ однимъ очень умнымъ молодымъ человѣкомъ... я знаю его съ дѣтства... онъ поступилъ на сцену и собирается показать всѣхъ насъ со временемъ. Онъ вамъ понравится. Пойдемте, я васъ представлю другъ другу. Ему очень хочется съ вами познакомиться.—И Маркъ послѣдовалъ за нимъ черезъ всю комнату, очутился лицомъ къ лицу съ той парой холодныхъ глазъ, которые пронизали его, когда онъ былъ съ визитомъ у Физерстоновъ, и нашелъ портретъ Мабель Лангтонъ. М-ръ Фладгэтъ уже исчезъ и оставилъ ихъ двоихъ въ углу гостиной. Сообщенія Долли о террорѣ, въ какомъ держалъ ее этотъ человѣкъ, только усилили антипатію и предубѣжденіе Марка, овладѣвшія имъ еще при первомъ свиданіи; онъ чувствовалъ себя неловко и сердился, что судьба опять свела ихъ, но уклониться не было никакой возможности, а самъ Каффинъ былъ вполнѣ развязенъ и спокоенъ.

— Мнѣ кажется, мы уже встрѣчались... въ Гросвеноръ-Плесѣ, началъ онъ,—но вы, вѣроятно, позабыли.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Маркъ,—я васъ хорошо помню, и кромѣ того,—прибавилъ онъ съ выраженіемъ, которое Каффинъ долженъ былъ принять къ свѣденію,—я много слышалъ о васъ въ послѣднее время отъ Лангтоновъ... т.-е. отъ миссъ Лангтонъ.

— Ахъ!—сказалъ Каффинъ,—многіе люди были бы этимъ польщены, но когда человѣкъ имѣетъ несчастіе, какъ я, не нравиться такой увлекающейся молодой дѣвицѣ, какъ миссъ Лангтонъ, то чѣмъ меньше она говоритъ о немъ, тѣмъ лучше.

— Считаю необходимымъ заявить, — холодно возразилъ Маркъ,—что въ томъ частномъ дѣлѣ, какое до васъ касалось, я составилъ себѣ мнѣніе, каково бы оно ни было, совершенно самостоятельно.

— И не желаете измѣнять его? Это очень понятно; и такъ какъ слова миссъ Лангтонъ послужили поводомъ къ тому, чтобы у васъ составилось обо мнѣ извѣстное мнѣніе, я могу себѣ пред-

ставить, какого оно рода. И прошу васъ, въ видахъ справедливости, выслушать теперь и мою защиту. Вы находите, конечно, это очень смѣшнымъ?

— Я думаю, что намъ лучше оставить этотъ предметъ и не возвращаться къ нему болѣе.

— Видите ли, я не могу такъ легко къ этому отнестись, какъ вы, потому что тутъ замѣшана моя честь, а такъ какъ вы, какъ я слышалъ, были поводомъ, ...хотя, конечно, съ наилучшими намѣреніями... къ изображенію меня какимъ-то интриганомъ и негодяемъ, то, надѣюсь, что вы дадите мнѣ случай оправдаться. Я просилъ Фладгета свести насъ вмѣстѣ именно затѣмъ, что не могу быть спокойнымъ, пока знаю, какого вы обо мнѣ мнѣнія. Я не надѣюсь склонить миссъ Лангтонъ къ снисходительности... она женщина. Но я надѣюсь, что вы не откажетесь выслушать меня.

Маркъ почувствовалъ, что его предубѣжденіе уже разсѣялось; Каффинъ совсѣмъ не похожъ былъ на человѣка, изобличеннаго въ тайной тиранніи. Кромѣ того, было нѣчто лестное въ его очевидномъ желаніи возстановить себя въ добромъ мнѣніи Марка; ему, разумѣется, слѣдуетъ выслушать обѣ стороны, прежде чѣмъ произнести сужденіе. Быть можетъ, въ сущности, они преувеличили все дѣло.

— Очень хорошо,—сказалъ онъ наконецъ,—я буду очень радъ, если дѣло окажется не такимъ серьезнымъ, какъ казалось. Я готовъ васъ выслушать.

„Какой высоконравственный судья,—подумалъ Каффинъ съ яростью,—чортъ бы побралъ его снисходительность".

— Я былъ увѣренъ, что вы дадите мнѣ возможность оправдаться,—сказалъ онъ,—но теперь это неудобно. Сейчасъ сядутъ за столъ; мы поговоримъ послѣ обѣда.

За обѣдомъ разговоръ былъ очень живъ и ни на минуту не умолкалъ, хотя и не былъ такъ блестящъ, какъ бы этого можно было ожидать отъ такого собранія. Вообще всего больше и лучше говорили тѣ люди, которымъ еще предстояло составить себѣ имя; великіе же люди довольствовались тѣмъ, что слушали другихъ.

Каффинъ помѣстился въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Марка и когда, послѣ обѣда, его попросили сѣсть за фортепіано, стоявшее въ углу комнаты, куда они перешли курить сигары и пить кофе, то прошло нѣкоторое время прежде нежели разговоръ ихъ возобновился.

Каффинъ являлся въ наилучшемъ свѣтѣ, когда сидѣлъ за фортепіано и распѣвалъ отрывки различныхъ оперныхъ арій,

улыбаясь, оглядывался на публику, чтобы видѣть, нравится ли ей его исполненіе. Послѣднее не отличалось точностью, такъ какъ онъ никогда не трудился изучить музыку, какъ, впрочемъ, и все остальное, но могло прійтись по вкусу нетребовательной публикѣ. Его голосъ не былъ также очень великъ, но въ небольшой комнатѣ казался пріятнымъ и непринужденнымъ. Его не скоро выпустили изъ-за фортепіано.

Послѣднія предубѣжденія Марка разсѣялись: ему показалось невозможнымъ, чтобы человѣкъ съ такимъ пріятнымъ голосомъ и вообще такой симпатичный, какъ его считало большинство присутствующихъ, могъ находить удовольствіе въ запугиваніи ребенка. Поэтому, когда Каффинъ, улучивъ свободную минуту, заговорилъ съ Маркомъ объ этомъ, то ему нетрудно было убѣдить его, что все дѣло возникло по недоразумѣнію, вслѣдствіе непонятой и, быть можетъ, не совсѣмъ удачной шутки его съ Долли.

— Бѣда въ томъ,— увѣрялъ его Каффинъ,—что я совсѣмъ не понимаю дѣтей и вообразилъ, что Долли настолько уже большая дѣвочка, что можетъ понять шутку.

Ему удалось произвести на Марка такое впечатлѣніе, что тому показалось, что онъ разыгралъ изъ себя дурака. Онъ совершенно утратилъ сознаніе своего превосходства подъ вліяніемъ полу-юмористическихъ, полу-горькихъ упрековъ Каффина и старался теперь уже о томъ, чтобы загладить свое участіе въ этомъ дѣлѣ.—Быть можетъ, я поторопился и худо истолковалъ то, что слышалъ,—произнесъ онъ тономъ извиненія,—но послѣ того, что вы мнѣ сказали...

— Вотъ и прекрасно,—перебилъ Каффинъ,—не будемъ больше объ этомъ говорить. Вы меня теперь поняли, а это все, чего я желалъ. („Быть можетъ, ты и великій геній, пріятель,—думалъ онъ,—но тебя не трудно провести за носъ!“). Слушайте, побывайте у меня какъ нибудь на-дняхъ... вы доставите мнѣ большое удовольствіе. Я нанялъ квартиру въ Кремликъ-Родѣ, Безуотеръ, № 72.

Маркъ слегка перемѣнился въ лицѣ, услышавъ этотъ адресъ. То былъ какъ разъ адресъ Голвройда. Въ этомъ ничего не было для него опаснаго, однако, онъ не могъ удержаться отъ суевѣрнаго страха, при такомъ совпаденіи обстоятельствъ.

Каффинъ немедленно замѣтилъ дѣйствіе своихъ словъ.

— Вы знаете Кремликъ-Родъ,—спросилъ онъ?

Что-то неопредѣленное заставило Марка объяснить волненіе, выказанное имъ.

— Да,— отвѣчалъ онъ...—одинъ старинный мой пріятель жилъ

въ этомъ самомъ домѣ. Онъ погибъ въ морѣ, такъ что, когда вы назвали это мѣсто, то я...

— Понимаю,—отвѣчалъ Каффинъ.—Вашего пріятеля звали Винцентъ Гольройдъ?

— Вы знали его?—вскричалъ Маркъ,—вы?

(„Попалъ наконецъ, на слѣдъ, какъ говорится въ романахъ!—подумалъ Кафинъ.—Начинаю думать, что дорогой дядюшка не ошибся. И если у него есть секретъ, то девять противъ десяти, что Гольройдъ зналъ, или знаетъ его!").

— О, да! я зналъ бѣднаго Гольройда,—сказалъ онъ:—я потому и нанялъ его квартиру. Какая жалость, что онъ такъ погибъ, не правда ли? Должно быть, это былъ большой для васъ ударъ? Вы, кажется, до сихъ поръ еще не оправились отъ него?

— Нѣтъ,—пролепеталъ Маркъ,—нѣтъ... да! я очень огорченъ. Я... я не зналъ, что вы тоже его пріятель!—вы... вы коротко были съ нимъ знакомы?

— Очень коротко; я думаю, что у него не было отъ меня секретовъ.

Точно молнія сверкнула въ умѣ Марка мысль:—что, если Гольройдъ довѣрилъ о своихъ литературныхъ проектахъ Каффину? Но онъ въ то же мгновеніе припомнилъ, что Гольройдъ положительно заявилъ, что ни одной душѣ не говорилъ о своей книгѣ до того самаго послѣдняго вечера, когда они гуляли по Роттенъ-Роу. Каффинъ солгалъ, но съ цѣлью, и такъ какъ результатъ подтвердилъ его подозрѣнія, онъ перевелъ разговоръ на другое и его забавляла очевидная радость Марка.

Въ концѣ вечера м-ръ Фладгэтъ подошелъ къ нимъ и дружески положилъ руку на плечо Каффина.

— Позвольте мнѣ дать вамъ одинъ совѣтъ,—смѣясь, сказалъ онъ,—не говорите съ м-ромъ Ашбёрномъ объ его книгѣ.

— Не позволю себѣ такой дерзости,—отвѣчалъ Каффинъ.—Но неужели васъ такъ разстраиваютъ замѣчанія невѣждъ, Ашбёрнъ?

— Не то, не то,—перебилъ м-ръ Фладгэтъ:—это все происходитъ отъ его убійственной скромности. Я со страхомъ думаю, какъ мы поведемъ разговоръ о второмъ изданіи его книги. Право, мнѣ кажется, что онъ желалъ бы никогда больше о ней не слыхать.

Маркъ покраснѣлъ.

— О, нѣтъ,—сказалъ онъ съ нервнымъ смѣхомъ,—я уже не такъ застѣнчивъ.

— Да, вы теперь уже нѣсколько обстрѣлялись. Но (это такая забавная исторія, что вы должны позволить мнѣ, м-ръ

Ашбёрнъ, разсказать ее, тѣмъ болѣе, что она дѣлаетъ вамъ честь), представьте, онъ такъ боялся, чтобы въ немъ не узнали автора „Иллюзіи“, что отдалъ переписать романъ другому лицу. Думалъ провести меня такимъ образомъ, но это ему не удалось. Нѣтъ, нѣтъ, я его сейчасъ вывелъ на свѣжую воду, не правда ли, м-ръ Ашбёрнъ?

— Мнѣ, однако, пора идти,—объявилъ Маркъ, опасаясь дальнѣйшихъ разоблаченій и слишкомъ взволнованный, чтобы сообразить, что они не могутъ никакъ его скомпрометировать. Но дѣло въ томъ, что присутствіе Каффина возбуждало въ немъ смутныя опасенія, отъ которыхъ онъ не могъ отдѣлаться.

Добродушный м-ръ Фладгэтъ испугался, что оскорбилъ его.

— Я надѣюсь, что вы не разсердились за то, что я разсказалъ про рукопись? — спросилъ онъ, провожая Марка до дверей.

— Нѣтъ, нѣтъ, нисколько. Покойной ночи.

И Маркъ ушелъ, поблагодаривъ за пріятный вечеръ.

Дѣйствительно ли онъ провелъ пріятный вечеръ?—спросилъ онъ себя, возвращаясь домой. Съ нимъ всѣ были любезны, онъ находился въ обществѣ людей, вниманіе которыхъ уже само-по-себѣ могло считаться отличіемъ, а, между тѣмъ, онъ испытывалъ какую-то неловкость, хотя и не могъ въ точности опредѣлить ея причины. Наконецъ, онъ рѣшилъ, что ему непріятно открытіе, что имя Гельройда все еще можетъ приводить его въ смущеніе, что это слабость, отъ которой ему слѣдуетъ отдѣлаться.

XXI.

Напалъ на слѣдъ.

Былъ воскресный день и Каффинъ сидѣлъ за завтракомъ въ своей новой квартирѣ въ Безуотеръ. Онъ былъ мраченъ. Ему не везло послѣднее время. Его великолѣпные коммерческіе проэкты лопнули, какъ мыльный пузырь, потому что его довѣрчивый другъ и предполагаемый партнеръ выказалъ признаки помѣшательства и былъ отданъ на попеченіе врачей. Самъ Каффинъ надѣлалъ пропасть долговъ, а отецъ его на-отрѣзъ отказался ихъ уплатить. Каффинъ долженъ былъ снова обратиться къ театральному агенту, но до сихъ поръ не получилъ еще выгоднаго для себя ангажемента.

Мабель не простила ему. Онъ встрѣчался съ ней нѣсколько

разъ у Физерстоновъ, и хотя она не выказывала ему наружной холодности, но онъ чувствовалъ, что между ними образовалась пропасть, которую нельзя перешагнуть. И этимъ онъ былъ обязанъ Марку Ашбёрну. Каффинъ былъ не такого рода человѣкъ, чтобы забыть это.

Маркъ совсѣмъ пересталъ его теперь опасаться, потому что Каффинъ съумѣлъ усыпить его тревогу и вкрался въ его довѣренность. Мысль о томъ, что Маркъ скрываетъ какую-то тайну, по всей вѣроятности, не совсѣмъ для него почетную, не давала ему покоя. Онъ рѣшилъ проникнуть эту тайну и случай ему помогъ.

Хозяйка меблированныхъ комнатъ, которыя онъ занималъ и въ которыхъ до него жилъ Гольройдъ, объявила ему, что „утонувшій джентльменъ" оставилъ ей на сохраненіе кучу разныхъ бумагъ и что она не знаетъ теперь, что ей съ ними дѣлать. Она попросила Каффина разобрать эти бумаги.

Каффинъ согласился, хотя и не особенно надѣялся найти что-либо подходящее. Однако, разбирая груду бумагъ, въ которыхъ оказалися латинскія и греческія стихотворенія, черновые наброски различныхъ статей, старыя университетскія лекціи и юридическія брошюры, памятники былой студенческой и адвокатской жизни Гольройда,—онъ нашелъ нѣсколько рукописныхъ тетрадей, скрѣпленныхъ металлическими гвоздиками.

— Это что-то не похоже на юридическую матерію,—сказалъ онъ самому себѣ. „Волшебныя чары", романъ Винцента Бомана. Боманъ, кажется, его второе имя. Такъ, онъ писалъ романы, бѣдняга!

Онъ сталъ перелистывать найденный романъ: - Боманъ Марстонъ... гдѣ это я читалъ недавно это имя? Дункомбъ... тоже извѣстное мнѣ имя. Вотъ штука. Неужели онъ былъ издатъ?

Каффинъ внимательно прочиталъ найденный романъ, затѣмъ взялъ съ полки „Иллюзію" Кирилла Эрнстона. Сличивъ оба произведенія, онъ всталъ и въ волненіи прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Такъ вотъ въ чемъ секретъ?—проговорилъ онъ самому себѣ.—Еслибы я былъ только въ этомъ увѣренъ? Это до того хорошо, что даже невѣроятно! Можетъ быть, они вмѣстѣ сотрудничали? Но почему бы, въ такомъ случаѣ, ему такъ пугаться одного имени Гольройда? Почему онъ переписалъ рукопись? Изъ скромности, или почему-нибудь другому? И почему въ такомъ случаѣ на оберткѣ красуется одно только имя и нашъ другъ присвоилъ себѣ всю честь сочиненія? Дядюшка правъ, тутъ что-

то нечисто! Любезный м-ръ Маркъ Ашбёрнъ, мнѣ надо по душѣ съ вами побесѣдовать и вытянуть изъ васъ всю правду.

Онъ сѣлъ и написалъ радушнѣйшую записку Марку, прося его, если онъ свободенъ, пріѣхать отобѣдать къ нему сегодня и терпѣливо сталъ ждать отвѣта. Получивъ согласіе на свое приглашеніе, онъ предупредилъ хозяйку, что у него обѣдаетъ пріятель, котораго онъ хочетъ хорошенько угостить, а потому, чтобы она изготовила обѣдъ на славу.

XXII.

Травля.

Каффинъ не безъ волненія поджидалъ прихода Марка Ашбёрна. Онъ сознавалъ, что, можетъ быть, стоитъ на порогѣ того покоя, гдѣ скрыта тайна жизни послѣдняго, и что, можетъ быть, сегодня же вечеромъ онъ получитъ ключъ отъ этого покоя. Онъ былъ слишкомъ остороженъ, чтобы дѣлать поспѣшные выводы, и хотѣлъ, прежде чѣмъ дѣйствовать, практически удостовѣриться въ нѣкоторыхъ фактахъ.

Тѣмъ временемъ, ничего не подозрѣвающій Маркъ готовился очень пріятно провести время. Написавъ отвѣтъ на записку Каффина, онъ встрѣтился съ Лангтонами, возвращавшимися изъ церкви, и они пригласили его на завтракъ. Долли стала совсѣмъ прежней Долли и позабыла о страхахъ, омрачившихъ ея невинную, ребяческую жизнь, а Мабель давала постоянно чувствовать Марку свою благодарность за его участіе въ этой счастливой перемѣнѣ. Все это привело его въ самое радужное настроеніе и, даже поднимаясь по столь знакомой ему лѣстницѣ и войдя въ прежнее помѣщеніе Гольройда, онъ ничего особеннаго не ощутилъ, тѣмъ болѣе, что комнаты были отдѣланы совсѣмъ за-ново.

Обѣдъ былъ на славу и Каффинъ любезно угощалъ гостя, все время думая: не начать ли травлю? но почему-то удерживался.

Наконецъ, когда подано было кофе и они развалились въ покойныхъ креслахъ съ сигарами въ зубахъ, Каффинъ нашелъ моментъ удобнымъ.

— Мнѣ хочется, — сказалъ онъ, — поговорить съ вами о вашей книгѣ. О, я знаю, что вы этого не любите изъ врожденной скромности, но мнѣ это все равно. Мнѣ не часто приходится обѣдать

съ знаменитыми писателями и если вы не хотѣли, чтобы съ вами говорили о вашей книгѣ, то не должны были ее писать.

Маркъ къ этому времени уже достаточно былъ обстрѣлянъ и такъ привыкъ къ Каффину, что совсѣмъ не испугался его словъ.

— Что же вы хотите мнѣ сказать?—спокойно спросилъ онъ.

— Во-первыхъ, что я ее прочиталъ и не могу вамъ выразить, какъ она меня поразила.

— Мнѣ очень пріятно, что она вамъ понравилась,—сказалъ Маркъ.

— Понравилась,—повторилъ Каффинъ,—любезный другъ, скажите, что она очаровала меня. Давно уже не случалось мнѣ читать ничего подобнаго. Сколько въ этой книгѣ мысли, чувства, страсти! Я завидую вамъ, что вы могли написать такую вещь. („Надѣюсь, что это его проймetъ", подумалъ онъ).

— О, что касается этого...—сказалъ Маркъ, пожалъ плечами и не договорилъ, но нисколько, какъ замѣтилъ Каффинъ, не сконфузился.

— Помните ли вы,—продолжалъ Каффинъ,—когда впервые вамъ пришла въ голову главная мысль вашего романа?

Но и тутъ сорвалось. Маркъ давно уже нашелъ нужнымъ сфабриковать подробный разсказъ о томъ, когда и какимъ образомъ онъ задумалъ свой романъ.

— Хорошо, я вамъ разскажу это,—сказалъ онъ.—Вы увидите, какъ странно иногда слагаются такія вещи. Разъ я гулялъ въ Палесъ-Гарденсъ и...

Тутъ онъ совершенно развязно разсказалъ исторію того, какъ онъ задумалъ „Иллюзію", и Каффинъ все время внутренно бѣсился.

„Ахъ, ты, безсовѣстный шарлатанъ!—думалъ онъ,—каково это сидитъ, разсказываетъ эти вещи мнѣ!"

Когда Маркъ кончилъ, онъ замѣтилъ:

— Это очень интересно; вы позволите мнѣ при случаѣ разсказать это другимъ?

— Разумѣется, голубчикъ,—сказалъ Маркъ, снисходительно махнувъ рукой.

(„Надо зайти къ нему съ другой стороны,—подумалъ Каффинъ:—онъ хитрѣе, чѣмъ я думалъ").

— Я вамъ сообщу, какое странное замѣчаніе я слышалъ надняхъ. Я разговаривалъ съ миссисъ Бисмутъ... вѣдь вы ее знаете, кажется? Она пишетъ повѣсти и драмы и читаетъ тьму тысячу романовъ... ну, такъ вотъ она сказала, что ваша книга произво-

дить на нее такое впечатлѣніе, какъ будто бы ее писали два человѣка, а не одинъ; въ ней она нашла два разныхъ слога.

(„Теперь я допытаюсь, въ чемъ штука“, подумалъ онъ).

— Васъ это, кажется, забавляетъ,—прибавилъ онъ послѣ небольшой паузы.

Маркъ въ самомъ дѣлѣ забавлялся. Онъ разсмѣялся:

— Миссисъ Бисмутъ прелестная женщина,—сказалъ онъ,—но пусть бы она почитала побольше или поменьше романовъ, прежде чѣмъ судить о слогѣ. Вы можете передать ей отъ меня, что въ моей книгѣ множество слоговъ, но за то одна общая мысль. Гдѣ у васъ спички?

(„Не могу выпытать его,—думалъ Каффинъ:—какой онъ ловкій актеръ! И однако, еслибы я показалъ ему рукопись Голройда, онъ бы другое запѣлъ! почеркъ Голройда ясенъ, какъ божій день. Но надо еще попытаться“).

Онъ подошелъ къ камину, чтобы закурить сигару и для этого снялъ абажуръ съ одной изъ свѣчей и такъ подвинулъ ее, чтобы свѣтъ падалъ на лицо пріятеля, а затѣмъ, вертя въ рукахъ незакуренную папироску, внезапно проговорилъ:

— Кстати: что такое Фладгэтъ толковалъ въ прошлый разъ о томъ, что кто другой писалъ за васъ книгу?

На этотъ разъ ударъ былъ мѣтко направленъ. Маркъ сильно побагровѣлъ и привсталъ-было съ кресла, но опять откинулся въ него, рѣзко проговоривъ:

— Фладгэтъ говорилъ это? Что онъ хотѣлъ сказать, чортъ бы его побралъ!.. Кто этотъ другой?

— Ну, да вѣдь это было при васъ. Какой-то переписчикъ, кому вы дали переписать рукопись.—Кровь усиленно прилила къ щекамъ Марка. „Какой онъ нервный глупецъ, однако“!

— Охъ... да, охъ, этотъ переписчикъ!—сказалъ онъ:—помню теперь. Да, я до нелѣпости старался въ то время сохранить свое инкогнито и... и кромѣ того, мнѣ хотѣлось помочь одному бѣдняку, снискивавшему свое пропитаніе перепиской, и вотъ, понимаете...

— Понимаю,—отвѣчалъ Каффинъ.—Какъ его зовутъ?

— Какъ его зовутъ?—повторилъ Маркъ, не приготовившійся къ такому вопросу, а потому сразу не нашелся.—Постойте; я, кажется, позабылъ. Помню, что его имя начинается съ Б... Броунъ, Брюнъ, что-то въ этомъ родѣ. Право, не помню. Дѣло въ томъ,—прибѣгнулъ онъ въ отчаяніи къ разнымъ живописнымъ подробностямъ,—когда я его впервые увидѣлъ, бѣднякъ былъ въ ужасномъ

состоянія, весь, понимаете, въ локмотьяхъ, ну, я и подумалъ, что сдѣлаю доброе дѣло, давъ ему работу.

— Понимаю, понимаю,—вторилъ Каффинъ.—Что, у него хорошій почеркъ? Я бы тоже могъ доставить ему работу, поручивъ переписывать роли.

— О, онъ для этого не годится!—перебилъ Маркъ не безъ тревоги:—у него былъ очень плохой почеркъ.

— Что жъ такое, для добраго вѣдь дѣла, понимаете,—настаивалъ Каффинъ, внутренно наслаждаясь:—чортъ побери, Ашбёрнъ, почему я не могу быть такимъ же сострадательнымъ человѣкомъ, какъ вы? Гдѣ живетъ этотъ человѣкъ?

— Онъ .. онъ эмигрировалъ. Вамъ трудненько было бы разъискать его.

— Конечно, я въ этомъ увѣренъ.

Маркъ всталъ и подошелъ къ окну, чтобы освѣжиться. Онъ нѣкоторое время молча глядѣлъ въ темную улицу. Когда это ему надоѣло, онъ вернулся на свое мѣсто.

— Вѣдь вы были большимъ другомъ Гольройда, Ашбёрнъ, не правда ли?—снова приступилъ къ допросу Каффинъ.—Не слыхали ли вы о томъ, что онъ занятъ однимъ большимъ сочиненіемъ? Говорилъ ли онъ вамъ, что онъ пишетъ книгу?

— Никогда,—сказалъ Маркъ,—а... вамъ развѣ говорилъ?

— Нѣтъ, тоже не говорилъ, но... вы, конечно, лучше его знали, чѣмъ я, и, быть можетъ, посмѣетесь надъ моими словами, но мнѣ всегда казалось, что онъ пишетъ романъ.

— Романъ!—повторилъ Маркъ.—Гольройдъ? Извините, дорогой Каффинъ, но въ самомъ дѣлѣ я не могу не разсмѣяться. Ваша мысль довольно забавна.

И онъ принялся громко хохотать, пока Каффинъ не замѣтилъ, съ нѣкоторымъ раздраженіемъ:

— Конечно, вы знали его ближе, но все же я не думаю, что сказалъ такую нелѣпость.

Каффина бѣсило, что Маркъ можетъ думать, что проведетъ его, и ему захотѣлось поглубже запустить въ него булавку и поглядѣть, какъ того станетъ корчить.

— Онъ былъ совсѣмъ не такого рода человѣкъ, чтобы писать романы,—сказалъ Маркъ, насмѣявшись до-сыта:—бѣдняга, онъ бы самъ посмѣялся надъ этой мыслью, какъ и я.

— Но вамъ успѣхъ былъ бы ему пріятенъ, неправда ли,—спросилъ Каффинъ.

Замѣчаніе это попало въ цѣль, какъ того и хотѣлъ его авторъ. На минуту у Марка занялся духъ; онъ могъ только вздох-

нуть и на этотъ разъ отъ души. Каффинъ прикинулся, что принялъ этотъ вздохъ за выраженіе недовѣрія:

— Неужели вы сомнѣваетесь въ этомъ?—спросилъ онъ.—Я увѣренъ, что Гольройдъ былъ бы такъ же доволенъ, какъ еслибы самъ написалъ эту книгу. Еслибы онъ вернулся назадъ, то вы увидѣли бы, что я правъ. Какая бы это была встрѣча, еслибы только она могла состояться.

— Безполезно говорить объ этомъ, — отвѣчалъ Маркъ довольно рѣзко.—Гольройдъ умеръ, бѣдняга, схороненъ на днѣ индійскаго океана. Мы никогда его больше не увидимъ.

— Кто знаетъ,—настаивалъ Каффинъ, зорко слѣдя за Маркомъ,—такія вещи бывали. Онъ можетъ еще вернуться и поздравить васъ съ успѣхомъ.

— Что вы хотите сказать? Онъ утонулъ, говорю я вамъ.. мертвые не возвращаются.

— Мертвые—да,—многозначительно замѣтилъ Каффинъ.

— Вы не хотите сказать, что онъ... что онъ живъ!

— А что, еслибы я сказалъ, что да?—спросилъ Каффинъ.— Желалъ бы я знать, какъ вы это примете?

Еслибы у него еще оставались какія-нибудь сомнѣнія, то впечатлѣніе, произведенное на Марка его словами, разсѣяло бы ихъ. Онъ, задыхаясь, упалъ на свое мѣсто и поблѣднѣлъ, какъ смерть. Потомъ, съ очевиднымъ усиліемъ, приподнялся, опираясь на ручки креселъ, и голосъ его былъ глухъ и прерывистъ, когда онъ наконецъ заговорилъ:

— Что такое? вы что-нибудь слышали? почему вы сразу не скажете? Скорѣе, скорѣе, говорите въ чемъ дѣло? Не играйте мною, прошу васъ.

Каффинъ почувствовалъ дикую радость, которую съ трудомъ подавилъ, но не могъ отказать себѣ въ удовольствіи помучить Марка еще немножко.

— Не волнуйтесь такъ, другъ мой,—спокойно сказалъ онъ:— мнѣ не слѣдовало заговаривать съ вами объ этомъ.

— Я вовсе не волнуюсь,—отвѣчалъ Маркъ,—я совсѣмъ спокоенъ... видите... говорите все, что вамъ извѣстно. Онъ... онъ живъ, значитъ... Вы слышали о немъ? Я... я могу перенести это.

— Нѣтъ, нѣтъ,—успокоивалъ Каффинъ,—вы ошибаетесь, вы не должны питать ложныхъ надеждъ, Ашбёрнъ. Я ничего не слыхалъ о немъ. Вы сами знаете, что его не было ни въ одной изъ спасательныхъ лодокъ; нѣтъ никакой надежды на то, чтобы онъ былъ въ живыхъ.

Въ его разсчеты вовсе не входило слишкомъ напугать Марка

и сразу дать ему понять, что онъ проникъ его тайну. Опытъ удался ему; онъ зналъ теперь все, что ему нужно, и этого было съ него пока довольно.

Лицо Марка сначала выразило успокоеніе, но затѣмъ снова омрачилось, когда онъ проговорилъ, почти шопотомъ:

— Я думалъ, что... но зачѣмъ же вы толковали про мертвыхъ, которые не умерли, и про то, что они иногда возвращаются?

— Не сердитесь, пожалуйста. Я не зналъ, что вы такъ его любите, иначе не сдѣлалъ бы этого. Помните, какой-то авторъ гдѣ-то говоритъ о томъ, какую холодную встрѣчу нашли бы мертвецы, еслибы были такъ неразумны, что вернулись бы назадъ. Я не помню въ точности словъ, но смыслъ тотъ. Ну, вотъ я и подумалъ, знаете ли, что еслибы бѣдный Гольройдъ вернулся, то обрадовался ли бы кто-нибудь ему, а такъ какъ вы были самымъ короткимъ его пріятелемъ, то я попробовалъ, какъ бы вы это приняли? Сознаюсь, что это было легкомысленно. Я никакъ не ожидалъ, что вы такъ близко примете это къ сердцу. Вѣдь вы побѣлѣли, какъ полотно, и дрожали съ ногъ до головы. Я, право, очень сожалѣю.

— Это было не по-пріятельски съ вашей стороны,—сказалъ Маркъ, приходя въ себя.—Очень тяжело для человѣка, если ему подадутъ надежду, что его пріятель, котораго онъ считалъ умершимъ, живъ, и потомъ вдругъ... вы не должны удивляться, что это такъ потрясло меня.

— Я и не удивляюсь,—отвѣчалъ Каффинъ,—я вполнѣ это понимаю. Но, значитъ, онъ еще не совсѣмъ забытъ. Онъ нашелъ въ васъ друга, который все еще помнитъ его... хотя со времени его смерти прошло уже полгода. Многіе ли изъ насъ могутъ на это разсчитывать? Вы, значитъ, очень любили его?

— Да, очень,—съ тяжелымъ вздохомъ произнесъ эту ложь Маркъ.—Я никого не могу больше такъ любить, какъ его.

(„Какъ онъ славно, однако, притворяется,—подумалъ Каффинъ:—мнѣ будетъ очень занимательно его дразнить").

— Можетъ быть,—предложилъ онъ,—для васъ было бы пріятно поговорить о немъ съ человѣкомъ, который его такъ же коротко зналъ, какъ и вы, хотя и не былъ такъ близокъ.

— Благодарю,—отвѣчалъ Маркъ,—со временемъ, пожалуй, но еще не теперь.

— Хорошо, я не буду больше тревожить васъ, пока вы сами объ этомъ не заговорите; а теперь, скажите, вы простили меня?

— Да, да, но мнѣ пора идти,—объявилъ Маркъ.

Ужасъ, испытанный имъ въ теченіе этихъ нѣсколькихъ ми-

нуть, когда онъ думалъ, что съ него готовятся сорвать маску, все еще не вполнѣ прошелъ и, идя домой, онъ жестоко казнился за то, что подвергъ себя такой страшной опасности, пока наконецъ не сообразилъ, что въ сущности ничего серьезнаго не случилось.

Что касается Каффина, то послѣ того, какъ самыя дикія мечты его о мести осуществились, и онъ убѣдился, что онъ держитъ въ своихъ рукахъ средство отплатить Марку Анибёрну сторицей, онъ почувствовалъ всю сладость своей власти надъ нимъ и единственнымъ терніемъ въ ней было то, что онъ еще не зналъ, какъ ему лучше воспользоваться своимъ открытіемъ. Въ настоящее время онъ рѣшилъ оставить пока Марка въ покоѣ и выжидать болѣе благопріятной минуты для приведенія въ исполненіе своихъ мстительныхъ плановъ.

XXIII.

Отвѣтъ Мабель.

Лѣто протекало и надежды Марка на счастье осуществились настолько, насколько могутъ осуществиться подобныя надежды. Онъ часто видался съ Мабель и она очевидно къ нему благоволила. Она выжидала момента его появленія на гуляньяхъ и въ гостиныхъ и ловила себя на томъ, что припоминаетъ въ его отсутствіе его слова и взгляды.

Маркъ все еще возился съ своими „Звонкими колоколами", потому что намѣревался поразить ими міръ. Денежныя дѣла его процвѣтали, такъ какъ дядя сдержалъ обѣщаніе и вполнѣ обезпечилъ его. Съ семьей своей онъ примирился и хотя отношенія между ними, за исключеніемъ, разумѣется, Трикси, были очень натянутыя, и скорѣе оффиціальныя, нежели дружескія, но открытой ссоры не было. Трикси, съ своей стороны, сообщила Марку пока по секрету, что намѣревается выйти замужъ за одного молодого живописца и познакомила Марка съ его будущимъ зятемъ. Маркъ не нашелъ основанія особенно неодобрительно отнестись къ ея выбору, хотя про себя и подумалъ, что будущій мужъ сестры—простоватый малый и черезъ-чуръ фамиліарный въ обращеніи. Вскорѣ затѣмъ онъ отправился въ Шварцвальдъ, вмѣстѣ съ Каффиномъ, уговорившимъ Марка ему сопутствовать. Каффинъ думалъ, что ему будетъ забавно и интересно имѣть постоянно подъ рукою свою жертву, но на дѣлѣ вышло нѣсколько иначе.

Во-первыхъ, Маркъ до того позабылъ свои страхи, что оставался глухъ ко всякимъ, самымъ злымъ, намекамъ на Гольройда. Онъ постоянно думалъ о Мабель и мысль с ней до того поглощала его, что невозможно было привлечь его вниманіе къ чему-нибудь другому. Во-вторыхъ, мало-по-малу въ чувствахъ къ нему Каффина произошла удивительная перемѣна. Ненависть смѣнялась въ немъ съ чѣмъ-то, похожимъ на дружелюбіе. Время и перемѣна мѣста сдѣлали свое, а, кромѣ того, Маркъ такъ явно восхищался имъ и считалъ его умнѣйшимъ и пріятнѣйшимъ собесѣдникомъ, что это обезоруживало Каффина. Вѣдь извѣстно, что самые дурные люди становятся въ нашихъ глазахъ менѣе дурны, когда мы откроемъ, что они очень высокаго о насъ мнѣнія. Ко всему этому примѣшалось и еще одно, очень важное, обстоятельство. Во время своего путешествія по Шварцвальду, Каффинъ столкнулся съ Джильдой Физерстонъ и вполнѣ убѣдился, что эта молодая особа къ нему неравнодушна. Это примирило его съ пренебреженіемъ Мабели и открыло передъ нимъ такую заманчивую перспективу, что онъ окончательно махнулъ рукой на прошлое и ко времени возвращенія въ Англію рѣшилъ предоставить Марку быть счастливымъ, какъ ему хочется.

Маркъ одинъ вернулся въ Лондонъ, такъ какъ Каффинъ вмѣстѣ съ Физерстонами поѣхалъ гостить въ ихъ помѣстье. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Лондонъ, Маркъ отправился съ визитомъ къ Лангтонамъ. Мабель даже удивилась тому, какъ она обрадовалась Марку. Она поджидала его и съ удовольствіемъ думала о предстоящемъ свиданіи, но не думала, что сердце ея такъ бѣшено запрыгаетъ въ груди отъ радости при встрѣчѣ съ глазами Марка, съ нескрываемымъ восторгомъ обращенными на нее. „Неужели онъ мнѣ такъ милъ?“ спросила она сама себя и должна была сознаться, что—да.

Маркъ могъ теперь свободно располагать своимъ временемъ, такъ какъ отказался отъ должности учителя въ школѣ св. Петра, хотя м-ръ Шельфордъ крѣпко убѣждалъ его не полагаться на одни литературныя занятія и держать про запасъ еще другую какую-нибудь профессію.

— Наступитъ день,—говорилъ онъ,—когда ваше вдохновеніе истощится и тогда вы останетесь не причемъ. Почему вы не держите юридическаго экзамена?

— Потому что не хочу быть связаннымъ,—отвѣчалъ Маркъ. —Мнѣ нужно побольше бывать въ свѣтѣ и наблюдать нравы и людей. Я хочу наслаждаться жизнью.

— Смотрите, не просчитайтесь,—замѣтилъ м-ръ Шельфордъ.

— Я знаю, что вы въ меня не вѣрите,—сказалъ Маркъ.— Вы, думаете, что я ничего не напишу лучше „Иллюзіи". Ну, а я вѣрю въ свои силы. Я надѣюсь, что моего вдохновенія хватитъ на всю жизнь. Право же я очень сильно работаю. У меня уже почти готовы два романа.

— Смотрите, не испишитесь. Публика не прощаетъ неудачи, —твердилъ недовѣрчивый Шельфордъ.

Вскорѣ послѣ этого разговора Маркъ отвезъ свой романъ „Звонкіе колокола" Чильтону и Фладгэту и назначилъ за него такую цѣну, которая самому ему казалась чрезмѣрной. Дня черезъ два или три, онъ получилъ записку отъ издателей, въ которой его просили побывать въ конторѣ и въ назначенное время онъ засталъ въ ней обоихъ партнеровъ, дожидавшихся его. М-ръ Чильтонъ былъ длинный, худой человѣкъ, занимавшійся исключительно финансовой стороной дѣла.

— Мы согласны принять ваши условія съ нѣкоторыми измѣненіями,—сказалъ онъ.

— Какъ вы думаете: будетъ имѣть моя книга успѣхъ?— спросилъ Маркъ, не въ силахъ скрыть своей тревоги.

— Всякая книга автора „Иллюзіи" заслуживаетъ вниманія, — отвѣчалъ м-ръ Чильтонъ.

— Но вамъ она нравится?—настаивалъ Маркъ.

М-ръ Чильтонъ кашлянулъ.

— Я не могу выразить вамъ никакого мнѣнія. Я не судья въ этихъ вещахъ. Фладгэтъ прочиталъ книгу; онъ вамъ скажетъ, что́ о ней думаетъ.

Но м-ръ Фладгэтъ молчалъ и какъ Марку ни хотѣлось узнать его мнѣніе, но онъ былъ слишкомъ самолюбивъ, чтобы настаивать. Какъ бы то ни было, а издатели потребовали значительной сбавки требуемой имъ суммы и въ поясненіе м-ръ Фладгэтъ рѣшился наконецъ допустить, что не считаетъ „Звонкіе колокола" произведеніемъ, достойнымъ перваго романа Марка, и не совѣтуетъ выпускать его въ свѣтъ раньше весны.

— Понимаю,—сказалъ обиженный Маркъ,—вы не думаете, чтобы книга имѣла успѣхъ.

— О!—отвѣчалъ м-ръ Фладгэтъ, неопредѣленно махая рукой:—я не говорю этого; случай играетъ большую роль въ этихъ дѣлахъ. Но сознаюсь, что въ ней нѣтъ тѣхъ качествъ, которыя очаровали меня въ „Иллюзіи". Мнѣ сдается, что это болѣе юное произведеніе, но оно можетъ понравиться толпѣ, хотя, разумѣется написано совсѣмъ въ другомъ родѣ.

Маркъ ушелъ отъ издателей, повѣся носъ, но скоро увѣрилъ

себя, что издатель вѣдь не есть непогрѣшимый судья литературнаго достоинства книги и кромѣ того фирмѣ выгодно унижать ея значеніе, пока идутъ переговоры о гонорарѣ. Тѣмъ не менѣе онъ не могъ вполнѣ разсѣять свою тревогу. Тѣмъ временемъ наступилъ день рожденія Долли и онъ былъ приглашенъ на этотъ семейный праздникъ. У Долли было пропасть гостей, дѣвочекъ и мальчиковъ, и они совсѣмъ завладѣли Маркомъ. Дѣло дошло до того, что подъ конецъ Маркъ превращенъ былъ въ слона и долженъ былъ возить на спинѣ расходившихся ребятъ. Сначала Марку была какъ будто и обидна такая роль и онъ былъ радъ, что Мабель не видитъ его униженія, но затѣмъ онъ до того увлекся игрой и вошелъ въ свою роль, что совершенно забылъ о своемъ достоинствѣ въ тотъ моментъ, какъ Мабель появилась въ дѣтской. Каффинъ (вернувшійся отъ Физерстоновъ) стоялъ въ дверяхъ позади нея и глядѣлъ съ улыбкой сстраданія на эту сцену. Но Мабель не нашла въ ней ничего смѣшного и напротивъ подумала, что такая готовность со стороны Марка жертвовать собой для чужого веселья, дѣлаетъ величайшую честь его характеру.

— Не вставайте, Ашбёрнъ, прелестно видѣть васъ въ такомъ видѣ,—сказалъ Каффинъ.—Не каждый день удастся созерцать знаменитаго автора, ползающаго на четверенькахъ.

— Я и не могу встать, если бы и хотѣлъ,—отвѣчалъ Маркъ.

Въ самомъ дѣлѣ маленькій, но очень шустрый мальчикъ сидѣлъ въ эту минуту на спинѣ у Марка и, воображая, что дѣлаетъ дѣло, усердно колотилъ по ней половой щеткой.

— Какой стыдъ!—закричала Мабель.—Томми, дрянной мальчикъ, ты ушибешь м-ра Ашбёрна.

— Я думаю, что я теперь такъ прирученъ, что меня уже можно перевезти на корабль,—замѣтилъ Маркъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ,—сострадательно отвѣчала Мабель.—Томми, пусти слона, ты его уже приручилъ.

— У Джембо были связаны ноги,—протестовалъ маленькій мальчикъ, наклонный къ реализму.

— Это врядъ ли необходимо, мистеръ Томми, — убѣждалъ Маркъ,—право же я достаточно сталъ ручнымъ, поглядите, какіе у меня кроткіе глаза.

— Довольно играть!—съ рѣшимостью объявила Мабель.—М-ръ Ашбёрнъ, ваше пребываніе въ слонахъ окончено. Вы возвращаетесь въ среду людей. Томми, иди сюда и застегни мнѣ перчатку, будь хорошій мальчикъ. Какъ вамъ жарко, м-ръ Ашбёрнъ.

Пойдемте на верхъ всѣ. М-ръ Каффинъ прочтетъ намъ что-нибудь, а мы послушаемъ.

Миссисъ Лангтонъ попросила Каффина занять дѣтей.—Я не хочу, чтобы они слишкомъ много танцовали,—говорила она. Имъ нужно простыть до ужина.

— Хорошо, я ихъ простужу,—подумалъ Каффинъ, поддаваясь одному изъ своихъ странныхъ припадковъ тайной злости. И согласно этому побужденію, онъ продекламировалъ имъ маленькую поэмку, въ которой бѣдное дитя умираетъ съ голоду на чердакѣ, мечтая о богатыхъ и счастливыхъ дѣтяхъ, которымъ сытно, тепло и весело. Эта поэма произвела очень тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ дѣтей, а нѣкоторыя, болѣе чувствительныя даже расплакались. Послѣ этого, онъ разсказалъ исторію о привидѣніяхъ до того страшную, что многія дѣти плохо спали ночь подъ ея вліяніемъ.

Мабель слушала съ пылающимъ негодованіемъ. Она хотѣла-было его остановить, но въ комнату входили одинъ за другимъ взрослые гости и она побоялась, какъ бы не вышло чего-нибудь похожаго на сцену. Но по окончаніи представленія не преминула высказать Каффину то, что̀ о немъ думала.

— О, дѣти любятъ, чтобы у нихъ мурашки бѣгали отъ страху,—отвѣтилъ, пожавъ плечами, Каффинъ: — это одно изъ дѣтскихъ наслажденій.

— Но вовсе нездоровое,—отвѣчала она.—Впрочемъ я знаю, у васъ свои собственныя теоріи на счетъ того, какъ надо забавлять дѣтей.

Въ ней проснулось отвращеніе къ его прежней предательской выходкѣ.

Онъ холодно и зорко взглянулъ на нее и линіи вокругъ его рта стянулись.

— Вы еще мнѣ не простили,—проговорилъ онъ.

— Я не могу забыть,—отвѣтила она тихо.

— У насъ обоихъ хорошая память, — возразилъ онъ съ короткимъ смѣхомъ и приподнялъ портьеру, пропуская ее въ дверь.

Послѣ ужина, Маркъ пригласилъ Мабель на вальсъ и попросилъ позволенія не танцовать, а посидѣть съ ней и поговорить. Она согласилась и усѣлась съ нимъ въ маленькой оранжереѣ, помѣщавшейся въ концѣ амфилады комнатъ.

— Когда мы вернемся въ гостиную,—сказала Мабель,—я представлю васъ миссисъ Торрингтонъ; она большая поклонница вашей книги. Но вѣдь вы, правда, не любите, чтобы о ней говорили.

— Я бы отъ души желалъ никогда больше ни слова о ней не слышать,—произнесъ Маркъ угрюмо.—Я... я прошу васъ извинить меня, это похоже какъ бы на неблагодарность. Но... еслибы вы знали... если бы только вы знали...

Онъ былъ какъ разъ въ томъ мрачномъ настроеніи, когда скелетъ, спрятанный въ его буфетѣ, выходилъ наружу и глядѣлъ ему въ лицо. Какое право имѣлъ онъ, съ такой гнусной тайной на душѣ, допускать самыя простыя, дружескія отношенія съ такой высоко благородной дѣвушкой? Чтò бы она ему сказала, если бы знала? И на минуту имъ овладѣло безумное желаніе все ей разсказать.

— Скажите, чтò васъ мучитъ,—какъ бы отвѣтила она на его мысль. Но услыхавъ свою тайную мысль, выраженную въ словахъ, онъ отрезвился. Она станетъ, она должна будетъ презирать его. И поэтому онъ высказалъ ей только часть правды.

— Я усталъ быть прикованнымъ къ книгѣ,—пылко проговорилъ онъ.—Да, я прикованъ къ книгѣ! Я самъ сталъ книгой. Каждый, съ кѣмъ я сталкиваюсь, видитъ во мнѣ не человѣка, а автора, котораго надо критиковать, и разбираетъ, такимъ ли онъ является на дѣлѣ, какъ въ книгѣ.

Хотя это была только половина правды, но тѣмъ не менѣе болѣе искренняя, чѣмъ это бываетъ въ подобныхъ случаяхъ.

— Ваша книга—часть васъ самихъ,—отвѣчала Мабель:—право даже нелѣпо съ вашей стороны такъ ревниво относиться къ ней.

— А между тѣмъ я къ ней ревную, не всѣхъ конечно, но когда я съ вами, то это терзаетъ меня. Когда вы со мной любезны, я говорю себѣ: она бы такъ не говорила, она бы такъ не поступала, если бы я не былъ авторомъ „Иллюзіи". Она цѣнитъ книгу, только книгу.

— Какъ это несправедливо,—отвѣчала Мабель.

Она не могла объяснить себѣ этого въ немъ извращеннымъ тщеславіемъ. Онъ очевидно слишкомъ низко цѣнилъ свое произведеніе и популярность раздражала его. Она могла только сожалѣть о немъ.

— Но я вижу доказательство этому въ другихъ людяхъ,—продолжалъ Маркъ,—въ людяхъ, которые сначала не знаютъ, что я „Кириллъ Эристонъ". Еще на дняхъ кто-то даже извинялся передъ мной за то, что не обращалъ на меня никакого вниманія—„пока не зналъ, кто я". Я конечно не жалуюсь на это, я не такой идіотъ, но это меня заставляетъ вообще сомнѣваться въ отношеніи ко мнѣ людей. И это сомнѣніе мнѣ всего тяжелѣе, когда я думаю о васъ.

Глаза его съ мольбой глядѣли на нее; онъ повидимому желалъ, но не смѣлъ сказать больше. Сердце Мабель забилось сильнѣе; такое самоуничиженіе передъ нею человѣка, котораго она такъ высоко ставила, было необыкновенно лестно. Объяснится ли онъ до конца или подождетъ? Ей бы хотѣлось, чтобы онъ еще подождалъ немного. И она молчала, боясь, можетъ быть, сказать слишкомъ много.

– Но я знаю, что это такъ будетъ,—продолжалъ Маркъ:—книга будетъ забыта при первой же литературной новинкѣ и меня забудутъ вмѣстѣ съ ней. Вы будете видѣть меня все рѣже и рѣже, пока наконецъ, встрѣтясь на улицѣ, не узнаете и станете ломать голову, кто я такой и гдѣ вы меня видѣли.

— Не думаю, чтобы я дала вамъ право говорить это,—сказала она, оскорбленная его тономъ:—вы должны знать, что ничего такого не можетъ быть.

— Скажите мнѣ...—и голосъ его задрожалъ...—если бы... если бы я не написалъ этой книги, которая имѣла счастіе вамъ понравиться... если бы я встрѣтился съ вами просто, какъ Маркъ Ашбёрнъ, въ жизнь не написавшій ни одной строчки, были ли бы вы ко мнѣ такъ же добры, какъ теперь... съ такимъ же ли вы относились бы ко мнѣ интересомъ? Постарайтесь отвѣтить мнѣ... Вы не знаете, какъ это для меня важно!

Мабель попыталась-было перевести разговоръ на безличную почву.

— Разумѣется,—сказала она,—очень часто интересуешься человѣкомъ, который что-либо произвелъ, но за то если встрѣтишь его и онъ не понравится, это становится еще непріятнѣе отъ того, что въ немъ разочаровался. Я думаю, что это нѣкотораго рода реакція.

— Скажите мнѣ,—умолялъ Маркъ,—неужели и со мной это было.

— Если бы это было,—мягко произнесла она,—неужели я бы вамъ это сказала?

Что-то въ ея голосѣ придало Марку смѣлости.

— Значитъ, вы меня немножко любите?—воскликнулъ онъ.—Мабель, я могу теперь высказаться. Я полюбилъ васъ съ первой минуты, какъ увидѣлъ въ старой деревенской церкви. Я не хотѣлъ вамъ говорить этого до поры, до времени. Но не могу дольше молчать. Я не могу больше безъ васъ жить! Мабель, хотите быть моей женой?

Она довѣрчиво протянула ему обѣ руки, говоря:

Да, Маркъ.

Они больше ни слова не говорили, онъ держалъ ея руки въ своихъ, едва смѣя вѣрить въ осуществленіе своей мечты, когда чьи-то легкіе шаги послышались въ дверяхъ. То былъ Каффинъ, который поспѣшилъ поправить стеклышко въ глазу, чтобы скрыть, что вздрогнулъ при видѣ ихъ.

— Меня просила одна дама поискать здѣсь ея вѣера,—сказалъ онъ.—Очень жалѣю, что помѣшалъ вамъ, Ашбёрнъ, вѣеръ за вами, передайте мнѣ его, пожалуйста.

Маркъ повиновался, чувствуя, что этотъ прозаическій перерывъ разрушилъ все очарованіе. Къ счастію это случилось уже тогда, когда дѣло было сдѣлано.

Когда они уходили отъ Лангтоновъ, Каффинъ хлопнулъ Марка по плечу, проговоривъ съ натянутымъ смѣхомъ:

— Какой вы счастливый смертный! все вамъ досталось на долю: слава, богатство и прелестная дѣвушка; смотрите, берегитесь, боги вѣдь завистливы!

XXIV.

Свадебные визиты.

М-ръ Лангтонъ, узнавъ, что Маркъ Ашбёрнъ желаетъ стать его зятемъ, очень прозаически взглянулъ на это дѣло.

— Я бы желалъ,—сказалъ онъ,—чтобы у васъ было болѣе обезпеченное положеніе; я знаю, что вы написали книгу, имѣвшую очень большой успѣхъ, но надо удостовѣриться еще въ томъ, что и дальнѣйшія ваши произведенія встрѣтятъ такой же лестный пріемъ у публики, а до тѣхъ поръ, извините, я не могу дать вамъ никакого положительнаго отвѣта.

И этого рѣшенія м-ръ Лангтонъ держался довольно твердо, не смотря на то, что въ душѣ былъ пораженъ суммой, вырученной Маркомъ за свой второй романъ и представлявшей порядочный годовой доходъ.

Но тутъ выступилъ на сцену дядюшка Соломонъ и это круто повернуло все дѣло. Онъ былъ польщенъ и тѣмъ, что племянникъ взялъ его въ повѣренные, и тѣмъ, что онъ такъ „высоко мѣтилъ". Эти соображенія заставили его предложить свое посредничество. Средство было отчаянное и Маркъ сомнѣвался въ томъ впечатлѣніи, какое произведетъ появленіе на сценѣ его дядюшки, но результатъ вышелъ неожиданно благопріятный. М-ръ Лайтовлеръ былъ слишкомъ осторожный человѣкъ, чтобы связать себя опредѣленными обѣщаніями, но онъ далъ понять, что онъ „горячій человѣкъ", и что Маркъ его любимый племянникъ, для ко-

тораго онъ уже много сдѣлалъ и сдѣлаетъ еще больше, если тотъ будетъ хорошо себя вести. Послѣ свиданія, на которомъ это было заявлено, м-ръ Лангтонъ сталъ думать, что въ сущности Маркъ Ашбёрнъ былъ уже не такая плохая партія для его дочери и что она могла бы хуже выбрать. Миссисъ Лангтонъ съ самаго начала благоволила къ Марку, насколько ей позволяла ея лѣнивая и равнодушная натура, а тотъ фактъ, что у него есть „надежды", заставилъ ее окончательно стать на его сторону. Конечно, онъ не былъ „блестящая" партія, но все же болѣе выгодный женихъ, нежели всѣ тѣ молодые люди, которые возбуждали въ послѣднее время ея материнскія опасенія. Кромѣ того по завѣщанію своего дѣдушки, Мабель, придя въ возрастъ, должна была получить такое состояніе, которое во всякомъ случаѣ обезпечивало ее отъ нужды.

Всѣ эти соображенія возъимѣли свое дѣйствіе и м-ръ Лангтонъ, видя, какъ сильно дочь его влюблена, далъ свое согласіе и даже дозволилъ себя убѣдить, что нѣтъ причины откладывать свадьбу и можно съиграть ее весною. Онъ поставилъ только два условія: первое, чтобы Маркъ застраховалъ свою жизнь, какъ водится, и чтобы онъ отказался отъ своего псевдонима и чтобы на слѣдующемъ изданіи „Иллюзіи" и на всѣхъ его дальнѣйшихъ произведеніяхъ стояло его настоящее имя.

— Я не люблю никакихъ инкогнито,— говорилъ онъ,—если вы пріобрѣли себѣ славное имя, то мнѣ кажется вполнѣ законно, чтобы ваша жена и дѣти пользовались имъ.

Маркъ охотно согласился на то и на другое.

М-ръ Гомпеджъ, какъ можно себѣ представить, не былъ доволенъ этой помолвкой. Онъ написалъ письмо, гдѣ торжественно предостерегалъ Мабель и ея отца и такъ какъ письмо его не имѣло никакого дѣйствія, замкнулся въ оскорбленное молчаніе. Если Гарольдъ Каффинъ и былъ настолько вѣжливъ, чтобы поддакивать дядюшкѣ, когда находился въ его обществѣ, то вообще относился съ полнымъ равнодушіемъ къ удачѣ Марка. Онъ дружелюбно встрѣчался съ Мабель и терпѣливо выслушивалъ похвалы ея матери своему будущему зятю. Со времени его осенняго пребыванія въ помѣстьѣ Фиверстоновъ, въ его положеніи произошли такія перемѣны, которыя вполнѣ объясняли его философское отношеніе къ дѣлу: онъ такъ съумѣлъ обойти богатаго купца, что тотъ, не смотря на предостереженія жены, предложилъ молодому актеру бросить сцену и занять освободившееся мѣсто прикащика въ собственной роскошной торговой конторѣ м-ра Физерстона въ Сити.

Представленіе Мабели семейству Марка не было особенно удачно; Маркъ сожалѣлъ, что не предупредилъ своихъ домашнихъ о предстоящемъ визитѣ, когда звонилъ у дверей родительскаго дома и увидѣлъ въ окно растерянныя лица. Ихъ заставили очень долго ждать въ сырой и холодной гостиной, гдѣ красовались разныя безобразія изъ фарфора, стекла и воска, пока наконецъ Маркъ не заходилъ въ нетерпѣніи по комнатѣ, а у Мабель, не смотря на всю ея любовь, не сжалось болѣзненно сердце. Она знала, что родители Марка люди не богатые, но не ожидала ничего подобнаго этой безобразной комнатѣ. Когда миссисъ Ашбёрнъ, находившая, что для такого случая не мѣшало принарядиться, появилась въ дверяхъ, то видъ ея тоже не могъ смягчить впечатлѣнія, произведеннаго ея гостиной. Она не то, чтобы была вульгарна, но жестка, ограниченна и не умна, какъ нашла Мабель. Дѣло въ томъ, что мысль, что ее захватили врасплохъ, окончательно лишила миссисъ Ашбёрнъ способности радушно встрѣтить гостей, а при взглядѣ на хорошенькое платье Мабель, она немедленно рѣшила, что ея будущая невѣстка расточительна и „суетна" и что между ними не можетъ быть ничего общаго. Въ послѣднемъ она вѣроятно не ошиблась, такъ какъ всѣ усилія Мабель поддержать разговоръ не увѣнчались успѣхомъ. Марта, отчасти по застѣнчивости, отчасти же по недоброжелательству, молчала все время, какъ убитая. Одна Трикси, которой невѣста Марка сразу понравилась, была любезна, но это не могло загладить неласковости ея матери и сестры. Маркъ, раздосадованный и пристыженный, чувствовалъ себя совсѣмъ парализированнымъ ихъ вліяніемъ.

На обратномъ пути, онъ былъ необыкновенно молчаливъ отъ мысли, что свиданіе съ его родными произвело тяжелое впечатлѣніе на Мабель. И то обстоятельство, что Мабель ничего о немъ не говорила, только подтверждало его опасенія.

Наконецъ онъ заговорилъ:

— Ну что, Мабель, — сказалъ онъ, заглядывая ей въ глаза съ робкой улыбкой,—вѣдь я правъ былъ, когда предупреждалъ тебя, что матушка немного... строга.

— Да,—отвѣчала Мабель откровенно,—мы съ ней не сошлись. Но, можетъ быть, со временемъ... а хотя бы и нѣтъ, то вѣдь у меня остаешься ты.

И она положила ему руку на рукавъ пальто, взглянувъ на него такъ довѣрчиво и радостно, что хотя совѣсть у него и была нечиста, но опасенія разсѣялись.

XXV.

Ударъ грома при ясномъ небѣ.

Время проходило; наступила Святая, очень ранняя въ этомъ году, и тоже прошла. Всѣ приготовленія къ свадьбѣ были окончены, и Маркъ сталъ дышать свободнѣе по мѣрѣ приближенія къ счастливому концу.

Въ одинъ холодный день, въ концѣ марта, Маркъ шелъ черезъ паркъ изъ своей квартиры на Малахову террасу съ запиской, которую Мабель поручила ему передать Трикси и принести отвѣтъ. Хотя Мабель и не сошлась съ остальными членами его семьи, но очень подружилась съ младшей сестрой Марка, единственной, которая, казалось ей, понимаетъ Марка и цѣнитъ его какъ слѣдуетъ. Маркъ чувствовалъ себя особенно хорошо и весело. По дорогѣ онъ прошелъ мимо уличной пѣвицы, старой женщины, въ жалкомъ рубищѣ, съ рѣзкими чертами лица, нѣкогда прекрасными и блестящими черными глазами; она пѣла какую-то давно всѣми позабытую пѣсню остатками нѣкогда большого голоса. Счастливый Маркъ не могъ не пожалѣть ее, и сунувъ ей въ руку серебряную монету, почувствовалъ суевѣрную радость, услышавъ ея благословенія и пожеланія всяческаго благополучія... точно она могла имѣть вліяніе на его судьбу.

На Малаховой террасѣ онъ не засталъ никого, кромѣ Трикси, которая объявила, что на его имя пришло письмо, и побѣжала за нимъ.

Маркъ терпѣливо дожидался въ маленькой пріемной, гдѣ во времена оны готовилъ свои уроки и гдѣ выкурилъ первую сигару въ свои первые каникулы, пріѣхавъ изъ Кембриджа. Онъ улыбался, вспоминая о томъ, съ какою гордостью курилъ онъ эту сигару и какъ его потомъ тошнило. Онъ продолжалъ улыбаться, когда вернулась Трикси.

— Кто у тебя знакомый въ Индіи, Маркъ?—спросила она съ любопытствомъ:—можетъ быть, это какой-нибудь поклонникъ твоей книги? Я надѣюсь, что оно не спѣшное, а если и такъ, то не наша вина, что оно... Маркъ!—вскрикнула она, взглянувъ на него,—тебѣ дурно?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Маркъ, становясь спиной къ свѣту, торопливо комкая письмо и суя его въ карманъ не распечатаннымъ, послѣ перваго взгляда на адресъ. — Конечно, нѣтъ, съ какой стати мнѣ будетъ дурно?

— Можетъ быть, письмо это непріятное?—приставала Трикси, —можетъ быть, это денежный счетъ?

— Не заботься объ этомъ письмѣ. Что ключи отъ буфета у тебя? Мнѣ бы хотѣлось выпить рюмку вина.

— Мама оставила по счастью ключи въ буфетѣ. Хочешь хересу или портвейну, Маркъ?

— Водки, если есть,—съ усиліемъ проговорилъ онъ.

— Водки! о, Маркъ! неужели ты пьешь водку по утру?—спросила она съ тревожнымъ предположеніемъ, что, быть можетъ, всѣ писатели обязательно пьютъ водку.

— Нѣтъ, нѣтъ; не говори глупостей; я хочу теперь выпить водки, потому что озябъ и боюсь простудиться. Вотъ теперь я опять сталъ человѣкомъ,—прибавилъ онъ со вздохомъ облегченія, обязательнымъ, какъ ему казалось, для человѣка, вылившаго въ ротъ рюмку алкоголя. Я больше не чувствую никакого озноба.

— Смотри, незаболѣй,—съ тревогой сказала она.—Ну, хорошо; значитъ, мы увидимся теперь уже въ церкви во вторникъ; ахъ, Маркъ! Я надѣюсь, что ты будешь очень, очень счастливъ!

Маркъ не отвѣчалъ и отвернулъ лицо.

— До свиданья,—сказала она,—не забудь моего порученія!

— Постой, что за порученіе? Ахъ, да! помню, передать твой поклонъ и что ты постараешься сдѣлать то, о чемъ она просила, такъ?

— Такъ, и еще скажи, что я сегодня получила отъ него письмо.

Онъ дико засмѣялся и повернувъ къ ней лицо, причемъ она увидѣла, какъ онъ былъ блѣденъ и разстроенъ, сказалъ:

— Ахъ, ты получила письмо, Трикси? ну и я также, и я также!

И прежде, чѣмъ она успѣла пристать къ нему съ разспросами, повернулся и ушелъ.

Сначала онъ шелъ по улицѣ и никакъ не могъ хорошенько собраться съ мыслями: онъ не прочиталъ письма; съ него довольно было марки и почерка на конвертѣ. Ударъ грянулъ изъ яснаго неба; вещь, представлявшаяся ему какимъ-то кошмаромъ, осуществилась, море выкинуло обратно свою жертву! Онъ шелъ далѣе; та же женщина въ томъ же оборванномъ платьѣ пѣла ту же самую пѣсню и онъ горько засмѣялся надъ тѣмъ, какая перемѣна произошла въ его жизни въ такое короткое время. Но онъ долженъ же прочитать письмо. Гольройдъ живъ! это онъ знаетъ. Но узналъ ли онъ объ его предательствѣ? Быть можетъ, въ этомъ письмѣ содержатся горькіе упреки. Онъ не успокоится,

пока не прочитаетъ письма, и однако не рѣшался читать его на улицѣ. Онъ подумалъ, что прочтетъ его въ Кенсингтонскомъ саду, въ какомъ-нибудь укромномъ уголкѣ. Но прежде нежели онъ успѣлъ это сдѣлать, судьба наслала на него человѣка, котораго онъ менѣе всѣхъ желалъ бы видѣть въ настоящую минуту, а именно: Гарольда Каффина.

XXVI.

Маркъ узнаетъ худшее.

Уклониться отъ Каффина нечего было и думать, а потому Маркъ пошелъ ему на-встрѣчу, стараясь казаться какъ можно спокойнѣе. Но отъ зоркихъ глазъ Каффина не могло укрыться, что Маркъ — самъ не свой. Каффинъ догадался, что что-то случилось и рѣшилъ допытаться, въ чемъ дѣло. Маркъ скоро увидѣлъ, что ему не отдѣлаться отъ пріятеля, и проговорился, что получилъ важное письмо, которое желалъ бы прочитать на свободѣ.

— Боже мой, отчего вы давно не сказали мнѣ этого, — закричалъ Каффинъ,—конечно, я не буду вамъ мѣшать, дружище. Читайте свое письмо, а я пока погуляю не вдалекѣ и подожду, пока вы кончите.

Послѣ этого Марку ничего не оставалось, какъ вынуть письмо изъ кармана и распечатать его дрожащими руками. Каффинъ, отходя отъ Марка, успѣлъ, однако, замѣтить и почтовую марку, и почеркъ адреса, и сейчасъ же догадался откуда письмо.

„Понимаю, въ чемъ дѣло,—подумалъ онъ.—Какъ-то онъ теперь выпутается? Желалъ бы я знать, признается онъ мнѣ или нѣтъ".

Маркъ тѣмъ временемъ читалъ письмо. Гольройдъ писалъ ему о своемъ чудесномъ избавленіи отъ смерти, о томъ, что его отецъ умеръ, что онъ самъ было вздумалъ управлять своими плантаціями, но убѣдился, что игра не стоитъ свѣчъ и продалъ свое помѣстье, хотя и не особенно выгодно, но все же за такую сумму, которая обезпечиваетъ ему безбѣдное существованіе. Письмо кончалось извѣщеніемъ о скоромъ его прибытіи въ Англію на пароходѣ „Коромандель" и просьбой выѣхать ему на встрѣчу въ Плимутъ.

Маркъ, дочитавъ письмо, вздохнулъ нѣсколько свободнѣе. Конечно, ужасно было думать, что человѣкъ, съ которымъ онъ поступилъ такъ гнусно, живъ, но все же утѣшительно то, что онъ ничего не знаетъ. Кромѣ того, если даже онъ выѣхалъ изъ Остъ-Индіи вмѣстѣ за письмомъ, то прибудетъ въ Англію не раньше,

какъ черезъ двѣ недѣли, а тогда онъ уже будетъ женатъ на Мабель. А затѣмъ будь, что будетъ, хотя бы свѣтопреставленіе.

Онъ былъ почти спокоенъ, когда всталъ и пошелъ на встрѣчу Каффину. Только руки его все еще дрожали и онъ уронилъ конвертъ, въ который хотѣлъ положить обратно письмо. Каффинъ обязательно поднялъ конвертъ и подалъ ему.

— Ашбёрнъ, дружище,—сказалъ онъ, идя рядомъ съ нимъ,— надѣюсь, что вы не сочтете нахальствомъ съ моей стороны, если я вамъ скажу, что кажется узналъ почеркъ этого письма и... отчего вы не хотите мнѣ сказать, отъ кого оно?

Маркъ предпочелъ бы ничего пока не говорить, но теперь нашелъ, что лучше уже сказать, чтобы не возбудить никакихъ подозрѣній. Спутникъ его обрадовался и очень громко выразилъ это.

— Какое счастіе! кто могъ бы этого ожидать, когда, помните, мы говорили о томъ, что мертвые никогда не возвращаются. Милый добрякъ Винцентъ! И вы говорите, что онъ скоро будетъ въ Англіи?

— Недѣли черезъ двѣ,—отвѣчалъ Маркъ,—онъ хочетъ, чтобы я его встрѣтилъ въ Плимутѣ.

— Отлично! но почему вы думаете, что онъ пріѣдетъ именно черезъ двѣ недѣли, вы смотрѣли на число, выставленное на письмѣ? нѣтъ! дайте-ка сюда. Вотъ поглядите, письмо-то вѣдь было пять недѣль въ дорогѣ; да, что! оно уже двѣ недѣли какъ пришло въ Англію!

— Оно залежалось у моихъ родныхъ,—сказалъ Маркъ, въ первую минуту не сообразивъ всей важности этого открытія.

— Да, но развѣ вы не понимаете, что Гольройдъ можетъ прибыть на дняхъ, можетъ быть, уже находится теперь въ Плимутѣ!

— Боже мой! — застоналъ Маркъ, забывъ всякое самообладаніе и чувствуя, что земля колеблется у него подъ ногами.

Каффинъ съ любопытствомъ наблюдалъ за нимъ, и это зрѣлище его очень забавляло.

— Отлично, неправда ли, вы не ожидали этого?

— Отлично!—пролепеталъ Маркъ.

— Что же вы намѣрены предпринять?

— Ничего, я буду ждать его прибытія.

— Однако, вы довольно хладнокровно относитесь къ нечаянно обрѣтенному другу, котораго всѣ считали умершимъ и который вдругъ оказался живъ.

— Неужели вы не понимаете, что именно въ настоящую минуту... въ виду того, что я... словомъ, даже самый дорогой другъ можетъ...

— Можетъ помѣшать! Ахъ, да! какой я недогадливый. Правда, онъ очень можетъ помѣшать, но какъ же быть! Потолкуемъ.

— Къ чему толковать?—безнадежно заявилъ Маркъ.

— Не лучше ли вамъ ѣхать въ Плимутъ?

— Нѣтъ, я не поѣду, какъ могу я теперь ѣхать?

— Ну да, я знаю, свадьба и все такое. Но вѣдь вы могли бы объяснить, что вынуждены отлучиться по дѣламъ на одинъ-то день.

— Къ чему? онъ явится ко мнѣ немедленно, какъ пріѣдетъ въ Лондонъ.

— Ну, нѣтъ, дружище, — сказалъ Каффинъ, — онъ прежде всего отправится къ Лангтонамъ. Развѣ вы не знаете, что онъ тамъ свой человѣкъ?

— Я слыхалъ отъ него, что онъ съ ними знакомъ,—сказалъ несчастный Маркъ, въ умѣ котораго пронеслась страшная мысль, что Гольройдъ узнаетъ все, благодаря какому-нибудь невинному замѣчанію Мабель.—Я не зналъ, что они такъ коротки.

— Пустите меня вмѣсто себя въ Плимутъ. Я встрѣчу Гольройда.

— Нѣтъ, ужъ лучше я самъ поѣду,—отвѣчалъ Маркъ.—Я долженъ первый увидѣть его.

— Но что же вы ему скажете?

— Ужъ это мое дѣло,—отрѣзалъ Маркъ.

— О! извините, я хотѣлъ только сказать, что если вы желаете безъ помѣхи жениться, то можете заразъ отдѣлаться на время отъ Гольройда, — а вѣдь вы хотите отъ него отдѣлаться, вамъ нечего стыдиться этого, я бы самъ этого хотѣлъ на вашемъ мѣстѣ,—и оказать мнѣ услугу. Скажите ему, что вы ѣдете заграницу черезъ день или два—вѣдь это правда, вы поѣдете провести медовый мѣсяцъ въ Швейцарію — и намекните ему, что Лангтоны тоже путешествуютъ на континентѣ. Тогда онъ согласится сопутствовать мнѣ на озера, куда меня посылаютъ доктора, и куда мнѣ страшно не хочется ѣхать одному. И ему будетъ полезенъ горный воздухъ и такой веселый спутникъ, какъ я. А потомъ онъ и самъ посмѣется надъ такимъ невиннымъ обманомъ.

Но Маркъ покончилъ съ обманами, какъ увѣрялъ себя.

— Я знаю самъ, что̀ скажу ему,—съ твердостью произнесъ онъ, намѣреваясь покаяться во всемъ передъ Гольройдомъ. Но Каффинъ, при всей своей проницательности, не понялъ его.

— Хорошо, я принимаю это за согласіе и завтра пробуду еще въ городѣ на всякій случай.

На этомъ они и разстались.

„Не лучше ли было бы сказать ему, что я все знаю? — подумалъ Каффинъ, оставшись одинъ.—Впрочемъ, нѣтъ; не надо запугивать. Онъ и безъ того сдѣлаетъ такъ, какъ я хочу".

Маркъ отправился къ Лангтонамъ обѣдать. Послѣ обѣда онъ сказалъ Мабель по секрету, что вынужденъ уѣхать изъ Лондона на день или два по очень важному дѣлу. Что ему очень не хотѣлось ѣхать—было такъ очевидно, что она поняла, что только крайняя необходимость могла заставить его уѣхать въ такое время и не стала допрашивать его о причинахъ. Она слишкомъ въ него вѣрила.

Но, прощаясь съ нимъ, проговорила.

— Вѣдь только на два дня, Маркъ, неправда ли?

— Только на два дня,—отвѣчалъ онъ.

— И скоро мы съ тобой соединимся на вѣки,—тихо сказала она съ счастливой ноткой въ голосѣ.—Такъ и быть, отпускаю тебя на два дня, Маркъ!

„Но до истеченія этихъ двухъ дней, она, можетъ быть, совсѣмъ отречется отъ него", подумалъ онъ и мысль эта сдѣлала для него особенно тягостной предстоящую разлуку. Онъ ушелъ и провелъ безсонную ночь, думалъ объ унизительномъ дѣлѣ, которое ему предстояло. Его единственный шансъ теперь не лишиться Мабель, это—признаться Гольройду въ своемъ вѣроломствѣ; онъ предложитъ ему своевременное возстановленіе всѣхъ его литературныхъ правъ. Онъ будетъ такъ горячо умолять его о прощеніи, что пріятель долженъ будетъ простить или, по крайней мѣрѣ, на время пощадить его. Онъ выпьетъ всю чашу униженія, если только это поможетъ ему сохранить Мабель. Онъ готовъ на все, только бы не лишиться ея. Еслибы онъ теперь лишился ея, когда счастіе было такъ близко, то навѣрное съума бы сошелъ.

Былъ холодный, туманный день, когда онъ выѣхалъ изъ Паддингтона, и онъ дрожалъ подъ плэдомъ, сидя въ вагонѣ; ему казались просто нестерпимыми встрѣчи и разставанья пассажировъ на различныхъ станціяхъ и ихъ веселая болтовня. Онъ радъ былъ бы столкновенію поѣздовъ, которое положило бы внезапный конецъ его мукамъ. Онъ радъ былъ бы всякой катастрофѣ, которая стерла бы его съ лица земли и вмѣстѣ съ его виной. Но никакого столкновенія не произошло и (хотя объ этомъ, пожалуй, и безполезно упоминать) земля не соскочила съ своей орбиты для его удовольствія. Поѣздъ благополучно доставилъ Марка на плимутскую платформу, и онъ долженъ былъ выпутываться изъ бѣды, какъ знаетъ. Наведя справки, Маркъ узналъ, что „Коро-

мандель" не прибылъ еще, но что его ожидаютъ сегодня вечеромъ. Послѣ этого Маркъ вернулся въ гостинницу, гдѣ остановился и пообѣдалъ или, вѣрнѣе сказать, пытался обѣдать въ большомъ кафе у ярко пылавшаго камина, пламя котораго не могло согрѣть его сердце, и затѣмъ пошелъ курить въ курительную комнату, гдѣ никого не было, кромѣ него и гдѣ онъ могъ сколько душѣ угодно глядѣть на кожаныя скамейки и мраморные столы, окружавшіе его, въ то время какъ до слуха его глухо долетали звуки музыки и аплодисментовъ изъ театра, помѣщавшагося рядомъ, и эти звуки разнообразились стукомъ шаровъ въ билліардной залѣ, находившейся въ концѣ корридора. Вошелъ слуга и объявилъ, что его спрашиваютъ, и выйдя въ сѣни, Маркъ увидѣлъ человѣка, съ виду похожаго на матроса, который подалъ ему карточку, а на ней значилось, что пароходъ отходитъ въ шесть часовъ утра отъ Мильбейской пристани и что къ этому времени „Коромандель" навѣрное уже прибудетъ въ гавань Плимута. Маркъ легъ спать въ своемъ нумерѣ съ такимъ чувствомъ, съ какимъ приговоренный къ смерти ложится въ своей кельѣ. Онъ боялся, что опять не будетъ спать всю ночь. Однако, сонъ посѣтилъ его на этотъ разъ, благодатный и безъ всякихъ видѣній, какъ это иногда бываетъ въ такихъ отчаянныхъ случаяхъ. Но, засыпая, онъ съ ужасомъ думалъ, что сонъ только быстрѣе перенесетъ его къ завтрашнему дню.

XXVII.

На палубѣ „Коромандела".

Было еще совсѣмъ темно, когда на слѣдующее утро стукъ сапогами въ дверь пробудилъ Марка къ тяжкому сознанію предстоявшей ему непріятной обязанности. Онъ одѣлся при свѣчахъ, спустился по безлюдной лѣстницѣ, зашелъ въ кофейную за шляпой и пальто, которые тамъ оставилъ, и вышелъ на улицу. Тѣмъ временемъ уже разсвѣло и небо было мрачно сѣраго цвѣта, съ проблесками на горизонтѣ бурныхъ, желтыхъ полосъ. Улицы были пустынны и изрѣдка развѣ попадался какой-нибудь ремесленникъ, спѣшившій на работу. На пристани стояла кучка людей, очевидно прибывшихъ сюда затѣмъ же, зачѣмъ и Маркъ, но гораздо болѣе веселыхъ. Ихъ веселость непріятно подѣйствовала на него и онъ сталъ поодаль, у двухъ небольшихъ пароходиковъ.

Пришелъ корабельный агентъ, и Маркъ сѣлъ на одинъ изъ пароходиковъ, который и отвезъ его на „Коромандель". Подходя

къ кораблю, Маркъ поглядѣлъ, не увидитъ ли Гольройда въ числѣ пассажировъ, стоявшихъ на палубѣ, но его тамъ не было. Поднявшись на палубу, онъ послѣдовалъ за толпой внизъ, въ столовую, гдѣ буфетчикъ накрывалъ завтракъ, но и тамъ Гольройда не оказалось. Маркъ насилу пробрался сквозь суетившуюся вокругъ него толпу людей и подошелъ къ буфетчику. Да, на кораблѣ находился джентльменъ, по имени Гольройдъ; онъ, кажется, здоровъ, насколько буфетчикъ могъ судить, хотя казался очень больнымъ, когда сѣлъ на корабль; теперь онъ въ своей каютѣ, собираетъ багажъ, чтобы высадиться на берегъ, но онъ сейчасъ былъ на палубѣ. Полу-довольный, полу-недовольный этой отсрочкой, Маркъ вышелъ изъ столовой, поднялся на палубу и простоялъ нѣсколько минутъ, разсѣянно глядя на происходившую вокругъ него суету, какъ вдругъ услышалъ за спиной хорошо знакомый голосъ, радостно кричавшій: — Маркъ, дружище, такъ ты все-таки пріѣхалъ, я боялся, что ты найдешь, что не стоитъ труда безпокоиться. Не могу выразить, какъ я радъ тебя видѣть!.. —и Маркъ съ виноватымъ лицомъ повернулся къ человѣку, котораго обидѣлъ.

„Очевидно, онъ ничего не знаетъ, иначе не встрѣтилъ бы меня такъ“, подумалъ Маркъ и судорожно сжалъ протянутую ему руку; лицо его было бѣло, какъ бумага, губы дрожали и онъ не могъ говорить.

Такое неожиданное волненіе съ его стороны тронуло Гольройда, и онъ ласково потрепалъ его по плечу.

— Понимаю, дружище, ты думалъ, что я утонулъ? Ну вотъ, однако, мы опять встрѣтились, и повѣрь, что я этому еще больше радъ, чѣмъ ты.

— Я не ожидалъ больше видѣть тебя,—проговорилъ Маркъ, когда обрѣлъ даръ слова,—и теперь просто не вѣрю своимъ глазамъ.

— Однако, я самъ своей персоной стою передъ тобой; какъ былъ, такъ и остался.

Въ сущности онъ очень перемѣнился; обросъ бородой, загорѣвшее, подъ вліяніемъ цейлонскаго солнца, лицо было худо, морщинисто, утратило прежнее мечтательное выраженіе, и когда онъ не улыбался, то казался угрюмѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ былъ прежде; да и въ манерахъ его Маркъ нашелъ какую-то непривычную твердость и рѣшимость.

На пароходѣ, знакомые, которыхъ пріобрѣлъ Гольройдъ во время пути, не позволили Марку переговорить съ нимъ по душѣ, и даже тогда, когда они высадились на берегъ и прошли черезъ таможенное чистилище, Маркъ не воспользовался случаемъ объяс-

ниться. Онъ зналъ, что рано или поздно долженъ будетъ говорить, но не спѣшилъ съ этимъ.

— Гдѣ ты думаешь остановиться?—спросилъ онъ Гольройда на лондонской станціи въ ожиданіи поѣзда, такъ какъ настоялъ, чтобы они тотчасъ же ѣхали въ Лондонъ, не отдыхая въ Плимутѣ, какъ это предлагалъ Маркъ.

— Не знаю самъ, вѣроятно, въ ближайшей гостинницѣ.

— Нѣтъ, не ѣзди въ гостинницу, остановись лучше у меня, — предложилъ Маркъ.

Онъ думалъ, что такимъ образомъ ему легче будетъ приступить къ своей исповѣди.

— Благодарю, — отвѣчалъ Гольройдъ съ признательностью, —ты очень добръ, милѣйшій, что предлагаешь мнѣ это. Хорошо, я остановлюсь у тебя, но... есть одинъ домъ, куда мнѣ надо немедленно отправиться по пріѣздѣ въ Лондонъ; ты вѣдь не разсердишься, если я на часокъ-другой оставлю тебя.

Маркъ вспомнилъ, что̀ говорилъ Каффинъ.

— Завтра успѣешь,—нервно замѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, — нетерпѣливо отвѣтилъ Гольройдъ: — я не могу ждать. Не смѣю. Я и то пропустилъ слишкомъ много времени... ты поймешь это, Маркъ, когда я объясню тебѣ, въ чемъ дѣло. Я не могу успокоиться, пока не узнаю, есть ли хоть какой-нибудь шансъ для меня на счастье, или же я опоздалъ и долженъ проститься съ своей мечтой.

Въ письмѣ, попавшемъ въ руки Каффина, Гольройдъ признавался Мабель въ любви, которую такъ долго скрывалъ. Онъ просилъ ее не рѣшаться слишкомъ поспѣшно. Объявлялъ, что будетъ ждать отвѣта и не будетъ торопить ее. Быть можетъ, ему самому хотѣлось какъ можно долѣе сохранять надежду, чтобы сдѣлать сноснѣе время своего изгнанія. Но затѣмъ онъ заболѣлъ и долго прохворалъ; а затѣмъ умеръ его отецъ, и ему пришлось хлопотать сначала о наилучшемъ устройствѣ своего помѣстья, а затѣмъ о наивыгоднѣйшей его продажѣ. Теперь онъ ѣхалъ, чтобы узнать ея рѣшеніе.

— Не можешь ли ты сказать мнѣ ея имя?—спросилъ Маркъ въ смертельномъ страхѣ отъ того, что̀ онъ предчувствовалъ.

— Развѣ я тебѣ никогда не говорилъ о Лангтонахъ? Кажется мнѣ, что говорилъ. Ну, такъ это миссъ Лангтонъ. Ее зовутъ Мабель, — съ нѣжностью произнесъ онъ имя любимой дѣвушки.—Со временемъ, если все окончится благополучно, я надѣюсь тебя съ нею познакомить. Впрочемъ, твоя фамилія ей знакома.

У ней братишка учится въ школѣ св. Петра; я тебѣ этого не говорилъ?

— Никогда,—отвѣчалъ Маркъ.

Онъ находилъ, что судьба слишкомъ къ нему жестока; до этой минуты онъ честно хотѣлъ во всемъ сознаться; онъ думалъ вымолить себѣ прощеніе, именно ссылаясь на свою близкую женитьбу. Но могъ ли онъ это сдѣлать теперь? какую жалость встрѣтитъ онъ въ соперникѣ? Онъ погибъ, если будетъ такъ глупъ, что дастъ Гольройду оружіе противъ себя; онъ погибъ во всякомъ случаѣ потому, что не долго можетъ утаить это оружіе отъ него; еще цѣлыхъ четыре дня до свадьбы—времени слишкомъ довольно для того, чтобы мину взорвало! Что ему дѣлать? Какъ обмануть, какъ отдѣлаться отъ Гольройда, пока онъ не успѣлъ повредить ему? Онъ вспомнилъ о предложеніи Каффина. Нельзя ли воспользоваться желаніемъ Каффина найти дорожнаго спутника? Если Каффину хочется ѣхать на озера съ Гольройдомъ, то почему не предоставить ему этого? Это средство довольно безнадежное, но единственное, которое у него оставалось. Если оно не удастся—онъ пропалъ. Если удастся, то во всякомъ случаѣ Мабель будетъ его женой. Рѣшеніе было принято въ ту же минуту, и онъ приступилъ къ его выполненію съ такой ловкостью, что самъ горестно удивился тому, съ какимъ совершенствомъ можетъ разыгрывать Іуду предателя.

— Кстати,—сказалъ онъ,—мнѣ сейчасъ пришло въ голову слѣдующее. Гарольдъ Каффинъ—мой большой пріятель. Я знаю, что онъ будетъ радъ видѣть тебя и онъ можетъ сказать тебѣ то, что ты желаешь узнать о Лангтонахъ. Я часто слышу отъ него про нихъ. Если хочешь, я пошлю ему телеграмму, съ просьбой встрѣтить насъ на моей квартирѣ!

— Отличная мысль!—вскричалъ Гольройдъ.—Каффинъ навѣрное все знаетъ. Пошли ему телеграмму.

— Постой здѣсь и стереги поѣздъ,—сказалъ Маркъ, поспѣшая на телеграфъ въ то время, какъ Гольройдъ подумалъ, какимъ заботливымъ и внимательнымъ сталъ его прежній эгоистъ-пріятель. Маркъ послалъ телеграмму, оканчивавшуюся словами:—Онъ ничего еще не знаетъ. Я предоставляю вамъ видѣться съ нимъ.

Когда Маркъ вернулся, то увидѣлъ, что Гольройдъ занялъ свободное отдѣленіе въ поѣздѣ, готовившемся отъѣхать, и сѣлъ въ вагонъ съ тяжелымъ предчувствіемъ всей трудности такого продолжительнаго путешествія вдвоемъ съ Гольройдомъ. Онъ попытался избѣжать разговора, закрывшись листомъ мѣстной газеты, въ надеждѣ, что при первой же остановкѣ къ нимъ подсядутъ

еще пассажиры. Онъ читалъ газету, пока одинъ параграфъ, извлеченный изъ лондонскихъ газетъ, не привлекъ его вниманія. „Мы слышали,—говорилось въ этомъ параграфѣ,—что новый романъ автора „Иллюзіи“ м-ра Кирилла Эрнстона (или, вѣрнѣе сказать, м-ра Марка Ашбёрна, какъ онъ самъ объявилъ) выйдетъ въ началѣ весны и что это новое произведеніе затмитъ прежнее“. То была обычная реклама, хотя Маркъ принялъ ее за серьезное предсказаніе и въ другое время она наполнила бы его преждевременнымъ торжествомъ. Но теперь онъ въ ужасѣ подумалъ: что если и въ газетѣ Гольройда стоитъ то же самое? Или вдругъ онъ пожелаетъ заглянуть въ газету Марка? Во избѣжаніе послѣдняго онъ скомкалъ газету и вышвырнулъ ее въ окно. Но попалъ изъ огня въ полымя, потому что Гольройдъ принялъ это за знакъ, что его спутникъ готовъ разговаривать, и положилъ газету, которую дѣлалъ видъ, что читаетъ.

— Маркъ,—началъ онъ съ легкимъ колебаніемъ, и тотъ тотчасъ же догадался по звуку его голоса, что сейчасъ наступитъ то, чего онъ боялся пуще всего; онъ не зналъ, что онъ отвѣтитъ, зналъ только, что будетъ врать и врать жестоко. Маркъ,—повторилъ Гольройдъ,—мнѣ не хотѣлось тебѣ надоѣдать, и я ждалъ, что ты самъ заговоришь объ этомъ, но такъ, какъ ты молчишь, то... не знаешь ли, какая судьба постигла мой романъ? Не бойся сказать мнѣ правду.

— Я... я не могу сказать этого тебѣ! — отвѣтилъ Маркъ, глядя въ окно.

— Но вѣдь я и не жду ничего хорошаго, я никогда и не возлагалъ особенныхъ надеждъ, и если былъ честолюбивъ, то не для себя, а для нея. Скажи все безъ утайки.

— Помнишь... что случилось съ первымъ томомъ „Французской революціи“?—началъ Маркъ.

— Продолжай,—замѣтилъ Гольройдъ.

— Книга... твоя книга, хочу я сказать (Маркъ забылъ ея первое заглавіе) сгорѣла.

— Гдѣ? въ редакціи? они тебя объ этомъ извѣстили? Но прочитали ли они ее?

Маркъ чувствовалъ, что почва колеблется подъ его ногами.

— Нѣтъ... не въ редакціи. . у меня на квартирѣ.

— Значитъ, ее вернули изъ редакціи?

— Да, вернули и безъ всякихъ объясненій. А квартирная служанка вообразила, что это ненужная бумага и растопила ею каминъ.

Маркъ Ашбёрнъ лгалъ по вдохновенію, какъ съ нимъ это

всегда бывало; до послѣдней минуты онъ все воображалъ, что сознается въ правдѣ, и теперь ненавидѣлъ себя за это новое предательство, но оно пока спасло его и онъ за него уцѣпился.

— Я думалъ, что ты съумѣешь сберечь мою книгу,—сказалъ Гольройдъ: — еслибы ты... но, нѣтъ, я не хочу упрекать тебя. Я вижу, что ты и безъ того сильно этимъ разстроенъ. И кромѣ того, не все ли равно... книгу забраковали... служанка только ускорила ея участь. Карлейль вновь написалъ свою книгу, но я, конечно, не Карлейль! Не будемъ больше говорить объ этомъ, дружище.

Маркъ почувствовалъ такія угрызенія совѣсти, что готовъ былъ во всемъ сознаться. Но Гольройдъ отвернулся и глядѣлъ въ окно, а лицо его было такъ мрачно, что Маркъ не посмѣлъ раскрыть ротъ. Онъ чувствовалъ, что теперь все зависитъ отъ Каффина. Исподтишка поглядывая на Гольройда, онъ думалъ, какими жестокими упреками разразятся эти твердо сжатыя губы; какъ презрительно и злобно засверкаютъ эти печальные, добрые глаза и опять пожелалъ, чтобы крушеніе поѣзда спасло его отъ той гадкой путаницы, въ какую онъ залѣзъ. Путешествіе, наконецъ, окончилось и они поѣхали на квартиру Марка. Винцентъ былъ молчаливъ. Несмотря на свое философское поведеніе, въ душѣ ему было очень горько. Онъ возвращался домой съ надеждой на литературную карьеру и ему тяжело показалось въ первую минуту отказаться отъ нея. Былъ уже довольно поздній часъ дня, когда они пріѣхали на квартиру Марка, гдѣ ихъ встрѣтилъ Каффинъ; онъ радостно привѣтствовалъ Гольройда и его радушіе нѣсколько развеселило послѣдняго. Такъ пріятно бываетъ, когда васъ не забыли и такъ рѣдко приходится это видѣть. Когда Винцентъ пошелъ въ спальню переодѣться, Каффинъ повернулся къ Марку. На его лицѣ выражалось лукавство не безъ примѣси нѣкотораго восхищенія.

— Я получилъ вашу телеграмму,—сказалъ онъ.—Итакъ вы... вы рѣшаетесь, наконецъ, разстаться съ нимъ.

— Я думалъ о томъ, что вы говорили, и... и онъ мнѣ сказалъ нѣчто такое, благодаря чему ему было бы особенно тягостно, да и для меня также, еслибы онъ остался.

— Вы, значитъ, ничего ему не говорили?

— Ничего.

— Значитъ, я увезу его съ собой на озера; предоставьте мнѣ дѣйствовать.

Былъ ли Маркъ удивленъ такимъ усердіемъ Гарольда Каффина? Если и былъ, то оно было слишкомъ для него выгодно,

чтобы онъ сталъ допытываться до его причины. Каффинъ былъ его пріятель и догадался, что возвращеніе Гольройда было для него неудобно. По всей вѣроятности, онъ зналъ о безнадежной любви Винцента къ Мабель и кромѣ того ему не хотѣлось ѣхать одному на озера. Такихъ мотивовъ было вполнѣ достаточно. Вскорѣ Гольройдъ пришелъ къ нимъ въ гостиную. Каффинъ послѣ новыхъ изъясненій въ испытываемой имъ радости отъ того, что онъ снова видитъ Гольройда, и заботливыхъ разспросовъ объ его здоровьѣ, сразу приступилъ къ своей цѣли и сталъ звать Гольройда съ собой на озера.

— Лондонъ—убійственный городъ въ это время года,—говорилъ онъ—а вы смотрите не особенно здоровымъ человѣкомъ. Горный воздухъ принесетъ вамъ много пользы; поѣдемте завтра со мной, у васъ багажъ не распакованъ, и мы отлично проведемъ время.

— Я въ этомъ увѣренъ,—отвѣчалъ Гольройдъ,—и еслибы меня ничто не удерживало въ Лондонѣ... но я еще не видалъ Лангтоновъ, знаете... и... кстати не можете ли вы мнѣ сказать, гдѣ они теперь. Они, вѣроятно, еще не уѣхали?

— Вотъ вы мнѣ и попались!—засмѣялся Каффинъ:—если Лангтоны—единственное препятствіе къ вашему отъѣзду, то вы можете уѣхать по той причинѣ, что и они находятся гдѣ-то за границей.

— Всѣмъ семействомъ?

— Да; даже отецъ уѣхалъ.

— Вы не знаете, скоро они вернутся?

— Не знаю; вѣроятно, послѣ свадьбы Мабель.

Маркъ затаилъ дыханіе; что-то скажетъ дальше Каффинъ. Винцентъ измѣнился въ лицѣ.

— Значитъ, Мабель... миссъ Лангтонъ выходитъ замужъ?—спросилъ онъ до странности покойнымъ тономъ.

— Именно, и въ своемъ родѣ дѣлаетъ блестящую партію; женихъ ея не богатъ, но талантливый литераторъ, имѣющій уже нѣкоторую извѣстность, какъ разъ подходящій человѣкъ для такой дѣвушки, какъ она. Вы развѣ объ этомъ не слышали?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Гольройдъ, не безъ неловкости. Онъ стоялъ отвернувшись отъ обоихъ пріятелей и опершись локтемъ на каминъ.—Не знаете, какъ его фамилія?

— Право, позабылъ; Ашбёрнъ, не помните ли вы?

— Я!—закричалъ Маркъ, вздрагивая:—нѣтъ... я... не знаю.

— Ну, — продолжалъ Каффинъ,—это невозможно. Говорятъ однако, что она чертовски въ него влюблена. Не могу предста-

вить себѣ гордячку миссъ Мабель чертовски влюбленной въ когонибудь. Но такъ говорятъ. Ну, что-жъ, Гольройдъ, возвращаясь къ нашему разговору, имѣете вы еще какія-нибудь причины оставаться въ Лондонѣ?

— Никакихъ, — отвѣчалъ Гольройдъ съ горькой нотой въ голосѣ.

— Значитъ, вы ѣдете со мной? Я уѣзжаю завтра поутру. Это для васъ удобно?

— Вы очень любезны, что приглашаете меня; но я не хотѣлъ бы такъ скоро бросить Ашбёрна. Онъ былъ такъ добръ, что пріѣхалъ ко мнѣ на встрѣчу; такъ я говорю, Маркъ?

Каффинъ не могъ не улыбнуться.

— Да развѣ онъ вамъ не говорилъ, что самъ уѣзжаетъ заграницу черезъ день или два?

Винцентъ оглянулся на Марка. Тотъ стоялъ какъ олицетвореніе замѣшательства и стыда.

— Я вижу,—проговорилъ Винцентъ измѣнившимся голосомъ,—что могу только помѣшать своимъ присутствіемъ.

Маркъ ничего не сказалъ... Онъ не могъ ничего сказать.

— Хорошо, Каффинъ, я поѣду съ вами. На озера, такъ на озера, мнѣ все равно, гдѣ ни провести то короткое время, что я пробуду въ Англіи.

— Развѣ вы не совсѣмъ вернулись?—освѣдомился Каффинъ.

— Совсѣмъ? нѣтъ... и не думалъ, — отвѣтилъ съ горечью Гольройдъ. — Жизнь въ жаркомъ климатѣ разстроила мое здоровье, какъ видите, и я долженъ вернуться обратно.

— На Цейлонъ? — вскричалъ Маркъ, въ которомъ вдругъ ожила надежда. „Неужели возможно, что эта грозная туча пронесется мимо, не только на время, но и навсегда“?

— Куда-нибудь, не все ли равно,—отвѣчалъ Гольройдъ.

А. Э.

СТАТИСТИКА
ГЕРМАНСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ

— Conrad, Das Universitätsstudium in Deutschland während der letzten 50 Jahre. Jena, 1884.

Германія, столь богатая статистическими изслѣдованіями, не имѣла до сихъ поръ полной статистики своихъ университетовъ. Въ попыткахъ систематической обработки цифровыхъ данныхъ, относящихся къ высшему образованію, не было недостатка, но онѣ касались либо университетовъ одного только нѣмецкаго государства—напримѣръ, Пруссіи, Баваріи,—либо какого-нибудь отдѣльнаго университета, обнимая собою, притомъ, не очень продолжительныя эпохи и не исчерпывая всѣхъ сторонъ вопроса. Книга профессора Конрада, названная въ заглавіи нашей статьи, захватываетъ всѣ университеты германской имперіи [1]), оперируетъ надъ цѣлымъ пятидесятилѣтіемъ (1831—81), богатымъ перемѣнами всякаго рода, и стремится къ всестороннему освѣщенію предмета, насколько оно достижимо съ помощью статистическихъ

[1]) Въ продолженіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ въ Германіи открытъ только одинъ новый университетъ—въ Страсбургѣ. Всѣхъ университетовъ въ Германіи теперь двадцать одинъ, а именно: въ Пруссіи десять (Берлинъ, Кёнигсбергъ, Грейфсвальдъ, Бреславль, Галле, Боннъ, Мюнстеръ, Киль, Марбургъ, Геттингенъ), въ Баваріи—три (Мюнхенъ, Вюрцбургъ, Эрлангенъ), въ Саксоніи—одинъ (Лейпцигъ), въ Виртембергѣ — одинъ (Тюбингенъ), въ Баденѣ—два (Гейдельбергъ и Фрейбургъ), въ Гессенъ-Дармштадтѣ — одинъ (Гиссенъ), въ Мекленбургѣ — одинъ (Ростокъ), въ саксонскихъ герцогствахъ—одинъ (Іена), въ Эльзасъ-Лотарингіи—одинъ (Страсбургъ).

цифръ. Результаты, такимъ образомъ получаемые, представляютъ очень много интереснаго и поучительнаго. Знакомство съ ними необходимо для всякаго, кто желалъ бы положить основаніе правильной статистикѣ русскихъ университетовъ.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ германскіе университеты доживали эпоху быстраго развитія, граничащую, по обѣ стороны, съ періодами упадка и регресса. Около 1820 г. число студентовъ въ прусскихъ университетахъ не превышало трехъ съ половиною тысячъ; къ концу того же десятилѣтія оно перешло уже за шесть тысячъ. Въ тюбингенскомъ университетѣ въ 1817—18 было 465 студентовъ, въ 1820 г.—709, въ 1829—30 г.—887. Зимній семестръ 1831—32 г., служащій исходной точкой для работъ Конрада, застаетъ во всѣхъ двадцати германскихъ университетахъ 14,211 студентовъ. Эта цифра тотчасъ же начинаетъ падать, опускаясь къ 1843 г. до 11,017. Затѣмъ слѣдуютъ незначительныя колебанія; въ пятилѣтіе съ 1851 по 1856 г. среднее число студентовъ переступаетъ за двѣнадцать тысячъ, въ слѣдующее пятилѣтіе опять не достигаетъ этой нормы, съ 1861 по 1870 г. держится между 13 и 14 тысячами. Усиленный ростъ общей цифры начинается по окончаніи франко-германской войны; въ пятилѣтіе съ 1871 по 1876 г. она составляетъ (не считая вновь открытаго страсбургскаго университета) 15,525, въ пятилѣтіе съ 1876 по 1881 г.—18,840, а къ концу изслѣдуемаго періода доходитъ до 22,552 (вмѣстѣ съ страсбургскимъ университетомъ—до 23,357). Замѣчательно, что по отношенію къ населенію эта послѣдняя цифра все еще уступаетъ той, съ которой начинается изслѣдованіе. Въ 1831 г. на каждыя сто тысячъ жителей приходилось 52,5 студента, въ 1881—82 г. — только 47, 3. На самой низшей точкѣ относительное число студентовъ стояло въ пятилѣтіе 1856—61 г. (32 на сто тысячъ). Австрія (по сю сторону Лейты) начинаетъ догонять Германію; въ 1841 г. она имѣла только 26 студентовъ на сто тысячъ жителей, въ 1880 г. — уже 44,2 (абсолютное ихъ число возрасло за это время съ 4,658 до 9,776).

Общій подъемъ духа послѣ войнъ 1813—15 г., увеличеніе числа школъ, а, слѣдовательно, и учительскихъ мѣстъ, увеличеніе числа должностей, требующихъ высшаго образованія, льготность экзаменныхъ правилъ и легкость самыхъ экзаменовъ — таковы, по мнѣнію Конрада, главныя причины быстраго увеличенія числа студентовъ въ третьемъ десятилѣтіи нынѣшняго вѣка. Поступить въ университетъ можно было и безъ аттестата зрѣлости; испытаніе, отъ котораго зависѣло полученіе этого аттестата, могло

быть отложено, по закону, до окончанія перваго или второго семестра, а на практикѣ сплошь и рядомъ — отодвигалось и на самый конецъ университетскаго курса. Пріемные экзамены производились не только при гимназіяхъ, но и при университетахъ, отличаясь именно здѣсь особенною снисходительностью. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ изданы были новыя, болѣе строгія правила какъ на счетъ экзаменовъ, такъ и на счетъ экзаменныхъ отсрочекъ; непосредственнымъ результатомъ этихъ правилъ было значительное уменьшеніе числа студентовъ. Въ томъ же направленіи дѣйствовали и другія условія—переполненіе путей, къ которымъ ведетъ университетъ, открытіе многихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній (сельско-хозяйственныхъ, лѣсныхъ, горныхъ академій, политехническихъ школъ и т. п.), перемѣна къ лучшему въ положеніи промышленности и торговли, отвлекавшая часть молодыхъ силъ отъ такъ-называемыхъ ученыхъ профессій. Когда въ семидесятыхъ годахъ, послѣ короткаго милліарднаго головокруженія, наступаетъ застой въ промышленномъ мірѣ, число студентовъ начинаетъ, наоборотъ, сильно подниматься; этому способствуетъ съ одной стороны укрѣпляющееся сознаніе тѣхъ выгодъ, тѣхъ соціальныхъ привилегій, которыя даетъ высшее образованіе, съ другой — повсемѣстное распространеніе среднихъ учебныхъ заведеній, открывающихъ и для недостаточныхъ людей сравнительно легкій доступъ къ университету. Большему или меньшему числу выдающихся университетскихъ преподавателей Конрадъ серьезнаго значенія, съ занимающей насъ теперь точки зрѣнія, не придаетъ, такъ какъ приливъ или отливъ, въ данную эпоху, замѣчается довольно равномѣрно во всѣхъ университетахъ. Сомнительно, напримѣръ, чтобы цифра студентовъ въ берлинскомъ университетѣ — весьма высокая около 1830 г., замѣтно уменьшающаяся въ слѣдующія два десятилѣтія—зависѣла отъ продолженія или прекращенія дѣятельности такихъ профессоровъ, какъ Гегель или Шлейермахеръ (умершіе въ началѣ тридцатыхъ годовъ). Столь же сомнительнымъ Конрадъ считаетъ и то, чтобы въ наплывѣ студентовъ, знаменующемъ собою послѣднее десятилѣтіе, играло большую роль возрастаніе любознательности, интереса къ наукѣ, какъ наукѣ, помимо всякихъ практическихъ соображеній.

Между различными частями Германіи учащіеся въ университетахъ распредѣлялись и распредѣляются до сихъ поръ довольно неравномѣрно. Наименьшую относительную цифру (13,3 на сто тысячъ жителей) даютъ, какъ и слѣдовало ожидать, недавно завоеванныя провинціи; значительная часть эльзасско-лотарингской молодежи предпочитаетъ, очевидно, завершать свое образованіе

во Франціи. Десятью годами раньше, вслѣдъ за окончаніемъ войны, эта цифра была, впрочемъ, еще ниже (6,7). Невелико затѣмъ число студентовъ между уроженцами рейнской провинціи (33,5), Шлезвига и Голштиніи (34,5), великаго герцогства Баденскаго (36,1). Всего выше оно поднимается въ трехъ прусскихъ провинціяхъ—собственной Пруссіи (56,5), Помераніи (59,1) и Саксоніи (59,4), а изъ другихъ нѣмецкихъ государствъ—въ Гессенъ-Дармштадтѣ (65,1) и Мекленбургѣ (66,1). Поразительно высокія цифры, представляемыя балтійскимъ прибрежьемъ (Мекленбургъ, Померанія, собственная Пруссія), Конрадъ объясняетъ, съ одной стороны, преобладаніемъ здѣсь крупнаго землевладѣнія, съ другой—невысокимъ доходомъ, извлекаемымъ изъ земли и заставляющимъ искать другихъ занятій, болѣе выгодныхъ, чѣмъ эксплуатація собственнаго хозяйства. Если сравнить цифры послѣдняго времени съ цифрами предъидущихъ десятилѣтій, то всего больше бросается въ глаза быстрое увеличеніе числа студентовъ въ протестантскихъ государствахъ и провинціяхъ Германіи. Въ Баваріи, напримѣръ, цифры 1860—61, 1872—73 и 1881—82 почти не отличаются между собою (40,3—37,4—41,3), между тѣмъ какъ въ Виртембергѣ (31,3—35,5—51,4), въ саксонскомъ королевствѣ (31,7—38,4—50,2) каждая послѣдующая цифра значительно выше предъидущей. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, даже въ началѣ семидесятыхъ Пруссія, по числу студентовъ, уступала остальнымъ германскимъ государствамъ, вмѣстѣ взятымъ (27,3 и 36,7—33,2 и 34,8), а къ началу восьмидесятыхъ годовъ она ихъ уже опередила (48,4 и 45,6), именно благодаря своимъ протестантскимъ провинціямъ. Въ рейнской провинціи, служащей, по отношенію къ сѣверной Германіи, такимъ же средоточіемъ и оплотомъ католицизма, какъ Баварія—по отношенію къ южной, относительное число студентовъ остается, въ продолженіе 20 лѣтъ, почти неизмѣннымъ (31,5—32,9—33,5). Единственная католическая провинція Пруссіи, въ которой быстро увеличивается число студентовъ — это Познань (17,4—30—48,1). Причину этого явленія слѣдуетъ искать, по всей вѣроятности, въ прогрессирующемъ онѣмеченіи Познани.

Въ Германіи, какъ извѣстно, издавна существовалъ обычай перехода студентовъ изъ университета въ университетъ; непрерывное, во все время курса, посѣщеніе одного и того же университета всегда было скорѣе исключеніемъ, чѣмъ общимъ правиломъ. Улучшеніе и удешевленіе сообщеній поддерживаетъ старую привычку, не особенно, впрочемъ, увеличивая ея интен-

сивность. Въ старо-прусскихъ провинціяхъ (т.-е. въ Пруссіи, какою она была до 1866 г.) средняя цифра семестровъ, проводимыхъ студентомъ въ одномъ и томъ же университетѣ, въ четвертомъ десятилѣтіи нынѣшняго вѣка равнялась 4,17, въ восьмомъ — 3,34. Если прибавить къ семи старо-прусскимъ университетамъ еще семь другихъ, о которыхъ Конраду удалось собрать свѣдѣнія, то мы получимъ за тѣ же десятилѣтія слѣдующія среднія цифры: 3,86 и 3,28. Значительно измѣняется, за то, направленіе студенческихъ передвиженій. Полвѣка тому назадъ прусскіе университеты привлекали къ себѣ, сравнительно, гораздо больше не-пруссаковъ, чѣмъ не-прусскіе университеты—пруссаковъ; теперь отношеніе оказывается обратнымъ. Въ тридцатыхъ годахъ только 3,5% изъ числа студентовъ — прусскихъ уроженцевъ слушали лекціи въ не-прусскихъ университетахъ; теперь такихъ студентовъ насчитывается уже 23,8%—а процентное отношеніе не-пруссаковъ, посѣщающихъ прусскіе университеты, уменьшилось за тотъ же періодъ времени съ 13,5 до 9,9%. Конрадъ объясняетъ это явленіе не упадкомъ прусскихъ, не прогрессомъ остальныхъ германскихъ университетовъ, а красотой южно-германской природы, въ связи съ веселымъ разнообразіемъ, съ задушевностью (Gemüthlichkeit) южно-германской общественной жизни. Прежде путешествіе на югъ было дорого и затруднительно, да и посѣщеніе чужихъ университетовъ было обставлено нѣкоторыми стѣснительными условіями; теперь стѣсненія отмѣнены, желѣзныя дороги сблизили сѣверъ съ югомъ и ничто не противодѣйствуетъ притягательной силѣ послѣдняго. Въ пользу толкованія, поддерживаемаго Конрадомъ, говоритъ въ особенности то обстоятельство, что въ лѣтніе семестры наплывъ сѣверянъ въ южногерманскіе университеты гораздо сильнѣе, чѣмъ въ зимніе. Такъ, напримѣръ, зимой 1880-81 г. въ Гейдельбергѣ слушало лекціи 110, въ Фрейбургѣ—140, въ Тюбингенѣ - 145 прусскихъ студентовъ, а лѣтомъ 1881 г. эти цифры возрастаютъ до 301, 350 и 285. Кромѣ южно-германскихъ университетовъ (и стоящаго рядомъ съ ними, по красотѣ мѣстоположенія, іенскаго), опаснымъ соперникомъ прусскихъ университетовъ является, съ нѣкоторыхъ поръ, университетъ лейпцигскій; въ 1860-61 г. между лейпцигскими студентами насчитывалось тридцать прусскихъ уроженцевъ, двадцать лѣтъ спустя—болѣе тысячи двухсотъ. Дѣло въ томъ, что жизнь въ Лейпцигѣ гораздо дешевле, чѣмъ, напримѣръ, въ Берлинѣ, а преимущества, обусловливаемыя многочисленностью студентовъ и богатствомъ университета, свойственны обоимъ городамъ почти въ равной мѣрѣ.

Главными, по числу студентовъ, университетами Германіи теперь, какъ и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, являются три: берлинскій, мюнхенскій и лейпцигскій. Средняя цифра студентовъ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, составляла для Берлина—1,820, для Мюнхена—1,556, для Лейпцига—1,145; болѣе тысячи студентовъ не насчитывалъ, въ то время, ни одинъ изъ остальныхъ семнадцати университетовъ. Въ зимнемъ семестрѣ 1882—83 г. число студентовъ въ Берлинѣ простиралось до 4,678, въ Лейпцигѣ—до 3,314, въ Мюнхенѣ—до 2,229 (было время—въ началѣ семидесятыхъ годовъ—когда Лейпцигъ стоялъ даже выше Берлина). Болѣе тысячи студентовъ, въ томъ же 1882—83 г., имѣли, сверхъ вышепоименованныхъ трехъ, еще пять университетовъ: бреславльскій (1,495), галльскій (1,416), тюбингенскій (1,207), гёттингенскій (1,063) и вюрцбургскій (1,034). Въ началѣ пятидесятилѣтняго періода, изучаемаго Конрадомъ, три главные университета вмѣщали въ себѣ около 34% общаго числа студентовъ; въ концѣ того же періода эта цифра возрасла до 42%. Ошибочно было бы думать, однако, что параллельно съ ростомъ Берлина, Лейпцига и Мюнхена идетъ упадокъ маленькихъ университетовъ; они по прежнему—или даже больше прежняго—привлекаютъ къ себѣ число студентовъ, вполнѣ достаточное для ихъ существованія. Послѣднее, по числу студентовъ, мѣсто въ ряду германскихъ университетовъ занимаютъ университеты ростокскій (въ Мекленбургѣ) и кильскій (въ Голштиніи). Въ Ростокѣ, тридцать лѣтъ тому назадъ, было менѣе ста студентовъ—теперь ихъ 239; соотвѣтствующія цифры для Киля—141 и 354. Въ Марбургѣ, въ Грейфсвальдѣ, въ Кёнигсбергѣ число студентовъ за то же время почти утроилось, въ Фрейбургѣ—почти удвоилось. Всего меньше выиграли или даже нѣсколько потеряли нѣкоторые университеты среднихъ размѣровъ, напр., боннскій и гейдельбергскій. По справедливому замѣчанію Конрада, лучшей гарантіей дальнѣйшаго процвѣтанія маленькихъ университетовъ служатъ удобства, представляемыя ими для ближайшаго общенія между студентами и профессорами. Чѣмъ больше растетъ роль, отводимая въ университетахъ практическимъ упражненіямъ студентовъ, тѣмъ больше затрудненій представляетъ неравномѣрное распредѣленіе студентовъ между университетами, излишній приливъ ихъ къ немногимъ главнымъ центрамъ. Преобладаніе большихъ университетовъ уже теперь достигло или скоро достигнетъ того предѣла, за которымъ оно перестаетъ быть нормальнымъ.

Большимъ колебаніямъ подвергалось, въ продолженіе послѣд-

няго пятидесятилѣтія, распредѣленіе нѣмецкихъ студентовъ между различными факультетами университетовъ. Чрезвычайно сильно упалъ процентъ богослововъ, какъ протестантскихъ, такъ и католическихъ. Около 1830 г. первые составляли болѣе четверти (26,8%), послѣдніе—болѣе одной десятой (11,4%) общаго числа студентовъ. До половины пятидесятыхъ годовъ цифра студентовъ на протестантскихъ богословскихъ факультетахъ постоянно понижается (между 1851 и 1856 г.—14,2%); послѣ кратковременнаго небольшого повышенія, она падаетъ еще ниже (между 1876 и 1881 г.—10%), и только въ 1882 г. достигаетъ $12^{1}/_{2}$%. Число богослововъ-католиковъ долго держится около 10%, съ шестидесятыхъ годовъ начинаетъ сильно падать и теперь едва превышаетъ 3%. Число юристовъ, отправляясь отъ $28^{1}/_{3}$%, доходитъ въ пятидесятыхъ годахъ почти до 34%, понижается въ началѣ шестидесятыхъ годовъ до $21^{1}/_{2}$%, опять повышается до 26% и въ послѣднее время рѣшительно клонится къ пониженію (въ 1881—82 г.—$22^{1}/_{2}$%). Число медиковъ, наоборотъ, почти постоянно, хотя и медленно, возрастаетъ; въ началѣ тридцатыхъ годовъ ихъ было менѣе 16%, въ началѣ восьмидесятыхъ—болѣе 21%. Еще болѣе правильнымъ—и гораздо болѣе крупнымъ по своимъ результатамъ—является поступательное движеніе философскаго факультета, начинающаго съ $17^{3}/_{4}$% и доходящаго до $40^{1}/_{3}$% [1]).

Чтобы понять уменьшеніе числа студентовъ на протестантскихъ богословскихъ факультетахъ, необходимо, прежде всего, имѣть въ виду то исключительное положеніе, которое еще недавно принадлежало этимъ факультетамъ. Въ концѣ прошедшаго вѣка богословскій факультетъ не только *считался*, но и на самомъ дѣлѣ былъ первымъ между всѣми. Его профессора пользовались наибольшимъ уваженіемъ, получали наибольшее содержаніе; числиться въ его спискахъ было честью для студента, къ нему приписывались многіе, отнюдь не предполагавшіе посвятить себя церковному служенію. Изъ его среды выходило большинство учителей, большинство спеціалистовъ по философіи и филологіи. Преданія этой эпохи стали ослабѣвать лишь въ началѣ второй четверти нынѣшняго вѣка; на югѣ Германіи, напр. въ Виртембергѣ, они держались еще дольше—почти необходимымъ условіемъ пе-

---

[1]) Въ Австріи число богослововъ также падаетъ (въ 1841 г.—19%, въ 1881 г.—11%), число студентовъ философскаго факультета также растетъ (въ 1841 г. 3%, въ 1881 г.—19%); число медиковъ уменьшается (21% вмѣсто 27%). Замѣчательно постоянна громадная цифра юристовъ, колеблющаяся, большею частью, между 45 и 50% (въ 1841 г.—50%, въ 1881 г.—49).

дагогической карьеры богословское образованіе перестало быть здѣсь только въ пятидесятыхъ или шестидесятыхъ годахъ. Какъ сильно паденіе старыхъ традицій должно было отразиться на числѣ студентовъ-богослововъ—это разумѣется само собою. Къ главной причинѣ присоединяются еще многія другія. Послѣ войнъ 1813—15 г. потребность въ кандидатахъ на пасторское званіе была особенно велика, потому что многіе студенты-богословы, поступившіе въ ряды арміи, не возвратились вовсе или избрали, подъ вліяніемъ пережитаго и испытаннаго, другой родъ занятій. Отсюда, въ двадцатыхъ годахъ, усиленное переполненіе богословскихъ факультетовъ, влекущее за собою, уже въ слѣдующемъ десятилѣтіи, перевѣсъ предложенія надъ спросомъ, а затѣмъ и уменьшеніе числа студентовъ-богослововъ. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ равновѣсіе возстановляется, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько увеличивается число студентовъ на богословскихъ факультетахъ; но какъ объяснить новое пониженіе, начинающееся очень скоро и приводящее кое-гдѣ—напр. въ старо-прусскихъ провинціяхъ, въ Ганноверѣ, въ Баваріи—къ невозможности замѣщать всѣ вакантныя пасторскія мѣста (хотя отношеніе числа пасторовъ къ цифрѣ населенія уменьшилось, съ начала столѣтія, почти на половину)? По мнѣнію Конрада, много значитъ здѣсь недостаточность вознагражденія за пасторскій трудъ. Содержаніе пасторовъ росло медленно, гораздо медленнѣе, чѣмъ цѣны на все необходимое для жизни; въ половинѣ семидесятыхъ годовъ 1057 прусскихъ пасторовъ получали менѣе шестисотъ талеровъ, между тѣмъ какъ минимальная норма содержанія должна была составлять, по разсчету высшаго церковнаго управленія, восемьсотъ талеровъ. Законъ 1875 г., возложившій составленіе актовъ состоянія (веденіе метрическихъ книгъ) на свѣтскую власть, значительно уменьшилъ побочные доходы духовенства. До какой степени ухудшилось матеріальное положеніе пасторовъ, объ этомъ можно судить, между прочимъ, по слѣдующему обстоятельству: въ тридцатыхъ годахъ между сыновьями пасторовъ, учившимися въ галльскомъ университетѣ, богослововъ насчитывалось около $^3/_4$ (отъ 72 до 80%), въ началѣ семидесятыхъ годовъ—менѣе половины (44%). Насколько прежде пасторы стремились къ тому, чтобы сыновья ихъ пошли по ихъ дорогѣ, на столько они теперь стали къ этому равнодушны. Измѣнились, впрочемъ, не одни лишь матеріальныя условія: протестантское духовенство не пользуется больше тѣмъ авторитетомъ, тѣмъ почетомъ, которые окружали его полвѣка тому назадъ, да и въ средѣ учащейся молодежи гораздо менѣе распространены религіозныя чувства, прежде побуждавшія многихъ

къ принятію на себя духовнаго сана. Не лишена значенія, наконецъ, и та строгость, съ которою высшее церковное управленіе караетъ всякое уклоненіе отъ правовѣрія, отъ догмы, между тѣмъ какъ духъ времени все больше и больше благопріятствуетъ терпимости. Проявившееся недавно обратное движеніе—т.-е. увеличеніе числа студентовъ на протестантскихъ богословскихъ факультетахъ—Конрадъ приписываетъ, съ одной стороны, консервативнымъ вѣяніямъ послѣднихъ лѣтъ, усиленной борьбѣ противъ католицизма, іудаизма и невѣрія, съ другой стороны—переполненію другихъ факультетовъ, застою въ промышленности и торговлѣ, усиліямъ государства и общинъ улучшить матеріальный бытъ духовенства. Въ Пруссіи, напримѣръ, ни одинъ пасторъ не получаетъ теперь менѣе 1,800 марокъ (600 талеровъ); черезъ пять лѣтъ службы минимумъ пасторскаго содержанія составляетъ 2,400, черезъ двадцать лѣтъ—3,000 марокъ. Во всякомъ случаѣ протестантскимъ богословскимъ факультетамъ и теперь еще весьма далеко до положенія, которое они занимали въ началѣ тридцатыхъ годовъ; тогда на сто тысячъ протестантскаго населенія приходилось 15,6 студентовъ - богослововъ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ—только 10,5. Въ старо-прусскихъ провинціяхъ различіе между обоими отношеніями еще значительнѣе, выражаясь цифрами: 19,4 и 8,6.

Уменьшеніе числа студентовъ католическаго богословія зависѣло отчасти отъ тѣхъ же причинъ, какъ и оскудѣніе протестантскихъ богословскихъ факультетовъ—отъ недостаточнаго вознагражденія священниковъ, отъ упадка религіознаго духа въ населеніи и въ учащейся молодежи, отъ уменьшающагося, сравнительно съ цифрой населенія, числа священническихъ мѣстъ; но мы встрѣчаемся здѣсь и съ другими условіями, дѣйствующими еще сильнѣе. Первое изъ нихъ—пререканія между католическимъ духовенствомъ и протестантскими правительствами, достигшія своей кульминаціонной точки въ знаменитомъ Kulturkampf семидесятыхъ годовъ. Если въ послѣдніе семестры цифра студентовъ на католическихъ богословскихъ факультетахъ начинаетъ клониться къ повышенію, то это объясняется именно ослабленіемъ борьбы, сближеніемъ враждующихъ. Нельзя не замѣтить, однако, что недостатокъ въ католическихъ богословахъ чувствуется и въ такихъ нѣмецкихъ государствахъ, гдѣ безспорно и спокойно господствуетъ католицизмъ—напр., въ Баваріи. Запустѣніе богословскихъ факультетовъ приписывается здѣсь, между прочимъ, перемѣнѣ въ настроеніи низшихъ классовъ народа—ремесленниковъ, крестьянъ, — изъ которыхъ всегда выходила значительная часть

католическаго духовенства. Въ протестантскіе пасторы шли и идутъ преимущественно дѣти образованныхъ родителей, въ католическіе священники — наоборотъ; это различіе между обоими вѣроисповѣданіями обусловливается, отчасти, уже безбрачіемъ католическаго духовенства, лишающимъ его возможности пополняться изъ собственной своей среды, тогда какъ на протестантскіе богословскіе факультеты и теперь еще поступаютъ очень многіе сыновья пасторовъ. Для того, чтобы ремесленникъ или крестьянинъ охотно предназначалъ своего сына къ духовному званію, необходима, съ одной стороны, возможность достигнуть цѣли вовсе или почти вовсе безъ затратъ, съ другой стороны— такая обстановка священническаго сана, которая дѣлала бы его завиднымъ въ глазахъ массы. Между тѣмъ, издержки содержанія въ гимназіяхъ постоянно растутъ, а духовныхъ семинарій, безвозмездно подготовляющихъ къ университету, весьма мало; матеріальное положеніе молодыхъ священниковъ—пока они состоятъ капланами, т.-е. помощниками церковныхъ настоятелей—не только не обезпечено, но въ иныхъ мѣстахъ можетъ быть названо просто бѣдственнымъ. Констатируя затрудненія, съ которыми сопряжено пополненіе рядовъ католическаго духовенства, наиболѣе усердные и откровенные ревнители католицизма не отступаютъ передъ осужденіемъ всей системы средняго образованія; они готовы произнести проклятіе надъ „поганой литературой языческаго классицизма" (Schundliteratur der heidnischen Klassiker), воспитывающей поклонниковъ язычества, а не христіанства (!). По справедливому замѣчанію Конрада, къ такимъ выводамъ не приходилъ еще ни одинъ протестантскій богословъ.

Приливъ и отливъ студентовъ на юридическомъ факультетѣ управляется болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, закономъ предложенія и спроса. Три раза въ продолженіе полувѣка—въ началѣ тридцатыхъ, пятидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ—наступалъ такой избытокъ юристовъ, который заставлялъ правительства предостерегать молодежь противъ избранія юридическаго факультета. Поддерживаемое указаніями практической жизни, это предостереженіе два раза достигало своей цѣли и, вѣроятно, достигнетъ ея и въ наше время. По отношенію къ Пруссіи, Конраду удалось собрать любопытныя цифры, иллюстрирующія тѣсную связь между потребностями государственной службы и числомъ студентовъ-юристовъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ всѣхъ административныхъ и судебныхъ должностей, требующихъ высшаго юридическаго образованія (т.-е. замѣщаемыхъ не иначе, какъ лицами, выдержавшими установленныя государственныя испытанія), въ

Пруссіи было около шести тысячъ. Средняя продолжительность службы на этихъ мѣстахъ равняется 28 годамъ; отсюда среднее число открывавшихся ежегодно вакансій—211. Выдержавшихъ окончательное (второе) испытаніе насчитывалось, въ тоже время, среднимъ числомъ, не болѣе 176 въ годъ, такъ какъ въ прусскихъ университетахъ, въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ, наступило вслѣдствіе предшествовавшаго переполненія, оскудѣніе юридическихъ факультетовъ. Черезъ десять лѣтъ мы видимъ противоположное явленіе: число студентовъ-юристовъ увеличилось съ 22—23% до 31—32%, выдерживающихъ испытанія является ежегодно уже 273, а число мѣстъ растетъ медленно, и число ежегодно открывающихся вакансій не превышаетъ 238. Отсюда новое пониженіе числа студентовъ на прусскихъ юридическихъ факультетахъ (съ 1856 по 1870 г. оно колеблется между 19 и $15^1/_2$%). Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ ежегодный дефицитъ кандидатовъ на вновь открывающіяся вакансіи (числомъ 257) доходитъ до **ста тридцати**. Семидесятые годы, особенно вторая ихъ половина, опять наводняютъ юридическіе факультеты массой студентовъ и уже къ концу десятилѣтія на 300 вакансій приходится болѣе 350 кандидатовъ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ—около **пятисотъ**. Другой показатель тѣхъ же колебаній—это число референдаріевъ и аускультаторовъ, т.-е. лицъ, выдержавшихъ первое государственное испытаніе и готовящихся ко второму. Въ 1856 г. ихъ было въ Пруссіи 2276, въ 1866 г.—1046. Въ 1869 г., т.-е. послѣ присоединенія новыхъ провинцій, ихъ насчитывается 1491, въ 1881 г.—3590; увеличеніе, за двѣнадцать лѣтъ, составляетъ 241%. Чѣмъ больше наплывъ кандидатовъ, тѣмъ строже отношеніе къ нимъ экзаменаціонныхъ коммиссій; въ пятилѣтіе съ 1856 по 1860 г. не выдерживало второго испытанія, среднимъ числомъ, 31% въ годъ, съ 1861 по 1865 г.—23%, съ 1866 по 1870 г.—21%, съ 1871 по 1875 г.—9%, съ 1876 по 1880 г.—12%, въ 1881 г.—15%. Изъ этихъ цифръ видно, однако, что строгость медленнѣе падаетъ, чѣмъ возрастаетъ.—Притягательная сила большихъ университетовъ никѣмъ не чувствуется въ такой мѣрѣ, какъ юристами. Мы видѣли уже, что изъ общаго числа студентовъ на долю Берлина, Лейпцига и Мюнхена приходятся, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, 42%; спеціально для юристовъ это отношеніе превышаетъ 50%. Шесть наименьшихъ университетовъ (Ростокъ, Киль, Гиссенъ, Эрлангенъ, Грейфсвальдъ и Марбургъ) соединяли въ себѣ, въ 1882—83 г., около $12^1/_2$% общаго числа студентовъ, а юридическіе ихъ факультеты

только $7^1/_2$% общаго числа юристовъ. Объясняется это тѣмъ, что занятія на юридическихъ факультетахъ болѣе нежели на всѣхъ другихъ сводятся къ слушанію лекцій, т.-е. къ тому виду ученья, при которомъ меньше всего чувствуются неудобства многочисленности студентовъ. Было время, когда первое мѣсто по числу студентовъ, занималъ юридическій факультетъ въ Гейдельбергѣ; теперь превосходство и здѣсь принадлежитъ тремъ главнымъ университетамъ (Берлинъ—1441, Лейпцигъ—858, Мюнхенъ—612), за которыми издалека слѣдуетъ Бреславль, съ 318 студентами. Гейдельбергъ, съ 206 студентами, стоитъ на седьмомъ мѣстѣ, послѣ Бонна (251) и Страсбурга (222).

Избытокъ врачей до сихъ поръ нигдѣ въ Германіи еще не замѣчался, вслѣдствіе чего не подвергалось большимъ колебаніямъ и число студентовъ-медиковъ. Оно возвышалось и падало вмѣстѣ съ общимъ числомъ студентовъ подъ вліяніемъ общихъ причинъ, благопріятствовавшихъ или неблагопріятствовавшихъ наплыву молодыхъ людей въ университеты,—но какъ возвышеніе, такъ и паденіе не выходило изъ рамокъ сравнительно узкихъ. Въ настоящее время отношеніе числа врачей къ цифрѣ населенія въ Германіи гораздо выше, чѣмъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ (въ 1834 г. одинъ врачъ съ университетскимъ дипломомъ приходился на 6000 человѣкъ, въ 1879 г.—на 3349), но максимальной нормы оно еще далеко не достигло. Это доказывается съ одной стороны рѣзкими уклоненіями отъ средней цифры (въ Баваріи, напримѣръ, одинъ врачъ приходится на 2951 жителя, въ Виртембергѣ—на 3900), съ другой стороны—тѣмъ, что въ былые годы рядомъ съ докторами медицины, окончившими университетскій курсъ, практиковало множество такъ называемыхъ хирурговъ или лекарскихъ помощниковъ (въ родѣ нашихъ фельдшеровъ); въ саксонскомъ королевствѣ, напримѣръ—не дальше, какъ въ началѣ сороковыхъ годовъ—численность этихъ двухъ категорій относилась къ числу докторовъ медицины, какъ 56:44. Прирость „практикантовъ" теперь остановился и мѣсто ихъ должны заступить ученые врачи. Не лишенъ значенія, какъ признакъ ненарушеннаго еще равновѣсія между потребностью въ врачахъ и предложеніемъ врачебныхъ услугъ, и тотъ фактъ, что сыновья врачей охотно вступаютъ на отцовскую дорогу. Въ Галле, напримѣръ, цѣлая половина студентовъ, отцы которыхъ—врачи, поступаетъ теперь на медицинскій факультетъ, тогда какъ въ пятидесятыхъ годахъ туда поступала только одна треть ихъ, въ началѣ семидесятыхъ—47%. Между различными университетами студенты медики распредѣляются равномѣрнѣе, чѣмъ другіе. Это

слѣдуетъ приписать тому значенію, которое имѣютъ на медицинскомъ факультетѣ практическія занятія студентовъ, руководимыя профессорами. Число студентовъ медицины въ Берлинѣ, Лейпцигѣ и Мюнхенѣ составляетъ только 37% общаго числа студентовъ медиковъ, число студентовъ медицины въ шести наименьшихъ университетахъ—16½% того же числа. Одинъ изъ этихъ шести университетовъ (Грейфсвальдъ) занимаетъ, по числу студентовъ-медиковъ (345), шестое мѣсто между всѣми университетами, уступая, кромѣ Берлина (774), Мюнхена (669) и Лейпцига (623), только Вюрцбургу (542) и Бреславлю (348). Чтобы оцѣнить вполнѣ важность маленькихъ университетовъ для изученія медицины, достаточно имѣть въ виду, что, по мнѣнію Билльрота, вполнѣ основательную подготовку каждый медицинскій факультетъ можетъ дать только 100—125 слушателямъ.

Переходимъ къ философскому факультету. Мы видѣли уже, что въ продолженіе пятидесяти лѣтъ процентное отношеніе его къ другимъ факультетамъ возрасло слишкомъ вдвое. Около 1830 г. въ семи старо-прусскихъ университетахъ студентовъ философіи было менѣе 900, а въ 1882—83 г. ихъ было уже 4369, т.-е. почти впятеро больше. Въ трехъ главныхъ университетахъ число студентовъ философіи увеличилось, за тотъ же промежутокъ времени, слишкомъ вчетверо (съ 1011 до 4096); въ шести наименьшихъ университетахъ—почти впятеро (съ 235 до 1096). Всего менѣе выиграли философскіе факультеты южно-германскихъ университетовъ; здѣсь число студентовъ возрасло только вдвое (съ 977 до 1866). До пятидесятыхъ годовъ первое мѣсто между философскими факультетами занимаетъ мюнхенскій; съ шестидесятыхъ годовъ первенство переходитъ къ Берлину и только не надолго похищается у него Лейпцигомъ. Впередъ идутъ рѣшительно всѣ университеты, за исключеніемъ мюнстерскаго (въ Вестфаліи), имѣющаго только два факультета (католическо-богословскій и философскій) и, вѣроятно, именно потому менѣе привлекательнаго для студентовъ. Нѣмецкіе философскіе факультеты обнимаютъ собою, вообще говоря, всѣ предметы, преподаваемые у насъ на факультетахъ историко-филологическомъ и физико-математическомъ (съ присоединеніемъ еще нѣкоторыхъ предметовъ юридическаго факультета, напр., политической экономіи, науки о финансахъ). Если взять абсолютныя цифры, то циклъ наукъ, соотвѣтствующій нашему историко-филологическому факультету, не перестаетъ привлекать большее число слушателей, чѣмъ циклъ наукъ физико-математическихъ; но относительная цифра студентовъ, посвящающихъ себя этимъ послѣднимъ наукамъ, растетъ весьма быстро.

Въ 1841 г. число изучающихъ филологію и исторію относилось къ числу изучающихъ математику и естественную исторію, какъ $86\frac{1}{2}$: $13\frac{1}{2}$; въ 1851 г. это отношеніе составляло 80:20, въ 1871 г. — 77:23, въ 1881 г. 63:37. По приблизительному разсчету Конрада, за пятьдесятъ лѣтъ число студентовъ по отдѣлу словесныхъ наукъ возрасло въ $2\frac{3}{4}$ раза, а число студентовъ по отдѣлу точныхъ наукъ—въ десять разъ. Это увеличеніе тѣмъ болѣе поразительно, что значительная часть молодыхъ людей, склонныхъ къ изученію точныхъ наукъ, поступаетъ, въ послѣднее время, въ спеціальныя школы [1]). Значительно растетъ также число студентовъ, посвящающихъ себя изученію новѣйшихъ языковъ. Необходимо замѣтить, что въ началѣ семидесятыхъ годовъ ученики прусскихъ реальныхъ гимназій (или реальныхъ училищъ перваго разряда) получили право поступать въ университетъ, по философскому факультету, именно для изученія математики, естественныхъ наукъ и новѣйшихъ языковъ, что, конечно, много способствовало увеличенію числа слушателей по этимъ предметамъ. Уже въ 1879 г. половина молодыхъ людей, получившихъ свидѣтельство зрѣлости въ реальной гимназіи, поступала на философскіе факультеты, составляя около 12% всего числа вновь опредѣляющихся въ университетъ. Въ настоящее время на каждую сотню тысячъ жителей въ Германіи приходится 18 студентовъ философскаго факультета (въ Австріи—только восемь).

Между студентами нѣмецкихъ университетовъ всегда было довольно много иностранцевъ. Абсолютное ихъ число растетъ (въ половинѣ тридцатыхъ годовъ—461, въ началѣ шестидесятыхъ—753, въ началѣ восьмидесятыхъ—1133), но отношеніе ихъ къ общему числу студентовъ въ послѣднее время упадаетъ (за тѣ же періоды—4%, 6%, 5%). Прежде ихъ было особенно много на факультетахъ богословскихъ и юридическомъ, теперь перевѣсъ оказывается на сторонѣ факультетовъ медицинскаго и философскаго. Всего больше между иностранцами швейцарцевъ; второе мѣсто—и по абсолютному числу, и по процентному отношенію—постоянно занимали и занимаютъ **русскіе** (въ 1835—36 г.—64 или 14%, въ 1860—61—156 или 21%, въ 1880—81 г.—204

---

[1]) Въ началѣ тридцатыхъ годовъ высшихъ техническихъ школъ въ Германіи было только четыре (въ Дрезденѣ, Карлсруэ, Штутгартѣ и Ганноверѣ) и число слушателей не доходило въ нихъ и до тысячи; къ началу восьмидесятыхъ годовъ въ девяти школахъ (прибавились Мюнхенъ, Аахенъ, Берлинъ, Дармштадтъ и Брауншвейгъ) было болѣе 4200 слушателей, а если считать Цюрихъ—почти пять тысячъ. Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ эта послѣдняя цифра была еще выше (около 7500); за переполненіемъ техническихъ карьеръ очевидно послѣдовала реакція.

или 18%). Чрезвычайно сильно возрасло число уроженцевъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ; въ 1835—6 г. ихъ было только 4 (1%), въ 1880—1 г.—173 ($15^1/_2$%). Французовъ, какъ въ 1835—6, такъ и въ 1880—81 г. было 21; процентное отношеніе ихъ понизилось съ $4^1/_2$ до 2%. Изъ числа 204 русскихъ цѣлая половина (106) въ 1880—81 слушала лекціи на философскомъ факультетѣ, три четверти остальной половины (78)—на медицинскомъ. Три главные университета сосредоточивали въ себѣ, въ 1880—81 г., больше половины всѣхъ иностранцевъ (592 изъ 1133); много ихъ было еще въ Гейдельбергѣ (122). Въ послѣднее время очень быстро растетъ число вольнослушателей (госпитантовъ); въ началѣ тридцатыхъ годовъ ихъ было 596, въ началѣ восьмидесятыхъ—2277. Изъ этой послѣдней цифры больше трехъ четвертей (1762—77%) приходится на долю одного Берлина.

Чрезвычайно важно было бы опредѣлить, къ какимъ общественнымъ группамъ принадлежали и принадлежатъ студенты, увеличивается ли, и въ какой мѣрѣ, число студентовъ изъ среды низшихъ классовъ населенія. Къ сожалѣнію, матеріаловъ по этому вопросу Конраду удалось собрать немного, и они относятся только къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ университетамъ—преимущественно къ галльскому. Въ тюбингенскомъ университетѣ, какъ въ двадцатыхъ, такъ и въ семидесятыхъ годахъ, больше половины студентовъ происходили отъ отцовъ, получившихъ высшее образованіе. Особенно много такихъ студентовъ (60% и болѣе) было на протестантскомъ, особенно мало (отъ 2 до 8%)—на католическомъ богословскомъ факультетѣ. Въ Галле, слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ—въ 1768—71 г., изъ 830 студентовъ 440 (53%) были сыновья высшихъ чиновниковъ, пасторовъ, врачей, преподавателей въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—однимъ словомъ, сыновья людей, получившихъ университетское образованіе; за ними слѣдовали 180 молодыхъ людей ($21^1/_2$%) изъ семействъ болѣе или менѣе образованныхъ (сыновья офицеровъ, землевладѣльцевъ, учителей и чиновниковъ, не входящихъ въ предъидущую группу, и т. п.), 69 купеческихъ сыновей ($8^1/_2$%), 102 сына ремесленниковъ (12%), 39 сыновей крестьянъ или рабочихъ (5%). Въ началѣ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія тѣмъ же пяти категоріямъ соотвѣтствуютъ слѣдующія цифры: 494 (45%), 282 ($25^1/_2$%), 91 (8%), 151 (13%), 83 ($7^1/_2$%); въ половинѣ тридцатыхъ годовъ—568 ($37^1/_2$%), 455 ($30^1/_2$%), 170 (11%), 177 ($11^1/_2$%), 146 ($9^1/_2$%); въ началѣ пятидесятыхъ годовъ—706 ($47^1/_2$%), 448 ($30^1/_2$%), 109 ($7^1/_2$%), 113 ($7^1/_2$%), 103 (7%); въ первой

половинѣ семидесятыхъ годовъ—761 ($35^3/_4$%), 822 ($38^3/_4$%), 213 (10%), 175 ($8^1/_4$%), 156 ($7^1/_4$%); во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ—823 ($31^3/_4$%), 984 (38%), 291 ($11^1/_4$%), 297 ($11^1/_4$%), 199 ($7^3/_4$%). Если соединить три первыя категоріи въ одну, двѣ послѣднія—въ другую группу,—другими словами, если отдѣлить достаточные классы отъ недостаточныхъ, то на долю первой группы придется въ прошломъ столѣтіи 83%, въ началѣ двадцатыхъ годовъ—$79^1/_2$%, въ половинѣ тридцатыхъ годовъ—$78^1/_2$%, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ—75%, въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ—$84^1/_2$%, во второй половинѣ — 80% общаго числа студентовъ; на долю второй группы остаются, затѣмъ, слѣдующія цифры: 17%, $20^1/_2$%, $21^1/_2$%, 25%, $15^1/_2$%, 20%. Всего любопытнѣе здѣсь обратное движеніе, наступившее послѣ франко-германской войны; оно остановилось весьма скоро, но къ началу восьмидесятыхъ годовъ недостаточные классы все еще не достигли того положенія, которое занимали въ пятидесятыхъ и даже въ тридцатыхъ годахъ. Объясняется это, быть можетъ, тѣмъ, что въ наплывѣ студентовъ, начавшемся въ послѣднее десятилѣтіе, бѣдные классы не могли принять столь же дѣятельнаго участія, какъ болѣе достаточные, и должны были нѣсколько отстать отъ нихъ. Абсолютныя цифры студентовъ изъ среды ремесленниковъ, рабочихъ и крестьянъ понижаются въ особенности послѣ революціи 1848 г.; послѣ франко-германской войны онѣ растутъ, и довольно быстро. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ студенты этой категоріи поступали всего охотнѣе на факультетъ богословскій; теперь они идутъ преимущественно на философскій факультетъ, но ихъ все еще много и на богословскомъ, а всего меньше на юридическомъ факультетѣ, обладающемъ особою привлекательною силой для сыновей землевладѣльцевъ. Само собою разумѣется, что изъ цифръ, относящихся къ одному только университету, нельзя сдѣлать рѣшительныхъ общихъ выводовъ. Одно онѣ доказываютъ несомнѣнно—важность вопроса, о которомъ до сихъ поръ слишкомъ мало думали составители университетскихъ отчетовъ.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ всѣхъ преподавателей въ германскихъ университетахъ было 1186, въ 1865 г.—1221; теперь ихъ 1809—слѣдовательно, значительное увеличеніе ихъ числа относится къ послѣднему двадцатилѣтію (новый университетъ въ это время открытъ только одинъ—въ Страсбургѣ, съ 76 преподавателями). Изъ общаго числа преподавателей на долю католическихъ богословскихъ факультетовъ приходилось въ 1835 г. 41 ($3^1/_2$%), протестантскихъ богословскихъ — 140 ($11^3/_4$%),

юридическихъ—196 ($16^1/_2$%), медицинскихъ—283 (23%), философскихъ—526 ($45^1/_4$%); въ 1880 г. соотвѣтствующія цифры были слѣдующія: 51 ($2^3/_4$%), 141 ($7^3/_4$%), 193 ($10^2/_3$%), 494 ($27^1/_3$%), 930 ($51^1/_2$%). Потерянное факультетами богословскимъ и юридическимъ выиграно, такимъ образомъ, факультетами медицинскимъ и философскимъ; на медицинскомъ факультетѣ увеличенію числа преподавателей способствуетъ растущая спеціализація знаній, на философскомъ—учрежденіе новыхъ каѳедръ (по сравнительному языковнанію, археологіи, египтологіи, географіи, славянскимъ и кельтскимъ языкамъ и др.) и умноженіе числа каѳедръ по нѣкоторымъ другимъ предметамъ (напр. по исторіи, филологіи, ботаникѣ, химіи). Необыкновенный ростъ философскаго факультета привелъ, въ иныхъ университетахъ, къ выдѣленію изъ него особаго естественно-научнаго факультета (Тюбингенъ, Страсбургъ) или къ раздѣленію его на два отдѣла, соединяющіеся въ одно цѣлое только для обсужденія дѣлъ, одинаково касающихся и того, и другого (Мюнхенъ, Вюрцбургъ). Въ Тюбингенѣ и Мюнхенѣ образованы, сверхъ того, особые „государственно-научные“ (staatswissenschaftliche) факультеты, а въ Страсбургѣ и Вюрцбургѣ государственныя науки перечислены въ составъ юридическаго факультета.—Отношеніе приватъ-доцентовъ къ профессорамъ почти не измѣняется: въ 1835 г. профессоровъ было 892, приватъ-доцентовъ — 294 ($24^3/_4$%), въ 1880 г. профессоровъ—1390, приватъ-доцентовъ—459 ($25^1/_2$%). Особенно много приватъ-доцентовъ въ Пруссіи. Въ трехъ главныхъ университетахъ приватъ-доценты составляютъ около 30% всѣхъ преподавателей, въ шести наименьшихъ университетахъ—около 20%. Что касается до факультетовъ, то всего богаче приватъ-доцентами медицинскій факультетъ, гдѣ они составляли въ 1880 г. около $32^1/_2$% всѣхъ преподавателей, всего бѣднѣе—юридическій факультетъ (13%).

Въ началѣ столѣтія Пруссія тратила на свои университеты—не считая чрезвычайныхъ расходовъ по постройкѣ зданій и т. п.—около 300 тысячъ марокъ въ годъ, или почти 200 марокъ на каждаго студента. Къ началу тридцатыхъ годовъ ежегодный расходъ приближался уже къ $1^1/_2$ милл. марокъ (по 268 марокъ на студента) и держался, приблизительно, на этой высотѣ до самаго 1866 г. Съ тѣхъ поръ онъ начинаетъ быстро расти, составляя въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ, среднимъ числомъ по $4^1/_4$ милл., во второй ихъ половинѣ—по $5^1/_2$ милл. марокъ въ годъ, а въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ достигая почти 6 милліоновъ. Средняя цифра расхода на каждаго студента растетъ сравнительно меньше,

вслѣдствіе быстраго увеличенія числа студентовъ; въ послѣднее время она даже клонится къ пониженію (въ концѣ шестидесятыхъ годовъ—364, въ первой половинѣ семидесятыхъ—562, во второй половинѣ—574, въ 1882—83 г.—483, въ 1883—84 г. —464 марки). Со включеніемъ чрезвычайныхъ расходовъ, стоимость содержанія университетовъ составляла въ 1882—83 г. болѣе $7^1/_2$ милл. марокъ (по 620 марокъ на студента). Въ томъ же самомъ году государство, вмѣстѣ съ общинами, тратило на народныя школы около 78 милліоновъ марокъ (по 18 мар. на ученика), на среднія учебныя заведенія (мужскія)—болѣе $11^1/_2$ милл. марокъ (по 78 марокъ на ученика). Плата за ученье въ народныхъ школахъ составляла, среднимъ числомъ, 3 марки и приносила почти 13 милліоновъ, плата за ученье въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ составляла 79 марокъ и приносила около 12 милліоновъ.

Къ подробному обзору статистическихъ данныхъ, прямо касающихся высшаго университетскаго образованія, Конрадъ присоединяетъ небольшую экскурсію въ область средняго обученія. Исходя изъ той мысли, что наплывъ студентовъ въ университеты переступилъ желанную норму и что ему теперь же долженъ быть положенъ предѣлъ, авторъ предлагаетъ цѣлый рядъ мѣръ для достиженія этой цѣли: ограниченіе числа гимназій, учрежденіе рядомъ съ ними, въ тѣхъ же городахъ—другихъ среднихъ учебныхъ заведеній, не разсчитанныхъ на приготовленіе къ университету, увеличеніе числа реальныхъ училищъ безъ латинскаго языка, сокращеніе курса реальныхъ училищъ, отмѣну дарованнаго реалистамъ, въ извѣстныхъ границахъ, права поступать въ университетъ, возвышеніе платы за ученіе въ гимназіяхъ и т. п. Статистическія данныя о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ являются, собственно, не чѣмъ другимъ, какъ мотивировкой преобразовательныхъ плановъ автора. Излагать эту часть книги мы считаемъ излишнимъ, тѣмъ болѣе, что она не имѣетъ прямого отношенія къ статистикѣ германскихъ университетовъ. Замѣтимъ только: 1) что въ прусскихъ гимназіяхъ число учениковъ перваго (старшаго) класса составляетъ около $10^1/_2\%$ общаго числа гимназистовъ, и что эта пропорція—столь высокая, если сравнить ее съ пустотой старшихъ классовъ въ нашихъ гимназіяхъ—признается Конрадомъ все еще недостаточно благопріятной, и 2) что отношеніе общаго числа гимназистовъ къ населенію увеличилось за пятьдесятъ лѣтъ, въ старо-прусскихъ провинціяхъ, почти вдвое, а отношеніе къ населенію общаго числа учениковъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеній (т.-е. реальныхъ училищъ и

такъ называемыхъ высшихъ бюргерскихъ школъ—obere Bürgerschulen)—слишкомъ вдвое.

До сихъ поръ мы только передавали содержаніе книги Конрада; остановимся теперь на тѣхъ немногихъ ея пунктахъ, гдѣ ученый изслѣдователь уступаетъ мѣсто не совсѣмъ безпристрастному публицисту. Намъ кажется, что Конрадъ не доказалъ своей главной тэмы—не доказалъ переполненія германскихъ университетовъ, т.-е. избытка лицъ, стремящихся къ источникамъ высшаго образованія. Противъ этого положенія говорятъ, прежде всего, факты, установленные самимъ Конрадомъ. Отношеніе числа студентовъ ко всему населенію Германіи не достигло еще той цифры, которою оно выражалось пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Изъ числа пяти факультетовъ—разсматриваемыхъ съ точки зрѣнія численности—одинъ (католическій богословскій) рѣшительно не въ силахъ удовлетворить своему назначенію, другой (протестантскій богословскій) едва ему удовлетворяетъ, третій (медицинскій) обезпечиваетъ будущей работой всѣхъ своихъ слушателей, четвертый (философскій) непрерывно растетъ, не вызывая реакціи и не представляя, слѣдовательно, никакихъ признаковъ переполненія. Остается только одинъ юридическій факультетъ, на которомъ число слушателей дѣйствительно, быть можетъ, увеличивается въ послѣдніе годы непропорціонально требованіямъ жизни. И здѣсь, однако, нельзя не принять во вниманіе, что далеко не всѣ студенты-юристы намѣрены посвятить себя государственной службѣ и что однимъ числомъ ежегодно открывающихся вакансій не можетъ и не должно обусловливаться число поступающихъ на юридическій факультетъ. Припомнимъ наблюденіе, сдѣланное Конрадомъ въ галльскомъ университетѣ: особенно привлекательнымъ юридическій факультетъ оказывается для сыновей землевладѣльцевъ. Объяснять это стремленіемъ ихъ вырваться изъ помѣстій, не дающихъ достаточнаго дохода, едва ли можно: въ прусской Саксоніи (гдѣ находится Галле) хозяйничанье на собственной землѣ едва ли такъ безвыгодно, какъ въ Помераніи или восточной Пруссіи. Гораздо естественнѣе предположить, что для будущихъ землевладѣльцевъ юридическое образованіе является, между прочимъ, подготовкой къ веденію дѣлъ, возникающихъ изъ завѣдыванія собственнымъ хозяйствомъ, и къ дѣятельности на почвѣ мѣстнаго самоуправленія.

Въ основаніи мнѣнія Конрада о переполненіи университетовъ лежитъ, какъ намъ кажется, еще одно, болѣе важное недоразу-

мѣніе. Конрадъ смотритъ на университетское образованіе исключительно, какъ на средство къ достиженію извѣстныхъ практическихъ цѣлей, какъ на условіе, открывающее доступъ къ той или другой карьерѣ. Такимъ средствомъ, такимъ условіемъ оно, безъ сомнѣнія, и служитъ—но этимъ не исчерпывается его значеніе. Не для большинства, конечно, но для многихъ оно является цѣлью само по себѣ—и чѣмъ больше кругъ лицъ, относящихся къ университету именно съ этой точки зрѣнія, тѣмъ выше цѣнность университета въ народной жизни. Матеріалъ для возраженій Конраду мы находимъ и здѣсь въ данныхъ, имъ самимъ приводимыхъ. Какъ объяснить, напримѣръ, громадную разницу между различными государствами и провинціями Германіи, изъ которыхъ одни даютъ вдвое больше студентовъ, чѣмъ другія? Вѣдь Баварія не меньше нуждается въ судьяхъ, въ учителяхъ, во врачахъ, чѣмъ Виртембергъ или Гессенъ, рейнская провинція—не меньше, чѣмъ Померанія. Какъ объяснить, далѣе, что въ Австріи юридическій факультетъ вмѣщаетъ въ себѣ болѣе половины всѣхъ студентовъ, а въ Германіи слушатели этого факультета никогда не составляли больше одной трети, теперь не составляютъ и четверти общаго числа студентовъ? Нельзя же допустить, что въ Австріи спросъ на юристовъ вдвое больше, чѣмъ въ Германіи. Условія государственной службы и тамъ, и тутъ въ главныхъ чертахъ одни и тѣ же; государственныя испытанія существуютъ и тамъ, и тутъ, на основаніяхъ болѣе или менѣе одинаковыхъ. Громадная разница отношеній, нами упомянутыхъ, не можетъ зависѣть ни отъ чего иного, какъ отъ сравнительнаго преобладанія въ Австріи практическаго, житейскаго взгляда на университетское образованіе. Юридическій факультетъ—одинъ изъ тѣхъ, которые всего больше соотвѣтствуютъ этому взгляду; отсюда перевѣсъ, принадлежащій ему въ Австріи надъ всѣми другими. Къ тому же заключенію, хотя и обратнымъ путемъ, приводитъ исторія философскихъ факультетовъ, растущихъ и въ Германіи, и въ Австріи, но въ первой гораздо болѣе (слишкомъ вдвое) многочисленныхъ, чѣмъ въ послѣдней. Философскій факультетъ—именно тотъ, который всего менѣе привлекателенъ съ узко-практической точки зрѣнія и всего болѣе привлекателенъ, какъ источникъ широкаго образованія, теоретически важныхъ знаній. Конечно, и онъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ необходимое преддверіе къ профессіи—напр. учительской; но это назначеніе свойственно ему въ гораздо меньшей степени, чѣмъ другимъ факультетамъ. Между студентами-богословами, юристами, медиками могутъ быть—и безъ сомнѣнія бываютъ—и такіе, которые

имѣютъ въ виду не столько карьеру пастора, судьи, врача, сколько пріобрѣтеніе свѣденій по интересующему ихъ предмету; но они по необходимости составляютъ меньшинство, потому что самый характеръ этихъ факультетовъ—преимущественно практическій. Наоборотъ, на философскомъ факультетѣ есть студенты, задающіеся чисто-практическими цѣлями—но не отъ нихъ зависитъ быстрый ростъ факультета, потому что число мѣстъ, занимаемыхъ бывшими его студентами, увеличивается медленно, постепенно. Припомнимъ необыкновенный приливъ студентовъ къ математическимъ и естественно-научнымъ каѳедрамъ, составляющій отличительную черту развитія германскихъ университетовъ въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій. Одному увеличенію числа учителей математики и естественной исторіи въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ этотъ приливъ, очевидно, приписать нельзя, потому что для удовлетворенія потребности въ учителяхъ вовсе не нужно было десятикратное увеличеніе числа студентовъ; связывать его съ усиливающимся запросомъ на ученыхъ техниковъ также нельзя, потому что будущіе техники поступаютъ не въ университетъ, а въ спеціальныя школы, такъ быстро, съ нѣкоторыхъ поръ, умножившіяся и поднявшіяся въ Германіи. Нѣтъ, что̀ бы ни говорилъ Конрадъ, нѣмецкіе университеты— или по меньшей мѣрѣ философскіе ихъ факультеты—являются, въ значительной степени, разсадниками высшаго образованія, чуждаго практическихъ цѣлей, и о переполненіи ихъ уже поэтому одному не можетъ быть и рѣчи. Нельзя ожидать, въ близкомъ будущемъ, и того относительнаго переполненія нѣмецкихъ университетовъ, которое выражается въ нарушеніи равновѣсія между студентами и профессорами. Число послѣднихъ растетъ почти пропорціонально числу первыхъ, и притомъ небольшіе университеты представляютъ собою драгоцѣнный запасъ силъ, всегда готовыхъ облегчить работу крупныхъ центровъ. Когда главные университеты Германіи, дѣйствительно, окажутся переполненными, избытокъ студентовъ отхлынетъ самъ собою къ окраинамъ и найдетъ тамъ достаточно мѣста и простора. Взаимодѣйствіе большихъ и малыхъ университетовъ—одна изъ самыхъ счастливыхъ особенностей германскаго университетскаго устройства.

Еслибы даже и можно было допустить, что для германскихъ университетовъ наступила или наступаетъ пора переполненія, то отсюда не вытекала бы еще неизбѣжно необходимость предохранительныхъ мѣръ, проектируемыхъ Конрадомъ. Исторія послѣдняго пятидесятилѣтія показываетъ съ полною ясностью, что роль регулятора исполняетъ, въ этомъ отношеніи, сама жизнь, и

исполняетъ съ большимъ успѣхомъ. Мы видѣли уже, что за излишнимъ наплывомъ студентовъ на факультеты богословскій (протестантскій) и юридическій всегда слѣдовала реакція, возстановлявшая равновѣсіе между предложеніемъ и спросомъ. Съ другой стороны, свѣдѣнія о происхожденіи студентовъ, собранныя Конрадомъ, свидѣтельствуютъ скорѣе о недостаточности, чѣмъ объ излишней вышинѣ контингента, поставляемаго въ университетъ бѣднѣйшимъ классомъ населенія, и вовсе не говорятъ въ пользу мѣръ, имѣющихъ цѣлью затруднить для дѣтей этого класса доступъ въ гимназію, а, слѣдовательно, и въ университетъ. Спѣшимъ оговориться: Конрадъ отнюдь не можетъ быть поставленъ на одну доску съ нашими „охранителями", старающимися положить конецъ „демократизаціи" университетовъ. Предлагая повысить плату за ученіе въ гимназіяхъ, онъ считаетъ необходимымъ коррективомъ этой мѣры учрежденіе достаточнаго числа безплатныхъ мѣстъ—по возможности въ алумнатахъ, т.-е., выражаясь по нашему, въ „гимназическихъ пансіонахъ", дающихъ ученикамъ и полное содержаніе, и воспитаніе—для бѣдныхъ учениковъ элементарныхъ школъ, обратившихъ на себя вниманіе своимъ трудолюбіемъ и способностями. Само собою разумѣется, что нѣмецкіе гимназическіе алумнаты чужды сословнаго характера, который наши охранители желали бы положить въ основаніе гимназическихъ (дворянскихъ) пансіоновъ, и что безплатныя мѣста, о которыхъ говоритъ Конрадъ, замѣщались бы преимущественно дѣтьми изъ такъ-называемыхъ низшихъ сословій.

Если число нѣмецкихъ студентовъ, принадлежащихъ къ бѣднѣйшимъ классамъ населенія, не можетъ быть названо значительнымъ, то оно отнюдь и не ничтожно, и притомъ клонится къ повышенію. Это слѣдуетъ помнить тѣмъ, которые возстаютъ противъ наплыва „пролетаріевъ" въ русскіе университеты и восхваляютъ сравнительную „аристократичность" университетовъ нѣмецкихъ. 20—25% сыновей ремесленниковъ, рабочихъ и крестьянъ—не такая цифра, которая свидѣтельствовала бы о безусловно привилегированномъ характерѣ высшаго образованія. Весьма можетъ быть, что изъ нашихъ университетовъ ни одинъ, съ этой точки зрѣнія, не оказался бы столь „демократичнымъ", какъ галльскій... Затронутый нами вопросъ—только одинъ изъ многихъ, по которымъ желательно было бы провести параллель между русскими и нѣмецкими университетами; но въ матеріалахъ для такой параллели чувствуется у насъ величайшій недостатокъ. Пора извлечь ихъ изъ архивовъ и подвергнуть ихъ обработкѣ, въ родѣ той, которую мы видѣли у Конрада. Замѣтимъ, въ заключеніе,

что сотрудниками Конрада были окончившіе и не окончившіе еще курсъ студенты, занимавшіеся, подъ его руководствомъ, въ такъ-называемой государственно-научной семинаріи (staatwissenschaftliches Seminar) галльскаго университета. Такихъ коллективныхъ работъ галльская семинарія исполнила и обнародовала уже не мало. На основаніи новаго университетскаго устава и изданныхъ, въ дополненіе къ нему, правилъ о зачетѣ полугодій, практическія упражненія — въ томъ числѣ и семинарскія работы — сдѣлались у насъ обязательными для студентовъ всѣхъ факультетовъ; отчего бы не воспользоваться этимъ, между прочимъ, для перваго опыта статистики русскихъ университетовъ?

А—н—

СТИХОТВОРЕНІЕ

DANSE MACABRE.

Осенняя мелодія.

Дико вихрь осенній стонетъ
  Надъ угрюмою землей
И сухіе листья гонитъ,
  Въ буйной пляскѣ, предъ собой:
Все впередъ—безумно скачетъ
  Пожелтѣвшая листва! —
Не по ней ли—небо плачетъ
  И печалится трава?
Въ дни, когда съ отраднымъ свѣтомъ
  Намъ тепло лучи несутъ, —
Подъ могучимъ солнцемъ, лѣтомъ,
  Міръ сіялъ, какъ изумрудъ!
Гдѣ кипѣли жизни силы,
  Гимны радости лились, —
Открываются могилы,
  Тучи въ трауръ облеклись...
По садамъ и рощамъ—голы
  Сучья жалкіе деревъ:
Чрезъ холмы и черезъ дόлы
  Мчится танецъ мертвецовъ, —
И покойники, дорогой,
  Будто жалобно шуршатъ,
Будто съ горькою тревогой
  Озираются назадъ!..

Страшны—вихрей злыхъ стремленья,
 Съ непогодами борьба;
А въ дали сулитъ имъ тлѣнье
 Безпощадная судьба...
Я гляжу на нихъ съ тоскою, —
 Радъ бы жизнь начать я вновь:
Вѣрить бодрою душею
 Въ призракъ счастія - любовь! —
Съ тѣмъ, чтобъ пламя идеала
 Смѣло мысль зажгла опять
И сомнѣній отогнала
 Удручающую рать;
Чтобы раннія сѣдины
 Не покрыли головы...
Мнѣ такъ грустно—отъ картины
 Дико-пляшущей листвы!
Въ нищетѣ духовной вѣжды
 Я смыкаю передъ ней:
Это—прочь летятъ надежды
 Бѣдной юности моей!
Пусть, въ природѣ, обновляетъ
 Зелень — каждая весна, —
Людямъ старость припасаетъ
 Только смерти сѣмена...

С. Б—въ.

ОБЗОРЪ
МАЛОРУССКОЙ ЭТНОГРАФІИ

IV. — Польскіе и галицкіе этнографическіе сборники тридцатыхъ годовъ *).

Сказавъ о трудахъ первыхъ малорусскихъ этнографовъ, мы должны еще разъ вернуться назадъ, къ двадцатымъ и тридцатымъ годамъ.

Съ тридцатыхъ годовъ у нашихъ этнографовъ, изучавшихъ малорусскую народно-поэтическую старину, въ ряду авторитетныхъ источниковъ являются труды польскихъ собирателей и комментаторовъ, въ особенности Вацлава изъ Олеска, Жеготы Паули, Войцицкаго и другихъ. Откуда взялись эти труды польскихъ писателей о малорусской поэзіи — повидимому столь имъ чуждой, а иногда столь враждебной къ польскому народу; чѣмъ эти труды были внушены, какое ихъ достоинство?

Это участіе польскихъ ученыхъ и собирателей въ малорусскомъ этнографическомъ вопросѣ приводитъ насъ къ любопытному литературному періоду, до сихъ поръ мало обращавшему на себя вниманіе историковъ русской литературы. Именно, было время, когда между двумя литературами, русской и польской, возникали взаимныя связи, къ сожалѣнію слишкомъ кратковременныя, но которыхъ развитіе могло бы быть очень плодотворно для обѣихъ сторонъ. Эти отношенія начинаются въ особенности во времена императора Александра и держались до тридцатыхъ

*) См. выше: октябрь, 777 стр.

годовъ, когда слѣды ихъ, наконецъ, совсѣмъ заглохли.—Въ ту пору можно было нерѣдко встрѣтить эти дружелюбныя влеченія, когда въ извѣстномъ кругу обѣихъ литературъ существовалъ взаимный ученый и даже поэтическій интересъ, когда у насъ знакомы были и пользовались почетомъ имена польскихъ ученыхъ, какъ Снядецкій, Нарушевичъ, Почобутъ, Линде, Лелевель, Раковецкій, Мацѣевскій, когда Мицкевичъ былъ съ любовью и уваженіемъ принятъ въ лучшемъ литературномъ кругу Петербурга и Москвы, когда съ другой стороны польскимъ писателямъ бывали знакомы главнѣйшіе труды въ области русской исторіи, археологіи и этнографіи.

Были разныя причины, которыя сдѣлали подобныя отношенія возможными или прямо вызывали ихъ. Во-первыхъ, условія внѣшнія, когда въ царствованіе императора Александра между Россіей, или русскимъ правительствомъ, и Польшей установились дружественныя связи, какихъ не бывало прежде и которыя, послѣ враждебнаго эпизода 1812 года, возобновились по благодушію императора. Въ самомъ началѣ царствованія Адамъ Чарторыйскій, впослѣдствіи знаменитый глава польской эмиграціи, былъ въ числѣ ближайшихъ друзей императора, игралъ роль въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; большое число поляковъ или западно-русскихъ уроженцевъ польскаго образованія разсѣяно было на разныхъ ступеняхъ русской чиновничьей іерархіи; очень часто они не забывали своихъ особыхъ племенныхъ интересовъ, но сближеніе тѣмъ не менѣе происходило, угловатости стирались, являлась возможность общихъ понятій. Впослѣдствіи, это время и эти люди стали предметомъ самыхъ ожесточенныхъ обвиненій, которыя, начавшись особливо съ послѣдняго польскаго возстанія, продолжаются и до сихъ поръ и мѣшаютъ взглянуть болѣе хладнокровно какъ на весь польскій вопросъ, такъ въ частности на эту историческую пору, и оцѣнить ту ея сторону, которая представляетъ и съ русской точки зрѣнія много сочувственнаго. Поляковъ, пользовавшихся расположеніемъ или участіемъ императора Александра, изображаютъ почти только предателями, которые, эксплуатируя слабость и недогадливость русскаго правительства, вели дѣятельную пропаганду полонизма, не только въ царствѣ, но и въ западномъ русскомъ краѣ, и успѣли нанести много вреда дѣлу русской народности. Пропаганда полонизма не подлежитъ сомнѣнію; но если мы хотимъ правильно судить или осудить ее, надо вспомнить всѣ условія времени и государственныхъ отношеній. Въ первые годы императора Александра еще не далеко было время, когда западный

и юго-западный край былъ польскимъ государствомъ; это было памятно не только по какому-нибудь политическому упорству и сепаративному духу поляковъ или ополяченныхъ русскихъ западнаго и юго-западнаго края, но по всему бытовому складу этихъ земель, гдѣ польское вліяніе, худо ли, хорошо ли, возымѣло громадную силу еще съ XVI—XVII столѣтій, гдѣ жизнь всего высшаго и средняго класса сложилась по польскому образцу и гдѣ польскій языкъ и обычай были господствующими. Народъ оставался, конечно, русскимъ, т.-е. малорусскимъ и бѣлорусскимъ; но, къ сожалѣнію, въ тѣ времена объ этомъ народѣ, какъ и о самомъ русскомъ народѣ въ Россійской имперіи, думали очень мало: и для польскихъ или ополяченныхъ пановъ, и для самого русскаго правительства, это были просто крѣпостные, принадлежавшіе своимъ господамъ, и сколько ни мечтали о необходимости освобожденія лучшіе умы (не только между русскими, но и между поляками), обычная практика жизни считала эти отношенія совершенно правильными,—изъ-за простыхъ помѣщичьихъ взглядовъ на крѣпостныхъ не приходило въ голову тревожить себя вопросами о русской народности этихъ крѣпостныхъ въ западномъ и юго-западномъ краѣ. Далѣе, если въ прежнее время эта русская народность, интересы которой не находили достаточной опоры въ русскомъ національномъ центрѣ, уступала болѣе или менѣе легко передъ полонизмомъ, который въ разныхъ отношеніяхъ представлялъ болѣе высокую степень культуры, то естественно, что и теперь смотрѣли на дѣло точно также. Правда, съ нашей нынѣшней точки зрѣнія эта болѣе высокая культура была въ сущности еще очень грубая: съ одной стороны она не доросла до какого-нибудь здраваго пониманія политическихъ отношеній и тѣмъ довела самое государство до полнаго распаденія; съ другой, она не выработала пониманія необходимѣйшихъ потребностей соціальнаго положенія народа и вообще слишкомъ увлеклась узко-сословными интересами, слишкомъ мало давала мѣста свободному просвѣщенію и, напротивъ, слишкомъ легко поддавалась племенному и церковному фанатизму,—но опять, въ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія, у насъ мало это замѣчали или не замѣчали вовсе, и поляки тѣмъ удобнѣе могли оставаться при своей точкѣ зрѣнія. Безъ мысли о политическомъ упорствѣ, о культурной несправедливости, то, что̀ мы называемъ теперь злостной пропагандой полонизма, было для нихъ совершенно естественнымъ дѣломъ, и эту пропаганду, въ западномъ и юго-западномъ краѣ, они могли считать правильнымъ и настоящимъ дѣломъ просвѣщенія. Теперешнія обвиненія забываютъ, что съ русской стороны этому не только не

оказывалось противодѣйствія, не противопоставлялось иного равносильнаго или высшаго принципа ни въ правительственныхъ мѣрахъ, ни въ мнѣніяхъ самого общества но самое дѣло казалось какъ будто безспорнымъ и, слѣдовательно, нынѣшнее обвиненіе должно постигнуть не одну только польскую пропаганду, но и неразвитость русскаго общественнаго мнѣнія и народнаго сознанія. Карамзинъ, Энгельгардтъ, члены тайнаго общества протестовали противъ приписываемыхъ тогда императору Александру плановъ присоединенія къ Польшѣ западныхъ русскихъ губерній, но у нихъ у всѣхъ шла рѣчь только о политической сторонѣ дѣла,—они не имѣли представленія объ его сторонѣ культурной и народной. Прибавимъ, наконецъ, что дѣло польскаго образованія въ западномъ краѣ имѣло за себя на мѣстѣ много замѣчательныхъ научныхъ силъ, которыя сосредоточились тогда въ виленскомъ университетѣ. Понятно, что имъ могли быть противопоставлены лишь равныя силы съ другой стороны, которыя могли бы представить противовѣсъ ихъ авторитету,—а у насъ въ дѣлѣ просвѣщенія хозяйничали тогда кн. А. Н. Голицынъ, Магницкій, Руничъ, адмиралъ Шишковъ, дѣлались предложенія о „разрушеніи" (буквально) университетовъ и т. п.

Итакъ, въ ту пору, въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ, еще не было такой вражды двухъ сторонъ, какая теперь распространяется на это время заднимъ числомъ; вражда политическая еще не созрѣла; обѣ стороны, напротивъ, могли думать о мирномъ сожительствѣ въ предѣлахъ одного государственнаго цѣлаго; не рѣдки бывали проявленія дружественныхъ отношеній между поляками и русскими; для послѣднихъ Варшава не была военнымъ станомъ среди враждебнаго населенія, а скорѣе веселой столицей, еще не получившей чистой отставки, гдѣ можно было жить въ дружбѣ съ недавними врагами. Мирныя отношенія отражались и въ связяхъ литературныхъ. Польскіе историки слѣдили за вопросами русской исторіи (Раковецкій, Лелевель, Кухарскій и др.); русскіе ученые съ интересомъ, чуждымъ нетерпимости, знакомились съ ихъ трудами и политическое участіе къ дѣламъ Польши соединяли съ вниманіемъ къ польской литературѣ; любопытно, напр., что „Думы" Рылѣева, по его собственнымъ словамъ, были внушены отчасти „Историческими пѣснями" Нѣмцевича [1]); мы упомянули сейчасъ, съ какимъ высокимъ друже-

[1]) „Напоминать юношеству о подвигахъ предковъ, знакомить его со свѣтлѣйшими эпохами народной исторіи, сдружить любовь къ отечеству съ первыми впечатлѣніями памяти—вотъ вѣрный способъ для привитія народу сильной привязанности къ родинѣ: ничто уже тогда сихъ первыхъ впечатлѣній, сихъ раннихъ понятій не

любіемъ и уваженіемъ встрѣчаемъ былъ Мицкевичъ въ Москвѣ и Петербургѣ.

Другимъ условіемъ, которое установляло мирныя и союзныя отношенія между русской и польской литературой, было явленіе совсѣмъ иного, не политическаго, свойства, но которое имѣло также свое большое значеніе и давало этимъ связямъ нравственно-поэтическую опору. Это были отголоски славянскаго возрожденія, въ двадцатыхъ годахъ едва дѣлавшаго свои первые шаги, но уже производившаго своимъ энтузіазмомъ впечатлѣніе въ обоихъ лагеряхъ, русскомъ и польскомъ. Около этого времени стекается рядъ литературныхъ событій въ западныхъ и южныхъ славянскихъ литературахъ, событій, полупонятныхъ тогда на первый взглядъ при малой извѣстности дѣла, но тѣмъ не менѣе оказавшихъ обширное вліяніе, потому что за ними открывалась новая, невѣдомая до тѣхъ поръ сила—идея славянскаго единства,—и виднѣлся широкій горизонтъ чисто славянской жизни, старины и поэзіи. Такими событіями были: изданіе сербскихъ пѣсенъ Вука Караджича; открытіе древнихъ поэтическихъ памятниковъ чешской литературы (сомнѣніямъ въ подлинности которыхъ никто тогда не хотѣлъ вѣрить, а большинство и не знало объ этихъ сомнѣніяхъ); появленіе знаменитой поэмы Коллара „Дочь Славы"; рядъ открытій въ старой славянской письменности; возрастаніе новой поэтической литературы на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; возникновеніе и распространеніе новой ученой литературы, изслѣдовавшей первобытную славянскую старину и ея отголоски въ современномъ быту славянства, съ его преданіями, обычаями, богатой народной поэзіей и т. д. Славянская „взаимность" была еще весьма ограниченна, но была уже указана какъ идеальная цѣль; не много было людей, слѣдившихъ и способныхъ слѣдить за проявленіями новаго движенія во всемъ его объемѣ, но тѣ, кто знакомился, по крайней мѣрѣ, съ главными изъ этихъ проявленій (между прочимъ производившихъ впечатлѣніе на самихъ корифеевъ европейской поэзій и науки, какъ нѣкогда Гердеръ, потомъ Гёте, Гриммъ и пр.), не могъ остаться чуждымъ тому одушевленію, которое наполняло представителей возрожденія въ разныхъ славянскихъ народностяхъ: для этихъ представителей новая идея была залогомъ будущаго, надеждой на спасеніе народной цѣльности.

въ состояніи изгладить. Они крѣпнутъ съ лѣтами и творятъ храбрыхъ для бою ратниковъ, мужей доблестныхъ для совѣта.—Такъ говоритъ Нѣмцевичъ о священной цѣли своихъ „Историческихъ пѣсенъ" (Spiewy Historyczne); эту самую цѣль имѣлъ и я, сочиняя думы". („Думы", Рылѣева, 1825, предисловіе).

Польская литература, изъ всѣхъ славянскихъ, вообще говоря, всѣхъ меньше отзывалась на этотъ энтузіазмъ славянскаго возрожденія, а позднѣе становилась къ нему и въ прямо враждебное отношеніе—именно, когда возникъ призракъ панславизма, въ которомъ видѣли скрытую тенденцію, замаскированный планъ Россіи подчинить себѣ славянскія племена въ одномъ деспотическомъ русскомъ царствѣ. При новизнѣ славянскаго національнаго возбужденія, предѣловъ и возможностей котораго не умѣли опредѣлить, при темномъ представленіи о могуществѣ Россіи, о которой также не знали, куда она можетъ направить свои громадныя силы, этотъ призракъ казался самой реальной опасностью, и польское общество и литература отшатнулись надолго отъ славянскаго движенія въ смыслѣ племенного сближенія,—особенно когда съ русской стороны была выставлена славянофильская программа со всей ея исключительностью.—Но не то было тогда, въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ, когда славянское движеніе представлялось въ поэтическихъ, симпатичныхъ чертахъ возрожденія подавленныхъ дотолѣ племенъ, стремленія ихъ мирно завоевать себѣ признаніе своей нравственной личности; когда Россія являлась въ лицѣ императора Александра съ освободительными планами, еще безъ всякихъ притязаній въ славянскомъ мірѣ, и особливо съ либеральнымъ отношеніемъ къ самой Польшѣ. По всѣмъ этимъ условіямъ, въ первыя десятилѣтія нашего вѣка въ польской литературѣ обнаруживалось гораздо больше связей и солидарности съ славянскимъ возрожденіемъ, чѣмъ было когда-нибудь послѣ, —и надо было бы желать, чтобы столько этого интереса сохранилось и впослѣдствіи.

Славянское возрожденіе выразилось въ литературѣ особенной ревностью къ изученію своей народной старины, исторіи, преданій, поэзіи, языка, и вмѣстѣ къ сопоставленію всего этого съ народнымъ содержаніемъ другихъ племенъ, къ сравненію и отысканію родственныхъ элементовъ, которые свидѣтельствовали о первобытномъ единствѣ и должны были помочь къ взаимному уразумѣнію и союзу въ настоящемъ. Польская литература тѣхъ десятилѣтій представила обильные примѣры трудовъ въ этомъ направленіи, какъ въ томъ же направленіи работали потомъ и ученые болѣе молодого поколѣнія, успѣвшіе въ немъ воспитаться, —и эти труды вошли въ общую сумму фактовъ славянскаго возрожденія. Таковы были, напримѣръ, труды Суровецкаго о славянской древности, послужившіе основой для одной изъ первыхъ ученыхъ работъ Шафарика [1]); труды Чарноцкаго, извѣстнаго въ

[1]) Ueber die Abkunft der Slaven, nach Surowiecki.

нашей литературѣ больше подъ именемъ Зоріана Доленги-Ходаковскаго, сочиненіе котораго о славянствѣ до-христіанскомъ [1]) было во многихъ отношеніяхъ предчувствіемъ новѣйшей археологіи; труды знаменитаго лексикографа Линде, котораго монументальный польскій словарь стоитъ наравнѣ съ чешскимъ словаремъ Юнгманна, сербскимъ Караджича, и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ на славянскомъ западѣ предпринимались труды обще-славянскаго значенія, напримѣръ, вслѣдъ за Добровскимъ, работы Шафарика („Исторія слав. литературы по всѣмъ нарѣчіямъ", „Древности", позднѣе „Этнографія"), Палацкаго, Челяковскаго, польскіе ученые примыкали къ этому направленію въ трудахъ Лелевеля, Раковецкаго, Кухарскаго, позднѣе Мацѣевскаго. Общій тонъ работъ поддерживался личными связями, которыя соединяли польскихъ ученыхъ какъ съ западно-славянскими, такъ и русскими учеными — историками, археологами. Труды упомянутаго сейчасъ Ходаковскаго въ неменьшей мѣрѣ принадлежали русской наукѣ, чѣмъ польской.

Въ польской литературѣ отозвались и изученія этнографическія, которыя занимали такое важное мѣсто въ литературномъ развитіи славянскаго возрожденія.

Это была опять новая черта. Польская литература издавна носила на себѣ отпечатокъ господствующаго общественнаго склада: ея „народомъ" была собственно многочисленная шляхта; народа дѣйствительнаго она не знала, или не считала его, ставя свои политическіе и образовательные вопросы; тѣмъ менѣе она хотѣла знать народъ бѣлорусскій и малорусскій—народъ иного племени, иной вѣры и крѣпостной. Теперь опять явилось иное. Конецъ прошлаго вѣка не остался безъ вліяній въ болѣе правдивомъ демократическомъ смыслѣ; затѣмъ въ литературу и умы проникли романтическія идеи, увлеченіе поэтической стариной, воспроизведеніе народнаго преданія, вкусъ къ патріархальной простотѣ народнаго быта. Наряду съ романтическими обращеніями къ народности въ поэтической литературѣ (какъ напр., „украинская", „литовская" школы польскихъ поэтовъ), начался научный интересъ къ народной жизни, собираніе и толкованіе ея памятниковъ и преданій. Славянское возрожденіе и здѣсь доставило произведенія, гдѣ находились занимательныя и поучительныя параллели, не оставшіяся безъ вліянія. Въ польской литературѣ, въ прежнее время наименѣе расположенной нисходить къ народу, является рядъ писателей, которые и въ этомъ отношеніи становятся вполнѣ

[1]) O Słowiańszczyźnie przed Chrześciaństwem.

наряду съ лучшими дѣятелями славянскаго возрожденія. Мы остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ, такъ какъ по содержанію своихъ трудовъ они заняли не послѣднее мѣсто въ развитіи малорусской этнографіи.

Обратившись къ изученію народнаго быта и поэтическаго преданія своего края, они встрѣтили въ немъ кромѣ польскаго и русскій народъ, жившій въ областяхъ старой Польши и до сихъ поръ остававшійся или подъ прямымъ польскимъ вліяніемъ, или въ ближайшемъ сосѣдствѣ и бытовыхъ связяхъ. Частью по старой привычкѣ считать этотъ русскій народъ своимъ, частью по простой искренней этнографической любознательности, которую такъ возбуждало славянское возрожденіе, они обратили вниманіе и на русское населеніе и занялись имъ тѣмъ усерднѣе, что нерѣдко этотъ русскій народный бытъ давалъ имъ гораздо болѣе богатую и привлекательную жатву стараго преданія, чѣмъ польское крестьянство. Такими писателями были въ особенности Вацлавъ изъ Олеска (или Залѣскій), Жегота Паули и Войцицкій.

Намъ не встрѣчалась подробная біографія Вацлава Залѣскаго. Знаемъ только, что онъ родился въ 1800 году, прошелъ университетскій курсъ во Львовѣ, былъ австрійскимъ чиновникомъ, въ 1848 году назначенъ губернаторомъ Галиціи и умеръ 1849 г. въ Вѣнѣ. Свое литературное поприще онъ началъ въ двадцатыхъ годахъ, участвуя во львовскомъ журналѣ „Rozmaitości“, и занялся тогда же собираніемъ галицкихъ народныхъ пѣсенъ, польскихъ и русскихъ, которыя издалъ въ книгѣ, теперь отчасти забытой, но въ свое время хорошо извѣстной всѣмъ спеціалистамъ и любителямъ малорусской этнографіи [1]). Къ сборнику пѣсенъ прибавлено обширное введеніе, изъ котораго можно познакомиться съ характеромъ его идей: это введеніе любопытнымъ образомъ изображаетъ настроеніе этнографовъ-любителей двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, то чувство, которое влекло этихъ первыхъ основателей этнографической науки къ изслѣдованію народно-поэтическаго преданія,—и по указаннымъ выше условіямъ, еще болѣе любопытно наблюдать этотъ этнографическій интересъ въ польскомъ писателѣ. Мы встрѣчаемъ здѣсь всѣ указанные выше мотивы, которые сошлись въ новомъ стремленіи къ народности.

Сборникъ пѣсенъ былъ дѣло новое, и нужно было объяснить читателямъ, какъ онъ произошелъ, въ чемъ его интересъ литературный, общественный, научный. Въ своемъ введеніи Вацлавъ

---

[1]) Pieśni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego. Z muzyką instrumentowaną przez Karola Lipińskiego. Zebrał i wydał Wacław z Oleska. We Lwowie, 1833.

Залѣскій указываетъ прежде всего свою личную любовь къ народнымъ пѣснямъ. Онъ родился въ деревнѣ; первые годы жизни провелъ въ укромномъ затишьѣ; пѣсни убаюкивали его дѣтство, остались воспоминаніемъ впервые пробуждавшагося чувства. Любовь къ нимъ онъ всосалъ съ молокомъ, вдыхалъ съ воздухомъ. Когда пришлось переселиться въ городъ, ему было тоскливо по деревнѣ, по родному дому, лугамъ и полямъ, и только пѣсня могла успокоить тоску. Пѣсни становились тѣмъ дороже, какъ память о родинѣ; чтобъ свято сберечь ихъ, онъ мало-по-малу перенесъ ихъ на бумагу, — это и было началомъ сборника. Онъ сталъ потомъ говорить о нихъ съ школьными товарищами; не одинъ изъ товарищей сообщилъ ему свои пѣсни; уѣзжавшимъ въ деревню поручали собирать новыя, другихъ вызывали на то письмами. Наконецъ, авторъ сталъ знакомиться съ литературой древней и новой, читалъ французовъ, любилъ учиться у нѣмцевъ, восторгался Шекспиромъ, и въ концѣ-концовъ возвращался къ отечественной нивѣ...

Очень любопытно, хотя очень послѣдовательно, что это изученіе чужихъ литературъ навело писателя на печальныя мысли о своей собственной литературѣ. „По этой моей любви къ роднымъ пѣснямъ,—говоритъ онъ,—легко догадаться, что въ литературѣ каждаго народа меня не мало занимала его поэзія. Съ какой болью я долженъ былъ сознаться самому себѣ, насколько и въ этомъ отношеніи,—не говоря о другихъ, которыя сюда не относятся,—мы отстали почти отъ всѣхъ народовъ Европы“. Главнымъ недостаткомъ всѣхъ польскихъ поэтовъ авторъ считаетъ отсутствіе народности, и это въ особенности бросалось въ глаза въ нашемъ вѣкѣ. Поэзія другихъ народовъ,—по словамъ Залѣскаго,—похожа на дерево, выросшее на отечественной почвѣ и питающееся его соками; польская поэзія есть что-то чужое, не имѣющее корня въ родной землѣ, не вышедшее изъ народнаго духа; она осталась чужда польскому народу, какъ и онъ самъ былъ чуждъ для нея. Въ этомъ отношеніи сборникъ народныхъ пѣсенъ казался автору неоцѣненнымъ, такъ какъ въ нихъ высказывался духъ истинно-славянскій и народный, котораго такъ недоставало польской литературѣ.

Достаточно всмотрѣться въ успѣхи европейскихъ литературъ, говорилъ авторъ, чтобы увидѣть, съ какимъ вниманіемъ заботились тамъ обо всемъ, что́ касается народности. Онъ указываетъ труды по изученію народной поэзіи и старины у французовъ и особенно у англичанъ и спрашиваетъ, что́ подобнаго имѣютъ поляки? „Наша исторія есть только патологія народа или лучше пато-

логія его головы,—о здоровой его жизни мы едва имѣемъ представленіе"; то же самое и въ поэзіи. У поляковъ не было поэзіи трубадуровъ, но лѣтописцы вспоминають о давнихъ пѣсняхъ народа, слышанныхъ и ими самими; однако они не сохранили ихъ для насъ,—можетъ быть, не хотѣли сохранить, и не трудно было бы видѣть, сколько этимъ они сдѣлали намъ вреда. Польскіе поэты, отъ Кохановскихъ до Красицкаго и Нарушевича, только изрѣдка и кое-гдѣ носятъ на себѣ черты народности; они писали только польскими словами чувства и мысли римскія, французскія или иныя, только не польскія; поэтому они были и остаются чужими для массы польскаго народа,—„а образованная часть народа, послѣ появленія поэтовъ истинно народныхъ—Бродзинскаго, Мицкевича, Богдана Залѣскаго и другихъ, забыла о прежнихъ поэтахъ, какъ народъ и совсѣмъ о нихъ не зналъ. Только изъ уваженія, внушеннаго намъ съ дѣтства, въ родѣ того, какое мы имѣемъ къ священнымъ реликвіямъ, мы иногда заглядываемъ въ нихъ и, отдавая справедливость ихъ несомнѣннымъ дарованіямъ, жалѣемъ только, что они пошли ложной дорогой". Нельзя не видѣть, что правдивые поэты, желая быть народными, изслѣдовали духъ народа, усвоивали себѣ его взглядъ на вещи или просто сливались съ нимъ,—и сколько въ этомъ отношеніи поэтъ могъ бы извлечь изъ подробныхъ описаній народнаго обычая, особливо изъ сборниковъ пѣсенъ, которые являются результатомъ первоначальныхъ силъ народа, а потомъ самою вѣрною характеристикой народности!

Авторъ разсказываетъ, что эти соображенія еще болѣе усилили его любовь къ народнымъ пѣснямъ и заботу объ ихъ собираніи, а со временемъ эта личная любовь его превратилась въ убѣжденіе, что на этой дорогѣ надо искать духа народной поэзіи и первоначальныхъ ея основъ. „Ближайшей цѣлью моего сборника,—продолжаетъ онъ,—была собственная польза. Я не думалъ никогда выдавать его въ свѣтъ; потому что, кто же бы осмѣлился у насъ помыслить объ этомъ, когда все, чтó не было французское или вообще чужое, считалось еще варварскимъ и отвергалось? И у родственныхъ славянъ не было тогда еще ничего подобнаго. Хотя и начали распространяться подражанія народнымъ пѣснямъ, баллады и романсы, и сверхъ ихъ достоинствъ приходятся по вкусу народу, но все еще никто не смѣлъ выступить въ свѣтъ съ самими пѣснями, какъ онѣ есть, какъ онѣ живутъ въ устахъ народа. Долго спустя, въ 1826 году, когда Бродзинскій—достопочтенный Бродзинскій, котораго самое значеніе его могло заслонить отъ всякихъ упрековъ,—рѣшился выдать

въ варшавскомъ журналѣ нѣкоторыя народныя пѣсни славянскихъ племенъ, съ какой несмѣлостью онъ это дѣлалъ! Все его письмо, написанное объ этомъ предметѣ къ редактору журнала и помѣщенное въ этомъ журналѣ, есть какъ будто большое извиненіе, salva venia; и однако онъ далъ тогда только нѣкоторыя женскія пѣсни, очень гладко обдѣланныя и приноровленныя къ такъ-называемому высшему вкусу. Что же было бы, еслибы онъ далъ ихъ такъ, какъ онѣ есть на дѣлѣ, или еслибы онъ захотѣлъ перевести нѣкоторыя юнацкія сербскія пѣсни въ ихъ настоящемъ видѣ?"

„Но въ это самое время, — продолжаетъ Залѣскій, — обстоятельства стали измѣняться: у родственныхъ славянскихъ племенъ стали появляться сборники пѣсенъ",—и онъ пересчитываетъ многочисленные сборники, съ которыми, видимо, былъ хорошо знакомъ. Любопытно, что въ ряду этихъ сборниковъ польскій писатель особенно много знаетъ русскихъ. Такъ, минуя старые сборники, онъ упоминаетъ „Древнія россійскія стихотворенія" Кирши Данилова, изданныя Калайдовичемъ; „Новѣйшій всеобщій и полный пѣсенникъ" Попова, въ шести томахъ, 1819; „Пѣсенникъ для прекрасныхъ дѣвушекъ", 1820; малорусскій сборникъ Цертелева; „Новѣйшій всеобщій пѣсенникъ" Калатилина, 1810, и пр. Далѣе онъ знаетъ чешскіе сборники Челяковскаго и Риттерсберга; моравскій—Галаша и Фричая; словацкій—Шафарика; далматинскій—Качича-Міошича; сербскій—Караджича. Знакомство съ этими сборниками убѣдило автора въ необходимости издать и польскій сборникъ,—какъ и въ самомъ дѣлѣ сборникъ Залѣскаго сталъ потомъ въ ряду лучшихъ славянскихъ пѣсенныхъ собраній. Но пока онъ все еще колебался относительно печатанія своего сборника, считая его недостаточно полнымъ и надѣясь, что дѣло можетъ быть сдѣлано лицомъ болѣе компетентнымъ. Такимъ лицомъ онъ именно считалъ упомянутаго выше Зоріана Ходаковскаго. Въ глазахъ Залѣскаго, это былъ идеалъ собирателя. „Былъ тогда слухъ, что Ходаковскій занимается собираніемъ народныхъ пѣсенъ въ Польшѣ и Малороссіи. Ходаковскій, извѣстный мнѣ только по книгѣ: Cwiczenia naukowe, печатанной въ Кременцѣ, внушалъ мнѣ истинное почитаніе. Его разсужденіе о „Славянщинѣ передъ христіанствомъ", полное глубокихъ мыслей, свидѣтельствовало объ основательномъ знаніи дѣла, о рѣдкомъ дарѣ изслѣдованія, наконецъ о любви къ предмету и долгихъ занятіяхъ имъ. Я слышалъ объ его способѣ собиранія народныхъ пѣсенъ, какъ онъ, въ коротенькомъ кожухѣ, съ котомочкой за плечами и фляжкой водки подъ мышкой, ходитъ отъ деревни до деревни, отъ ксендза до ксендза, отъ орга-

ниста до органиста, отъ дьяка до дьяка, отъ одной бабы-пѣвуньи до другой, отъ одного сельскаго музыканта или дѣда съ лирой до другого, и какъ вездѣ то просьбой и уговорами, то угощеніемъ и принужденіемъ, то самъ запѣвая пѣсни, умѣетъ извлечь все, что̀ только касается славянства. Это и есть единственный и настоящій способъ собиранія пѣсенъ". Къ несчастію Ходаковскій умеръ (въ 1825) и авторъ не зналъ, что̀ сталось съ его сборникомъ. Наконецъ, Залѣскій рѣшился издать свое собственное собраніе. Онъ судилъ о немъ съ большой скромностью, видѣлъ—и справедливо—его недостатки, особливо неполноту его по разнымъ отдѣламъ и разнымъ мѣстностямъ, но тѣмъ не менѣе за безуспѣшностью прежнихъ попытокъ считалъ и свое собраніе очень важнымъ въ условіяхъ польской литературы. Его поощряло и то, что упомянутыя славянскія пѣсни, переведенныя Бродзинскимъ, были приняты въ литературѣ очень охотно.

Эти прежнія попытки, отчасти упомянутыя Залѣскимъ, были вообще слѣдующія. Первымъ начинателемъ этого дѣла въ Галиціи былъ упомянутый Ходаковскій (1784—1825). Въ своемъ сочиненіи о до-христіанской славянщинѣ, 1819, онъ указывалъ важность народныхъ пѣсенъ и первый подавалъ примѣръ и образчикъ ихъ собиранія: изъ приведенныхъ выше словъ Залѣскаго видно, какое впечатлѣніе производили на него работы Ходаковскаго. Впослѣдствіи, Ходаковскій занимался археологіей и этнографіей въ Россіи, гдѣ изданы его многія работы, и его сборникъ пѣсенъ послѣ его смерти былъ пріобрѣтенъ Максимовичемъ. Въ „Пилигримѣ Львовскомъ" [1]) профессоръ Гюттнеръ (Hüttner) говорилъ опять о народныхъ пѣсняхъ галицкихъ, у краковяковъ, мазуровъ и русскихъ, и въ примѣръ русскихъ приведены двѣ пѣсни съ нѣмецкимъ переводомъ и нотами [2]). Въ томъ же „Пилигримѣ", изданномъ уже на польскомъ языкѣ профессоромъ I. Маусомъ, Д. Зубрицкій помѣстилъ нѣсколько свѣдѣній о русскихъ и польскихъ пѣсняхъ въ Галиціи, и опять напечатано двѣ пѣсни съ напѣвами [3]). Въ сборникѣ славянскихъ пѣсенъ Челяковскаго (2-я и 3-я книги, 1825—27) помѣщено опять нѣсколько образчиковъ пѣсенъ малорусскихъ. Въ первомъ сборникѣ Максимовича, 1827, двѣ пѣсни взяты изъ „Пилигрима Львовскаго", и въ прибавленіи помѣщено пять галицкихъ пѣсенъ, сообщенныхъ профессоромъ виленскаго университета Лобойкомъ. Далѣе, въ томъ же 1827 году,

---

[1]) 1821 или 1822 года.

[2]) „Не ходи, Грицю, на вечорницѣ", и „Козакъ коня напоавъ".

[3]) „Шумить, шумить дубро̀винька" и „Вже три дни и три недѣлѣ".

по указанію Залѣскаго, вышла во Львовѣ книга: „Pątnik narodowy“, который долженъ былъ составить 12 томиковъ, но вышелъ только одинъ; здѣсь помѣщена была статья „о народныхъ пѣсняхъ польскихъ и русскихъ“, которая была какъ будто предисловіемъ къ готовому уже сборнику пѣсенъ,—но продолженія изданія не послѣдовало [1]).

Возвращаемся къ Залѣскому. Далѣе онъ сообщаетъ свои мысли вообще о значеніи народной поэзіи и, во-первыхъ, указываетъ тогдашнюю литературу объ этомъ предметѣ. Эта литература была не велика. Онъ могъ назвать: упомянутую статью Бродзинскаго, 1826; другую статью польскаго писателя Жуковскаго, 1830; отдѣльныя замѣчанія у Воронича, въ статьѣ о „народныхъ пѣсняхъ [2]), въ книгѣ Шафарика объ исторіи славянскихъ литературъ, въ книгѣ Голэмбёвскаго: Lud polski, jego zwyczaje, zabobony и пр. (Варшава, 1830) и т. д. Онъ вспоминаетъ также разсужденіе Форіеля о новогреческихъ пѣсняхъ, рецензію Копитара о сборникѣ Вука Стефановича [3]); замѣчанія о древней поэзіи славянской въ сочиненіи Раковецкаго о „Русской Правдѣ“; въ „Галичанинѣ“, 1830, Вал. Хлендовскаго. Въ нѣмецкой литературѣ онъ съ великимъ почтеніемъ указываетъ „святыя, неопровержимыя и непоколебимыя истины великаго Гердера, этого главнаго столпа нѣмецкой литературы, имени котораго не слѣдуетъ произносить безъ уваженія“. Напомнимъ, что именно такъ относились къ Гердеру вообще представители славянскаго возрожденія и первые его начинатели съ конца прошлаго столѣтія, когда Гердеръ впервые съ пламеннымъ одушевленіемъ заговорилъ о правахъ народной личности и о великомъ историческомъ и нравственномъ значеніи народной поэзіи.

Переходя къ опредѣленію важности народной поэзіи для современной литературы и исторической науки, Залѣскій устраняетъ тѣ преувеличенія, съ которыми говорилъ объ этомъ Ходаковскій, но тѣмъ не менѣе широко оцѣняетъ значеніе народной поэзіи въ этихъ отношеніяхъ. Это мысли, которыя остаются справедливыми до настоящей минуты; теперь онѣ общеизвѣстны, но въ то время ихъ надо было впервые внушать и доказывать. Народная поэзія,—говоритъ Залѣскій,—есть та глубокая основа, за-

---

[1]) Не есть ли это—та же книга, которая названа „Pamiętnik narodowy“ и отнесена къ 1829 году, въ предисловіи Бодянскаго къ изданію „Народнихъ пѣсенъ Галицкой и Угорской Руси“, Головацкаго („Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн.“ 1863, кн. III, стр. V)?

[2]) Roczniki towar. war. przyj. nauk, t. 6, стр. 308.

[3]) Въ вѣнскихъ Jahrbücher der Literatur, 1825, т. XXX.

бвеніе которой дѣлало и дѣлаетъ литературу искусственнымъ насажденіемъ, чуждымъ и непонятнымъ для народной массы; основа, которая одна можетъ сообщить литературѣ жизненное и истинно народное достоинство. Для исторіи народная пѣсня не дастъ точныхъ историческихъ фактовъ, но она дастъ драгоцѣнные отголоски стараго народнаго быта, понятій, нравовъ; она укажетъ, въ чемъ народъ сохранилъ сходство съ другими родственными племенами или отличался отъ нихъ. „Кто будетъ оспаривать, что народныя пѣсни, будучи образами, въ которыхъ каждый народъ всего вѣрнѣе рисуетъ и представляетъ свой характеръ, выражая свои чувства, описывая всякіе обычаи, являются точнѣйшимъ изображеніемъ народной жизни? Это — ключи къ святынѣ народности, но надо научиться отпирать ими; въ нихъ, какъ въ тѣхъ египетскихъ іероглифахъ, заключены священныя истины, но надо умѣть читать ихъ; для этого нужно какъ знаніе языка, такъ и народнаго быта; но для кого идетъ рѣчь о познаніи человѣчества, тотъ не можетъ обойтись безъ этихъ знаній... Не нужно кажется припоминать, что исторія литературы не можетъ и не должна миновать народныхъ пѣсенъ, которыя составляютъ ея настоящее начало, какъ древнѣйшая и до сихъ поръ живая литература. Многіе, конечно, пошли бы инымъ путемъ въ оцѣнкѣ поэзіи, въ объясненіи ея основаній и въ разборѣ образцовъ, еслибы обратили свое вниманіе на эту живущую въ народѣ поэзію и въ ней замѣтили, какъ она, будучи необходимымъ произведеніемъ природы, имѣетъ въ себѣ всѣ, но вмѣстѣ и только тѣ черты, какія ей слѣдуетъ имѣть изъ природы. Такой теоріи и такой исторіи литературы мы еще ожидаемъ".

Взглядъ, для своего времени весьма замѣчательный. Исторія литературы съ тѣхъ поръ совершила уже громадные труды для выясненія народной поэзіи и ея элементовъ, проникавшихъ въ литературу книжную,—но цѣлое теоретическое ученіе о сущности и развитіи поэзіи, съ этой исходной точки зрѣнія, не построено и до сихъ поръ.

Не будемъ слѣдить подробно за этимъ предисловіемъ, но замѣтимъ вообще, что оно любопытно для исторіи этнографическихъ понятій какъ въ польской литературѣ, такъ и въ русской, гдѣ книга Залѣскаго была давно извѣстна. Его отношеніе къ народной поэзіи не есть одна романтическая чувствительность, съ которой еще долго и послѣ обращались у насъ къ народнымъ пѣснямъ; это—еще не совершенное, правда, по новости дѣла, но сознательное пониманіе важности народной поэзіи для

изслѣдованія исторіи, языка и т. д., и ея живого значенія для литературы современной, какъ проводника истинной народности. Конечно, такъ-называемая „народность“ на самомъ дѣлѣ пріобрѣтается литературой не одними этнографическими вкусами и усиліями (какъ это думали въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ), а болѣе сложнымъ и глубокимъ общественнымъ интересомъ,—но Залѣсскій умѣлъ вѣрно подмѣтить многія стороны народной поэзіи, плодотворныя для науки и литературы. Въ отношеніи литературномъ, онъ уже отмѣчалъ въ народныхъ пѣсняхъ источникъ для пониманія народной жизни и средство дать литературѣ національный характеръ; теперь онъ указываетъ громадное различіе поэзіи народной отъ книжной въ выраженіи чувства — напр., любви, ненависти и т. п., и, находя причину этого различія въ самомъ складѣ народнаго быта, полагаетъ, что изученіе этихъ особенныхъ выраженій чувства даетъ важный матеріалъ для психологіи,—къ чему въ самомъ дѣлѣ и пришла этнографія впослѣдствіи. Относительно языка, онъ указываетъ въ народныхъ пѣсняхъ богатый запасъ матеріала и формъ, драгоцѣнныхъ для филолога и забытыхъ въ обыкновенномъ языкѣ, книжномъ и разговорномъ, и этотъ послѣдній можетъ только освѣжиться и обновиться въ живомъ источникѣ народной пѣсни.—Далѣе, изученіе пѣсенъ можетъ привести къ правильному пониманію самой поэзіи. Мы смотримъ обыкновенно на поэзію какъ на искусство, съ готовыми законами и правилами, которыя считаются ненарушимыми; изъ-за этихъ формальныхъ правилъ мы не усматриваемъ сущности поэзіи, и вслѣдствіе того въ литературѣ является подъ именемъ поэзіи столько ложнаго и натянутаго. Существа поэзіи надо искать именно въ изученіи народной пѣсни—въ ея свободномъ, естественномъ, правдивомъ творчествѣ... Въ этихъ разсужденіяхъ, изложеніе которыхъ отзывается терминами тогдашней нѣмецкой философіи, авторъ цитируетъ однажды Гёте — „этого архигенія человѣческаго рода“... Наконецъ, онъ предчувствовалъ, что въ вопросѣ о народности въ литературѣ кроется и соціальная сторона быта; высшій классъ, угнетавшій народную массу, осужденъ былъ на безплодіе своей литературы, на отсутствіе самостоятельности, повтореніе чужого, и поворотъ къ лучшему и оригинальному былъ возможенъ только при обращеніи къ народному источнику.

Переходя къ классификаціи пѣсенъ, авторъ указываетъ недостатки такой классификаціи въ русскихъ сборникахъ, гдѣ помѣщались и пѣсни совсѣмъ ненародныя, и въ словацкомъ сборникѣ Шафарика, и собственную классификацію очень вѣрно

основываетъ на самомъ народномъ бытѣ, пріурочивая пѣсни къ тѣмъ обстоятельствамъ и случаямъ, въ какихъ онѣ поются. Раздѣливъ ихъ на два главные отдѣла, пѣсенъ мужскихъ и женскихъ, онъ располагаетъ послѣднія, наиболѣе многочисленныя, по событіямъ и урочнымъ временамъ народной жизни: А, пѣсни при домашнихъ торжествахъ (сговоръ; свадьба; крестины; похороны); В, при обрядахъ и праздникахъ (гаилки; соботки; коляда); С, при деревенскихъ работахъ и развлеченіяхъ, пѣсни разныхъ сословій (пѣсни земледѣльческія, при обжинкахъ и толокахъ; пастушескія; на вечерницахъ, охотничьи, матросскія, рыбацкія и пр.); Д, при деревенскихъ увеселеніяхъ; Е, пѣсни любовныя. Составъ мужскихъ пѣсенъ гораздо проще; онъ дѣлитъ ихъ на пѣсни, касающіяся событія цѣлой страны или собственно историческія, и пѣсни, касающіяся событій единичныхъ.

Въ своемъ сборникѣ Залѣсскій помѣстилъ рядомъ пѣсни польскія и русскія, причемъ пѣсенъ русскихъ оказалось у него гораздо больше, чѣмъ польскихъ, и онъ считалъ нужнымъ отвѣтить на два вопроса: во-первыхъ, откуда происходитъ сравнительная малочисленность пѣсенъ польскихъ (кромѣ краковяковъ), и, во-вторыхъ, почему онъ соединилъ въ одномъ сборникѣ пѣсни разныхъ племенъ?

Изъ всѣхъ славянскихъ народовъ,—замѣчаетъ онъ,—у поляковъ всего меньше женскихъ пѣсенъ, а мужскихъ или историческихъ едва можно услышать. Гдѣ же причина этого? Нельзя допустить, чтобы причина этого заключалась во внутреннихъ свойствахъ польскаго народнаго характера, т.-е, въ какой-нибудь неспособности къ поэзіи; слѣдовательно, надо искать объясненія во внѣшнихъ обстоятельствахъ. Оглянувшись на положеніе польскаго народа въ его прошедшемъ, — говоритъ Залѣсскій, — мы легко встрѣтимъ эти печальныя причины. Онъ приводитъ мнѣніе Бродзинскаго, который приписывалъ этотъ фактъ вліянію шляхетства, до такой степени угнетавшаго и подавлявшаго народную жизнь, что народу было не до поэзіи. И дѣйствительно, положеніе польскаго народа было таково, что трудно было ожидать широкаго развитія поэзіи, которое предполагаетъ извѣстный просторъ и свободную самодѣятельность народной жизни. Польскій народъ всего беднѣе старыми бытовыми обрядами и обрядовыя пѣсни чрезвычайно малочисленны. Меньше можно удивляться отсутствію историческихъ пѣсенъ: безправный народъ не имѣлъ никакого участія въ событіяхъ національной исторіи; онъ не могъ дорожить и сохранить въ пѣсняхъ историческія преданія, по той простой причинѣ, что не имѣлъ этихъ преданій. „Взвѣсивши

все, что мы сказали до сихъ поръ,—замѣчаетъ авторъ,—скорѣе можно было бы спросить, какимъ чудомъ этотъ бѣдный народъ совсѣмъ не онѣмѣлъ, чѣмъ спрашивать, почему у него теперь такъ мало пѣсенъ".

Но эти доводы еще не кажутся автору достаточными. Развѣ въ лучшемъ положеніи былъ русскій народъ (т.-е. народъ русскій, принадлежавшій Польшѣ), не испытывалъ ли онъ тѣ же, или даже худшія, притѣсненія, и однако же, какое множество онъ имѣетъ пѣсенъ, какъ свято сохранялъ обычаи и поэтическую память о давнихъ событіяхъ! Откуда же эта разница? Возвращаясь къ замѣчаніямъ Бродзинскаго, авторъ припоминаетъ бурную исторію Польши, постоянныя военныя столкновенія съ крестоносцами, ятвягами, Москвою, нападенія казаковъ и татаръ, войны съ турками, гайдамацкія возстанія, бурную внутреннюю жизнь Польши, безпокойную шляхту, волновавшуюся на сеймахъ, элекціяхъ, трибуналахъ—все это отзывалось на народѣ всякими тягостями, не давало ему бытового покоя, который способствовалъ бы развитію поэзіи; и дѣйствительно, онъ не выработалъ такой полной, законченной пѣсни, которою такъ богатъ русскій народъ. Но отсутствіе *такой* пѣсни вовсе еще не означаетъ, чтобы народъ польскій былъ совсѣмъ неспособенъ къ пѣсенному творчеству: оно только сложилось у него въ особую форму, сообразно съ его обстоятельствами. Ему некогда было складывать длинныя, завершенныя произведенія; пѣсня выливалась у него какъ будто второпяхъ, въ коротенькіе пѣсенные мотивы въ двѣ, четыре строчки, гдѣ въ одномъ стихѣ обозначается какой-нибудь образъ изъ окружающей природы, а затѣмъ высказаны мысль или чувство, которыя собственно хотѣли высказать. Это—извѣстный *краковякъ*, который, по мнѣнію Залѣскаго, и составляетъ единственную поэзію польскаго народа, единственный результатъ его поэтической наклонности. Нерѣдко картинка изъ природы не имѣетъ никакой связи съ дальнѣйшимъ содержаніемъ и какъ будто служитъ только для риѳмы. Это авторъ и приписываетъ торопливости творчества; обычная черта краковяка есть веселость, которая указываетъ, что внѣ упомянутыхъ тревогъ въ старой Польшѣ жилось, однако, весело [1]); но распущенность высшихъ классовъ отразилась и на краковякахъ, которыхъ эротическое содержаніе не всегда прилично. На Руси (т.-е. въ русскомъ населеніи старой Польши) дѣло стояло иначе. Сельскій житель, утѣсненный еще

[1]) Другіе критики польской пѣсни несогласны съ этимъ замѣчаніемъ, и находятъ, что эта „веселость" натянутая, напускная или торопливая, за которой должна опять наступить совсѣмъ невеселая дѣйствительность.

больше, былъ, однако, больше предоставленъ самому себѣ. Мелкая шляхта въ русскихъ краяхъ не была разсыпана такъ, какъ въ Польшѣ; народъ не былъ такъ безпрестанно отрываемъ отъ своего дѣла, отъ исполненія своихъ обычаевъ, которые и дѣйствительно сохранились у русскихъ гораздо крѣпче. Залѣскій придаетъ значеніе тому обстоятельству, что у русскихъ богослуженіе совершалось на народномъ языкѣ.

Можно было бы прибавить скорѣе, что русское духовенство отъ старыхъ и до новыхъ временъ никогда не фанатизировало своей паствы такъ, какъ это дѣлали ксендзы католическіе; какъ духовенство женатое, оно всегда стояло въ болѣе простыхъ отношеніяхъ къ быту; въ эпохи религіозныхъ гоненій, дѣлило съ народомъ одну судьбу, а наконецъ, было близко къ нему и по скудости своего образованія; вслѣдствіе всего этого, оно гораздо меньше, чѣмъ католическое, вмѣшивалось въ ежедневный бытъ народа, гдѣ такимъ образомъ на ряду съ церковнымъ благочестіемъ и могла сохраняться старина, сначала въ прямой формѣ до-христіанскаго суевѣрія, потомъ въ видѣ народно-поэтическаго праздника и развлеченія.

Но тамъ,—продолжаетъ Залѣскій,—гдѣ обстоятельства складывались такъ же, какъ въ самой Польшѣ, они создали и на Руси подобную поэтическую форму. Это—такъ называемыя коломыйки, которыя, такъ же какъ краковяки, состоятъ изъ двухъ, четырехъ стиховъ, также съ поэтическимъ сравненіемъ изъ природы и съ выраженіемъ того или другого чувства; но здѣсь сравненіе обыкновенно гораздо болѣе выдержано, чѣмъ въ польскихъ краковякахъ; веселость сказывается рѣдко, онѣ всегда болѣе скромны и вообще проникнуты какимъ-то печальнымъ, тоскливымъ чувствомъ, нерѣдко выраженнымъ съ глубокой силой.

Переходя къ другому вопросу: почему въ его сборникѣ соединены пѣсни польскія и русскія, Залѣскій соглашается, что было бы лучше представить два особые сборника, но тогда нужно бы было собирать пѣсни по цѣлой Польшѣ и по цѣлой Руси, а этого онъ не считалъ удобнымъ при тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ. Не ставя себѣ подобной задачи, онъ хотѣлъ собрать только пѣсни галицкія, и такъ какъ Галиція населена народомъ польскимъ и русскимъ, то онъ собиралъ пѣсни польскія и русскія. Сборникъ тѣхъ или другихъ пѣсенъ отдѣльно не былъ бы великъ, и соединивъ ихъ, онъ въ своихъ рубрикахъ смѣшалъ ихъ, какъ смѣшано самое населеніе. Авторъ дѣлаетъ при этомъ еще любопытное замѣчаніе. „Рѣзко раздѣлять ихъ не казалось мнѣ нужнымъ, когда и безъ того, поставленныя однѣ рядомъ съ

другими, онѣ лучше отличаются въ своихъ характерахъ. Я не думаю, чтобы черезъ это я сдѣлалъ свой сборникъ менѣе пригоднымъ для поляковъ и для русиновъ; думаю, напротивъ, что черезъ это онъ становится для тѣхъ и другихъ гораздо полезнѣе. Каждый русинъ понимаетъ польскія пѣсни и полякъ пойметъ русскія, если только захочетъ и приложитъ къ этому какое-нибудь стараніе; кромѣ того, историческія русскія пѣсни воспѣваютъ событія изъ польской исторіи и въ этомъ отношеніи онѣ опять принадлежатъ къ польскому сборнику.—Съ болѣе широкой точки зрѣнія, это отлученіе русиновъ изъ нашей литературы кажется мнѣ очень вреднымъ для цѣлой славянской литературы, къ которой мы всегда обязаны стремиться. Словаки, славяне въ Силезіи, мораване пристали къ чехамъ; къ кому же могутъ пристать русины? Неужели же мы должны желать, чтобы русины имѣли свою особую литературу? Что же сталось бы съ нѣмецкой литературой, еслибы отдѣльныя германскія племена усиливались имѣть каждая свою литературу? Кто меня въ этомъ пунктѣ не понимаетъ, тому помочь я не могу, такъ какъ мнѣ неудобно говорить яснѣе".

Наконецъ, въ послѣдней части предисловія Залѣскій останавливается на объясненіи разныхъ родовъ пѣсенъ и подробностей ихъ содержанія.

Таковы были этнографическія и литературныя идеи польскаго собирателя. Нельзя вообще не замѣтить въ его трудѣ любопытный образчикъ вліянія какъ европейскаго романтизма, такъ и славянскаго возрожденія. Это двоякое вліяніе навело писателя на идеи, не совсѣмъ обычныя въ тогдашней (да и позднѣйшей) польской литературѣ, на критическое отношеніе къ прошлому и настоящему своего народа, на славянскія симпатіи, на интересъ къ простому сельскому люду и его пѣсенному творчеству. Отношенія его къ русскому народу въ Галиціи показываютъ, какъ слабы еще были зачатки возрожденія у самихъ русиновъ, какъ слабо чувство общности съ одноплеменнымъ народомъ въ русской имперіи. Съ другой стороны, тотъ взглядъ, что русинамъ именно слѣдуетъ примкнуть къ польской литературѣ и народности, до послѣдняго времени былъ распространенъ у польскихъ писателей и публицистовъ, которые наклонны были считать или настойчиво утверждали, что малорусскій народъ есть вообще только отрасль польскаго и малорусскій языкъ есть польское нарѣчіе. Такое отождествленіе малорусскаго народа съ польскимъ представляетъ, въ другой области, такъ-называемая украинская школа польской поэзіи, которая вдохновлялась малорусской природой, бытомъ,

преданіями — какъ бы своими собственными... Источникъ этого представленія весьма понятенъ, и не всегда онъ—только злостный, какъ это обыкновенно у насъ утверждаютъ; это—не простое намѣренное отрицаніе малорусской народности, которымъ прикрывается желаніе господствовать надъ малорусскими землей и народностью въ качествѣ польскихъ. Это могло быть, и бывало также совсѣмъ искреннее представленіе, унаслѣдованное отъ временъ, когда Польшѣ дѣйствительно принадлежало это господство.

Странно встрѣчаться съ такимъ пониманіемъ дѣла теперь, когда всѣмъ достаточно ясно, что ни въ малорусскомъ языкѣ и народности нѣтъ вовсе тождества съ польскими, ни въ исторіи нѣтъ единства, а только вѣчное разнорѣчіе и борьба, ни въ литературѣ русинамъ никакъ нельзя „пристать" къ литературѣ польской, — но пятьдесятъ лѣтъ назадъ, въ Галиціи, эта мысль могла не казаться несообразностью. Русская народность въ Галиціи въ тридцатыхъ годахъ едва дѣлала первые шаги литературнаго возрожденія. Первая книжка, съ которой можно считать новую галицкую литературу, вышла уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ сборника Залѣскаго; послѣдній, увлекшись мыслью объ изученіи народности своей родины, былъ первымъ собирателемъ, въ рукахъ котораго сосредоточилось большое количество малорусскихъ пѣсенъ, и у себя дома, не видя другихъ изданій, вѣроятно, не ожидая, чтобы сами галицкіе русскіе скоро сдѣлали что-нибудь по этому предмету, и полагая, наконецъ, что они могли бы, за неимѣніемъ своей, пристать къ польской литературѣ, — внесъ русскія пѣсни въ свой сборникъ, написавши ихъ польской азбукой. И любопытно, что эта мысль употребленія польской азбуки нашла-было себѣ сторонника въ одномъ изъ тогдашнихъ русскихъ патріотовъ, но какъ скажемъ дальше, эта проба не имѣла никакихъ послѣдствій, потому что вскорѣ у самихъ русскихъ галичанъ началось броженіе въ духѣ народности.

Какъ бы то ни было, сборникъ Залѣскаго былъ самымъ замѣчательнымъ трудомъ въ ряду польскихъ этнографическихъ изысканій, которыя, кромѣ собственно польскаго матеріала, разрабатывали и русскій (или малорусскій). Книга Залѣскаго стала важнымъ пособіемъ для малорусскихъ этнографовъ, и напр. книга Костомарова не обошлась безъ указаній Залѣскаго, относительно историческаго значенія народныхъ пѣсенъ [1]).

[1]) Строгій судья, Бодянскій, говоритъ о книгѣ Залѣскаго: „Собраніе Залѣскаго сильное имѣло вліяніе, какъ на земляковъ его, такъ равномѣрно и русскихъ въ Галиціи и Угріи; онъ самимъ дѣломъ уже показалъ тѣмъ и другимъ, какое неоцѣненное сокровище имѣютъ они въ своемъ народномъ творчествѣ, особливо Русскіе, пре-

Другой трудъ подобнаго рода въ 30-хъ годахъ представляетъ сборникъ Жеготы Паули [1]). Такъ же какъ Залѣсскій, онъ собиралъ одинаково пѣсни польскія и русскія, но издалъ въ двухъ отдѣльныхъ сборникахъ; онъ располагалъ пѣсни почти въ томъ же порядкѣ, но сопроводилъ ихъ весьма обстоятельными, по своему времени, объясненіями: онъ даетъ описаніе тѣхъ обрядовъ, къ которымъ пріурочиваются извѣстные разряды пѣсенъ, и при этомъ пользуется какъ свидѣтельствами старой литературы, такъ и сравненіями съ народной поэзіей другихъ славянскихъ племенъ. Дальше мы еще возвратимся къ этому собранію.

Такимъ же образомъ, малорусская народная поэзія, обычаи, преданія и т. д. излагаются въ трудахъ другихъ извѣстныхъ польскихъ этнографовъ того времени, какъ Казиміръ-Владиславъ Войцицкій [2]), очень плодовитый, но недостаточно критическій собиратель [3]); какъ историкъ, статистикъ и этнографъ Лука Голэмбёвскій [4]), у котораго подъ народомъ польскимъ опять разумѣются также бѣлоруссы и малоруссы [5]).

Польскіе этнографы того времени не владѣли еще настоящимъ критическимъ методомъ, котораго недоставало, впрочемъ, русскимъ и инымъ славянскимъ изслѣдователямъ того времени; у этихъ первыхъ начинателей этнографіи еще не было заботы о строгой точности при самомъ собираніи матеріала и, вслѣдствіе того, его подлинность, или его мѣстность и нарѣчіе и т. д., на нынѣшній взглядъ, часто являются неудостовѣренными. Такъ, Же-

---

юсходя имъ безспорно не только сосѣдей своихъ, но и всѣ вообще славянскія племена. Августинъ Бѣлёвскій, разбирая этотъ сборникъ въ № 3-мъ „Rozmaitości“ того же года, открыто признаетъ высокое достоинство и очаровательную красоту южнорусскихъ пѣсенъ, и, сравнивая ихъ съ сербскими (особенно свадебныя), охотно отдаетъ имъ преимущество не только передъ сими послѣдними, но и передъ пѣснями прочихъ славянъ“. (Предисловіе къ „Народнымъ пѣснямъ“, Головацкаго; „Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн.“ 1863, III, стр. VI).

[1]) Pieśni ludu Polskiego w Galicyi. Zebrał Żegota Pauli. Lwów, 1838.—Pieśni ludu Ruskiego w Galicyi. Zebral Żegota Pauli. Lwów, 1839—1840. 2 тома.—Предисловіе къ польскимъ пѣснямъ помѣчено апрѣлемъ 1833 г., къ русскимъ — маемъ 1836 года.

[2]) Pieśni ludu Białochrobatów, Mazurów i Rusi z nad Bugu. Warszawa. 1836, 2 ч.; Klechdy, starożytne podania i powieści ludu polskiego i Rusi. Zebrał i spisał K. W. Wóycicki. Warsz. 1837, 2 тома; Zarysy Domowe. Warsz. 1842, 4 тома, и др.

[3]) Ср. еще въ тридцатыхъ годахъ замѣчаніе Ж. Паули, Pieśni ludu pol, въ концѣ.

[4]) Gry i zabawy różnych stanów, etc. Warsz. 1831, и др.

[5]) О работахъ по польской этнографіи см. въ книжкѣ г. Ивацевича: „Собираніе памятниковъ народнаго творчества у южныхъ и западныхъ славянъ. Библіографическое обозрѣніе“. Спб. 1883, стр. 122 и слѣд.

гота Паули обвиняетъ Войцицкаго, что тотъ выписалъ многія польскія пѣсни изъ рукописей Паули и придалъ имъ произвольное обозначеніе мѣстности. Подобное обвиненіе было выставлено потомъ противъ самого Паули. Народныя преданія у старыхъ польскихъ собирателей рѣдко являются въ своей подлинной формѣ и всего чаще въ литературныхъ пересказахъ, болѣе или менѣе прикрашенныхъ, отчего теряютъ самое значеніе этнографическаго матеріала. При всемъ томъ работы польскихъ этнографовъ принесли свою большую пользу для малорусской этнографіи, открывая много новаго матеріала, затрогивая новыя стороны быта (напр., у Голэмбёвскаго, Войцицкаго), такъ что малорусскіе изслѣдователи въ этихъ трудахъ имѣли уже или поставленные вопросы, или нѣкоторыя готовыя указанія; въ особенности сборникъ Вацлава изъ Олеска, явившійся одновременно съ началомъ изданія „Запорожской Старины“, до второго сборника Максимовича, до сборника Лукашевича, до галицкихъ изданій, занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи этого вопроса.

Между прочимъ, сборникъ Залѣскаго произвелъ впечатлѣніе въ средѣ галицкихъ русиновъ. Первые признаки національнаго возрожденія въ русской Галиціи относятся къ 30-мъ годамъ. Отголоски славянскаго движенія достигаютъ тамъ въ среду учащейся молодежи и пробуждаютъ интересъ къ изученію собственной народности и по связи съ ней—русской литературы и этнографіи. Скудость матеріальныхъ средствъ, трудность имѣть русскія книги, подозрительность цензуры и полиціи обставляли дѣло большими препятствіями, но молодые энтузіасты добывали коекакъ русскія книги, изучали страну, пускались въ археологію, собирали пѣсни и въ результатѣ положили начало новой галицкой литературѣ и этнографіи [1]).

И здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ славянскаго возрожденія и какъ въ нашихъ первыхъ стремленіяхъ къ народности, исторически созрѣвавшее направленіе сказывалось нерѣдко чисто инстинктивно въ людяхъ молодого поколѣнія, которые стремились къ народности, не имѣя яснаго представленія о томъ, куда оно

---

[1]) См. о галицкомъ возрожденіи въ „Исторіи слав. литературъ“, т. I, стр. 410 и дал. Другія подробности см. въ „Письмахъ къ Погодину изъ славянскихъ земель“, изд. Н. Попова, М. 1879—1880, стр. 533—666; „Литературный Сборникъ“, издаваемый галицко-русскою матицею, Львовъ, 1885, вып. 1—2 (воспоминанія Я. Головацкаго, автобіографія Іос. Лозинскаго); „Кіевская Старина“, 1885, іюль: „Судьба одного галицко-русскаго ученаго“, стр. 458—472, и августъ: „Къ исторіи галицко-русской письменности“, стр. 645—663.—Въ послѣдней статьѣ частію повторены разсказы „Литер. Сборника“; въ первой сообщены особыя подробности о Вагилевичѣ.

можетъ привести ихъ, и не останавливаясь передъ самой ограниченностью своихъ литературныхъ средствъ [1]. Въ галицкомъ молодомъ поколѣніи, влеченіе къ народности было такимъ же инстинктивнымъ и вмѣстѣ романтическимъ. Трое изъ тогдашнихъ молодыхъ писателей, Маркіанъ Шашкевичъ, Яковъ Головацкій, Иванъ Вагилевичъ, еще студентами, на школьной скамьѣ, думали о необходимости новой литературы для своего народа, собирали пѣсни, изучали старину, дѣлали собственные литературные и поэтическіе опыты, и къ концу 30-хъ годовъ издали книжку, которая была однимъ изъ первыхъ опытовъ ввести въ книгу языкъ галицко-русскаго народа и вмѣстѣ однимъ изъ первыхъ опытовъ галицкой этнографіи [2].

Однимъ изъ возбужденій къ этой новой дѣятельности послужили польскія этнографическія книги, и особливо книга Залѣскаго. Самолюбію русскихъ галичанъ льстило то, какъ польскій писатель отзывался о богатствѣ и оригинальности русской народной поэзіи сравнительно съ польской, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ задѣвало за живое то мнѣніе этого писателя, что русскимъ галичанамъ не по силамъ, да и ненужно имѣть свою литературу и слѣдуетъ просто пристать къ литературѣ польской; ихъ задѣвало то, что Залѣскій прямо смѣшивалъ русскія пѣсни съ польскими и печаталъ ихъ латинской азбукой польскаго языка. Такимъ образомъ, малорусскій языкъ и малорусская народность не считались чѣмъ-нибудь самостоятельнымъ, а просто причислялись къ польской стихіи, какъ ея мелкій оттѣнокъ. Для нѣкоторыхъ это мнѣніе о пригодности польскаго письма для малорусской рѣчи показалось довольно убѣдительнымъ и, напр. одинъ изъ молодыхъ патріотовъ, впослѣдствіи заслуженный дѣятель галицкой литературы, Іосифъ Лозинскій, дѣйствительно принялъ польскую азбуку и, издалъ книжку: „Ruskoje wesile, opysannoje czerez J. Lozinskoho“ (Перемышль, 1835)—описаніе обрядовъ „весельяˮ т.-е. свадьбы, со сборникомъ свадебныхъ пѣсенъ. Лозинскій долго былъ защитникомъ этой азбуки—именно до 1848 года, когда общій

---

[1] Головацкій въ разныхъ своихъ воспоминаніяхъ не однажды разсказываетъ о томъ, какой рѣдкостью были въ ихъ кругу русскія книги и съ какимъ трудомъ они ихъ добывали. Это подтверждается современной перепиской и свидѣтельствами нашихъ путешественниковъ (см., напр., въ „Очеркѣ путешествія по славянскимъ землямъ“ въ 1840 г., А. Терещенка, — цитата въ „Письмахъ къ Погодину изъ славянскихъ земель“, стр. 562); но, съ другой стороны, мы видѣли, что Вацлавъ Залѣскій имѣлъ въ рукахъ довольно много русскихъ этнографическихъ сборниковъ.

[2] Русалка Днѣстровая. У Будинѣ. Письмом корол. всеучилища Пештанского 1837.

отпоръ его системѣ со стороны большинства дѣятелей русской народности въ Галиціи и обстоятельства національной борьбы съ поляками привели его къ другому взгляду на этотъ предметъ [1]). Русская азбука для галицкихъ патріотовъ была символомъ самой русской народности, и борьба за нее была первой защитой національнаго дѣла: она олицетворяла собой все племенное различіе, всю историческую разницу, всю настоящую противоположность интересовъ польскихъ и русскихъ. Не даже научиться этой азбукѣ было тогда нелегко: не было образчика русскаго письма— его копировали съ курсива печатныхъ азбукъ и грамматикъ. Когда патріоты начали печатать свои новыя книжки, то многихъ людей стараго вѣка непріятно поражало даже употребленіе гражданской русской печати вмѣсто единственно знакомой церковной. Прибавлялся, наконецъ, вопросъ о самомъ языкѣ—писать ли на ломаномъ церковно-русскомъ языкѣ, привычномъ до сихъ поръ, или на настоящемъ народномъ, томъ языкѣ, который молодые патріоты узнавали съ дѣтства въ народной рѣчи и въ пѣсняхъ и который появился уже въ малорусскихъ книжкахъ въ Россіи (потому что это былъ одинъ и тотъ же языкъ съ галицко-русскимъ). Какъ извѣстно, этотъ вопросъ не рѣшенъ въ галицкой литературѣ и до сихъ поръ, и галицкіе писатели все еще колеблются между русскимъ книжнымъ языкомъ (которымъ овладѣть хорошенько не могутъ и который незнакомъ народной массѣ) и народной рѣчью (которая требовала бы болѣе обширной литературной обработки). Издатели „Днѣстровской Русалки" не усумнились принять для своего сборника языкъ народный. Книжка состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: народныхъ пѣсенъ, собранныхъ молодыми патріотами съ вводнымъ разсужденіемъ Вагилевича, и изъ поэтическихъ опытовъ ихъ и Шашкевича. Молодые писатели, въ своемъ патріотическомъ кружкѣ, подобрали себѣ имена въ древне-русскомъ вкусѣ: одинъ назвался Далиборомъ (Вагилевичъ), другой — Русланомъ (Шашкевичъ), третій—Ярославомъ (Головацкій); потомъ явились и еще древніе русины—Мирославъ (Илькевичъ, издатель пословицъ), Велеміръ, Мстиславъ и т. д. Собраніе пѣсенъ въ „Русалкѣ" невелико, но пѣсни были новы и характерны.

По позднѣйшимъ разсказамъ г. Головацкаго, у него уже въ то время составился обширный сборникъ пѣсенъ, и что именно этотъ сборникъ былъ изданъ Жеготой Паули. Упомянувъ о томъ, какъ во времена его студенчества во Львовѣ, за трудностью имѣть

[1]) См. въ томъ же „Литературномъ сборникѣ" Дѣдицкаго, 1885, автобіографію Лозинскаго.

русскія книги, онъ списалъ въ библіотекѣ всю книжку пѣсенъ Максимовича (въ изданіи 1827 года), онъ прибавляетъ: „Игнатій-Жегота Паули, мазуръ, слушавшій вмѣстѣ со мною лекціи на 1-мъ курсѣ университета, выманилъ у меня черновыя тетради этихъ и другихъ народныхъ пѣсенъ и издалъ въ Перемышлѣ (Львовѣ) 1839 г. въ II томахъ „Pieśni ruskiego ludu w Galicyi"; самъ-то онъ плохо понималъ по-русски и никогда не сообщался съ русскимъ народомъ" [1]).

Не знаемъ, какъ было это дѣло пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ,—быть можетъ, г. Паули, который еще здравствуетъ, состоя библіотекаремъ въ краковской академіи, можетъ это объяснить;—но въ его тогдашнемъ интересѣ къ славянству, кажется, не было основанія сомнѣваться. Ранѣе сдѣланное изданіе польскихъ пѣсенъ свидѣтельствовало, что этнографическія изысканія занимали его и независимо отъ пѣсенъ г. Головацкаго; надъ своими текстами онъ работалъ, обставлялъ пѣсни объясненіемъ народныхъ обычаевъ, и не только „удавалъ славянина", но зналъ тогдашнюю славянскую литературу, занимавшуюся истолкованіемъ народной старины, и самъ, какъ умѣлъ, работалъ въ ея духѣ и пріемахъ. Въ сборникѣ его, между прочимъ, встрѣчаемъ любопытную пѣсню о взятіи Варны, въ началѣ XVII-го вѣка [2]): пѣсня взята не изъ народныхъ устъ или изъ новѣйшей записи, а изъ стараго рукописнаго малорусскаго сборника, писаннаго въ XVII-мъ столѣтіи и найденнаго въ Старо-самборскомъ замкѣ. Г. Головацкій не упоминаетъ, выманилъ ли опять Жегота Паули у него этотъ сборникъ, или нѣтъ? Не упоминаетъ и о томъ, какъ Паули, не знавъ

---

[1]) „Кіев. Старина", 1885, авг., стр. 647. Тоже, нѣсколько подробнѣе, въ „Литер. Сборникѣ", вып. 1, стр. 13—14: „Вмѣстѣ съ нами (т.-е. еще съ Шашкевичемъ и Вагилевичемъ) колегіи посѣщалъ небольшій человѣчекъ (?), нѣкто Игнатій Паули, мазуръ, пріѣхавшій изъ Сандечской гимназіи въ университетъ. Онъ постарался познакомитись съ нами, изъявилъ будто бы пламенное желаніе научитись по-русски и по славянски, удавалъ Славянина (т.-е выдавалъ себя за славянскаго патріота) и подписывался даже Жегота Паули. Я не довѣрялъ ему; но Вагилевичъ былъ больше откровеннымъ, а Шашкевичъ радъ былъ, что идея Славянства пускаетъ корени на польской почвѣ и что Паули стоитъ за демократическій принципъ, такъ якъ онъ собиралъ пѣсни польского люда, и потому онъ считалъ его безвреднымъ (?), находя, что будьто на основаніи демократическаго устройства ляхи намъ неопасны. Паули выманилъ отъ насъ не только тетрадки народныхъ пѣсень, но и переписалъ отъ мене пѣсни Максимовича и послѣ продалъ книгопродавцу К. Яблонскому, который ихъ издалъ—и пр,—хотя онъ вовсе не собиралъ пѣсень, а переписалъ таковыи.—Паули ввелъ насъ въ польскіи кружки и познакомилъ съ Бѣлёвскимъ, Сѣминскимъ, Войцицкимъ, Туровскимъ", и проч.

[2]) Piesni ludu Rusk. I, стр. 134—136. Объ этой пѣснѣ Костомаровъ, въ „Р. Мысли", 1880, февраль, „Исторія козачества" и пр. стр. 1—3.

языка, могъ составить словарикъ, приложенный имъ къ изданію русскихъ пѣсенъ.

Гораздо болѣе точнѣе указаніе на источники пѣсеннаго собранія Жеготы Паули, хотя опять неблагопріятное для послѣдняго, сдѣлано было Бодянскимъ въ его предисловіи къ „Народнымъ пѣснямъ Галицкой и Угорской Руси“ Головацкаго [1]). Изъ указаній Бодянскаго видно, что Паули пользовался не одними только тѣми пѣснями, которыя „выманилъ“ у Головацкаго, но и разными печатными источниками. Но дѣло все-таки остается не вполнѣ яснымъ. Любопытно, во-первыхъ, то, что сравнивая сборникъ Паули съ „Днѣстровской Русалкой“ (гдѣ Головацкій и его друзья сами печатали свои пѣсни), мы находимъ не однажды разнорѣчія, которыя трудно объяснить; откуда они могли взяться, если Паули только выписывалъ тѣ-же пѣсни г. Головацкаго? Во-вторыхъ то, что, издавая впослѣдствіи свое цѣлое собраніе въ московскихъ „Чтеніяхъ“, г. Головацкій въ числѣ разныхъ своихъ источниковъ цитируетъ этого самаго Паули.

Есть и другія странности въ этомъ дѣлѣ. Если Паули совершилъ плагіатъ, отчего г. Головацкій предоставилъ Бодянскому заявить о немъ лѣтъ черезъ двадцать-пять, а самъ сказалъ о немъ только лѣтъ черезъ пятьдесятъ?

Наконецъ, относительно того, что Паули „удавалъ славянина“, припоминается указаніе г. Головацкаго, что Паули свелъ его и его друзей съ кружкомъ Бѣлёвскаго, Луціана Сѣменьскаго, Войцицкаго и Туровскаго. Но это былъ именно кружокъ польскихъ писателей, заинтересованныхъ славянскимъ народно-литератунымъ движеніемъ и работавшихъ для польско-малорусской этнографіи. Выше мы упоминали восторженные отзывы Бѣлёвскаго (авторитетнаго польскаго историка и археографа) о малорусскихъ пѣсняхъ; Сѣменьскій принадлежалъ къ числу немногихъ польскихъ литературныхъ панславистовъ [2]); о Войцицкомъ говорено выше; Казиміръ Туровскій издалъ во Львовѣ въ 1835 году: „Uwagi nad niektórymi piesniami poetów ludu“, гдѣ для примѣра приводитъ и русскія пѣсни... Былъ, такимъ образомъ, цѣлый польскій кружокъ, заинтересованный малорусской народной поэзіей. Не являлась ли мысль, что въ польской книгѣ пѣсни могутъ быть изданы скорѣе, чѣмъ русскіе любители успѣютъ сдѣлать свое изданіе (дѣйстви-

---

[1]) Чтенія Моск. Общ. Исторіи и Древностей, 1863, т. III, стр. VII—VIII. Этого предисловія мы не находимъ въ отдѣльномъ изданіи собранія Головацкаго. М. 1878, —или оно не попало только въ нѣкоторые экземпляры?

[2]) Позднѣе онъ издалъ, напр.: „Podania i Legendy polskie, ruskie, litewskie“. Познань, 1845.

тельно, печатаніе „Днѣстровской Русалки“ стоило издателямъ большихъ хлопотъ), или изданы—для польской публики—параллельно съ малорусскимъ изданіемъ.—Почему иначе было не заявить тогда же о плагіатѣ?

Любопытно было бы имѣть разсказъ обо всемъ этомъ самого Жеготы Паули.

V.—Лукашевичъ.—Метлинскій.

Въ тѣ же годы, именно въ 1836, вышелъ въ Петербургѣ новый сборникъ малорусскихъ пѣсенъ подъ названіемъ: „Малороссійскія и Червонорусскія народныя думы и пѣсни“, безъ имени собирателя, которымъ былъ Платонъ Лукашевичъ. Эта небольшая книжка составляла потомъ необходимое пособіе малорусскихъ этнографовъ, и ея думы и пѣсни цитируются до настоящаго времени, какъ напр., въ послѣдней работѣ Костомарова. Впослѣдствіи собиратель, кажется, не возвращался къ этому предмету, а въ сороковыхъ годахъ пріобрѣлъ особаго рода извѣстность какъ авторъ книги, носившей такое заглавіе: „Чаромутіе или священный языкъ маговъ, волхвовъ и жрецовъ“ (Спб. 1846), за которою послѣдовала другая: „Примѣры всесвѣтнаго славянскаго чаромутія, астрономическихъ выкладокъ, съ присоединеніемъ объясненія обратнаго чтенія названій буквъ алфавитовъ греческаго и коптскаго“ (М. 1855), и затѣмъ еще цѣлый рядъ подобныхъ книжекъ, идущій до послѣднихъ годовъ, съ такими же странными заглавіями и не менѣе страннымъ содержаніемъ, гдѣ авторъ съ большой самоувѣренностью дѣлалъ самыя фантастическія открытія въ таинственной древности, до него никому неприходившія въ голову. „Чаромутіе“ надолго сдѣлалось басней въ литературѣ, между тѣмъ, какъ сборникъ пѣсенъ, гдѣ собиратель не поставилъ своего имени, оставался, какъ мы сказали, одной изъ наиболѣе замѣтныхъ книгъ по малорусской этнографіи.

Книжка начинается небольшимъ предисловіемъ, которое можетъ странно поразить рядомъ съ другими тогдашними отзывами о малорусской народной поэзіи: въ то самое время какъ другіе собиратели и критики превозносили богатство и тонкое изящество этой поэзіи, Лукашевичъ давалъ совсѣмъ иную картину ея состоянія въ данную минуту, говорилъ объ ея упадкѣ, предсказывалъ ея близкую гибель, и свой собственный сборникъ представлялъ какъ немногое, что можно еще спасать отъ ея крушенія.

„Мы имѣемъ уже два собранія Украинскихъ пѣсенъ, гг. Срезневскаго и Максимовича.—говорилъ Лукашевичъ.— Я спасъ еще нѣсколько народныхъ

пѣсней, и представляю ихъ въ этомъ собраніи. Вѣроятно, это, можетъ быть, послѣднее ихъ изданіе, заимствованное прямо изъ Малороссіи,—тамъ народныя пѣсни давнымъ давно уже не существуютъ; всѣ онѣ исключительно замѣнены солдатскими, или великороссійскими пѣснями. Малороссійскій парубокъ за стыдъ себѣ почитаетъ пѣть другія. Пословица справедливо говоритъ: что все хорошо на своемъ мѣстѣ; если русскія пѣсни такъ прекрасны въ устахъ лихого солдата или ямщика, то ничего не могутъ быть онѣ ужаснѣе при пѣніи ихъ малороссіяниномъ, съ его густымъ басомъ и медленнымъ выговоромъ словъ. Пройдитесь по малороссійскому селенію, въ тихую ночь, когда молодежь собирается на улицу или вечерницу—страхъ невольно пробѣжитъ по вашимъ нервамъ: представьте себѣ мужика, который одну ноту тянетъ съ дребезжущимъ крикомъ до безконечности, заглушающій хоръ подоспѣваетъ въ помощь этому запѣвалѣ—и вы въ опасности потерять органъ слуха .. невольно закрывъ уши, вы уйдете какъ можно далѣе; но въ отдаленности голосъ пѣвцовъ становится еще непріятнѣе, это совершенный вой волковъ. Примѣчательно, что и женскій полъ въ Малороссіи разлюбилъ свои прелестныя, томныя пѣсни, гдѣ воспѣвались любовь и разлука съ милымъ козаченькомъ, и гдѣ съ такимъ неизъяснимымъ чувствомъ и простотою красавица выражала:

Тóлькó минѣ легче станеть,
Якъ крошку заплачу!—*или*
Ой не видно того села—только видно хресты
Туда минѣ любо, мило оченьками съвести!

„Нѣтъ, теперь ужъ этого пѣнія не услышите на вечерницахъ, и между ними есть запѣвалы и писклывый хоръ и какой! не скажу о немъ ни слова. Не зная великороссійскихъ женскихъ пѣсней, дѣвушки Малороссійскія поютъ однѣ и тѣ же пѣсни, какія и ихъ парубки, т.-е. солдатскія и ямщицкія. Нерѣдко мужчины и женщины поютъ вмѣстѣ эту пѣснь, или, лучше сказать, горланятъ, составляя самый забавный въ мірѣ концертъ... Проѣзжайте всю Малороссію вдоль и въ поперегъ, и я ручаюсь вамъ, что вы не услышите ни одной національной пѣсни. Изъ десяти парубковъ, едва ли сыщется одинъ, который можетъ вамъ пропѣть „мужицькую писню“ и то какую-нибудь женскую. И горе ему, если услышатъ это его товарищи, онъ будетъ осмѣянъ какъ „мужикъ“. Эти мужицкія пѣсни вы можете услышить только гдѣ-нибудь въ уединеніи—въ полѣ, въ лѣсѣ, и то въ искаженномъ видѣ. Новѣйшая, Малороссійская, народная муза ничего еще не произвела, кромѣ двухъ или трехъ пѣсенъ о рекрутскихъ наборахъ, которыхъ содержаніе взято также изъ солдатскихъ и имѣютъ великороссійскіе голоса; тоже должно сказать и обо всѣхъ уцѣлѣвшихъ Малороссійскихъ пѣсняхъ: всѣ онѣ поются на ладъ „парня и дѣвки“; чрезъ двадцать лѣтъ, мы будемъ отыскивать настоящіе ихъ голоса въ Галиціи или въ Венгріи у Карпато-Руссовъ [1]. Однѣ только свадебныя и другія обрядныя пѣсни уцѣлѣли.

„Итакъ, эти пѣсни, которыя я издаю, есть уже мертвыя для Малороссіянъ. Это только малѣйшіе остатки той чудной пѣсенности ихъ дѣдовъ, которая была удивленіемъ и самихъ хулителей всего Украинскаго; не стану разсуж-

---

[1]) Замѣтимъ еще, что встарину въ Малороссіи каждый поселянинъ былъ музыкантъ, въ каждой избѣ можно было найти скрипку, гусли или бандуру; теперь едва ли въ большомъ селеніи сыщется одинъ скрипачъ—новѣйшее пѣніе не нуждается въ музыкѣ. (Прим. Лукаш.).

дать объ ихъ достоинствѣ и голосахъ,—скажу только, что я почитаю себя исполнившимъ долгъ свой предъ своею родиною, исторгнувъ изъ забвенія эту Южно-Русскую народную поэзію у старцевъ, занесшихъ одну ногу въ гробъ. Я посвящаю ее моимъ предкамъ Гетьманцамъ, она имъ принадлежитъ; быть можетъ, хотя одинъ листочекъ изъ сего собранія упадетъ на завалившуюся могилу, или долетитъ на высокій курганъ козацкій".

Странно читать эти отзывы собирателя малорусскихъ пѣсенъ, которыя едва только въ эти самые годы стали появляться на свѣтъ въ немногихъ еще собраніяхъ, возбуждали восторгъ не только своихъ, но и чужеплеменныхъ любителей и критиковъ своимъ изяществомъ и такимъ богатствомъ, какого не могла представить никакая иная славянская народность. Не можетъ не показаться, что авторъ преувеличивалъ, говоря о совершившейся гибели малорусской народной пѣсни; онъ только не умѣлъ найти ее,—какъ впослѣдствіи нашли ее другіе собиратели: Костомаровъ, Кулишъ, Метлинскій, Головацкій, Чубинскій и пр. При всемъ томъ была, однако, большая правда въ жалобахъ Лукашевича: для малорусской пѣсни дѣйствительно уже въ то время наступалъ періодъ паденія, который шелъ потомъ чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣе. Паденіе должно было начаться, очевидно, съ тѣхъ самыхъ поръ, когда кончался старый малорусскій бытъ, создавшій эту поэзію, когда началось вмѣшательство въ украинскую жизнь новаго политическаго элемента въ видѣ русской власти, русскаго военнаго и гражданскаго управленія, русской школы и обычаевъ. Правда, малорусская деревня еще долго сохраняла свой старый складъ, державшійся не только въ крестьянствѣ, но и въ среднемъ и мелкомъ панскомъ быту; малорусская деревня, изображенная Гоголемъ или описанная Далемъ, очевидно хранила еще много своей патріархальной старины, но Лукашевичъ былъ правъ, что новѣйшая малороссійская народная муза не могла уже создать ничего, что бы могло равняться съ ея давними твореніями, и хранить старое становилось все труднѣе. Уже тогда, въ тридцатыхъ годахъ, пѣсни приходилось отыскивать, эпическія думы быстро исчезали, и многочисленныя поддѣлки, появившіяся въ это время, были очевиднымъ признакомъ, что подлинный эпическій матеріалъ становился рѣдокъ; преданія, не записанныя во-время, погибали уже навсегда, а Лукашевичъ понялъ это совершенно вѣрно. Въ сборникахъ, составлявшихся позднѣе, и съ усерднымъ желаніемъ собрать все, что возможно, мы уже встрѣчаемъ не разъ только обломки—незаконченныя пѣсни, или пѣсни спутанныя, сшитыя изъ разныхъ клочковъ, невразумительные ра-

ріанты, иной разъ какіе-нибудь два стиха, оставшіеся обрывкомъ забытой пѣсни [1]).

Собраніе Лукашевича состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: въ первомъ (стр. 9—100) помѣщены пѣсни изъ русской Малороссіи; во второмъ (стр. 109—170) пѣсни червоно-русскія, которыя Лукашевичъ взялъ изъ собранія—какъ онъ называетъ, „г. Вацлава", т.-е. Вацлава изъ Олеска. Въ собственномъ небольшомъ сборникѣ Лукашевича помѣщено нѣсколько новыхъ замѣчательныхъ думъ, какъ напр. о Байдѣ-Вишневецкомъ, замѣчательная дума о Самойлѣ Кишкѣ, о которой онъ говоритъ, что „сія дума по количеству стиховъ своихъ (355 стих.), подробностямъ и истинно гомерическимъ описаніямъ превосходитъ въ своемъ родѣ всѣ, до-нынѣ намъ извѣстныя въ южной Россіи, думы"; новый и болѣе полный текстъ думы объ Ивасѣ Коновченкѣ (328 стиховъ); думы извѣстныя и неизвѣстныя о Морозенкѣ, Сезнѣ, Перебійносѣ, Нечаѣ, Швачкѣ, Голотѣ, Левенцѣ, Грицѣ, Калнашѣ и пр.; нѣсколько пѣсенъ бытовыхъ и обрядовыхъ (петровки, коляды, щедровки, купальскія, свадебныя).

Къ сожалѣнію, Лукашевичъ, по обычаю всѣхъ тогдашнихъ собирателей, не указываетъ съ точностью, откуда бралъ онъ свои тексты. Относительно думы о Самойлѣ Кишкѣ онъ замѣчаетъ, что она списана въ полтавской губерніи; „точь-въ-точь со словъ бандуриста-слѣпца", но кѣмъ—неизвѣстно. Относительно думы объ Ивасѣ Коновченкѣ, онъ говоритъ, что „нынѣшній ея списокъ есть одного бандуриста, который воспѣлъ и Самойла Кишку",—опять неясно: былъ у самого бандуриста списокъ или списокъ дѣланъ собирателемъ съ его словъ. Неясно также происхожденіе обширнаго текста знаменитой думы „о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова" (стр. 59), котораго издатель не имѣлъ тогда подъ руками и который собирался издать впослѣдствіи.

Въ предисловіи ко второму отдѣлу, Лукашевичъ даетъ понятіе о русскомъ населеніи въ Галиціи, которую, повидимому, зналъ и по собственнымъ наблюденіямъ, и къ которой относится съ величайшимъ сочувствіемъ. Здѣсь онъ находитъ и другое состояніе малорусской народной поэзіи.

„Червонорусцы,—говоритъ онъ,—не взирая на безконечное (?) свое иноплеменное подданство, которое переносятъ съ терпѣніемъ,—сохраняютъ, по сю пору, привязанность къ своему происхожденію и имени, а слѣдовательно, и къ Россіи; Украина, Малороссія есть для ихъ сердца обѣтованная земля,

---

[1]) См. напр. у Метлинскаго, стр. 374, 407. У Лукашевича — только начало думы про Тетерю, стр. 35, и мн. др.

куда стремятся всѣ ихъ помыслы и думы. Съ какою заботливостью Галичанинъ разспрашиваетъ заѣзжаго изъ Россіи гостя о судьбѣ своихъ братьевъ Украинцевъ; онъ съ радостію раздѣляетъ съ нимъ свою убогую трапезу, чтобы узнать что новаго, объ Украинскихъ Козакахъ! Кто бы повѣрилъ, что Галицкій пастухъ знаетъ гораздо болѣе думъ о герояхъ Украйны и ея исторію, нежели посѣдѣлый Малороссійскій Козакъ. Онъ гордится подвигами Малороссіянъ, какъ своими собственными. Онъ радуется ихъ счастію и успѣхамъ и тужитъ въ прекрасныхъ своихъ пѣсняхъ „о пригодѣ Козацькои". Прочитайте со вниманіемъ Галицкія пѣсни, въ нихъ—если молодой Червонорусецъ хочетъ понравиться своимъ красавицамъ, то говоритъ, что онъ Козакъ изъ Украйны, и Козакъ „съ роду"; въ одной пѣснѣ мать описываетъ своей дочери богатства Украйны и ея Козаковъ—враговъ Поляковъ, журитъ ее, чтобы она не любила „ляховъ", а Козаковъ; въ другой дѣвушка умираетъ за любезнымъ ея „Козаченькомъ"; въ третьей жена грозитъ своему мужу, что она оставитъ его и пойдетъ „на Украйну съ дѣтьми на свободу"; въ четвертой описываются похороны Козака и пр. и пр. Но важнѣйшія изъ пѣсенъ Червонорусцовъ,—это есть, безъ сомнѣнія, Малороссійскія думы"...

Содержаніе этихъ думъ есть исторія борьбы южной Руси противъ ея угнетателей: Галиція была явно на сторонѣ Хмельницкаго и ждала только своего избавленія, но оно не пришло...

„Должно замѣтить, что сія война Южной Россіи не имѣла ничего общаго съ обыкновенными нынѣшними войнами; нѣтъ, она должна была рѣшить великій вопросъ: или Южная Россія должна была совершенно освободиться бы отъ ига Поляковъ, подобно какъ сѣверная ея сестра отъ ига Татарскаго; или же навсегда остаться подъ вліяніемъ и владѣніемъ Польскаго шляхетства, какъ его исключительная собственность. Если бы такъ рано не умеръ Хмельницкій, и далъ по себѣ Руси достойнаго преемника,—тогда бы, отъ Сейма до Вислы и горъ Карпатскихъ не осталось бы ни одного Поляка, они всѣ были бы изгнаны въ Польшу, точно такъ, какъ судьба ихъ постигла въ Малороссіи, вмѣстѣ съ Уніею и Жидами... и Южная Россія воскресла бы, послѣ четырехъ-вѣкового уничиженія—во всемъ своемъ величіи. Но предопредѣленіе судебъ недовѣдомо,—все рушилось послѣ Хмельницкаго"...

Изъ этихъ строкъ видно, какимъ малорусскимъ патріотизмомъ былъ одушевленъ авторъ. Западная Малороссія, по словамъ автора, была истинная русская земля, и преданія о ней продолжаютъ жить въ народѣ русской Галиціи.

„Послѣ этого небольшого вступленія, читатели, вѣроятно, не удивятся, найдя почти во всѣхъ Галицкихъ думахъ и „Парубочихъ пѣсняхъ", всегдашнее обращеніе къ милой для нихъ Украйнѣ и Украинскимъ Козакамъ; и какъ не уважать до восторга Малороссіянъ, когда они осмѣлились вооружиться противъ Поляковъ—сихъ вѣчныхъ угнетателей и арендатарей Галичанъ? Вотъ почему, Червонорусцы усвоили себѣ думы Малороссіянъ, между тѣмъ, какъ послѣдніе, счастливые ихъ собратія, давно ихъ позабыли. Голоса древнихъ думъ Малороссіи проницаютъ душу какимъ-то неизъяснимо томнымъ впечатлѣніемъ; онѣ соединяютъ въ себѣ, и тоску по родинѣ, и неукротимую месть Славянина, когда его несчастія прешли мѣру человѣческаго терпѣнія. Сіи шестистопныя

и даже восьмистопныя пѣсни, исходятъ изъ широкой груди Русина такъ гибко, такъ мелодически, какъ будто самые нѣжные романсы Жуковскаго или Пушкина; въ нихъ различаемъ и тихій плачъ матери, и сестры, о своемъ сынѣ, и братѣ, и раскаты грома изъ пушекъ и самопаловъ, и вопль сражающихся, гдѣ „Ляцькая кровь" течетъ рѣками; къ сожалѣнію, ни одна изъ нашихъ думъ не переложена на ноты; Галичане, и понынѣ, не забываютъ голосовъ этихъ волшебныхъ эпопей, и понынѣ, они приводятъ въ сотрясеніе ихъ души! Справедливо Малороссійскіе бандуристы говорятъ, что слава не умретъ и не поляжетъ...

Галицкое литературное возрожденіе, обратившееся и къ изученію народности, Лукашевичъ обозначаетъ такимъ образомъ: „Я думаю,—говоритъ онъ,—пріятно будетъ узнать моимъ читателямъ, что въ Лембергѣ (во Львовѣ) и въ Перемышлѣ, нѣсколько добрыхъ уніатскихъ патеровъ, которые еще не стыдятся носить имя русское, вздумали воскресить въ Галиціи народное слово, и въ послѣднее время, благодаря покровительству австрійскаго правительства, (?) показалось нѣсколько сочиненій на малороссійскомъ нарѣчіи". Онъ сожалѣетъ только, что въ основаніе взяты при этомъ польскій языкъ и перемышльское нарѣчіе, всего болѣе пострадавшее отъ полонизмовъ, и выражаетъ желаніе, чтобы галицкіе писатели спустились лучше къ „простой рѣчи" восточнаго червонорусскаго языка, въ которомъ „еще сохраняется чистота кіеворусскаго нарѣчія". Онъ предполагалъ, что есть причины, которыя мѣшаютъ „патерамъ" изъясняться съ прихожанами „природнымъ и прекраснымъ языкомъ своихъ праотцевъ",—и думаетъ, что причина въ томъ, что червоноруссы должны покоряться направленію, какое даютъ имъ ихъ повелители.

Въ заключеніе онъ сообщаетъ, что во Львовѣ вышло новое собраніе червоно-русскихъ пѣсней, въ которомъ много малороссійскихъ думъ, но что онъ не могъ его достать.—Не совсѣмъ понятно, какой сборникъ могъ разумѣть здѣсь Лукашевичъ: послѣ сборника Залѣскаго вышла только книжка Лозинскаго (Ruskoje Wesile), но тамъ помѣщены только пѣсни свадебныя; затѣмъ онъ могъ слышать о готовящейся „Днѣстровской Русалкѣ", которая вышла уже въ 1837, или о сборникѣ Жеготы Паули, который вышелъ въ 1839 — 40, но помѣченъ въ предисловіи 1836-мъ годомъ.

Къ романтикамъ тридцатыхъ годовъ относится еще одинъ собиратель, сборникъ котораго пользуется также хорошей репутаціей. Это былъ А. Л. Метлинскій (1814—1869), бывшій профессоромъ харьковскаго и кіевскаго университетовъ и писавшій въ малорусской литературѣ подъ псевдонимомъ Амвросія Могилы,

—псевдонимомъ, который объясняется отождествленіемъ Украины съ могилами, гдѣ похоронена ея прошедшая слава.

Не будемъ останавливаться на біографіи Метлинскаго и на разборѣ его сочиненій [1]). Онъ не составилъ себѣ имени какъ ученый; малорусскія стихотворенія его цѣнились его современниками и соотечественниками, хотя также не представляютъ особыхъ поэтическихъ достоинствъ,—но въ исторіи изученія малорусской народности за нимъ остается заслуга ревностнаго этнографа, съ великой любовью относившагося къ своей родинѣ, преданіямъ ея и народу. Съ дѣтства окруженный впечатлѣніями малорусской жизни, Метлинскій и въ харьковскомъ университетѣ, гдѣ онъ учился въ тридцатыхъ годахъ, встрѣтилъ тотъ народный романтизмъ, о которомъ мы говорили, и навсегда остался подъ его вліяніемъ. Та скудная ученая школа, какую представлялъ харьковскій университетъ того времени, не помогла Метлинскому научно выяснить свои взгляды, но въ немъ крѣпко утвердилась привязанность къ своей малорусской народности. Наука удовлетворила его тѣмъ вниманіемъ, какое стала посвящать народности, всякимъ проявленіямъ ея въ бытѣ, исторіи, преданіяхъ, вниманіемъ къ народному языку и всякимъ его областнымъ вѣтвямъ и оттѣнкамъ: здѣсь нашла опору и его любовь къ своей родинѣ и ея поэзіи. Онъ не могъ дѣйствовать ни въ литературѣ, ни въ аудиторіи своими научными средствами, которыя были очень невелики, но современники говорятъ о его добромъ вліяніи на слушателей, которымъ онъ внушалъ любовь къ литературѣ и къ народнымъ изученіямъ. „Метлинскій,—разсказываетъ Де-Пуле,—былъ образцомъ труда, простоты, честности, добродушія, по-истинѣ рѣдкаго. Жилъ онъ бобылемъ, одинъ съ братомъ студентомъ и слугою, какимъ-то Грицко или Остапомъ. Жилъ онъ философомъ, т.-е. бѣднякомъ, употребляя бóльшую часть своихъ средствъ на вспомоществованіе своимъ роднымъ, матери, братьямъ и сестрамъ, проживавшимъ на какомъ-то хуторѣ черниговской губерніи. Дверь его квартиры была всегда открыта для студентовъ,—да, впрочемъ, она едва-ли и вообще запиралась: Метлинскій, съ портфелью книгъ и тетрадей бѣгущій на лекцію, былъ вправѣ сказать: omnia mecum porto. Близость его къ студентамъ, смѣло можно сказать, была идеальная, товарищеская... Метлинскій записывалъ не только

[1]) Для этого см. статью г. Дашкевича въ „Біографическомъ Словарѣ“ профессоровъ унив. св. Владиміра, Кіевъ, 1884, стр. 409—423; Петрова, „Очеркъ исторіи украинской литературы XIX столѣтія“, Кіевъ, 1884, стр. 128—130; Комарова, „Покажчикъ нової украньскої литератури“, К. 1883, стр. 38; Де-Пуле, „Харьк. университетъ“, Вѣстн. Евр. 1884, январь, стр. 101—104.

пѣсни, но и народныя мелодіи; нерѣдкіе тогда въ Харьковѣ, но теперь почти исчезнувшіе въ болѣе глубокой Малороссіи, бандуристы, эти истые рапсоды козачества, были обычными гостями Метлинскаго. Студенты-малороссы, знатоки пѣнія и пѣсенъ украинскихъ, чаще другихъ навѣщали его квартиру, услаждая душу звуками родныхъ мелодій"... Въ этомъ характерѣ, очевидно, любовь къ народности была врожденнымъ чувствомъ, инстинктомъ, который потомъ самъ собою слился съ романтическимъ идеализмомъ, и этимъ опредѣляется все отношеніе Метлинскаго къ предмету его этнографическихъ изученій. Собственная поэзія Метлинскаго безпрестанно обращается къ природѣ родного края, его народному быту и историческимъ воспоминаніямъ. Этнографическіе поиски его отзываются такой непосредственностью чувства, какую рѣдко можно встрѣтить въ самомъ усердномъ этнографѣ: видимо, онъ весь жилъ этимъ чувствомъ, глубоко искреннимъ, иногда полу-наивнымъ... Какъ обыкновенно въ тѣ годы, прибавились и сочувствія всеславянскія: Метлинскій переводитъ нѣсколько стихотвореній изъ Челяковскаго, Коллара, изъ Краледворской рукописи, изъ сербскихъ и польскихъ поэтовъ.

Главнымъ трудомъ Метлинскаго остался его этнографическій сборникъ [1]), изъ пѣсенъ, какъ записанныхъ имъ самимъ, такъ и доставленныхъ другими лицами. Въ предисловіи онъ такъ опредѣляетъ общую мысль, которая должна побуждать къ собиранію памятниковъ языка во всѣхъ его нарѣчіяхъ и оттѣнкахъ,—мысль, которую онъ высказывалъ также и въ другихъ случаяхъ... „Я утѣшался и одушевлялся мыслію, — говоритъ онъ, — что всякое нарѣчіе, или отрасль языка русскаго, всякое слово и памятникъ слова есть необходимая часть великаго цѣлаго, законное достояніе всего русскаго народа, и что изученіе и разъясненіе ихъ есть начало его общаго самопознанія, источникъ его словеснаго богатства, основаніе славы и самоуваженія, несомнѣнный признакъ кровнаго единства и залогъ святой братской любви между его единовѣрными, единокровными сынами и племенами. Языкъ русскій, какъ и всякій другой, образуется писателями; но силу свою и природное богатство беретъ изъ первоначальныхъ чистѣйшихъ родниковъ своихъ, изъ нарѣчій народныхъ, словно великая рѣка, отовсюду, но болѣе всего изъ родной земли, почерпающая свои воды и восполняющая шумное море языковъ человѣческихъ. Такъ величіе цѣлаго зависитъ отъ правильнаго развитія частей. Сло-

---

[1]) Народныя южно-русскія пѣсни. Изданіе Амвросія Метлинскаго. Кіевъ, 1854. XVIII и 472 стр.

весныя произведенія каждаго русскаго племени заключають въ себѣ и раскрывають часть богатства общаго, великаго народнаго духа" [1]).

Понятно, что народная поэзія находитъ у Метлинскаго высокую восторженную оцѣнку. По его представленію, она была произведеніемъ народа въ томъ смыслѣ, что ее создали даровитѣйшіе люди народа, которые въ старыя времена, еще до начала письма и грамотности, выразили чувства и мысли народа, впечатлѣнія міра и событія народной жизни, словомъ, все истинное, доброе и прекрасное, съ такою силою и красотою, что ихъ слово не забылось и сохраняется вѣками, „какъ выраженіе не скоропреходящихъ нуждъ временныхъ, но вѣчныхъ помысловъ души человѣческой"; остальная масса народа были люди, воспринимающіе и хранящіе это преданіе. „Но чудный даръ вдохновенія и пѣсенъ рѣдко цвѣтетъ на лонѣ счастія, рѣдко сопровождается благами жизни, и пѣвцы, улетая душою въ область мечтаній, нерѣдко обдѣляются земными благами, по сказанію древности и одного изъ своихъ собратовъ (стихотвореніе Шиллера—Theilung der Erde), и, быть можетъ, къ нимъ-то примѣняется поговорка „голе и гостре якъ брытва". Поэтому-то остатками старыхъ преданій свѣтъ большею частію обязанъ скитальческой судьбѣ бездомныхъ странниковъ, нищихъ, слѣпыхъ старцевъ, которыхъ память —живая книга минувшаго".

Славянскіе народы, и особенно русскій, славятся богатствомъ своей народной поэзіи. „Эти произведенія невѣдомыхъ умовъ, какъ дикіе полевые цвѣты, будто сами собою выросли на полѣ народной жизни, взлелѣянные природою, въ такой чудесной красотѣ слова, въ какую облекалась мысль только у лучшихъ изъ поэтовъ. Живое народное слово, исполненное прадѣдовскихъ поученій, долголѣтней богатой житейской опытности, хранитель древнихъ преданій, памятниковъ древнихъ событій, сокровище слезъ и радостей, народныхъ чувствъ и мыслей за нѣсколько столѣтій, раздается и поется на просторѣ царства русскаго отъ степей и до морей, и живетъ, и растетъ по домамъ и по путямъ, на поляхъ и на рѣкахъ, какъ воды и лѣса, какъ горе и счастіе, какъ печаль и радость. Оно близко духу и сердцу народному и благотворно для его нравовъ. Оно можетъ долго существовать безъ пособія грамоты, тогда какъ слабыя литературныя произведенія, издѣлія подражательной словесности, не проявляющія силы душевной,

[1]) Въ подобномъ смыслѣ Метлинскій говорилъ о литературной способности мѣстныхъ нарѣчій, и особливо, конечно, малорусскаго, въ предисловіи къ изданнымъ имъ „Байкамъ" Боровиковскаго. Кіевъ, 1852.

скоро забываются и смѣняются другими, не смотря на усилія книжныхъ промышленниковъ поддерживать ихъ всѣми способами торговой смѣтливости".

Въ теоретическихъ понятіяхъ Метлинскаго о народной поэзіи, насколько они выразились въ приведенныхъ сейчасъ словахъ, были значительныя неточности; напр. народная масса играла все-таки не одну пассивную, воспринимающую роль въ созданіи этой поэзіи; самая поэзія не оставалась такъ неподвижна въ теченіе исторіи и, напротивъ, очень сильно измѣнялась, теряя древнія черты и принимая новыя; иногда старые памятники ея погибали совсѣмъ и замѣнялись новыми произведеніями, созданными въ новыхъ условіяхъ и въ новомъ духѣ; далѣе, при этой измѣнчивости бываютъ времена, когда народная пѣсня переставала быть и особенно благотворной для народныхъ нравовъ и т. п. Очевидно, что въ сущности отношеніе Метлинскаго къ народной поэзіи заключалось въ томъ романтическомъ идеализмѣ, о которомъ мы говорили и который въ свое время былъ нуженъ для установленія болѣе вѣрныхъ понятій объ этомъ предметѣ, который былъ еще далеко невразумителенъ для большей доли общества. Метлинскій былъ правъ, когда дальше говорилъ, что труды, посвящаемые изученію народа, и литературная обработка народнаго языка, представляютъ для насъ нравственную необходимость, расширяя наше самопознаніе и воспитывая въ народѣ самоуваженіе.

Собираніе пѣсенъ Метлинскій началъ, повидимому, еще съ конца тридцатыхъ годовъ и продолжалъ его до времени изданія своего сборника. Кромѣ того, ему сообщали пѣсни и многія другія лица, въ числѣ ихъ Н. М. Бѣлозерскій, М. А. Маркевичева (впослѣдствіи—Марко Вовчокъ), одинъ изъ его слушателей—Запара (о которомъ разсказывается въ воспоминаніяхъ Де-Пуле), нѣкто П. К. (вѣроятно, г. Кулишъ, которому въ то время еще нельзя было являться въ литературѣ съ своимъ именемъ); нѣсколько пѣсенъ перешло въ сборникъ изъ собранія Гоголя, и т. д. Редакція изданія состояла въ сличеніи имѣвшихся на-лицо текстовъ и въ возможно точной передачѣ пѣсенъ; имѣя только ограниченныя средства для изданія, Метлинскій вносилъ въ свою книгу только то, что еще не было напечатано (кромѣ нѣсколькихъ исключеній); не позволялъ себѣ составлять пѣсенъ изъ нѣсколькихъ варіантовъ и печаталъ особо несходные стихи или цѣликомъ самые варіанты, какъ образцы различной обработки одной тэмы. Относительно оттѣнковъ языка, онъ держался господствующаго украинскаго нарѣчія, который сохранилъ и для пѣсенъ, записанныхъ на крайнихъ предѣлахъ украинскаго нарѣчія, какъ

потому, что на мѣстномъ говорѣ являлись иногда и пѣсни обще-распространенныя, такъ и потому, что самыя записи на мѣстныхъ говорахъ бывали случайными и шаткими; онъ думалъ, наконецъ, что изученіе нарѣчій должно быть особымъ дѣломъ, отдѣльнымъ отъ изученія самаго содержанія народной поэзіи. Но онъ не устранялъ тѣхъ мелкихъ особенностей и варіацій выговора, какія встрѣчаются въ самомъ главномъ нарѣчіи, нерѣдко служа для благозвучія рѣчи.

Что касается до распредѣленія пѣсенъ на разряды, Метлинскій считалъ очень труднымъ найти такое, которое можно было бы счесть вполнѣ удовлетворительнымъ; между тѣмъ, приведеніе пѣсенъ въ извѣстный порядокъ необходимо для ихъ обзора, для изученія по нимъ народной жизни. Въ принятомъ имъ порядкѣ есть рубрики довольно смутныя, напр. въ отдѣлѣ пѣсень „житейскихъ“ разрядъ пѣсенъ „семейно-родственныхъ“, или отдѣлъ пѣсенъ и думъ „поучительныхъ“; но вообще его распредѣленіе сходится съ тѣми, какія мы уже видѣли у болѣе раннихъ собирателей. Такъ, идетъ рядъ пѣсенъ, относящихся къ домашнему быту: колыбельныя, свадебныя, поминальныя; въ пѣсняхъ, которыя онъ называлъ вообще „годовыми“—извѣстные разряды веснянокъ, пѣсенъ русальныхъ, купальныхъ, петривочныхъ и т. д.; въ пѣсняхъ бытовыхъ—козацкія, чумацкія, бурлацко-сиротскія и т. д.

Какъ мы сказали, сборникъ Метлинскаго занялъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ литературѣ малорусской этнографіи по внимательности редакціи пѣсенъ и ихъ новости, хотя и Метлинскому не удалось вполнѣ ускользнуть отъ поддѣлокъ, наводнившихъ эту область съ тридцатыхъ годовъ [1]). Въ случаѣ успѣха своего предпріятія, Метлинскій думалъ продолжать изданіе своего сборника, но этого не случилось: страдая болѣзненной меланхоліей, онъ былъ уже неспособенъ къ работѣ и кончилъ жизнь самоубійствомъ въ 1869 году.

А. Пыпинъ.

[1]) См. „Историческія пѣсни“, Антоновича и Драгоманова, т. I, стр. XXII—XXIII.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е ноября 1885.

Общіе вопросы, возбуждаемые процессомъ Мироновича.—Возобновленіе преслѣдованія противъ оправданнаго подсудимаго; обращеніе присяжныхъ къ новому совѣщанію; разрѣшеніе дѣла до окончанія судебнаго слѣдствія и мотивированіе рѣшенія присяжныхъ.—Дворянскій проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ, и вызванная имъ историческая справка по вопросу объ обязательности рабочей книжки

Процессу объ убійствѣ Сарры Беккеръ, вторично, но по всей вѣроятности, все еще не окончательно разрѣшенному въ началѣ истекшаго мѣсяца, суждено занять выдающееся мѣсто въ нашихъ судебныхъ лѣтописяхъ. Необыкновенные эпизоды, эффектные сюрпризы, чрезвычайныя ошибки, рѣзкіе повороты и колебанія—все это слѣдуетъ одно за другимъ, идетъ непрерывной вереницей отъ первыхъ дней слѣдствія до послѣдняго вердикта присяжныхъ,—и всему этому не предвидится конца и исхода. Разыгравшіяся страсти захватываютъ не только ближайшихъ участниковъ дѣла, но и печать, и публику, и общественное мнѣніе. Въ мутной водѣ начинается, вдобавокъ, обычная рыбная ловля; неисправимые враги судебныхъ учрежденій спѣшатъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и присоединить новый пунктъ къ старому обвинительному акту. Забываются указанія исторіи, отбрасывается въ сторону опытъ другихъ государствъ, игнорируются основныя начала уголовнаго процесса, лишь бы только нанести добавочный ударъ ненавистнымъ судебнымъ порядкамъ. Смятеніе, беззастѣнчиво поддерживаемое напускнымъ пессимизмомъ, проникаетъ и въ среду сторонниковъ новаго суда, выражаясь здѣсь торопливымъ предложеніемъ поправокъ къ судебной практикѣ и къ судебнымъ уставамъ. Попробуемъ разобраться въ пестрой массѣ противорѣчивыхъ взглядовъ; теперь это гораздо легче. чѣмъ въ первые дни всеобщей тревоги.

До-реформенный судъ не могъ воспитать въ нашемъ обществѣ того чувства, которое французы называютъ le respect de la chose jugée. Судъ, о пристрастіи котораго къ сильнымъ и богатымъ сложилась извѣстная народная поговорка; судъ, на всѣхъ ступеняхъ одинаково зависимый отъ администраціи, внизу униженный и безсильный, вверху задавленный бумажнымъ формализмомъ и отдавшій себя во власть канцелярій,—не могъ быть разсматриваемъ, какъ охранитель и органъ права; за его рѣшеніями и приговорами, остававшимися въ безгласности и мракѣ, никто не признавалъ и не могъ признавать ни нравственной, ни даже твердой юридической силы. Безконечное число инстанцій не давало установиться понятію объ окончательномъ рѣшеніи; тяжущіеся и подсудимые, сколько-нибудь состоятельные и предпріимчивые, не успокоивались до тѣхъ поръ, пока не испытывали всѣхъ средствъ поколебать, per fas et nefas, неблагопріятное для нихъ судебное опредѣленіе—или, лучше сказать, не успокоивались никогда, потому что никогда не проникались вполнѣ мыслью о безповоротно-послѣднемъ словѣ процесса. Кто стоитъ близко къ судебной сферѣ, тотъ знаетъ, какъ трудно и теперь, иной разъ, доказать проигравшему дѣло въ кассаціонномъ сенатѣ невозможность жалобы на сенатъ въ высшую инстанцію, неизбѣжность подчиненія сенатскому рѣшенію. Эта трудность—далеко не всегда обратно пропорціональная степени образованія подсудимаго или тяжущагося—не что иное, какъ отголосокъ недавняго прошлаго, которое дѣйствительно не знало и не хотѣло знать истиннаго уваженія къ суду. Что не укрѣплено до сихъ поръ даже за сенатомъ, то еще менѣе могло сдѣлаться достояніемъ новой формы суда—достояніемъ суда присяжныхъ. Смѣшивая, сознательно или безсознательно, судъ нравственно-отвѣтственныхъ представителей общества съ безотвѣтственнымъ и безформеннымъ судомъ „улицы“, систематическіе хулители присяжныхъ тщательно подрываютъ авторитетъ рѣшеній, безъ того уже имѣющій противъ себя силу преданія и привычки. Съ этимъ теченіемъ встрѣчается и отчасти сливается другое, исходящее изъ совершенно другого источника. Судебные уставы 1864 г. создали, вмѣстѣ съ гласностью суда, свободную критику судебныхъ рѣшеній. Пользуясь новымъ, драгоцѣннымъ правомъ, наши газеты не всегда отдавали себѣ ясный отчетъ въ существованіи извѣстной границы, установляемой не закономъ, а самымъ свойствомъ дѣла; онѣ не всегда воздерживались отъ оцѣнки и переоцѣнки уликъ, убѣдившихъ или неубѣдившихъ присяжныхъ въ виновности подсудимаго. Онѣ принимали на себя какъ бы фактическое перерѣшеніе дѣла, не обладая необходимымъ для того условіемъ—суммою впечатлѣній, вынесенныхъ изъ слушанія всего

дѣла и взвѣшенныхъ подъ вліяніемъ чувства долга. Результату многодневного труда, продолжительныхъ размышленій, тяжелой внутренней борьбы, противопоставлялось, сплошь и рядомъ, поверхностное знакомство съ дѣломъ, построенное на схваченныхъ, мимоходомъ, обрывкахъ судебнаго слѣдствія, или на неполномъ, неточномъ стенографическомъ отчетѣ. Въ каждомъ выдающемся уголовномъ дѣлѣ есть много сторонъ, вполнѣ доступныхъ для серьезной, плодотворной критики; достаточно назвать, для примѣра, способъ веденія судебнаго слѣдствія, окраску и форму судебныхъ преній, бытовыя или психологическія особенности, раскрываемыя исторіею преступника или преступленія. Слишкомъ рѣдко и слишкомъ мало останавливаясь на этой почвѣ, значительная часть ежедневной печати предпочитала продолжать или повторять работу суда, доискиваться вмѣстѣ съ нимъ, или вслѣдъ за нимъ, виновности или невиновности подсудимаго. Большой бѣды въ этомъ не было до тѣхъ поръ, пока газетное преслѣдованіе дѣла производилось изъ любви къ искусству, безъ задней мысли и безъ посторонней цѣли. Не то, въ большинствѣ случаевъ, мы видимъ теперь. Крупные уголовные процессы становятся то барабаномъ, на которомъ бьютъ сборъ для всѣхъ гоняющихся за скандалами, за скабрезными деталями, за сильными ощущеніями,—то стѣнобитнымъ снарядомъ, съ помощью котораго хотятъ образовать брешь въ судебной цитадели. Иногда обѣ цѣли преслѣдуются въ одно и то же время; одна и та же газета надѣваетъ то маску шута, потѣшающаго публику, то маску трагическаго актера, громящаго судебныя ошибки. Никогда еще эти два способа эксплуатированія судебной гласности не обрисовывались такъ ясно, какъ по поводу дѣла Мироновича. Мироновичъ, или Семенова? — этотъ вопросъ ставился столь же часто для того, чтобы заинтриговать читателей, чтобы искусственно усилить и разжечь въ нихъ интересъ къ процессу, какъ и для того, чтобы произвести une charge à fond противъ судебныхъ уставовъ, противъ „худосочнаго, безсильнаго и зараженнаго судебнаго организма".

Посмотримъ поближе, какъ ведется эта атака. Исходными ея точками служатъ, съ одной стороны, безусловное довѣріе къ сознанію Семеновой, съ другой — столь же безусловная увѣренность въ пристрастіи обвинительной и судебной власти относительно Мироновича. Противъ Мироновича—по словамъ газетныхъ его защитниковъ — не только выискивались, но и „выдумывались" (sic!) улики; сознаніе Семеновой игнорировалось, отвергалось только потому, что оно оправдывало ненавидимаго судомъ „сыщика и ростовщика"; представители правосудія, во время втораго слушанія дѣла, „принимали всевозможныя мѣры чтобы окончательно сбить съ толку присяжныхъ и ли-

шить ихъ послѣдняго остатка здраваго смысла, съ какимъ нѣкоторые изъ нихъ можетъ быть и явились въ судъ для исполненія своей каторжной и безсмысленной обязанности". Вотъ до какихъ геркулесовыхъ столповъ можетъ дойти ограниченное высокомѣріе, воображающее себя непогрѣшимымъ и вѣрящее только собственной предвзятой мысли! Ошиблись слѣдователи и прокуроры, ошиблась обвинительная камера, ошиблись два состава присяжныхъ—ошиблись всѣ, за исключеніемъ двухъ или трехъ газетъ, слѣдившихъ за процессомъ изъ глубины редакціонныхъ кабинетовъ! И пускай бы еще допускалась добросовѣстность этой всеобщей ошибки, пускай бы признавалось, что ей предшествовало честное и внимательное отношеніе къ судьбѣ подсудимаго; нѣтъ — намъ говорятъ, что обвиняли Мироновича люди, заранѣе обрекшіе его на гибель, осуждали Мироновича люди, лишенные здраваго смысла! На одной чашкѣ вѣсовъ—убѣжденіе нѣсколькихъ десятковъ лицъ, цѣлые мѣсяцы или недѣли, съ полнымъ сознаніемъ отвѣтственности и долга, изучавшихъ дѣло, на другой — быстро составленное мнѣніе публициста, не видавшаго, можетъ быть, обвиняемыхъ и не слыхавшаго ни одного изъ свидѣтельскихъ показаній; и отъ насъ требуютъ, чтобы мы признали вѣсы склоняющимися въ послѣднюю сторону, чтобы мы воскликнули: thut nichts, der Jude wird verbrannt?.. Правда, съ судомъ присяжныхъ церемонятся теперь, въ нѣкоторыхъ сферахъ, ничуть не больше, чѣмъ церемонились нѣкогда съ средневѣковымъ евреемъ—но все же едва ли настало время сжечь его на кострѣ, уготовляемомъ для него „Московскими Вѣдомостями".

Чрезвычайно характеристична, съ занимающей насъ точки зрѣнія, картина, представляемая вторымъ разбирательствомъ по дѣлу Мироновича. Положимъ, что во время перваго разбора присяжные могли быть введены въ заблужденіе отреченіемъ Семеновой отъ прежде сдѣланнаго ею сознанія, свидѣтельскими показаніями о преступленіяхъ, будто бы совершонныхъ когда-то Мироновичемъ, экспертизой профессора Сорокина, заключительнымъ словомъ предсѣдателя, слишкомъ сильно подчеркнувшимъ значеніе этой экспертизы. При второмъ слушаніи дѣла не было ничего подобнаго. Въ пользу Мироновича говорила, прежде всего, уже отмѣна перваго вердикта: присяжныхъ всегда располагаетъ къ снисходительности самая мысль о томъ, что подсудимый во второй разъ переживаетъ мучительныя ощущенія судебной процедуры, что обвинительный приговоръ не выдержалъ однажды критики Сената. Начинается судебное слѣдствіе: заявленіе о прежнихъ преступленіяхъ Мироновича едва поддерживается однимъ свидѣтелемъ, прямо опровергается другимъ; Семенова повторяетъ свое сознаніе; показанія, данныя ею въ томъ же смыслѣ

на предварительномъ слѣдствіи, прочитываются вполнѣ; судъ не только не затрудняетъ присяжнымъ раскрытіе истины, но наоборотъ, удовлетворяетъ всѣ клонящіяся къ этой цѣли требованія экспертовъ и защиты; трупъ Сарры Беккеръ вырывается изъ могилы, черепъ ея демонстрируется передъ присяжными; вновь вызванные эксперты даютъ заключеніе, благопріятное для Мироновича, послѣ чего профессоръ Сорокинъ отказывается отъ своего прежняго мнѣнія. Падаетъ, такимъ образомъ, все то, что̀ могло внушить присяжнымъ предубѣжденіе противъ Мироновича, падаютъ даже нѣкоторыя реальныя основы обвиненія. И что же? Въ первоначальномъ своемъ вердиктѣ присяжные все-таки обвиняютъ Мироновича, стараясь только по возможности облегчить его участь. Мы хотимъ доказать этимъ не виновность Мироновича — судить о ней на страницахъ журнала мы не считаемъ ни возможнымъ, ни приличнымъ; намъ нужно только выставить на видъ—sit venia verbo—всю дерзкую нелѣпость газетной защиты Мироновича. Какъ! Присяжные, при самыхъ различныхъ условіяхъ, два раза произносятъ надъ Мироновичемъ обвинительный приговоръ — а мы должны признать, что не было даже серьезныхъ поводовъ къ преданію его суду; что все дѣло, съ начала до конца, было порожденіемъ слѣпой вражды къ полиціи: что „еслибы Мироновичъ не былъ прежде полицейскимъ чиновникомъ, то весь процессъ Сарры Беккеръ принялъ бы совершенно другое направленіе?" Судьи на каждомъ шагу основываютъ свои рѣшенія на показаніяхъ полицейскихъ чиновниковъ, на матеріалѣ, доставленномъ полиціею—а насъ хотятъ увѣрить, что „весь судебный персоналъ относится къ полиціи и ея агентамъ съ благороднымъ негодованіемъ и омерзеніемъ..." Намъ извѣстны административные протесты противъ судебныхъ рѣшеній [1]), — но неизвѣстны ни судебныя рѣшенія, ни обвинительныя рѣчи, въ которыхъ выражалось бы недовѣріе къ полиціи вообще, пренебреженіе ко всѣмъ ея агентамъ. Если суду чаще чѣмъ какому бы то ни было другому учрежденію приходится констатировать промахи или злоупотребленія отдѣльныхъ органовъ полицейской власти, то столь же часто или еще чаще онъ встрѣчается съ услугами, оказываемыми полиціей. Антагонизмъ между обоими учрежденіями, во многомъ дополняющими другъ друга, возможенъ лишь тогда и лишь настолько, когда и насколько одно изъ нихъ вторгается въ сферу дѣйствій другого — а виновниками такихъ вторженій, по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи, представители полицейской власти бываютъ несравненно чаще, чѣмъ представители власти судебной.

---

[1]) Припомнимъ циркуляръ калужскаго губернатора, упомянутый въ Внутреннемъ Обозрѣніи № 5 „Вѣстника Европы" за текущій годъ.

Какимъ же образомъ, однако, могло случиться, что созналось въ преступленіи одно лицо, а осуждено другое? Откуда недовѣріе къ сознанію Семеновой, обнаруженное и слѣдователями, и прокуратурой, и обвинительною камерой, и присяжными? Недоумѣвать объ этомъ могутъ только тѣ, которые затвердили слова пятнадцатаго тома: „собственное сознаніе есть лучшее доказательство всего свѣта"—и вѣрятъ въ нихъ, какъ въ аксіому. Сознаніе, какъ и всякое другое доказательство, требуетъ повѣрки; какъ и всякое другое доказательство, оно можетъ быть принято или отвергнуто судомъ. Если сознаніе Семеновой не убѣдило никого изъ тѣхъ, кому предстояло оцѣнить его силу, то были же въ немъ, значитъ, какія-нибудь особенности, объясняющія этотъ поголовный скептицизмъ. Въ чемъ они заключались—извѣстно всякому, слѣдившему за дѣломъ; насколько онѣ были серьезны—объ этомъ можно судить уже по тому, что ихъ не перевѣсила даже экспертиза профессора Эргардта. „Кто же въ нашъ вѣкъ, — иронически спрашиваетъ московская газета, — добровольно сознается? Какой-нибудь сумасшедшій! Ясное дѣло, что и Семенова, въ такомъ случаѣ, не въ своемъ умѣ; нужно ее просто показать психіатрамъ—а за этими услужливыми представителями современной науки дѣло не станетъ". Изъ чего заключаетъ газета, что вѣра въ сознаніе Семеновой была потрясена именно отзывомъ психіатровъ? Заявленіе старшины присяжныхъ о „несерьезности" показанія Семеновой было сдѣлано еще до выслушанія доктора Чечотта; вопросъ о „психопатіи", выдвинутый на первый планъ прошлогоднимъ разбирательствомъ, въ нынѣшнемъ году совершенно стушевался и не игралъ почти никакой роли въ судебныхъ преніяхъ. Кто знакомъ съ новыми судебными порядками не по наслышкѣ, тотъ никогда не рѣшится утверждать, даже въ шутку, что теперь добровольно сознаются въ преступленіи одни сумасшедшіе. Чтобы убѣдиться въ противномъ, стоитъ только посѣтить нѣсколько дней сряду засѣданія суда или заглянуть въ оффиціальные сборники уголовно-статистическихъ свѣденій; сборникъ 1878 г. удостовѣряетъ, напримѣръ, что изъ числа осужденныхъ въ этомъ году за кражу—т.-е. изъ самой многочисленной категоріи осужденныхъ—сознавшихся было около 40%. Удивляться сознанію и заподозривать его искренность только потому, что оно сдѣлано добровольно, никому изъ судебныхъ дѣятелей, слѣдовательно, не могло и придти въ голову; но столь же невозможно было для нихъ принятіе на вѣру сознанія, мало правдоподобнаго по своему содержанію. Уголовная практика всѣхъ европейскихъ государствъ, не исключая и Россіи, представляетъ много примѣровъ сознанія въ мнимомъ преступленіи или въ преступленіи, совершонномъ другимъ лицомъ; отсюда необходимость осторожности, особенно, когда сознаніе

направлено къ оправданію другого обвиняемаго, раньше, и не безъ вѣскихъ причинъ, заподозрѣннаго въ преступленіи.

Неужели, однако, сознаніе Семеновой можетъ пройти безслѣдно для нея самой, въ особенности если останется въ силѣ оправдательный приговоръ относительно Мироновича? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ, отчасти, все сказанное нами выше; если сознаніе Семеновой не внушаетъ довѣрія, если оно явно противорѣчитъ обстоятельствамъ дѣла, вызвавшимъ двукратное осужденіе Мироновича, то обвинительная власть—даже при формальной возможности возобновить преслѣдованіе Семеновой [1])—имѣетъ и право, и основаніе не привлекать ее къ суду. За вопіющимъ злодѣяніемъ не послѣдуетъ, такимъ образомъ, никакой кары? Нѣтъ, не послѣдуетъ; къ безчисленному множеству не раскрытыхъ и не наказанныхъ преступленій присоединится еще одно—и безъ сомнѣнія не послѣднее, въ виду неизбѣжной и непоправимой недостаточности средствъ, которыми располагаетъ человѣческое правосудіе. Можно глубоко скорбѣть объ этомъ, но для негодованія здѣсь нѣтъ причины. Нѣтъ такого преступленія, которое требовало бы очистительной и искупительной жертвы во что бы то ни стало. „Лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ осудить одного невиннаго" — эти слова Екатерины II-ой давно уже обратились въ общее мѣсто; но бываютъ условія, при которыхъ не мѣшаетъ напоминать о самыхъ азбучныхъ истинахъ... Допустимъ теперь, что Мироновичъ останется оправданнымъ, что для преслѣдованія Семеновой откроются новыя, серьезныя основанія, и что вмѣстѣ съ тѣмъ оно будетъ признано невозможнымъ съ чисто-формальной точки зрѣнія (т.-е. въ виду оправданія Семеновой при первомъ слушаніи дѣла); допустимъ, другими словами, что наступятъ всѣ тѣ условія, которыя московская газета признаетъ уже наступившими, и на которыхъ она строитъ обвиненіе не только противъ суда, но и противъ судебныхъ уставовъ. „Судебнымъ уставамъ"—такова сущность послѣдняго обвиненія—„никакого нѣтъ дѣла ни до здраваго смысла, ни до справедливости (!). На основаніи этихъ мудрыхъ законовъ оправданный по ошибкѣ преступникъ не можетъ быть снова судимъ за то же преступленіе, хотя бы онъ тотчасъ послѣ произнесенія пресловутаго окончательнаго вердикта общественной совѣсти тутъ же на судѣ сознался въ своемъ преступленіи. Какое глумленіе надъ человѣческою совѣстью! Присяжные одушевлены, положимъ, самыми искренними намѣреніями найти преступника; но ихъ на судѣ нагло обманываютъ, и они преступника объявляютъ невиновнымъ. И вдругъ

[1]) Существуетъ ли такая возможность—это вопросъ техническій, обсужденіе котораго составляетъ задачу спеціально-юридическихъ журналовъ.

являются новыя улики, несомнѣнно доказывающія его виновность. Присяжнымъ хочется поправить свою ошибку, но уже нельзя... Судъ совѣсти можетъ быть кассированъ сенатомъ, если въ процессѣ были допущены ошибки противъ формы; если форма соблюдена, преступникъ торжествуетъ". Прочитавъ эти строки, можно подумать, что по вопросу о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ нашъ уставъ уголовнаго судопроизводства существенно отличается отъ всѣхъ другихъ законодательствъ, старыхъ и новыхъ, что только онъ одинъ, вопреки „справедливости и здравому смыслу", исключаетъ возможность вторичнаго преслѣдованія, послѣ того какъ оправдательный приговоръ вошелъ въ законную силу. На самомъ дѣлѣ мы встрѣчаемся здѣсь съ такимъ началомъ уголовнаго процесса, которое вовсе не составляетъ ни рѣдкости, ни абсурда. Мало того, что оно принято во Франціи, въ Англіи—оно не было чуждо даже до-реформенной Россіи. При дѣйствіи второй части XV-го тома свода законовъ осужденіе подсудимаго, однажды оправданнаго окончательнымъ судебнымъ приговоромъ, представлялось, если мы не ошибаемся, чѣмъ-то небывалымъ, возобновленіе дѣла допускалось только по отношенію къ подсудимымъ, оставленнымъ въ подозрѣніи, т.-е. освобожденнымъ отъ наказанія не по убѣжденію суда въ ихъ невинности, а лишь по недостаточности уликъ. „Мудрое"—да, несомнѣнно мудрое—правило, ограждающее оправданныхъ подсудимыхъ, не создано вновь уставомъ 1864 г., а усвоено имъ какъ нѣчто освященное и нашимъ собственнымъ, и чужимъ опытомъ. Безспорно, могутъ быть—и дѣйствительно бываютъ—случаи, когда соблюденіе этого правила оказывается крайне тяжелымъ, когда трудно примириться съ мыслью о безнаказанности явнаго преступника, навсегда ускользнувшаго изъ рукъ правосудія; но есть ли хоть одна правовая норма, примѣненіе которой не возбуждало бы иногда подобныхъ сомнѣній? Поднимать вопль противъ общаго начала, какъ только оно оказалось не вполнѣ подходящимъ къ отдѣльному, единичному факту—признакъ неразвитости, близорукости, безсильной отрѣшиться отъ случайныхъ обстоятельствъ и забывающей изъ-за нихъ все остальное. Приведемъ одинъ примѣръ, ярко освѣщающій нашу мысль. Вся Франція, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, была заинтересована дѣломъ объ убійствѣ знаменитаго публициста Поль-Луи Курье. Обвиняемымъ по этому дѣлу былъ сначала слуга убитаго, но присяжные его оправдали. Затѣмъ были привлечены къ суду другія лица, а оправданный подсудимый былъ вызванъ въ судъ въ качествѣ свидѣтеля. Показывая, какъ свидѣтель, онъ сознался въ убійствѣ Курье и подробно разсказалъ всѣ возмутительныя подробности преступленія, послѣ чего съ миромъ былъ отпущенъ изъ суда. Впечатлѣніе, произведенное этимъ фактомъ, было чрезвычайно силь-

ное; многіе пожалѣли, быть можетъ, что преступника нельзя вторично привлечь къ суду, нельзя подвергнуть заслуженной карѣ. Измѣнился ли, однако, законъ, ограждавшій убійцу, были ли сдѣланы попытки къ его измѣненію? Нѣтъ; для французскаго общества было слишкомъ ясно, что изъ-за одного частнаго случая не годится ломать порядокъ, имѣющій глубоко-разумныя основанія. Нужно надѣяться, что эта простая истина будетъ понята и у насъ, и что выходка „Московскихъ Вѣдомостей“ останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Не лишнимъ будетъ напомнить, что правило о неприкосновенности оправдательнаго приговора, вошедшаго въ законную силу, не имѣетъ, по нашему уставу уголовнаго судопроизводства, безусловнаго, абсолютнаго значенія. Возобновленіе дѣла, законченнаго такимъ приговоромъ, представляется вполнѣ возможнымъ, если будетъ обнаружена подложность документовъ или лживость показаній, на которыхъ приговоръ основанъ, или будутъ доказаны корыстные или иные личные виды судей, постановившихъ приговоръ. Утверждая, что возобновленіе преслѣдованія немыслимо даже при „наглюмъ обманѣ“ присяжныхъ, московская газета доказала еще разъ незнаніе предмета, обсуждаемаго ею такимъ самоувѣреннымъ тономъ. Само собою разумѣется, что наличность обстоятельства, дающаго поводъ къ возобновленію дѣла, должна быть установлена судебнымъ приговоромъ. Только такой приговоръ можетъ служить ручательствомъ въ томъ, что пересмотръ дѣла предпринимается не напрасно, что прежнее рѣшеніе, заподозрѣнное въ самомъ своемъ источникѣ, необходимо требуетъ повѣрки. Допускать возобновленіе дѣла безъ твердой точки опоры, въ силу однихъ только предположеній, въ силу данныхъ, не прошедшихъ еще сквозь горнило судебнаго слѣдствія, значило бы подвергать опасности и права личности, и права общества, заинтересованнаго въ авторитетности судебныхъ приговоровъ. Представимъ себѣ, что законъ о возобновленіи дѣлъ былъ бы измѣненъ согласно съ взглядомъ, поддерживаемымъ „Московскими Вѣдомостями“, и посмотримъ, къ какимъ это могло бы привести результатамъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ оправданія подсудимаго, являются новые свидѣтели, удостовѣряющіе, прямо или косвенно, его виновность. Показанія ихъ признаются настолько серьезными, что оправданный подсудимый вновь предается суду—но на судебномъ слѣдствіи, послѣ перекрестнаго допроса, свидѣтели отказываются отъ своихъ заявленій, или ошибочность ихъ становится вполнѣ очевидной, и суду не остается ничего другого, какъ произнести вторичный оправдательный приговоръ. То же самое можетъ случиться и со всякимъ другимъ вновь открытымъ доказательствомъ; какъ ни осторожна инстанція,

разрѣшающая возобновленіе дѣла на основаніи новыхъ данныхъ, она никогда не можетъ предвидѣть, во что обратятся эти данныя передъ судомъ, разсматривающимъ дѣло по существу. Чѣмъ же и какъ вознаградить страданія и потери подсудимаго, вторично привлеченнаго къ отвѣту? Какъ возстановить уваженіе къ суду, потрясенное и отмѣной прежняго приговора, и новымъ оправданіемъ подсудимаго? Сколько разъ, притомъ, могло бы быть возобновляемо дѣло? Неопредѣленное число разъ? Этого не выдержала бы самая невоспріимчивая общественная совѣсть. Одинъ только разъ? Въ такомъ случаѣ остались бы въ силѣ тѣ неудобства, изъ-за которыхъ поднимается теперь крикъ противъ судебныхъ уставовъ. Чтобы быть послѣдовательнымъ, необходимо признать, что два, три, четыре оправдательныхъ приговора столь же мало гарантируютъ собою безповоротное окончаніе дѣла, какъ и одинъ. Скажемъ болѣе: необходимо наложить руку на другой, всѣми принятый и вездѣ дѣйствующій принципъ уголовнаго права—на уголовную давность. Ограждается ли безнаказанность преступника состоявшимся однажды оправдательнымъ приговоромъ или истеченіемъ извѣстнаго срока—это, очевидно, все равно; защитники репрессіи quand même должны одинаково отрицать и то, и другое. Черезъ десять лѣтъ и одинъ мѣсяцъ послѣ убійства, убійца, очевидно, ничуть не менѣе виновенъ и ничуть не болѣе заслуживаетъ пощады, чѣмъ черезъ девять лѣтъ и одиннадцать мѣсяцевъ. Неприкосновенность оправдательнаго приговора, погашеніе уголовной отвѣтственности давностью—это понятія однородныя, одинаково ложныя, если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія узкаго, прямолинейнаго доктринерства, одинаково здравыя и неизбѣжныя, если принимать въ разсчетъ условія и требованія дѣйствительности.

Намъ могутъ возразить ссылкою на австрійскій уставъ уголовнаго судопроизводства 1873 г., разрѣшающій (ст. 355) возобновленіе дѣла послѣ оправдательнаго приговора, вступившаго въ законную силу, не только при констатированіи подлога, лжесвидѣтельства или лихоимства, но и вообще въ случаѣ открытія новыхъ фактовъ или доказательствъ, могущихъ послужить основаніемъ къ обвиненію оправданнаго подсудимаго (welche geeignet erscheinen, die Ueberführung des Angeklagten zu begründen). Эта ссылка для насъ нисколько не убѣдительна—неубѣдительна, помимо всего сказаннаго выше, уже потому, что цѣлесообразность австрійскаго закона составляетъ предметъ серьезныхъ сомнѣній для самихъ австрійскихъ юристовъ. Ульманнъ, профессоръ иннсбрукскаго университета, признаетъ необходимость возможно бо̀льшаго ограниченія числа случаевъ, въ которыхъ

разрѣшается вторичное преслѣдованіе оправданнаго подсудимаго [1]). Варга, профессоръ грацкаго университета, выражается въ томъ же смыслѣ, съ еще большею опредѣленностью и силой [2]). Въ возобновленіи дѣла, оконченнаго оправдательнымъ приговоромъ, онъ видитъ „постоянную опасность легкомысленныхъ, недостаточно обоснованныхъ обвиненій (leichtsinnige, nicht gehörig fundirte Anklagen), такъ какъ за первой попыткой, въ случаѣ ея неудачи, можетъ послѣдовать вторая, за второй—третья и т. д. Гражданинъ—не объектъ для обвинительныхъ опытовъ (der Bürger ist kein Versuchsobject staatsanwaltlicher Anklagelust); qui accusare volunt, probationes habere debent (кто хочетъ обвинять, тотъ долженъ имѣть доказательства). Обвинитель не долженъ начинать обвиненія, пока не располагаетъ необходимыми для того данными. Если онъ поступаетъ иначе, то за его ошибку не слѣдуетъ наказывать обвиняемаго всѣми муками двукратной судебной процедуры“.

Не слѣдуетъ ли, однако, установить различныя правила для различныхъ родовъ доказательствъ и допустить возобновленіе дѣла по крайней мѣрѣ при собственномъ сознаніи обвиняемаго, сдѣланномъ послѣ оправданія? Такъ разрѣшается обсуждаемый нами вопросъ въ обще-германскомъ уставѣ уголовнаго судопроизводства 1876 г., относящемъ (ст. 402) къ числу причинъ возобновленія процесса сдѣланное обвиняемымъ, передъ судомъ или внѣ суда, достойное довѣрія (glaubwürdiges) сознаніе въ преступленіи [3]). Намъ кажется, что дѣйствующій у насъ порядокъ имѣетъ преимущество и передъ германскимъ закономъ. Полнѣйшее сходство между сознаніемъ и другими доказательствами явствуетъ уже изъ того, что первое, какъ и послѣднія, можетъ исчезнуть, улетучиться, разбиться во время судебнаго разбирательства. Если свидѣтель, на судѣ, можетъ взять назадъ или измѣнить показаніе, данное до суда, то столь же легко можетъ быть взято назадъ или измѣнено собственное сознаніе подсудимаго. Если свидѣтельское показаніе можетъ быть опровергнуто другими данными, обнаруженными судебнымъ слѣдствіемъ, то столь же легко можетъ быть опровергнуто ими и собственное сознаніе, даже поддерживаемое подсудимымъ. Этого мало: разрѣшеніе возобновлять дѣло

---

[1]) Ullmann, Das oesterreichische Strafprosessrecht. Innsbruck, 1879 (стр. 757).

[2]) Vargha, Das Strafprocessrecht (въ изданіи: Compendien des oesterreichischen Rechtes). Berlin, 1885 (стр. 377—378).

[3]) И въ Германіи, слѣдовательно, сознаніе Семеновой могло бы не быть поводомъ къ возобновленію дѣла, потому что могло бы быть признано „недостойнымъ довѣрія“. Замѣтимъ, притомъ, что сознаніе Семеновой имѣлось уже въ виду при первомъ разсмотрѣніи дѣла, когда Семенова была еще подсудимой,—а основаніемъ къ возобновленію преслѣдованія признаются только обстоятельства новыя, т.-е. вновь открытыя.

на основаніи собственнаго сознанія подсудимаго, и только на этомъ основаніи (помимо причинъ, и теперь допускаемыхъ нашимъ закономъ), повлекло бы за собою явно несправедливое неравенство между сознающимися и несознающимися подсудимыми. Оно уменьшило бы также число запоздалыхъ сознаній, иногда (напримѣръ, при наличности подозрѣній противъ лица непричастнаго къ преступленію) весьма важныхъ и цѣнныхъ для правосудія.

Перейдемъ теперь къ другой сторонѣ дѣла—къ обстоятельствамъ, при которыхъ состоялся вердиктъ присяжныхъ, сначала обвинившихъ, потомъ оправдавшихъ Мироновича. По газетамъ, вопросъ, предложенный на разрѣшеніе присяжныхъ, былъ формулированъ слѣдующимъ образомъ: „виновенъ ли Мироновичъ въ томъ, что вслѣдствіе внезапно охватившаго его порыва гнѣва и страсти, нанесъ Саррѣ Беккеръ какимъ-либо орудіемъ удары по головѣ и душилъ ее, засунувъ въ ротъ платокъ, отчего и послѣдовала ея смерть“? Присяжные отвѣтили на это:—Да, виновенъ, но безъ преднамѣренія и заслуживаетъ снисхожденія. Тогда, по разсказу тѣхъ же газетъ, основанному „на безусловно достовѣрныхъ свѣденіяхъ“, предсѣдательствующій разъяснилъ присяжнымъ, что отвѣтъ ихъ составленъ неправильно, такъ какъ подъ словомъ: преднамѣреніе слѣдуетъ, вѣроятно, подразумѣвать предумышленіе; если же присяжные не признаютъ существованія умысла, то они должны постановить оправдательный приговоръ. Присяжные удалились въ комнату для совѣщаній и вынесли оттуда отвѣтъ:—Нѣтъ, не виновенъ. Какъ объяснить столь явное противорѣчіе между двумя отвѣтами, данными на разстояніи получаса? Нашъ законъ не требуетъ объявленія, какъ постановлено рѣшеніе присяжныхъ—единогласно, или простымъ большинствомъ, или большинствомъ болѣе сильнымъ, или равенствомъ голосовъ (послѣдній случай возможенъ только при оправданіи подсудимаго). Мы не знаемъ, поэтому, какъ раздѣлились голоса по дѣлу Мироновича, не можемъ судить и о томъ, въ какой степени вѣроятенъ переходъ, въ послѣднюю минуту, одного или нѣсколькихъ присяжныхъ, прежде стоявшихъ за осужденіе, на сторону оправданія Мироновича. Обо всемъ этомъ мыслимы только догадки, къ числу которыхъ принадлежитъ и предположеніе о вліяніи, оказанномъ на присяжныхъ послѣдними разъясненіями предсѣдательствующаго. Образъ дѣйствій послѣдняго подвергается въ газетахъ довольно единодушному порицанію. Онъ не долженъ былъ—таково господствующее мнѣніе—отсылать присяжныхъ въ комнату для совѣщаній; первоначальный ихъ отвѣтъ былъ достаточно ясенъ, они признали Мироновича виновнымъ именно въ томъ, въ чемъ онъ обвинялся. Слова: безъ преднамѣренія, означающія тоже самое, что и безъ предумышленія, были

просто излишни, такъ какъ въ вопросѣ не было и рѣчи о предумышленіи, о заранѣе обдуманномъ намѣреніи. Въ виду неоднократныхъ разъясненій кассаціоннаго сената, судъ имѣлъ и право, и обязанность откинуть эти ненужныя слова, признать ихъ какъ бы вовсе не сказанными, и приступить къ постановкѣ приговора на точномъ основаніи отвѣта присяжныхъ, сводя этотъ отвѣтъ къ словамъ:—Да, виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія.

Намъ кажется, что спорный вопросъ разрѣшается не такъ просто. Припомнимъ, прежде всего, въ чемъ обвинялся Мироновичъ. Онъ обвинялся въ убійствѣ Сарры Беккеръ, совершенномъ безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія (т.-е. умышленно, но не предумышленно), въ запальчивости и раздраженіи. Необходимый составной элементъ убійства—намѣреніе причинить смерть. На это намѣреніе не было никакого указанія въ вопросѣ, поставленномъ на разрѣшеніи присяжныхъ; между тѣмъ, присяжные слышали, что Мироновичъ обвиняется въ убійствѣ Сарры Беккеръ. Первоначальный ихъ отвѣтъ заставляетъ насъ думать, что они сомнѣвались въ намѣреніи Мироновича убить Сарру, что они расположены были признавать смерть Сарры случайнымъ, т.-е. непредвидѣннымъ и нежеланнымъ для самого виновнаго послѣдствіемъ насильственныхъ дѣйствій, совершенныхъ Мироновичемъ. Если бы въ вопросѣ не было упомянутаго нами пробѣла, то присяжнымъ легко было бы найти опредѣленное выраженіе для своей мысли; имъ стоило бы только прибавить къ отвѣту: да, виновенъ—дополнительныя слова: но безъ намѣренія лишить жизни (или причинить смерть). Неполная редакція вопроса поставила ихъ въ затруднительное положеніе; имъ предстояло уже нѣчто гораздо болѣе сложное, чѣмъ простое отрицаніе признака, указаннаго въ вопросѣ. Они не могли воспользоваться выраженіями, употребленными судомъ, и должны были сами пріискать формулу для своей мысли. Удивляться ли тому, что эта формула (безъ преднамѣренія) оказалась недостаточно ясной и точной? И юристамъ случается иногда ошибаться въ выборѣ терминовъ; тѣмъ болѣе возможна такая ошибка со стороны людей, незнакомыхъ съ юридическою терминологіею. Подъ словомъ: преднамѣреніе, присяжные весьма легко могли разумѣть намѣреніе лишить жизни: они могли не знать, что на юридическомъ языкѣ преднамѣреніе—синонимъ предумышленія, что отрицать преднамѣреніе и намѣреніе—далеко не одно и то же. Какъ же обязанъ былъ поступить предсѣдательствующій, въ виду дополнительныхъ словъ отвѣта? Не споримъ, съ формальной точки зрѣнія онъ былъ въ правѣ отбросить эти слова, какъ излишнія, какъ отвѣчающія на то, о чемъ не было рѣчи въ вопросѣ; но развѣ у него не могло возникнуть сомнѣній на

счетъ смысла, который соединяли съ своимъ отвѣтомъ сами присяжные? Развѣ онъ не могъ остановиться на мысли, что подъ именемъ преднамѣренія присяжные понимали не предумышленіе, а нѣчто совершенно иное? Однажды допустивъ эту мысль, развѣ онъ могъ успокоиться на буквѣ отвѣта и придать ему такое значеніе, котораго, быть можетъ, вовсе не придавали и не хотѣли придавать ему присяжные? Развѣ онъ могъ, вмѣстѣ съ другими судьями, присудить Мироновича къ наказанію, опредѣленному за убійство, тогда какъ присяжные можетъ быть, признали подсудимаго виновнымъ не въ убійствѣ, а въ другомъ преступленіи, менѣе важномъ и наказуемомъ въ гораздо меньшей мѣрѣ? Нѣтъ; по нашему глубокому убѣжденію предсѣдательствующій не только могъ, но и долженъ былъ обратить вниманіе присяжныхъ на неясность употребленнаго ими выраженія и потребовать отъ нихъ другого, болѣе опредѣленнаго отвѣта. Соотвѣтствовали ли разъясненія предсѣдательствующаго обстоятельствамъ даннаго случая, предусмотрѣно ли было имъ все то, что могло затруднить присяжныхъ и повредить правильности ихъ отвѣта, объ этомъ мы судить не можемъ, потому что не знаемъ подлинныхъ словъ предсѣдательствующаго; [1]) но необходимость второго совѣщанія стоитъ, въ нашихъ глазахъ, внѣ всякихъ сомнѣній.

Не ограничиваясь порицаніемъ предсѣдательствующаго за потребованное имъ исправленіе первоначальнаго отвѣта присяжныхъ, нѣкоторые органы печати возбуждаютъ общій вопросъ о томъ, нужна ли, цѣлесообразна ли предварительная повѣрка вердикта со стороны предсѣдателя суда. Противъ такой повѣрки приводится, съ одной стороны, текстъ закона, безусловно требующій немедленнаго провозглашенія вердикта, съ другой стороны—опасность цензуры надъ формальною стороною вердиктовъ, нерѣдко влекущей за собою измѣненіе ихъ по существу. Безспорно, предварительная повѣрка вердиктовъ введена у насъ не закономъ, а судебною практикою, подтвержденною кассаціоннымъ сенатомъ; но введена она именно потому, что оказалась настоятельно необходимой. Нельзя упускать изъ виду, что въ составъ присутствія присяжныхъ, особенно въ глухой провинціи, входятъ у насъ иногда исключительно люди неграмотные и малограмотные, вполнѣ способные правильно рѣшить дѣло, но затрудняющіеся правильно формулировать свое рѣшеніе. Чѣмъ сложнѣе и многочисленнѣе предложенные имъ вопросы, тѣмъ вѣроятнѣе формальная погрѣшность въ отвѣтахъ. Вѣроятность эта растетъ еще больше, если нѣкоторые вопросы поставлены эвентуально, т.-е. тре-

---

[1]) Если мы не ошибаемся, буквальный текстъ этихъ словъ нигдѣ не напечатанъ; можетъ быть, они вовсе и не были записаны стенографами.

буютъ отвѣта только при наличности извѣстныхъ условій (напр., при отрицательномъ или утвердительномъ отвѣтѣ на предшествующій вопросъ); крайней своей степени она достигаетъ тогда, когда присяжные, пользуясь однимъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ правъ своихъ. не довольствуются простымъ да или нѣтъ, а прибавляютъ къ отвѣту слова, дополняющія или ограничивающія его значеніе. Представимъ себѣ, что въ вердиктъ присяжныхъ, вслѣдствіе одной изъ этихъ причинъ, вкралась ошибка, неполнота или неясность. Провозглашеніе такого вердикта—послѣ чего уже немыслимо какъ новое совѣщаніе присяжныхъ, такъ и дополненіе, исправленіе или разъясненіе данныхъ ими отвѣтовъ—сплошь и рядомъ влекло бы за собою кассацію рѣшенія и обращеніе дѣла къ новому производству. Не лучше ли предупредить этотъ результатъ, столь нежеланный для правосудія, столь тяжелый, большею частью, для подсудимаго—предупредить его своевременнымъ устраненіемъ пробѣловъ или противорѣчій, допущенныхъ присяжными? Еслибы можно было сравнить число случаевъ, въ которыхъ обращеніе присяжныхъ къ новому совѣщанію достигаетъ цѣли—т.-е. уничтожаетъ формальную погрѣшность первоначальнаго вердикта, нисколько не измѣняя его смысла,—съ числомъ случаевъ, въ которыхъ оно приводитъ къ извращенію намѣренія присяжныхъ, къ матеріальному измѣненію приговора, то первыхъ, безъ сомнѣнія, оказалось бы несравненно больше, чѣмъ послѣднихъ. Отъ частной, единичной неудачи нельзя заключать къ непригодности порядка, ограждающаго, на каждомъ шагу, права подсудимаго, интересы правосудія и авторитетность судебныхъ рѣшеній. Допустимъ, что вердиктъ присяжныхъ по дѣлу Мироновича былъ бы провозглашенъ въ своей первоначальной формѣ (да, виновенъ, но безъ преднамѣренія). Принимая его за основаніе для приговора, судъ былъ бы поставленъ въ необходимость угадать настоящую мысль присяжныхъ, истолковать ихъ отвѣтъ, безъ всякой гарантіи въ правильности толкованія. Въ такомъ же точно положеніи очутился бы и сенатъ, въ случаѣ обжалованія приговора въ кассаціонномъ порядкѣ. Настоящимъ рѣшителемъ дѣла явился бы, такимъ образомъ, коронный судъ, а не судъ присяжныхъ, и нарушеннымъ оказалось бы одно изъ основныхъ началъ новаго уголовнаго процесса. Такому нарушенію мы всегда предпочтемъ отступленіе отъ буквы устава, дополненіе судебной процедуры, ни мало, въ сущности, не ограничивающее правъ и полномочій присяжныхъ засѣдателей.

Процессомъ Мироновича мотивируется, какъ мы уже сказали, необходимость измѣненій не только въ судебной практикѣ, но и въ судебныхъ уставахъ. Такихъ измѣненій предполагается три: 1) предоставленіе присяжнымъ права объявлять, во всякій моментъ судеб-

наго слѣдствія, что дѣло для нихъ ясно,—результатомъ чего долженъ быть (при согласіи на то сторонъ) немедленный переходъ къ судебнымъ преніямъ; 2) предоставленіе присяжнымъ права постановлять, при всякомъ положеніи дѣла, оправдательный вердиктъ, лишь бы только всѣ присяжные единогласно убѣдились въ невиновности подсудимаго; и 3) предоставленіе присяжнымъ права объяснять основанія своихъ вердиктовъ. Первыя два предложенія не имѣютъ другой цѣли, кромѣ сокращенія производства, облегченія труда присяжныхъ. Настолько ли важна эта цѣль, чтобы можно было рисковать изъ-за нея, съ одной стороны, правильностью рѣшенія, съ другой—репутаціей института присяжныхъ, и безъ того уже служащаго предметомъ самыхъ ожесточенныхъ нападеній? Если уже теперь оправдательные вердикты присяжныхъ вызываютъ цѣлыя бури, то чего, чего не наговорили бы враги учрежденія по поводу оправданій, произносимыхъ до окончанія процесса! Чтобы поскорѣе освободиться отъ своихъ обязанностей, присяжные оправдываютъ зря, не выслушивая даже свидѣтелей, не желая знать ни обвиненія, ни защиты; нѣсколько часовъ или дней, посвященныхъ общему дѣлу—для нихъ слишкомъ тяжелая жертва; стараясь облегчить ее, во что бы то ни стало, они попираютъ ногами и требованія правосудія, и интересы общественной безопасности, забываютъ присягу, обращаютъ судебную власть въ игралище постыдной лѣни и ничѣмъ не сдерживаемаго произвола. Вотъ образчики обвиненій, которыя не замедлили бы обрушиться на присяжныхъ—и какъ бы они ни были несправедливы, опровергнуть ихъ было бы довольно трудно. Заранѣе предвидѣть всѣ результаты судебнаго слѣдствія, всѣ доводы обвиненія и защиты присяжные не въ состояніи; что кажется имъ въ данную минуту яснымъ и несомнѣннымъ, то на самомъ дѣлѣ можетъ быть еще далеко не разъясненнымъ, можетъ получить, подъ вліяніемъ новыхъ фактовъ, совершенно другой смыслъ, совершенно другое освѣщеніе. Гораздо вѣрнѣе, гораздо безопаснѣе подождать конца дѣла и тогда уже рѣшить его en pleine connaissance de cause. Отъ избытка медленности могутъ пострадать только нервы присяжныхъ, отъ избытка поспѣшности можетъ потерпѣть справедливость. Заявлять суду, что извѣстное обстоятельство не требуетъ дальнѣйшаго разслѣдованія, присяжные въ правѣ и теперь—но такое заявленіе касается лишь происходившаго уже на судѣ, ничуть не предрѣшая будущаго, и притомъ оно не обязательно для судей. Дальше идти незачѣмъ и не слѣдуетъ; достаточной гарантіей противъ излишнихъ судебныхъ дѣйствій служитъ дискреціонная власть предсѣдательствующаго на судѣ.

Что касается до права присяжныхъ мотивировать свои отвѣты,

то, рядомъ съ хорошими сторонами, оно представляло бы и серьезныя неудобства. Газета, которой мы возражаемъ [1]), приводитъ слѣдующіе примѣры мотивированныхъ отвѣтовъ: „нѣтъ, не виновенъ, такъ какъ истинный преступникъ не преданъ суду"; „нѣтъ, не виновенъ, такъ какъ слѣдствіе не выяснило преступника". А что, если присяжные назовутъ то лицо—непривлеченное къ дѣлу,—которое они считають „истиннымъ преступникомъ", или хоть и не назовутъ его прямо, но укажутъ на него съ достаточною ясностью? Каково будетъ положеніе этого лица, на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, вовсе невиновнаго и показавшагося виновнымъ только потому, что у него не было ни повода, ни средствъ оправдываться въ преступленіи, въ которомъ его до тѣхъ поръ никто не обвинялъ? Если обстоятельства закончившагося процесса дѣйствительно набросили сильное подозрѣніе на лицо, неучаствовавшее въ дѣлѣ, то для привлеченія его къ отвѣтственности вовсе не нужно особаго указанія со стороны присяжныхъ. Представимъ себѣ, далѣе, что присяжные мотивировали оправдательный вердиктъ словами: „по недостаточности уликъ", „по неполнотѣ доказательствъ", или хотя бы приведенными выше: „слѣдствіе не выяснило преступника". Смыслъ всѣхъ этихъ прибавокъ таковъ: мы оправдываемъ обвиняемаго не потому, что убѣдились въ его невинности, а только потому, что не окончательно убѣдились въ его виновности. Это было бы нѣчто въ родѣ формулы: not proven (не доказано), которою шотландскіе присяжные имѣютъ право замѣнять обычную формулу: not guilty (не виновенъ), или въ родѣ нашего прежняго „оставленія въ подозрѣніи, въ сильномъ, въ сильнѣйшемъ подозрѣніи". Незавидно было бы положеніе человѣка, о которомъ былъ бы произнесенъ подобный вердиктъ; онъ вышелъ бы изъ суда ненаказаннымъ, но и неоправданнымъ, на немъ осталось бы пятно, смыть которое онъ былъ бы не въ силахъ. Поправка къ судебнымъ уставамъ обратилась бы, такимъ образомъ, въ явное нарушеніе ихъ духа; составители ихъ стремились именно къ тому, чтобы уничтожить всякія промежуточныя ступени между обвиненіемъ и оправданіемъ—и стремленіе это было вполнѣ разумно.

Мы коснулись далеко не всѣхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ дѣломъ Мироновича; мы ничего не сказали, напримѣръ, о недостаткахъ предварительнаго слѣдствія—но въ этомъ отношеніи мы могли бы только согласиться съ единогласнымъ отзывомъ нашей печати. Да, дѣло Мироновича показало еще разъ, и показало очень ясно, насколько необходимо улучшеніе нашей слѣдственной части (въ особенности личнаго ея состава); но улучшеніе это вполнѣ возможно

---

[1]) „Новости", № 272.

на почвѣ судебныхъ уставовъ. Общія ихъ начала по прежнему остаются непоколебленными, и ошибки отдѣльныхъ лицъ ничего не доказываютъ противъ цѣлаго учрежденія. Для нападеній противъ суда присяжныхъ процессъ Мироновича можетъ служить только предлогомъ; реальныхъ основаній для такихъ нападеній онъ не представляетъ.

Говоря, въ предъидущемъ обозрѣніи, о программахъ и планахъ административной реформы, проникнутыхъ узкимъ сословнымъ духомъ, мы указали на экономическую подкладку этихъ стремленій; мы замѣтили, что, въ случаѣ ихъ побѣды, одною изъ главныхъ задачъ сословнаго земства и его органовъ—участковыхъ начальниковъ или волостей—будетъ „регулированіе" отношеній между работниками и работодателями, между нанимаемыми и нанимающими. Неожиданно-яркимъ подтвержденіемъ нашей мысли служитъ напечатанный недавно въ „Московскихъ Вѣдомостямъ" (№№ 281 и 282) проектъ правилъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ. Характеристично уже и то, что этотъ проектъ составленъ саратовскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, по порученію мѣстнаго дворянскаго собранія, постановившаго, въ декабрѣ прошлаго года, ходатайствовать „о неотложномъ принятіи мѣръ, клонящихся къ обезпеченію исполненія договоровъ по найму рабочихъ и служащихъ". Общій экономическій и юридическій вопросъ переносится, такимъ образомъ, на спеціально-дворянскую почву; дворянство выражаетъ готовность принять на себя не только исполненіе, но и самое начертаніе закона, необходимаго въ его сословныхъ интересахъ. Объяснительная записка, приложенная къ проекту, примыкаетъ, по вопросу объ уѣздной организаціи, къ извѣстной уже намъ реакціонной программѣ. Она сожалѣетъ о безвременно исчезнувшихъ мировыхъ посредникахъ, вздыхаетъ по утраченной, вмѣстѣ съ ними, „положительной власти" и заканчивается слѣдующими знаменательными словами: „еслибы, взамѣнъ уничтоженныхъ мировыхъ посредниковъ, были учреждены участковые члены уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, съ правами и обязанностями бывшихъ мировыхъ посредниковъ, назначаемые на должность таковымъ же порядкомъ (т.-е. изъ числа мѣстныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ, по соглашенію губернатора съ предводителемъ дворянства), то можно было бы не торопиться новыми реформами, о которыхъ такъ много говорятъ, особенно еслибъ исполнителями закона были люди, хорошо знакомые съ положеніемъ дѣла и толковые" (правильнѣе было бы сказать—хорошо знакомые съ интересами дворянскаго землевладѣнія и умѣющіе оберегать эти интересы). Итакъ, въ результатѣ получается и здѣсь все то же мо-

леніе о „властной рукѣ“—властной и притомъ непремѣнно дворянской; проектируемыя правила о наймѣ рабочихъ являются однимъ изъ средствъ къ обезпеченію за этой рукой надлежащаго круга дѣйствій и должнаго простора.

Въ основаніи проекта, составленнаго саратовскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, лежитъ безусловная обязательность рабочей (договорной) книжки; „договорную книжку,—гласитъ пунктъ пятый правилъ,—обязанъ имѣть всякій безъ исключенія служащій по найму какъ рабочій, такъ и служитель“. Самая мысль о рабочей книжкѣ не отличается новизною; она имѣетъ свою исторію, начинающуюся вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ. Временными правилами для найма сельскихъ рабочихъ, утвержденными 1 апрѣля 1863 г., понятіе о рабочей книжкѣ было введено въ законодательство, но не въ жизнь; обязательною она провозглашена не была и скоро совершенно вышла изъ употребленія. Съ тѣхъ поръ, вопросъ о рабочей книжкѣ возникалъ каждый разъ, когда ставился на очередь пересмотръ законодательства о личномъ наймѣ — а въ попыткахъ такого пересмотра, какъ извѣстно, не было недостатка. Первая изъ нихъ была сдѣлана въ 1870 — 71 г., особою коммиссіею подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта П. Н. Игнатьева (бывшаго петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, умершаго во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ). Обширный проектъ „устава о личномъ наймѣ рабочихъ и прислуги“, составленный этою коммиссіею, вводилъ рабочую книжку только факультативно, т.-е. предоставлялъ употребленіе ея свободному усмотрѣнію сторонъ. „Для облегченія сторонъ въ порядкѣ заключенія договоровъ—сказано было въ ст. 27-й проекта, могутъ быть употребляемы рабочія книжки, съ разсчетными тетрадями“. Такому разрѣшенію вопроса предшествовало продолжительное и всестороннее обсужденіе его. Мысль объ обязательности рабочей книжки была не обойдена, не забыта, а сознательно отвергнута коммиссіею. Коммиссія признала обязательность рабочей книжки съ одной стороны излишней, такъ какъ цѣль, въ виду которой она предлагается, можетъ быть достигнута простой передачей нанимателю паспорта или иного письменнаго вида нанимаемаго; съ другой стороны — несправедливой и несоотвѣтствующей условіямъ нашего быта. Она опасалась рѣзкаго разграниченія всего населенія, по правамъ, на два имущественныхъ сословія — нанимателей и нанимающихся; она не хотѣла способствовать образованію у насъ особаго рабочаго сословія. Русскій рабочій—далеко не всегда пролетарій; онъ сегодня обрабатываетъ собственную свою землю, завтра идетъ временно въ наемъ, сегодня занимается однимъ, завтра — другимъ промысломъ. Неравноправность въ дѣлѣ личнаго найма имѣла бы

тѣмъ менѣе основаній, что при доступности поступленія въ классъ нанимателей для всѣхъ и каждаго, уровень нравственнаго и умственнаго развитія всего этого класса не можетъ быть взвѣшенъ, даже приблизительно. Установленіе столь стѣснительной мѣры, какъ обязательность рабочей книжки, могла бы причинить вредъ даже самимъ нанимателямъ—возвышеніемъ заработной платы, вслѣдствіе увеличенія неудобствъ и затрудненій для нанимаемыхъ. Обязательная рабочая книжка—таковъ былъ заключительный выводъ коммиссіи—есть изобрѣтеніе чужеземное, порожденіе чуждыхъ намъ условій; практика отвергла примѣненіе ея у насъ; затѣмъ нѣтъ основанія переносить ее на нашу почву, тѣмъ болѣе, что и въ Германіи она отмѣнена (въ 1869 г.).

Проектъ устава, составленный коммиссіею генералъ-адъютанта Игнатьева, былъ разосланъ на заключеніе разныхъ вѣдомствъ, замѣчанія которыхъ, сосредоточенныя въ министерствѣ внутренних дѣлъ, послужили для него поводомъ къ составленію новаго законопроекта о личномъ наймѣ. Въ этомъ законопроектѣ (ст. 9), рабочая книжка признавалась обязательною для каждаго лица, нанимающагося въ работу или услуженіе. Дальнѣйшаго движенія въ законодательномъ порядкѣ проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ не получилъ, такъ какъ въ 1874 г. Высочайше повелѣно было передать вопросъ о личномъ наймѣ на разсмотрѣніе новой коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ министра государственныхъ имуществъ, П. А. Валуева. Эта коммиссія—въ составъ которой вошло нѣсколько губернскихъ предводителей дворянства, предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ, городскихъ головъ и другихъ (выражаясь языкомъ позднѣйшимъ) „свѣдущихъ людей"—составила новый проектъ положенія о наймѣ рабочихъ, занимающій, по отношенію къ рабочей книжкѣ, средину между двумя прежними проектами. Обязательность рабочей книжки была признана въ принципѣ (ст. 17), но ограничена (ст. 18) весьма существенными исключеніями; наемъ безъ рабочихъ книжекъ предполагалось допустить, между прочимъ, для сельско-хозяйственныхъ работъ сдѣльныхъ, испольныхъ и поденныхъ, производимыхъ рабочими изъ смежныхъ или ближайшихъ съ хозяйствомъ нанимателя селеній. И въ этомъ видѣ, впрочемъ, правило объ обязательности рабочей книжки было принято, въ средѣ коммиссіи, далеко не единогласно; многіе члены коммиссіи признавали достаточнымъ допустить рабочую книжку, какъ одинъ изъ видовъ договора о личномъ наймѣ. Находя, согласно съ большинствомъ коммиссіи, что о безусловной обязательности рабочей книжки не можетъ быть и рѣчи, меньшинство полагало, что всякія исключенія изъ общаго правила поколеблютъ его въ самой его основѣ, дадутъ поводъ къ постояннымъ его обхо-

дамъ и сдѣлаютъ его практически безполезнымъ. Противъ обязательности рабочей книжки продолжалъ стоять и генералъ-адъютантъ Игнатьевъ, на заключеніе котораго былъ сообщенъ новый законопроектъ.

По окончаніи работъ коммиссіи, предсѣдательствуемой П. А. Валуевымъ, онѣ были внесены въ Государственный Совѣтъ, но подверглись обсужденію его не въ полномъ своемъ составѣ. Изъ положенія о наймѣ рабочихъ выдѣлены были тѣ правила, которыя представлялись дополненіемъ или измѣненіемъ дѣйствующихъ узаконеній —другими словами, сдѣлано было нѣчто въ родѣ свода основныхъ положеній реформы. Въ составъ этого свода вошло и правило объ обязательности рабочей книжки, но въ другой редакціи, менѣе рѣшительной и абсолютной (ст. 5 и слѣд.). Въ засѣданіе соединенныхъ департаментовъ Государственнаго Совѣта были приглашены, затѣмъ, нѣкоторые изъ числа „экспертовъ", принимавшихъ участіе въ трудахъ коммиссіи. Они давали заключеніе по отдѣльнымъ вопросамъ, изъ которыхъ къ занимающему насъ предмету прямо относились два —третій и восьмой. Третій вопросъ имѣлъ цѣлью привести въ извѣстность, примѣняются ли на практикѣ постановленія 1863 г. о рабочихъ книжкахъ; разрѣшенъ онъ былъ всѣми отрицательно. Восьмой вопросъ былъ формулированъ такимъ образомъ: представляется ли необходимымъ и возможнымъ установить обязательныя рабочія книжки? Отвѣтъ экспертовъ не былъ единогласный; двое изъ нихъ (мы говоримъ только о тѣхъ, которые могли считаться спеціалистами по вопросу о наймѣ сельскихъ рабочихъ) высказались противъ обязательности рабочей книжки, трое—за обязательность ея, но съ тѣми же оговорками, которыя были сдѣланы большинствомъ коммиссіи. Необходимо прибавить, что одинъ изъ представителей послѣдняго мнѣнія стоялъ за рабочую книжку исключительно какъ за средство освободить рабочее населеніе отъ бремени паспортной системы; если-бы признано было возможнымъ—замѣтилъ онъ—уничтожить паспорты, не установляя рабочей книжки, то и на такой исходъ дѣла вполнѣ можно было бы согласиться. Гораздо рѣшительнѣе выражались противники обязательной рабочей книжки. Рабочія книжки—говорилъ одинъ изъ нихъ—не дадутъ развиться правильнымъ отношеніямъ между трудомъ и капиталомъ; онѣ явятся какою-то опекой этихъ отношеній, тогда какъ послѣднія должны быть выработаны самой жизнью. Помирить капиталъ съ трудомъ нельзя, если брать сторону только одного изъ этихъ факторовъ; единственный способъ къ ихъ примиренію—это установленіе самою жизнью нормальныхъ цѣнъ на трудъ, достаточно его оплачивающихъ. Обязательная рабочая книжка можетъ повести къ противоположной цѣли и составить еще новую

причину обѣднѣнія нашего сельскаго населенія. Выслушавъ мнѣнія „свѣдущихъ людей", соединенные департаменты Государственнаго Совѣта (въ 1876 г.) пришли къ убѣжденію, что обязательными рабочія книжки быть не должны, а слѣдуетъ только предоставить имъ такое юридическое значеніе и такія юридическія преимущества, которыя способствовали бы введенію ихъ во всеобщее употребленіе.. Дальше соединенныхъ департаментовъ проектъ положенія о наймѣ рабочихъ, если мы не ошибаемся, не пошелъ; выраженный ими взглядъ остается до сихъ поръ послѣднимъ словомъ нашихъ законодательныхъ учрежденій по вопросу объ обязательности рабочей книжки.

Приведенная нами историческая справка бросаетъ яркій свѣтъ на проектъ, составленный предводителемъ саратовскаго дворянства. Извлекая изъ глубины архивовъ понятіе объ обязательной рабочей книжкѣ, новый проектъ даетъ ему абсолютное значеніе, ничѣмъ неограниченную силу; онъ не признаетъ никакихъ оговорокъ, никакихъ компромиссовъ и прямо, на-проломъ, идетъ къ предположенной цѣли. Исключеній не дѣлается ни по мѣсту жительства (т.-е. по близости нанимавшаго къ нанимателю), ни по возрасту рабочихъ, ни по характеру работъ. Испольныя, сдѣльныя, отрядныя, поденныя работы—все требуетъ взятія рабочей книжки, становящейся какъ бы vade mecum для всѣхъ „низшаго рода людей". Въ довершеніе удобства рабочую книжку предлагается выдавать только на одинъ годъ, между тѣмъ какъ проектъ коммиссій 1874 г. имѣлъ въ виду сдѣлать ее безсрочной... Къ другимъ сторонамъ саратовскаго проекта мы еще возвратимся; онъ важенъ, въ нашихъ глазахъ, не только какъ признакъ времени, но и какъ готовое рѣшеніе вопроса, вновь поставленнаго на очередь—если вѣрить слухамъ—въ правительственныхъ сферахъ. На этотъ разъ мы хотѣли только показать, въ какую сторону и какъ далеко идетъ теченіе анти-реформеннаго потока.

ПИСЬМО ИЗЪ МОСКВЫ.

15 октября, 1885 г.

Неожиданная смерть Василія Ивановича Орлова, этого неутомимаго изслѣдователя народной жизни, составляетъ свѣжую рану въ текущей жизни здѣшняго общества. Василій Ивановичъ умеръ, 37 лѣтъ отъ роду, — въ возрастѣ, когда наименѣе всего слѣдовало бы ожидать потери человѣка, на видъ здороваго, поражавшаго окружающихъ своею стальною энергіею, но на самомъ дѣлѣ, какъ обнаружилось, уже подкошеннаго невзгодами трудовой, безъ отдыха проведенной, жизни. Земская статистика понесла въ лицѣ покойнаго крупную утрату. Около десяти лѣтъ работалъ онъ на ея пользу, занимая по приглашенію московской губернской управы, постъ предсѣдателя земскаго статистическаго бюро и, по приглашенію многихъ другихъ земствъ, выѣзжая изъ Москвы то въ ту, то въ другую изъ сосѣднихъ губерній для того, чтобы на мѣстѣ руководить статистическимъ изслѣдованіемъ и обучать этому дѣлу юныхъ новичковъ. Съ именемъ Василія Ивановича связано введеніе новыхъ, раціональныхъ пріемовъ статистическаго описанія мѣстностей, — обстоятельство, дозволившее одному изъ представителей земства въ надгробной рѣчи назвать покойнаго „отцомъ русской земской статистики". Его похороны соединили вмѣстѣ людей земства, литературы и науки. Кружокъ собравшихся отдать послѣднюю дань праху усопшаго не былъ особенно многочисленъ; но чувствовался въ средѣ этого кружка глубокій смыслъ печальнаго собранія,—чувствовалось живое и тѣсное единеніе людей труда, потерявшихъ одного изъ своихъ наиболѣе сильныхъ и дорогихъ сотоварищей...

За это время видѣла Москва и иныя похороны. Въ скудной обстановкѣ, на дачѣ, загнанной вглубь грязнаго двора на Ширяевомъ полѣ, въ загородныхъ Сокольникахъ, въ нижнемъ этажѣ, вдавленномъ въ землю, скончался заслуженный артистъ императорской драматической труппы Иванъ Васильевичъ Самаринъ, — послѣдній изъ той „стаи славныхъ", которымъ здѣшній Малый театръ обязанъ своею, увы, уже прошлою славою. Въ тѣсную комнатку былъ втиснутъ обитый темнаго цвѣта бархатомъ простой гробъ; поверхъ гроба лежала кисейка, прикрывавшая бренные останки покойнаго; вокругъ гроба тѣснились усердные и любопытные дачники, и лишь изрѣдка, какъ будто бы по установленной очереди, появлялись сослуживцы покой-

наго, гг. „придворные“ артисты Малаго театра. Небольшіе пенсіонные рубли, составлявшіе вознагражденіе артиста за его полувѣковую дѣятельность, поневолѣ втѣснили его жизнь въ узкія рамки нужды и разсчетливой экономіи! Но насколько эта жизнь была скромна, чтобы не сказать бѣдна, настолько похороны были пышны и парадны. Длинная вереница вѣнковъ предшествовала погребальной колесницѣ; по обѣимъ сторонамъ длиннаго пути стояла густая толпа, заранѣе оповѣщенная газетами о предстоящемъ направленія печальнаго шествія. На другой день газетные отчеты распространялись о „величаво-торжественномъ“ зрѣлищѣ погребальнаго шествія, передавали подробности этого „выдающагося“ событія, отмѣчали присутствіе на похоронахъ „всего, что есть у насъ почтеннаго и представительнаго“, удостовѣряли наличность на всѣхъ улицахъ густой многотысячной толпы народа, пришедшаго „поклониться праху артиста“, перечисляли вѣнки, приводили рѣчи... Да, дѣйствительно, были вѣнки, были и рѣчи; и въ преслѣдованіи за ихъ многочисленностью Москва обнаружила, какъ это съ нею не разъ случалось, „самобытность“, игнорируя принятые обычаи, не стѣсняясь необходимыми приличіями. Французы давно рѣшили, что la pompe des enterrements regarde plus la vanité des vivants que l'honneur des morts—и эти изреченія припомнились намъ по поводу похоронъ Самарина. У Красныхъ воротъ весь „величаво-торжественный“ кортежъ былъ неожиданно остановленъ въ своемъ движеніи нѣкіимъ „знаменитымъ“ чудодѣемъ слова, которому вздумалось именно здѣсь возложить на гробъ, хотя и металлическій, но „изящный“ вѣнокъ „отъ себя“ и произнести рѣчь, „приличную“ (?!) такому, надо думать, поучительному случаю. Тотъ же голосъ раздался во второй разъ надъ самою могилою покойнаго Постороннее краснорѣчіе на похоронахъ артиста понадобилось, повидимому, для того, чтобы восполнить пробѣлы, оставленные краснорѣчіемъ самихъ гг. артистовъ, изъ которыхъ одинъ съумѣлъ лишь произнести чужое четверостишіе, а другой прочелъ болѣе длинное, но также чужое, стихотвореніе. И вотъ, вмѣсто теплаго слова со стороны товарищей умершаго по искусству, вмѣсто серьезной оцѣнки почтенной его дѣятельности, бывшіе у могилы его услышали разъясненіе по толковому словарю сокровеннаго смысла слова „прекрасное“. Отъ „чародѣя слова“ они услышали также, что „люди знанія, чародѣи слова, рѣзца и кисти, умирая, не перестаютъ жить своими безсмертными трудами, тогда какъ жребій артиста сценическаго искусства таковъ, что могила уноситъ съ собою все, ничего не оставляя на память и удивленіе потомства“. Такъ-то мы умѣемъ подчеркивать свое „я“ даже въ такія минуты, когда это наименѣе умѣстно. Мы заботимся о произнесеніи „блестящей“, „красивой“ рѣчи, и не

заботимся только о томъ, чтобы сообщить ей надлежащее содержаніе. Ораторъ, взявшійся восхвалять покойнаго артиста, не потрудился даже заглянуть, какъ слѣдуетъ, въ его некрологъ. Онъ могъ бы припомнить, напримѣръ, тотъ фактъ, что Самаринъ извѣстенъ также какъ драматическій писатель, написавшій не одно драматическое произведеніе, изъ числа несходящихъ и по-днесь съ театральнаго репертуара; и помимо того, Самарина будетъ еще чѣмъ вспомнить и будетъ чему поучиться у него,—хотя бы тому уваженію, съ которымъ онъ всегда относился къ своему искусству,—уваженію, которое онъ такъ старался всегда передать своимъ ученикамъ и котораго, увы, недостаетъ нѣкоторымъ чародѣямъ слова.

Нечего таить грѣха, мы очень любимъ пощеголять громкой фразой, и суемся съ нею всюду, при первомъ, сколько-нибудь подходящемъ, случаѣ. Дается обѣдъ сборной братіи частнаго театра — раздается трогательная рѣчь; кушаетъ обѣдъ нижегородское биржевое купечество, и тутъ слышится трескучее слово, обрываемое въ своемъ потокѣ простымъ замѣчаніемъ простого купца касательно принятыхъ въ обществѣ правилъ приличія; судебный дѣятель самъ высчитываетъ число лѣтъ, проведенныхъ имъ на службѣ, и получаетъ обѣдъ въ свою пользу—является ораторъ и выпускаетъ изъ себя духъ краснорѣчія, говоря на тэму о мастерствѣ юбиляра рыться въ архивной пыли и отрывать въ ней цѣнные для гг. повѣренныхъ клады; въ губернскомъ земскомъ собраніи гремитъ рѣчь, „пересыпанная чертами изъ древнихъ лѣтописей, наказовъ и регламентовъ“ — въ поясненіе надобности передать труды кахановской коммиссіи на обсужденіе земствъ; въ думѣ произносится рѣчь, „блестящая красотами ораторскаго искусства и пестрѣющая ссылками на извѣстныхъ публицистовъ“ — по вопросу о праздничной наградѣ служащихъ въ городскомъ управленіи. А то вдругъ, въ судѣ, съ трибуны защиты раздается подражаніе извѣстной молитвѣ честному и животворящему Кресту въ такихъ, близкихъ къ тексту молитвы, выраженіяхъ: „да воскреснетъ“ законъ въ вашемъ, гг. присяжные, приговорѣ, и „да расточатся враги его“, явные и тайные, какъ кроты, подъ землей подкапывающіе его корни; все же остальное, т.-е. нечестивыя дѣла и нечистыя руки... „яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ“... Всюду и вездѣ фраза, громкое слово, всюду звуки и только звуки!

Въ былое давнопрошедшее время мы разговаривали по складамъ, и надобностью говорить, и притомъ говорить бѣгло и четко, мало того, находчиво и краснорѣчиво, были застигнуты врасплохъ. Среди неумѣлыхъ и неумѣющихъ нашлись умѣлые, которые, показавъ свое умѣнье, сами принялись обучать ремеслу говорить другихъ, учить неумѣлыхъ. Завелась школа краснорѣчія и началось обученіе разговорному мастерству, исключительно практическое. Наилучшимъ спо-

собою зашибались въ то время деньги краснорѣчіемъ судебнымъ, и все вниманіе въ школѣ было обращено на этотъ именно родъ искусства говорить и производить разговоромъ впечатлѣніе. Какъ однажды въ городѣ Муромѣ, въ виду ожидавшагося туда пріѣзда преосвященнаго викарія, происходила въ каѳедральномъ соборѣ полная репетиція архіерейскаго служенія, такъ и въ школѣ устроивались примѣрныя представленія уголовнаго суда и пріемовъ судоговоренія. Судили не простыхъ мужиковъ, которыхъ всего чаще судятъ настоящіе суды, а разныхъ именитыхъ, историческихъ и миѳическихъ личностей, какъ-то Нерона, Мессалину, Базена, Медею etc., завершая игры заздравнымъ пиршествомъ во славу учителя и учениковъ съ произнесеніемъ игривыхъ застольныхъ рѣчей и съ шуточнымъ обсужденіемъ послѣ ужина неосторожной вины чижика, состоявшей, какъ извѣстно, въ томъ, что чижикъ, будучи на Фонтанкѣ подъ хмѣлькомъ, „себѣ ножки мылъ, поскользнулся и упалъ, себѣ ножки замаралъ". — Забава эта скоро надоѣла и была оставлена. Въ прошедшемъ году, неизвѣстно по чьей инициативѣ, принялись играть въ судъ гг. кандидаты на судебныя должности при прокурорѣ московской судебной палаты. Ихъ игрища происходили въ вечерніе часы досуга, въ одной изъ настоящихъ залъ суда, при чемъ за каждымъ изъ лицедѣйствовавшихъ ораторовъ, подобно тому какъ жрецъ садился въ пустого идола, сидѣлъ опытный юристъ и подсказывалъ. Обсудили такимъ путемъ героя комедій Островскаго Льва Краснова, обработали еще нѣсколькихъ лицъ, а затѣмъ, сообразивъ, по всей вѣроятности, что чрезъ „подражаніе никогда не доходятъ до великаго", также смолкли. Но самая страсть къ подражанію и забавѣ не улеглась. Какъ слышно, теперь по счету уже въ третьемъ мѣстѣ созидается подобная же школа краснорѣчія и руководить ею будетъ ораторъ, имѣющій кромѣ ораторскаго еще и драматическій талантъ. Всѣ мастерства оказываются въ ходу...

Между тѣмъ, и текущія „событія" все болѣе и болѣе рождаютъ спросъ на краснорѣчіе. За торжественными похоронами И. В. Самарина, слѣдовало торжество иного сорта—празднованіе двадцатипятилѣтняго юбилея служенія въ штатѣ московской полиціи полиціймейстера второго отдѣленія г. Москвы, дѣйств. ст. сов. Ивана Петровича Поль. „Торжество" это, встрѣченное, какъ оповѣстили Москву ея газеты, тоже „всеобщимъ сочувствіемъ", являетъ собою, если не ошибаемся, первый примѣръ столь публичнаго чествованія дѣятеля полицейской службы. Изъ приведенной въ печати выписки изъ біографіи г. Поль, мы узнали, что онъ не мало потрудился на своемъ вѣку на пользу общества и имѣетъ за собою серьезныя заслуги не только по дѣятельности полиціймейстера, когда ему поручалось управленіе выставокъ всероссійской, промышленно-художественной и ре-

месленной, но и по предшествовавшей этой дѣятельности должности чиновника особыхъ порученій, когда ему неоднократно приходилось исполнять обязанности полиціймейстера всѣхъ трехъ отдѣленій, а за болѣзнью брандъ-маіора, даже и его должность. Большая колонная зала гостинницы „Эрмитажъ", гдѣ происходило празднество, названное „скромнымъ" и „семейнымъ", была убрана зеленью, цвѣтами, гирляндами, тропическими растеніями и вѣнками съ иниціалами юбиляра. На обѣдѣ присутствовало болѣе полутораста человѣкъ сослуживцевъ, друзей и знакомыхъ юбиляра, въ числѣ коихъ были начальники отдѣльныхъ частей и многія лица, занимающія высокое въ Москвѣ положеніе. Юбиляру пришлось получить въ этотъ день тридцать привѣтственныхъ телеграммъ и выслушать „трогательныя" рѣчи, которыя произвели на присутствующихъ „особенное" впечатлѣніе. Справедливо считая трудъ общественнаго дѣятеля полиціи по охраненію человѣка, въ широкомъ значеніи этого слова, важнымъ и нравственно отвѣтственнымъ, одинъ изъ ораторовъ намѣтилъ отношеніе къ вѣрной полицейской стражѣ въ странахъ образованныхъ и упомянулъ объ отношеніи къ той же стражѣ „въ нашемъ дорогомъ отечествѣ", говоря, что до реформы, по праву или предвзято, общество относилось къ чинамъ полиціи менѣе сочувственно, чѣмъ оно теперь относится, когда, благодаря современному состоянію цивилизаціи, въ большихъ городахъ и въ столицахъ въ особенности стали понимать „высокое" значеніе и назначеніе полиціи, отдавая справедливость заслугамъ дѣятелей полиціи по мѣрѣ добросовѣстности и пользы исполненія ими своей „святой" и трудной обязанности. Иванъ Петровичъ Поль, сказалъ ораторъ, стяжалъ себѣ славное, честное и доброе имя, непоколебимое довѣріе, общее расположеніе и славу самаго виднаго дѣятеля г. Москвы. Таково было содержаніе привѣтственной рѣчи, незамедлившей появиться и въ печати, точно такъ же, какъ въ той же печати появилось вслѣдъ затѣмъ благодарственное письмо юбиляра, спѣшившаго гласно выразить свою признательность иниціаторамъ и участникамъ „семейнаго" праздника.

Отъ хроники свѣтскаго краснорѣчія случай представляетъ возможность перейти къ краснорѣчію духовному. Не только среди духовенства, но среди всего московскаго люда, какъ православнаго, такъ и старообрядческаго, не мало возбудило толковъ усмотрѣнное однимъ изъ органовъ здѣшней печати удивительное тожество двухъ рѣчей, а, слѣдовательно, и краснорѣчія двухъ епископовъ: калужскаго—Владиміра, и викарія можайскаго, нынѣ дмитровскаго, Мисаила. Дѣло въ томъ, что преосвященный Мисаилъ, открывая 28 октября 1884 года извѣстныя собесѣдованія со старообрядцами въ домѣ Шумова въ г. Москвѣ, произнесъ будто бы „чужую" рѣчь, сказанную еще 11 сентября 1883 года при такихъ же обстоятельствахъ преосвященнымъ калуж-

скимъ Владиміромъ. Въ свое время обѣ эти рѣчи были напечатаны, желавшими ихъ читать, безъ сомнѣнія, читаны, и затѣмъ, какъ и всякое явленіе въ жизни вообще, будетъ ли оно предметомъ устной молвы или печатнаго слова, подверглись обычному сужденію и обсужденію. Въ буквальномъ копированіи чужихъ словъ съ умолчаніемъ, откуда они заимствованы, усматривалась тою же газетою „немощь въ словѣ"; другая газета, возстановляя текстъ обѣихъ рѣчей и сличая ихъ между собою, высказала, что на преосвященнаго Мисаила, явившаго неосторожность въ данномъ случаѣ, „нашло затмѣніе", что фактъ этотъ „психическій" и съ тѣмъ вмѣстѣ „скандальный", что объясненія по этому поводу преосвященнаго Мисаила, при открытіи собесѣдованій въ текущемъ году, никакъ уже не могутъ быть отнесены ни къ числу легкихъ для него, ни къ числу особенно возвышающихъ его достоинство. Тогда-то, вслѣдъ за этою статьею появилось письмо за подписью „Л. М." съ такимъ вопросомъ: „и что особеннаго случилось, если явились заимствованія, близкія къ дѣлу и цѣлямъ, если привелось по единству дѣла сказать много сроднаго?" Въ сужденіяхъ „критика архіерейскаго краснорѣчія", авторъ письма усмотрѣлъ и „отступничество" и „продажничество", говоря, что въ лицѣ епископа оскорблено святое дѣло, мало того — оскорблена и св. церковь, благословляющая это дѣло. Письмо сопровождалось въ газетѣ передовою статьею. По увѣренію этой статьи выходило, что чтеніе въ извѣстныхъ случаяхъ съ церковной каѳедры поученія кого-либо изъ св. отцевъ церкви или современныхъ проповѣдниковъ есть дѣло весьма обыкновенное, что преосвященный Мисаилъ и не выдавалъ чужую рѣчь за свою, хотя, впрочемъ, и не именовалъ ее чужою, что оглашенія сходства рѣчей вмѣщаетъ въ себѣ признаки „нахальства и злобы", которые могутъ быть понятны только развѣ со стороны вожаковъ раскола, и что, наконецъ „при слабости полиціи, газеты, слывущія органами общественнаго мнѣнія, могутъ также служить и органами общественнаго безобразія". Бичующая передовая статья опустила, впрочемъ, слѣдующія слова своего противника: „за всею литературою противъ раскола, старообрядческіе начетники зорко слѣдятъ: рѣчь Мисаила не могла быть имъ неизвѣстною, и они, конечно, составили о происшествіи свое мнѣніе". Ожидайте борьбы, будьте готовы къ новымъ нападкамъ и не только на догматы вѣры и вѣрованія, но и на пастырей вашихъ, запаситесь мудростью ихъ отражать, и, взявъ свѣтильники свои, возьмите съ собою и елей „бдите убо, яко не вѣсте откуда нападутъ на васъ". Вотъ что собственно хотѣли сказать, и на самомъ дѣлѣ сказали обличители, а потому едва ли они заслуженно вызвали противъ себя вышеприведенную брань. Если передъ вами роютъ яму, въ которую вы рискуете упасть, или грозитъ вамъ какая-либо бѣда,

вами незамѣченная и недосмотрѣнная, и васъ предупреждаютъ о ней, то такое предупрежденіе обыкновенно считаютъ дружественнымъ и оберегающимъ васъ отъ опасности, но уже никакъ не „нахальнымъ" и „злобнымъ", даже требующимъ вмѣшательства полиціи, ибо, оказывается, что „газеты при слабости полиціи могутъ служить и органами общественнаго безобразія". Вотъ до чего можно договориться въ наше время: на полицію возлагаютъ отвѣтственность за полемику, не на площади, а на столбцахъ газетъ!

Въ судѣ разрѣшено здѣсь недавно дѣло объ убійствѣ жены самоварщика Луизы Ульрики Гертвигъ 72 лѣтъ, случившемся 26 іюня 1883 г. въ воскресенье, въ домѣ Постникова на Петровскомъ бульварѣ, въ очень людной мѣстности, и притомъ среди бѣлаго дня. Изъ четырехъ судившихся обвиняемыхъ осуждены лишь двое: отставной рядовой Крыловъ 51 года, татаринъ, по ремеслу сапожникъ, двадцать лѣтъ тому назадъ принявшій православіе и объяснявшій взведенный на него оговоръ другимъ участникомъ преступленія, татариномъ Фахрутжновымъ, разностью религіозныхъ убѣжденій и вѣрованій, и запасный ефрейторъ Фахрутжновъ, 33 лѣтъ, полтора года служившій городовымъ въ штатѣ московской полиціи, затѣмъ, по увольненіи отъ этой службы, за небрежность и нетрезвое поведеніе, перешедшій на службу въ московское губернское правленіе и, наконецъ, въ послѣднее время занимавшійся ремесломъ разносчика газетъ, имѣя своимъ квартирантомъ подсудимаго Крылова. Мѣщанинъ Старкашевъ и крестьянка Богданова привлечены къ дѣлу: первый, какъ соучастникъ преступленія, а вторая, какъ недоносительница, по отсутствію какихъ бы то ни было уликъ противъ нихъ, оправданы. Слушая защиту по этому громкому и серьезному дѣлу, пришлось еще разъ поскорбѣть о томъ, что наше ораторство все болѣе и болѣе склоняется въ сторону трескучей фразы, въ явный ущербъ существу дѣла. Сообщая присяжнымъ засѣдателямъ, вопреки закона, о назначаемомъ за преднамѣренное убійство наказаніи, одинъ изъ защитниковъ выразилъ надежду, что его кліентъ будетъ обвиненъ, и въ виду этого, по всей вѣроятности, назвалъ свое собственное защитительное слово „погребальнымъ". Другой защитникъ уподобилъ рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей урнѣ, въ которую сложены черные и бѣлые шары, и просилъ прокатить его кліента на оправдательныхъ бѣлыхъ. Похоронно-гробовыя и билліардно-шаровыя соображенія гг. защитниковъ остались безъ послѣдствій. Подсудимымъ, по заслугамъ ихъ звѣрскаго дѣянія, объявленъ обвинительный приговоръ безъ снисхожденія, и они осуждены въ каторжныя работы въ рудникахъ: Фахрутжновъ на пятнадцать, а Крыловъ на семнадцать съ половиною лѣтъ. Изъ области письменнаго краснорѣчія по тому же дѣлу слѣдуетъ привести протоколъ предъявленія, изложенный судеб-

нымъ слѣдователемъ буквально въ такихъ выраженіяхъ: „обвиняемые Тэрасій Андреевъ и Александръ Крыловъ нѣсколько минутъ молча смотрѣли другъ на друга, на лицахъ ихъ ничего не выражалось, кромѣ чего-то въ родѣ изумленія, когда двѣ незнакомыя личности сходятся на пути и не знаютъ, нужно говорить встрѣченному или молчать; послѣ того, какъ они нѣсколько минутъ вглядывались одинъ въ другого, послѣдовалъ вопросъ слѣдователя: знакомъ или нѣтъ?"...

Въ манежѣ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, происходила выставка лѣсоводства. Загроможденныя декорировавшими елями, какъ стѣны, такъ и окна манежа открывали внутрь его малый доступъ свѣту и давали малую возможность разсмотрѣть выставленныя въ разрѣзахъ породы деревъ и всякую иную растительность. Видъ выставки былъ унылый и сумрачный. За отсутствіемъ печатныхъ указателей и за невозможностью добиться словесныхъ разъясненій по интересующему посѣтителя предмету, выставка и все на ней выставленное дѣлались доступными пониманію однихъ только специалистовъ лѣсного дѣла, т.-е. сравнительно очень небольшого класса людей. Посѣщалась выставка очень туго. Аллегри и всякій иной торгъ во славу благотворительности, не процвѣтаетъ. За время существованія выставки за одиннадцать дней перебывало на ней околo 8,500 посѣтителей, считая въ этомъ числѣ и посѣтителей вечернихъ гуляній, и до 1,500 чел. воспитанниковъ и воспитанницъ различныхъ учебныхъ заведеній безъ платы за входъ. Для наибольшаго числа посѣтителей служили приманками буфетъ и вечернія гулянья съ обычными хорами пѣвицъ и цыганъ, дѣйствующими совокупными усиліями треснутыхъ голосовъ на сценѣ и въ разсыпную во время продолжительныхъ антрактовъ. Наибольшее число посѣтителей было по вечерамъ, во время гуляній. Скинувъ съ цифры 8,500 человѣкъ 1,500 безплатныхъ посѣтителей, получится цифра въ 7,000; изъ этой цифры три четверти смѣло можно отнести на счетъ вечернихъ гуляній. Платя за входъ 1 рубль, каждый вечерній посѣтитель выставки отдавалъ обществу всего 5 коп., а остальныя 95 коп. откладывались въ карманъ устроителя гуляній, бывшаго оффиціанта Александрова, а нынѣ, какъ его величаютъ, „полупочтеннѣйшаго" антрепренера зоологическаго сада, „экземпляра чисто лѣтняго происхожденія". А что стоило самое устройство выставки? Дорого обошлась обществу выставка пней, которые составляютъ повсемѣстное богатство нашей лѣсной страны, доступное осмотру и обзору всякаго и внѣ стѣнъ манежа, и притомъ безъ всякой платы за ихъ посмотрѣніе.

W₇.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го ноября 1885 г.

Парламентскіе выборы во Франціи и ихъ значеніе.—Успѣхи монархистовъ и кажущаяся непрочность республики.—Французскія политическія партіи.—Избирательное движеніе въ Англіи.—Либеральныя и консервативныя рѣчи.—Особенность предстоящихъ выборовъ.—Англійское миролюбіе.—Наши проповѣдники англо-русской войны.

Внутреннія дѣла Франціи служатъ опять предметомъ самодовольныхъ разсужденій въ консервативной европейской печати. Непрочность республиканскаго режима, частые политическіе кризисы, переходъ власти отъ одной партіи къ другой вмѣстѣ съ перемѣнами въ настроеніи избирателей,—все это снова всплыло на поверхность, благодаря неожиданному результату депутатскихъ выборовъ 4 октября. Нѣмецкія газеты въ сотый и тысячный разъ распространяются объ удивительной проницательности князя Бисмарка, который будто бы пятнадцать лѣтъ тому назадъ предвидѣлъ настоящее состояніе французской республики. Что же произошло во Франціи? Народныя массы, недовольныя политикою господствующей партіи „оппортунистовъ", воспользовались выборами для рѣшительнаго осужденія предпріятій и промаховъ, санкціонированныхъ республиканскимъ большинствомъ палаты депутатовъ. Ни монархисты, ни республиканцы не были приготовлены къ тому, что случилось: первые надѣялись въ лучшемъ случаѣ довести число своихъ представителей въ палатѣ до полутораста человѣкъ, а вторые спорили между собою о томъ, какая изъ фракцій нынѣшняго большинства одержитъ побѣду на выборахъ. Никому не приходила въ голову мысль, что большинство можетъ измѣнить свой характеръ въ ущербъ обѣимъ республиканскимъ партіямъ и передвинуться въ сторону монархической оппозиціи; но невѣроятное оказалось возможнымъ, и въ день 4 октября французскіе избиратели дали весьма чувствительный урокъ политическимъ дѣятелямъ республики. Консерваторовъ было избрано гораздо больше, чѣмъ республиканцевъ, около 200 человѣкъ вмѣстѣ, тогда какъ прежде было ихъ всего 95; они побѣдили даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ опасались всего меньше, причемъ оставлены за штатомъ многіе видные парламентскіе вожди, въ томъ числѣ нѣкоторые министры. Общественное мнѣніе было озадачено и взволновано этимъ внезапнымъ наплывомъ реакціонныхъ элементовъ, казавшихся уже окончательно сломленными въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, особенно со времени пе-

ресмотра конституціи при министерствѣ Жюля Ферри. Предстояли еще перебаллотировки относительно 268 кандидатовъ; эти вторичные выборы давали возможность республиканцамъ возстановить свой численный перевѣсъ и пополнить непріятныя потери, понесенныя 4 октября. Но двѣ недѣли, отдѣлявшія первый избирательный день отъ второго, были временемъ серьезнаго кризиса для республики; монархисты громко привѣтствовали торжество своихъ принциповъ и предвѣщали скорый конецъ республиканскому режиму. Выборы 18-го октября разсѣяли преувеличенныя опасенія и надежды, порожденныя результатомъ перваго голосованія; общее число республиканскихъ депутатовъ въ новой палатѣ составитъ 391 (считая и десять представителей колоній), а консерваторы остановились на достигнутой цифрѣ въ 205 человѣкъ. Такъ какъ вопросъ о формѣ правленія не могъ быть вовсе затронутъ въ избирательныхъ программахъ, то монархисты могли имѣть успѣхъ только въ качествѣ консерваторовъ вообще, въ смыслѣ энергической оппозиціи противъ образа дѣйствій республиканскихъ министровъ и депутатовъ. Настоящіе выразители реакціонныхъ идей, организаторы монархическихъ движеній при Тьерѣ и Макъ-Магонѣ, не удостоились избранія, вопреки всѣмъ усиліямъ избирательныхъ комитетовъ; герцогъ Брольи, де-Фурту, Кальйо, де-Мо, герцогъ Деказъ и другіе дѣятели реакціи не попали вовсе въ палату, чѣмъ достаточно ясно устраняется всякое враждебное для республики толкованіе выборовъ. Консервативная армія лишена своихъ наиболѣе вліятельныхъ вождей; прямые сторонники монархическаго переворота не нашли довѣрчивыхъ избирателей, хотя и скрывали свое истинное знамя и хлопотали лишь неопредѣленно объ общемъ благѣ страны. Рядомъ съ усиліемъ консервативнаго меньшинства, значительно выростаетъ и радикальная партія, руководимая Клемансо и имѣющая въ новой палатѣ болѣе полутораста представителей. Умѣренные члены „лѣваго центра" и оппортунисты потеряли такихъ ораторовъ и дѣльцевъ, какъ Рибо и Девесъ; бывшіе и настоящіе министры, какъ Вальдекъ-Руссо, Рувье, Гобле, Райналь, Мартенъ-Фелье, избраны съ трудомъ при вторичномъ голосованіи, а министры торговли и земледѣлія, Пьеръ Легранъ и Герве-Маньонъ, забаллотированы безпощадно, вслѣдствіе чего должны были добровольно выйти въ отставку. Въ Парижѣ прошелъ, по обыкновенію, списокъ радикальныхъ и непримиримыхъ кандидатовъ, съ Локруа во главѣ и съ Рошфоромъ въ концѣ; однако сотни тысячъ голосовъ даны такимъ реакціонерамъ, какъ пресловутый баронъ Гауссманъ и герцогъ де-Паду. Ослабленная и сокращенная въ своемъ составѣ умѣренная республиканская партія принуждена будетъ искать содѣйствія радикаловъ, если не предположить у нея рѣшимости войти въ

сдѣлку съ либеральною частью монархистовъ; поэтому преобладающую роль въ новой палатѣ призванъ играть Клемансо, стремящійся, очевидно, занять вакантное мѣсто Гамбетты.

Результаты послѣднихъ выборовъ тѣмъ болѣе поучительны, что самые выборы производились по новой системѣ департаментскихъ списковъ, за которую горячо стоялъ покойный Гамбетта, и которая считалась необходимою для ограниченія мѣстныхъ консервативныхъ вліяній. Пока каждый отдѣльный округъ выбираетъ своего депутата, до тѣхъ поръ первое мѣсто принадлежитъ интересамъ населенія даннаго района, разсчетамъ и надеждамъ болѣе или менѣе узкимъ и спеціальнымъ; широкія общественныя теченія и великіе государственные вопросы находятъ себѣ доступъ только въ немногихъ большихъ городахъ, въ центрахъ умственной и политической жизни. Если же населеніе цѣлаго департамента призывается сдѣлать выборъ между нѣсколькими списками кандидатскихъ именъ, сообразно числу парламентскихъ мѣстъ, выпадающихъ на долю данной области, то мѣстныя личныя связи утрачиваютъ свое рѣшающее значеніе, и на первый планъ выступаютъ болѣе общія вліянія, симпатіи и интересы. При выборахъ по округамъ избиратели могутъ выбрать мѣстнаго старшину, нотаріуса или помѣщика, какъ людей вліятельныхъ и популярныхъ, независимо отъ ихъ политическихъ взглядовъ и традицій; населеніе, жаждущее мира и стремящееся сохранить республику, могло бы, такимъ образомъ, очутиться въ рукахъ приверженцевъ монархической реставраціи, сторонниковъ войны и политики приключеній,—ибо довѣріе къ личности депутата не означаетъ еще солидарности съ политическими его идеями и чувствами. Люди, пользующіеся почетомъ въ своемъ околоткѣ, не всегда являются правдивыми и безкорыстными истолкователями мѣстныхъ потребностей и нуждъ; въ общихъ политическихъ дѣлахъ они могутъ легко поддаваться одностороннимъ впечатлѣніямъ, несогласнымъ съ дѣйствительностью. Несомнѣнно, что выборы по департаментскимъ спискамъ предполагаютъ болѣе прочную организацію партій и болѣе высокій умственный уровень общественныхъ дѣятелей; при этомъ скорѣе и легче выдвигаются политическіе таланты, и значеніе парламентскихъ предводителей усиливается въ громадной степени.

Избирательные комитеты, отъ которыхъ зависитъ составленіе кандидатскихъ списковъ, служатъ могучимъ орудіемъ политическаго вліянія, и это обстоятельство было однимъ изъ важнѣйшихъ доводовъ въ пользу этой системы, въ переходное время борьбы за существованіе и упроченіе республики. Теперь оппортунисты сами на себѣ испытали благодѣтельную силу принципа, который установленъ ими въ силу авторитетнаго указанія Гамбетты. Общія черты народ-

наго настроенія вѣрнѣе отражаются въ выборахъ по спискамъ; а общественное настроеніе неблагопріятно теперь для устроителей тонкинской экспедиціи и связанныхъ съ нею замѣшательствъ,—такъ что спеціально республиканское оружіе обратилось прежде всего противъ самихъ же республиканцевъ. Крутой поворотъ въ политикѣ прямо предписывается страною; прекращеніе колоніальныхъ столкновеній и бережливость въ финансахъ становятся обязательными для правительства и парламента.

Что грозное предостереженіе, данное прежнему большинству палаты, свидѣтельствуетъ о непрочности республиканскаго строя во Франціи,—это едва ли вытекаетъ изъ дѣйствительнаго смысла событій. Республика тѣмъ именно и отличается, что въ ней перемѣны общественнаго мнѣнія проявляются легко и свободно, дѣйствуя непосредственно на ходъ дѣлъ въ странѣ; чѣмъ медленнѣе и труднѣе народныя желанія проникали бы до главныхъ пружинъ политики, тѣмъ несовершеннѣе и непослѣдовательнѣе было бы республиканское устройство. Если палата, выбранная еще при жизни Гамбетты, одобряла ненужныя и разорительныя предпріятія его преемниковъ, то для избирателей не было бы другого способа положить конецъ этимъ увлеченіямъ, какъ только измѣнить составъ большинства и выбрать новыхъ депутатовъ изъ среды оппозиціи. Еслибы прочность режима выражалась въ томъ, что политика, признанная вредною, продолжалась бы безпрепятственно въ ущербъ народнымъ интересамъ, то такая прочность не заслуживала бы поощренія. Разсчитывать на измѣненіе политики путемъ однихъ логическихъ и нравственныхъ вліяній было бы неосновательно; странѣ оставалось только осудить палату 1881 года единственнымъ реальнымъ способомъ, находящимся въ распоряженіи избирателей. Большинство, дѣйствовавшее неудачно или небрежно, слѣдовавшее слѣпо за энергичнымъ и упорнымъ премьеромъ, можетъ быть осуждено въ день выборовъ, и это осужденіе, относящееся къ данной палатѣ или къ данной политической партіи, не затрогиваетъ нисколько вопроса о формѣ правленія. Французы всего меньше могли думать о какомъ-либо неудовольствіи противъ республики въ то самое время, какъ они пользовались главною основою ея —всеобщимъ голосованіемъ, — для надлежащаго измѣненія общаго хода политическихъ дѣлъ. Недовольство было бы понятно, еслибы политика министерства и палаты не подлежала никакому контролю, и еслибы самыя полномочія политическихъ дѣятелей не нуждались въ періодическомъ обновленіи; въ настоящемъ же случаѣ общественный контроль выразился вдвойнѣ: сначала палата свергла кабинетъ, запутавшійся въ индо-китайскомъ кризисѣ, а затѣмъ народъ высказался противъ самой палаты и ея большинства въ день выборовъ

4 октября. Перемѣнчивость политики зависитъ здѣсь отъ несостоятельности и пагубности направленія, избраннаго прежнимъ министерствомъ; опасности чрезмѣрныхъ ошибокъ и увлеченій устраняются отчасти при дѣйствіи всесторонней публичной критики и всеобщаго народнаго голосованія. При правительствѣ Наполеона III не существовало легальнаго пути для уклоненія министровъ отъ такихъ экспедицій, какъ мексиканская, и отъ такихъ конфликтовъ, какъ франко-прусскій; министры шли неуклонно отъ одного предпріятія къ другому, не заботясь о мнѣніяхъ и нуждахъ страны,—пока не дошли до Седана. Еслибы это „твердое" правительство могло быть остановлено во-время авторитетнымъ голосомъ свободнаго общественнаго мнѣнія, оно, быть можетъ, не погибло бы въ безцѣльномъ кровавомъ походѣ и не подорвало бы могущества Франціи на цѣлые десятки лѣтъ. Одинокій голосъ Тьера затерялся среди льстиваго хора людей, привыкшихъ рукоплескать безъ разбора всякому начинанію кабинета; фиктивный парламентъ, въ видѣ собранія подставныхъ депутатовъ, и фиктивная печать, выражавшая чужія мнѣнія, окружали власть прочною стѣною лжи, черезъ которую не имѣли доступа никакія колебанія и перемѣны въ чувствахъ и интересахъ общества. Никто не думаетъ теперь, что подобная „прочность направленія" служила къ выгодѣ наполеоновскаго режима. Конечно, полная послѣдовательность требовала, можетъ быть, перехода отъ мексиканской экспедиціи къ франко-прусской войнѣ; но Франція была бы счастлива, еслибы своевременно избавилась отъ такого рода послѣдовательности, и еслибы избѣгла похода въ Мексику, какъ и ссоры съ Германіею. Постоянство—хорошее качество, когда дѣла идутъ по вѣрной и испытанной дорогѣ, освѣщаемой надлежащимъ образомъ съ различныхъ сторонъ; но оно составляетъ вѣрный недостатокъ, когда источникъ его лежитъ въ ослѣпленіи и въ невѣденіи, въ незнаніи предстоящаго пути и окружающихъ его условій. Имперія Наполеона III сдѣлала скачокъ въ темноту, затѣявъ войну съ пруссаками; ничто не растетъ и не крѣпнетъ во тьмѣ,—и внушительное снаружи зданіе, столь тщательно оберегаемое отъ дѣйствія свѣта, рухнуло безусловно, какъ гнилое дерево, сраженное порывомъ свѣжаго вѣтра. Уклоненія въ сторону часто неизбѣжны во внѣшней политикѣ, какъ бы прочны и солидны ни были достоинства правительства; нигдѣ колебанія и перемѣны въ этой области не повторяются въ такой степени, какъ въ Англіи, хотя энергія и послѣдовательность англичанъ въ защитѣ ихъ международныхъ интересовъ вошли въ пословицу. Сколько разъ въ короткій сравнительный періодъ мѣнялась британская политика въ Египтѣ, въ средней Азіи и въ другихъ краяхъ! При одномъ и томъ же министерствѣ, въ одну

и ту же парламентскую сессію, Англія то готовилась завладѣть Египтомъ, то собиралась очистить его,—то отрекалась отъ Судана, то посылала туда войско,—то воевала съ афганцами, то охраняла ихъ, какъ союзниковъ,—то возставала противъ колоніальныхъ дѣйствій Германіи, то одобряла и поддерживала ихъ,—то отстаивала цѣлость Турціи и берлинскаго трактата, то, напротивъ, защищала права балканскихъ народностей отъ посягательствъ турецкихъ и европейскихъ охранителей. Англичане нисколько не гонятся за строгою послѣдовательностью въ своихъ дѣйствіяхъ; они не смущаются, когда ихъ упрекаютъ въ перемѣнчивости и шаткости воззрѣній,—ибо для нихъ все дѣло заключается въ практической цѣлесообразности того или другого шага, той или другой политики, въ данный моментъ, причемъ остаются неизмѣнными только общія политическія цѣли и выгоды англійской націи. Такъ же точно и Франція, въ лицѣ большинства своихъ избирателей, рѣзко повернула въ сторону отъ сомнительнаго пути, по которому вели ее оппортунисты съ Жюлемъ Ферри во главѣ. Этотъ поворотъ свидѣтельствуетъ скорѣе о здоровой бодрости, чѣмъ о слабости и упадкѣ. Способность уклониться отъ соблазновъ мексиканской экспедиціи спасла бы имперію отъ Седанскаго погрома, и нѣтъ основанія видѣть недостатокъ въ большей поворотливости и впечатлительности республиканской политики.

Пораженіе республиканцевъ-оппортунистовъ имѣетъ еще другое значеніе. Для партіи, находящейся долго у власти, бываютъ полезны отъ времени до времени серьезныя фактическія напоминанія о суетѣ и непрочности всего земного, въ томъ числѣ и парламентскаго владычества; въ такіе моменты политическій дѣятель невольно оглядывается на прошлое, замѣчаетъ сдѣланныя ошибки, провѣряетъ свои принципы въ практическомъ ихъ примѣненіи, взвѣшиваетъ возможныя нареканія и съ большею твердостью готовится въ дальнѣйшій путь, если не чувствуетъ себя обреченнымъ на ничтожество. Неусыпный публичный контроль пересталъ бы оказывать давленіе на министровъ и депутатовъ, если бы послѣдніе убѣдились въ окончательной прочности своего положенія; такая именно увѣренность начинала господствовать въ средѣ республиканскаго большинства со времени избранія Греви президентомъ на мѣсто Макъ-Магона. Наканунѣ выборовъ различныя партіи республиканцевъ самостоятельно добивались успѣха; оппортунисты называли себя правительственною партіею по преимуществу и съ пренебреженіемъ отвергали соперничество радикаловъ, какъ людей неопытныхъ въ великомъ дѣлѣ управленія; радикалы, въ свою очередь, обвиняли оппортунистовъ въ легкомысленной тратѣ государственныхъ средствъ и въ совершенномъ забвеніи широкихъ реформаторскихъ програмъ, выставленныхъ при

началѣ ихъ дѣятельности, въ періодъ борьбы съ монархистами. Умѣренные республиканцы не сомнѣвались ни на минуту, что среднее большинство населенія не можетъ сочувствовать радикальнымъ планамъ, и что консерваторы безвозвратно осуждены на безсиліе; поэтому они считали безспорнымъ, что управлять страною призваны только они одни, оппортунисты или умѣренные. Оппозиціонная критика правительственныхъ и парламентскихъ рѣшеній не принималась въ разсчетъ просто потому, что возражавшіе были роялисты или клерикалы, заподозрѣнные въ политической неблагонадежности; имъ давалась полная воля говорить и доказывать, что угодно, но ихъ заявленія и доказательства казались предназначенными только для ихъ единомышленниковъ. Такое отношеніе къ оппозиціи имѣло еще смыслъ, когда дѣло шло о самомъ существованіи республики и объ ея прочномъ водвореніи во Франціи; кто нападалъ на республиканцевъ и на ихъ способъ дѣйствія, объявлялся реакціонеромъ, врагомъ новаго государственнаго порядка. Эта устарѣлая тактика утратила свое значеніе съ тѣхъ поръ, какъ республика признана окончательною формою правленія; монархисты сдѣлались просто консерваторами; они остаются такими же участниками въ политической жизни, въ ея интересахъ и превратностяхъ, какъ и дѣятели республиканскаго большинства. Если вопросъ о формѣ правленія вычеркнутъ изъ числа спорныхъ вопросовъ и не можетъ служить предметомъ парламентской полемики, то нельзя уже считать монархистовъ исключенными разъ навсегда изъ участія въ республиканскомъ управленіи; можно себѣ вполнѣ представить теперь такую комбинацію, при которой республика пользовалась бы услугами консерваторовъ и даже управлялась бы ими, безъ ущерба для основныхъ принциповъ народовластія. Выборы 4 октября напомнили французамъ объ этой возможности, и если они дѣйствительно приведутъ къ нѣкоторому сближенію консерваторовъ съ республиканскимъ режимомъ, то результатъ долженъ быть признанъ, какъ нельзя болѣе желательнымъ съ точки зрѣнія мирнаго развитія политической жизни во Франціи.

Новая палата депутатовъ, засѣданія которой откроются 10 ноября (29 октября), призвана будетъ участвовать въ выборѣ президента республики на новое семилѣтіе, такъ какъ срокъ полномочій Греви истекаетъ въ концѣ настоящаго года. По всей вѣроятности, будетъ вторично избранъ Греви, въ пользу котораго ожидается значительное большинство голосовъ въ будущемъ конгрессѣ. Министерство Бриссона пока еще имѣетъ шансы долговѣчности, хотя оно и подвергнется нѣкоторому обновленію при началѣ парламентской сессіи. Радикальныя программы, которыя подробно обсуждаются теперь во французской республиканской печати, едва ли серьезно займутъ собою

новую палату, которой прежде всего придется сообщить больше сдержанности и порядка общему ходу дѣлъ. Участіе консерваторовъ въ исполненіи этой задачи окажется далеко не безполезнымъ, тѣмъ болѣе, что даже такъ называемые реакціонеры во Франціи въ сущности могли бы быть названы крайними либералами въ какой-либо другой странѣ, напримѣръ, въ Пруссіи. Консерваторы скорѣе, чѣмъ радикалы, готовы были бы ограничить чрезмѣрную централизацію и расширить мѣстное самоуправленіе; радикальные реформаторы придаютъ слишкомъ много значенія преобразовательнымъ функціямъ власти, чтобы согласиться на реформу, способную возстановить самостоятельную жизнь провинціи и ослабить всепоглощающую роль Парижа, какъ политическаго центра страны.

Избирательное движеніе находится въ полномъ разгарѣ въ Англіи. Въ половинѣ сентября Гладстонъ выпустилъ длинный манифестъ, въ которомъ намѣтилъ будущую роль либеральной партіи и опредѣлилъ главные пункты своей программы. Воззваніе бывшаго премьера, обращенное къ его избирателямъ въ Мидлотіанѣ, носитъ на себѣ отпечатокъ меланхоліи, вполнѣ естественной со стороны престарѣлаго государственнаго человѣка. Обращаясь къ довѣрію гражданъ, давшихъ ему свои голоса въ 1880 году, Гладстонъ замѣчаетъ: „Мысль объ этомъ годѣ напоминаетъ мнѣ о скоротечности времени. Мнѣ, очевидно, невозможно будетъ въ новомъ парламентѣ повторить что-либо подобное трудамъ прежнихъ лѣтъ. Но я слишкомъ тѣсно связанъ съ публичными дѣлами послѣднихъ шести сессій, чтобы уклониться лично отъ оправданія и осужденія, имѣющаго быть произнесеннымъ надъ палатою“. Въ концѣ манифеста говорится опять, что „многое изъ написаннаго здѣсь относится къ будущему, которое, по всему вѣроятію лежитъ внѣ достиженія“ автора. Гладстонъ подробно излагаетъ итоги своей внутренней и внѣшней политики за истекшее пятилѣтіе; онъ признается, между прочимъ, что по египетскому вопросу „совершены были важныя ошибки, которыя стоили много денегъ и драгоцѣнныхъ жизней въ Суданѣ“. Изъ законодательныхъ вопросовъ, стоящихъ на очереди, указывается особо на реформу парламентской процедуры, на организацію мѣстнаго самоуправленія, на преобразованіе земельныхъ законовъ въ Англіи и на правильную регистрацію избирателей. Гладстонъ не придаетъ значенія обычнымъ толкамъ по поводу разногласій въ средѣ либеральной партіи. „Безъ сомнѣнія,—говоритъ онъ,—между либералами есть много такихъ, которые не подпишутся подъ всѣми моими мнѣніями, точно такъ же, какъ и я не могу брать на себя отвѣтственность за всѣ ихъ взгляды. Но ни одна

изъ секцій не составляетъ сама по себѣ либеральной партіи; каждая изъ нихъ образуетъ элементъ этой партіи, и только смѣшеніемъ и совмѣстнымъ дѣйствіемъ ея элементовъ, а не неограниченнымъ господствомъ одного изъ нихъ, достигались и будутъ достигаться желанные результаты". Разсуждая подробно о дальнѣйшихъ болѣе щекотливыхъ предметахъ законодательства—о преобразованіи палаты лордовъ, объ отдѣленіи церкви отъ государства, о даровомъ народномъ обученіи и объ умиротвореніи Ирландіи, Гладстонъ высказывается довольно неопредѣленно и воздерживается отъ личныхъ мнѣній.

Задача, которую поставилъ себѣ Гладстонъ,—возстановить единство либеральной партіи наканунѣ парламентскихъ выборовъ,—казалась чрезвычайно трудною; никогда еще не выступали такъ рѣзко противорѣчія между радикалами и умѣренными либералами, какъ въ настоящее время. Бывшій министръ торговли, Чамберлэнъ, принялъ на себя роль настоящаго народнаго трибуна; въ цѣломъ рядѣ талантливыхъ рѣчей онъ рѣшительно требуетъ коренной поземельной реформы въ пользу обездоленныхъ поселянъ, доказываетъ необходимость принять мѣры для улучшенія быта рабочаго класса и не останавливается предъ смѣлыми проектами, способными привести въ ужасъ такихъ мирныхъ либераловъ, какъ маркизъ Гартингтонъ или лордъ Гренвиль. До появленія манифеста Гладстона, Чамберлэнъ дѣйствовалъ самостоятельно въ качествѣ предводителя особой радикальной партіи; онъ не стѣснялся соображеніями о томъ, какъ отнесутся къ его мнѣніямъ либералы. Умѣренные элементы либеральной партіи держались въ сторонѣ; они надѣялись еще на авторитетное вмѣшательство Гладстона, который, по выраженію лорда Розберри, явился бы „великимъ старымъ зонтикомъ" (grand old umbrella) для прикрытія разрозненныхъ группъ англійскаго либерализма. Маркизъ Гартингтонъ, наиболѣе вліятельный представитель старой партіи виговъ, намекалъ уже на возможность отказа отъ политической дѣятельности, въ виду очевиднаго распаденія партіи; а лордъ Рандольфъ Черчилль считалъ своевременнымъ высказать предположеніе, что бывшій либеральный министръ долженъ присоединиться къ консерваторамъ, съ которыми связываетъ его общность политическихъ традицій и интересовъ. Упадокъ духа и очевидный расколъ въ либеральномъ лагерѣ обѣщали мало хорошаго въ будущемъ; борьба велась, главнымъ образомъ, между передовыми бойцами обѣихъ сторонъ—Чамберлэномъ и Черчиллемъ; успѣхи перваго изъ нихъ находили противовѣсъ въ радикализмѣ послѣдняго, который также хлопочетъ будто бы о реформахъ на пользу рабочаго класса. Положеніе было крайне неясное и запутанное; оно сразу прояснилось, когда вышелъ избира-

тельный манифестъ Гладстона, составленный очень ловко, съ необходимыми умолчаніями и оговорками: всѣ принялись толковать эту программу по своему, и каждый нашелъ въ ней то, чего искалъ. Радикалы, какъ умѣренные либералы, удовлетворились объясненіями и намеками авторитетнаго вождя; безобидная почва для общаго дѣйствія была найдена. Маркизъ Гартингтонъ нарушилъ свое долгое молчаніе и посмѣялся надъ предложеніемъ лорда Черчилля перейти въ ряды торіевъ; онъ видѣлъ въ этомъ предложеніи доказательство того, что консерваторы чувствуютъ себя недостаточно сильными и нуждаются въ поддержкѣ постороннихъ дѣятелей. Чамберлэнъ вполнѣ одобрилъ основные пункты программы Гладстона и придалъ своимъ радикальнымъ проектамъ значеніе предварительныхъ указаній для будущаго, не настаивая на скорѣйшемъ принятіи ихъ въ теченіе предстоящаго законодательнаго періода. Можно быть радикаломъ по стремленіямъ и идеаламъ, оставаясь практическимъ парламентскимъ дѣльцомъ; можно признавать необходимость извѣстныхъ соціальныхъ реформъ и въ то же время откладывать ихъ осуществленіе до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Не разсчитывая на радикальное большинство въ будущемъ парламентѣ, Чамберлэнъ долженъ былъ поневолѣ примкнуть къ общему для всей партіи и блѣдному для многихъ знамени Гладстона. Это знамя привлекло къ себѣ и Гошена, даровитаго и осторожнаго оратора, занимающаго золотую середину между передовыми либералами и консерваторами. Единство, хотя и наружное, возстановилось,—по крайней мѣрѣ, для цѣлей избирательной кампаніи. Что будетъ дальше, съ удаленіемъ Гладстона сѣ сцены,—сказать трудно. Современемъ прогрессисты или радикалы выдѣлятся окончательно въ особую партію и будутъ дѣйствовать на собственный свой страхъ; въ союзѣ съ ирландскими автономистами они составятъ внушительную силу, которая можетъ оказать рѣшающее вліяніе на ходъ дѣлъ въ парламентѣ и въ странѣ.

Англійская печать и англійскіе государственные дѣятели не скрываютъ отъ себя великой важности настоящаго момента, когда впервые готовятся принять участіе въ политической жизни низшіе слои населенія, призванные къ пользованію избирательными правами въ силу новаго либеральнаго закона. Два милліона новыхъ избирателей представляются какъ-будто громаднымъ сфинксомъ, отъ котораго нетерпѣливо ждутъ отвѣта на занимающіе всѣхъ вопросы; къ этому сфинксу обращаются многочисленные искусители, стараясь направить его движеніе въ ту или другую сторону; торіи-демократы, радикалы, консерваторы, либералы,—всѣ одинаково зовутъ за собою народныя массы, предостерегая ихъ отъ невѣрныхъ шаговъ и напрасныхъ увлеченій. Парламентскіе ораторы произносятъ множество

рѣчей въ разныхъ мѣстахъ королевства; обиліе митинговъ и публичныхъ воззваній доходитъ до небывалой еще степени, придавая необычайную живость и интересъ начавшейся избирательной борьбѣ. Впереди другихъ бойцовъ, превышая соперниковъ талантомъ и силою краснорѣчія, дѣйствуетъ неутомимый Чамберлэнъ; онъ повсюду увлекаетъ толпу искренностью и теплотою чувства, остроуміемъ и убѣдительностью доводовъ, привлекательностью своихъ общихъ цѣлей и идеаловъ. Онъ сильнѣе кого-бы то ни было затрогиваетъ живыя струны въ сердцѣ народа; онъ ближе всего вникаетъ въ насущныя нужды массъ и имѣетъ наиболѣе шансовъ занять мѣсто соціальнаго реформатора, народнаго любимца и руководителя въ политическихъ дѣлахъ. Противъ него направляютъ свои удары лучшіе ораторы консервативной партіи; чаще другихъ съ нимъ состязается лордъ Рандольфъ Черчилль, умѣющій говорить много и ѣдко. Объ „утопіяхъ“ Чамберлэна, разсуждаютъ подробно и лордъ Иддеслей (бывшій Стаффордъ-Норскотъ), сэръ Гиксъ-Бичъ, канцлеръ казначейства, и лордъ Гамильтонъ, морской министръ, и сэръ Стенгопъ, министръ народнаго просвѣщенія. Чамберлэнъ не остается въ долгу и при случаѣ обстоятельно отвѣчаетъ оппонентамъ; въ полемикѣ яснѣе освѣщаются мысли и намѣренія политическихъ дѣятелей, къ несомнѣнной выгодѣ публики.

Въ началѣ октября выступилъ съ большою рѣчью и самъ глава кабинета, лордъ Сольсбёри. Рѣчь его, произнесенная въ Ньюпортѣ, имѣетъ значеніе уже независимо отъ интересовъ избирательной агитаціи; ораторъ коснулся и внѣшней политики, причемъ объяснилъ причины поворота въ отношеніяхъ Англіи къ балканскимъ государствамъ со времени подписанія берлинскаго трактата. „Вспомните,— сказалъ, между прочимъ, лордъ Сольсбёри,—что въ то время балканскія земли были заняты иностранною арміею. Еслибы тогда восточная Румелія соединена была съ Болгаріею въ одно государство, то будущее развитіе послѣдняго опредѣлилось бы вліяніемъ завоевателей, стоявшихъ лагеремъ въ сторонѣ. Войско удалилось; съ тѣхъ поръ прошло семь лѣтъ; народность выработала свой спеціальный самостоятельный характеръ, и я положительно утверждаю, что постановленія берлинскаго трактата имѣли въ этомъ смыслѣ весьма благотворное вліяніе. Если обѣимъ Болгаріямъ суждено развить въ себѣ силу, энергію и самобытность націи, то этимъ онѣ будутъ обязаны той заботливости, какую выказываетъ имъ Европа надъ ихъ колыбелью. Притомъ въ исторіи трактатовъ не разъ представляются примѣры, что постановленія ихъ измѣняются по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Можно указать на парижскій трактатъ, по которому раздѣлены были

Молданія и Валахія, и не далѣе какъ черезъ два года онѣ соединились въ Румынію; вѣнскій трактатъ соединилъ Бельгію съ Нидерландами, но не прошло и пятнадцати лѣтъ, какъ онѣ вновь раздѣлились. Трактаты не имѣютъ цѣлью противодѣйствовать чувствамъ и порывамъ населеній; они способствуютъ лишь охранѣ этихъ населеній отъ контроля и вмѣшательства силы. Наша политика требуетъ поддержанія турецкой имперіи, насколько она можетъ быть сохранена въ здравомъ состояніи; но когда ея режимъ оказывается несогласнымъ съ благомъ населеній, то нужно поддерживать и укрѣплять возникающія независимыя народности, которыя внесутъ свѣжіе элементы въ будущее свободное развитіе Европы".

Такъ отзывается о берлинскомъ трактатѣ одинъ изъ главныхъ авторовъ его, одинъ изъ тѣхъ непреклонныхъ туркофиловъ, которыхъ недавно еще громили наши газеты съ благороднымъ негодованіемъ; теперь же наши патріоты охраняютъ берлинскій трактатъ противъ англичанъ и негодуютъ на болгаръ за попытку нарушить комбинацію, придуманную лордами Биконсфильдомъ и Сольсбёри. Славянофильство перемѣстилось въ Лондонъ; а у насъ проповѣдуется польза укрощенія славянъ турецкими войсками,—чего не предвидѣли, конечно, русскіе освободители, погибшіе отъ турецкаго оружія и мечтавшіе о полномъ распаденіи Турціи. Sic transit gloria mundi! Разумѣется, лордъ Сольсбёри очень доволенъ совершившеюся перемѣною въ нашихъ газетныхъ симпатіяхъ; а когда дадутъ себя знать послѣдствія этой перемѣны, мы по обыкновенію припишемъ всю вину англійской или австрійской интригѣ. Лордъ Сольсбёри публично отрекается отъ туркофильства въ то самое время какъ представитель его въ Константинополѣ, сэръ Друммондъ Вольфъ, ищетъ соглашенія съ Турціею по египетскому вопросу; въ этомъ обстоятельствѣ можно видѣть непослѣдовательность, которая, однако, дѣлаетъ честь министру. На митингѣ въ Раутенсталлѣ маркизъ Гартингтонъ разобралъ противорѣчія въ объясненіяхъ и дѣйствіяхъ лорда Сольсбёри относительно восточной политики; но этотъ способъ критики совершенно неоснователенъ, ибо взгляды измѣняются вмѣстѣ съ измѣненіемъ условій, и достоинство программы нисколько не страдаетъ отъ того, что она выработана послѣ цѣлаго ряда колебаній и противорѣчій.

Съ другой болѣе широкой точки зрѣнія нападаетъ на ошибки торіевъ знаменитый Джонъ Брайтъ. „Посмотрите на дѣло Болгаріи и Румеліи,—говорилъ онъ въ Сомерсетѣ,—Россія согласилась на ихъ раздѣленіе вслѣдствіе нашихъ угрозъ, и что же вышло въ результатѣ? Наше правительство готово было вступить въ страшную войну ради ничтожнаго предмета, не стоившаго для насъ и полушиллинга;

явился-бы только поводъ для раздачи титуловъ и пенсій. Еще на этихъ почти дняхъ люди повторяли, со словъ немногихъ газетъ, что споръ Англіи съ Россіею въ афганскомъ вопросѣ — справедливое дѣло; но все это дѣло не стоило и фартинга, и начать войну съ Россіею было-бы величайшимъ преступленіемъ, какое когда-либо совершалось". Между тѣмъ, лордъ Черчилль, въ оригинальномъ воззваніи къ избирателямъ Бирмингама, утверждаетъ смѣло, что избраніе людей, раздѣляющихъ мнѣнія Брайта, свидѣтельствовало-бы о „слѣпотѣ и безуміи народа, который, будучи призванъ къ свободному пользованію старыми вольностями, сознательно и вопреки предостереженіямъ выпустилъ изъ рукъ драгоцѣнное наслѣдство и похоронилъ въ могилѣ прошлаго великую и славную имперію". Смѣлость лорда Черчилля тѣмъ болѣе удивительна, что подобныя „истины" говорятся по адресу давнишнихъ избирателей Брайта, съ цѣлью вытѣснить его изъ твердыни либерализма и занять его мѣсто въ качествѣ представителя Бирмингама въ парламентѣ. Молодой министръ по дѣламъ Индіи пользуется большою популярностью въ публикѣ и въ печати; ему прощается многое въ виду его разнообразныхъ талантовъ, сильно напоминающихъ Дизраэли. Лордъ Черчилль не прочь радикальничать въ духѣ Чамберлэна,—онъ также обѣщаетъ поселянамъ участки земли при посредствѣ мѣстныхъ властей, которымъ разрѣшено было бы для этой цѣли покупать имѣнія подъ контролемъ парламента. „Times" дѣлаетъ ѣдкое замѣчаніе, что лордъ Черчилль имѣетъ странное свойство: полемизируя съ Гартингтономъ, онъ соглашается съ его умѣреннымъ либерализмомъ, а когда критикуетъ Чамберлэна, обнаруживаетъ солидарность съ его радикальными принципами. Таковъ новый типъ торійскаго демократа, совмѣщающій идею государственнаго всемогущества съ тенденціями робкаго соціализма.

Борьба противоположныхъ мнѣній ведется въ Англіи открыто и свободно; нерѣдко въ одномъ и томъ же журналѣ помѣщается нѣсколько политическихъ статей, опровергающихъ себя взаимно, и публикѣ предоставлена роль судьи. Въ октябрьской книжкѣ „Fortnightly Review" находимъ объясненія, исходящія изъ трехъ различныхъ лагерей. Герцогъ Марльборо, старшій братъ лорда Черчилля, рѣзко осуждаетъ „лицемѣріе въ политикѣ" и требуетъ избранія честныхъ торіевъ, ссылаясь на многочисленные грѣхи Гладстона и его сотрудниковъ. Членъ парламента Бреттъ заявляетъ, что палатѣ лордовъ отводится слишкомъ много мѣста въ управленіи страною, и что неудачи бывшаго кабинета происходили отъ присутствія въ немъ значительнаго числа безотвѣтственныхъ пэровъ. Эдуардъ Дисей про-

странно излагаетъ мотивы, побудившіе его отречься отъ либеральной партіи и примкнуть къ консерваторамъ. Наконецъ, Генри Лабушеръ изображаетъ „обѣтованную землю" радикальныхъ реформъ, причемъ пускается въ подробности даже о такихъ щекотливыхъ предметахъ, какъ сокращеніе расходовъ на содержаніе двора, уничтоженіе наслѣдственной верхней палаты и отказъ отъ дѣятельной политики на востокѣ. Читатели могутъ выбирать любую изъ этихъ программъ, и выборъ замѣтно облегчается при наглядномъ сопоставленіи ихъ. Желчная критика герцога Марльборо будетъ понятна только лицамъ его класса; для прочихъ смертныхъ она покажется слишкомъ произвольною и несправедливою, особенно, если вспомнить, что авторъ былъ завзятымъ либераломъ, пока носилъ еще титулъ маркиза Бландфорда. Жалобы Эдуарда Дисея не выходятъ изъ сферы иностранной политики, а эта область не для всѣхъ одинаково интересна; указанія Лабушера крайне заманчивы, хотя слишкомъ односторонни,—такъ что общее впечатлѣніе отъ всѣхъ этихъ статей будетъ примиряющее, безъ рѣзкаго отклоненія въ ту или другую сторону. Такъ же точно и рѣчи соперничающихъ между собою ораторовъ приводятъ къ тому, что текущіе интересы и вопросы, иногда весьма сложные, освѣщаются со всевозможныхъ точекъ зрѣнія, и массѣ общества не трудно уже извлечь средній выводъ, которымъ можно было бы руководствоваться при выборѣ членовъ парламента.

Читая всѣ эти англійскія министерскія и оппозиціонныя рѣчи за послѣднее время, мы невольно забываемъ объ англо-русскомъ конфликтѣ, который казался столь грознымъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ: теперь онъ исчезъ безъ слѣда. Если кто еще упоминаетъ объ этомъ недавнемъ спорѣ, то только какъ о чемъ-то далекомъ и ненужномъ; вражда къ Россіи опять забыта,—по крайней мѣрѣ, она не выражается ни въ печати, ни на митингахъ. Мысль о безразсудности столкновенія, еслибы оно произошло, почти не встрѣчаетъ противорѣчія. Несомнѣнно, что англичане не любятъ и боятся Россіи; но они отлично знаютъ, что не путемъ войны съ великою сѣверною державою будетъ обезпечено господство ихъ въ Индіи, и что для этого есть другія средства, менѣе рискованныя и ближе ведущія къ цѣли. Британская нація, съ ея десятками тысячъ солдатъ, не можетъ думать о кровавой борьбѣ съ имперіею, располагающею милліоннымъ войскомъ; воинственные возгласы, поднимаемые по временамъ въ Англіи, предназначены главнымъ образомъ для внѣшнихъ противниковъ и имѣютъ характеръ маневра, который нерѣдко даетъ блестящіе плоды, какъ это было, напримѣръ, наканунѣ берлинскаго конгресса. Чуть только миновала въ нихъ надобность, возгласы прекращаются, и никакихъ

признаковъ вражды не остается въ общественномъ мнѣніи. Рѣшимость воевать не проходила бы такъ быстро и не возникала бы такъ легко среди мирныхъ англичанъ, еслибы она дѣйствительно соотвѣтствовала чувствамъ населенія и условіямъ международныхъ отношеній. То, что, повидимому, волнуетъ всю страну и правительство въ данный моментъ, отбрасывается въ сторону черезъ нѣкоторое время, какъ нѣчто мелкое и неважное; въ этихъ случаяхъ образъ дѣйствія министровъ и печати опредѣляется лишь возможностью достигнуть какого-либо результата при помощи шумнаго бряцанья несуществующимъ оружіемъ. Случайно возникшій или нарочно подготовленный кризисъ кончается такъ или иначе, и содержаніе спора предается забвенію. Теперь нѣтъ и помину о Россіи и о средней Азіи въ англійскихъ газетахъ; вопросъ кажется исчерпаннымъ на долго. Прежнія угрозы припоминаются только въ видѣ образчиковъ нелѣпаго, комическаго задора; о нихъ говорятъ лишь въ смыслѣ укора легкомыслію тогдашнихъ патріотовъ, а не въ какомъ-либо другомъ болѣе серьезномъ значеніи. Консерваторы, главные виновники произведеннаго шума, совершенно молчатъ объ опасностяхъ бывшаго конфликта; либералы иронически посмѣиваются надъ прошлымъ ослѣпленіемъ, направленнымъ къ надлежащему воздѣйствію на политику Россіи. Ни одинъ здравомыслящій человѣкъ въ Англіи не вѣритъ теперь въ англо-русскую войну,—если не считать немногихъ спеціалистовъ по среднеазіатскому конфликту, въ родѣ Чарльза Марвина и подобныхъ ему дѣятелей.

Но у насъ существуетъ еще безобидный авторъ, убѣжденный въ неминуемости войны и не допускающій даже противорѣчія по этому пункту; это именно составитель двухъ книжекъ объ афганцахъ и англо-русской распрѣ,—книжекъ, разобранныхъ у насъ подробно въ августовской книгѣ „Вѣстника Европы". Мирный проповѣдникъ войны напечаталъ воинственный отвѣтъ на нашу обстоятельную рецензію; въ своемъ отвѣтѣ онъ побѣдоносно возражаетъ на то, чего мы не говорили, и старательно обходитъ наши замѣчанія по существу. Онъ увѣренъ, что его обобщенія не могутъ быть поколеблены указаніями на противорѣчащіе имъ конкретные факты; ему кажется, что обобщать—значитъ фантазировать, безъ всякаго анализа фактическихъ условій вопроса. Онъ говоритъ: „обыкновенно бываетъ такъ-то", и объявляетъ этотъ произвольный тезисъ столь же прочнымъ, какъ статистическій выводъ о средней жизни человѣка въ данной странѣ, — а противъ послѣдняго вывода нельзя, конечно, приводить отдѣльные примѣры. Для болѣе вѣрнаго сравненія авторъ долженъ былъ бы

предположить, что выводъ о средней жизни будетъ формулированъ статистикомъ въ такой формѣ: „обыкновенно въ Европѣ человѣкъ живетъ до 30 лѣтъ". Такъ какъ подобныхъ статистиковъ еще не появлялось, то и ссылка на нихъ автора по меньшей мѣрѣ преждевременна. Увѣреніе автора, что неизбѣжность англо-русской войны есть нѣчто въ родѣ историческаго закона, не заслуживаетъ, разумѣется, серьезной критики. Напрасно также авторъ потревожилъ имена Фурье, Бокля и Конта; они тутъ не при чемъ. Нужно только пожалѣть, что и въ лучшей части нашей журналистики обнаруживается по временамъ неспособность спорить даже о теоретическихъ вопросахъ безъ ненужныхъ рѣзкостей и личныхъ выходокъ. Г. Южаковъ назвалъ свою замѣтки „полемическимъ эксерсисомъ"; желательно, чтобы подобнаго рода „эксерсисы" вышли изъ употребленія въ нашей печати.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е ноября 1885.

—Тѣни прошлаго. Разсказы о былыхъ дѣлахъ. И. Н. Захарьина (Якунина). Спб. 1885.

Въ книжкѣ г. Захарьина собранъ рядъ историческихъ разсказовъ, составленныхъ частію изъ архивныхъ документовъ о событіяхъ первой половины столѣтія (напр., „Холерный бунтъ въ Тамбовѣ въ 1830 году"), частію изъ сообщеній очевидцевъ—о временахъ крѣпостного права, наконецъ, изъ личныхъ воспоминаній. Именно такія „Воспоминанія о Бѣлоруссіи, 1864—1870 гг.", составляютъ самую крупную статью сборника и самую интересную. Собранныя здѣсь статьи были вообще напечатаны раньше въ различныхъ журналахъ — и конечно заслуживали быть теперь собранными.

Оставляя воспоминанія о временахъ давно прошедшихъ, которыя имѣютъ теперь обширную литературу, остановимся на личныхъ воспоминаніяхъ автора. Онъ зналъ Бѣлоруссію по опыту своей службы тамъ въ шестидесятыхъ годахъ, когда по усмиреніи польскаго мятежа вызывались туда русскіе чиновники для разнаго рода службы, а также для „обрусенія" края. Въ 1864 году авторъ отправился на службу въ западный край и былъ въ числѣ дѣятелей этого обрусенія, сначала во времена генерала Муравьева, потомъ при его преемникахъ до 1870 г. Это обрусеніе еще ждетъ своей исторіи, матеріалы для которой собираются пока медленно, потому что время еще слишкомъ близко; но эта исторія чрезвычайно любопытна, и разсказъ г. Захарьина даетъ для нея нѣкоторыя характерныя черты, хотя сущность дѣла и въ этомъ разсказѣ остается все-таки невыясненной. Самъ авторъ стоитъ за обрусеніе муравьевскихъ временъ, которое считаетъ спеціально *русскимъ* дѣломъ, и негодуетъ на послѣдующихъ дѣятелей, правившихъ дѣлами западнаго края, которые не только не продолжали этого дѣла, но совсѣмъ измѣняли ему. Авторъ негодуетъ, что это дѣло, покинутое послѣ Муравьева, стало подвергаться всевозмож-

нымъ нападеніямъ, такъ что, напримѣръ, людей, которые работали въ западномъ краѣ по мировымъ учрежденіямъ для обезпеченія крестьянскихъ интересовъ и были именно исполнителями програмы самого правительства, стали потомъ обзывать „соціалистами“ (какъ это дѣлала пресловутая газета „Вѣсть“, открыто представлявшая интересы польскихъ помѣщиковъ), и дѣятельность этихъ „русскихъ людей“ не находила сочувствія даже и въ той печати, которая въ другихъ случаяхъ горячо защищала народные и крестьянскіе интересы.

„Страннѣе всего,—говоритъ авторъ,—и пожалуй даже, обиднѣе всего было то обстоятельство, что наша либеральная пресса того времени считала своимъ гражданскимъ долгомъ не только глумиться, но даже бросать грязью (?) въ этихъ честныхъ борцовъ за русское дѣло, изгоняемыхъ генераломъ Потаповымъ изъ края, въ которомъ „обрусеніе“ было такъ легкомысленно и неожиданно „отмѣнено“. Несчастные „патріоты“ очутились, вслѣдствіе этого, между двухъ огней: ихъ подвергали остракизму въ Вильнѣ и оплеванію въ Петербургѣ—со стороны либеральной печати. Но еще страннѣе и необычайнѣе было слѣдующее qui pro quo въ русской прессѣ того времени: упомянутые петербургскіе либералы вытаскивали лишь изъ огня каштаны—для газеты „Вѣсть“, издававшейся гг. Скарятинымъ и Юматовымъ... Тѣ и другіе пѣли въ унисонъ по вопросу о „патріотахъ“ Сѣверо-Западнаго края, хотя пѣли совершенно по разнымъ нотамъ. Но газета „Вѣсть“ ставила, по крайней мѣрѣ, вопросъ ребромъ, обвиняя насъ въ соціализмѣ и коммунистическихъ дѣйствіяхъ.. Либеральныя „Отечественныя Записки“ [1]), такъ горячо и неустанно проповѣдывавшія защиту и соціальное обезпеченіе „меньшихъ братій“—т.-е. крестьянъ же—стали кидать грязью въ насъ—„соціалистовъ“ (кличка, данная намъ „Вѣстью“), просто по одному подозрѣнію насъ въ „патріотизмѣ“ (!), чувствѣ весьма консервативномъ, по ихъ мнѣнію, и въ которомъ мы, дѣйствительно, были немного грѣшны... Такъ или иначе, но я, вспоминая о томъ времени, невольно отмѣчаю этотъ фактъ замѣчательнаго единодушія между двумя столь различными направленіями тогдашней прессы и останавливаюсь надъ нимъ въ крайнемъ недоумѣніи... Ясно было, впрочемъ, одно: газета „Вѣсть“ хорошо и тонко знала, что̀ она говоритъ, о чемъ и ради спасенія чего и кого; либеральный же журналъ, а за нимъ и нѣкоторыя газеты впослѣдствіи не знали и не понимали всей важности вопроса, о которомъ принялись разсуждать въ тонъ съ газетою гг. Скарятина и Юматова. Они не хотѣли знать дѣла, а видѣли только людей и

---

[1]) Настоящія „Воспоминанія“ были составлены въ 1883 г. (Прим. г. Зах.).

прежде всего Муравьева. При этомъ, ихъ поверхностный и близорукій петербургскій (?) взглядъ видѣлъ лишь разные подонки и осадки русскаго приказнаго чиновничества, отъ которыхъ спѣшили освободиться многіе губернаторы—„патріоты", начальствовавшіе во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Но Муравьевъ, обыкновенно, отправлялъ эти непригодные транспорты обратно, „въ Россію", на счетъ доставившихъ ихъ губернаторовъ-„патріотовъ". Понятно, что кое-что, не поддающееся уловленію на первыхъ порахъ, оставалось и въ краѣ; но все это, вмѣстѣ взятое, съ присоединеніемъ даже всей тучи „пши", отъ которой не въ силахъ избавиться у насъ ни одинъ генералъ-губернаторъ и намѣстникъ, ни одинъ главнокомандующій (даже и такой, какъ, напримѣръ, Черняевъ въ Сербіи),—все это не составляло собой тѣхъ русскихъ людей, которые явились въ край устроить бытъ и благо шестимилліоннаго крестьянскаго населенія, обнищавшаго, забитаго и низведеннаго панами на степень рабочаго скота"... (стр. 189—192).

Понятно огорченіе автора, который служилъ дѣлу, оцѣнявшемуся такъ несправедливо; но въ разсказахъ самого г. Захарьина находится столько фактовъ, представляющихъ другія стороны этого дѣла, что почтенному автору слѣдовало только самому точнѣе вдуматься въ эти факты, чтобы понять отношеніе печати къ обрусенію. Ограничимся двумя, тремя примѣрами.

Когда г. Захарьинъ въ первый разъ пріѣхалъ въ Вильно для представленія Муравьеву и для полученія мѣста, онъ въ первый же день обѣдалъ съ знакомымъ въ ресторанѣ, гдѣ собиралось русское общество, военное и гражданское: здѣсь „пахло Русью", замѣчаетъ авторъ, слышался повсюду „русскій духъ" и русскій говоръ.

„Не мало встрѣчалось въ этомъ ресторанѣ и искателей приключеній, занесенныхъ сюда единственно желаніемъ наживы, или погонею за карьерой; это была та „золотая молодежь", которая являлась сюда изъ Петербурга съ рекомендательными письмами къ Муравьеву отъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, или съ просительными—отъ своихъ вліятельныхъ бабушекъ и тетушекъ. Они составляли въ ресторанѣ свой особый кружокъ, у нихъ за обѣдомъ лилось шампанское, слышались циническіе разсказы, игривыя французскія пѣсенки... Русское дѣло, служеніе идеѣ, обрусеніе терроризованнаго края—все это были для нихъ смѣшныя и непонятныя слова, не приносящія, вдобавокъ, никакого пока дохода... Этихъ господъ въ Вильнѣ было не мало; они считались или при (по-польски—пши) различныхъ канцеляріяхъ и присутственныхъ мѣстахъ, или же числились „состоящими въ распоряженіи генералъ губернатора". Не мало зла впослѣдствіи причинили эти люди русскому дѣлу въ краѣ, не разъ они срамили

и компрометировали русское имя!.. Виленскіе чиновные поляки и окрестили ихъ поэтому весьма характернымъ названіемъ, состоящимъ всего изъ трехъ буквъ: „пши“... т.-е.—при генералъ-губернаторѣ; а такъ какъ этихъ „пши“ было въ Вильнѣ тьма-тьмущая и запомнить фамиліи ихъ не было никакой возможности, то ихъ, обыкновенно, и называли по нумерамъ—въ тѣхъ случаяхъ, если приходилось упоминать о нихъ.

— Вы слышали (говорилось, напримѣръ), „пши“ № 15-й опять скандалъ учинилъ—побилъ содержательницу „пансіона“, Рахиль Лебензоншу? Или:— А „пши“ № 29-й опять приглашался къ полиціймейстеру: травилъ собакою поляка портного, когда тотъ пришелъ къ нему со счетомъ...

„И все въ томъ же родѣ... „Пши“ эти ровно ничего не дѣлали, фланировали по Вильнѣ, кутили и буянили. На нихъ, въ большинствѣ случаевъ, ни было ни суда, ни управы, такъ какъ никакихъ мировыхъ судей въ то время еще не существовало, и жаловаться надо было въ ту же полицію“ (стр. 175—177).

Когда открытъ былъ 5-милліонный фондъ для покупки польскихъ имѣній въ русскія руки, большинство этихъ дѣятелей превратилось въ русскихъ помѣщиковъ и заговорило объ „обрусеніи“ края. Авторъ, разумѣется, не очень сочувствуетъ подобнымъ явленіямъ и, чтобы похвалить нѣкоторыхъ достойныхъ лицъ тогдашняго управленія, замѣчаетъ, что они „не покупали“ имѣній въ западномъ краѣ. Было, значитъ, въ глазахъ самого автора что-то неладное въ способахъ обрусенія, которое онъ считаетъ національнымъ русскимъ дѣломъ?

Еслибы авторъ отдалъ себѣ отчетъ въ многочисленныхъ фактахъ тогдашней западно-русской жизни, образчики которыхъ мы привели изъ его разсказовъ, онъ безъ труда могъ бы видѣть, почему русская печать относилась съ такимъ несочувствіемъ къ этой формѣ „русскаго дѣла“. Нѣтъ сомнѣнія, что было прекраснымъ дѣломъ облегчить положеніе несчастныхъ крестьянъ западнаго края, сколько-нибудь освободить отъ лежавшаго на нихъ гнета, дать покровительство племени и вѣрѣ, слишкомъ долго пренебрегаемымъ; внѣ всякаго сомнѣнія почтенна была дѣятельность тѣхъ мировыхъ посредниковъ, которымъ приходилось защищать крестьянскіе интересы, улаживать споры крестьянъ и помѣщиковъ, помогать устройству школъ и т. п., и авторъ напрасно думалъ бы, что русское общество не оцѣнивало этой стороны тогдашнихъ отношеній, и совершенно ошибочно полагаетъ также, что дѣятельность генерала Муравьева не встрѣчала похвалъ со стороны русской печати. Совершенно напротивъ: печать первой половины шестидесятыхъ годовъ преисполнена восторженными восхваленіями дѣятельности генерала Муравьева— и только лѣтъ черезъ двад-

цать, въ запискахъ покойнаго Н. В. Берга, явилась иная оцѣнка его дѣяній. Получила тогда свою долю восхваленій и дѣятельность мировыхъ посредниковъ,—но къ сожалѣнію, дѣло состояло не только въ однихъ подобныхъ фактахъ. Управленіе генерала Муравьева имѣло вообще формы, которыя на самого русскаго дѣятеля, автора настоящей книжки, имѣли пугающее дѣйствіе; дѣйствительно, оно не только вводило „порядокъ", но терроризировало весь край, а между тѣмъ развязывало руки и такимъ господамъ, какихъ изображаетъ выше самъ авторъ, и на которыхъ, по словамъ его, нельзя было найти никакой управы; послѣ, эти дѣятели стали пріобрѣтать въ краѣ польскія имѣнія, а наконецъ даже и распространять православіе... Какъ ни стѣснена была печать того времени относительно дѣлъ западнаго края, но въ общество проникало достаточно свѣденій о томъ, что́ тамъ дѣлалось, и весьма естественно было, что факты этого послѣдняго рода не внушали особеннаго сочувствія. Обществу могло казаться, и совершенно справедливо, что факты подобнаго рода не только не составляютъ помощи „русскому дѣлу", но прямо уничтожаютъ и компрометируютъ его. Какъ мы видѣли, самъ авторъ въ настоящей книжкѣ имѣетъ объ этихъ фактахъ то же самое мнѣніе; что же было дѣлать съ ними тогдашнему общественному мнѣнію, насколько оно могло выразиться въ печати?

Съ другой стороны, автору слѣдовало бы лучше опредѣлить себѣ то, что онъ называетъ „русскимъ" дѣломъ. Очень пріятно слышать, что русскимъ онъ называетъ такое прекрасное и сочувственное дѣло, какъ помощь западному угнетенному крестьянству; но русскіе дѣятели являлись въ западный край не съ одной этой прекрасной задачей. Къ прекрасной идеѣ, которая въ самой русской жизни была еще слишкомъ недавней новостью, которой было всего три-четыре года послѣ 19-го февраля 1861 года,—къ этой прекрасной идеѣ, которую можно было назвать русскою, присоединялось многое другое не менѣе русское въ характерѣ тогдашней бюрократіи. По разсказу самого автора, когда сдѣланъ былъ вызовъ русскихъ чиновниковъ въ западный край, то доставленъ былъ изъ внутреннихъ губерній многочисленный запасъ такихъ дѣятелей, которыхъ Муравьевъ отправлялъ назадъ „цѣлыми транспортами"; но по другимъ разсказамъ автора остался цѣлый запасъ людей, которымъ онъ придаетъ эпитетъ „саранчи". Къ сожалѣнію, эта саранча была также произведеніемъ русской жизни; т.-е. съ лучшими идеями, какія могли быть принесены тогда, приносимы были и тѣ недостатки, которыми страдала сама русская жизнь. Общественное мнѣніе,—какъ, повторяемъ, ни мало знало оно о дѣлахъ западнаго края,—видѣло, однако, эту суще-

ственную сторону тогдашнихъ дѣлъ, и отсюда несочувствіе, на которое жалуется авторъ.

Не будемъ говорить о томъ, какъ должно было бы совершаться дѣйствительное обрусеніе; но во всякомъ случаѣ— не такими средствами, какихъ тогда слишкомъ много было пущено въ ходъ и которыхъ опять не одобряетъ самъ авторъ книжки.

Такимъ образомъ, является нѣсколько произвольнымъ употребленіе термина „русское дѣло". Напр., русской является у автора дѣятельность генерала Муравьева; не знаемъ, русской или нѣмецкой была дѣятельность генерала Кауфмана (авторъ говоритъ о ней недостаточно); очевидно, не-русской представляется дѣятельность генерала Потапова. Можно подумать, что въ самомъ дѣлѣ не были ли это люди разныхъ національностей, дѣйствовавшихъ каждый по собственному вкусу и произволу: одинъ былъ русскій и дѣйствовалъ по-русски; другой былъ не-русскій и дѣйствовалъ противъ русскихъ интересовъ или противъ Россіи? Извѣстно, однако, что всѣ три генерала, и Муравьевъ, и Кауфманъ (не смотря на его нѣмецкую фамилію), и Потаповъ, были совершенно русскіе люди. Могла быть, конечно, разница въ ихъ дѣйствіяхъ, зависѣвшая отъ склада личнаго характера, но никакъ она не могла зависѣть только отъ ихъ личнаго вкуса; ихъ дѣйствія были въ связи съ направленіями высшей правительственной сферы, несомнѣнно русской.

Прибавимъ еще одно замѣчаніе.—Вопросъ о западномъ краѣ такъ сложенъ, что онъ никакъ не рѣшается приговорами въ родѣ тѣхъ, какіе дѣлаетъ г. Захарьинъ, или изображеніями какой-нибудь одной стороны дѣла или одного ряда фактовъ. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности этого сложнаго вопроса, но въ образчикъ его сложности укажемъ, напр., на явившуюся недавно статью г. Владимірова (одного изъ хорошихъ знатоковъ дѣлъ западнаго края): „Изъ новѣйшей лѣтописи сѣверо-западной Россіи—Исторія плана располяченія католицизма западной Россіи 1865 г." (въ „Р. Старинѣ" 1885, октябрь). Вотъ одно изъ замѣчаній, какія дѣлаетъ этотъ знатокъ западнаго края: „насильственныя религіозныя обращенія въ западной Россіи страшно повредили здѣсь государственнымъ интересамъ. Возсоединяя западно-русскій народъ религіозно, мы отторгали его отъ Россіи политически и національно, вооружали его противъ нея, вызывали въ немъ ненависть и озлобленіе къ самому имени „русскаго". Можно быть совершенно увѣреннымъ, что любовь и благодарность къ русскому правительству въ западно-русскомъ населеніи за освобожденіе его отъ рабства и устройство его быта были сильно парализованы послѣдовавшими затѣмъ „обращеніями".

Не было ли чего нибудь подобнаго и въ другихъ отношеніяхъ?

—Тяжелая память прошлаго. Разсказы изъ дѣлъ Тайной канцеляріи и другихъ архивовъ. Г. В. Есипова. Спб., 1885.
—Разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка, по архивнымъ документамъ. А. Барсукова. Спб., 1885.
—Историческіе разсказы и анекдоты изъ жизни русскихъ государей и замѣчательныхъ людей XVIII и XIX столѣтій. Спб., 1885.

Историческій интересъ все больше распространяется въ нашей литературѣ. Ему посвящено три особыхъ изданія: „Р. Архивъ“ „Р. Старина“, „Историческій Вѣстникъ“ и даже четыре, если прибавить „Кіевскую Старину“; постоянно выходятъ отдѣльныя книги въ родѣ тѣхъ, заглавія которыхъ мы выписали. Все это разсчитано на чтеніе популярное. Въ то же время является въ свѣтъ обильная масса сырого документальнаго матеріала, въ изданіяхъ различныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій, и частныхъ лицъ.

Упомянутыя популярныя книги не лишены впрочемъ и значенія научнаго. Таковы, напр., работы г. Есипова. Онъ началъ ихъ давно, въ первые годы прошлаго царствованія, когда впервые открыты были государственные архивы для любителей и спеціалистовъ исторіи; въ то время выработалась и та форма, въ какой являются собранные теперь разсказы. До тѣхъ поръ архивы были, за очень немногими исключеніями, недоступны: это означало, что оставалась недоступна для историческаго изученія цѣлая масса фактовъ старой жизни,—и особливо фактовъ закулисной исторіи, какая скрывалась напримѣръ въ дѣлахъ тайной канцеляріи. Въ большинствѣ общества,—не знавшаго своей исторіи,—первой потребностью было удовлетвореніе любопытства относительно этой закулисной стороны прошлаго; любопытство одинаково одолѣвало и историковъ и ихъ читателей. Изученіе цѣлой эпохи по вновь открывшимся источникамъ было дѣло трудное, и не всякому доступное, между тѣмъ и отдѣльные эпизоды были чрезвычайно характерны. Отсюда та форма эпизодическихъ разсказовъ, на основаніи старыхъ дѣлъ, въ какой стали тогда являться плоды архивныхъ занятій гг. Есипова, М. Семевскаго и др. Тайная канцелярія была конечно особенно любопытна, потому что „дѣла“ ея раскрывали дѣйствительно чрезвычайно характерную подноготную „добраго стараго времени“. Достаточно было взять любое дѣло тайной канцеляріи и готовъ былъ историческій эпизодъ, отъ котораго морозъ подиралъ по кожѣ... Это ли не историческій интересъ? Передавая содержаніе документовъ, новые историки не слѣдовали впрочемъ буквальному тексту и давали разсказу полу-беллетристическую форму, быть можетъ, подъ вліяніемъ явившихся передъ тѣмъ первыхъ трудовъ Костомарова: они вводили описанія, разговоры дѣйствующихъ лицъ и т. п. Безъ сличенія съ

подлинными документами трудно сказать, насколько они оставались вѣрны тексту документовъ или позволяли себѣ собственныя добавки и украшенія; думаемъ скорѣе, что въ большинствѣ случаевъ они передавали содержаніе своихъ источниковъ довольно точно. Изъ дѣлъ тайной канцеляріи заимствованы были первые разсказы г. Есипова, его разсказы по исторіи раскола, и нынѣшняя книжка, разсказы которой простираются на все XVIII столѣтіе, отъ временъ Петра Великаго и до имп. Павла. Прибавимъ, что въ прошломъ году вышла вторымъ изданіемъ давнишняя книга подобнаго содержанія г. М. Семевскаго: „Слово и Дѣло" съ разсказами изъ временъ Петра Великаго, 1700—1725; а въ послѣднихъ книжкахъ „Р. Старины" начатъ новый рядъ пересказовъ изъ тѣхъ же дѣлъ тайной канцеляріи.

Книга г. Александра Барсукова представляетъ разсказы болѣе обработанные изъ временъ Елизаветы Петровны и Екатерины II: Іоасафъ Батуринъ (эпизодъ изъ исторіи царствованія Елизаветы Петровны); Узникъ Спасо-Евѳиміева монастыря (сумасшедшій баронъ Ашъ, считавшій во времена Екатерины II настоящимъ наслѣдникомъ русскаго престола И. И. Шувалова, который былъ по его мнѣнію сыномъ имп. Анны и Бирона); Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ; Гатчинскія преданія объ Орловѣ; Батюшковъ и Опочининъ (слѣдственное дѣло „о говореніи важныхъ злодѣйственныхъ словъ"); Шкловскіе авантюристы. И здѣсь опять мы встрѣчаемся съ тайно-канцелярскими исторіями и анекдотическимъ матеріаломъ, но есть и цѣльные историческіе очерки, какъ напр. біографіи Григорія Орлова и Зорича (послѣдняя въ статьѣ: „Шкловскіе авантюристы").

Какъ мы сказали выше, эта анекдотическая исторія развилась у насъ весьма естественно, когда явилась первая возможность говорить о событіяхъ нашей внутренней жизни прошлаго времени, которыя до тѣхъ поръ оставались недоступны для изслѣдованія, какъ крѣпко были заперты самые архивы. Къ сожалѣнію, слишкомъ медленно развивается исторіографія другого рода, которая представляла бы цѣльную картину старыхъ временъ въ органической связи ея внѣшнихъ и внутреннихъ бытовыхъ явленій. Вновь раскрываемые факты, безъ сомнѣнія, очень характерны, но истинное значеніе исторіи не состоитъ конечно въ поверхностномъ интересѣ анекдотическихъ разсказовъ, а въ объясненіи внутренняго смысла событій и, въ концѣ концовъ, въ объясненіи того склада народныхъ понятій и характера, которые образуются подъ вліяніемъ подобныхъ порядковъ жизни. Эта народно-психологическая сторона исторіи у насъ вообще, къ сожалѣнію, слишкомъ мало находитъ вниманія у изслѣдователей.

Послѣдняя книжка не ставитъ никакихъ историческихъ вопросовъ и представляетъ большой, и недурно составленный, сборникъ

анекдотическихъ курьезовъ, отличающійся отъ обыкновенныхъ Anekdotenjäger'овъ тѣмъ, что указываетъ самые источники, изъ которыхъ собраны исторіи. Въ числѣ этихъ источниковъ есть, между прочимъ, рѣдкія книги, напр., иностранныя сочиненія о Россіи конца прошлаго столѣтія.

— Краткій Словарь шести славянскихъ языковъ (русскаго съ церковнославянскимъ, болгарскаго, сербскаго, чешскаго и польскаго), а также французскій и нѣмецкій, по порученію его императорскаго высочества принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго составленный подъ редакціею профессора Ф. Миклошича. Спб. и Москва; Вѣна, 1885.

Въ послѣдніе годы своей жизни принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій возъимѣлъ мысль о необходимости обще-славянскаго словаря и исполненіе этой мысли передалъ въ руки лица весьма компетентнаго—знаменитаго славянскаго филолога, вѣнскаго профессора и академика, Франца Миклошича, назначивъ довольно значительную сумму на издержки составленія и изданія словаря. Работа продлилась нѣсколько лѣтъ, и въ результатѣ является настоящее изданіе. Этотъ „краткій" словарь представляетъ книгу, въ большую восьмушку, въ 955 стр., гдѣ шесть славянскихъ языковъ и два не-славянскихъ расположены такъ: на двухъ страницахъ en regard размѣщены семь столбцовъ, гдѣ въ первомъ столбцѣ поставлены слова русскаго и церковно-славянскаго языка (и послѣднія отличены церковнымъ шрифтомъ), затѣмъ слѣдуетъ языкъ болгарскій, сербскій, чешскій, польскій, французскій, нѣмецкій. Сотрудниками Миклошича были В. Никольскій (покойный профессоръ петербургской духовной академіи и александровскаго лицея), Стоянъ Новаковичъ (извѣстный сербскій филологъ и историкъ литературы), А. Маценауеръ (филологъ чешскій) и А. Брюкнеръ (филологъ польскій, преемникъ г. Ягича на славянской каѳедрѣ въ берлинскомъ университетѣ).

Настоящій словарь есть первый словарь подобнаго рода въ славянской литературѣ. Важность его понятна; представляя чрезвычайно полезное пособіе для другихъ славянъ, изучающихъ русскій языкъ и читающихъ русскія книги, онъ столь же полезенъ для русскихъ, изучающихъ славянскія нарѣчія. Составленіе словаря есть вообще дѣло очень трудное; тѣмъ труднѣе оно было здѣсь, гдѣ надо было соединить такое количество разныхъ языковъ. Нелегко было опредѣлить объемъ словаря—гдѣ должны были найти мѣсто необходимѣйшія слова и вмѣстѣ надо было избѣжать переполненія, которое слишкомъ увеличило бы размѣры книги; нелегко было соблюсти точное соотвѣтствіе значеній словъ по всѣмъ языкамъ; особыя трудности

долженъ былъ представлять отдѣлъ болгарскій, при томъ еще далеко не установившемся броженіи, въ какомъ находится до сихъ поръ болгарскій литературный языкъ; извѣстныя трудности представляла, наконецъ, внѣшняя сторона дѣла—возможно наглядное размѣщеніе словарнаго матеріала. Проф. Миклошичъ выполнилъ свою задачу весьма счастливо и съ обычной точностью его ученыхъ работъ; этотъ первый обще-славянскій словарь займетъ почетное мѣсто въ ряду его многочисленныхъ трудовъ въ области славянской филологіи, и является новымъ примѣромъ неутомимой дѣятельности знаменитаго ученаго, недавно праздновавшаго свой пятидесятилѣтній юбилей.—А. П.

— А. П. Субботинъ. Россія и Англія на среднеазіатскихъ рынкахъ. Спб. 1885 г.

Брошюра г. Субботина заключаетъ въ себѣ толково составленный очеркъ среднеазіатскихъ дѣлъ съ точки зрѣнія экономическихъ интересовъ Англіи и Россіи. Не слѣдуетъ искать чего-либо новаго или оригинальнаго въ разсужденіяхъ автора; фактическія данныя также разработаны у него довольно слабо, и при обиліи матеріала, накопившагося со времени выхода книги г. Терентьева въ 1876 году („Россія и Англія въ борьбѣ за рынки"), можно было ожидать болѣе обстоятельнаго труда по этому предмету. Но въ общемъ „историко-экономическій этюдъ" г. Субботина производитъ пріятное впечатлѣніе и читается съ интересомъ.

Въ англо-русскомъ конфликтѣ авторъ видитъ „столкновеніе интересовъ не столько политическихъ, сколько экономическихъ"; онъ сходится въ этомъ со многими другими писателями, отыскивающими мотивы военныхъ предпріятій въ разсчетахъ и выгодахъ торговаго сословія. Относительно Англіи эти мотивы имѣютъ несомнѣнную силу и выражаются ясно въ дѣйствіяхъ государственныхъ людей, опирающихся на господствующій промышленный классъ и на большинство представителей его въ парламентѣ; у насъ же коммерческія соображенія должны по необходимости играть второстепенную роль, при слабости нашего промышленнаго развитія и при преобладаніи сельско-хозяйственныхъ интересовъ. Если нѣкоторыя московскія фирмы пытались установить прочныя торговыя связи съ средней Азіею, то это далеко еще не значитъ, что „Россія обнаруживаетъ естественное стремленіе отыскивать и расширять рынки для своихъ товаровъ въ глубинѣ Средней Азіи". Подобное стремленіе, если оно существуетъ, было бы отчасти бездѣльно, ибо наши фабрики и заводы могутъ имѣть достаточный сбытъ въ обширныхъ предѣлахъ Россіи. Приносить какія-либо жертвы для облегченія сбыта залежалыхъ или

дурного качества товаровъ на среднеазіатскіе рынки—не было бы ни малѣйшаго основанія; это была бы неразумная трата государственныхъ средствъ, а вовсе не сознательная политика, имѣющая свои глубокія экономическія основы, какъ думаетъ, повидимому, г. Субботинъ. По справедливому замѣчанію автора, черезъ теперешнюю Россію пролегали торговые пути между Западомъ и Востокомъ еще „въ ту отдаленную эпоху, когда и Россіи не существовало"; позднѣе „этотъ византійско-азіатскій транзитъ дѣятельно продолжался, а затѣмъ русскіе и сами завели свою торговлю съ отдаленнымъ сказочнымъ Востокомъ". Уже въ XVI и XVII столѣтіяхъ въ Россіи „проявлялся протестъ противъ торговаго преобладанія англичанъ"; московское правительство „не допускало иностранцевъ на тѣ восточные рынки, гдѣ пріобрѣли право гражданства русскіе торговцы". Но отношенія кореннымъ образомъ измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ путь въ Индію сдѣлался морскимъ и доступъ въ Среднюю Азію открылся англичанамъ помимо Россіи; европейско-азіатская транзитная торговля перестала направляться черезъ наши владѣнія, и только самостоятельныя предпріятія русскихъ коммерсантовъ изрѣдка напоминали о торговыхъ интересахъ нашихъ на далекомъ Востокѣ. При Петрѣ I, какъ полагаетъ г. Субботинъ, окончательно установленъ былъ „принципъ выгодности сношеній Россіи съ Востокомъ, такъ какъ о водвореніи русскихъ фабрикантовъ на рынкахъ Западной Европы нечего было и мечтать"; но о какомъ „водвореніи" нашихъ продуктовъ въ Средней Азіи могла быть рѣчь, если „тогда у насъ фабрикація была въ примитивномъ видѣ", по признанію самого автора? Мимоходомъ затрогивается болѣе важная сторона вопроса и указывается печальное положеніе пограничныхъ областей, разоряемыхъ разбойничьими набѣгами: „на нашихъ глазахъ здѣсь пролито море крови,—говоритъ авторъ,—и практиковались избіенія, невиданныя въ исторіи, превзошедшія прежнія нашествія гунновъ и монголовъ и идущія въ сравненіе развѣ только съ индійскими голодовками, погубившими многіе милліоны жизней; такія избіенія en masses практиковались болѣе всего въ богатой и населенной Илійской долинѣ, гдѣ въ 1758 году манджуры велѣли перерѣзать всѣхъ калмыковъ, которыхъ и погибло болѣе милліона; на мѣсто ихъ водворили таранчей и дунганъ, которые въ 60-хъ годахъ нашего столѣтія возстали противъ своихъ господъ и поголовно перебили манджуровъ, солоновъ и сибо; по разсказамъ туземцевъ ихъ погибло около двухъ милліоновъ" и т. д. Такого рода событія близъ нашей границы гораздо сильнѣе побуждали насъ къ вмѣшательству, чѣмъ фантастическія торговыя цѣли,—особенно если вспомнить набѣги кочевниковъ въ русскіе предѣлы, торгъ невольниками въ Хивѣ и тому подобные факты, о которыхъ упоминаетъ

и г. Субботинъ. Тѣмъ не менѣе, авторъ убѣжденъ въ преобладаніи коммерческихъ интересовъ въ нашей средне-азіатской политикѣ; ему кажется, что русскія войска посылались въ степи и погибали въ битвахъ для того, чтобы облегчить русскимъ караванамъ доступъ „къ недостижимымъ прежде рынкамъ". Съ 70-хъ годовъ, по словамъ автора, „русскіе торговцы стали твердою ногою въ Средней Азіи. Торговля русскими товарами, хотя медленно, но постепенно стала разрастаться, а районъ сбыта—расширяться. Нѣкоторыя (!) русскія фирмы завели постоянныхъ агентовъ на главныхъ рынкахъ и завязали непосредственныя сношенія съ мѣстными производителями сырья и съ потребностями русскихъ фабрикантовъ". Не забавно ли это сопоставленіе тяжелыхъ кровавыхъ жертвъ съ фактомъ успѣха „нѣкоторыхъ фирмъ" и ихъ агентовъ? Самъ авторъ, характеризуя „страну, вновь дарованную намъ провидѣніемъ", долженъ былъ признать, что „роль русской коммерціи на главномъ рынкѣ подвластныхъ намъ земель въ Средней Азіи—очень не блестящая". Прежде, —говоритъ онъ по поводу Бухары,—нѣкоторыя отрасли торговли были въ русскихъ рукахъ; теперь онѣ отъ насъ ушли, и почти вся русско-бухарская торговля ведется бухарцами, афганцами, индусами и евреями. По трактату, заключенному съ бухарскимъ эмиромъ, русскимъ, кромѣ другихъ выгодъ, предоставлено свободно торговать во всемъ ханствѣ, заниматься всякими промыслами, пріобрѣтать недвижимость, плавать по рѣкѣ Аму-Дарьѣ, устраивать по берегамъ ея пристани и склады. Но всѣми этими льготами русскіе почти не воспользовались; въ 1884 году сюда не было еще телеграфа; теперь съ телеграфомъ сношенія облегчились, и въ Бухарѣ живутъ довѣренные четырехъ (!) фирмъ".

Говоря о полунезависимыхъ ханствахъ, въ родѣ Кундуза, авторъ замѣчаетъ, что „русскіе патріоты (?) давно указывали на эту страну, какъ на необходимое дополненіе къ русскому Туркестану",—причемъ не дѣлаетъ отъ себя никакой оговорки; относительно Герата высказано прямо, что „страна тяготѣетъ скорѣе (?) къ русскимъ владѣніямъ",—хотя неизвѣстно, чѣмъ именно выражается это тяготѣніе. „Теперь,—объясняетъ г. Субботинъ,—русскіе торговцы еще не пользуются созданными для нихъ благопріятными условіями, отчасти по малому знакомству съ условіями края, отчасти по недостатку предпріимчивости. Между тѣмъ, для торговли здѣсь представляется много удобныхъ плановъ (?) въ смыслѣ развитія сношеній съ прилегающими богатыми странами". Гдѣ же тутъ матеріалъ для торговаго соперничества съ Англіею, которому авторъ приписываетъ главную роль въ англо-русскомъ конфликтѣ? Даже по отношенію къ принадлежащей намъ Туркестанской области оказывается, „что русское влія-

ніе на хозяйственную культуру края... до сихъ поръ еще не велико" (стр. 49). И все-таки, по мнѣнію автора, теперь „настаетъ моментъ... экономическаго оттиранія англичанъ отъ средне-азіатскихъ рынковъ, конечно, если сами русскіе признаютъ эти рынки для себя полезными и не захотятъ отъ нихъ отказаться (!)". Какъ примирить эту предвзятую теорію съ отсутствіемъ фактическихъ условій успѣшной русской конкурренціи на средне-азіатскихъ рынкахъ?

Г. Субботинъ въ немногихъ словахъ изображаетъ положеніе Индіи подъ гнетомъ „просвѣщенныхъ, но алчныхъ къ наживѣ гражданъ свободной Британіи". Масса туземцевъ,—говоритъ онъ,—съ охотою выселилась бы, еслибы имѣла на это средства; они понимаютъ, что лучше жить во всякомъ другомъ государствѣ (?), гдѣ хотя и были бы такіе же поборы, но ихъ расходовали бы въ самой странѣ". Мы сильно сомнѣваемся въ этой готовности индусовъ подчиниться „всякому другому государству". Впрочемъ,—заявляетъ авторъ какъ бы въ видѣ уступки,—въ послѣднія 25 лѣтъ Англія успѣла много сдѣлать въ Индіи и пытается стать на хорошую дорогу. Въ нашихъ же средне-азіатскихъ владѣніяхъ, за обладаніе которыми въ 15 послѣднихъ лѣтъ мы приплатили изъ государственнаго казначейства около 100 милліоновъ рублей, дѣлаются пока только спорадическія попытки къ установленію нашего торговаго вліянія". Если смотрѣть на англо-русскій споръ съ точки зрѣнія торговаго соперничества, то не трудно придти къ выводу, что нѣтъ вовсе серьезной почвы для кризиса и борьбы,—ибо не станетъ же Россія воевать ради увеличенія доходовъ „нѣкоторыхъ фирмъ" и ихъ агентовъ. Поэтому авторъ, хотя и проникнутый сознаніемъ важности коммерческой стороны средне-азіатскихъ дѣлъ, могъ спокойно закончить свою брошюру миролюбивыми строками о нашихъ будущихъ отношеніяхъ съ Англіею. „Россія и Англія,—разсуждаетъ онъ,—вмѣсто того, чтобы держать камни за пазухою, могутъ прямо и искренно вступить въ стадію мирныхъ и производительныхъ сношеній, не предъявляя никакихъ эфемерныхъ правъ на чужіе рынки. Это, разумѣется, ничего не принесетъ обѣимъ сторонамъ, кромѣ хорошей обоюдной пользы. Россія пусть займется устройствомъ своихъ среднеазіатскихъ владѣній и установленіемъ удобныхъ сношеній съ Афганистаномъ, Кашмиромъ, Кашгаріей, Персіей и съ другими прилегающими странами. Англіи предстоитъ усиленно заняться улучшеніемъ быта туземцевъ въ Индіи и насажденіемъ иной, болѣе здравой экономической политики, относительно этой страны. Когда обѣ страны выполнятъ свои миссіи и упорядочатъ внутреннія сношенія на пространствѣ отъ Урала до Бенгальскаго залива, тогда на всей этой обширной площади будетъ упроченъ усиленный обмѣнъ между ея разнохарактерными мѣстно-

стики, а также мирная торговля между Средней Азіей и Индіей, выгодная для бюджетовъ Россіи и Англіи". Все это было бы такъ, еслибы, дѣйствительно, дѣло шло только о борьбѣ за рынки, и еслибы вообще международныя столкновенія могли быть сведены къ вопросамъ экономическаго соперничества.

— Торгово-промышленныя стачки. Д. Пихно. Кіевъ, 1885.

Небольшой этюдъ г-на Пихно касается вопроса, весьма важнаго въ практическомъ отношеніи,—вопроса о томъ, какъ должно относиться законодательство къ стачкамъ промышленниковъ и производителей, направленныхъ противъ интересовъ публики. Если стачки рабочихъ, вынуждаемыя нерѣдко бѣдственнымъ положеніемъ трудящагося люда, подвергаются строгимъ преслѣдованіямъ и наказаніямъ, то справедливость требовала бы соотвѣтственныхъ запретительныхъ мѣръ по отношенію къ стачкамъ хозяевъ, вызываемымъ жаждою наживы. Г. Пихно въ своемъ изложеніи руководствуется, главнымъ образомъ, книгою нѣмецкаго ученаго, Клейнвехтера, и прибавляетъ отъ себя нѣкоторыя критическія замѣчанія, освѣщая ихъ фактами изъ русской экономической жизни. Нельзя сказать, чтобы мысли автора были вполнѣ ясны и послѣдовательны; рядомъ съ ненужными фактическими свѣденіями замѣчается отсутствіе указаній по существеннымъ пунктамъ вопроса, и вся брошюра приводитъ лишь къ предварительной постановкѣ задачи, которую предстоитъ рѣшить при пересмотрѣ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ. Никакихъ положительныхъ выводовъ авторъ не дѣлаетъ и никакихъ рѣшеній не предлагаетъ; онъ ходитъ кругомъ и около вопроса, приводитъ разныя справки, полемизируетъ съ Клейнвехтеромъ и другими, а въ концѣ избѣгаетъ даже высказаться прямо, слѣдуетъ ли принять принципъ наказуемости или ненаказуемости стачки. Читатель могъ бы обойтись безъ подробнаго текста договора дортмундскихъ углепромышленниковъ, занимающаго цѣлыхъ четыре страницы (стр. 11—14); болѣе интересны свѣденія о стачкѣ русскихъ страховыхъ обществъ, которая сильно даетъ себя чувствовать владѣльцамъ страхуемыхъ имуществъ. „Чрезмѣрная высота страховыхъ премій, бывшая результатомъ стачки страховыхъ акціонерныхъ компаній,—по словамъ автора,—вызвала болѣе энергическія усилія къ развитію земскаго страхованія и обществъ взаимнаго страхованія въ городахъ. Коалиція страховыхъ компаній тотчасъ же объявляетъ новому сопернику войну, которая съ большимъ успѣхомъ для компаніи ведется до настоящаго времени и тормазитъ развитіе взаимнаго страхованія" (стр. 27 и сл.).

Авторъ оспариваетъ мнѣніе, что крупныя стачки могутъ регулировать промышленность и водворить въ ней порядокъ на мѣсто нынѣшней анархіи; „ибо такой регуляторъ для того, чтобы принести пользу народному хозяйству, долженъ стоять на точкѣ зрѣнія народнаго, а не частнаго хозяйства, руководиться принципами, охватывающими и примиряющими частные и общественные интересы;— между тѣмъ стачки по самому своему существу не въ состояніи руководиться подобными принципами общественной пользы: онѣ служатъ выраженіемъ и проводникомъ частныхъ и одностороннихъ интересовъ, съ тою лишь разницею, что эти односторонніе интересы будутъ дѣйствовать не въ одиночку, а какъ массовая организованная сила". Авторъ справедливо полагаетъ, что „развитіе стачекъ и покровительство имъ со стороны закона представляются съ экономической точки зрѣнія нежелательными и опасными"; но о покровительствѣ и безъ того не могло бы быть и рѣчи, такъ что приведенное заключеніе въ сущности ничего собою не выражаетъ. Въ брошюрѣ вкратцѣ разбирается также юридическая сторона вопроса, причемъ приводятся возраженія противъ толкованій г. Неклюдова по поводу соотвѣтственныхъ статей нашего уложенія о наказаніяхъ.

— Русско-балканскій торговый вопросъ. А. I. Мураневича. Москва, 1885.

Въ книжкѣ г. Мураневича, какъ предупреждаетъ самъ авторъ въ предисловіи, „разсказывается сколько печальная, столько же и поучительная исторія вопроса о русско-балканской торговлѣ за послѣдніе четыре года, излагаются доводы неотложной необходимости удовлетворительнаго разрѣшенія его и причины, которыми обусловливаются неудачныя до сего времени попытки, достичь этого разрѣшенія". Авторъ задался мыслью устроить постоянныя торговыя связи между русскимъ купечествомъ и балканскими землями; онъ хлопоталъ объ этомъ усердно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, убѣждалъ московскихъ коммерсантовъ принять нужныя мѣры, обращался за содѣйствіемъ къ властямъ, писалъ докладныя записки, составлялъ проекты и повсюду встрѣчалъ или уклончивые отвѣты или прямой отказъ. Наши купцы обнаруживали полное нежеланіе завоевывать славянскіе рынки; всѣ настоянія и доводы г. Мураневича разбивались объ апатію и невѣжество заинтересованныхъ коммерческихъ сферъ. Нерѣдко автора поражали чудовищныя представленія русскихъ людей о славянствѣ; „многіе до сихъ поръ не знаютъ, напр., что болгары и сербы исповѣдуютъ православіе, а не турецкую вѣру; называютъ болгаръ „бургаре", думаютъ, что весь этотъ народъ по-

головно нищіе и т. п.“ Авторъ надѣется „посильнымъ ознакомленіемъ нашего торговаго и промышленнаго класса съ нѣкоторыми фактическими свѣдѣніями о южно-славянскихъ земляхъ — помочь дѣлу расширенія русско-балканскихъ торговыхъ и промышленныхъ сношеній“. Дѣло только въ томъ, что наши торговцы едва ли прочитаютъ книжку, предназначенную для просвѣщенія ихъ насчетъ южныхъ славянъ.

Г. Мураневичъ сообщаетъ не мало интересныхъ свѣдѣній о московскомъ купечествѣ и о балканской торговлѣ; но собранныя имъ данныя доказываютъ только одно, что мысль о завоеваніи иноземныхъ рынковъ нисколько не вытекаютъ изъ условій нашего промышленнаго быта, что мысль эта заимствована извнѣ и напрасно навязывается русской политикѣ. Относительно славянства авторъ приводитъ спеціальныя соображенія, которыя однако не играютъ роли въ дѣлахъ частной предпріимчивости. „Южные славяне,—разсуждаетъ авторъ,—нуждались и долго еще будутъ нуждаться въ посторонних помощникахъ и руководителяхъ; въ распоряженіи славянъ находятся сырые матеріалы, но нѣтъ свободныхъ капиталовъ, нѣтъ техническихъ знаній, нѣтъ наконецъ опыта, традицій. Спрашивается, кому же естественнѣе всего явиться насадителемъ знаній, устроителемъ и руководителемъ жизни славянина—русскому ли человѣку, родственному съ нимъ по вѣрѣ, крови, духу, преданіямъ отцовъ и исторической судьбѣ, или же нѣмцу, еврею или иному иноплеменнику, не имѣющему со славяниномъ ничего общаго?“ Все это вѣрно въ теоріи, но на дѣлѣ выходитъ, что и у насъ нѣтъ техническихъ знаній, нѣтъ опыта и традицій, нѣтъ энергіи и умѣнья: какъ же можемъ мы браться за роль устроителей чужой жизни, насадителей знаній и т. п.?

Самъ г. Мураневичъ взялся организовать торговыя сношенія, не будучи вовсе по собственному сознанію знакомъ съ торговымъ дѣломъ; онъ только ради этого „рѣшился лично немедленно заняться торговлею, чтобы пополнить, насколько возможно, пробѣлы въ своихъ теоретическихъ и практическихъ знаніяхъ“. Нельзя поэтому удивляться недовѣрію нашихъ капиталистовъ къ проектамъ человѣка, являющагося дилеттантомъ въ области торговыхъ интересовъ; дилеттантство сказывается и во многихъ предположеніяхъ и доводахъ автора. Г. Мураневичъ ждетъ ужъ слишкомъ многаго отъ балканскихъ рынковъ; онъ мечтаетъ между прочимъ о достиженіи финансовой самостоятельности относительно западной Европы. „Наша биржа—говоритъ г. Мураневичъ, — находится въ постоянной и самой тяжелой зависимости отъ нѣмецкой биржи, которая то благодѣтельствуетъ насъ (за приличное вознагражденіе), то караетъ,

смотря по настроенію политической атмосферы. Подобная зависимость позорна и во всѣхъ отношеніяхъ не выгодна. Выйти на путь свободной самостоятельной жизни—первая обязанность и ближайшая задача современной русской торговли. Находясь внѣ сферы русской экономической жизни, балканскій рынокъ какъ нельзя болѣе удобно можетъ послужить намъ опорою и первою переходною ступенью къ пріобрѣтенію экономической самостоятельности" (стр. 26). Для всякаго ясно, что это—чистѣйшая фантазія, и что вліяніе иностранныхъ биржъ нисколько не измѣнилось бы съ расширеніемъ русско-балканской торговли; тутъ дѣйствуютъ другія причины, болѣе крупныя и болѣе общія.

Много мѣста отводится въ книжкѣ соображеніямъ личнаго самолюбія; говоря, напр., объ одномъ изъ участниковъ экспедиціи, посланной въ Болгарію, авторъ замѣчаетъ: „стараясь присвоить себѣ чужую идею и чужой трудъ, г. Рагозинъ не пропускалъ случая, гдѣ была хоть малѣйшая возможность, въ какомъ бы то ни было отношеніи, унизить меня, стушевать, затереть" (стр. 65). Для читателей вовсе неинтересно знать различныя подробности о пререканіяхъ автора съ тѣми или другими лицами; эти подробности переносятъ вопросъ на почву мелкихъ обличеній, безъ всякой пользы для дѣла. Печатать частные разговоры и письма едва ли удобно, безъ согласія заинтересованныхъ сторонъ; эта особенность книжки г. Мураневича придаетъ ей, быть можетъ, нѣкоторую пикантность, но сильно вредитъ ея значенію въ глазахъ безпристрастнаго читателя.—Во второй части сообщаются „нѣкоторыя полезныя свѣденія", помѣщаемыя обыкновенно въ путеводителяхъ,—а именно, „о наиболѣе важныхъ путяхъ по Балкану, о разныхъ пунктахъ Болгаріи, Восточной Румеліи, Сербіи, Румыніи и о городѣ Константинополѣ".—Л. С.

НЕКРОЛОГЪ.

Василій Ивановичъ Орловъ.

Сентября 22, въ Москвѣ, умеръ земскій статистикъ Василій Ивановичъ Орловъ, имѣя всего 37 л. отъ роду. За два дня до этого печальнаго событія, во время преній на съѣздѣ земскихъ врачей, его поразилъ ударъ, послѣ котораго онъ уже не приходилъ въ сознаніе. Покойный игралъ такую видную роль въ изученіи нашей родины, что печать не могла отнестись къ его смерти, какъ къ утратѣ обыкновеннаго общественнаго дѣятеля, не смотря на то, что до конца своихъ дней, онъ оставался въ скромной роли мѣстнаго статистика.

Личная жизнь, Орлова не богата событіями и можетъ быть описана двумя-тремя словами. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія; родился 27 марта 1848 г. въ с. Егорьевскомъ, лихвинскаго уѣзда, калужской губерніи; 10 лѣтъ поступилъ въ мѣстное духовное училище, а затѣмъ въ духовную семинарію, гдѣ однако курса не окончилъ, и перешелъ въ университетъ. Университетскіе годы покойный провелъ, какъ и большая часть недостаточныхъ студентовъ того времени (1868 — 1872), въ работѣ для куска хлѣба и самообразованія. Онъ недовольствовался школьной наукой и тѣмъ развитіемъ, которое пріобрѣтается незамѣтно и постепенно по мѣрѣ того, какъ годы университетскаго ученья слѣдуетъ одинъ за другимъ. Орловъ энергично продолжалъ сознательную работу надъ собою, которую онъ началъ еще въ семинаріи. Впечатлѣнія дѣтства, поддержанныя общественной атмосферой того времени, развили въ покойномъ особенный интересъ къ судьбамъ русской народной массы и обратили его вниманіе на политическую экономію и другія общественныя науки, какъ способныя всего скорѣе дать отвѣтъ на вопросы, волновавшіе его издавна. Одновременно съ заботами о внутреннемъ самоусовершенствованіи, покойный долженъ былъ посвящать значительную часть времени добыванію средствъ къ существованію; и эта неустанная самодѣятельность тамъ и здѣсь безъ сомнѣнія играла не послѣднюю роль въ выработкѣ того энергичнаго, самостоятельнаго и трудолюбиваго характера, какой выказалъ Орловъ въ своей послѣдующей практической дѣятельности.

По окончаніи курса, покойный оставленъ былъ при университетѣ для подготовленія къ профессурѣ по кафедрѣ общественнаго права и занимался преподаваніемъ статистики въ Александровскомъ воен-

номъ училищѣ. Но Орловъ былъ ученый практикъ, а не теоретикъ. Наука его завлекала не широтой своихъ отвлеченныхъ перспективъ; онъ въ ней искалъ отвѣта на жгучіе вопросы современности. Знакомство съ теоретической наукой показало ему, что раціональный отвѣтъ не возможенъ безъ подробнаго изученія жизни, и что лучшее употребленіе, какое онъ можетъ сдѣлать изъ своихъ знаній, будетъ примѣненіе методовъ научнаго изслѣдованія къ изученію экономическаго положенія страны.

Таковы должны были быть мысли покойнаго Орлова, когда, черезъ три года по окончаніи университетскаго курса, онъ рѣшился промѣнять улыбавшуюся ему видную ученую карьеру на скромную судьбу земскаго статистика. Но въ этой скромной роли мѣстнаго изслѣдователя онъ пріобрѣлъ имя общественнаго дѣятеля, положивъ прочное основаніе цѣлой области знанія, давно намѣченной теоретиками, но которая въ практическомъ отношеніи была связана отсутствіемъ примѣненія точныхъ методовъ изслѣдованія и случайностью самихъ этихъ изслѣдованій. Мы говоримъ здѣсь о статистикѣ Россіи. Орловъ не былъ первымъ по времени земскимъ статистикомъ; одновременно съ московскимъ земствомъ и даже раньше его организованы были статистическія бюро въ тверской, херсонской, вятской губерніяхъ и др. Тѣмъ не менѣе роль Орлова въ дѣлѣ территоріальнаго распространенія экономическаго изслѣдованія Россіи значительна, что зависѣло, какъ отъ личныхъ свойствъ его характера, такъ и отъ идеи, положенной имъ въ основу статистико-экономическаго изученія страны. Идея эта—поголовный опросъ населенія о всѣхъ явленіяхъ, такъ или иначе связанныхъ съ его благосостояніемъ вообще и въ частности съ его земледѣльческимъ хозяйствомъ. Идея эта не новость въ статистической наукѣ и даже въ практикѣ московскаго земства: въ 1869 году въ этой губерніи уже была произведена подворная перепись, правда, по очень краткой программѣ. Такимъ образомъ, не въ провозглашеніи новой идеи заслуга Орлова, а въ примѣненіи этой идеи на практикѣ, въ облеченіи ея въ такую форму, при которой она становится легко осуществимой и способной къ развитію.

Въ самомъ дѣлѣ, при возбужденіи вопроса о способахъ производства подворной переписи невольно обращались къ мысли объ участіи мѣстныхъ силъ въ этомъ дѣлѣ. Опросить каждаго жителя по болѣе или менѣе обширной программѣ, со стороны кажется очень труднымъ; а сдѣлать это быстро на значительной территоріи просто невозможно безъ помощи мѣстныхъ силъ. Но какія же взяты силы? Обычные оффиціальные статистическіе органы въ провинціи лишены въ общественномъ мнѣніи всякаго кредита; остается мѣстная полуинтеллигенція, на которую и естественно было возложить всѣ упованія.

Будь на мѣстѣ Орлова человѣкъ, менѣе знакомый съ провинціальнымъ обществомъ, онъ такъ бы именно и поступилъ. Но самъ выросши въ средѣ этой полуинтеллигенціи, Орловъ хорошо зналъ степень ея развитія и этимъ спасъ плодотворную идею отъ дискредитированія, неизбѣжнаго въ случаѣ, еслибы начало дѣла было отдано въ столь неумѣлыя руки. Вмѣсто того, онъ рѣшился произвести перепись самъ съ нѣсколькими сотрудниками; и результаты блистательно вознаградили его за смѣлую попытку. Черезъ три года отъ начала изслѣдованія уже были напечатаны статистическія таблицы по всѣмъ селеніямъ губерніи, и кромѣ того въ портфелѣ бюро накопилась цѣлая масса матеріала, относящагося къ различнымъ сторонамъ жизни мѣстнаго населенія. Часть этого матеріала вскорѣ была обработана самимъ авторомъ (О формахъ крестьянскаго землевладѣнія) и Н. А. Каблуковымъ (Описаніе помѣщичьяго землевладѣнія и хозяйства). Первая перепись была произведена не довольно совершенно: программа ея очень узка, данныя опроса тутъ же подсчитывались по цѣлому селенію и заносились въ таблицы уже въ видѣ готоваго итога. Но эти недостатки, весьма естественные при новизнѣ дѣла, вскорѣ затѣмъ были исправлены самимъ Орловымъ, приглашеннымъ организовать статистическое изслѣдованіе тамбовской губерніи. Вслѣдъ за этимъ открытіе земскихъ статистическихъ бюро быстро слѣдовало одно за другимъ; рѣдкій годъ проходилъ безъ того, чтобы нѣсколько губерній не постановили произвести статистико-экономическое описаніе края, а для организаціи дѣла обыкновенно обращались къ руководителю московской земской статистикой. Столь быстрый успѣхъ идеи статистико-экономическаго изслѣдованія въ средѣ земства во многомъ обязанъ дѣятельности покойнаго Орлова. Въ обществѣ давно уже созрѣло убѣжденіе, что безъ основательнаго знакомства съ экономическимъ положеніемъ страны невозможна ни правильная оцѣнка наблюдаемыхъ въ ней явленій, ни успѣшная борьба съ вредными экономическими вліяніями. Но какимъ образомъ изучить окружающую жизнь при тѣхъ мѣстныхъ статистическихъ органахъ, несовершенство которыхъ для всѣхъ очевидно, и при той бѣдности интеллигенціей, какою отличается наше общество? Предъ такой задачей останавливалось самое пылкое воображеніе, и даже наиболѣе просвѣщенныя земства ограничивались тѣмъ, что приглашали на службу статистика, которому поручали работать какъ онъ найдетъ лучшимъ, не зная хорошенько, что изъ этого выйдетъ. И вотъ является человѣкъ, доказывающій на основаніи собственнаго опыта, что изслѣдованіе края можетъ быть производимо не ощупью и наудачу, а по строго обдуманной программѣ и методамъ, представляющимъ достаточныя гарантіи вѣр-

ности собираемыхъ данныхъ. Теперь земству, открывающему статистическое бюро нечего опасаться сдѣлать непроизводительную затрату: всякому грамотному человѣку очевидно, что масса данныхъ, собираемыхъ по плану московскаго бюро, имѣетъ значеніе огромной важности; что если непосредственнымъ результатомъ изслѣдованія и не будутъ извѣстныя практическія мѣропріятія (для послѣднихъ нужно не только знать среду, въ которой приходится дѣйствовать, но и имѣть средства оказывать на нее вліяніе), то имъ, во всякомъ случаѣ, устраняется одно изъ главныхъ препятствій къ благотворной практической дѣятельности—незнаніе окружающей жизни; наконецъ, что эти мѣстныя изслѣдованія имѣютъ еще болѣе важное значеніе для всего государства и способны принести богатые плоды даже въ томъ случаѣ, если не будутъ вовсе имѣть непосредственнаго практическаго примѣненія. Эта очевидная для всѣхъ первостепенная важность самопознанія и увѣренность, что московскій методъ изслѣдованія приводитъ къ искомой цѣли, служатъ причиной какъ популярности идеи статистическаго изученія края въ средѣ просвѣщенныхъ земскихъ дѣятелей, такъ и стремленія большей части земствъ организовать бюро по московскому типу. Для этого естественнѣе всего обратиться къ руководителю московской статистики, и покойный Орловъ, откликаясь на призывъ земства, не разъ доказалъ, что онъ умѣетъ быть такимъ же искуснымъ организаторомъ дѣла, какимъ былъ его инииціаторомъ. Громадное большинство земскихъ бюро, основанныхъ въ послѣднее пятилѣтіе, не избѣжало прямого или косвеннаго вліянія Орлова, и теперь мы уже имѣемъ цѣлую фалангу статистиковъ, воспитанныхъ подъ непосредственнымъ руководствомъ покойнаго или подъ вліяніемъ методовъ изслѣдованія, пущенныхъ въ обращеніе имъ же.

Производствомъ подворной переписи и разработкой собраннаго такимъ образомъ матеріала покойный Орловъ не считалъ дѣло экономическаго изученія края законченнымъ. Этимъ путемъ пріобрѣтался, по его выраженію, только фундаментъ для изученія хозяйственной жизни населенія, опредѣлялся только инвентарь народнаго хозяйства. „Но, разумѣется, этимъ далеко не рѣшается задача статистики, заключающаяся въ томъ, чтобы изъ года въ годъ слѣдить за извѣстными явленіями жизни, правильно отмѣчать ихъ, наблюдать всѣ измѣненія, подводить имъ итоги и констатировать статистическіе факты не только въ пространствѣ (въ данный моментъ), но и во времени. Только при этомъ условіи, возможно будетъ во всякій данный моментъ получить полную и вѣрную картину современнаго состоянія хозяйства и усмотрѣть направленіе его въ ту или другую сторону". Тогда какъ основныя экономическія данныя собираются агентами

статистическаго бюро, спеціально подготовленными къ дѣлу, текущія свѣденія должны доставляться мѣстными жителями, хорошо знающими положеніе дѣлъ въ ближайшей окружности. „Выполненіе этой задачи одними силами земскаго статистическаго учрежденія,—пишетъ Орловъ,—невозможно; трудно услѣдить своевременно за всѣми текущими явленіями на пространствѣ цѣлой губерніи; тутъ необходимо участіе самихъ мѣстныхъ жителей, которые бы возможно чаще и правильнѣе доставляли свѣденія о своей мѣстности въ статистическое учрежденіе, дабы послѣднее ежегодно могло дѣлать отчеты земскому собранію о всемъ, что новаго произошло въ хозяйствѣ губерніи и что заслуживаетъ особеннаго вниманія земскихъ дѣятелей“. Для этой цѣли нужно имѣть на мѣстахъ достаточное число лицъ, способныхъ правильно регистрировать окружающія явленія, и контингентъ этихъ лицъ былъ подготовленъ дѣятельностью покойнаго же. „Непосредственныя сношенія населенія съ лицами, производившими мѣстныя статистическія изслѣдованія, дѣйствительнѣе всякихъ циркуляровъ предрасположили его въ пользу статистики; населеніе стало относиться съ большимъ довѣріемъ къ статистическимъ работамъ, стало понимать ихъ надлежащее значеніе. Работы эти исподволь потеряли въ глазахъ мѣстныхъ жителей какой-то таинственный смыслъ, который въ началѣ рисовался имъ; теперь лица, служащія въ статистическомъ отдѣленіи, пріѣзжая въ крестьянскія селенія или частно-владѣльческія усадьбы, встрѣчаются въ большинствѣ случаевъ съ полнымъ довѣріемъ, какъ добрые знакомые, которыхъ не считаютъ нужнымъ обманывать и вводить въ заблужденіе. Мало того,—многіе крестьяне и частные землевладѣльцы, а равно священники и учителя теперь охотно предлагаютъ свое содѣйствіе въ статистическихъ работахъ, обѣщая быть постоянными корреспондентами статистическаго отдѣленія, тогда какъ въ началѣ, пять лѣтъ тому назадъ, земскихъ статистиковъ въ большинствѣ случаевъ встрѣчали съ недовѣріемъ и опасеніями. Это обстоятельство даетъ основаніе надѣяться, что въ московской губерніи возможно теперь же приступить къ осуществленію статистики во всей ея широтѣ, т.-е. къ правильной и постоянной регистраціи текущихъ хозяйственныхъ фактовъ“. Это было высказано покойнымъ въ 1881 году; но первая попытка такой регистраціи сдѣлана была лишь годъ тому назадъ: статистическое бюро приступило къ собиранію свѣденій о текущихъ явленіяхъ въ сельско-хозяйственной жизни черезъ постоянныхъ корреспондентовъ и по программѣ въ общихъ чертахъ сходной съ тою, какая для подобной же цѣли была выработана департаментомъ земледѣлія и сельско-хозяйственной промышленности.

Итакъ, основательное единовременное изученіе всѣхъ сторонъ жизни населенія путемъ мѣстнаго изслѣдованія и опроса каждой хозяйственной единицы (крестьянскаго двора, помѣщичьей экономіи, фабричнаго предпріятія) и затѣмъ регистрація текущихъ явленій черезъ посредство мѣстныхъ жителей—вотъ задача земскаго статистическаго бюро, поставленная покойнымъ Орловымъ и выполненная имъ больше, чѣмъ на половину.

Идея мѣстнаго изслѣдованія при помощи подворной переписи, такъ много обязанная своимъ распространеніемъ Орлову, вступила въ послѣдніе годы въ новый фазисъ развитія. По плану московскаго бюро весь матеріалъ подворной переписи пріурочивался къ общинѣ или деревнѣ, какъ бы цѣльной хозяйственной единицѣ. Изученіе русской жизни, однако, показало, что деревня, даже община далеко не представляетъ организма, живущаго единой жизнью, болѣющаго тою же скорбью. Она оказалась составленною изъ многихъ крестьянскихъ группъ, весьма несходныхъ по своему экономическому состоянію, такъ какъ на одномъ концѣ ея стояли безземельный нищій, на другомъ—богатый кулакъ. Пріурочиваніе экономическихъ данныхъ къ общинѣ не даетъ еще правильнаго понятія о хозяйственномъ положеніи всѣхъ этихъ группъ и не способно поэтому выяснить причины ихъ возникновенія и исторію развитія. Для той и другой цѣли необходимъ рядъ данныхъ о каждой группѣ въ отдѣльности и даже не простой рядъ данныхъ, а такая группировка ихъ, чтобы можно было наблюдать вліяніе сочетанія нѣсколькихъ хозяйственныхъ элементовъ на благосостояніе населенія. Такая группировка была предложена земскимъ черниговскимъ статистическимъ бюро и примѣнена къ дѣлу таврическимъ. Хотя, насколько намъ извѣстно, указанное нововведеніе въ способахъ первоначальной разработки данныхъ подворной переписи, долженствующее оказать огромное вліяніе на дальнѣйшій ходъ экономическаго изученія Россіи, прошло безъ участія покойнаго; но всякому очевидно, что оно есть логическое развитіе той же идеи, какая руководила всей дѣятельностью Орлова, и въ практическомъ ея осуществленіи видную роль принимали ученики послѣдняго.

А потому можно сказать, что покойный Орловъ работалъ не для узкихъ, хотя и почтенныхъ интересовъ мѣстнаго общества; возбужденіе къ своей неустанной дѣятельности онъ почерпалъ въ сознаніи, что эта послѣдняя имѣетъ всеобщее и научное значеніе. И общество, какъ и наука, оцѣнили его труды. Извѣстные отзывы о его работахъ фрейбургскаго профессора политической экономіи Туна, умершаго незадолго до Орлова, популяризировали изданія московскаго статистическаго бюро чуть ли не раньше, чѣмъ на нихъ обратила

серьезное вниманіе русская литература. Извѣстно и отношеніе къ Орлову и его трудамъ современной столичной и провинціальной печати.

На свѣжей могилѣ честнаго труженика выскажемъ и мы пожеланіе, чтобы дѣло, такъ блестяще начатое талантливымъ Орловымъ и нашедшее достойныхъ продолжателей въ лицѣ дѣйствующихъ земскихъ статистиковъ, скорѣе вступило въ слѣдующій фазисъ развитія. Будемъ надѣяться, что недалекъ тотъ моментъ, когда разработка громаднаго матеріала, собраннаго Орловымъ и его сотрудниками съ цѣлью изученія экономическихъ судебъ русскаго народа, привлечетъ къ себѣ такія же талантливыя и трудолюбивыя силы, какія нашлись въ обществѣ для собиранія и первоначальной обработки матеріала.

В. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е ноября, 1885.

Процессъ кронштадтскаго полиціймейстера Головачева, разсматриваемый съ точки зрѣнія „вынесенія сору изъ избы“.—Обнаруженное имъ зло и способы леченія.—Путь къ исправленію нравовъ, предлагаемый г. Рачинскимъ.—Продолженіе газетной войны съ Финляндіею.

Русская поговорка о невынесеніи сору изъ избы, какъ и французское изреченіе о семейной стиркѣ грязнаго бѣлья, сложилась на почвѣ домашней жизни, выражая собою—и вмѣстѣ съ тѣмъ провозглашая какъ обязательный принципъ—внѣшнее единство небольшого міра, взаимную солидарность его членовъ. Пускай это единство только кажущееся, пускай наружная солидарность прикрываетъ собою самые глубокіе раздоры—для постороннихъ, во всякомъ случаѣ, должна быть видна только гладкая, ~~ровная поверхность, а не~~ расколотая и треснувшая сердцевина. Съ теченіемъ времени понятіе объ „избѣ“ принимаетъ все большіе и большіе размѣры, означая то цѣлое государство, граждане котораго отнюдь не должны выдавать сосѣдямъ секретъ своихъ неурядицъ и лихихъ болѣзней, то извѣстную отрасль государственной жизни, государственнаго управленія, въ которую отнюдь не долженъ заглядывать партикулярный, непосвященный глазъ. Вокругъ „избы“, понимаемой въ этомъ смыслѣ, воздвигаются перегородки, тщательно охраняемыя стражей—и горе тому, кто попробуетъ перелѣзть на ту сторону или заглянуть въ случайную щель ограды. Внутри „избы“ образуются, именно благодаря замкнутости ея и густотѣ тѣней, отбрасываемыхъ заборомъ, особые нравы, мирно и безмятежно процвѣтающіе подъ покровомъ канцелярской и всякой другой тайны. Нравы, по самому своему свойству, долговѣчнѣе закона; они переживаютъ паденіе перегородокъ—особенно, если послѣднія были разрушены только отчасти и далеко не вездѣ. Мы присутствуемъ теперь при цѣломъ рядѣ попытокъ, направленныхъ къ возстановленію прежней „избы“—избы, окруженной валами законодательныхъ запрещеній и рвами административныхъ мѣропріятій. „Лучше накопленіе сору въ избѣ, чѣмъ вынесеніе его оттуда не призванными руками“—и таковъ невысказанный, но подразумѣваемый девизъ этихъ стремленій, еще недавно высказавшихся въ полномъ блескѣ по поводу дѣла о кронштадтскомъ полиціймейстерѣ Головачевѣ.

Что такое, для безпристрастнаго наблюдателя, процессъ Голова-

чева? Печальная картина явленій, возможность которыхъ, какъ она ни характеристична, еще не свидѣтельствуетъ о ихъ распространенности и заурядности. Никто не утверждалъ, что Головачевъ—типическій представитель нашей полиціи, что къ нему можно примѣнить извѣстную формулу: ab uno disce omnes! Такія обобщенія пускай остаются достояніемъ нашей злобствующей реакціи; пускай глашатаи ея торжествуютъ при каждомъ „хищеніи" въ области городского или земскаго хозяйства, пускай они заносятъ единичные факты въ пассивъ цѣлаго учрежденія—противники ихъ не послѣдуютъ этому примѣру, не станутъ восклицать, указывая на Головачева: смотрите, вотъ образчикъ того, что можно ожидать отъ вашей хваленой бюрократіи! Они ограничатся внимательнымъ изученіемъ причинъ, благодаря которымъ такъ долго могли рости въ ширину и глубину, оставаясь нераскрытыми и безнаказанными, злоупотребленія должностного лица, призваннаго именно къ предупрежденію злоупотребленій. Таково дѣйствительное положеніе дѣла—но не такимъ оно представляется для глаза, потерявшаго способность прямо и просто смотрѣть на предметы. Кто привыкъ пользоваться инсинуаціями, какъ орудіемъ борьбы, тому онѣ чудятся всегда и вездѣ, тому мерещится во всемъ присутствіе задней мысли. На фантазію, такимъ образомъ настроенную—или разстроенную—процессъ Головачева производитъ впечатлѣніе „злораднаго и умышленнаго раздуванія униженія администраціи". Обвиняемый—полиціймейстеръ; этого достаточно, „чтобы изъ пустяшнаго (!?) дѣла о злоупотребленіи власти и о лихоимствѣ, на которое, самое большое, понадобилось бы нѣсколькихъ часовъ для его рѣшенія, раздуть громадное производство и перевести дѣло, неизвѣстно на какомъ основаніи, въ Петербургъ" [1]). Извращенное воображеніе не отступаетъ даже передъ „чтеніемъ въ мысляхъ" публики, присутствовавшей на процессѣ Головачева; зала суда была „переполнена людьми, которые дали бы полжизни, чтобы на этомъ судѣ видѣть и губернаторовъ, и министровъ, и архіереевъ, и выше стоящихъ надъ ними,—а за невозможностью пока еще потѣшиться надъ высшими, они съ сатанинскимъ наслажденіемъ упиваются опозореніемъ тѣхъ, кого имъ отдаютъ на поруганіе"... Сослать въ отдаленнѣйшія мѣста, слѣдовало, значитъ, не Головачева, а слушателей, собравшихся въ залѣ палатскихъ засѣданій—этихъ Робеспьеровъ en herbe и Фукье-Тенвиллей in spe, проникнутыхъ „сатанинской" ненавистью противъ власти. Жаль, что упущенъ удобный случай—но онъ

[1]) „Публицистамъ, забывшимъ золотыя слова Чацкаго о „знаніи мѣры", неизвѣстны, повидимому, тѣ постановленія закона, въ силу которыхъ дѣло Головачева было подсудно судебной палатѣ, имѣющей пребываніе не въ Кронштадтѣ, а въ Петербургѣ.

скоро представится вновь. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ сенатѣ начнется громкій процессъ (о злоупотребленіяхъ при постройкѣ курскаго или харьковскаго шоссе), по которому въ числѣ обвиняемыхъ явится бывшій товарищъ министра (или, точнѣе, лицо, пользовавшееся правами товарища министра). Кто пожелаетъ присутствовать при этомъ процессѣ, тотъ, очевидно, будетъ одержимъ „сатанинскимъ" духомъ въ еще большей степени, чѣмъ слушатели головачевскаго дѣла — настолько большей, насколько товарищъ министра выше полиціймейстера. Нужно полагать, что съ такими опасными и вредными людьми будетъ поступлено по всей строгости... реакціонныхъ бредней.

За бреднями скрывается, однако, весьма реальная цѣль—изъятіе дѣлъ о служебныхъ преступленіяхъ изъ вѣденія суда и разрѣшеніе ихъ въ административной „избѣ", при закрытыхъ дверяхъ и завѣшенныхъ окнахъ. Судебное—и въ добавокъ еще публичное—разбирательство такихъ процессовъ, какъ головачевскій, признается „общественнымъ скандаломъ", невозможнымъ даже „въ нынѣшней французской республикѣ". Мы узнаемъ, что въ этой республикѣ „весьма тщательно возстановленъ законъ имперіи, по которому суды не могутъ принимать жалобъ на чиновника, и что жалобы эти подаются въ особый conseil d'état, гдѣ онѣ и разбираются". Сколько здѣсь словъ, столько почти и ошибокъ. Необходимость предварительнаго разрѣшенія для преслѣдованія должностныхъ лицъ была установлена не „закономъ имперіи", а конституціею VIII-го года (ст. 75), которою учреждена была консульская власть; разрѣшеніе преслѣдованія зависѣло не отъ какого-то „особаго conseil d'état", а отъ того же государственнаго совѣта, который соединялъ и соединяетъ въ себѣ множество другихъ административныхъ и судебно-административныхъ функцій; государственный совѣтъ никогда не разбиралъ обвиненія противъ чиновниковъ по существу, а только допускалъ или не допускалъ предъявленіе этихъ обвиненій судебной власти; статья 75-я конституціи VIII-го года не возстановлена третьей республикой, а наоборотъ, отмѣнена ею 19 сентября 1874 г., и остается, кажется, отмѣненной и до настоящаго времени. Что касается до нашего законодательства, то оно не только не „опередило", съ занимающей насъ точки зрѣнія, французскіе законы, но положительно отъ нихъ „отстало"; для дѣлъ о преступленіи должности у насъ по прежнему существуетъ спеціальный порядокъ преданія суду, охраняющій не столько интересы общества, сколько интересы должностныхъ лицъ. Процессъ Головачева менѣе чѣмъ какой-бы то ни было другой можетъ быть приводимъ въ доказательство того, что судебное разбирательство дѣлъ о преступленіяхъ должности совершенно излишне, что участь взяточни-

ковъ и другихъ нарушителей служебнаго долга должна быть предоставлена усмотрѣнію непосредственнаго начальства должностныхъ лицъ. Гораздо раньше возбужденія предварительнаго слѣдствія надъ Головачевымъ, дѣйствія его составляли предметъ многочисленныхъ жалобъ со стороны частныхъ лицъ—но довѣріе начальства къ распорядительному и усердному чиновнику оставалось непоколебимымъ. Оно не пошатнулось даже тогда, когда произведено было первое оффиціальное дознаніе, кое-что обнаружившее и заставившее предполагать еще гораздо бо̀льшее. Начальство Головачева принимаетъ мѣры къ дополненію этого дознанія — и Головачевъ опять оказывается чистымъ и правымъ. Нужно было второе предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ (гр. Игнатьева), чтобы положить начало предварительному слѣдствію—но и послѣ того Головачевъ продолжаетъ исправлять должность полиціймейстера, хотя это неизбѣжно должно было затруднять задачу слѣдователя. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что настояніямъ министерства способствовалъ характеръ тогдашней эпохи, выдвинувшей на первый планъ преслѣдованіе и прекращеніе „хищеній"; при другомъ положеніи дѣлъ, въ другое время начальству было бы гораздо легче отстоять своего излюбленнаго подчиненнаго. Какъ бы то ни было, рѣшительный поворотъ въ судьбѣ Головачева совершился только тогда, когда разслѣдованіе его дѣйствій перешло въ руки судебнаго вѣдомства. Съ этой минуты перестало быть возможнымъ производство „дополнительныхъ дознаній", направленныхъ къ оправданію виновнаго, перестало быть возможнымъ если не пассивное противодѣйствіе, то по крайней мѣрѣ, активное вмѣшательство тѣхъ силъ, расположеніемъ которыхъ такъ искусно и такъ долго пользовался Головачевъ.

Чѣмъ объяснить—помимо закона, допускающаго подачу жалобъ на должностное лицо только его начальству—многолѣтнюю безгласность злоупотребленій Головачева? Многимъ казалось страннымъ, что вѣсть объ этихъ злоупотребленіяхъ не проникла ни въ петербургскую, ни въ кронштадтскую печать; удивлялись, въ особенности, молчанію послѣдней, такъ близко стоящей къ мѣсту дѣйствія и обладавшей, по видимому, всѣми средствами узнать и раскрыть истину. Поводовъ къ удивленію станетъ гораздо меньше, если припомнить одно небольшое обстоятельство, оставшееся, быть можетъ, незамѣченнымъ среди массы мелкихъ газетныхъ извѣстій. Мѣсяца два или полтора тому назадъ, въ Кронштадтѣ произошла фальшивая тревога; на видномъ мѣстѣ „Кронштадтскаго Вѣстника" было напечатано извѣстіе о несчастьѣ съ однимъ изъ пароходовъ, поддерживающихъ сообщеніе между Кронштадтомъ и Петербургомъ,—а вслѣдъ затѣмъ шла набранная мелкимъ шрифтомъ замѣтка, что этого на са-

момъ дѣлѣ не случилось, но можетъ и должно случиться, если не будутъ приняты тѣ или другія мѣры предосторожности. Безспорно, это была очень дурная, неумѣстная шутка, страшно перепугавшая десятки или сотни людей—но для насъ важно то, что ея виновникъ по распоряженію начальства, былъ посаженъ на гауптвахту. Очевидно, что не отъ газеты, на сотрудниковъ которой, за напечатанныя ими статьи, обрушиваются административныя кары, можно ожидать разоблаченій въ родѣ тѣхъ, какихъ требовала дѣятельность Головачева. Скажемъ болѣе: ихъ вообще нельзя ожидать отъ подцензурной газеты, — а наша провинція не знаетъ до сихъ поръ другихъ изданій, кромѣ подцензурныхъ. Нѣсколько лучше поставлены, въ этомъ отношеніи, столичныя газеты—но и для нихъ обличительная дѣятельность сопряжена съ затрудненіями самаго серьезнаго свойства. Не говоримъ уже о томъ, что онѣ, по самому характеру своей задачи, не могутъ отводить слишкомъ много мѣста частностямъ, интереснымъ только для жителей одного города или уѣзда; не говоримъ даже о преслѣдованіяхъ за диффамацію, для возбужденія которыхъ достаточно самаго ничтожнаго повода и которыя рѣдко оканчиваются обвиненіемъ, но всегда причиняютъ редакціямъ много хлопотъ и непріятностей. Гораздо важнѣе то, что сообщеніе свѣденій о неправильныхъ дѣйствіяхъ должностныхъ лицъ можетъ привести къ временной пріостановкѣ изданія, къ обращенію его изъ безцензурнаго въ подцензурное. Такова судьба, постигшая недавно „Восточное Обозрѣніе". 12-го октября петербургская судебная палата разбирала дѣло о редакторѣ-издателѣ этой газеты, Н. М. Ядринцевѣ, обвинявшемся въ диффамаціи противъ высшей административной власти Приморской области и въ оскорбленіи томскаго городского головы Михайлова. Къ занимающей насъ тэмѣ прямо относится слѣдующій небольшой отрывокъ изъ защитительной рѣчи г. Ядринцева, приводимый нами со словъ газеты: „Свѣтъ" (№ 226): „моя газета посвятила себя защитѣ интересовъ и обсужденію дѣлъ далекихъ окраинъ. Четыре года я боролся на почвѣ гласности съ разными злоупотребленіями, съ невѣжествомъ, хищеніями и неправдой. Теперь, къ сожалѣнію, я вынужденъ отказаться отъ дальнѣйшей борьбы на этой почвѣ. Для нашей печати, кромѣ суда существуетъ масса другихъ мѣръ, ограничивающихъ и сдерживающихъ печатную дѣятельность. Не смотря на всѣ старанія сохранить себѣ жизнь, мы подвергались административнымъ взысканіямъ, подвергались имъ безъ объясненій, по тѣмъ жалобамъ, которыя вы разсматриваете. Мой органъ успѣлъ уже получить три предостереженія, потерпѣлъ пріостановку и теперь находится подъ цензурой. Предупреждать его дальнѣйшія правонарушенія—нѣтъ надобности. Передъ

вами уже не органъ гласности, смѣло выступающій на борьбу съ зломъ—передъ вами полутрупъ, къ которому странно предъявлять тѣ требованія, какія предъявлялись при жизни". Судебная палата оправдала г. Ядринцева по обоимъ обвиненіямъ, предъявленнымъ противъ „Восточнаго Обозрѣнія"...

Въ одной изъ петербургскихъ газетъ весьма основательно было указано на внутреннюю связь между такими злоупотребленіями, какія совершалъ Головачевъ, и тою особенностью нашихъ порядковъ, въ силу которой на каждомъ шагу возникаетъ необходимость въ разрѣшеніи, въ согласіи администраціи. По справедливому замѣчанію газеты, замѣна, гдѣ только возможно, такъ называемой разрѣшительной системы системою явочною—т.-е. простымъ оповѣщеніемъ администраціи о приступѣ къ дѣлу, разъ навсегда регулированному закономъ—уменьшила бы число тѣхъ случаевъ, въ которыхъ для частнаго лица возникаетъ соблазнъ дать, для лица должностного—соблазнъ взять, число тѣхъ случаевъ, въ которыхъ начинаютъ съ принятія „благодарности" и оканчиваютъ вымогательствомъ ея. Ошибочно было бы, однако, ожидать, въ этомъ отношеніи, слишкомъ многаго отъ „явочной" системы. Есть, во-первыхъ, цѣлыя области, въ которыхъ она либо немыслима въ данную минуту, либо—въ простѣйшемъ своемъ видѣ вовсе даже не желательна. Къ числу первыхъ принадлежатъ всѣ тѣ, которыя обращаютъ на себя особенное вниманіе правительства въ виду пережитаго нами недавно смутнаго времени; къ числу послѣднихъ относится, напримѣръ, питейное дѣло. Явочная система не исключаетъ, далѣе, необходимости административнаго надзора, а слѣдовательно и возможности столкновеній между администраціей и частными лицами—а слѣдовательно и возможности обращенія къ тѣмъ средствамъ, съ помощью которыхъ улаживаются иногда подобныя столкновенія. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ, заимствованнымъ изъ процесса Головачева. Значительная часть обвиненій, взведенныхъ на бывшаго кронштадтскаго полиціймейстера, имѣла предметомъ слишкомъ слабое или слишкомъ строгое примѣненіе правилъ, опредѣлявшихъ порядокъ открытія въ Кронштадтѣ трактирныхъ и питейныхъ заведеній. Это была своего рода явочная система, установлявшая, напримѣръ, извѣстное минимальное разстояніе между церковью и трактиромъ, изгонявшая трактиры съ нѣкоторыхъ городскихъ улицъ и т. п. И что же? Остановилась ли передъ нею изобрѣтательность Головачева, подчинился ли онъ, вмѣстѣ съ кронштадтскими обывателями, всѣмъ ея условіямъ и требованіямъ? Нѣтъ; лазейки и здѣсь оказываются возможными, полиція продолжаетъ имѣть въ своемъ распоряженіи всѣ мѣры, двое вѣсовъ. Для однихъ сорокасаженное разстояніе высчитывается однимъ способомъ,

для другихъ—другимъ; по отношенію къ однимъ запретными признаются только двери, по отношенію къ другимъ—не только двери, но и окна, выходящія на извѣстную улицу. Не ясно ли, что ограниченіе числа предварительныхъ разрѣшеній не составляетъ еще, само по себѣ, радикальнаго лекарства противъ болѣзни, существованіе которой въ административномъ организмѣ такъ ясно доказалъ головачевскій процессъ? Сложный недугъ долженъ быть лечимъ сложными средствами; рядомъ съ паденіемъ заставъ, напрасно стѣсняющихъ частную дѣятельность, должно идти, съ одной стороны, устраненіе преградъ, затрудняющихъ привлеченіе должностныхъ лицъ къ отвѣтственности передъ судомъ, съ другой—уменьшеніе гнета, тяготѣющаго надъ печатью, въ особенности провинціальной. Само собою разумѣется, что окончательное искорененіе вѣкового зла невозможно безъ перемѣны къ лучшему въ общественныхъ нравахъ; но если ее нельзя вызвать одними внѣшними мѣрами, то нельзя также и ожидать, чтобы она совершилась при условіяхъ, прямо ей неблагопріятныхъ.

Укажемъ, въ заключеніе, на противорѣчіе, въ которое впадають наши реакціонеры. Когда идетъ рѣчь о судебномъ преслѣдованіи земскаго или городского дѣятеля, они не находятъ достаточно сильныхъ словъ для осужденія тѣхъ формальностей, которыми обставлено здѣсь возбужденіе преслѣдованія; когда обвиняемыми являются чиновники, тогда предметомъ реакціонныхъ нападеній становится самое преслѣдованіе, а не то, что препятствовало его началу и замедляло или затрудняло его движеніе. Послѣдовательнымъ и цѣлесообразнымъ представлялось бы, очевидно, только такое рѣшеніе вопроса, которое было бы одинаково приложимо ко всѣмъ должностнымъ лицамъ, назначеннымъ и избраннымъ, которое установляло бы для тѣхъ и другихъ равную, одинаково регулированную отвѣтственность передъ судомъ.

Мы только-что упомянули объ улучшеніи нравовъ. Необходимость его сознается всѣми, и съ цѣлью достиженія его предлагаются, а отчасти и принимаются, весьма разнообразныя мѣры. Къ послѣдней рубрикѣ относится все то, что дѣлается, съ нѣкоторыхъ поръ, высшею духовною властью, въ видахъ поднятія нравственнаго и умственнаго уровня православнаго духовенства. На первомъ планѣ стоитъ здѣсь, по необходимости, элементъ повелѣнія, предписанія, формальнаго приказа, въ нравственной сферѣ менѣе дѣйствительный, чѣмъ въ какой бы то ни было другой. Отсюда усилія измѣнить самую почву, на которую падаютъ предписанія. Именно съ этой стороны подходитъ къ вопросу г. Рачинскій (извѣстный своею дѣятельностью

въ народной школѣ), въ замѣчательной статьѣ, озаглавленной: „Sursum corda“ („Русь“, №№ 14 и 15). Настоящее положеніе духовенства, по убѣжденію г. Рачинскаго, не можетъ быть измѣнено реформами, мѣропріятіями, идущими свыше: для этого „нуженъ личный подвигъ, безконечно тяжкій, до смѣшного скромный — и поэтому великій. Нужно, чтобы люди съ высшимъ образованіемъ, съ обезпеченнымъ достаткомъ, не принадлежащіе къ кастѣ духовной, принимали на себя, по одной любви къ Богу и ближнему, тяжкій крестъ священства“. Другой способъ обновленія духовнаго сословія авторъ видитъ въ приливѣ къ нему свѣжихъ силъ изъ среды крестьянства, для чего, въ свою очередь, необходимо не только привлеченіе ихъ къ духовнымъ училищамъ путемъ учрежденія стипендій, но и удачный выборъ стипендіатовъ, возможный лишь со стороны священника, широко образованнаго, чуждаго сословныхъ предразсудковъ. „Царство небесное,—восклицаетъ г. Рачинскій,—нудится, а не покупается деньгами, не низводится на землю канцелярскими предписаніями. Для достиженія великихъ результатовъ нужны великія жертвы... Служеніе церкви разнообразно и многостепенно, какъ сама жизнь. Но для того, чтобы каждый изъ мірянъ могъ внести въ общую сокровищницу свою малую лепту, нужно, необходимо намъ духовенство многостороннее и чуткое, нужно между нашими пастырями и нами то нравственное родство, которое пресѣкается вѣковымъ отчужденіемъ кровнымъ, нужно, чтобы раса перестала быть тягостнымъ символомъ наслѣдственнаго отчужденія отъ ближняго, а сдѣлалась высокимъ символомъ свободнаго служенія этому ближнему во служеніи Богу... Но для начала нужны люди, которые бы добровольно взяли на себя всю тяжесть этого креста, люди, способные во всю жизнь—spernere mundum, spernere se ipsum, spernere se sperni. Много ли такихъ людей? Ихъ не нужно много. Вспомнимъ притчу о квасѣ, притчу о зернѣ горчичномъ!“.

На статью г. Рачинскаго откликнулся, въ слѣдующемъ же нумерѣ „Руси“, г. П. Б. Д., съ цѣлью напомнить „единственное практическое средство къ тому, чтобы пробужденіе и обновленіе нашихъ церковныхъ силъ совершилось въ размѣрахъ, требуемыхъ нуждою и опасностью времени“. Это средство—„освобожденіе церкви, избавленіе ея отъ уголовной и цензурной охраны, при которой не можетъ быть прямой и открытой борьбы за религіозную истину. Упразднить принудительное православіе—вотъ первое элементарное средство для возрожденія истиннаго православія, для общаго обновленія нашихъ церковныхъ силъ въ пастыряхъ и паствѣ“. И дѣйствительно, безъ свободы невозможна борьба, невозможно здоровое напряженіе силъ, беззавѣтное служеніе однажды избранному дѣлу. Ничто, къ

несчастію, не указываетъ на близость перемѣны, требуемой г. П. Б. Д.; все заставляетъ думать, что движеніе, констатированное нами выше, не выйдетъ изъ очарованнаго круга старыхъ путей и старыхъ методовъ. Примкнетъ ли къ движенію, вращающемуся въ этихъ границахъ, нѣсколько свѣжихъ силъ, идущихъ изъ новаго источника — это вопросъ, не имѣющій существеннаго значенія. Безспорно, сословная замкнутость вредитъ нашему духовенству—но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы смягченіе или даже устраненіе ея (а также тѣсно связанной съ нею односторонности образованія) было достаточно для полученія крупныхъ результатовъ. Чтобы убѣдиться въ противномъ, стоитъ только вспомнить, что сословность чужда католическому, чужда протестантскому духовенству—а вліяніе обоихъ все-таки клонится къ упадку. Между католическими священниками много людей, получившихъ высшее образованіе, протестантскіе пасторы всѣ безъ исключенія прошли черезъ университетъ—и все-таки положеніе тѣхъ и другихъ менѣе крѣпко, чѣмъ было нѣсколько десятилѣтій тому назадъ. Правда, высшее образованіе и непринадлежность къ духовному сословію цѣнятся г. Рачинскимъ въ кандидатахъ на священническій санъ, не сами по себѣ, а какъ гарантія истиннаго и глубокаго призванія; но такое призваніе встрѣчается, по крайней мѣрѣ, въ видѣ исключенія, и между молодыми людьми, вступающими въ среду католическаго или протестантскаго духовенства... Не преувеличиваетъ ли авторъ возможное значеніе горсти людей, разсѣянныхъ по всему громадному пространству Россіи? Отразятся ли на общемъ положеніи дѣлъ нѣсколько единичныхъ подвиговъ, по самому своему свойству обреченныхъ на полную безвѣстность? Для того, чтобы пустить въ ходъ новую доктрину, чтобы основать новое міросозерцаніе, достаточно не только немногихъ—достаточно даже одной выдающейся силы; но вѣдь рѣчь идетъ не объ этомъ—рѣчь идетъ объ исполненіи задачи, уже данной, о служеніи дѣлу, уже существующему. При такихъ условіяхъ сфера вліянія отдѣльнаго лица почти не выходитъ изъ круга его дѣйствій. Много ли послѣдователей пріобрѣлъ, напримѣръ, самъ г. Рачинскій, хотя въ его распоряженіи и было могучее орудіе печатнаго слова? Скажемъ болѣе—многіе ли изъ его послѣдователей нашли въ себѣ силу идти по его стопамъ, не кичась своимъ самоотверженіемъ, не возносясь мысленно надъ другими дѣятелями народной школы, не объявляя себя единственными обладателями истины, не напоминая, однимъ словомъ, притчи о мытарѣ и фарисеѣ?.. Или, быть можетъ, предметомъ подражанія будетъ не самая жизнь скромныхъ подвижниковъ, возложившихъ на себя, по выраженію г. Рачинскаго, „тяжкій крестъ священства", а плоды этой жизни, т.-е. дѣла, ею совершенныя, учрежденія (школы, бога-

дельни, больницы), ею созданныя? Но вѣдь внутренняя цѣнность этихъ учрежденій, этихъ дѣлъ, будетъ неотдѣлима отъ духа, ихъ животворящаго; воспроизвести можно будетъ только ихъ форму, а не содержаніе. Мы вполнѣ убѣждены, что въ рукахъ г. Рачинскаго народная школа, организованная по его системѣ, даетъ и будетъ давать хорошіе результаты — но вовсе не убѣждены въ томъ, что къ тѣмъ же результатамъ приводитъ и приведетъ простое заимствованіе системы, въ особенности сдѣланное par ordre. Пускай призывъ г. Рачинскаго будетъ услышанъ, пускай въ ряды сельскаго духовенства проникнетъ возможно бо́льшее число людей, одинаково одушевленныхъ преданностью своему служенію и любовью къ народу—мы желаемъ этого отъ души, потому что это несомнѣнно послужитъ къ благу тѣхъ приходовъ, во главѣ которыхъ станутъ новые дѣятели; но мы никакъ не можемъ раздѣлять широкихъ надеждъ автора „Sursum corda“, никакъ не можетъ видѣть въ его мысли ключъ къ избавленію отъ главныхъ бѣдъ и напастей нашей эпохи.

Одно изъ самыхъ печальныхъ явленій настоящей минуты — это ожесточенная травля финляндскихъ учрежденій, до сихъ поръ не прекращающаяся въ нѣкоторыхъ органахъ нашей періодической печати. Все становится поводомъ или предлогомъ къ угрозамъ, къ подозрѣніямъ, къ грубой похвальбѣ сильнаго передъ слабымъ; самостоятельность Финляндіи выставляется чѣмъ-то случайнымъ, висящимъ на волоскѣ—на волоскѣ, надъ которымъ уже занесено или во всякую данную минуту можетъ быть занесено остріе ножа. Откуда идетъ, чѣмъ вызывается эта агитація, разсчитанная на что угодно, только не на сближеніе между финляндцами и русскими? Усиливается ли, торжествуетъ ли въ Финляндіи партія или группа, враждебно настроенная по отношенію къ Россіи, подкапывающаяся подъ существующіе порядки, ищущая поддержки по ту сторону западной финляндской границы? Ничего подобнаго мы не видимъ; шведскій элементъ, менѣе финскаго расположенный къ Россіи, не играетъ больше господствующей роли; газета, служащая главнымъ органомъ его (Helsingfors Dagblad), теряетъ свое прежнее значеніе, преобладаніе на сеймѣ и въ странѣ переходитъ къ такъ называемымъ финноманамъ. О нейтралитетѣ Финляндіи на случай войны между Россіей и западными державами никто, повидимому, не думаетъ серьозно. Остается только постановка памятниковъ на мѣстѣ битвъ, происходившихъ, въ 1808 г., между русскими и шведскими войсками, и этотъ обвинительный пунктъ, за отсутствіемъ другихъ, особенно усердно эксплуатируется нашей воинствующей печатью. Кто повѣ-

рилъ бы, лѣтъ 20—25 тому назадъ, что между русскими публицистами найдутся добровольцы репрессіи, найдутся люди болѣе проникнутые полицейскими взглядами, чѣмъ сама полиція? Празднества въ Виртѣ и Ютасѣ состоялись открыто, гласно, съ вѣдома и согласія администраціи—а насъ хотятъ увѣрить, что они имѣли возмутительный, измѣнническій характеръ, что настоящею ихъ цѣлью было возбужденіе населенія противъ русскаго правительства и противъ Россіи! Въ продолженіе цѣлыхъ трехъ четвертей вѣка исторія Финляндіи не представляетъ ни одного факта, которымъ можно было бы подтвердить это заключеніе. Мятежный духъ не является сразу, не является безъ причины, среди глубокой тишины, при правильномъ движеніи народной жизни. Населеніе Финляндіи имѣетъ законные пути для выраженія своихъ потребностей и желаній; оно отличается спокойствіемъ и благоразуміемъ, исключающимъ возможность безцѣльныхъ и опасныхъ демонстрацій. Предполагать, что въ торжественномъ воспоминаніи о прошедшемъ скрывается протестъ противъ настоящаго, попытка подготовить другое будущее, значитъ примѣнять къ Финляндіи, безъ всякаго на то права, представленія, заимствованныя изъ другихъ условій, изъ другой обстановки. Передъ обвинителями финляндцевъ возстаютъ, очевидно, картины варшавскихъ событій, предшествовавшихъ возстанію 1863-го года; но что же общаго между тогдашнимъ настроеніемъ царства польскаго и теперешнимъ настроеніемъ Финляндіи? Положеніе обѣихъ странъ, ихъ исторія, характеръ національностей, все совершенно различно; достаточно указать на то, что масса населенія въ царствѣ польскомъ принадлежитъ къ одному и тому же племени, что польское крестьянство до 1863 г., было совершенно безсильно и пассивно—а въ Финляндіи стоятъ лицомъ къ лицу двѣ равноправныя народности, и высшія сословія, шведскія по происхожденію или по культурѣ, уравновѣшиваются свободнымъ и политически развитымъ крестьянствомъ. При такихъ обстоятельствахъ нѣтъ мѣста для той подозрительности, которая была неизбѣжна, четверть вѣка тому назадъ, въ Вильнѣ или Варшавѣ, нѣтъ мѣста для преслѣдованій и запрещеній рекомендуемыхъ нашей реакціонной печатью. Еслибы церемоніямъ виртской и ютасской и не былъ чуждъ демонстративный характеръ, безпрепятственное разрѣшеніе ихъ административною властью было бы лучшимъ средствомъ сломить остріе жала, вложеннаго въ нихъ небольшою горстью агитаторовъ. Довѣріе власти къ народу вызываетъ и укрѣпляетъ довѣріе народа къ власти. Не встрѣчая противодѣйствія, враждебное чувство, если и допустить его существованіе (конечно, не въ массѣ, а въ отдѣльныхъ лицахъ) должно исчезнуть само собою.

Если Финляндія до сихъ поръ никогда не была для Россіи источникомъ тревогъ и опасеній, то объясненіе этому слѣдуетъ искать всего болѣе въ отсутствіи посягательствъ на самобытное развитіе страны. Даже въ продолженіе того полу-столѣтія, когда не собирался финляндскій сеймъ, Финляндія управлялась по ея обычаямъ и законамъ, пользовалась большою самостоятельностью и нѣкоторою свободой. Послѣдніе двадцать два года пріучили ее къ участію въ политической жизни. Она не можетъ не дорожить благами, однажды пріобрѣтенными, не можетъ не считать ихъ прочнымъ достояніемъ своимъ, закрѣпленнымъ за нею долгимъ, спокойнымъ владѣніемъ, для государствъ и народовъ, какъ и для частныхъ лицъ, существуетъ своего рода давность, обращающая фактъ въ право и ограждающая его отъ произвольныхъ нарушеній. Отсюда безплодность и несостоятельность разсужденій, отрицающихъ право именно и исключительно потому, что оно основано только на фактѣ. Изъ того, что отношенія Финляндіи къ Россіи построены не на обоюдномъ соглашеніи, не на двухсторонней сдѣлкѣ, нельзя—или по меньшей мѣрѣ не слѣдуетъ—выводить полную шаткость этихъ отношеній. Каково бы ни было юридическое, абстрактное значеніе подобныхъ взглядовъ, они во всякомъ случаѣ должны быть осуждены во имя политическихъ соображеній. Конечно, можно представить себѣ такую комбинацію данныхъ, которыя оправдывали бы отмѣну финляндскихъ „привилегій"—но опасаться наступленія подобной комбинаціи въ настоящее время нѣтъ ни малѣйшей причины, а слѣдовательно нѣтъ основанія и для угрозъ, ею обусловливаемыхъ. Важно не то, какимъ научнымъ терминомъ опредѣляется всего точнѣе связь между Финляндіей и Россіей—важно укрѣпленіе этой связи, достижимое, конечно не бряцаніемъ меча въ ножнахъ, не напоминаніями о безсиліи и безпомощности финляндцевъ. Мы никогда не утверждали, чтобы связь между Финляндіей и Россіей была персональной уніей въ тѣсномъ, техническомъ смыслѣ слова—но мы думали и продолжаемъ думать, что ближе всего она подходитъ именно къ этому типу государственнаго устройства. Можно ли говорить о полной реальной связи, о безусловномъ единеніи между политическими тѣлами, которыя отдѣлены одно отъ другого таможенною линіею, изъ которыхъ каждое имѣетъ свое законодательство, свои финансы, свою монетную систему?

Къ сонму газетныхъ враговъ Финляндіи еще недавно принадлежала „Русь" [1]; тѣмъ пріятнѣе было встрѣтить въ ней поворотъ къ

---

[1]) См. напр. статью: „Къ вопросу о финляндскихъ привилегіяхъ", въ № 10 „Руси".

другимъ, болѣе разумнымъ взглядамъ. Авторъ статьи, напечатанной въ № 13 этой газеты, признаетъ, что „полная отмѣна особыхъ правъ Финляндіи могла бы имѣть мѣсто лишь въ случаѣ открытой измѣны и явнаго нарушенія интересовъ русскаго государства. Здравый государственный смыслъ побуждаетъ избѣгать ломки государственныхъ и общественныхъ учрежденій, къ которой мы, русскіе, къ несчастію слишкомъ пріучены исторіею послѣднихъ двухъ столѣтій... Было бы несоотвѣтственно достоинству сильной государственной власти, подъ первой вспышкой неудовольствія занести руку на учрежденія, которыя созданы ею и развивались съ ея разрѣшенія и при ея покровительствѣ въ теченіе болѣе полувѣка". Для огражденія русскихъ интересовъ авторъ находитъ достаточнымъ установить, чтобы „всѣ проекты законодательныхъ актовъ для Финляндіи, восходящіе на утвержденіе верховной власти, предварительно проходили чрезъ какое-либо общее государственное учрежденіе, которое, не входя въ разсмотрѣніе проектовъ по существу, со стороны цѣлесообразности ихъ или пользы для страны, гдѣ эти законы должны дѣйствовать, давало бы лишь заключеніе, нѣтъ ли препятствія къ ихъ утвержденію исключительно съ точки зрѣнія: ne quid detrimenti capiat respublica". Оказывается, однако, что и это предложеніе не имѣетъ raison d'être. „Авторъ проекта,—читаемъ мы въ нашей оффиціозной французской газетѣ — очевидно мало знакомъ съ Финляндіей. Иначе онъ зналъ бы, что мѣры, принимаемыя въ Финляндіи, имѣютъ, большею частью, чисто мѣстный характеръ. Если же должны быть приняты мѣры, касающіяся Россіи, то о нихъ всегда испрашивается предварительно мнѣніе компетентнаго министра". Весьма любопытно другое замѣчаніе „Journal de Saint-Pétersbourg", также относящееся къ Финляндіи. Одна изъ русскихъ газетъ высказала недовольство по поводу существованія въ Петербургѣ государственнаго секретаріата Финляндіи, усматривая въ немъ подражаніе отдѣленію норвежскаго государственнаго совѣта въ Стокгольмѣ. „Между этими учрежденіями,—говоритъ французская газета,—дѣйствительно существуетъ сходство, но сходство это вовсе не вызвано подражаніемъ, такъ какъ норвежскія учрежденія сформированы въ 1814 г., а финляндскій государственный секретаріатъ существуетъ съ 1811 г." Et voilà comme on écrit l'histoire — въ русскихъ реакціонныхъ газетахъ!

Заключимъ нашу хронику по необходимости запоздалымъ надгробнымъ словомъ. Русское земство и русская экономическая наука понесли тяжелую потерю въ лицѣ В. И. Орлова, основателя и распространителя земской статистики, главы школы, такъ сильно въ

короткое время, подвинувшей впередъ изученіе народной жизни. Труды В. И. Орлова, помимо внутренней своей цѣнности, чрезвычайно важны какъ свидѣтельство о томъ, что̀ можно сдѣлать, съ достаточной суммой знанія, умѣнья и любви къ народу, на почвѣ земскихъ учрежденій. Еслибы наше земство, въ продолженіе двадцати лѣтъ своего существованія, ограничилось только тѣми статистическими изслѣдованіями, начало которымъ положилъ покойный В. И. Орловъ, то оно прошло бы не безслѣдно. Работы московскаго земства и другихъ, идущихъ по его стопамъ—это цѣлая сокровищница, постоянно пополняемая новымъ матеріаломъ и таящая въ себѣ массу еще не разработанныхъ богатствъ. В. И. Орловъ никогда не останавливался на добытыхъ уже результатахъ, постоянно шелъ—и велъ другихъ—впередъ; ему дана была только короткая жизнь, но онъ воспользовался ею такъ, какъ удается немногимъ, и умеръ среди своего дѣла, оставляя живой примѣръ неутомимаго труда и преданности излюбленной идеѣ.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

I. Общество Любителей Россійской Словесности, состоящее при Императорскомъ московскомъ университетѣ, извѣщаетъ, что съ 1-го сентября по 1-е октября сего 1885 года къ казначею Общества поступили собранныя съ высочайшаго соизволенія пожертвованія на сооруженіе въ Москвѣ памятника Николаю Васильевичу Гоголю: 1) по подписнымъ листамъ №№ 26 и 27 черезъ Н. А. Комаровскаго—6 руб. 27 копѣекъ; 2) по подписному листу № 245 черезъ М. П. Угрюмова—10 руб., и 3) по подписнымъ листамъ №№ 30, 31, 32 и 33 черезъ К. П. Воскресенскаго—135 рублей 96 копѣекъ. Итого, сто пятьдесятъ два рубля 23 копѣйки, а всего съ преждепоступившими двѣнадцать тысячъ шесть рублей 94 копѣйки.

II. Въ редакцію доставленъ по почтѣ 1 рубль, изъ Митавы отъ г. Б—ъ, на поддержаніе сельской школы К. Д. Кавелина.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Историческіе очерки. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. А. Н. Пыпина. Изд. 2-ое, пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 1885. Стр. 549. Ц. 2 р.

Въ новомъ изданіи авторъ сохранилъ прежнюю программу и остался при прежней задачѣ, а именно, сдѣлать историческое сравненіе различныхъ эпохъ, характеровъ и общественныхъ положеній; но въ то же время онъ воспользовался новой литературой своего предмета, значительно разросшейся со времени перваго изданія его труда, и сдѣлалъ нѣкоторыя дополненія, какъ напримѣръ, обзоръ проекта Новосильцева, законоположенія „Союза Благоденствія“. „Возвращаясь къ тѣмъ временамъ,—говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи,—и вспоминая тогдашніе интересы, борьбу мнѣній, начинавшееся столкновеніе двухъ принциповъ жизни, стараго и новаго, мы найдемъ новое подтвержденіе законности тѣхъ современныхъ стремленій къ общественному преобразованію, которыя и до сихъ поръ остаются непонятными для большинства, и на которыя съ такою яростью бросаютъ свои клеветы ретроградные агитаторы“. Эта борьба старой и новой жизни далеко еще не кончилась, но тѣмъ не менѣе она подвинулась уже настолько, что необходимость ближе изслѣдовать начатки этой борьбы сдѣлалась очевидною, а именно, такова главная задача настоящихъ историческихъ очерковъ.

Исторія государственныхъ учрежденій Англіи, Рудольфа Гнейста. Перев. съ нѣмецкаго, п. р. С. А. Венгерова. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1885. Стр. 857. Ц. 4 р. 50 к.

Послѣ цѣлаго ряда обширныхъ этюдовъ, изъ которыхъ каждый можно назвать обширнымъ трудомъ, проф. Гнейстъ приступилъ къ окончательной и всесторонней разработкѣ исторіи англійскихъ государственныхъ учрежденій, на протяженіи десяти вѣковъ. Главная цѣль автора состояла въ томъ, чтобы воспроизвести картину постояннаго взаимодѣйствія между государствомъ и обществомъ, между государствомъ и церковью, между конституціей и администраціей. Только такая исторія даетъ правильное понятіе о той сплоченности отдѣльныхъ частей государства и общества, которая лежитъ въ основѣ историческаго развитія всѣхъ государственныхъ учрежденій и имѣетъ рѣшающее вліяніе на судьбу каждой націи. Переводъ подобнаго классическаго труда и его изданіе нельзя не признать истинною заслугою по отношенію къ нашей научной литературѣ, пока еще не богатой самостоятельными изслѣдованіями въ той области, гдѣ Гнейстъ давно уже заслужилъ себѣ имя первокласснаго авторитета.

Россія дальняго Востока. Фр. Шперка. Спб. 1885. Стр. 503.

Десять лѣтъ жизни въ Амурской области дали возможность автору лично познакомиться съ этимъ краемъ; изучивъ въ то же время всю литературу своего предмета, онъ могъ провѣрить и расширить свои наблюденія, и такимъ образомъ составить обширный трудъ, въ которомъ читатель найдетъ всѣ необходимыя данныя для знакомства съ исторіею, топографіею, климатомъ, растительностью, этнографіею и біологіею всей Приамурской страны. Въ результатахъ своихъ изслѣдованій авторъ приближается болѣе къ извѣстнымъ трудамъ г. Завалишина и не раздѣляетъ розовыхъ надеждъ другого извѣстнаго изслѣдователя, г. Романова. „Хотя,—говоритъ онъ,—прошло уже болѣе 20 лѣтъ съ того времени, какъ Амуръ оффиціально былъ признанъ принадлежащимъ намъ, но мы, къ сожалѣнію, и въ настоящее время видимъ тѣ же пустынные берега, мало заселенные, то же апатичное казачье населеніе, которое такъ живо охарактеризовалъ г. Максимовъ; мало что измѣнилось къ лучшему въ теченіе этого времени“.

Римская исторія, Ѳ. Моммсена. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. Изд. К. Т. Солдатенкова, т. V. М. 1885. Стр. 648. Ц. 3 р. 50 к.

Настоящій выпускъ римской исторіи представляетъ особенную важность, благодаря тому, что знаменитый его авторъ посвятилъ весь настоящій томъ предмету менѣе изслѣдованному, но въ высшей степени любопытному; исторія Рима въ Римѣ, въ эпоху цезарей, имѣла для себя не мало изслѣдователей; въ настоящемъ томѣ Моммсенъ обратилъ все вниманіе на исторію провинцій въ ту же эпоху; а именно, въ исторіи порабощенныхъ провинцій и лежитъ ключъ къ пониманію истинныхъ причинъ паденія римской имперіи.

Сочиненія П. В. Жуковскаго. Спб. 1885. Стр. 192.

Вся книжка, весьма изящно изданная, состоитъ изъ стихотвореній—мелкихъ, подъ особымъ заглавіемъ: „Мои досуги“, и обширной исторической хроники XVII-го вѣка, въ четырехъ дѣйствіяхъ, „Евдокія Стрѣшнева“. Историческая хроника у насъ имѣетъ блестящихъ представителей, поэтому авторъ можетъ самъ легко усмотрѣть и тѣ достоинства, и тѣ недостатки, какіе могутъ оказаться въ его хроникѣ; во всякомъ случаѣ, сюжетъ избранъ имъ очень удачно. Лирическая поэзія, за исключеніемъ переводовъ, является также какъ бы личною историческою хроникой самого поэта: это—поэтическіе наброски, замѣтки, впечатлѣнія изъ разныхъ эпохъ жизни автора вплоть до самыхъ послѣднихъ лѣтъ, съ сохраненіемъ, однако, въ поэзіи того же характера, какой она носила въ тѣ блаженные годы, когда почти каждый юноша былъ непремѣнно вмѣстѣ и поэтъ.

Всеобщій календарь на 1886 годъ. Двадцатый годъ. Съ 9 портретами. Спб. Ц. 1 р.

Въ послѣднее время календари, считая за собою десятки лѣтъ, настолько установились въ своей формѣ и пріемахъ, что имъ ничего не остается болѣе, какъ повторяться изъ года въ годъ, конечно, mutatis mutandis, и не забыть своевременно выйти въ свѣтъ. И тому, и другому требованію „Всеобщій Календарь“ удовлетворилъ, повидимому, вполнѣ. Желательно было бы, на будущее время, встрѣтить вообще въ нашихъ календаряхъ наибольшее развитіе такъ называемаго отдѣла „Разныхъ свѣдѣній“, и изложеніе его въ какой нибудь системѣ; этотъ отдѣлъ представляетъ особенную важность въ Петербургѣ, наша столица—единственная въ Европѣ, не имѣющая до сихъ поръ адресной книги!

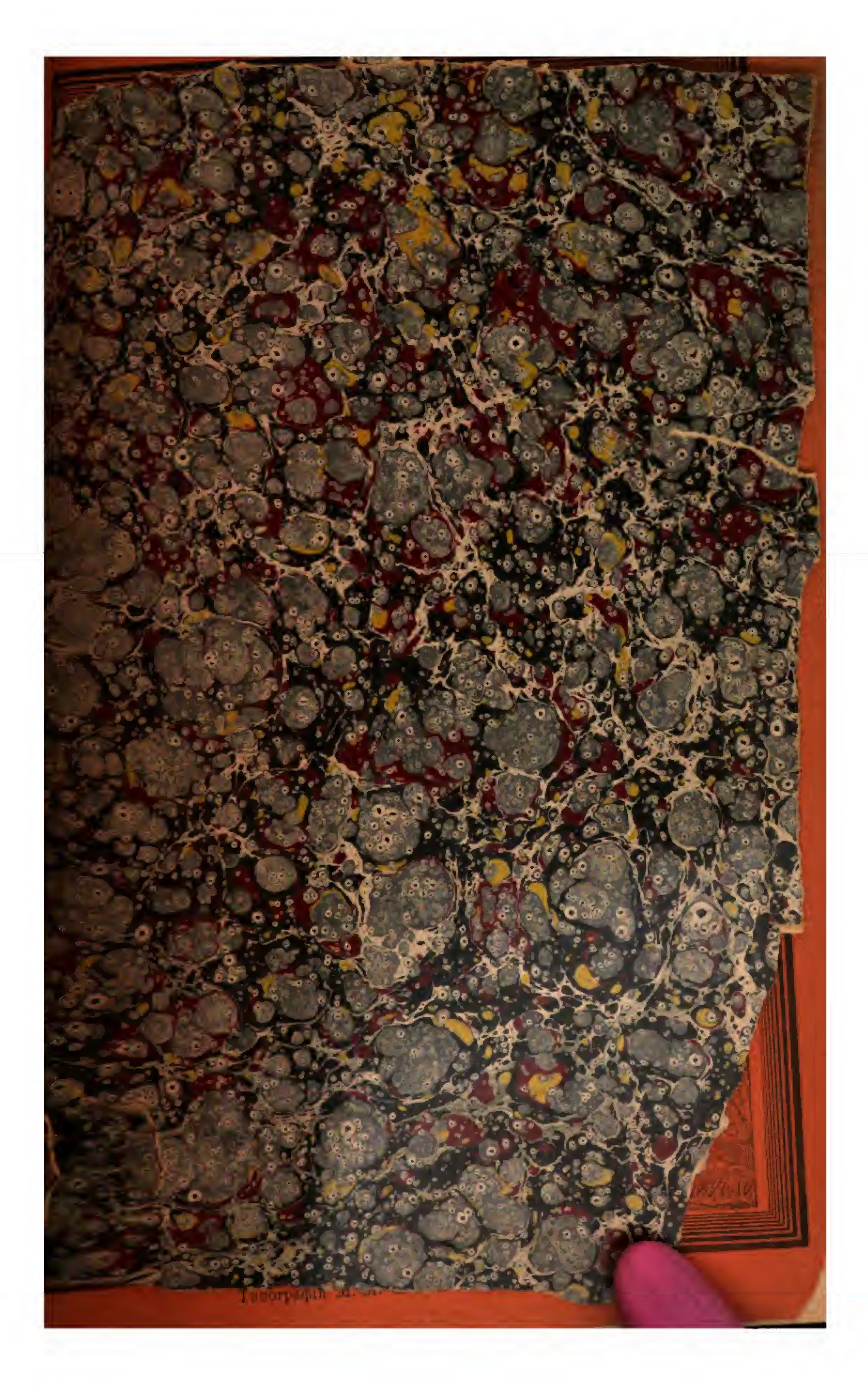

на 1886 г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

— въ Петербургѣ: 1) въ Главной ...
С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин. ...
магазинѣ Э. Меллье, на ...
... магазинахъ Н. П. Карбасникова ...
... на Моховой, д. Коха, ...
— Иногородные обращаются по почтѣ ...
... въ Главную Контору ...
... и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія ...

... РЕДАКЦІИ.

Типографія

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

НА 1886 Г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

	Годъ:	Полгода:	Четверть:		Годъ:	Полгода:	Четверть:
Безъ доставки . .	15 р. 50 к.	8 р.	4 р.	Съ пересылкою . .	17 „ — „	10 „	6 „
Съ доставкою . .	16 „ — „	9 „	5 „	За-границей	19 „ — „	11 „	7 „

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к., за-границей — 3 руб.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ Петербургѣ: 1) въ Главной Конторѣ журнала „Вѣстникъ Европы" въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, и 2) въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Мелье, на Невскомъ проспектѣ; — въ Москвѣ: 1) при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; 2) Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и 3) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — Иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично — въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журналѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку городскимъ подписчикамъ Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногороднихъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію „Вѣстника Европы", въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ *допускается* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногороднихъ въ городскіе — 40 коп.; и изъ городскихъ или иногороднихъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

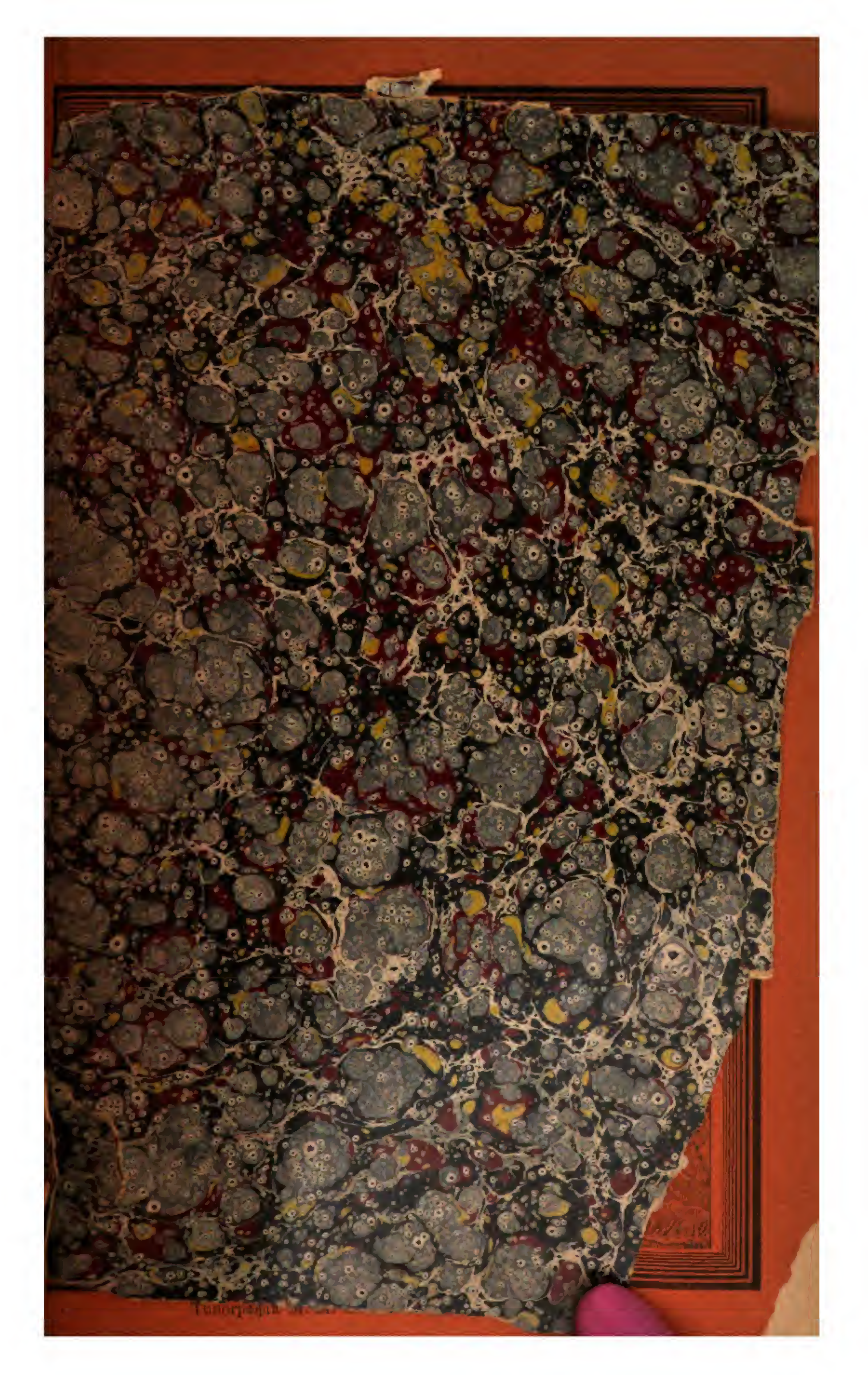
Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногороднихъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ — КНИГА 12-я.
ДЕКАБРЬ, 1885.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1885.

I.—ВСЕСОСЛОВНАЯ СЕМЬЯ.—Разсказъ.—Эпилогъ.—**Н. Д. Ахшарумова** . . . . [illegible]

II.—АФРИКАНСКАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ ВЪ БЕРЛИНѢ.—Колоніальная политика современныхъ государствъ.—IV-VII.—Окончаніе.—**Ѳ. Ѳ. Мартенса** . . . . [illegible]

III.—НАПОЛЕОНЪ I, по новымъ изслѣдованіямъ.—XIX-XXV.—Окончаніе.—**Н. Д.** . [illegible]

IV.—ИЗЪ ТЕННИСОНА.—Стих.—**Ч** . . . . [illegible]

V.—ИСТОЧНИКИ МАТЕРІАЛИЗМА.—**М. Кулишера** . . . . [illegible]

VI.—РАЗБОИ И САМОРАСПРАВА НА КАВКАЗѢ.—**Т.** . . . . [illegible]

VII.—СИЛУЭТЫ.—I. Филиппъ Филиппычъ.—**Н. Н. Альбова** . . . . [illegible]

VIII.—ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНІЯ И ГЕРМАНОФИЛЫ.—**М. Корелина** . . . . . . [illegible]

IX.—ВЪ ПАНЦЫРѢ ВЕЛИКАНА.—Романъ Ф. Ансти.—Съ англійскаго.—XXIV-XXXVI.—Окончаніе.—**А. Э.** . . . . [illegible]

X.—ОБЗОРЪ МАЛОРУССКОЙ ЭТНОГРАФІИ.—VI.—П. А. Кулишъ.—Окончаніе.— —**А. Н. Пыпина** . . . . [illegible]

XI.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Н. Минскаго** . . . . [illegible]

XII.—ДІАГНОЗЫ И РЕЦЕПТЫ.—По поводу этюда М. С. Громеки о послѣднихъ произведеніяхъ гр. Л. Н. Толстого и публичныхъ лекцій П. Е. Астафьева.—**Ц—е—** . . . . [illegible]

XIII.—ХРОНИКА.—Паспортная реформа.—**Ѳ. Ѳ. Воронцова** . . . . . . [illegible]

XIV.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Перемѣна въ управленіи министерствомъ юстиціи.—Вопросы о независимости судей, о разграниченіи властей, о судѣ присяжныхъ.—Судебная часть въ Закавказскомъ краѣ.—Положеніе работъ въ коммиссіи по составленію гражданскаго уложенія.—Отчетъ департамента окладныхъ сборовъ за 1884 г.—Еще два слова о дѣлѣ Мироновича . . . [illegible]

XV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Поворотъ въ балканскихъ дѣлахъ.—Сербія и Болгарія.—Австрія и Сербія.—Мнимые и настоящіе мотивы войны.—Значеніе союза трехъ имперій.—Константинопольская конференція.—Турецко-болгарскіе проекты.—Политика Англіи и ошибочная оцѣнка ея.—Причины сербскихъ неудачъ.—Смерть короля Испаніи Альфонса . . . . [illegible]

XVI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Разсказы бабушки, Д. Благово.—Всеобщая исторія, Г. Вебера, перев. Андреева, т. I.—**А. В.**—Интеллигенція и народъ въ общ. жизни Россіи, I. Каблица (Юзовъ).—Востокъ, Россія и славянство, К. Леонтьева.—Нашъ нервный вѣкъ, пр. Крафтъ-Эбинга, пер. съ нѣм.—**Л. С.** [illegible]

XVII.—ЗАМѢТКА.—По поводу книги Ц. Ломброзо: „Геніальность и помѣшательство“.—**В. В.** . . . . [illegible]

XVIII.—НЕКРОЛОГЪ.—I. Н. В. Калачовъ.—II. Е. П. Карновичъ.—**А. П.** . . . [illegible]

XIX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Засѣданія 30 октября и 6 ноября въ петербургской городской Думѣ.—Дѣятельность „партіи“, объясняемая ея „программой“.—Общія черты городского самоуправленія въ Москвѣ и Петербургѣ.—Ожиданіе перемѣнъ въ остзейскихъ губерніяхъ.—Н. Я. Данилевскій †.—Разъясненіе одного недоразумѣнія . . . . [illegible]

XX.—МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.—„Вѣстникъ Европы“ за 1885 г. [illegible]

XXI.—АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1885 г. [illegible]

XXII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Сочиненія Добролюбова, 4-е изданіе.—Дома и на войнѣ, А. Верещагина.—Базилика имп. Константина въ Іерусалимѣ, Б. Мансурова.—Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ, д-ра Хвольсона.—Календарь для врачей на 1886 годъ.—Русскій календарь на 1886 годъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XXIV стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1886 г., см. ниже, на оберткѣ.

ВСЕСОСЛОВНАЯ СЕМЬЯ

Разсказъ изъ лѣтописей одного благонамѣреннаго сближенія.

ЭПИЛОГЪ [1]).

I.

Скоро послѣ войны, Горностаевы сдали въ аренду Ольхино и уѣхали въ К**. Лариса Дмитріевна имѣла кой-какія надежды пристроить мужа снова къ университету; но неотложной причиною были заботы о воспитаніи, такъ какъ старшему ея мальчику минуло уже 10 лѣтъ. Передъ отъѣздомъ она упрашивала меня заглянуть хоть изрѣдка въ ихъ имѣніе и успокоить ее короткимъ извѣстіемъ, что тамъ дѣлается. Я обѣщалъ, и такъ началась у насъ переписка, благодаря которой я получалъ иногда извѣстія и о мужѣ ея. Сначала они ограничивались поклономъ да жалобами, что Петръ Ивановичъ не можетъ и до сихъ поръ помириться съ своею потерей, что онъ одичалъ, тоскуетъ и прячется отъ людей. Потомъ она признавалась мнѣ, что здоровье мужа тревожитъ ее,—что онъ сталъ молчаливъ и задумчивъ,—дичится старыхъ своихъ университетскихъ пріятелей,—накупилъ мистическихъ книгъ, надъ которыми всѣ серьезные люди въ К** смѣются, и просиживаетъ надъ ними по цѣлымъ днямъ. ...Книги, какъ я узнаlъ потомъ, были частью изъ тѣхъ двусмысленныхъ сочиненій, что, выходя за предѣлы науки, стремятся въ область неразрѣшимыхъ вопросовъ,—частью же откровенно и запросто спиритическія.

„Что хуже всего меня безпокоитъ,—писала Лариса Дмит-

---

[1]) См. выше: нояб., 5 стр.

ріевна:—это, что онъ ушелъ совершенно въ себя и ни съ кѣмъ не дѣлится мыслями; такъ что нѣтъ никакого средства узнать, что происходитъ въ его головѣ. А между тѣмъ, я замѣчала за нимъ, что иногда, должно быть когда у него безсонница,—онъ, глухою ночью, встанетъ съ постели и бродитъ по комнатамъ, бормоча что-то самъ про себя"... И дальше: — „Все это огорчаетъ меня тѣмъ больше, что я, какъ и въ Ольхинѣ, тутъ совершенно одна, и не знаю съ кѣмъ посовѣтоваться... Дорого бы дала, чтобы узнать ваше мнѣніе, такъ какъ вы единственный человѣкъ на свѣтѣ, съ которымъ я смѣю быть откровенна. А старые наши пріятели, — и факультетскіе хуже всѣхъ,—надъ нами посмѣиваются... Что же, молъ, вы не вопрошали еще духовъ?.. Боюсь, чтобы скоро до этого не дошло, и чтобъ тотъ, кто—прости ему Богъ, — однажды уже испортилъ намъ жизнь, не вернулся кончать свое дѣло"...

Я понималъ ея недомолвки и опасенія; но что я ей могъ посовѣтовать?..

Подумавъ, однако, я написалъ Петру Ивановичу нѣсколько строкъ, въ томъ смыслѣ, что смерть его друга и собственное его отсутствіе отняли у меня одну изъ величайшихъ отрадъ, какія мыслящій человѣкъ способенъ найти въ такомъ темномъ царствѣ, какъ нашъ уѣздъ: — отраду услышать хоть изрѣдка, и въ гадательной формѣ, отвѣтъ на вопросы, далеко превосходящіе все, что занимаетъ здѣсь мысли людей... „Чего бы я не далъ, — писалъ я: — за удовольствіе провести по старому вечеръ въ обществѣ двухъ столь высоко-чтимыхъ мною людей и услышать отъ нихъ живое слово!.. Къ несчастію никакія чары не въ силахъ вернуть къ намъ изъ царства тѣней того, что оно однажды похитило. ...„Вижу какъ вы поморщились; но простите мнѣ это вульгарное выраженіе. Въ сущности вы вѣдь знаете, я не вѣрю ни въ „царство тѣней", ни въ другую, подобную миѳологію. Да и зачѣмъ сочинять себѣ вымыслы тамъ, гдѣ простая, трезвая истина такъ утѣшительна и тепла? Кого я люблю и помню, тотъ для меня не тѣнь, а живой человѣкъ, хотя его больше и нѣтъ со мной".

Я написалъ это на удачу, зная, что Петръ Иванычъ лѣнивъ на корреспонденцію; но противъ всякаго ожиданія, черезъ двѣ недѣли, пришелъ отвѣтъ.

— „Письмо ваше глубоко порадовало меня, дорогой Василій Егоровичъ, — писалъ Горностаевъ своимъ убористымъ, четкимъ почеркомъ: — какъ доказательство, что на свѣтѣ, кромѣ меня, есть хоть одинъ еще человѣкъ, для котораго онъ не умеръ. Ибо, хотя вы и ропщете на Гадесъ, не возвращающій якобы никогда

похищенной имъ добычи; но вы же сами потомъ и свидѣтельствуете, что вы не вѣрите этимъ греческимъ баснямъ. Во истину онѣ отжили свое время, и послѣ нихъ мы слыхали другое слово, болѣе говорящее нашему сердцу и пониманію. „Богъ нашъ гласило оно: — Богъ живыхъ, а не мертвыхъ"... Признаться ли вамъ: всякій разъ, что я скорблю и тоскую по немъ,—слова эти внятно звучать у меня въ ушахъ, словно что-то могучее произноситъ ихъ извнутри... Вы говорите: „чары безсильны вернуть похищенное".—Да, разумѣется, если подъ чарами разумѣть сверхъестественные пути. Но есть совершенно другіе, и мы, не давая себѣ отчета въ томъ, что мы дѣлаемъ, ходимъ въ нихъ столь же безпечно, какъ ходимъ въ домѣ своемъ, по комнатамъ, или по знакомой тропинкѣ въ полѣ. Во снѣ мы видимъ себя нерѣдко совсѣмъ не такими, какими мы знаемъ себя теперь въ дѣйствительности, а тѣмъ, чѣмъ мы были лѣтъ триддать тому назадъ. Мы молоды, и насъ окружаютъ знакомыя, милыя лица давно сошедшихъ въ могилу людей; въ сердцѣ у насъ воскресаютъ привязанности, давно остывшія, чувства, идеи, стремленія, о которыхъ мы сами себѣ говоримъ, въ другія минуты, что мы схоронили ихъ. Значитъ живъ еще тотъ человѣкъ, какимъ мы были давнымъ-давно, и есть естественная возможность вызвать его, какъ вы говорите, изъ царства тѣней, хотя намъ и кажется, что мы дѣлаемъ это помимо воли. Но память наша слаба; а потому и образъ, который она воскрешаетъ, блѣденъ. Найдите силу, которая помогла бы ей воскресить этотъ образъ во всей его полнотѣ, со всѣми красками и подробностями живой, стоящей лицомъ къ лицу съ человѣкомъ дѣйствительности, и вся ваша прошлая жизнь можетъ быть пережита въ любую пору, день за день и часъ за часъ. И хотя бы пришлось позанять ее у кого-нибудь,—эту силу, —что нужды?.. Многимъ, я знаю, кажется невозможнымъ такое заимствованіе; но оно происходитъ на нашихъ глазахъ каждый день. Кровь наша, плоть, стремленія, мысли, наслѣдственные пути и формы мышленія, тысячи средствъ и видовъ приспособленія къ окружающимъ насъ житейскимъ условіямъ,—все это развѣ нами создано? Нѣтъ, это общій фондъ человѣчества, и мы изъ него беремъ не нами созданное, а накопленное тысячелѣтіями и унаслѣдованное изъ рода въ родъ достояніе. Воистину это могущественнѣе и даже, если хотите, чудеснѣе всякихъ чаръ; а между тѣмъ, кто въ правѣ назвать это фантастическимъ способомъ единенія?.. Въ самую эту минуту, когда я пишу вамъ, вы можетъ быть думаете, что я почерпнулъ это все изъ себя, или иначе, что это одинъ только я, и не дальше какъ я, говорю вамъ?.. Нѣтъ,

дорогой Василій Егоровичъ, не я это говорю, а онъ... Это все мысли его и слова его. Не въ правѣ ли я послѣ этого утверждать, что онъ не тлѣетъ въ гробу, а живетъ во мнѣ, въ васъ, во всѣхъ, въ кого онъ когда-нибудь заронилъ хоть мимоходомъ лучъ своей мысли?.. Живетъ и будетъ жить вѣчно, если есть око всевидящее и сердце вселюбящее и память незабывающая ничего изъ прошлаго,—та память и та любовь, которыя побѣждаютъ смерть!"...

— „Ну,—думалъ я, дочитавъ:—надѣюсь, что это ее успокоитъ"... И я отправилъ посланіе въ подлинникѣ Ларисѣ Дмитріевнѣ, прибавивъ нѣсколько строкъ отъ себя, въ томъ смыслѣ, что я не вижу тутъ еще ничего тревожнаго:—„Это реминисценціи старыхъ бесѣдъ съ Иваномъ Герасимовичемъ,—писалъ я:—идеи котораго о подобныхъ вещахъ отличались всегда поэтическою окраской".

Отвѣтъ не заставилъ себя ожидать. Она горячо благодарила меня; но прибавляла, что ей не вѣрится, чтобы это было все. „Еслибъ онъ былъ чистосердечнѣе съ вами,—писала она:—онъ бы не скрылъ, что ему теперь мало уже идей съ поэтическою окраской. Судите сами. Въ ту пору, когда онъ писалъ вамъ это, онъ пріобрѣлъ уже медіума и занимается съ нимъ — или точнѣе — съ ней — обыкновенными при этомъ дурачествами. Это одна изъ бывшихъ студентокъ и нѣкогда ученица Петра Ивановича, теперь уже старая, истеричная дѣва, вернувшаяся изъ Петербурга, гдѣ ее усыпляли съ открытыми глазами, кололи булавками, клали какъ доску, концами, на два разставленныхъ стула и садились посерединѣ, заставляли видѣть, по приказанію, то, чего нѣтъ, или разсказывать небывальщину, вертѣть столы, писать подъ диктовку духовъ, и прочее,—послѣ чего она, разумѣется, смотритъ кандидаткою въ сумасшедшій домъ. Анной Гавриловной называютъ ее у насъ тутъ, за просто, въ К**, и Анну Гавриловну знаетъ весь городъ... Такъ вотъ я о ней говорю. Особа эта повадилась къ намъ, и мужъ, безъ стыда, запирается съ нею глазъ-на-глазъ. Я говорю „безъ стыда" не потому, чтобы я ихъ подозрѣвала въ чемъ-нибудь (Анна Гавриловна, какъ отозвался о ней здѣсь одинъ шутникъ, вѣдь духовная), а потому, что прислуга у насъ толкуетъ объ этихъ сеансахъ такъ, что хоть уши зажми. Я ихъ упрашивала, чтобы, по крайней мѣрѣ, хоть отъ меня-то не запирались;—такъ нѣтъ, изволите видѣть, нельзя; потому—говорятъ—„невѣрующая"!.. Ну, знаете, я не вытерпѣла. —А вы, говорю:—въ какого чорта хотите, чтобы я вѣрила? И если онъ вамъ дался, такъ чего же вы его прячете? Вы мнѣ хоть хвостъ-то его показали бы, чтобы я повѣрила"...

Страннымъ образомъ мнѣ загорѣлось узнать, что дальше. И я писалъ снова Петру Ивановичу.

— „То, что вы говорите,—писалъ я:—такъ высоко и чисто, что ужъ по этому одному должно быть недалеко отъ истины; но признаюсь вамъ, воззрѣнія эти имѣютъ одинъ существенный недостатокъ. Они подводятъ васъ словно къ запертой на-глухо двери и говорятъ: вотъ истина! всего одинъ шагъ отдѣляетъ васъ отъ нея!.. Но спрашивается: что пользы намъ знать, что она такъ близко, если у насъ нѣтъ силы поднять завѣсу, скрывающую ее отъ насъ? И не все ли это равно, что поставить голоднаго въ двухъ шагахъ отъ пищи, не позволяя ему не только насытиться, но даже, какъ говорятъ, и заморить червячка?.. А вѣдь червякъ-то гложетъ внутри еще мучительнѣе, если его дразнить, не насыщая!.. Вы скажете, можетъ быть, что съ этимъ надобно помириться, ибо мы тутъ находимъ себѣ предѣлъ, еже не прейдеши? Мало того, что причина безсилія нашего въ насъ, и мы можемъ постичь только то, что по самой природѣ своей не превышаетъ мѣры нашего пониманія? Но кто указалъ эту мѣру? И тысячи новыхъ, нежданныхъ, чудесныхъ открытій, которыя дѣлаетъ теперь каждый день наука, развѣ они не ручаются намъ, что мы далеко не дошли еще до конца?.. Съ другой стороны, какъ допустить, чтобы природа, какъ на смѣхъ, вложила намъ въ душу стремленія, которыхъ мы никогда не въ силахъ удовлетворить? Вѣдь это было бы, по выраженію Гейне, низко!—„Ищите“, сказано:—„и обрящете“. „Стучитесь и вамъ отворится“... Или мы такъ далеко отстали отъ древнихъ, которымъ, какъ все заставляетъ думать, извѣстны были пути и средства, теперь затерянные?.. P. S. Читали ли вы письма Б—ой изъ Индіи?.. и правда ли, что она—спиритка?“...

II.

— „Простите меня, голубчикъ,—писалъ Горностаевъ:—если въ прошедшемъ письмѣ я утаилъ отъ васъ самое важное, и—къ стыду своему признаюсь—даже именно то, что больше всего хотѣлось вамъ сообщить. Но на это были естественныя причины. Прежде всего я и самъ, въ ту пору, не зналъ бы еще, что сказать. Завѣса была поднята; но взоры мои, ослѣпленные новымъ свѣтомъ, не получали яснаго впечатлѣнія, и мысль, въ плѣну у рутиннаго взгляда на вещи, отказывалась повѣрить. Мало того, я боялся,—чего мы всѣ, эпигоны скептической школы, такъ ма-

лодушно боимся: смѣшного. Открытіе, только-что сдѣланное, имѣло такой чудесный видъ, что, чувствуя себя на яву и въ твердой памяти, я минутами все еще сомнѣвался: не грезится ли это мнѣ. Тѣмъ болѣе долженъ былъ я опасаться, что вы сочтете разсказъ мой безуміемъ или бредомъ... Послѣднее ваше письмо, однако, внушило мнѣ болѣе храбрости. Сдается, какъ будто бы мы не такъ уже далеки другъ отъ друга, чтобы понятія одного должны были показаться нелѣпостью другому, и вѣра его суевѣріемъ. Но еслибы я и ошибся въ этомъ,—то не бѣда. Отраднѣе быть осмѣяннымъ, чѣмъ трусливо молчать о томъ, что такъ жадно хотѣлось бы высказать... Голубчикъ, Василій Егоровичъ, вы были у насъ въ Боронцѣ изъ немногихъ, которые знали его коротко и любили искренно. Поэтому васъ, я надѣюсь, порадуетъ добрая вѣсть, что онъ живъ, и что я имѣлъ снова невыразимое счастье бесѣдовать съ нимъ. Не поймите, однако, меня въ буквальномъ смыслѣ. Никакихъ новыхъ извѣстій о немъ съ театра войны, или отъ возвратившихся счастливо къ своимъ очагамъ товарищей, я не имѣлъ. Напротивъ, онъ самъ подтвердилъ мнѣ въ общихъ чертахъ, то, что Дуня узнала на мѣстѣ. Сейчасъ передамъ вамъ собственныя его слова; но не могу умолчать при этомъ, что лично я до сихъ поръ не видалъ и даже еще не слыхалъ его. Бесѣды наши идутъ черезъ посредника: существо, одаренное болѣе тонкой организаціей и, путемъ упражненія, приспособившее себя къ той совершенно-пассивной, самоотверженной роли проводника, которую оно на себя принимаетъ. Чуткость ея (это женщина) къ неуловимымъ въ обыкновенныхъ условіяхъ впечатлѣніямъ такъ велика, способность отдаться имъ и уйти въ нихъ всѣмъ существомъ своимъ такъ безпредѣльна, что личность ея, самосознаніе, воля, разсудокъ и память, въ минуты, когда она служитъ посредникомъ между нами, можно сказать, не существуютъ или, вѣрнѣе, погружены въ глубокій сонъ. Она садится за столъ, ни слова не говоря, сидитъ не шевеля ни единымъ мускуломъ и устремивъ неуклонно взоръ на пламя свѣчи. Глаза ея скоро перестаютъ мигать, дыханіе незамѣтно; — рука беретъ машинально подсунутый карандашъ,—другая лежитъ безсильно и неподвижно въ моей рукѣ. ...Затѣмъ, я спрашиваю вполголоса, и она безсознательно, машинально, записываетъ вопросъ... Проходитъ минута страшнаго ожиданія; рука, лежащая у меня въ рукѣ, дрогнула; — неподвижный, широко-открытый взоръ ея принялъ то выраженіе напряженнаго до послѣднихъ предѣловъ вниманія, въ смыслѣ котораго нельзя ошибаться. Это знакомое всякому выраженіе человѣка тревожно прислушивающагося къ

чему-то, для посторонних невнятному. И следом затем, обыкновенно, рука ея начинает медленно, плавно—я не скажу писать, потому что оно совсем непохоже на это,—а двигаться, повинуясь пассивно силе, которая ею водит. Почерк оказывается, однако, потом, ея почерком; только местами буквы разставлены или удлинены, и черта, их связывающая, дрожит...

Был день именин его, — день, который мы, до разлуки, всегда проводили вместе;—и в этот-то день, судя по некоторым приметам, мы ожидали решительного успеха. Но все-таки то, что случилось, было так ново и непредвиденно для меня, что я не в силах вам передать глубокаго потрясения...

Едва мы уселись, на этот раз, как что-то рванулось во мне, словно на встречу милому, и я стал говорить, не давая себе отчета что именно; но потом слова мои оказались записаны. Это был вырвавшийся из сердца вопрос:

— Иван Герасимович! Где ты?

Рука ея у меня в руке дрогнула, пряди волос на лбу и пламя свечи колыхнулись, взор принял то самое выражение, о котором я говорил... Ужас нашел на меня, когда я понял что карандаш, в другой руке ея, пишет ответ. Я наклонился к плечу ея и прочел явственно:

— Здесь.

— Жив или умер?

— Умер, но тем не менее жив.

— Во мне или вне меня?

— В тебе, но не меньше и вне тебя.

— Учитель мой! Умоляю тебя помоги мне тебя понять.

Ответ на этот последний вопрос, в том виде, как он записан, был чрезвычайно сбивчив, и я трудился над ним потом немало, чтоб уяснить себе его истинный смысл. Много чего вошло в него, что пришлось откинуть как дань, безотчетно заплаченную нервической слабости существа, служившаго нам посредником. Рядом с его словами и в перебивку я находил такия вещи как, например.

— Ох, тяжело! Ох, Господи! Как тяжело! Десять пудов земли навалили на грудь! Смерть моя! Смерть! Все кончено!.. Время окончилось для меня и свет потух; я ничего не вижу, не слышу, не чувствую;—чувствую только, что жизнь уходит и нет во мне более ничего, — никакой силы, чтобы бороться!.. Конец?... Но отчего же мучению моему нет конца?.. Где я и что такое со мной?.. Я горю, и в горле, во рту пересохло... Жажда!.. Водицы бы со льдом, да ложечку яблочнаго варенья,

— или хоть просто яблочко... Яблочки вы мои — на вѣточкѣ! Славныя, спѣлыя яблочки, словно дѣточки съ пухленькими, румяными щечками!.. и кудрявая листва кругомъ!.. Вѣтерокъ дышетъ въ ней, и она шевелится... Нѣтъ, это рука шевелится... водитъ карандашомъ, — ведетъ черту по бумагѣ... Черта идетъ отъ начала и до конца, — а дойдетъ до конца — не пропала... Хотя и пришелъ ей конецъ, а она не исчезла, — останется... Буквы, слова останутся; и у каждаго слова свой смыслъ... И смыслъ его—это душа его... Ибо слово было въ началѣ духъ. Оно было въ началѣ всего, и все отъ него,—совершилось черезъ него; —а само оно раньше всего и ранѣе даже времени... Время пройдетъ, а слово останется... Время! Былое, хорошее время, куда ты ушло?.. Другъ, помнишь ли ты меня?.. Другъ милый, помнишь, весною въ саду, подъ яблонькой?.. и т. д.

Вы, можетъ быть, скажете: это бредъ;—но вникните:—среди простодушнаго дѣтскаго лепета, вы найдете слова, исполненныя глубокаго смысла. Нетрудно ихъ отличить, такъ какъ они выдаются сами собой; но что дѣйствительно было трудно—это связать ихъ въ живую рѣчь и найти въ нихъ отвѣтъ, котораго я ожидалъ. Я бился надъ этимъ долго, — то-есть, вы понимаете, не надъ этимъ однимъ, а надъ всѣмъ, что записано...

Возвращаюсь къ отвѣту на мой вопросъ. Вотъ какъ я понялъ его.

— „Я умеръ въ томъ смыслѣ, что личная жизнь окончена. Но я живъ, по скольку оконченная во времени, она продолжаетъ существовать независимо отъ него. Черта, которую чертитъ рука на бумагѣ, имѣла начало свое и имѣетъ конецъ; но однажды начертанная она не пропала. Она стала словомъ, а слово внѣ времени... Помнишь бесѣду нашу, весною, въ саду, подъ яблоней?“..

Это послѣднее не понятно для васъ: но однажды, весною, въ Ольхинѣ, у насъ былъ, дѣйствительно, памятный разговоръ. Онъ говорилъ о высокомъ значеніи слова, и то, что онъ говорилъ тогда, отлично идетъ къ послѣдней части его отвѣта.

— „Слово—говорилъ онъ тогда:—это великій актъ самоотреченія. Безусловное, выражаясь въ немъ простымъ, вещественнымъ знакомъ, жертвуетъ своей безпредѣльностью и становится ограниченнымъ, временнымъ, личнымъ. Но истинный и исконный смыслъ его черезъ то не потерянъ, ибо, обратнымъ путемъ, и личное, временное, условное, изображая собою то, что самоотверженно воплотилось въ немъ, пріобрѣтаетъ глубокій внутренній смыслъ и живую связь съ безконечнымъ“.

Подумайте хорошенько объ этомъ, Василій Егоровичъ, и вы согласитесь, что этого рода отвѣтъ могъ дать только онъ...“

Письмо было прервано и отправлено такъ ко мнѣ; а потомъ отъ меня, съ короткой припиской,—Ларисѣ Дмитріевнѣ. Она отвѣчала немедленно, и я получилъ отвѣтъ ея прежде чѣмъ успѣлъ получить отъ него продолженіе...

— „Вы все еще успокоиваете меня,—писала она,—объясняя воспоминаніями старыхъ философическихъ разговоровъ съ покойнымъ то, что Петръ Ивановичъ извлекъ изъ галиматьи, записанной на сеансѣ. Но искренно ли это, мой другъ?.. Чистосердечно вамъ признаюсь: не вѣрится, чтобъ съ вашимъ умомъ и образованіемъ вы могли въ самомъ дѣлѣ такъ думать... Знаете ли, что я проплакала цѣлый день надъ его письмомъ? По-моему это путь къ сумасшествію, и я горячо молюсь, чтобы Богъ избавилъ меня отъ этой горькой чаши!—Невинныя утѣшенія,—пишете вы. Я не вижу тутъ утѣшенія, а скорѣе безбожную и обманчивую игру. Религія запрещаетъ тревожить души усопшихъ, и тотъ, кто въ своемъ самомнѣніи переступаетъ предѣлъ, положенный дерзкому любопытству, совершаетъ тяжелый грѣхъ... Допустимъ, что онъ не будетъ простой игрушкой своей фантазіи и въ извѣстномъ смыслѣ достигнетъ цѣли. Почемъ онъ знаетъ, кто явится на его призывъ и будетъ ли это дѣйствительно другъ его, или отъ имени друга отвѣтитъ ему духъ лжи, завлекающій человѣка въ сѣти свои для его погибели? Это послѣднее тѣмъ вѣроятнѣе, что покойный,—не тѣмъ будь помянутъ,—при жизни усердно ему служилъ. Вы, можетъ быть, осмѣете меня, потому что вѣдь вы, я знаю, невѣрующій? Но я говорю спроста, что думаю,—и признаться ли, злость беретъ меня, когда я припомню, чѣмъ дѣйствительно былъ, при жизни, для мужа и для меня этотъ такъназываемый другъ... Сколько обмана... (два эти слова зачеркнуты были такъ тщательно, что я ихъ съ трудомъ разобралъ). Господи! думаю я:—неужли и самая смерть не избавила насъ отъ него?..

Кстати,—онъ вамъ не пишетъ, чѣмъ у нихъ кончился этотъ сеансъ;—такъ я разскажу. Съ Анной Гавриловной сдѣлался обморокъ и затѣмъ какой-то припадокъ, такъ что ее всю скорчило, и она задыхалась, стонала, плакала, хохотала... По-дѣломъ!.. Онъ тоже былъ самъ не свой и двѣ ночи потомъ не спалъ... Покуда онъ ѣздилъ за докторомъ для нея, я, каюсь, не утер-

пѣла и заглянула въ то, что у нихъ тамъ записано... Это какой-то бредъ, и образчикъ, выбранный имъ для васъ, еще изъ самыхъ толковыхъ. Но я васъ спрашиваю: развѣ это похоже хоть сколько-нибудь на отвѣтъ умершаго?.. Въ горлѣ, вотъ видите, пересохло,—не мудрено!—и жажда, водица холодная, яблоки грезятся! разумѣется ей, а не покойному; иначе это была бы ужъ ужъ чистая чепуха.

Докторъ, которому не было нужды допрашивать о причинѣ, такъ какъ весь городъ знаетъ о ихъ сеансахъ, сталъ уговаривать ихъ, чтобъ они прекратили это дурачество, и на нѣсколько дней это подѣйствовало. Но затѣмъ они видѣлись, и она увѣрила мужа, что совершенно здорова. Сѣли опять, и на этотъ разъ обошлось безъ обморока, только въ запискахъ Анны Гавриловны оказалась невыразимая чепуха: какіе-то сонмы душъ, поющихъ гимны, эфиръ, электричество, четвертое измѣреніе, и т. д. А между строкъ даже гадости, которыя трудно представить себѣ, чтобы женщина въ здравомъ умѣ рѣшилась произнести или написать... Петръ Ивановичъ сидѣлъ надъ этимъ бумагомараньемъ съ утра до глубокой ночи, но кажется, не добился толку, такъ какъ его рукой не отмѣчено на поляхъ ничего, и они не видались потомъ съ недѣлю. Я радовалась, воображая, что вотъ, слава Богу, кончилось! Но увы! мнѣ и въ голову не могло придти, какой оборотъ приметъ дѣло. Представьте себѣ, что онъ видѣлъ во снѣ покойнаго и узналъ отъ него, что никакихъ посредниковъ между ними не нужно, а просто, молъ, когда въ домѣ улягутся и все стихнетъ, садись и пиши; я буду съ тобой, и буду водить твоею рукою... Вы спросите, какъ я узнала это? Каюсь, перехватила записку мужа къ Аннѣ Гавриловнѣ, и прежде чѣмъ отправлять, прочла. Теперь мнѣ ясно, что никакое вмѣшательство не поможетъ, и я махнула рукой. Читаю только украдкой, когда его дома нѣтъ, записанное, и какъ ни стыдно мнѣ за Петра Ивановича, должна признаться, что на мой взглядъ это очень недалеко отъ записокъ Анны Гавриловны, хотя, конечно, о подлинникѣ нельзя судить по такимъ обработаннымъ извлеченіямъ, какія онъ посылаетъ вамъ.

Ради Бога, скажите мнѣ совершенно чистосердечно: что вы объ этомъ думаете; потому что я иногда теряю голову, и мнѣ кажется, что я скоро сама рехнусь"...

III.

Скоро потомъ я получилъ письмо и отъ мужа ея.

— „Вы выражаете нѣкоторое сомнѣніе, — писалъ онъ: — на счетъ источника, изъ котораго я почерпнулъ сообщенное вамъ въ послѣднемъ письмѣ, и думаете, что это, можетъ быть, безсознательно собственная моя конструкція, основанная на содержаніи старыхъ, философическихъ нашихъ бесѣдъ съ Иваномъ Герасимовичемъ?.. Я не намѣренъ оспаривать это предположеніе. Можетъ быть... Онъ же вѣдь самъ утверждаетъ, что живъ во мнѣ не меньше, какъ и внѣ меня... Но вотъ что никакъ уже не могло исходить отъ меня.

Мой слѣдующій вопросъ касался смерти, и я просилъ его разсказать, какъ совершился этотъ таинственный переходъ.

Отвѣтъ былъ:

— Не спрашивай! На человѣческомъ языкѣ нѣтъ словъ, чтобы это выразить.

Тогда я сталъ умолять его, чтобы онъ хоть иносказательно далъ мнѣ объ этомъ нѣкоторое понятіе. И вотъ что я получилъ въ отвѣтъ:

— „Четвертые сутки послѣ того, какъ его принесли въ баракъ, смертельно раненаго"...

(Замѣтьте, онъ говоритъ о себѣ передъ смертію, какъ о комъ-то другомъ; это весьма естественно, если сообразить, что не его угасающее самосознаніе, а другое, высшее, которое было въ немъ и которое не могло угаснуть,—способно было сохранить память объ этихъ ужасныхъ минутахъ).

— „Всю ночь онъ стоналъ и метался, переживая всѣмъ существомъ своимъ ужасъ смерти и изнемогая въ мучительной, непосильной борьбѣ... Къ разсвѣту послѣднія силы его истрачены, и вотъ онъ лежитъ въ забытьѣ... Страданія его кончились и минутами только сознаніе вспыхиваетъ, какъ пламя свѣчи, догорѣвшей до тла и готовой совсѣмъ угаснуть...

— „Лекарь съ сестрой милосердія подошли къ нему, и лекарь нагнулся, прислушиваясь.—Живъ еще,—шепчетъ онъ,—но сію минуту будетъ готовъ.

„Онъ слышалъ явственно эти слова и понялъ.—Смерть!—промелькнуло въ его умѣ. И вотъ, все вниманіе, на какое онъ еще былъ способенъ, приподнялось на встрѣчу тому, что̀ должно совершиться... Безъ всякой отсрочки, сію минуту, она придетъ, незнакомая, неразгаданная!.. Что же это такое"?

„И вотъ, покуда онъ думалъ это, члены его окоченѣли. Онъ уже ихъ не чувствуетъ. Дыханіе его, какъ упавшій, загнанный конь, пытается приподняться и послѣ короткой, напрасной попытки падаетъ; сердце нѣмѣетъ въ послѣднемъ, предсмертномъ трепетѣ; вниманіе, словно руки падающаго стремглавъ съ высоты, хватается, не давая себѣ отчета за что̀ и, обрываясь, падаетъ. Онъ летитъ въ бездонную, чорную, безотвѣтную глубину“...

На этомъ мѣстѣ рука, записывавшая отвѣтъ, остановилась. Бѣдная женщина помертвѣла и съ слабымъ возгласомъ:—Ахъ! опрокинулась головою на спинку креселъ. Ужасъ написанъ былъ на ея лицѣ, и прежде, чѣмъ я успѣлъ подать ей помощь, она упала къ моимъ ногамъ, безъ чувствъ... Къ несчастію, это больная женщина; обморокъ перешелъ у нея въ конвульсіи, и по совѣту врача, мы должны были прекратить сеансы. То, что̀ вы дальше прочтете, записано уже лично мной, такъ какъ онъ не покинулъ меня. По намеку его, я сдѣлалъ опытъ, и къ неописанной радости убѣдился, что далѣе въ нашихъ бесѣдахъ съ нимъ я могу обойтись безъ посредника.

„Среди мрака, — говорилъ онъ, продолжая разсказъ свой съ того, на чемъ онъ былъ прерванъ,—среди непрогляднаго мрака и чувства уничтоженія, я понемногу сталъ сознавать что-то странное, что похоже было на состояніе человѣка медленно просыпающагося... Мучительный сонъ, наконецъ, оставилъ меня, и я очнулся, смутно припоминая нѣчто забытое, но когда-то знакомое и привычное, что̀, въ теченіе жизни, мелькало порой въ видѣ неуловимой догадки,—догадки о томъ, что возможно совсѣмъ другого рода существованіе и другая почва, другія условія жизни, другое сознаніе, наконецъ, себя. Но объ этомъ послѣ, а прежде всего скажу, что я очнулся уже не въ тѣсной рамкѣ передвижного и неустойчиваго, являющагося и вслѣдъ затѣмъ немедленно исчезающаго мгновенія, а въ чемъ-то сплошномъ и законченномъ. Это была прожитая жизнь: вся личная моя жизнь отъ начала и до конца. Такъ человѣкъ, ложась спать, переживаетъ мысленно только-что проведенный имъ день. И подобно ему я чувствовалъ, что все это, пережитое, какимъ-то страннымъ образомъ ускользнуло отъ власти моей, и что вотъ я не въ силахъ уже измѣнить въ немъ ни іоты. Все было тутъ, и все ярко, полно, осязательно; лица давно умершихъ людей, какъ живыя, и рѣчи

ихъ, интонація голоса, обстановка, встрѣчи, прощанія, все до малѣйшей подробности, и ничто не утеряно, не забыто, ничто не поблекло на разстояніи или, вѣрнѣе сказать, разстояніе стало чѣмъ-то въ родѣ тюрьмы, изъ которой ты выпущенъ на просторъ и на волю. Первыя впечатлѣнія дѣтства и разные случаи, шалости, наказанія, школа, экзамены, служба и боевая жизнь на Кавказѣ, въ Крыму, житье наше въ К*** и въ Ольхинѣ, и бесѣды съ тобою, мой другъ; далѣе, Дуня, уѣздный городъ, ссылка, походъ. Вотъ дѣло подъ Ловчей, и я веду свою роту въ огонь. А вотъ меня принесли на носилкахъ, раненаго, на перевязочный пунктъ. Пестрый рядъ впечатлѣній, событій и сценъ,—желаній, надеждъ, опасеній и сожалѣній, оглядокъ назадъ и засматриваній впередъ. И все это стелется непрерывною полосой, переплетаясь съ другими подобными, встрѣчными или параллельными, оконченными или неконченными, образуя сферу, которая тоже опять не одна, а въ связи съ другими подобными, границы которыхъ уходятъ вдаль и тонутъ тамъ, какъ въ туманѣ...

— „Но помни, что все это только притча, мой другъ, которая собственно не даетъ никакого понятія о реальной правдѣ, а заключаетъ въ себѣ не болѣе, какъ далекій и блѣдный намекъ на нее. Это проэкція истины на тупомъ ограниченномъ и условномъ планѣ земного нашего разумѣнія,—истины въ безконечной ея полнотѣ и въ безчисленномъ множествѣ соотношеній непостижимой для насъ... Не думай, что я уже обнялъ ее и уразумѣлъ. Я только вижу ее теперь съ другой точки зрѣнія, сдѣлалъ одинъ только шагъ изъ тюрьмы. Но путь открытъ далеко за чертою старой, неодолимой и непроглядной стѣны. Вижу на немъ вдали необозримые горизонты, о которыхъ я до сихъ поръ не имѣлъ никакого понятія или, вѣрнѣе, имѣлъ когда-то, да потерялъ...

— „Но существуютъ и здѣсь помѣхи; къ несчастію я не могу тебѣ ихъ объяснить, не прибѣгая опять къ параболѣ. Собственно говоря, открыто все, и въ сути вещей нѣтъ ничего, что мѣшало бы ихъ обнять и постигнуть немедленно, но сосудъ способенъ вмѣстить, сверхъ собственной его ёмкости, только весьма немногое. Мѣра же его ёмкости—это мѣра той жизни, которая прожита. Насколько въ ней было любви, позволяющей человѣку участвовать въ томъ, что лежитъ за предѣлами его личнаго интереса, настолько и путь расширенія для него открытъ, а остальное уже не въ волѣ его, такъ какъ онъ не въ силахъ уже перемѣнить ни іоты изъ прожитаго... Но помни опять-таки, что все это только иносказательно; ибо самый языкъ, которымъ мы съ тобой говоримъ, весь состоитъ изъ иносказанія“.

— „Я разсказалъ,—писалъ Горностаевъ, — главное и существенное по мѣрѣ возможности связно, но вы понимаете, что при этомъ не обошлось безъ вопросовъ съ моей стороны и безъ объясненій съ его.

Такъ, напримѣръ, я просилъ его объяснить: въ какой сферѣ существованія и на какой реальной почвѣ могли быть испытаны имъ всѣ эти посмертныя впечатлѣнія, и получилъ такой отвѣтъ:

— „Плѣнная наша мысль такъ свыклась съ оконцемъ своей тюрьмы, что не можетъ представить себѣ существованія внѣ его рамокъ. Но рамки эти не болѣе какъ условія нашего слабаго пониманія, неспособнаго все охватить заразъ, и онѣ движутся по мѣрѣ того, какъ мы переходимъ отъ одного къ другому, тогда какъ намъ кажется, наоборотъ, что мы стоимъ, а объекты нашего впечатлѣнія движутся, то-есть являются и уходятъ куда-то; что и ведетъ насъ къ тому заключенію, что событія нашей жизни, хотя они и были когда-то въ дѣйствительности, потомъ прошли и больше не существуютъ. Въ дѣйствительности, однако, это иллюзія. Ничего не исчезло, кромѣ того условнаго отношенія, въ которомъ мы находились къ нимъ, и которое позволяло намъ испытывать на себѣ отдѣльно ихъ впечатлѣніе. Реальная сфера и почва дѣйствительной жизни, стало быть, на которой испытаны мною „посмертные“, какъ ты называешь ихъ впечатлѣнія, та же, что и до смерти, только тюрьмы съ оконцемъ ея болѣе нѣтъ, и я обнимаю теперь мою жизнь внѣ рамокъ времени и пространства, во всей ея полнотѣ.

Далѣе меня затруднялъ вопросъ: какимъ образомъ, если, какъ онъ говоритъ, дѣйствительно, его жизнь закончена такъ, что онъ больше не можетъ уже измѣнить въ ней ни іоты, онъ, однако же, говоритъ, что ему открытъ „новый путь“ и на этомъ пути онъ видитъ вдали необозримые горизонты, о которыхъ онъ до сихъ поръ не имѣлъ понятія или если когда-нибудь ранѣе и имѣлъ, то при жизни утратилъ и позабылъ? Развѣ это не новая жизнь? И если новая, то почему же она не составляетъ въ его глазахъ продолженія старой, подобно тому, какъ любое новое утро можетъ открыть любому изъ насъ новый путь и новые горизонты, стать, однимъ словомъ, началомъ новаго періода жизни, который хотя и является продолженіемъ стараго, но однако же, не лишаетъ насъ возможности измѣнить его смыслъ и исправить его ошибки?

Отвѣтъ на это былъ слѣдующій. Въ немъ, кромѣ его индивидуальной личности, жила еще и другая, высшая, ибо, въ извѣстной степени онъ воплощалъ въ себѣ необъятный для слабаго нашего разумѣнія—духъ человѣчества. Новый путь, стало быть,

о которомъ онъ говоритъ, и новые горизонты могли открыться ему послѣ смерти, не какъ Ивану Герасимовичу, а какъ воплощенію человѣчества. Но, какимъ образомъ, сознаніе недѣлимой личности, послѣ смерти, не потонуло въ безмѣрно превосходящемъ его сознаніи человѣчества?.. Въ отвѣтъ на это онъ мнѣ напомнилъ одну арабскую сказку, которую я вамъ теперь и разскажу дословно такъ, какъ я слышалъ ее отъ него при жизни.

— Былъ добрый калифъ, который любя до самозабвенія своихъ подданныхъ, часто жалѣлъ, что ихъ образъ жизни, нужды, понятія, радости и страданія извѣстны ему только по наслышкѣ, изъ третьихъ рукъ. И вотъ, однажды, надумавшись, онъ рѣшилъ самъ испытать на себѣ каково живется въ его калифатѣ разнаго класса и званія людямъ. Онъ былъ еще въ цвѣтѣ лѣтъ; но имѣлъ уже взрослаго, умнаго и способнаго сына, который могъ, по нуждѣ, замѣнить отца. И вотъ, передавъ ему власть, онъ ушелъ, переодѣтый странникомъ, въ одну изъ дальнихъ своихъ областей, гдѣ лицо его не было никому знакомо, и началъ новую жизнь. Болѣе года былъ нищимъ и столько же времени прослужилъ пастухомъ у богатаго овцевода. Потомъ поступилъ рядовымъ, въ свои собственныя войска, отбылъ далекій походъ и воротясь въ значительномъ чинѣ, бросилъ военную службу, купилъ небольшую рисовую плантацію и, при помощи одного батрака, пять лѣтъ воздѣлывалъ ее собственными руками. Потомъ подарилъ ее батраку, накупилъ товаровъ, верблюдовъ и странствовалъ нѣсколько лѣтъ, съ своимъ караваномъ по разнымъ странамъ. Потомъ научился ткацкому ремеслу и работалъ два года у мастера. Много чего еще пережилъ калифъ и много нужно было ему терпѣнія и смиренія, чтобы не будучи вынужденнымъ судьбою къ тому, что онъ бралъ на себя, выносить всѣ житейскія тяготы и всѣ прихоти, часто даже несправедливости и обиды тѣхъ, кому онъ, по обстоятельствамъ, долженъ былъ подчиняться. Но сила любви и рѣшимость желѣзной воли дали ему возможность пройти до конца самоизбранный путь. Двадцать лѣтъ прошло такимъ образомъ, и наконецъ онъ вернулся на царство уже сѣдымъ старикомъ, но еще крѣпкій силами и богатый пріобрѣтеннымъ опытомъ. Сынъ, увидѣвъ его, склонилъ передъ нимъ свою голову до земли; но когда онъ узналъ, что отецъ желаетъ, чтобы и онъ, если хочетъ править послѣ него, исполнилъ тоже, начисто отказался. — „Выбери вмѣсто меня другого“,—сказалъ онъ:—„а я не чувствую себя въ силахъ испол-

нить того, что тобою исполнено. Я не могу понять, какъ, зная себя все время калифомъ и зная, что отъ тебя зависитъ въ любую минуту вернуться къ тому высокому дѣлу, къ которому ты рожденъ, ты могъ выносить всѣ эти низкія доли!" Но тотъ отвѣчалъ ему:—„Сынъ мой, всѣ эти доли кажутся низкими только тому, кто несетъ ихъ по принужденію, и не видя далѣе нихъ ничего, не можетъ себѣ и представить, чтобы неволѣ его когда-нибудь наступилъ конецъ. Но тотъ, для кого неволи нѣтъ, тотъ только тогда и чувствуетъ себя настоящимъ калифомъ, когда—любя человѣка, (ибо и самъ онъ небольше, какъ человѣкъ), беретъ на себя житейскія его тяготы. Купецъ и солдатъ, и пастухъ, и пахарь, живутъ подъ властью моей. Но любя ихъ какъ самъ себя, такъ какъ я былъ въ ихъ шкурѣ, я хочу такъ устроить ихъ жизнь, чтобы каждый изъ нихъ, зная, что я въ своемъ сердцѣ, не отдѣляю себя отъ него, чувствовалъ себя самъ калифомъ, хотя можетъ быть, какъ и ты, не чувствовалъ себя въ въ силахъ взять на себя всего, что я добровольно взялъ".

— „Что я могу вамъ сказать,—писалъ я Ларисѣ Дмитріевнѣ, отправляя къ ней это письмо: кромѣ того, что я не вѣрю въ дѣйствительность всѣхъ этихъ откровеній и разговоровъ съ покойнымъ. Все это кажется мнѣ небольше, какъ экзальтаціей мысли, со смертію друга вдругъ потерявшей пищу и раскаленной до-красна внутреннимъ напряженіемъ силы, замкнутой въ себѣ. Если бы онъ нашелъ какое-нибудь сильно интересующее его, умственное занятіе, онъ скоро бросилъ бы эти свои сеансы. Нѣтъ ли кого-нибудь въ К**, кто могъ бы хоть нѣсколько замѣнить ему Ивана Герасимовича?

— „Нѣтъ никого,—отвѣчала она:—да въ томъ градусѣ, до котораго онъ дошелъ, нѣтъ и надежды найти... Вы судите по тому, что онъ пишетъ вамъ; но, во-первыхъ: это весьма далеко отъ подлинника. Онъ работаетъ и работаетъ цѣлые дни надъ черновыми своими записками, сокращая, переправляя, толкуя и сглаживая ихъ текстъ до такой степени, что многое, напримѣръ, въ послѣднемъ письмѣ, можно назвать почти его собственнымъ сочиненіемъ... А во-вторыхъ, это старое. Если хотите знать, о чемъ у нихъ теперь дѣло, то я пришлю вамъ на-дняхъ кое-что, списанное дословно съ подлинника".

И дѣйствительно, дней черезъ шесть, я получилъ отъ нея, по почтѣ, съ заказомъ, толстый пакетъ.

IV.

Изъ записокъ Петра Ивановича.

На мой вопросъ: что онъ тамъ дѣлаетъ? — онъ отвѣчалъ, что „тамъ“ для него не имѣетъ смысла.—Я тутъ и тамъ,— говорилъ онъ:—въ себѣ, то есть въ своей прошедшей жизни, и въ тѣхъ, чья жизнь, такъ или иначе, болѣе или менѣе, вплетена въ мою. Мнѣ стоитъ подумать о комъ-нибудь, или пожалѣть кого-нибудь, и безъ всякихъ усилій воли я уже въ немъ. Такъ напримѣръ (выражаясь по старой привычкѣ „недавно“) я посѣтилъ хорошо знакомаго тебѣ Яшу Парубова, и страдалъ за него, въ его безотрадномъ углу. Не знаю, какъ описать тебѣ, что я нашелъ, но это ужасно!.. Прожженая жизнь и память этой замученной имъ напрасно, несчастной женщины, которая такъ любила его, память другихъ, безкорыстныхъ привязанностей, за которыя онъ заплатилъ вмѣсто хлѣба камнемъ; тоска и какая-то мертвая безотвѣтность, словно стѣна тюрьмы, возведенной вокругъ себя собственными руками... Я чувствовалъ, словно я запертъ въ сухой, неостывшей еще печи, изъ которой во вѣки вѣковъ не выйти на Божій свѣтъ и просторъ... Сверху, со всѣхъ сторонъ, одни только своды кирпичной кладки и ничего живого внутри кромѣ остатковъ тусклаго, угасающаго огня, да какой-то гадины, которая ползаетъ около, словно ждетъ случая, и не спускаетъ съ тебя своихъ воспаленныхъ, налитыхъ кровью зрачковъ... Это похоже было на страшный сонъ; и вдругъ, въ минуту, когда мнѣ казалось, что гадина эта кидается на меня и что я, въ ужасѣ, отталкиваю ее ногой, я очнулся...

Ты спросишь: зачѣмъ я его посѣтилъ? Но ты помнишь, какъ я любилъ и вмѣстѣ жалѣлъ его? Не знаю, какъ тебѣ объяснить это чувство: въ немъ было, что-то капризное, безпричинное, женское, и это меня заставляетъ думать, что я любилъ его просто за красоту... Конечно не ту, которая обольстила и погубила Ольгу Ивановну... Но у него былъ умъ, совсѣмъ особеннаго покроя, острый, оригинальный, схватывающій смѣшныя и глупыя стороны жизни такъ просто и такъ легко;... красивый умъ!..

Еще посѣщеніе, и опять твой знакомый... Былъ у профессора Бѣгича († 1880), или точнѣе, въ немъ... Обстановка гораздо просторнѣе; но безмѣрная гордость и ненависть къ человѣческой, низменной долѣ создали вокругъ этого человѣка страшное одиночество... Ты помнишь его, и помнишь, какъ онъ го-

ворилъ, ругаясь и проклиная (это было послѣдній разъ, что мы видѣлись съ нимъ). „Я не лакей, чтобы исполнять потребы, цѣли и смысла, которыхъ никто не удостоилъ мнѣ объяснить!.. Люби, говорятъ, людей и служи имъ. Но какъ я могу ихъ любить, когда они для меня отвратительны?.. Стремленія и утѣхи ихъ, радости и досады, ссоры изъ за грошевой платы за каторжный трудъ и скотская беззаботность въ виду неизбѣжно и безразлично висящаго надо всѣми, смертнаго приговора, все отвратительно!.. А что до того, чтобъ служить,—то зачѣмъ? Развѣ во власти моей научить ихъ чему-нибудь, что открыло бы имъ глаза на истинный смыслъ ихъ положенія, ихъ,—рабовъ?.. Или могу измѣнить хоть на волосъ горькую ихъ судьбу?.. Могу спасти хоть единаго отъ болѣзней, отъ старости, и отъ той грязной ямы, въ которую онъ наконецъ долженъ лечь?..“

— Чувство, которое я испыталъ, погружаясь въ него, сперва было увлекательно. Словно какая-то мощная сила вдругъ оторвала меня отъ земли и она, со всѣмъ, что на ней, представилась мнѣ муравейникомъ, въ которомъ какія-то мелкія существа суетятся чортъ знаетъ изъ за чего... И ихъ жизнь, со всѣми ея разнообразными, сложными интересами, стала въ моихъ глазахъ чѣмъ-то чужимъ и далекимъ, до чего мнѣ нѣтъ никакого дѣла... Я самъ по себѣ, и свободенъ, какъ мысль, которая оборвавъ всѣ путы, ушла въ безпредѣльную пустоту!.. Мірокъ, отъ котораго я оторвался, и съ солнцемъ его согрѣвающимъ, были уже далеко и казались мнѣ издали небольшою, свѣтящейся точкой, на темномъ, какъ вороново крыло, бездонномъ фонѣ ночного неба, усѣянномъ множествомъ точно такихъ же, но болѣе или менѣе явственныхъ точекъ... Холодъ глубокаго одиночества охватилъ меня. Не только вокругъ меня и со мною не было ни единой, живой души; но и въ самомъ себѣ я не могъ найти уже ничего, что давало бы пищу мысли. Ни одного желанія, сожалѣнія, ничего кромѣ злобы къ этимъ далекимъ мірамъ, которые свѣтятъ такъ холодно, и которыхъ я никогда не узнаю, да если уже на то пошло, то и знать не хочу... На что они мнѣ, или я имъ? И зачѣмъ они свѣтятъ? Зачѣмъ я не могу загасить ихъ?.. И я ихъ проклялъ... Какъ только проклялъ, такъ они и исчезли изъ глазъ. „Я ли отъ нихъ удалился, или они отвернули лицо свое отъ меня, только все стало темно и пусто вокругъ... „Нирвана“!—подумалъ я:—„наконецъ я тебя достигъ“!.. И вдругъ вспомнилъ слова Декарта: „Думаю, стало быть есьмъ“. Но мнѣ не о чемъ было болѣе думать, кромѣ себя, и некого болѣе ненавидѣть, кромѣ себя... И тогда я проклялъ себя!.. Но такъ

какъ я былъ въ эту минуту не я, а Бѣгичъ, то вышло, что я и проклялъ собственно не себя, а Бѣгича. Это освободило меня отъ него, и я увидѣлъ его, какъ въ былые годы, на квартирѣ его. Онъ сидѣлъ погруженный въ глубокую, чорную думу, и на лицѣ у него была тоска безпредѣльнаго одиночества.

Ты скажешь, быть можетъ, что это похоже на сонъ и спросишь, зачѣмъ я это тебѣ разсказываю? Но, по книжному говоря, это неболѣе, какъ введеніе; а суть дѣла вотъ въ чемъ. Если я посѣщаю людей, не спрашивая о ихъ желаніи, то и люди мнѣ платятъ тѣмъ же. Приходятъ иные, которые далеко сильнѣе меня и хозяйничаютъ безъ моего согласія. Какъ только я отворяю двери такому гостю, я уже имъ одержимъ. Выраженіе это нѣсколько устарѣло; но я люблю его за то, что оно коротко и ясно; а двери ты понимай, какъ нравственный доступъ въ душу мою, который для нихъ открытъ, ибо родство по духу обязываетъ не меньше другого. И вотъ, въ этомъ смыслѣ, я долженъ тебѣ разсказать одно посѣщеніе... Гость былъ мой родственникъ въ восходящей линіи и едва я (вульгарно) увидѣлъ его, какъ не только узналъ, но и вспомнилъ такія вещи, которыя (тоже вульгарно) забыты или потеряны были мною изъ вида давно, ужасно давно! но тѣмъ не менѣе жили во мнѣ и безотчетно руководили моими мыслями и моею волей въ теченіе всей моей прошлой жизни и раньше, гораздо раньше того ничтожно коротнаго періода ея, который я прожилъ въ чинѣ поручика русской арміи...

Бесѣда наша была безъ словъ; но облекая ее для твоего удобства въ слова, она могла имѣть вотъ какой смыслъ:

— Узналъ?—спросилъ онъ.

— Узналъ.

— И вспомнилъ?

— Да... но что жъ дальше?

— Именно тотъ вопросъ, съ которымъ я прихожу къ тебѣ... Ты видишь?

— Вижу,—отвѣчалъ я (иносказательно) закрывая себѣ лицо. —Вершина дерева зелена еще и раскинулась широко; но корень сгнилъ, и вотъ: у корня уже лежитъ топоръ. Плодъ долженъ вернуться въ землю, пустить въ ней ростки и выйти заново, молодымъ побѣгомъ; а все остальное пойти на дрова или сгнить и обратиться въ навозъ... Опять стало быть назадъ и начинай сначала?.. Новый потопъ и новое варварство?.. Мутный, широкій разливъ и разрушеніе старыхъ, тысячелѣтнихъ плотинъ, на которыхъ столько возведено и устроено?

— Да.

— Ну а нашъ путь?

— Онъ конченъ. Ничто не въ силахъ остановить потока; и у меня по крайней мѣрѣ, да я надѣюсь и у тебя, нѣтъ никакой охоты купаться въ грязной водѣ, чтобы осѣсть потомъ, на какомъ-нибудь новомъ пастбищѣ для человѣческаго скота, и вмѣстѣ съ другимъ отбросомъ, служить ему удобреніемъ. Я „сынъ калифа“, и если отцу охота, съ шапкой въ рукѣ, просить по дорогамъ милостыни, то я удивляюсь ему; но я ему не товарищъ...

— Старый, семейный раздоръ?—сказалъ я.

— Зачѣмъ раздоръ? Я не мѣшаю ему; ну и онъ меня не неволь... Поклонъ—и въ разныя стороны...

Повидимому, то есть насколько мы сами себя сознаемъ, я можетъ быть и могъ бы еще бороться противъ его вліянія; но въ недоступной для самосознанія глубинѣ души, онъ былъ гораздо сильнѣе меня, и онъ увлекъ меня въ свою сторону... Петръ Иванычъ, мой другъ, увы! это темная сторона!..

Это свиданіе друга съ какимъ-то темнымъ родственникомъ по духу и принятое на немъ загадочное рѣшеніе, должно быть, совпали съ какимъ-нибудь злополучнымъ, внутреннимъ кризисомъ въ головѣ, которая ихъ родила, потому что немедленно вслѣдъ за ними, въ запискахъ Петра Иваныча начинаются сумерки, затемняющіе все больше и больше ихъ смыслъ. Мотивы призрачныхъ его бесѣдъ съ покойнымъ становятся мрачны, и слабая нить логической связи ихъ между собою мѣстами оборвана. Вопросы обращены не то къ Неплёскину, не то къ самому себѣ, и отвѣты на нихъ идутъ невѣсть отъ кого. Фигуры знакомыхъ людей являются въ искаженномъ видѣ и въ столь фантастической обстановкѣ, что онъ подозрѣваетъ въ нихъ маски, скрывающія какихъ-нибудь неизвѣстныхъ ему и незванныхъ гостей Неплёскина. Такъ напримѣръ, послѣдній, повидимому опять въ гостяхъ у того же Бѣгича, видитъ тамъ какого-то Линделя, о которомъ потомъ не рѣдко упоминается. Сумрачная фигура эта растетъ, и рѣчи ея пріобрѣтаютъ дьявольскую окраску. Это уже не старый, университетскій ихъ лаборантъ, случайно воскресшій въ памяти, а какой-то падшій и ожесточенный духъ. Онъ говоритъ съ безмѣрнымъ презрѣніемъ о земной нашей жизни, какъ о какомъ-то жалкомъ пролетаріатѣ. „Взвалено, молъ, на плеча обязанностей безъ счета; а силы чтобы нести эту ношу не дано. По здравому смыслу казалось бы не должно быть и вины, если ты изнеможешь, или споткнешься и упадешь? Такъ нѣтъ же, на каждомъ шагу,

ты кромѣ невыносимой ноши, задавленъ еще и чувствомъ неискупимой вины! Ты слѣпъ отъ природы или, по меньшей мѣрѣ, такъ близорукъ, что видишь немногимъ далѣе своего носа, а отъ тебя требуется, чтобы ты усматривалъ, за естественными предѣлами твоего поля зрѣнія, цѣль твоего земного существованія и направлялъ къ ней свой путь! И это съ невыносимою ношею на спинѣ, съ подавляющимъ, убивающимъ нравственно чувствомъ вины, на каждомъ шагу!.. Мало того, тебѣ внушены отъ природы стремленія, вложены въ тебя аппетиты, которые деспотически требуютъ пищи; но какъ на смѣхъ, каждый глотокъ, который ты имъ удѣляешь, чтобы они, какъ голодный звѣрь, оставили тебя хоть на мигъ въ покоѣ, оказывается запретный плодъ, котораго даже желать преступленіе!".. И дальше: „Что я уважаю въ тебѣ (говоритъ тотъ же Линдель Неплёскину): это, что ты относился всегда съ достоинствомъ къ такъ называемымъ вашимъ обязанностямъ, никогда не каясь тамъ, гдѣ не чувствовалъ за собою вины... И я уважаю еще твое равнодушіе къ тѣмъ приманкамъ, которыя порабощаютъ людей. Ты не дрался изъ-за ребяческихъ побрякушекъ, терпѣлъ, не сгибая шеи, лишенія, которыя заставляли другихъ, въ слезахъ и ползая по землѣ, лизать руку ихъ обездолившую"... et cetera.

Дальше идутъ упреки и жалобы, обращенные, очевидно, къ другу, но до того безсвязные, что нѣтъ никакой возможности привести ихъ дословно. Ясно только, что къ этому времени, Петръ Иванычъ уже заподозрилъ друга въ какой-то измѣнѣ старымъ своимъ убѣжденіямъ... И на этомъ, выписка, которую я получилъ отъ его жены, оборвана.

V.

Продолженіе было обѣщано.—„Не успѣла переписать", объясняла Лариса Дмитріевна. Но въ припискѣ несчастная женщина горько жаловалась, что дѣло идетъ день за день хуже.—„Если бы вы могли видѣть его во время этихъ его „бесѣдъ", писала она:—„вы убѣдились бы собственными глазами, что на такое занятіе трудно найдти здравомыслящаго товарища. Записыванье во время сеанса, которое все-таки нѣсколько отрезвляетъ, брошено, и онъ пишетъ теперь по утрамъ, на память. Дѣло дошло до настоящаго духовидѣнія и до разговоровъ вслухъ, о которыхъ толкуетъ весь городъ; а люди у насъ готовы дать показаніе подъ присягой, что по ночамъ, у барина въ кабинетѣ, слышны

два голоса. Да признаться ли вамъ, я и сама, наконецъ, не знаю, что думать... Вотъ что случилось со мною на дняхъ. Подкравшись ночью, къ его дверямъ, я стала прислушиваться. Кое-что можно было разслушать, но далеко не все, и я не могла ничего взять въ толкъ. Говорилъ Петръ Иванычъ, и я различала явственно его голосъ; но когда онъ умолкъ, я услыхала прерывистый, медленный и невнятный отвѣтъ, словно кто-нибудь бормоталъ про себя, во снѣ. Должно быть, онъ же. Но я не хочу васъ обманывать, я такъ струсила, что колѣни мои подкашивались, и я вынуждена была схватиться за ручку дверей, чтобы не упасть. Невольнымъ и непредвидѣннымъ для меня послѣдствіемъ было то, что дверь, не запиравшаяся на ключъ, распахнулась, и я, теряя опору, едва не упала слѣдомъ за ней, въ кабинетъ... Картина, которая мнѣ открылась была потрясающая: Петръ Иванычъ стоялъ, ухватясь руками за столъ и подавшись всѣмъ тѣломъ впередъ. Онъ былъ блѣденъ, какъ смерть, глаза широко открытые—вытаращены, взоръ устремленъ неподвижно на что-то съ другой стороны стола и въ тѣни, на что я сперва не смѣла взглянуть; но съ перепугу — мнѣ показалось, что кто то сидитъ тамъ. Потомъ, когда любопытство осилило страхъ, я стала вглядываться и убѣдилась, что мѣсто насупротивъ, на креслахъ, куда онъ глядѣлъ,—никѣмъ не занято; но едва, успокоясь на этотъ счетъ, я начинала смотрѣть на мужа, какъ мнѣ опять начинало чудиться, что тамъ кто-то сидитъ, и опять во мнѣ застывала кровь, опять я не смѣла туда смотрѣть... Петръ Иванычъ однако былъ такъ углубленъ въ свое занятіе, что мое появленіе— (я понемногу вошла совсѣмъ) — не было имъ замѣчено, и онъ стоялъ, судя по всему, ожидая отвѣта. Послышалось снова какое то сонное бормотанье; но... я была въ такомъ состояніи, что не могла уже отличать того, что дѣйствительно совершалось передо мной, отъ того что—могло породить мое собственное воображеніе. Сердце мое замирало, ноги подкашивались, глаза обращались ежеминутно и совершенно невольно туда, откуда мнѣ чудилось, что я слышу отвѣтъ, и вдругъ—я увидала на креслахъ, въ тѣни, знакомую мнѣ, атлетическую фигуру покойнаго... Но это былъ мигъ. Я вскрикнула и упала на полъ, безъ чувствъ... „Конечно— спѣшила прибавить бѣдняжка,—это была галлюцинація";—но такими галлюцинаціями, говорятъ, начинается сумасшествіе!..

Днемъ позже, я получилъ отъ нея продолженіе. Вотъ оно.

Изъ записокъ Петра Ивановича.

— До свѣта не могъ уснуть послѣ этого и все думалъ... Темно! Мучительно, безъисходно темно!..

...Подъ утро уснулъ и видѣлъ его во снѣ. Онъ мнѣ показался разстроенъ и словно какъ бы раздосадованъ чѣмъ-то.

— Что съ тобой?—спрашиваю.

Молчитъ.

— Ты, кажется, недоволенъ мной?

— Да, недоволенъ.

— Чѣмъ же, мой другъ?

Онъ долго смотрѣлъ мнѣ въ глаза. Потомъ говоритъ:—Петръ Ивановичъ, вѣдь ты знаешь меня?

— Надѣюсь.

— И знаешь, что я ненавижу обманъ?

— Еще бы.

— Ну то-то;-смотри... И минуту спустя: — Есть жизнь, молъ, и есть обманчивый призракъ жизни... Есть души живыя,— и есть личины... Надо умѣть отличать... Но ты,—говоритъ,—на себя не надѣйся. Ты простъ и тебя легко обмануть... Ты, Петръ Иванычъ, лучше брось это, потому что тебѣ это можетъ дорого обойтись... И замолчалъ.

Потомъ опять, слышу:—Съумѣешь ли ты,—говоритъ,—отличить меня отъ того,—другого?

— Какого... другого?.. спрашиваю.

Но онъ не назвалъ никого, а только нахмурился.—Смотри, говоритъ:—не ошибись...

И слѣдомъ за тѣмъ все спуталось.

Тоска на меня напала, когда, проснувшись поутру, я началъ припоминать.

„Что это?“ думалъ я:—„Грёзы, или серьезный намекъ?. Но почему онъ молчалъ до сихъ поръ объ этомъ?

До вечера я былъ самъ не свой и считалъ минуты. Въ полночь, когда у насъ въ домѣ настала мертвая тишина, я заперъ дверь, сѣлъ у стола и обратился къ нему съ обычнымъ вопросомъ: тутъ ли онъ?

— Тутъ,—былъ отвѣтъ, и что-то зашелестѣло насупротивъ. Я поднялъ глаза, смотрю: онъ сидитъ, какъ бывало, въ кителѣ,

съ трубкою, и глядитъ на меня спокойно... Ни тѣни неудовольствія.

Это былъ первый разъ, что я увидѣлъ его на яву, и несмотря на сильное потрясеніе, я былъ такъ обрадованъ, что рванулся къ нему на-встрѣчу... Однако, не тутъ-то было! Словно невидимая рука остановила меня.

— Иванъ Герасимовичъ, мой другъ! — произнесъ я дрожащимъ голосомъ:—Что это значитъ, что я вчера тебя видѣлъ во снѣ, а сегодня вижу уже и на-яву?

— Пустое,—отвѣчалъ онъ:—такъ... Грёзы...

Это до крайности удивило меня.—Но я же теперь вѣдь не сплю?

— Нѣтъ, — говоритъ: — теперь ты видишь меня въ самомъ дѣлѣ?

— Иванъ Герасимовичъ! Во снѣ ты говорилъ мнѣ странныя вещи. Ты говорилъ о комъ-то другомъ, кто выдаетъ себя за тебя, и грозилъ, что это можетъ дорого мнѣ обойтись.

— Что за вздоръ! Ты просто бредилъ во снѣ.

Слова эти были, однако, сказаны съ такимъ взглядомъ на меня, искоса, и съ такой, незнакомой мнѣ, злою усмѣшкой, что я невольно сталъ всматриваться въ его черты... Что-то чужое въ нихъ поразило меня, и мнѣ стало казаться, какъ будто бы я съ трудомъ уже ихъ узнаю.

— Ты не Иванъ Герасимовичъ! Ты маска!—воскликнулъ я вдругъ, въ неописанномъ ужасѣ и, дѣйствительно, въ это мгновеніе, я увидѣлъ на мѣстѣ его, насупротивъ, какую-то страшную образину.

— Врагъ!—закричалъ я, съ испугу закрывъ руками глаза:—Чего тебѣ нужно?

— Тише!—отвѣчалъ мнѣ знакомый голосъ.—Разбудишь Ларису Дмитріевну и сыновей.

Гляжу,—передо мною опять старый другъ мой, въ кителѣ, съ трубкой, сидитъ и глядитъ на меня съ спокойной усмѣшкой.

— Экъ тебѣ дался этотъ ребяческій сонъ! —говоритъ.—Забудь его и не бойся того, кого ты думалъ увидѣть вмѣсто меня.. Онъ вовсе не врагъ твой, и онъ далеко не такъ страшенъ, какъ няньки о немъ разсказываютъ. Воображеніе, молъ, твое обманываетъ тебя, а собственно говоря, ты даже совсѣмъ и не знаешь его. ...Онъ тотъ родственникъ мой въ восходящей линіи, о которомъ я говорилъ,—„сынъ калифа“... Правда, онъ не въ ладахъ съ отцомъ; но это ему не мѣшаетъ быть весьма симпатичнымъ и интереснымъ лицомъ...

Червякъ глубокаго, жгучаго любопытства зашевелился во мнѣ. А онъ усмѣхается.

— Если желаешь, молъ, я доставлю тебѣ удовольствіе лично съ нимъ познакомиться.

— Желаю!—отвѣчалъ я, весь дрожа.

— Ну, ну, не волнуйся...

Въ самую эту минуту кто-то вдругъ вскрикнулъ въ комнатѣ. Я оглянулся и увидалъ Ларису, безъ чувствъ, на полу...

Призракъ исчезъ, но въ головѣ у меня былъ хаосъ и на сердцѣ тошно,—такъ тошно, что еслибы, въ эту минуту, бритва попала мнѣ подъ руку, право, мнѣ кажется, я бы покончилъ съ собой!..

Подъ утро я снова увидѣлъ его во снѣ, и онъ мнѣ показался еще угрюмѣе.

— Ну, братъ,—сказалъ онъ, вздохнувъ:—попали же мы съ тобою въ просакъ!..

Я понялъ, что это значитъ.

— Ты хочешь сказать что это былъ онъ?—спросилъ я.

— Понятно... Ты не шути этимъ, Петръ Ивановичъ... Это можетъ окончиться очень скверно.

Я отвѣчалъ, что я никогда и не думалъ шутить такими вещами.

— Слушай. Сегодня, ночью, опять онъ придетъ; но кѣмъ бы онъ ни прикидывался,—ты такъ и знай, что это онъ. И, ради Бога, не вѣрь ему.—Все, что онъ говорилъ и что будетъ еще говорить—обманъ... Не спрашивай почему, а постарайся понять, покуда еще не поздно.

Онъ говорилъ еще и силился объяснить мнѣ что-то; но въ памяти у меня остались только одни урывки.

— Еслибы я по прежнему былъ съ тобой,—говорилъ онъ,—я никогда не допустилъ бы тебя до этого... Но я сплю, молъ, глубокимъ сномъ.

— Да какъ же?.. Какъ же?.. Ты же вѣдь былъ со мной; и хотя до сихъ поръ я не видѣлъ тебя; но мы бесѣдовали?

Онъ уныло махнулъ рукой.

— Марево!—сказалъ онъ.—Ничего подобнаго не было, да и быть не могло. Это онъ обольщаетъ тебя.

— Какъ! и все это, что ты открылъ мнѣ... что было съ тобою по смерти?..

— Все вздоръ...

— Ну а теперь?.. Вѣдь вотъ ты же со мной, и мы бесѣдуемъ?

Онъ сталъ объяснять мнѣ что-то; но у меня ничего не осталось болѣе въ памяти.

Съ ужасомъ я ожидалъ урочнаго часа. Жена уговаривала меня не оставаться до ночи въ кабинетѣ, а лечь гораздо ранѣе. Что я и сдѣлалъ. Я думалъ, что я до утра не засну; но едва я легъ, какъ на душѣ у меня стало спокойно;—мысли мало-помалу теряли явственность, и я скоро уснулъ.

Вдругъ, словно что-то толкнуло меня. Открываю глаза и при свѣтѣ лампады у образовъ, вижу—Лариса спитъ крѣпкимъ сномъ... Я посмотрѣлъ на часы:—обѣ стрѣлки были ужъ близко,—до полночи оставалось какихъ-нибудь пять минутъ. Но ни малѣйшаго чувства страха, и я былъ такъ радъ, такъ радъ, что мнѣ удалось заснуть. Не успѣлъ я снова закрыть глаза однако, какъ слышу надъ самымъ ухомъ, шопотъ:

— Не бойся, мой другъ, это я... Мнѣ надо только сказать тебѣ, что ты можешь спать совершенно спокойно. Да ты и спишь; тебѣ только кажется, что глаза у тебя открыты... Не бойся; у нихъ тамъ вышли какіе-то нелады, и они не придутъ сегодня... Пойдемъ въ кабинетъ...

— Боюсь!—отвѣчалъ я.

— Э! что за вздоръ! Ничего не бойся. Мнѣ надо сказать тебѣ одну важную вещь; но тутъ неудобно... Вставай.

Я всталъ машинально, самъ не давая себѣ отчета, что я не могъ бы этого сдѣлать, еслибы спалъ... Вокругъ меня не было никого. Надѣлъ потихоньку халатъ, засвѣтилъ свѣчу и ушелъ на цыпочкахъ, чтобы не разбудить жену.

Вхожу въ кабинетъ и вижу: Иванъ Герасимовичъ сидитъ тамъ съ кѣмъ-то. Самъ на софѣ, а не далеко, какой-то мужчина лѣтъ подъ сорокъ, съ замѣтно уже поблекшимъ, но все еще очень красивымъ, смуглымъ лицомъ, стоитъ прислонясь къ стѣнѣ и глядитъ на меня большими, черными, проницательными глазами. Мнѣ стало жутко отъ этого взора, и какъ-то, само собою, пришло на память вчерашнее... Опять маски?

Но онъ мнѣ не далъ одуматься.

— Не узнаешь?—говоритъ:—докторъ Манзеръ... Онъ былъ тутъ проѣздомъ лѣтъ шесть назадъ, и ты видѣлъ его у Антропова.

Тогда мнѣ смутно пришла на память эта фигура; но вмѣстѣ съ тѣмъ и извѣстіе, которое было потомъ въ газетахъ, что Манзеръ этотъ, гдѣ-то въ Ливорно, пустилъ себѣ пулю въ лобъ.

Тѣмъ временемъ онъ продолжалъ:

— Докторъ, молъ, былъ такъ любезенъ, что согласился тебя

навѣстить. Онъ спеціалистъ по душевнымъ болѣзнямъ и пользуется большой, европейской извѣстностью... Разскажи ему самъ, что съ тобой дѣлается.

Я стоялъ, пораженный до крайности, и молчалъ.

— Вы не пугайтесь,—произнесъ Манзеръ: вещи этого рода, если ихъ захватить въ началѣ, легко поправимы... У васъ вѣдь галлюцинаціи?

— Да, отвѣчалъ за меня Иванъ Герасимовичъ.—Онъ по ночамъ видитъ чорта.

Это меня оскорбило, и я не безъ досады, поправилъ его:—то-есть, это твое объясненіе,—сказалъ я:—но оно не касается сущности дѣла. Не все ли равно кого я вижу, если ты думаешь, что все это галлюцинаціи. Вотъ и теперь: я вижу тебя, покойника, съ докторомъ, то же давно окончившимъ жизнь. Однако, изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что я вижу чертей.

Я храбрился, стараясь принять самоувѣренный тонъ; но внутренно я дрожалъ отъ страха и зубы мои стучали.

— Оставьте это покуда,—вмѣшался Манзеръ:—это детали, которыя для науки мало имѣютъ значенія.—И, обращаясь ко мнѣ:—важно не то, чтó вашъ пріятель думаетъ, а то, какъ вы сами на это смотрите. Скажите:—вы сознаете, что вы имѣли галлюцинаціи?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я рѣшительно. Это его объясненіе, и оно удивляетъ меня, тѣмъ болѣе, что я слышу его въ первый разъ. Мы съ нимъ давно бесѣдуемъ, и хотя я не скрою, что наши бесѣды имѣли началомъ нѣчто въ родѣ спиритическаго сеанса, но онъ до сихъ поръ ни разу не говорилъ мнѣ, что онъ ихъ считаетъ галлюцинаціями.

— Неправда,—возразилъ рѣзко Иванъ Герасимовичъ:—я тебя дважды остерегалъ.

— Да, только это было во снѣ. А на-яву ты мнѣ говорилъ совершенно противное.

— Но на-яву ты и видѣлъ галлюцинаціи.

— Позвольте,—остановилъ его докторъ:—вы мнѣ мѣшаете... И обращаясь опять ко мнѣ: — разъясните мнѣ, сдѣлайте одолженіе, одинъ пунктъ, который для меня очень важенъ. Галлюцинаціи или спиритическія явленія, во всякомъ случаѣ, вы, вѣдь, не отрицаете, что вы сами желали увидѣть,—ну, по-просту... чорта?

— Да,—отвѣчалъ я:—если подобный, личный источникъ зла существуетъ, я бы желалъ не то, чтобы именно видѣть его, ибо простое видѣніе ничего еще не доказываетъ,—а узнать о немъ что-нибудь достовѣрное.

— Если не ошибаюсь, однако, вы были профессоромъ въ здѣшнемъ университетѣ и читали лекціи?

— Да.

— И въ ту пору, конечно, не вѣрили ни въ спиритическія явленія, ни въ чорта?

— Нѣтъ; но вотъ онъ можетъ вамъ засвидѣтельствовать:—я оставилъ свою профессуру не вслѣдствіе какого-нибудь психическаго разстройства, а вслѣдствіе яснаго убѣжденія, что наука, которую я преподавалъ, совсѣмъ не наука, а ни на чемъ не основанный вздоръ.

— Что же заставило васъ такъ измѣнить ваши воззрѣнія?

— Былъ человѣкъ, который открылъ мнѣ глаза... Вотъ онъ...

Докторъ взглянулъ на Ивана Герасимовича, и я замѣтилъ, что они перемигнулись.

Сердце у меня сжалось отъ боли при видѣ такой измѣны съ его стороны, и я, забывъ все на свѣтѣ, высказалъ громко свою обиду.

— Это былъ человѣкъ,—продолжалъ я, который видѣлъ душу мою, и отъ котораго я не имѣлъ ничего сокрытаго. Я въ него вѣрилъ, какъ въ Бога, любилъ его такъ безпредѣльно, что не могло быть съ его стороны такой обиды, которую я бы ему не простилъ, какъ не было жертвы, которую я не принесъ бы ему отъ чистаго сердца и съ радостью... И вотъ, въ отплату за все, онъ запуталъ и сбилъ меня съ толку до такой степени, что я самъ не знаю теперь кому и чему долженъ вѣрить!.. Можетъ быть, я сумасшедшій; но если такъ, то я обязанъ этимъ только ему одному?

Гляжу на него, а онъ усмѣхается и обращаясь къ Манзеру:—ну,—говоритъ:—что вы объ этомъ скажете?

— Несомнѣнный случай психическаго разстройства,—произнесъ тотъ, опять подмигнувъ.—Но я не могу сказать утвердительно, что онъ безнадеженъ. Надо испробовать средства... И прежде всего невозможно оставить его тутъ, на рукахъ у невѣжественныхъ людей, безъ врачебной помощи и присмотра... Жена, я думаю, ничего не имѣетъ противъ?..

— Конечно... Петръ Ивановичъ, голубчикъ, ты долженъ довѣриться доктору и отдать себя безусловно въ его распоряженіе. Это необходимо; но ты не тревожься... это на самый короткій срокъ; потому что ты знаешь: неизлечимыхъ они не держутъ долго... Поѣдемъ, у доктора тутъ карета.

— Какъ такъ „поѣдемъ“? — воскликнулъ я внѣ себя отъ страха, смѣшаннаго съ глубокимъ негодованіемъ.—Съ кѣмъ? и

куда?.. Ужъ не на кладбище ли, гдѣ этотъ дьяволъ зарытъ съ простреленымъ лбомъ?..

Я хотѣлъ что-то еще сказать; но языкъ у меня отнялся при взглядѣ на Манзера, такъ ужасно вдругъ стало его лицо... Чьи-то сильныя руки схватили и потащили меня... Я закричалъ отчаяннымъ голосомъ и... очнулся...

Я былъ на полу, въ кабинетѣ,... и возлѣ меня стояла, блѣдная какъ стѣна,—Лариса...

VI.

Вмѣстѣ съ этою выпиской (выбранной, какъ поясняла мнѣ Горностаева, изъ цѣлаго вороха чепухи), я получилъ и письмо ея, въ которомъ она умоляла меня о помощи.

„Можетъ быть уже поздно,—писала она,—и я, какъ всѣ погибающіе, обольщаю себя пустыми надеждами; но голова у меня идетъ кругомъ и я не въ силахъ сама обсудить своихъ шансовъ спасенія, если они еще есть... Ради Бога, прочтите внимательно то, что я посылаю сегодня. Въ послѣднихъ страницахъ, среди всѣхъ ужасовъ и безумствъ, если не ошибаюсь, есть все-таки нѣчто болѣе трезвое. Словно какъ бы остатокъ разсудка въ больной душѣ, возмущенный насильствомъ, которое онъ такъ долго терпѣлъ, заговорилъ и силится отстоять себя... Первый разъ въ жизни мужъ усомнился въ идолѣ, слово котораго было доселѣ, въ его глазахъ, непогрѣшимо, какъ Божіе откровеніе, и увидѣлъ, къ чему онъ его привелъ! Но возлѣ нѣтъ никого, кто могъ бы его поддержать въ этой слабой еще попыткѣ, кромѣ несчастной женщины, которая выбилась совершенно изъ силъ и сама боится за свой разсудокъ...“

Въ итогѣ она умоляла меня пріѣхать хоть на три дня, хоть на день, и если есть какая-нибудь возможность, сдѣлать это покуда еще не поздно.

„Ну, думалъ я: это легко сказать!“.. Но мнѣ было всею душою жаль ихъ, и перечитывая письмо, я вспомнилъ брата, съ которымъ мнѣ нужно было уже давно увидѣться по семейнымъ дѣламъ. Братъ жилъ у себя въ имѣніи, въ ***скомъ уѣздѣ, и отъ него до К** могло быть не больше 8-ми часовъ по рѣкѣ, пароходомъ. Дома, въ теченіе двухъ-трехъ недѣль, могли обойтись безъ меня... Не долго думая, я собрался въ путь и на четвертые сутки былъ въ К**.

Радость Ларисы Дмитріевны, когда она, ничего не знавшая

о моей рѣшимости, вдругъ увидала меня, была неописанная; она вскрикнула и сразмаху кинулась меня обнимать. Петръ Иванычъ былъ тоже, какъ оказалось впослѣдствіи, искренно радъ, но смущенъ, и усилія его это скрыть чувствительно охладили встрѣчу. Я нашелъ его страшно перемѣнившимся: желтое и осунувшееся лицо, дрожащія губы, тревожно бѣгающіе глаза,—все выдавало тайну тяжелаго нравственнаго недуга. Жена, послѣ первыхъ привѣтствій, благоразумно оставила насъ вдвоемъ; но бѣднягa былъ такъ возбужденъ, и какъ всегда при этомъ—такъ заикался, что всѣ попытки его сказать что-нибудь приличное обстоятельствамъ оставались напрасны. Не знаю даже, разслушалъ ли онъ мою импровизацію о причинахъ, которыя привели меня въ К**, такъ онъ казался растерянъ и потрясенъ. Нѣсколько принужденныхъ, неконченныхъ фразъ и тревожный, украдкою брошенный въ мою сторону взоръ, какъ бы спрашивающій о впечатлѣніи, которое онъ на меня произвелъ, было все, что я получилъ отъ него въ отвѣтъ на мои привѣтствія. Разговоръ не клеился: мысли его такъ очевидно поглощены были чѣмъ-то мучительнымъ, что совершалось внутри, что не было никакой возможности говорить съ нимъ о чемъ-нибудь, кромѣ этого одного. Тогда, рѣшаясь—что называется—„разбить ледъ", я спросилъ его прямо: какъ обстоятъ бесѣды его съ Иваномъ Герасимовичемъ?—Вы мнѣ давно не писали,—прибавилъ я, — и, признаюсь, я не спокоенъ былъ на вашъ счетъ.

Все принужденіе вдругъ слетѣло съ него, и онъ глубоко вздохнулъ.

— Охъ! — отвѣчалъ онъ: — не знаю ужъ, что и сказать... Скверно, Василій Егорычъ, такъ скверно, что чуть не сошелъ съ ума!

— Не можетъ быть!

— Право. Вонъ, видите?—и онъ протянулъ ко мнѣ, показывая, свои дрожащія руки.—Совсѣмъ ни на что сталъ негоденъ, и всякая неожиданность... вотъ, напримѣръ, вашъ пріѣздъ сегодня... Какъ видите самъ не свой... Но это пройдетъ, и мы потолкуемъ. Я все разскажу вамъ... Со мною, Василій Егорычъ. большое несчастіе!

Ротъ его искривился словно, какъ отъ нестерпимой, внутренней боли, и онъ безнадежно махнулъ рукой.—Все к-к-кон-ч-чено!.. — досказалъ онъ съ своею обыкновенной запинкой.

По просьбѣ моей, поддержанной скоро потомъ и его женою, всѣ объясненія и разсказы отложены были до другого дня.

Послѣ обѣда у Горностаевыхъ, я вернулся къ себѣ въ гостинницу и, немного спустя, туда же явилась Лариса Дмитріевна.

Она была очень блѣдна и взволнована.

Послѣ короткихъ разспросовъ и нескончаемыхъ благодарностей, усаживаясь и отирая слезы, она просила меня сказать ей чистосердечно, какъ я его нашелъ?

Я отвѣчалъ, что съ виду онъ очень разстроенъ, но сколько могу судить, не успѣлъ еще перейти той черты, за которою острый, душевный недугъ кончается органическимъ поврежденіемъ.

— Онъ вамъ разсказывалъ уже что-нибудь?

— Нѣтъ, еще ничего.

— О ссорѣ своей съ покойнымъ не говорилъ?

— Нѣтъ, только жаловался, что онъ совершенно разстроенъ, и что съ нимъ было большое несчастіе.

Она тяжело вздохнула и помолчавъ:—Надежда моя,—сказала она:—пока еще очень слаба, и мнѣ иногда сдается, что я себя утѣшаю призраками. Но еслибъ вы видѣли его, какъ я видѣла, двѣ-три недѣли тому назадъ, то вы, вѣроятно, нашли бы и сами замѣтное улучшеніе... Знаете ли, съ чего оно началось?

— Догадываюсь,—отвѣчалъ я.

— Едва ли... Съ того, что онъ сдѣлалъ одно открытіе, послѣ котораго потерялъ всю прежнюю вѣру свою въ Неплёскина... Правда, что нѣсколько ранѣе этого между ними были уже недоумѣнія; но... это рѣшило дѣло.

— Какое открытіе—спросилъ я, припоминая.

— Такъ... Изъ былого.

— Странно, что онъ ничего не пишетъ объ этомъ.

— Я выпустила... Послѣ я вамъ объясню—почему.

Она опять замолчала, видимо сильно взволнованная.

— Словно самъ Богъ,—продолжала она:—указалъ на истиннаго виновника и, далъ наконецъ, понять, за что онъ послалъ намъ все это наказаніе. Грѣхъ Петра Ивановича былъ тяжкій грѣхъ противъ первыхъ двухъ заповѣдей, которыя говорятъ о самодѣльныхъ богахъ и запрещаютъ вѣрить въ нихъ, запрещаютъ имъ поклоняться, какъ онъ покланялся и вѣрилъ покойному. Предатель этотъ давно уже сталъ для него кумиромъ; но ложь тѣхъ ученій, которыя онъ внушалъ, при жизни покойнаго еще сдержанная, потомъ, когда начались поганые эти ихъ спиритическіе сеансы, выросла на просторѣ и скоро дошла до такихъ размѣровъ, что даже самъ Петръ Ивановичъ ужаснулся. Смутныя подозрѣнія стали закрадываться въ него. Тогда, покойный, догады-

ваясь, что дѣло не ладно, явился ему во снѣ и сталъ отрекаться отъ собственныхъ словъ, стараясь свалить ихъ безбожную ложь на мужа.

— Ты моль сошелъ съ ума! Ты видишь дьявола по ночамъ!..

Она говорила весь этотъ вздоръ такъ горячо, и лицо у нея при этомъ пылало такимъ огнемъ, въ глазахъ свѣтилась такая неумолимая ненависть, что я не могъ, наконецъ, рѣшительно ничего понять.

— Лариса Дмитріевна! — перебилъ я ее. — Опомнитесь! Что это вы такое разсказываете?..

Она уставила на меня встревоженный взоръ.

— А что?..

— Да вы забываете, что Неплёскинъ умеръ уже давно, и что все это, въ чемъ вы его теперь обвиняете, происходило только въ больномъ воображеніи вашего мужа, который началъ съ медіумическихъ сеансовъ, а кончилъ страшнымъ разстройствомъ нервъ, съ галлюцинаціями и бредомъ.

— Ну да, а откуда все это? Откуда дерзкое любопытство, направленное на вещи, которыя человѣку не дано знать? Откуда буйство разнузданнаго воображенія и этотъ духъ дьявольской гордости, все презирающій, все проклинающій, которому тѣсно тутъ, на землѣ, который, въ своемъ самомнѣніи, высится и хватаетъ до звѣздъ небесныхъ?.. Василій Егоровичъ! вы знаете мужа. Знаете, какъ онъ тихъ и кротокъ душой. Скажите же мнѣ по совѣсти: есть ли хоть тѣнь вѣроятія, чтобы онъ самъ, по собственному почину, затѣялъ весь этотъ умственный блудъ?.. Да, блудъ! я не знаю, какъ иначе это назвать...

Я смотрѣлъ на нее, глубоко озадаченный и молчалъ. — „Ужъ не спятила ли сама?“ — пришло мнѣ въ голову.

Она была умная женщина и въ минуту спокойнаго размышленія не могла бы, конечно, меня не понять. Но въ сердцѣ ея кипѣла такая буря негодованія, голова была такъ отуманена старою ненавистью ея къ Неплёскину, что слова мои, хотя она и не знала, что̀ на нихъ возразить, очевидно, не убѣждали ея.

— Ахъ да, — спохватилась она, и съ язвительною усмѣшкой: — я и забыла, что вы всегда были за него... Всѣ были за него! Онъ всѣхъ подкупилъ!.. — И отирая слезы, катившіяся у ней по щекамъ, она замолчала.

— Лариса Дмитріевна, прошу васъ, выслушайте меня спокойно. Я не намѣренъ брать на себя защиту Неплёскина. Пусть онъ останется, какъ угодно чоренъ въ вашихъ глазахъ. Но въ чемъ бы онъ ни былъ при жизни своей виноватъ передъ вами

или Петромъ Иванычемъ, со смертію, кажется, можно было покончить счеты. Всячески, я не могу понять, въ какомъ смыслѣ онъ могъ потомъ еще увеличить свою вину.

— О! да, конечно, если вы такъ увѣрены, что со смертью все кончено...

— Я не увѣренъ ни въ чемъ, но вѣдь и вы, по совѣсти говоря, не увѣрены въ томъ, чтó вы взводите на покойнаго... я разумѣю вмѣшательство его послѣ смерти въ жизнь и мысли Петра Иваныча. Иначе вы не имѣли бы никакого права назвать безумствомъ всѣ эти разсказы послѣдняго о свиданіяхъ и бесѣдахъ его съ покойнымъ. Если могло быть вмѣшательство, то могли быть и бесѣды, а если разъ были бесѣды, то я не вижу, что же мѣшало бы быть и свиданіямъ. Все это вяжется между собою и составляетъ вмѣстѣ тотъ путь, которымъ идетъ спиритизмъ. Первый шагъ на немъ только труденъ, но разъ онъ сдѣланъ, нѣтъ никакой причины остановиться на немъ, и все остальное приходитъ само собой.

— Оставимъ это, — сказала она. — Это уводитъ насъ такъ далеко въ сторону, что за спорами я рискую забыть, зачѣмъ я пришла. Дѣло не въ томъ, во чтó мы съ вами вѣримъ или не вѣримъ, а въ томъ, какъ спасти человѣка отъ сумашествія, и для этого надо сдѣлать все, пожертвовать всякаго рода другими соображеніями. Слушайте же, что я вамъ скажу. Завтра вы, вѣроятно, услышите отъ него о причинахъ, разбившихъ вѣру его въ Неплёскина. Чтó вы ни думали бы о нихъ, вы не должны ихъ оспаривать, или какимъ-нибудь образомъ извинять, защищать покойнаго. Принесите его теперь совершенно въ жертву той цѣли, съ которою вы сюда пріѣхали и не задумывайтесь, не останавливайтесь ни передъ чѣмъ. Клевещите даже, если понадобится... Послѣ, когда-нибудь, если мужъ, Богъ дастъ, совершенно оправится, вы успѣете оправдаться и оправдать. А теперь...

Она потупила взоръ и остановилась въ волненіи.

— Можетъ быть,—продолжала она, понизивъ голосъ и съ разстановкой,—вы найдете что-нибудь въ этомъ родѣ уже и сдѣланнымъ... Можетъ быть онъ упомянетъ вамъ вскóльзь объ одномъ... оскорбленіи, которое втайнѣ нанесъ ему его другъ, и о которомъ онъ до сихъ поръ ничего не зналъ... Какъ бы вамъ ни казалось это нелѣпо или невѣроятно, не подавайте и виду, что вы сомнѣваетесь. Отвѣчайте, что вы давно это знали. Солгите даже, скажите, что вы имѣли на этотъ счетъ недвусмысленные намеки отъ самого покойнаго... По многимъ причинамъ я не могу теперь объяснить вамъ въ чемъ дѣло; но вы безъ труда

догадаетесь, что онъ говоритъ объ этомъ, если онъ станетъ вамъ жаловаться, что онъ былъ предательски оскорбленъ и обманутъ...

Она говорила путаясь, останавливаясь и не смотря мнѣ въ глаза, очевидно, съ жестокимъ усиліемъ надъ собою и, кончивъ, закрыла руками свое разгорѣвшееся лицо.

Трудно было, при всѣхъ тѣхъ данныхъ, какія я раньше имѣлъ, не догадаться, какую жертву она приносила, но я, желая хоть нѣсколько облегчить ей тягость косвеннаго ея признанія, сдѣлалъ видъ, что я на тысячу верстъ отъ истины, и замѣтилъ ей даже довольно рѣзко, что, кажется, она требуетъ отъ меня положительной клеветы. Судя по ея отвѣту, однако, и по исполненному глубокой боли взору, который она при этомъ бросила на меня, едва ли она поддалась на мой невинный обманъ.

— Ну да,—отвѣчала она,—такъ что-жъ? Я подала вамъ примѣръ, и если вы цѣните хоть на грошъ разсудокъ мужа, его здоровье, спокойствіе всей семьи, то вы, не колеблясь ни на минуту, послѣдуете за мной... Или вы думаете, что мнѣ это было легче, чѣмъ вамъ? Но подождите. Если онъ скажетъ вамъ, или вы по намекамъ его поймете въ чемъ дѣло, то вы увидите сами, что и мое участіе въ этомъ было не шутка... Чтó вамъ такое покойный? Онъ не отецъ и не братъ вамъ. Къ тому же онъ внѣ мірского суда, и ему не можетъ существенно повредить то, чтó его пріятель, въ такую критическую минуту, когда онъ стоитъ почти у порога безумія, можетъ о немъ подумать.

Поспоривъ еще немного, чтобы не сдѣлать, по крайней мѣрѣ, ужъ слишкомъ явнымъ, что я ее понимаю, я уступилъ.

Тогда она стала разсказывать мнѣ о мужѣ.—Послѣ того,—говорила,—что вы читали въ его запискахъ, я укладываю его, задолго до полночи, которой онъ все еще очень боится; но не ложусь сама, а сижу тутъ же въ комнатѣ, съ книгой, или съ работой. Въ извѣстную пору, какъ въ лихорадкѣ, когда придетъ его часъ, онъ просыпается и тревожно оглядывается кругомъ; пытается иногда даже встать, увѣряя, что кто-то пришелъ и сидитъ тамъ у него, въ кабинетѣ,—ждетъ; но когда я дѣлаю видъ, что хочу идти туда посмотрѣть, умоляетъ меня не ходить, увѣряя, что какъ только я за двери — „они" сейчасъ будутъ тутъ. Конечно, я отвѣчаю, что это вздоръ. Тогда онъ охаетъ, стонетъ, жалуется, что онъ погибъ, и что мнѣ не спасти его, — что я только напрасно замучу себя; но видя, что время прошло, и что я сижу совершенно спокойно, успокаивается, бормочетъ что-то невнятное и засыпаетъ. Во время такихъ періодическихъ пробужденій его, я избѣгаю серьезнаго разговора, зная по опыту,

что если его хоть на волосъ раздразнить, онъ не уснетъ до утра. Но утромъ, когда онъ выспался, я начинаю серьезно съ нимъ разсуждать и объясняю ему всю нелѣпость его опасеній. Записки, по моему настоянію, брошены, но чтобы избавить его отъ искушенія, я запираю письменный его столъ съ бумагой на ключъ... И вотъ, слава Богу, съ тѣхъ поръ какъ я забрала его въ руки, ему не мерещится болѣе ничего на-яву...

Она уѣхала, взявъ съ меня слово, что я не буду, по ея выраженію, „бабиться".

До ночи было еще далеко. Не зная, что дѣлать въ номерѣ, я ушелъ и долго бродилъ по улицамъ, думая и передумывая о томъ, чтó узналъ... Съ фактической стороны открытіе не имѣло въ себѣ ничего неожиданнаго, но страшная глубина характера этой женщины и затерянное безслѣдно въ глуши, не встрѣтившее ни въ комъ отвѣта—геройство ея, занимали меня такъ сильно, что я не могъ думать почти ни о чемъ другомъ. Конечно, раздумывалъ я, она привязалась когда-нибудь всѣмъ своимъ существомъ къ Ивану Герасимовичу. Но любилъ ли ее серьезно этотъ послѣдній и если да, то какимъ образомъ онъ, далеко недюжинный человѣкъ, могъ промѣнять эту Медею на Дуню?—этого, можетъ быть, онъ и самъ не могъ бы мнѣ объяснить.—И эта ненависть, въ которую превратилась ея обманутая любовь и которую самая смерть не могла погасить,—чтò ей дало такой трагически-крупный размѣръ? Конечно, еслибъ она имѣла какую-нибудь возможность поссорить ихъ раньше, она бы не упустила случая. Но надо думать, что вѣра Петра Иваныча была очень крѣпка, если она, до послѣдней крайности, не рѣшалась сдѣлать такой попытки... И какъ торжествуетъ она теперь побѣду свою надъ врагомъ!.. Какая адская месть за ту рану, которую эта несчастная женщина таила такъ долго въ своей груди!.. За этотъ вечеръ, я чуть не влюбился въ Ларису Дмитріевну...

VII.

Утромъ, на другой день, я долго сидѣлъ глазъ на глазъ съ Петромъ Иванычемъ и слушалъ, съ тяжелымъ сердцемъ, его признанія. Много чего, однако, и между прочимъ все, что предшествовало утратѣ вѣры его въ покойнаго, видимо потеряло въ глазахъ его старый свой интересъ, и онъ разсказалъ это вскользъ, какъ бы стыдясь того впечатлѣнія, которое оно можетъ произвести на меня.

— Конечно,—говорилъ онъ:—конечно, со всей моей безпредѣльной вѣрой въ него, я не могъ понимать буквально этой фантасмагоріи. Но въ то время, когда я думалъ и передумывалъ, усиливаясь найти во всемъ этомъ что-нибудь скрытое, какой-нибудь тайный, иносказательный смыслъ, который онъ не имѣлъ возможности прямо мнѣ передать, со мною случилось нѣчто... зловѣщее... Онъ явился мнѣ, первый разъ послѣ смерти своей, на-яву!..

Я смотрѣлъ на него, можетъ быть, слишкомъ пристально и вдругъ замѣтилъ, что онъ не можетъ долѣе выносить моего взгляда. Дыханіе его стало затруднено, орбиты глазъ расширены; страшно взволнованный, онъ вскочилъ и сталъ бѣгать по комнатѣ.

— Петръ Иванычъ, голубчикъ,—сказалъ я дружески:—ради Бога не принуждайте себя! Я хорошо понимаю, какъ тяжело вспоминать подобныя вещи; но дѣло не въ спѣху. Оставьте это теперь, потомъ доскажете.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ, храбрясь.—Сегодня ли, завтра ли, все равно. Я не могу говорить объ этомъ спокойно; но я не могу и оставить этого недосказаннымъ.—И помолчавъ немного:—Слушайте.

— Это, что я его увидалъ, само по себѣ не имѣло еще ничего ужаснаго, и, на первыхъ порахъ, я даже обрадовался. Но онъ сталъ говорить;—и то, что онъ говорилъ, было такъ непохоже на прежняго человѣка, что самый образъ его, покуда онъ говорилъ, мѣнялся... И... вы представьте себѣ мой ужасъ, минутами мнѣ казалось, что передо мною совсѣмъ другое лицо!.. Того, что происходило во мнѣ, я не въ силахъ вамъ описать; скажу только въ двухъ словахъ: все, что̀ я силился до сихъ поръ понять и привесть въ порядокъ, спуталось у меня въ головѣ. Словно вихрь ворвался въ нее и все разметалъ, опрокинулъ вверхъ дномъ!.. Тогда... нѣтъ, позвольте,—я позабылъ... Я кажется раньше,—да именно, я какъ разъ передъ этимъ видѣлъ его во снѣ...

Онъ путался, заикался, припоминалъ, и возвращался по нѣскольку разъ назадъ, поправляя или поясняя мнѣ сказанное.

— Вы понимаете,—говорилъ онъ, весь дрожа и съ воспаленнымъ, блуждающимъ взоромъ:—вы понимаете, что̀ случилось? Образъ его во мнѣ раздвоился. Одно лицо—новое... Оно ухватило меня и потянуло вслѣдъ за собою, въ пропасть!.. Другое лицо было старое:—оно явилось мнѣ смутно, во снѣ, съ словами остереженія и начало уличать въ обманѣ своего страшнаго двойника. Оно говорило:—не вѣрь ему. Онъ никогда не былъ другомъ твоимъ, и онъ вовсе не тотъ, за кого ты считаешь его.

Онъ носитъ маску и объ руку съ нимъ, въ твою жизнь, врываются дьявольскія личины!..—Но что же такое ты?—спрашиваю.—„А я молъ тотъ, кого ты любилъ и въ кого ты вѣрилъ... И ты меня знаешь, я ненавижу обманъ... Но я, къ несчастію твоему, только сонъ; а тотъ, другой, что является тебѣ на яву—не сонъ... Онъ дѣйствительный человѣкъ; но онъ предатель и врагъ... Съумѣй отличить его отъ меня, а если ты этого не съумѣешь, то ты погибъ!..“

...Ну, послѣ этого, вы понимаете, и пришла развязка... Тотъ, настоящій, понялъ, что онъ открытъ, и сбросилъ маску. Это случилось послѣдній разъ, что я видѣлъ его на яву. Онъ заманилъ меня обманомъ сюда, въ кабинетъ, и привелъ съ собою... вы не повѣрите, если я вамъ назову—кого. Вдвоемъ они допрашивали меня о моихъ видѣніяхъ и старались увѣрить, что я сумасшедшій, а сами при этомъ шептались и перемигивались... Была минута, когда все это вдругъ стало мнѣ ясно...

...Я понялъ, какъ я обманутъ и обольщенъ; но понялъ при этомъ и то, что я стою у самаго края пропасти!.. Далѣе я не въ силахъ былъ ничего понять. Я былъ совершенно убитъ потерею, которая хуже смерти, и въ горѣ, оплакивая свой идеалъ, хватался еще отчаянно за него, стараясь себя увѣрить, что все это бредъ и что онъ дѣйствительно тотъ, за кого я его считалъ!.. И это,—именно это—сводило меня съ ума!.. Тогда...—онъ говорилъ горячо, порывисто, но на этомъ мѣстѣ споткнулся и сталъ заикаться...—Ж-ж-жен-на р-р-раз-з-рѣш-ш-шила мои сомнѣнія... Ж-ж-жен-н-на давно разгадала его и возненавидѣла. Но я-б-былъ с-с-слѣпъ,—и она не хотѣла ссорить меня съ Иваномъ Герасимовичемъ... Не могу вамъ сказать въ чемъ дѣло, такъ какъ въ него замѣшано третье лицо, и это тайна его... Довольно, что дѣло это—было его,—и было—предательство...

Несчастный былъ блѣденъ какъ смерть, и вынужденъ сѣсть, потому что колѣни его подкашивались. Но усилія скрыть свое состояніе, послѣ короткой борьбы, одержали верхъ, и онъ прибавилъ еще нѣсколько словъ.

— Ну, послѣ этого,—сказалъ онъ,—разумѣется все было кончено между нами... Врагъ оставилъ меня въ покоѣ;—и вотъ, какъ видите, слава-Богу, я еще не сошелъ съ ума... Н-н-нѣтъ, б-ббатюшка,—еще не сошелъ!.. А?.. какъ вы думаете?..

— Я отвѣчалъ, конечно, что мнѣ и на умъ не могло придти ничего подобнаго: но, въ тайнѣ души, я думалъ, увы!—не то.

„О чемъ тутъ еще хлопотать?—думалъ я;—и съ какою цѣлью я буду еще чернить покойнаго?.. Цѣль ея, если она хо-

тѣла только ему отомстить, достигнута. Но если она надѣялась этимъ путемъ образумить мужа, то врядъ ли она не опоздала съ своимъ признаніемъ"... Я читалъ Гризингера и, помнится, онъ говоритъ, что именно этотъ упадокъ нравственныхъ силъ,—эта потеря вѣры въ самыхъ любимыхъ и дорогихъ друзей, и полное охлажденіе, даже ненависть къ нимъ—самый вѣрный признакъ безумія... А все это началось, если не ошибаюсь раньше ея признанія... „Но и безъ этого", думалъ я:—„онъ заѣхалъ такъ далеко, что урезонивать его былъ бы потерянный трудъ"...

Чтобы очистить совѣсть, однако, я сдѣлалъ опытъ. Кстати, онъ отдохнулъ, и оправясь, началъ упрашивать, чтобы я сказалъ ему прямо и безъ утайки, согласенъ ли я съ его взглядомъ на дѣло.

— Послушайте, Петръ Иванычъ, мой другъ,—сказалъ я:— если вы спрашиваете, какого я мнѣнія о покойномъ, то я затрудняюсь сказать вамъ что-нибудь положительное. Можетъ быть, вы и правы. Не зная въ чемъ дѣло, я не возьму на себя его защищать. Но то, другое, что̀ раньше заставило васъ усомниться въ Иванѣ Герасимовичѣ и безъ всякихъ открытій поссорило васъ съ вашимъ другомъ, кажется мнѣ немного сомнительнымъ.

— Какъ, сомнительнымъ! — перебилъ онъ, огорченный и изумленный.

— Да такъ, вотъ видите. Можетъ быть, я и весьма ошибаюсь, но я васъ спрошу: твердо ли вы увѣрены, что всѣ эти ваши видѣнія и бесѣды съ покойнымъ не плодъ вашего собственнаго, разстроеннаго воображенія?

— Какъ! — воскликнулъ онъ, вытаращивъ глаза. — Вы думаете, что все это просто причудилось мнѣ?

— Не утверждаю рѣшительно; но вы знаете: это такого рода вещи, въ которыхъ самъ испытавшій ихъ меньше всего можетъ быть увѣренъ.

— О! вонъ вы куда!—произнесъ онъ, какъ-то высокомѣрно махнувъ рукой.—Но какое право имѣете вы судить о томъ, чего вы сами не испытали?

— Петръ Иванычъ, голубчикъ! Подумайте только. Еслибы я умеръ и послѣ смерти, по вашей просьбѣ, пришелъ бесѣдовать съ вами, то я не спорю, что это былъ бы опытъ, весьма для меня убѣдительный. Но вѣдь вы не имѣли такого... Почемъ же вы знаете, гдѣ источникъ того, что̀ вы испытали? Можетъ быть, только въ васъ?

— Вы думаете? Ну, если такъ, то объ этомъ не стоитъ и говорить. Это обыкновенный взглядъ людей, съ двумя-тремя ак-

сіомами въ головѣ, рѣшающихъ безповоротно всѣ міровые вопросы... Оставимъ это.

И я охотно оставилъ.

Послѣ обѣда моя „Медея“ сидѣла опять у меня. Мнѣ было глубоко жаль эту женщину, но я не считалъ себя въ правѣ ее обмануть. Я началъ съ того, что мнѣ кажется, дѣло это весьма поправимо; но что болѣзнь опасна и, если ее запустить, можетъ окончиться очень скверно... Мы говорили долго и мнѣ удалось убѣдить ее въ совершенной необходимости ѣхать съ мужемъ немедленно въ Петербургъ.

На другой день я разстался съ ними, а слѣдомъ за мной и они уѣхали, поручивъ дѣтей какой-то старушкѣ, родственницѣ.

Мѣсяцъ спустя, когда я вернулся уже отъ брата, въ Мирковѣ, я получилъ отъ Ларисы Дмитріевны отчаянное письмо, которое подтверждало всѣ мои опасенія. Мужъ ея былъ въ Петербургѣ, въ клиникѣ ***, и ничего положительнаго насчетъ исхода его болѣзни она не могла добиться.

Судьба, однако, была къ нимъ милостива. Весною пришли извѣстія, что ему гораздо лучше и что его посылаютъ на лѣто въ Гапсаль...

Въ прошломъ году мы видѣлись. Онъ казался здоровъ, но посѣдѣлъ и смотрѣлъ старикомъ. Одно изъ первыхъ, чтó я отъ него услыхалъ—это извѣстіе, что онъ помирился съ Иваномъ Герасимовичемъ. Ясно было, что онъ простилъ ему все; но, конечно, я не разспрашивалъ, какъ это произошло. Да и она объ этомъ больше не поминала.

Н. Ахшарумовъ.

АФРИКАНСКАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ

ВЪ

БЕРЛИНѢ.

Колоніальная политика современныхъ государствъ.

Окончаніе.

IV *).

Одинъ изъ наиболѣе рѣшительныхъ противниковъ современной колоніальной политики все таки признаетъ, что послѣдняя берлинская конференція по африканскимъ дѣламъ является, съ точки зрѣнія исторической, „событіемъ столько же знаменательнымъ какъ вестфальскій трактатъ, или декларація вѣнскаго конгресса относительно торга неграми“ [1]).

Если таковъ отзывъ одного изъ противниковъ современной колоніальной политики, то само собою разумѣется, что защитники этой политики не находятъ достаточно словъ, чтобы выразить свой восторгъ, по поводу созванія княземъ Бисмаркомъ конференціи для обсужденія вопросовъ, вызванныхъ колоніальными стремленіями европейскихъ государствъ въ предѣлахъ Африки. Такъ, между прочимъ, вице-президентъ института международнаго права, сэръ Трэверсъ Тьюисъ, самъ участвовавшій въ совѣщаніяхъ берлинской конференціи, называетъ послѣднюю такимъ

---

*) См. выше: нояб., 186 стр.

[1]) Guyot, Lettres sur la politique coloniale, p. 344.

событіемъ въ международныхъ отношеніяхъ, съ которымъ можетъ быть сравниваемъ, по своему всемірному значенію, развѣ только „вѣнскій конгрессъ 1815 года, установившій современную карту Европы“ [1]).

Мы нисколько не намѣрены умалить значеніе послѣдней берлинской конференціи и охотно признаемъ, что ея постановленія будутъ имѣть рѣшительное значеніе на будущее развитіе колоніальной политики современныхъ государствъ. Не менѣе положительною представляется намъ заслуга князя Бисмарка, который созвалъ эту конференцію и довелъ ея до благополучнаго конца, несмотря на огромныя препятствія, которыя требовалось преодолѣть.

Только справедливость требуетъ сказать, что честь первоначальнаго почина въ опредѣленіи на международной конференціи вопросовъ о судьбѣ рѣки Конго и „международнаго африканскаго общества“ принадлежитъ не князю Бисмарку, но институту международнаго права. Этого мало: даже всѣ главнѣйшія постановленія акта берлинской конференціи относительно судоходства на этой рѣкѣ и вѣчнаго нейтралитета, основаннаго въ срединѣ „темнаго континента“ государства, представляются только повтореніемъ или развитіемъ положеній, которыя подлежали обсужденію института международнаго права уже въ августѣ 1883 года, т.-е. за годъ до созванія берлинской конференціи.

Доказательствъ въ пользу сказаннаго имѣется много. Такъ, уже въ 1878 году членъ института международнаго права Муанье, извѣстный дѣятель по дѣламъ „Краснаго Креста“, обратилъ на съѣздѣ членовъ института въ Парижѣ вниманіе своихъ товарищей на огромное значеніе, которое должна получить рѣка Конго, благодаря замѣчательной дѣятельности Стэнли. Муанье предвидѣлъ возможность серьезныхъ столкновеній между европейскими державами по поводу ихъ колоніальныхъ стремленій насчетъ африканскихъ народовъ, которые онѣ стараются поставить подъ свою власть и эксплуатировать. Парижское собраніе членовъ института международнаго права отнеслось съ полнымъ вниманіемъ къ предложенію Муанье поставить возбужденный имъ вопросъ на очередь и заняться серьезнымъ его изученіемъ. Этой задачею занялись въ особенности два члена института: Эмиль-де-Лавелé и сэръ Трэверсъ Тьюисъ.

Первый неоднократно выступалъ въ печати за созваніе между-

[1]) Sir Travers Twiss. Le congrès de Vienne et la conference de Berlin. (Revue de droit international, 1885, p. 201 etc.

народной конференціи для опредѣленія положенія земель, занятыхъ европейцами на берегахъ Конго. Въ 1883 году, онъ предложилъ слѣдующій планъ дѣйствія: всѣ европейскія державы, вмѣстѣ съ соединенными американскими штатами, должны предупредить возникновеніе на берегахъ рѣки Конго кровопролитныхъ столкновеній посредствомъ провозглашенія „вѣчнаго нейтралитета" всего теченія судоходной части этой рѣки и областей къ ней прилегающихъ. Кромѣ того, этотъ же бельгійскій публицистъ предложилъ державамъ провозгласить полную свободу судоходства на этой рѣкѣ и, наконецъ, обезпечить эту свободу посредствомъ учрежденія международной рѣчной коммиссіи подобно той, которая существуетъ на Дунаѣ съ 1856 года [1]).

Но съ особеннымъ рвеніемъ занялся этимъ вопросомъ сэръ Трэверсъ Тьюисъ, котораго справедливо считаютъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ современныхъ англійскихъ юристовъ. Онъ высказывался на собраніяхъ института международнаго права противъ предложенія де-Лавелé о нейтрализаціи теченія и береговъ рѣки Конго, находя невозможнымъ объявить вѣчно нейтральною территорію, границы которой еще неизвѣстны. Но, съ другой стороны, онъ также настаивалъ на учрежденіи, по взаимному соглашенію державъ, международной рѣчной коммиссіи для охраненія на нижней части рѣки Конго полной свободы плаванія. Что же касается остальнаго теченія той рѣки, т.-е. срединной и верхней ея частей, то сэръ Трэверсъ Тьюисъ выразилъ желаніе, чтобъ державы согласились особеннымъ протоколомъ провозгласить полную свободу плаванія и необходимость совершенно одинаковаго обращенія со всѣми подданными цивилизованныхъ государствъ, которые могли бы тамъ случиться.

Но самое замѣчательное предложеніе объ устройствѣ африканскихъ дѣлъ было сдѣлано Муанье въ 1883 году на годичномъ съѣздѣ членовъ института международнаго права въ Мюнхенѣ. Предсказанныя Муанье въ 1878 году международныя столкновенія изъ-за владѣнія берегами Конго дѣйствительно оправдались, и въ 1883 году Франція и „международное африканское общество" находились въ весьма натянутыхъ отношеніяхъ. Въ то время произошла извѣстная встрѣча Стэнли и французскаго путешественника де-Брацца. Имѣя въ виду эти событія, Муанье предложилъ мюнхенскому собранію института международнаго права подробную записку подъ заглавіемъ: „La question du Congo devant l'Institut de droit international". въ ко-

[1]) Revue de droit international, t. XV, p. 254 etc.

торой онъ настоятельно требуетъ, чтобъ институтъ обратилъ вниманіе европейскихъ правительствъ на настоятельную необходимость согласиться между собою насчетъ порядка вещей на берегахъ рѣки Конго. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ на обсужденіе собранія цѣлый проектъ международной конвенціи относительно судоходства на этой африканской рѣкѣ.

Въ этомъ проектѣ заключаются слѣдующія главныя статьи: 1) судоходство на рѣкѣ Конго и на всѣхъ судоходныхъ ея притокахъ объявляется свободнымъ для подданныхъ всѣхъ государствъ, и всякіе средневѣковые сборы отмѣняются навсегда; 2) свобода торговыхъ оборотовъ провозглашается также для всей территоріи, чрезъ которую протекаетъ эта рѣка; 3) только торговля спиртными напитками безусловно запрещается; 4) невольничество отмѣняется, и торгъ невольниками запрещается на всемъ пространствѣ бассейна рѣки Конго; 5) учреждается международная коммиссія съ назначеніемъ принимать необходимыя мѣры для обезпеченія и поддержанія судоходства на Конго. Наконецъ, была прибавлена статья, рекомендующая всѣмъ державамъ разрѣшать всѣ будущія недоразумѣнія или столкновенія, возникшія на берегахъ Конго, третейскимъ судомъ.

Таковы были главныя постановленія проекта Муанье, для разсмотрѣнія которыхъ институтъ международнаго права учредилъ особенную коммиссію, докладчикомъ которой былъ избранъ недавно заслуженный умершій профессоръ брюссельскаго университета Арнцъ. Коммиссія не въ состояніи была, по недостатку времени, разсмотрѣть въ Мюнхенѣ же весь проектъ Муанье, но по ея предложенію институтъ международнаго права принялъ въ засѣданіи 5-го сентября 1883 года резолюцію слѣдующаго содержанія: „Институтъ международнаго права выражаетъ свое желаніе, чтобы принципъ свободы судоходства для всѣхъ народовъ получилъ примѣненіе къ рѣкѣ Конго и къ ея притокамъ, и чтобы всѣ державы согласились между собою, насчетъ мѣропріятій, которыя необходимы для предупрежденія столкновенія между цивилизованными народами въ южной Африкѣ“.

Эта резолюція была сообщена всѣмъ европейскимъ державамъ осенью же 1883 года и вызвала со стороны португальскаго правительства самый энергическій протестъ, съ которымъ оно обратилось къ европейскимъ кабинетамъ. Португальское правительство поддерживало свои исключительныя права владѣнія и распоряженія на нижнемъ теченіи рѣки Конго и доказывало, что институтъ международнаго права ошибается, полагая возможнымъ примѣнять къ судоходству на этой рѣкѣ начала свободы и взаимной

гарантіи, провозглашенныя вѣнскимъ конгрессомъ 1815 года относительно международныхъ рѣкъ.

Если сопоставить эти труды института международнаго права съ трудами берлинской африканской конференціи, то нельзя не придти къ заключенію, что послѣдняя только приняла или развивала то, что было уже предложено раньше членами института. Постановленія берлинской конференціи только повторяютъ главнѣйшія постановленія проекта Муанье, и даже самая мысль о созваніи международной конференціи для устройства южно-африканскихъ дѣлъ нисколько не явилась какъ deus ex machina изъ головы того или другого дипломата.

Только одно странно, что несмотря на удивительное сходство постановленій берлинской конференціи съ текстомъ и основными предложеніями, сдѣланными членами института международнаго права, ни въ дипломатическихъ переговорахъ, предшествовавшихъ созванію конференціи, ни въ протоколахъ ея, ни однимъ словомъ не упоминается о первоначальномъ источникѣ принятыхъ рѣшеній. Впрочемъ, такая уже участь всѣхъ трудовъ института международнаго права: ими пользуются постоянно безъ того, чтобы признать тотъ фактъ справедливымъ образомъ.

Такъ, въ 1879 году брюссельскій съѣздъ института международнаго права провозгласилъ главныя юридическія начала относительно охраненія подводныхъ телеграфныхъ кабель. Созванная по почину французскаго правительства, конференція въ Парижѣ приняла въ 1883 году эти самыя начала, но только забыла вспомнить, кто въ первый разъ занимался этимъ предметомъ и откуда заимствованы принятыя ею постановленія. Въ 1880 году, въ Оксфордѣ, институтъ международнаго права принялъ весьма извѣстныя начала по вопросу о выдачѣ преступниковъ. Въ самое новѣйшее время эти начала получили формальное признаніе со стороны нѣкоторыхъ европейскихъ державъ въ заключенныхъ картельныхъ конвенціяхъ, но опять заслуга института международнаго права была забыта. Наконецъ, въ 1879 году институтъ международнаго права занялся также вопросомъ объ охраненіи неприкосновенности Суэцкаго канала во время мира и, въ особенности, войны. Парижская конференція, бывшая нынѣшнею весною, опять таки приняла и только развивала тѣ же самыя начала, которыя въ первый разъ были провозглашены институтомъ относительно полнаго нейтралитета Суэцкаго канала во время войны, безъ того, чтобы вспомнить словомъ объ этомъ обстоятельствѣ.

Впрочемъ, мы знаемъ, что члены института международнаго

права боятся всякой рекламы и работают на избранномъ имъ поприщѣ въ сознаніи своего долга и на пользу развитія международныхъ отношеній въ смыслѣ прогресса и мира. Только шумъ, поднятый въ германской печати, и восторженные по поводу созванія княземъ Бисмаркомъ берлинской африканской конференціи отзывы объ ея трудахъ со стороны германскихъ патріотическихъ писателей, заставили насъ припомнить несомнѣнное право первенства въ этомъ дѣлѣ института международнаго права. Suum cuique.

Возвратимся теперь къ берлинской африканской конференціи и посмотримъ, къ какимъ результатамъ она пришла.

Въ сентябрѣ прошлаго года созваніе конференціи было рѣшено по взаимному соглашенію между Германіей и Франціей, и князь Бисмаркъ обратился къ европейскимъ державамъ съ предложеніемъ назначить своихъ уполномоченныхъ. Приглашены были къ участію въ конференціи не только колоніальныя державы, какъ Англія, Испанія, Португалія, Франція, Голландія, Бельгія и Соединенные Американскіе Штаты, но, по предложенію князя Бисмарка, всѣ великія европейскія державы и оба скандинавскія государства также получили приглашеніе въ виду желанія Германіи придать постановленіямъ конференціи всемірное значеніе. Въ циркулярной нотѣ германскаго правительства отъ 24-го сентября (6-го октября) конференція должна была заняться обсужденіемъ слѣдующихъ трехъ положеній:

1) Установленіе свободы торговли на рѣкѣ и въ устьяхъ рѣки Конго.

2) Примѣненіе къ рѣкамъ Конго и Нигеръ началъ, провозглашенныхъ вѣнскимъ конгрессомъ 1815 года съ цѣлью обезпечить свободу судоходства по различнымъ международнымъ рѣкамъ и примѣненныхъ, впослѣдствіи, къ Дунаю.

3) Опредѣленіе формальныхъ условій, при соблюденіи которыхъ новыя занятія свободныхъ земель на берегахъ Африки должны считаться дѣйствительными (occupations effectives).

Всѣ правительства безусловно приняли сдѣланное имъ приглашеніе, только англійское возражало противъ второго положенія программы конференціи, въ силу котораго рѣка Нигеръ ставится въ одинакое съ Конго положеніе. Между тѣмъ, по мнѣнію Англіи, ей принадлежитъ почти вся судоходная часть рѣки Нигеръ, и она одна компетентна принимать мѣры для охраненія на ней свободы судоходства и торговыхъ оборотовъ. Но англійское правительство все-таки согласилось назначить своего уполномоченнаго на конференцію, который не замедлилъ въ первомъ же засѣданіи

объявить англійскую точку зрѣнія на вопросы, подлежащіе обсужденію конференціи.

Самъ князь Бисмаркъ открылъ 15-го ноября засѣданія берлинской конференціи, въ которой четырнадцать державъ были представлены девятнадцатью уполномоченными. Въ рѣчи, произнесенной германскимъ канцлеромъ послѣ избранія его въ президенты конференціи, были подробно объяснены задачи, которыя должны себѣ поставить члены конференціи. Германское правительство желаетъ, сказалъ предсѣдатель, чтобъ туземныя племена Африки были бы пріурочены къ европейской цивилизаціи посредствомъ открытія внутреннихъ странъ этого континента для торговли, предоставленія населенію этихъ странъ средства для саморазвитія, содѣйствія миссіонерамъ и вообще всѣмъ предпріятіямъ, имѣющимъ цѣлью распространять полезныя знанія, и наконецъ, посредствомъ приготовленія отмѣны невольничества, объявленнаго отмѣненнымъ уже на великомъ конгрессѣ 1815 года. Но какъ устроить отношенія цивилизованныхъ государствъ къ полудикимъ племенамъ Африки? На этотъ вопросъ князь Бисмаркъ отвѣчалъ въ своей рѣчи: „порядокъ, установившійся въ сношеніяхъ западныхъ державъ къ народамъ восточной Азіи, далъ до сихъ поръ самые удовлетворительные результаты (les meilleurs resultats), потому что поставилъ торговое соперничество въ предѣлы законной конкурренціи“. Этотъ самый порядокъ долженъ получить примѣненіе также къ сношеніямъ европейскихъ цивилизованныхъ народовъ къ туземнымъ племенамъ Африки.

Исходя изъ этой основной идеи германскій канцлеръ выразилъ убѣжденіе, что главнѣйшею цѣлью всѣхъ трудовъ конференціи должно быть: облегчить всѣмъ цивилизованнымъ и коммерческимъ народамъ доступъ внутрь Африки. Въ виду этой цѣли, всѣ товары, назначенные во внутрь того материка, должны быть провозимы транзитомъ совершенно свободно. Впрочемъ, князь Бисмаркъ немедленно прибавилъ, что такая свобода транзита не включена въ программу конференціи, но онъ все-таки надѣется, что державы вступятъ между собой въ переговоры для установленія такого транзита на пользу всей торговли съ Африкою. Конференція должна ограничиться обезпечить свободу торговли исключительно въ бассейнѣ рѣки Конго и въ ея устьяхъ.

Съ цѣлью облегчить конференціи исполненіе возложенной на нее задачи, князь Бисмаркъ предложилъ, въ первомъ же засѣданіи, составленный по его указаніямъ проектъ деклараціи, на основаніи которой всякая держава, имѣющая верховную власть въ предѣлахъ бассейна Конго, обязывается представить свободный

доступъ въ эти страны всѣмъ народамъ, безъ малѣйшаго исключенія. Никакая монополія или дифференціальный тарифъ не должны быть установлены и равнымъ образомъ запрещается установленіе какихъ бы то ни было сборовъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые взимаются въ видѣ вознагражденія за издержки, сдѣланныя на пользу торговли. Далѣе, германскій проектъ деклараціи заключалъ статью, запрещающую невольничество и, наконецъ, предложилъ примѣнить къ судоходству на рѣкѣ Конго постановленія вѣнскаго конгресса 1815 года относительно судоходства по международнымъ рѣкамъ. Впрочемъ, князь Бисмаркъ откровенно признался, что онъ желалъ бы примѣненіе тѣхъ постановленій 1815 года не только къ рѣкѣ Конго, но ко всѣмъ африканскимъ рѣкамъ, безъ исключенія,—только еще не наступило время для такого рѣшенія этого вопроса.

Въ концѣ своей рѣчи германскій канцлеръ обратилъ самое серьезное вниманіе членовъ конференціи на настоятельную необходимость опредѣлить свои взаимныя права владѣнія въ занятыхъ ими южно-африканскихъ странахъ и предупредить, по возможности, на будущее время всѣ споры относительно границъ своихъ африканскихъ колоній. Въ виду этой цѣли князь Бисмаркъ предложилъ провозгласить условія, при соблюденіи которыхъ устанавливается право владѣнія какою-нибудь областью, занятою полудикимъ населеніемъ. По мнѣнію канцлера было бы полезно обязать державу, совершающую оккупацію, соблюдать извѣстныя формальности и подтвердить опредѣленными мѣропріятіями свое намѣреніе подчинить своей власти занятую страну. О такомъ занятіи должны быть поставлены въ извѣстность всѣ другія державы, могущія имѣть какой-нибудь интересъ въ занятой странѣ.

Таково содержаніе рѣчи князя Бисмарка, которою онъ открылъ засѣданія берлинской африканской конференціи. Въ ней явнымъ образомъ выступаетъ тенденція расширить значеніе и даже программу конференціи, съ цѣлью придать ея постановленіямъ обязательную силу не только въ отношеніи бассейна Конго, но также другихъ африканскихъ рѣкъ и областей. Стоило только вступить на эту почву, чтобы распространить обязательность постановленій конференціи не только на всю Африку, но равнымъ образомъ на другія части свѣта. Насколько эта тенденція дѣйствительно была понята также членами конференціи, видно изъ нѣкоторыхъ рѣчей, полныхъ оговорокъ, произнесенныхъ представителями европейскихъ державъ.

Въ этомъ отношеніи представляется весьма знаменательною

рѣчь, которую англійскій уполномоченный, сэръ Эдвартъ Малетъ, произнесъ немедленно послѣ только-что приведенной рѣчи князя Бисмарка. Онъ въ началѣ выразилъ, отъ имени своего правительства, полное сочувствіе къ великодушнымъ намѣреніямъ Германіи и Франціи насчетъ благосостоянія туземнаго населенія эксплуатируемыхъ цивилизованными народами африканскихъ странъ и заявилъ, что Англія вполнѣ готова присоединиться къ другимъ державамъ для достиженія этой благой цѣли. Равнымъ образомъ, англійское правительство готово содѣйствовать всѣмъ мѣрамъ, которыя могли бы лучшимъ образомъ обезпечить свободу торговыхъ оборотовъ на рѣкѣ Конго. Только Англія находила, что не только на этой рѣкѣ, но и въ устьяхъ ея плаваніе и торговля должны быть совершенно свободны, и эта свобода должна быть охраняема международною коммиссіею, учрежденною по взаимному соглашенію всѣхъ державъ, заинтересованныхъ въ торговлѣ съ юго-западнымъ берегомъ „темнаго континента“. Англійское правительство также согласно было примѣнять не только къ рѣкѣ Конго, но и къ другимъ африканскимъ рѣкамъ, постановленія вѣнскаго конгресса относительно рѣчного судоходства. Только оно убѣждено, что съ точки зрѣнія практической не столько важно примѣненіе принциповъ, какъ самый *способъ* ихъ примѣненія.

И вотъ съ этой точки зрѣнія Англія полагаетъ, что не ко всякимъ рѣкамъ одинаковымъ образомъ должны получить примѣненіе вѣнскія постановленія. Такъ, можно учредить на рѣкѣ Конго особенную международную коммиссію для охраненія судоходства. Но на рѣкѣ Нигеръ подобная коммиссія немыслима, потому что эта рѣка, съ одной стороны, недостаточно еще изслѣдована и, съ другой, въ открытыхъ и судоходныхъ частяхъ подчиняется исключительной власти Англіи, которая оказываетъ торговлѣ всѣхъ народовъ совершенно равное покровительство. Рѣка Нигеръ была открыта и изслѣдуема въ 1830 году братьями Ландеръ, которые предприняли свою экспедицію насчетъ англійскаго правительства. „Слѣдовательно,—продолжалъ сэръ Эдвардъ Малетъ,—торговля на Нигерѣ обязана своимъ развитіемъ почти исключительно англійской предпріимчивости и находится, въ настоящее время цѣликомъ въ рукахъ англичанъ“. Отсюда слѣдуетъ, что „это особенное положеніе Нигера вызываетъ неминуемымъ образомъ различное примѣненіе началъ, провозглашенныхъ вѣнскимъ конгрессомъ“, и исключительно англійскому правительству должно быть предоставлено обезпечить на той рѣкѣ свободу торговли и безопасность судоходства. Англія готова обязаться къ исполненію того долга особеннымъ торжественнымъ актомъ, но допустить на

рѣкѣ Нигеръ какую-нибудь международную коммиссію она не можетъ.

Это любопытное заявленіе англійскаго уполномоченнаго было занесено въ протоколъ конференціи и, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, получило рѣшительное вліяніе на постановленіе собранія. Рѣка Нигеръ осталась подъ исключительнымъ покровительствомъ Англіи, и ея точка зрѣнія вполнѣ одержала верхъ, по меньшей мѣрѣ, въ отношеніи этой рѣки. Нельзя не сказать, что вообще толкованіе Англіею началъ вѣнскаго конгресса относительно рѣчного судоходства весьма основательно, потому что признаетъ неотъемлемыя права верховности прибрежныхъ державъ, отъ которыхъ можно требовать только уваженія свободнаго плаванія на рѣкахъ, протекающихъ чрезъ ихъ владѣнія, но нельзя требовать отреченія отъ своего суверенитета. Только, къ сожалѣнію, по отношенію къ другимъ международнымъ рѣкамъ, какъ, напр., къ Дунаю, это разумное толкованіе принциповъ 1815 года до настоящаго времени еще не получило примѣненія, въ виду существованія пресловутой Дунайской коммиссіи.

Въ третьемъ засѣданіи конференціи уполномоченный Португаліи воспользовался своимъ правомъ голоса, чтобъ заявить о вѣковыхъ усиліяхъ его родины охранять свободу торговли на всемъ южномъ берегу Африки и также на рѣкѣ Конго. На этомъ основаніи Португалія охотно согласилась принять участіе въ конференціи, имѣющей задачею еще лучше обезпечить эту свободу торговыхъ оборотовъ въ Африкѣ. Наконецъ, представитель Вашингтонскаго правительства сдѣлалъ самое сочувственное заявленіе въ пользу „Международнаго африканскаго общества" и выразилъ желаніе, чтобы вся территорія, имъ занятая, была бы признана вѣчно нейтральною.

Послѣ этихъ предварительныхъ заявленій, сдѣланныхъ уполномоченными главнѣйшихъ державъ, конференція рѣшила учредить коммиссію для опредѣленія, прежде всего, границъ бассейна рѣки Конго и ея притоковъ, чтобы знать, на какомъ пространствѣ должны получать дѣйствіе ея постановленія. Въ этой и еще въ другихъ коммиссіяхъ, учрежденныхъ конференціей, сосредоточилась почти вся работа конференціи.

Посмотримъ теперь, къ какимъ главнѣйшимъ результатамъ пришла конференція по всѣмъ вопросамъ, подвергнутымъ ея обсужденію.

V.

Первый вопросъ программы конференціи состоялъ въ опредѣленіи свободы торговли въ бассейнѣ и въ устьяхъ рѣки Конго. Для разрѣшенія этого вопроса конференція должна была выяснить, чтò она разумѣетъ подъ бассейномъ рѣки Конго и въ какихъ предѣлахъ должна быть опредѣлена страна, для которой желательно установить свободу торговли. Потому необходимо было не только опредѣлить географическія границы бассейна Конго, но также экономическія его границы. Этого мало: какъ самъ предсѣдатель конференціи, такъ и нѣкоторые ея члены высказывали желаніе распространить эту свободу торговли не только на весь юго-западный берегъ Африки, но равнымъ образомъ на внутреннія ея части вплоть до Индійскаго океана. Такое распространительное толкованіе словъ „бассейнъ рѣки Конго“ оказалось тѣмъ болѣе неизбѣжнымъ, что эта рѣка на большомъ разстояніи совершенно не судоходна, и что торговые караваны часто бываютъ вынуждены распрями между туземными племенами покинуть берега той рѣки и выйти на морской берегъ выше или ниже устьевъ ея.

Въ виду этихъ соображеній конференція рѣшила, что подъ бассейномъ рѣки Конго слѣдуетъ разумѣть всѣ области, чрезъ которыя протекаетъ эта рѣка и всѣ ея притоки, включая сюда еще озеро Танганика съ его притоками. Также широко былъ опредѣленъ этотъ бассейнъ по отношенію къ морскому берегу на Атлантическомъ океанѣ: тутъ онъ начинается съ 2°30' южной широты до устьевъ рѣки Логе, теченіе которой до Сетте-Камма составляетъ сѣверную границу.

Наконецъ, что касается границы этого бассейна, въ предѣлахъ котораго была установлена абсолютная свобода торговыхъ сношеній, то берлинская конференція рѣшила, что вся областъ къ востоку отъ рѣки Конго вплотъ до Индійскаго океана должна также войти въ его составъ. Но имѣя въ виду, что султанъ занзибарскій и Португалія признаютъ за собою особенныя права на эту часть Африки, конференція постановила уважать эти права и только съ согласія территоріальныхъ властей распространить на нее свободу торговыхъ оборотовъ.

На основаніи этого рѣшенія конференціи, весь бассейнъ рѣки Конго, объявленный открытымъ для всѣхъ народовъ, составляетъ въ настоящее время огромнѣйшую площадь въ 6.250,000 квадратныхъ километровъ.

Когда были такимъ образомъ опредѣлены географическія и

экономическія границы бассейна Конго, оставалось установить болѣе точнымъ образомъ порядокъ производства торговыхъ оборотовъ въ предѣлахъ этого огромнаго пространства. На основаніи германскаго проекта декларации безусловно запрещалось взиманіе пошлинъ входныхъ (droits d'entrée) и транзитныхъ. Зато разрѣшалось взиманіе пошлинъ, имѣющихъ цѣлью возвратить издержки, сдѣланныя на пользу торговли.

Противъ такой постановки вопроса возражали на конференціи, что трудно будетъ опредѣлить, насколько установленныя пошлины дѣйствительно служатъ возмѣщеніемъ издержекъ, понесенныхъ мѣстными властями для пользы торговли. Поэтому было предложено установить опредѣленный тарифъ, на основаніи котораго со всѣхъ привозимыхъ, не транзитныхъ, товаровъ взималась извѣстная пошлина. Но это предложеніе не было принято, потому что большинство членовъ конференціи опасалось, что такой тарифъ въ состояніи будетъ совершенно отмѣнить свободу торговли. На этомъ основаніи предложеніе германскаго правительства было принято, и конференція рѣшила:

Во-первыхъ, всѣ суда, безъ всякаго различія національности, имѣютъ свободный доступъ ко всему берегу областей, вошедшихъ въ составъ бассейна рѣки Конго, во всѣ рѣки съ ихъ притоками, которыя впадаютъ въ море или вытекаютъ въ рѣку Конго. Равнымъ образомъ, признаются открытыми для всемірной торговли всѣ озера и каналы, уже существующіе или построенные впослѣдствіи. Наконецъ, для подданныхъ всѣхъ европейскихъ и американскихъ государствъ совершенно свободна каботажная торговля, какъ морская, такъ и рѣчная.

Во-вторыхъ, со всѣхъ товаровъ, которые будутъ привозиться въ эти страны морскимъ путемъ или сухопутно, могутъ быть взыскиваемы исключительно такія пошлины, сумма которыхъ составитъ возмѣщеніе издержекъ по содержанію въ исправности судоходства или учрежденій, полезныхъ для торговли. При взиманіи этихъ пошлинъ не должно быть дѣлано никакого различія между иностранцами различныхъ національностей и туземными жителями.

Вообще всякія дифференціальныя пошлины безусловно запрещаются.

Въ-третьихъ, всѣ привозимые товары свободны отъ всякихъ ввозныхъ или транзитныхъ пошлинъ.

Это постановленіе конференціи встрѣтило довольно сильныя возраженія со стороны нѣкоторыхъ членовъ, въ особенности французскаго уполномоченнаго, барона Курсель. Послѣдній совершенно

справедливо замѣтилъ, что европейскія державы не могутъ на вѣчныя времена лишать мѣстныя власти на берегахъ Конго права установить общія для всѣхъ народовъ сборы съ ввозимыхъ товаровъ. Экономическія условія этихъ странъ могутъ, въ продолженіе времени, существенно измѣниться, и было бы неосторожно опредѣлить на много лѣтъ впередъ экономическій строй африканскихъ странъ. „Намъ не слѣдуетъ", сказалъ французскій уполномоченный, „возобновлять опытъ, сдѣланный въ XVI вѣкѣ, когда приводили въ разореніе колоніи, вслѣдствіе того, что изъ Европы и исключительно съ точки зрѣнія метрополіи желали опредѣлить ихъ финансовое и административное устройство".

Во вниманіе къ этимъ справедливымъ возраженіямъ, конференція не рѣшилась установить на вѣчныя времена финансовые порядки въ открытыхъ для европейской культуры африканскихъ странахъ и потому постановила подвергнуть, по истеченіи двадцати лѣтъ, разсмотрѣнію вопросъ: слѣдуетъ ли сохранить абсолютную свободу отъ уплаты ввозныхъ пошлинъ товары, привозимые въ бассейнъ рѣки Конго? Такое постановленіе охраняетъ законныя права мѣстныхъ правительствъ и, въ частности, вновь созданнаго на Конго государства, для котораго вѣчная свобода отъ всѣхъ привозныхъ пошлинъ была бы чрезвычайно стѣснительна и навѣрно вызвала бы, съ его стороны, попытки освободиться отъ такого незаконнаго ограниченія его свободы дѣйствія.

Въ тѣсной связи съ свободою торговли въ южной Африкѣ находится вопросъ о торгѣ неграми, процвѣтающемъ до настоящаго времени въ этихъ странахъ. Вѣнскій конгрессъ 1815 года провозгласилъ, что торгъ неграми признается противнымъ всѣмъ „божескимъ и людскимъ законамъ", и потому цивилизованныя державы обязаны его преслѣдовать всѣми зависящими отъ нихъ средствами. Но недостаточно было объявить о незаконности торговли неграми: необходимо было прекратить ее дѣйствительнымъ образомъ. Съ этою цѣлью были заключены между главными европейскими государствами особенныя конвенціи, въ силу которыхъ признано было за сторожевыми судами, крейсирующими близъ африканскаго берега, право подвергать осмотру и задерживать всякое судно, на которомъ будутъ найдены негры, вывозимые на американскіе рынки невольниковъ. Кромѣ того, въ уголовныя уложенія европейскихъ государствъ была включена статья, на основаніи которой занятіе торгомъ неграми или невольниками наказывается наравнѣ съ морскимъ разбоемъ.

Однако, несмотря на всѣ эти мѣропріятія, въ Африкѣ процвѣтаютъ до настоящаго времени и невольничества, и торговля рабами.

Всѣ старанія генерала Гордона, Ливингстона и Стэнли, направленныя къ прекращенію невольничества въ средней и южной Африкѣ, до сихъ поръ не увѣнчались успѣхомъ. Нѣкоторые туземные властители, какъ, напримѣръ, султанъ занзибарскій, открыто покровительствуютъ торговлѣ невольниками, усматривая въ ней неисчерпаемый источникъ своего богатства.

Берлинская конференція должна была потому коснуться этого предмета. Но она не могла ограничиться, подобно вѣнскому конгрессу 1815 г., объявленіемъ негроторговцевъ внѣ покровительства законовъ: она должна была коснуться самого корня того зла, которое заключается въ существованіи рабства во всей южной Африкѣ. На это обстоятельство обратилъ вниманіе конференціи первый англійскій уполномоченный сэръ Эдвардъ Малетъ, который справедливо замѣтилъ, что европейскимъ державамъ предстоитъ теперь въ первый разъ преслѣдовать торгъ неграми не только на морѣ, но также на невольническихъ рынкахъ внутри самой Африки. Поэтому необходимо принять мѣры, чтобъ негроторговцы не находили на рынкахъ невольниковъ, предлагаемыхъ на продажу. Представитель Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ предложилъ, чтобъ державы не только преслѣдовали торговцевъ невольниками въ африканскихъ земляхъ, находящихся подъ ихъ властью, но чтобъ онѣ обязались не давать убѣжища такимъ лицамъ.

Послѣ весьма оживленныхъ преній по этому вопросу, конференція приняла постановленіе, въ силу котораго всѣ державы, имѣющія какія-нибудь владѣнія въ южной Африкѣ или пользующіяся тамъ какимъ-нибудь вліяніемъ, обязуются содѣйствовать всѣми средствами нравственному и матеріальному развитію туземнаго населенія. Въ виду этой цѣли они обязываются прекратить всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами невольничество и торгъ невольниками. Кромѣ того, всѣ лица или учрежденія, имѣющія назначеніемъ распространять въ туземномъ населеніи научныя свѣдѣнія или служащія цѣлямъ просвѣщенія или религіи имѣютъ право на особенное покровительство всѣхъ державъ. На этомъ основаніи христіанскіе миссіонеры, ученые путешественники и ихъ научныя коллекціи должны пользоваться дѣйствительнымъ покровительствомъ. Наконецъ свобода совѣсти и религіозная терпимость безусловно обезпечивается за всѣми туземцами, какъ и за всѣми иностранцами. Поэтому открытое отправленіе богослуженія и право воздвигать церкви или дома для исполненія какихъ нибудь религіозныхъ обрядовъ признаются за всѣми, безъ исключенія, жителями земель, вошедшихъ въ составъ бассейна рѣки Конго. По-

слѣднее постановленіе тѣмъ болѣе замѣчательно, что до самаго послѣдняго времени европейскія христіанскія державы явно потворствовали въ нѣкоторыхъ языческихъ странахъ, какъ напримѣръ въ Китаѣ, насильственному и обманному распространенію христіанской вѣры со стороны слишкомъ ретивыхъ миссіонеровъ.

Наконецъ, для того, чтобы эти постановленія главнѣйшихъ европейскихъ государствъ и Соединенныхъ Штатовъ не оставались благими пожеланіями, берлинская конференція учредила на берегахъ рѣки Конго особенную международную коммиссію, на которую возложена была обязанность наблюдать за исполненіемъ только что приведенныхъ и другихъ постановленій акта конференціи.

Еще дальше пошелъ на этомъ пути испанскій уполномоченный, предложившій учрежденіе на берегахъ Конго особеннаго международнаго суда изъ консуловъ, который на мѣстѣ разбиралъ бы дѣла о задержанныхъ съ невольниками судахъ и присуждалъ виновныхъ заслуженному наказанію. Но представитель Испаніи не настаивалъ на принятіи своего проекта, встрѣченнаго сочувственно конференціей, и потому онъ не вошелъ въ актъ берлинской конференціи.

Здѣсь мы не можемъ не указать на одинъ любопытный историческій документъ, найденный нами въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. На ахенскомъ конгрессѣ въ 1818 году также обсуждался вопросъ о мѣрахъ противъ торга неграми. Графъ Каподистріа представилъ, съ разрѣшенія императора Александра I, на обсужденіе собранія записку, въ которой онъ развиваетъ слѣдующій проектъ: въ опредѣленномъ мѣстѣ на юго-западномъ берегу Африки учреждается верховный совѣтъ (conseil suprême), члены котораго назначаются великими европейскими державами. Въ распоряженіе этого совѣта предоставляется опредѣленное число военныхъ судовъ для преслѣдованія судовъ съ невольниками и исполненія рѣшеній совѣта. Для разсмотрѣнія вины всѣхъ захваченныхъ судовъ и опредѣленія наказаній учреждается судебный трибуналъ въ одномъ изъ городовъ въ южной Африкѣ. Жалобы на рѣшенія этого суда поступаютъ на разсмотрѣніе верховнаго совѣта. Противъ этого плана русскаго уполномоченнаго на ахенскомъ конгрессѣ самымъ энергическимъ образомъ возражали представители Англіи, и онъ не былъ принятъ. На берлинской же конференціи, т.-е. 66 лѣтъ позже, великія европейскія державы, съ Англіею во главѣ, возвращаются къ тѣмъ же самымъ мыслямъ. Учрежденная конференціей международная африканская коммиссія есть верховный совѣтъ, проектированный графомъ Капо-

дистріа въ 1818 году. Предложеніе испанскаго уполномоченнаго относительно учрежденія на африканскомъ берегу особеннаго международнаго суда изъ консуловъ есть также повтореніе мысли гр. Каподистріа.

Обратимся теперь къ другому вопросу, включенному по взаимному соглашенію Германіи и Франціи въ програму берлинской конференціи: о судоходствѣ на рѣкахъ Конго и Нигеръ. На основаніи вышеприведенной рѣчи князя Бисмарка, которою онъ открылъ засѣданія конференціи, было желательно обезпечить полную свободу судоходства на обѣихъ этихъ африканскихъ рѣкахъ посредствомъ примѣненія къ нимъ постановленій вѣнскаго конгресса относительно плаванія на рѣкахъ, протекающихъ чрезъ владѣнія нѣсколькихъ государствъ. Но князь Бисмаркъ открыто высказался за расширеніе этой программы конференціи въ смыслѣ провозглашенія такой свободы плаванія на всѣхъ вообще международныхъ рѣкахъ. Можно было идти еще дальше и провозгласить эту свободу судоходства для всѣхъ рѣкъ вообще на земномъ шарѣ, какъ международныхъ, такъ и внутреннихъ, которыхъ теченіе находится въ предѣлахъ одного и того же государства. И дѣйствительно, итальянскій уполномоченный увлекся этою идеею настолько, что предложилъ не дѣлать никакого различія между рѣками, протекающими черезъ владѣнія одного государства, и тѣми, которыя протекаютъ черезъ владѣнія нѣсколькихъ государствъ.

Берлинская конференція, однако, не вступила на этотъ скользкій путь опасныхъ обобщеній, и удержалъ конференцію отъ этой опасности именно уполномоченный Великобританіи. Уже въ первомъ засѣданіи конференціи онъ объявилъ, что, по мнѣнію его правительства, рѣка Нигеръ находится совсѣмъ въ другомъ положеніи, нежели Конго: на послѣдней нѣтъ одного установленнаго правительства, которое было бы въ состояніи обезпечить по немъ свободу плаванія, между тѣмъ, какъ на рѣкѣ Нигеръ Англія готова дать въ иномъ отношеніи всѣ требуемыя гарантіи.

Эту точку зрѣнія англійскіе уполномоченные энергически защищали какъ въ засѣданіяхъ коммиссіи, учрежденной для составленія проекта статей относительно судоходства, такъ и въ полномъ собраніи членовъ конференціи. Представители Англіи даже представили особенный проектъ устава судоходства по рѣкѣ Нигеръ, на которой исключительный авторитетъ Англіи долженъ быть признанъ.

Но эта претензія англійскаго правительства считать рѣку Нигеръ исключительно подчиненною его власти встрѣтила теоретическаго противника во французскомъ уполномоченномъ, доказы-

вавшемъ, что верхнее теченіе рѣки Нигеръ находится несомнѣннымъ образомъ подъ властью французскаго правительства, и что если Англія не желаетъ допустить на этой рѣкѣ какой-нибудь международный контроль, она обязана признать права Франціи какъ рѣчной на Нигерѣ державы. Наконецъ баронъ Курсель заявилъ, что пока не будутъ признаны права Франціи на часть верхняго теченія рѣки Нигеръ, онъ не въ состояніи будетъ принять, отъ имени своей страны, какія нибудь обязательства въ отношеніи судоходства на рѣкѣ Конго.

При такихъ обстоятельствахъ, представители Англіи находили болѣе благоразумнымъ исполнить законное требованіе Франціи и признать ея неотъемлемыя права на берега рѣки Нигеръ, огромное торговое значеніе которой увеличивается съ каждымъ годомъ. Когда состоялось такое соглашеніе между уполномоченными Англіи и Франціи относительно этой рѣки, конференція считала возможнымъ поставить свободу плаванія на Нигерѣ подъ отвѣтственность и покровительство прибрежныхъ государствъ, т.-е. Англіи и Франціи.

На этомъ основаніи берлинская конференція провозгласила полную свободу плаванія на рѣкѣ Нигеръ для судовъ и подданныхъ всѣхъ народовъ, какъ прибрежныхъ, такъ и иностранныхъ. Всякіе средневѣковые сборы безусловно запрещаются съ судовъ, плавающихъ на той рѣкѣ, какъ съ грузами, такъ и безъ оныхъ. Эта же свобода должна быть обезпечена за плаваніемъ на притокахъ этой рѣки, на каналахъ, которые могутъ быть въ будущемъ построены. Мало того: даже на желѣзныхъ дорогахъ, которыя могутъ быть построены для развитія торговыхъ оборотовъ въ предѣлахъ бассейна этой рѣки свобода передвиженія и общаго пользованія должна быть обезпечена за подданными всѣхъ государствъ, безъ исключенія.

Такая свобода плаванія и торговыхъ оборотовъ должна существовать на рѣкѣ Нигеръ не только въ мирное время, но также во время войны, когда торговыя сношенія на этой рѣкѣ не могутъ подвергаться никакимъ стѣснительнымъ мѣропріятіямъ со стороны воюющихъ державъ. Только торговля предметами военной контрабанды подвергаетъ лицъ, ею занимающихся, опасности лишиться своей собственности, на основаніи общепризнанныхъ началъ международнаго права. Наконецъ, въ отношеніи этой рѣки за Англіей, Франціей и всякою другою державою, которая завладѣетъ береговымъ участкомъ на рѣкѣ Нигеръ, была признана конференціей обязанность охранять всѣми силами провозглашенную свободу судоходства и торговли. Мѣры, которыя эти при-

брежныя державы примутъ для установленія порядка въ судоходствѣ на этой рѣкѣ, никоимъ образомъ не могутъ служить препятствіями свободному плаванію или торговымъ оборотамъ. Въ частности Англія должна была принять на себя обязательство оказывать совершенно равное покровительство какъ своимъ подданнымъ, такъ и иностранцамъ, плавающимъ на этой рѣкѣ.

Такая же широкая свобода судоходства была установлена берлинскою конференціей по отношенію къ рѣкѣ Конго, которая была объявлена открытою для судоходства, начиная отъ устьевъ и вверхъ по рѣкѣ до того мѣста, гдѣ начинаются водопады, прерывающіе судоходство на нѣсколько сотъ километровъ. На всемъ протяженіи рѣки, на всѣхъ ея притокахъ, озерахъ, каналахъ и желѣзныхъ дорогахъ, подлежащихъ постройкѣ въ ближайшемъ будущемъ, свобода судоходства и торговли провозглашается какъ положительное право для всѣхъ европейскихъ и американскихъ народовъ. Никакого различія не должно быть сдѣлано между иностранцами и туземными жителями въ пользованіи судоходствомъ.

Эти постановленія берлинской конференціи совершенно сходятся съ только-что разсмотрѣнными нами началами, установленными относительно рѣки Нигеръ. Но затѣмъ совершенно особенный порядокъ примѣненія этихъ началъ былъ учрежденъ для рѣки Конго. По отношенію къ рѣкѣ Нигеръ было признано за Англіей и вообще за прибрежными властями право наблюдать за сохраненіемъ свободы плаванія и торговли. На рѣкѣ же Конго была учреждена особенная „международная коммиссія Конго“ (Commission internationale du Congo) для этого самаго назначенія. Члены этой коммиссіи назначаются всѣми державами, участвовавшими на берлинской конференціи и еще со стороны тѣхъ державъ, которыя впослѣдствіи могутъ приступить къ берлинскому акту. Но это право назначенія члена международной коммиссіи на Конго есть чисто факультативное право, которымъ державы могутъ воспользоваться по усмотрѣнію. Всѣ члены Коммиссіи должны пользоваться полною личною неприкосновенностью въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей. На эту международную коммиссію возложена обязанность выработать уставъ для судоходства на рѣкѣ Конго, установить правильный порядокъ взиманія сборовъ по утвержденному самою коммиссіею тарифу; организовать хорошую рѣчную полицію; устроить лоцманскую службу и т. п. Этого мало: международная коммиссія должна предпринимать и руководить всѣми техническими работами, вызванными потребностями судоходства и торговли; учреждать каран-

тины и наконецъ, назначать повсюду своихъ агентовъ. Тамъ, гдѣ не имѣется въ бассейнѣ великой африканской рѣки никакого установленнаго правительства, коммиссія обязана преслѣдовать рабство и торговлю невольниками. Для подкрѣпленія своихъ законныхъ требованій коммиссія получила право обращаться, въ случаѣ надобности, къ командирамъ европейскихъ военныхъ судовъ, которые могутъ находиться на самой рѣкѣ или близъ устьевъ ея. Съ цѣлью же обезпечить исполненіе возложенныхъ на эту международную коммиссію обязанностей, ей разрѣшено заключать займы, для которыхъ гарантіею должны служить собираемыя коммиссіею судоходныя пошлины или вообще ея доходы. Государства, назначившія своихъ представителей въ эту международную коммиссію, ни въ какомъ случаѣ не отвѣчаютъ за долги ея.

Наконецъ, даже во время войны между державами, подписавшими берлинскій актъ, международная коммиссія на Конго должна дѣйствовать совершенно свободно: всѣ служащія въ ней лица, всѣ ея отдѣленія, кассы и дома, ей принадлежащіе, должны пользоваться въ военное время такою же неприкосновенностью какъ во время мира. Такое постановленіе берлинской конференціи совершенно логически вытекаетъ изъ провозглашенной ею абсолютной свободы судоходства на рѣкѣ Конго и ея притокахъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что постановленія берлинской африканской конференціи относительно судоходства на рѣкахъ Нигеръ и Конго будутъ имѣть весьма благотворное вліяніе на развитіе торговыхъ оборотовъ съ Африкою. Въ пользу европейско-американской торговли созданы берлинскимъ актомъ условія, которыя должны содѣйствовать распространенію во внутрь африканскаго континента европейской культуры. Если колонизація береговъ рѣкъ Нигера и Конго со стороны европейцевъ вообще возможна, то берлинская конференція сдѣлала все, чтобы подготовить для нея самыя благопріятныя условія, насколько это зависѣло отъ нея. Едва ли можно было лучше обезпечить свободу судоходства и торговли для всѣхъ народовъ внутри Африки, чѣмъ это было сдѣлано со стороны европейскихъ державъ на берлинской конференціи; державы настолько увлеклись этою цѣлью, что даже согласились извратить смыслъ другихъ международныхъ постановленій относительно рѣчного судоходства.

Коммиссія, составлявшая проекты обоихъ уставовъ о судоходствѣ на Нигерѣ и Конго, находила возможнымъ утверждать, что постановленія вѣнскаго конгресса 1815 года относительно рѣчного судоходства получили полное примѣненіе къ Дунаю, въ

отношеніи котораго „окончательно были утверждены начала, управляющія въ настоящее время рѣчнымъ судоходствомъ“. Мало того: пресловутая Дунайская коммиссія даже объявлена была образцомъ для всѣхъ рѣчныхъ коммиссій, и за нею была признана „верховная власть“ надъ Дунаемъ. Словомъ, эта Коммиссія была признана великою державою на Дунаѣ, и нѣкоторые члены берлинской конференціи не прочь были создать не только на Нигерѣ и Конго, но на всѣхъ африканскихъ рѣкахъ такія же рѣчныя коммиссіи съ верховными правами. Вообще, какъ въ рѣчи самого князя Бисмарка, такъ и въ докладахъ нѣкоторыхъ членовъ конференціи совершенно рельефно обнаруживается желаніе создать внутри Африки такіе международные порядки, которые могли бы находить впослѣдствіи примѣненіе въ другихъ частяхъ свѣта.

Между тѣмъ, извѣстно, что европейская Дунайская коммиссія учреждена была въ 1856 году только на два года и по первоначальному своему уставу никакъ не считалась „державою“ на Дунаѣ. Но, мало-по-малу, благодаря вліянію нѣкоторыхъ западно-европейскихъ державъ Дунайская коммиссія получила права и значеніе, вполнѣ противорѣчащія установленнымъ на вѣнскомъ конгрессѣ началамъ по рѣчному судоходству. Слѣдовательно, никакъ нельзя было сказать, что положеніе, занимаемое Дунайскою коммиссіею, было бы нормально и соотвѣтствовало международнымъ постановленіямъ 1815 года относительно судоходства по международнымъ рѣкамъ.

На это явное противорѣчіе обратилъ вниманіе берлинской конференціи представитель Россіи, и къ нему присоединились уполномоченные Австро-Венгріи, Франціи, Турціи и даже Германіи. Во всякомъ случаѣ можно надѣяться, что „международная коммиссія на Конго“ не получитъ въ ближайшемъ будущемъ примѣненія къ другимъ не-африканскимъ рѣкамъ. На Конго, гдѣ нѣтъ установленныхъ правительствъ, можетъ быть существуетъ надобность въ международной коммиссіи съ такими широкими полномочіями. Но тамъ, гдѣ на международной рѣкѣ существуютъ правильно организованныя государства, за ними должно быть признано право принимать мѣры для обезпеченія свободы торговли и судоходства. Впрочемъ, рѣшенія берлинской конференціи все-таки заслуживаютъ серьезнаго вниманія, потому что указываютъ на направленіе, въ которомъ можетъ въ будущемъ развиться рѣчное судоходство. Сверхъ того, для цѣлей колонизаціи южной Африки „международная коммиссія на Конго“ можетъ сдѣлаться въ ближайшемъ будущемъ весьма вліятельнымъ факторомъ.

VI.

Третьимъ вопросомъ, поставленнымъ на разрѣшеніе берлинской конференціи, была оккупація земель, которыя еще не заняты отъ имени какого-нибудь цивилизованнаго государства. Этотъ вопросъ имѣетъ огромное практическое значеніе, и не въ первый разъ онъ былъ поставленъ на рѣшеніе державъ.

Когда въ XV вѣкѣ португальцы и испанцы стали открывать новыя земли, они обыкновенно занимали прибрежные пункты и объявляли себя господами не только береговой полосы, но всей земли, имъ совершенно неизвѣстной, которая лежала внутри новооткрытаго континента или острова. На этомъ основаніи португальцы претендовали на всю Африку, испанцы на всю Южную Америку и англичане на всю Сѣверную Америку. Совершенно естественно, что эти державы сталкивались на той или другой территоріи, которую каждая изъ нихъ считала своею по праву первоначальнаго завладѣнія. Въ XV столѣтіи спорящія правительства обращались за разрѣшеніемъ своихъ споровъ къ римскимъ папамъ, которые не стѣснялись присуждать католическимъ державамъ цѣлыя страны и народы, о которыхъ, впрочемъ, они сами не имѣли никакого понятія.

Такъ, буллою 1454 года папа Николай V присудилъ португальцамъ всю Гвинею въ Африкѣ, съ правомъ покорять обитающія тамъ варварскія племена и, вмѣстѣ съ тѣмъ, папа запретилъ другимъ европейскимъ народамъ предпринимать здѣсь какія-нибудь опыты колонизаціи. На основаніи буллы папы Александра VI, изданной въ 1493 году, испанцы получили въ собственность какъ всѣ открытыя ими, такъ и могущія быть открытыми земли на разстояніи 100 миль на западъ и югъ отъ Азорскихъ острововъ. Всѣ земли, лежащія внѣ этой линіи на Атлантическомъ океанѣ, отъ сѣвернаго до южнаго полюса, были присуждены англичанамъ.

Берлинская конференція должна была взять на себя роль римскихъ папъ въ разрѣшеніи и предупрежденіи этихъ споровъ. Но, другія времена—другіе пріемы. Берлинская конференція не должна была присуждать кому-либо африканскія земли; она только должна была опредѣлить формальности, которыя подлежатъ соблюденію со стороны державы, намѣревающейся присоединить какую-нибудь землю еще не занятую другимъ цивилизованнымъ правительствомъ. Въ интересахъ колонизаціи необходимо было, чтобы каждое правительство знало, насколько оно въ правѣ основать колонію въ странѣ мало извѣстной, на которую,

однако, уже другое государство можетъ имѣть претензіи. Для того, чтобъ такихъ столкновеній не было, здравый смыслъ требуетъ, чтобъ правительство раньше занявшее какую-нибудь область, доказало бы своими дѣйствіями намѣреніе дѣйствительно занять ее.

Въ томъ смыслѣ уже давно рѣшаетъ этотъ вопросъ наука международнаго права, по началамъ которой оккупація должна происходить отъ имени или согласія государственной власти, и государство завладѣвающее должно выразить свое твердое намѣреніе фактическимъ занятіемъ открытой земли. Напрасно нѣкоторые члены берлинской конференціи думали, что современное международное право совсѣмъ не коснулось этихъ вопросовъ и что они возникли только въ Берлинѣ [1]).

На берлинской конференціи вопросъ объ оккупаціи сдѣлался предметомъ весьма оживленныхъ преній. Представители нѣкоторыхъ державъ открыто высказали опасенія, что предложенная конференціи декларація, въ которой опредѣляются условія дѣйствительной оккупаціи, можетъ получить обратное дѣйствіе и получить примѣненіе къ областямъ уже присоединеннымъ къ территоріямъ цивилизованныхъ государствъ. Другіе члены конференціи не были увѣрены въ томъ, что установленныя конференціей условія не получаютъ примѣненія также въ другихъ частяхъ свѣта. Наконецъ, самые порядки, которые европейскія правительства устанавливаютъ въ своихъ колоніяхъ до такой степени разнородны, что трудно было подвести ихъ подъ одну общую категорію. Такъ, великобританскій уполномоченный указывалъ на то обстоятельство, что англійскія колоніи подлежатъ шести различнымъ системамъ управленія, потому что различнымъ образомъ водворялась власть Англіи надъ тою или другою колоніею. Однѣ колоніи вполнѣ входятъ въ составъ великобританскихъ государственныхъ владѣній; другія же пользуются только покровительствомъ Англіи.

Кромѣ того, представитель Соединенныхъ Штатовъ предложилъ вниманію конференціи слѣдующій вопросъ: не обязана ли она объявить предъ всѣмъ міромъ, что всѣ цивилизованныя державы обязаны уважать права владѣнія туземныхъ князей и народовъ, земли которыхъ подвергаются оккупаціи? Этотъ вопросъ нисколько не представлялся излишнимъ, въ виду того, что цивилизованные народы весьма рѣдко относились съ уваженіемъ къ несомнѣн-

---

[1]) Срав. Rapport adressé au ministre des offices étrangère de France, par M. Engelhardt, délégué à Berlin par la conférence africaine.

нымъ правамъ туземнаго дикаго или полудикаго племени, и обыкновенно захватывали его страну или силою оружія или обманомъ. Не безупречно въ этомъ отношеніи было поведеніе и вашингтонскаго правительства въ отношеніи краснокожихъ индѣйцевъ, которыхъ земли оно систематически забирало, и часто не представляя никакого вознагражденія. Наконецъ, сама берлинская конференція, провозглашая въ одномъ изъ первыхъ своихъ засѣданій принципъ сводобы торговли на всемъ пространствѣ внутренней Африки, отъ Атлантическаго океана до Индійскаго, нисколько не затруднилась навязать ту свободу населенію такихъ областей, которыя несомнѣннымъ образомъ подлежатъ власти занзибарскаго султана.

Но въ виду категорическаго вопроса, поставленнаго уполномоченнымъ Соединенныхъ Штатовъ, берлинская конференція не могла не высказаться въ пользу уваженія правъ туземныхъ князей и населенія во вновь открытыхъ земляхъ. Хотя она не приняла никакого рѣшенія въ смыслѣ, предложенномъ американскимъ уполномоченнымъ, но она другими постановленіями выражала свое уваженіе къ правамъ первоначальныхъ жителей занимаемыхъ территорій. Такъ, конференція высказалась противъ допущенія въ Африкѣ торговли спиртными напитками, въ виду того особенно пагубнаго дѣйствія, которое они имѣютъ на дикіе и полудикіе народы.

Наиболѣе трудною задачею конференціи было опредѣлить самыя условія дѣйствительной оккупаціи. Всѣ члены конференціи были согласны между собою въ томъ, что постановляемыя ею правила могутъ имѣть примѣненіе только на будущее время и не могутъ имѣть никакого обратнаго дѣйствія. Но англійскій уполномоченный выразилъ такъ же мнѣніе, что эти правила не должны распространяться на занятіе внутреннихъ областей Африки, а только на побережье этого материка. Съ этимъ мнѣніемъ не согласились другіе члены конференціи, и принятыя правила должны находить принятіе во всей Африкѣ, которая еще не занята. Во всякомъ случаѣ, представитель Россіи заявилъ, что по мнѣнію его правительства принятые конференціей принципы ни въ какомъ случаѣ не должны считаться обязательными въ другихъ частяхъ свѣта.

Когда же конференція приступила къ обсужденію доклада коммиссіи по тому вопросу, разногласіе между членами обнаружилось весьма существенное. По проекту коммиссіи, всякая держава, занимающая какую-нибудь область съ цѣлью присоединить ее къ своимъ владѣніямъ, или только для установленія своего

надъ нею покровительства, должна была, во-первыхъ, сообщить объ этомъ своемъ намѣреніи дипломатическимъ путемъ до свѣденія другихъ державъ, которыя должны имѣть возможность заявить во-время о своихъ претензіяхъ на занятую область. Въ актѣ объявленія (acte de notification) правительство завладѣвающее должно было также указать приблизительно границы занятой области.

Во-вторыхъ, держава, желающая занять область, обязана принимать мѣры для утвержденія въ ней своей власти съ цѣлью сохраненія мира, уваженія къ пріобрѣтеннымъ правамъ и даже охраненія свободы торговли.

Наконецъ, въ третьихъ, правительство, устанавливающее свое покровительство въ занятой области, равнымъ образомъ обязано охранять миръ, творить судъ и расправу и обезпечить свободу торговли и транзита.

Эти предложенія коммиссіи вызвали весьма много замѣчаній со стороны членовъ конференціи. Такъ, французскій уполномоченный выразилъ мнѣніе, что лучше всего было бы ограничиться самимъ общимъ опредѣленіемъ условій оккупаціи, не входя въ подробности. Равнымъ образомъ, встрѣтило сильное возраженіе начало, въ силу котораго въ занятой области непремѣнно должна быть водворена неограниченная свобода торговли и транзита. За это требованіе стояло германское правительство, но оно все-таки не было принято въ первоначальномъ видѣ. Наконецъ, уполномоченный Англіи требовалъ, чтобъ каждая держава, занимающая какую-нибудь область, объявляла также другимъ правительствамъ точныя границы, въ которыхъ совершается самая оккупація. Но совершенно справедливо, что трудно немедленно объявить о границахъ занимаемой территоріи, еще не изслѣдованной государствомъ, завладѣвающимъ ею посредствомъ своихъ агентовъ.

Результатомъ всѣхъ этихъ продолжительныхъ преній было принятіе двухъ статей, которыя устанавливаютъ на будущее время условія дѣйствительной оккупаціи. Правительство, имѣющее намѣреніе занять какую-нибудь область или установить надъ нею свой протекторатъ, обязано объявить объ этомъ фактѣ другимъ правительствамъ, и, кромѣ того, оно обязано утвердить свой авторитетъ съ цѣлью охраненія существующихъ правъ и свободы торговли.

Таковы результаты, къ которымъ пришла берлинская конференція по этому чрезвычайно важному вопросу. Много требовалось времени и много телеграфическихъ депешъ было обмѣнено между нѣкоторыми членами конференціи и ихъ правительствами

раньше, чѣмъ можно было составить эти двѣ коротенькія статьи (34 и 35-я) берлинскаго акта. Но, если спросить: въ чемъ же заключается удивительное „нововведеніе“, придуманное конференціей для того, чтобы предупредить столкновенія между государствами вслѣдствіе занятія какой-нибудь области,—то мы должны сказать, что въ этомъ вопросѣ она сдѣлала чрезвычайно мало. Единственно новымъ является обязанность дипломатическаго объявленія другимъ государствамъ о воспослѣдовавшемъ завладѣніи. Но развѣ такое заявленіе въ состояніи будетъ предупредить столкновенія между государствами? Нисколько. Только вслѣдствіе сдѣланнаго заявленія скорѣе долженъ отнынѣ наступить моментъ протеста со стороны заинтересованныхъ другихъ правительствъ. Едва ли можно въ такомъ условіи видѣть какую-то геніальную мысль и новое великое начало современнаго международнаго права, какъ серьезно утверждали нѣкоторые публицисты. Если же конференція для дѣйствительности оккупаціи требуетъ установленія извѣстнаго порядка и юрисдикціи, то это такое условіе для завладѣнія, которое требовалось уже древними римскими юристами. Наконецъ, устранивъ условіе относительно обозначенія границъ занятой области, конференція оставила открытымъ тотъ именно вопросъ, который чаще всего вызывалъ международныя столкновенія, и рѣшеніе котораго было потому особенно желательно. Извѣстная кровавая стычка, происшедшая въ январѣ нынѣшняго года въ Камерунѣ между экипажемъ германскаго военнаго судна и мѣстнымъ африканскимъ населеніемъ, поднятымъ подстрекательствами англійскихъ агентовъ, была отчасти вызвана неопредѣленностью границъ занятой отъ имени Германіи области.

Кромѣ того, остается весьма неопредѣленнымъ различіе, сдѣланное конференціей, между областью, надъ которою данное государство устанавливаетъ полную верховную власть, и тою, которой оно желаетъ только оказать покровительство. Намъ кажется, что въ обоихъ случаяхъ правительство, совершающее оккупацію, обязано одинаковымъ образомъ отвѣчать за безопасность въ занятой области населенія и установлять опредѣленный порядокъ. Трудно себѣ представить на практикѣ существенное различіе между этими двумя родами занятія: область, вполнѣ присоединенная или колонія, находящаяся подъ покровительствомъ, одинаковымъ образомъ могутъ сдѣлаться объектомъ враждебныхъ дѣйствій и вызвать для государства собственника или покровителя весьма неудобныя послѣдствія.

Словомъ, нѣтъ ни малѣйшаго основанія приходить въ восторгъ отъ „рѣшенія“ берлинской конференціей вопроса объ условіяхъ

дѣйствительности оккупаціи не принадлежащихъ цивилизованному государству земель. Насколько шатко это рѣшеніе, видно изъ новѣйшаго столкновенія между Испаніею и Германіею по поводу занятія германскимъ корветомъ одного изъ Каролинскихъ острововъ. Когда германское правительство признало возможнымъ ссылаться на постановленія берлинской конференціи объ оккупаціи, Испанія протестовала противъ такой ссылки, доказывая, что берлинскія постановленія могутъ, во всякомъ случаѣ, получить примѣненіе только въ Африкѣ, но не на Каролинскихъ островахъ.

Не представляются, равнымъ образомъ, „новыми началами международнаго права“ постановленія берлинской конференціи относительно нейтралитета земель, включенныхъ въ составъ бассейна Конго и обращенныхъ въ сцену, на которой должны встрѣчаться выходцы изъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій берлинской конференціи представитель вашингтонскаго правительства сдѣлалъ предложеніе объявить вѣчно нейтральными земли, составляющія бассейнъ Конго, подобно тому, какъ Бельгія и Швейцарія вѣчно нейтральныя государства. Это предложеніе было встрѣчено со стороны большинства членовъ конференціи съ большимъ недовѣріемъ, хотя высказано было также въ пользу его то соображеніе, что только этимъ путемъ можно будетъ обезпечить безостановочное развитіе торговли и культуры въ южной Африкѣ.

Но, съ перваго же взгляда, должны были броситься въ глаза такія несообразности въ случаѣ примѣненія этого предложенія, что нельзя было признать его вполнѣ серьезнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно было объявить вѣчно нейтральною страну, въ которой еще нѣтъ установленнаго правительственнаго порядка? Какъ можно было нейтрализировать землю, географическія границы которой совершенно неопредѣлены и останутся предметомъ сомнѣній даже послѣ трудовъ берлинской конференціи?

Наконецъ, не было никакого основанія навязывать государствамъ, которыя могутъ устроиться въ земляхъ бассейна рѣки Конго, вѣчный нейтралитетъ, если они сами его не пожелаютъ. Въ виду этихъ соображеній, конференція не въ состояніи была принять предложенія уполномоченнаго Соединенныхъ Штатовъ и въ актъ конференціи вошли, по этому предмету, такія постановленія, которыя болѣе осторожны и согласны съ обстоятельствами.

На основаніи этихъ постановленій, державы обязываются уважать нейтралитетъ, вѣчный или временный, провозглашенный тѣмъ или другимъ изъ государствъ, учрежденныхъ въ предѣлахъ бассейна рѣки Конго. Если одно изъ этихъ государствъ будетъ на-

ходиться въ войнѣ, то державы, участвующія въ берлинской конференціи, обязываются предложить воюющей державѣ, владѣющей частью бассейна Конго, провозгласить нейтралитетъ этой части своихъ владѣній въ южной Африкѣ. Въ такомъ случаѣ воюющія стороны обязаны уважать полный нейтралитетъ этихъ владѣній въ продолженіе всей войны.

Наконецъ, если между государствами, подписавшими актъ берлинской конференціи, возникнетъ какое-нибудь столкновеніе по поводу ихъ африканскихъ владѣній, то въ такомъ случаѣ они обязываются не прибѣгать немедленно къ оружію, но обращаться къ посредничеству одной или нѣсколькихъ державъ.

Таковы всѣ главнѣйшія постановленія берлинской африканской конференціи. Нѣтъ сомнѣнія, что поставленныя ей задачи были весьма сложны и трудно разрѣшимы, и нельзя отрицать, что это международное собраніе займетъ всегда выдающееся мѣсто въ исторіи попытокъ мирнаго распространенія европейской культуры и цивилизаціи среди полудикихъ народовъ. Но въ особенности велико ея значеніе въ исторіи колонизаціи вообще и Африки въ частности. Берлинская конференція не только создала существенныя гарантіи для свободы торговыхъ оборотовъ внутри „темнаго материка", но она учредила цѣлое новое государство Конго изъ владѣній бывшаго „международнаго африканскаго общества". Король бельгійцевъ, Леопольдъ II, пожертвовавшій больше десятка милліоновъ франковъ изъ своихъ частныхъ средствъ, на дѣло открытій въ Африкѣ, принялъ титулъ короля государства Конго и уже назначилъ своего намѣстника и главныхъ должностныхъ лицъ. Во вновь открытое африканское государство, на которомъ ученые изслѣдователи государственнаго права могутъ прослѣдить основательность теорій о происхожденіи и условіяхъ развитія государства, направляются теперь переселенцы изъ Европы и Америки. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что при великодушіи и государственномъ умѣ короля Леопольда II всѣ порядки будутъ устроены въ государствѣ Конго, какіе согласны съ требованіями европейской цивилизаціи.

Но, спрашивается, имѣетъ ли эта колонизація европейцами южной Африки какую-нибудь будущность? Можно ли положительно утверждать, что берлинская конференція обезпечила полный успѣхъ европейской колонизаціи въ Африкѣ? Это вопросы, которые должны себѣ поставить современныя правительства, направляющія труды и капиталы своихъ подданныхъ на дѣло колонизаціи.

VII.

Число сторонниковъ колонизаціи значительно увеличилось въ послѣдніе два года въ западной Европѣ, гдѣ учреждены были различныя общества съ цѣлью направлять европейскихъ выходцевъ въ заатлантическія страны для основанія новыхъ колоній. Но не только различныя общества и частныя лица увлеклись этою мыслью. Сами правительства, какъ мы видѣли, серьезно взялись за это дѣло и постоянно захватываютъ новыя земли или признаютъ занятыя ихъ подданными земли подъ своимъ особеннымъ покровительствомъ.

Во главѣ этого движенія стоятъ въ настоящее время два правительства: французское и германское. И такъ какъ вслѣдствіе отставки Жюля Ферри колоніальный пылъ французскаго правительства значительно поостылъ, за Германіею осталось первенство въ этомъ вопросѣ. И дѣйствительно, нигдѣ не изучаются, въ настоящее время, вопросы колоніальной политики съ такою основательностью, какъ въ германской литературѣ, вліяніе которой на общественное мнѣніе Германіи и даже на политику германскаго канцлера не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Посмотримъ теперь какіе доводы приводятся въ пользу необходимости пріобрѣтенія заморскихъ колоній. Главный выводъ, выставленный германскими публицистами: слишкомъ большой наростъ народонаселенія. Въ 1816 году въ Германіи было всего 24.831,396 жителей; въ 1880 году уже 45.234,061. Въ настоящее время навѣрно будетъ не менѣе 47 милліоновъ жителей. И такъ какъ этотъ громадный приростъ народонаселенія исключительно основывается на излишкѣ рожденій, то весьма вѣроятно, что къ концу столѣтія Германія будетъ имѣть до 70 милліоновъ жителей. Откуда взять средства, чтобъ кормить всѣ эти милліоны, если они останутся въ предѣлахъ Германіи? Число лицъ, доходъ которыхъ такъ незначителенъ, что не подлежитъ подоходному налогу, будучи ниже установленной нормы, постоянно возрастаетъ. Этотъ фактъ служитъ доказательствомъ, что низшій классъ народа все-таки не становится богаче, не смотря на значительное увеличеніе благосостоянія высшихъ классовъ.

Кромѣ того, общее экономическое состояніе Германіи, по свидѣтельству нѣмецкихъ экономистовъ, весьма неудовлетворительно. Производительность достигла небывалаго развитія, всѣ рынки переполнены товарами, конкурренція дошла до послѣдней возможности и понизила цѣны товаровъ настолько, что едва ли оку-

паются издержки производства. Далѣе, земледѣліе страдаетъ отъ иностранной конкурренціи, не смотря на значительное возвышеніе въ началѣ нынѣшняго года привозныхъ пошлинъ на хлѣбъ. Вообще, во всѣхъ отрасляхъ промышленности предложеніе значительно превышаетъ спросъ на рабочую силу и множество техниковъ, инженеровъ и рабочихъ остается безъ дѣла, благодаря избытку ихъ повсюду. Даже въ высшихъ классахъ общества и въ такъ-называемыхъ либеральныхъ профессіяхъ чувствуется такая же конкурренція и такой же избытокъ, такъ что потраченныя на пріобрѣтеніе высшаго образованія силы и матеріальныя средства совсѣмъ не вознаграждаются, ибо полученныя въ университетахъ и политическихъ школахъ знаніе и свѣдѣнія остаются безъ практическаго примѣненія.

Въ виду этихъ обстоятельствъ соціализмъ могъ пустить глубокіе корни въ германскую почву, и само германское правительство вынуждено было взять въ свои руки дѣло соціальныхъ реформъ, идти на встрѣчу рабочимъ классамъ и взять ихъ подъ свое покровительство. Вся система государственнаго соціализма князя Бисмарка основывается на сознанной имъ необходимости правительственной помощи наиболѣе бѣдствующимъ классамъ германскаго общества. Колонизація же является однимъ изъ наиболѣе цѣлесообразныхъ средствъ для разрѣшенія этой трудной задачи.

Однако, если дѣйствительно постоянно увеличивающійся приростъ народонаселенія составляетъ такое страшное бѣдствіе для Германіи, что она вынуждена выселить излишекъ жителей въ учреждаемыя колоніи, то невольно возникаетъ вопросъ: почему Германія не покровительствуетъ всѣми средствами эмиграціи своихъ гражданъ въ Соединенные Штаты и другія страны? Вѣдь колоніи стоютъ, во всякомъ случаѣ, весьма значительныхъ средствъ, между тѣмъ какъ эмигранты на свой собственный страхъ выселяются и не имѣютъ права разсчитывать на какую бы-то ни было матеріальную помощь со стороны своего отечества. Почему же Германія не покровительствуетъ эмиграціи съ цѣлью избавиться отъ излишка народонаселенія?

Эти вопросы не остались безъ отвѣтовъ. Самъ князь Бисмаркъ, въ рѣчахъ, произнесенныхъ имъ въ германскомъ рейхстагѣ въ началѣ нынѣшняго года, подробно опровергаетъ мнѣніе, что будто эмиграція въ состояніи разрѣшить экономическій и соціальный кризисъ Германіи. Переселеніе, доказываетъ канцлеръ германской имперіи, очень полезно, подобно тому, какъ больному полезно кровопусканіе. Но оно недостаточно для существеннаго

избавленія Германіи отъ всего излишка народонаселенія. Въ продолженіе 10 лѣтъ, съ 1872 по 1882 годъ изъ Германіи выселилось только 923,655 человѣкъ, между тѣмъ какъ приростъ населенія, за этотъ же періодъ времени, составляетъ шесть милліоновъ человѣкъ.

Но есть еще другое обстоятельство, на которое обращаютъ вниманіе германскіе защитники колонизаціи. Въ засѣданіи рейхстага 8 января истекающаго года князь Бисмаркъ объявилъ, что увеличеніе благосостоянія есть причина усиленной эмиграціи, и выселяются обыкновенно достаточные люди. Это чрезвычайно смѣлое положеніе не было безусловно принято защитниками его колоніальной политики, но они все-таки положительно утверждаютъ, что Германія лишается чрезъ эмиграцію огромныхъ капиталовъ, вывозимыхъ эмигрантами въ страны, куда они направляются. Если съ 1820 по 1883 годъ выселилось изъ Германіи не менѣе 5 милліоновъ человѣкъ и каждый эмигрантъ имѣлъ не больше 400 марокъ, то не менѣе двухъ милліардовъ марокъ потеряла Германія за означенный періодъ времени. Если же изъ всей Европы выселились за то же время не менѣе 17 милліоновъ человѣкъ, то около семи милліардовъ марокъ вывезено въ Америку и другія заатлантическія страны, которыя ихъ не возвратятъ.

Зачѣмъ же, спрашиваютъ германскіе и французскіе публицисты, защищающіе колоніальную политику своихъ правительствъ, принести въ даръ эти милліарды Сѣверо-Американскимъ Штатамъ и терять ихъ безвозвратно и самымъ непроизводительнымъ образомъ? Правда, что эмигранты обыкновенно покидаютъ свою родину не только потому, что не находятъ средствъ къ жизни, но равнымъ образомъ по соціально-политическимъ причинамъ, которыя дѣлаютъ имъ жизнь на родинѣ нестерпимою. Политическіе перевороты, совершившіеся въ послѣдніе годы въ Германіи, значительно увеличили эмиграцію. Всеобщая воинская повинность настолько ненавистна значительной части германскаго населенія, что многія тысячи людей стараются, посредствомъ незаконной эмиграціи, освободиться отъ исполненія ея. Ежегодно бываетъ въ Германіи болѣе 10,000 случаевъ судебнаго преслѣдованія эмигрантовъ, желавшихъ уйти отъ этой тяжелой повинности.

Все-таки, по мнѣнію защитниковъ колонизаціи, можно удерживать въ странѣ вывозимые эмигрантами милліарды марокъ или франковъ, если направить эмигрантовъ въ колоніи, которыя принадлежатъ родинѣ. Въ такомъ случаѣ эти деньги и равнымъ образомъ личныя способности эмигрантовъ не послужатъ обога-

щенію иностранныхъ народовъ, но останутся въ странѣ, потому что колоніи, въ которыя направляются эмигранты, находятся подъ тою же государственною властью.

Только-что приведенными доводами защищають обыкновенно громадныя жертвы, принесенныя Франціей и Англіей, въ новѣйшее время, на развитіе своей колоніальной политики. Но, несмотря на то обстоятельство, что на сторону защитниковъ того дѣла сталъ, въ послѣднее время, съ свойственною ему энергіею, князь Бисмаркъ, все-таки несовсѣмъ неопровержимыми кажутся намъ вышеприведенные доводы. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же серьезно утверждать, что выселяются изъ Германіи только люди зажиточные, которые увозятъ съ собой сотни милліоновъ марокъ. Такой парадоксъ противорѣчитъ всѣмъ извѣстнымъ фактамъ, и самъ германскій канцлеръ вынужденъ былъ впослѣдствіи отъ него отказаться.

Но, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что не только экономическія причины вызываютъ германскую эмиграцію. Внутренніе порядки Германіи не менѣе содѣйствовали выселенію многихъ германскихъ подданныхъ въ сѣверную Германію. Спрашивается: неужели можно предположить, что нѣмцы, недовольные порядками на родинѣ, охотно выселятся въ колоніи, которыя находятся подъ властью или покровительствомъ того же германскаго правительства? Вѣдь въ колоніяхъ будутъ, болѣе или менѣе, тѣ же власти и порядки, какъ на родинѣ, и думать, что нѣмецкіе переселенцы направятъ свой путь въ германскія колоніи, кажется намъ довольно страннымъ. Если десятки тысячъ германцевъ посредствомъ эмиграціи стараются обходить исполненіе воинской повинности, то наивно думать, что эти нарушители отечественныхъ законовъ отправятся въ нѣмецкую колонію, гдѣ ихъ навѣрно задержатъ тѣ же отечественныя власти и заставятъ исполнить эту повинность. Пока будутъ существовать германскіе подданные, желающіе посредствомъ эмиграціи освободиться отъ военной службы, до тѣхъ поръ они направятъ свои шаги въ негерманскія страны, гдѣ они будутъ въ полной безопасности отъ угрожающихъ имъ наказаній. Сверхъ того, трудно понять тѣ особенныя причины, которыя могли бы заставить германскихъ или французскихъ эмигрантовъ добровольно поселиться во вновь основанныхъ Германіей и Франціей колоніяхъ. Всегда переселенцы отправляются въ страну, которая ихъ къ себѣ манитъ и богатствомъ, и климатомъ, и вольностями. Насколько вліятельны экономическіе и политическіе порядки на родинѣ эмигрантовъ, какъ побудительныя причины переселенія,

настолько же имѣютъ значеніе порядки въ странѣ, привлекающей къ себѣ переселенцевъ. Еслибы въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ были другіе общественные и государственные порядки, нежели нынѣ существующіе, то нѣтъ сомнѣнія, что европейскіе переселенцы не направили бы туда свой путь. Тамъ открывалось для европейцевъ широкое поле дѣятельности подъ покровительствомъ либеральнѣйшихъ государственныхъ учрежденій, въ умѣренномъ климатѣ и на благодарной почвѣ. Развѣ можно сказать то же самое про вновь учрежденныя германскія или французскія колоніи?

Къ сожалѣнію, совсѣмъ нѣтъ. Колоніи, учрежденныя германскимъ правительствомъ въ Африкѣ, находятся въ самомъ убійственномъ для европейцевъ климатѣ. Вотъ, что пишетъ, напримѣръ, восторженный приверженецъ колоніальной политики князя Бисмарка, нѣкій Рейхеновъ, бывшій въ Камерунѣ, про эту германскую колонію, уже вызвавшую кровопролитную стычку съ туземнымъ африканскимъ населеніемъ: „Никогда тамъ не можетъ быть учреждена земледѣльческая колонія, потому что ужаснымъ бичемъ для европейца является въ этой, столь богатой отъ природы странѣ климатъ, который нельзя не признать убійственнымъ для бѣлаго. Въ африканскомъ тропическомъ климатѣ европеецъ не въ состояніи ни работать, ни подвергаться физическому труду, и никогда онъ тамъ не въ состояніи будетъ акклиматизироваться. Область же Камеруна изъ всѣхъ областей на смертоносномъ западномъ берегу Африки одна изъ наиболѣе опасныхъ". Тамъ свирѣпствуютъ постоянно и въ самыхъ злокачественныхъ формахъ малярія, диссентерія и болѣзни печени. Не даромъ англичане говорятъ про свои западно-африканскія колоніи, что на пути въ нихъ всегда находятся два губернатора: одного привозятъ въ Англію покойникомъ, а другой туда отправляется, чтобъ умереть!

Не болѣе привлекательны климатическія условія другой германской колоніи Ангро-Пеквены, изъ-за которой вышло серьезное недоразумѣніе между Германіей и Англіей. Послѣдняя уступила и признала право владѣнія германской имперіи надъ областью, въ которую даже каторжниковъ нельзя отправить изъ чувства человѣколюбія. Между тѣмъ, германскіе публицисты подбиваютъ эмигрантовъ отправиться въ страну, въ которой нѣтъ даже чистой воды для питья, которая привозится за нѣсколько десятковъ миль изъ Капштадта! Никогда въ Ангро-Пеквенѣ не бываетъ дождя, и путешествіе во внутрь Африки изъ этого пункта для торговыхъ цѣлей всегда сопряжено съ опасностью для жизни.

По всему пути лежать пирамиды изъ костей павшихъ быковъ, служившихъ для перевозки тяжестей, и людей, ихъ сопровождавшихъ. Какъ тѣ, такъ и другіе погибли отъ невозможности утолять свою жажду. Кромѣ того, существуютъ въ этой благодатной странѣ особенныя мухи (Tretse), муравьи и насѣкомыя, отъ которыхъ умираютъ и люди, и домашнія животныя, не имѣя ни малѣйшей возможности защищаться отъ угрожающей имъ опасности. „Вообще,—говоритъ германскій миссіонеръ Бютнеръ, проведшій въ землѣ Дамара и Ангро-Пеквенѣ около года,—вся Африка оказывается, если ее поближе изучить, со всѣхъ сторонъ оберегаемою тюрьмою, вторгнуться въ которую представляется повсюду весьма труднымъ“ [1]).

Но, должно быть, созданное на берлинской конференціи государство Конго составляетъ исключеніе изъ этихъ смертоносныхъ по своему климату западно-африканскихъ областей, иначе нельзя себѣ объяснить шумъ, поднятый изъ-за открытія рѣки Конго для европейской цивилизаціи и культуры. Къ сожалѣнію, даже наиболѣе ярые приверженцы насажденія на берегахъ этой рѣки порядковъ, проектированныхъ берлинскою конференціей, не могутъ не сознаться, что европейцу жить на Конго очень трудно и даже чрезвычайно опасно при малѣйшей неосторожности въ ѣдѣ или въ питьѣ.

Стэнли, понятнымъ образомъ, старается всѣми силами разбить мнѣніе людей, доказывающихъ, что европейцы не въ состояніи жить и расплодиться на берегахъ Конго, и что потому все зданіе какого-то государства Конго построено на пескѣ. Но все-таки онъ вынужденъ признаться, что у него самого было, во время своего продолжительнаго пребыванія на Конго, не менѣе 120 припадковъ злокачественной лихорадки, и въ учрежденномъ имъ поселеніи Виви самый здоровый человѣкъ неминуемымъ образомъ долженъ получить лихорадку послѣ пребыванія въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ въ этомъ центрѣ торговли европейцевъ съ африканцами. Онъ также не отрицаетъ, что каждый европеецъ, проведшій на Конго одинъ годъ, непремѣнно долженъ возвратиться на нѣсколько мѣсяцевъ въ Европу, чтобъ поправить свое разстроенное здоровье и набраться новыхъ силъ. Вообще Стэнли заключаетъ, что если европеецъ поселился въ открытой мѣстности, въ которой нѣтъ міазмовъ, распространяющихся отъ гніющихъ остатковъ растительности и животныхъ, и если кру-

---

[1]) Reichenow. Die deutsche Kolonie Kamerun. Berlin 1884. S. 50.—Büttner. Das Hinterland von Walfischbai und Angra-Pequena. Heidelberg. 1884, S. 11 flg.—Olpp. Angra-Pequena und Gross-Nama-Land. Elberfeld, 1884.

томъ его происходитъ свободное движеніе воздуха, и если онъ будетъ вести жизнь чрезвычайно осторожную, то въ такомъ случаѣ онъ можетъ жить и быть здоровымъ [1]). Но знаменитый путешественникъ и колонизаторъ забылъ указать на тѣ мѣстности, гдѣ имѣются на лицо всѣ выставленныя имъ условія. Ихъ, во всякомъ случаѣ, весьма немного, что подтверждается свидѣтельствомъ другихъ, болѣе безпристрастныхъ изслѣдователей африканскихъ земель. Такъ, докторъ Дитріэ-Бей, состоявшій на службѣ „международнаго африканскаго общества" свидѣтельствуетъ, что маларія немедленно аттакуетъ всѣхъ прибывшихъ изъ Европы. Всѣ подвергаются этой опасной и изнурительной болѣзни, какъ путешественники, такъ и поселившіеся на берегахъ Конго: „не всѣ умираютъ отъ нея, но всѣ страдаютъ отъ нея".

На основаніи этихъ и другихъ показаній извѣстный бельгійскій ученый географъ Вотерсъ приходитъ къ окончательному заключенію, что „колонизація южной Африки европейцами намъ кажется утопіею!" Маларія, дизентерія и анемія до такой степени изнуряютъ европейцевъ, что они не въ состояніи ни долго жить въ бассейнѣ рѣки Конго, ни еще менѣе имѣть дѣтей. До сихъ поръ всѣ европейцы жили тамъ безъ европейскихъ женщинъ, и только недавно назначенный королемъ бельгійцевъ намѣстникъ въ государство Конго, повезъ туда свою жену, которая будетъ первою европейкою на берегу этой знаменитой рѣки. Только, по мнѣнію Ватерса, пройдутъ столѣтія раньше, чѣмъ европейцы въ состояніи будутъ совсѣмъ жить въ Средней Африкѣ [2]).

Наконецъ, не менѣе вѣскимъ является свидѣтельство агента вашингтонскаго правительства, Тиселя, который, послѣ закрытія засѣданій берлинской конференціи, получилъ отъ своего правительства порученіе отправиться на Конго и убѣдиться, насколько основательны свѣденія, распространяемыя въ Америкѣ и Европѣ насчетъ той страны. Тисель исполнилъ возложенное на него порученіе и представилъ президенту сѣверо-американской республики любопытнѣйшій отчетъ о своей поѣздкѣ по рѣкѣ Конго и европейскимъ поселеніямъ, основаннымъ его знаменитымъ соотечественникомъ или другими выходцами изъ Европы. По его свидѣтельству климатъ на берегахъ Конго убійственъ для бѣлыхъ. Повсюду онъ находилъ много больныхъ и рѣдко встрѣчалъ онъ здороваго европейца. „Международное африканское общество"

---

[1]) Stanley. Der Kongo, Bd. II, S. 261 flg.

[2]) Wauters. Le Congo au point de vue économique. Bruxelles, 1885, p. 118 etc.

имѣетъ въ настоящее время только 120 бѣлыхъ на своей службѣ, и изъ того числа не наберется даже 50 сильныхъ мужчинъ. Въ продолженіе 6 лѣтъ „Международное общество" заключило съ 600 бѣлыми контракты объ ихъ службѣ въ Африкѣ въ теченіе трехъ лѣтъ, но изъ 600 не болѣе 5 человѣкъ въ состояніи были прожить до конца срока!

Имѣя въ виду эти свидѣтельскія показанія о жизни европейцевъ въ юго-западной Африкѣ, нельзя не спросить: какимъ же образомъ приверженцы современной колоніальной политики могутъ, съ спокойною совѣстью, желать направить эмигрантовъ въ такія африканскія колоніи, гдѣ они должны умереть, въ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ мухи? Остается также не совсѣмъ понятнымъ тотъ восторгъ, съ которымъ было встрѣчено въ Германіи, Франціи и Бельгіи извѣстіе объ учрежденіи берлинскою конференціей новаго государства Конго, въ которомъ правители-европейцы будутъ умирать отъ маларіи, диссентеріи, анеміи и всевозможныхъ другихъ болѣзней. Неужели можно думать, что защитники колоніальныхъ стремленій желаютъ выселенія въ эти африканскія колоніи излишка народонаселенія въ ихъ родинѣ, чтобы скорѣе очистилось мѣсто для наростающаго поколѣнія не только на родинѣ, но также въ колоніяхъ?

Не совсѣмъ убѣдительнымъ кажется также тотъ доводъ, приводимый въ пользу колонизаціи, что въ колоніяхъ европейцы скорѣе размножаются и кладутъ основаніе новымъ европейскимъ поселеніямъ. Такое мнѣніе прямо противорѣчитъ положительнымъ фактамъ. Въ французскихъ колоніяхъ число французовъ, которые въ состояніи въ нихъ поселиться и жить, постоянно уменьшается или остается неизмѣненнымъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Такъ, послѣ 50-лѣтняго господства французовъ надъ Алжиромъ, число поселившихся тамъ французовъ менѣе двухъ сотъ тысячъ. Въ число этихъ двухъ сотъ тысячъ входятъ также войска и чиновники. Бастіа имѣлъ основаніе сказать, что въ этой французской колоніи къ каждому колонисту французское правительство должно будетъ поставить по солдату для личной его охраны.

Ту же неспособность акклиматизироваться въ странахъ съ жаркимъ климатомъ обнаруживаютъ англичане и голландцы. Въ англійской Индіи на 254 милліона жителей приходится 142,612 европейца, такъ что послѣдніе относятся къ первымъ какъ 1 : 1790. На островахъ Ява и Мадура на 18 милліоновъ туземныхъ жителей приходится не болѣе 900 человѣкъ европейскаго происхожденія. До сихъ поръ только одни испанцы и португальцы обнаружили способность жить и акклиматизироваться въ тропическихъ

странахъ, гдѣ находятся большею частью колоніи европейскихъ народовъ.

На основаніи этихъ положительныхъ данныхъ всѣ члены конгресса медиковъ изъ голландскихъ колоній, бывшаго въ 1882 г. въ Амстердамѣ, единогласно присоединились къ мнѣнію доктора Овербека, что „въ странахъ тропическихъ колонизація приводитъ европейцевъ къ вѣрной смерти“. „Нѣтъ средствъ,—писалъ главный докторъ французской арміи въ Тонкинѣ,—и нѣтъ никакихъ способовъ, которыми можно было бы акклиматизировать бѣлую расу въ тропическихъ странахъ“ [1]).

Въ виду этихъ фактовъ остается только заключить, что современныя колоніи, учреждаемыя европейскими народами по необходимости въ тропическомъ климатѣ, могутъ избавить отъ излишка народонаселенія въ томъ смыслѣ, что обращаются въ могилы для поселившихся въ нихъ европейскихъ выходцевъ. Но если Германія страдаетъ отъ такого излишка народонаселенія и должна прибѣгнуть къ такому радикальному средству, какъ истребленія лишнихъ въ Германіи „ртовъ“ съ помощью выселенія въ Камерунъ или на берега рѣки Конго, то трудно себѣ представить, почему Францiя также прибѣгаетъ къ помощи этого средства. Вѣдь на основаніи послѣдней народной переписи, число жителей Франціи не увеличилось, но, напротивъ, опять убавилось болѣе, чѣмъ на 200,000 человѣкъ. Слѣдовательно, французамъ, во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакой надобности жаловаться на чрезвычайную густоту народонаселенія и вывозить излишекъ въ Тонкинъ или въ другія смертоносныя для европейцевъ тропическія страны.

Наконецъ, что касается до сѣтованья германскихъ публицистовъ насчетъ потери милліоновъ, вывозимыхъ изъ Германіи переселенцами и увеличивающихъ благосостояніе въ особенности американцевъ, то оно едва ли вполнѣ искренно. Еще неизвѣстно, сколько милліоновъ будетъ стоить Германіи удержаніе за собою вновь пріобрѣтенныхъ колоній. Французы уже успѣли свести счетъ своимъ экспедиціямъ въ Тонкинъ, которыя уже теперь стоили болѣе двухъ сотъ милліоновъ франковъ. Затѣмъ германскіе публицисты не могутъ отрицать того факта, что по мѣрѣ увеличенія въ Соединенныхъ Штатахъ числа германскихъ эмигрантовъ, увеличивается туда же вывозъ произведеній нѣмецкой промышленности. Въ 1840 году вывозъ въ Сѣверную Америку былъ въ 2.500,000 долларовъ; въ 1873 году онъ уже дошелъ до 61.491,756 дол-

---

[1]) Guyot. Lettres sur la politique coloniale, p. 55.

ларовъ. Въ настоящее время онъ навѣрно еще гораздо значительнѣе. Нѣтъ сомнѣнія, что главными покупателями германскихъ издѣлій въ Соединенныхъ Штатахъ, являются нѣмцы, туда переселившіеся. Поэтому, не только въ политическомъ отношеніи для Германіи выгодно имѣть въ числѣ граждан сѣверо-американской республики партію въ нѣсколько милліоновъ, готовую защищать въ Америкѣ интересы германскаго народа, но также въ экономическомъ отношеніи германскіе переселенцы приносятъ значительную пользу своей родинѣ.

Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что колоніи составляютъ до настоящаго времени, для нѣкоторыхъ государствъ, главный рынокъ для сбыта своихъ произведеній, и потому владѣніе ими считается всегда положительно необходимымъ. Такъ, Англія вывозила въ 1882 году на 84.825,000 ф. ст. въ свои колоніи, и только на 156.322,000 ф. ст. во всѣ иностранныя государства. Притомъ, благодаря водворившейся въ европейскихъ государствахъ протекціонной политикѣ, привозу въ нихъ англійскихъ произведеній постоянно создаются новыя препятствія, и потому онъ уменьшается, между тѣмъ, какъ вывозъ тѣхъ же произведеній въ англійскія колоніи постоянно увеличивается. „Еслибъ, — сказалъ недавно первый министръ мельбургскаго правительства, — предположить, что Англія потеряла Индію такимъ образомъ, что индійскіе порты будутъ закрыты для англійскихъ судовъ, то ежегодно англійская торговля потерпѣла бы убытокъ въ 70 милліоновъ ф. ст.“. Не подлежитъ также сомнѣнію, что Голландія съумѣла эксплуатировать свои богатѣйшія колоніи съ большою для себя выгодою.

Но защитники колонизаціи забываютъ, что управленіе колоніями англійскими или голландскими является въ настоящее время главною причиною значительныхъ дефицитовъ въ бюджетахъ Англіи и Голландіи. Всѣмъ извѣстно, сколько стоитъ Англіи управленіе Индіей, но никто еще не опредѣлялъ, сколько милліоновъ фунтовъ стерлинговъ стоили Англіи и ея торговлѣ періодически возникающія опасенія за неприкосновенность ея индійскихъ владѣній, и мѣры, принимаемыя англійскимъ правительствомъ для предупрежденія угрожающей опасности. Точно также нескончаемая война голландцевъ противъ атчинскаго короля стоила имъ нѣсколько десятковъ милліоновъ гульденовъ, привела къ значительному дефициту въ голландскомъ бюджетѣ и наконецъ значительно уменьшила вывозъ голландцами колоніальныхъ товаровъ.

Наконецъ, ни одна колоніальная держава не можетъ разсчи-

тывать на сохраненіе на вѣчныя времена колоній подъ своею властью. Напротивъ, исторія положительно подтверждаетъ, что колоніи остаются подъ властью метрополіи, пока они не созрѣли къ собственной жизни, и тогда онѣ пользуются первымъ случаемъ, чтобы освободиться изъ-подъ опеки. Исторія англійскихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ, испанскихъ и португальскихъ въ средней и Южной Америкѣ, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ этой истины. Наконецъ, устроенная въ самое послѣднее время федерація австралійскихъ колоній, съ цѣлью охраненія своихъ собственныхъ интересовъ независимо отъ Англіи, вызвала въ англійскомъ обществѣ и правительствѣ серьезнѣйшія опасенія за возможность удержанія этихъ колоній подъ своею властью.

Въ виду этихъ обстоятельствъ остается только удивляться утвержденію современныхъ германскихъ защитниковъ à tout prix колонизаціи, что будто нѣтъ „никакого признака, свидѣтельствующаго объ ослабленіи связи между англійскими колоніями и метрополіей“ [1]). Этихъ признаковъ накопилось столько, что даже такіе сторонники англійской колоніальной политики, какъ Силой, выражаютъ мнѣніе, что можетъ быть лучше было бы, еслибы Англія всегда оставалась поставщицею своихъ издѣлій въ Индію и не приняла на себя трудную и неблагодарную роль управлять этою страною. Многіе англійскіе государственные люди уже давно, со временъ Артура Юнга, открыто высказывались противъ увлеченія колоніальною политикою, которая стоила англійскому народу множества войнъ и громадныхъ капиталовъ. „Исторія колоній,— писалъ сэръ Генри Парнель,—представляетъ безпрерывную цѣпь потерь и разрушеній, и если къ милліонамъ фунтовъ стерлинговъ частныхъ капиталовъ, потерянныхъ такимъ образомъ, еще прибавить нѣсколько сотъ милліоновъ, взятыхъ съ англійскаго народа и израсходованныхъ на пользу колоній, то общая потеря Англіи, вызванная колоніями, дойдетъ до баснословной суммы“ [1]).

Въ этомъ же смыслѣ высказался также англійскій посланникъ при берлинскомъ дворѣ, Розъ, въ 1821 году, въ бесѣдѣ съ русскимъ посланникомъ графомъ Алопеусомъ. „Повѣрите ли вы,— сказалъ онъ, что въ Англіи — множество лицъ, которыя находятъ, что наши колоніи вредны для метрополіи, и которыя склоняются къ мнѣнію, что даже нужно отказаться отъ нашихъ владѣній въ Индіи? Правительству нѣтъ никакой отъ нихъ пользы; нѣсколько лицъ обогащаются, и деньги, поступающія отъ этихъ

---

[1]) См. Geffcken. L'Allemagne et la question coloniale. (Revue de droit international, 1885, p. 123.

[1]) Guyot. Lettres sur la politique coloniale, p. 134.

капиталистовъ въ обращеніе, менѣе суммъ, которыя англичане израсходуютъ въ Парижѣ" [1]).

На основаніи такихъ и подобныхъ фактовъ бельгійскій публицистъ Эмиль де-Лавелэ считалъ возможнымъ выставить слѣдующее общее положеніе: „Государства, не имѣющія колоній, могутъ объ этомъ не печалиться, и тѣ, которыя ихъ имѣютъ, обязаны приготовиться ихъ потерять, и такая потеря еще будетъ барышемъ. Въ настоящее время нѣтъ ни одной колоніи, которая не стоила бы метрополіи больше, нежели она приноситъ ей пользы". Даже такой убѣдительный приверженецъ современныхъ колоніальныхъ стремленій, какъ Леруа-Болье, приходитъ, въ концѣ-концовъ, къ заключенію, что большое самообольщеніе современныхъ правительствъ обнаруживается въ убѣжденіи, что посредствомъ основанія новыхъ колоній они могутъ увеличить національное богатство народовъ. Колоніи обыкновенно не даютъ барыша, но только составляютъ убытокъ [2]).

Не смотря, однако, на этотъ опытъ и свидѣтельство совершенно безпристрастныхъ изслѣдователей колоніальной политики главнѣйшихъ европейскихъ государствъ, Германія все-таки съ увлеченіемъ занялась дѣломъ основанія и пріобрѣтенія новыхъ колоній. Любопытно замѣтить какой переворотъ совершился въ продолженіе немногихъ лѣтъ во взглядахъ знаменитаго руководителя современною Германіею на это дѣло. Когда въ 1882 году впервые серьезнымъ образомъ былъ поднятъ въ Германіи вопросъ о пріобрѣтеніи колоній, князь Бисмаркъ отнесся къ этому вопросу съ открытымъ пренебреженіемъ. Въ одной рѣчи онъ откровенно объявилъ, что стремленіе его соотечественниковъ владѣть заморскими колоніями напоминаетъ ему польскаго пана, желающаго купить дорогую шубу, не имѣя на тѣлѣ простой сорочки. Еще въ началѣ 1884 года графъ Гацфельдъ, статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ, заявилъ испанскому посланнику, что Германія не имѣетъ никакого желанія занять какія-нибудь заатлантическія владѣнія.

Но въ томъ же прошломъ году самъ князь Бисмаркъ созвалъ въ Берлинъ конференцію для устройства африканскихъ колоніальныхъ дѣлъ и учрежденія новаго государства Конго. Такую полную перемѣну фронта объясняютъ въ Германіи отчасти полученіемъ имперскимъ канцлеромъ полной увѣренности насчетъ безопасности Германіи со стороны Франціи, бросившейся безъ оглядки

[1]) Изъ необнародованнаго письма гр. Алопеуса къ гр. Нессельроде отъ 4 (16) ноября 1821 г.

[2]) Leroy-Beaulieu. De la colonisation chez les peuples modernes, p. 569 etc.

въ тонкинскую и другія дальнія экспедиціи; отчасти чуткостью пониманія княземъ Бисмаркомъ народныхъ влеченій и чувствъ. Когда онъ убѣдился, что колоніальная политика все болѣе и болѣе стала занимать германскій народъ, когда онъ увидѣлъ, что правительство должно стать во главѣ этого движенія, чтобы направить его согласно своимъ видамъ, тогда онъ взялъ подъ покровительство германской имперіи всѣ земли, пріобрѣтенныя Людерицомъ въ Ангро-Пеквенѣ. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовало, весьма скоро, занятіе Камеруна и части владѣній султана занзибарскаго. Въ настоящее время германскій канцлеръ категорически высказывается за пріобрѣтеніе Германіею новыхъ колоній и постоянно снаряжаются съ этою цѣлью новыя экспедиціи, которыя съ энергіею и ловкостью водружаютъ германское знамя въ такихъ странахъ, о существованіи которыхъ многіе европейцы ничего не подозрѣвали. Но въ канцеляріи германскаго канцлера ведется, очевидно, точный списокъ всѣхъ такихъ земель и острововъ, завладѣніе которыхъ законно, въ виду отсутствія на нихъ установленнаго другимъ цивилизованнымъ правительствомъ порядка. Въ этомъ спискѣ стояли также Каролинскіе острова, занятіе которыхъ, отъ имени германскаго правительства, вызвало серьезное столкновеніе съ Испаніею.

Однако, для каждаго посторонняго наблюдателя остается не совсѣмъ понятнымъ, какимъ образомъ современная Германія, съ знаменитымъ ея создателемъ во главѣ, можетъ увлечься до такой степени этою жаждою новыхъ колоніальныхъ пріобрѣтеній. Развѣ въ Германіи серьезно вѣрятъ въ возможность германцевъ акклиматизироваться въ тропическихъ странахъ? Развѣ еще не убѣдились въ совершенной невозможности направить нѣмецкихъ эмигрантовъ въ страны, гдѣ они должны умирать отъ маларіи дисентеріи, анеміи и разныхъ другихъ болѣзней?

Да, въ Германіи отлично сознаютъ опасность, которой подвергаются въ тропическихъ странахъ нѣмецкіе эмигранты, и потому такіе приверженцы колоніальной политики, какъ Рошеръ, Листъ и Родбертусъ, обращаютъ вниманіе своихъ соотечественниковъ не на югъ, но на востокъ. Германцы, говорятъ они, должны переселяться и основывать колоніи въ плодородныхъ частяхъ Венгріи, въ польскихъ провинціяхъ Пруссіи и Австріи, въ Румыніи и Болгаріи. Но въ особенности подлежатъ германской колонизаціи тѣ части Турціи, которыя, какъ говоритъ Рошеръ, „должны составить волею Божіею въ будущемъ наслѣдство Германіи до сѣвернаго берега Малой Азіи". Эту идею лелѣялъ еще король Фридрихъ В., и ее повторяютъ и разви-

ваютъ въ настоящее время различные германскіе писатели. Такъ, извѣстный экономистъ Родбертусъ выразилъ желаніе, чтобы ему пришлось дожить до того времени, „когда турецкое наслѣдство перешло къ Германіи, и когда нѣмецкіе полки изъ рабочихъ и солдатъ будутъ стоять на Босфорѣ". Лейпцигскій профессоръ Рошеръ находитъ даже такую претензію Германіи на „турецкое наслѣдство" безусловно законною и даже очень легко осуществимою. На берегахъ Босфора, говоритъ почтенный профессоръ, могла бы тогда „путемъ мирнаго завоеванія возникнуть „новая Германія", которая „по своей величинѣ, по числу народонаселенія, по богатству превосходила бы старую Германію".

Правда, Рошеръ усматриваетъ „нѣкоторыя" затрудненія для осуществленія того грандіознаго плана, но они нисколько не кажутся ему непреодолимыми. Для обращенія Турціи въ германскую колонію необходимы только два условія: во-первыхъ, благопріятное развитіе въ будущемъ внутреннихъ дѣлъ въ Германіи, и, во-вторыхъ, тѣсный союзъ съ Австріей. „Если же эти условія на лицо,—заключаетъ лучшій германскій изслѣдователь колоніальной политики,—то навѣрно, съ внѣшней стороны, не будетъ уже болѣе никакихъ непреодолимыхъ препятствій" [1]).

Трудно высказать болѣе откровенно осужденіе попыткамъ основывать колоніи въ тропикахъ; но, съ другой стороны, не менѣе трудно обнаружить въ немногихъ словахъ всѣ опасенія, которыя должны быть вызваны колоніальными стремленіями Германіи,—въ другихъ странахъ.

Во всякомъ случаѣ колоніальная политика современныхъ государствъ, и въ частности Франціи и Германіи, содержитъ въ себѣ зародыши самыхъ серьезныхъ опасностей, какъ для самихъ этихъ государствъ, такъ и для международнаго мира. Намъ лично кажется весьма сомнительною польза, ожидаемая отъ вновь основанныхъ въ Африкѣ и другихъ тропическихъ странахъ колоній. Франція уже теперь истощаетъ свои силы на рискованныя войны на дальнемъ Востокѣ, между тѣмъ, какъ Германія все болѣе увеличиваетъ число пунктовъ, на которые ея враги могутъ, въ случаѣ войны, направить удары.

Ф. Мартенсъ.

[1]) Roscher. Kolonien, Kolonialpolitik und Auswanderung, S. 342, flg.

НАПОЛЕОНЪ I
по
НОВЫМЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ

Окончаніе.

XIX *).

Выше было уже говорено, какой благопріятный поворотъ, въ сторону Франціи, въ умахъ корсиканскаго народа былъ произведенъ рѣшеніемъ національнаго собранія, 30 ноября 1789 г.,— хотя и устранявшимъ мечты о независимости, но, зато, предоставлявшимъ Корсикѣ такія широкія гарантіи политической и гражданской свободы, съ которыми ей оставалось только покойно жить и процвѣтать.

Прихотливость и мечтательность никогда и нигдѣ не составляютъ свойства ни народныхъ массъ, ни дѣйствительныхъ народныхъ вождей, всегда предпочитающихъ немногое, вѣрное,—многому, но гадательному. Не былъ, въ данномъ случаѣ, исключеніемъ и корсиканскій народъ съ своимъ вождемъ, Паоли,—этомъ первообразѣ новѣйшаго Гарибальди.—Выгоды положенія, создаваемаго для Корсики рѣшеніемъ собранія, 30 ноября, были слишкомъ очевидны, чтобы жертвовать ими мечтѣ о независимости. Корсиканцы прекрасно это поняли, и, съ 1790 г., отбросивъ въ сторону всякія сепаратическія стремленія, довѣрчиво пошли за

*) См. выше: ноябрь, стр. 225.

Паоли, который, будучи и лично проникнутъ симпатіею къ движенію, начавшемуся во Франціи съ 1789 г., повелъ ихъ съ тѣхъ поръ къ умиротворенію и обновленію въ связи съ нею.

За первые годы своего равноправнаго существованія съ Франціею, Корсика не успѣла уйти много впередъ въ своемъ благоустройствѣ: дѣла вѣковъ исправляются не легко. Но ни это обстоятельство, ни крупныя перемѣны, произошедшія тогда въ самой Франціи, не оказали дурного вліянія на добрыя отношенія, начавшія устанавливаться между Корсикою и Франціей. А провозглашеніе республики, съ которымъ въ глазахъ корсиканцевъ устранялся окончательно возвратъ къ старому режиму, чего они страшились пуще огня, было встрѣчено ими даже съ восторгомъ. Вообще, дѣло сближенія двухъ народностей, разъ правильно поставленное, продолжало идти своимъ путемъ, и въ Корсикѣ, въ теченіе съ небольшимъ двухъ лѣтъ, въ противуположность совсѣмъ уже исчезавшей партіи сепаратистовъ, въ средѣ которой до сихъ поръ находился Буонапарте, успѣла сложиться и окрѣпнуть другая, предводимая Саличетти; она союзъ съ Франціею признавала за conditio sine qua non благополучія своей родины. Большинство, вмѣстѣ съ Паоли, отвернувшись отъ сепаратистовъ, правда, не раздѣляло мнѣнія и партіи Саличетти; но и оно, чѣмъ далѣе, тѣмъ глубже проникаясь сознаніемъ выгодъ установившагося порядка дѣлъ, начинало уже смотрѣть на возможность разрыва съ Франціею, какъ на величайшую изъ бѣдъ, какую только злая судьба могла бы наслать на Корсику.

При такомъ воззрѣніи большинства и самого Паоли на отношенія Корсики къ Франціи, главнѣйшія основанія, на которыхъ должно было происходить мирное сліяніе, казались уже и въ ту пору прочно установившимися. Но, на бѣду Корсики и сверхъ всякихъ чаяній, обстоятельства сложились такъ, что сепаратическимъ стремленіямъ, готовымъ уже исчезнуть, пришлось вдругъ сдѣлаться силою, повлекшею островитянъ къ новому возстанію и кровавой борьбѣ съ Франціею.

Чтобы ни говорили французскіе историки, имѣющіе обыкновеніе валить вину за эту борьбу на Паоли и корсиканцевъ, или, какъ Юнгъ, — на „роковыя случайности и обстоятельства“, весь грѣхъ за нее падаетъ, во-первыхъ, на Саличетти и его партію, которая въ соперничествѣ съ Паоли за вліяніе снизошла до недостойныхъ инсинуацій относительно его политическихъ намѣреній: а во-вторыхъ, еще въ большей мѣрѣ, — на конвентъ, который, легкомысленно основываясь на этихъ инсинуаціяхъ и разнаго рода доносахъ, доходившихъ до него, вдругъ, по своему обыкно-

венію, разразился рядомъ суровыхъ мѣропріятій, долженствовавшихъ устрашить островитянъ и пресѣчь затѣваемую ими крамолу, о чемъ ни Паоли, ни его соотечественники не думали. Эти мѣры, какъ громъ, разразившіяся надъ головами корсиканцевъ, не понимавшихъ ни поводовъ къ нимъ, ни того, какъ онѣ могли изойти отъ республиканскаго правительства, дѣйствительно устрашили ихъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, произвели и то воздѣйствіе, о которомъ конвентъ и не помышлялъ: онѣ кровно оскорбляли чувство національнаго достоинство корсиканцевъ, задѣвали существенные ихъ интересы и, сразу пошатнувъ въ нихъ вѣру во Францію, пробудили въ нихъ едва уснувшую къ ней ненависть, почему, въ концѣ-концовъ, и привели ихъ къ тому, противъ чего направлялись: къ поголовному возстанію.

Эти мѣры, быстро слѣдовавшія одна за другой, шли въ такомъ порядкѣ: сначала — подчинили Паоли главнокомандующему итальянскою арміею, Гонто-Бирону, съ предоставленіемъ ему права „требовать къ себѣ“ Паоли, что тотъ и не преминулъ сдѣлать; затѣмъ, издали декретъ, переформировавшій корсиканскіе волонтерскіе батальоны въ батальоны легкой пѣхоты, съ назначеніемъ въ нихъ офицеровъ уже—не по выбору, а по усмотрѣнію исполнительнаго комитета; послѣ того, прислали въ Корсику трехъ коммиссаровъ конвента, въ числѣ которыхъ явился и Саличетти, съ предоставленіемъ имъ полномочій дѣйствовать во всемъ по ихъ усмотрѣнію; а въ заключеніе, конвентъ, рѣшеніемъ 2 апрѣля, предавать Паоли суду; причемъ, коммиссарамъ предписывалось арестовать его и представить на судъ, „не стѣсняясь никакими мѣрами“... Распоряженіе относилось къ 70-тилѣтнему старцу, посвятившему всю жизнь на служеніе своему народу, который благоговѣлъ предъ нимъ!

Какіе же мотивы побудили конвентъ къ принятію такого рѣшенія?—Неявка Паоли въ Италію, куда его вызывалъ къ себѣ Биронъ, и отъ чего Паоли уклонился, ссылаясь на нездоровье и лѣта; а съ другой стороны,—заявленіе марсельскихъ волонтеровъ, столь доблестно бѣжавшихъ изъ-подъ Кальяри и теперь требовавшихъ суда надъ Паоли, какъ надъ „главнымъ виновникомъ“ позорно кончившейся сардинской экспедиціи.

Извѣстіе о безумномъ декретѣ, который вскорѣ и отмѣнилъ опомнившійся конвентъ, хотя и поздно, пришло въ Корсику 17-го; а 18-го апрѣля, французскія войска подверглись уже нападенію со стороны корсиканцевъ въ Кольви, на островкѣ Руссы, и въ Ампуньяно. Какъ ни глубоко было негодованіе, возбужденное этимъ декретомъ, и какъ ни соблазнителенъ былъ примѣръ, по-

данный жителями этихъ трехъ мѣстечекъ, остальное населеніе Корсики не только не послѣдовало за ними, но обратилось даже къ конвенту съ почтительными адресами, гдѣ, свидѣтельствуя о своей непоколебимой вѣрности Франціи, умоляло конвентъ объ отмѣнѣ фатальнаго декрета, считая его плодомъ одного недоразумѣнія. Населеніе, дѣйствительно, готово было сдерживаться до послѣдней крайности и даже забыть, какъ невольное, нанесенное ему оскорбленіе,—лишь бы сохранить съ Франціею тотъ союзъ, изъ котораго его гналъ самъ конвентъ, дѣйствовавшій на основаніи однихъ лишь извѣтовъ разнаго рода интригановъ, успѣвшихъ увѣрить его въ своихъ патріотизмѣ и преданности!

Написалъ, по этому случаю, въ конвентъ и Паоли, заканчивая свое письмо слѣдующими словами, которыхъ однихъ уже было достаточно, чтобы разсѣять всякую тѣнь подозрѣнія относительно чистоты его помысловъ: „...если, наконецъ, это пресловутое моѐ вліяніе признается вами, граждане-представители, преступленіемъ, и если мое присутствіе, служа предлогомъ ко всякаго рода интригамъ, тѣмъ препятствуетъ, по мнѣнію вашему, къ утвержденію въ Корсикѣ покоя, свободы и равенства, то скажите только слово, и я безропотно покину мою родину, честь которой связалъ съ своею жизнью и именемъ. Я почту себя даже счастливымъ добавить эту новую жертву къ числу тѣхъ, которыя были уже принесены мною отечеству и революціи, и удалюсь съ покойною совѣстью, унося съ собою уваженіе и любовь моихъ соотечественниковъ, это—единственное утѣшеніе, остающееся мнѣ на закатѣ моей жизни“.

Въ числѣ адресовъ, сыпавшихся съ разныхъ мѣстъ Корсики въ конвентъ, былъ и адресъ отъ г. Аяччіо, написанный „непримиримымъ“ патріотомъ, артиллеріи капитаномъ Буонапарте.

Выше было уже сказано, съ какою поспѣшностію онъ, по возвратѣ изъ мадаленской экспедиціи, покинулъ Бонифачіо и отправился въ свой родной городъ, гдѣ уже и былъ 2 марта. Причины, побудившія Буонапарте къ такому торопливому отъѣзду, заключались въ тѣхъ новостяхъ, какія ждали его въ Бонифачіо; это были: декреты о подчиненіи Паоли Бирону, о переформированіи волонтерскихъ батальоновъ, о присылкѣ въ Корсику полномочныхъ коммиссаровъ, и, въ заключеніе, извѣстія о казни короля и объ объявленіи войны Англіи! — Всѣ эти событія, понятно, должны были произвести сильнѣйшую сумятицу въ Корсикѣ, а слѣдовательно, внести и въ отношенія ея къ Франціи какія-либо крупныя осложненія. А когда же, какъ не въ пору общественныхъ кризисовъ, возникаютъ тѣ случайности, съ помощью кото-

рыхъ ловкіе люди создаютъ себѣ, болѣе или менѣе, видныя роли, выдвигающія ихъ изъ мрака безвѣстности, къ чему такъ страстно, хотя до сихъ поръ и безуспѣшно, стремился Буонапарте?—Ему надобно было теперь поскорѣе повидаться съ своими друзьями,—оглядѣться, начертать себѣ планъ дѣйствій, а прежде всего придумать предлогъ, чтобы остаться въ Корсикѣ.

Дѣло въ томъ, что декретомъ о переформированіи волонтерскихъ батальоновъ уничтожались не только выборы офицеровъ, въ силу которыхъ Буонапарте попалъ въ подполковники національной гвардіи, но уничтожался даже и самый этотъ чинъ. Въ спискахъ же офицеровъ новыхъ батальоновъ, назначенныхъ уже по усмотрѣнію исполнительнаго комитета, имени Буонапарте больше не значилось. Такимъ образомъ, дальнѣйшее пребываніе въ двойственной роли, то—артиллерійскаго капитана, то—подполковника національной гвардіи, пользуясь которою онъ могъ не быть ни тамъ, ни здѣсь, или, вездѣ, гдѣ ему оказывалось удобнѣе, становилось немыслимымъ. Значитъ, приходилось, или ѣхать въ армію, что, по долгу воинской чести, ему давно слѣдовало сдѣлать; или же — остаться въ Корсикѣ, но уже самопроизвольно, за что, по наступившимъ тогда временамъ, можно было даже поплатиться и головой. Буонапарте не долго колебался надъ рѣшеніемъ этого вопроса; онъ отлично сознавалъ, что, не рискуя головой и будучи слишкомъ щепетильнымъ въ дѣлахъ совѣсти, карьеры себѣ не составишь. Гораздо болѣе его затруднялъ другой вопросъ, — что́ предпринять среди обстоятельствъ, окружавшихъ его.

До сихъ поръ, и на словахъ, и на дѣлѣ, онъ былъ такимъ заклятымъ ненавистникомъ французовъ и поборникомъ идеи независимости Корсики, что программа его дѣйствій казалась бы очевидной. Теперь ему не предстояло болѣе надобности ни въ безумныхъ попыткахъ противъ цитадели г. Аяччіо, чтобы возбудить возстаніе на родномъ островѣ, ни въ тѣхъ выходкахъ, которыми онъ хотѣлъ угодить завѣтнымъ стремленіямъ Паоли, и кончилъ тѣмъ, что поссорился съ нимъ. Теперь все само дѣлалось на островѣ именно такъ, какъ онъ только могъ желать. Какія его рѣчи, какой захватъ цитадели—могли произвести такое крайнее возбужденіе, какое произвели во всемъ населеніи острова декреты конвента, а также и вѣсти, шедшія изъ Франціи о кровавыхъ расправахъ конвента, и чего корсиканцы начинали ждать и у себя!.. Возбужденіе это было такъ сильно, что Буонапарте, не смотря на краткость своего отсутствія, едва узнавалъ теперь физіономію своего родного города, представлявшаго въ себѣ то, что въ сущности происходило тогда повсемѣстно и во всей Корсикѣ.

Чувство униженной національной гордости, смѣшанное съ ужасомъ за участь родины и участь каждаго, вдругъ прекратило домашнія дрязги и препирательства, столь свойственныя въ обыкновенное время корсиканцамъ, и сплотило ихъ всѣхъ во-едино. Не желая разрыва съ Франціей до послѣдней крайности, они съ замѣчательнымъ тактомъ воздерживались отъ всякаго наружнаго проявленія враждебности къ французамъ; но уже партизаны „молодой Корсики", „салигеттисты" не осмѣливались болѣе открыть и рта. Около имени Паоли, священнаго для корсиканцевъ, теперь группировались уже всѣ, не исключая даже роялистовъ и клерикаловъ. Все глядѣло на него и, видимо, ждало только указанія, въ какую сторону идти? Возстаніе за независимость, о которой такъ мечталъ „непримиримый" корсиканскій патріотъ, Буонапарте, готово было вспыхнуть каждую минуту. Чего же, казалось, было колебаться „патріоту" въ избраніи своего пути? тѣмъ болѣе, что и путей было всего два: одинъ—за Корсику, по которому онъ упорно шелъ въ теченіе восьми лѣтъ, другой—за Францію. Для другого человѣка тутъ не было бы сомнѣній, но не для Буонапарте, въ личности котораго, кромѣ корсиканскаго патріота, помѣщался еще и карьеристъ, уступавшій мѣсто первому лишь настолько, насколько тотъ ему могъ быть полезнымъ.

До настоящаго времени, въ немъ дѣйствовалъ патріотъ, усердно работавшій для карьериста. Теперь для послѣдняго наступило раздумье: что-же, много ли за все это время сдѣлалъ для карьериста патріотъ? — въ сущности ничего. Какъ былъ Буонапарте ничего незначившей величиной въ Корсикѣ при началѣ своей дѣятельности, такъ и остался. Среди своего кружка онъ слылъ за человѣка съ головой; въ городѣ не отвергали этого, но считали его за человѣка слишкомъ безпокойнаго, и большого вѣсу словамъ и мнѣніямъ его не давали. А что до остального острова, то его никто, кромѣ волонтеровъ 2-го батальона, не зналъ. Въ какой же роли, при такой обстановкѣ, да еще ставъ въ дурныя отношенія къ Паоли, могъ выступить карьеристъ-Буонапарте въ случаѣ вѣроятнаго возстанія, самая иниціатива котораго исходила уже теперь, не отъ него?—въ роли зауряднаго волонтера, которая никакъ не могла его удовлетворить,—и передъ нимъ явился вопросъ: да полно, не пора ли, повернуть въ другую сторону?

Надобно замѣтить, что вопросъ этотъ былъ для него не новый. Онъ задавалъ себѣ его еще во время послѣднихъ выборовъ въ конвентъ, вслѣдствіе чего, пролагая себѣ, на всякій случай, дорогу къ сближенію съ Саличетти, онъ тогда уже писалъ къ нему письмо, гдѣ, разсыпаясь въ комплиментахъ, поздравлялъ его

съ побѣдою на выборахъ, и получилъ отъ него отвѣтъ, гдѣ, между прочимъ, Саличетти говорилъ: „...въ этомъ вы вполнѣ можете положиться на меня и, кто знаетъ?—быть можетъ, я могу быть вамъ и небезполезнымъ“...

Тогда ли уже онъ намѣтилъ себѣ иную дорогу, или въ немъ еще происходила борьба,—неизвѣстно; но, по пріѣздѣ въ Аяччіо, въ виду общаго патріотическаго настроенія, онъ по прежнему явился горячимъ патріотомъ, негодующимъ и мечущимъ громы и молніи противу французовъ. А потому, когда дошла до Аяччіо вѣсть о декретѣ, предающемъ Паоли суду, то онъ взялъ даже на себя авторство адреса, посылаемаго изъ Аяччіо въ конвентъ по этому поводу гдѣ съ лестью къ истиннымъ „представителямъ народнаго самодержавія“, онъ защищалъ и оправдывалъ Паоли отъ подозрѣній конвента, защищалъ его какъ „патріарха свободы“ и „предтечу французской революціи“, какъ человѣка, которому „Корсика обязана всѣмъ, начиная со счастія считать себя французскою республикою“.

XX.

Время шло, а объ отвѣтѣ на всѣ эти адресы и заявленія не было слуху. Въ томительномъ ожиданіи рѣшенія конвента, чѣмъ обусловливался выходъ изъ наступившаго на всемъ островѣ критическаго положенія дѣлъ, терпѣніе не только корсиканцевъ, Паоли, но даже самихъ коммиссаровъ конвента, начинало истощаться. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше росло волненіе корсиканцевъ и—тѣмъ громче и вліятельнѣе становились голоса сепаратистовъ. Начали возникать, то тамъ, то сямъ, бунты, грабежи, предотвратить которые становилось уже не подъ силу самому Паоли. Французскія знамена продолжали еще развѣваться надъ укрѣпленными пунктами и домами разныхъ общественныхъ учрежденій. До возстанія еще не доходило, но враждебное настроеніе островитянъ къ французамъ дошло въ маѣ уже до того, что de facto французская власть держалась лишь въ трехъ пунктахъ, занимаемыхъ войсками: въ Кальви, С.-Флоранѣ и Бастіа.

Въ виду такого труднаго положенія дѣлъ, уполномоченные коммиссары конвента, не думая уже ни о чемъ другомъ, какъ о томъ, чтобы какъ-либо, до поры до времени, сдержать движеніе на островѣ отъ дальнѣйшаго развитія, рѣшились на двѣ мѣры, которыя однако, вмѣсто ожидаемаго отъ нихъ результата, только ускорили столкновеніе.

Первая изъ этихъ мѣръ было распоряженіе о распущеніи

корсиканской директоріи и о замѣнѣ ея на островѣ временною правительственною коммиссіею, на что генеральный совѣтъ корсики отвѣтилъ, въ свою очередь, распоряженіемъ о новыхъ выборахъ и о созывѣ вновь избранныхъ депутатовъ въ Корте, „для спасенія отъ анархіи и требованія отмѣны декрета 2 апрѣля". Такое противодѣйствіе генеральнаго совѣта являлось уже, само по себѣ, крупнымъ шагомъ къ разрыву, который и не замедлила довершить вторая мѣра. Мѣра эта, въ которой такую печальную роль разыгралъ Буонапарте, заключалась въ томъ, чтобы ввести какъ-либо, по возможности избѣгая при этомъ употребленія открытой силы, французскіе гарнизоны въ Бонифачіо и Аяччіо, занятые корсиканскими волонтерами, вообще крайне враждебно настроенными къ французамъ. Овладѣвъ этими двумя приморскими пунктами, въ добавленіе къ тремъ, которыми уже владѣли, коммиссары полагали окружить такимъ образомъ Корсику, какъ бы охранительною цѣпью, изолирующею ее отъ враждебныхъ покушеній и вообще отъ внѣшнихъ вліяній со стороны Испаніи [1]), а главное—Англіи.

Какимъ образомъ, въ этихъ обстоятельствахъ, пламенный корсиканскій патріотъ, поклонникъ абсолютной независимости родины и ненавистникъ французовъ, артиллеріи капитанъ Буонапарте, успѣлъ,—разрывая со всѣмъ своимъ прошлымъ, сдѣлаться, вдругъ, другомъ Саличетти и его двухъ сотоварищей, полномочныхъ коммиссаровъ конвента?—точно неизвѣстно; но только не прошло еще двухъ недѣль со времени отправки адреса, писаннаго имъ въ защиту Паоли отъ г. Аяччіо, какъ Іосифъ находился уже въ Бастіа, въ должности секретаря Саличетти, Люціанъ ѣхалъ въ Тулонъ съ какимъ-то „секретнымъ" порученіемъ, возложеннымъ на него полномочными коммиссарами, а самъ Буонапарте, по силѣ данной имъ власти, былъ назначенъ „инспекторомъ всей корсиканской артиллеріи".

Со всѣмъ пыломъ, съ какимъ обыкновенно Буонапарте брался за дѣла, схватился онъ теперь за отправленіе новой своей должности и первымъ шагомъ его при этомъ была опять мысль о захватѣ цитадели г. Аяччіо, но на этотъ разъ, уже не для возбужденія, а для подавленія готоваго вспыхнуть на родинѣ его возстанія. На первыхъ порахъ, Буонапарте почелъ за лучшее не открывать передъ кружкомъ своихъ пріятелей настоящую цѣль предпріятія, предлагая имъ дѣйствовать во имя „идеи освобожденія", но не разъясняя точно, что онъ подъ этимъ этикетомъ

---

[1]) Съ Испаніей Франція также находилась тогда въ войнѣ.

разумѣлъ,—идти ли за Паоли, или—за полномочныхъ коммиссаровъ конвента?

Вначалѣ, онъ полагалъ овладѣть цитаделью при помощи такого способа. Еще со времени сардинской экспедиціи, въ гавани, на берегу моря, валялись орудія, снятыя съ одного корабля, сѣвшаго на мель при входѣ въ бухту. Буонапарте признавалъ теперь дальнѣйшее оставленіе орудій „небезопаснымъ“, а потому, находилъ необходимымъ перевезти ихъ въ цитадель. Само собою разумѣется, что перевозка орудій такого большого калибра требовала и большого числа людей. Слѣдовательно, если въ число этихъ людей включить своихъ единомышленниковъ, то, проникнувъ съ ними въ цитадель, при перетаскиваніи туда орудій, представлялась уже возможность, безъ особаго труда, и овладѣть ею. Выдумка вообще была не дурна и, по всей вѣроятности, удалась бы, если бы не упорство коменданта и начальника батальона корсиканскихъ волонтеровъ, Лекка, который наотрѣзъ заявилъ, что безъ разрѣшенія Паоли, онъ не допуститъ никакой перевозки орудій. Конечно, можно было бы обратиться за разрѣшеніемъ и къ Паоли, и даже навѣрно получить его, такъ какъ Паоли и не подозрѣвалъ еще перебѣжки Буонапарте въ противоположной лагерь; но для всего этого, требовалось время, а время при данныхъ обстоятельствахъ и было для Буонапарте дороже всего. А потому, не теряясь при неудачѣ первой выдумки, онъ немедленно же предложилъ двѣ новыя. По одной изъ нихъ слѣдовало за ночь устроить на улицѣ Фонтаначчіо большую баттарею и, вооруживъ ее тѣми же морскими орудіями, съ утра открыть бомбардированіе цитадели; другая выдумка была и еще того проще: предполагалось поставить противъ входныхъ воротъ цитадели, безъ всякаго закрытія, одно только орудіе, изъ котораго и открыть огонь въ ту минуту, когда будетъ опущенъ мостъ. Ворота, разумѣется, при этомъ разлетятся въ дребезги, а заговорщики, сидящіе въ ближайшихъ домахъ, воспользуются этимъ моментомъ, ворвутся въ цитадель и овладѣютъ ею, покончивъ съ тѣми ея защитниками, кто осмѣлился бы ещё сопротивляться. Выдумки эти однако не нашли одобренія со стороны другихъ заговорщиковъ. Не говоря уже о трудности перевезти орудія на баттарею такъ, чтобы не возбудить вниманія гарнизона цитадели, они, сверхъ того, не желали и бомбардированія, которое, по ихъ мнѣнію, и даже весьма основательному, принесло бы болѣе зла самому городу, чѣмъ цитадели, съ которой, онъ, конечно, при этомъ также подвергнется обстрѣливанію. Тогда Буонапарте предложилъ четвертый способъ, встрѣтившій уже всеоб-

щее одобреніе прочихъ заговорщиковъ: склонить къ измѣнѣ ту часть гарнизона, которая въ извѣстный день будетъ занимать караулы въ цитадели. Дѣло пошло было на ладъ. Соблазняемые деньгами и всякаго рода обѣщаніями, волонтеры начали уже колебаться. Успѣхъ казался имъ обезпеченнымъ, какъ, вдругъ, встрѣтилось новое препятствіе, разрушившее и этотъ планъ Буонапарте. Препятствіе это заключалось въ упорствѣ дежурнаго по карауламъ, капитана Рокка, который не только отвергъ всѣ дѣлаемыя ему предложенія, но успѣлъ образумить и волонтеровъ. Къ какимъ, послѣ этой неудачи, еще новымъ выдумкамъ прибѣгнулъ бы неистощимый на нихъ Буонапарте неизвѣстно, но Паоли неожиданно потребовалъ, чтобы онъ прибылъ для объясненій въ Корте.

Дѣло въ томъ, что какъ ни секретны были всѣ эти поползновенія Буонапарте къ захвату цитадели, слухъ о нихъ не могъ не дойти до свѣденія Паоли и членовъ директоріи и не вызвать въ нихъ нѣкоторыхъ подозрѣній относительно его намѣреній. Присутствіе Іосифа въ Бастіа и поѣздка Люціана въ Тулонъ, страннымъ образомъ совпадавшія со всѣми этими слухами, еще усиливали подозрѣніе ихъ къ Буонапарте. Вопросъ: не измѣнилъ ли онъ? являлся естественно въ умахъ Паоли и членовъ директоріи. Къ тому же и въ Аяччіо, о махинаціяхъ Буонапарте провѣдали еще скорѣе, чѣмъ въ Корте, и противъ него поднялась такая буря общественнаго негодованія, что Буонапарте, не находя болѣе удобнымъ ни оставаться въ Аяччіо, ни ѣхать къ Паоли, почелъ за лучшее спасаться бѣгствомъ въ Бастіа. Буонапарте отправился въ путь черезъ горы и достигъ незамѣтно до Боконьяно. Но здѣсь былъ узнанъ и арестованъ. Благодаря содѣйствію одного изъ сторожей, ему удалось бѣжать изъ подъ ареста, пробраться обратно въ Аяччіо, переодѣться матросомъ и въ ту же ночь, на рыбачьей лодкѣ отправиться въ Мачинаджіо, откуда уже онъ, пѣшкомъ, добрался до Бастіа, 10 мая.

На другой же день по прибытіи сюда, Буонапарте представлялъ уже коммиссарамъ новый планъ атаки Аяччіо, жители котораго, по утвержденію его, только и ждали французовъ, чтобы высвободиться изъ подъ террора корсиканскаго гарнизона, занимающаго городскую цитадель. Основанный на такомъ предположеніи, планъ Буонапарте заключался въ томъ, чтобы ввести къ Аяччіо, подъ предлогомъ посадки на суда, небольшой отрядъ пѣхоты и въ то же время приказать двумъ фрегатамъ, стоявшимъ въ С.-Флоранѣ, внезапно войти въ гавань Аяччіо, чего по утвержденію его, будетъ совершенно достаточно, чтобы привлечь на

свою сторону и жителей, и даже волонтеровъ. Планъ этотъ былъ коммиссарами принятъ.

22-го мая, Саличетти и Лакомбъ, въ сопровожденіи Буонапарте, прибыли въ С.-Флоранъ, гдѣ назначенная для экспедиціи эскадра съ посаженными на ней войсками только и ждала приказанія коммиссаровъ къ отплытію. 23 мая, эскадра подняла паруса. Плаваніе ея должно было совершаться съ такимъ разсчетомъ, чтобы, въ ночь съ 24 на 25, неожиданно подойти къ Аяччіо и однимъ ударомъ захватить цитадель. Но коммиссары не взяли въ разсчетъ погоду, которая такъ вдругъ измѣнилась 23 числа, что эскадра едва могла подойти къ Аяччіо лишь 29-го мая. А такого промедленія было совершенно достаточно, чтобы въ Корте узнали о намѣреніяхъ коммиссаровъ и приняли соотвѣтствующія мѣры.

Гарнизонъ и жители Аяччіо приготовились къ оборонѣ. Массы сельчанъ явились къ нимъ на помощь. Два нарочныхъ офицера были посланы въ Аяччіо, чтобы арестовать всѣхъ соумышленниковъ и родственниковъ Буонапарте. Но, къ несчастію, они прибыли тогда, когда народъ уже самъ распорядился съ измѣнниками, какъ онъ сталъ теперь называть Буонапарте и его сотоварищей. Мать его съ дѣтьми и Фешемъ, предупрежденные кѣмъ-то, успѣли, правда, бѣжать изъ города, но имущество ихъ было сожжено. Семейства другихъ лицъ, близкихъ Буонапартамъ, частію были посажены въ тюрьму, частію подверглись самымъ грубымъ насиліямъ, къ какимъ обыкновенно бываютъ способны въ такихъ случаяхъ разъяренныя народныя массы. Все это произошло 25-го мая, а 26-го, депутаты со всего острова, собравшіеся въ Корте, торжественно избравъ Паоли президентомъ и генералиссимусомъ Корсики, вмѣстѣ съ тѣмъ, единогласно опредѣлили: Саличетти, Арена, Казабіанку и Мультедо лишить правъ корсиканскаго гражданства, а все семейство Буонапартовъ, сверхъ того, еще и къ пожизненному изгнанію изъ Корсики съ провозглашеніемъ ихъ „безчестными“. Такимъ образомъ, капитанъ артиллеріи Буонапарте удостоивался въ концѣ своей дѣятельности въ Корсикѣ того самаго почетнаго титула, какого, по его инициативѣ, четыре года тому назадъ, былъ удостоенъ Буттафуоко, осквернившій свои руки въ крови своихъ соотечественниковъ!!!..

29 мая, подошла, наконецъ, эскадра къ Аяччіо. Трехцвѣтный флагъ, по прежнему развѣвался надъ стѣнами цитадели; но, къ изумленію коммиссаровъ, она хранила мертвое молчаніе: ни салюта прибывающей французской эскадрѣ, ни одной лодки, ни единой души для ея привѣтствія! Дѣло было очевидно: предъ

коммиссарами находился теперь уже не дружественный городъ Аяччіо. Что было дѣлать?

Буонапарте настаивалъ на своемъ, утверждая, что только страхъ гарнизона удерживаетъ жителей отъ заявленія дѣйствительныхъ ихъ чувствъ, и что, поэтому, достаточно лишь небольшой демонстраціи съ сухого пути, чтобы дать другой поворотъ дѣлу. Совѣтъ Буонапарте былъ принятъ, и въ ночь, съ 29 на 30 мая, вблизи Аяччіо, былъ произведенъ дессантъ подъ личнымъ начальствомъ Лакомба, составленный изъ небольшой части пѣхоты съ 4-мя орудіями.

Поставленный Лакомбомъ въ главѣ авангарда, Буонапарте двинулся впередъ, но, встрѣченный сильнымъ огнемъ непріятелей-соотечественниковъ, вскорѣ подвергся такому яростному отъ нихъ нападенію, что только своевременное прибытіе Лакомба выручило его изъ бѣды. Начало, такимъ образомъ, не обѣщало ничего хорошаго. Произвели нѣсколько выстрѣловъ, которые должны были послужить сигналомъ, возвѣщавшимъ жителямъ Аяччіо о прибытіи друзей, пришедшихъ ихъ „освободить отъ террора гарнизона"; но выстрѣлы эти, видимо, не производили на нихъ никакого впечатлѣнія. Непріятеля нигдѣ не было видно, но не появлялись изъ города и друзья, въ тщетномъ ожиданіи которыхъ дессантный отрядъ простоялъ цѣлый день среди равнины, гдѣ царила мертвая тишина. Наконецъ, коммиссары рѣшили атаковать городъ и съ суши, и съ моря. Къ вечеру задулъ, однако, такой вѣтеръ, что изъ всей эскадры, вынужденной вслѣдствіе того отойти въ море, только одно небольшое судно попыталось приблизиться къ цитадели, но, встрѣченное выстрѣлами, и оно было вынуждено удалиться, ограничивъ всѣ свои дѣйствія кратковременной и совершенно безвредною для цитадели канонадою. Наступило утро. На равнинѣ и прилегающихъ къ ней высотахъ, вчера столь пустынныхъ и безмолвныхъ, сегодня явилась масса непріятелей, въ виду которыхъ положеніе дессантнаго отряда становилось тѣмъ болѣе критическимъ, что, по причинѣ сильнаго вѣтра, всякое сообщеніе съ эскадрою оказывалось для него прерваннымъ. До наступленія ночи отряду удалось однако кое-какъ удержаться подъ прикрытіемъ занимаемой имъ башни Капителло, что, въ концѣ концовъ, все-таки не избавило бы его, полномочныхъ коммиссаровъ и Буонапарте отъ плѣна, если бы, на счастье ихъ, вдругъ не утихъ вѣтеръ, чѣмъ они немедленно же и воспользовались, чтобы сѣсть на суда.

Таким образомъ, экспедиція противъ Аяччіо, предпринятая по указаніямъ Буонапарте, потерпѣла полнѣйшую неудачу. Чрезъ

нѣсколько дней экспедиціонная эскадра была уже въ С.-Флоранѣ, а Буонапарте въ Кальви, гдѣ онъ нашелъ мать и сестеръ, не безъ страха и труда добравшихся туда, благодаря содѣйствію нѣкіихъ Коти и Косто, изъ которыхъ послѣднему, по завѣщанію, писанному на св. Еленѣ, императоръ Наполеонъ оставлялъ 100 т. франковъ.

Послѣ этой экспедиціи, возстаніе, какъ огонь, охватило всю Корсику. Положеніе коммиссаровъ становилось безвыходнымъ. Они собрались въ Бастіо на совѣтъ, на которомъ, за невозможностью ничего другого, пришли лишь къ одному рѣшенію: двумъ изъ нихъ, Саличетти и Дельхеру, отправиться немедленно въ Парижъ, чтобы отдать отчетъ о всемъ происшедшемъ, а третьему, Лакомбу, остаться въ Корсикѣ, стараясь сохранить во власти Франціи—хотя то, чѣмъ она фактически еще владѣла, т.-е., города Бастію, С.-Флоранъ и Кальви.

Совѣтъ этотъ состоялся 5 іюня. И, — замѣчательное совпаденіе обстоятельствъ, — въ тотъ самый день конвентъ отмѣнялъ свой фатальный декретъ, 2 апрѣля, о преданіи суду Паоли и, въ тотъ же день, отправлялся изъ Бастіа въ конвентъ доносъ на Паоли, составляющій одинъ изъ самыхъ гнусныхъ образчиковъ писаній этого рода.

Два курьера, нарочно отправленные конвентомъ въ Корсику съ декретомъ, отмѣнявшимъ рѣшеніе его о преданіи суду Паоли, были схвачены на югѣ Франціи роялистами, почему вѣсть объ этомъ новомъ декретѣ дошла до Паоли только 1-го іюля, когда, впрочемъ, все уже было окончено между нимъ и Франціею, и жребій былъ имъ, хотя и неволею, брошенъ. Но зато доносъ, не смотря на то, что его везли не курьеры, и что югъ Франціи, пылавшій тогда возстаніемъ, представлялъ не малое затрудненіе для сообщенія Корсики съ Парижемъ, все-таки во время достигъ по назначенію. Такова, видно, судьба всякой лжи и клеветы, всегда почти опережающихъ правду и истину!..

Объ этомъ доносѣ можно было бы не говорить,—но онъ принадлежитъ перу того самаго автора, которымъ писанъ и адресъ отъ гражданъ Аяччіо въ защиту Паоли, всего мѣсяцъ тому назадъ. Паоли обвинялся не болѣе, и не менѣе, какъ въ „одной изъ отвратительнѣйшихъ измѣнъ, долженствовавшей ввергнуть островъ въ междоусобіе“, въ „низости и роковомъ честолюбіи“, причемъ косвенно выгораживались люди, которые были къ нему близки, но были и „прозорливы“, и „не переставали любить родину больше, чѣмъ его“, и т. п.; удивляясь его „низости“, авторъ доноса замѣчалъ: „Но—таковъ Паоли, у котораго на лицѣ—

доброта и нѣжность, а въ сердцѣ — злоба и мстительность, — елей—въ глазахъ, а ядъ—въ душѣ, и, притомъ, ни характера, ни силы, ни даже—храбрости!"..

Доносъ заключался краткими указаніями, относительно того, какъ слѣдуетъ дѣйствовать правительству для скорѣйшаго усмиренія возставшей Корсики; причемъ, Буонапарте, какъ бы ободряя правительство, силится доказать всю легкость этого дѣла, по причинѣ одной уже умственной и нравственной ничтожности личностей, стоящихъ во главѣ возстанія, какъ Паоли, Поццо-ди-Борго, Монетти и другихъ, которыхъ онъ, пользуясь этимъ удобнымъ случаемъ, опять усердно и всячески чернитъ.

Конвентъ, разъ усвоившій себѣ ошибочный взглядъ на Паоли и корсиканскія дѣла вообще, понятно, не могъ различить, что вѣрно и что невѣрно во всемъ этомъ доносѣ,—тѣмъ болѣе, что онъ не подозрѣвалъ, что доносъ этотъ и адресъ гражданъ Аяччіо принадлежали перу одного и того же человѣка. Но всѣ корсиканцы знали, что въ доносѣ этомъ, что ни слово, то—ложь. Буонапарте говорилъ завѣдомую правду, когда писалъ адресъ конвенту отъ г. Аяччіо, и говорилъ завѣдомую ложь, когда писалъ къ нему доносъ. Спрашивается: чѣмъ же руководствовался онъ въ обоихъ этихъ случаяхъ, чтó имѣлъ въ виду?— Очень просто: онъ имѣлъ въ виду—одну лишь собственную карьеру, а руководствовался тѣми принципами, которыми руководствуются честолюбцы и карьеристы всѣхъ масштабовъ и всѣхъ спеціальностей. Принципы же эти немногосложны: всегда говори о правдѣ, объ истинѣ, но правдой и истиной признавай лишь то, что въ данное время, при данной обстановкѣ, можетъ быть тебѣ полезно; бойся не противорѣчій въ своихъ словахъ и дѣлахъ, а—неуспѣха; а при успѣхѣ все, или почти все, предъ тобою преклонится; наивные люди и софисты начнутъ даже искать въ противорѣчивости твоихъ словъ и дѣлъ началъ великой „практической" мудрости, проявленій силы генія, который, разумѣется, въ видахъ блага міра или только своей родины, не можетъ же налагать на себя какія-либо нравственныя путы, обязующія его, подобно какому-либо мечтателю, лже-гуманисту или лже-патріоту, всегда признавать и называть—чернымъ то, что дѣйствительно черно, а бѣлымъ—дѣйствительно бѣлое...

Какъ бы то ни было, но, послѣ того фазиса, въ который вступили тогда дѣла Корсики, и послѣ того положенія, въ которомъ очутился при этомъ Буонапарте, благодаря своему образу дѣйствій, дальнѣйшее пребываніе на родинѣ — какъ его самого, такъ и всей его семьи, становилось небезопаснымъ: въ ту пору

„вендетта" была еще въ полномъ ходу у его земляковъ. Надо было уходить. А потому, чрезъ пять дней по отправленіи доноса на Паоли, т.-е., 11-го іюня 1793 г., онъ, съ семьей, уже поспѣшно отплывалъ отъ береговъ своей родины во Францію, куда теперь ѣхалъ въ роли пострадавшаго за вѣрность республикѣ, гдѣ у него было своего рода убѣжище въ видѣ давно покинутаго полка, и гдѣ,—кто знаетъ?—быть можетъ, его ждала еще карьера, конечно, не Вашингтоновская, о которой онъ мечталъ на родинѣ, но все-таки болѣе или менѣе видная и, во всякомъ случаѣ, обезпечивающая кусокъ хлѣба, въ которомъ онъ и его семья въ это время очень нуждались... Да и на что болѣе широкое могъ разсчитывать тогда Буонапарте, собиравшійся только теперь приняться за службу странѣ, чуждой ему по духу, по нравамъ и стремленіямъ, въ которой собственно только и знали его, что въ полку, да и то какъ офицера, до сихъ поръ только умѣвшаго, подъ разными предлогами, уклоняться отъ службы, и даже во время войны, которую Франція вела за свое существованіе?..

Положимъ, что Буонапарте былъ не изъ тѣхъ, кого страшитъ борьба за свое будущее, что онъ готовился вступить въ эту борьбу не только съ запасомъ неисчерпаемой энергіи, вѣры въ свои силы, но и съ опытностью бойца, отлично знающаго людей, ихъ страсти, и искушеннаго уже въ политической интригѣ. Время, проведенное имъ въ Корсикѣ, по крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи, не пропало для него даромъ. Тѣмъ не менѣ, предстоявшая ему борьба была не легка, и будущее представлялось въ густомъ туманѣ. Одно, что было для него ясно, это, — что, для достиженія своего будущаго, ему необходимо было теперь, во-первыхъ,— пойти твердо по тому, единственно, впрочемъ, для него теперь и оставшемуся, пути, съ котораго онъ, до настоящей поры, все сворачивалъ, — по пути военному, и, во-вторыхъ, — перестать быть корсиканскимъ патріотомъ и сдѣлаться французскимъ. А затѣмъ... ждать счастливаго случая, и съумѣть имъ воспользоваться.

Случай этотъ, дѣйствительно, скоро и выпалъ на долю счастливаго корсиканца, и онъ, дѣйствительно, съумѣлъ имъ воспользоваться...

XXI.

Садясь съ поспѣшностью въ Бастіа на корабль, отплывавшій во Францію, изгнанная изъ отечества семья Буонапарте предполагала устроиться пока на жительствѣ въ Марсели или Э, гдѣ у нея были кой-какія пріятельскія связи, на помощь которыхъ можно было разсчитывать, по-крайности, въ первое время. Но возстаніе, разгоравшееся уже тогда на югѣ Франціи, вынудило ее отказаться отъ этого предположенія и поселиться, въ видахъ экономіи, въ деревенькѣ Ла-Волледъ, находящейся у воротъ Тулона.

Первое время по прибытіи, семья Буонапарте, вмѣстѣ съ другими корсиканскими бѣглецами, существовала на средства, великодушно и немедленно же предложенныя всѣмъ изгнанникамъ тулонскимъ муниципалитетомъ. Но не прошло и мѣсяца, какъ конвентъ весьма щедро назначилъ сначала—600 тысячъ ливровъ для единовременнаго пособія, а вслѣдъ затѣмъ и—особую сумму, распредѣляемую, въ видѣ ежемѣсячныхъ субсидій, между изгнанниками, по ихъ полу и возрасту. Такъ, на женщину и на старика положено было ежемѣсячно отпускать—по 75 ливровъ, на дѣтей, недостигшихъ 15-ти лѣтъ,—по 45. Заботиться объ участи молодыхъ корсиканцевъ, годныхъ уже по возрасту, подъ ружье, Конвентъ считалъ для себя излишнимъ. Въ ту пору всеобщаго призыва подъ знамена, достаточно было и того, что онъ единовременно выдалъ имъ по 25 ливр., предоставляя затѣмъ скорѣе поступить въ ряды защитниковъ усыновившаго ихъ отечества, со всѣхъ сторонъ угрожаемаго врагами. Такъ большинство корсиканской молодежи и поступило. Начали хлопотать о поступленіи на службу въ армію и братья капитана Буонапарте, но только въ ряды ея административныхъ чиновниковъ.

Что до самого капитана, то, наскоро устроивъ семью и заручившись отъ полномочнаго коммиссара конвента, Саличетти, свидѣтельствомъ, оправдывавшимъ его 6-ти мѣсячную просрочку, онъ, почти тотчасъ по прибытіи, отправился изъ Тулона въ свою роту, въ Ниццу, гдѣ 26 іюня уже представлялся своему новому командиру, полк. Дюжару, и своему старому и всегда благоволившему къ нему начальнику, генералу Дютейлю.

Дютейль прикомандировалъ Буонапарте на службу на приморскихъ баттареяхъ. Невесела и темна была эта служба, но, довольный уже тѣмъ, что она не отдаляла его ни отъ земляковъ, ни отъ семьи, Буонапарте ревностно принялся за свои новыя

обязанности, стараясь и при этомъ, прежде всего — выставить себя. Какъ ни было это трудно въ его положеніи, за отсутствіемъ какого-нибудь повода, но Буонапарте находилъ, однако, возможность заявить себя передъ начальствомъ и, уже 3-го іюля, только-что ставъ на батарею, пишетъ воен. министру письмо, по поводу ничтожнаго усовершенствованія въ печахъ, служившихъ до новѣйшихъ временъ, на приморскихъ батареяхъ для каленія ядеръ.

„...Генер. Дютейль поручилъ мнѣ,—говоритъ Буонапарте въ этомъ письмѣ, — просить васъ о высылкѣ чертежа этой новой печи, чтобы, устроивъ таковыя на нашихъ батареяхъ, мы могли бы такимъ образомъ вѣрнѣе жечь суда деспотовъ“.

Но прежде, чѣмъ получился отвѣтъ на это письмо, Буонапарте, по распоряженію Дютейля, былъ командированъ въ Авиньонъ, для доставки оттуда артиллерійскихъ орудій и снарядовъ въ Ниццу. Не имѣя возможности, по причинѣ возстанія въ томъ краѣ, пробраться прямо въ Авиньонъ, находившійся тогда въ рукахъ инсургентовъ, Буонапарте направился окружнымъ путемъ, къ м. Понтэ, гдѣ, какъ онъ прослышалъ, собирались войска, предназначенныя конвентомъ для подавленія возстанія. Слухи оказались вѣрными.

Въ Понтэ, Буонапарте дѣйствительно нашелъ республиканскія войска подъ начальствомъ генерала Карто, ждавшаго только подкрѣпленій, чтобы атаковать возставшій Авиньонъ и, затѣмъ, продолжать наступленіе противъ инсургентовъ, по направленію къ Марсели. Карто былъ очень обрадованъ нежданнымъ прибытіемъ артиллерійскаго офицера, котораго ему именно не хватало для командованія двумя орудіями, предназначенными въ составъ маленькаго отряда, долженствовавшаго дѣйствовать противу Авиньона съ праваго берега Роны, въ то время, когда главная атака на городъ поведется съ лѣваго. А потому, онъ немедленно же вручилъ командованіе надъ этими двумя орудіями Буонапарте.

24-го іюля, послѣ отказа инсургентовъ покориться, Карто атаковалъ Авиньонъ, но, понеся чувствительныя потери, былъ отбитъ на всѣхъ пунктахъ. Между штурмовавшими войсками, недовольными распоряженіями Карто, началось волненіе, грозившее принять опасные размѣры. Положеніе Карто и бывшаго съ нимъ коммиссара конвента становилось затруднительнымъ. Они даже не знали, какъ тутъ и быть, какъ, — вдругъ, имъ возвѣщаютъ о прибытіи изъ Авиньона депутаціи, которая, сообщая имъ радостную вѣсть объ отступленіи роялистовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, заявляла о полной покорности города республикѣ. Причиною, побудившею къ такому поспѣшному отступленію роя-

листовъ, послѣ побѣдоносно отраженнаго штурма, — какъ то разъяснено было и слѣдствіемъ, и даже показаніями самого Буонапарте,—послужили, съ одной стороны,—враждебное отношеніе авиньонцевъ къ роялистамъ, а съ другой—желаніе послѣднихъ сблизиться съ центромъ возстанія. Но это не помѣшало панегиристамъ Буонапарте приписать взятіе Авиньона дѣйствію его „двухъ пушекъ", что такъ и вошло въ его легенду!..

Послѣ взятія Авиньона, республиканскія войска, преслѣдуя инсургентовъ, пошли далѣе по теченію Роны; Буонапарте вернулся въ Авиньонъ для приведенія въ порядокъ оставшагося здѣсь артиллерійскаго парка.

Извѣстія изъ Корсики получались въ это время плохія: Бастіа и Кальви, тѣсно блокируемые корсиканцами, едва держались. Имя Буонапарте на равнѣ съ именемъ Буттафуоко, на всемъ островѣ, клеймилось позоромъ. Прибывшій къ нему Іосифъ сообщилъ о тяжеломъ положеніи семьи, перебивавшейся изо-дня въ день и вынужденной, вслѣдствіе возстанія въ Тулонѣ, къ новому бѣгству, въ Бриньоль. Къ довершенію всѣхъ этихъ непріятностей,—получались безпрестанно бюллетени о побѣдахъ, прославлявшихъ до сихъ поръ неизвѣстныя имена Моро, Гоша и даже бывшаго бріенскаго наблюдателя, Пишегрю!..

Буонапарте былъ человѣкъ, въ высшей степени наклонный къ быстрымъ переходамъ отъ одного состоянія духа къ другому. Неудачи и даже позоръ на родинѣ, печальное положеніе семьи, свое собственное непривлядное положеніе офицера, копающагося въ артиллерійскомъ паркѣ и приводящаго въ немъ въ порядокъ разный хламъ, и это въ то время, когда отличаются, прославляются другіе! Все это вмѣстѣ повергло Буонапарте въ такое мрачное настроеніе духа, что онъ даже заболѣлъ. Чтобы какъ нибудь вырваться изъ настоящаго положенія, гдѣ онъ не видѣлъ уже никакого исхода для разъѣдавшаго его душу честолюбія, Буонапарте рѣшился было попытать счастія на сѣверѣ, вслѣдствіе чего написалъ къ военному министру просьбу о переводѣ въ рейнскую армію; а въ ожиданіи отвѣта, засѣлъ опять за литературную работу и написалъ здѣсь свой „Ужинъ въ Бокэрѣ".

Произведеніе это, написанное въ діалогической формѣ, представляетъ обыкновенный памфлетъ, которыхъ въ ту пору писалось вообще не мало. Цѣлію его служитъ, прежде всего, желаніе автора прислужиться предержащимъ властямъ, а содержаніемъ—разговоръ, за ужиномъ, между случайно встрѣтившимися жителями трехъ городовъ, Марсели, Нима и Монпелье, враждовавшими тогда противъ конвента, и однимъ военнымъ; причемъ, послѣдній,

говорящій больше остальныхъ своихъ собесѣдниковъ, всячески доказываетъ имъ, съ одной стороны — всю ошибочность ихъ въ оцѣнкѣ существовавшаго тогда во Франціи правительства со всѣми его дѣятелями, вообще неизмѣримо стоящими, по его мнѣнію, выше восхваляемыхъ ими „жирондистовъ", а съ другой, всю безнадежность затѣяннаго ими возстанія, въ которомъ они служатъ только слѣпыми орудіями роялистовъ, и которое неизбѣжно будетъ подавлено. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого произведенія проявляются иногда остроумныя мысли, еще чаще довольно ловкіе софизмы, но въ общемъ,—не будь оно писано Буонапарте, оно не заслуживало бы никакого особаго вниманія и давно забылось бы, какъ сотни подобныхъ и даже много лучшихъ произведеній.

Написавъ свой памфлетъ, Буонапарте опять не зналъ, какъ съ нимъ быть, такъ какъ денегъ на изданіе у него не было. Но тутъ вдругъ подвернулось обстоятельство, которое не только способствовало выходу въ свѣтъ „Ужина въ Бокэрѣ", но которому суждено было, въ концѣ-концовъ, выдвинуть впередъ и самого его автора, совсѣмъ было уже павшаго духомъ. Обстоятельствомъ этимъ было прибытіе въ Авиньонъ вновь назначенныхъ въ войска, дѣйствовавшія на югѣ Франціи, новыхъ коммиссаровъ конвента, въ числѣ которыхъ находились: Саличетти и Робеспьеръ—младшій; послѣднему первый немедленно и представилъ своего земляка, Буонапарте.

„Ужинъ въ Бокэрѣ" пришелся по вкусу коммиссарамъ, между которыми Робеспьеръ младшій главенствовалъ уже въ силу одного своего родства съ Робеспьеромъ старшимъ, стоявшимъ тогда на высотѣ своего могущества. Но еще болѣе понравился коммиссарамъ, а особенно Робеспьеру, самъ авторъ памфлета, поразившій его оригинальностью своего ума и рѣчи и своею революціонно-патріотическою страстностью. „Ужинъ въ Бокэрѣ" рѣшено было немедленно издать на общественный счетъ, а автору его Робеспьеръ обѣщалъ всякое, съ своей стороны, содѣйствіе. Такая протекція была, конечно, немаловажнымъ дѣломъ. Буонапарте встрепенулся, ожилъ.

Наступательныя дѣйствія противъ инсургентовъ, между тѣмъ, шли крайне вяло и неуспѣшно для республиканцевъ. Такъ или иначе, а съ усиливавшимся возстаніемъ юга, къ которому собирался примкнуть и такой важный пунктъ, какъ Тулонъ, надо было кончать. Для того собственно и присланы были коммиссары, Рикоръ, Гаспаренъ и Робеспьеръ, съ которыми, благодаря ихъ

товарищу, Саличетти, и временному пребыванію въ Авиньонѣ, удалось войти въ дружбу Буонапарте.

Конвентъ не ошибся въ выборѣ этихъ лицъ. Не прошло и трехъ недѣль послѣ паденія Авиньона, какъ, благодаря кипучей дѣятельности ихъ, а особенно Робеспьера и Саличетти, войска Карто были усилены, и перешли къ самому энергическому наступленію, выбивая роялистовъ изъ всѣхъ занятыхъ ими позицій. 21-го августа, республиканцы заняли Э, а 24-го, были уже подъ стѣнами Марсели, очень искусно приведенной въ оборонительное положеніе и защищаемой Вильневомъ. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня начался штурмъ. Подавая личный примѣръ конскриптамъ, коммиссары шли сами впереди штурмующихъ колоннъ. Вильневъ оборонялся упорно, отстаивая каждый шагъ, но, тѣмъ не менѣе, къ вечеру долженъ былъ покинуть городъ, въ который, на другой день утромъ, тріумфально вступилъ съ своими войсками Карто, бывшій до революціи живописецъ, а нынѣ генералъ. Буонапарте также участвовалъ съ своею артиллеріею при этомъ тріумфальномъ шествіи, по окончаніи котораго смиренно отправился на отведенную ему квартиру въ домѣ гражданина, издавна торговавшаго въ Марсели мыломъ, Клари, имѣвшаго двухъ дочерей, изъ которыхъ одной суждено было скоро сдѣлаться женою Іосифа.

Торжествовать, однако, было некогда: надо было торопиться занять еще Тулонъ. А потому, настоявъ на немедленной высылкѣ сильнаго отряда по направленію къ Тулону, неутомимый Робеспьеръ поскакалъ теперь тотчасъ къ Барра, чтобы всячески поторопить прибытіе новой дивизіи, изъ итальянской арміи, для занятія этого первокласснаго приморскаго пункта. Но тщетна была энергія Робеспьера: въ ночь съ 27-го на 28-е августа, Тулонъ сдавался англичанамъ, а утромъ провозглашалъ Людовика XVII королемъ Франціи и отправлялъ въ то же время къ Карто ультиматумъ, въ которомъ, грозя ему мщеніемъ за малѣйшую попытку съ его стороны къ преслѣдованію возставшихъ марсельцевъ, объявлялъ, что отнынѣ Тулонъ и Марсель считаются подъ покровительствомъ Англіи и Испаніи.

Дѣлать было нечего:—приходилось уже Тулонъ не занимать, а брать.

29-го августа, авангардъ арміи Карто приблизился къ Тулону и занялъ м. Оліуль, лежащее на пути сообщенія крѣпости съ Марселью и вообще имѣвшее весьма важное военное значеніе; но, атакованный англичанами и испанцами, онъ былъ вынужденъ оставить Оліуль и, при томъ, съ большимъ урономъ. Отказаться отъ Оліуля осаждающіе, однако, не могли; а потому, 7 сентября,

они вновь атаковали его и на этотъ разъ овладѣли имъ окончательно, но, при этомъ, въ числѣ прочихъ раненыхъ, потеряли начальника своей артиллеріи, Донмартэна.

За отсутствіемъ слѣдующаго по старшинству за Донмартеномъ офицера, коммиссары, пріятели Буонапарте, немедленно замѣстили имъ раненаго Донмартэна, ссылаясь въ этомъ случаѣ на письмо къ Робеспьеру военнаго министра, гдѣ тотъ говорилъ: „Повидайте гражданина Буонапарте. Его просьбы дышатъ патріотизмомъ, а потому, если найдете его годнымъ (s'il a des moyens), дайте ему ходъ". Но коммиссары не ограничились тѣмъ, что дали ходъ главѣ семьи Буонапарте, а подъ вліяніемъ просьбъ, Саличетти, радѣвшаго для земляковъ своихъ, распростерли свое покровительство и на остальныхъ членовъ ея. Викарія Феша и Люціана они назначили смотрителями вещевыхъ складовъ, перваго—въ альпійской арміи, послѣдняго—въ С.-Максиминѣ, а Іосифа возвели въ званіе военнаго коммиссара 1-го класса, устроивъ его въ Марсели, куда перевели на жительство и остальную семью Буонапарте, получившую кромѣ того особое денежное вспомоществованіе.

По существовавшему тогда закону, въ должность, занимаемую Іосифомъ, могли быть назначаемы только штабъ-офицеры или офицеры, занимавшіе въ полкахъ мѣста квартирмистровъ, казначеевъ. Іосифъ, какъ мы знаемъ, до сихъ поръ торговалъ оливковымъ масломъ да занималъ должность секретаря въ округѣ Аяччіо и, затѣмъ, у Саличетти, въ Бастіа. Какъ же коммиссары обошли этотъ законъ? Очень просто. Они запросили Іосифа объ его службѣ, а тотъ, присвоивая себѣ чинъ брата, назвалъ себя подполковникомъ національной корсиканской гвардіи!.. Коммиссары-пріятели сочли это совершенно достаточнымъ, чтобы назначить Іосифа военнымъ коммиссаромъ 1-го класса, „въ виду нуждъ арміи, предназначенной къ усмиренію бунтовщиковъ юга"...

Но, что значило для будущаго короля испанскаго назваться тѣмъ, чѣмъ онъ никогда не былъ? Когда, десять лѣтъ спустя, военное министерство, по поводу выдачи Іосифу, бывшему тогда уже сенаторомъ, патента на полковничій чинъ, попросило его сообщить свѣдѣніе о прохожденіи имъ службы, то почтенный сенаторъ, ни мало не стѣсняясь, представилъ въ министерство такую собственноручную записку: „ученикъ артиллерійской школы, 1778 года; офицеръ генеральнаго штаба, въ 1792 году; батальонный адъютантъ, въ 1779 году... участвовалъ въ кампаніи 1793—94 гг.; легко раненъ подъ Тулономъ". —Ни первымъ, ни вторымъ, ни третьимъ Іосифъ никогда не былъ; въ кампаніи вовсе не

участвовалъ и все время осады Тулона оставался безвыѣздно въ Марсели, въ званіи военнаго коммиссара, о чемъ именно въ своемъ формулярѣ и не упомянулъ!.. Но таковы уже были члены всей фамиліи Буонапарте, отличавшіеся отъ главы ея только размѣрами способностей, но не честолюбіемъ, которое у всѣхъ было одинаково характерною чертой.

XXII.

Какъ ни разношерстенъ оказывался составъ защитниковъ Тулона, и какъ ни велика была рознь въ политическихъ мнѣніяхъ самихъ тулонцевъ, тѣмъ не менѣе овладѣніе такою сильною крѣпостью, вспомоществуемою къ тому же сильнымъ флотомъ, представлялось задачею, положительно не разрѣшимою для такой арміи, какова была армія Карто,—слабая численно, дурно организованная, не имѣвшая даже порядочной полевой артиллеріи, не говоря уже про осадную, безъ которой нельзя было и думать подступить къ крѣпости.

Тулонъ былъ не Авиньонъ, и самъ генералъ Карто былъ человѣкъ, не только ничего не понимавшій въ военномъ дѣлѣ, но и вообще неспособный, не смотря на свою личную храбрость, внушить войскамъ ни довѣрія, ни даже страха. Какимъ то чудомъ его войска могли овладѣть Оліулемъ, но приняться за осаду, не смотря даже на прибытіе изъ Италіи новой дивизіи, Карто не могъ, какъ не могъ бы, впрочемъ, и никто другой на его мѣстѣ: не было къ тому средствъ.

Коммиссары конвента прекрасно это видѣли. Они писали конвенту; требовали присылки войскъ, артиллеріи; просили о замѣнѣ Карто. Но у конвента была въ это время на шеѣ осада Ліона, съ окончаніемъ которой онъ только и могъ усилить и снабдить артиллеріею войска, предназначаемыя къ осадѣ Тулона; а до тѣхъ поръ онъ могъ только смѣнить Карто, чего также почему то не дѣлалъ. Вслѣдствіе всего этого, послѣ взятія Оліуля т.-е. съ 1-го октября, подъ Тулономъ наступилъ длинный періодъ полнаго бездѣйствія не прерываемаго, къ счастью Карто и его арміи, даже осажденными.

Наскучивъ бездѣйствіемъ, коммиссары конвента, Барра и Фреронъ, задумали было, не спросясь даже Карто и не разсчитывая на его содѣйствіе, овладѣть Тулономъ съ одною дивизіею Лапоипа (изъ итальянской арміи), и, 1-го октября, идя во главѣ увлекаемыхъ ими за собою войскъ, овладѣли очень важною вы-

сотою Фаронъ, на с. в. отъ крѣпости. Упоенный успѣхомъ, Барра провозглашалъ уже паденіе Тулона. Но, къ вечеру того же дня, побѣдители вынуждены были, съ большимъ урономъ, покинуть захваченную высоту, а генералъ Лапоипъ, отказавшись съ этого времени отъ всякихъ дальнѣйшихъ попытокъ къ овладѣнію городомъ открытою силою, открылъ осадныя работы противъ форта Ла-Мальгъ, составлявшаго съ противулежавшимъ ему фортомъ, малымъ Гибралтаромъ, ключи къ тулонскому рейду.

Буонапарте, въ восторгѣ отъ новаго назначенія, дѣлавшаго его впервые самостоятельнымъ начальникомъ, отдался весь своей части, состоявшей пока изъ 6-ти разнокалиберныхъ орудій, бездѣйствовавшихъ, впрочемъ, какъ и остальныя войска Карто, расположенныя у Оліуля.

Стремленіе къ власти, всегда отличавшее Буонапарте, проявляется въ немъ теперь рѣзче прежняго, выражаясь особенно въ той ревнивости, съ какою онъ прежде всего успѣваетъ не допустить въ свою часть двухъ офицеровъ, старшихъ его по производству, и присутствіе которыхъ могло если и не измѣнить занятаго имъ положенія, то помѣшать его авторитетности. Попрежнему, онъ не знается почти ни съ кѣмъ, кромѣ, конечно, коммиссаровъ конвента, которые продолжаютъ его тянуть, пользуясь всякимъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ.

Такъ, напримѣръ, въ письмѣ къ военному министру, Саличетти и Гаспаренъ, говоря совсѣмъ о другихъ предметахъ, находятъ возможнымъ приплести сюда и своего protégé.—„Карто неспособенъ,—говорятъ они. Инженеровъ у насъ нѣтъ. Одинъ капитанъ артиллеріи Bonna-parte былъ бы способенъ взять на себя это дѣло, но онъ слишкомъ уже обремененъ заботами по командованію всей (!) артиллерійской частью...“ А къ 19 октября они добиваются даже производства его въ слѣдующій чинъ въ награду за „примѣрную ревность“!..

9 ноября, Карто былъ замѣненъ генераломъ Доппэ. Поступивъ въ молодости на службу въ королевскую гвардейскую кавалерію, Доппэ вскорѣ вышелъ въ отставку и сдѣлался медикомъ-литераторомъ. Въ 1792 году, въ пылу патріотизма, охватившаго тогда Францію, онъ покинулъ свои любимыя занятія и вновь взялся за мечъ и выказалъ при этомъ такъ много ума и храбрости, что былъ вскорѣ возведенъ даже въ чинъ генералъ-лейтенанта; но, какъ человѣкъ высокой честности, Доппэ не обольстился своими служебными успѣхами и ни мало не вообразилъ себя полководцемъ. Узнавъ о своемъ назначеніи, онъ отказался

отъ него, прямо указывая, что не имѣетъ спеціальныхъ свѣденій, нужныхъ въ этомъ дѣлѣ.

Доводы его были уважены. Доппэ велѣно было только подождать съ отъѣздомъ до прибытія новаго начальника войскъ, осаждавшихъ Тулонъ; такимъ назначили генерала Дюгомье. Этотъ послѣдній представлялъ собой одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ типовъ временъ революціи. Старый, опытный воинъ и вполнѣ матеріально обезпеченный человѣкъ, Дюгомье вышелъ въ отставку не задолго до революціи, но, съ провозглашеніемъ „отечества въ опасности", вмѣстѣ съ своими сыновьями, предоставилъ себя въ распоряженіе республики, на службѣ которой и былъ впослѣдствіи убитъ 17 ноября 1794 года, въ одномъ изъ сраженій въ Каталоніи. Вотъ, что говоритъ о немъ, между прочимъ, самъ Наполеонъ, свидѣтельство котораго въ данномъ случаѣ совпадаетъ со всѣми другими: „въ немъ совмѣщались всѣ качества стараго воина. Неустрашимо храбрый и любящій храбрыхъ, онъ и самъ былъ ими любимъ. Онъ былъ добръ, хотя и рѣзокъ, необыкновенно дѣятеленъ и трудолюбивъ. Онъ обладалъ военнымъ взглядомъ, хладнокровіемъ и настойчивостью". „Дюгомье, замѣнившій Карто,—доноситъ Робеспьеръ младшій комитету общественнаго блага,—вполнѣ оказывается достоинъ довѣрія республики. Онъ умѣетъ воспламенить падшихъ духомъ, внушить любовь къ свободѣ. Когда однажды спросили, въ чемъ заключается его секретъ заставить солдатъ полюбить, привязаться къ нему, онъ отвѣчалъ словами, вполнѣ обрисовывающими душу его: „въ томъ, что я самъ ихъ люблю".

Немудрено, что съ прибытіемъ такого начальника, какъ Дюгомье, перемѣнилось все: бездѣятельность, безпорядокъ въ организаціи, замѣнились кипучею дѣятельностью и порядкомъ; безначаліе—твердою и энергическою властью, неумѣлость и колебаніе —пониманіемъ дѣла и безповоротною рѣшимостью. Въ это же время кстати, стали прибывать новыя подкрѣпленія и осадная артиллерія. Войска усилились числомъ, а главное поднялись духомъ, вѣрою въ себя, въ своего начальника, къ которому быстро прониклись всѣ уваженіемъ и любовью.

22-го ноября, Дюгомье сдѣлалъ общую рекогносцировку и раздѣлилъ войска осаднаго корпуса на двѣ дивизіи: на лѣвую, восточную, подъ начальствомъ генерала Лапоипа, и правую, западную, подъ начальствомъ генерала Муре, состоящую изъ двухъ бригадъ, Лабарда и Гарнье. Начальникомъ всей артиллеріи Дюгомье назначилъ генерала Дютейля младшаго; командующими артиллеріею: дивизіи Лапоипа—Брюле, бригады Гарнье—Сюньи, а бри-

гады Лабарда—Буонапарте. Изъ двухъ инженеровъ, на одного было возложено завѣдываніе осадными работами на восточной, а на другого—на западной сторонѣ. Доставка продовольствія должна была производиться изъ Ниццы, съ одной стороны, а изъ Марсели, съ другой. Доставкою изъ Марсели завѣдывали главный военный коммиссаръ Шоле и его помощникъ, Іосифъ Буонапарте.

25-го ноября, Дюгомье собралъ военный совѣтъ для обсужденія общаго плана атаки крѣпости. На совѣтѣ этомъ присутствовали всѣ коммиссары конвента и начальники главныхъ частей войскъ, а въ числѣ ихъ и Буонапарте. Наравнѣ съ другими, онъ имѣлъ при этомъ возможность неоднократно высказывать свои предположенія и мысли, и нѣкоторыя изъ нихъ, такъ же какъ предположенія и мысли другихъ, были приняты въ соображеніе совѣтомъ, который въ томъ же засѣданіи и постановилъ окончательное рѣшеніе.

Сущность рѣшенія заключалась въ одновременномъ открытіи осадныхъ работъ и постройкѣ баттарей съ трехъ сторонъ крѣпости, съ крайнихъ: восточной и западной, противъ фортовъ Мальгъ и малый Гибралтаръ, и сѣверо-западной, противъ форта Мальбоске, чтобы ввести такимъ образомъ непріятеля въ недоумѣніе относительно настоящаго пункта атаки; а затѣмъ, въ одновременномъ же производствѣ двухъ демонстративныхъ атакъ, противъ Мальга и Мальбоске, и двухъ дѣйствительныхъ противу Фаронскихъ высотъ, и противъ малаго Гибралтара. Изъ двухъ послѣднихъ атакъ главнѣйшею, на которую было положено употребить всѣ усилія, была послѣдняя, такъ какъ съ овладѣніемъ малымъ Гибралтаромъ атакующій не только прерывалъ всякое сообщеніе крѣпости съ моремъ, но дѣлалъ фактически невозможнымъ и пребываніе флота въ тулонскомъ рейдѣ, обстрѣливая который, онъ могъ подвергнуть флотъ формальному истребленію. Замѣтимъ, что къ такому же результату привело бы наступающаго и овладѣніе фортомъ Мальгомъ, находящимся vis-à-vis съ Гибралтаромъ, почему такой даже не мудрый генералъ, какъ Лапоипъ, послѣ неудачной атаки Фарона, тотчасъ повелъ осадныя работы противъ Мальга. Да и вообще, при осадѣ Тулона, трудность заключалась не въ опредѣленіи главнаго пункта атаки, который при первомъ взглядѣ на планъ крѣпости самъ собою бросался въ глаза, и конечно, не могъ быть не замѣченъ такимъ человѣкомъ, какъ Дюгомье, а въ овладѣніи этимъ пунктомъ.

Съ 26-го же ноября принялись за работы съ чрезвычайной настойчивостью и пыломъ, Брюле противу Мальга, Сюньи противу Мальбоске, а Буонапарте противу малаго Гибралтара, всѣ

трое, конечно, подъ вѣденіемъ и руководствомъ своихъ непосредственныхъ начальниковъ. Дюгомье устроилъ свою главную квартиру въ Сейнѣ, почти на высотѣ буонапартовскихъ баттарей, и вездѣ энергически распоряжался.

Не разъ осажденные пытались прорвать все болѣе и болѣе сжимающую ихъ линію огня осаждающихъ. 11 декабря, ночью, осажденные овладѣли было уже баттареями, устроенными Буонапарте, но были отражены съ большимъ урономъ. Донося объ этомъ, Дюгомье, между прочимъ, говоритъ: „въ числѣ особенно отличившихся и способствовавшихъ мнѣ къ скорѣйшему сбору войскъ и отраженію атаки были граждане: Буонапарте, Арена и Червони"...

17 декабря, произведена была общая атака, при которой взяты были приступомъ—не только высота Фаронъ, малый Гибралтаръ, въ который на штыкахъ ворвался генералъ Лабардъ, тяжело при этомъ раненый, но даже и Мальбоске. Тулонъ палъ. А 24 декабря въ конвентѣ уже читалось донесеніе, въ которомъ Дюгомье, извѣщая о взятіи крѣпости, говоритъ: „...слава принадлежитъ всецѣло моимъ достойнымъ соратникамъ. Я до тѣхъ поръ не донесу о именахъ офицеровъ, пока не розыщу въ массѣ солдатскихъ рядовъ именъ тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые умѣли достойно слѣдовать за своими командирами. Да увидитъ народъ въ своихъ представителяхъ примѣры непоколебимой твердости среди холодныхъ ночей и преданности среди битвъ. Саличетти, Робеспьеръ, Рикоръ и Фреронъ участвовали при взятіи Гибралтара, Барра—при атакѣ Фаронской горы. Мы были всѣ волонтерами..."‚—и ни слова больше ни о комъ!

Такова документальная, вполнѣ точная, хотя и вкратцѣ изложенная исторія взятія Тулона,—рубежа, съ котораго начинается быстрое возвышеніе до сихъ поръ темнаго Буонапарте, превращающагося 22 декабря 1793 года, вдругъ, изъ командира баталъона Буонапарте, прямо—въ генерала Бонапарта.

Въ чемъ же, спрашивается, заключалась въ тулонской осадѣ его „выдающаяся" дѣятельность и роль, обнаружившія, будто бы, сразу въ немъ его великіе военные таланты, что̀, хотя съ нѣкоторыми и оговорками, повторяетъ и почтенный Ланфрэ, и что̀ превратилось изъ сказки, созданной Наполеоновскими пѣснопѣвцами, въ фактъ, признаваемый, уже издавна несомнѣннымъ всѣми?

Мы видѣли, какъ Буонапарте попалъ подъ Тулонъ, и какъ, благодаря коммиссарамъ-пріятелямъ, помимо старшаго его офицера, нарочно ими не допущеннаго къ командованію послѣ Дон-

мартэна, онъ получилъ начальствованіе, но не надъ всею артиллеріею, а только надъ 6-ю разнокалиберными пушками. Знаемъ мы также, что за люди были, начальствовавшіе осадными войсками, генералы: Карто, Доппэ и Дюгомье; что при первыхъ двухъ, изъ которыхъ одинъ отбылъ 9-го, а другой 16-го ноября, не дѣлалось да и не могло ровно ничего дѣлаться съ 1-го октября, т.-е., со взятія Оліуля, дальше котораго они и не думали идти; и что осада, длившаяся въ дѣйствительности 23 дня, началась только при Дюгомье, съ 26-го ноября. Буонапарте участвовалъ въ большомъ военномъ совѣтѣ, 25-го ноября, наравнѣ съ другими, и нигдѣ ничего не говорится о томъ, будто бы совѣтъ этотъ остановился на рѣшеніи, „подсказанномъ" ему Буонапарте. Затѣмъ, во время самой осады, онъ командуетъ артиллеріей только праваго крыла. У него есть товарищи, дѣйствовавшіе самостоятельно; есть и старшіе, которымъ онъ подчиненъ. Наконецъ, за время осады, его имя и упоминалось всего лишь одинъ разъ, да и то не особо, а наравнѣ съ именами Арена и Червони; а честный Дюгомье не принадлежалъ къ числу завистниковъ, готовыхъ затемнять чужую славу.

Замѣчательно, что даже коммиссары конвента, произведшіе Буонапарте въ генералы, въ ходатайствѣ своемъ объ утвержденіи его въ этомъ чинѣ, говорятъ только „о ревности и способностяхъ его", т.-е. употребляютъ одну лишь обыденную реляціонную фразу; но ни слова о томъ,—въ чемъ же именно эти „ревность и способности" имъ были выказаны?! А уже чего бы, кажется, лучше случая, какъ не этотъ? Да и какъ было коммиссарамъ, дозволившимъ себѣ такую эксплуатацію данныхъ имъ полномочій, какъ производство командира батальона прямо въ генералы, не указать на то, что произведенному ими генералу принадлежитъ,—самый планъ атаки крѣпости, такъ и его исполненіе?! Но они объ этомъ молчатъ!.. Почему же? Да потому, что коммиссары могли восхвалять своего protégé, предугадывать въ немъ великіе таланты, въ чемъ и не ошиблись, но не могли ему приписывать тѣ заслуги, которыхъ онъ въ дѣйствительности не оказывалъ.

Такимъ образомъ, по разсмотрѣніи и изслѣдованіи архивнаго хлама, столь предательски часто развѣнчивающаго легендарныя репутаціи, ловко складываемыя разными прислуживающимися историками и публицистами, оказывается, что чрезвычайнымъ повышеніемъ своимъ подъ Тулономъ Буонапарте былъ обязанъ, на самомъ дѣлѣ, не чему иному, какъ случаю, сблизившему его съ коммиссарами, а главное—содѣйствію земляка Саличетти и дружбѣ

Робеспьера младшаго, котораго онъ умѣлъ очаровать и „обойти". А что до слуховъ и славы, которые пошли про него съ тѣхъ поръ, представляя готовую канву для вышиванія легендарныхъ узоровъ, то какъ же имъ было и не пойти? Молодого, 25-ти-лѣтняго командира батальона произвели, минуя прочіе чины, прямо въ генералы!

Вообще, остается еще подъ сомнѣніемъ, было ли бы даже утверждено производство Буонапарте въ генералы Военнымъ Отдѣломъ Комитета, если бы предложеніе о томъ не было сдѣлано самимъ Робеспьеромъ старшимъ, что̀, для Отдѣла, было равнозначительно приказанію. Военный Отдѣлъ поторопился утвердить такое „предложеніе", ограничившись только нѣсколькими вопросами, съ которыми онъ обратился къ Буонапарте, для составленія его „послужного списка".

Вотъ нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ и отвѣтовъ, написанныхъ собственноручно молодымъ генераломъ, будущимъ императоромъ и, дѣйствительно — роднымъ братомъ военнаго коммиссара 1-го класса, Іосифа Буонапарте, будущаго короля испанскаго.

На вопросъ: „чѣмъ онъ командовалъ?" — Буонапарте отвѣчаетъ: „2-мъ батальономъ при взятіи острова Мадлены и артиллеріею во время осады Тулона".— „Кто онъ по происхожденію. дворянинъ или нѣтъ?" — Буонапарте, не колеблясь, отвѣчаетъ: „не дворянинъ". На вопросъ: „Какая была профессія его отца до 19-го іюля 1789 года?"—Буонапарте отвѣчаетъ: „умеръ въ 1785 году"... Такимъ образомъ, что ни отвѣтъ, то предумышленная ложь. Ложь эта еще могла быть ему нужна, при существовавшемъ положеніи дѣлъ, для расчистки пути къ дальнѣйшимъ повышеніямъ; но, какую пользу онъ могъ извлечь, показывая въ своихъ отвѣтахъ невѣрно даже части, въ которыхъ служилъ, и мѣста, въ которыхъ квартировалъ? А онъ и тѣ указываетъ невѣрно.

16-го февраля 1794 года, Бонапартъ, какъ мы теперь станемъ его называть, получилъ свой генеральскій патентъ; но уже 26-го декабря 1793 года коммиссары—Саличетти, Барра и Фреронъ, давали ему предписаніе—„о производствѣ, со всевозможною поспѣшностью, инспекціи береговыхъ баттарей, расположенныхъ на пространствѣ, отъ устья Вара до Роны". — А такъ какъ для генерала, командируемаго съ такою важною цѣлію, нуженъ же былъ и адъютантъ, то Саличетти, не спрося даже согласія своихъ сотоварищей, своею собственною властью возвелъ въ эту должность третьяго брата Наполеона, Людовика, мальчика 15-ти лѣтъ, которому онъ предоставилъ званіе и содержа-

ніе подпрапорщика (adjudant-major),—признавъ его за артиллерійскаго юнкера, которымъ тотъ никогда не былъ. Правда, чрезъ два года, артиллерійское управленіе сняло съ Людовика незаконно данное ему званіе и отправило учиться въ Шалонъ. Но это не помѣшало ему впослѣдствіи писать себѣ всевозможные „послужные списки“, сохранившіеся въ предательскихъ архивахъ неприкосновенными до-нынѣ,—списки, гдѣ онъ, противурѣча самому себѣ, различно показываетъ даже время своего рожденія, не говоря о небывалыхъ отличіяхъ, къ числу которыхъ онъ относитъ—даже участіе свое въ осадѣ Тулона! Будущій король голландскій поступилъ при этомъ нисколько не хуже, чѣмъ его братья, будущіе императоръ французовъ и король испанскій...

Въ Марсели, куда изъ-подъ Тулона прибылъ теперь молодой генералъ для инспекціи, онъ засталъ всю свою семью на-лицо. Отсутствовали только два „смотрителя магазиновъ“, будущій кардиналъ Фешъ и Люціанъ. Первый продолжалъ философически вести счеты аммуниціи, а послѣдній,—дѣлая то же въ С.-Максиминѣ,—переименовалъ себя теперь въ Люціана-Брута, прославился крайними революціонными идеями и собирался жениться на дочери максиминскаго трактирщика, Буойе. Іосифъ также подумывалъ жениться въ Марсели на дочери Клари, а прочіе члены семьи, кромѣ Элизы, которой исполнилось 17 лѣтъ, все еще были малолѣтки. Матеріальное положеніе семьи, жившей на средства городского муниципалитета и на вспомоществованія добрыхъ земляковъ и Клари, было еще не обезпечено. Но при томъ содержаніи (до 14 т. франковъ), которое теперь получалъ генералъ Бонапартъ, а главное—при видахъ на будущее, на которое ему дозволяло разсчитывать его настоящее, онъ уже смотрѣлъ на положеніе семьи безбоязненно, хотя одно обстоятельство едва не уничтожило всѣхъ его надеждъ.

Причиною бѣды, налетѣвшей на Бонапарта, была отчасти собственная же его готовность и порывистость заявлять о себѣ, о своихъ новыхъ идеяхъ, проектахъ, и проч. Въ Марсели существовалъ старинный фортъ Св. Николая, потерявшій всякое военное значеніе и почти уже полуразвалившійся. Бонапарту вдругъ вздумалось его реставрировать и вооружить, для того, какъ онъ прямо написалъ военному министру, чтобы „владычествовать надъ городомъ“ и, въ случаѣ надобности, „сдерживать въ немъ движеніе злонамѣренныхъ“. Самъ ли онъ разболталъ о своемъ проектѣ, или марсельцы провѣдали о немъ стороной, но только они увидѣли въ этой затѣѣ,—ни больше, ни меньше, какъ посягательство на свои права, а въ возстановленіи форта—возста-

новленіе въ ихъ городѣ ненавистной Бастиліи. Поднялась цѣлая буря, для успокоенія которой конвентъ потребовалъ къ суду автора проекта и его начальника, генерала Лапоипа, а для доставки ихъ въ Парижъ, послалъ въ Марсель немедленно экстраординарнаго курьера. Курьеръ засталъ въ городѣ Лапоипа, который тотчасъ и отправился на судъ. Но Бонапарта уже въ Марсели не было. Прослышавъ о бѣдѣ, онъ, до прибытія курьера, очутился уже въ Тулонѣ у своихъ покровителей, Саличетти и Робеспьера, а они не только научили его, что̀ писать въ свое оправданіе, но, что еще важнѣе, написали о томъ въ Парижъ и сами. Такъ все дѣло и кончилось ничѣмъ: Бонапартъ и Лапоипъ были оправданы, причемъ послѣднему были даже возданы конвентомъ почести, а марсельцевъ успокоили увѣреніемъ, что никакой новой Бастиліи у нихъ не намѣревались воздвигать, и что все дѣло, такъ оскорбившее и взволновавшее ихъ, есть плодъ одного лишь недоразумѣнія.

XXIII.

Недолго оставался Бонапартъ въ званіи инспектора береговой артиллеріи. Высшія власти, утверждая его въ чинѣ генерала, вмѣстѣ съ тѣмъ назначили его начальникомъ артиллеріи итальянской арміи, которая, 4 апрѣля, должна была открыть кампанію, и куда, поэтому, уже въ мартѣ, главнокомандующій этою арміею, Дюмербіонъ, и находившійся при ней, въ качествѣ коммиссара, Робеспьеръ младшій требовали безотлагательнаго его прибытія.—1-го апрѣля 1794 года Бонапартъ былъ въ Ниццѣ.

Въ ночь, съ 5 на 6-е апрѣля, 20-ти-тысячный корпусъ войскъ, подъ начальствомъ Массены, началъ наступленіе, 8-го овладѣлъ Онеліа, 17-го разбилъ австро-піемонтскую армію подъ Ормеа, 29-го подъ Саорджіо, а 7-го мая, т.-е. чрезъ мѣсяцъ, овладѣлъ уже и Тендскимъ ущельемъ, на чемъ и окончилъ свою краткую, но блестящую кампанію, доставившую французамъ господство надъ Альпами, проходы которыхъ были у нихъ теперь въ рукахъ, а главное—обезпечившую имъ базисъ для дальнѣйшихъ военныхъ операцій. Дюмербіонъ прибылъ въ Ниццу только 8 мая.

По общепринятому мнѣнію, повторяемому какъ непререкаемая истина, даже и Ланфрэ, вся честь этой блестящей кампаніи, начиная отъ подготовки и плана, принадлежитъ Бонапарту, который,—по дряхлости и неспособности Дюмербіона,—былъ

будто, въ дѣйствительности, даже и исполнителемъ кампаніи. Но тутъ опять являются неумолимые архивные документы.

Оказывается, что подъ именемъ „итальянской арміи", находившейся порѣ начальствомъ Дюмербіона, должно разумѣть,—по существовавшей тогда военной организаціи, авторомъ которой былъ Дюбуа-де-Крансе,—собственно не „дѣйствующую", а „территоріальную" армію, которая, по мѣрѣ надобности, должна была выдѣлять отъ себя дѣйствующіе корпуса, и въ составъ которой поэтому и входили всѣ военныя учрежденія и силы, находившіяся на пространствѣ отъ Ниццы до Марсели и Корсики включительно.

Такимъ образомъ, войска, совершившія побѣдоносный походъ 5 апрѣля—7 мая 1794 года, были, собственно,—не „итальянская армія Дюмербіона", а экспедиціонный дѣйствующій корпусъ, выдѣленный Дюмербіономъ изъ этой арміи, и даже не по собственной иниціативѣ, а по приказанію комитета общественнаго блага, и поставленный подъ начальство особаго лица, какимъ и былъ назначенъ Массена. Дюмербіонъ и всѣ отдѣльныя управленія его территоріальной арміи, какъ артиллерійское, инженерное, и проч., должны были, по сущности лежавшихъ на нихъ обязанностей, всѣмъ снабжать этотъ корпусъ, но вмѣшиваться въ распоряженія его командира они не имѣли правъ. Это послѣднее было и не ихъ дѣло: они, а въ томъ числѣ и „начальникъ артиллеріи итальянской арміи", генералъ Бонапартъ, были только территоріальными администраторами, но не руководителями и не исполнителями экспедиціи, что́ вообще всецѣло было на отвѣтственности Массены, который являлся, въ данномъ случаѣ, вполнѣ самостоятельнымъ начальникомъ.

Уже одного этого факта, вытекавшаго изъ тогдашней французской военной организаціи, о чемъ не знали, или не желали знать историки Наполеона,—не говоря уже о томъ, что онъ и прибылъ въ Ниццу всего за трое сутокъ до начала кампаніи,—достаточно, чтобы понять, что никакого участія въ подготовкѣ къ ней онъ принять не могъ, еслибы даже того самъ или другіе и желали: было уже поздно! И поздно оказывалось тѣмъ болѣе, что и самый планъ кампаніи былъ разработанъ уже въ 1793 г., и ранѣе не былъ исполненъ по разнымъ политическимъ обстоятельствамъ, а главное по слабости и неустройству итальянской арміи, которая только въ началѣ 1794 года приведена была въ состояніе, дозволившее ей открыть военныя дѣйствія. Но и такимъ своимъ состояніемъ итальянская армія была обязана, вовсе не Дюмербіону и, тѣмъ болѣе, не Бонапарту, а распорядитель-

ности управлявшаго тогда военно-организаціонными дѣлами, Дюбуа-де-Крансе,—съ одной стороны, а съ другой настойчивости и заботамъ Робеспьера младшаго... Такъ, по крайней мѣрѣ, удостовѣряютъ архивные документы, по которымъ оказывается, что Робеспьеръ младшій, занимая постъ коммиссара конвента, а, въ сущности, бывши почти диктаторомъ въ итальянской арміи, умѣлъ превосходно пользоваться могущественною властью своего „старшаго" брата на пользу этой арміи, да и вообще былъ человѣкомъ замѣчательнымъ не одною только своею трагическою кончиною, и не тѣмъ, что былъ братомъ своего „старшаго брата", а также—по уму, политической прозорливости, по энергіи и высокой честности...

Но, быть можетъ, Бонапартъ помогъ Массенѣ, во время его кампаніи, какимъ-нибудь совѣтомъ, указаніемъ,—такъ сказать, со стороны? И того нѣтъ, такъ какъ, во все время кампаніи и даже мѣсяцъ спустя, Бонапартъ, занятый поправкою и возведеніемъ новыхъ приморскихъ баттарей и снабженіемъ дѣйствующаго корпуса всякимъ артиллерійскимъ довольствіемъ, даже не присутствовалъ въ сраженіяхъ ни подъ Саорджіо, ни при Тенде, въ чемъ можно убѣдиться, какъ изъ его собственной, тогдашней, корреспонденціи, такъ и изъ его распоряженій, доказывающихъ,—что, прибывъ 9-го апрѣля въ Онелія, наканунѣ занятое Массеною, 20-го апрѣля онъ былъ уже обратно въ Ниццѣ, гдѣ все время и оставался...

Къ этому же времени, въ Ниццу, прибыла и семья Бонапарта, съ которой прибылъ и его братъ, Люціанъ-Брутъ. Отсутствовалъ только Іосифъ, перешедшій теперь на службу въ тулонскій морской коммиссаріатъ и собиравшійся вступить въ бракъ съ дѣвицей Клари, къ которому уже дѣлались широкія приготовленія.

Вообще въ Ниццѣ въ это время собралось многочисленное общество молодыхъ дамъ: г-жа Массена, жены коммиссаровъ, сестры Бонапарте и Робеспьера, и друг. Арміи республики торжествовали тогда повсюду; а потому, не смотря на терроръ во Франціи, въ укромной Ниццѣ веселились на-пропалую: балы, вечера и всякія празднества смѣнялись одни другими. Принялъ въ нихъ участіе и суровый генералъ Бонапартъ, вообще повеселѣвшій съ Тулона, хотя все еще худой, болѣзненный на видъ, дурно и неряшливо одѣвавшійся и производившій своими угловатыми манерами непріятное впечатлѣніе, а особенно на прекрасный полъ. Онъ сталъ поговаривать въ это время даже и о женитьбѣ. Но, разумѣется, не эти балы и празднества веселили въ дѣйствительности Бонапарта!

Блестящая кампанія Массены была только прологомъ къ дальнѣйшимъ, болѣе обширнымъ и важнымъ своими послѣдствіями военнымъ дѣйствіямъ, планы которыхъ уже заготовлялись. Пробудившійся военный геній Бонапарта усматривалъ теперь для себя широкія перспективы, тѣмъ болѣе, что все, какъ нарочно, слагалось самымъ благопріятнымъ образомъ для его разсчетовъ и надеждъ. Дюмербіонъ былъ постоянно боленъ; прочіе генералы, начиная съ Массены, находились на своихъ постахъ, вдали; уѣхалъ, еще послѣ сраженія подъ Саорджіо, въ Тулонъ и Саличетти съ Ареною и Червони для снаряженія экспедиціи въ Корсику. Робеспьеръ-младшій и Рикоръ оставались такимъ образомъ теперь одни. Посредствующихъ лицъ между ними и Бонапартомъ не оказывалось. Прежнія пріятельскія отношенія, существовавшія между ними и Бонапартомъ, обратились теперь въ самую интимную дружбу. А чего Бонапарте не могъ достичь чрезъ посредство Робеспьера-младшаго?!. Съ этихъ собственно поръ и начинается дѣйствительно дѣятельная и выказывающая всѣ способности роль Бонапарта, мечтавшаго уже о чинѣ генералъ-лейтенанта, въ которомъ онъ вступитъ въ командованіе арміей, назначенной для выполненія плана кампаніи, разработаннаго имъ съ Робеспьеромъ; это несомнѣнно и осуществилось бы, еслибы термидорскій переворотъ не превратилъ на нѣкоторое время въ прахъ всѣхъ его надеждъ и разсчетовъ.

20-го мая 1794 года, происходитъ въ Кольмарѣ свиданіе начальниковъ и коммиссаровъ альпійской и итальянской армій. Бонапартъ съ Робеспьеромъ не только въ немъ участвуютъ, но успѣваютъ убѣдить и принять свой планъ, т.-е. планъ, составленный Бонапартомъ. Политическія обстоятельства заставляютъ, однако, измѣнить этотъ первый планъ. Тогда на Бонапарта же возлагается составленіе второго плана, который онъ, вмѣстѣ съ Робеспьеромъ, и изготовляетъ 31-го мая. Но, вновь полученныя извѣстія о намѣреніяхъ союзниковъ, пьемонтцевъ, австрійцевъ и англичанъ понуждаютъ перемѣнить и второй планъ. Бонапартъ съ своимъ другомъ тотчасъ же разрабатываютъ третій.

Но для осуществленія этого третьяго плана, отлично задуманнаго, требуются: съ одной стороны,—личные переговоры съ высшими военными властями въ Парижѣ и, прежде всего съ самимъ Робеспьеромъ-старшимъ, съ другой же—уясненіе политическихъ отношеній съ Генуей, а главное—изученіе предстоящаго театра войны. Для выполненія перваго требованія, очевидно, надобна особая коммиссія въ Парижъ, а для второго — миссія въ Геную. Но кто же можетъ лучше исполнить миссію въ Парижѣ,

какъ не Робеспьеръ-младшій, котораго, кстати, вызывалъ туда и братъ? И кого же лучше послать съ миссіею въ Генуя, какъ не генерала Бонапарта? И вотъ, первый, забравъ съ собою всѣ планы, а равно—„записки“, „замѣчанія и размышленія“ послѣдняго, скачетъ въ Парижъ, чтобы какъ можно скорѣе вернуться и приступить къ осуществленію предложеннаго итальянскаго похода, а послѣдній отправляется въ Генуя. Въ большую свиту, сопровождающую Бонапарта, назначаются, между прочими, какъ знающіе итальянскій языкъ, Іосифъ и Буонаротти, новый другъ Бонапарте, тосканецъ по рожденію, прямой потомокъ Микель-Анджело, по должности—кригсъ-коммиссаръ итальянскихъ земель, занятыхъ французскою арміею, а по убѣжденіямъ—пламенный поборникъ освобожденія Италіи, мечтавшій о свободномъ союзѣ всѣхъ латинскихъ народовъ.

Въ первыхъ числахъ іюля, друзья, Бонапартъ и Робеспьеръ, разъѣзжаются въ надеждѣ на скорое свиданіе, которое, однако, вопреки всѣхъ ихъ чаяній, должно было превратиться въ вѣчную разлуку.

Здѣсь опять нельзя невольно не остановиться на легковѣріи, съ которымъ самъ Ланфрэ, положась на слова Наполеона, разсказываетъ объ „отказѣ“ послѣдняго на предложеніе, сдѣланное, будто бы, ему Робеспьеромъ-младшимъ, предъ отъѣздомъ въ Парижъ,—занять мѣсто Генріо, начальника вооруженныхъ парижскихъ силъ, въ виду предстоявшей борьбы съ комитетами, и что отказъ этотъ былъ сдѣланъ, будто бы, „по отвращенію“ Наполеона къ жестокостямъ Робеспьера, а также „въ предвидѣніи“ несомнѣнно близкаго паденія послѣдняго. Но, оставляя въ сторонѣ сомнительное мягкосердечіе Бонапарта, подозрительное и самому Ланфрэ, который объясняетъ этотъ отказъ одною лишь тонкою расчетливостью со стороны Бонапарта,—замѣтимъ, что этого отказа не могло быть по той простой причинѣ, что не было самаго предложенія!..

Бонапартъ держался въ это время всѣми силами за братьевъ Робеспьеровъ, въ рукахъ которыхъ была вся его судьба, и, несомнѣнно, безъ колебаній исполнилъ бы все, что только оба они ему ни приказывали или ни предложили, а особенно старшій, въ милость котораго Бонапартъ всячески втирался, но который лично не зналъ его вовсе. Предвидѣть близкое паденіе Робеспьера и его системы,—когда послѣдній, видя нѣкоторыя тучи, собиравшіяся надъ нимъ, не предвидѣлъ этого и самъ,—Бонапарте, не знавшій тогда ничего о положеніи парижскихъ дѣлъ, — никакъ не могъ. Доказательствомъ тому, что Робеспьеръ былъ далекъ

отъ мысли о своемъ паденіи, служатъ, между прочимъ, его помѣтки на „запискахъ" и „размышленіяхъ" Бонапарта, привезенныхъ къ нему, вмѣстѣ съ планомъ кампаніи, его братомъ. Еслибы онъ опасался, не сегодня — завтра, своего паденія, что по тогдашнему, значило, и гибели, онъ не сталъ бы такъ внимательно разсматривать соображенія и планы будущей, далекой еще кампаніи; и какимъ образомъ человѣкъ этотъ сталъ бы отзывать изъ Италіи того, который, по аттестаціи его брата, былъ единственнымъ лицомъ, способнымъ выполнить эти планы? Еще менѣе возможно думать, чтобы предложеніе Бонапарту занять мѣсто Генріо могло исходить отъ Робеспьера младшаго. Преданный интересамъ итальянской арміи и весь поглощенный мыслію о планѣ предстоявшей ей кампаніи, онъ также вообще мало зналъ о положеніи вещей въ Парижѣ да и спѣшилъ туда не для поддержки брата,—и какую поддержку онъ могъ ему въ Парижѣ оказать!—а для представленія ему плановъ кампаніи, для исходатайствованія назначенія въ ней Бонапарта главнокомандующимъ, котораго онъ въ этихъ именно видахъ самъ же командировалъ и въ Геную. Могъ ли онъ при такихъ обстоятельствахъ предлагать Бонапарту ѣхать съ нимъ въ Парижъ, замѣщать Генріо?!—Наконецъ, помимо всего этого, онъ не могъ предлагать ему такого поста, требовавшаго полнаго довѣрія, еще и потому, что, при всемъ высокомъ мнѣніи о Бонапартѣ, Робеспьеръ младшій не имѣлъ, однако, къ нему безусловнаго довѣрія, что доказывается письмомъ его къ брату, отъ 5 апрѣля 94 года... „Къ числу патріотовъ, которыхъ я тебѣ назвалъ,—говорится въ этомъ письмѣ,—я отношу также гражданина Буонапарте, начальника артиллеріи, человѣка необыкновенныхъ способностей (d'un mérite transcendant); но онъ корсиканецъ, на преданность котораго, стало быть, можно разсчитывать столько же, сколько на преданность и другихъ его земляковъ, устоявшихъ противъ соблазновъ Паоли и лишившихся на родинѣ своихъ имуществъ"...

Изъ этого ясно, что вся исторія о предлагаемомъ назначеніи Бонапарта на мѣсто Генріо есть не болѣе, какъ сказка, сочиненная самимъ Бонапартомъ для затемненія своего прошлаго вообще, а корсиканско-патріотическихъ подвиговъ и интимныхъ отношеній съ террористами въ особенности. Но не смотря, однако, на эту и другія подобныя сказки, составленныя имъ самимъ и его панегиристами, близкія отношенія Бонапарта къ Робеспьеру-младшему и къ террористамъ, какъ равно идеи, съ которыми онъ носился въ эту пору, констатируются массою свидѣтельствъ, исходящихъ даже отъ его друзей, въ интересѣ которыхъ было бы

даже скрыть ихъ, не говоря уже о разсказахъ простодушныхъ людей, не видѣвшихъ въ лживыхъ выдумкахъ по этому предмету никакой для себя выгоды, какъ, напримѣръ, сестры Робеспьера. „Генералъ Бонапартъ, — говоритъ она въ своихъ запискахъ,— былъ республиканцемъ, даже болѣе—республиканскимъ монтаньяромъ. Такое впечатлѣніе производилъ онъ на всѣхъ своими воззрѣніями, по крайней мѣрѣ, во время моего пребыванія въ Ниццѣ. Впослѣдствіи побѣды ему вскружили голову; но когда онъ былъ артиллерійскимъ генераломъ въ Италіи, онъ былъ партизаномъ самой широкой свободы и истиннаго равенства. Его благоговѣніе къ моему старшему брату и дружба къ младшему, вѣроятно, и были поводомъ къ живому участію, которое онъ, сдѣлавшись консуломъ, принялъ въ моихъ несчастіяхъ, назначивъ мнѣ 3,600 фр. пенсіи“...

Въ Геную Бонапарте отправился 11-го іюля и прибылъ туда 16-го, а возвратился оттуда въ Ниццу 28-го іюля же. Оффиціальною цѣлью этой миссіи его, послужившей впослѣдствіи поводомъ къ его аресту, были выставлены Робеспьеромъ и Рикоромъ—переговоры съ генуэзскою республикою; дѣйствительною же цѣлію, неизвѣстною ни французскому консулу въ Генуѣ, ни Саличетти и прочимъ коммиссарамъ, заподозрѣвшимъ Бонапарта, Робеспьера и Рикора въ предательствѣ и измѣнѣ, была—военная рекогносцировка, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. Бонапартъ превосходно исполнилъ ее, пріобрѣтя массу тѣхъ свѣденій, которыя послужили ему впослѣдствіи къ блестящему выполненію кампаніи 96-го года, обратившей впервые на него вниманіе—не только Франціи, но и всей Европы.

О переворотѣ 9-го термидора (27 іюля) Бонапартъ узналъ 5 августа и, конечно, вмѣстѣ съ другими, близкими людьми къ Робеспьерамъ, пришелъ въ великое смущеніе и уныніе, а вовсе не въ тотъ азартъ, въ которомъ онъ, по утвержденію однихъ историковъ, задумывалъ-было идти на Парижъ, выручать Робеспьера, да и не въ то спокойное состояніе духа, которое приписываетъ ему Ланфрэ, ссылаясь на письмо къ Тилли, писанное имъ наканунѣ ареста и оканчивающееся словами: „меня огорчила катастрофа, случившаяся съ Робеспьеромъ-младшимъ, котораго я любилъ и считалъ честнымъ; но,—будь онъ мнѣ отцомъ,—я и тогда зарѣзалъ бы его, еслибы зналъ, что онъ помышляетъ о тираніи“.

Помышлять о походѣ на Парижъ Бонапартъ въ ту пору не могъ. Въ его способностяхъ, правда, не сомнѣвались уже тогда нѣкоторые близкіе къ нему люди, но въ арміи его тогда еще не

считали за что-либо особенное, или даже скорѣе считали просто за выскочку-корсиканца. Кто же бы пошелъ за нимъ? Что касается до письма къ Тилли (по поводу котораго издатели „Корреспонденціи“ спрашивали особаго соизволенія Наполеона III, включить въ нее это письмо или нѣтъ), то, оказывается, что оно, несомнѣнно, написано Бонапартомъ не до, а послѣ его ареста, въ видахъ понятныхъ и безъ объясненій!.. Тутъ, просто, былъ подлогъ, допущенный, конечно, пріятелями для вящшаго его обѣленія отъ идей, ставшихъ вдругъ неблагонамѣренными. Да и какъ, при нежданно-полученномъ извѣстіи о гибели Робеспьеровъ, не придти было Бонапарту въ смущеніе и уныніе, когда не прошло и четырехъ дней послѣ этого, какъ бумаги его были опечатаны, а самъ онъ, 10 августа, отправлялся подъ конвоемъ въ Антибъ, гдѣ 12-го уже сидѣлъ въ заключеніи, въ фортѣ Карре?!..

Что поѣздка Бонапарта въ Геную, — прикрытая неладно выдуманнымъ предлогомъ переговоровъ съ нею, затруднившимъ даже въ этомъ отношеніи положеніе тамошняго французскаго консула, — могла, при незнаніи коммиссарами ея настоящей цѣли, показаться имъ настолько подозрительною, чтобы сдѣлать распоряженіе объ арестѣ Бонапарта, — въ этомъ, едва ли, можно сомнѣваться. Но, кромѣ того, были несомнѣнно еще и другіе поводы, побудившіе коммиссаровъ къ такой мѣрѣ, не говоря уже о желаніи ихъ поскорѣе засвидѣтельствовать свою преданность новому правительству въ преслѣдованіи друзей падшаго. Поводы эти заключались въ непріязненныхъ отношеніяхъ, возникшихъ съ нѣкотораго времени между коммиссарами и Бонапартомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вошелъ въ дружбу съ Робеспьеромъ, онъ началъ свысока относиться къ своимъ прежнимъ друзьямъ, чѣмъ особенно возстановилъ противъ себя самолюбиваго и мстительнаго Саличетти, который, воспользовавшись теперь удобнымъ случаемъ, и далъ своему зазнавшемуся protégé и земляку надлежащій урокъ.

По отсутствію всякихъ уликъ и по полученіи отъ Бонапарта декламаторско-патетическаго посланія, выражавшаго, вообще, его покорность (чего, кажется, только и ждалъ Саличетти, не желавшій губить земляка, а потому и отправившій его въ заключеніе въ Антибъ, а не въ Парижъ, подъ горячую расправу), Бонапарту, 24-го августа, была возвращена свобода, хотя и безъ возстановленія въ его должности.

Какъ ни отрекался онъ теперь отъ своихъ связей съ террористами, подобно тому, какъ раньше отрекся отъ Паоли, Поццо-ди-Борго и другихъ, не исключая даже и своего отца, друга и единомышленника Буттафуоко, тѣмъ не менѣе положеніе Бона-

парта, послѣ освобожденія, оказывалось крайне неопредѣленнымъ. Не зная, какъ быть, онъ, видимо, находился въ колебаніи и, кажется, подумывалъ даже объ удаленіи куда-нибудь.

Но непріятности такого положенія Бонапарта при арміи, при которой онъ теперь только числился, суждено было еще болѣе увеличиться. 7-го сентября этой арміи повелѣно было открыть военныя дѣйствія. Дѣйствія эти должны были совершиться по его же плану, а ему приходилось быть только безучастнымъ зрителемъ подвиговъ другихъ, пользовавшихся плодами его же труда!.. Вскорѣ, однако, Бонапартъ могъ утѣшиться. Чрезъ двѣ недѣли едва открывшіяся военныя дѣйствія были остановлены, а часть войскъ направлена къ Тулону, гдѣ должна была быть въ скоромъ времени снаряжена морская экспедиція, по мнѣнію однихъ, —въ Корсику, по мнѣнію другихъ (какъ было и въ дѣйствительности) противъ Тосканы и Рима, а самъ Бонапартъ,—благодаря опять своему доброму генію, тому же Саличетти, съ которымъ онъ успѣлъ уже примириться,—былъ назначенъ начальникомъ артиллеріи экспедиціоннаго корпуса, названнаго „средиземнымъ“. По прибытіи въ Тулонъ, Бонапартъ немедленно вступилъ въ свою новую должность, внося въ нее, по обыкновенію, всю свойственную ему сообразительность и необыкновенную энергію.

Сборы въ экспедицію, начатые въ сентябрѣ 1794 года, затянулись, однако, до марта слѣдующаго года. Бонапартъ собирался уже перевезти въ Тулонъ семью, которая, слѣдуя за нимъ по пятамъ, проживала теперь въ Антибѣ; успѣлъ, благодаря дружбѣ, которую онъ не замедлилъ свести съ новымъ правительственнымъ коммиссаромъ, Тюрро, доставить брату Людовику,—будто бы, „неоднократно раненому въ сраженіяхъ“, въ которыхъ тотъ и не бывалъ, — чинъ артиллерійскаго поручика, а Бруту-Люціану—мѣсто инспектора военныхъ транспортовъ... Но, наконецъ, получилось 26-го февраля и столь нетерпѣливо ожидаемое Бонапартомъ приказаніе объ отправкѣ экспедиціи, и, къ великой его радости,—для завоеванія отпавшей Корсики. Первоначальная цѣль экспедиціи противъ Рима и Тосканы теперь была покинута, такъ какъ одно снаряженіе ея произвело уже на римскую курію и тосканскій дворъ надлежащее давленіе.

3-го марта, Бонапартъ, сопровождаемый Людовикомъ, Мармономъ и другими лицами своего артиллерійскаго штаба, сѣлъ на бригъ „Дружба“. 11-го, эскадра, съ экспедиціоннымъ корпусомъ, отплыла изъ Тулона, но вскорѣ встрѣтилась съ англійскимъ флотомъ, которымъ была разбита и разсѣяна. Послѣ этого, корсиканскую экспедицію приходилось бросить, а „средиземный“ кор-

пусъ расформировать, распустивъ и весь начальническій его персоналъ. Опять Бонапартъ остался безъ мѣста,—опять, впрочемъ, не надолго.

26-го марта, Комитетъ Общаго Блага узналъ о несчастіи, постигшемъ тулонскую эскадру, а 27-го, членъ этого Комитета, Лакомбъ-Санъ-Мишель, вывезшій изъ Корсики самое неблагопріятное о Бонапартѣ мнѣніе, настойчиво уже просилъ безотлагательнаго распоряженія военнаго министра о командированіи Бонапарта, для командованія артиллерійскою частью въ западной арміи. 5 апрѣля, Бонапартъ зналъ о своемъ перемѣщеніи. Причины перевода Бонапарта заключались въ чисто административныхъ соображеніяхъ новаго правительства, а также и въ желаніи нѣсколько растасовать „вѣрныхъ“ корсиканцевъ, слишкомъ уже скучившихся въ итальянской арміи, двусмысленный патріотизмъ которыхъ, съ наклонностью къ наживѣ, сталъ внушать къ нимъ порядочное подозрѣніе въ правительствѣ. Перевели съ юга, въ числѣ прочихъ его соотечественниковъ, и генерала Бонапарта,—тѣмъ болѣе, что, помимо Лакомба, даже и главный начальникъ его, Шереръ, вообще аттестовывалъ его не особенно, говоря: „генералъ этотъ обладаетъ дѣйствительными познаніями по своей спеціальности, но, по честолюбію, наклоненъ къ интригѣ“.

Слѣдуетъ замѣтить, что, вопреки утвержденію панегиристовъ, и самъ Бонапартъ относился къ своему переводу, въ началѣ, не только безъ печали, но даже съ нѣкоторою радостью. Дѣло въ томъ, что изъ всей Франціи онъ зналъ въ то время только ея южный уголокъ; а здѣсь реакціонныя мѣры новаго правительства, вмѣстѣ со слухами о монархической реставраціи, стали производить такое впечатлѣніе, что начались уже сильные толки о ниспроверженіи вновь установившагося порядка вещей и о возвратѣ къ конституціи 93 года, т.-е., ко временамъ Робеспьера. Бонапартъ полагалъ, что движеніе это—обще всей Франціи, а стало быть и Парижу. Желѣзная, неумолимая диктатура Робеспьера,—не смотря на всѣ разувѣренія Бонапарта, — была ему по сердцу: она была его натурой. Онъ ѣхалъ въ Парижъ съ затаенными надеждами на возвратъ этой диктатуры, при которой онъ такъ солидно успѣлъ опериться, и отъ которой больше, чѣмъ отъ чего-либо, ждалъ для себя всего.

„Человѣку этому,—писалъ о Бонапартѣ старый его пріятель, военный коммиссаръ Сюси,—предстоитъ, либо — тронъ, либо — эшафотъ. Другого выхода для него я не понимаю!...“ За рѣшеніемъ этой ли именно дилеммы ѣхалъ теперь въ Парижъ генералъ Бонапартъ? — сказать трудно, но что, отъѣзжая 2-го мая

изъ Марсели, въ сопровожденіи Людовика, Мармона и Жюно, онъ былъ уже вполнѣ готовъ взяться за рѣшеніе ея, то доказали послѣдствія.

XXV.

По мѣрѣ того, какъ Бонапартъ приближался къ Парижу, сомнѣнія относительно надеждъ на контръ-революцію, съ какими онъ выѣхалъ изъ Марсели, все больше и больше начали одолѣвать его: до того настроеніе умовъ мало соотвѣтствовало тому, что, судя по югу, онъ ожидалъ встрѣтить здѣсь. Но еще въ большее недоумѣніе привело его въ этомъ отношеніи парижское общество, которое съ увлеченіемъ торжествовало теперь побѣды армій республики, пировало, веселилось и щеголяло,—не только не думая о возвратѣ къ режиму 1793 года, но, напротивъ, настойчивѣе, чѣмъ когда-либо, требуя покоя, гуманности и всякихъ свободъ. Правда, народныя массы, предмѣстья, относились къ дѣлу не совсѣмъ такъ. Но откуда же о томъ могъ знать только-что прибывшій Бонапартъ, вообще тогда еще мало знавшій Парижъ.

Во всякомъ случаѣ, разстаться съ мечтами, съ которыми онъ ѣхалъ сюда, еще не разобравшись хорошенько во всемъ окружавшемъ, ему не хотѣлось. — Торопиться поѣздкою къ новому мѣсту своего назначенія, въ Реннъ, Бонапартъ находилъ для себя излишнимъ. Тамъ шло „усмиреніе“, — война „своихъ противъ своихъ“; и Бонапартъ призналъ необходимымъ, до разъясненія не совсѣмъ понятнаго для него положенія дѣлъ, остаться въ Парижѣ, почему, немедленно по прибытіи, и испросилъ себѣ отпускъ до дня опубликованія составлявшагося тогда распредѣленія генераловъ по старшинству производства.

Получивъ отпускъ, Бонапартъ, помѣстившійся въ скромномъ отелѣ „Liberté“, приступилъ къ своимъ наблюденіямъ. Сначала онъ ограничилъ всѣ свои посѣщенія одною лишь г-жей Пермонъ, въ салонѣ которой собирались, однако, только лица, либо прямо приверженныя къ падшимъ террористамъ, какъ, напримѣръ, Роммъ, либо, по внѣшности, отшатнувшіяся, а на дѣлѣ оставшіяся ихъ поборниками, какъ Рикоръ, Тюрро, Саличетти и друг.—Всѣ они усердно работали теперь и на югѣ, и въ Парижѣ. Лозунгомъ ихъ было—возстановленіе конституціи 1793 года и, для того, возстаніе народныхъ массъ, по возможности, одновременное на югѣ и въ Парижѣ. 16-го, 17-го и 18-го іюля началось въ этихъ видахъ движеніе въ Марсели и въ Тулонѣ, а

20-го (1-го преріаля) оно бурною волною охватило и Парижъ. Былъ моментъ, когда монтаньяры, овладѣвшіе Собраніемъ, считали уже себя побѣдителями; но этотъ моментъ былъ не продолжителенъ: въ теченіе трехъ сутокъ возстаніе было подавлено, а на четвертыя послѣдовало уже распоряженіе объ арестѣ главнѣйшихъ участниковъ его, въ спискѣ которыхъ, за малымъ исключеніемъ, находились имена почти всѣхъ посѣтителей салона г-жи Пермонъ. Имени Бонапарта въ этомъ спискѣ не было. Былъ ли, однако, онъ участникомъ въ этомъ заговорѣ? Тайнымъ—несомнѣнно, но стоявшимъ не въ первыхъ рядахъ и дѣйствовавшимъ съ крайней осторожностью и выжидательно, почему онъ и вышелъ сухимъ изъ воды.

Саличетти былъ въ числѣ обвиненныхъ, но ему удалось счастливо избѣжать ареста, благодаря содѣйствію г-жи Пермонъ, которая, долго скрывая его у себя на дому, успѣла, наконецъ, тайно увезти его въ Бордо.

Во время этого таинственнаго путешествія она получила отъ Бонапарта письмо: „Не желая никогда слыть за простака, какимъ, пожалуй, сочли бы меня и вы, я не могу воздержаться,—пишетъ онъ,—чтобы не сказать вамъ, что я давно уже знаю, что Саличетти скрывается у васъ. Вспомните, г-жа Пермонъ, слова, сказанныя вамъ мною 1-го преріаля! Я и тогда уже зналъ о томъ, а теперь я знаю это положительно. Саличетти! Ты видишь, какъ я могъ бы расплатиться съ тобою за зло, когда-то сдѣланное мнѣ тобою? Чья лучше теперь роль, твоя или моя? Я могъ бы отмстить тебѣ, и не дѣлаю этого. Быть можетъ, ты скажешь, что благодѣтельница твоя служитъ уже въ этомъ случаѣ для тебя защитою. Правда, это обстоятельство для меня всесильно... Но— спасайся и ищи себѣ убѣжища, гдѣ въ тебѣ могли бы скорѣе заговорить истинныя чувства любви къ отечеству. Я останусь нѣмъ. Раскайся, а главное—пойми меня. Я стою того, потому что полонъ благородства и великодушія...“ — Письмо заканчивается пожеланіями г-жѣ Пермонъ и ея дочери всякаго благополучія и совѣтомъ, въ видахъ предосторожности, „не останавливаться въ большихъ городахъ“.

Подъ диктовку какихъ чувствъ могло быть писано это курьезное посланіе? Изъ чувства ли ревности къ Саличетти, находившагося, по слухамъ, въ нѣжныхъ отношеніяхъ съ г-жей Пермонъ, отвергавшею любовь Бонапарта, или, что вѣроятнѣе, письмо это было писано, подобно письму къ Тилли, съ тою заднею мыслью, чтобы оно, будучи какъ-либо по дорогѣ перехвачено, могло выгораживать своего автора отъ связей его съ монтанья-

рами?!.. Но подъ какими побужденіями ни писалось бы это письмо, во всякомъ случаѣ оно поражаетъ своей неумѣстной, неделикатностью, вообще не блестяще характеризующею „благородство и великодушіе“ его автора.

Если положеніе арестованныхъ и успѣвшихъ, такъ или иначе, избѣжать ареста монтаньяровъ становилось послѣ пораженія, понесеннаго ими въ майскіе дни, крайне мудренымъ, то не многимъ лучше оказывалось и положеніе бывшаго, а теперь вторично отрекавшагося отъ нихъ друга Бонапарта. Въ правительствѣ наступила реакція, а съ нею вступили въ члены комитета и люди старыхъ воззрѣній на вещи, какъ Обри и Жилле, которые тѣмъ менѣе были наклонны благопріятно относиться къ Бонапарту,—этому, по мнѣнію ихъ, чисто „революціонному выскочкѣ“, что его прошлое, затемняемое одною уже дружбою съ Робеспьеромъ, помрачалось еще и не важными аттестаціями о немъ начальства.

Говорить здѣсь, подобно панегиристамъ Бонапарта, о злобѣ къ нему Обри, истекавшей изъ чувства зависти, съ какою онъ, сорокалѣтній служака, смотрѣлъ на опередившаго его производствомъ молодого генерала, значитъ опять искажать истину. Обри былъ, прежде всего формалистъ, не желавшій отступать отъ существовавшаго закона относительно распредѣленія офицеровъ по арміи. А поэтому закону, Бонапартъ, какъ самый младшій изъ артиллерійскихъ генераловъ, по излишеству, ихъ въ артиллеріи, долженъ былъ быть переведенъ въ пѣхоту. Конечно, при общей ненормальности дѣлъ того времени, Обри могъ бы какъ-нибудь и обойти этотъ законъ. Но онъ не пожелалъ этого сдѣлать, и, 13-го іюня, появился декретъ, по которому Бонапартъ назначался командиромъ пѣхотной бригады въ западную армію Гоша.

Мы упомянули выше, что ему не хотѣлось ѣхать именно въ эту армію; но почему онъ, будущій великій полководецъ, смотрѣлъ на переводъ свой въ пѣхоту, какъ на кровную для себя обиду,—понять трудно. Бонапартъ, отправился съ объясненіями къ Обри; при чемъ, какъ говорятъ, на замѣчаніе послѣдняго о неосновательности его претензіи по одной уже его молодости, гордо отвѣчалъ: „въ бояхъ старѣются скоро“, что̀, будто бы, еще болѣе возстановило противъ него Обри. Все это могло быть, какъ и не быть вовсе; но только объясненія съ Обри не измѣнили разъ принятаго рѣшенія, и Бонапарту все-таки приходилось, или ѣхать въ Бретань, командовать пѣхотною бригадою, или искать благовиднаго предлога къ отсрочкѣ отпуска. Онъ выбралъ по-

слѣднее и выставилъ предлогомъ къ отсрочкѣ болѣзнь, требовавшую, по представленному медицинскому свидѣтельству, 30-ти дневнаго леченія въ Парижѣ.

30-ть дней пребыванія въ Парижѣ, въ ту пору перемежающейся политической лихорадки, переживаемой столицею міра, было для Бонапарта дѣломъ не малой цѣны. Мало ли чего, въ теченіе этого времени, не могло случиться?! Теперь онъ былъ уже не исключеннымъ изъ списковъ арміи поручикомъ, а генераломъ, хотя далеко еще не съ установившеюся, даже отчасти двусмысленною, репутаціею, но уже такимъ, имя и способности, котораго были не безъизвѣстны. Съ Корсикою счеты были сведены. Отечества у него теперь не было. Мѣнять друзей на враговъ—ему не стоило ничего. Теперь онъ „все свое носилъ съ собою", а это „все" были - голова и шпага, значеніе и силу которыхъ онъ уже понялъ, почему и готовился предложить на услуги тому, кто дастъ за нихъ дороже, увѣренный, что за спросомъ дѣло не станетъ и товаръ даромъ не пропадетъ.

Своей отсрочки Бонапартъ, конечно, не тратилъ попусту. Онъ хлопочетъ о семьѣ и о братьяхъ, потерявшихъ свои мѣста; думаетъ о пріобрѣтеніи конфискованныхъ эмигрантскихъ земель, сдѣлавшихся тогда предметомъ спекуляцій; пишетъ одновременно „историческія замѣтки на время съ 9-го термидора II-го года до начала IV-го"; „изслѣдованіе о причинахъ политическихъ волненій и раздоровъ"; „военныя замѣтки" и „записку о итальянской арміи", что все вмѣстѣ, не мѣшаетъ, однако, ему войти въ политическіе салоны г-жъ Талльенъ, Рекомье, Богарнэ, и сдѣлаться самымъ ревностнымъ посѣтителемъ отеля Барра, съ которымъ Бонапартъ вновь входитъ въ самыя интимныя связи.

О поѣздкѣ въ армію Гоша онъ теперь больше не хочетъ и думать, и когда приходитъ срокъ отпуска, то, не позаботившись даже надлежащимъ образомъ оформить свое ходатайство о новой отсрочкѣ, онъ только пишетъ, что „медикъ, пользующій его, подаетъ ему надежду, что 4-го августа онъ будетъ въ состояніи отправиться къ мѣсту своего служенія", и затѣмъ—преспокойно остается въ Парижѣ. За спиной у Бонапарта стоятъ теперь салоны Барра, Фрерона, которые въ случаѣ нужды его поддержатъ, а 4-го августа ему необходимо дождаться потому, что съ этимъ днемъ окончатся полномочія нерасположеннаго къ нему Обри, какъ члена комитета общественнаго блага.

Наступило 4-е августа, а съ нимъ и замѣна Обри и трехъ его сотоварищей четырьмя новыми, вступленія которыхъ Бонапартъ только и ждалъ, чтобы тотчасъ обратиться къ комитету

общественнаго блага съ прошеніемъ, или скорѣе съ жалобою на „несправедливую“ оцѣнку его заслугъ и отличій и „оскорбленія“, наносимыя, будто бы, ему по службѣ, въ подтвержденіе чего приводилъ даже имена трехъ артиллерійскихъ генераловъ, которые будучи „моложе“ его по службѣ, были тѣмъ не менѣе поставлены выше и предпочтены ему. Комитетъ препроводилъ эту жалобу на разсмотрѣніе въ исполнительную коммиссію, на которую эта жалоба, какъ невѣрнымъ изображеніемъ нѣкоторыхъ фактовъ, такъ еще болѣе своимъ тономъ заносчивости и инсинуаціи, произвела самое неблагопріятное впечатлѣніе.

Бонапартъ провѣдалъ объ этомъ обстоятельствѣ; чувствовалъ, что нѣсколько промахнулся и, не ожидая ничего добраго отъ своей жалобы, впалъ въ мрачное настроеніе духа, подъ вліяніемъ котораго, вѣроятно, и были имъ въ это время написаны нѣсколько пессимистическихъ писемъ къ Сюси и Іосифу и, между прочимъ, одно, кончающееся завѣреніемъ, что онъ до того нынѣ „презираетъ смерть и судьбу, что если такъ это продолжится, то онъ кончитъ тѣмъ, что не станетъ сторониться предъ проѣзжающимъ экипажемъ“.

Дѣла Бонапарта дѣйствительно начинали принимать дурной оборотъ, такъ какъ вскорѣ послѣ подачи своей жалобы и какъ бы въ предупрежденіе собиравшейся грозы, онъ получилъ отъ исполнительной коммиссіи краткое, но суровое предложеніе или отправиться немедленно къ мѣсту своего служенія, или же онъ будетъ безотлагательно замѣщенъ другимъ.

По полученіи этого предложенія, Бонапартъ тотчасъ же бросился, однако—не подъ экипажъ, но къ Барра, Фрерону и прочимъ своимъ друзьямъ, выставляя себя жертвою интриги, преслѣдующей его за вѣрность республиканскимъ убѣжденіямъ, и проч., и друзья сдѣлали то, что 20-го августа уже появилось распоряженіе, по которому генералъ Бонапартъ изъ западной арміи прикомандировался къ „коммиссіи составленія плановъ кампаній“.

Коммиссія эта состояла изъ четырехъ генераловъ, въ числѣ коихъ вошелъ и Бонапартъ; но это не помѣшало ему тотчасъ же писать Іосифу, что „онъ занялъ мѣсто Карно“. Въ сущности это былъ вздоръ, но вздоръ этотъ, переходя чрезъ брата изъ устъ въ уста, могъ возвышать его престижъ предъ простаками.

Со вступленіемъ въ новую должность, энергія и увѣренность въ себѣ Бонапарта, казалось, удесятерились.—Братьямъ онъ смѣло обѣщаетъ теперь мѣста. „Чтобы ни случилось, ты можешь отнынѣ быть покойнымъ за меня,—пишетъ онъ Іосифу. Я нахо-

жусь въ дружбѣ съ благомыслящими людьми всѣхъ партій и мнѣній"...—Въ коммиссіи своей онъ работаетъ неустанно и, между прочимъ, разрабатываетъ проектъ итальянской кампаніи, который вполнѣ одобряется, и составляетъ „записку о способахъ развитія военныхъ силъ Турціи для противудѣйствія занятію ея войсками европейскихъ монархій", что также одобряется, но не приводится въ исполненіе лишь потому, что Дульсе и Дебри находятъ „невозможнымъ" отпустить изъ Франціи такого человѣка, какъ генералъ Бонапартъ, предлагавшій взять на себя миссію въ Турцію.

Надежды и самоувѣренность Бонапарта растутъ, мечты становятся все радужнѣе. Онъ подумываетъ уже теперь о устройствѣ своей квартиры, о пріобрѣтеніи экипажа и лошадей и даже о женитьбѣ на сестрѣ жены Іосифа, дѣвицѣ Клари. Но, среди этихъ гордыхъ и нѣжныхъ мечтаній о будущемъ, вдругъ на Бонапарта набѣгаетъ опять новый шквалъ!

Дѣло въ томъ, что исполнительная коммиссія, по разсмотрѣніи жалобы его, представила, наконецъ, въ комитетъ общественнаго блага свое заключеніе, гдѣ, разбивая пунктъ за пунктомъ всѣ доводы Бонапарта, фактически доказывала, что даже указанія его на генераловъ, будто бы обошедшихъ его по службѣ, невѣрны, такъ какъ одинъ изъ нихъ находится уже въ офицерскихъ чинахъ 49 лѣтъ, другой 40, а третій 38, и притомъ, всѣ они участвовали въ кампаніяхъ! А въ подтвержденіе всего, коммиссія, въ числѣ прочихъ документовъ, приложенныхъ ею къ своему рапорту, представила комитету еще подробныя свѣденія о прохожденіи службы и самимъ Бонапартомъ, о его политическихъ связяхъ, а также и о настойчивомъ отказѣ его ѣхать въ западную армію не только въ качествѣ командира пѣхотной бригады, но и въ качествѣ артиллерійскаго генерала, какимъ онъ туда былъ сначала назначенъ [1]).

Ударъ былъ жестокъ и тѣмъ болѣе чувствителенъ, что сопровождался послѣдствіями, о какихъ Бонапарту, самому же и вызвавшему ударъ, не приходило и въ голову. А послѣдствія не заставили себя ждать, и 15-го сентября, въ тотъ самый день, какъ коммиссія по внѣшнимъ дѣламъ вносила въ Комитетъ Общественнаго Блага на утвержденіе одобренный ею проектъ миссіи генерала Бонапарта въ Турцію, изъ комитета уже исходилъ декретъ, „исключавшій его изъ списковъ генераловъ, находя-

---

¹) Не только панегиристы, но даже Ланфрэ также обходятъ этотъ фактъ, говоря о переводѣ Бонапарта въ пѣхоту прямо послѣ несостоявшейся экспедиціи въ Корсику, что невѣрно.

щихся на дѣйствительной службѣ за отказъ отправиться къ мѣсту служенія, на которое онъ былъ назначенъ".

Такимъ образомъ, не смотря ни на связи, ни на репутацію, которую онъ начиналъ создавать себѣ своими планами въ коммиссіи, въ которой онъ сталъ уже выдавать себя за Карно, Бонапартъ, вдругъ, оказывался теперь, по его собственному впослѣдствіи выраженію,—„выброшеннымъ на парижскую мостовую", да еще, прибавимъ, безъ средствъ, безъ положенія, и по мотивамъ весьма некрасиваго свойства. Паденіе Бонапарта было полное и даже, казалось, непоправимое. Но за нимъ стояли салоны и друзья, его ловкость и опытность въ интригахъ, а еще болѣе слѣпое счастіе, помогавшее ему до послѣднихъ дней его изумительной карьеры.

22-го сентября, была провозглашена новая конституція. Правительственная власть слабѣла, реакція усиливалась; роялисты все выше поднимали голову, приближался кризисъ, въ которомъ правительству приходилось для спасенія себя искать теперь опоры не только у республиканцевъ, но и у монтаньяровъ, такъ жестоко пораженныхъ въ дни 1, 2 и 3 преріаля. Изъ 11-ти генераловъ, находившихся въ ту пору въ Парижѣ, правительство могло положиться только на двухъ, на Беррюйе и упомянутаго раньше Карто, людей преданныхъ республикѣ, но совершенно ничтожныхъ. Какъ же при этомъ было не вспомнить о бывшемъ монтаньярѣ, генералѣ Бонапартѣ?..

12-го вандемьера (3 октября), утромъ, его вызвали для переговоровъ къ Барра, а въ ночь, съ 12-го на 13-е, въ $4^1/_2$ часа утра (все это прямо вопреки позднѣйшихъ разсказовъ о томъ самого Бонапарта) Барра назначенъ былъ главнокомандующимъ вооруженныхъ парижскихъ силъ и внутренней арміи, а генералъ Бонапартъ его помощникомъ.

Не станемъ повторять общеизвѣстнаго разсказа о 13 вандемьерѣ, этомъ первомъ дебютѣ на парижскихъ улицахъ генерала Бонапарта, который явился при этомъ въ роли защитника свободы и республики, съ быстротою и ловкостью подавившаго монархическій мятежъ. Барра, Фреронъ, не оставили безъ награды услуги своего друга и, по ихъ настоянію, генералъ Бонапартъ, вчера „выброшенный на парижскую мостовую", 25-го октября уже возводился въ чинъ генералъ-лейтенанта и назначался „главнокомандующимъ внутренней арміи". Но этимъ дѣло еще не ограничилось. Не проходитъ и нѣсколько дней, какъ новый главнокомандующій пишетъ уже брату Іосифу: „не безпокойся о нашей семьѣ: я уже послалъ ей до 60 т. ливровъ...",

а еще немного позже, отъ 25 декабря, онъ пишетъ ему же: „ты получишь желаемое тобою мѣсто консула... я только надняхъ получилъ 400 т. ливровъ для тебя..." Откуда появились теперь эти деньги у человѣка, наканунѣ нуждавшагося чуть не въ грошѣ, объ этомъ, впрочемъ, никакихъ документовъ въ архивахъ не оказывается, а потому позволительны лишь догадки, держащіяся на безошибочной оцѣнкѣ генераломъ Бонапартомъ своихъ „головы и шпаги..."

Положеніе, теперь занятое имъ, а особенно при томъ политическомъ значеніи, которое съ 13-го вандемьера начали получать вооруженныя силы въ дѣлахъ, относящихся до важнѣйшихъ внутреннихъ вопросовъ страны, давало Бонапарту несомнѣнный и огромный вѣсъ. Но, тѣмъ не менѣе, оно было невѣрно. Быстрое повышеніе Бонапарта, равнявшееся возрожденію изъ праха, возбуждало къ нему зависть и недоброжелательство. Подчиненные ему повиновались; но, за спиной, подсмѣивались надъ его прошлымъ, надъ его мнимыми или преувеличенными заслугами. Наверху къ нему относились съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, а въ массахъ его презирали и ругали, какъ корсиканца-кондотьери.

Бонапартъ былъ не такой человѣкъ, чтобы всего этого не понять и не почувствовать, что того, не искуственнаго, а естественнаго моральнаго авторитета, который самъ собою выпадаетъ на долю людей, оказавшихъ обществу дѣйствительныя услуги, за нимъ не было: да и откуда, въ самомъ дѣлѣ, было взяться этому авторитету?! Однимъ 13-мъ вандемьеромъ да реляціонными сказками о подвигахъ въ Италіи и подъ Тулономъ трудно было создать себѣ моральный авторитетъ. Съ этой поры онъ круто, по внѣшности, перемѣнился, накинувъ на себя маску какого-то оригинала, то недоступно молчаливаго, то говорливаго и не стѣснявшагося никѣмъ и ничѣмъ, и вообще какого-то необыкновеннаго существа, но, тѣмъ не менѣе, онъ себя не обманывалъ блескомъ своего настоящаго положенія и въ тайнѣ помышлялъ о другомъ, которое представляло больше устойчивости и въ то же время давало ему болѣе широкое поприще для славы, для авторитета, для карьеры, мечты о которой превращались теперь у него въ какую-то галюцинацію. А для этого, надобно было покинуть Парижъ; но тутъ являлся новый вопросъ: разъ онъ покинетъ Парижъ, кто же тогда постоитъ за него противъ злословія, которое, несомнѣнно, закипитъ вслѣдъ за нимъ, заметая и то немногое, что имъ было пріобрѣтено? Надо было устроиться такъ, чтобы, выигрывая внѣ Парижа, въ то же время не потерять

и тамъ: эта задача могла рѣшиться развѣ женитьбой, которая, служа залогомъ, обезпечивающимъ дальновидные разсчеты Бонапарта, въ то же время приносила бы ему непосредственныя выгоды. Но такая женитьба была дѣломъ тѣмъ болѣе труднымъ, что выборъ невѣстъ, совмѣщавшихъ въ себѣ всѣ условія, потребныя для Бонапарта, былъ не великъ и ограничивался всего двумя вдовами: г-жей Пермонъ и эксъ-маркизою де-Богарнэ. Первая, къ которой онъ прежде всего обратился, какъ къ землячкѣ и, притомъ, отрасли царственнаго дома Комненовъ, уклонилась отъ его искательствъ, говоря, что она скорѣе ему годится въ матери, нежели въ жены. Тогда онъ сдѣлалъ предложеніе второй, находившейся въ интимной дружбѣ съ Барра, тогда всесильнымъ, и поставившей условіемъ принятія предложенія—назначеніе Бонапарта главнокомандующимъ въ Италію. 7-е марта состоялось это назначеніе. 9-го марта былъ совершенъ бракъ Бонапарта со вдовою казненнаго генерала Богарнэ, Маріею-Жозефиною; а двое сутокъ спустя, новый главнокомандующій мчался уже въ Италію, покидая и Парижъ, и жену...

Но разсмотрѣніе дальнѣйшей карьеры Бонапарта, начавшейся съ выступленіемъ его въ роли главнокомандующаго, въ 1796 г., выходитъ уже за предѣлы настоящей статьи, имѣвшей цѣлью представить въ возможно-полномъ очеркѣ, на основаніи вновь собранныхъ Юнгомъ данныхъ, только первый періодъ жизни и дѣятельности Бонапарта до 1796 г., и о которомъ, до настоящаго времени, существуютъ самыя сбивчивыя, скудныя и невѣрныя понятія.

Не широкъ и не блестящъ по своему внутреннему содержанію этотъ первый періодъ жизни Бонапарта, но изученіе его имѣетъ важное историческое значеніе въ смыслѣ разъясненія и оцѣнки личности этого феноменальнаго человѣка, выступающаго уже въ немъ со всѣми отличительными чертами своего обширнаго ума, но ума парадоксальнаго, не составившаго себѣ никакого строго опредѣленнаго міровоззрѣнія, — своего характера, непреклоннаго лишь въ преслѣдованіи своихъ честолюбивыхъ цѣлей, но уклончиваго во всемъ, что съ ними не вяжется; наконецъ,—своего сердца, способнаго привязываться и къ идеямъ, и къ людямъ лишь до тѣхъ поръ, пока они могутъ быть ему полезными, а потому всегда готоваго жертвовать ими во имя своего личнаго интереса, своего—„я", которое даже въ пору ранней юности господствовало надъ всѣми его помыслами и поступками.

Объ этомъ періодѣ жизни Бонапарта, въ концѣ котораго онъ

выступаетъ на историческую сцену,—хотя и 27-ми лѣтнимъ, но, по закалу ума, характера и жизненному опыту, вовсе уже не молодымъ человѣкомъ,—до появленія книги Юнга не было точнаго и обстоятельнаго изслѣдованія. Дѣйствительно, объ этомъ періодѣ жизни Бонапарта, не смотря на всю его историческую важность, очень немногое можно найти даже у лучшаго и, безспорно, талантливѣйшаго историка Наполеона I, —о. Ланфрэ. Да и это немногое,—хотя, конечно, только по отсутствію данныхъ, которыя посчастливилось собрать Юнгу,—изображается у Ланфрэ либо фактически невѣрно, либо—не въ надлежащемъ освѣщеніи, что не разъ приводило почтеннаго историка къ выводамъ, столько же рутиннымъ, сколько и не согласнымъ съ его собственнымъ, серьезнымъ воззрѣніемъ на историческое значеніе Наполеона.

Мы не будемъ вдаваться въ разборъ сочиненія Ланфрэ, извѣстнаго и нашей публикѣ (хотя и въ неудовлетворительномъ переводѣ), ни проводить параллели между нимъ и новѣйшими изслѣдованіями Юнга, оставляя въ сторонѣ и всю исторію отношеній Бонапарта къ Паоли, и объясненія поводовъ къ послѣднему корсиканскому возстанію, начавшемуся, будто бы, во время отсутствія Бонапарта, вызваннаго мадаленскою экспедиціею, тогда какъ оно началось спустя три мѣсяца послѣ того, и многое другое, представляемое Ланфрэ, фактически не вѣрно,—остановимся лишь на характеристикѣ нѣкоторыхъ нравственныхъ сторонъ Бонапарта, въ которой Ланфрэ не отличается, впрочемъ, отъ Тьера, Минье и другихъ историковъ, насколько характеристика эта согласуется съ фактами и документами, собранными Юнгомъ? По этой характеристикѣ, признаваемой издавна за неподлежащую сомнѣнію, Бонапарту,—помимо всякихъ другихъ великихъ достоинствъ и недостатковъ,—приписываются „врожденныя" ему: „любовь къ порядку, ненависть къ революціоннымъ народнымъ движеніямъ и неодолимое влеченіе къ военному поприщу, къ войнѣ".

Если когда сказываются въ человѣкѣ врожденныя склонности, то, конечно, въ пору цвѣтущей молодости, и если въ чемъ онѣ выражаются, то, конечно, въ непреоборимыхъ стремленіяхъ, переходящихъ иногда въ необузданные порывы къ тому, безъ чего самое существованіе для человѣка становится несноснымъ бременемъ. Прослѣдивъ жизнь Бонапарта съ производства его въ офицеры до 1703 г., т.-е., съ 17-ти до 25-ти лѣтняго возраста, можно спросить, на основаніи чего можно усмотрѣть въ его личности всѣ эти „врожденныя" склонности, приписываемыя ему историками, даже такими, какъ Ланфрэ? „Любовь къ порядку!" Но въ чемъ-же выразилась она?..—Не въ пренебреженіи ли служ-

бою, доходившемъ до цинизма? Не въ попыткахъ ли его къ измѣнническому захвату цитадели Аяччіо? Наконецъ, не въ арестованіи ли имъ правительственнаго коммиссара, чтобы незаконно провести себя на выборахъ въ подполковники національной гвардіи. Объ этомъ послѣднемъ самъ Ланфрэ наивно замѣчаетъ, что „знай совѣтъ пятисотъ, наканунѣ 18 брюмера, эту черту изъ его жизни, то онъ не собрался бы въ С.-Клу"...

„Ненависть къ революціоннымъ движеніямъ?" Любопытно, что главнымъ аргументомъ, приводимымъ въ подтвержденіе этого историками, не исключая Ланфрэ, служитъ обыкновенно восклицаніе, вырвавшееся изъ устъ Бонапарта при видѣ занятія народомъ Тюльери, во время мятежа 10 августа: „зачѣмъ не выметутъ этой сволочи"!—Но, не говоря о сомнительности источника (записки Бурріена), изъ котораго почерпнута эта знаменитая фраза, и допуская даже, что она дѣйствительно была произнесена, развѣ одной фразы, случайно сказанной, достаточно для характеристики исторической личности, и развѣ для этого не вѣрнѣе обратиться къ ея дѣламъ? А изъ дѣлъ и поступковъ Бонапарта, по крайности, до 25-ти лѣтняго его возраста, положительно нельзя ни почему убѣдиться въ его „врожденной ненависти къ народнымъ движеніямъ". Да и съ кѣмъ онъ арестовывалъ Ле-Жайля и Мурати, съ кѣмъ собирался захватить цитадель? — все съ тою же „сволочью", которую хотѣлъ выметать изъ Тюльери...

При ближайшемъ ознакомленіи личности Бонапарта, надо убѣдиться, что въ немъ вовсе не было ни „врожденной" любви къ порядку, ни „врожденной" ненависти къ народнымъ движеніямъ, и онъ въ пору своей юности, какъ наканунѣ появленія на исторической сценѣ, былъ уже тѣмъ, кѣмъ навсегда и остался, т.-е. человѣкомъ, любившимъ то, что ему оказывалось выгоднымъ, и ненавидѣвшимъ то, что ему представлялось съ его честолюбивыми стремленіями несходнымъ, а потому, во всякую данную минуту, готовымъ, какъ выметать Тюльери отъ сволочи, такъ съ нею и захватить его,—какъ дружить съ террористами, такъ безпощадно ихъ разстрѣливать...

Наконецъ, всѣми приписывается ему безусловно „врожденное" влеченіе къ военной карьерѣ, къ войнѣ. Что выступивъ на эту дорогу, Бонапартъ проявилъ всѣ силы первокласснаго военнаго генія, это—внѣ сомнѣнія. Но былъ ли этотъ геній именно призваніемъ, неудержимо влекшимъ его къ военному поприщу,—или это была только одна изъ многихъ силъ, которыми такъ щедро природа надѣлила Бонапарта? Не была ли въ Бонапартѣ какая-либо другая сила, болѣе глубокая и господствующая?

Какъ ни странно, но, судя по первой, почти до сихъ поръ неизвѣстной дѣятельности Бонапарта, приходится невольно остановиться на послѣднемъ предположеніи и сказать: да, была въ немъ другая сила, долго заслонявшая силу его военнаго генія, которая и пробудилась въ немъ не сама собою, а только подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Настоящею, преобладающею надъ всѣми силами богатой натуры Бонапарта, была именно неутолимая жажда къ власти, съ которою въ головѣ его, съ ранней поры, связывались какія-то грандіозно-фантастическія идеи о перестроительствѣ, сначала—Корсики, потомъ, — по мѣрѣ успѣховъ,— Франціи, Европы, а за тѣмъ—и цѣлаго міра. Хороша или худа была эта жажда; худы, хороши, стары или новы были эти идеалы Бонапарта, это—другой вопросъ. Но только они были, въ дѣйствительности, его врожденною особенностью, неодолимо влекшей его за собою, подчиняя и приспособляя къ себѣ всѣ остальныя его умственныя силы, а въ томъ числѣ и военный талантъ.

Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ присмотрѣться безъ предубѣжденія къ главнѣйшимъ чертамъ перваго періода жизни Бонапарта, чтобы убѣдиться въ томъ.

Въ Бріеннѣ, Бонапартъ, до послѣдней минуты своего тамъ пребыванія, готовится къ морской службѣ и попадаетъ на другую дорогу, на которой впослѣдствіи является тѣмъ, чѣмъ были Аннибалъ и Цезарь,—не только случайно, но противъ его воли. За тѣмъ проходитъ семь лѣтъ, — и Бонапартъ ходатайствуетъ опять о переводѣ его на службу въ море.—Охотно допускаемъ, что стремленія его къ морю въ бріеннской школѣ были юношескимъ увлеченіемъ, навѣяннымъ совѣтами отца и гр. Морбефа. Но не было уже такимъ увлеченіемъ его ходатайство о томъ же, семь лѣтъ спустя, на другой день послѣ того, когда онъ производился на 24 году жизни въ капитанскій чинъ. Неудача этой попытки, правда, не огорчила Бонапарта. Но сама попытка служитъ неоспоримымъ доказательствомъ равнодушія Бонапарта къ военной карьерѣ.

Къ такому же заключенію невольно приводитъ и самое прохожденіе имъ своей службы. До самаго бѣгства изъ Корсики, въ 1793 г., Бонапартъ только изрѣдка наѣзжаетъ въ полкъ, да и то лишь за тѣмъ, чтобы поскорѣй вновь испросить себѣ отпускъ и уѣхать къ себѣ на родину. — Что же онъ дѣлаетъ въ полку во время своихъ рѣдкихъ посѣщеній его? Онъ кое-какъ отбываетъ скучную для него службу. Свою артиллерійскую спеціальность онъ знаетъ настолько, что профаномъ въ ней счи-

таться не можетъ. Извѣстно ему и военное искусство вообще. Съ товарищами онъ держится поодаль, едва только знакомъ съ ними. Да и что ему въ этихъ товарищахъ? Его мысли занимаютъ, а душу мучатъ—не эти, а иные вопросы, за рѣшеніемъ которыхъ онъ бѣжитъ—къ учителямъ, прокурорамъ, адвокатамъ, коммиссарамъ, аббатамъ, и проч., а отъ нихъ — въ свой полунищенскій уголъ, гдѣ просиживаетъ ночи за чтеніемъ философовъ, историковъ, экономистовъ, юристовъ и т. д., и гдѣ самъ пишетъ сочиненія на всевозможныя темы, за исключеніемъ только военныхъ. Это и понятно. Для будущаго перестроителя, на первое время, хотя бы Корсики, необходимо знать все, но разумѣется, прежде всего—философію, исторію, экономическія науки, и проч., а за тѣмъ, въ извѣстной мѣрѣ, и военное дѣло, такъ какъ можетъ пригодиться и оно!..

Таково же препровожденіе времени Бонапарта и на родинѣ. Разница лишь въ томъ, что тамъ у него меньше времени для излюбленныхъ занятій, чѣмъ въ полку, о которомъ онъ тутъ окончательно забывалъ со всею его службою, отдаваясь всецѣло политической борьбѣ, интригамъ и заговорамъ.

Гдѣ же во всемъ этомъ можно усмотрѣть „врожденное" влеченіе Бонапарта къ военному поприщу? И какимъ образомъ въ артиллерійскомъ капитанѣ, уклонявшемся не только отъ скуки гарнизонной службы, но даже не поѣхавшаго въ полкъ, когда тотъ, въ 1792 г., выступалъ уже въ военный походъ, можно признавать это влеченіе неодолимымъ? Что бы ни говорили историки, а Бонапартъ очутился на военномъ поприщѣ—не вслѣдствіе призванія, а въ силу неодолимыхъ обстоятельствъ, не оставлявшихъ для него, въ 1793 г., уже никакого другого выбора.

Но откуда же взялись у него тѣ познанія въ военномъ дѣлѣ, безъ которыхъ онъ не могъ же такъ быстро прославиться удивить и устрашить міръ?—Военный геній былъ несомнѣнно однимъ изъ даровъ, данныхъ ему природою, а что касается до военныхъ познаній, какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ то, — вопреки собственнымъ увѣреніямъ Бонапарта,—они, при вступленіи его на военное поприще въ 1793 г., не были вообще—ни широки, ни глубоки, да другими и быть не могли, по той простой причинѣ, что, до этой поры, онъ былъ занятъ не столько ими, сколько политической борьбой и пріобрѣтеніемъ энциклопедическихъ свѣденій, а особенно философскихъ и политико-историческихъ, съ запасомъ которыхъ онъ и выступилъ на военную сцену. А запасъ этихъ свѣденій,—хотя дурно класси-

фицированныхъ, былъ у него, вообще говоря, очень великъ и до того расширялъ горизонтъ его сильнаго ума, что Бонапартъ, съ его желѣзною волею и пониманіемъ человѣческихъ страстей,— не только успѣлъ быстро усвоить себѣ важнѣйшія стороны военнаго искусства, но и сдѣлаться въ немъ творцемъ и первокласнымъ мастеромъ. Но,—замѣчательно, что хотя онъ впослѣдствіи и гордился ролью великаго полководца, но до конца жизни не переставалъ смотрѣть на нее, какъ на второстепенную, предназначенную служить для другой, высшей, въ которой собственно и видѣлъ все свое провиденціальное призваніе.

Въ этой самооцѣнкѣ Наполеонъ былъ болѣе правъ, чѣмъ его историки и комментаторы. Въ его личности, дѣйствительно, на первомъ планѣ всегда стоялъ — политическій карьеристъ и необузданный честолюбецъ-мечтатель, а полководецъ помѣщался уже на второмъ. Въ одномъ, при своей самооцѣнкѣ, ошибался Наполеонъ, — не беремся рѣшать, искренно или нѣтъ, — но что лучше его поняли и оцѣнили въ немъ и Ланфрэ, и Шлоссеръ. и другіе историки, и что̀ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе начинаетъ входить въ сознаніе народовъ, а особенно французскаго. Говоримъ о величіи идей и плановъ, на основаніи которыхъ Наполеонъ считалъ себя призваннымъ перестроить и осчастливить, — если не цѣлый міръ, то, по крайней мѣрѣ, Францію и Европу, внеся въ ихъ жизнь новыя и до него, будто бы, невѣдомыя никому начала.

Въ военное искусство онъ несомнѣнно внесъ новыя начала, но во всемъ остальномъ, къ чему онъ считалъ себя призваннымъ, онъ не сдѣлалъ и не предполагалъ сдѣлать ровно ничего новаго, что̀ въ разныя времена и въ разныхъ видахъ не дѣлалось и не предполагалось сдѣлать для благополучія человѣчества Кирами и Даріями Гистаспами, Цезарями и Тамерланами и т. д.

Въ заключительной главѣ своей книги Юнгъ задается тремя вопросами: каково было вообще воздѣйствіе Бонапарта на французскія военныя учрежденія, и не сохраняется ли оно до нынѣ. Сто̀итъ ли слава, принесенная имъ Франціи, всѣхъ тѣхъ бѣдствій, какія за нее пришлось ей перетерпѣть,—и на кого, въ концѣ концовъ, должна пасть отвѣтственность?

Вліяніе Бонапарта на военныя учрежденія Франціи, а особенно на армію, Юнгъ вообще находитъ гибельнымъ, такъ какъ Бонапартъ, хотя и покрылъ ее славою, но въ то же время внесъ въ нее страсть къ карьеризму, жажду къ наживѣ, наклонность

къ искательству и вообще, принизивъ въ ней высшія умственныя интересы, замѣнилъ ихъ духомъ мелкаго воинскаго авантюризма и кондотьерства, что, все вмѣстѣ, и привело ее къ столь роковымъ послѣдствіямъ.

Не особенно преклоняется Юнгъ и предъ славою Бонапарта, которая, прогремѣвъ на цѣлый міръ, не спасла, однако, Францію отъ величайшихъ униженій, и разоренія. „Лучше, — говоритъ онъ,—немного поменьше славы для военныхъ вождей, но немного побольше счастія для народа, это—гораздо важнѣе“.

Что касается вопроса объ отвѣтственности Бонапарта, то Юнгъ не колеблясь, говоритъ, что во всякомъ случаѣ отвѣтственность за все зло, причиненное Бонапартомъ Франціи, должна падать — не столько на него, сколько на общество и государство. Кто-же, какъ не они, такъ именно воспитали этого человѣка, который, при своихъ необыкновенныхъ способностяхъ, могъ бы разыграть въ жизни болѣе завидную роль? Кто какъ не они, при своемъ безобразномъ устройствѣ, дурно повели, избаловали его своими похвалами и, наконецъ, дали въ руки его ту власть, при которой онъ могъ все желать и дѣлать, что ни пришло бы въ его голову?..

„Хорошо еще,—заканчиваетъ онъ, — что бѣды, причиненныя имъ—не непоправимы. Съ точки зрѣнія историческихъ эволюцій, Бонапартъ не можетъ быть сочтенъ за выразителя—ни вѣка, ни движенія, ни идеи. Это былъ феноменъ, случай,—и только. Но онъ повлекъ, однако, за собою и другой, послѣдствія котораго мы знаемъ. Остережемся же третьяго, такъ какъ этотъ былъ бы уже—смертельнымъ“.

Н. Д.

ИЗЪ ТЕННИСОНА

Когда подъ каменной могильною плитою
Холоднымъ, вѣчнымъ сномъ, дитя, я буду спать,
Не приходи своей нелѣпою слезою
И сожалѣньями покой мой отравлять
И раздражать мой прахъ. Пусть надъ моей могилой
Совы зловѣщій крикъ звучитъ въ глухую ночь,
Пусть вихрь надъ ней реветъ и воетъ съ злобной силой,
Но ты — не приходи! Прочь! Прочь!

Тяжка-ль вина твоя передо мной, легка ли,
Ахъ, что мнѣ въ томъ, дитя!.. Измученную грудь
Вѣдь все равно въ конецъ страданья истерзали.
Я изнемогъ душой. Я жажду отдохнуть
И успокоиться. Люби же, будь любима,
Созданье жалкое, ты, слабой Евы дочь!..
Но дай мнѣ отдохнуть... Такъ проходи же мимо
И не тревожь меня въ могилѣ. Прочь!

Ч.

ИСТОЧНИКИ
МАТЕРІАЛИЗМА

Матеріалистическія воззрѣнія, говоритъ Ланге [1]), столь же стары, какъ и философія, но не старѣе.

Несомнѣнно, что воззрѣнія и образъ дѣйствій первобытнаго и вообще не-культурнаго человѣка, или, иначе говоря, суевѣрные понятія и обряды могутъ быть приведены въ систему и образуютъ на самомъ дѣлѣ систему. Въ этомъ смыслѣ можно, конечно, говорить и о философіи суевѣрій, но, изъ словъ Ланге видно, что онъ философію начинаетъ лишь съ начатковъ греческой философіи. Я попытаюсь поэтому привести здѣсь доказательства въ пользу того положенія, что матеріалистическія воззрѣнія гораздо древнѣе греческой и всякой другой философіи, или, иными словами, что матеріализмъ составляетъ основную черту суевѣрія.

Извѣстно, что, по воззрѣніямъ первобытныхъ народовъ, качества пищи передаются потребляющимъ эту пищу, и, въ особенности, дѣтямъ. Считаю излишнимъ останавливаться на этихъ фактахъ, такъ какъ они общеизвѣстны и ихъ можно найти, между прочимъ, у Лёббока Приведу только одинъ примѣръ изъ области русскихъ суевѣрій: возбраняется давать дитяти, покуда не минетъ ему года, кусокъ рыбы, такъ какъ онъ можетъ остаться нѣмымъ. Иначе говоря: рыбья природа будетъ передана ребенку, который съѣстъ кусокъ рыбы. Очевидно, качества рыбы признаются, по народнымъ воззрѣніямъ, присущими тѣлесной органи-

[1]) Geschichte des Materialismus. I. S. 3.

заціи рыбы. Насколько свойства считаются въ народѣ присущими матеріи, видно изъ того, что воспрещается брать что-нибудь ртомъ прямо съ поверхности ножа, чтобъ не сдѣлаться злымъ. Очевидно, способность ножа рѣзать, проливать кровь, убивать и вообще производить зло передается тому, кто прикоснется къ ножу. Если мужъ распутенъ, то жена должна взять щепоть земли съ какой-нибудь могилы, всыпать въ напитокъ и попоичивать мужа, тогда распутство въ немъ замретъ навсегда [1]). Очевидно, могильной землѣ, приходящей въ соприкосновеніе съ мертвецами, приписывается свойство убивать, умерщвлять физическія и нравственныя качества. Порогъ дома предназначенъ для того, чтобъ служить предѣльной гранью между предметами, находящимися внутри дома и внѣ его. Поэтому народное суевѣріе считаетъ порогъ чѣмъ-то такимъ, чтó предназначено раздѣлять, отлучать. Согласно этому воззрѣнію, тамъ, гдѣ затѣвается свадьба, нельзя садиться на порогъ, заграждать путь, иначе дѣло разойдется, кто-нибудь откажется, женихъ или невѣста, и какъ первый не приведетъ жены подъ отческую кровлю, такъ послѣдняя не переступитъ чрезъ порогъ избы жениха [2]). По тѣмъ же соображеніямъ, купцу не слѣдуетъ стоять на порогѣ лавки, чтобъ не отгонять покупщиковъ. Онъ имъ преграждаетъ входъ въ лавку. На переходѣ свойствъ матеріи къ тому, кто ее потребляетъ или къ ней такъ или иначе прикасается, основывается извѣстное средство народной медицины, по которому для устраненія зубной боли больному предлагаютъ кусать зубами дубовое дерево или камень. Впрочемъ, въ настоящее время средство это оказывается дѣйствительнымъ лишь тогда, когда кусаютъ извѣстные каменья или деревья, между прочимъ, такіе, которые являются составными частями храма или вообще священнаго мѣста. Такимъ образомъ, кусаніе каменьевъ церковной паперти, а также деревьевъ, растущихъ въ монастыряхъ, въ церковныхъ оградахъ, дворахъ является цѣлесообразнымъ средствомъ [3]).

Въ данномъ случаѣ, первобытный матеріализмъ нѣсколько видоизмѣнился: не твердость предмета дѣйствуетъ цѣлебно сама по себѣ, но твердость предмета, посвященнаго божественнымъ цѣлямъ. Несомнѣнно, однако, что и въ данномъ случаѣ центръ тяжести лежитъ въ твердости, а не въ святости предмета. Это

[1]) Аѳанасьевъ, „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу". Москва, 1865. I стр. 42.

[2]) Кавелинъ, Сочиненія, IV; Аѳанасьевъ, II, ст. 114.

[3]) Аѳанасьевъ, II, стр. 303—304.

видно изъ того заклятія, которое произносится больнымъ, когда онъ кусаетъ церковную паперть. „Какъ камень сей крѣпокъ, такъ закаменѣй и мой зубъ, крѣпче камня“ [1]). Леченіе зубной боли можетъ быть произведено и другимъ путемъ; въ основѣ его, однакоже, лежитъ также передача свойствъ предмета посредствомъ соприкосновенія съ нимъ; я приведу здѣсь довольно сложный суевѣрный нѣмецкій обрядъ. Если кто-либо желаетъ освободить другого отъ зубной боли, то долженъ идти спиною къ дверямъ и къ близъ-лежащему кусту. Дошедши до куста, онъ оборачивается, дѣлаетъ неподалеку одинъ отъ другого два разрѣза въ деревѣ, снимаетъ кору, но только настолько, чтобы она не отрывалась отъ дерева, вырѣзываетъ изъ обнаженнаго ствола щепку и возвращается въ комнату опять-таки спиной къ дверямъ. Страдающій зубной болью ковыряетъ этой щепкой мясо въ зубахъ до тѣхъ поръ, пока не появится кровь, затѣмъ заклинающій зубную боль относитъ щепку обратно такимъ же порядкомъ, кладетъ ее въ то мѣсто, откуда вырѣзалъ, накладываетъ на нее кору и прикрѣпляетъ ниткой для того, чтобъ разрѣзъ заросъ. Въ Даніи при зубной боли ковыряютъ лучиной во рту, затѣмъ вставляютъ ее въ щель стѣны. Маннгардтъ, у котораго мы заимствуемъ эти данныя, говоритъ, что всѣ эти способы леченія и многіе другіе, которые заключаются во вкладываніи, въ завязываніи болѣзни въ дерево, должны быть сведены къ одному основному представленію [2]). Тотъ, кто читалъ Маннгардта, знаетъ, что, по его мнѣнію, въ данномъ случаѣ оказываетъ воздѣйствіе на устраненіе боли древесный духъ. Но, мнѣ кажется, что гораздо правильнѣе свести всѣ эти цѣлебныя средства единственно къ одному представленію, а именно къ тому, что болѣзнь есть нѣчто, имѣющее матеріальную форму, что она лежитъ въ крови, какъ это показываютъ и приведенныя до сихъ поръ данныя, что затѣмъ она можетъ быть удалена посредствомъ прикосновенія къ другому и, для того, чтобъ оставить больного, должна перейти къ другому предмету или лицу.

На этой основной мысли о томъ, что прикосновеніе ведетъ къ передачѣ, основывается, между прочимъ, и извѣстное правило, по которому тотъ, кто прикасался къ трупу покойника, не долженъ вслѣдъ за этимъ заниматься посѣвомъ, потому что сѣмена, брошенныя его рукою, омертвѣютъ и не принесутъ плода [3]).

---

[1]) Лѣтописи русской литературы, IV, стр. 77. Аѳанасьевъ, I, стр. 426.

[2]) Mannhardt, Der Baumkultur. S. 21—22

[3]) Аѳанасьевъ, III, стр. 33.

Какъ мы видѣли уже выше, свойство мертвеца или, иначе говоря, мертвенное его состояніе передается всѣмъ предметамъ, которые приходятъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Горшокъ, изъ котораго вылита вода для обмыванія трупа, солома, на которой трупъ лежалъ, гребенка, которой расчесывали ему волосы, все это должно быть вывезено изъ дома и оставлено на рубежѣ съ другимъ селеніемъ, или брошено въ рѣку, такъ какъ только такимъ образомъ смерть можетъ быть удалена изъ предѣловъ даннаго поселенія [1]). Подобное же суевѣріе существуетъ и въ Норвегіи. Если кто-либо умеръ, то солома, на которой онъ лежалъ, или часть ея сожигается въ открытомъ полѣ [2]). Дѣло въ томъ, что смерть, какъ и вообще болѣзни, въ умѣ первобытнаго человѣка не представляются въ видѣ идеи, представленія; онѣ,—матеріальныя существа. Поэтому, какъ извѣстно, смерть оставляетъ матеріальные слѣды и ее можно выслѣдить. Я не привожу здѣсь примѣровъ, такъ какъ ихъ можно было бы набрать слишкомъ много.

Свойства извѣстнаго предмета, по воззрѣніямъ первобытныхъ людей, могутъ быть переданы не только посредствомъ прикосновенія къ матеріи даннаго предмета, но и посредствомъ прикосновенія къ другому предмету, къ которому онъ прикасался. На этомъ основана цѣлая масса средствъ въ народной медицинѣ. Тотъ, кто хочетъ избавить себя отъ чахотки, беретъ кусокъ холста, вытирается имъ и бросаетъ потомъ на дорогу; кто подниметъ этотъ холстъ, на того и перейдетъ болѣзнь; больные лихорадкою идутъ на перекрестокъ въ томъ самомъ платьѣ, въ какомъ почувствовали впервые болѣзнь, оставляютъ тамъ свое платье и возвращаются домой нагишомъ; поднявшій одежду получаетъ лихорадку, а больной выздоравливаетъ [3]).

Кто хочетъ избавиться отъ опухоли, тотъ, говорятъ норвежцы, долженъ наложить на нее кусочекъ холста и затѣмъ бросить его; птица, клюнувъ кусочекъ холста, и получитъ опухоль, отъ которой избавится человѣкъ [4]).

Посредствомъ предмета, представляющаго собою символическое изображеніе болѣзни, или же посредствомъ соотвѣтствующихъ дѣйствій, также возможна передача болѣзни; кто хочетъ избавиться отъ бородавокъ, долженъ бросить на улицу такое же число горошинъ, сколько у него бородавокъ, и кто ихъ подниметъ и

[1]) Аѳанасьевъ, III, стр. 34.
[2]) Liebrecht, Zur Volkskunde. S. 16.
[3]) Аѳанасьевъ, I, стр. 41—42.
[4]) Liebrecht, Volkskunde. S. 621.

съѣсть, на того и перейдутъ бородавки. Представителями болѣзни могутъ служить также узелки, сдѣланные на ниткѣ, которую больной долженъ закопать въ землю; когда нитка сгніетъ, вмѣстѣ съ нею пропадутъ и бородавки [1]).

Страдающій куриной слѣпотою долженъ выйти на перекрестокъ, сѣсть на землю и притвориться, будто онъ ищетъ что-нибудь; на вопросъ прохожаго: „что ты ищешь?“ онъ долженъ отвѣтить: „что найду, то тебѣ отдамъ“, и при этихъ словахъ утереть глаза рукою и махнуть въ сторону лица, заговорившаго съ нимъ; этого достаточно, чтобъ болѣзнь оставила одного и перешла къ другому [2]).

Уже изъ сказаннаго до сихъ поръ видно, что среди суевѣрныхъ представленій о болѣзни есть такія, которыя имѣютъ значительное сходство съ раціональными представленіями, существующими въ нынѣшней медицинѣ. Сейчасъ мы увидимъ, что совѣты народной медицины относительно мѣръ устраненія заразы весьма недалеки отъ нынѣшнихъ. Понятіе о карантинѣ или объ извѣстныхъ матеріальныхъ границахъ для отдѣленія здоровыхъ мѣстностей отъ больныхъ, не далеко отъ понятія, извѣстнаго первобытнымъ людямъ по народнымъ воззрѣніямъ, что моровая чума завозится въ извѣстную мѣстность изъ другой. Согласно съ этимъ, для преграждения дальнѣйшаго развитія чумы, т.-е. для того, чтобъ зараза не могла быть завезена или вывезена, село „опахивается“, т.-е. обводится кругомъ со всѣхъ сторонъ замкнутою чертою. Такое же средство употребляется для преграждения доступа холеры [3]). Очевидно, опахиваніе является средствомъ уничтоженія путей сообщенія и прекращенія сношеній одной мѣстности съ остальными. Нелѣпо представленіе о томъ, что холера, большею частью, завозится на лошадяхъ; но разъ это представленіе существуетъ, опахиваніе является совершенно логическимъ средствомъ, вытекающимъ изъ матеріалистическихъ воззрѣній народа на происхожденіе и развитіе болѣзни: необходимо воспрепятствовать завезенію холеры и это достигается уничтоженіемъ дорогъ вокругъ извѣстнаго мѣста. Совершенно согласно съ этимъ основнымъ воззрѣніемъ и другое средство, которое предлагается народной медициной, а именно, уничтоженіе перваго источника болѣзни въ видѣ ли лица, животнаго, вещи. Тутъ нечистая сила не при чемъ. Отъ даннаго человѣка начинается зараза и переходитъ на окрестное населеніе. Вотъ, поэтому, поселяне новгородъ-сѣверскаго уѣзда при появленіи

---

[1]) Аѳанасьевъ, I, стр. 41.
[2]) Тамъ же, стр. 42.
[3]) Сахаровъ II, стр. 10—11. Аѳанасьевъ, III, стр. 115.

холеры, между прочимъ, высказали мнѣніе, что если бы перваго заболѣвшаго холерою похоронить за живо, то болѣзнь тотчасъ же прекратила бы свое гибельное дѣйствіе [1]). Такое воззрѣніе о передачѣ заразной болѣзни существуетъ какъ по отношенію къ холерѣ, чумѣ, такъ и по отношенію къ другимъ заразнымъ болѣзнямъ. Чтобы привести одинъ изъ множества аналогичныхъ примѣровъ изъ суевѣрныхъ воззрѣній другихъ народовъ, я укажу на то, что, между прочимъ, нѣкоторыя австралійскія племена для воспрепятствованія доступа болѣзни изъ другого поселенія ставятъ вокругъ даннаго поселенія палки и переплетаютъ ихъ ползучими растеніями [2]). Такимъ образомъ, они, подобно нашимъ крестьянамъ, стремятся, посредствомъ матеріальной преграды, изолировать данную мѣстность отъ окружающихъ ее нездоровыхъ мѣстностей.

Первобытныя матеріалистическія воззрѣнія находятъ свое выраженіе и въ томъ, коренящемся въ народѣ, убѣжденіи, что извѣстные недостатки, свойства, болѣзни могутъ быть переданы не только посредствомъ соприкосновенія съ даннымъ лицомъ или предметомъ, но и посредствомъ общенія съ извѣстными частями этого лица или этой вещи. На этомъ основана цѣлая масса средствъ колдовства. Стоитъ только напомнить, какія бѣдствія можно, по воззрѣніямъ народа, причинять посредствомъ воздѣйствія на ногти и волосы, отдѣленные отъ извѣстнаго лица. Вотъ поэтому ногти должны, какъ извѣстно, не разбрасываться зря, а сохраняться. Въ видѣ мотива для такого бережнаго отношенія къ ногтямъ въ апокрифической литературѣ указывается на то, что ногти предназначены служить для влѣзанія на небесную гору, которая такъ же гладка какъ яйцо. Но это, очевидно, позднѣйшій мотивъ. Первоначальная причина именно та, что съ помощью ногтей можно околдовать лицо, которому они принадлежали. Словомъ, отношеніе къ ногтямъ и волосамъ есть не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе тѣхъ же первобытныхъ матеріалистическихъ воззрѣній. Что именно волосы и ногти являются излюбленными средствами для произведенія колдовства, понятно, такъ какъ они періодически отдѣляются отъ человѣческаго тѣла.

Частью лица или предмета являются, по первобытнымъ воззрѣніямъ, не только матеріальныя части, но и отраженіе ихъ, тѣнь. Вслѣдствіе этого и требуется, чтобъ въ томъ домѣ, гдѣ кто-либо умеръ, всѣ зеркала были завѣшены. Очевидно, это дѣлается съ

---

[1]) Аѳанасьевъ, III, стр. 523.

[2]) Bastian, Rechtsverhältnisse. S. 275.

цѣлью прекратить дальнѣйшее пребываніе мертвеца въ домѣ. Существованіе этого суевѣрія во многихъ культурныхъ странахъ засвидѣтельствовано массою данныхъ. Между прочимъ, это суевѣріе существуетъ и въ Германіи. Какъ только кто-либо умираетъ, говоритъ Вуттке [1]), все блестящее, красное, зеркала, окна, картины, часы занавѣшиваются бѣлыми простынями до окончанія похоронъ; выливаютъ также воду, находящуюся въ бочкѣ. Вуттке находитъ объясненіе этого послѣдняго факта въ томъ, что душа человѣка выкупалась въ водѣ и тотъ, кто будетъ пить эту воду, умретъ въ томъ же году. Но мы уже знаемъ, что дѣло идетъ тутъ не о душѣ, а объ отраженіи мертваго тѣла въ водѣ, что отраженіе составляетъ часть предмета и что слѣдовательно отраженіе тѣла является совершенно достаточнымъ основаніемъ для того, чтобъ вылить воду, такъ какъ отраженіе передаетъ водѣ свойства смерти.

Матеріализмъ первобытнаго человѣка идетъ такъ далеко, что онъ мысли, чувства, настроеніе признаетъ чѣмъ-то матеріальнымъ и, какъ матеріальное, способнымъ переходить къ другимъ лицамъ и предметамъ. На этомъ основана вѣра въ дурной глазъ. Посредствомъ дурного глаза можетъ быть причинена масса несчастій: деревья могутъ засохнуть отъ дурного глаза; болѣзнь, несчастіе, все можетъ быть результатомъ дурного глаза. Но при этомъ обратите вниманіе на слѣдующее: глазъ можетъ быть дурнымъ, согласно народнымъ воззрѣніямъ, даже помимо воли обладателя его! Дурными глазами считаются косые, выглядывающіе изъ-подъ нахмуренныхъ бровей, черные глаза, чрезмѣрно выкатившіеся или глубоко впавшіе [2]). Это болѣе точное опредѣленіе непроизвольно-дурной глазъ доказываетъ наилучшимъ образомъ матеріализмъ народныхъ воззрѣній. Дурное кроется въ матеріи глаза, въ линіяхъ, въ волосахъ.

Несмотря на то, что первобытный человѣкъ вполнѣ покоряется силамъ природы, ставитъ ихъ гораздо выше, чѣмъ свои собственныя, тѣмъ не менѣе у него существуетъ убѣжденіе, что онъ можетъ оказать нѣкоторое вліяніе на природу,—можетъ указать ей путь и направленіе, по которому данныя явленія должны двигаться, съ помощью извѣстныхъ символическихъ дѣйствій. Возможность такого представленія объясняется слѣдующимъ образомъ: мы видѣли, что, по народнымъ воззрѣніямъ, символическое изображеніе предмета не есть нѣчто отдѣльное отъ природы или лица,

---

[1]) Der deutesche Volksaberglaube (1869), стр. 726.

[2]) Аѳанасьевъ, I, стр. 173.

нѣчто самостоятельное, но есть самый предметъ или лицо. Такимъ образомъ, слѣдовательно, возможно, посредствомъ символическаго изображенія даннаго явленія, вызвать его и должно это дѣлать, такъ какъ подобный образъ дѣйствій, взятый прямо изъ природы, диктуется ею самою, составляетъ подражаніе предметамъ или явленіямъ природы. Поэтому, напримѣръ, въ Малороссіи при посадкѣ капусты мужики присѣдаютъ на землю со словами: „чтобы не росла высоко, а росла широко“ [1]). Масса символическихъ дѣйствій, производимыхъ при посѣвахъ, предназначена служить той же цѣли. Я возьму еще одинъ примѣръ символическихъ дѣйствій изъ области народной медицины. Для того, чтобы облегчить роды, на родильницѣ развязываютъ всѣ узлы, расплетаютъ волосы. Съ этой же цѣлью заставляютъ отца развязать поясъ, разстегнуть воротъ рубашки. Съ этой же цѣлью открываютъ у печей заслонки, отпираютъ сундуки, выдвигаютъ ящики. Во многихъ мѣстахъ при трудныхъ родахъ просятъ священника отворить царскія врата. Въ курской губерніи родильницу троекратно водятъ чрезъ порогъ избы, для того, чтобъ ребенокъ поскорѣе переступилъ порогъ своего заключенія и явился на свѣтъ изъ утробы матери [2]). Въ Норвегіи также, при трудныхъ родахъ, совѣтуютъ развязываніе узловъ во всемъ платьѣ, находящемся въ данномъ домѣ. Но кромѣ указаннаго средства у тѣхъ же норвежцевъ существуетъ еще одно любопытное средство, носящее тотъ же символическій характеръ. Если покажется, что роды должны быть трудными, то, по воззрѣніямъ норвежцевъ изъ провинціи Гульде, желательно, чтобъ мужъ разрубилъ сани, плугъ или что-нибудь подобное. Этимъ онъ окажетъ воздѣйствіе на утробу матери.

Число фактовъ, характеризующихъ первобытныя матеріалистическія воззрѣнія, можно бы увеличить до безконечности, и я это сдѣлаю въ близкомъ будущемъ въ особомъ трудѣ, но мнѣ кажется, что и приведенныхъ до сихъ поръ примѣровъ совершенно достаточно для той цѣли, которую я себѣ поставилъ вначалѣ.

Касаясь матеріалистическихъ воззрѣній Лукреція, Ланге говорилъ, что его теорія—это теорія всеобщаго истеченія, которая можетъ быть сопоставлена съ современной теоріею волнообразнаго движеній. Воздѣйствіе предметовъ другъ на друга, независимо отъ формы этого воздѣйствія, не только доказано и подтверждено

---

[1]) Аѳанасьевъ, I, стр. 34.

[2]) Этнографическій Сборникъ, V, стр. 20. Аѳанасьевъ, III, стр. 516.

въ настоящее время опытами, но по виду, массѣ, быстротѣ, это воздѣйствіе оказывается гораздо болѣе сильнымъ, чѣмъ это могла вообразить себѣ самая смѣлая фантазія эпикурейца [1]). Мы привели здѣсь нѣкоторые примѣры воздѣйствія и взаимоотношенія лицъ и предметовъ, допускаемыя народными воззрѣніями. Надо думать, что образчики этихъ взаимоотношеній гораздо болѣе смѣлы, чѣмъ фантазія эпикурейца, и во всякомъ случаѣ еще не превзойдены гипотезами современной науки.

М. Кулишеръ.

---

[1]) Lange, Gesch. des Mater. I, стр. 121.

РАЗБОИ И САМОРАСПРАВА

НА

КАВКАЗѢ

I.

У впечатлительнаго кавказскаго общества „злобы дня" вообще очень быстро мѣняются: сегодня говорятъ о межеваніи и орошеніи, завтра о школахъ, затѣмъ опять о межеваніи и орошеніи, и т. д.; все здѣсь не устроено, все ждетъ устройства. Но есть предметъ, который составляетъ, такъ сказать, вѣчную злобу дня Кавказа, и который вполнѣ достоинъ серьезнаго вниманія, какъ мѣстнаго, такъ и вообще русскаго читателя, это—отсутствіе безопасности, безпрестанное, и нерѣдко остающееся безнаказаннымъ, нарушеніе спокойствія мирныхъ жителей. Кавказъ прославился обиліемъ самыхъ возмутительныхъ преступленій; убійства, пораненія, разбои, составляютъ здѣсь обыденное явленіе не только въ горахъ и другихъ захолустьяхъ, но и въ наиболѣе бойкихъ пунктахъ, торговыхъ и административныхъ. Такъ наприм., въ то время, когда пишутся эти строки, кавказское общество сильно взволновано такимъ дерзкимъ преступленіемъ, какъ нападеніе шайки разбойниковъ на почту, всего въ 12 верстахъ отъ Тифлиса, а не задолго до того весь край былъ терроризованъ другой шайкой, ограбившею въ продолженіи одного дня болѣе ста человѣкъ проѣзжихъ по эриванскому тракту.

Впрочемъ, понятіе о степени преступности на Кавказѣ читатель вѣрнѣе составитъ по слѣдующимъ статистическимъ даннымъ,

извлекаемымъ нами изъ трудовъ мѣстнаго статистическаго комитета. Не будемъ здѣсь касаться общаго числа преступныхъ случаевъ, потому что число это на Кавказѣ едва ли больше, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, какъ то будетъ видно впослѣдствіи изъ настоящей же статьи. Гораздо важнѣе квалификація крупныхъ преступленій, которыя на Кавказѣ гораздо значительнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ остальной Россіи. На Кавказѣ преступленія наносятъ ущербъ въ одно и то же время и имуществу, и собственнику его, а иногда и совершенно постороннимъ имъ лицамъ. Послѣ такихъ разбойничьихъ подвиговъ, какъ послѣ сраженія, всегда насчитывается по нѣскольку человѣкъ убитыхъ, раненыхъ и контуженныхъ, не говоря уже о самой безпощадной реквизиціи. Изъ общаго числа крупныхъ преступленій, совершенныхъ въ елизаветпольской губерніи въ 1881 г. —1842, было случаевъ смертоубійства—429, т.-е. почти столько же, сколько кражъ (445); разбоевъ—159, грабежей—131, пораненій—292. Въ слѣдующемъ же году, въ той же губерніи, число случаевъ каждаго вида преступленій, направленныхъ не столько противъ собственности, сколько противъ личности, или же противъ собственности и личности въ одно и то же время, а именно смертоубійствъ (519), пораненій (354), поджоговъ и иного уничтоженія имущества (362),—значительно превышало число кражъ (339). Въ эриванской же губерніи въ 1882 году грабежей, разбоевъ и поджоговъ (329) было почти столько же, сколько кражъ (392); въ слѣдующемъ году разницы здѣсь было еще менѣе: случаевъ смертоубійствъ и пораненій было 329, а случаевъ кражъ—370.

Сравнивая между собой данныя по уголовной статистикѣ Кавказа и другихъ мѣстностей Россіи, характеръ преступности на Кавказѣ еще болѣе иллюстрируется. Въ общемъ числѣ крупныхъ преступленій, совершаемыхъ за годъ въ судебныхъ округахъ внутреннихъ губерній, убійства составляютъ 4,8% (въ варшавскомъ судебномъ округѣ — 3,54%), а въ елисаветпольской губерніи—23%, и въ эриванской губерніи—12,1%. Разница, какъ видитъ читатель, въ этихъ цифрахъ громадная. Преступленія противъ тѣлесной неприкосновенности (пораненія и тяжкіе побои) въ центральныхъ судебныхъ округахъ составляютъ 5,1% (въ варшавскомъ округѣ—еще менѣе, 3,44%), а въ эриванской губерніи—17,8% и въ елизаветпольской губерніи—16%. Насильственное похищеніе имущества (разбои и грабежи) въ этой последней губерніи составляютъ—15,3%, въ эриванской—17,5%, между тѣмъ, какъ въ центральныхъ округахъ — 11% (въ вар-

шавскомъ округѣ только 6,38%). Если взять численность преступленій, совершаемыхъ не только въ двухъ вышеназванныхъ закавказскихъ губерніяхъ, гдѣ дѣйствительно особенно развита преступность противъ личности, но и во всемъ кавказскомъ краѣ вообще, то и здѣсь, при сравненіи съ другими мѣстностями Россіи, окажется большая разница. Такъ, наприм., одинъ случай убійства на Кавказѣ (въ 1877 г.) приходился на 8087 жителей, а въ варшавскомъ судебномъ округѣ (въ 1878 г.)—на 28.627; одинъ случай пораненія или тяжкихъ побоевъ въ первой мѣстности приходился на 8.106, въ варшавскомъ округѣ—на 29.429; одинъ случай грабежа или разбоя на Кавказѣ—на 9.374, въ привислянскихъ губерніяхъ—на 15.822 [1]).

Нужно ли говорить о тѣхъ, ничѣмъ не вознаградимыхъ потеряхъ, какія несетъ населеніе Кавказа при такой необезпеченности жизни и имущества? Торговля и промышленность страдаютъ отъ частыхъ нападеній на транспорты и отъ безпрестанныхъ поджоговъ. Земледѣлецъ не столько думаетъ здѣсь о плугѣ, сколько о кинжалѣ и ружьѣ, которые должны быть у него всегда наготовѣ для отраженія многочисленныхъ шаекъ, оперирующихъ у него подъ носомъ. Вниманіе администраціи поглощено заботами объ охранѣ жизни и имущества населенія, и вслѣдствіе этого отложено въ долгій ящикъ осуществленіе давно задуманныхъ и давно уже получившихъ примѣненіе въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, реформъ—реформъ, отъ которыхъ зависитъ экономическое благосостояніе всего края. Разбои же и грабежи изъ Кавказа дѣлаютъ для туриста какое-то пугало, между тѣмъ, какъ край этотъ, благодаря красотѣ и богатству своей природы, при другихъ условіяхъ, могъ бы служить, подобно Швейцаріи, магнитомъ для путешественниковъ, и, подобно ей же, богатѣть отъ ихъ наплыва.

Имѣя въ виду такой важный ущербъ, наносимый населенію Кавказа отъ высокаго уровня въ немъ преступности, невольно является вопросъ о причинахъ развитія этого зла, разъѣдающаго красивѣйшую и богатѣйшую окраину Россіи, и о средствахъ, которыя могли бы служить въ данномъ случаѣ противоядіемъ.

Ходячее мнѣніе объ этомъ предметѣ указывало до сихъ поръ на слабость полицейской власти и карательныхъ мѣръ, налагаемыхъ су-

---

[1]) Приведенныя здѣсь свѣденія могутъ считаться лишь приблизительно вѣрными, въ виду крайней неполноты статистическихъ данныхъ, помѣщенныхъ въ „Кавказскомъ Календарѣ" и „Сборникѣ свѣденій о Кавказѣ" (т. VII), изъ которыхъ и заимствуемъ всѣ вышеприведенныя цифры. Въ отношеніи же варшавскаго и центральныхъ судебныхъ округовъ мы пользовались недавно изданными сводами статистическихъ свѣденій по уголовнымъ дѣламъ, производившимся въ 1879 г.

домъ. Поэтому многіе были убѣждены, что усиленіе репрессалій приведетъ къ желанному результату. Такому мнѣнію нѣкоторой части общества или, лучше сказать, бюрократіи, мѣстная администрація оказала въ послѣднее время большое вниманіе. Болѣе или менѣе крупныя уголовныя дѣла были переданы военному суду, который обыкновенно въ такихъ случаяхъ подсудимыхъ осуждалъ на смертную казнь. Административная ссылка была значительно усилена, причемъ подвергались ссылкѣ не только предполагаемые преступники, но и ихъ семейства, до малолѣтнихъ дѣтей включительно, а также и родственники ихъ, какъ близкіе, такъ и дальніе. Введена была въ сельскихъ обществахъ круговая порука, которою они обязывались вознаграждать потерпѣвшаго за всякое преступленіе, совершенное въ ихъ районѣ. Кромѣ того, въ общества эти на ихъ же счетъ наряжались экзекуціи, обязанныя оставаться тамъ впредь до полнаго водворенія въ нихъ порядка.

Люди, знакомые съ исторіею уголовныхъ законодательствъ, не ожидали, конечно, отъ этихъ мѣръ никакой пользы, помня ту аксіому, добытую вѣковымъ опытомъ, что строгость наказанія еще не влечетъ за собой ослабленія преступности. Извѣстно, напротивъ, что смертная казнь, напримѣръ, ожесточаетъ зрителей и усиливаетъ наклонность къ злодѣяніямъ. Такой же результатъ получается отъ всякой несправедливости, невольно допускаемой властью при чрезмѣрномъ стремленіи ея возможно скорѣе и во что бы то ни стало найти преступниковъ и наказать ихъ возможно сильнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, на Кавказѣ ни строгости военнаго суда, ни усиленная административная высылка, ни взятіе въ плѣнъ родственниковъ и даже дѣтей, преслѣдуемыхъ полиціею разбойниковъ, ни, наконецъ, экзекуція и круговая порука сельскихъ обществъ,—не только не уменьшили числа преступленій, но, напротивъ, повидимому, даже увеличили его, какъ это видно изъ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ, добытыхъ нами въ отношеніи трехъ закавказскихъ губерній, чуть не наиболѣе прославившихся хищническими подвигами своихъ шаекъ. Въ эриванской губерніи въ продолженіи 1881 г. было совершено крупныхъ преступленій 985, болѣе, чѣмъ въ предъидущемъ году, на 214, а затѣмъ въ 1882 году число преступленій увеличилось тамъ до 1.114, т.-е. на 129 болѣе, чѣмъ въ 1881 году; въ 1883 же году число это возрасло еще на 133, т.-е. достигло 1.247. Почти такой же прогрессъ замѣчается и въ елизаветпольской губерніи, гдѣ въ продолженіе 1881 года имѣло мѣсто 1.842 случая разныхъ злодѣяній, а въ слѣдующемъ году цифра эта возрасла до 2.251, т.-е. увеличилась на 409. Затѣмъ, въ 1883 году въ этой

же губерніи хотя и замѣчаемъ нѣкоторое паденіе степени преступности, а именно съ 2.251 число крупныхъ преступленій падаетъ до 2.019, но все же эта послѣдняя цифра выше соотвѣтственной цифры 1881 года (1842). Въ тифлисской губерніи возрастаніе числа преступленій выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Въ 1877 г.:	Въ 1883 г.:
Убійства	62	107
Грабежи и разбои	82	121
Пораненія и тяжкіе побои . .	12 (?)	178 [1])

Безрезультатность вышеперечисленныхъ репрессивныхъ мѣръ засвидѣтельствована отчасти и оффиціально; такъ, напримѣръ, привлеченіе сельскихъ обществъ къ имущественной отвѣтственности за преступленіе, совершенное въ ихъ районѣ, не принесло никакой пользы, по заявленію одного изъ товарищей прокурора тифлисской судебной палаты (тифлисская газета „Новое Обозрѣніе“, № 381), и это подтверждено было въ отношеніи нѣкоторыхъ пограничныхъ деревень и оффиціальной карсской газетой

---

[1]) Нельзя здѣсь не оговориться, что постоянное, изъ года въ годъ, увеличеніе числа преступленій на Кавказѣ замѣчалось и раньше, до принятія вышеперечисленныхъ репрессивныхъ мѣръ, что видно, наприм., изъ слѣдующей таблицы, извлеченной нами изъ „Сборника свѣденій о Кавказѣ“, т. IV.

Годы.	Убійства.	Пораненія и тяжкіе побои.	Грабежи и разбои.
1871 г.	419	548	479
1872 „	453	501	586
1873 „	545	838	542
1874 „	553	958	682
1875 „	642	775	574
1876 „	629	950	729

Конечно, этотъ быстрый ростъ численности преступленій нѣсколько противорѣчитъ историческимъ законамъ уголовной статистики, недопускающей такихъ сильныхъ скачковъ, да къ тому же это не можетъ быть оправдано и особенно быстрымъ возрастаніемъ численности населенія, чего на Кавказѣ и нѣтъ. Но еще менѣе можетъ быть основанія выводить изъ вышепоказанныхъ цифръ заключеніе объ уменьшеніи преступности на Кавказѣ, какъ это дѣлаетъ газета „Кавказъ“, очевидно для успокоенія мѣстнаго общества, не въ мѣру напуганнаго недавними подвигами двухъ-трехъ разбойничьихъ шаекъ. Впрочемъ, въ такихъ случахъ дѣлаются обыкновенно голословныя заявленія или же приводятся явно невѣроятныя свѣденія, добытыя полиціею, которая вообще заинтересована въ показаніи возможно меньшаго числа преступленій. Такъ, наприм., недавно въ названной газетѣ указывалась разница между числами преступленій, совершенныхъ въ елизаветпольской губерніи въ 1883 и слѣдующемъ годахъ, и отношеніе это выразилось въ цифрахъ 1.413 и 602, т.-е. оказывалось, что въ этой губерніи въ продолженіе года преступность уменьшилась болѣе, чѣмъ вдвое, и все это благодаря строгимъ мѣрамъ администраціи, повидимому обладающей магическимъ жезломъ.

(см. Новое Обозрѣніе", № 580). Экзекуціи же наносили населенію большій матеріальный ущербъ, чѣмъ тѣ преступленія, для искорененія которыхъ онѣ къ нему посылались.

Достойно, однако, вниманія, что, несмотря на вышеприведенныя цифры и оффиціальныя заявленія, находятся еще люди, не перестающіе вѣровать во всемогущество экзекуцій; такъ, еще недавно тифлисскій корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей" съ восторгомъ ссылался на Персію (№ 235), какъ, на образецъ, достойный полнаго подражанія въ отношеніи умѣнія быстро и энергично возстановлять спокойствіе. Вотъ какъ, въ Персіи, разсказываетъ корреспондентъ, ловятъ и казнятъ разбойниковъ: „По караванной дорогѣ на городъ Себзеваръ, по сообщенію одной персидской газеты, на караванъ съ дорогими товарами напали разбойники-кочевники, въ числѣ пятидесяти конно-вооруженныхъ, и разграбили весь товаръ на громадную сумму. Объ этомъ происшествіи доложили принцу Зилли-Султану (второй сынъ шаха); принцъ немедленно отправилъ къ ширазскому валію (губернатору) особаго уполномоченнаго чиновника съ приказаніемъ въ три дня доставить къ нему грабителей и все ими награбленное, въ противномъ случаѣ,—голову самого валія. По прибытіи посланнаго въ Ширазъ, вали просилъ по телеграфу отсрочки и получилъ ее, но съ подтвержденіемъ, что голова его останется у него на плечахъ лишь при успѣшномъ исполненіи приказанія. Тогда вали собралъ 300 всадниковъ и отправился въ кочевье грабителей, гдѣ и произошло упорное сраженіе. Изъ грабителей трое убиты, а остальныхъ 47 заарестовали, затѣмъ взяли весь ограбленный товаръ, и вали лично представилъ его, равно и разбойниковъ, намѣстнику. Принцъ наградилъ валія подаркомъ, товары возвращены купцамъ, а изъ доставленныхъ разбойниковъ чрезъ каждые три дня казнятъ на площади по пять человѣкъ. Вотъ примѣръ быстраго исполненія, подъ вліяніемъ острастки!" Какъ можно заключить по этому восклицанію корреспондента, онъ и не подозрѣваетъ, что сообщенія персидскихъ газетъ о сатрапской мудрости обыкновенно сильно смахиваютъ на арабскія сказки, и повидимому, убѣжденъ, что тѣ пятьдесятъ человѣкъ, которыхъ поймалъ ширазскій губернаторъ въ три дня, изъ боязни быть самому обезглавленнымъ, и которые были немедленно казнены, нужно полагать, безъ суда и слѣдствія,—что эти пятьдесятъ человѣкъ были дѣйствительно тѣ самые разбойники, которые совершили вышеописанное преступленіе! Ничуть не бывало. Особенно кавказцы, хорошо знаютъ, по собственному опыту, что означаетъ такой неразборчивый способъ розыска преступни-

ковъ и ограбленнаго имущества; кавказцамъ хорошо извѣстно, что казнямъ и инымъ тяжкимъ наказаніямъ подвергаются иногда если не совершенно невинные люди, то нерѣдко второстепенные участники преступленія, а за ограбленное или уворованное имущество выдается собственность чуть не самаго мирнаго изъ всѣхъ мирныхъ жителей околотка.

Обвиненіе въ слабости, взводившееся на кавказскіе полицію и судъ, очень часто оказывалось совершенно неосновательнымъ; полиція кавказская, какъ и полиція вообще русская, конечно, не можетъ похвастаться ни образцовой своей организаціей, ни завиднымъ личнымъ составомъ, но обвинять ее, на основаніи нѣсколькихъ единичныхъ случаевъ, въ соучастіи въ тѣхъ злодѣяніяхъ, которыя терроризирують весь край—было бы крайнею несправедливостью. Кавказская полиція ведетъ съ мѣстными разбойничьими шайками правильно организованную войну и нерѣдко въ стычкахъ съ ними теряетъ своихъ лучшихъ представителей. Точно также и судебныя установленія, которымъ подсудны всѣ крупныя преступленія, далеко не отличаются чрезмѣрною снисходительностью къ подсудимымъ. На Кавказѣ нѣтъ суда присяжныхъ, а то все зло приписали бы исключительно именно этому суду. Въ практикѣ несуществующихъ тамъ коронныхъ судовъ, напротивъ, было не мало случаевъ, дававшихъ поводъ упрекнуть суды эти въ излишней суровости. Конечно, суровость эта происходила не отъ чего иного, какъ отъ невольнаго незнанія ими тѣхъ условій мѣстной жизни, которыя могли бы послужить подсудимому облегчающимъ вину его обстоятельствомъ. Но нельзя упускать изъ виду, что незнакомство кавказской бюрократіи съ мѣстнымъ бытомъ и нарѣчіями не составляетъ явленія случайнаго, а, напротивъ, зло это, къ сожалѣнію, пустило тамъ глубокіе корни, и вслѣдствіе этого, не только нѣтъ никакого основанія протестовать противъ излишней будто для „кавказскихъ дикарей" гуманности мѣстнаго суда и полиціи, но, напротивъ, приходится нерѣдко жаловаться на излишнюю строгость этихъ учрежденій. Не зная обычаевъ края, нельзя ихъ уважать, не зная языка населенія, нельзя понять его нуждъ, и въ такихъ условіяхъ мѣстная бюрократія, при всемъ ея доброжелательствѣ, понятно, часто оказывается черезчуръ суровою.

Такая излишняя, хотя и невольная, суровость мѣстныхъ судебныхъ и полицейскихъ чиновниковъ не только не ослабляетъ склонности населенія къ преступленіямъ, но, напротивъ, вызываетъ ихъ. Такъ напримѣръ, все населеніе какого-нибудь селенія или даже цѣлаго уѣзда считаетъ иногда своимъ святымъ дол-

гомъ укрывать у себя явныхъ преступниковъ, будучи убѣждено, что, попадись въ руки полиціи и суда, они понесли бы чрезмѣрно-строгое наказаніе. И это убѣжденіе поселенія не есть слѣпое предубѣжденіе противъ начальства, а, напротивъ, оно основано на неоднократныхъ живыхъ примѣрахъ, на очевидныхъ фактахъ.

Достойно вниманія, что примѣръ ненужной жестокости, вслѣдствіе непониманія мѣстной жизни, подаютъ часто не одни закоренѣлые бюрократы, смотрящіе на живую дѣйствительность съ высоты птичьяго полета. Въ доказательство того, что лучшіе кавказскіе дѣятели, воодушевленные желаніемъ принести пользу краю, оказываются для него въ нѣкоторыхъ случаяхъ вреднѣе завѣдомо вредныхъ дѣятелей, именно вслѣдствіе непониманія нуждъ населенія,—приводимъ слѣдующій характерный случай, изъ книги доктора Богуславскаго о кавказскихъ минеральныхъ водахъ, случай, хотя и изъ давно прошедшаго времени, но весьма возможный и сегодня: „Кисловодская казенная гостинница, въ которой теперь ежедневно собирается публика,—говоритъ д-ръ Богуславскій,—въ 1850 году была свидѣтельницей страшной драмы, разыгравшейся среди бѣлаго дня. Въ то время начальникомъ края былъ князь Воронцовъ. Эпизодъ состоитъ въ слѣдующемъ: нѣкто азіатецъ, изъ хорошей фамиліи, Шамхаловъ, увезъ дочь у генерала Туганова (тоже азіатецъ), находившагося въ русской службѣ. Сдѣлано это было потому, что, по ихъ обычаямъ, всякій порядочный человѣкъ иначе и не женится; но Тугановъ, какъ человѣкъ скупой, разсчитывалъ получить за свою дочь большой калымъ, а потому подалъ жалобу на похитителя мѣстному начальнику и, по приказанію послѣдняго, сдѣлано было распоряженіе о вызовѣ Шамхалова для личныхъ объясненій. Шамхаловъ по первому зову не явился, говоря, что нѣтъ никому дѣла до ихъ обычаевъ. Спустя нѣсколько дней онъ прибылъ, однако, въ Кисловодскъ со своимъ братомъ и пятью нукерами въ полномъ вооруженіи. Одновременно явился съ нимъ и братъ его жены съ кунаками, которые, предвидя непріятность, во-время уѣхали и не принимали участія въ печальномъ происшествіи. Объясненіе Шамхалова происходило на дворѣ у мѣстнаго начальника, князя Эристова, гдѣ, по распоряженію послѣдняго, была уже собрана рота солдатъ изъ крѣпости и сотня донцевъ. Князь Эристовъ отдалъ приказъ предварительно обезоружить арестованнаго Шамхалова, на что послѣдній отвѣчалъ, что онъ скорѣе позволитъ снять съ себя голову, чѣмъ отдать оружіе, и съ крикомъ „шашки вонъ!" всадники вскочили на коней, что и было поводомъ къ общему переполоху. Горцы съ гикомъ бросились на Крестовую гору, но на дорогѣ встрѣ-

чены были залпомъ донскихъ казаковъ, причемъ былъ убитъ братъ Шамхалова. Вскорабкавшись на верхушку горы, всадники засѣли за крестомъ ея, захвативъ съ собой убитаго товарища. Началась перестрѣлка, при чемъ трое изъ горцевъ были убиты. Чтобъ покончить разомъ съ ними, по распоряженію князя Воронцова, наблюдавшаго за ходомъ дѣла со своего двора,—пошли на приступъ. Видя это, оставшіеся трое въ-живыхъ бросились съ горы по направленію квартиры князя Воронцова, но изъ нихъ одинъ былъ убитъ на дорогѣ, другой прокolотъ вилами бывшимъ случайно на дворѣ конюхомъ, а третій ворвался въ казенную гостинницу, ударомъ кинжала положилъ встрѣтившагося буфетчика и бросился по узкой лѣстницѣ на хоры, гдѣ и выжидалъ дальнѣйшаго нападенія. Не найдя въ-живыхъ никого на вершинѣ Крестовой горы, рота отправилась въ гостинницу, гдѣ начала штурмовать хоры. Одинъ изъ солдатъ, отправившійся на верхъ по лѣстницѣ, былъ зарѣзанъ засѣвшимъ въ углу горцемъ; той же участи подвергся и второй, пока высмотрѣвшій его унтеръ-офицеръ пулей не положилъ его на мѣстѣ. Такъ кончилась эта кровавая драма, жертвой которой пали семь рыцарей, защищавшихъ свою честь и обычаи до послѣдней капли крови". Описывая эту исторію, докторъ Богуславскій совершенно справедливо замѣчаетъ, что „ея могло бы и не случиться, еслибъ начальство относилось къ мѣстнымъ обычаямъ съ надлежащимъ уваженіемъ, а не такъ, какъ на самомъ дѣлѣ бываетъ на Кавказѣ" [1]). Читатель, вѣроятно, удивится, узнавъ, что инціатива нарушенія въ данномъ случаѣ мѣстнаго обычая принадлежитъ князю Эристову, уроженцу Кавказа. Но дѣло въ томъ, что участіе туземцевъ въ управленіи краемъ совершенно случайно, и неудачный выборъ изъ нихъ служебнаго персонала является слѣдствіемъ все того же незнакомства съ краемъ пріѣзжаго чиновничества, отъ котораго и зависитъ всякое

---

[1]) Въ то время, когда уже писались эти строки, въ г. Баку случилось происшествіе, по своему характеру напоминающее вышеописанное. У мусульманъ, живущихъ въ этомъ городѣ, существуетъ обычай, каждый годъ въ октябрѣ праздновать такъ называемый „шахъ-сей, вахъ-сей", трауръ по Гусейну. Этотъ трауръ заключается въ цѣломъ рядѣ мистерій, исполняемыхъ какъ въ мечети, такъ и на улицахъ, причемъ нѣкоторые фанатики наносятъ себѣ въ голову раны. Обычай этотъ очевидно изъ тѣхъ, которые желательно, чтобъ или вовсе вывелись, или же исполнялись безъ какихъ бы то ни было кровавыхъ жертвъ; но достичь этого, конечно, нельзя тѣми мѣрами, какія приняла мѣстная полиція, безусловно воспретившая всякія уличныя процессіи. Не смотря на это запрещеніе, на многихъ улицахъ города появились уличныя процессіи, встрѣтившія появленіе полицейскихъ градомъ камней и выстрѣлами. Камни попали въ полиціймейстера и въ его помощника, а выстрѣлами ранены помощникъ пристава и два матроса; со стороны же мусульманъ оказалось десять человѣкъ раненыхъ.

служебное назначеніе. Кромѣ того, иные кавказскіе администраторы, при назначеніяхъ туземцевъ, держатся системы удаленія ихъ отъ мѣстностей, сколько-нибудь имъ знакомыхъ. Дѣлается это съ благою цѣлью—поставить ихъ въ невозможность дѣйствовать въ знакомой мѣстности, по родству, кумовству или инымъ личнымъ побужденіямъ. Результатъ же отъ этой мѣры всегда получается плачевный, въ родѣ вышеразсказаннаго: чиновника, склоннаго къ пристрастію, эта мѣра не удерживаетъ отъ незаконныхъ дѣйствій, а лицо, искренно желающее пользы краю, приноситъ ему одинъ лишь вредъ.

Вышеуказанное ненормальное положеніе суда и полиціи иногда равняется полному ихъ отсутствію, и этимъ обстоятельствомъ и слѣдуетъ объяснить, что до настоящаго времени кавказцы избѣгаютъ обращаться къ защитѣ законной власти, и предпочитаютъ самораспраду. Обычай родовой мести обыкновенно въ правильно организованномъ государствѣ съ теченіемъ времени исчезаетъ, по мѣрѣ того, какъ населеніе начинаетъ питать все болѣе и болѣе довѣрія къ суду, къ которому и обращается для возстановленія своей чести. Такое же явленіе было замѣчено въ шестидесятыхъ годахъ въ Дагестанской области, гдѣ правительство успѣло покончить миромъ значительное количество дѣлъ, возникшихъ вслѣдствіе обычая кровавой мести. Говоря о саморасправѣ, мы не имѣемъ въ виду одну лишь родовую месть; это послѣднее преступленіе часто носитъ характеръ дуэли, которая, какъ извѣстно, не вывелась и въ Европѣ, несмотря на всѣ существующіе тамъ нынѣ усовершенствованные судопроизводственные порядки. Саморасправа на Кавказѣ далеко не всегда возникаетъ по вопросамъ чести; она тамъ весьма часто является и при такихъ случаяхъ, при какихъ ей нѣтъ вовсе мѣста въ сколько-нибудь благоустроенномъ государствѣ, а именно въ сферѣ имущественныхъ отношеній. Среди мусульманскаго населенія Закавказья, въ особенности въ эриванской и елизаветпольской губерніяхъ самое большое число грабежей имѣетъ въ своемъ основаніи месть [1]). То же, но только въ меньшей степени, повторяется и въ другихъ мѣстностяхъ Кавказа. Неразмежеванность имѣній, а, главнымъ образомъ, неопредѣленность правъ населенія на землю и на воду создаютъ массу поземельныхъ споровъ, требующихъ возможно скораго и справедливаго рѣшенія. Всѣ эти споры основаны обыкновенно не столько на документахъ, сколько на обычаѣ и давностномъ владѣніи и требуютъ со стороны судьи не столько юридической учености,

---

¹) См. „Сборникъ свѣденій о Кавказѣ“. т. IV.

сколько знанія бытовыхъ условій мѣстной жизни и ея историческаго склада, а это-то знаніе и трудно найти въ коронномъ судьѣ, въ членѣ губернскаго крестьянскаго присутствія, и въ другихъ органахъ власти, замкнутыхъ въ канцелярскомъ формализмѣ. Не имѣя же возможности добиться отъ нихъ скораго и справедливаго разрѣшенія своихъ поземельныхъ вопросовъ, населеніе невольно прибѣгаетъ къ самоправѣ. Изъ статистическаго обзора уголовныхъ преступленій за 1871—77 гг., помѣщеннаго въ „Сборникѣ свѣденій о Кавказѣ“ (т. IV и VII), видно, что убійства на Кавказѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, являются слѣдствіемъ ссоръ и дракъ, возникающихъ изъ такихъ пустыхъ причинъ, о которыхъ авторъ вышеупомянутаго обзора, неизбѣгающій вообще подробнаго изложенія мотивовъ преступленій, не считаетъ нужнымъ даже вскользь упоминать. Между тѣмъ, эти-то пустыя ссоры и драки имѣютъ своей подкладкой не столько пустыя любовныя шашни и врожденный кавказцамъ будто отъ природы буйный нравъ, какъ это любятъ доказывать нѣкоторые поверхностные наблюдатели, сколько, главнымъ образомъ, неудовлетворенное чувство справедливости, неудовлетворенныя имущественныя требованія, и вообще раздраженіе, вызываемое анархіею въ самыхъ кровныхъ интересахъ. Какъ ни скудны по этому предмету статистическія свѣденія, помѣщенныя въ помянутомъ „Сборникѣ“, однако, и ихъ достаточно, чтобъ ими до извѣстной степени освѣтить указываемое нами явленіе. Такъ, на Сѣверномъ Кавказѣ и въ Закавказьѣ, вслѣдствіе потравъ пахатныхъ и пастбищныхъ мѣстъ и вообще вслѣдствіе споровъ изъ-за земли и воды было случаевъ:

	пораненій и тяжкихъ побоевъ:	убійствъ:
Въ 1873 г.	43	неизвѣстно.
„ 1874 „	42	18
„ 1875 „	37	„
„ 1877 „	40	20

Но иногда бываетъ на Кавказѣ и нѣчто худшее, чѣмъ самоправа, это—полнѣйшая безнаказанность преступника, что имѣетъ мѣсто тогда, когда шайка оказывается настолько изворотливой или могущественной, что съ нею не могутъ справиться полиція и судъ. Населеніе въ такихъ случаяхъ не только не оказываетъ властямъ содѣйствія при преслѣдованіи этой шайки, но нерѣдко и укрываетъ ее отъ нихъ, изъ боязни, что непойманный членъ шайки жестоко и безнаказанно отомститъ всему населенію. А разъ шайка успѣетъ терроризовать какую-нибудь мѣстность,—дерзости и хищничеству ея нѣтъ уже предѣла.

Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что не простое усиленіе репрессалій, а, главнымъ образомъ, болѣе близкое знакомство полиціи и суда съ условіями мѣстной жизни сдѣлаетъ борьбу законной власти съ разбойничьими шайками болѣе успѣшной, и возстановленіе порядка и спокойствія въ краѣ—болѣе возможнымъ. Совершенно справедливо замѣчаетъ Курсель-Сенелль въ своемъ извѣстномъ „Трактатѣ о политической экономіи", что нѣтъ ни одного столь общедѣйствительнаго средства къ ускоренію прогресса покоренныхъ племенъ, какъ строгое, справедливое и выдержанное правосудіе.

Мечтать о возстановленіи на Кавказѣ дореформеннаго суда было бы большимъ заблужденіемъ. Безгласность этого суда еще болѣе увеличила бы ту пропасть, которая существуетъ между кавказскимъ населеніемъ и бюрократіею. При старомъ судѣ каждое крупное преступленіе возбуждало подозрѣніе, что оно—дѣло рукъ тѣхъ самыхъ лицъ, на которыхъ закономъ возложена охрана порядка и спокойствія. А подозрѣніе это являлось невольно, потому что, при безгласности суда, народъ не имѣлъ возможности провѣрить тѣ слухи, которые обвиняли судебно-полицейскихъ чиновниковъ въ своекорыстныхъ дѣйствіяхъ и которые отчасти подтверждались быстрымъ обогащеніемъ этихъ чиновниковъ. Такое недовѣрчивое отношеніе къ старому суду усиливалось еще его крайнимъ формализмомъ и медленностью.

Казалось бы, что реформу кавказскихъ судовъ, начатую въ 1868 г., согласно новымъ судебнымъ уставамъ, слѣдовало бы довести до конца и увѣнчать введеніемъ суда присяжныхъ. Такъ, вѣроятно, и случилось бы, еслибъ не убѣжденія вліятельной части мѣстной бюрократіи, что на Кавказѣ населеніе слишкомъ мало сознаетъ преступность тѣхъ происшествій, которыя приводятъ въ ужасъ образованное общество, и что населеніе это, засѣдая въ судахъ, поголовно оправдывало бы всѣхъ закоренѣлыхъ преступниковъ. Этою же крайнею неразвитостью кавказскаго населенія многіе объясняютъ и обсуждаемое въ этой статьѣ зло — высокую степень преступности на Кавказѣ. Поэтому намъ нельзя не остановиться на разборѣ доводовъ, приводимыхъ въ пользу такого, по нашему мнѣнію, совершенно неправильнаго взгляда.

II.

Представленія о добрѣ и злѣ у народовъ первобытныхъ и цивилизованныхъ, конечно, не одинаковы. Среди германскихъ народовъ, въ древности, грабежъ былъ столь же непостыднымъ и небезчестящимъ поступкомъ, какъ и неумышленное убійство. Въ Шотландіи и Ирландіи еще въ XVII вѣкѣ разбойничество не представляло ничего безчестнаго и нерѣдко принимало даже нѣкоторое религіозное освященіе. Точно также крайне извращено у народовъ неразвитыхъ и понятіе о наказаніи. Изслѣдователь древняго русскаго права, Станиславскій, замѣчаетъ, что въ эпоху господства физической силы, при воинственности нравовъ граждань, открытое нападеніе на собственность вызывало болѣе энергически сильную защиту, чѣмъ въ наше время, и можно думать, что рѣдкій случай грабежа не оканчивался смертью кого-либо. Кавказскіе народы многимъ поверхностнымъ наблюдателямъ, какъ выше было упомянуто, кажутся именно въ такомъ первобытномъ состояніи. Кавказцы смотрятъ на преступленіе какъ на ремесло, или даже какъ удальство, предметъ хвастовства, — вотъ мнѣніе, которое приходится слышать часто, какъ только рѣчь заходитъ о высокой степени преступности на Кавказѣ.

Взглядъ этотъ достоинъ серьезнаго вниманія, но не потому, что онъ могъ бы быть признанъ въ дѣйствительности справедливымъ, а въ виду его распространенности, и въ виду того, что, благодаря этому взгляду на Кавказѣ, тормазятся всѣ сколько-нибудь благодѣтельныя, съ общечеловѣческой точки зрѣнія, реформы; предполагается, что дикіе кавказцы неспособны воспринять блага этихъ реформъ, а, напротивъ, могутъ ими лишь избаловаться. Достойно вниманія, что такіе взгляды находятъ себѣ мѣсто не только въ мѣстной кавказской бюрократіи, но и въ серьезныхъ, повидимому, изслѣдованіяхъ, въ которыхъ, казалось бы, кромѣ научныхъ свѣденій и основанныхъ на нихъ выводовъ, ничего и не должно бы быть. Составитель, напримѣръ, статистическихъ свѣденій о преступленіяхъ на Кавказѣ, г. Сегаль („Сборникъ свѣденій о Кавказѣ", т. VII), приходитъ къ мысли, „что судебная реформа не только не содѣйствовала къ уменьшенію въ этомъ краѣ числа уголовныхъ преступленій, а, будучи въ принципѣ чрезвычайно гуманной, скорѣе содѣйствовала къ увеличенію числа таковыхъ, развязавъ дикарямъ руки". Въ подтвержденіе же мысли, что гуманные законы лишь развращаютъ такихъ дикарей, какъ кавказцы, приводится при этомъ даже самъ Гербертъ Спенсеръ.

Ученый статистикъ, ратуя противъ судебной реформы и гуманности вообще, повидимому, полагаетъ, что лучше наказать десять невинныхъ, чѣмъ оправдать одного виновнаго. Нѣчто въ этомъ родѣ въ отношеніи Кавказа было высказано, къ нашему удивленію, даже въ одномъ спеціальномъ юридическомъ органѣ, чуждомъ, повидимому, какихъ-либо узкихъ тенденцій. Тотъ же взглядъ проводится и въ сообщеніяхъ, носящихъ оффиціозный характеръ; такъ еще недавно въ описаніи поѣздки главноначальствующаго по югу Закавказья, помѣщенномъ въ газетѣ „Кавказъ", замѣчалось, что, при борьбѣ съ разбоями, надо вообще „различать двѣ категоріи таковыхъ: преступленія, входящія, такъ сказать, въ самый бытъ населенія, вслѣдствіе существованія въ немъ цѣлаго класса людей, изъ поколѣнія въ поколѣніе привыкшихъ жить только одною преступною добычею,—и преступленія, хотя и возмутительныя по своей наглости и по своему звѣрству, но такія, которыя носятъ на себѣ случайный или исключительный характеръ. Эти исключительныя преступленія болѣе замѣтны, о нихъ болѣе говорятъ; но достаточно изловить какую-нибудь шайку въ 7—8 человѣкъ разбойниковъ, чтобы прекратились и ихъ преступленія, чтобы вскорѣ забыло о нихъ и напуганное общество. Другое дѣло — разбои, грабежи, поджоги, убійства, похищенія женщинъ, которыя свирѣпствовали въ борчалинскомъ уѣздѣ и въ другихъ мѣстностяхъ края. Они составляютъ какъ бы принадлежность самого быта, они совершаются изо-дня въ день,—объ нихъ даже и не говорятъ, такъ какъ населеніе привыкло смотрѣть на нихъ, какъ на повседневное явленіе".

Въ доказательство же того, что кавказцы смотрятъ на всякое преступленіе съ легкимъ сердцемъ, обыкновенно указываютъ на слѣдующія обстоятельства: горцы и нѣкоторыя другія народности Кавказа нисколько не стремятся наказать преступника, а стараются лишь взыскать съ него извѣстное матеріальное вознагражденіе въ пользу потерпѣвшаго, какъ бы за самое обыкновенное имущественное правонарушеніе; когда же власти берутся за преслѣдованіе преступниковъ, то населеніе ничѣмъ не пренебрегаетъ для сокрытія слѣдовъ преступленія, причемъ на судѣ и слѣдствіи прибѣгаетъ даже къ лжесвидѣтельству. При этомъ щедро сыплются на несчастныхъ кавказцевъ упреки въ дикости нравовъ, въ фанатическомъ отношеніи къ иновѣрцамъ, и въ отсутствіи склонности къ мирной жизни. Но всѣ эти доводы, имѣющіе внѣшній видъ правдоподобія, при ближайшемъ разсмотрѣніи, вовсе не выдерживаютъ строгой критики. Въ самомъ дѣлѣ, если и по настоящее время въ кавказскихъ горахъ существуетъ

обычай денежной компенсаціи по уголовнымъ дѣламъ, то онъ не имѣетъ, да и не имѣлъ, кажется, раньше, значенія простого возстановленія нарушенныхъ имущественныхъ правъ, а игралъ роль штрафа, взыскиваемаго въ нѣсколько разъ бо́льшемъ размѣрѣ противъ понесенныхъ отъ преступленія убытковъ. Такъ, напримѣръ, по осетинскимъ обычаямъ, обличенный въ воровствѣ платилъ за уворованную вещь втрое и даже въ-семеро противъ того, что вещь уворованная стоила. Тотъ же принципъ прочно установленъ въ адатахъ (обычаяхъ) и у всѣхъ остальныхъ горцевъ. Эта усиленная матеріальная компенсація у послѣднихъ, вообще не отличающихся матеріальнымъ благосостояніемъ и обиліемъ денежныхъ знаковъ, является не менѣе сильнымъ для нихъ наказаніемъ, чѣмъ можетъ быть, нѣкоторыя установленныя европейскими кодексами наказанія, сопряженныя съ физическими страданіями (каторжныя работы и пр.), но не особенно трудно переносимыя людьми, такъ богато одаренными физически, какъ горцы. Кромѣ того, у горцевъ существовало наказаніе и въ другой формѣ; такъ, напримѣръ, въ видѣ убійства изъ мести, въ видѣ ссылки, членовредительства, и пр.

Такою же внѣшнею правдоподобностью отличается и другая ссылка,—ссылка на лжесвидѣтельство, распространенность котораго будто доказываетъ отсутствіе у кавказцевъ пониманія преступности. Слухи объ этомъ, дѣйствительно существующемъ на Кавказѣ печальномъ явленіи—крайне преувеличены. Всякая ошибка переводчика (а ихъ бываетъ очень много, вслѣдствіе его невѣжества) считается намѣренно извращеннымъ свидѣтельскимъ показаніемъ; всякая неудачная догадка полиціи при разслѣдованіи преступленія даетъ поводъ подозрѣвать, что населеніе всякими способами способствуетъ ея неудачѣ. Какъ свято почиталось населеніемъ всякое показаніе на судѣ, доказываетъ существованіе у него такъ-называемой очистительной присяги: достаточно было подсудимому присягнуть предъ судьями въ своей невиновности, чтобъ онъ былъ оправданъ; ложное свидѣтельство на судѣ наказывается, у горцевъ, напримѣръ, также строго, какъ воровство, и уличенный въ лжесвидѣтельствѣ удовлетворяетъ потерпѣвшаго тѣмъ, чѣмъ долженъ бы былъ удовлетворить обвиненный имъ человѣкъ; или, по адатамъ горцевъ кумыкскаго округа, напримѣръ, уличенный въ лжеприсягѣ подвергался ссылкѣ на одинъ годъ въ Георгіевскъ и, кромѣ того, его имя оглашалось въ главныхъ мечетяхъ во всеуслышаніе народа и записывалось въ заведенные для этого дѣла списки, хранящіеся при мечетяхъ. Мы, однако, не думаемъ вовсе отрицать сильной распространенности на Кав-

казѣ лжесвидѣтельства. Но при этомъ не нужно забывать, во-первыхъ, о томъ общемъ всему человѣчеству явленіи, которое замѣчено Спенсеромъ въ отношеніи индусовъ, въ книгѣ: „Развитіе политическихъ учрежденій", а именно, что даже тѣ народы, которые отличались особою правдивостью, нерѣдко практиковали притворство относительно пришлаго элемента (европейцевъ), коль скоро вступали съ нимъ въ торговыя сношенія (стр. 7); и во-вторыхъ, что лжесвидѣтельство въ настоящее время въ кавказскихъ судахъ является часто, вслѣдствіе убѣжденія свидѣтеля въ несоотвѣтствіи мѣръ наказаній, находящихся въ распоряженіи властей, со степенью преступности подсудимаго. Этой же послѣдней причиной можно объяснить и всякое иное стремленіе мѣстнаго населенія къ укрывательству преступниковъ. При большемъ согласованіи русскихъ уголовныхъ законовъ съ понятіями кавказскаго населенія о разныхъ видахъ преступленія и наказанія, при существованіи, наконецъ, на Кавказѣ суда присяжныхъ, — это печальное явленіе, вѣроятно, было бы распространено тамъ значительно менѣе.

Признавать мотивомъ крупныхъ преступленій на Кавказѣ фанатизмъ мусульманскаго населенія также не имѣетъ основанія. Центральный статистическій комитетъ въ своемъ органѣ „Кавказскій календарь" (за 1885 г.) замѣчаетъ, что жертвами преступленій, совершаемыхъ мусульманами, являются, главнымъ образомъ сами же мусульмане. Кромѣ того, мы не помнимъ случая въ кавказской уголовной хроникѣ, чтобы какое-либо преступленіе было вызвано ненавистью мусульманъ къ христіанскому или другому иновѣрческому населенію [1]). Если же въ „дѣлахъ" иногда оффиціально и заявлялось о такомъ мотивѣ преступленія, то, при дальнѣйшемъ разслѣдованіи, оказывалось, что мотивъ этотъ служитъ лишь маской хищническимъ инстинктамъ преступниковъ; такъ было, напримѣръ, въ 1873 г., въ елизаветпольской губерніи, въ сел. Хачмазъ, гдѣ при ограбленіи татарами евреевъ, послѣднихъ они неосновательно обвиняли въ похищеніи ихъ мальчика, съ цѣлью будто смѣшать его кровь съ тѣстомъ для праздничнаго хлѣба. Крупныя столкновенія русскихъ рабочихъ съ татарскими лавочниками, происходившія въ Баку, нѣсколько лѣтъ назадъ, во время праздниковъ, какъ свидѣтельствуютъ очевидцы, которыхъ неоднократно приходилось лично разспрашивать пишущему эти строки, и какъ это хорошо извѣстно мѣстному обще-

[1]) Мы это говоримъ не только на память, но и на основаніи свѣденій, помѣщенныхъ въ „Сборникѣ свѣденій на Кавказѣ", т. IV и въ „Обзорѣ нечаянныхъ смертныхъ случаевъ, смертоубійствъ и уголовныхъ преступленій", за 1871—77 гг.

ству, были вызваны не религіозною нетерпимостью православныхъ къ „басурманамъ", или обратно, а лишь диничными выходками двухъ-трехъ ловеласовъ изъ лавочниковъ противъ русскихъ женщинъ, пришедшихъ къ нимъ за покупками. Это-то и подало поводъ вмѣшаться въ дѣло праздной толпѣ рабочихъ, находившихся въ то время, по случаю праздниковъ, подъ сильнымъ вліяніемъ Бахуса. Да и откуда взяться мусульманскому фанатизму на Кавказѣ, когда мѣстное христіанское населеніе отличается традиціонною вѣротерпимостью, и въ томъ же духѣ дѣйствують здѣсь оффиціальные представители господствующей церкви.

Довольно краснорѣчивымъ опроверженіемъ вышеупомянутаго мнѣнія относительно особенно сильной склонности кавказцевъ къ преступленіямъ могутъ служить нижеприводимыя цифры, заимствуемыя нами изъ оффиціальныхъ источниковъ (изъ „Кавк. календаря" и „Сводовъ статистическихъ свѣденій по дѣламъ уголовнымъ, производившимся въ 1879 г."), и свидѣтельствующія о незначительности разницы, существующей въ отношеніи численности преступленій между Кавказомъ и другими мѣстностями Россіи. Одно крупное преступленіе, подсудное окружному суду, въ эриванской губерніи, напримѣръ, приходится на 484 человѣка; въ дагестанской—на 423 чел.; а въ округѣ петербургской судебной палаты одно такое же преступленіе приходится на 344 человѣка; въ одесскомъ округѣ — на 416 чел., въ казанскомъ—на 450. Судя по этимъ цифрамъ, въ эриванской губерніи степень преступности въ населеніи ниже, чѣмъ въ округахъ: казанскомъ, одесскомъ и, въ особенности, петербургскомъ, а въ дагестанской области нравственность выше, чѣмъ въ одесскомъ и петербургскомъ округахъ [1]). Лишь въ округахъ саратовской, московской и харьковской судебныхъ палатъ преступность нѣсколько слабѣе, чѣмъ въ вышеозначенныхъ мѣстностяхъ Кавказа, а именно: въ первомъ округѣ одно преступленіе въ годъ приходится на 486 человѣкъ, во второмъ — на 514, и въ третьемъ—на 558. Даже тѣ мѣстности Кавказа, которыя отличаются наибольшею своею преступностью, какъ елизаветпольская и тифлисская гу-

¹) Необходимо оговориться, что вышеприведеннымъ цифрамъ нужно придавать значеніе лишь приблизительной вѣроятности, такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о преступленіяхъ, подсудныхъ окружнымъ судамъ, и подсудность этихъ судовъ въ кавказскомъ округѣ немного ограниченнѣе, чѣмъ въ другихъ округахъ, а именно, кавказскіе окружные суды разсматриваютъ дѣла лишь по тѣмъ преступлѣніямъ, которыя влекутъ за собой лишеніе или ограниченіе правъ, между тѣмъ, какъ въ другихъ округахъ окружнымъ судамъ подсудны и нѣкоторыя другія уголовныя преступленія, подсудныя на Кавказѣ только мировому суду.

берніи, по численности преступленій, въ нихъ совершаемыхъ, не сильно превзошли петербургскій округъ, въ которомъ, какъ уже было выше сказано, въ годъ одно преступленіе приходится на 344 человѣка; въ губерніи же елизаветпольской—на 315, и въ тифлисской—на 322 чел. Такимъ образомъ, степень вообще преступности, если о ней судить по числу крупныхъ происшествій, —въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, въ которыхъ живетъ безусловно мирное населеніе, и на воинственномъ Кавказѣ, оказывается почти одинаковой. Если же преступность на Кавказѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, даетъ себя чувствовать, такъ это, какъ выше было упомянуто, вслѣдствіе обилія тамъ преступленій квалифицированныхъ, направленныхъ въ одно и то же время и противъ собственности и противъ личности. Преступленія же, направленныя исключительно противъ собственности, напротивъ, значительно сильнѣе распространены въ другихъ судебныхъ округахъ, чѣмъ въ кавказскомъ. Кражи въ елизаветпольской губерніи составляютъ лишь 15%; а въ центральныхъ округахъ — 57%, и въ варшавскомъ округѣ—58%. Еще бо́льшая разница, въ томъ же направленіи, замѣтна въ преступленіяхъ болѣе или менѣе замысловатыхъ. Мошенничество въ елизаветпольской губерніи составляетъ лишь—0,1%, между тѣмъ, какъ въ центральныхъ округахъ это же преступленіе составляетъ 1%, а въ варшавскомъ округѣ—1,04%.

Это, впрочемъ, вполнѣ понятно съ точки зрѣнія законовъ нравственной статистики. Въ сферѣ уголовныхъ правонарушеній законъ компенсаціи играетъ не малую роль. Съ теченіемъ времени преступленія, дѣлаясь все менѣе тяжкими, увеличиваются въ числѣ; преступленія противъ личности встрѣчаются все рѣже и рѣже, преступленія же противъ собственности усиливаются. Скученность населенія въ большихъ городахъ и дороговизна жизни, нѣтъ сомнѣнія, создаютъ почву, особенно благопріятную для преступленій послѣдняго порядка. Съ другой стороны, усиленная заботливость о благосостояніи потомства предупреждаетъ переполненіе страны и экономическія бѣдствія, но увеличиваетъ въ то же время число преступленій противъ нравственности [1]). По наблюденіямъ профессора Ферри, за періодъ съ 1826 по 1876 годы, во Франціи замѣчается антагонизмъ въ возрастаніи и уменьшеніи по годамъ между числомъ преступленій противъ нравственности, съ одной стороны и числомъ кражъ—съ другой. Вообще же образованіе—орудіе обоюдоострое; оно, открывая дорогу ко всему доброму, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ возможность нравственно испорченнымъ личностямъ

---

[1]) См. Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права. 1883 г. Книга 3.

совершать такія тонкія преступленія, какъ, подлоги, шантажъ, которыя нерѣдко причиняютъ потерпѣвшему сильныя страданія и доводятъ его до самоубійства. Съ другой стороны, быстро распространившееся знаніе легко возбуждаетъ въ впечатлительныхъ личностяхъ несоразмѣрное стремленіе, потребности, удовлетворить которыя въ данной средѣ нѣтъ никакой возможности. Въ такихъ случаяхъ замѣчается особая наклонность къ самоубійству, явленіе, имѣющее характеръ преступности.

Какъ бы однако ни была мала разница въ численности преступленій, совершаемыхъ въ населеніи неразвитомъ, съ одной стороны, и въ населеніи, уже цивилизованномъ—съ другой, нельзя отрицать того положенія, что въ первомъ случаѣ преступность проявляется съ большею жестокостью, чѣмъ во второмъ. Въ первомъ случаѣ преступная воля выражается въ открытомъ насиліи, производимомъ крайне грубо, неразсчетливо, съ большею опасностью не только для цѣлости всего имущества находящагося на мѣстѣ преступленія, но и для жизни всякаго случайнаго очевидца преступленія, будь онъ хозяинъ того имущества или совершенно постороннее лицо—все равно. Уменьшить это зло можно посредствомъ распространенія среди кавказцевъ образованія, что, казалось бы не особенно трудно, потому что ни въ стремленіи ихъ къ этому благу, ни въ способности ихъ къ достиженію его сомнѣваться ни въ какомъ случаѣ нельзя. Но почему, несмотря на это, народныя массы остаются здѣсь до сихъ поръ въ невѣжествѣ,—вопросъ не исключительно кавказскій, а общерусскій, и мы поэтому, его здѣсь не будемъ касаться, тѣмъ болѣе, что онъ прямого отношенія къ предмету настоящей статьи не имѣетъ, да это и завело бы насъ слишкомъ далеко.

III.

На характеръ преступности, кромѣ степени умственнаго развитія, имѣетъ большое вліяніе, какъ извѣстно, и матеріальное благосостояніе. Итальянскій профессоръ—криминалистъ Ферри, одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей новой уголовно-антропологической школы, въ ряду факторовъ, вызывающихъ преступность, первое мѣсто отводитъ неудовлетворительному экономическому положенію народныхъ массъ, и какъ на средства, способныя спасти общество отъ развитія преступности, указываетъ на такія мѣры, какъ напримѣръ, свободная эмиграція, уравненіе податей и налоговъ, публичныя работы въ годы экономическихъ

бѣдствій, полная замѣна звонкой монетой кредитныхъ билетовъ (средство затруднить поддѣлку денегъ), разумное устройство фабрикъ, ограниченіе числа рабочихъ часовъ несовершеннолѣтнихъ (средство уменьшить преступленія противъ нравственности), сооруженіе дешевыхъ жилищъ для рабочихъ, общества взаимнаго страхованія и проч.

И на Кавказѣ неудовлетворенность нѣкоторыхъ экономическихъ интересовъ является единственнымъ мотивомъ многихъ и многихъ преступленій. Имущественная необезпеченность пограничныхъ съ Турціею и Персіею жителей пріучаетъ послѣднихъ быть всегда на готовѣ для самообороны и самораспраівы съ бродячими у границъ шайками. Неразмежеванность имѣній и неопредѣленность вообще поземельныхъ правъ, а также отсутствіе правильнаго орошенія, какъ выше было упомянуто, нерѣдко являются поводомъ къ кровавымъ драмамъ, которымъ завязкой обыкновенно служитъ самый ординарный и иногда совершенно пустой поземельный споръ, а развязкой—драка, кончающаяся нерѣдко убійствами и пораненіями. Такимъ-то образомъ, лица, вся прикосновенность которыхъ къ суду должна бы была ограничиваться лишь подачею искового прошенія, попадаютъ нерѣдко на скамью подсудимыхъ, въ качествѣ разбойниковъ и убійцъ.

Вліяніе экономическаго склада жизни на характеръ преступности на Кавказѣ выражается между прочимъ и въ особомъ развитіи въ этомъ краѣ конокрадства и скотокрадства вообще, а также въ склонности кочевыхъ обществъ къ разбоямъ и грабежамъ. Преступленія перваго рода на Кавказѣ распространены, вслѣдствіе особеннаго развитія тамъ скотоводства и вслѣдствіе той легкости, съ какой преступленія эти вообще совершаются: скрыть скотину хозяину ея гораздо труднѣе, чѣмъ вору; хозяинъ не можетъ защитить ее съ такимъ же удобствомъ, какъ какое бы то ни было другое движимое имущество; а вору, напротивъ, скрыть краденое нерѣдко помогаетъ самый же предметъ кражи: воръ скачетъ на краденой лошади за границу, въ Персію или Турцію, а вскорѣ затѣмъ снѣою можетъ явиться домой съ нею же, съ лошадью, если она не имѣетъ какихъ-либо особыхъ признаковъ, по которымъ хозяинъ могъ бы доказать свое право на нее.

Скотоводство же пріучаетъ мирныхъ, осѣдлыхъ жителей Кавказа къ безпокойной кочевой жизни. Лѣтомъ они стада свои пасутъ на горныхъ высотахъ, чуть ли не у полосы вѣчнаго снѣга и въ тундрахъ, а осенью спускаются на равнину, гдѣ остаются впредь до наступленія весны и затѣмъ снова поднимаются на горы, убѣгая отъ жаровъ и засухи низменныхъ мѣстностей. Лицъ,

живущихъ такою кочевою или полукочевою жизнью, вообще на Кавказѣ немного; такъ, въ эриванской губерніи, гдѣ кочевая жизнь наиболѣе развита, число кочующихъ еле достигаетъ 7.000 душъ обоего пола, что не составляетъ и $1^{1}/_{2}\%$ общей численности населенія губерніи. Не смотря однако на это, наиболѣе опасными для спокойствія края элементомъ являются именно кочевыя общества, преступность которыхъ поощряется какъ трудностью ихъ преслѣдованія со стороны мирныхъ жителей, такъ и тою злобою противъ осѣдлыхъ обществъ, которая возникаетъ вслѣдствіе того, что эти послѣднія безжалостно опустошаютъ ихъ зимовники, во время ихъ кочевки въ горы. Каковы бы однако ни были причины необузданности кочевниковъ, несомнѣнно, что они являются настоящими enfants terribles мѣстнаго населенія, и какъ французъ ищетъ въ каждомъ преступленіи женщину, такъ кавказецъ при каждомъ разбойничьемъ нападеніи вспоминаетъ кочевника. Вотъ въ какомъ видѣ представляются подвиги этого бродячаго населенія, по разсказу одного мѣстнаго изслѣдователя [1]).

„Кочевники безпощадно потравляютъ всѣ встрѣчающіеся имъ по дорогѣ пастбища, выгоны и даже посѣвы мѣстныхъ крестьянъ. Этого мало: отличаясь хищнической натурою, кочевники безъ стѣсненія уносятъ сложенный хлѣбъ, уводятъ скотину изъ стадъ или изъ конюшенъ, воруютъ сѣно, домашнія вещи, однимъ словомъ, все, что попадается имъ подъ руку. Осѣдлые поселяне обыкновенно не косятъ хлѣбовъ до ухода кочевниковъ; иначе имъ пришлось бы свозить съ поля хлѣба въ самый день покоса, такъ какъ чобанкяра (кочевникъ), пожалуй, не оставитъ ни одного снопа. При такомъ положеніи, хозяева не успѣваютъ до наступленія зимы убрать свои посѣвы, которые за частую пропадаютъ отъ непогоды или необмолоченные остаются въ скирдахъ подъ снѣгомъ до весны слѣдующаго года. Вообще чобанкяры и курды лежатъ тяжелымъ бременемъ на судьбѣ мѣстныхъ жителей, они настоящій бичъ посѣвовъ и пастбищъ поселянъ, не хуже саранчи или полевыхъ мышей. Это цѣлая правильно организованная шайка самыхъ безсовѣстныхъ, отъявленныхъ разбойниковъ, которымъ осѣдлый житель не смѣетъ прекословить, изъ опасенія быть зарѣзаннымъ или обворованнымъ до послѣдней нитки. Съ увѣренностью можно сказать, что чобанкяры и курды для каждаго селенія, находящагося на пути ихъ движенія, обходятся не менѣе 1000 рублей въ годъ.

[1]) См. издаваемые уполномоченными Министерства Государств. Имуществъ на Кавказѣ „Матерьялы для изученія экономическаго быта государств. крестьянъ Закавказскаго края," т. I, вып. 1. Изслѣдованіе г. Зелинскаго.

„Дѣло доходитъ нерѣдко до открытаго грабежа. Нуженъ ли хлѣбъ, сѣно или что другое, кочевникъ идетъ къ какому-нибудь мирному селянину и преспокойно просить дать все нужное, не думая и заикаться о вознагражденіи за просимое. Положеніе крестьянъ, живущихъ на пути движенія кочевниковъ, настолько тяжело, что къ концу августа, когда ущелья мало-по-малу освобождаются, наконецъ, отъ огней и шатровъ кочевниковъ, поселяне поздравляютъ другъ друга „съ уходомъ чобанкяръ и курдовъ", какъ поздравляютъ, обыкновенно, съ новымъ годомъ или свѣтлымъ праздникомъ".

Но какъ уничтожить кочевое состояніе? Вотъ вопросъ, который, какъ видитъ читатель, имѣетъ весьма важное значеніе въ дѣлѣ водворенія гражданственности на Кавказѣ. Если признать кочевую жизнь здѣсь признакомъ первобытнаго состоянія населенія, то, конечно, противъ этого зла бороться крайне трудно. Процессъ перехода отъ номадской жизни къ осѣдлой крайне труденъ, и искусственно его ускорить едва ли есть какая-нибудь возможность. Но дѣло въ томъ, что, зная умственный и нравственный уровень мѣстнаго населенія, въ особенности, христіанской ея части, зная историческіе памятники, свидѣтельствующіе о несомнѣнной культурности его, легко можно заключить, что кочевая жизнь кавказца не вытекаетъ изъ свойства его быта, не составляетъ основной черты его характера; напротивъ, кто знакомъ съ кавказцемъ, тотъ легко замѣтилъ его отвращеніе къ такой жизни и стремленіе къ осѣдлости. Слѣдовательно, есть какія-либо внѣшнія причины, наталкивающія населеніе на несимпатичное ей бродяжничество.

Изъ вышеприведеннаго краткаго описанія кочевой жизни Кавказа, читатель долженъ заключить, что къ жизни этой располагаетъ не только скотоводство, но и невыносимые жары, распространяющіе разныя болѣзни и увеличивающіе смертность на низменности, а также засуха, опустошающая пастбищныя и сѣнокосныя мѣста и тѣмъ лишающая населеніе возможности кормить свою чуть ли не единственную кормилицу—скотину. А засуха и жары—результатъ отсутствія правильнаго орошенія и безпощаднаго уничтоженія лѣсовъ. Когда-то, при персидскомъ владычествѣ, здѣсь существовали во множествѣ канавы и производилась правильная ирригація, но теперь противъ безводья не принимается никакихъ серьезныхъ мѣръ, и жители невольно бросаютъ свой домъ со всѣмъ обзаведеніемъ и ищутъ спасенія въ горахъ, въ лѣсной прохладѣ, у изобильно бьющихъ изъ горъ ключей. Слѣдовательно, развитіе орошенія и раціональное веденіе лѣсного хо-

зяйства можетъ повести къ уменьшенію и даже полной ликвидаціи на Кавказѣ кочевокъ цѣлыми обществами.

Но если даже предположить, что кочевая жизнь на Кавказѣ не есть случайное явленіе, вызываемое вышеуказываемыми внѣшними условіями, а составляетъ природную склонность населенія, то и въ томъ случаѣ нельзя терять надежды на скорое упраздненіе общаго кочеванія. Намъ кажется, что именно сильная наклонность кавказскихъ кочевыхъ обществъ къ преступности и является признакомъ скораго перехода ихъ въ земледѣльческое, осѣдлое состояніе. Мы приходимъ къ такому заключенію, судя по исторіи другихъ народовъ. Избытокъ населенія въ кочевыхъ племенахъ, неудовлетворяющійся находящимися въ ихъ распоряженіи пастбищами, обыкновенно прежде всего пробуетъ жить разбоями и грабежами, произведенными среди мирнаго, земледѣльческаго населенія, а въ послѣдствіи, будучи сильно отражаемъ этимъ населеніемъ, принуждается такимъ образомъ къ переходу въ земледѣльческое состояніе. Таковъ естественный ходъ развитія кочевыхъ народовъ, и нужно полагать, что та же участь ожидаетъ ихъ и на Кавказѣ, гдѣ къ тому же земли, занимаемыя ими, большею частью вполнѣ годны и для хлѣбопашества. Правительству остается лишь ускорить этотъ процессъ исчезновенія кочевки, посредствомъ развитія ирригаціи, въ которой сильно нуждаются богатѣйшія и плодороднѣйшія поля Кавказа, посредствомъ охраны лѣсовъ отъ безпощаднаго ихъ истребленія и правильно организованной полиціи и суда, для воспрепятствованія бродячимъ обществамъ-шайкамъ подвергать опасности жизнь и имущество мирнаго населенія.

Существуютъ на Кавказѣ еще полукочевыя общества, которыхъ числомъ больше, чѣмъ вполнѣ кочевыхъ. Полукочевыя общества состоятъ изъ семействъ, нѣкоторые члены которыхъ кочуютъ вмѣстѣ со стадами, предоставляя другимъ членамъ оставаться въ зимовникахъ и тамъ заниматься земледѣльческимъ хозяйствомъ. Изъ этого можетъ заключить читатель, что кавказское населеніе, въ силу привычекъ, пріобрѣтенныхъ имъ сообразно роду своихъ занятій, должно быть признано вообще очень подвижнымъ и склоннымъ къ эмиграціи, чѣмъ и можно объяснить, между прочимъ, и тѣ частыя выселенія съ Кавказа его коренныхъ обитателей въ Персію и главнымъ образомъ въ Турцію, которыя начались преимущественно съ покоренія кавказскихъ горъ. Но мы этимъ, конечно, вовсе не хотимъ сказать, что у горцевъ и у другихъ народностей, эмигрирующихъ отъ насъ, не было бы уважительныхъ мотивовъ къ такимъ переселеніямъ, и что эмиграція

составляла бы для нихъ природную потребность, такъ сказать, основное свойство ихъ быта. Напротивъ, необходимо замѣтить, что, какъ и выше было упомянуто, кавказцы вовсе не номады, а осѣдлый народъ, и лишь крайне тяжелыя экономическія условія жизни побуждають ихъ иногда оставлять родной кровъ и родныя поля и бѣжать въ невѣдомую имъ даль, нерѣдко на прямую свою гибель. Извѣстно, наприм., что горцы терской области, по умиротвореніи края, были надѣлены землею въ несравненно меньшей долѣ, чѣмъ рядомъ съ ними казаки. Наибольшее же выселеніе въ Турцію происходило изъ западнаго Кавказа (кубанской области); тамъ горцы выселены были изъ горъ и размѣщены на равнинѣ, гдѣ они терпѣли и терпятъ крайнюю нужду, и, понятно, ихъ никогда не покидаетъ надежда вернуть себѣ счастье, среди своихъ единовѣрцевъ, въ Турціи.

Мы остановились на этомъ обстоятельствѣ, потому что крайняя нужда, гонящая кавказцевъ съ ихъ родныхъ пепелищъ за границу сильно раздражаетъ ихъ противъ русскаго правительства и превращаетъ въ усердныхъ укрывателей всѣхъ шаекъ, бродящихъ на границѣ. Нѣтъ и не было на Кавказѣ сколько-нибудь значительной разбойничьей шайки, которая бы съ большимъ для себя удобствомъ не скрывалась отъ преслѣдованій нашей полиціи, у пограничныхъ жителей. О многочисленности этихъ хищниковъ можно судить по слѣдующему разсказу, приводимому нами изъ „Сборника свѣденій о Кавказѣ“ (т. VII): „Перебираясь черезъ границу цѣлыми массами, они не боятся даже отпора, могущаго встрѣтиться со стороны жителей и кордонной стражи. Шайки, вторгающіяся въ наши пограничные уѣзды, состоятъ всегда изъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, такъ что совмѣстныя усилія къ сопротивленію одновременно со стороны нѣсколькихъ деревень не въ состояніи оказывать никакого вліянія на уменьшеніе числа вторженій, и даже казаки кордонной линіи бываютъ иногда вынуждены пассовать предъ ними“. Приводя затѣмъ нѣсколько примѣровъ, авторъ изслѣдованія замѣчаетъ: „всѣ вышеприведенные примѣры не единственные въ своемъ родѣ и не выбраны, какъ самые выдающіеся“. Впослѣдствіи, послѣ послѣдней восточной войны и присоединенія карсской и батумской областей, эти разбойничьи набѣги на наши границы еще болѣе усилились. Нѣтъ почти ни одного № газеты „Карсъ“, въ которомъ не упоминалось бы о грандіозныхъ похожденіяхъ мѣстныхъ Ринальдо-Ринальдиновъ, преспокойно свившихъ себѣ гнѣздо у нашихъ сосѣдей, въ двухъ шагахъ отъ границы; по увѣренію же названной га-

зеты, въ набѣгахъ турецкихъ шаекъ принимаютъ участіе даже лица, состоящія на государственной службѣ.

Впрочемъ, это усиленіе преступности на нашихъ новыхъ границахъ станетъ вполнѣ понятнымъ, если вспомнить, въ какихъ размѣрахъ совершилось выселеніе изъ названныхъ областей въ Турцію ихъ коренного населенія, немедленно по присоединеніи къ Россіи. По оффиціальнымъ даннымъ, изъ 18,500 дымовъ, населявшихъ карскую область при турецкомъ владычествѣ, эмигрировало изъ нея, по присоединеніи ея къ Россіи, до 10,000 дымовъ, что составляетъ почти 100,000 душъ обоего пола. Изъ батумской же области послѣ войны выселилось туда же около 20,000 человѣкъ. Что же заставило эти массы бросить родной домъ и землю, воздѣланную потомъ и кровью ихъ предковъ и идти на прямое разореніе? Конечно, не заманчивыя обѣщанія турецкаго правительства, которымъ никто не вѣрилъ, и не фанатизмъ отдѣльныхъ лицъ. Объяснить это явленіе оффиціально констатированными причинами мы не имѣемъ возможности. Кавказскою администраціею того времени не были ни изслѣдованы дѣйствительныя причины такого важнаго явленія, ни приняты какія бы то ни было мѣры къ удержанію переселенцевъ на родинѣ. Почему начальство не сочло нужнымъ привязать населеніе вновь завоеваннаго края къ его новому отечеству, а замѣнило это населеніе греками, молоканами и др., какъ болѣе будто благонадежнымъ въ политическомъ отношеніи элементомъ,—намъ, конечно, совершенно неизвѣстно. Неизвѣстно также, имѣла ли мѣстная полиція, отъ выдачи переселенцамъ увольнительныхъ билетовъ, тѣ же выгоды, какія имѣла отъ этой статьи въ отношеніи переселяющихся горцевъ полиція кубанской области. Можемъ лишь безошибочно сказать, что отъ означенной эмиграціи больше всего выиграло низшее чиновничество и купечество, пріобрѣвшія за безцѣнокъ богатѣйшіе участки земли, оставленные эмигрантами. Извѣстно также, что администраціею, въ отношеніи упомянутаго края, были приняты мѣры, которыя свидѣтельствовали о ея желаніи поскорѣе раздѣлаться съ его кореннымъ населеніемъ. Въ числѣ такихъ мѣръ достойны особеннаго вниманія тѣ, которыя принимались въ отношеніи поземельнаго устройства; мѣстное начальство стремилось, во что бы то ни стало, поскорѣе ввести общерусскіе гражданскіе законы, безъ соображенія съ мѣстными поземельными обычаями и порядками; русскіе порядки оказались для мѣстнаго населенія крайне стѣснительными (въ отношеніи, напр., безвозмезднаго пользованія лѣсомъ, бездокументальнаго владѣнія общественными пастбищами и пр.), и экономическое поло-

женіе его сразу ухудшилось. А какъ ревниво преслѣдовала свои цѣли мѣстная администрація, достаточно упомянуть, что бывшій помощникъ намѣстника счелъ нужнымъ разъяснить въ 1878 году карсскимъ властямъ, что, какова бы ни была важность цѣли (заселенія края исключительно русскимъ населеніемъ), средства къ ея достиженію должны быть согласны съ достоинствомъ нашего правительства и законами справедливости, и что намъ не подобаетъ прибѣгать къ искусственнымъ мѣрамъ для понужденія къ переселенію мусульманъ карсской области. Что упоминаемыя здѣсь выраженія: справедливость, достоинство и пр., ни къ чему опредѣленному не обязывали карсскихъ администраторовъ, это доказывалось, во-первыхъ, тѣмъ, что переселеніе въ Турцію не прекращалось и послѣ помянутаго разъясненія, а во-вторыхъ, что судьбами вновь присоединеннаго края посланы были распоряжаться тѣ самые люди, дѣйствія которыхъ не задолго предъ тѣмъ, во время послѣдней войны, какъ оказалось по послѣдующимъ оффиціальнымъ разслѣдованіямъ, были признаны дѣяніями уголовнаго свойства.

Указывая на жалкое экономическое положеніе, какъ на главную побудительную причину безпрестанныхъ выселеній съ Кавказа его коренныхъ жителей и слѣдующихъ затѣмъ самыхъ дерзкихъ набѣговъ послѣднихъ на наши границы, мы тѣмъ не менѣе не желаемъ присоединиться къ голосу тѣхъ, которые матеріальныя условія жизни кавказскаго населенія признаютъ чуть не единственнымъ источникомъ всѣхъ, такъ часто проявляющихся въ немъ, преступныхъ наклонностей. Существуетъ, напримѣръ, мнѣніе, что высшее мусульманское сословіе, лишенное при русскомъ владычествѣ всякой власти, неполучившее образованія и преданное бездѣлью, снабжаетъ закулисными руководителями всевозможныя разбойничьи шайки. Но дѣло въ томъ, что мнѣніе это построено скорѣе на предположеніи, чѣмъ на дѣйствительно существующихъ фактахъ. Въ дѣйствительности, высшее мусульманское сословіе, сплошь состоявшее изъ персидскихъ и турецкихъ чиновниковъ, хотя и потеряло свои должности при русскомъ правительствѣ, но за то это же сословіе сохранило самыя существенныя права, предоставлявшіяся ему прежнею турецкою и персидскою службою, а именно, русскимъ правительствомъ пожалованы ему въ потомственное владѣніе казенныя земли, которыя прежде находились въ его владѣніи не на правѣ полной собственности, а лишь съ цѣлью получать съ нихъ нѣкоторую часть дохода, какъ вознагражденіе за трудъ по государственной службѣ. Кромѣ того, русское правительство многимъ изъ потомковъ персидскихъ и турецкихъ правителей оказывало и оказываетъ то же довѣріе, какимъ

они пользовались и при владычествѣ на Кавказѣ ихъ единовѣрцевъ; туземцамъ на Кавказѣ, хотя и въ меньшей степени, сравнительно съ пріѣзжимъ элементомъ, все же открытъ доступъ для занятія должностей въ арміи, въ судѣ, въ полиціи и въ другихъ сферахъ служебной дѣятельности.

Но если признаніе высшаго сословія собственникомъ находившихся въ его владѣніи казенныхъ земель, было благодѣтельно для этого сословія, то не пострадали ли отъ того поселяне, живущіе на тѣхъ земляхъ, превратившись фактически изъ государственныхъ поселянъ во владѣльческихъ. Многіе, дѣйствительно, такое распоряженіе кн. Воронцова, получившее законное утвержденіе, считаютъ равносильнымъ отдачѣ населенія въ кабалу вновь созданнымъ помѣщикамъ, и этимъ объясняютъ, почему оно, подъ гнетомъ своихъ новыхъ господъ, профессіональныхъ разбойниковъ, принуждено заниматься поголовно пристанодержательствомъ и иною болѣе активною преступною дѣятельностью. Этотъ взглядъ кажется намъ такимъ же основательнымъ, какъ и первый. Хотя государственные крестьяне вообще въ Россіи въ поземельномъ отношеніи лучше устроены, чѣмъ бывшіе помѣщичьи,— и поселяне мусульманскихъ провинцій Закавказья, оставаясь и при русскомъ правительствѣ на казенной землѣ, можетъ быть, находились бы въ лучшемъ положеніи, чѣмъ находятся въ настоящее время, когда они отбываютъ повинности частнымъ лицамъ; но несомнѣнно, что ихъ настоящее положеніе не хуже прежняго. Положенія 6 декабря 1846 г., а затѣмъ и 14 мая 1870 г., на основаніи которыхъ совершилось поземельное устройство этихъ поселянъ, сохранили въ ихъ пользованіи всѣ тѣ земли, какія находились у нихъ раньше, когда высшее сословіе не считалось еще собственникомъ этихъ земель. А послѣднее изъ вышеупомянутыхъ положеній, составленное примѣнительно къ положенію 19 февраля 1861 г., кромѣ того, освободило поселянъ отъ тѣхъ личныхъ повинностей крѣпостническаго характера, какія они прежде, не смотря на отсутствіе у нихъ крѣпостного права, отбывали владѣльцамъ, какъ служилому сословію, и замѣнило повинности эти ничтожною денежною, подесятинною, платою. Во-вторыхъ, нужно имѣть въ виду какъ размѣръ, такъ и качество земельнаго надѣла названныхъ поселянъ. По размѣру, надѣлъ этотъ, дѣйствительно, уступаетъ надѣлу бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ во внутреннихъ губерніяхъ (первый надѣлъ состоитъ среднимъ числомъ изъ 1—1½ десят. на душу муж. пола), и не всегда превышаетъ земельную собственность даже западно европейскаго крестьянина. Но за то по богатству почвы съ надѣломъ

закавказскихъ поселянъ едвали можетъ сравниться какой бы то ни было другой крестьянскій надѣлъ; участокъ закавказскаго поселянина нерѣдко оказывается состоящимъ изъ такъ-называемой чалтычной земли, которая засѣвается ежегодно и, не смотря на это, даетъ весьма высокій урожай (самъ 12 и даже 15) сарочинскаго пшена; на поселянской землѣ здѣсь, кромѣ того, произрастаютъ такія цѣнныя произведенія, какъ хлопокъ, кунжутъ и пр. Правда, выкупное дѣло у кавказскихъ поселянъ поставлено въ менѣе благопріятныя условія, чѣмъ у временно-обязанныхъ крестьянъ вообще (въ томъ числѣ и у такихъ крестьянъ въ тифлисской и кутаисской губерніяхъ), а именно, оно предоставлено единственно собственнымъ силамъ самихъ поселянъ, безъ оказанія со стороны правительства денежной помощи, и вслѣдствіе этого дѣло выкупа въ мусульманскихъ губерніяхъ, можно сказать, и не начато еще; но, съ другой стороны, едва ли это обстоятельство можетъ особенно тревожить поселянъ названныхъ губерній, такъ какъ они, кромѣ разныхъ преимуществъ предъ временно-обязанными крестьянами, имѣютъ еще и то преимущество, что отбываютъ за надѣлы относительно незначительную повинность, а именно $^1/_{10}$ или $^1/_{10}$ урожая (въ тифлисской и кутаисской губерніяхъ временно-обязанные крестьяне выдѣляютъ въ пользу помѣщика $^1/_4$ урожая). Здѣсь, кромѣ того, выкупъ можетъ совершаться и по одному требованію поселянина, хотя бы и противъ воли владѣльца.

Но, къ сожалѣнію, не вездѣ, какъ выше было сказано, поземельное устройство кавказцевъ завершилось такъ выгодно для нихъ, и нѣкоторые горцы, равно какъ и населеніе вновь присоединенныхъ областей, покидая край, вслѣдствіе поземельной безурядицы, и унося съ собой злобу противъ русскихъ порядковъ, мстятъ намъ пристанодержательствомъ и разбойничьими набѣгами и служатъ постоянной угрозой для порядка и спокойствія на нашихъ границахъ.

Еще болѣе достойно сожалѣнія, что въ будущемъ не только не обѣщаетъ зло это уменьшиться, а, напротивъ, есть основаніе думать, что оно сильнѣе разрастется. Опасеніе это является невольно въ виду того усердія, съ какимъ извѣстная часть столичной печати пропагандируетъ въ послѣднее время мысль о колонизаціи Кавказа кореннымъ русскимъ населеніемъ. Извѣстно, что Закавказье и безъ того страдаетъ крестьянскимъ малоземельемъ, что еще болѣе усиливается стремленіемъ мѣстнаго чиновничества и купечества прибирать къ своимъ рукамъ земли, оставшіяся безъ хозяина при эмиграціи. А тутъ еще газеты приглашаютъ

крестьянъ внутреннихъ губерній. Очевидно, что онѣ или вовсе не думаютъ объ участи мѣстнаго населенія, которое въ такомъ случаѣ осталось бы вовсе безъ земли, или же убѣждены, что ему и не полагается вовсе существовать. Если читатель думаетъ, что такою жестокою для туземцевъ мѣрою предполагается улучшить экономическое положеніе русскаго мужика, то горько ошибается. Долголѣтній опытъ доказалъ, что русскій пришлецъ въ Закавказьи почти всегда погибаетъ или отъ того, что не имѣетъ, да и не можетъ имѣть достаточно средствъ для заведенія въ незнакомой ему средѣ хозяйства; или же, главнымъ образомъ, отъ того, что не переноситъ чуждаго ему климата и другихъ природныхъ условій новой для него мѣстности. Наши публицисты рекомендуютъ замѣну на Кавказѣ мѣстнаго населенія исключительно русскимъ въ виду высшихъ государственныхъ соображеній. Туземцы, по мнѣнію ихъ, не благонадежны въ политическомъ отношеніи, а на окраинахъ нужно имѣть населеніе, вѣрноподданническія чувства котораго не подлежали бы никакому сомнѣнію (см. напр. статьи Шаврова, въ „Руси“, 1885 г.). Мы не будемъ здѣсь доказывать всю неосновательность подобныхъ соображеній. Не будемъ напоминать, что мѣстное населеніе давало поводъ сомнѣніямъ въ политическомъ отношеніи лишь тогда, когда мѣстная бюрократія обнаруживала стремленіе къ его обезземеленію. Не будемъ доказывать, что вышеупомянутые публицисты своею мѣрою—выселеніемъ коренного кавказскаго населенія—могли бы достичь противуположныхъ результатовъ, а именно усиленія неблагопріятныхъ для государства элементовъ, а приведемъ лишь изъ газеты „Кавказъ“ одинъ оффиціально засвидѣтельствованный случай,—случай, по которому читатель можетъ составить себѣ ясное понятіе о лицахъ, особенно сильно агитирующихъ въ извѣстной части столичной печати за названную мѣру: „Царицынскій купеческій сынъ Ашиновъ,—читаемъ въ „Кавказѣ“ (№ 263),—человѣкъ предпріимчивый, бойкій, но весьма неразборчивый на средства для достиженія своихъ личныхъ цѣлей, подговоривъ болѣе ста семействъ черниговской и полтавской губерній къ переселенію на Кавказъ, явился въ началѣ 1884 года, въ С.-Петербургъ, къ главнокомандующему гражданскою частью на Кавказѣ съ заявленіемъ о намѣреніи поселить эти семейства на черноморской береговой линіи, образовавъ изъ нихъ какое-то особое казачье войско. Ашинову было объявлено, что правительство не имѣетъ, и не можетъ имѣть, въ виду создавать казачье войско на черноморскомъ побережьи, но что желающіе водвориться тамъ могутъ, по осмотрѣ ходаками

свободныхъ земель, водвориться на нихъ съ разрѣшенія мѣстнаго начальства, на общихъ правахъ поселянъ. Ащиновскіе переселенцы, избравшіе землю около Ольгинскаго населенія, явились безъ всякихъ средствъ къ водворенію, будучи введены въ заблужденіе своимъ предводителемъ о томъ, будто бы правительство снабжаетъ каждую русскую переселенческую семью шестью головами скота и 200—300 руб. пособія. Бо̀льшая часть переселенцевъ, убѣдившись, вскорѣ по прибытіи въ Сухумъ, въ томъ, что они обмануты Ащиновымъ, возвратилась обратно на родину; осталось же въ Сухумскомъ округѣ всего 44 семьи, которыя и водворились близъ Ольгинскаго, образовавъ поселокъ Полтавскій. Входя въ бѣдственное положеніе этихъ поселянъ, главноначальствующій оказалъ имъ всевозможныя льготы отпускомъ казеннаго провіанта, двухъ тысячъ рублей на покупку скота и, кромѣ того, денегъ на постройку дороги къ Ольгинскому. Между тѣмъ, Ащиновъ, выдавая себя передъ переселенцами за какого-то атамана новаго казачьяго войска, истратилъ часть полученныхъ имъ для нужды поселенцевъ денегъ и хлѣба, который онъ продалъ торговцамъ въ свою пользу, и продолжалъ заваливать начальство постоянными просьбами о пособіи и жалобами на притѣсненія мѣстныхъ властей. Когда же всѣ мошенничества его обнаружились, и администрація рѣшилась привлечь его къ уголовной отвѣтственности,—Ащиновъ внезапно скрылся изъ Сухума и появился въ Петербургѣ. Тамъ онъ съумѣлъ втереться не только въ редакціи весьма почтенныхъ газетъ, но и къ нѣкоторымъ высокопоставленнымъ лицамъ. Своими разсказами о государственной пользѣ учрежденія „вольнаго казачества" на Черноморскомъ побережьѣ, о подвигахъ какихъ-то казаковъ, состоящихъ на службѣ у махди, въ Суданѣ, и у царя абиссинскаго, ему удалось возбудить въ себѣ участіе—пока, наконецъ, не обнаружилась вся наглая ложь его розсказней, и этотъ самозванный атаманъ несуществующаго казачества былъ привлеченъ къ уголовной отвѣтственности".

Заканчивая настоящую статью, считаемъ нужнымъ оговориться, что мы не имѣли въ виду всесторонне изслѣдовать почву, на которой кавказскія уголовныя дѣла все болѣе, безпрерывно изъ года въ годъ, разрастаются. Если читатель, пробѣжавъ наши замѣтки, скептически отнесется къ тѣмъ мѣрамъ, которыя предлагаются для уничтоженія этого зла извѣстною частью печати и которыя находятъ иногда примѣненія со стороны кавказскаго начальства,—то мы достигли вполнѣ своей цѣли, такъ какъ мы

здѣсь желали лишь показать, что мѣры строгости вообще, а тѣмъ болѣе строгости неразборчивой, несправедливой, несообразованной съ условіями мѣста и времени, не могутъ залечить одну изъ главнѣйшихъ ранъ Кавказа. Мы желали показать всю неосновательность мнѣнія тѣхъ, которые утверждаютъ, что на окраинѣ этой некогда думать о гражданственномъ развитіи населенія, и все вниманіе должно быть обращено на быстрое, энергичное уничтоженіе преступныхъ наклонностей населенія. Мы желали доказать, что преступныя наклонности эти составляютъ продуктъ гражданскаго неустройства края, и что бороться съ кавказской уголовной безурядицею нужно не военными строгостями, которыя своею неразборчивостью, напротивъ, еще болѣе могутъ увеличить эту безурядицу, а такими нешумными, но болѣе дѣйствительными, мѣрами, какъ упорядоченіе суда и администраціи, распространеніе народнаго образованія, безобидное для мѣстнаго населенія служебное его устройство, возможно скорое завершеніе межеванія, улучшеніе ирригаціи, охрана лѣсовъ, и т. п.

Тифлисъ, 1885. Т.

СИЛУЭТЫ.

I.

ФИЛИППЪ ФИЛИППЫЧЪ.

I.

Спиной къ публикѣ.

Былъ душный майскій полдень. По узенькой, пыльной улицѣ, гдѣ лѣпились по обѣимъ сторонамъ маленькіе одноэтажные домики,—тротуаровъ не полагалось, и мѣстами росла густая трава,—шелъ мальчикъ, лѣтъ тринадцати, въ гимназической формѣ.

Это была одна изъ отдаленныхъ окраинъ южнаго города Пыльска, о чемъ свидѣтельствовалъ характеръ построекъ, состоявшихъ сплошь изъ мазанокъ, крытыхъ черепицей и даже просто соломой. На самой серединѣ улицѣ, гдѣ въ дождливое время стояло цѣлое озеро грязной воды, а теперь блестѣла, какъ кусокъ разбитаго зеркала, отражая въ себѣ клочокъ бирюзоваго неба съ таявшимъ неподвижно маленькимъ перламутровымъ облачкомъ, длинная лужа,—сладостно млѣла, выставивъ лучамъ облѣпленную черною, лоснящейся грязью, спину свою и томно похрюкивая, тучная и, вѣроятно, уже пожилая свинья... Стѣны мазанокъ рѣзали глазъ ослѣпительной своей бѣлизною... Раскаленный воздухъ не шевелился... „Кукурику-у-у!“ — неслось со всѣхъ дворовъ, въ перебой...

Гимназистикъ шелъ по тѣневой сторонѣ, стараясь держаться ближе къ стѣнамъ домовъ, въ видахъ защиты отъ солнца. Ему было жарко. Новенькій, синій, щеголевато сидѣвшій мундирчикъ свой онъ разстегнулъ на распашку и помахивалъ, какъ опахаломъ, снятою съ остриженной головы фуражкою въ бѣломъ чехлѣ въ свое розовое миловидное личико, на которомъ блестѣлъ крупными каплями потъ, и черные волосы на вискахъ слиплись въ видѣ косичекъ...

Онъ былъ задумчивъ, даже унылъ, и шелъ, не поднимая глазъ отъ земли, съ сдвинутыми надъ переносьемъ густыми и тонкими, точно проведенными кисточкой, бровками, которымъ позавидовала бы любая дѣвица. Вообще, въ немъ было много женственнаго, начиная съ невиннаго взгляда, до граціозной, несмѣлой походки,—все являло въ немъ признаки благовоспитаннаго и скромнаго мальчика, изъ тѣхъ, что называютъ „маменькиными сынками".

Дойдя до конца улицы, по которой лежалъ его путь, онъ надѣлъ фуражку и застегнулся. Теперь онъ стоялъ передъ домомъ, скрытымъ въ тѣни трехъ росшихъ передъ нимъ тополей, высоко рѣявшихъ въ небѣ своими пирамидальными маковками. Этотъ домъ былъ поновѣе и пощеголеватѣе прочихъ, съ черепичатой крышей и раскрытыми настежъ окошками, съ горшками фуксій, герани и кактусовъ. Оттуда неслась, замирая въ недвижимомъ воздухѣ, нѣжная мелодія флейты...

Этимъ домомъ заканчивалась улица. Отъ него шелъ, подъ угломъ, высокій заборъ, и желтѣла на широкомъ пространствѣ песчаная отмель, вдаваясь правильнымъ мысомъ въ широкую, но мелководную, знаменитую своими крупными раками, рѣчку Смородку. На томъ берегу волнистой каймою тянулась купающая въ водѣ свои блѣдно-зеленыя, какъ бы запорошенныя пылью, вѣтви, левада, перемежаясь веселыми стройными сосенками, а дальше, сливаясь съ линіей горизонта, дремалъ синій лѣсъ...

Мальчикъ толкнулъ скрипучую калитку, прошелъ чистенькій, маленькій дворикъ, поднялся на крыльцо, миновалъ прихожую (дверь въ домъ оказалась незапертой) и, очутившись въ большой, съ низкимъ потолкомъ, комнатѣ, остановился на порогѣ.

Посреди этой комнаты, спиной къ нему, стоялъ высокій и плотный человѣкъ, въ бѣлыхъ парусиновыхъ штанахъ, на одной подтяжкѣ, и ночной сорочкѣ, изъ-за ворота которой виднѣлся багровый, напружившійся затылокъ, и, подавшись всѣмъ тѣломъ впередъ, выводилъ затѣйливую руладу на флейтѣ.

Онъ дѣлалъ, какъ разъ, въ это время паузу, поэтому уло-

вилъ ухомъ едва слышный скрипъ половицы подъ ногами вошедшаго мальчика. Онъ крикнулъ, не оборачиваясь.

— Ты, Параска?

— Нѣтъ-съ, это я, Филиппъ Филиппычъ, — тоненькимъ голоскомъ отозвался гимназистъ.

— А, птенецъ! — весело воскликнулъ плотный человѣкъ и обернулъ къ нему мѣдно-красное, безъ усовъ и бороды, пожилое лицо, съ крупнымъ носомъ и цѣлою копною нечесаныхъ русыхъ волосъ. Онъ бережно положилъ свой инструментъ на окошко, взмахнулъ высоко на воздухъ мясистой ладонью и стиснулъ въ ней тоненькіе пальчики гостя.

— Здорово, птенецъ!

Мальчикъ шаркнулъ ножкой и сказалъ, застыдившись:

— Извините, Филиппъ Филиппычъ... Я вамъ помѣшалъ...

— Сіе не суть важно! Какъ здоровье мамаши?

— Merçi, она здорова.

Мальчикъ сѣлъ на диванъ и потупился, вертя въ рукахъ фуражку.

— Жарко!—воскликнулъ Филиппъ Филиппычъ, садясь противъ гостя, и шлепнулъ по своей смуглой, съ мохнатою шерстью, груди, тяжело колыхавшейся подъ разстегнутымъ воротомъ грязноватой сорочки.—Вонъ и Фальстафкѣ жарко! Жарко, Фальстафъ?.. Ммъ, подлецъ!

Большой косматый песъ, бѣлый, съ рыжими подпалинами, изнеможенно лежавшій вдоль стѣнки, свѣсивъ на сторону длинный языкъ и коротко и быстро дыша, при своемъ имени сдѣлалъ изъ вѣжливости слабое движеніе пушистымъ хвостомъ, лѣниво полуоткрылъ на хозяина мутный, желтый зрачокъ и снова закрылъ, какъ бы желая сказать:—„Ахъ, отстань, Христа-ради, видишь, кажется, самъ!“

Мальчикъ молчалъ, блуждая глазами по обстановкѣ.

Стѣны были обмазаны блѣдно-лиловою краской. Въ углу бѣлѣлась вальяжная изразцовая печка. Стулья—старинные, краснаго дерева, съ сидѣньями изъ выцвѣтшаго ситца, съ рисунками въ видѣ крупныхъ букетовъ, и жесткими спинками,—были расположены какъ попало. Вдоль стѣны, у окошекъ, помѣщался таковой же диванъ, а передъ нимъ овальный столъ, со слѣдами давно оконченнаго чаепитія, въ видѣ потухшаго самовара, крошекъ бѣлаго хлѣба и остатковъ крѣпчайшаго чая въ стаканѣ. Но что больше всего бросалось въ глаза — это огромный, старомодный письменный столъ, возвышавшійся, какъ саркофагъ, у противоположной стѣны и загроможденный ворохами какихъ-то тетрадей,

книгъ и газетъ, представлявшихъ собою самый живописный хаосъ. Это былъ священнѣйшій уголъ во всей квартирѣ Филиппа Филиппыча, ревниво оберегаемый имъ отъ дерзновенныхъ вторженій щетки и тряпки полногрудой дѣвы Параски, въ качествѣ кухарки и домоправительницы, владѣвшей неограниченной властью во всѣхъ предѣлахъ этого дома. Сверхъ груды томовъ „Словаря" Владиміра Даля, ниспадалъ, держась однимъ уголкомъ, номеръ „Голоса" (пачка этой и другихъ газетъ, вѣроятно, была недавно получена съ почты, сохранивъ по мѣстамъ бандероль), придавленный свѣжими книжками толстыхъ журналовъ, красиво пестрѣвшими палевымъ и ярко-оранжевымъ цвѣтомъ обложекъ своихъ, и увѣнчиваясь сверху соломенной шляпой хозяина, рядомъ съ которой попала и одна изъ подтяжекъ... Посрединѣ стояла лампа съ колпакомъ въ видѣ шара, прикрытымъ абажуромъ изъ зеленой бумаги, и тутъ же чернилица съ песочницей, съ бронзовыми крышечками, изображавшими оленей. Со стѣнки смотрѣла на всю эту картину коллекція фотографическихъ портретовъ писателей, русскихъ и иностранныхъ. Рядомъ, занимая всю остальную часть стѣны, высились лѣстницей полки, плотно уставленныя русскими, французскими и нѣмецкими книгами, въ переплетахъ и просто въ обложкахъ, всевозможныхъ толщины и форматовъ. Тутъ были и Шлоссеръ, и Тьери, и Гизо, и Соловьевъ съ Костомаровымъ. По критикѣ, виднѣлись полныя собранія сочиненій Бѣлинскаго, Добролюбова и Аполлона Григорьева; изъ французскихъ — Тэнъ и Курьè. По отдѣлу изящной словесности — русскіе корифеи были всѣ на-лицо. Изъ англійскихъ — Вальтеръ-Скоттъ, Диккенсъ и Теккерей имѣлись почти полностію; Шекспиръ занималъ почетное мѣсто. Гейне, Гёте — тоже присутствовали. Меньше всего замѣчалось по части французской беллетристики — и, за исключеніемъ только Гюго, котораго всѣ капитальныя вещи имѣлись, на долю его соотечественниковъ досталось немного мѣста: повидимому, литературу французскую хозяинъ не особенно жаловалъ...

Филиппъ Филиппычъ много и прилежно читалъ, преимущественно по ночамъ, лежа въ постели. Вотъ и теперь, черезъ отворенную дверь въ сосѣднюю комнату, имѣвшую назначеніе спальни, гдѣ виднѣлось изголовье кровати, съ растянутымъ по стѣнѣ краснымъ дешевымъ ковромъ, съ изображеніемъ желтаго льва, — можно было замѣтить, на кругломъ маленькомъ столикѣ, съ полусгорѣвшею стеариновой свѣчкой въ низенькомъ мѣдномъ подсвѣчникѣ и графиномъ съ квасомъ, котораго оставалось только немного на донышкѣ, лежащую вверхъ корешкомъ какую-то

книгу, прикрытую четвертушкой писчей бумаги, съ карандашемъ, надо полагать, для отмѣтокъ.

Но иногда Филиппъ Филиппычъ измѣнялъ этой привычкѣ. Тогда онъ, раздѣвшись въ обычный свой час и всунувъ босыя ноги въ мягкія шлепанцы-туфли, зажигалъ на письменномъ столѣ лампу, въ сосѣдствѣ съ которой ставился и снятый съ ночного столика графинъ, наполненный съ вечера усердной Параской доверху квасомъ. Потомъ онъ дѣлалъ тщательный осмотръ комнатѣ. Убѣдившись, что дверь въ прихожую притворена плотно и шторы на окнахъ спущены низко, онъ, въ одномъ бѣльѣ, садился за письменный столъ и, выдвинувъ одинъ изъ ящиковъ, доставалъ оттуда толстую тетрадь писчей бумаги, сшитую въ форматѣ листа... Она была почти до половины исписана мелкимъ и тщательнымъ почеркомъ... Разложивъ тетрадь передъ собою, онъ принимался ее перелистывать, останавливаясь на нѣкоторыхъ мѣстахъ, перечитывая и дѣлая на поляхъ замѣтки карандашемъ, пока не доходилъ до послѣдней строки, откуда начинались пустыя страницы. Тамъ онъ прочитывалъ послѣдній абзацъ, склонялся нахмуреннымъ лбомъ къ рукѣ, упиравшейся локтемъ въ колѣно, и погружался въ сосредоточенную и глубокую думу... Просидѣвъ такъ минутъ съ десять, или съ четверть часа, онъ вдругъ откидывался на спинку кресла и, потеревъ руки, одну о другую, приступалъ къ работѣ...

Тихо, торжественно снималась крышка, съ изображеніемъ оленя, съ чернильницы, въ которую погружалось перо,—и на рукописи, подъ послѣдней строкою, появлялось мелко и тщательно выписанное первое слово... Рядомъ съ нимъ лѣпилось другое, еще и еще, выходила строка, подъ нею другая, третья, четвертая,—и медленно, плавно, безъ скачковъ и перерывовъ двигалось перо Филиппа Филиппыча, нанизывая ровныя, красивыя строчки... По временамъ, онъ откидывался на спинку кресла, свертывалъ и курилъ папиросу, или, не покидая пера, бралъ со стола графинъ съ квасомъ, дѣлалъ, прямо изъ горлышка, нѣсколько могучихъ глотковъ—и снова принимался строчить... Лицо его горѣло сосредоточеннымъ вдохновеньемъ работы... Тихо вокругъ, только развѣ Фальстафъ, свернувшійся клубкомъ на своей подстилкѣ у печки, глухо пролаетъ во снѣ, потревоженный какою-нибудь своею собачьею грёзой... Но вотъ, внезапно, пронзительно прокукурикалъ пѣтухъ на дворѣ... А перо Филиппа Филиппыча, все знай себѣ, непрерывно и однотонно поскрипываетъ. Вотъ и воробьи уже проснулись и подняли свое хлопотливое щебетанье за окнами, шторы порозовѣли въ лучахъ восходящаго солнца, и

матовый ламповый шаръ все пуще и пуще краснѣетъ, тускло свѣтя на страницы рукописи Филиппа Филиппыча, какъ бы въ смущеньи передъ наступающимъ владычествомъ дневного свѣтила, и пѣтухи со всѣхъ уже дворовъ кричатъ въ перебой—а Филиппъ Филиппычъ все пишетъ и пишетъ...

Чтó онъ пишетъ, когда онъ началъ эту работу и когда окончитъ?.. Объ этомъ знали лишь грудь да подоплёка Филиппа Филиппыча!.. Въ эту тайну онъ не посвящалъ никого, она касалась только его одного, да тѣхъ самыхъ портретовъ, которые, неподвижно и молчаливо, въ ночной тишинѣ, смотрѣли со стѣнки на эту работу...

II.

Горе Птенца.

— Ты откуда-жъ такъ рано, птенецъ—задалъ Филиппъ Филиппычъ вопросъ своему молчаливому гостю. Тотъ уныло смотрѣлъ въ это время на блестящія пятна, которыя рисовалъ на полу солнечный свѣтъ, проникая сквозь окна, съ млѣвшими въ нихъ неподвижно цвѣтами.

Мальчикъ вздрогнулъ слегка, скользнулъ робкимъ взоромъ мимо сидѣвшаго противъ него на диванѣ хозяина, какъ бы избѣгая взглянуть ему прямо въ лицо, и съ тѣмъ же убитымъ видомъ уставился въ золотистый столбъ свѣта, перерѣзывавшій наискось комнату, съ крутящимися въ немъ милліонами блестящихъ пылинокъ и неугомонно снующими мухами... Лицо его выражало страданіе, намѣреніе что-то сказать и нерѣшительность...

— Да ты что же это такой?.. Случилось, что ли, съ тобой что нибудь?—спросилъ съ безпокойствомъ Филиппъ Филиппычъ, прочитавшій въ чертахъ гимназиста всѣ эти чувства.

— Нѣтъ... ничего... То есть, да... То есть, я хотѣлъ... Гм, гм!

Голосъ маленькаго гостя пресѣкся, онъ побагровѣлъ и сдѣлалъ судорожное движеніе пальцами, которые держали фуражку, какъ бы въ тщетномъ усиліи ее разорвать. Глаза его были теперь полны слезъ...

— Да что жъ это въ самомъ дѣлѣ, Саша? — совсѣмъ ужъ встревожился Филиппъ Филиппычъ, кладя руку ему на плечо и пристально засматривая въ глаза.—Да что же случилось-то? А? Да, ну, говори-же... Что съ тобой? А?

Миловидное личико мальчика искривилось тою некрасивою

гримасой, которая предшествуетъ плачу. Дѣйствительно, въ ту-же минуту изъ глазъ его хлынули слезы, и онъ пролепеталъ, сквозь рыданія:

— Про-ва-лил-ся!

— Хмъ, вотъ оно что!—протянулъ Филиппъ Филиппычъ:—ты, значитъ, съ экзамена... Да, теперь вспомнилъ:—у тебя сегодня латынь... Такъ? Изъ латыни?

— Изъ... ла-ты-ни!

— Какъ же ты это такъ, братецъ, а?

Саша, сквозь слезы, принялся разсказывать.

Въ extemporale было пять ошибокъ... Это „плевать"! За extemporale онъ получилъ тройку... Подгадилъ устный отвѣтъ! Онъ хорошо проспрягалъ plusquamperfectum conjunctivi отъ глагола „facio" въ страдательномъ залогѣ (a verbo: fio, factus sum, fieri). Онъ перечислилъ, почти безъ ошибки, всѣ имена существительныя 3-го склоненія, оканчивающіяся на is, по исключенію мужескаго рода:

Много есть именъ на is
Masculini generis:
Panis, piscis, crinis, finis...

Онъ думалъ, что „чехъ" тутъ его и отпуститъ. Держи карманъ! „Чехъ" сталъ пробирать его изъ „оборотовъ". „Чехъ" народно придрался, чтобы его провалить, потому что не любитъ его. Во-первыхъ, онъ спросилъ, что значитъ „Accusativus cum infinitivo"? Какъ перевести фразу: „Я убѣжденъ, что душа моя безсмертна?".. Саша зналъ, что послѣ „persuasus sum" („я убѣжденъ") нужно поставить ut съ сослагательнымъ. Онъ сказалъ съ ut. Онъ зналъ, что тутъ можетъ быть употребленъ и оборотъ accusativus cum infinitivo. „Чехъ" велѣлъ употребить accusativus cum infinitivo. Слѣдовало сказать: „Persuasus sum, animam meam"... а онъ перевелъ: „anima mea", потому что онъ постоянно смѣшиваетъ accusativus cum infinitivo съ оборотомъ ablativus absolutus, и никогда, никогда, во всю жизнь не привыкнетъ къ этимъ проклятымъ „оборотамъ», и „чехъ" это знаетъ и нарочно спросилъ, чтобы срѣзать, а потомъ раскричался, стыдилъ и поставилъ ему двойку!

Мальчикъ разсказывалъ все это торопливо и съ жаромъ, какъ то бываетъ при воспоминаніи недавно пережитаго горя. Слезы его уже высохли и лицо разгорѣлось. Филиппъ Филиппычъ пристально и съ участіемъ слушалъ.

— Д-да, плохо дѣло!—сочувственно вздохнулъ онъ напо-

слѣдокъ.—Значитъ, осенью у тебя двѣ переэкзаменовки: изъ математики и латыни?..

Саша ничего не отвѣтилъ, опустилъ низко голову, и оживленное выраженіе на лицѣ его вдругъ замѣнилось давишнимъ видомъ тупого отчаянія. Филиппъ Филиппычъ счелъ нужнымъ пролить въ его душу бальзамъ утѣшенія.

— Ну, ну! Чего унывать!—хлопнулъ онъ по плечу своего юнаго гостя;—эка бѣда! Лѣто велико... Успѣемъ и погулять, и на лодкѣ поѣздимъ, и въ лѣсу нашляемся вдосталь!.. А тамъ приналяжемъ на книжки, какъ слѣдуетъ — и четвертый классъ отъ насъ не уйдетъ!.. А ты ужъ и нюни сейчасъ распустилъ?.. Э-эхъ, птенецъ, птенецъ! Нужно быть молодцомъ!

Но быть молодцомъ, по крайней мѣрѣ въ данную минуту, оказывалось повидимому свыше Сашиныхъ силъ. Отчаяніе не покидало его, и въ тоже время казалось, будто въ душѣ мальчика происходитъ борьба между необходимостью еще что-то повѣдать и безсиліемъ на это рѣшиться, что выражалось въ его неимовѣрныхъ стараніяхъ оторвать козырекъ отъ фуражки...

— Да полно же, ну! Экій ты, братецъ! — продолжалъ убѣждать Филиппъ Филиппычъ, свертывая тѣмъ временемъ толстѣйшую папиросу; — перейдешь, и все будетъ ладно!

— Не перейду!—возопилъ вдругъ гимназистъ, такимъ отчаяннымъ голосомъ, который бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда однимъ геройскимъ усиліемъ сбрасывается съ души долго и мучительно ее угнетавшая тайна.—Я не могу перейти, и... и... и учиться не нужно, и... и... (тутъ слезы опять хлынули у него въ три ручья) я оставленъ на второй годъ!!!

— Какъ?! изумленно воскликнулъ Филиппъ Филиппычъ, успѣвшій уже окутать себя густой пеленой табачнаго дыма.

Энергическимъ жестомъ руки, онъ очистилъ вокругъ себя воздухъ и уставилъ неподвижно вытаращенные глаза на уничтоженной фигурѣ „птенца“.

Тотъ тяжко и прерывисто всхлипывалъ, вслѣдствіе чего въ теченіе нѣкотораго времени не могъ вымолвить ни единаго слова. Мало-по-малу, однако, всхлипыванья замѣнились глубокими вздохами, и онъ, съ запинкой и паузами, повѣдалъ наконецъ свое горе.

Суть была вотъ въ чемъ. Экзаменъ изъ латыни оказался рѣшающимъ. Саша раньше не выдержалъ изъ математики. Относительно экзамена изъ нѣмецкаго, онъ раньше еще безпокоился, такъ какъ не былъ увѣренъ, поставилъ ли „нѣмецъ“ ему удовлетворительный баллъ, потому что онъ никогда не показываетъ, сколько поставилъ, поэтому Саша ни мамашѣ, ни Филиппу Фи-

липпычу объ этомъ ничего не сказалъ, а самъ про себя только мучился, и вотъ лишь сегодня узналъ въ канцеляріи, что „нѣмецъ“ поставилъ ему тоже двойку, а потому онъ оказался провалившимся изъ трехъ предметовъ... А главное—„чехъ“! Саша такъ былъ увѣренъ, что долженъ выдержать изъ латинскаго! Онъ и въ году занимался, и къ экзамену зубрилъ съ утра до ночи, и вотъ всю эту ночь сидѣлъ на-пролетъ! Онъ никакъ, никакъ не ожидалъ, что „чехъ“ его срѣжетъ!

— Голубчикъ! Миленькій! Добрый!—воскликнулъ въ заключенье птенецъ, схватывая внимательно-слушавшаго его Филиппа Филиппыча за руку.—Пойдемте къ намъ! Ради Бога! Вы разскажете мамашѣ! Я не могу ей такъ разсказать! Скажите ей, что это ничего, пустяки, что я на второй годъ остался, что я буду стараться! Она, я знаю, думаетъ теперь, что я выдержалъ! Она вчера въ церковь ходила Богу молиться, и я ночью слышалъ, какъ она не спала и къ дверямъ подходила, и все что-то шептала—и вдругъ вотъ теперь я приду и скажу, что остался, и она будетъ плакать! А я не умѣю ей такъ сказать, чтобъ она не плакала, и самъ заплачу! А вы можете, добренькій! Вы скажете такъ, что выйдетъ все хорошо!.. Голубчикъ!.. Пойдемте!.. Сейчасъ же, сію-же минуту, вотъ и пойдемте!

— Ну, ну, хорошо, хорошо, успокойся, птенецъ!—проговорилъ Филиппъ Филиппычъ, вставая. — Пойдемъ къ мамашѣ. Только самъ-то ты не волнуйся! Все будетъ отлично!.. Ахъ, дѣти мои, дѣти, куда мнѣ васъ дѣти?—вздохнулъ онъ благодушно, остановясь противъ Саши, который, блѣдный, огасшій, и даже какъ будто вдругъ постарѣвшій, сидѣлъ, съ глазами, уставленными пристально въ землю. — Ну, ну, нечего носъ вѣшать на квинту!—прибавилъ онъ весело, взъерошивая на головѣ Саши волосы, и, снова вздохнувъ, отправился въ спальню.

Онъ вышелъ оттуда, смотрясь въ большое складное зеркало, которое держалъ обѣими руками, и, остановившись въ дверяхъ, спросилъ самъ себя:

— Побрыться, чи нѣтъ?

(Какъ чистокровный „кацапъ“, Филиппъ Филиппычъ хохловъ не долюбливалъ и, несмотря на свое довольно-давнее проживаніе въ Пыльскѣ, говору ихъ не научился, но пріобрѣлъ за то привычку вставлять иногда въ свою русскую рѣчь малороссійскія фразы, по большей части ихъ безпощадно коверкая).

Послѣ короткаго, но пристальнаго созерцанія себя въ зеркалѣ, онъ рѣшилъ:

— Треба побрыться!

Съ этими словами, Филиппъ Филиппычъ поставилъ веркало на столъ съ самоваромъ, принесъ и приготовилъ, что нужно, и, сѣвъ на диванъ, передъ зеркаломъ, сосредоточенно занялся бритьемъ.

— Добре! — воскликнулъ онъ, наконецъ, затѣмъ всталъ и унесъ обратно въ спальню бритвенныя принадлежности. Скоро оттуда послышались плесканье воды и фырканье Филиппа Филиппыча, совершавшаго свое омовеніе. Спустя короткое время, онъ предсталъ передъ Сашей аккуратно причесаннымъ, въ чистомъ, только-что изъ стирки, парусинномъ балахонѣ, широко сидѣвшемъ на его могучихъ плечахъ, таковомъ же жилетѣ и вышитой малороссійской сорочкѣ. Снявъ со стола и нахлобучивъ на голову свою соломенную широкополую шляпу и вооружившись толстою палкой, онъ сказалъ гимназисту:

— Ну, птенецъ, трогаемъ!

Затѣмъ свиснулъ собакѣ:

— Фальстафъ, фю-фю!

Въ темной прихожей, Филиппъ Филиппычъ крикнулъ куда-то, въ пространство:

— Параска! Дверь зачини! Обидать не буду!

Солнце палило еще свирѣпѣе. Филиппъ Филиппычъ шелъ въ перевалку, грузно опираясь на свой толстый посохъ, и молчалъ. Саша тоже молчалъ, идя, понурившись, бокъ-о-бокъ съ Филиппомъ Филиппычемъ, и воспроизводилъ въ своей памяти роковыя перипетіи этого грустнаго утра... Фальстафъ, неохотно, лѣниво, плелся позади, перекладывая съ одной стороны на другую свой длинный, повисшій, какъ тряпка, языкъ, и размышлялъ про себя: „Эная жарища, Господи!.. И чего, на кой ладъ, понесло ихъ?.. Чортъ знаетъ!“..

III.

Идиллія.

— ...И прекрасно, и прекрасно, что такъ это вышло! Слѣдуетъ радоваться, что онъ провалился! Этого ихъ латиниста положительно благодарить даже нужно... Ей-богу, увѣряю васъ, Анна Платоновна! Да знаете ли вы, коли на правду пошло, что я самъ бы такъ поступилъ? Именно потому, что желаю Саши добра!.. Нѣтъ, положительно, онъ, должно быть, человѣкъ не безъ смысла, даромъ, что чехъ!

Такъ ораторствовалъ Филиппъ Филиппычъ, спустя полчаса, рас-

положившись у окошка гостиной одноэтажнаго кирпичнаго дома, на одной изъ лучшихъ улицъ Пыльска, носившей поэтому общепринятое во всѣхъ городахъ названіе „Московской". Видъ онъ имѣлъ невозмутимый, что всего болѣе дѣйствуетъ въ цѣляхъ успокоенія, и курилъ папиросу, по обычаю, толщиной чуть не съ оглоблю. Рѣчь свою велъ онъ къ худощавой, среднихъ лѣтъ дамѣ, помѣщавшейся противъ него, съ краю дивана. Лицо ея, бывшее, очевидно, въ молодости, очень пріятнымъ, съ мягкими, правильными линіями, но какъ будто, когда-то, давно, вслѣдствіе какихъ-то причинъ, преждевременно вдругъ постарѣвшее, да такъ и застывшее, разъ навсегда, въ этихъ чертахъ; пристально она впилась въ Филиппа Филиппыча темными, безъ блеску, глазами, которые, отъ времени до времени, съ пытливой и затаенной тревогой перебѣгали на Сашу, въ той же понуренной позѣ, какъ и давеча, —когда онъ былъ у Филиппа Филиппыча,—сидѣвшаго на стулѣ у стѣнки. Надо было думать, что не задолго предъ этимъ она была очень разстроена, можетъ быть, даже поплакала, и вотъ теперь только оправилась и овладѣла собою. Но все-таки она, вѣроятно, еще не совсѣмъ успокоилась, потому что горячо и съ негодованьемъ воскликнула:

— Нѣтъ, какъ хотите, Филиппъ Филиппычъ, а это подлость со стороны учителя! Я увѣрена, что онъ это сдѣлалъ нарочно, потому что Сашу не любитъ! Саша—вотъ спросите его—мнѣ не разъ жаловался, что онъ къ нему несправедливъ и всегда придирался...

— Онъ всегда ко мнѣ придирался, мамаша! — встрепенулся на своемъ стулѣ птенецъ, готовый уже закипѣть, но Филиппъ Филиппычъ тотчасъ же на него оглянулся и спокойно замѣтилъ:

— Вотъ что братецъ... Принеси-ка ты мнѣ стаканъ воды, да попроси у Варварушки кусочекъ льду... Будь такой добрый!

— Вотъ что, въ концѣ-концовъ, я скажу вамъ, Анна Платоновна,—продолжалъ онъ, лишь только Саша вышелъ изъ комнаты;—вы вооружены противъ учителя—оставимъ его въ покоѣ... Но неужели вы не замѣтили, какъ нашъ мальчуганъ перемѣнился за время экзаменовъ?

— Какъ?—испуганнымъ шопотомъ переспросила Анна Платоновна.

— Т.-е. я хочу сказать, какъ онъ похудѣлъ, поблѣднѣлъ... Онъ на себя непохожъ!.. Другимъ экзамены—какъ съ гуся вода, а съ нимъ, посмотрите, что сдѣлалось!.. Отчего? Оттого, что онъ слабъ, и то, чтó для другихъ мальчиковъ—трынъ-трава, для него, чтобы усвоить, требуетъ огромныхъ усилій...

— Вотъ ужъ это неправда!—запальчиво воскликнула Анна Платоновна,—у Саши блестящія способности, Саша быстро усвоиваетъ, онъ уменъ не по лѣтамъ! И вы, Филиппъ Филиппычъ, напрасно...

— Хорошо, оставимъ это,—спокойно перебилъ ее собесѣдникъ,—но что для него будетъ полезно посидѣть еще годикъ—тоже безспорно! Ему нужно отдохнуть, силъ новыхъ набраться, воспользоваться лѣтомъ во всю!.. Да ужъ полно вамъ себя волновать-то, голубушка, повѣрьте, что все это къ лучшему...

— Ахъ, все не то!.. Это, конечно, все пустяки, и не то меня мучитъ...

Анна Платоновна тяжко задумалась и, придвинувшись ближе къ Филиппу Филиппычу, прибавила пониженнымъ голосомъ:

— Знаете ли, чего я боюсь?

— Ну? что такое?

— Я боюсь, что эта неудача сильно на него повліяла...

— Т.-е. какъ, „повліяла?".

— Онъ убитъ! Потрясенъ! Съ его самолюбіемъ... вѣдь это ужасно! Я понимаю его, потому что онъ—весь въ меня... Онъ совсѣмъ не похожъ на другихъ дѣтей! О, какъ онъ самолюбивъ, еслибъ вы знали!! Этотъ ударъ...

— Ха-ха-ха! Да полно вамъ! Какой тамъ „ударъ", Господи-Боже! Важность какая, что мальчика на второй годъ оставили! Тряпка онъ будетъ, послѣ того, если и это для него ужъ „ударъ!". Эхъ, да повѣрьте, что для него въ сто разъ пріятнѣе воспользоваться лѣтомъ, какъ слѣдуетъ, чѣмъ корпѣть за латынью... Гм, гм! Ну, вотъ, спасибо, птенецъ!—весело перебилъ самъ себя Филиппъ Филиппычъ, принимая отъ Саши принесенный ему на блюдцѣ стаканъ воды, съ плававшей въ ней свѣтлою льдинкой.

Въ то время, какъ Филиппъ Филиппычъ былъ занятъ утоленіемъ жажды, глаза сына и матери встрѣтились... Въ эту минуту, лица обоихъ были болѣе, чѣмъ когда-либо, похожи одно на другое... Тревогой за сына и беззавѣтной материнской любовью свѣтились глаза Анны Платоновны; тревогой за мать и глубокою дѣтскою преданностью были проникнуты взоры птенца... Минута, — и оба протянули впередъ свои руки, упали другъ другу въ объятія и залились въ три ручья.

— Мамаша... Голубушка... Вы не сердитесь? Нѣтъ?—лепеталъ чуть слышно птенецъ, утопая въ слезахъ.

— Дорогой мой... Сашуточка... Да неужели ты думалъ?.. Я только за тебя вѣдь тревожилась... Красавецъ ты мой!—отвѣчала мать, сквозь рыданія.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, въ комнатѣ слышались лишь всхлипыванья да поцѣлуи... Филиппъ Филиппычъ безмятежно дымилъ своей самокруткой, глазѣя сквозь окно на вывѣску противоположнаго дома, съ изображеніемъ какой-то пестрой лепешки и надписью: „здѣсь дѣлаютъ гробы".

— Ну? Кончили, кажется? Или еще не наплакались?—спросилъ онъ, наконецъ, терпѣливо дождавшись, когда изліянія чувствъ прекратились, и взглянулъ на мать и сына попеременно.

Оба, отъ избытка ощущеній, безмолвствовали, утирали лица платками и улыбались...

— Слава Богу!.. Теперь, кажется, можно обратиться и къ обыденной дѣйствительности... Матушка Анна Платоновна! Совсѣмъ вы меня заморили, Богъ вамъ судья! Честное слово, въ брюхѣ девятый валъ перекатывается!

— Сейчасъ, сейчасъ, голубчикъ, Филиппъ Филиппычъ... Простите!—встрепенулась хозяйка, хлопотливо вставая. Въ голосѣ ея еще слышались слезы, но онъ звучалъ умиленіемъ.

Когда мать вышла изъ комнаты, птенецъ бросился къ Филиппу Филиппычу, обвилъ его шею руками, чмокнулъ въ уста, потомъ отскочилъ, припрыгнулъ козломъ и разсмѣялся блаженнѣйшимъ образомъ.

— Ну, то-то, давно бы такъ слѣдовало!—отозвался тотъ, съ своей лѣнивой и благодушной усмѣшкой, смотря на радостно-оживленное личико мальчика. — А то и нюни уже распустилъ... Ишь, носъ даже распухъ! Поди-ка лучше, умойся, да и мундирчикъ-то новый бы снялъ... Что даромъ трепать!

Гимназистъ сдѣлалъ еще пируэтъ, показалъ дурашливо самому себѣ языкъ въ зеркалѣ и, неожиданно принявъ чинный видъ, вышелъ изъ комнаты.

— Кушать пожалуйте!—печально произнесъ въ дверяхъ женскій голосъ.

Въ сосѣдней комнатѣ, за круглымъ обѣденнымъ столомъ, покрытымъ бѣлоснѣжною скатертью, сидѣла на своемъ председательскомъ мѣстѣ, передъ дымящейся миской, Анна Платоновна и разливала въ тарелки куриный борщъ съ баклажанами. Филиппъ Филиппычъ помѣстился за приборомъ, передъ которымъ стояли графинчикъ съ водкой и большая старомодная рюмка. Онъ налилъ, выпилъ и крякнулъ, а закусилъ кускомъ балыка. Въ ту же минуту явился и Саша, умывшійся и облеченный, вмѣсто мундирчика, въ коломянковый пиджачекъ и сорочку съ изящно-расшитою грудью,—рукодѣлья мамаши.

Всѣ погрузились въ ѣду.

Послѣ борща, Варварушка (высокая, худощавая женщина, родомъ изъ Курска, обладавшая вышеупомянутымъ печальнымъ голосомъ и не менѣе печальнымъ лицомъ, обмотаннымъ, вдобавокъ, вокругъ, не смотря на жару, толстымъ платкомъ, точно она только-что вернулась изъ бани и опасалась простуды) убрала все лишнее, а вмѣсто того принесла и поставила, широко взмахнувъ своими обнаженными локтями надъ головами обѣдающихъ, огромное блюдо, на которомъ были навалены, высокою горкою, раки... При этомъ зрѣлищѣ, Филиппъ Филиппычъ, завѣсившій себя салфеткою подъ самыя уши, даже загоготалъ плотоядно и съ восхищеньемъ воскликнулъ:

— Раки!!.. Вотъ это добре!

И онъ тотчасъ же нагребъ ихъ себѣ на тарелку цѣлую кучу.

Перегрызая съ трескомъ ихъ скорлупу, онъ замѣтилъ, — неодобрительно тряхнувъ головою:

— А признаться, неважны! не-е-важны!

Вотъ и все, что произнесъ Филиппъ Филиппычъ во время обѣда. Остальные пока и того не сказали. Обѣдъ происходилъ въ благоговѣйномъ молчаніи. Слышался только трескъ разгрызаемыхъ раковъ. Анна Платоновна отыскивала болѣе крупныхъ и подкладывала на тарелку птенца. Она замѣчала съ тревогой, что Саша дѣйствительно поблѣднѣлъ и осунулся, и, выбирая ему лучшій кусокъ, бросала на сына участливо-подозрительный взглядъ, точно онъ и теперь долженъ былъ все больше хирѣть, у нея на глазахъ, и она предотвращала опасность...

Послѣ раковъ былъ поданъ жареный „коропъ". Филиппъ Филиппычъ отдалъ честь и ему, потянувъ къ себѣ на тарелку добрый кусокъ. Саша задумчиво ковырялъ свою порцію вилкой.

— Что-жъ ты не кушаешь?—тревожно спросила Анна Платоновна, положившая сама ему кусочекъ получше.

— Не хочу, мамаша.

— Ну, скушай, дружочекъ!

— Право, не хочется. А что́ на послѣднее?

— Кисель съ молокомъ...

— Ахъ, киселя вотъ поѣмъ! А коропа не буду...

— Ну, скушай, душечка... а? Для меня! Я прошу!

Саша покорно принялся за коропа.

Наконецъ, обѣдъ былъ оконченъ. При этомъ, по старосвѣтски, Филиппъ Филиппычъ поблагодарилъ хозяйку „за хлѣбъ—за соль", на что Анна Платоновна отвѣчала ему: „извините", а Саша поцѣловалъ у ней ручку, та же его—въ лобикъ и губки. Затѣмъ, общество перемѣстилось въ гостиную.

Филиппъ Филиппычъ, пылая и отдуваясь, отъ обѣденныхъ подвиговъ, сѣлъ у окошка, на свое старое мѣсто, и занялся куреніемъ. Птенецъ возлегъ на диванъ и предался созерцанію голубой пелены табачнаго дыма, плавной струею несшейся черезъ окошко въ безвѣтреный уличный воздухъ... Анна Платоновна разставляла на столикѣ посуду для кофе... Широкій столбъ лучей солнца перерѣзывалъ наискось комнату, задѣвая кончикъ носа Филиппа Филиппыча, уголъ рояля и обливая всю противоположную стѣну, съ висѣвшими на ней литографіями...

Показался, наконецъ, и Фальстафъ, который все время гдѣ-то скрывался, но при первомъ звукѣ посуды, проникъ на кухню, откуда теперь и явился, послѣ довольно продолжительнаго тамъ пребыванія, облизываясь и въ пріятнѣйшемъ расположеніи духа, заблагоразсудивъ почтить своимъ присутствіемъ общество. Онъ томно брякнулся на полъ, въ освѣщенномъ солнцемъ пространствѣ, у ногъ Филиппа Филиппыча, на котораго и устремилъ благосклонный свой взоръ. Въ этомъ взорѣ читалось:

„Ну, а ты какъ? Поѣлъ? Хорошо? А я, братъ, о-отлично!".

Затѣмъ, съ блаженнѣйшимъ вздохомъ изъ всей глубины своей собачьей души, онъ спряталъ голову въ лапы и предался немедленно сладкой дремотѣ.

— Сашута!—сказала, послѣ кофе, Анна Платоновна:—принеси подушку Филиппу Филиппычу. Ложитесь Филиппъ Филиппычъ, мы вамъ не будемъ мѣшать! Спать небось хочется?

— Признаться!—всколыхнулся Филиппъ Филиппычъ, который сидѣлъ истуканомъ, устремивъ пристальный взглядъ себѣ подъ ноги и уподобляясь факиру, погруженному въ созерцаніе безконечности.—Это точно. Не прочь подремать!

Спустя немного, онъ уже лежалъ на диванѣ, въ позѣ убитаго воина, съ наброшеннымъ на лицо, въ защиту отъ солнца, пестрымъ фуляромъ, и тихо посапывалъ. Въ комнатѣ оставался одинъ лишь Фальстафъ, который спалъ сладкимъ сномъ. Мать съ сыномъ ушли, плотно притворивъ дверь за собою.

Анна Платоновна сѣла у окна своей спальни и прилежно занялась извлеченіемъ нитокъ изъ канвовой работы. Саша легъ на кушетку. Между обоими царило безмолвіе.

— Сашута,—нарушила, наконецъ, тишину Анна Платоновна, —ты, можетъ, вареньица хочешь?

Птенецъ отвѣчалъ глубокимъ молчаніемъ.

— Саша, а Саша!—окликнула опять его мать.

И тутъ онъ не издалъ ни единаго звука.

Анна Платоновна встала и подошла. Мальчикъ спалъ безмятежно, подложивъ кулакъ подъ голову.

Анна Платоновна сняла съ кровати одну изъ подушекъ, приблизилась къ кушеткѣ на цыпочкахъ, и, осторожно приподнявъ голову сына, подложила ему подъ затылокъ подушку. Потомъ она сѣла на прежнее мѣсто и принялась за свою прерванную работу.

Совсѣмъ тихо стало въ квартирѣ. Только откуда-то издали слышался заглушенный разстояніемъ шумъ, который производила Варварушка, перемывая посуду.

Анна Платоновна зѣвнула, потерла глаза, свернула работу и положила ее на окно. Затѣмъ она встала, направилась къ кровати и тихо легла.

Тутъ у кровати, на стѣнкѣ, висѣла акварель, подъ стекломъ, въ позолоченной рамкѣ. Она изображала прелестнаго мальчика, съ разсыпанными по плечамъ черными кудрями, въ синей бархатной курточкѣ и широкомъ гофрированномъ воротникѣ съ кружевами...

Это былъ портретъ Саши, снятый съ него, когда ему было пять лѣтъ.

Ложась спать и вставая, мать каждый разъ, машинально, обращала свой взоръ на этотъ портретъ. Вотъ и теперь, лежа недвижно, она его созерцала... Затѣмъ вѣки Анны Платоновны тихо смежились и не поднимались ужъ больше... Она крѣпко заснула.

Теперь весь домъ точно вымеръ. Лишь одинъ маятникъ неугомонно стукалъ въ столовой, да Варварушка, съ печальнымъ лицомъ, въ своей кухнѣ, гремѣла посудой...

. . . .

Филиппъ Филиппычъ все спалъ въ своей позѣ убитаго воина. Одна рука его была подложена подъ голову, другая ниспадала съ дивана. Густой храпъ съ переливами вылеталъ изъ его полуоткрытаго рта. Фуляръ съ лица давно ужъ свалился, чѣмъ мухи и не преминули безцеремонно воспользоваться. Одна бродила вокругъ его рта, заглядывая въ него точно въ пропасть, другая сидѣла на самомъ кончикѣ носа и заботливо чистилась.

Филиппу Филиппычу видѣлся сонъ.

Ему снилось, будто надъ нимъ дѣлаютъ пытку, про которую онъ сегодня ночью прочелъ въ романѣ Гюго: „Человѣкъ, который смѣется". Тамъ изображается, какъ на одного субъекта, который лежитъ на землѣ, кладутъ тяжелые камни, одинъ за другимъ, вынуждая сознаться, въ чемъ его обвиняютъ. Вотъ теперь

и на Филиппа Филиппыча положили такіе же камни. Одинъ лежалъ у него на груди, другой давилъ руку. Надъ нимъ стоялъ „чехъ“ и дѣлалъ допросъ:

— Филиппъ Филиппычъ, какъ будетъ futurum exactum отъ глагола „экваторъ“?

— Нѣтъ такого глагола!—твердо стоялъ на своемъ Филиппъ Филиппычъ.

— Отвѣчайте, Филиппъ Филиппычъ!—прозвучалъ опять голосъ „чеха“.

— Нѣтъ такого глагола! Отстаньте! — простоналъ Филиппъ Филиппычъ.

— Филиппъ Филиппычъ!—настаивалъ голосъ.

— Отстаньте!

— Филиппъ Филиппычъ, а Филиппъ Филиппычъ!—совсѣмъ ужъ явственно звалъ его голосъ.

„Отстаньте“, хотѣлъ-было повторить Филиппъ Филиппычъ, но открылъ глаза, и, вмѣсто мрачнаго подземелья, которое описано въ романѣ Гюго, увидѣлъ стѣны гостиной Анны Платоновны, на которыя падалъ розовый отблескъ заката, а вмѣсто несноснаго своего вопрошателя—граціозную фигурку птенца, который трясъ его за руку и повторялъ:

— Филиппъ Филиппычъ! Вставайте! Чай пить! Вставайте!

— Фу-у-у!—сдѣлалъ Филиппъ Филиппычъ—и совсѣмъ уже пробудился.

— Чай пить идите! — повторилъ птенецъ; — мамаша давно уже ждетъ... Въ саду!.. Приходите!

И затѣмъ онъ исчезъ.

Садомъ называлось пространство за домомъ, кончавшееся заборомъ, который выходилъ въ переулокъ. Тутъ росло нѣсколько грушевыхъ деревьевъ, лепеталъ своими разлапыми листьями кленъ, протягивая вѣтви къ каштану, а вдоль забора смиренно жались другъ къ дружкѣ нѣсколько терновыхъ кустовъ. Посрединѣ была разбита цвѣточная клумба. Рядомъ съ нею виднѣлась сквозная, изъ дранокъ, бесѣдка.

Филиппъ Филиппычъ туда и направился.

Въ бесѣдкѣ, на врытомъ въ землю столѣ, окруженномъ по стѣнкамъ бесѣдки скамейками, ярко блестѣлъ самоваръ, за которымъ сидѣла Анна Платоновна, наливая птенцу уже второй стаканъ чаю.

Филиппъ Филиппычъ сѣлъ и воскликнулъ:

— Ну, и чепуха же мнѣ приснилась сейчасъ!

Онъ закурилъ свою самокрутку и разсказалъ только что видѣнный сонъ.

— Это желудокъ! — объяснила Анна Платоновна, пододвигая къ Филиппу Филиппычу кувшинчикъ со сливками.

Наступило молчаніе, и всѣ занялись чаепитіемъ. Филиппъ Филиппычъ пилъ жадно и съ наслажденіемъ.

Смеркалось. Зарево заходящаго солнца, проникая сквозь чащу, бросало на землю золотистыя пятна. Воздухъ былъ тепелъ. Деревья, казалось, погружались въ дремоту.

Чай былъ уже отпитъ. Всѣ члены этого маленькаго застольнаго общества сидѣли, не двигаясь, какъ бы застывъ, съ глазами, устремленными въ этотъ тихій, дремотный сумракъ...

— Какъ славно!—вырвалось шопотомъ у Анны Платоновны.

— Вечеръ чудесный! — такимъ же шопотомъ отвѣтилъ ей Филиппъ Филиппычъ.

Всѣ вздохнули, не исключая птенца, мечтательно созерцавшаго какую-то точку въ пространствѣ.

И снова водворилось молчаніе, какое бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда одна только фраза, слово, простой даже звукъ способны нарушить гармонію душъ, слившихся въ одномъ глубокомъ и тихомъ чувствѣ покоя...

Совсѣмъ уже смерклось. Варварушка убрала самоваръ и посуду и поставила на столъ зажженную лампу.

— Ну, что-жъ, Филиппъ Филиппычъ, мы будемъ дѣлать?— спросила Анна Платоновна.—Почитаемъ, можетъ быть, вслухъ?

— Почитаемъ! Отлично!—встрепенулся Филиппъ Филиппычъ. —Что же мы будемъ... Да, кстати! Начали „Анну Каренину"?

— Начала... Немного только, а потомъ бросила...

— Бросили? Почему же?

— Да какъ вамъ сказать...—Анна Платоновна немного замялась, а потомъ, съ какой-то виноватой улыбкой, прибавила:— Скучно...

— Ка-акъ?!—взвизгнулъ Филиппъ Филиппычъ.—Ску-учно?! Это „Анна-то Каренина"?.. Графъ Толстой—скученъ?!..—Ну-у, сударыня... (онъ развелъ руками) Нѣтъ, чортъ возьми!.. Извините меня... Но только, знаете ли, ей-богу...

— Да вы не волнуйтесь, бога-ради,—остановила, съ благодушной усмѣшкой потокъ его отрывочныхъ восклицаній хозяйка. —Что съ меня взять?.. Вѣдь вы знаете, какая я читательница? —Мнѣ больше сказочки нравятся... А тамъ, у Толстого все такъ обыкновенно... И люди такіе простые, и все такъ извѣстно...

— Помилуйте, да вѣдь это-то и есть... Эхъ, да ужъ ладно! Что тутъ говорить!

— Да что вы кипятитесь-то... Господи! Чѣмъ же я виновата? Ну, вотъ, разсердился даже...

— Нисколько... Чего мнѣ сердиться? — возразилъ Филиппъ Филиппычъ, со вздохомъ. Онъ какъ будто весь даже померкъ, и на лицѣ его залегло выраженіе горечи, какъ у человѣка, оскорбленнаго въ самыхъ дорогихъ своихъ чувствахъ.

— Вѣдь вотъ, право... Изъ за чего вдругъ разстроился...— съ недоумѣвающимъ огорченіемъ промолвила Анна Платоновна.— Да полно вамъ дуться-то! Что жъ, значитъ, не будемъ читать?

— Отчего же? Извольте... Только, ужъ извините, „Рокамболя“ у меня съ собой нѣтъ...

— Ишь! Ну, я не знала, что вы такой злой!.. Зачѣмъ же „Рокамболя“! У меня есть вашъ Вальтеръ-Скоттъ...

— Гм... Ну, это дѣло другое,—сказалъ Филиппъ Филиппычъ, смягчаясь,—и спросилъ, подозрительно смотря на свою собесѣдницу:—что жъ, онъ вамъ тоже не нравится?..

— Нѣтъ... нравится...

— Гмъ... Дѣйствительно, нравится?

— Да... интересно...

— Гмъ... Ну, хорошо, будемъ читать Вальтеръ-Скотта,—соизволилъ наконецъ Филиппъ Филиппычъ, повидимому, совершенно ужъ умиротворенный.

— Сашута, — обратилась къ птенцу Анна Платоновна,— сходи-ка за книжкой,—она, кажется, тамъ у меня на комодѣ; да и работу мою захвати...

— Вотъ тоже гигантъ! — Эта ширь, эта мощь, этотъ величаво-торжественный эпосъ...—тихимъ проникнутымъ голосомъ произнесъ Филиппъ Филиппычъ, какъ бы говоря самъ съ собою, съ застывшимъ задумчиво взоромъ...

„Какъ думный дьякъ, въ приказѣ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва“...

—продекламировалъ онъ тѣмъ же проникнутымъ голосомъ,—и воскликнулъ неожиданно, ударивъ кулакомъ по столу:—А все-таки она тоже будетъ классической вещью! Ея напечатано только начало, но я предрекаю, что она будетъ классической вещью!

— Что это?—вскинула на него глаза его собесѣдница.

— „Анна Каренина“.

„Опять!“—хотѣла-было сказать Анна Платоновна, но только махнула рукою.

Явился Саша съ книгой и работой мамаши.

— На чемъ же вы остановились?—спросилъ Филиппъ Филиппычъ, раскрывая толстый томъ въ переплетѣ.

— А вотъ, погодите... Да, вспомнила!.. Когда этотъ рыцарь... Какъ его?.. Который вотъ еще на турнирѣ-то... Фу, забыла!..

— Рыцарь-Лишенный-Наслѣдства?

— Ну, да... Такъ вотъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ король велѣлъ ему выбрать дѣвицу, какъ царицу турнира, и онъ выбралъ дочь этого помѣщика...

— Какого помѣщика?

— Да ну, какъ его... Имена тамъ такія все трудныя. Саксонца!

— А! Седрика-Саксонца? Знаю! И на этомъ вы кончили?

— На этомъ и кончила.

Филиппъ Филиппычъ перекинулъ нѣсколько страницъ въ серединѣ и воскликнулъ:

— Ага!

Затѣмъ онъ торжественно и громогласно откашлялся, призывая тѣмъ къ вниманію свою аудиторію. Анна Платоновна прибавила свѣту и погрузилась въ свой канвовый узоръ. Птенецъ облокотился на столъ и уставился глазами въ ротъ Филиппу Филиппычу, тоже приготовившись слушать.

Филиппъ Филиппычъ, звучнымъ и явственнымъ голосомъ началъ:

„Глава X. Едва Рыцарь-Лишенный-Наслѣдства вошелъ въ шатеръ, какъ множество оруженосцевъ и пажей окружило его съ своими услугами: одни снимали съ него доспѣхи, другіе несли новое платье и готовили освѣжительную ванну. Ихъ ревность въ этомъ случаѣ, можетъ быть, была подстрекаема любопытствомъ, потому что каждый желалъ знать, кто былъ рыцарь, пожавшій такъ много лавровъ, но отказавшійся сказать свое имя, и приподнять наличникъ даже по повелѣнію Іоанна“...

Филиппъ Филиппычъ читалъ мѣрно и плавно, оттѣняя каждое слово и дѣлая паузы на знакахъ препинанія, какъ требуется по правиламъ: на запятой—короткую, на точкѣ съ запятой—подлиннѣе, при точкѣ—еще подлиннѣе. Чтенію своему онъ, повидимому, придавалъ большое значеніе и внутренно имъ любовался... Анна Платоновна не подымала головы отъ работы, быстро мелькая иголкой; она внимательно слушала. Птенецъ наблюдалъ движеніе губъ Филиппа Филиппыча, но мысль его витала совсѣмъ не въ шатрѣ, куда привели героя романа, а на рѣчкѣ Смородкѣ... Ему представлялась Смородка залитою сіяніемъ солнца, на ней будто движется лодка, а въ лодкѣ сидитъ онъ самъ, Саша, и гребетъ...

Разъ-два, разъ-два!.. Мамаша никогда не пускала его одного кататься на лодкѣ, все увѣряя, что онъ утонетъ, но только въ это-то лѣто, онъ ее непремѣнно упроситъ... Онъ, вѣдь, не маленькій!.. Итакъ, онъ ѣдетъ на лодкѣ... А вонъ тамъ все ближе и ближе левада—и вотъ лодка привязана къ дереву, а Саша вышелъ, раздѣлся и погрузился въ прохладныя струи... Онъ знаетъ тамъ, у левады, одно такое чудесное мѣсто... Жаль одно, что тамъ водятся жабы... Онъ видалъ ихъ много въ прошломъ году, одну убилъ даже камнемъ... Только вотъ лодку осмолить пожалуй придется... Завтра онъ скажетъ мамашѣ, а та велитъ это сдѣлать Матвѣю...

А тѣмъ временемъ Рыцарь-Лишенный-Наслѣдства успѣлъ уже благородно отвергнуть предложенные ему трофеи враговъ и отправить оруженосца своего, подъ видомъ котораго скрывался преданный ему свинопасъ Гуртъ, къ жиду, съ деньгами, для уплаты за доспѣхи и лошадь, которые были взяты у этого жида напрокатъ для турнира, каковое посольство оказалось совершенно излишнимъ, такъ какъ Гуртъ хотя и вручилъ корыстолюбивому Исааку долгъ своего господина, но тотчасъ же получилъ его обратно, благодаря тому, что возвышенная дочь Исаака, Ревекка, влюблена была въ Рыцаря и заставила оруженосца принять отданныя деньги назадъ, а его самого наградила.

Бесѣду оруженосца, жида и Ревекки Филиппъ Филиппычъ изобразилъ на разные голоса. Для Гурта, какъ свинопаса, онъ употребилъ густой басъ, реплики прекрасной Ревекки, для нарочитаго оттѣненія ея доброты и душевной возвышенности, онъ произнесъ нѣжнымъ, вибрирующимъ голосомъ, а типъ корыстолюбиваго жида Исаака переданъ былъ съ ужимками и лукавымъ подмигиваньемъ...

Окончивъ главу, онъ обвелъ глазами своихъ слушателей. Повидимому, удовлетворенный этимъ обзоромъ, онъ закурилъ папиросу и погрузился въ дальнѣйшія похожденія Гурта.

Теперь тотъ одиноко шелъ по лѣсу и выражалъ нѣкоторыя основательныя опасенія относительно могущаго быть нападенія разбойниковъ...

А между тѣмъ, мысли Саши давно уже покинули рѣчку Смородку и лодку и бродили тоже въ лѣсу, между стволами дуба и клена, гдѣ стоялъ чудный, таинственный сумракъ и подъ зелеными сводами шелъ переватами говоръ деревьевъ, какъ ропотъ какого-то отдаленнаго моря... А вонъ тамъ, на прогалинѣ, вся зелень пестрѣетъ бѣлыми точками, словно обрызнутая молочными каплями... Ландыши! Ландыши!.. И Саша бросается туда со всѣхъ

ногъ и въ одну минуту набираетъ огромный букетъ для мамаши... Тутъ онъ вскидываетъ глаза на нее. Она сидитъ, все попрежнему, не подымая головы отъ работы и быстро мелькая иголкой. Можно думать, что она внимательно слушаетъ, но, на самомъ дѣлѣ, мысли ея заняты совсѣмъ постороннимъ, и, не смотря на все свое сочувствіе къ судьбѣ вѣрнаго Гурта, она на время о немъ позабыла и размышляетъ о томъ, что слѣдуетъ перемѣнить обои въ столовой, такъ какъ она замѣтила давеча, во время обѣда, что они уже сильно засалились...

— „Обобрать! Обобрать!"—раздалось вдругъ въ бесѣдкѣ, и мать съ сыномъ вздрогнули вмѣстѣ.

Это кричалъ Филиппъ Филиппычъ, такъ какъ опасенія Гурта сбылись, и онъ оказался окруженнымъ разбойниками...

— „Обобрать! Обобрать!—закричали разбойники;—у Саксонца тридцать цехиновъ, и онъ трезвый возвращается изъ деревни! По всѣмъ правиламъ слѣдуетъ обобрать все, что у него есть.

— Я берегъ ихъ, чтобы выкупиться, сказалъ Гуртъ.

— Оселъ!—отвѣчалъ одинъ изъ разбойниковъ..."

— Пожалуйте ужинать!

Это произнесъ печальный голосъ Варварушки, которая, какъ привидѣніе, выступила изъ сумрака сада и тотчасъ же опять въ немъ пропала.

И такъ какъ Филиппъ Филиппычъ, не внимая призыву, продолжалъ вести діалогъ отважнаго Гурта съ разбойниками, добираясь до того эффектнаго момента, когда онъ долженъ, по ходу событій, вырвать изъ рукъ одного изъ нихъ дубину и озадачить ею самого предводителя, то Анна Платоновна сочла необходимымъ замѣтить:

— Вареники простынутъ!

Вслѣдствіе этого, на дальнѣйшіе подвиги Гурта тотчасъ же упала завѣса таинственности—по крайней мѣрѣ, на сегодняшній вечеръ...

. . . .

Было уже поздно, когда Филиппъ Филиппычъ направилъ стопы къ своей тихой обители, на окраинѣ города.

Магазины на Московской улицѣ были всѣ уже заперты, и только литеры вывѣсокъ ярко вырисовывались при лунномъ сіяніи.

Дойдя до перекрестка, онъ повернулъ направо за уголъ и пошелъ вдоль улицы, посрединѣ которой тянулся бульваръ, въ видѣ узкой аллеи изъ молодыхъ дубковъ и каштановъ. Онъ шелъ, держась ближе къ стѣнамъ домовъ, изрѣдка обращая взоры къ бульвару, гдѣ еще виднѣлись гуляющіе, то вырѣзываясь длин-

ными силуэтами на фонѣ луннаго свѣта, то пропадая въ черныхъ тѣняхъ деревьевъ и островерхихъ кiосковъ, гдѣ продаются сельтерская и фруктовыя воды, въ теченiе дня оживленныхъ безпрестанно смѣняющимися группами утоляющихъ жажду, а теперь одинокихъ и мрачныхъ, какъ мавзолеи... Гуляли все больше парами и даже шеренгами... Слышался смѣхъ... Кое гдѣ вспыхивалъ красною точкою огонекъ папиросы...

Достигнувъ угла, Филиппъ Филиппычъ поровнялся съ двухъэтажнымъ каменнымъ зданiемъ, служившимъ помѣщенiемъ клуба. Онъ взглянулъ на окна. Ни въ одномъ не виднѣлось огня. Онъ обогнулъ этотъ домъ и очутился сразу на площади.

Онъ направился по самой срединѣ ея, держа путь по направленiю къ городскому собору, который, со своими бѣлыми, словно изъ мѣлу, стѣнами, рисовался въ лунныхъ лучахъ какимъ-то воздушнымъ видѣнiемъ.

Филиппъ Филиппычъ двигался медленно, опираясь на палку; рядомъ съ нимъ двигалась тѣнь его, въ видѣ гиганта съ огромною палицей, а вслѣдъ за гигантомъ, также медленно, шагалъ нѣкiй апокалипсическiй звѣрь, который былъ ничто иное, какъ отраженiе Фальстафа, выступавшаго бокъ-ò-бокъ со своимъ господиномъ.

Пройдя мимо собора, онъ оставилъ въ сторонѣ домъ губернатора съ фронтономъ и колоннадой, за которымъ виднѣлась каланча полицейскаго управленiя, и вступилъ въ тихiй пустырь...

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ—и...

Дѣло въ томъ, что тутъ произошло одно маленькое обстоятельство, которое, тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ изобразить подробно.

Это была другая часть площади, немощеная, служившая мѣстомъ помѣщенiя для бывающей въ Пыльскѣ осенью ярмарки. Налѣво виднѣлась длинная галерея гостиннаго двора, съ черными, зiявшими арками. На противоположной отъ него сторонѣ, куда лежалъ путь Филиппа Филиппыча, возвышалась темная масса деревьевъ.

Судя по окружавшей ее желѣзной рѣшеткѣ, на которой сiяли, повторяясь на равныхъ между собой разстоянiяхъ, въ формѣ медальоновъ, бронзовыя монограммы съ дворянской короной, слѣдовало считать это мѣсто границей какого-нибудь частнаго парка.

Это было владѣнiе лица, съ громкимъ историческимъ именемъ, которое, однако, никогда не посѣщало своей резиденцiи, проживая, по слухамъ, то въ Петербургѣ, то за границей, такъ что никто изъ жителей Пыльска не могъ похвалиться, что видѣлъ когда-либо своими глазами носителя этого имени, вслѣдствiе

чего и самое представленіе о немъ имѣло характеръ какого-то миѳа... Каждый послѣдній мальчишка зналъ домъ его, представлявшій собою одну изъ достопримѣчательностей города Пыльска и выходившій фасадомъ на Московскую улицу, съ величественнымъ, украшеннымъ каріатидами подъѣздомъ, съ рѣзною дубовою дверью, незажигающимися никогда фонарями и каменными изваяніями лежащихъ львовъ, по бокамъ... Что̀ скрывалось за всѣмъ этимъ дальше,— входило уже въ область таинственнаго, представляя широкое поле фантазіи...

Огромныя вѣковыя деревья стояли недвижно, какъ спящіе великаны, протянувъ къ луннымъ лучамъ свои кудрявыя головы, а въ безмолвной толпѣ ихъ трепетала и разсыпалась громкими трелями соловьиная пѣснь...

Филиппъ Филиппычъ, неслышно ступая, дошелъ до рѣшетки, остановился и замеръ, какъ вкопанный...

Подражая движеніямъ хозяина, Фальстафъ тоже остановился и ждалъ. Филиппъ Филиппычъ не трогался съ мѣста. Фальстафъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него. Тотъ все не двигался, опершись на палку, съ лицомъ, устремленнымъ къ деревьямъ, и обратившись всѣмъ своимъ существомъ въ одинъ слухъ...

Ни единый звукъ не нарушалъ вокругъ тишины, и каждый оттѣнокъ соловьиной мелодіи раздавался отчетливо, подхватываемый эхомъ между деревьями.

Проникаясь впечатлѣніемъ окружающей обстановки, Фальстафъ сѣлъ на заднія лапы и протяжно завылъ...

— Пошелъ прочь, дуракъ!—вскинулся на него Филиппъ Филиппычъ, топнулъ ногой и ткнулъ даже палкой.

Фальстафъ шарахнулся въ сторону, отошелъ и легъ на почтительномъ разстояніи. Онъ былъ изумленъ и обиженъ необычайной для него выходкой Филиппа Филиппыча, и издали его наблюдая, размышлялъ про себя:

„За что? Почему?.. Что̀ я сдѣлалъ такого?.. Чортъ его знаетъ, совсѣмъ очумѣлъ!“

А Филиппъ Филиппычъ подошелъ совсѣмъ близко къ рѣшеткѣ, опустился на каменный фундаментъ ея и, обхвативъ рукою холодную желѣзную полосу, приникъ головою.

Лунный свѣтъ дробился между деревьями, то скользя тонкимъ лучемъ сквозь листву, то какъ-бы обволакивая прозрачно-серебристою тканью сучья и зелень.... Въ причудливыхъ сочетаніяхъ свѣта и тѣни эта часть сада казалась уголкомъ какого-то волшебнаго міра... Вонъ тамъ, между стволами, которые похожи на колонны какихъ-то руинъ, яркій свѣтъ мѣсяца озарилъ что-то

бѣлое... Это статуя. При сосредоточенномъ напряженіи зрѣнія, можно различить граціозные контуры женскаго бюста... А вотъ тамъ чернѣется какое-то большое чудовище о многихъ ногахъ, какъ исполинскій паукъ... Нѣтъ, это просто фонтанъ, и то, что кажется ногами чудовища — мраморныя изваянья дельфиновъ, извергавшихъ нѣкогда изъ ртовъ своихъ журчащія струи... А дальше шла борьба между свѣтомъ и мракомъ, и тамъ, какъ бы прячась отъ нескромнаго взора, видиѣлись чьи-то двѣ тѣни, слившіяся между собой въ поцѣлуѣ... Это былъ тоже обманъ волшебника-мѣсяца.

И благодаря этому волшебнику-мѣсяцу, дикій, безмолвный садъ, со своими разбитыми статуями и засореннымъ фонтаномъ, печальный, заброшенный, какимъ онъ всегда представлялся изъ-за рѣшетки взорамъ прохожихъ при дневномъ освѣщеніи,—теперь дышалъ томительной нѣгой... Въ этихъ прохладныхъ аллеяхъ мерещились любовныя пары и слышались звуки лобзаній и шопотъ страстныхъ рѣчей... Онъ какъ бы весь трепеталъ и звучалъ мощною пѣснью любви, что гремѣла, лилась, замирала и снова подымалась, лилась, разсыпаясь серебристою трелью въ потокахъ луннаго свѣта, гулкимъ эхомъ рокоча въ сумракѣ лиственныхъ нишъ,—и пѣла ее, эту пѣсню, схоронившись гдѣ-то, въ невидимой чащѣ, влюбленная пташка...

Соловей сдѣлалъ руладу, и смолкъ...

Филиппъ Филиппычъ пребывалъ недвижимъ, съ головой, прислоненной къ рѣшеткѣ... Онъ ждалъ...

Но садъ былъ безмолвенъ.

Онъ медленно отклонился и, опершись на палку, всталъ на ноги.

Затѣмъ онъ осмотрѣлся по сторонамъ. Вокругъ по прежнему было безлюдно и тихо... Въ нѣсколькихъ шагахъ, на землѣ, лежалъ, растянувшись и спрятавъ голову въ лапы, Фальстафъ.

Уловивъ намѣреніе своего хозяина тронуться дальше, онъ тоже поднялся, но остался на прежнемъ почтительномъ разстояніи, не измѣняя своего выраженія оскорбленнаго достоинства.

— Фальстафъ, иси! Ну, ну, дуракъ... Чего ты, дуракъ?— обратился къ нему Филиппъ Филиппычъ, потрепалъ по спинѣ и погладилъ.

„То-то, давно бы такъ",—подумалъ удовлетворенный Фальстафъ, трогаясь вслѣдъ за хозяиномъ.

Филиппъ Филиппычъ шелъ прежнимъ, медленнымъ, развалистымъ шагомъ, только теперь голова его была низко понурена, и на лицѣ налегло какое-то особенное, совсѣмъ еще небывалое

сегодня на немъ выраженіе... Углы губъ его были скорбно опущены книзу, а раскрытые широко глаза застыли въ созерцаніи чего-то видимаго имъ только однимъ и несуществующаго во всемъ окружающемъ.

Онъ перешелъ нѣсколько перекрестковъ и улицъ, машинально обходя незасохшія лужи, ни разу не поднявъ понуренной своей головы, вырѣзываясь въ своей бѣлой парѣ и соломенной шляпѣ на темномъ фонѣ заборовъ, бросая черную тѣнь на залитыя луною стѣны мазанокъ, и очутился наконецъ передъ знакомой калиткой.

Тутъ онъ будто проснулся, дернулъ ручку звонка, проведеннаго черезъ дворъ въ сѣни квартиры, и снова понурился.

Спустя нѣсколько минутъ терпѣливаго ожиданія, калитка была отворена сонной Параской, которая, будучи въ совершенномъ негливже, тотчасъ же отпрянула въ тѣнь отъ забора. Онъ перешагнулъ черезъ порогъ, прошелъ медленно дворъ и медленно поднялся по ступенькамъ крыльца, все не поднимая понуренной своей головы и съ раскрытыми широко глазами, созерцавшими что-то видимое имъ только однимъ и не существующее во всемъ окружающемъ...

IV.

О томъ, про что знали его грудь да подоплёка.

Филиппъ Филиппычъ вошелъ къ себѣ.

Столбъ луннаго свѣта широкой полосой перерѣзывалъ комнату, выходя изъ дверей его спальни.

Онъ бросилъ шляпу, какъ всегда это дѣлалъ, на письменный столъ, палку поставилъ въ уголъ и машинально прошелся по комнатѣ, нѣсколько разъ, взадъ и впередъ...

Спать ему совсѣмъ не хотѣлось, да и ложиться онъ привыкъ всегда лишь подъ утро. Вдобавокъ, онъ чувствовалъ теперь въ себѣ что-то странное, какое-то особенное, непривычное чувство, котораго онъ уже давно не испытывалъ...

Яркій, полный мѣсяцъ, отчетливо вырѣзываясь на безоблачномъ небѣ, глядѣлъ прямо въ окно спальни, гдѣ штора не была спущена, и вся окрестность виднѣлась, утопая въ блѣдномъ сіяніи.

Онъ тихо прошелъ, въ полосѣ луннаго свѣта, весь имъ облитый, въ своей бѣлой парѣ, какъ привидѣніе, сѣлъ у окна и распахнулъ его настежъ.

Рѣчка Смородка, словно стальная, сіяла ровнымъ, нетрепетнымъ блескомъ. За нею черной каймою тянулась левада. Далѣе —сосны стояли недвижно, какъ тѣни... А на лонѣ этого соннаго царсгва гремѣлъ, перекатываясь, походя то на стонъ, то на хохотъ, невидимый хоръ голссовъ, исходившій отъ неисчислимаго множества лягушечьихъ глотокъ...

Филиппъ Филиппычъ облокотился руками на подоконникъ и, приникнувъ къ нему головою, застылъ въ тихой думѣ.

Въ его памяти возникла утренняя сцена съ птенцомъ, и всталъ, какъ живой, самъ птенецъ, въ своемъ новомъ мундирчикѣ, съ волненіемъ повѣствующій о неудачномъ экзаменѣ...

И въ душѣ Филиппа Филиппыча сказался такой монологъ:

„Пришелъ, вѣдь... Пришелъ не домой... Ко мнѣ первому... Да!.. И какъ бы это могло случиться иначе?.. И допустить развѣ можно, чтобы это могло случиться иначе?.. Но почему это такъ?.. Что̀ я для него, да и вообще для всей этой семьи, и что они для меня?.. А между тѣмъ, вотъ люблю же я ихъ, а его даже такъ, какъ еслибы онъ былъ мой собственный сынъ!..“

Филиппъ Филиппычъ все сидѣлъ приникнувъ головою къ рукамъ, и глаза на его неподвижномъ лицѣ были устремлены прямо въ дискъ мѣсяца, къ которому теперь подкрадывалось маленькое прозрачное облачко... А то давишнее, странное чувство, которое вползло въ его душу и разросталось все пуще, пока онъ шелъ по тихимъ, пустыннымъ улицамъ заснувшаго города, до тѣхъ поръ, какъ вступилъ въ эти безмолвныя стѣны своей холостой, одинокой квартиры, теперь держало его всего, цѣликомъ въ своей власти...

Впрочемъ, нѣтъ: это было не странное, даже не новое, а хорошо знакомое чувство. Оно и прежде не разъ поднималось вдругъ изъ самыхъ глубокихъ тайниковъ его существа, но онъ всегда гналъ его прочь, не дозволяя себѣ поддаваться ему—и только разъ, всего одинъ разъ, въ прошлой жизни Филиппа Филиппыча, оно дало ему испытать такую же мучительно-острую боль...

Но это было давно, очень давно!

Онъ былъ тогда еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ. И вотъ и тогда, какъ теперь, онъ сидѣлъ облокотившись на подоконникъ открытаго настежъ окна и тупо-пристальнымъ взоромъ смотрѣлъ передъ собою въ пространство.

А что тогда было похожаго на это, теперешнее?.. Ровно, какъ есть ничего! Онъ смотрѣлъ съ высоты огромнаго дома, надъ которымъ висѣло мрачное, беззвѣздное небо—даже луны тогда не было—а внизу, подъ нимъ, словно въ нѣкой бездонной и огром-

нѣйшей ямѣ, съ мерцающими, сквозь мутную мглу, какъ свѣтляки, фонарями, рокоталъ и роился чуждый, невиданный городъ...

То былъ Петербургъ, а комната, въ которой сидѣлъ онъ— номеръ Знаменской гостинницы, маленькій, скверненькій, съ претензіей казаться изящнымъ, куда привезъ его съ вокзала извощикъ, содравъ за это цѣлый полтинникъ, хотя и ѣзды-то всего была одна только площадь, лихо за то подкативъ къ широкимъ подъѣзднымъ дверямъ со швейцаромъ, а тутъ тотчасъ же осадилъ путешественника какой-то необыкновенно услужливый и юркій субъектъ, который подхватилъ его чемоданъ, а его самого повлекъ по широкой каменной лѣстницѣ, влекъ все выше, выше и выше—пока онъ, измученный, оглушенный, растерянный, не очутился въ стѣнахъ этой комнаты...

О чемъ онъ думалъ тогда, робкій, неуклюжій провинціалъ, покинувшій родныя поля глухого уѣзда тамбовской губерніи, оставшись одинъ-одинехонекъ у раствореннаго настежъ окошка?.. Всю дорогу, сперва трясясь на перекладныхъ, а потомъ сидя въ вагонѣ, тогда еще новой, николаевской желѣзной дороги, онъ мечталъ о вѣнцѣ своего путешествія, объ этой царицѣ полуночныхъ странъ, какъ о чемъ-то невѣдомо-чудномъ, что должно преисполнить душу его неизреченнымъ восторгомъ и обратить всю дальнѣйшую жизнь въ одинъ вѣчно ликующій праздникъ... И вотъ, наконецъ, путешествіе кончено... О, онъ помнитъ отлично свои тогдашнія мысли, которыя неожиданно осѣнили вдругъ его голову, когда глаза созерцали вечернее петербургское небо, какъ созерцаютъ теперь они, спустя много лѣтъ, лунный ландшафтъ этой южной благоухающей ночи...

Онъ думалъ о сценѣ, которая произошла у него съ отцомъ, за нѣсколько дней передъ отъѣздомъ, и передъ глазами его стоялъ, какъ живой, самъ отецъ, въ тѣхъ чертахъ, въ какихъ тогда ему помнился, и въ нихъ же, въ этихъ чертахъ, врѣзался въ памяти на всегда, на всю жизнь... Онъ—вдовецъ, отставной кавалеристъ Караваевъ, изъ мелкопомѣстныхъ, но отличный хозяинъ, чтимый въ цѣлой округѣ, какъ хлѣбосолъ, любитъ и псовую охоту, и отъ картишекъ, и отъ прочаго другого не прочь... Вотъ онъ, со своимъ характернымъ, николаевскаго типа, съ оплывшими чертами лицомъ и сѣдыми усами, прокопченными жуковымъ, стоитъ среди комнаты и, размахивая чубукомъ съ погаснею трубкой, держитъ рѣчь. Тутъ же и братъ, фамильными чертами—въ отца, сидитъ въ уголку и слушаетъ молча... Отъ старика немного отдаетъ виннымъ букетомъ... Въ комнатѣ горитъ сальная свѣчка...

— Эй, Филька, выкинь изъ головы эту дурь!.. Какого тебѣ

дьявола дѣлать въ Питерѣ?.. Университетъ... На кой тебѣ чортъ?.. Ученый! Ха!.. Ну, марай здѣсь бумагу, коли тебѣ ужъ такая охота—я развѣ мѣшаю?.. Умнѣе отца хочешь быть?.. Нѣ-ѣтъ, братъ, яйца курицу не учатъ, ужъ это повѣрь... да... шалишь! Ты посмотри на себя... Горько мнѣ, отецъ вѣдь тебѣ, не чужой, но ты меня самъ вынуждаешь! Ну, слушай... Ты кто? Фалалѣй, тюфякъ, баба! Тебя теленокъ забодаетъ! Вѣдь ты пр-ропад-дешь!! Ты думаешь, зачѣмъ это я все говорю? Ты думаешь, мнѣ очень пріятно?.. Вѣдь я люблю тебя, дубина ты этакая! Вѣдь я отъ сердца тебѣ говорю!.. Ну, чтожъ, остаешься, иль нѣтъ? Говори!

— Нѣтъ,—съ усиліемъ произнесъ молодой человѣкъ.

— Такъ ѣдешь?

— Ѣду, папаша...

— Тьфу! Чортъ съ тобой, коли такъ!—восклицаетъ съ гнѣвомъ старикъ и уходитъ, хлопая дверью.

Братъ поднимается изъ своего уголка и намѣревается тоже уйти...

— Павелъ! Послушай! Скажи ты хоть слово...

— Что я скажу?.. Ты вѣдь не маленькій... Тебѣ вотъ отцовскія слова ни почемъ... А по моему,—онъ правъ, извини!

— Такъ и по твоему, меня теленокъ забодаетъ?

— Забодаетъ, еще бы!

— И дѣйствительно, я фалалѣй, тюфякъ, баба?

— Конечно!

И, съ этимъ, Павелъ уходитъ.

Мучительно, отъ слова до слова, припоминается ему весь разговоръ... О, неужели они оба правы?.. Неужели и то, что повлекло его изъ захолустья—была, дѣйствительно, одна только дурь, а онъ—жалкій, ничтожный мальчишка, растерявшійся на первыхъ шагахъ въ этомъ страшномъ, невѣдомомъ городѣ, потому что онъ, дѣйствительно, страшенъ ему, этотъ городъ, гдѣ всѣ—и вотъ этотъ извощикъ, который содралъ съ него такъ безбожно, и этотъ лакей, распорядившійся съ нимъ, словно съ вещью, всѣ они увидали, что онъ за птица, такъ какъ онъ и въ самомъ дѣлѣ—тюфякъ, фалалѣй, и каждый теленокъ его забодаетъ... А тамъ, впереди—еще цѣлый рядъ столкновеній съ разными лицами, изъ которыхъ никому, никому нѣтъ до него ни малѣйшаго дѣла!..

Онъ зарыдалъ на всю комнату, стеная и всхлипывая, ужъ впрямь какъ ребенокъ...

И если-бъ тогда, въ ту минуту, чья-нибудь рука любовно легла ему на плечо—только, небольше—онъ бросился бы на грудь

тому человѣку, и отдалъ бы ему всего себя, безвозвратно и такъ бы излилъ свое сердце:

„Нѣтъ, нѣтъ, это не малодушіе! Вздоръ! Я на себя клевещу! Я вѣрю въ себя, вѣрю въ силы, которыя бьются во мнѣ, потому что я ихъ чувствую, да! Я вѣрю во что-то, что выше и лучше всего, что я видѣлъ между людьми, чья цѣлая жизнь—ѣда и покой... Только я ласки хочу, самой простой, маленькой ласки, которой я не зналъ никогда!..“

Но въ комнатѣ не было никого, кромѣ него, и онъ одиноко плакалъ на своемъ подоконникѣ, давая полную волю слезамъ, которыми выливалась вся мука его молодого, несогрѣтаго сердца...

Онъ всталъ съ сухими глазами. Стѣны номера, казалось ему, смотрѣли съ насмѣшкой. Пара свѣчей, на столѣ, сонно подмигивали... Онъ взялъ ту и другую, подошелъ къ длинному зеркалу, которое виднѣлось въ простѣнкѣ, и, ставъ противъ него, освѣтилъ себя съ обѣихъ сторонъ...

На него взглянула изъ рамы фигура здороваго, румянаго малаго, съ распухшимъ носомъ и скривившимися въ жалкую гримасу губами...

„Баба“!—прошепталъ онъ презрительно и показалъ языкъ своему отраженію.

Затѣмъ онъ поставилъ свѣчи на прежнее мѣсто, заперъ окно, раздѣлся, легъ—и почти тотчасъ заснулъ, безъ грёзъ и видѣній, крѣпкимъ, здоровымъ сномъ утомленнаго путника.

Такъ ознаменовался его пріѣздъ въ Петербургъ.

И вотъ университетъ... Всѣ ужасы, которые рисовалъ молодой человѣкъ въ своемъ представленіи о чуждыхъ и безучастно къ нему относящихся лицахъ, разлетѣлись какъ дымъ съ первыхъ шаговъ его вступленія въ студенчество... Нашлись и земляки, объявились милые, душевные люди, лихіе товарищи, отъ одного соприкосновенья съ которыми тотчасъ же исчезли его дикость и недовѣрчивость... Съ самозабвеньемъ и пыломъ молодыхъ, нерастраченныхъ силъ, ринулся онъ съ головою въ новую, безшабашную жизнь... Слишкомъ ужъ много было прельщеній для его свѣжей, первобытной натуры, вскормленной въ сонномъ привольѣ тамбовскихъ степей, далекихъ отъ чаръ цивилизованной жизни...

Весь семестръ промелькнулъ, какъ одинъ смутный сонъ, составленный изъ эпизодовъ безпорядочнаго труда и хмѣльного угара, въ перемежку съ отрывками разныхъ сценъ и событій: „Gaudeamus igitur, juvenes dum sumus“, бѣснованье цѣлою партіей въ театральномъ райкѣ въ честь любимой артистки, разбитыя стекла въ трактирѣ, ночное шатанье толпою, при этомъ чьи-то

окровавленныя морды—и экзаменъ, послѣдній экзаменъ, послѣ тяжелаго ночного похмѣлья... Какъ бы то ни было, первый курсъ пройденъ... Весна... И опять громыханье вагона по рельсамъ, бѣгущіе мимо полосатые верстовые столбы, беззаботная трель жаворонка, рѣющаго чуть видною точкой въ небесной лазури, и родныя поля!

И вотъ онъ опять на своемъ пепелищѣ... И отецъ, и братъ —оба такіе же, не измѣнились нисколько съ тѣхъ поръ, какъ онъ съ ними разстался, точно это случилось только вчера... Оба, кажется, рады ему, на глазахъ старика даже слезы... Но почему же самъ-то онъ, про себя чувствуетъ какой-то разладъ, который возникъ между нимъ и всѣмъ окружающимъ? Нѣтъ, онъ не выросъ нисколько въ глазахъ этихъ людей, и они смотрятъ на него съ любопытствующимъ снисхожденіемъ, а самыя стѣны, кажется, шепчутъ ему:—„Ты не нашъ!“

А все-таки онъ, какъ ни на есть—интересный пріѣзжій, видавшій многіе виды, и отъ него ждутъ разсказовъ... И онъ разсказываетъ—о казанскомъ соборѣ, Невѣ, Эрмитажѣ, театрахъ... Все это онъ видѣлъ своими глазами!.. А дальше, то, что—самое главное, что вынесъ онъ изъ своихъ исканій свѣта и знанія?.. Возникаютъ въ памяти, какъ отрывки кошмара, стычка съ полиціей по поводу одного скандала, чьи то разбитыя скулы, баттарея бутылокъ, сидящія безъ сюртуковъ фигуры товарищей... И жгучая краска залила его щеки, на душѣ стало вдругъ мрачно и скверно, и губы лепечутъ опять о Невѣ и казанскомъ соборѣ...

— Д-да, любопытно!—произноситъ, не то насмѣшливо, не то равнодушно, братъ Павелъ, весь запыленный и мокрый отъ поту, вернувшійся съ поля, и суетливо нахлобучиваетъ на себя свой грязный картузъ, чтобы опять ѣхать на мельницу...

А отецъ—тотъ не произноситъ даже и этого, а только молча отвертывается, чтобы выколотить свою погасшую трубку, но и спина его, и затылокъ, кажется, говорятъ молодому человѣку, съ сарказмомъ:

— Э-э-эхъ!.. Фалалѣй, братъ, ты, какъ и былъ, фалалѣемъ ты и остался!

Томительно-медленно для него тянется время вакацій... Но вотъ, слава-богу, и августъ!.. Опять сборы, затѣмъ разставанье —какъ и тогда, годъ назадъ... На долго-ли? До весны? Онъ не знаетъ... Онъ бросаетъ прощальный взглядъ на родныя стѣны, въ которыхъ протекли его дѣтство и юность—а тѣ опять ему шепчутъ:—„Нѣтъ, ты не нашъ“!

Совсѣмъ съ другими мыслями и чувствами пріѣхалъ онъ те-

перь въ Петербургъ. Въ теченіе всей длинной дороги, въ немъ зародился и выросъ новый внутренній человѣкъ, съ которымъ (да, это такъ, рѣшено!) онъ вступитъ теперь на жизненный путь!..

— А, Караваевъ!.. Вотъ онъ, Караваевъ!.. Душка! Голубчикъ! Ну, что? Ну, какъ?.. А нашихъ, братъ, опять таже компанія!.. Да обнимайся же чортъ!!..

Онъ жметъ руки, переходитъ изъ объятій въ объятія, среди шумныхъ и радостныхъ восклицаній своихъ, покинутыхъ на лѣто добрыхъ товарищей, и онъ всѣмъ имъ радъ, и они всѣ ему рады—а внутренній его человѣкъ, въ это время, шепчетъ ему: —„Помни, смотри, и будь твердъ!"

— „Да, ужъ это конечно, авось хватитъ характера!—отвѣчаетъ онъ ему, про себя,—и, для начала отказывается на отрѣзъ идти вмѣстѣ съ компаніей отпраздновать свиданіе выпивкой...

Всѣ, за минуту, веселыя лица вокругъ него становятся вмигъ укоризненными и огорченными.

— Да ты это что же?.. Съ ума сошелъ? Вотъ-те фунтъ! Это ужъ свинство! Товарищъ!!.. Не ожидали, братъ, этого—сыплются на него восклицанія, а онъ молчитъ и внутренно страдаетъ, но непреклоненъ въ рѣшеніи и, въ концѣ концовъ, остается одинъ...

Да, онъ хочетъ и будетъ—онъ уже безповоротно рѣшилъ, что будетъ одинъ!

И вотъ онъ одинъ, въ своей комнатѣ. Ломберный столъ, который имѣетъ назначеніе письменнаго, заваленъ записками лекцій и книгами разныхъ форматовъ—все лексиконы, да творенія латинскихъ и греческихъ классиковъ... Время у него распредѣлено въ строгомъ порядкѣ. До обѣда — на лекціяхъ, а вечеръ—здѣсь, за этимъ столомъ... Онъ весь ушелъ въ работу и за этой работой былъ счастливъ... Всѣ свои развлеченія онъ ограничилъ театромъ, а съ прежними товарищами совсѣмъ разошелся... Тѣ сперва приставали, потомъ, при встрѣчахъ, стали посматривать съ тѣмъ пытливо-подозрительнымъ выраженіемъ, какое бываетъ при видѣ человѣка, у котораго, какъ говорится, на чердакѣ не все ладно и, наконецъ, оставили его совершенно въ покоѣ. Ему только это и требовалось.

Какъ бы то ни было, у него все-таки оставались еще коекакія знакомства (въ Петербургѣ ихъ нельзя избѣжать)—и онъ сперва появлялся въ двухъ-трехъ семейныхъ домахъ, по случаю тѣхъ или другихъ фамильныхъ торжествъ. Тамъ онъ страдалъ несказанно. Онъ былъ такъ застѣнчивъ, неловокъ, даже нелѣпъ! Сколькихъ усилій стоило ему хоть на время забыть, что у него

существуютъ руки и ноги, съ которыми онъ, въ этихъ случаяхъ, не зналъ, что ему дѣлать, какъ это удается другимъ, чувствующимъ себя повсюду легко и свободно, а главное—онъ совсѣмъ, совсѣмъ не умѣлъ говорить! Во время общей бесѣды, когда всѣ болтали, что вздумается, другіе даже просто-на-просто глупости, онъ пребывалъ безмолвенъ, какъ рыба, а когда, вооружившись вдругъ храбростію, открывалъ-было ротъ—въ ту же минуту онъ съ ужасомъ дѣлалъ открытіе, что мысли его, тѣ самыя мысли, которыя онъ только что сейчасъ имѣлъ въ головѣ—вдругъ исчезли куда-то, совсѣмъ, безвозвратно—и опять онъ смыкалъ уста свои печатью молчанія... Съ барышнями, особливо хорошенькими, онъ чувствовалъ себя вполнѣ ужъ несчастнымъ... А эти проклятые фанты! О, вотъ гдѣ было истинное наказаніе божеское!!.. Участвуя въ нихъ, онъ становился совсѣмъ идіотомъ,—а между тѣмъ, какъ на зло, волей судьбы, ему выпадало играть въ нихъ самыя дурацкія роли, какъ, напр., „стоять въ видѣ статуи“, „быть зеркаломъ“, и т. п., и онъ, глубоко-страдающій, хотя и съ насильственно-напряженной улыбкой, весь красный, въ испаринѣ, не находилъ въ себѣ силъ возмутиться...

„Фу-у!.. Чортъ бы побралъ ихъ!“—восклицалъ онъ измученный, вернувшись домой, въ свою одинокую комнату...

А здѣсь ждалъ его письменный столъ, на немъ же тетради и книги...

И тогда мало-по-малу свѣтлый покой нисходилъ въ его смятенную будничной пошлостью душу, и всѣ впечатлѣнія отъ этихъ пустыхъ, банальныхъ рѣчей, глупыхъ фантовъ и бездушнаго смѣха, доставившихъ ему столько страданія, исчезали безслѣдно въ лучахъ красоты, что лились съ этихъ старыхъ, пожелтѣлыхъ страницъ, будя тѣ тонкія, незримыя струны, которыя жили въ немъ, молчаливомъ, смѣшномъ фалалѣѣ, сказавшись впервые въ душѣ его еще тамъ, далеко, среди степей провинціальнаго его захолустья, въ треляхъ поднебеснаго жаворонка и колыханьи былинокъ—и звучатъ вотъ теперь постоянно во всемъ, что его окружаетъ: и въ краскахъ петербургскаго неба, и въ мелодіи музыкальной піесы, и въ риѳмованной строчкѣ читаемой книги...

На лѣто онъ домой не поѣхалъ... Вмѣсто того, онъ нанялъ избу, въ одной изъ деревень, подъ Петербургомъ, и провелъ всѣ вакаціи въ одинокихъ прогулкахъ по лѣсамъ и лугамъ, съ палкой въ рукѣ и какою-нибудь книгой въ карманѣ. Случалось, лежа подъ деревомъ, вынетъ онъ изъ-за пазухи записную тетрадь, карандашъ и примется торопливою рукою нанизывать на чистыхъ страницахъ короткія строчки... О существованіи этой тетради не

знала ни одна душа во вселенной. Она заключала въ себѣ его первый авторскій опытъ, созрѣвавшій на лѣтнемъ досугѣ—большую поэму, въ героическомъ духѣ, подъ заглавіемъ: „Кейстутъ"...

Къ концу вакацій, поэма поспѣла. Возвратившись въ столицу, онъ переписалъ ее набѣло и, замирая, отнесъ въ одну изъ редакцій.

Спустя положенный для прочтенія срокъ, ему ее возвратили... Онъ стоически перенесъ неудачу и не дѣлая больше попытокъ пристроить свой трудъ, спряталъ подъ спудъ его, къ прочимъ бумагамъ. „Терпѣніе!"—рѣшилъ онъ про себя и отдался усердному посѣщенію лекцій. А тѣмъ временемъ, между дѣломъ, наполнялась себѣ втихомолку другая тетрадь, посвященная стихамъ въ антологическомъ родѣ...

Онъ работалъ усердно по прежнему и по прежнему много читалъ, замкнувшись въ себѣ еще больше. Знакомства онъ прекратилъ и остался вѣрнымъ одному только театру.

Тетрадь стихотвореній испытала участь „Кейстута". Отнесенная въ редакцію, она возвращена была автору. Онъ присоединилъ ее, какъ и прежнюю рукопись, къ прочимъ бумагамъ и принялся за повѣсть, изъ современнаго быта, которую назвалъ: „Недолгое счастье"...

Онъ совсѣмъ отдѣлилъ себя отъ всего, что существуетъ во внѣ, словно вся эта видимая жизнь человѣчества, которое что-то дѣлаетъ, куда-то стремится и о чемъ-то хлопочетъ—было нѣчто совсѣмъ постороннее, случайное, и преходящее, область какихъ-то фантомовъ, истинный же центръ всей вселенной—тотъ міръ стройныхъ поэтическихъ образовъ, которые всегда останутся вѣчными въ созданіяхъ великихъ художниковъ.

А между тѣмъ, временами, чувство чего-то особеннаго неудовлетвореннаго и немогущаго быть замѣненнымъ изученіемъ созданій искусства, поднималось вдругъ изъ нѣдръ его существа, заставляя его въ эти минуты испытывать состояніе глубокой и безъисходной тоски... Образъ женщины возникалъ передъ нимъ въ тѣ минуты... Неуловимы и смутны были ея очертанія, и ни одно изъ когда-либо видѣнныхъ имъ женскихъ лицъ не походило на этотъ жившій въ душѣ его образъ,—безпрестанно мѣнявшій свое выраженіе: то стыдливый и твердый въ исполненіи долга, какъ Татьяна изъ „Онѣгина", то нѣжный и самоотверженно-любящій, или гордый и негнущійся въ бѣдствіи, какъ Диккенсовскія Агнеса Викфильдъ, изъ „Копперфильда", и Эдиоь, изъ „Домби и Сына"... Неужели онѣ—лишь созданія фантазіи? Нѣтъ, невозможно!.. Онѣ жили и теперь существуютъ, только онъ-то ни разу ихъ не

встрѣчалъ, и никогда, во всю жизнь, ихъ не встрѣтитъ, неуклюжій и смѣшной фалалѣй!..

А тѣмъ временемъ, тамъ, въ дѣйствительной жизни, происходили событія, занимавшія собою Европу. Настала эпоха крымской кампаніи... Онъ все-таки не настолько себя обособилъ, чтобы не знать о войнѣ: о ней говорили вокругъ, онъ и самъ читалъ объ этомъ въ газетахъ... Только и это, какъ и прочее все, шло мимо него, и онъ совсѣмъ могъ бы остаться чуждымъ этимъ событіямъ, еслибы не одинъ неожиданный случай, который, будучи связаннымъ съ ними, врѣзался навсегда въ его памяти.

Однажды, утромъ, онъ, къ великому своему изумленію, вдругъ увидѣлъ передъ собою отца!.. Старый кавалеристъ точно съ неба свалился. Сынъ протеръ глаза свои, въ первую минуту подумавъ, не грезитъ ли онъ? Но нѣтъ, старикъ былъ тутъ, живой, воочію! Онъ тискалъ молодого человѣка въ объятіяхъ, обдавая его памятнымъ запахомъ жукова, которымъ, какъ и всегда, были прокопчены его сѣдые усы, смоченные теперь слезами свиданія... А тѣмъ временемъ извощикъ вносилъ и разстанавливалъ въ комнатѣ чемоданъ и прочія вещи пріѣзжаго...

— Папаша! Да вы ли это? Какими судьбами?—вымолвилъ, наконецъ, насилу пришедшій въ себя отъ изумленія сынъ.

— Я! Самъ! Проѣздомъ! Проститься!.. Ѣду, братъ!

— Какъ? Куда ѣдете?

— Подъ Севастополь... Въ ополченіи я!

— Вы?.. Въ ополченіи?..

— Чего уставился?.. Ну, да! Я!.. Въ ополченіи! Чтó-жъ тебѣ удивительно?

— Господи Боже мой!—нашелся только воскликнуть молодой человѣкъ.

А путешественникъ, между тѣмъ, возился со своими вещами и его тормошилъ, произнося скороговоркой:

— Вотъ что, братъ, ты бы насчетъ самоварчика... Да послать бы чего-нибудь закусить... Деньги-то есть ли? А не то, вотъ, возьми... Да водицы бы мнѣ... Рожу умою, а потомъ сейчасъ же и маршъ! Съѣздить надо въ нѣсколько мѣстъ... Теперь-то мнѣ растабарывать некогда, а вотъ ужó, только управлюсь, поболтаемъ какъ слѣдуетъ.

Молодой человѣкъ чувствовалъ себя точно во снѣ, и отецъ, котораго раньше онъ не могъ себѣ представить иначе, какъ облеченнымъ въ халатъ и лѣниво слоняющимся съ трубкою въ рукахъ, изъ угла въ уголъ ихъ деревенскаго дома, являлся теперь передъ нимъ какимъ-то особеннымъ, совершенно инымъ, незнае-

мимъ имъ до этой поры человѣкомъ. Это состояніе не покидало его во все продолженіе времени, которое тотъ провелъ въ Петербургѣ, постоянно возбужденный, какъ въ лихорадкѣ, проникнутый одною идеей о Севастополѣ, и когда, наконецъ, на платформѣ вокзала старикъ въ послѣдній разъ обнялъ его и вошелъ въ двери вагона, а поѣздъ свиснулъ, охнулъ и, тронувшись, мало-по-малу скрылся изъ глазъ,—онъ вернулся къ себѣ подъ впечатлѣніемъ какого-то смутнаго и безпокойнаго чувства, которое звучало рѣзкою нотой въ стройной гармоніи привычныхъ его ощущеній, чуждыхъ всегда тревожныхъ волненій по поводу чего бы то ни было, что̀ не касалось сферы его дорогого искусства...

Впрочемъ впечатлѣніе это вскорѣ изгладилось, подъ вліяніемъ одного случившагося послѣ того обстоятельства. А именно—повѣсть „Недолгое счастіе", подобно всѣмъ предъидущимъ продуктамъ его литературнаго творчества, потерпѣла фіаско въ редакціи... Тогда, въ первый разъ, онъ предался раздумью по поводу своей авторской дѣятельности... Въ результатѣ получилось рѣшеніе—не складывать рукъ, а потому онъ и началъ тотчасъ же новый разсказъ, съ менѣе сложнымъ, однако, сюжетомъ...

А время все шло своимъ чередомъ, и въ мірѣ дѣйствительной жизни событія тоже шли своимъ чередомъ... Крымская кампанія кончилась, и ему еще разъ пришлось испытать отраженіе этой эпохи въ обстоятельствахъ своей личной жизни.

На его имя пришло письмо, съ черной печатью, въ которомъ братъ Павелъ извѣщалъ о смерти отца... Старикъ былъ убитъ въ дѣлѣ 4 августа, на Черной рѣкѣ... Филиппъ Караваевъ приглашался домой, для участія въ раздѣлѣ наслѣдства.

Два года онъ уже не былъ на родинѣ. Короткое свиданіе съ отцомъ въ Петербургѣ, а затѣмъ это письмо, съ вѣстью о немъ, писанное знакомымъ почеркомъ брата, явились отзвукомъ чего-то далекаго, нравственныя связи съ которымъ навсегда уже порваны... Что было ему дѣлать въ деревнѣ?.. Онъ отвѣтилъ, съ приложеніемъ формальной, на имя брата довѣренности, что вполнѣ полагается на его добросовѣстность и считаетъ поэтому свое личное присутствіе, во время раздѣла, излишнимъ.

Студенческіе годы шли къ окончанію... Вотъ и послѣдній экзаменъ, а съ нимъ—и рубежъ новой жизни.

За все это время онъ такъ обособился, такъ сжился съ своей раковиной, своимъ одиночествомъ, книгами, обычными, изо-дня въ день повторяющимися явленіями трудовой аскетической жизни, что теперь онъ почувствовалъ себя въ положеніи человѣка, который все время плылъ по тихимъ водамъ и вдругъ очутился въ

бурномъ потокѣ... Положеніе было дико и странно... Оказывалось, что онъ совсѣмъ не самъ по себѣ, а таковъ же, какъ всѣ, тоже членъ общества, которое на него имѣетъ права, ждетъ отъ него исполненія извѣстныхъ обязанностей, что ему предстоитъ теперь указать для себя одну изъ клѣточекъ въ общей таблицѣ, такъ какъ безъ какой-либо клѣточки немыслимъ никто, не принадлежащій къ числу паразитовъ на общественномъ тѣлѣ, что, словомъ, онъ долженъ избрать для себя „родъ занятій"... Это было для него непріятнымъ открытіемъ.

Правда, и раньше, не разъ, въ послѣдніе мѣсяцы студенческой жизни, смущали ровное теченіе обычныхъ мыслей его гаданья о будущемъ... Но это будущее почему-то казалось такимъ отдаленнымъ, а, главное, неимѣющимъ никакого отношенія къ насущнымъ заботамъ! Опредѣленное рѣшеніе совершенно не складывалось въ его головѣ. Возникали, какъ бы въ туманѣ, планы о магистерской диссертаціи, мечтанья о каѳедрѣ— и расплывались, не оставивъ послѣ себя впечатлѣнія. Теперь эти мысли возникли настойчивѣе, такъ какъ явилось неожиданно одно обстоятельство, требовавшее рѣшенія тотчасъ же. Дѣло касалось предложенія вакантнаго мѣста преподавателя русской словесности въ одной изъ провинціальныхъ гимназій.

Новоиспеченный кандидатъ филологіи предался раздумью.

Магистерство... Каѳедра... Пристань, въ которой можно навсегда успокоиться — и ведутъ къ ней годы упорной, сухой и копотливой работы, въ кругѣ одной спеціальности, которую необходимо избрать и на всю жизнь въ ней замкнуться... Опять эти безмолвныя, одинокія стѣны, вороха книгъ и тетрадей, мерцаніе лампы... Вонъ тамъ, за окномъ, неумолкаемый уличный грохотъ и лихорадочная сутолока мчащихся куда-то людей, среди этихъ блѣдныхъ, словно болѣзненныхъ, стѣнъ громадныхъ каменныхъ массъ, унылыхъ, какъ гробы... О, какъ все это надоѣло, противно!.. А запруженное клочьями разорванныхъ тучъ суровое небо вдругъ прояснилось улыбкой, бросивъ скупой, негрѣющій лучъ заходящаго солнца, ласковая струя вѣтерка, невѣсть откуда, примчалась въ окно, пошевелила полуопущенной шторой и, пробѣжавъ по столу, загроможденному ворохами книгъ и бумагъ, шаловливо перевернула страницу раскрытой тетрадки... Какъ будто нѣкій незримый посланецъ веселой весны заглянулъ въ эту затхлую комнату, чтобы сказать о другихъ небесахъ, гдѣ солнце расточаетъ свои жаркія ласки, въ душистой прохладѣ поетъ соловей и, глядясь въ свѣтлую гладь задремавшей рѣки и млѣя въ истомѣ, шепчутся между собой камыши..

Въ душѣ кандидата сразу созрѣло рѣшеніе, которое вырвалось въ произнесенномъ вслухъ восклицаніи:

— Ѣду!

Онъ заявилъ о своемъ согласіи принять мѣсто въ провинціи и сталъ собираться въ дорогу.

Послѣдній вечеръ петербургской жизни своей онъ провелъ въ укладкѣ вещей. Въ немъ не было ни грусти о прошлыхъ студенческихъ годахъ, ни мечтаній о будущемъ... Ничего дорогого, завѣтнаго, что приходилось покинуть, въ памяти его не отыскивалось. Прожитое являлось въ видѣ прямой, однообразной дороги, пройденной безъ усилій и утомленія, и такая же прямая дорога простиралась передъ нимъ впереди. Что могло на ней встрѣтиться дальше—онъ о томъ не загадывалъ, какъ не загадываетъ о случайностяхъ своего путешествія всякій проѣзжій, который остановился на станціи и ждетъ, пока подадутъ ему другихъ лошадей. Онъ можетъ торопиться и волноваться по поводу цѣли поѣздки, но это его не обязываетъ помнить о мѣстности, которую онъ ужъ проѣхалъ, или замѣчать придорожныя деревья и верстовые столбы въ дальнѣйшемъ пути.

Разбирая бумаги, онъ наткнулся на свои забытыя рукописи. Вотъ поэма „Кейстутъ", вотъ „Недолгое счастье"... Онъ машинально сталъ перечитывать и незамѣтно увлекся этимъ занятіемъ. Вотъ эпизоды, сцены, отдѣльныя фразы... Все это переживалось во время писанья, но теперь, послѣ промежутка извѣстнаго времени, казалось чѣмъ-то чужимъ, постороннимъ... И, одно за другимъ, передъ нимъ возникали открытія. Все, что когда-либо имъ было прочитано у извѣстныхъ писателей и произвело впечатлѣніе—оказывалось воспроизведеннымъ на этихъ страницахъ, въ другой только формѣ... Вотъ, почти цѣликомъ, глава изъ „Гражины" Мицкевича, вотъ тутъ похоже на „Демона" Лермонтова, дальше не обошлось даже безъ Кукольника... Въ повѣсти „Недолгое счастье" Гоголь и Диккенсъ выглядывали изъ каждой строки...

Онъ оттолкнулъ отъ себя плоды своей музы и задумался долгою и тяжелою думой... Посидѣвъ такъ нѣсколько времени, онъ поднялся со стула, сгребъ всѣ тетради въ охапку, отнесъ въ печку и предалъ сожженію.

Такъ онъ покончилъ со своею авторскою дѣятельностью.

И вотъ очутился онъ въ Пыльскѣ.

Длинная комната со свѣтлыми стѣнами, увѣшанными ландкартами, съ черною доскою въ углу и параллельными рядами черныхъ партъ, унизанныхъ юношами съ красными воротниками

и свѣтлыми пуговицами. Поодаль, на стулѣ,—фигура длиннаго худого мущины, въ темно-синемъ форменномъ фракѣ министерства народнаго просвѣщенія... Это—IV классъ Пыльской гимназіи, а длинный мужчина на стулѣ—директоръ.

Филиппъ Караваевъ читаетъ свою первую лекцію по теоріи русской словесности.

Онъ выступалъ приготовленный. Программа предмета созрѣвала у него въ теченіи всего предъидущаго лѣта. Краткое вступленіе и начало, посвященное древнему эпосу, стоили трудовъ цѣлой недѣли. Наканунѣ, съ утра, онъ заперся въ квартирѣ, засѣлъ къ столу, съ перомъ и бумагой, и проработалъ до самаго вечера. Плоды этой работы—вотъ эта тетрадка почтовой бумаги, исписанная красивымъ, тщательнымъ почеркомъ, по которой онъ читаетъ теперь своимъ слушателямъ.

Пронзительный звонокъ въ корридорѣ возвѣщаетъ окончаніе урока.

Въ тетрадкѣ остается еще съ десятокъ страницъ. Ему досадно, что онъ не разсчиталъ объемъ первой лекціи соотвѣтственно времени, но все же рѣшается прочесть до конца. Въ корридорѣ топотъ и гамъ вырвавшихся изъ заперти гимназистовъ. А онъ все читаетъ... Въ окружающей его тишинѣ все явственнѣе прорываются знаки сдержаннаго нетерпѣнія. Самъ директоръ ворошится на стулѣ... Но онъ все читаетъ... Наконецъ, директоръ встаетъ и заявляетъ, что можно уже прекратить. Онъ умолкаетъ, прячетъ тетрадку въ карманъ и, отдавъ классу короткій поклонъ, направляется, пропуская впередъ себя директора, къ выходу.

— Прекрасно-съ!—говоритъ ему тотъ, когда они уже пришли въ канцелярію, гдѣ учителя курятъ и завтракаютъ.—Только позвольте замѣтить вамъ: не лучше ли было бы и проще въ устномъ разсказѣ, а не по тетрадкѣ?

Разговоръ происходитъ среди группы преподавателей. Особенно внимательно прислушиваются: батюшка, въ фіолетовой ряскѣ и съ наперснымъ крестомъ, протоіерей изъ городского собора, состоящій въ званіи законоучителя, и рыженькій человѣчикъ, въ синихъ очкахъ,—математикъ.

Онъ даетъ объясненіе, откровенно заявляя, что этотъ способъ удобнѣе для него потому, что онъ далеко не въ той степени владѣетъ языкомъ, какъ перомъ. Онъ и впредь намѣренъ составлять лекціи письменно. Устное изложеніе у него неминуемо должно выйти блѣднымъ, сухимъ, между тѣмъ какъ самый предметъ его имѣетъ своею цѣлію не одно только пичканье фактами.

Имѣя дѣло съ образцами поэтическаго творчества, онъ требуетъ той красоты въ передачѣ, которая должна способствовать духовной связи, устанавливающейся между поэтомъ и воспринимающей плоды его вдохновенія массой, такъ какъ произведенія поэтическаго творчества имѣютъ дѣло съ живымъ, непосредственнымъ чувствомъ.

— Такъ-съ!—откликается вдругъ математикъ;—но я полагаю, что цѣль всякаго преподавателя средняго учебнаго заведенія, который передаетъ свѣденія по извѣстному предмету, есть развитіе умственныхъ способностей, въ обширномъ смыслѣ: памяти, логики и проч. Возьмемъ, напримѣръ, математику. Она занимаетъ, безспорно, первое мѣсто въ смыслѣ науки, удовлетворяющей цѣли развитія, и потому...

— Извините! — перебиваетъ его Караваевъ, которому его собесѣдникъ, свысока, и какъ ему кажется, будто даже презрительно, цѣдящій сквозь зубы слова, становится вдругъ почему-то чрезвычайно противенъ;—извините, я смотрю на свой предметъ нѣсколько шире. Математика приноситъ свою долю пользы, какъ умственная гимнастика, что ли, но она ничего не даетъ отъ себя... Способность мыслить свойственна каждому, и мы знаемъ примѣры многихъ знаменитыхъ людей, которые были въ свое время крайне плохими математиками... Даже скажу про себя: въ гимназіи я терпѣть не могъ математики и всегда ни бельмеса не смыслилъ во всѣхъ этихъ биномахъ Ньютона, синусахъ, тангенсахъ и всей этой штукѣ!..

— Да-а?—тянетъ, прищурившись поверхъ очковъ, человѣчикъ, и какъ бы весь расплывается въ ядовитой усмѣшкѣ.—Въ такомъ случаѣ, интересно бы было, еслибы вы потрудились разъяснить тѣ широкія задачи, которыя заключаются въ преподаваніи благосклонно избраннаго вами предмета... Если не ошибаюсь, вы изволили выразиться, что таковыя вы признаете въ одной русской словесности? Кажется, такъ?

И рыженькій человѣчикъ, обводитъ присутствующихъ ироническимъ взглядомъ и потомъ останавливаетъ его на своемъ оппонентѣ. Въ эту минуту онъ дѣлается положительно уже ненавистнымъ Филиппу Филиппычу.

— Можете иронизировать, сколько угодно,—возражаетъ Кароваевъ, весь трясясь и пылая,—но навязывать мнѣ слова, которыхъ я не сказалъ, не имѣете права! Кто говорилъ о широкихъ задачахъ? Никто не говорилъ о широкихъ задачахъ! Я хотѣлъ только сказать, что математика, какъ имѣющая исключительной цѣлью формальное развитіе головы,—наука односторонняя. Съ однимъ

этимъ далеко не уѣдешь! Въ человѣкѣ, кромѣ того, существують способности творческія, существують воображеніе, фантазія, наконець, внутренній міръ, стремленія духа... Математика, какъ и всѣ тѣ науки, которыя называются точными, не имѣютъ цѣлью воспитывать...

— Прекрасно-съ!—запальчиво перебиваетъ его человѣчикъ;—слѣдовательно, словесность—предметъ воспитательный?..

— Да, воспитательный!—еще запальчивѣе перебиваетъ его Караваевъ.

— Погодите! Воспитательный?—переспрашиваетъ человѣчикъ.

— Воспитательный!—настаиваетъ Караваевъ.

— Чудесно-съ! Въ такомъ случаѣ, какое мѣсто вы отведете религіи? — задаетъ вопросъ человѣчикъ, ехидно подмигивая въ сторону батюшки... Тотъ откашливается, расправляетъ на груди цѣпочку креста и съ значительнымъ видомъ гладитъ бородку.

— Религія—дѣло другое... Входя въ область вѣры...—начинаетъ Караваевъ, но математикъ тотчасъ же его прерываетъ:

— Какъ? Какъ? Какъ вы сказали? Вѣры? Одной вѣры?

— Да, вѣры... Я сказалъ...

— Постойте. Вы сказали: одной только вѣры?

— Погодите...

— Нѣтъ, вы погодите...

Богъ знаетъ, къ чему бы могъ привести этотъ споръ, но его прерываетъ звонокъ, возвѣщающій окончаніе „большой перемѣны". Преподаватели поспѣшно хватаютъ журналы, и антагонисты расходятся, пріобрѣтя съ этой минуты другъ въ другѣ врага...

Такъ началась его учебная дѣятельность въ Пыльскѣ.

Онъ горячо принялся за дѣло. Онъ остался вѣренъ своей системѣ—письменнаго составленія лекцій и на эту работу уходило у него все его время. Каждая была плодомъ самаго добросовѣстнаго изученія необходимаго для нея матеріала. Задаваньемъ уроковъ наизусть онъ не обременялъ своихъ слушателей. Все дѣло ограничивалось письменными работами, въ концѣ каждаго мѣсяца, отмѣтки за которыя выставлялись въ журналѣ, въ качествѣ „мѣсячныхъ" балловъ.

Въ то же время онъ продолжалъ стоять особнякомъ отъ всего окружающаго.

Со своими товарищами-преподавателями онъ мало сошелся. Бывая на ихъ вечеринкахъ съ неизбѣжными преферансомъ и выпивкой, онъ чувствовалъ себя лишнимъ гостемъ. Въ танцахъ онъ не участвовалъ, а чтобы не изображать изъ себя совершенно статуи молчанія, прилѣплялся къ какому-нибудь изъ гостей, лишь

только въ немъ замѣчалъ также мало участія къ предлагаемымъ развлеченіямъ, и затѣвалъ съ нимъ пространную бесѣду на какую-нибудь серьезную тэму...

„Байбакъ!" — подслушалъ онъ разъ, совершенно случайно, изъ однихъ дамскихъ устъ... Онъ зналъ, что это относилось къ нему, и этого было достаточно, чтобы онъ совершенно уже отстранилъ себя отъ женскаго общества.

Вскорѣ, однако, произошелъ случай, который внесъ въ его жизнь неожиданный для него элементъ.

Въ числѣ его учениковъ изъ старшаго класса былъ юноша, которому онъ постоянно ставилъ полные баллы за подаваемыя имъ сочиненія. Они всегда щеголяли литературностью изложенія, мѣстами даже изяществомъ. Любимцевъ между учениками у Филиппа Филиппыча не было, но въ данномъ случаѣ онъ не могъ не обратить вниманія на этого юношу. Это былъ тонкій и стройный блондинъ, съ большими карими глазами, обладавшими постоянно какимъ-то пристальнымъ и вдумчивымъ взглядомъ. Онъ тотчасъ же сдѣлался симпатиченъ Филиппу Филиппычу. Фамилія его была Хлѣбниковъ.

Разъ онъ отличился особенно, такъ что Филиппъ Филиппычъ, придя въ классъ и раздавъ всѣмъ тетради, счелъ нужнымъ сдѣлать ему нѣчто въ родѣ оваціи.

— Лучшая изъ всѣхъ работъ,—заявилъ онъ,—и на этотъ разъ, какъ всегда, Хлѣбникова. Я долженъ былъ поставить ему высшій баллъ—пять съ крестомъ!

И, передавая зарумянившемуся отъ польщенной гордости ученику тетрадь его, онъ прибавилъ:

— Прочитайте пожалуйста вслухъ свое сочиненіе.

Когда тотъ прочелъ, Филиппъ Филиппычъ воскликнулъ:

— Превосходно! Вотъ какъ надо писать!

По окончаніи урока, Хлѣбниковъ остановилъ его въ корридорѣ.

Краснѣя и конфузясь, онъ передалъ ему свою просьбу. Она заключалась въ слѣдующемъ. Хлѣбниковъ писалъ стихи, ихъ у него накопилась цѣлая тетрадь, и ему очень хотѣлось, чтобы учитель прочелъ ихъ и далъ ему свои указанія.

Филиппъ Филиппычъ отвѣчалъ, какъ подобало, выраженіемъ полной готовности и пригласилъ его придти къ нему вечеромъ...

Тотъ послѣдовалъ приглашенію, и затѣмъ между ними установились самыя короткія отношенія.

Въ одно изъ своихъ посѣщеній, которыя проходили въ бесѣдахъ по поводу прочитанныхъ юношей книжекъ, которыя онъ

бралъ у Филиппа Филиппыча, Хлѣбниковъ открылся, что онъ издаетъ въ классѣ рукописный журналъ, въ которомъ нѣсколько его товарищей принимаютъ участіе. Караваевъ живо заинтересовался и поручилъ ему привести съ собой всю эту компанію, назначивъ для этого вечеръ.

Въ этотъ вечеръ, квартира Филиппа Филиппыча представляла необычное зрѣлище.

Кабинетъ былъ чисто прибранъ, и всѣ вещи стояли въ строгомъ порядкѣ. Кромѣ лампы, на столѣ, передъ диваномъ, горѣла пара свѣчей. Тамъ виднѣлся подносъ съ чайнымъ приборомъ и десяткомъ стакановъ и тарелокъ съ печеньемъ, сластями и фруктами. У стола тѣснились полукружіемъ всѣ собранные сюда наличные стулья. Самъ хозяинъ, облеченный въ свой лучшій сюртукъ и причесанный, волосокъ къ волоску, стоялъ въ дверяхъ прихожей, тоже освѣщенной противъ обыкновенія, пожимая руки входившей со двора гурьбѣ гимназистовъ, подъ предводительствомъ Хлѣбникова.

Гости усаживались полукругомъ на стульяхъ. Всѣ сидѣли красные отъ смущенья, молчали и только покашливали. Хозяинъ „пробилъ ледъ“ заявленіемъ:

— Господа, будьте пожалуйста безъ церемоніи. Кто куритъ— не стѣсняйтесь, курите!

Хлѣбниковъ первый досталъ папиросу и закурилъ. Его примѣру послѣдовали кой-кто изъ гостей.

Поданъ былъ самоваръ и мало-по-малу завязалась бесѣда. Сперва говорилъ одинъ только Хлѣбниковъ, прочіе же испускали лишь изрѣдка члено-раздѣльные звуки, но затѣмъ понемногу разговоръ оживился. Въ немъ отсутствовало все, что касалось гимназіи. Вечеръ вышелъ литературнымъ. Хлѣбниковъ показалъ Филиппу Филиппычу пачку принесенныхъ съ собою нумеровъ „журнала“. Онъ назывался: „Звѣзда“, — журналъ литературный и юмористическій... Говорили о журналѣ, о томъ, кто что пишетъ въ немъ, какъ кто началъ писать вообще, и при какихъ обстоятельствахъ, что послужило первоначальнымъ толчкомъ... Бесѣда затянулась до полночи, и компанія разошлась, когда все угощеніе было ужъ съѣдено, хотя тэма бесѣды оказалась неисчерпаемою... Всѣ были оживлены и болтали безъ умолку. На прощаньи, хозяинъ звалъ всѣхъ заходить къ нему безъ стѣсненія, и совершенно неожиданно вдругъ для себя предложилъ:

— Знаете что, господа? Не завести ли намъ у меня постоянныя собранія, въ опредѣленные дни? Напримѣръ, по суб-

ботамъ... Это самый удобный день, какъ канунъ воскресенья... Согласны?

Общество отвѣчало шумнымъ согласіемъ.

— Итакъ, до субботы, — повторилъ Филиппъ Филиппычъ, послѣ чего вся ватага, со смѣхомъ и шутками, вывалила изъ прихожей на улицу.

Этотъ вечеръ сталъ памятенъ ему навсегда! Онъ принадлежалъ къ одному изъ самыхъ свѣтлыхъ періодовъ жизни. Онъ самъ былъ тогда такъ еще молодъ, столько еще наивной, младенческой вѣры оказалось въ душѣ его, начинавшей уже, какъ мнилось ему, засыхать подъ вліяніемъ нелюдимаго его одиночества!.. И онъ думалъ тогда, что ему суждено воспрянуть и обновиться въ юношу былого періода, когда онъ бродилъ по приволью тамбовскихъ степей... Милое, славное время!

Вотъ эти субботы... На столѣ бурлитъ самоваръ, испуская струи бѣлаго пара, лампа кротко мерцаетъ, играя алмазными искрами въ ледяныхъ узорахъ на окнахъ, а вокругъ—молодой, раскатистый хохотъ, споры и крики... Кто-то какіе-то стихи декламируетъ, безпрестанно прерываемый звуками другихъ голосовъ, изъ которыхъ одинъ о чемъ-то взываетъ къ Филиппу Филиппычу. А онъ шлепаетъ своими мягкими туфлями, благодушно слоняясь по комнатѣ. Гости его совсѣмъ позабыли о немъ, а онъ разсѣянно ловитъ тотъ или другой клочекъ фразы изъ раздающагося вокругъ него потока рѣчей, и такія мысли проносятся въ его головѣ:

„Славно! Торжествуй, Филиппъ Караваевъ! Почемъ знать? Пройдутъ года, и на небосклонѣ нашей литературы засвѣтится еще нѣсколько звѣздъ... Можетъ быть, огонекъ, что теплится еще только пока въ этихъ юношахъ, заблеститъ яркимъ пламенемъ, и если этому суждено совершиться, заслуга принадлежать будетъ тебѣ!“.

Да, это было милое, славное время!

Теперь онъ смѣется надъ своими минувшими думами и непростительнымъ чудакомъ рисуется ему тогдашній Филиппъ Караваевъ, въ званіи преподавателя русской словесности въ гимназіи, а все-таки вотъ и теперь его сердце испытываетъ старую боль, при воспоминаніи о разразившейся вскорѣ послѣ того катастрофѣ.

Въ гимназіи произошелъ великій скандалъ. У одного изъ учениковъ старшаго класса найденъ былъ нумеръ рукописнаго журнала „Звѣзды“... Пожалуй, все это было не важно, и дѣло можно бы было объяснить юношескимъ легкомысліемъ, поса-

дивъ глазныхъ зачинщиковъ въ карцеръ, — но оно принимало совершенно другой оборотъ, въ силу того обстоятельства, что при дальнѣйшемъ разслѣдованіи оказалось прямое участіе тутъ самого преподавателя русской словесности, потворствовавшаго этой затѣѣ, вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать ей, какъ требовала того его прямая обязанность...

Скандалъ вышелъ совсѣмъ безпримѣрный. Караваевъ погорячился и наговорилъ много лишняго. Произошла новая сцѣна съ учителемъ математики, котораго онъ назвалъ „тупицей"...

Филиппъ Филиппычъ подалъ въ отставку.

Уныло и смутно встрѣтилъ онъ слѣдующій день. Это какъ разъ была суббота. Неодѣтый, немытый, онъ просидѣлъ дома, не выходя даже на улицу, не будучи въ состояніи чѣмъ-либо заняться, даже чтеніемъ, слонялся безцѣльно по комнатѣ, бросался по временамъ на диванъ, гдѣ лежалъ, тупо смотря въ потолокъ, вскакивалъ, снова слонялся—и ждалъ съ нетерпѣніемъ вечера...

Наконецъ, насталъ вечеръ. По обыкновенію, на столѣ передъ диваномъ зажглась пара свѣчей, озаряя подносъ со стаканами и тарелки съ сластями и фруктами. Онъ ходилъ изъ угла въ уголъ и безпрестанно смотрѣлъ на часы. Такъ медленно приближалась стрѣлка къ римской цифрѣ VIII, обозначавшей обычный часъ прибытія юныхъ гостей!.. Вотъ наконецъ часы стали бить... Онъ остановился въ своей прогулкѣ по комнатѣ и застылъ въ ожиданіи... Вотъ, вотъ звякнетъ сейчасъ колокольчикъ!.. Нѣтъ, тихо по прежнему, и свѣчка уныло мигаетъ въ прихожей... Онъ снова принялся шагать. Вотъ четверть девятаго, вотъ половина... Онъ шагалъ, останавливался, то прислушиваясь, не дрогнетъ ли звонокъ, то проницая сквозь стекла окошекъ въ уличный мракъ, и снова шагалъ... Часы медленно, плавно, словно издѣваясь надъ его нетерпѣніемъ, пробили девять... Въ квартирѣ было по прежнему тихо.—„Что-жъ это значитъ? Что „ихъ" задержало? Непремѣнно, непремѣнно „ихъ" что-нибудь задержало!"—шепталъ онъ, опять принимаясь шагать... Онъ не допускалъ даже мысли, что „они" не придутъ! „Они" должны придти, именно теперь-то, теперь-то они и должны!.. А стрѣлка часовъ медленно, но неумолимо, продолжала свой путь вокругъ циферблата... Онъ ходилъ, садился, вставалъ и снова ходилъ, тупо смотря себѣ подъ ноги... Часы пробили десять... Въ комнату заглянула кухарка, съ вопросомъ, не пора ли подавать самоваръ... Онъ безсмысленно посмотрѣлъ на нее и долго смотрѣлъ, стараясь уразумѣть, о чемъ она его спрашиваетъ, потомъ нетерпѣливо махнулъ ей рукою.

Тутъ только впервые ударила въ его голову мысль, что онъ ждетъ напрасно, что „они“ не придутъ, совсѣмъ не придутъ!.. Онъ медленно, какъ бы весь ослабѣвъ, опустился въ уголъ дивана, склонившись головою къ рукамъ, и зацѣпенѣлъ, словно мертвый... Онъ теперь ужъ не ждалъ. Онъ зналъ, что „они“ не придутъ. Онъ не думалъ о „нихъ“ и ни о чемъ онъ не думалъ. Въ головѣ и душѣ было пусто, во всѣхъ членахъ усталость, и онъ все сидѣлъ, не шевелясь, истуканомъ, съ головою, опущенной на руки... Наконецъ, онъ встряхнулся, всталъ и взглянулъ на часы... Стрѣлка на циферблатѣ приближалась къ двѣнадцати... Свѣчи на столѣ догорали, освѣщая тарелки съ приготовленнымъ для гостей угощеніемъ. Огарокъ въ прихожей потухъ, и тамъ стоялъ мракъ... Онъ задулъ свѣчи, въ темнотѣ направился въ спальню, въ темнотѣ же раздѣлся, легъ ничкомъ на постель и заснулъ тяжелымъ, похожимъ на оцѣпенѣніе, сномъ...

На другое утро онъ проснулся разбитымъ, однако, тотчасъ же одѣлся и, не напившись даже чаю, отправился изъ дому. Онъ держалъ путь къ гимназіи.

По дорогѣ ему попадались шедшіе, въ одиночку и парами, въ ту же сторону, какъ и онъ, гимназисты. Нѣкоторые ему снимали фуражку.

Вонъ, по той сторонѣ, идетъ юноша. Филиппъ Филиппычъ узналъ его и устремился на встрѣчу, черезъ перекрестокъ. Только его одного, этого самаго, онъ и хотѣлъ теперь видѣть...

Это былъ Хлѣбниковъ. Онъ шелъ медленно, опустивъ голову книзу и поддерживая рукою портфель. Случайно онъ взглянулъ на противуположную сторону улицы, и глаза его встрѣтились съ глазами Филиппа Филиппыча...

Лицо его вспыхнуло. Онъ торопливо приподнялъ фуражку — и въ ту же минуту ускорилъ шаги.

Филиппъ Филиппычъ остановился какъ столбъ, смотря вслѣдъ удалявшемуся изъ глазъ гимназисту. Онъ былъ потерянъ и уничтоженъ, какъ человѣкъ, которому нежданно-негаданно дали вдругъ оплеуху...

Въ воздухѣ зарябилъ крупный снѣгъ... Надъ самымъ ухомъ Филиппа Филиппыча крикнулъ что-то мужикъ на шибко катившей телѣгѣ, чуть не сбивъ его съ ногъ... Онъ тронулся съ мѣста и побрелъ во свояси... А снѣгъ все валилъ и валилъ тяжелыми хлопьями, погребая подъ своей пушистой пеленою предметы, и казалось Филиппу Филиппычу, будто онъ, этотъ снѣгъ, вмѣстѣ съ тѣмъ погребаетъ и его самого, вмѣстѣ со всѣмъ для

него дорогимъ и завѣтнымъ, что навсегда уже скрылось изъ глазъ и больше никогда, никогда не вернется...

Придя домой, онъ тотчасъ же принялся укладывать свои книги и вещи, и къ вечеру очутился вотъ здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, на этой тихой окраинѣ...

Съ тѣхъ поръ прошли годы.

Вскрывалась, опять цѣпенѣла и снова вскрывалась, унося свои ледяныя оковы въ далекое море, рѣчка Смородка... Перемѣняли и сбрасывали и вновь одѣвали зеленый уборъ свой деревья... Наступила и отошла въ область забвенія эпоха реформъ... Прогремѣла и кончилась война франко-прусская... Люди рождались, умирали и вновь нарождались... Много воды утекло!

Филиппъ Филиппычъ постарѣлъ, потолстѣлъ и обрюзгъ. Во всемъ остальномъ онъ остался такимъ же. Такими же остались и самыя стѣны тихой обители, которыя видятъ, какъ спитъ, просыпается, ѣстъ, сидитъ и работаетъ живущій въ нихъ старый байбакъ... Пусть тамъ, гдѣ-то вдали, шумитъ и волнуется бурное житейское море! Ни имъ, ни ему нѣтъ до этого ни малѣйшаго дѣла. Здѣсь, въ тишинѣ и безлюдіи, вдалекѣ отъ всего, что терзаетъ или радуетъ суетный родъ человѣческій, зрѣютъ идеи и планы, которые вѣдаетъ одинъ ихъ носитель, а до всѣхъ остальныхъ они отнюдь не касаются!

Счастливъ ли онъ?

Да, онъ счастливъ... Онъ счастливъ этой, всегда интересной, разнообразной, таинственной, вѣчно юной и неизмѣнной жизнью природы, грозной въ сверканіи молній и завываніяхъ снѣжныхъ мятелей,—и ласковой, любящей, въ лучахъ яснаго солнца, животворящаго и хлѣбный злакъ, и лѣсную былинку. Онъ счастливъ своимъ личнымъ покоемъ, книгами и полной ни отъ кого независимостью... Да, онъ счастливъ, счастливъ, конечно!

Но что же значатъ эти приливы глубокой и безъисходной тоски одиночества, которыя по временамъ его посѣщаютъ, такъ что все, чѣмъ полна его жизнь, становится, ему вдругъ ненавистнымъ?.. Въ эти минуты ему хотѣлось бы лишь одного. Ему бы хотѣлось, чтобы все, что онъ когда-либо пережилъ, изучилъ, перечувствовалъ—оказалось однимъ смутнымъ сномъ, а онъ проснулся бы вдругъ тѣмъ давнишнимъ, смѣшнымъ фалалѣемъ, который нѣкогда плакалъ на подоконникѣ петербургской гостинницы... Что всѣ эти планы, надежды, цѣли, упованія? Вздоръ!.. Тихое, теплое пожатье женской руки... Нѣжный, ласковый голосъ... Слова безъ значенья, звучащія лишь трепетной музыкой робкаго чувства... Мигъ, только мигъ такого блаженства—и онъ упился бы

имъ на всю жизнь! Мигъ, одинъ только мигъ — онъ больше не требуетъ, потому что ни одного такого онъ не изведалъ еще никогда!..

. . . .

„Фу чортъ! Это еще что за новости?!. Вотъ чепуха-то!".

И съ этимъ восклицаніемъ, раздавшимся громко въ ночной тишинѣ, Филиппъ Филиппычъ провелъ рукой по лицу. Оно было мокро отъ слезъ...

„Еще разревѣлся... Ахъ, ты, старый дуракъ!"—шепталъ онъ, торопливо стирая съ лица рукавомъ слѣды своего малодушія.— Отлично, еслибы кто меня теперь увидалъ... Чортъ знаетъ!.. Экое свинство!.. Это, ей-богу потѣха... Ха-ха!"

И это „ха-ха!" также громко раздалось въ ночной тишинѣ, но не весельемъ звучалъ этотъ смѣхъ, а злобой и горечью...

Чего онъ раскисъ въ самомъ дѣлѣ, съ глупѣйшимъ сантиментальнымъ самоуслажденіемъ разматывая этотъ клубокъ ненужныхъ, безсмысленныхъ воспоминаній?.. Соловей... Лунная ночь... Еще бы, расчувствовался!.. Вотъ ужъ къ лицу-то, подумаешь!.. Что можно вообразить нелѣпѣе—сочинить себѣ какія-то пошлыя, слащавыя чувствьица и ихъ растравлять и размазывать?.. Добро бы еще, если бы юноша... Но онъ-то, онъ-то, старый, толстый байбакъ!.. Вѣдь хотя-бъ наконецъ даже изъ этихъ самыхъ воспоминаній, надъ которыми такъ онъ расчувствовался, развѣ не достаточно явствуетъ то заключеніе, что все для него давно уже кончено, рѣшено и подписано?.. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ испытывалъ тоску одиночества и эту малодушную жажду—кому-то что-то повѣдать и въ чемъ-то излиться—развѣ не напоминалъ ему каждый разъ спокойный голосъ разсудка о той прямой и ясной дорогѣ, которую онъ самъ себѣ выбралъ? Онъ шелъ по ней до сихъ поръ, не спотыкаясь и не уклоняясь въ разныя стороны, и будетъ идти до конца, потому что въ ней одной заключается все—и цѣль, и награда!

Онъ всталъ и заперъ окно. Мѣсяцъ давно уже скрылся за лѣсомъ и вся окрестность померкла. Полный мракъ окружалъ Филиппа Филиппыча.

Онъ нащупалъ рукою графинъ, стоявшій, какъ обыкновенно, на столикѣ, выпилъ квасу и, все въ темнотѣ, принялся разоблачаться.

Оставшись въ одномъ бѣльѣ и всунувъ босыя ноги въ туфли, онъ зашлепалъ въ свой кабинетъ. Привычной рукою нашаривъ на столѣ коробку со спичками, онъ добылъ огня и засвѣтилъ

свою рабочую лампу. Затѣмъ онъ сдѣлалъ обычный осмотръ комнатѣ. Шторы на окнахъ были опущены аккуратно, какъ слѣдуетъ, устраняя тѣмъ всякую возможность какому нибудь любопытному съ улицы увидѣть, что происходитъ въ квартирѣ... Наконецъ, онъ вернулся къ столу, опустился въ свое мягкое кресло и, откинувшись на спинку его, погрузился неопредѣленнымъ взоромъ въ пространство.

Ровный свѣтъ лампы, на которую Филиппъ Филиппычъ не надѣлъ абажура, озарилъ обложки и корешки переплетовъ книгъ его библіотеки, а со стѣны, надъ столомъ, взглянули на него портреты корифеевъ, и нашихъ, и иноземныхъ, какъ мертвецовъ, такъ и здравствующихъ... И носатый, со своей характерною, свѣсившейся на лобъ, прядкою, Гоголь, и съ выпученными глазами неряшливый Писемскій, и сѣдовласый Тургеневъ, и Пушкинъ, и Лермонтовъ, и великіе, міровые таланты:—Шекспиръ, и застывшій въ меланхолической думѣ юноша—Шиллеръ, и горбоносый, съ лицомъ угрюмой старухи, увѣнчанный лаврами, „божественный“ Дантъ—всѣ они какъ бы говорили созерцавшему ихъ Филиппу Филиппычу:

„Вотъ мы всѣ, которыхъ ты собралъ у себя, предъ тобою... Уста наши уже сомкнулись на вѣки, и самыя кости разрушились... Мы рождены были такими же смертными, съ тѣми же слабостями и недостатками, какъ и прочіе люди, обреченные стать добычей червей; но пройдутъ вѣка, погибнутъ и опять народятся новыя поколѣнія людей и исчезнутъ въ забвеньи—этой общей участи всѣхъ, даже царей и героевъ, а мы все будемъ жить, лучшей частію нашей, на которую не простирается могильное тлѣніе... И оно, это самое, чего ничто не можетъ разрушить, пришло въ міръ искони, и жить будетъ вѣчно, подвигая и вдохновляя людей... Гибнутъ царства, мятутся народы, изобрѣтаются и отбрасываются, какъ негодная ветошь, философскія мнѣнія,—только оно одно—вѣчно и неизмѣнно до скончанія міра,—то, что люди зовутъ Красотою. И пока міръ не разрушился, ее всегда будутъ чтить, ей служить и къ ней приближаться, потому что въ ней одной—познаніе неба, сѣдалища предвѣчнаго Духа!“.

Филиппъ Филипычъ надѣлъ абажуръ, и группа портретовъ померкла.

Онъ досталъ ключъ, отомкнулъ ящикъ стола, вытащилъ толстую рукопись, сшитую въ форматѣ листа, и положилъ передъ собою.

Лучи лампы ярко освѣтили заглавіе.

На первой страницѣ, крупно и четко, было написано слѣдующее:

Происхожденіе и органическій ростъ
ИДЕАЛА.
На основаніи произведеній русскихъ художниковъ слова, во взаимодѣйствіи съ образцами иностраннаго творчества.

Историко-критическое изслѣдованіе Филиппа Караваева.

А сбоку значилось: Пыльскъ, 5 Марта 186* года...

Онъ сидѣлъ, склонившись головою къ столу, окованный вдругъ какой-то тупой неподвижностью. Рука не протягивалась къ чернильницѣ, и тетрадь не разворачивалась.

Онъ не могъ сегодня работать. Онъ это почувствовалъ сразу, лишь только попробовалъ дать своимъ думамъ должное имъ направленіе. Въ головѣ было пусто, или, точнѣе, клочки какихъ-то вздорныхъ, неидущихъ къ дѣлу мыслей, медленно тамъ выплывали безъ всякой послѣдовательности, цѣплялись и таяли въ наплывѣ другихъ, поселяя въ душѣ чувство глухого недовольства собою, тоски и апатіи...

Выплывали назойливо облики разныхъ людей изъ пережитого прошлаго. Покойникъ-отецъ, съ трубкой въ рукахъ... Хлѣбниковъ, съ смущеньемъ во взорѣ, мчащійся по улицѣ Пыльска... Ехидно подмигивающій рыженькій человѣчикъ въ очкахъ—математикъ... Тутъ же и Анна Платоновна, вмѣстѣ съ птенцомъ... И всѣ они путались, возникали и вновь пропадали въ залитыхъ свѣтомъ луны аллеяхъ стараго сада, гдѣ разсыпалась серебристою трелью соловьиная пѣсня...

Лампа горѣла съ тихимъ шипѣніемъ. Шторы мутно свѣтились въ отблескѣ наступавшаго утра. На дворѣ, хрипло, съ просонья, прогорланилъ пѣтухъ...

Филиппъ Филиппычъ медленно потянулся и всталъ. Лѣнивымъ движеніемъ выдвинувъ ящикъ стола, онъ спряталъ туда свою рукопись, завернулъ кранъ у лампы и, въ сѣромъ сумракѣ, окутавшемъ въ ту же минуту всѣ предметы въ квартирѣ, потащился къ постели.

Теперь уже со всѣхъ дворовъ спящей окраины перекликались между собой пѣтухи. Воробьи щебетали. Рѣчка Смородка дрогнула и зарябилась подъ дыханьемъ промчавшейся струи вѣтерка, а изъ-за вершинъ дальняго лѣса выплылъ багровый шаръ восходящаго солнца...

Мих. Альбовъ.

ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНІЯ

и

ГЕРМАНОФИЛЫ.

Dr. Gustav Körting. Die Anfänge der Renaissancelitteratur in Italien. I Theil. Einleitung. Die Vorläufer der Renaissance. Die Begründer der Renaissance. Leipzig, 1884.

I.

Среди великихъ событій всемірной исторіи, выдающееся мѣсто занимаетъ эпоха возрожденія, которая соединила новые народы съ античнымъ міромъ, освободила человѣческую мысль отъ средневѣковыхъ оковъ и положила основаніе современному направленію культуры. Въ виду, этого книга Кёртинга, написанная для большой публики, представляетъ интересъ не только для итальянскаго читателя. Авторъ, извѣстный своими монографіями о Петраркѣ и Боккаччіо, поставилъ себѣ главною задачею въ этомъ томѣ выяснить неспеціалистамъ характеръ, сущность и значеніе гуманизма, и посвятилъ этому обширное введеніе, занимающее двѣ трети всей книги. Въ такомъ распредѣленіи матеріала заключаются главныя достоинства книги; въ связи съ цѣлями автора стоятъ ея многочисленные и весьма характерные недостатки.

Кёртингъ представляетъ „ренесансъ“ не какъ нѣчто случайное, внезапно, по капризу отдѣльныхъ личностей появившееся и безслѣдно исчезнувшее; онъ видитъ въ немъ результатъ долговре-

меннаго процесса и, въ двухъ первыхъ обширныхъ главахъ введенія, изображаетъ культуру, изъ которой вышло возрожденіе, и слѣдитъ за его начатками въ предшествовавшую эпоху. Античный Римъ представляется автору грубымъ, мужицкимъ царствомъ; отсюда проистекалъ высокій патріотизмъ Рима и его сухой и черствый эгоизмъ, полное пренебреженіе къ человѣческой личности. Завоевавъ міръ и утративъ вмѣстѣ съ участіемъ въ управленіи собственную политическую свободу, мужицкое населеніе, лишенное оригинальности мысли и идеальности чувства, было безсильно для творчества въ области науки, литературы и искусства. Результатомъ этого было бездѣйствіе и нравственное паденіе римскаго общества, поддержать которое не могли ни философія, недоступная массѣ, ни религія, утратившая всякій кредитъ въ образованномъ обществѣ и извратившаяся въ грубое суевѣріе у простого народа. Римъ не выработалъ оригинальной культуры, а заимствовалъ греко-восточную цивилизацію эпохи эпигоновъ. Такимъ образомъ, во всѣхъ частяхъ обширной имперіи установилось однообразіе не только политическаго, но и культурнаго строя, и эта культура отличалась отсутствіемъ оригинальнаго творчества, была проникнута крайнимъ консерватизмомъ и матеріализмомъ, что и послужило причиною ея паденія. Она держалась только на политическомъ механизмѣ, но когда обширность территоріи, затруднявшая управленіе, централизація и абсолютизмъ, мѣшавшіе развитію отдѣльныхъ народностей, вырожденіе народа, который болѣе не давалъ изъ своей среды крупныхъ государственныхъ дѣятелей, наконецъ, рабство, вредившее промышленности и земледѣлію, —погубили имперію, паденіе этой культуры сдѣлалось неизбѣжнымъ. Античный міръ не выдержалъ напора христіанства и германства, двухъ новыхъ силъ, ставшихъ во враждебное къ нему отношеніе. Христіанство содѣйствовало паденію имперіи тѣмъ, что устранило языческую религію, которая стояла въ тѣсной связи съ политической организаціей; оно же положило основаніе новой культурѣ, воспользовавшись для этого новымъ „субстратомъ“ —германствомъ.

Подорвавъ античную культуру, христіанство само подверглось ея вліянію; церковь заимствовала изъ древняго міра не только языкъ и искусство, но и самую организацію и политическіе принципы. То же самое случилось и съ германцами: выработанныя ими политическія формы подверглись античному вліянію; во главѣ феодальнаго міра стояло лицо, считавшее себя наслѣдникомъ цезарей, имѣвшее аттрибуты и претендовавшее на право римскихъ императоровъ; на ряду съ народными обычаями дѣй-

ствовало все болѣе и болѣе вытѣснявшее ихъ римское право. Такимъ образомъ, средневѣковая цивилизація сложилась изъ трехъ элементовъ: античной культуры, христіанства и варварства, которое Кёртингъ отождествляетъ съ германствомъ; но въ ея основѣ лежалъ аскетизмъ, налагавшій свою печать на всѣ явленія тогдашней жизни. Онъ убилъ индивидуализмъ, вслѣдствіе чего средневѣковое общество распалось на мелкія группы, на безчисленные цѣхи и корпораціи, внѣ которыхъ личность не имѣла никакого значенія; подъ его же вліяніемъ сложилось своеобразное положеніе женщины, которая повелѣвала цвѣтомъ тогдашняго общества и не имѣла никакихъ правъ въ семьѣ, была госпожею рыцаря и рабою мужа. Но процвѣтаніе средневѣковой культуры было непродолжительно: во времена Фридриха I и Генриха II английскаго достигла она кульминаціоннаго пункта своего развитія и пала вмѣстѣ съ Гогенштауфенами. Причину ея паденія Кёртингъ видитъ, прежде всего, въ ослабленіи религіознаго экстаза и въ слишкомъ строгихъ требованіяхъ аскетическаго идеала, вызвавшаго сильную реакцію индивидуализма и чувственности. Кромѣ того, церковь пріобрѣла мірской характеръ, и вслѣдствіе крайней неразборчивости въ средствахъ, для борьбы съ свѣтской властью, утратила свой авторитетъ, потрясенный уже религіознымъ индифферентизмомъ, который былъ обязанъ своимъ происхожденіемъ крестовымъ походамъ, познакомившимъ католиковъ съ восточнымъ христіанствомъ и исламомъ. Одновременно съ католицизмомъ палъ и феодализмъ: слабость германскихъ императоровъ сдѣлала ихъ вассаловъ почти самостоятельными государями, а развитіе королевской власти въ другихъ государствахъ низвело ихъ на степень обыкновеннаго привилегированнаго дворянства.

Съ паденіемъ средневѣковыхъ воззрѣній и учрежденій ожила древность; но этому предшествовалъ продолжительный процессъ, и Кёртингъ находитъ въ средневѣковой литературѣ весьма многихъ и часто неожиданныхъ предшественниковъ гуманизма, въ родѣ Гвидо Амьенскаго, автора стихотворенія о Гастингской битвѣ, или папы Григорія Великаго. Настоящее возрожденіе началось въ Италіи вслѣдствіе того, что тамъ сохранились наиболѣе многочисленные слѣды древности въ жизни и въ воспоминаніяхъ, и вслѣдствіе того еще, что, по весьма странному мнѣнію автора, Италія, строго говоря, не знала средневѣковой культуры. Тѣмъ не менѣе возрожденіе началось сравнительно поздно, и главную причину задержки Кёртингъ усматриваетъ въ отсутствіи національнаго единства Италіи.

Третья глава введенія носитъ названіе „сущность и цѣна

культуры возрожденія". Въ этой главѣ авторъ не совсѣмъ удачно старается выяснить сущность движенія, но съ большимъ успѣхомъ опредѣляетъ его историческое значеніе. Въ гуманизмѣ онъ находитъ не мало свѣтлыхъ сторонъ. Возрожденіе ввело въ новую образованность античную культуру, „безъ обладанья которой человѣчеству пришлось бы страдать отъ тяжкой духовной бѣдности"; оно освободило индивидуальность и вызвало духъ критики и анализа, чѣмъ положило основаніе новой наукѣ; оно создало новое искусство, литературный языкъ и новую литературу, ввело ее въ общежитіе и образовало читающую публику; оно эмансипировало женщину, ввело ее въ общество и этимъ облагородило общественныя отношенія. Но съ гораздо большей выразительностью и съ большимъ пафосомъ клеймитъ Кёртингъ темныя стороны гуманизма; его обвиненія сводятся, главнымъ образомъ, къ двумъ пунктамъ: къ оторванности отъ народа, къ безпочвенности движенія и къ безнравственности его представителей. Возрожденіе воспроизводило не настоящую античность, а ея отраженіе въ римской литературѣ императорской эпохи, съ ея безбожіемъ, безнравственностью, эгоизмомъ и презрѣніемъ къ людямъ. Это обстоятельство отразилось, прежде всего, на самихъ гуманистахъ, вполнѣ потерявшихъ совѣсть, утратившихъ всякую способность различать добро и зло; оно же создало безнравственную политику Макіавелли, понизило нравственный уровень общества, грубость и жестокость котораго отразились во всѣхъ сферахъ духовной жизни: въ религіи — безпощадностью преслѣдованій; въ правѣ — тяжестью наказаній; въ литературѣ — упадкомъ драмы; въ искусствѣ — возмущающимъ душу реализмомъ изображенія въ особенности истязаній св. мучениковъ. Другой существенный недостатокъ возрожденія заключался въ томъ, что культура удалилась отъ народа, стала исключительнымъ достояніемъ высшихъ классовъ, порвала съ прошлымъ и пріобрѣла, такимъ образомъ, тепличный характеръ; народная литература сдѣлалась для гуманистовъ предметомъ презрѣнія, какъ нѣчто грубое, недостойное просвѣщеннаго ума, и вслѣдствіе этого одичала; само общество распалось на два класса, не имѣвшихъ между собою почти ничего общаго ни въ воззрѣніяхъ, ни въ стремленіяхъ. Наконецъ, слабую сторону гуманизма составляетъ исключительно эстетическая точка зрѣнія его представителей на науку и литературу; этимъ объясняется дилеттантизмъ, который отразился поверхностнымъ эклектизмомъ въ философіи и отсутствіемъ глубины содержанія въ литературныхъ произведеніяхъ. Вообще Кёртингъ недоволенъ „ренесансомъ"; не удовлетворяетъ его и то изученіе античной древ-

ности, вліяніе котораго отразилось на нѣмецкой наукѣ и литературѣ XVIII в., на сочиненіяхъ Лессинга, Виланда, Шиллера, Гёте, Вольфа, Бека, Велькера, Винкельмана, Отф. Мюллера и другихъ. Онъ ждетъ новаго возрожденія, которое будетъ носить этическій характеръ и касаться всѣхъ классовъ общества.

Въ послѣдней главѣ введенія Кёртингъ возвращается къ вопросу о сущности гуманизма и выясняетъ его сопоставленіемъ, въ видѣ отдѣльныхъ положеній, средневѣковой науки и литературы съ гуманистическими. Несмотря на чисто внѣшній характеръ сопоставленія и на отрывочность изложенія, авторъ даетъ довольно наглядное изображеніе переворота, произведеннаго эпохой возрожденія. Наука секуляризировалась: она покинула тѣсную монашескую келью, вышла изъ школы, перестала быть исключительною принадлежностью университетовъ, вступила въ жизнь, возбудила къ себѣ интересъ въ большомъ свѣтѣ, сдѣлалась предметомъ заботы частныхъ лицъ. Скудныя по количеству и качеству монастырскія и университетскія книгохранилища утратили всякое значеніе; ихъ замѣнили обширныя библіотеки частныхъ лицъ—папъ, государей, богатыхъ купцовъ, которые для пріобрѣтенія книжнаго богатства пускали въ ходъ всѣ свои широкія средства; появились публичныя библіотеки и музеи, возникли типографіи. Свѣтскій ученый—исключеніе въ средніе вѣка; тогда списывали книги и занимались наукой по обязанности или изъ благочестія; ренесансъ усилилъ интересъ къ знанію, создалъ свѣтское ученое сословіе, которое достигло господства въ обществѣ. Результатомъ секуляризаціи науки было измѣненіе ея характера. Серьезная, обдуманная, но неподвижная и рутинная схоластика замѣнилась дѣятельною, энергичной гуманистической наукой, которая врывалась въ жизнь, хотѣла стать съ нею въ возможно близкія отношенія. Удаляясь отъ міра, схоластика не заботилась о доступности и красотѣ: ея языкъ—безъискусственный, небрежный, неизящный; изложеніе—нестройное, безсвязное. Гуманисты, наоборотъ, желаютъ не только вліять на публику, но и нравиться ей; поэтому форма для нихъ—предметъ такой же заботы, какъ и содержаніе. Подчиненная богословіи, средневѣковая наука была неспособна къ развитію и творчеству; она заимствовала у своей „госпожи“ ея отличительныя черты — догматизмъ и отсутствіе критики. Свѣтскій ученый-гуманистъ воспитался подъ другими вліяніями: изученіе и возстановленіе текстовъ требовало отъ него критической дѣятельности, взаимная полемика побуждала къ особенной осторожности въ выводахъ, и онъ былъ прежде всего критикомъ, не стѣснялся никакими богословскими доктринами.

Духъ критицизма, усвоенный съ этихъ поръ наукою, расширилъ до безконечности ея объектъ и послужилъ причиною ея быстрыхъ успѣховъ.—Подчиненное положеніе схоластики, зависимость ея содержанія отъ богословія повело къ формализму; средневѣковой ученый стремился къ формальному, механическому усвоенію всего объема науки и къ чисто внѣшней систематизаціи предметовъ изученія: обычная форма тогдашнихъ ученыхъ произведеній —энциклопедія; главная цѣль научныхъ занятій—опредѣленіе и классификація. Универсальность не чужда и гуманистической наукѣ, но она вытекаетъ изъ другого источника—изъ крайне развитого индивидуализма: гуманистъ желаетъ знать все, потому стремится къ всестороннему личному развитію; но это не мѣшало спеціализаціи научныхъ занятій, которая ведетъ свое начало съ эпохи возрожденія

Точно такимъ же путемъ сравниваетъ Кёртингъ, по формѣ и содержанію, средневѣковую литературу съ гуманистической. Первая проникнута духомъ благочестія; она рѣдко возстаетъ противъ католицизма, никогда противъ христіанства; она всегда груба, часто неприлична, но вообще отличается нравственною чистотой. Въ эпоху возрожденія литература носитъ чисто свѣтскій характеръ, глубоко равнодушна къ религіи, совершенно чужда, а иногда враждебна христіанству; ея нравственный уровень весьма низокъ: она не только игнорируетъ мораль, но часто въ сознательной оппозиціи противъ ея принциповъ. Полное отсутствіе индивидуализма, характеризующее средніе вѣка, особенно рѣзко отразилось въ литературѣ. Средневѣковой писатель, который не только не стремится къ безсмертію, но тщательно скрываетъ свое имя, мало интересуется внутреннимъ міромъ личности, не придаетъ ей никакого значенія; поэтому психическій анализъ отсутствуетъ въ его произведеніяхъ, поступки дѣйствующихъ лицъ не мотивированы психически, и вслѣдствіе этого, вмѣсто типовъ, получаются шаблонныя фигуры невозможныхъ злодѣевъ или невѣроятныхъ героевъ. Гуманистическая литература, благодаря крайне развитому индивидуализму, впервые открыла человѣческое и въ особенности женское сердце. Господствующій видъ средневѣковой поэзіи—эпосъ, такъ какъ она заимствовала свое содержаніе изъ народной жизни и служила выраженіемъ народнаго духа. Отсутствіе чувства мѣры и циклическая композиція, свойственная народнымъ произведеніямъ, придавали эпосу колоссальные размѣры; позже къ нему примѣшалась, подъ вліяніемъ позднѣйшей древности, аллегорія и созданный христіанствомъ мистицизмъ. Въ эпоху возрожденія уничтожаются условія, необходимыя для эпоса, и

этотъ видъ поэзіи исчезаетъ; столкновеніе двухъ культуръ и развитіе индивидуализма создавали удобную почву для драмы, которая однако не появилась, и Кёртингъ объясняетъ это безнравственностью эпохи; вслѣдствіе того главные виды тогдашней поэзіи составляютъ фривольная новелла, романъ и лирика, проникнутая аллегоріей, благодаря въ особенности вліянію эклогъ Виргилія. Латинская лирика эпохи возрожденія, по содержанію, представляетъ въ лучшемъ случаѣ удачное подражаніе, а средневѣковая совершенно лишена художественности, за исключеніемъ религіозныхъ гимновъ и, кромѣ того, значительно ниже первой по формѣ. Стихотворная форма служитъ преимущественнымъ, а въ раннюю эпоху исключительнымъ, выраженіемъ средневѣковой народной поэзіи; гуманисты создали прозу въ романѣ и, подражая на родномъ языкѣ античной метрикѣ, изобрѣли бѣлый стихъ, оказавшій огромную услугу драмѣ.

Менѣе интереса представляетъ та часть книги, которая посвящена предшественникамъ гуманизма: Муссато, Брунето-Латини и Данте. Въ короткомъ очеркѣ Кёртингъ систематически отмѣчаетъ въ стремленіяхъ этихъ людей черты наступающей новой эпохи. Муссато, родомъ изъ Павіи, происходилъ изъ низшаго класса населенія и только трудомъ и талантомъ выбился на широкую дорогу. Городская жизнь давала кое-какой просторъ индивидуализму, который и сказался въ дѣятельности Муссато. Онъ былъ поэтъ и историкъ, политикъ и дипломатъ. Его историческія произведенія напоминаютъ мемуары и описываютъ только современныя автору событія мѣстной ломбардской жизни. Онъ отступаетъ отъ средневѣковаго обычая—начинать изложеніе отъ сотворенія міра—и описываетъ съ полнымъ безпристрастіемъ только то, что самъ видѣлъ или слышалъ. По политическимъ идеаламъ, онъ поклонникъ средневѣковой имперіи, считаетъ ее преемницей античной и вѣритъ въ возможность ея возстановленія. Какъ человѣкъ, Муссато уже развитой индивидуумъ, который съ интересомъ слѣдитъ за своей внутренней жизнью; его лирическія произведенія изобилуютъ біографическими чертами. Вообще поэзія Муссато носитъ на себѣ замѣтные слѣды вліянія древности и напоминаютъ гуманизмъ: его эклоги — подражаніе Виргилію; онъ часто прибѣгаетъ къ эпистолярной формѣ, вошедшей въ эпоху гуманизма во всеобщее употребленіе; его драма Ecceriniis написана подъ сильнымъ вліяніемъ Сенеки и наполнена античными воспоминаніями; въ ней появляются вѣстники и важную роль играетъ хоръ. Но средневѣковой элементъ еще очень силенъ въ произведеніяхъ Муссато; недостатокъ гуманистическаго образова-

нія чувствуется на каждомъ шагу, и весьма часто новое переплетается со старымъ самымъ причудливымъ образомъ. Такъ, его лирическіе монологи (Soliloquia) проникнуты религіознымъ духомъ, но въ нихъ у ногъ распятаго Христа плачутъ Прокрустъ, Бузирисъ, Неронъ; содержаніе его драмы заимствовано изъ средневѣковой исторіи Италіи, ея герой—извѣстный тираннъ Эццелино Романо; въ драмѣ онъ сынъ христіанскаго чорта, но постоянно взываетъ къ Персефонѣ и фуріямъ; хоръ заставляетъ Христа царствовать на Олимпѣ и выражаетъ опасеніе, какъ бы Богъ не передалъ землю Марсу и т. п. Воззрѣнія Муссато на поэзію носятъ такой же характеръ двойственности. Въ стихотворныхъ письмахъ онъ защищаетъ ее противъ нападеній одного монаха, нѣкоего Іоаннина, и является, такимъ образомъ, первымъ борцемъ за литературу противъ монашества, настоящимъ предшественникомъ гуманистовъ; но его основное положеніе носитъ чисто средневѣковой характеръ: онъ хочетъ доказать, что поэзія божественна и равна богословіи. Языческая поэзія аллегорически провозвѣщаетъ истиннаго Бога, и если отдѣльные ея представители невѣрно излагаютъ нѣкоторыя событія, какъ напр., Овидій сотвореніе міра, то это не можетъ быть поставлено въ вину этой поэзіи. Древніе поэты не могутъ быть названы христіанами только потому, почему не носятъ этого имени ветхозавѣтные пророки: они жили ранѣе Христова пришествія. Муссато настоящій гуманистъ по отношенію къ поэзіи и античнымъ писателямъ, но онъ твердо держится средневѣковой точки зрѣнія, что теологія есть единственный критерій для оцѣнки всякаго творчества.

Гораздо слабѣе очерченъ у Кёртинга Брунетто-Латини, знаменитый учитель Данте и авторъ двухъ энциклопедій—стихотворной итальянской—il Tesoretto, и французской—li Tresors, составляющей распространенное прозаическое изложеніе первой. Кёртингъ видитъ гуманистическій элементъ только въ субъективизмѣ Латини и въ его любви къ античной литературѣ, проявляющейся въ массѣ цитатъ изъ древнихъ авторовъ; но онъ упустилъ изъ виду, что учитель Данте былъ первымъ политикомъ въ гуманистическомъ смыслѣ, ставилъ науку выше богословія и требовалъ отъ всякаго государственнаго дѣятеля умѣнья хорошо говорить и изящно писать. Зато отношеніе самого Данте къ возрожденію указано въ книгѣ Кёртинга совершенно вѣрно. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что Данте не основатель ренесанса и только весьма условно можетъ быть признанъ его предшественникомъ. Божественная комедія представляетъ собою энциклопедію средне-

вѣковой культуры и является лебединой пѣснью среднихъ вѣковъ. Но черты новаго времени, и прежде всего индивидуализмъ, тѣмъ не менѣе рѣзко проявляются и въ личности Данте, и въ его произведеніяхъ. Его поэма почти автобіографія; въ ней изложена вся внутренняя жизнь автора, его дѣятельность и стремленія, горе и радости; его развитой индивидуальностью объясняются и слабыя стороны поэмы: Данте перенесъ мѣстную жизнь въ подземный и надземный міръ, и его Божественная комедія представляетъ собою, по выраженію Кёртинга, „флорентизацію загробной жизни". Но онъ не только самъ интересуется своей внутренней жизнью, но считаетъ ее и поучительною и для другихъ; его „Новая Жизнь" уже вполнѣ автобіографія, только разсказанная въ аллегорической формѣ. Стремленіе къ славѣ, культъ поэтическихъ лавровъ, гордое сопоставленіе себя съ поэтами древняго міра, свидѣтельствуютъ о высокомъ уваженіи, которое имѣлъ Данте и къ поэзіи вообще и къ своей поэтической дѣятельности въ частности. Это былъ первый свѣтскій, универсально образованный человѣкъ новаго времени, хотя по своему міросозерцанію онъ принадлежалъ къ предъидущей эпохѣ. Другой признакъ наступающаго гуманизма сказался въ поэмѣ Данте страннымъ смѣшеніемъ средневѣковой мистики съ поразительной ясностью мысли и реализмомъ описаній. Мѣсто фантастическаго дѣйствія и мученія описаны съ такой подробностью и живостью, что чувствуется близость эпохи путешествій и открытій. Наконецъ, Данте можетъ быть названъ предшественникомъ гуманизма и по своему глубокому уваженію къ древности, къ ея поэтамъ, философамъ и политическимъ дѣятелямъ. Для него Камиллъ, Брутъ, Катонъ Утическій—настоящіе герои, не смотря на то, что съ церковной точки зрѣнія они заслуживали бы полнаго осужденія. Эта же черта отразилась и въ отношеніи Данте къ средневѣковой имперіи. Въ его гибеллинствѣ, теоретически развитомъ въ сочиненіи о монархіи, есть, по выраженію Кёртинга, etwas renaissancehaftes. Средневѣковая имперія, по его мнѣнію, продолженіе античной, а эта послѣдняя—установленное Богомъ учрежденіе, конечная цѣль историческаго процесса; ея распространеніе по всему земному шару есть средство, которое избрала премудрость Божія, чтобы доставить земное счастіе человѣческому роду. Поэтому свои политическіе идеалы Данте заимствуетъ изъ римской имперіи; деспотизмъ, по его мнѣнію, есть единственно разумная политическая форма, и власть императора не должна знать никакихъ ограниченій, кромѣ физическихъ.

Третья и послѣдняя часть книги трактуетъ о Петраркѣ и

Боккачіо, которыхъ Кёртингъ называетъ основателями культуры возрожденія. Онъ ранѣе посвятилъ имъ двѣ отдѣльныя монографіи и въ этомъ томѣ только въ краткихъ чертахъ характеризуетъ ихъ отношеніе къ своему времени. Петрарка плохо зналъ древность, но страстно любилъ ее и внушалъ такую же любовь другимъ; въ этомъ и заключается его всемірно-историческое значеніе. Латинскія сочиненія Петрарки весьма слабы и по языку, и по содержанію; не имъ, а своей личности обязанъ онъ за огромное вліяніе и на современниковъ, и на потомство. Петрарка возбуждалъ вниманіе къ себѣ уже тѣмъ, что былъ первымъ литераторомъ по профессіи; удивлялись, кромѣ того, и его учености, и уединенію, и таланту, и страстной любви къ Лаурѣ; при своихъ многочисленныхъ путешествіяхъ онъ всюду заводилъ дружественныя связи и расширялъ свою извѣстность. Обладая сильнымъ честолюбіемъ, Петрарка не останавливался ни передъ какими средствами для его удовлетворенія и умѣлъ добиваться почестей. Обстоятельства были для него чрезвычайно благопріятны: его талантливая и дѣятельная личность выдѣлялась тѣмъ рельефнѣе, что между современниками онъ не имѣлъ достойнаго соперника, и его ближайшіе ученики, кромѣ скромнаго Боккачіо, далеко уступали своему учителю. Вслѣдствіе всего этого, слова Петрарки имѣли безусловный авторитетъ въ обширномъ кругу, такъ что неутомимый апостолъ гуманизма пріобрѣлъ огромное вліяніе на своихъ современниковъ.

Боккачіо посвящены у Кёртинга только двѣ страницы; онъ отмѣчаетъ пассивность, женственность его натуры, неспособность къ иниціативѣ и отсутствіе политическихъ идеаловъ (эта послѣдняя черта свойственна всѣмъ итальянскимъ гуманистамъ, начиная съ ихъ патріарха). Заслуги Боккачіо замѣчаются въ томъ, что онъ выработалъ итальянскую прозу и своими латинскими сочиненіями возбуждалъ интересъ къ древности.

II.

Таково содержаніе книги Кёртинга. Ея главное достоинство заключается въ системѣ изложенія. Популяризація историческаго знанія имѣетъ цѣлью, вмѣстѣ съ общей характеристикой извѣстной эпохи, выясненіе генетической связи историческихъ явленій, закономѣрности историческаго процесса. Только такимъ путемъ развивается вѣрный взглядъ въ обществѣ на самую науку и правильное пониманіе ея практическаго приложенія—политики; только

ясное сознаніе неразрывной связи настоящаго съ прошлымъ можетъ избавить отъ фантастическихъ идей, которыми такъ богато современное политическое и философское мышленіе. Кёртингъ правильно понимаетъ эту задачу, старается выяснить сущность и связь изображаемыхъ имъ явленій и представить гуманизмъ, какъ закономѣрное движеніе, отыскивая его причины въ ближайшемъ и отдаленномъ прошломъ. При этомъ онъ обнаруживаетъ иногда тонкое пониманіе смысла отдѣльнаго событія, умѣетъ дать ему меткую характеристику. Такъ, положеніе древности въ средніе вѣка и ея оживленіе въ началѣ новой исторіи изображены кратко, но весьма ясно и наглядно. Древнюю литературу, говоритъ Кёртингъ, знали и прежде, авторовъ цитировали, но ихъ міросозерцанія рѣшительно не понимали; грековъ и римлянъ наивно наряжали тогда въ современный костюмъ, и добродѣтельные изъ нихъ были для средневѣковаго человѣка некрещенными христіанами, а порочные—служителями христіанскаго черта. Въ одномъ богословскомъ сочиненіи XIII вѣка, для доказательства христіанскаго ученія о терпѣніи и смиреніи, цитируются, на-ряду съ библіей и отцами церкви, языческіе философы и поэты, при чемъ благочестивый авторъ и не подозрѣваетъ глубокаго различія между своими авторитетами. Античная древность жила въ средніе вѣка, такъ сказать, въ скрытомъ состояніи, и Кёртингъ сравниваетъ ее съ зернами пшеницы, которые были найдены въ египетскихъ саркофагахъ и дали ростки послѣ тысячелѣтняго заключенія. Точно также удачно характеризованы нѣкоторыя отдѣльныя явленія средневѣковой жизни — тяжелое положеніе женщины въ семьѣ и въ особенности отношеніе вѣры къ знанію. „Высшей задачей для науки,—говоритъ Кёртингъ,—считалось тогда по разуму доказать ученія церкви, сдѣлать пробу на такомъ вопросѣ, разрѣшеніе котораго найдено не людьми, но открыто имъ самимъ Богомъ; реальное противорѣчіе между вѣрой и знаніемъ просто отвергалось; если казалось, что знаніе противорѣчитъ вѣрѣ, то это приписывалось слабости человѣческаго разума, и не являлось даже мысли о томъ, что содержаніе вѣры можетъ быть ошибочно". Съ большимъ мастерствомъ изображаетъ Кёртингъ людей переходнаго времени и характеръ ихъ стремленій. Главу о предшественникахъ гуманизма онъ заканчиваетъ такими словами. „Если можно сравнить такой блестящій культурный періодъ, какъ ренесансъ, съ яснымъ солнечнымъ днемъ, то можно говорить и о сумеркахъ, которыя предшествовали его появленію. Люди, живущіе въ такія культурныя сумерки, предчувствуютъ наступленіе новаго дня, страстно желаютъ насладиться его свѣтомъ, но не

большей части умираютъ прежде или при самомъ наступленіи утренней зари и не выходятъ, такимъ образомъ, изъ сумрачной тѣни. Вслѣдствіе этого все, что они создаютъ, носитъ на себѣ характеръ двойственности, недоконченности, внутренняго разлада, лишено ясности мысли и гармоническаго совершенства формы. У нихъ есть уже стремленіе къ новымъ высокимъ цѣлямъ, но имъ еще недостаетъ знанія ведущихъ къ нимъ путей, недостаетъ силы, способной къ новымъ созданіямъ, и, такимъ образомъ, ихъ стремленіе остается неопредѣленнымъ колебаніемъ, порывомъ то къ тому, то къ иному идеалу, который еще смутно носится передъ ними, болѣзненнымъ увлеченіемъ всѣмъ, что кажется новымъ и эффектнымъ. Безцвѣтными и безформенными представляются возникшія въ такія сумерки произведенія, когда наступилъ уже ясный день; но какъ могутъ быть они иными? Поэтому хотя и нельзя приписать имъ абсолютныхъ эстетическихъ достоинствъ, но нельзя отрицать ихъ относительнаго значенія и должно признать, что они были необходимыми ступенями, по которымъ духъ человѣческій поднимался въ болѣе высокимъ произведеніямъ". Наконецъ, Кёртингъ самъ сознавалъ важность для образованнаго читателя такихъ работъ, какъ его книга, и трудность ихъ выполненія. Прежде чѣмъ написать свое введеніе, онъ издалъ въ 1878 г. цѣлую книгу о Петраркѣ и въ 1880 другую о Боккачіо и, такимъ образомъ, имѣлъ возможность на частныхъ примѣрахъ выработать свой взглядъ на эпоху и оцѣнить ея историческое значеніе. Но не смотря на все это, его книга представляетъ много и весьма существенныхъ недостатковъ.

У Кёртинга недостаетъ прежде всего глубины пониманія нѣкоторыхъ историческихъ явленій и слишкомъ далеко заходитъ стремленіе все объяснить и, въ интересахъ систематичности изложенія, сводить различныя событія къ одной общей причинѣ; вслѣдствіе этого онъ весьма склоненъ преувеличивать значеніе нѣкоторыхъ фактовъ и любитъ распространяться о возможныхъ послѣдствіяхъ никогда не случившихся событій. Такъ, авторъ пораженъ нѣкоторыми чертами сходства между современной культурой и античной въ эпоху имперіи и вводитъ въ заблужденіе читателя, утверждая, что наша цивилизація отличается отъ древней только большимъ развитіемъ естествознанія и филологіи. Особенно непріятно дѣйствуетъ подобное же поверхностное пониманіе эпохи возрожденія. Кёртингъ обращаетъ слишкомъ много вниманія, придаетъ слишкомъ большую цѣну внѣшней, формальной сторонѣ гуманизма. Сущность движенія онъ видитъ въ неудачной попыткѣ вполнѣ возстановить античную цивилизацію; но невозможность

достигнуть этой цѣли заставила, по мнѣнію Кертинга, гуманистовъ вступить въ компромиссъ съ церковью и подчинила ихъ средневѣковымъ вліяніямъ, такъ что въ результатѣ получилась какая-то смѣсь самыхъ разнообразныхъ и противоположныхъ началъ. Авторъ не замѣтилъ, что древность служила только опорою для борьбы за новыя потребности, что изъ античной литературы заимствовали далеко не все ея содержаніе, что примирить съ средневѣковымъ католицизмомъ невозможно было не только языческую цивилизацію, но и новые идеалы, что крайнее, слѣпое увлеченіе древностью было очень непродолжительно. Кёртингъ думаетъ иначе, и вслѣдствіе этого становится, во-первыхъ, непонятнымъ происхожденіе имъ самимъ отмѣченныхъ заслугъ гуманизма, и, во-вторыхъ, многія явленія этой эпохи получаютъ невѣрное освѣщеніе. Такъ, онъ отмѣчаетъ праздничное, веселое настроеніе гуманистовъ. „Съ прекраснымъ праздникомъ,—говоритъ онъ,—можно сравнить ренесансъ: въ превосходно убранныхъ залахъ собираются тонко образованные, веселые люди, чтобы на нѣсколько часовъ забыть бѣдствія существованія и во взаимной, общественной бесѣдѣ привести въ пріятное возбужденіе умъ и чувство. Тамъ читаютъ поэты мелодичные стихи, въ которыхъ прославляется красота дамы сердца и могущество любви; тамъ разсказываютъ ученые о подвигахъ римскихъ и греческихъ героевъ; тамъ спорятъ философы и дилеттанты о взглядахъ Платона на начала существующаго и безсмертіе души; тамъ показываютъ художники свои модели и рисунки, которые быстро становятся предметомъ свѣдущаго и остроумнаго обсужденія, тамъ раздается пѣніе и музыка, и юныя пары устанавливаются для танцевъ—ахъ, еслибы прекрасный праздникъ могъ вѣчно продолжаться!“ Авторъ вѣрно нарисовалъ внѣшнюю картину, но не понимаетъ ея внутренняго смысла, ея психическаго основанія. Для гуманистовъ открытіе античнаго міра было дѣйствительнымъ праздникомъ, уничтожавшимъ невыносимую тягость невыполнимыхъ требованій аскетическаго идеала, обѣщавшимъ душевное спокойствіе во внутреннемъ мірѣ человѣка и господство науки въ просвѣщенномъ обществѣ. Они глубоко вѣрили, что насталъ золотой вѣкъ и искренно праздновали его наступленіе. Иначе думаетъ Кёртингъ. Ему кажется, что это оживленіе искусственное, что гуманисты спѣшатъ насладиться своимъ торжествомъ, потому что не вѣрятъ въ его прочность, боятся за завтрашній день. Ихъ девизъ—carpe diem, и Кёртингъ такъ далеко доводитъ это толкованіе, что самую жажду наслажденій у гуманистовъ объясняетъ ихъ убѣжденіемъ въ непрочности и непродолжительности праздника, и причину любви къ путешествіямъ сводитъ къ

„нервному безпокойству“ (nervöse Unruhe), свойственному людямъ въ такомъ положеніи! Поверхностное пониманіе эпохи и неспособность представить внутреннюю жизнь гуманиста проявляется у Кёртинга и въ той части его книги, гдѣ онъ характеризуетъ отдѣльныя личности. Авторъ умѣетъ отмѣтить въ нихъ черты новаго времени, но совершенно безсиленъ представить живой образъ. Такъ, для характеристики Петрарки онъ сравниваетъ его съ Вольтеромъ и находитъ между ними большое сходство. Для такого заключенія Кертингъ представляетъ слѣдующія основанія: a) нѣкоторое сходство во внѣшнихъ событіяхъ ихъ жизни; b) эгоизмъ и самообожаніе; c) разладъ между вѣрой и разумомъ (что вовсе не составляло характерной черты у Вольтера), и d) сильное вліяніе на современниковъ. Особенности Петрарки Кёртингъ видитъ только въ томъ, что онъ любилъ древность, обладалъ поэтическимъ талантомъ, былъ вѣрующій христіанинъ и „до тщеславія преданный своей церкви католикъ“. На этомъ послѣднемъ свойствѣ Кёртингъ особенно настаиваетъ, утверждая, что религіозное чувство, привязывавшее Петрарку къ церкви, ослабляло даже его вліяніе на современниковъ. Этотъ семейный, но не женатый каноникъ, громившій развратъ духовенства, потому что этого требовалъ духъ времени, усиленно, но тщетно старавшійся разыграть роль пустынника, представляется ему образцомъ средневѣковаго католика. Трудно рѣшить, кого менѣе понимаетъ Кёртингъ, Вольтера или Петрарку?

Причину поздняго появленія гуманизма въ Италіи, не знавшей, будто бы, средневѣковой культуры, Кёртингъ объясняетъ, какъ мы видѣли, ея національнымъ раздробленіемъ. Послѣ битвы при Леньяно закончилось образованіе націи; въ XIII вѣкѣ сложился ея литературный языкъ, и только потомъ началось возрожденіе. Но какая связь между національнымъ объединеніемъ и движеніемъ, носившимъ космополитическій характеръ? Зачѣмъ нуженъ былъ гуманистамъ итальянскій языкъ, которымъ они не пользовались? Кертингу, повидимому, и самому это неясно; но къ такому заключенію привелъ его примѣръ Византіи, которая, по его мнѣнію, благодаря единству сохранила античную цивилизацію. Но между архивомъ мертвой древности въ средневѣковой Греціи и живымъ гуманистическимъ движеніемъ не было ничего общаго, и авторъ, исходя изъ формальной точки зрѣнія на возрожденіе и игнорируя его настоящую сущность—оппозицію аскетизму, вполнѣ произвольно и неосновательно объясняетъ причину его появленія въ XIV вѣкѣ. Эта же точка зрѣнія привела Кёртинга и къ другой ошибкѣ. Отыскивая предшественниковъ гума-

низма въ средніе вѣка, онъ относитъ къ ихъ числу всѣхъ писателей, у которыхъ замѣчаетъ стремленіе къ стилю и изложенію въ античномъ духѣ, независимо отъ содержанія ихъ произведеній. Поэтому, въ число средневѣковыхъ гуманистовъ попадаютъ и Альфредъ Великій, и Бэда Преподобный, и монахиня Гросвита и масса другихъ; исключены настоящіе предшественники возрожденія, какъ Абеляръ.

Систематичность изложенія составляетъ самую сильную сторону книги Кёртина, но изъ нея же вытекаютъ и нѣкоторые недостатки—натянутыя и притомъ не нужныя объясненія и преувеличенія. Такъ, авторъ задаетъ себѣ вопросъ, почему возрожденіе началось именно во Флоренціи, и отвѣчаетъ на него слѣдующимъ образомъ. Нижняя Италія представляла пеструю культурную смѣсь, поэтому движеніе началось здѣсь позже и не было особенно интенсивно; Римъ не способенъ былъ къ первенству по своему средневѣковому значенію; города Лаціума, Умбріи и марокъ, затерявшіеся въ горахъ,—по своему географическому положенію; поэтому центромъ гуманизма сдѣлались города Тосканы, Лигуріи, Ломбардіи и Венеціи; но и здѣсь болѣе значительные центры, какъ Генуя, Миланъ и Венеція, поглощенные политическими интересами, не были способны руководить культурнымъ движеніемъ, и эта роль досталась на долю Флоренціи. Подобныя объясненія по своей произвольности и бездоказательности не могутъ никого убѣдить, а кромѣ того въ нихъ нѣтъ и особенной надобности: гуманизмъ такъ быстро распространился по всей Италіи, что первоначальное появленіе его въ томъ или другомъ городѣ не имѣетъ существеннаго значенія и можетъ быть объяснено чисто случайными причинами.

Еще болѣе невыгодное впечатлѣніе производитъ преувеличеніе вліянія нѣкоторыхъ историческихъ явленій, которое ведетъ иногда къ невѣрному освѣщенію фактовъ, а иногда и прямо къ курьезамъ. Отмѣчая совершенно вѣрно догматизмъ средневѣковой науки, выросшей на богословской почвѣ и привыкшей вѣрить каждой написанной строчкѣ, Кёртингъ утверждаетъ, будто отъ нея идетъ и вѣра въ реальное существованіе языческихъ боговъ, о которыхъ она узнала отъ древнихъ авторовъ. На самомъ дѣлѣ такая вѣра существовала независимо отъ схоластики и раньше ея, и основывается просто на томъ, что народъ не можетъ сразу признать химерой свои прежнія вѣрованія; въ то время, когда языческіе философы отвергали свой пантеонъ, какъ нелѣпую выдумку поэтовъ, первые христіане видѣли въ своихъ старыхъ божествахъ злыхъ демоновъ. Особенно много такихъ промаховъ въ

оцѣнкѣ различныхъ теченій, дѣйствовавшихъ на возрожденіе, и вліянія самого гуманизма на послѣдующія событія. Указывая безспорный фактъ, что античное міросозерцаніе, поскольку оно отразилось въ литературѣ, вліяло на гуманистовъ, Кёртингъ до крайности преувеличиваетъ это вліяніе, объясняя, напр., ихъ жадность къ деньгамъ тѣмъ, что „требованія эгоизма опредѣляли дѣятельность римлянъ". Или, другой примѣръ. Сильное вліяніе эстетической стороны ренесанса, создавшаго новое искусство, не подлежитъ никакому сомнѣнію; но едва ли кто-нибудь согласится съ Кёртингомъ, что позднѣйшая картинная жестокость церкви, пышныя ауто-да-фе, торжественное сожиганіе вѣдьмъ и тому подобныя церемоніи обусловливались вліяніемъ возрожденія. Въ біографіи и сочиненіяхъ Брунетто Латини авторъ нашелъ ясные слѣды новаго индивидуализма и немедленно преувеличиваетъ вѣрный фактъ, утверждая, что Латини потому не окончилъ своей энциклопедіи, что крайне развитая индивидуальность мѣшала ему спокойно наблюдать подлежащіе описанію предметы. Эти ошибки не имѣютъ существеннаго значенія для читателя, знакомаго съ дѣломъ; но онѣ бросаются въ глаза каждому и подрываютъ научный авторитетъ автора.

Такое же впечатлѣніе производитъ наклонность Кёртинга строить совершенно не нужныя гипотезы. Въ одномъ мѣстѣ своей книги онъ дѣлаетъ вѣрное замѣчаніе, что „историческія событія должно принимать какъ фактъ, и праздное дѣло размышлять о томъ, какой былъ бы ходъ вещей, еслибы произошло одно, или не случилось другого событія"; но самъ на каждомъ шагу нарушаетъ это требованіе научности. Онъ задаетъ, напр., себѣ вопросъ, что было бы, если бы германцы остались язычниками, и отвѣчаетъ, что тогда христіанство не удержалось бы въ Европѣ, и германцы не достигли бы современнаго развитія. Точно также Италія была бы, по его мнѣнію, спасена отъ политическихъ невзгодъ, если бы въ надлежащее время нашелся подходящій человѣкъ, а итальянскій языкъ навсегда бы остался презираемымъ жаргономъ, если бы Данте написалъ свою Божественную комедію по латыни, или если бы гуманисты не обнаруживали къ ней глубокаго уваженія. Обширная римская имперія, по мнѣнію Кёртинга, не могла существовать при своей тогдашней организаціи, потому, что тогда не знали ни пара, ни электричества, и онъ даетъ нѣсколько запоздалый совѣтъ римскимъ императорамъ „сдѣлать попытку образовать конституцію по федеративному принципу, или какимъ-нибудь способомъ доставить провинціаламъ хотя косвенное участіе въ управленіи государствомъ".

Но гораздо болѣе, чѣмъ эти недосмотры, вредятъ книгѣ Кёртинга другіе недостатки, вытекающіе изъ того, что авторъ уклонился отъ своей прямой задачи.

III.

Кёртингъ — человѣкъ очень нравственный, благочестивый въ католическомъ смыслѣ, большой патріотъ и народникъ въ духѣ нашихъ славянофиловъ; онъ не желаетъ ограничиться ролью историка и пытается проповѣдывать и прорицать. Слѣдствіемъ такой точки зрѣнія является цѣлый рядъ весьма назидательныхъ ошибокъ, которыя могутъ служить нагляднымъ примѣромъ того, какъ опасно дѣлать историческое знаніе орудіемъ для достиженія цѣлей, иногда почтенныхъ и высокихъ, но не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ наукѣ.

Роль германскаго племени въ исторіи Европы настолько значительна, заслуги нѣмецкаго народа для современной цивилизаціи настолько безспорны, его собственная культура такъ высока, что и вполнѣ безпристрастное историческое изложеніе можетъ удовлетворить національное самолюбіе и еще болѣе укрѣпить естественное чувство любви каждаго къ своей родинѣ. Но Кёртингъ этимъ не удовлетворяется: для него германцы единственно способное къ культурѣ племя. „Кельтовъ можно признать, говоритъ онъ, неспособными къ высокому и оригинальному культурному развитію уже по одному тому факту, что Ирландія и Шотландія не вышли до сихъ поръ изъ состоянія полу-культуры, полу-варварства“. Такого же мнѣнія держится онъ, повидимому, и о славянахъ; говоря о неизбѣжности романизаціи германцевъ, поселившихся на римской почвѣ, онъ сравниваетъ ихъ положеніе съ тѣмъ, „которое теперь занимаютъ турки по отношенію къ армянамъ и грекамъ, или русскіе по отношенію къ прибалтійскимъ нѣмцамъ“. Если всѣ европейцы, кромѣ нѣмцевъ, лишены способности къ культурному развитію, то эти послѣдніе обладаютъ всевозможными, даже противоположными добродѣтелями. „Племенной германскій характеръ, говоритъ Кёртингъ, соединяетъ въ себѣ два другъ другу противоположныя свойства въ такомъ сочетаніи, какое трудно найти у другого народа: извѣстную дикость и грубость чувства и рядомъ съ этимъ какое-то мягкосердечіе, которое часто переходитъ въ мечтательную меланхолію. Можно сказать, что германскій характеръ заключалъ и заключаетъ въ себѣ на ряду съ сильными мужскими чертами такія же

сильныя женскія". Главный аргументъ въ защиту этого положенія авторъ находитъ въ англійской литературѣ. Шекспиръ, который на ряду съ трагедіями, гдѣ жестокости чувствъ соотвѣтствуетъ и грубость языка, написалъ чувствительную драму „Ромео и Юлія" и нѣсколько нѣжныхъ сонетовъ,—является, по Кёртингу, настоящимъ представителемъ нѣмецкаго племени. То же самое—и Байронъ, умѣвшій изображать различныя чувства, и новые англійскіе романисты, которые соединяютъ чувствительное съ ужаснымъ. Желая объяснить условія, облегчавшія нѣмцамъ принятіе христіанства, Кёртингъ указываетъ еще одну черту германскаго характера—необычайную справедливость. „Свойственное германцамъ чувство справедливости,—говоритъ онъ, заставляло ихъ видѣть въ служеніи Спасителю человѣчества, невинно умершему на крестѣ, нравственную обязанность". Политическій строй средневѣковой Германіи представленъ авторомъ въ идеальномъ свѣтѣ: тогда господствовала индивидуальная свобода; королевская власть основала государственный союзъ, создала раздачею леновъ и установленіемъ феодальныхъ правъ и обязанностей юридическія отношенія между государемъ и подданными, но не сдѣлалась деспотическою; законъ, обычай и вассалы мѣшали развиться абсолютизму и дѣлали невозможной убійственную централизацію. Варварское право кажется автору необычайно гуманнымъ: ему приписывается сознательная забота о томъ, чтобы дать подсудимому самую широкую возможность къ оправданію.

Національное самообольщеніе германофила, заставившее дать ложное освѣщеніе и народному характеру германцевъ, и ихъ политическому строю, повело къ тѣмъ же результатамъ и по отношенію ко всей средневѣковой культурѣ. Признавая германство „субстратомъ", изъ котораго христіанство создало средневѣковую культуру, Кёртингъ не далекъ отъ истины: галло-кельтическія племена романизированы были раньше, а славяне или оставались чужды средневѣковой цивилизаціи, или примкнули къ ней сравнительно позже; но авторъ не останавливается на этомъ положеніи; онъ утверждаетъ, что и въ средніе вѣка вся культура „держалась на нѣмцахъ, какъ на единственно нероманизированныхъ германцахъ". Франція съ ея Сорбонной и трубадурами, Англія съ ея схоластиками, даже Италія съ ея городами и самимъ папой, почти вычеркиваются изъ средневѣковой исторіи культуры. Самое появленіе возрожденія въ Италіи объясняется, какъ мы видѣли, тѣмъ, что эта страна не знала среднихъ вѣковъ. Разсужденія Кёртинга въ этомъ вопросѣ весьма характерны. Незначительность германскаго населенія, кратковременность его господ-

ства и политика Теодориха Великаго, не могли создать въ Италіи прочнаго германскаго вліянія; съ другой стороны, аскетизмъ не пріобрѣлъ здѣсь господства, и близость папства мѣшала его авторитету. Слабость развитія этихъ основъ средневѣковой цивилизаціи отразилась, по мнѣнію Кёртинга, во многихъ явленіяхъ итальянской жизни: въ бѣдности готическихъ построекъ, въ незначительномъ участіи итальянцевъ въ крестовыхъ походахъ, въ процвѣтаніи городовъ. Итакъ, гдѣ нѣтъ нѣмцевъ, гдѣ развились тѣ явленія средневѣковой жизни, которыя наиболѣе слабо были выражены въ Германіи—тамъ нѣтъ среднихъ вѣковъ! Напрасно только Кёртингъ упоминаетъ о крестовыхъ походахъ, они говорятъ, какъ разъ, противъ его теоріи: изъ всѣхъ государствъ Запада Германія принимала не самое видное участіе въ этомъ движеніи. Еще болѣе сильное возраженіе противъ своего взгляда на Италію встрѣчаетъ авторъ въ поэмѣ Данте. Какимъ образомъ произведеніе, въ которомъ отразилось все средневѣковое просвѣщеніе, появилось въ странѣ, незнавшей среднихъ вѣковъ? Въ отвѣтъ на это онъ объявляетъ, что Divina Comedia—аномалія въ итальянской словесности, и составляетъ фазисъ развитія въ исторіи всемірной литературы; другими словами, Данте, представившій въ своей поэмѣ, по выраженію самого же Кёртинга „флорентизацію" загробной жизни, не національенъ. Исходя изъ фантастической посылки, подсказанной національнымъ самовосхваленіемъ, авторъ приходитъ къ вопіющему искаженію дѣйствительности и очевиднымъ противорѣчіямъ.

Къ не менѣе ошибочнымъ результатамъ приводитъ Кёртинга и его народничество. Онъ жалуется на пропасть, которая отдѣляетъ образованное общество отъ народа, указываетъ на всѣ печальныя слѣдствія этого факта и рекомендуетъ мѣры для его устраненія. „Образцовыя произведенія новой литературы, говоритъ онъ, понятны,—самое большее,—только для десятка тысячъ, потому что прочіе классы народа не владѣютъ научнымъ образованіемъ, необходимымъ для такого чтенія. Большая часть выдающихся новыхъ поэтовъ представляютъ для своихъ родичей неизвѣстную и непонятную аристократію, поэтому ихъ произведенія не могутъ оказывать на народную массу нравственнаго и возвышающаго вліянія. Чтò читаетъ такъ называемый простой человѣкъ? Часто, весьма часто—ничего другого, кромѣ бездушнаго или тенденціозно-лгущаго еженедѣльнаго листка съ его пошлымъ фельетономъ, или безсмысленные анекдоты изъ календаря, или брошюры, разжигающія сословную ненависть, или—самое большее —популярно и поверхностно составленный компендій какой-нибудь

отрасли знанія, — но ничего, изъ года въ годъ ничего, что могло бы облагородить душу, сердце и фантазію". Эта тирада нѣмецкаго писателя весьма поучительна и для насъ русскихъ; въ нашей печати не разъ отмѣчали аналогичное явленіе и приписывали этотъ разрывъ интеллигенціи съ народомъ Петру; но оказывается, что и въ современной Германіи, не знавшей „насильственнаго" культурнаго переворота, дѣло стоитъ приблизительно въ такомъ же положеніи. Такое отношеніе между массой и образованнымъ обществомъ кажется Кёртингу не только печальнымъ, но и опаснымъ. „Въ немъ заключается, говоритъ онъ, страшная политическая и соціальная опасность, которая увеличивается еще тѣмъ, что практическій умъ народныхъ массъ, который вполнѣ независимъ отъ образованія и можетъ быть достояніемъ совершеннаго дикаря, въ теченіе послѣднихъ столѣтій и въ особенности въ настоящемъ чрезвычайно развился сравнительно съ прежнимъ временемъ". Объ общественной опасности народнаго невѣжества не можетъ быть, конечно, никакого спора; не совсѣмъ понятно только, что разумѣетъ авторъ подъ практическимъ умомъ (die praktische Intelligenz). Если это здравый смыслъ, то нельзя сказать, чтобы онъ не зависѣлъ отъ образованія, а главное, — почему онъ увеличиваетъ опасность невѣжества? Но какъ бы то ни было, Кёртингъ совершенно справедливо указываетъ на этотъ пробѣлъ въ нашей культурѣ и рекомендуетъ надлежащее средство для его устраненія. Борьба съ народнымъ невѣжествомъ, замѣчаетъ онъ, „должна составлять заботу каждаго мыслящаго человѣка; по крайней мѣрѣ, должно ясно сознавать наличность этого бѣдствія и не слѣдуетъ предаваться сладкимъ мечтамъ, что дѣло просвѣщенія поставлено у новыхъ народовъ превосходно, потому что много учителей, учениковъ и школъ. Конечно, образованіе высшихъ классовъ стоитъ у насъ такъ высоко, по крайней мѣрѣ въ количественномъ отношеніи, какъ не стояло никогда прежде; но низко, весьма низко стоитъ образованіе низшихъ слоевъ народа, потому что чтеніе, письмо, счетъ и знакомство со многими элементарными знаніями далеко не даютъ образованія и тѣмъ менѣе — духовнаго развитія". Все это вполнѣ справедливо и приложимо не только къ Германіи, mutatis mutandis, конечно: то, что нѣмцу кажется ничтожною крохою для ума народнаго, для насъ, напр., пока только pia desideria. Но далеко нельзя согласиться съ Кёртингомъ въ объясненіи причинъ этого явленія и его историческаго смысла. По его мнѣнію, виновато во всемъ „возрожденіе".

Подобно нашимъ поклонникамъ старины, Кёртингъ находитъ въ средніе вѣка и народное единеніе, и высокое духовное развитіе

массы, а возрожденію отводить такую же роль, какую у насъ приписываютъ XVIII столѣтію. „Тогда, говоритъ онъ, народъ имѣлъ, можно сказать, единую душу (eine seelische Einheit), обладалъ общей фантазіей, создавалъ произведенія, авторомъ которыхъ былъ онъ самъ, а не отдѣльная личность. Такимъ образомъ, въ средніе вѣка возникали поэтическія произведенія, которыя дѣйствительно вытекали изъ таинственной глубины народной жизни и были народной поэзіей въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова". Прежде всего, эти слова можно отнести съ полнымъ правомъ только къ той порѣ средневѣковой жизни, когда не было литературы, а существовала одна народная словесность. Позже, самъ Кёртингъ отмѣчаетъ появленіе придворнаго эпоса и рыцарской поэзіи, хотя и считаетъ ихъ доступными и близкими народу. Придворная поэзія, по его словамъ, „самое большее — зародышъ будущаго литературнаго разъединенія", а рыцарская лирика, не смотря даже на рѣзко выраженное презрительное отношеніе къ народу, отличалась отъ его поэзіи только внѣшнимъ образомъ. „Миннезингеры и народные пѣвцы, по большей части, обрабатывали неистощимую тэму любви, тэму, которая по своей общепонятности не оставляетъ желать ничего лучшаго". И это единственное доказательство литературнаго единства. Какъ будто новая поэзія забросила старую тэму! Если одинаковость тэмъ служитъ доказательствомъ литературнаго единства, то Шиллеръ, Гёте и друг. должны быть понятнѣе народу, чѣмъ рыцари съ ихъ своеобразной, искусственной любовью. По словамъ Кёртинга, въ средніе вѣка „поэты могли обращаться въ своихъ произведеніяхъ ко всей совокупности народа и ожидать, что будутъ поняты всѣми"; на самомъ же дѣлѣ литература носила тогда сословный характеръ и въ весьма значительной своей части пользовалась даже непонятнымъ для народа языкомъ. Кёртингъ отрицаетъ, что рѣзкое сословное дѣленіе въ средніе вѣка нарушало духовное единство различныхъ слоевъ населенія, и считаетъ это исключительно результатомъ гуманистическаго образованія; но самая культура развивалась тогда подъ сословными вліяніями, и образованіе, сглаживающее въ наше время соціальныя различія, въ средніе вѣка въ различныхъ общественныхъ классахъ принимало неодинаковое направленіе. Геологія и схоластика были недоступны массѣ, рыцарская культура съ ея турнирами, войнами и „судами любви", была чужда горожанину, непонятна крестьянину и враждебна асветической церкви; и духовное единство народа нарушалось не только различными степенями просвѣщенія, но и сословными стремленіями и интересами; поэтому, новое образованіе, созданное

гуманизмомъ, не нарушило единства, котораго уже не существовало, а, наоборотъ, устранило нѣкоторыя перегородки.

Но Кёртингъ закрываетъ глаза на прошлое и слагаетъ всю вину на гуманизмъ. „Гуманистическое общество возрожденія, говоритъ онъ, широкой пропастью отдѣлилось отъ народной массы: оно имѣло свое мышленіе, свои ощущенія и чувства, исключительные идеалы, воззрѣнія и стремленія, свои особенные нравы. Естественно, что этимъ было разорвано народное единство". Разъединеніе выразилось еще и тѣмъ, что литература перестала составлять „общее національное благо", что образовался особый, непонятный массѣ литературный языкъ и т. д. Фактъ, отмѣченный Кёртингомъ, въ общемъ вѣренъ, но его смыслъ представленъ въ ложномъ свѣтѣ: то, что авторъ приписываетъ спеціально гуманизму, составляетъ общее явленіе во всѣхъ странахъ и у каждаго народа. „Народное единство" разрывается съ того момента, когда начинается культурное развитіе. Вся наша цивилизація шла такъ, что изъ однородной невѣжественной массы выдѣлялись общественныя группы, которыя, вслѣдствіе разныхъ причинъ, успѣвали опередить другихъ въ духовномъ и матеріальномъ развитіи. На востокѣ это были жрецы; въ Греціи и Римѣ сначала родовая знать, потомъ аристократія другого происхожденія; у средневѣковыхъ народовъ — духовенство и рыцари. Объ этомъ можно сожалѣть, но таковъ, повидимому, законъ общественнаго развитія. Въ эпоху возрожденія этотъ фактъ проявился рѣзче, чѣмъ въ средніе вѣка: говорили, писали и думали на чужомъ языкѣ, вносили въ жизнь непонятные для массы идеалы, но и это не составляетъ исключительной особенности гуманизма —приблизительно такъ бываетъ всегда при первомъ столкновеніи народа съ высшей культурой. Въ Римѣ одно время говорили и писали по-гречески; средневѣковая наука излагалась на латинскомъ языкѣ, и въ новой Европѣ еще недавно господствовалъ французскій языкъ. Бывали въ исторіи случаи, что подобное вліяніе чужой культуры уничтожало національное существованіе народа; но гуманизмъ нигдѣ не привелъ къ такому результату, и вслѣдствіе этого „народное разъединеніе" нельзя признать, какъ это дѣлаетъ Кёртингъ, темною стороною возрожденія,—наоборотъ, оно было симптомомъ усиленнаго прогресса и создало современную интеллигенцію.

Еще менѣе можно согласиться съ авторомъ относительно тѣхъ послѣдствій, къ которымъ оно привело, по его мнѣнію, народныя массы. Теперь нѣтъ болѣе чисто народныхъ пѣсенъ и странствующихъ пѣвцовъ, которые замѣняли прежде недостатокъ хорошаго

ченія; поэтому у новыхъ народовъ, по его словамъ, „низшіе слои общества, по отношенію къ умственному и вообще духовному развитію, стоятъ несомнѣнно ниже, чѣмъ это было въ средніе вѣка, и живутъ среди полной духовной пустоты". Возводя столь тяжелое обвиненіе на всю новую исторію, Кертингъ не даетъ себѣ труда привести какое-нибудь доказательство въ его подтвержденіе, кромѣ пошлости нѣмецкихъ народныхъ листковъ. Всеобщее распространеніе грамотности, обиліе народной литературы по всѣмъ отраслямъ знанія, несомнѣнное развитіе политическаго смысла массы—не имѣетъ въ его глазахъ никакой важности. Онъ обходитъ молчаніемъ и культурное значеніе реформаціи, которая дала въ руки народа библію, самый первоначальный и авторитетный источникъ морали. Религіозность автора должна бы, кажется, въ данномъ случаѣ исправить ошибки, происшедшія отъ его увлеченія народничествомъ; но случилось какъ разъ наоборотъ.

„Католическое" благочестіе Кертинга вредитъ его пониманію историческихъ событій. Онъ считаетъ аскетизмъ сущностью христіанства, которое, по его мнѣнію, вполнѣ непримиримо съ античнымъ міросозерцаніемъ. Всякій человѣкъ, говоритъ онъ, сдѣлавшись христіаниномъ, если только его обращеніе было искренне, утрачивалъ всякій интересъ къ сохраненію античной культуры: наоборотъ, былъ заинтересованъ въ ея разрушеніи. Но авторъ не замѣтилъ, что на ряду съ этимъ теченіемъ въ первоначальномъ христіанствѣ существовало и другое, примирительное по отношенію къ языческой философіи и литературѣ. Уже одинъ изъ первыхъ христіанскихъ апологетовъ II вѣка, Юстинъ мученикъ, признаетъ безупречность греческой философіи и склоненъ признавать въ ней особенное проявленіе божественнаго откровенія. Съ такимъ же сочувствіемъ къ этой сторонѣ древности относятся Климентъ Александрійскій, Өеофилъ Антіохійскій, Минуцій Феликсъ, и позже блаж. Іеронимъ, Василій Великій—словомъ, тѣ отцы церкви, которые сами обладали античнымъ образованіемъ. Кертингъ и самъ признаетъ примирительное отношеніе христіанства къ древности, но относитъ его появленіе къ IV вѣку и объясняетъ его тѣмъ, что античная культура въ это время перестала быть опасной. Выходитъ противорѣчіе—или античная культура непримирима съ христіанствомъ, и тогда она остается таковою навсегда; или христіанство боролось съ нею только, какъ съ союзницей язычества и до тѣхъ поръ, пока опасенъ былъ самый врагъ. На самомъ дѣлѣ несправедливо ни то, ни другое положеніе: античной цивилизаціи враждебно не христіанство, а развившійся на его почвѣ

крайній аскетизмъ. Кёртингъ отождествилъ христіанство съ аскетизмомъ, и вслѣдствіе этого въ его книгѣ получилось противорѣчивое изображеніе первоначальнаго христіанства и, что самое главное, невѣрное освѣщеніе одной, и очень важной, стороны гуманистическаго движенія.

Враждебное античному міросозерцанію христіанство никогда, по мнѣнію Кёртинга, не относилось съ враждой даже къ языческому государству, никогда не образовывало политической партіи, не бралось за оружіе и даже воздерживалось отъ литературной полемики. Въ этой смѣси вѣрнаго съ ошибочнымъ главный недостатокъ заключается въ смѣшеніи эпохъ и различныхъ теченій въ христіанствѣ. О политической борьбѣ первыхъ христіанъ не можетъ быть, конечно, и рѣчи, но авторъ не желаетъ знать объ апологетикѣ, которая начинается уже при Адріанѣ; первые апологеты, особенно западные, обнаруживаютъ опредѣленныя политическія стремленія, желаютъ добиться юридическаго существованія; но съ усиленіемъ аскетизма настроеніе мѣняется, развивается полное равнодушіе, а иногда и открытая вражда къ государству. Выраженіемъ этого настроенія является, между прочимъ, De civitate Dei бл. Августина.

Для Кёртинга всякая оппозиція аскетизму равняется отрицанію христіанства, поэтому онъ говоритъ, что „христіанство и ренессансъ находились въ принципіальной, непримиримой оппозиціи другъ къ другу, и борьба между ними была неизбѣжна“ [1]). Въ дѣйствительности дѣло было иначе. Всѣ гуманисты враждебно относились къ монашеству, но весьма немногіе изъ нихъ были противниками христіанства; ихъ борьба была направлена только противъ католицизма съ его отжившими притязаніями и неисполнимыми предписаніями. Но для Кёртинга папство тождественно съ христіанствомъ, а гуманизмъ съ невѣріемъ, и причину ихъ борьбы онъ видитъ въ томъ, что католицизмъ ставилъ неодолимую преграду успѣхамъ невѣрующихъ представителей возрожденія. Дѣйствительныя отношенія извращены подъ перомъ католическаго историка: гуманисты, и только итальянскіе, потому, главнымъ образомъ, сдѣлались индифферентны ко всякой религіи, что не могли примирить своихъ идеаловъ съ нетерпимымъ католичествомъ и были безсильны побѣдить его. Борьба не обусловливалась невѣріемъ, а повлекла за собою равнодушіе, тогда какъ Кёртингъ видитъ реакцію противъ гуманистическаго невѣрія въ католиче-

[1]) Таковъ вообще взглядъ Кёртинга, хотя въ другомъ мѣстѣ своей книги онъ, противорѣча себѣ, утверждаетъ, что „гуманистическая литература не христіанская, но и не противохристіанская, чужда христіанству, но не въ оппозиціи съ нимъ“.

ской реформѣ и даже въ движеніи Лютера, и забываетъ, что „невѣрующій“ гуманизмъ оказалъ сильную поддержку реформаціи и примирился съ христіанствомъ, когда оно приняло форму, болѣе способную къ прогрессу, чѣмъ средневѣковое папство. Исходъ борьбы итальянскаго гуманизма съ церковью представленъ точно также невѣрно; онъ долженъ былъ, по словамъ Кёртинга, не только признать католицизмъ, но и сдѣлать существенныя уступки: такъ, „искусство было принуждено поступить на службу церкви, создавать для нея картины и статуи и воздвигать монументальныя постройки“. На самомъ дѣлѣ побѣда католицизма была болѣе полная, но чисто внѣшняя: гуманизмъ, утратившій, въ силу особенныхъ условій, общественное сочувствіе, былъ задавленъ физическою силою папства; искусство возрожденія было единственной почвой, гдѣ произошло примиреніе обоихъ началъ, но его религіозныя произведенія носятъ на себѣ гораздо болѣе слѣдовъ гуманизма, чѣмъ аскетизма. Фигуры ветхозавѣтныхъ пророковъ и католическихъ праведниковъ, изображенныя гуманистами-художниками, напоминаютъ скорѣе античныхъ боговъ и героевъ, чѣмъ средневѣковыхъ отшельниковъ, и красота мадоннъ была совершенна чужда средневѣковому искусству и далеко не производила того впечатлѣнія, на которое разсчитывала аскетическая иконографія. На почвѣ искусства католицизмъ усвоилъ результаты гуманистическаго движенія, но для этого ему пришлось отказаться отъ аскетизма.

Благочестіе Кёртинга внушило ему мысль ввести въ свою книгу моральную проповѣдь, что, въ лучшемъ случаѣ, ведетъ къ комическимъ эпизодамъ, а чаще вредитъ научности изложенія и придаетъ невѣрную окраску изображаемымъ событіямъ. Такъ, Данте помѣстилъ въ Аду своего учителя, о которомъ ходили очень дурные слухи, и Кёртингъ изъ 6 страницъ біографіи Латичи посвящаетъ четыре на разсмотрѣніе этихъ грязныхъ обвиненій, рѣшительно не имѣющихъ никакого историческаго значенія, и заканчиваетъ его нотаціей по адресу Данте. „Было бы, говоритъ онъ, гораздо благороднѣе со стороны поэта, еслибы онъ скрылъ и смягчилъ нравственныя слабости въ другихъ отношеніяхъ заслуженнаго и почтеннаго человѣка, который, кромѣ того, былъ его другомъ и въ извѣстномъ смыслѣ учителемъ, вмѣсто того, чтобы безпощадно открывать ихъ современникамъ и потомству“. Этотъ запоздалый совѣтъ, вдобавокъ весьма спорнаго нравственнаго достоинства, свидѣтельствуетъ о проповѣдническихъ наклонностяхъ автора, повредившихъ его оцѣнкѣ возрожденія.

Кёртингъ считаетъ эту эпоху крайне безнравственной. „Куль-

тура ренессанса, говоритъ онъ, была durch und durch безнравственна. Едвали было когда-нибудь время столь глубоко безнравственное, какъ эпоха возрожденія. Паденіе морали дошло тогда до высшей степени, которая состоитъ въ томъ, что способность къ нравственному выбору, совѣсть, совершенно исчезаетъ у людей, такъ что они становятся, такъ сказать, наивными въ порокахъ и въ грѣхѣ, т.-е., слѣдуютъ своимъ дурнымъ наклонностямъ и страстямъ, не подозрѣвая даже, что дѣлаютъ нѣчто, нарушающее нравственный законъ". Въ другомъ мѣстѣ Кёртингъ входитъ въ совершенно проповѣдническій паѳосъ. „Порокъ, грѣхъ, преступленіе — эти страшные демоны человѣческаго существованія, появлялись при ясномъ дневномъ свѣтѣ и перестали казаться людямъ ужасными". Нельзя отрицать, конечно, извѣстной нравственной распущенности среди итальянскихъ гуманистовъ; они были лишены нравственной стойкости, тщеславны, подкупны, корыстолюбивы, лицемѣрны, сильно грѣшили противъ цѣломудрія и не обладали твердыми нравственными принципами; но нельзя представлять ихъ себѣ какими-то извергами рода человѣческаго, чудовищами преступленія. Хотя это время не отличалось высокимъ нравственнымъ уровнемъ, но добродѣтели и вообще не процвѣтали на папскомъ престолѣ и въ итальянскихъ республикахъ, ни передъ гуманизмомъ, ни вскорѣ послѣ его паденія. Наоборотъ, пороки гуманистовъ кажутся дѣтскими шалостями сравнительно съ тѣми нравственными мерзостями, какія совершали, напримѣръ, іезуиты ad majorem Dei gloriam, или венеціанское правительство для блага государства. Желаніе морализировать заставило Кёртинга наложить слишкомъ темныя краски на нравственную сторону гуманистическаго движенія, оно же помѣшало ему указать и всѣ причины этой распущенности. Главнымъ образомъ, налегаетъ онъ на гибельное вліяніе на гуманистовъ поздней греко-римской древности, но отмѣчаетъ также и отсутствіе въ нихъ религіозности. „Хотя можно, конечно, допустить въ теоріи, говоритъ онъ, что этика можетъ существовать безъ религіи, и нельзя отрицать, что довольно часто отличались строгой нравственностью индивидуумы, которые были или считали себя атеистами, однако невозможно отвергать и того, что для народовъ времена безвѣрія всегда были и временами безнравственности". Но если это замѣчаніе и вѣрно вообще, оно не приложимо въ данномъ случаѣ: гуманизмъ нигдѣ и никогда не былъ движеніемъ народнымъ, и итальянцы XV вѣка, увлекавшіеся Саванаролой и его менѣе крупными современниками и предшественниками, не заслуживаютъ упрека въ невѣріи. Безнравственность гуманизма

зависѣла до извѣстной степени отъ вреднаго вліянія римской литературы и религіознаго индифферентизма, но ея главныя причины лежали глубже, заключались и въ общественномъ положеніи гуманистовъ, слишкомъ зависѣвшихъ отъ своихъ меценатовъ, и, главнымъ образомъ, въ борьбѣ противъ аскетизма. Убѣдившись въ полной несостоятельности аскетической морали, гуманисты въ силу реакціи бросились въ противоположную крайность, стали считать порокомъ прежнія добродѣтели и предоставили слишкомъ широкій просторъ подавленнымъ прежде потребностямъ духа и тѣла. Вслѣдствіе этого гуманисты особенно грѣшили противъ того, что запрещалъ монашескій обѣтъ; отъ этого же они предавались своимъ порокамъ съ вызывающимъ видомъ, какъ бы гордясь и хвастаясь, что производитъ на изслѣдователя особенно непріятное впечатлѣніе.

Нравственные недостатки гуманистовъ содѣйствовали паденію этого движенія на итальянской почвѣ; но Кёртингъ не довольствуется этимъ и съ большими натяжками приписываетъ безнравственности болѣе широкія послѣдствія. Замѣтивши, что возрожденіе не создало драмы, онъ утверждаетъ, что причиною этого было отсутствіе у гуманистовъ „нравственной стихіи", безъ которой драма немыслима. Дѣйствительно, отсутствіе трагедіи въ гуманистической литературѣ представляется весьма страннымъ. Въ самомъ гуманизмѣ, въ особенности въ Италіи, заключалось много трагизма: смѣна идеаловъ, невозможность примирить античное міросозерцаніе, которое твердо усвоено, съ католическимъ аскетизмомъ, который привитъ воспитаніемъ и укорененъ привычкой — все это вносило въ индивидуальную жизнь страшный разладъ, который усиливался еще тѣмъ, что сквозь формальную церковность пробивалось въ обществѣ новое религіозное одушевленіе, знаменовавшее близость реформы. Если присоединить къ этому духъ критики, подвергавшій съ XV вѣка неумолимому анализу всѣ основы жизни, и старыя католическія, и вновь усвоенныя античныя,—то будетъ ясно, какой борьбы стоило гуманисту его равнодушіе, которое, кромѣ того, по самой своей сущности не могло дать внутренняго спокойствія. И дѣйствительно, среди гуманистовъ встрѣчаются такія трагическія лица, какъ Петрарка, или болѣе глубокій по натурѣ и болѣе несчастный Тассо. А между тѣмъ драмы не было. Наиболѣе вѣроятно фактъ объясняется тѣмъ, что сначала нужно пережить драму, а потомъ ее изображать; Тассо считается послѣднимъ гуманистомъ. Художникъ въ такихъ случаяхъ, является обыкновенно послѣ всѣхъ, и какъ Данте пропѣлъ лебединую пѣснь среднихъ вѣковъ въ началѣ но-

вой исторіи, такъ эпоха возрожденія отразилась въ драмахъ Шекспира и французскихъ писателей XVII в. Во всякомъ случаѣ, гуманистическая безнравственность здѣсь не при чемъ, потому что и въ XVII вѣкѣ во Франціи и въ XVIII въ Германіи неособенно процвѣтали добродѣтели.

Еще съ меньшей основательностью утверждаетъ Кёртингъ, что безнравственность политики, выработанной подъ вліяніемъ гуманизма, привела Италію къ потерѣ политической самостоятельности и погубила національную культуру. Гуманисты не создали новаго направленія въ политикѣ, а только сдѣлали попытку возвести ее на степень, если не науки, то, по крайней мѣрѣ, искусства; они не поставили для нея новыхъ цѣлей, а только въ видѣ отвлеченныхъ правилъ формулировали средства. Раздробленіе Италіи и ея безсиліе объединиться и отразить врага было результатомъ всей предшествующей политической исторіи; гуманизмъ, не смотря на свою безнравственность, въ этомъ неповиненъ, и упрекать его за это можно только въ интересахъ нравственной назидательности, а не исторической истины.

Въ трудѣ, предназначенномъ для образованнаго читателя и имѣющемъ цѣлью характеризовать всемірноисторическое движеніе, особенно важное значеніе имѣетъ не фактическая полнота, не новыя данныя для рѣшенія частныхъ вопросовъ, а общее выясненіе смысла и значенія событій; по этому мы и отмѣтили, главнымъ образомъ, тѣ стороны труда, которыя препятствуютъ книгѣ Кёртинга достигнуть ея главной цѣли.

М. Кореллинъ.

ВЪ ПАНЦЫРѢ ВЕЛИКАНА

Романъ Ф. Ансти.

Съ англійскаго.

Окончаніе.

XXVIII *).

Злая минута.

На одномъ пунктѣ, между Базелемъ и Шафгаузеномъ, Рейнъ, описавъ нѣсколько извилинъ по низкимъ, зеленымъ долинамъ, окаймленнымъ тополями, вдругъ съуживается въ тѣсный, крутой каналъ, изъ котораго изливается съ пѣной и непрерывнымъ музыкальнымъ рокотомъ.

На утесахъ, образующихъ этотъ каналъ, и соединенныхъ диковиннымъ, стариннымъ мостомъ, стоятъ два города-близнеца: Большой и Малый Лауфингенъ. Касательно ихъ взаимныхъ достоинствъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, такъ какъ Малый Лауфингенъ (принадлежитъ Бадену) весь состоитъ изъ одной узкой улицы, оканчивающейся массивными воротами, между тѣмъ, какъ Большой Лауфингенъ, стоящій на швейцарской территоріи, можетъ похвалиться цѣлыми двумя, да еще съ половиной, улицами; кромѣ того, имѣетъ площадь, величиной съ лондонскій задній дворъ, церковь съ красивымъ куполомъ и часами въ голубой съ золотомъ оправѣ и, наконецъ, развалины бывшей нѣкогда австрійской крѣпости, украшающія вершину холма, съ обвали-

---

*) См. сентябрь, октябрь и ноябрь.

шимися сводами и съ развѣсистымъ деревомъ на крышѣ единственной, уцѣлѣвшей, сѣрой башни. Большой Лауфингенъ былъ когда-то очень оживленнымъ мѣстомъ: онъ былъ почтовымъ городомъ, и всѣ дилижансы въ немъ останавливались. Наполеонъ проходилъ черезъ него по дорогѣ въ Москву, и на крышѣ старой башни, стоящей за воротами города, и по сію пору можно видѣть уродливый металлическій профиль, весь изборожденный пулями французскихъ рекрутовъ, которые избирали его мишенью во время привала, по необходимости или въ насмѣшку,—неизвѣстно. Въ настоящее время, это—тихое и сонное мѣстечко, и туристы, спѣшащіе къ Шафгаузенскому водопаду, рѣдко въ немъ останавливаются надолго. Сюда-то привезъ Маркъ Ашбёрнъ свою жену Мабель, во время ихъ свадебнаго путешествія. Мѣстечко это, съ которымъ онъ случайно познакомился во время поѣздки съ Каффиномъ, понравилось ему тогда. Мысли его были постоянно заняты Мабель, и онъ находилъ мечтательное удовольствіе въ предположеніи, что онъ когда-нибудь пріѣдетъ сюда вмѣстѣ съ нею. Тогда это казалось несбыточной мечтой; но вотъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и мечта сбылась. Онъ снова былъ въ Лауфингенѣ и съ нимъ вмѣстѣ Мабель.

Продолжительный кошмаръ, тяготѣвшій надъ нимъ передъ женитьбой, наконецъ, разсѣялся. Даже въ церкви онъ еще не чувствовалъ себя безопаснымъ, до того сильно было въ немъ предчувствіе бѣды. Но ничего не произошло; слова, сдѣлавшія Мабель его женой, были произнесены, и ни люди, ни ангелы не вмѣшались. А теперь прошла уже цѣлая недѣля, и ничто, казалось, не грозило извнѣ его благополучію; нѣкоторое время онъ рѣшительно закрывалъ глаза на все, кромѣ настоящаго, и чувствовалъ себя безмѣрно счастливымъ. Но постоянно старый призракъ оживалъ и начиналъ грызть. Душа егозамирала при мы сли о томъ, какъ непрочно его счастіе. Если только Гольройдъ не уѣхалъ изъ Англіи, какъ говорилъ, то непремѣнно узнаетъ, какъ его обманули насчетъ замужества Мабель, и это приведетъ къ открытію всего, что съ нимъ связано.

Въ то время, какъ начинается настоящая глава, онъ былъ въ особенно удрученномъ состояніи духа, и стоя на мосту вмѣстѣ съ Мабель, любовался видомъ.

— Какая прелесть!—сказала Мабель, поворачиваясь сіяющимъ личикомъ къ Марку.—Я такъ рада, что мы пріѣхали именно сюда. Мнѣ такъ здѣсь нравится.

— Что скажешь, Мабель, еслибы мы прожили здѣсь больше мѣсяца, все лѣто, напримѣръ?

— Это было бы восхитительно во многихъ отношеніяхъ; но ты знаешь, Маркъ, что намъ необходимо вернуться домой въ концѣ мѣсяца; нашъ домъ будетъ готовъ, и тебя ждетъ работа; ты вѣдь тутъ не напишешь ни строчки; ты такъ ужасно лѣнишься.

— Я... я пошутилъ,—сказалъ онъ (хотя выраженіе его лица было вовсе не шутливое),—мы будемъ наслаждаться, пока мы тутъ, а когда придетъ конецъ, мы будемъ вспоминать о томъ, какъ мы были счастливы!

— Когда придетъ конецъ здѣшнему счастію, мы начнемъ новую счастливую жизнь въ нашемъ маленькомъ домикѣ, Маркъ. Я нисколько не боюсь за будущее. А ты?

Онъ охватилъ рукой ее за тонкую талію и крѣпко прижалъ къ своему сердцу съ жаромъ, въ которомъ было столько же отчаянія, сколько и любви.

— Развѣ я могу бояться будущаго, пока ты со мной, моя дорогая? Меня терзаетъ только порою страхъ потерять тебя.

— Глупый мальчикъ!—сказала Мабель съ нѣжнымъ смѣхомъ, глядя въ его печальное лицо.—Вотъ никакъ не ожидала, что ты можешь быть такъ сантименталенъ. Я совсѣмъ здорова и вовсе не сбираюсь умирать, пока нужна тебѣ.

Онъ боялся лишиться ее по причинѣ, горчайшей самой смерти, и крѣпко сжавъ ея маленькія ручки, страстно принялся цѣловать ихъ.

— Я боюсь,—замѣтила немного спустя Мабель,—что тебя что-то безпокоитъ. Ужъ не новая ли книга? Можетъ быть, тебѣ поскорѣе хочется узнать, что о ней пишутъ?

— Я ждалъ писемъ все это время,—отвѣчалъ Маркъ (онъ дѣйствительно ждалъ извѣстій отъ Каффина и начиналъ приходить въ отчаяніе отъ того, что ихъ нѣтъ).

— Поѣздъ изъ Базеля пришелъ какъ разъ въ то время, какъ мы пришли сюда. Вотъ, посмотри, идетъ почтальонъ. Я тоже безпокоюсь, что такъ давно нѣтъ писемъ изъ дома. Боюсь, не заболѣла ли Долли.

Когда они вернулись въ отель, Марку подали телеграмму, при видѣ которой онъ испугался, самъ не зная почему.

Мабель немедленно заключила худшее и поблѣднѣла:

— Знаю, что въ ней. Долли больна... прочитай и скажи мнѣ самъ... мнѣ страшно.

Маркъ раскрылъ телеграмму и прочиталъ:—„Отъ г. Каффина. Гольройдъ, по собственному побужденію, рѣшилъ немедленно оставить Англію. Уѣхалъ вчера“. Это могло обозначать

только одно. Винцентъ уѣхалъ обратно въ Индію, какъ говорилъ. Наконецъ-то опасность миновалась! онъ смялъ телеграмму и, бросивъ ее, повернулся къ Мабель съ сіяющимъ лицомъ:

— Не безпокойся, душа моя. Это дѣловая телеграмма, которой я ждалъ, и она сообщила мнѣ хорошія вѣсти. Я теперь буду совсѣмъ спокоенъ. Не пойдешь ли еще погулять, если ты не устала?

Мабель рада была на все согласиться, въ восторгѣ, что Маркъ снова сталъ похожъ на прежняго Марка. Они прошли по узкой улицѣ Малаго Лауфингена въ ворота и отправились по большой дорогѣ, усаженной большими деревьями, а съ нее свернули на узкую тропинку, которая вела черезъ рощи къ селеніямъ, разсѣяннымъ тамъ и сямъ на дальнихъ зеленыхъ скатахъ.

Маркъ чувствовалъ себя невыразимо счастливымъ во время этой прогулки; мрачная завѣса, облекавшая природу, разсѣялась. Мабель шла рядомъ съ нимъ, и онъ не боялся больше, что ее у него отнимутъ. Онъ слушалъ теперь ея веселые планы о будущемъ, безъ внутренняго предчувствія, что все это разсѣется по вѣтру прахомъ. Его былая беззаботная веселость вернулась къ нему въ то время, какъ они сидѣли за завтракомъ въ длинной, низкой комнатѣ стараго деревяннаго трактира, и Мабель тоже забыла свои опасенія относительно Долли и заразилась веселостью Марка.

Солнце уже сѣло, когда они вернулись къ городскимъ воротамъ и увидѣли сквозь ихъ своды узкую улицу съ ея неправильными очертаніями, рѣзко выдѣлявшимися на свѣтло-зеленомъ вечернемъ небѣ.

— Я не очень утомилъ тебя?—спросилъ Маркъ, когда они подошли къ полосатому пограничному столбу у входа на мостъ.

— Нисколько,—отвѣчала она,—прогулка была такая прелестная. Ахъ!—вскрикнула она вдругъ,—я думала, что кромѣ насъ нѣтъ англичанъ въ Лауфингенѣ. Маркъ, погляди, это навѣрное соотечественникъ?

— Гдѣ?—спросилъ Маркъ.

Становилось уже темно, и онъ увидѣлъ прежде всего толстаго человѣка съ выпяченной съ значительнымъ видомъ губой, который зажигалъ масляный фонарь на мосту.

— Вонъ, прямо противъ насъ,—отвѣтила Мабель.

И даже на этомъ разстояніи онъ узналъ человѣка, котораго надѣялся болѣе никогда не видѣть. Онъ стоялъ къ нимъ спиной, но Маркъ отлично призналъ и фигуру, и платье. То былъ Винцентъ Гольройдъ.

Въ одно мгновеніе веселое спокойствіе, испытываемое имъ нѣсколько секундъ тому назадъ, отошло далеко, далеко. Онъ остановился въ смертельной нерѣшительности. Что ему дѣлать? Если Гольройдъ увидитъ ихъ вмѣстѣ, онъ съ первыхъ же словъ все откроетъ Мабель. Однако, онъ непремѣнно увидитъ ихъ; спастись некуда, нѣтъ другой дороги, чтобы миновать мостъ. Во всякомъ случаѣ,—подумалъ онъ,—пусть слова, которыя его погубятъ, будутъ высказаны въ его отсутствіе; онъ не можетъ стоять тутъ и видѣть, какъ перемѣнится лицо Мабель, когда она узнаетъ позорную истину. Онъ настолько совладалъ съ своими нервами, чтобы выдумать предлогъ ее оставить. Онъ забылъ купить табаку въ лавкѣ, мимо которой они проходили, сказалъ онъ; онъ сейчасъ вернется и нагонитъ ее, если она пойдетъ, не торопясь. И, повернувъ въ другую сторону, предоставилъ ей одной встрѣтить Винцента Гольройда.

XXIX.

Въ Уэкстуотерѣ.

Въ маленькой частной гостиной стариннаго, оштукатуреннаго зданія, не то мызы, не то деревенскаго трактира, извѣстнаго туристамъ подъ названіемъ „Столбовой гостинницы“, въ Уэкстуотерѣ сидѣли разъ вечеромъ Гольройдъ и Каффинъ, недѣлю спустя послѣ пріѣзда ихъ на озёра. Оба были молчаливы, но молчаніе это отнюдь не было выраженіемъ безусловнаго взаимнаго пониманія, какъ это ясно вытекало изъ принужденныхъ замѣчаній, которыми они время отъ времени безуспѣшно старались прервать его. За это время оба порядкомъ успѣли надоѣсть другъ другу, и та слабая пріязнь, какая была между ними, совсѣмъ исчезла при ближайшемъ знакомствѣ. Днемъ они держались порознь по молчаливому соглашенію, такъ какъ природной лѣни Каффина было вполнѣ достаточно, чтобы удерживать его отъ сопутствованія Винцёнту въ его дальнихъ прогулкахъ по горамъ, которыми онъ старался заглушить тоску, грызшую его; но, вечеромъ, такъ какъ гостинница была пуста въ это время года, они необходимо должны были оставаться въ обществѣ другъ друга и находили это достаточно несноснымъ.

Каждый день Гольройдъ рѣшалъ, что положитъ этому конецъ при первой же возможности, такъ какъ что-то невыразимое въ манерахъ Каффина все болѣе и болѣе его раздражало. Между тѣмъ, только политика удерживала Каффина отъ откровеннаго

разрыва. И вотъ, въ то время какъ Гольройдъ разсѣянно глядѣлъ въ огонь, гдѣ трещали дрова, Каффинъ лѣниво перевертывалъ смятые листы книги, куда вносились имена посѣтителей, и гдѣ красовались обычныя краснорѣчивыя свидѣтельства возбуждающаго вліянія природы на умъ человѣческій. Дойдя до послѣдней страницы, гдѣ, вмѣстѣ съ похвалой живописности горъ, строго порицалось соленое масло отеля, онъ, зѣвая, захлопнулъ книгу.

— Я буду живо чувствовать, какого шумнаго веселья я лишился, когда вернусь обратно въ городъ, — замѣтилъ онъ.

Гольройдъ ничего не отвѣтилъ, и такъ какъ Каффинъ косвенно желалъ уязвить его, то молчаніе еще сильнѣе раздосадовало его.

— Не постигаю, почему они не несутъ мнѣ газеты,—раздражительно проговорилъ онъ.—Я приказалъ аккуратно каждый день приносить ее мнѣ, но никакъ не могу добиться, чтобы они это дѣлали. Я думаю, что даже и вы должны интересоваться тѣмъ, что происходитъ за предѣлами этой счастливой долины?

— Не могу сказать, чтобы очень интересовался этимъ,—отвѣчалъ Гольройдъ;—я теперь привыкъ обходиться безъ газетъ.

— Охъ! — сказалъ Каффинъ съ легкой ироніей,—у васъ одинъ изъ тѣхъ умовъ, которые могутъ быть превращаемы въ карманныя царства, въ случаѣ надобности. Но у меня нѣтъ такого ума. Я—жалкое созданіе, и совнаюсь, что люблю знать, кто изъ моихъ друзей умеръ, прославился или женился... въ особенности послѣднее. Знаете ли, Гольройдъ, я пойду и справлюсь насчетъ газеты. Вы не будете въ претензіи, если я васъ оставлю?

— Нисколько; мнѣ здѣсь отлично.

— Мнѣ не хочется оставить васъ безъ всякой пищи для вашего мощнаго ума,—замѣтилъ онъ и вышелъ изъ комнаты.

Но почти тотчасъ же вернулся съ какимъ то журналомъ въ рукахъ.

— Сейчасъ вспомнилъ, что у меня въ карманѣ пальто есть старый M. Rewiew; быть можетъ, вы его уже читали, но я на всякій случай принесъ его вамъ.

— Очень вамъ благодаренъ,—отвѣчалъ Винцентъ гораздо привѣтливѣе, чѣмъ говорилъ съ нимъ въ послѣднее время.

Онъ очень его не взлюбилъ, но такое вниманіе съ его стороны пробудило въ немъ раскаяніе.

— Можетъ быть, вы заглянете въ него,—продолжалъ Каффинъ,—вотъ возьмите.

— Благодарю,—отвѣчалъ Гольрейдъ, не раскрывая журнала.—Я загляну въ него потомъ.

„Чортъ знаетъ, что бы далъ, чтобы видѣть, какъ онъ станетъ его читать!“ подумалъ Каффинъ, выходя за дверь. Но это было бы неосторожно съ моей стороны. Я вовсе не желаю, чтобы онъ зналъ, какую роль я игралъ во всемъ этомъ.

И ушелъ въ кухню, гдѣ сейчасъ же перезнакомился и передружился со всѣми окрестными фермерами и трактирщиками, собравшимися въ ней, послѣ дневной охоты на лисицъ въ горахъ. Винцентъ сидѣлъ у огня и чувствовалъ легкій ознобъ. Онъ простудился, гуляя въ горахъ подъ дождемъ, и теперь ему было лѣнь двинуться съ мѣста Онъ раскрылъ журналъ, принесенный ему Каффиномъ и лѣниво сталъ перелистывать его, какъ вдругъ статья объ одной новой книгѣ приковала его вниманіе. Онъ поспѣшно прочиталъ ее отъ начала до конца. Что это грезитъ онъ, или съ ума сходитъ? Какимъ образомъ въ этой книгѣ, съ инымъ заглавіемъ и другого автора, онъ узнаетъ свое собственное произведеніе? Онъ увѣренъ въ этомъ. Эта книга, „Иллюзія“ совсѣмъ тождественна и по содержанію, и по характерамъ дѣйствующихъ лицъ, даже имена тѣ же самыя съ той рукописью, которую онъ довѣрилъ Марку Ашберну и считалъ безнадежно забракованной. Если это была дѣйствительно его книга, то одна изъ завѣтнѣйшихъ его надеждъ не обманула его; его произведеніе съ жаромъ хвалили; критикъ говорилъ о томъ, что оно встрѣтило полный успѣхъ ...неужели еще не все кончено для него въ жизни?

Ослѣпленный этимъ открытіемъ, Винцентъ въ первую минуту не обратилъ вниманія на детали. Онъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы спокойно размышлять, и рѣшилъ одно:—что не успокоится до тѣхъ поръ, пока не разузнаетъ, въ чемъ дѣло. Очевидно, находясь здѣсь, онъ ничего не узнаетъ, а потому положилъ немедленно уѣхать въ городъ. Онъ тамъ увидится съ Маркомъ, если тотъ все еще въ Лондонѣ, и отъ него получитъ всѣ необходимыя свѣденія, какъ ему дѣйствовать... даже и теперь Винценту не приходило въ голову, что его другъ съигралъ съ нимъ такую вѣроломную штуку. Не довѣриться ли ему Каффину передъ отъѣздомъ? Но нѣтъ, ему не хотѣлось этого:—онъ думалъ, что Каффинъ не интересуется этими вещами (и въ этомъ частномъ случаѣ, какъ мы знаемъ, былъ несправедливъ къ Каффину); онъ рѣшилъ ничего ему не говорить, кромѣ самаго необходимаго.

Онъ позвонилъ и приказалъ, чтобы завтра рано поутру запрягли кабріолетъ—отвезти его на желѣзную дорогу. Уложивъ

свои вещи, онъ легъ спать, но не могъ уснуть и фантазировалъ насчетъ блестящаго будущаго, ожидающаго его.

Когда Каффинъ достаточно наговорился съ охотниками, онъ вернулся въ гостиную и былъ непріятно удивленъ тѣмъ, что Гольройдъ ушелъ уже спать и оставилъ журналъ на столѣ.

„Я завтра узнаю, читалъ ли онъ статью, сказалъ самому себѣ Каффинъ, и если не читалъ, то возьму на себя просвѣтить его“.

Но такъ какъ онъ имѣлъ привычку поздно вставать, то и проспалъ отъѣздъ Винцента и, сойдя внизъ къ завтраку, нашелъ на своемъ подносѣ записку отъ него: „Я вынужденъ уѣхать немедленно по важному дѣлу. Пытался разбудить васъ, чтобы объяснить вамъ, въ чемъ дѣло, но напрасно. Я бы не уѣхалъ такъ поспѣшно, если бы не крайняя необходимость. Но, полагаю, что вы безъ меня не соскучитесь“.

Каффинъ былъ сильно разочарованъ, такъ какъ заранѣе предвкушалъ удовольствіе наблюдать, какъ приметъ Винцентъ свое открытіе; однако, утѣшился; „въ сущности, думалъ онъ, не все ли равно; только одно дѣло могло заставить его уѣхать такъ внезапно. Чего онъ еще не знаетъ теперь, то узнаетъ очень скоро. Но что онъ сдѣлаетъ, когда все узнаетъ? Не удивлюсь, если онъ прямо отправится къ Марку. Право, мнѣ жаль этого бѣднаго Марка! Онъ когда-то сыгралъ со мной плохую шутку, но я почти простилъ ему, и если бы не Мабель, то я думаю, что посадилъ бы милаго Винцента на корабль въ полномъ невѣденіи всего, что случилось, до такой степени надоѣлъ мнѣ этотъ милый Винцентъ! Но я долженъ сквитаться съ прелестной Мабель и, когда она узнаетъ, что связала жизнь свою съ шарлатаномъ, то, полагаю, — это нѣсколько разстроитъ ее, въ особенности, если я скажу ей, что этимъ она мнѣ обязана! Право жаль, что я не могу присутствовать на первомъ представленіи этой комедіи. Она будетъ навѣрное восхитительна. Мнѣ жаль этого злополучнаго Марка, право жаль... пріятно думать, что ему я не сдѣлалъ никакого зла; онъ отнялъ у меня Мабель, а я помогъ ему получить ее. Я такъ и скажу ему, если онъ вздумаетъ упрекать меня“.

Тѣмъ временемъ, Винцентъ ѣхалъ въ кабріолетѣ на станцію желѣзной дороги. Ночью выпалъ снѣгъ, и горы, возвышавшіяся по ту сторону озера, казались еще величественнѣе и грознѣе; ихъ обнаженныя мѣста рѣзкими, темными контурами вырѣзывались на синеватомъ снѣгѣ, лежавшемъ въ углубленіяхъ, а пики сверкали серебристымъ блескомъ на блѣдно-голубомъ небѣ. Воздухъ былъ свѣжъ и чистъ. Винцентъ чувствовалъ, какъ онъ

бодрить его. Онъ пріѣхалъ на станцію какъразъ во-время, къ отходу поѣзда въ Лондонъ, и на первой же большой станціи купилъ „Иллюзію" (ему попалось первое изданіе) и сталъ читать съ болѣзненнымъ любопытствомъ, такъ какъ боялся, что ошибся; но, прочитавъ нѣсколько страницъ, убѣдился, что это его собственная книга. Тамъ и сямъ, правда, попадались ему мѣста, которыхъ онъ не помнилъ, чтобы написалъ, и даже настолько противорѣчившихъ общему духу сочиненія, что это его наконецъ разсердило. При этомъ онъ замѣтилъ то, о чемъ не было упомянуто въ критической статьѣ, а именно: — что книга издана какъ разъ той самой фирмой, которой онъ посылалъ свою рукопись.

Но вѣдь Маркъ говорилъ ему, что Чильтонъ и Фладгэтъ отвергли ее? Какъ примирить это съ исторіей о томъ, что рукопись случайно сгорѣла, послѣ того какъ была возвращена изъ редакціи? И почему заглавіе измѣнено? — и кто такой этотъ Кириллъ Эрнстонъ, осмѣлившійся передѣлывать его книгу? Онъ какъ будто помнитъ это имя. Кажется, самъ Маркъ подписался такъ подъ статьей въ какомъ-то изъ журналовъ? Страшныя подозрѣнія закопошились у него въ мозгу, но онъ старался отогнать ихъ.

По пріѣздѣ въ Лондонъ, онъ немедленно отправился въ Кенсигтонъ-Паркъ-Гарденсъ, но никого тамъ не засталъ. Домъ былъ запертъ, и ему сообщили, что все семейство Лангтоновъ путешествуетъ за-границей. Марка онъ тоже не нашелъ на его прежней квартирѣ, гдѣ ему сказали, что онъ совсѣмъ сдалъ ее и уѣхалъ куда-то въ чужіе края.

Винцентъ рѣшился отправиться въ редакцію.

М-ръ Фладгэтъ самъ сошелъ къ нему въ маленькую пріемную, гдѣ когда-то дожидался Маркъ.

— Вы желали меня видѣть?—спросилъ онъ.

— Вы издали книгу, подъ заглавіемъ „Иллюзія"; могу я узнать, кто ея авторъ; настоящее ли его имя Кириллъ Эрнстонъ, или это псевдонимъ.—Брови м-ра Фладгэта сдвинулись, и вертикальная складка между ними рѣзче обозначилась.

— Нѣсколько дней тому назадъ, я бы не считалъ себя вправѣ отвѣтить вамъ на этотъ вопросъ, но теперь... я полагаю, что вы желали бы видѣть м-ра Эрнстона?

— О, да,—отвѣчалъ Винцентъ.

— Ну-съ-такъ вамъ нѣтъ больше надобности справляться насчетъ его личности въ редакціи. Вотъ новое изданіе его книги, на заглавномъ листѣ вы найдете то, что вамъ требуется.

Рука Винцента дрожала, когда онъ бралъ книгу. Онъ раскрылъ ее и понялъ все. Его худшія подозрѣнія оправдались.

— Такъ это Маркъ,—проговорилъ онъ вполголоса.

— Ахъ! такъ вы знаете его?—спросилъ, улыбаясь м-ръ Фладгэтъ.

— Я былъ его стариннѣйшимъ пріятелемъ,—все еще вполголоса произнесъ Винцентъ.

— И подозрѣвали, что это онъ?—продолжалъ издатель, не особенно наблюдательный человѣкъ.

— Онъ принялъ всѣ мѣры, чтобы провести меня.

— Да; онъ хорошо хранилъ свою тайну. Но теперь рѣшился обнаружить ее. Блестящій молодой человѣкъ. Очень радъ, что вы его старинный пріятель.

— Да, имѣю это счастіе,—мрачно ухмыльнулся Винцентъ.

— И желали бы, натурально, поздравить его съ успѣхомъ?

— Желалъ бы высказать ему то, что я о немъ думаю.

— Прекрасно; у меня есть гдѣ-то его адресъ. Я еще на дняхъ получилъ отъ него письмо... куда я его положилъ... да, вотъ оно. „Гостинница Рейнскій водопадъ, Большой-Лауфингенъ, Швейцарія"; если вы немедленно напишете своему другу, то письмо ваше застанетъ его тамъ.

Винцентъ взялъ адресъ и немедленно самъ пустился въ путь.

Оставивъ багажъ на станціи, онъ пошелъ пѣшкомъ въ гостинницу Рейнскій водопадъ, чтобы справиться о Маркѣ. Переходя черезъ мостъ, онъ былъ пораженъ красотой окружающей природы и остановился полюбоваться видомъ. Его вывелъ изъ этого созерцанія тихій и дрожащій голосъ, назвавшій его по имени, и при звукахъ котораго вся кровь бросилась ему въ лицо. Онъ обернулся и увидѣлъ Мабель Лангтонъ.

— Винцентъ!—вскрикнула она,—неужели это вы?—вы вернулись къ намъ... или я брежу?

Онъ встрѣтилъ ее наконецъ и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ничего не ожидалъ кромѣ горя и ссоры... она не забыла его; веселый блескъ ея глазъ говорилъ ему это, и великая, радостная надежда ожила въ его сердцѣ.

Въ ея присутствіи онъ позабылъ о своихъ неудачахъ, позабылъ о цѣли своего пріѣзда сюда, все прошлое показалось ему мелкимъ и ничтожнымъ, самая слава представилась чистѣйшими пустяками. Онъ взялъ ея маленькія, затянутыя въ перчатки, ручки и стоялъ, любуясь милымъ личикомъ, неотступно мерещившимся ему во время долгаго изгнанія.

— Слава Богу!—пробормоталъ онъ,—на этотъ разъ это не грёза!

XXX.

На краю обрыва.

Оставивъ жену подъ предлогомъ, что забылъ купить табаку, Маркъ убѣжалъ, повинуясь слѣпому инстинкту самосохраненія; онъ пошелъ на другой конецъ крутой улицы, гдѣ только-что передъ тѣмъ былъ съ Мабель, и тамъ остановился въ нерѣшительности. Вдругъ онъ увидѣлъ нѣсколько грубыхъ ступенекъ, возлѣ каменнаго фонтана, и взошелъ по нимъ, крѣпко держась за деревянныя перила! Они вели къ нѣсколькимъ купальнямъ, забаррикадированнымъ еловыми кольями. Выше имѣлось еще нѣсколько ступенекъ, и, взойдя по нимъ, онъ очутился на небольшой площадкѣ передъ первобытнаго вида церковью. Тутъ онъ остановился, чтобы передохнуть и обдумать, если можно, свое положеніе. Но онъ недолго оставался здѣсь: неизвѣстность показалась ему до того мучительной, что онъ рѣшился сойти лучше внизъ.

. . . .

Послѣ первыхъ восклицаній удивленія отъ неожиданной встрѣчи, Винцентъ долженъ былъ объяснить, въ отвѣтъ на торопливые вопросы Мабель, какимъ образомъ онъ спасся отъ кораблекрушенія. И когда онъ удовлетворилъ ее, она съ упрекомъ замѣтила:

— Но почему же вы заставили насъ думать, что вы утонули? Вы должны были знать, что это огорчитъ насъ. Это на васъ не похоже, Винцентъ.

— Но я писалъ; неужели вы не получили моего письма, Мабель?

— Вы, значитъ, писали? Ну, я этому рада. Но письма вашего я не получила. Я и не воображала, что есть хотя малѣйшая надежда васъ снова увидѣть, пока не увидѣла здѣсь. Я почти не рѣшалась заговорить съ вами. Но какимъ образомъ вы сюда попали? Вы мнѣ еще этого не сказали.

— Я пріѣхалъ наказать одного негодяя,—коротко отвѣтилъ онъ,—но совсѣмъ было позабылъ объ этомъ. Но оставимъ это, Мабель; разскажите мнѣ про себя; вы не знаете, какъ я жаждалъ узнать хоть что-нибудь о васъ.

— Что же мнѣ вамъ сказать?—отвѣчала Мабель, улыбаясь.— Съ чего прикажете начать, Винцентъ?

— Какимъ образомъ вы здѣсь, и совсѣмъ одна? Ваши родители остались въ гостинницѣ? Увижу я ихъ сегодня вечеромъ?

— Моихъ родителей здѣсь нѣтъ,—отвѣчала Мабель, немного удивясь, но это заставило Винцента вообразить, что она путешествуетъ съ знакомыми. „Не съ будущими ли свекромъ и свекровью"? ревниво подумалъ онъ.

— Мабель,—серьезно произнесъ онъ,—мнѣ говорили, что вы помолвлены, правда ли это?

Она все еще не привыкла къ своему новому положенію и конфузилась титула замужней женщины.

— Я была помолвлена, но теперь больше нѣтъ. Развѣ вы не читали объ этомъ въ газетахъ, Винцентъ?

Но вмѣсто того, чтобы понять ея слова какъ слѣдуетъ, онъ увидѣлъ въ нихъ удостовѣреніе, что худшія его опасенія неосновательны. Онъ пріѣхалъ не слишкомъ поздно. Она свободна—для него еще есть надежда. Но даже и тутъ онъ не осмѣлился выразить свою радость.

— Неужели вы хотите сказать,—проговорилъ онъ, и его голосъ не выдалъ его волненіе,—что ваша свадьба разошлась?

— Разошлась?—повторила она съ удивленіемъ въ голосѣ. О! Винцентъ, какія вы ужасныя вещи говорите! Я думала вы меня понимаете, а вы совсѣмъ ничего не поняли. Я не помолвлена больше потому... потому что это моя свадебная поѣздка.

Если Винцентъ до сихъ поръ не понималъ, то теперь вполнѣ понялъ. Все кончено, на-вѣки, невозвратно. Съ минуту или двѣ онъ не могъ говорить.

— Позвольте поздравить васъ, Мабель, и пожелать вамъ всего лучшаго.

— Благодарю васъ, Винцентъ, — сказала Мабель безъ особаго жара, такъ какъ нашла поздравленіе Винцента слишкомъ холоднымъ и условнымъ для такого стариннаго друга дома.

— Вы счастливы?—тревожно спросилъ онъ.

— Счастливѣе, чѣмъ я считала это возможнымъ,—мягко отвѣчала она.—Когда вы познакомитесь съ моимъ мужемъ и увидите какъ онъ добръ, то поймете это. Я увѣрена, что вы полюбите Марка.

Винцентъ, не смотря на все свое самообладаніе, замѣтно вздрогнулъ.

—. Марка?—вскричалъ—онъ. Вы сказали Марка? Неужели такъ зовутъ вашего мужа?—неужели... его зовутъ Маркъ Ашбёрнъ?

— Какъ, это васъ удивляетъ!—замѣтила Мабель. Но, въ самомъ дѣлѣ, какъ это глупо съ моей стороны, я совсѣмъ позабыла, что вы съ нимъ пріятели, неправда ли?

Гнѣвъ снова проснулся въ Гольройдѣ и съ такой смертельной силой, что обратилъ его сердце въ камень.

— Я думалъ, что онъ позабылъ объ этомъ,—холодно отвѣтилъ онъ.

— Я увѣрена, что онъ будетъ очень радъ васъ увидѣть, а вамъ, вѣроятно, пріятно будетъ узнать, что онъ сталъ знаменитъ. Вы такъ давно въ отсутствіи, что, можетъ быть, не слыхали о прекрасной книгѣ, которую онъ написалъ: „Иллюзія“.

— Я читалъ ее,—коротко сказалъ Винцентъ,—но не зналъ, что это онъ написалъ.

— Онъ написалъ ее. Если бы не она, то мы, можетъ быть, никогда бы и не познакомились. Онъ долженъ былъ въ этомъ сознаться, хотя склоненъ бранить свою книгу и утверждать, что ее захвалили.

— Ахъ! онъ это говоритъ! Что-жъ, я его понимаю,—замѣтилъ Винцентъ.

Особая интонація въ его голосѣ непріятно поразила Мабель.

— Быть можетъ, вы съ нимъ согласны?—ревниво замѣтила она.

Гольройдъ рѣзко засмѣялся.

— Нѣтъ, отнюдь; я послѣдній человѣкъ, который съ нимъ въ этомъ согласится. Я только хотѣлъ сказать, что понимаю, съ какой точки зрѣнія смотритъ вашъ супругъ. Самъ я прочиталъ эту книгу съ большимъ интересомъ, увѣряю васъ.

— Вы говорите это такъ, что мнѣ трудно повѣрить. Я боюсь, что книга недостаточно для васъ практична, Винцентъ. Цейлонъ, кажется, немножко ожесточилъ васъ.

— Весьма вѣроятно.

Наступило краткое молчаніе, во время котораго Мабель думала, что Гольройдъ очень перемѣнился... и не къ лучшему, а Гольройдъ думалъ, долго ли еще ему придется выносить это. Онъ боялся самого себя, боялся взрыва, который слишкомъ внезапно откроетъ ей истину. Она должна рано или поздно все узнать, но не теперь, не здѣсь.

Ему удалось окончательно совладать съ собой, когда Мабель, тревожно поглядывавшая на мостъ, пошла на встрѣчу кому-то съ радостнымъ возгласомъ. Онъ слышалъ, какъ она торопливо что-то объясняла и затѣмъ вернулась, въ сопровожденіи Марка Ашбэрна.

Встрѣча Мабель сказала злополучному Марку, что ударъ еще не разразился. Винцентъ, очевидно, рѣшилъ не щадить ихъ обоихъ. Ну, пусть казнить, только поскорѣй.

Онъ пошелъ къ человѣку, въ которомъ видѣлъ палача, стараясь прямо держать голову, но ее невольно клонило къ землѣ, и онъ былъ радъ, что сумерки скрываютъ его лицо.

— Вотъ и Маркъ,—сказала Мабель,—онъ самъ скажетъ вамъ, что не забылъ васъ.

Но Маркъ ничего не сказалъ и даже не протянулъ руки. Онъ молча стоялъ, дожидаясь, чтобы Винцентъ заговорилъ. Но тотъ тоже молчалъ, пристально глядя на него. Такъ вотъ, какъ они встрѣтились. Въ послѣднее время онъ часто представлялъ себѣ эту встрѣчу, но дѣйствительно она произошла совсѣмъ не такъ. И Мабель все еще ничего не подозрѣваетъ. Въ этомъ положеніи было что-то мрачно-комическое, и Винцентъ, съ злой проніей, въ которой впослѣдствіи раскаивался, нашелъ его даже забавнымъ.

— Я старался объяснить вашей женѣ,—сказалъ онъ, наконецъ,—что я такъ долго былъ въ отсутствіи, что не могъ надѣяться, что вы помните о нашемъ прежнемъ знакомствѣ.

Маркъ что-то отвѣчалъ, а что самъ не зналъ.

— Но,—продолжалъ Винцентъ,—я могу поздравить васъ съ успѣхомъ вашей книги. Я бы сдѣлалъ это въ прошлый разъ, когда мы видѣлись съ вами, но я тогда не зналъ, что вы ея авторъ. Ваша скромность не дозволила вамъ въ этомъ сознаться, и я только теперь это узналъ.

Маркъ ничего не сказалъ, хотя и пошевелилъ сухими губами.

— Когда вы встрѣтились въ прошлый разъ?—переспросила Мабель, въ удивленіи.—Значитъ, ты зналъ, что Винцентъ живъ, Маркъ? Почему же ты мнѣ не сказалъ?

— Онъ не думалъ, что это можетъ интересовать васъ,—замѣтилъ Винцентъ.

— Ахъ, да! ты не зналъ, что Винцентъ былъ для насъ почти какъ родной. Какъ жаль, однако, что ты мнѣ не сказалъ.

Мужчины стояли и молчали, а Мабель была огорчена непривѣтливостью Винцента.

— Знаешь, Маркъ, вѣдь мы совсѣмъ случайно встрѣтились съ Винцентомъ; онъ разыскиваетъ какого-то человѣка, который... я забыла, Винцентъ, что вы такое сказали.

— Ничего особеннаго. Я вообще назвалъ его негодяемъ. И таковъ онъ есть.

— Я надѣюсь, что вы узнали это, прежде нежели онъ успѣлъ навредить вамъ?

— Къ несчастію, нѣтъ. Когда я это открылъ, то было уже поздно.

— Не будемъ больше объ этомъ говорить,—замѣтила Мабель,—если вы не можете подробно разсказать намъ, въ чемъ дѣло.

Винцентъ колебался.

— Это длинная исторія, здѣсь не мѣсто ее разсказывать, но, быть можетъ, вы найдете ее интересной съ литературной точки зрѣнія,—внезапно обратился онъ къ Марку.

— Разскажите ее,—отвѣчалъ тотъ, не поднимая головы.

— Нѣтъ, въ другой разъ. Въ короткихъ словахъ, Мабель: я довѣрился человѣку, а онъ обманулъ меня. Неправда ли это не ново?

— А какъ же вы думаете съ нимъ поступить?

— Ахъ!—отвѣчалъ Винцентъ, я много объ этомъ думалъ. Я боялся, что не съумѣю совладать съ собой. Но наказать его, я все-таки накажу. И если всѣ, кто его любитъ и въ него вѣритъ отвернутся отъ него, то онъ будетъ достойно наказанъ!

Онъ снова обратился къ Марку.

— Согласны ли вы со мной?

Маркъ провелъ языкомъ по сухимъ губамъ прежде нежели отвѣтить.

— Я думаю, что вамъ легко будетъ его наказать,—отвѣтилъ онъ.

— А что... онъ женатъ?—спросила Мабель.

— О, да,—отвѣчалъ Винцентъ, и мнѣ говорили, что жена въ него все еще вѣритъ.

— И вы хотите разувѣрить ее?

— Она должна узнать правду. Это и будетъ ему наказаніемъ.

— Но это будетъ ужасно для нея, бѣдняжки,—произнесла Мабель съ состраданіемъ въ голосѣ.—Что если правда убьетъ ее?

— Лучше умереть, нежели любить лгуна. Чтб-бы ни случилось, виноватъ ея мужъ, а не я. Вѣдь справедливо, Амберъ, неправда ли?

— Совершенно справедливо,—отвѣчалъ Маркъ.

— Можетъ быть, и справедливо, но очень жестоко,—съ негодованіемъ закричала Мабель.—Я не думала, чтобы вы могли быть оба такъ жестоки. Конечно, я не знаю, чтб этотъ человѣкъ сдѣлалъ, можетъ быть, я сама была бы такъ же справедлива, если бы знала. Но я умоляю васъ, Винцентъ, пожалѣйте его

жену. Она, по крайней мѣрѣ, ничего вамъ не сдѣлала. Нельзя ли возстановить ваши права и даже наказать человѣка, но пощадить его жену?

— Если-бы это было можно, то неужели, вы думаете, я бы не сдѣлалъ этого,—страстно вскричалъ онъ.—Моя ли вина, что этотъ человѣкъ сдѣлалъ мнѣ такое зло, какого нельзя исправить, что же мнѣ дѣлать?

— Нечего дѣлать,—согласилась неохотно Мабель,—но я бы желала, чтобы женѣ не пришлось страдать. Подумать только, каково это потерять довѣріе къ мужу.—И говоря это, она довѣрчиво взяла Марка подъ руку.

Наступило новое молчаніе и, такъ какъ теперь уже выяснилось окончательно, что свиданіе не изъ радостныхъ, то Мабель поторопилась положить ему конецъ.

— Прощайте, Винцентъ,—сказала она.—Надѣюсь, что вы не такъ жестоки, какъ ваши слова.

— Не знаю,—отвѣчалъ онъ,—въ настоящую минуту я чувствую себя довольно жестокимъ. Прощайте, Мабель. Кстати, Ашбёрнъ,—прибавилъ онъ, понижая голосъ,—мнѣ надо съ вами переговорить.

— Знаю,—пробормоталъ Маркъ.—Вы теперь намѣрены или послѣ?

— Нѣтъ, не теперь, но приходите послѣ. Гдѣ бы намъ встрѣтиться? Я не знаю здѣшней мѣстности. Здѣсь? нѣтъ, вонъ на той маленькой террасѣ, около фонтана. Тамъ будетъ покойнѣе. Будьте тамъ въ девять часовъ. Я сообщу вашему мужу подробности этой исторіи, Мабель,—прибавилъ онъ громко, и мы рѣшимъ, что̀ дѣлать. Вы отпустите его ко мнѣ на полчаса?

— О, да,—весело отвѣчала Мабель.

Она подумала, что они легче придутъ къ соглашенію. Маркъ поглядѣлъ на Винцента, но лицо его было непроницаемо, и онъ опять проговорилъ вполголоса:

— Ничего не говорите, пока я вамъ не скажу. И если вы не будете на назначенномъ мѣстѣ въ девять часовъ, то я самъ приду за вами.

— О, я буду,—отвѣчалъ Маркъ.

И они разстались.

Когда Мабель и Маркъ возвращались домой, она внезапно спросила:

— Вѣроятно, ты сообщилъ Винценту, когда видѣлъ его въ прошлый разъ, что женишься на мнѣ?

— Развѣ онъ тебѣ не говорилъ?—отвѣчалъ онъ, даже тутъ уклоняясь отъ прямого отвѣта.

Значитъ, Винцентъ зналъ. Онъ намѣренно держался въ сторонѣ отъ нихъ. Онъ сдѣлалъ видъ, будто не знаетъ, что она замужемъ, когда они встрѣтились. Этимъ онъ, конечно, желалъ выразить, что недоволенъ ея замужествомъ. До сихъ поръ ей этого и въ голову не приходило; очевидно, Цейлонъ очень измѣнилъ его къ худшему.

Они обѣдали одни въ большой столовой, такъ какъ сезонъ еще не наступалъ и посѣтителей совсѣмъ не было. „Директоръ" гостинницы, маленькій, болтливый нѣмецъ все время занималъ ихъ разговоромъ на ломаномъ англійскомъ языкѣ, и хотя Маркъ въ обыкновенное время считалъ этого нѣмца настоящимъ бичемъ, но сегодня былъ радъ, что онъ избавляетъ его отъ труда говорить самому.

— Ты не будешь слишкомъ долго въ отсутствіи?—спросила Мабель, когда онъ собрался уходить.—И сдѣлаешь все, что можешь, для этой бѣдной женщины.

— Да, да,—отвѣчалъ онъ уже въ дверяхъ,—прощай, Мабель.

Когда онъ дошелъ до арки моста, противуположной той, подъ которой Мабель встрѣтила Винцента, онъ машинально остановился и посмотрѣлъ вокругъ. Оба города были безмолвны, только звукъ водопада нарушалъ тишину, да и къ нему ухо очень скоро привыкало. На обоихъ берегахъ, дома блѣдно мерцали подъ низкимъ небомъ, гдѣ зеленоватый мѣсяцъ пробивался сквозь завѣсу сердитыхъ, темныхъ облаковъ. Пока онъ тамъ стоялъ, часы пробили девять. Винцентъ ждалъ на террассѣ, неумолимый и безжалостный.

Маркъ сдѣлалъ было движеніе, чтобы выйдти изъ-подъ арки, но остановился. Безполезно идти, онъ не въ силахъ видѣть Гольройда. Онъ нагнулся черезъ перила моста къ водѣ, въ которой отражались окна немногихъ домовъ, освѣщенныхъ огнями. Не тутъ ли искать ему спасенія?

Изъ того уголка, въ которомъ онъ стоялъ, онъ могъ видѣть часть гостинницы и одно окно въ ихъ комнатѣ. Оно было освѣщено; Мабель сидѣла тамъ и ждала его. Если онъ пойдетъ назадъ, онъ долженъ будетъ ей все разсказать!

Такъ или иначе, она одинаково потеряна для него теперь. Его жизнь принесетъ ей только горе и униженіе. По крайней мѣрѣ онъ освободитъ ее отъ себя!

И Винцентъ не такъ дурно будетъ о немъ думать и говорить, а если и нѣтъ, то не все ли равно?

Онъ рѣшился умереть. Оглянувшись на окно Мабель и бросивъ послѣдній взоръ, полный отчаянія, онъ съ трепетомъ проговорилъ: „Прости меня!“ —точно она могла слышать и, сбросивъ съ головы шляпу, вскочилъ на широкій парапетъ.

XXXI.

На террассѣ.

Винцентъ вышелъ изъ Gasthaus zur Post,—старомодной гостинницы на окраинѣ Малаго Лауфингена, въ которой остановился на ночь, — за нѣсколько минутъ до девяти часовъ, и пошелъ по улицѣ, окончательно рѣшивъ, какъ ему слѣдуетъ поступить, хотя ему такъ же непріятно было идти на это свиданіе, какъ и самому Марку. Онъ увидѣлъ Марка издали, какъ тотъ оглядывался кругомъ, точно затѣмъ, чтобы видѣть, не слѣдитъ ли кто за нимъ, затѣмъ сбросилъ шляпу, словно къ чему-то приготовлялся. Винцентъ сейчасъ догадался въ чемъ дѣло, и ему пришло даже въ голову: не будетъ ли это наилучшимъ выходомъ изъ затрудненія. Ему стоитъ только помолчать нѣсколько секундъ. Но такое безчеловѣчіе было для него невозможно. Инстинктивно ринулся онъ впередъ, и охвативъ Марка руками въ ту минуту, какъ тотъ вскочилъ на парапетъ, стащилъ его назадъ.

— Трусъ!—закричалъ онъ:—безумецъ.— Такъ-то ты приходишь на свиданіе? Послѣ можешь поступить какъ тебѣ угодно, а теперь пойдемъ со мной.

Насколько трагиченъ бываетъ такой поступокъ, какъ—Марка, когда удается, настолько онъ ставитъ въ нелѣпое положеніе человѣка, которому помѣшали. Маркъ въ первую минуту подумалъ, что его удерживаетъ нѣмецкій полисменъ, и какъ ни былъ онъ готовъ къ смерти, онъ съ ужасомъ подумалъ объ унизительной и сложной полицейской процедурѣ, ожидающей его. Для него было почти облегченіемъ увидѣть, что онъ въ рукахъ своего злѣйшаго врага!

Онъ не пытался сопротивляться или бѣжать. Быть можетъ, жизнь показалась сноснѣе теперь, когда онъ только-что было съ ней разстался. Онъ покорно пошелъ за Винцентомъ, который все еще крѣпко держалъ его за руку, и они дошли до террассы, не проронивъ ни слова.

— Полагаю, что мнѣ нечего говорить вамъ, зачѣмъ я желалъ васъ видѣть?—началъ Винцентъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Маркъ: —я знаю.

— Судя по вашимъ дѣйствіямъ на мосту можно было бы подумать, что вы желаете уклониться отъ свиданія... но почему же? Я вѣдь говорилъ вамъ, что желаю сохранить въ тайнѣ свое авторство, и вы были такъ добры, что прикрыли его своимъ именемъ. Немногіе пріятели были бы такъ услужливы.

— Вы имѣете право трунить надо мной,—сказалъ пытаемый Маркъ,—но я прошу васъ... будьте добрѣе, если можете. Оставьте насмѣшки и попреки и убейте меня сразу наповалъ. Неужели вы думаете я не знаю, что я такое?

— Попреки не великодушны, я знаю,—возразилъ Винцентъ: —что касается того, чтобы „убить васъ наповалъ", какъ вы выражаетесь, то я это сдѣлаю въ свое время. А теперь желаю узнать, какъ это все случилось. Вамъ тяжело объ этомъ говорить... мнѣ очень жаль... но вы врядъ ли имѣете право быть столь чувствительнымъ.

— О! я никакихъ правъ не имѣю,—горько отвѣтилъ Маркъ.

— Я постараюсь не злоупотреблять своими,—болѣе спокойно произнесъ Винцентъ:—но я не понимаю, къ чему вы это сдѣлали... вы могли сами писать книги, зачѣмъ вамъ понадобилась моя.

— Сейчасъ я вамъ все разскажу,—сказалъ Маркъ:—я совсѣмъ не хотѣлъ присвоивать себѣ вашей книги; мои собственные романы были мнѣ возвращены. Я зналъ, что нѣтъ никакихъ шансовъ, чтобы они были приняты или чтобы нашелся издатель, который бы согласился ихъ прочитать. Я чувствовалъ, что мнѣ нуженъ только толчекъ. И вотъ тутъ какъразъ Фладгэтъ забралъ себѣ въ голову, что я авторъ вашей рукописи. Я говорилъ ему, что нѣтъ, но онъ не захотѣлъ мнѣ повѣрить, а тутъ... клянусь вамъ Гольройдъ, я думалъ, что васъ нѣтъ болѣе въ живыхъ.

— Однако я писалъ Мабель... теперь я знаю, что она не получила моего письма... почему?

— Я не знаю,—отвѣчалъ Маркъ.—Боже мой; Гольройдъ! неужели вы подозрѣваете меня и въ этомъ?

— Неужели вы выше такихъ подозрѣній?—спросилъ Винцентъ:—это было бы въ порядкѣ вещей.

— Хорошо, я заслуживаю этого, но вѣрьте или не вѣрьте, а я въ глаза не видѣлъ никакого письма отъ васъ, кромѣ того, что вы мнѣ написали.

— Какой это былъ, должно быть, пріятный сюрпризъ для васъ? И однако вы не потерялись... вы довели свое дѣло до

конца... вы женились на ней... вы, именно вы! теперь уже этого не перемѣнишь.

— Я женился на ней, да! Но по крайней мѣрѣ она любитъ меня, одного меня, Гольройдъ! Каковъ я ни есть, она любитъ меня!

— Вамъ незачѣмъ мнѣ это говорить,—перебилъ Гольройдъ: —я самъ это вижу, вы и тутъ оказались умнѣе меня.

— Что вы хотите сказать?—спросилъ Маркъ.

— Знаете ли вы, что такое была эта книга для меня?—продолжалъ Гольройдъ, не удостоивая его отвѣтомъ.—Я вложилъ въ нее все лучшее, что во мнѣ было, я думалъ, что быть можетъ современемъ черезъ ея посредство я найду доступъ къ сердцу, которое надѣялся тронуть: и вотъ возвратившись, я нахожу, что вы не только завоевали сердце, но даже захватили и книгу.

— Что касается книги, то она будетъ вамъ возвращена.

— Я думалъ это сдѣлать, когда пріѣхалъ сюда, я думалъ заставить васъ признать свои права, чего бы вамъ ни стоило такое признаніе... Но теперь я знаю, что долженъ отказаться отъ этого... Я отказываюсь отъ всѣхъ правъ на эту книгу, вы присвоили ихъ себѣ, пусть такъ и остается. Я ни словомъ не обмолвлюсь на счетъ ее. Вы можете быть спокойны, потому что вы мужъ Мабель.

Маркъ не въ силахъ былъ принять такого рода прощенія; вся его гордость возмутилась.

— Неужели вы думаете, что я соглашусь принять ваше прощеніе,—закричалъ онъ.—Мнѣ оно не нужно. Если вы будете молчать, то я заговорю.

Винцентъ не ожидалъ такого сопротивленія со стороны Марка, и этотъ взрывъ, очевидно искренній, показывалъ, что онъ не столь презрѣненъ, какъ онъ думалъ.

Голосъ и манеры Гольройда были менѣе презрительны, когда онъ опять заговорилъ.

— Безполезно возставать противъ этого, Ашбёрнъ, слишкомъ поздно измѣнять что либо въ этомъ дѣлѣ. Вы должны согласиться.

— Неужели я долженъ еще дольше обманывать ее,—простоналъ Маркъ:—я съ ума сойду.

— И не подумаете,—отвѣтилъ Винцентъ, снова разсердившись:—я лучше васъ знаю; дня черезъ два вы и думать объ этомъ забудете; вѣдь собирались же вы обманывать ее и дольше, когда надѣялись, что я уѣду обратно въ Индію.

Маркъ почувствовалъ, что Гольройдъ говоритъ правду и прикусилъ языкъ.

— Еще одно только, — пролепеталъ онъ:—я долженъ это сдѣлать... когда они... когда они напечатали вашу книгу, они заплатили мнѣ... я не трогалъ этихъ денегъ и принесъ ихъ сегодня вамъ... возьмите ихъ!

И онъ протянулъ пачку билетовъ.

Винцентъ надменно оттолкнулъ ихъ.

— Извините,—сказалъ онъ: —они не мои, вы не можете думать, что я соглашусь ихъ принять при существующихъ обстоятельствахъ. Дѣлайте съ ними, что хотите.

— Такъ вотъ же, что я съ ними сдѣлаю,—запальчиво отвѣчалъ Маркъ, и разорвавъ билеты, бросилъ ихъ въ рѣку.

— Напрасно,—холодно замѣтилъ Гольройдъ:—лучше было отдать бѣднымъ, а впрочемъ, какъ знаете.

Онъ собрался уходить, но Маркъ остановилъ его жестомъ:

— Неужели вы такъ уйдете, и голосъ его задрожалъ. Еслибы вы знали, что я испытываю, быть можетъ вы бы меня пожалѣли. Простите меня!

— Нѣтъ, не могу,—отвѣчалъ Гольройдъ.

— Значитъ, мы должны отнынѣ встрѣчаться, какъ чужіе.

— Нѣтъ, если мы встрѣтимся, то какъ простые знакомые, ради Мабель. Но это будетъ только декорація. Неужели вы не видите, что я желаю остаться одинъ,—прибавилъ онъ съ внезапнымъ раздраженіемъ.

— Будь по вашему,—сказалъ Маркъ и ушелъ.

— Какъ ты долго пробылъ съ Гольройдомъ,—сказала Мабель, когда онъ вернулся къ женѣ.—Я знаю впрочемъ, что Винцентъ можетъ быть очень интересенъ, когда захочетъ.

— Очень,—согласился Маркъ и подалъ ей записку отъ Гольройда:

„Я уѣзжаю въ Италію завтра рано по утру,—читала она,—и быть можетъ долго еще не увижусь съ вами. Я разсказалъ вашему мужу мою исторію, но взвѣсивъ всѣ обстоятельства, нашелъ, что лучше сохранить это между нами, и просилъ его даже вамъ ничего не говорить. Но человѣкъ, обидѣвшій меня, не будетъ наказанъ, ради васъ“.

— Ты значитъ убѣдилъ его,—сказала она, благодарно взглядывая на Марка:—ахъ! какъ я рада! какъ ты добръ и какъ должно быть былъ краснорѣчивъ, что заставилъ его отказаться отъ преслѣдованія этого человѣка! Итакъ, Винцентъ уѣзжаетъ... знаешь, я боюсь, что я этому рада!

Маркъ ничего не отвѣчалъ, да и что бы онъ сказалъ?

XXXII.

Сорвалось.

Въ началѣ мая, какъ-то вечеромъ, Гарольдъ Каффинъ дожидался поѣзда изъ Дувра, который долженъ былъ привезти обратно Марка и Мабель съ континента. Это щепетильное вниманіе съ его стороны было результатомъ непріятной неизвѣстности, въ которой онъ находился съ того самаго утра, какъ прочиталъ прощальную записку Винцента въ Уэстуотерѣ. Онъ, подобно Лонгфелло, „пустилъ свою стрѣлу въ пространство", но менѣе удачно, чѣмъ поэтъ, въ томъ отношеніи, что вовсе не былъ увѣренъ, что его скромное оружіе задѣло „сердце друга". Теперь онъ готовился это узнать. Онъ не хотѣлъ показываться ему на глаза; онъ издали поглядитъ и сейчасъ увидитъ то, что ему нужно. Поѣздъ подошелъ, и толпа носильщиковъ окружила его; поднялась суета, сопровождающая прибытіе поѣзда, и даже хладнокровное сердце Каффина забилось сильнѣе.

Онъ увидѣлъ, что Чампіонъ дожидался на платформѣ и не спускалъ съ него глазъ; вотъ онъ подошелъ къ одному вагону; это должно быть онъ снялъ шляпу передъ Маркомъ, выслушивая его приказанія; Каффинъ не могъ еще видѣть лица Марка, потому что послѣдній стоялъ къ нему спиной, но вотъ онъ увидѣлъ лицо Мабель, вышедшей на платформу. Она весело улыбнулась на почтительный поклонъ лакея. Каффинъ почувствовалъ себя неловко, потому что въ ея улыбкѣ не было ничего принужденнаго; въ глазахъ, обращенныхъ на Марка, не было замѣтно ни смущенія, ни печали. Она просто радовалась, что опять дома. А у Марка тоже было такое лицо, какъ будто бы у него и не было на душѣ тяжкой заботы. Что-жъ это такое? Нѣтъ, надо подойти къ нимъ и узнать въ чемъ дѣло.

Маркъ нисколько не смутился, увидя Каффина, а Мабель не могла быть сурова ни съ кѣмъ въ эту счастливую минуту, когда она вернулась домой и открыто радовалась этому. Каффинъ почувствовалъ горькое разочарованіе.

Онъ чуть не задохся отъ злости, когда Маркъ совершенно развязно и не дожидаясь, чтобы Каффинъ первый заговорилъ объ этомъ предметѣ, сказалъ:

— Кстати, Каффинъ, съ чего вы вообразили, что бѣдный Винцентъ отправился въ Индію? Вы ошиблись. Винцентъ путешествуетъ по континенту. Мы столкнулись съ нимъ въ Лауфингенѣ.

Каффинъ зорко поглядѣлъ на кроткое, спокойное личико Мабель и затѣмъ уставился въ лицо Марка, на которомъ не видно было ни смущенія, ни раскаянія.

— Столкнулся съ вами?—повторилъ онъ:—значитъ, онъ не ожидалъ васъ встрѣтить тамъ?

Мабель отвѣчала:

— Онъ совершенно случайно остановился въ Лауфингенѣ, онъ ѣхалъ въ Италію.

Каффинъ и тутъ еще не отсталъ. Онъ сдѣлалъ послѣднюю пробу.

— Разумѣется,—отвѣчалъ онъ:—я забылъ, что вашъ мужъ такъ старательно скрывалъ отъ него свою женитьбу; не правда ли, Маркъ? Когда вы уговаривали его ѣхать со мной въ Уэстутеръ, онъ и не подозрѣвалъ, какое торжество готовится.

— Нѣтъ, мой милый,—отвѣчалъ Маркъ, съ непритворнымъ смѣхомъ:—онъ и не подозрѣвалъ... Душа моя,—обратился онъ къ Мабель: — тебя это не должно смущать. Мы это дѣлали ради него самого, бѣдняжки. Я когда-нибудь разскажу тебѣ нашъ маленькій заговоръ. Хорошо вамъ сваливать все на меня одного, —сказалъ онъ Каффину:—но вы тутъ больше трудились, нежели я, вѣдь это была ваша идея, помните!

— О!—отвѣчалъ Каффинъ:—если вамъ угодно представить все дѣло въ такомъ свѣтѣ...

Онъ совсѣмъ потерялъ терпѣніе... что-то такое произошло, чего онъ никакъ не могъ понять.

Дѣло въ томъ, что Маркъ чувствовалъ теперь, что можетъ спокойно глядѣть въ глаза цѣлому свѣту; увѣренность, что никто не можетъ уличить его, сдѣлала изъ него совершеннаго актера. Онъ давно уже составилъ въ головѣ планъ, какъ онъ встрѣтится съ Каффиномъ, и былъ въ восторгѣ отъ своего самообладанія и находчивости въ настоящемъ случаѣ.

Въ одно прекрасное майское утро, вскорѣ послѣ возвращенія съ континента, Мабель сидѣла въ своей комнатѣ въ небольшомъ домикѣ, нанятомъ ими въ Камденъ-Гиллѣ. Она писала письмо за столомъ у открытаго окна, какъ вдругъ дверь отворилась, и Маркъ вбѣжалъ, очевидно взволнованный, хотя и старался подавить свое волненіе.

— Я тебѣ кое-что принесъ,—сказалъ онъ и положилъ передъ нею три ярко-синихъ томика; заглавіе „Звонкіе Колокола" разбѣгалось серебристымъ дождемъ отъ одного угла книги до другого,

перевитое золотыми колокольчиками и гіацинтами; общій эффектъ былъ болѣе рѣзокъ, нежели пріятенъ, и Мабель готовилась воскликнуть:

— Боже, какой ужасный переплетъ они придумали для твоей книги!—когда Маркъ сообщилъ не безъ самодовольства, что онъ самъ выбиралъ обертку.

— Въ наше время,—объяснялъ онъ,—необходимо бросать пыль въ глаза людямъ, а не то они не станутъ тебя читать.

Внутренно Мабель не могла не подивиться, что онъ соглашается прибѣгать къ такимъ уловкамъ или считаетъ ихъ для себя нужными.

— Погляди на заглавный листъ,—сказалъ онъ, открывая первый томъ, и прочиталъ посвященіе: „Моей женѣ“.—Я думалъ, что это принесетъ мнѣ счастіе. А теперь, душа моя, знаешь ли, что ты сдѣлаешь? Ты отложишь въ сторону эти несносныя письма, сядешь вотъ тутъ и прочтешь нѣсколько главъ, а потомъ скажешь мнѣ свое мнѣніе.

До сихъ поръ онъ ни за что не хотѣлъ показать ей своей книги ни въ рукописи, ни въ корректурахъ, подъ вліяніемъ весьма сложныхъ мотивовъ, гдѣ играло роль и тщеславіе, и недовѣріе къ самому себѣ.

Мабель засмѣялась съ ласковой гордостью надъ его тревогой:

— Вотъ что значитъ выдти замужъ за великаго писателя!—сказала она:—уходи, я сейчасъ же примусь за чтеніе и скажу тебѣ свое мнѣніе за завтракомъ.

— Нѣтъ,—деспотически заявилъ Маркъ:—я останусь тутъ, а то ты меня надуешь.

— Но я не могу этого дозволить,—протестовала она:—представь, что мнѣ надо будетъ надувать тебя; представь, что меня ждетъ великое разочарованіе!.. Нѣтъ, нѣтъ, глупенькій Маркъ! вѣдь я шучу, я вовсе не боюсь разочароваться... хотя, право, мнѣ пріятнѣе было бы читать въ одиночествѣ.

Маркъ настаивалъ; онъ думалъ, что, наконецъ-то, будетъ возстановленъ въ своихъ собственныхъ глазахъ; онъ не могъ долѣе дожидаться своего торжества. Когда онъ увидитъ собственными глазами, какой эффектъ производитъ его талантъ на Мабель, когда онъ прочитаетъ восторгъ и удивленіе на ея лицѣ, онъ будетъ знать, что онъ больше не обманщикъ!

Есть много способовъ пытать самого себя, но быть можетъ, не многіе сравнятся съ той пыткой, какой подвергается человѣкъ, отдавшій произведеніе своего ума на судъ другого, мнѣніемъ котораго онъ дорожитъ, и наблюдающій за впечатлѣніемъ, какое

оно на него производитъ. Тѣмъ не менѣе Маркъ подвергъ себя этой пыткѣ, главнымъ образомъ, потому, что въ душѣ не сомнѣвался на счетъ результата. Онъ сѣлъ въ качающееся кресло напротивъ Мабель и попытался читать газету. Постепенно въ то время, какъ она безмолвно читала, сердце его начало сильнѣе биться, и онъ нервно сталъ качаться на креслѣ, между тѣмъ какъ глаза его переходили отъ столбцовъ газеты къ хорошенькимъ ручкамъ, державшимъ книгу, которая закрывала лицо Мабель. Руки бываютъ иногда очень краснорѣчивы, и у Мабель въ особенности можно было иногда многое угадать по движенію рукъ. Но теперь онѣ ему ничего не говорили. Время отъ времени онъ видѣлъ, какъ онѣ переворачивали страницы рѣшительно почти безпечно, и какъ будто бы безъ всякаго интереса, хотя начало было очень оживленное. По его разсчету, она читала теперь то мѣсто, гдѣ онъ подпустилъ блестящаго юмору; она такъ чутка къ юмору, почему же она не смѣется?

— Ты дочитала до того мѣста, гдѣ викарій появляется во время игры въ теннисъ?—спросилъ онъ, наконецъ.

Она на минуту отложила книгу, и онъ увидѣлъ ея глаза: они были спокойны и не выражали одобренія; даже ротъ не улыбался.

— Я уже дальше этого мѣста,—отвѣтила она.—Я читаю третью главу.

Вторая глава заключала самыя блестящія и эффектныя изъ его тирадъ... и онѣ не заставили ее даже улыбнуться! Онъ утѣшилъ себя мыслью, что здоровый юморъ никогда не нравится женщинамъ. Третья глава начиналась съ юмористическаго анекдота, почти неприличнаго, но такого, по его мнѣнію, забавнаго, что ему жаль было его выкинуть. Теперь же его взяло опасеніе.

— Я боюсь, — нерѣшительно проговорилъ онъ, — что тебѣ будетъ не по вкусу анекдотъ про епископа?

— Да, признаться сказать, онъ мнѣ не нравится,—отвѣтила Мабель изъ-за книги.

Тутъ пожалуй кстати будетъ замѣтить, что книга не была глупой въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Марка, каковъ бы онъ тамъ ни былъ, никакъ нельзя было назвать дуракомъ, и у него было, что называется, бойкое перо. Но есть извѣстная пошлость ума, до того неуловимая, что въ жизни ее не такъ легко замѣтишь, и только въ печати она ярко выступаетъ впередъ. Все дрянное и мелкое въ натурѣ Марка отложилось, быть можетъ, слабо, но все же замѣтно, на страницахъ „Звонкихъ Колоколовъ". Мабель чувствовала, какъ сердце у нея сжимается все больнѣй и больнѣй по мѣрѣ того, какъ она читала. Къ чему это

онъ, и притомъ намѣренно, такъ понизилъ уровень своего литературнаго дарованія? Куда дѣвались мощь и мастерство, нѣжность и достоинство первой книги? И въ ней тоже были промахи противъ вкуса, но здѣсь, кромѣ промаховъ, почти ничего нѣтъ! И какой дурной тонъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже!

Маркъ давно уже пересѣлъ такъ, чтобы видѣть ея лицо; ея тонкія брови были слегка сдвинуты, длинныя рѣсницы опущены, а губы крѣпко сжаты, какъ бы отъ боли. Какъ бы то ни было, лицо ея не ободряло его. Она замѣтила, что за лицомъ ея крѣпко наблюдаютъ, а это врядъ ли можетъ придать прелесть чтенію, и, наконецъ, ея терпѣніе истощилось; она закрыла книгу съ легкимъ вздохомъ.

— Ну что?—съ отчаяніемъ спросилъ Маркъ. Ему казалось, что его судьба зависитъ отъ ея отвѣта.

— Я... я еще такъ мало прочитала,—сказала она:—дай мнѣ сначала дочитать до конца.

— Скажи мнѣ, какъ тебѣ показалось начало?

— Ты непремѣнно этого хочешь?

— Да,—пытался засмѣяться Маркъ:—выведи меня изъ томленія.

Она слишкомъ сильно любила его, чтобы отдѣлаться льстивымъ или уклончивымъ отвѣтомъ; ей была дорога его слава, и она не могла безъ протеста видѣть, что онъ роняетъ ее.

— О, Маркъ,—закричала она, крѣпко сжимая руки:—ты самъ долженъ чувствовать, что это не лучшее твое произведеніе... ты написалъ такую великую книгу... я знаю, милый, что ты и еще напишешь... но эта книга недостойна тебя, недостойна „Иллюзіи“.

Онъ самъ слишкомъ хорошо зналъ, что то лучшее его произведеніе, и что не въ его силахъ написать лучше. Если свѣтъ согласится съ нею, то онъ въ самомъ дѣлѣ неудачникъ. Онъ успѣлъ, однако, убѣдить себя, что онъ не простой обманщикъ, что у него тоже есть талантъ, да еще почище таланта пріятеля. И вдругъ это убѣжденіе пошатнулось.

Онъ повернулся къ ней съ блѣднымъ лицомъ и глазами, гдѣ сверкали гнѣвъ и обида.

— Конечно, первая книга всегда бываетъ лучшая,—горько произнесъ онъ:—это обычный приговоръ. Еслибы „Звонкіе Колокола“ появились раньше, а „Иллюзія“ позже, то ты испытала бы такое же разочарованіе при второй книгѣ. Я не ожидалъ, что первая ты поднимешь этотъ старый, глупый крикъ,

Мабель! Я думалъ, что всегда найду у своей жены поддержку и одобреніе... и кажется, ошибся.

Мабель закусила губы, и глаза ея наполнились слезами.

— Ты просилъ меня сказать, что я о ней думаю,—тихо проговорила она:—неужели ты думаешь, мнѣ легко было высказать свое мнѣніе. Если ты еще разъ спросишь меня, я буду знать, какъ надо отвѣчать тебѣ.

Онъ сразу спохватился о томъ, что надѣлалъ, и поспѣшилъ выразить свое раскаяніе. Она простила и не выразила, какъ глубоко была оскорблена имъ, но съ этого дня поэзія отлетѣла изъ ея жизни, и послѣдняя обратилась въ прозу. О „Звонкихъ Колоколахъ" она больше никогда не заговаривала, и онъ не зналъ даже, дочитала она его книгу до конца или нѣтъ.

Разъ въ субботу по утру они кончили завтракъ, и Маркъ не спѣша разрѣзывалъ еженедѣльные журналы, какъ вдругъ вздрогнулъ: „Звонкіе Колокола" удостоились длинной критической статьи. Критикъ не былъ однимъ изъ тѣхъ падшихъ ангеловъ литературы, которые радуются каждому новобранцу, увеличивающему собою ряды неудачниковъ на литературномъ поприщѣ. Онъ милостиво упоминалъ объ „Иллюзіи" и видно было, что онъ неохотно порицалъ новое произведеніе того же автора, но все же порицалъ безусловно и приглашалъ автора вернуться „къ болѣе возвышеннымъ и художественнымъ цѣлямъ" его первой книги. Рука Марка дрожала, когда онъ читалъ эту статью, и прочитавъ ее, онъ такъ долго молчалъ, что Мабель взглянула на него изъ-за письменнаго стола, за которымъ писала письма, и спросила, нѣтъ ли критической статьи объ его книгѣ.

— Критической статьи?—сказалъ Маркъ изъ-за газетнаго листа, гдѣ напечатана была эта статья:—помилуй, всего двѣ недѣли, какъ книга вышла.

— Знаю,—отвѣчала Мабель,—но я думала, что послѣ „Иллюзіи"...

— Всякой книгѣ свой чередъ,—перебилъ Маркъ, захватилъ всѣ журналы и спасся бѣгствомъ въ свой кабинетъ, гдѣ онъ строчилъ исторіи, для которыхъ еще не придумалъ подходящаго конца.

Въ журналахъ попалась еще другая статья о „Звонкихъ Колоколахъ", и на этотъ разъ критикъ безъ церемоніи называлъ автора золотымъ идоломъ на глиняныхъ ногахъ, и безпощадно перечисливъ всѣ недостатки его новаго произведенія, заключилъ: „Можно подумать, что автору надоѣли похвалы, которыми встрѣчена была его первая замѣчательная (хотя, очевидно, случайно) книга, и онъ избралъ самый вѣрный путь охладить этотъ восторгъ.

Во всякомъ случаѣ, мы можемъ завѣрить его, что еще одно такое нелѣпое и бездарное сочиненіе—и всѣ неудобства популярности и славы будутъ отъ него устранены".

Маркъ смялъ газету и съ бѣшенствомъ швырнулъ ее на другой конецъ комнаты. Это заговоръ, они хотятъ убить его изъ-за угла, какіе наглецы и трусы! Онъ уничтожилъ обѣ газеты, чтобы онѣ не попались Мабель въ руки, которая увидитъ подтвержденіе своихъ словъ и потеряетъ вѣру въ него.

Однако, добрые люди позаботились прислать ему новые нумера и не только ему, а и Мабель тоже, съ подчеркнутыми краснымъ карандашемъ наиболѣе рѣзкими мѣстами. Она поглядѣла на число и вспомнила тотъ день, когда Маркъ обманулъ ее за завтракомъ. Она пришла къ нему въ кабинетъ съ статьей въ рукахъ, и положивъ руку ему на плечо, сказала съ мягкимъ упрекомъ въ любящихъ глазахъ:

— Кто-то прислалъ мнѣ эти газеты; я знаю, что ты уже прочиталъ эту статью, но зачѣмъ ты скрылъ ее отъ меня? Зачѣмъ далъ другимъ сообщить мнѣ ее? Никогда больше не скрывай отъ меня ничего, даже ради моего спокойствія... Позволь мнѣ раздѣлять съ тобой и горе, и огорченія... и все... все.—Она поцѣловала его въ лобъ и ушла.

„Почему, думала Мабель, онъ не находитъ въ себѣ силы презирать критику, если самъ доволенъ своимъ произведеніемъ, какъ это ясно изъ всего". Ей противно было думать, что онъ хотѣлъ ее обмануть, и она знала, что онъ это сдѣлалъ вовсе не изъ боязни ее огорчить. Увы! ей приходилось сознаться, что герой ея очень и очень обыкновенный человѣкъ.

Однако, „Иллюзія" свидѣтельствовала о благородствѣ его натуры, и если повседневная жизнь и не подтверждала этого, то все же онъ былъ Маркъ Ашбёрнъ, и она любила его. Этого ничто не могло измѣнить.

Нѣсколько недѣль спустя Гольройдъ вернулся изъ Италіи, и однимъ изъ первыхъ людей, встрѣченныхъ имъ, былъ Гарольдъ Каффинъ. Это было въ Сити, гдѣ у Винцента было дѣло, и онъ пытался было пройти мимо Гарольда, молча кивнувъ ему головой. Онъ никакъ не могъ понять его поведенія въ Уэстуотерѣ, и все еще сердился на него. Но Каффинъ не могъ дозволить, чтобы его такимъ образомъ отталкивали; онъ остановилъ Винцента съ изъявленіями самой пламенной дружбы, журя его за то, что онъ такъ внезапно покинулъ его на озерахъ. Онъ рѣшилъ выпытать

причину этого быстраго отъѣзда у Винцента, но тотъ изъ какого-то смутнаго чувства недовѣрія былъ на-сторожѣ. Каффинъ ничего не могъ изъ него вытянуть, какъ ни старался. Онъ заговорилъ объ „Иллюзіи“, но Винцентъ и бровью не повелъ!

— Я полагаю, что вы слышали,—прибавилъ Каффинъ,—что миссисъ Физерстонъ удостоила сдѣлать изъ этой книги комедію, и она будетъ разыграна у нея въ домѣ въ концѣ сезона, передъ избранной толпой мучениковъ.

Гольройдъ не слыхалъ объ этомъ.

— Меня тоже уловили въ сѣти,—продолжалъ Каффинъ;—я буду играть роль поэта Юліана, такъ кажется его зовутъ. Это мое послѣднее появленіе на сценѣ до тѣхъ поръ, пока я не выступлю въ ролѣ Бенедикта... но это васъ не интересуетъ и пока еще содержится въ секретѣ.

Гольройдъ не былъ любопытенъ и не задавалъ вопросовъ.

— Кто будетъ играть героиню Бомель, какъ вы думаете? —продолжалъ Каффинъ.—Жена автора! Романично, не правда ли? Приходите-ка поглядѣть на насъ, дружище!

— Можетъ быть!—машинально отвѣтилъ Винцентъ и оставилъ его въ такомъ же недоумѣніи, въ какомъ онъ пребывалъ и раньше.

XXXIII.

Гарольдъ Каффинъ дѣлаетъ открытый намекъ.

Мабель рѣшила не принимать Каффина и убѣдить миссисъ Лангтонъ тоже отказать ему отъ дома. Она сообщила объ этомъ рѣшеніи Марку, объясняя его тѣмъ, что боится новыхъ злобныхъ выходокъ Гарольда и больше всего ради Долли. Маркъ не пытался уговорить ее измѣнить это рѣшеніе, во-первыхъ, потому, что не надѣялся на успѣхъ, а во-вторыхъ, потому, что не боялся больше Каффина и не видѣлъ причины его щадить.

Мабель не видѣлась съ Гарольдомъ послѣ первой встрѣчи на желѣзной дорогѣ до тѣхъ поръ, пока не встрѣтилась съ нимъ на обѣдѣ у миссисъ Физерстонъ въ вечеръ первой репетиціи, на которую получилъ приглашеніе и Винцентъ. Каффинъ тотчасъ же замѣтилъ перемѣну въ ея обращеніи и спросилъ что это значитъ? Мабель предложила ему обратиться за объясненіемъ къ ея мужу.

Когда Маркъ сообщилъ ему о рѣшеніи Мабель, Каффинъ поблѣднѣлъ отъ злости и нѣкоторое время молчалъ.

— Ну а вы какъ же на это смотрите? — спросилъ онъ наконецъ Марка.

У Марка пересохло въ горлѣ. Какъ странно! потому что въ сущности ему нечего бояться этого человѣка.

— Да что-жъ я тутъ могу сказать; желанія моей жены для меня, вы сами знаете, законъ.

Въ глазахъ Каффина мелькнула угроза, отъ которой Марку стало не по себѣ.

— Но вы, вѣроятно, постараетесь переубѣдить ее на этотъ счетъ? — развязно замѣтилъ Каффинъ.

Въ его тонѣ звучитъ, какъ будто угроза. Если такъ, подумалъ Маркъ, то онъ, вѣроятно, думаетъ, что его услуги въ дѣлѣ съ Винцентомъ даютъ ему права надъ нимъ, Маркомъ. Хорошо же, онъ докажетъ ему противное.

— Было бы безполезно стараться переубѣдить ее; но, говоря откровенно, я... я и не нахожу нужнымъ это дѣлать. Мы, конечно, были пріятелями и такъ далѣе; но, знаете ли... эта исторія съ письмомъ, которое вы заставили Долли сжечь... Право я чувствую, что не могу больше относиться къ вамъ по прежнему.

Каффинъ придвинулся со стуломъ ближе къ Марку, и закинувъ одну руку на спинку стула, пристально поглядѣлъ въ лицо Марку.

— Увѣрены ли вы, что имѣете право быть такимъ строгимъ къ другимъ?

Еслибы Маркъ могъ справиться со своими нервами, то, быть можетъ, отпарировалъ бы ударъ, который въ сущности могъ быть лишь испытаніемъ. Но неожиданность удара выбила его изъ позиціи, хотя онъ и думалъ, что ему нечего больше бояться никакихъ сюрпризовъ. Мертвенная блѣдность его лица показала Каффину, что онъ попалъ мѣтко, и дьявольская радость засвѣтилась въ его глазахъ, когда онъ, наклонившись къ нему, ласково дотронулся до его руки.

— Ахъ вы, отчаянный лицемѣръ! — очень мягко произнесъ онъ. — Я вѣдь все знаю. Слышите ли?

— Что такое? — пролепеталъ Маркъ, пытаясь обороняться. — Что вы хотите сказать; скажите, на что вы намекаете?

— Не волнуйтесь, — отвѣчалъ Каффинъ, — вы привлечете на насъ вниманіе публики.

— Въ чемъ вы меня подозрѣваете? — спросилъ несчастный Маркъ.

— О, мой милѣйшій, я васъ не подозрѣваю, я знаю, — отвѣчалъ Каффинъ. — Вамъ не пристало разыгрывать моралиста отно-

сительно меня. Повторяю вамъ, что я знаю, какимъ образомъ вы добились славы, денегъ и даже руки прелестной Мабель. Посредствомъ такой низкой штуки, что я самъ, хотя и не хвастаюсь особенной щепетильностью на этотъ счетъ, а постыдился бы замарать себя ею. Быть можетъ, я уговорилъ ребенка сжечь письмо... но не помню, чтобы когда-нибудь укралъ трудъ. Я былъ осломъ въ свое время, но не такимъ, чтобы напялить на себя львиную шкуру.

Маркъ сидѣлъ безмолвный и пораженный ужасомъ. Его схороненная тайна выплыла наружу... все погибло. Онъ могъ только съ отчаяніемъ проговорить:

— Развѣ Гольройдъ сказалъ вамъ?

Каффинъ узналъ все, что ему нужно было знать.

— Оставимъ это, — сказалъ онъ:—съ васъ довольно, что я знаю. Все ли вы чувствуете благородное отвращеніе отъ моего знакомства? Не можете ли вы снисходительнѣе отнестись къ моимъ погрѣшностямъ? Дѣйствительно ли вы запрете дверь своего дома у меня подъ носомъ?

Маркъ только поглядѣлъ на него.

— Ну не глупо ли съ вашей стороны, — продолжалъ Каффинъ,—важничать со мной. Я помогъ вамъ жениться на Мабель. Право, я почти полюбилъ васъ; вы такъ славно обдѣлали все это дѣльце, что я готовъ былъ восхищаться вами, и вотъ вы вдругъ хотите сдѣлать меня своимъ врагомъ, благоразумно ли это съ вашей стороны?

— Что вы хотите, чтобы я сдѣлалъ?—спросилъ Маркъ, защищая рукой глаза отъ свѣта.

— Вотъ вы опять заговорили, какъ разсудительный человѣкъ! — отвѣчалъ Каффинъ.—Вы, полагаю, имѣете вліяніе на жену, ну, такъ убѣдите ее измѣнить свое рѣшеніе.

— Нѣтъ, — сказалъ Маркъ,—я не позволю вамъ играть со мной, какъ кошка съ мышкой. Дѣлайте, какъ знаете, я отказываюсь.

Отчаяніе скорѣе, чѣмъ другое какое чувство, заставило его это сказать. Онъ зналъ, что Мабель ни за что не согласится и не могъ сказать ей причину, почему онъ ее объ этомъ проситъ.

— Хорошо,—проговорилъ Каффинъ:—такъ какъ вы не оставляете мнѣ другого выбора, то я вамъ удружу. Если я потону, то и васъ съ собой утоплю.

Маркъ всталъ съ мѣста, на которое сѣлъ съ такимъ легкимъ сердцемъ. Черная невзгода повисла надъ нимъ. Кризисъ, который было отдалился отъ него въ Лауфингенѣ, снова наступилъ,

и на этотъ разъ ничто не могло спасти его. Онъ вышелъ на лѣстницу, чтобы освѣжиться, и увидѣлъ поднимавшагося по ней Винцента.

— Стойте!—сказалъ онъ.—Мнѣ надо переговорить съ вами. Идите сюда!—и почти втолкнулъ его въ библіотеку, которая была пуста и гдѣ горѣла лампа.

— Вотъ мы и сквитались съ вами! — запальчиво произнесъ онъ.

Винцентъ удивленно поглядѣлъ на него.

— Все ваше великодушіе было одно притворство. Вы сказали Каффину.

Винцентъ разсердился почти не меньше самого Марка.

— Вы обо всѣхъ судите по себѣ!—отвѣчалъ онъ.—Если вамъ пріятно думать, что я нарушилъ свое слово, то думайте, я не намѣренъ разувѣрять васъ.

Никто бы, кто взглянулъ ему въ лицо, не повѣрилъ бы, что видитъ предателя. И самъ Маркъ понялъ, что ошибся, и почувствовалъ себя еще несчастнѣе.

— Простите меня! — пролепеталъ онъ.—Но Каффинъ все узналъ и... кто же могъ ему это сказать?

— Если кто-нибудь выдалъ ему васъ, то, вѣроятно, это вы сами. Онъ упоминалъ обо мнѣ?

— Да.

— Хорошо. Подождите меня здѣсь. Я узнаю въ чемъ дѣло и приду вамъ сказать.

. . . .

— Дѣло хуже, чѣмъ я думалъ,—сообщилъ онъ, вернувшись минутъ черезъ десять.—У Каффина въ рукахъ есть какія-то мои бумаги; ужъ Богъ его знаетъ, откуда онъ ихъ добылъ; онъ пригрозилъ мнѣ, что уничтожитъ ихъ, но не въ этомъ сила. Надо опередить его у издателей.

— Да, — согласился—Маркъ, это необходимо. Я завтра же отправлюсь къ Фладгэту и все объясню ему. Ничего другого мнѣ больше не остается.

— Не дѣлайте ничего безъ меня,—уговаривалъ Винцентъ.

Но отчаяніе сдѣлало Марка упрямымъ.

— Я жалѣю, что раньше не разсказалъ всего. Вы мнѣ помѣшали, но теперь больше не помѣшаете.

— Послушайте,—сказалъ Винцентъ.—Предоставьте мнѣ разсказать по своему все дѣло.

Маркъ горько засмѣялся. — Какъ бы вы ни разсказали эту исторію, хуже или лучше для меня, я не буду противорѣчить.

— Помните же, что обѣщали. А теперь не можете ли увезти Мабель домой.

— Хорошо, мы уѣдемъ, а вы пріѣзжайте завтра.

— Завтра, непремѣнно; но, смотрите, ничего ей не говорите до моего пріѣзда.

Они вернулись въ бальную залу, гдѣ имъ попалась на-встрѣчу миссисъ Физерстонъ.

— Не видѣли ли вы м-ра Каффина?—спросилъ у нея Маркъ.

— Джильда говоритъ, что онъ танцовалъ съ Мабель и затѣмъ увелъ ее на балконъ, потому что тамъ прохладнѣе.

Когда она отошла отъ нихъ, Маркъ повернулся къ Винценту.

— Слышите ли вы это? Мабель вмѣстѣ съ нимъ теперь... намъ не придется посвящать ее въ тайну... Она все узнаетъ отъ него. Я не могу больше здѣсь оставаться!

— Скажите, куда вы хотите идти! Ради Бога, не дѣлайте ничего сгоряча!—закричалъ Винцентъ и схватилъ Марка за руку.

— Пустите меня!—закричалъ тотъ и вырвался.

XXXIV.

Каффинъ взрываетъ мину.

— Могу я васъ побезпокоить и спросить ваше мнѣніе о нѣкоторыхъ подробностяхъ сцены въ будуарѣ третьяго акта? — сказалъ Каффинъ Мабель;—вы обѣщали помочь мнѣ.

Это предназначалось для слушателей. Сама же Мабель отлично знала, о чемъ онъ хочетъ съ нею говорить, и сама хотѣла высказать ему разъ навсегда, что она о немъ думаетъ, а потому покорно послѣдовала за нимъ на балконъ.

— Позвольте спросить васъ, правда ли, что вы намѣрены отказать мнѣ отъ дома и убѣдить миссисъ Лангтонъ сдѣлать то же самое?

— Правда,—отвѣчала она тихо.

— Но вы понимаете ли какой будетъ результатъ этого? — продолжалъ онъ.—Миссисъ Физерстонъ скоро узнаетъ, что два дружескихъ ей дома заперли передо мной двери и навѣрное спроситъ о причинѣ. Что же вы ей скажете?

— То, что я о васъ думаю.

Онъ закусилъ губы.

— Вы очень любезны, признаюсь, но откуда въ васъ эта злость? Почему вамъ такъ хочется погубить такого ничтожнаго человѣка, какъ я.

— Развѣ я зла? Не думаю. Вы должны знать, что я вовсе не желаю вашей погибели, но не могу не желать, чтобы бракъ вашъ съ Джильдой разстроился.

— Ахъ!—мягко произнесъ онъ,—смѣю спросить, почему?

— Потому, что вы недостойны любви порядочной дѣвушки. Потому, что вы сдѣлаете ее несчастной женщиной, Гарольдъ, потому, что вы женитесь на Джильдѣ изъ-за денегъ и изъ-за положенія, а не по любви, потому, что вы неспособны никого любить, вотъ почему.

— Вы несправедливы,—сказалъ онъ, наклоняясь къ ней.— Вы забываете, что я любилъ васъ. Я любилъ васъ, какъ никого больше любить не буду. Что касается Джильды, то я не скрою, что вовсе не влюбленъ въ нее. Она хороша въ своемъ родѣ, но не въ моемъ вкусѣ. Но она принесетъ мнѣ деньги и положеніе, и, кромѣ того, она дѣлаетъ мнѣ честь быть въ самомъ дѣлѣ въ меня влюбленной. По какому праву вы хотите вмѣшаться въ наши дѣла и поссорить насъ?

— Ни по какому,—говорю вамъ. Но вѣдь я и не вмѣшиваюсь. Все, чего я хочу, это обезпечить Долли отъ вашихъ преслѣдованій. И если меня про васъ спросятъ, то я скажу правду, ради Джильды, вотъ и все.

— Мабель, не будьте такъ злопамятны. Пожалѣйте меня. Я... я обѣщаю никогда не подходить близко къ Долли.

— Я вамъ не вѣрю.

— Мабель! испытайте меня еще разъ. Я право васъ не обману!—молилъ Каффинъ.

— Нѣтъ, я сказала и не перемѣню сказаннаго.

— Вотъ какъ! Ну-съ, когда такъ, то я вамъ скажу, что вы напрасно такъ сожалѣете о Джильдѣ Физерстонъ за то, что она любитъ такого недостойнаго человѣка, какъ я. Вы бы лучше самое себя пожалѣли! Если я не помѣшалъ вамъ выдти замужъ за Марка, то только потому, что зналъ, что этимъ лучше и вѣрнѣе всего отомщу вамъ!

Она поспѣшно встала:—Довольно,—сказала она,—вы должно быть съ ума сошли, что осмѣливаетесь говорить мнѣ это... Пустите...

Онъ схватилъ ее за руку повыше перчатки и крѣпко сжалъ, наклонивъ свое лицо къ ея лицу и съ жестокимъ выраженіемъ въ глазахъ поглядѣлъ въ ея глаза.

— Вы не уйдете, пока не выслушаете всего,—проговорилъ онъ сквозь зубы.—Вы вышли замужъ за самаго обыкновеннаго мошенника, за наглаго обманщика... понимаете? Я давно это

зналъ... я могъ бы давно уже изобличить его, еслибы хотѣлъ! Нѣсколько строкъ въ газетахъ, и вся эта исторія завтра же сдѣлается общимъ достояніемъ... такой выйдетъ литературный скандалъ, какого давно уже не бывало въ Лондонѣ. И клянусь вамъ, Мабель, что если вы выведете меня изъ терпѣнія, я это сдѣлаю. Спросите у своего мужа: есть или нѣтъ у него тайна въ его прошломъ, спросите его...

Онъ сказалъ бы и больше, но она внезапно вырвалась и ушла съ балкона.

— Трусъ!—презрительно закричала она:—я не Долли, меня вы не испугаете.

Онъ не ожидалъ этого, разсчитывая на немедленную покорность, которая позволитъ ему предъявить свои требованія.

— Я вовсе не желаю пугать васъ; я хочу только доказать вамъ, что со мною нельзя шутить.

Онъ хотѣлъ подойти къ ней ближе, но вдругъ остановился.

— Кто-то идетъ сюда,—сказалъ онъ вполголоса;—это миссисъ Физерстонъ; Мабель, вы не будете столь безумны, чтобы разсказать ей.

— Увидите!—отвѣчала Мабель и уже стояла около хозяйки дома съ сверкающими глазами и раскраснѣвшимся отъ гнѣва лицомъ.

— Миссисъ Физерстонъ,—сказала она, почти ухватившись за нее въ своемъ волненіи,—уведите меня куда нибудь подальше отъ этого человѣка!

Каффина не было видно; онъ опять ушелъ на балконъ, такъ что пожилая леди была нѣсколько удивлена этимъ воззваніемъ, тѣмъ болѣе, что не совсѣмъ хорошо поняла въ чемъ дѣло.

— Конечно, вы пойдете со мной, если желаете,—отвѣчала она,—но вѣдь съ вами никого нѣтъ. Я думала найти здѣсь м-ра Каффина. Гдѣ онъ?

— Тамъ, на балконѣ,—сказала Мабель,—не мудрено, что ему стыдно показаться.

Тутъ Каффинъ счелъ нужнымъ появиться.

— Не знаю, чего бы я сталъ бояться,—проговорилъ онъ съ принужденной развязностью.—Неужели вамъ угодно разгласить нашу маленькую ссору, миссисъ Ашбёрнъ? Стоитъ ли это?

— Это вовсе не ссора,—закричала Мабель:—онъ увѣряетъ, что Маркъ обманщикъ, что онъ знаетъ какую-то его тайну!—запальчиво обратилась она къ миссисъ Физерстонъ. Онъ грозилъ мнѣ.

— Дорогой намъ м-ръ Ашбёрнъ, котораго мы всѣ такъ хорошо

знаемъ, обманщикъ. Вы смѣли сказать это Мабель?—закричала миссисъ Физерстонъ,—да вы должно быть съ ума сошли, совсѣмъ съума сошли.

— Дорогая миссисъ Физерстонъ, увѣряю васъ, что я въ здравомъ умѣ и твердой памяти,—возразилъ Каффинъ.—Дѣло въ томъ, что все это время всѣ были введены въ заблужденіе, и вы первая...

Любопытство и тревога заговорили въ миссисъ Физерстонъ. Она очень носилась съ молодымъ романистомъ, и ея имя теперь гласно связано съ его именемъ; если что нибудь неладно въ его прошломъ, то ей слѣдуетъ, конечно, это узнать.

— Душа моя,—обратилась она къ Мабель, беря ее за руки,— вы знаете, что я ни одному слову не вѣрю... все это какое-нибудь странное недоразумѣніе. Я увѣрена, что все это разъяснится. Позвольте мнѣ переговорить наединѣ съ м-ромъ Каффиномъ!

— Я вполнѣ готовъ.

— Нѣтъ! —сказала поспѣшно Мабель,—если ему есть что сказать, пусть говоритъ при мнѣ; я не позволю нападать на Марка изъ-за угла. Да вотъ и онъ самъ,—закричала она, идя на-встрѣчу мужу.—Ну, Гарольдъ, если у васъ есть что сказать противъ Марка, то говорите это прямо ему въ лицо.

Появленіе Марка было вовсе не случайно. Онъ давно уже стоялъ незамѣченный за дверью и ждалъ, пока ждать далѣе стало невозможно. Онъ взглянулъ на Каффина, повидимому, смѣло и хладнокровно, но рука, которую держала Мабель, была холодна и не отвѣчала на ея пожатіе!

Каффинъ не могъ и пожелать лучшаго случая.

— Увѣряю васъ, что все это очень для меня непріятно,— сказалъ онъ,—но вы видите, что я вынужденъ говорить. Я долженъ прежде всего спросить м-ра Ашбёрна: развѣ не правда, что книга „Иллюзія", которая такъ прославила его, совсѣмъ не его и отъ начала до конца написана другимъ. Осмѣлится ли онъ отрицать это?

Маркъ ничего не сказалъ. Мабель чуть не расхохоталась, услышавъ этотъ дурацкій вопросъ... понятно, что Маркъ не удостоиваетъ отвѣчать. Но вдругъ она взглянула ему въ лицо, и ея сердце упало. Многія мелочи, которымъ она не придавала раньше никакого значенія, теперь получали все еще смутный, но уже грозный смыслъ... она не хочетъ сомнѣваться въ немъ... но только... почему у него такое лицо, если это неправда?

— Дорогой м-ръ Ашбёрнъ,—сказала миссисъ Физерстонъ,—

мы заранѣе знаемъ каковъ будетъ вашъ отвѣтъ, но я думаю... я полагаю... вамъ нужно отвѣтить.

Онъ повернулъ блѣдное лицо и растерянные глаза въ ея сторону и затѣмъ вырвалъ руку изъ рукъ Мабель:—Что вы хотите, чтобы я вамъ сказалъ?—грубо спросилъ онъ.—Я не могу отрицать... это не моя книга... она отъ начала до конца написана другимъ.

Въ то время какъ онъ произносилъ эти слова, вошелъ Винцентъ Гольройдъ.

Миссисъ Физерстонъ двинулась-было къ нему:

— О, м-ръ Гольройдъ,—сказала она съ принужденной улыбкой:—извините, сюда нельзя входить;—мы толкуемъ о нашихъ... объ измѣненіяхъ въ нашей маленькой піэсѣ... это государственный секретъ, знаете.

Каффинъ злобно улыбнулся:

— М-ръ Гольройдъ имѣетъ полное право присутствовать на нашемъ совѣщаніи,—объявилъ онъ:—м-ръ Гольройдъ написалъ „Иллюзію".

„Я оказываю ему этимъ услугу, подумалъ онъ, послѣ этого онъ будетъ на моей сторонѣ".

Зловѣщее молчаніе воцарилось послѣ этихъ словъ. Первая опомнилась Мабель:—она подошла къ Марку, который молча стоялъ передъ своимъ обвинителемъ.

— Маркъ,—произнесла она раздирающимъ душу шопотомъ,—ты слышишь... скажи имъ... вѣдь это неправда... о! Я не могу этому повѣрить... но только... говори же.

У Гольройда сердце повернулось отъ жалости.

Прежде нежели Маркъ успѣлъ что нибудь отвѣтить, если только собирался отвѣчать, Винцентъ предупредилъ его:

— Миссисъ Ашбёрнъ,—сказалъ онъ:—вы правы, что вѣрите въ его честь. Я сейчасъ вамъ все объясню. Я написалъ книгу, прежде нежели уѣхалъ на Цейлонъ. Я еще не оставилъ тогда адвокатской профессіи и потому желалъ сохранить въ тайнѣ то, что я написалъ романъ. Поэтому я довѣрилъ свою рукопись моему короткому пріятелю, м-ру Ашбёрну, и просилъ его озаботиться объ ея напечатаніи, но лишь подъ непремѣннымъ условіемъ, что настоящее имя автора останется тайной для всѣхъ. Я зналъ, что самъ м-ръ Ашбёрнъ пишетъ романы, и не думалъ, что это можетъ ему повредить. Какъ вамъ извѣстно, я пробылъ въ отсутствіи болѣе, нежели этого ожидалъ. Когда я вернулся въ Англію, я узналъ, что книга напечатана и заслужила такой успѣхъ, о которомъ мы съ м-ромъ Ашбёрномъ никогда и не

гадали. Онъ... онъ очень желалъ, чтобы я снялъ съ него отвѣтственность и выяснилъ въ чемъ дѣло, но мнѣ еще было не совсѣмъ это удобно... Я просилъ его повременить. Но въ послѣднее время мы только что собирались уладить это обстоятельство, какъ м-ръ Каффинъ предупредилъ насъ. Вотъ и все.

Во время объясненія Гольройда, Каффинъ внутренно бѣсился при мысли, что его жертва, можетъ быть, ускользнетъ отъ него.

Съ снисходительной, хотя и принужденной усмѣшкой онъ сказалъ, обращаясь къ Винценту:

— Съ вашей стороны очень великодушно и благородно объяснять это такимъ образомъ, но неужели вы думаете, что мы этому повѣримъ.

На минуту это замѣчаніе произвело сенсацію, но она изгладилась при дальнѣйшихъ словахъ Винцента. Его худое, блѣдное лицо вспыхнуло гнѣвомъ.

— Никто не ожидаетъ, чтобы вы вѣрили такимъ вещамъ, какъ честь и дружба!—презрительно проговорилъ онъ.—Миссисъ Физерстонъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ хозяйкѣ дома:—простите, если я огорчу васъ, но этотъ человѣкъ не заслуживаетъ вашего довѣрія.

Въ тайнѣ миссисъ Физерстонъ была слишкомъ довольна посрамленіемъ Каффина, но, не показывая вида, сухо произнесла:

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь, м-ръ Гольройдъ.

И тутъ Винцентъ далъ волю своему негодованію и съ ѣдкой иронiей изложилъ все поведеніе Каффина, исторію о сожженномъ письмѣ, о его жестокости съ Долли и запугиваньи бѣднаго ребенка.

— Вотъ каковъ джентльменъ, вздумавшій изобличать м-ра Ашбёрна,—заключилъ онъ.

Побѣда была одержана. Лицо Каффина помертвѣло. Онъ никакъ не предвидѣлъ такой неблагодарности, и это разстроило всѣ его планы.

Никто не видѣлъ, какъ вошла въ комнату Джильда. Но она уже нѣкоторое время стояла у окна съ красными глазами и разгорѣвшимся лицомъ, когда наконецъ мать замѣтила ее и, бросившись къ ней, сказала:

— Хорошихъ исторій мы наслушались сегодня вечеромъ. Вотъ каковъ юный джентльменъ, котораго ты собиралась подарить мнѣ въ зятья, Джильда? Но ты, конечно, ни слову не вѣришь?

— Вѣрю всему и хуже того! — съ рыданіемъ проговорила она.

Каффинъ обратился къ ней.

— И вы тоже, Джильда!—патетически произнесъ онъ.

— Вы могли бы, быть можетъ, обманывать меня и послѣ этого,—отвѣчала она:—но я слышала весь вашъ разговоръ съ Мабель.

— То есть, скажите лучше, вы подслушивали.

— Да подслушивала,—отвѣчала она,—и всю жизнь буду радоваться этому! Я достаточно наслушалась, чтобы не попасться въ ваши когти.

— Вы слышали?—вмѣшался въ свою очередь м-ръ Физерстонъ, который давно уже, привлеченный оживленнымъ разговоромъ въ маленькомъ салонѣ, вошелъ туда вмѣстѣ съ м-ромъ Лангтономъ и былъ свидѣтелемъ объясненія.

— Кстати, я люблю самъ сжигать ненужныя письма, а потому считаю, что въ моей конторѣ не мѣсто для такого талантливаго молодого человѣка, какъ вы.

— Значитъ прикажете убираться?—спросилъ Каффинъ.

— Такъ точно. Намъ лучше разстаться, какъ мнѣ это ни жаль.

— Не болѣе чѣмъ мнѣ во всякомъ случаѣ!—сказалъ Каффинъ съ короткимъ смѣхомъ. Прощайте миссисъ Физерстонъ, вамъ, конечно, не жаль случившагося. Ваша Джильда будетъ теперь герцогиней.

И онъ вышелъ изъ дома.

„Месть сладка,—съ горечью думалъ Каффинъ,—но я слишкомъ долго медлилъ и она перебродила“.

— Однако, душа моя,—сказалъ м-ръ Физерстонъ своей женѣ:—мы совсѣмъ позабыли остальныхъ своихъ гостей. Не пора ли вернуться къ нимъ?

— Иду,—отвѣчала она,—я должна какъ можно скорѣе и какъ можно приличнѣе отдѣлаться отъ нихъ. Эта злосчастная исторія совсѣмъ разстроила меня.

Повинуясь взгляду Мабель, Винцентъ, въ то время какъ всѣ, находившіеся въ комнатѣ послѣдовали за миссисъ Физерстонъ въ большую залу, не пошелъ за хозяйкой и остался вмѣстѣ съ Мабель.

— Когда вы намѣрены довести это до всеобщаго свѣдѣнія?—спросила она, и въ голосѣ ея звучала такая непривычная холодность, что сердце у него сжалось. Неужели она угадала его хитрость? Неужели все погибло?

— Такъ скоро, какъ только можно,—мягко отвѣчалъ онъ.—Мы увидимся завтра съ издателями и все уладимъ.

— И затѣмъ наступитъ ваше торжество,—горько сказала она.—Надѣюсь, что вы способны имъ наслаждаться?

— Мабель,—внушительно произнесъ онъ.—Гарольдъ Каффинъ вынудилъ меня высказаться сегодня. Я... я еще не думалъ предъявлять своихъ правъ на эту книгу.

— Зачѣмъ вы давно этого не сдѣлали? зачѣмъ вы взвалили такое бремя на плечи Марку. О!—это было очень эгоистично съ вашей стороны, Винцентъ.

— Я хотѣлъ устроить все наилучшимъ образомъ,—пролепеталъ онъ и самъ удивился, какимъ жалкимъ казалось это извиненіе.

— Наилучшимъ образомъ для васъ, но не для Марка. Подумали ли вы въ какое фальшивое положеніе вы ставите Марка? Что съ нимъ теперь будетъ? Можетъ быть, его романы и нашли бы издателей, но послѣ всего, что случилось, врядъ ли. Да и навѣрное найдутся люди, которые будутъ думать и говорить, какъ Гарольдъ Каффинъ. И всему этому вы причиной, Винцентъ!

— Вы несправедливы ко мнѣ, Мабель; повѣрьте, что я не такъ виноватъ, и для меня есть оправданіе,—проговорилъ онъ.

— Можетъ быть есть еще, чего я не знаю,—перебила она, тронутая его словами;—можетъ быть, вы что нибудь скрыли отъ меня?

— Нѣтъ, я все сказалъ вамъ.

— Въ такомъ случаѣ, гдѣ же несправедливость? Но если вы считаете себя правымъ, то намъ лучше не говорить объ этомъ больше.

— Да, лучше,—согласился онъ.

Когда онъ остался наединѣ съ самимъ собой въ эту ночь, то готовъ былъ горько разсмѣяться надъ тѣмъ, какъ была принята его преданность. Всѣ его жертвы окончились тѣмъ, что Мабель презирала его за эгоизмъ. Онъ навсегда лишился ея уваженія.

Еслибы онъ предвидѣлъ это, то, быть можетъ, и не рѣшился бы на такую жертву, какъ ни велика и ни безкорыстна была его любовь. Но дѣло было сдѣлано, и онъ спасъ Мабель. Лучше, чтобы она презирала его, нежели мужа, и была несчастна, пытался онъ утѣшать себя.

Но альтруизмъ такого рода доставляетъ холодное и жалкое утѣшеніе. Люди время отъ времени дѣлаютъ добро безкорыстно, люди терпятъ несправедливыя толкованія, но имъ все же позволено бываетъ хоть мечтать о томъ, что какой-нибудь случай откроетъ истину. Винцентъ не могъ питать и такой надежды, и жизнь стала для него еще безотраднѣе, чѣмъ была до сихъ поръ.

XXXV.

Результаты взрыва.

Миссисъ Физерстонъ не пыталась удерживать Марка и Мабель, когда они вскорѣ послѣ только-что разсказанной сцены собрались ѣхать домой, и холодно, хотя снисходительно, простилась съ ними.

Въ каретѣ Маркъ сидѣлъ нѣкоторое время молча, дожидаясь, чтобы Мабель первая заговорила. Ему пришлось ждать недолго; она нѣжно положила свою руку на его руку, и взглянувъ на нее, онъ увидѣлъ, что глаза ея мокры и блестящи.

— Маркъ, — сказала она, — я любила тебя, а не книгу, и теперь, когда я знаю, чего она тебѣ стоила... о, мой милый, милый, неужели ты думаешь, что я буду меньше любить тебя?

Онъ не могъ отвѣчать словами, но прижалъ ее къ себѣ, и такъ они и сидѣли плечо о плечо и рука въ руку, пока не доѣхали до дому.

На другой день, гг. Чильтонъ и Фладгэтъ были увѣдомлены о фактахъ, касающихся авторства „Иллюзіи“, причемъ оба выразили понятную досаду, что стали жертвой мистификаціи, какъ они полагали, и м-ръ Фладгэтъ въ особенности; онъ такъ всегда гордился проницательностью, съ какой сразу изловилъ Марка, и любилъ разсказывать эту исторію, не стѣсняясь теперь въ выраженіи своего неудовольствія.

Но въ публикѣ эта новость произвела далеко не такую сенсацію, какъ того можно было бы ожидать. Горингъ, въ предисловіи къ „Scarlet Setter“, указалъ на крайнюю незначительность литературныхъ явленій и цѣлей внѣ того тѣснаго кружка людей, которые признаютъ ихъ важными и законными, и пусть это служитъ урокомъ людямъ, мечтающимъ о литературной славѣ. Еслибы Винцентъ нуждался въ этомъ урокѣ, то получилъ бы его теперь. Никакихъ новыхъ лавровъ онъ не стяжалъ, а старые уже увяли. Люди начинали нѣсколько стыдиться своего прежняго восхищенія „Иллюзіей“, или же перенесли его на новый предметъ, и ничто не могло оживить этихъ восторговъ, ни даже открытіе ихъ законнаго виновника. Іаковъ перебилъ у него первородство, и для Исава не осталось даже и подогрѣтаго благословенія.

Люди, носившіеся съ Маркомъ, теперь бѣсились и, главнымъ образомъ, на Гольройда. Самые недоброжелательные намекали, что оба нечисты въ этомъ дѣлѣ, иначе къ чему бы весь этотъ секретъ.

Что касается Марка, то открытіе, что не онъ авторъ „Иллюзіи“ принесло ему ни много, ни мало, какъ настоящее крушеніе общественное и финансовое. Оно вызвало было временный спросъ на „Звонкіе Колокола“, но послѣ того, что произошло, у самыхъ некомпетентныхъ людей откуда-то явилось настолько прозорливости, чтобы видѣть ясно, какъ эта книга ниже предъидущей. Журналы обрушились на нее съ новой и на этотъ разъ уже ничѣмъ неумѣряемой силой. Карьера Марка, какъ романиста, была окончена. Ни одинъ издатель не хотѣлъ даже читать его рукописей.

Мабель на тысячу ладовъ испытывала, насколько ея мужъ упалъ въ общественномъ мнѣніи. Онъ уже не являлся притягательной силой въ обществѣ и на вечерахъ, и подобно всѣмъ прочимъ простымъ смертнымъ, простаивалъ по цѣлымъ часамъ въ углу, никѣмъ незамѣченный.

М-ръ Лангтонъ, какъ ни былъ онъ глубоко задѣтъ мистификаціей, стоившей ему дочери, не былъ человѣкомъ, способнымъ сдѣлать изъ своего разочарованія предметъ для сплетенъ и пересудовъ. Онъ и жену удерживалъ отъ элегическихъ причитаній о судьбѣ ея бѣдной дочери и при публикѣ обращался съ Маркомъ такъ же, какъ и прежде. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда они обѣдали en famille, и Маркъ оставался одинъ съ своимъ тестемъ за дессертомъ, тотъ и не пробовалъ скрывать отъ него, какъ онъ низко о немъ думаетъ, и читалъ Марку нравоученія и нотаціи на счетъ его будущаго, отъ которыхъ Маркъ чувствовалъ себя безмѣрно униженнымъ и изнывалъ въ безсильной ярости.

На Малаховой террассѣ, чувства, возбужденныя открытіемъ самозванства Марка, были далеко не горестныя. Въ сущности даже, за исключеніемъ одной Трикси, всѣмъ пріятно было узнать, что онъ такой же простой смертный, какъ всѣ они, тѣмъ болѣе, что его слава не принесла имъ никакого барыша. М-ръ Анбёрнъ перестал чувствовать себя филиномъ, произведшимъ на свѣтъ орла, а жена его считала, что лишній соблазнъ и искушенія устранены теперь съ пути ея сына. Кутбертъ объявилъ своего старшаго брата дуракомъ, а Марта съ удовольствіемъ думала о томъ, какъ-то приняла это открытіе ея невѣстка! Одна Трикси была огорчена и разочарована; но и для нея ударъ смягчался тѣмъ, что осенью должна была быть ея свадьба съ Джекомъ, у котораго былъ теперь достаточный доходъ, чтобы содержать жену.

Нѣсколько дней прошло со времени объявленія въ газетахъ извѣстія объ „Иллюзіи“, а дядюшка Соломонъ не подавалъ признаковъ жизни... и Маркъ вывелъ худшія заключенія изъ этого

молчанія. Опасенія его, къ несчастію, оправдались; дядюшка Соломонъ такъ рассердился, что его хватилъ параличъ.

Марку дозволили свидѣться съ нимъ, такъ какъ онъ умолялъ объ этомъ, и онъ почувствовалъ жестокія угрызенія совѣсти при видѣ жалкаго состоянія, въ какое привелъ онъ старика своимъ образомъ дѣйствій.

„Неужели же послѣдствія одного безумнаго и низкаго поступка никогда не перестанутъ тяготѣть надъ нимъ“? съ горестью думалъ онъ, стоя у постели больного. Дядюшка Соломонъ пытался было что-то выразить, но безуспѣшно, и наконецъ заплакалъ, увидя всю тщету своихъ усилій. Маркъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ къ нему во время его болѣзни, и все съ тѣмъ же результатомъ. Хотѣлъ ли онъ примириться съ племянникомъ, или выразить ему свое негодованіе, оставалось загадкой до самаго конца. Послѣ его смерти оказалось завѣщаніе, въ которомъ онъ, за исключеніемъ небольшой суммы, завѣщанной племянницѣ, жившей съ нимъ, отказывалъ все свое состояніе на основаніе стипендіи имени Лайтовлера въ школѣ сиротъ странствующихъ коммерсантовъ. Фамиліи Ашбёрнъ завѣщаны были разныя бездѣлицы, но Марку не было отказано ни гроша, „потому что онъ захотѣлъ идти собственной дорогой въ жизни и сдѣлалъ безполезными всѣ издержки моя на его образованіе“, было сказано въ завѣщаніи.

Но Маркъ и не ожидалъ ничего другого и задолго до того времени, какъ его ожиданія оправдались, нашелъ нужнымъ серьезно озаботиться о своей будущности. Литература, какъ уже было сказано, ему не улыбнулась, да и, по правдѣ сказать, она ему опротивѣла.

У Мабель было свое хорошее состояніе, но самоуваженіе не позволяло ему жить на счетъ жены. Онъ отправился въ школу св. Петра, заслышавъ, что старикъ м-ръ Шельфордъ собирается покинуть свой наставническій постъ въ этомъ училищѣ.

М-ръ Шельфордъ въ шляпѣ и пальто диктовалъ еженедѣльныя отмѣтки своему помощнику, когда вошелъ Маркъ. Онъ очевидно зналъ всю исторію „Иллюзіи“, потому что первыми его словами, когда они остались вдвоемъ, было:

— Итакъ, все это время вы были лишь ширмой?

— Да,—отвѣчалъ Маркъ мрачно.

— Ну что жь, не бѣда,—продолжалъ ласково старый джентльменъ,—вы дали неосмотрительно слово и сдержали его, какъ это ни было для васъ непріятно. А что же вы думаете теперь дѣлать?

Маркъ объяснилъ свои планы, причемъ такъ мямлилъ, что у

м-ра Шельфорда ротъ задвигался отъ нетерпѣнія, и глаза замигали, такъ что Маркъ нашелъ, что онъ очень состарѣлся за послѣднее время.

— Почему бы вамъ не попытать счастіе въ адвокатской карьерѣ; у васъ есть всѣ данныя для того; лѣтъ черезъ десять вы составите себѣ имя и состояніе.

Маркъ горько засмѣялся.

— А чѣмъ я буду жить до тѣхъ поръ? У меня за душой всего какихъ-нибудь двѣсти фунтовъ и этого не хватитъ мнѣ на годъ, чтобы уплатить за пошлины и нанять помѣщеніе.

— Ахъ, вотъ что! Понимаю,—сказалъ старый джентльменъ,—понимаю. Но все-таки я бы на вашемъ мѣстѣ попытался; кто знаетъ, вы можете найти себѣ работу, или вашъ тесть вамъ поможетъ. А не то, почему бы вамъ не набрать себѣ учениковъ? Меня кстати на-дняхъ просили рекомендовать репетитора для двухъ юныхъ негодяевъ, вынужденныхъ поступить на гражданскую службу. Кромѣ того... можетъ быть, это будетъ слишкомъ дерзко съ моей стороны, но... я сдѣлалъ кое-какія сбереженія впродолженіе своей жизни и у меня нѣтъ наслѣдниковъ. Не знаю почему, но вы внушаете мнѣ участіе, Ашбёрнъ. Быть можетъ, мнѣ хочется, чтобы и обо мнѣ кто-нибудь пожалѣлъ, когда я отправлюсь на тотъ свѣтъ... словомъ сказать, позвольте мнѣ предложить вамъ денегъ взаймы, пока вы не пробьетесь.

Маркъ былъ глубоко тронутъ и крѣпко пожалъ руку м-ра Шельфорда.

Они вмѣстѣ вышли изъ школы, и м-ръ Шельфордъ дружески взялъ Марка подъ руку. Маркъ, какъ мы уже говорили, имѣлъ даръ привлекать сердца людей, вовсе этого не заслуживая и нисколько объ этомъ не стараясь, и старый джентльменъ чувствовалъ, что онъ какъ будто бы нашелъ сына.

Съ этого дня онъ сталъ частымъ посѣтителемъ домика въ Камденъ-Гиллѣ, гдѣ нашелъ у Мабель то уваженіе и ту нѣжную заботливость, о которыхъ уже пересталъ было и мечтать въ здѣшней жизни.

Маркъ послѣдовалъ его совѣту; тесть одобрилъ его планъ и дозволилъ ему пользоваться его адвокатской квартирой во время долгихъ вакацій. Туда приходили и ученики, которые не ушли общей участи, и очаровались Маркомъ, къ вящшей пользѣ обѣихъ сторонъ.

Дѣла Марка опять было наладились, и онъ уже сталъ забывать—мы знаемъ, какъ онъ легко забывалъ все непріятное—о томъ, что случилось; ему и въ голову не приходило, что туча,

удалившаяся съ его горизонта, можетъ снова надвинуться, и новая буря—снова смять его.

XXXVI.

Окончательная побѣда.

Дѣло было въ январѣ мѣсяцѣ, вскорѣ послѣ того, какъ открылась судебная сессія. Маркъ съ легкимъ сердцемъ поднимался по лѣстницѣ въ свое новое помѣщеніе. Сегодня былъ его дебютъ, и онъ чувствовалъ, что съ честью вышелъ изъ испытанія. Его тесть присутствовалъ случайно въ томъ засѣданіи, гдѣ говорилъ Маркъ, и, по тону его голоса и измѣнившейся манерѣ, Маркъ вывелъ заключеніе, что онъ остался доволенъ. Теперь, думалъ Маркъ, онъ отправится прямо къ Мабель и сообщитъ ей, что фортуна снова ему улыбнулась. Но, войдя въ свою квартиру, онъ нашелъ въ ней посѣтителя, съ нетерпѣніемъ дожидавшагося его. То былъ Колинъ. Маркъ не особенно удивился его приходу. Въ послѣднее время м-ръ Лангтонъ, желавшій, какъ можно дальше запрятать семейный секретъ, просилъ Марка быть репетиторомъ Колина, готовившагося къ экзаменамъ.

— Какъ вы долго не приходили,—сказалъ Колинъ.

— Но сегодня не вашъ день,—отвѣчалъ Маркъ,—я не могу съ вами заниматься, дружище.

— Я знаю, я пришелъ не за этимъ.

— Вы опять попали въ бѣду, должно быть, шалунъ вы этакій! и хотите, чтобы я васъ выручилъ?—засмѣялся Маркъ.

— Нѣтъ, не то,—отвѣчалъ Колинъ и затѣмъ съ отсутствіемъ всякой дипломатіи, какъ и подобаетъ подростку, выпалилъ:—зачѣмъ вы заставляете Мабель обижать бѣднаго Винцента?

Маркъ только-что было началъ снимать сюртукъ и пріостановился:

— Еслибы даже я это и сдѣлалъ, то все-таки это не ваше дѣло; но кто сказалъ вамъ, что я это дѣлаю?

— Никто. Я самъ вижу. Мабель сказала мамашѣ, что не будетъ пріѣзжать обѣдать, когда у насъ обѣдаетъ Винцентъ, а разъ, когда съ нимъ встрѣтилась, почти ни слова съ нимъ не сказала. А теперь, когда онъ такъ боленъ, она не хочетъ его навѣстить. Онъ самъ мнѣ сказалъ, что безполезно ее просить, что она ни за что не согласится! Она прежде любила его; это, должно быть, вы ее сбили съ толку, и это просто срамъ. И мнѣ все равно, хоть сердитесь, хоть нѣтъ! Винцентъ можетъ умереть! И Мабель навѣрное тогда пожалѣетъ о своемъ поведеніи.

Все это было совершенно ново для Марка. Мабель старательно избѣгала всякихъ намековъ на Винцента, и Марку совсѣмъ въ голову не приходило размышлять о томъ, въ какомъ свѣтѣ представились Мабель объясненія Гольройда. Поэтому каждое слово Колина было ему ножемъ вострымъ... онъ никогда не совѣтывалъ Мабель избѣгать Винцента, и рѣшилъ узнать, почему она это дѣлала.

— Дайте мнѣ его адресъ, — сказалъ онъ, потому что даже не зналъ, гдѣ живетъ Гольройдъ, и тотчасъ послѣ ухода Колина отправился къ нему.

Онъ не вѣрилъ, чтобы Винцентъ былъ такъ боленъ; вѣроятно, все это преувеличено, но все же онъ не могъ бы успокоиться, лично въ томъ не удостовѣрившись. Его мучила совѣсть за его продолжительное невниманіе.

Карета Лангтона стояла у двери, когда онъ пріѣхалъ, и входя въ гостиную второго этажа, онъ услышалъ ясный голосъ Долли и пріостановился за ширмой, закрывавшей дверь. Она читала Винценту, лежавшему въ креслѣ, сказку Андерсена „Тѣнь“; выборъ палъ на нее совсѣмъ случайно.

Маркъ услышалъ не то печальное, не то циничное заключеніе, стоя невидимый за ширмами:

„Принцесса и Тѣнь вышли на балконъ, чтобы показаться народу и выслушать его привѣтствія. Но ученый не слышалъ всѣхъ этихъ радостныхъ кликовъ. Онъ былъ уже казненъ“.

— Какъ гадко поступила эта скверная Тѣнь!—съ негодованіемъ сказала Долли, дочитавъ сказку.—О, Винцентъ, неужели вамъ не жаль бѣднаго ученаго?

— Мнѣ гораздо болѣе жаль Тѣнь, Долли,—отвѣчалъ онъ. Долли конечно потребовала бы объясненія, еслибы не появился Маркъ.

Онъ пробормоталъ сконфуженно что-то такое, долженствовавшее объяснить его приходъ.

— Я уже думалъ, что никогда васъ больше не увижу—сказалъ Винцентъ. Долли, тебѣ пора домой, моя милочка, уже поздно. Ты пріѣдешь ко мнѣ завтра и прочитаешь мнѣ еще сказку?

— Если мамаша позволитъ,—отвѣчала Долли:—и знаете, что я вамъ скажу, я привезу съ собой Фрикса. Я знаю, вамъ надо развлеченіе, а это такая забавная собачка.

Когда Маркъ вернулся, усадивъ Долли въ карету, Винцентъ сказалъ:

— Вамъ вѣрно что-нибудь отъ меня нужно, Ашбёрнъ?

— Да,—отвѣчалъ Маркъ,—я знаю, что не имѣю права безпокоить васъ. Я знаю, что вы не можете простить меня.

— Я самъ когда-то думалъ такъ, но ошибся. Я давно простилъ васъ. Чѣмъ могу служить вамъ?

— Я впервые услышалъ, что моя жена дурно къ вамъ относится въ послѣднее время. Я пріѣхалъ узнать, въ чемъ дѣло.

Винцентъ вспыхнулъ и тяжело задышалъ:

— Къ чему снова поднимать эти тяжелые вопросы. Оставимъ ихъ.

— Простите, что я васъ потревожилъ. Я спрошу у самой Мабель.

— Не дѣлайте этого,—энергично воскликнулъ Винцентъ:—вы могли бы пощадить меня. Неужели вы не догадываетесь, въ чемъ дѣло. Ну, такъ я вамъ скажу—это можетъ быть вамъ полезно. Да, вы всему причиной, Ашбёрнъ; ложь, которую я сказалъ въ тотъ вечеръ, принесла свои плоды, какъ всякая ложь, и плоды эти оказались для меня очень горьки. Спросите самого себя: какого мнѣнія должна быть ваша жена о человѣкѣ, какимъ я себя выставилъ въ ея глазахъ?

— Великій Боже!—проговорилъ Маркъ, впервые сообразившій все.

— Видите ли, теперь я умираю съ сознаніемъ, что никогда больше не увижу ее, и что когда меня не будетъ, она ни разу не пожалѣетъ обо мнѣ и даже постарается поскорѣй выкинуть изъ головы воспоминаніе обо мнѣ. Я не жалуюсь, это для ея же пользы, и я доволенъ. Не думайте, что я говорю это вамъ въ упрекъ. Нѣтъ, но вы можете опять какъ-нибудь скомпрометировать ея спокойствіе или поколебать довѣріе къ себѣ, и вотъ вспомните тогда, чего стоило другому человѣку выручить васъ, и воздержитесь отъ соблазна.

— Винцентъ! это не можетъ быть,—вскричалъ Маркъ прерывистымъ голосомъ,—неужели вы въ опасности.

— Такъ мнѣ сказалъ мой докторъ. Я готовъ... Но довольно объ этомъ. Не выводите заключенія изъ того, что я вамъ сказалъ, что я потерялъ къ вамъ всякое довѣріе; напротивъ того, вы скоро убѣдитесь въ противномъ... Вы уже уходите!—прибавилъ онъ, видя, что Маркъ поспѣшно всталъ.—Пріѣзжайте еще, если можно; и... если мы больше не увидимся, то вы не забудьте то, что я вамъ сказалъ.

— Нѣтъ, не забуду,—вотъ все, что могъ сказать Маркъ, уходя. Онъ не могъ долѣе выносить выраженіе довѣрія и уваженія, съ какимъ снова смотрѣлъ на него другъ.

Идя домой, онъ былъ преслѣдуемъ тѣмъ, что видѣлъ и слышалъ. Винцентъ умираетъ, и послѣднія минуты его отравлены холодностью Мабель. Маркъ не можетъ допустить этого... она должна увидѣться съ нимъ... должна исправить свою несправедливость... онъ убѣдитъ ее смягчиться!..

И однако какимъ образомъ она исправитъ это, если не открыть ей глаза? Мало-по-малу онъ пришелъ къ заключенію, что въ жизни его наступилъ окончательный кризисъ, какъразъ тогда, когда онъ думалъ, что теперь все улажено. „Миръ, миръ!“ твердилъ онъ себѣ. А это было только перемиріе. Неужели послѣдствія его позорнаго поступка будутъ вѣчно преслѣдовать его? Что ему теперь дѣлать?

До сихъ поръ онъ настолько стыдился и раскаявался въ своемъ прошломъ поведеніи, насколько это было совмѣстно съ его характеромъ, но его успокаивала мысль, что все заглажено, и и что въ сущности онъ одинъ отъ всего этого пострадалъ и наказанъ.

Теперь этого утѣшенія больше не существовало: онъ зналъ, чѣмъ была Мабель для Винцента, и каково ему умирать непонятымъ ею. Долженъ ли Маркъ принимать эту послѣднюю жертву? Все сильнѣе и сильнѣе убѣждался онъ, что стоитъ теперь на распутьи двухъ дорогъ: онъ можетъ умолчать и предоставить пріятелю сойти въ могилу непонятымъ, но вся его прошлая низость поблѣднѣетъ передъ этой послѣдней низостью; если онъ на этотъ разъ свихнется и пойдетъ по болѣе торной дорожкѣ, то, конечно, будетъ безопасенъ отъ всякихъ изобличеній, но за то душа его покроется такимъ позоромъ, котораго уже ничѣмъ не смыть; онъ навѣки потеряетъ и уваженіе къ самому себѣ, и спокойствіе духа. И однако, если онъ выберетъ противоположный путь, путь правый,—куда онъ его приведетъ?

И въ такой борьбѣ съ самимъ собой пришелъ онъ домой и засталъ Мабель одну у камина.

Долго убѣждалъ онъ ее примириться съ Винцентомъ и съѣздить навѣстить его, и на ея рѣшительный отказъ сознался ей во всемъ; безсвязно, съ перерывами, съ нервной дрожью разсказалъ онъ ей всю исторію собственнаго позора и самоотверженія Гольройда. Онъ не щадилъ себя, даже не пытался оправдываться. Если его покаяніе было позднее, за то безусловное.

Она молча выслушала его, безъ звука, безъ слезъ, и когда онъ кончилъ, продолжала сидѣть, какъ каменная. Это всего болѣе испугало Марка, и онъ не выдержалъ ея неподвижности.

— Скажи мнѣ что-нибудь, Мабель!—въ отчаяніи закричалъ онъ;—ради Бога, скажи мнѣ что-нибудь.

Она встала, опираясь на кресло дрожащей рукой, и даже при неясномъ свѣтѣ горящихъ дровъ въ каминѣ можно было разглядѣть ея смертельную блѣдность.

— Свези меня сначала къ нему, а потомъ я поговорю съ тобою,— сказала она, и голосъ ея звучалъ чуждо, точно голосъ какой-то другой женщины.

— Къ Винценту? — переспросилъ онъ, совсѣмъ оглушенный внутренней болью, какую испытывалъ.— Не сегодня вечеромъ, Мабель. Подожди до завтра!

— Сейчасъ, сію минуту, и если ты не повезешь меня, я одна поѣду.

Онъ пошелъ нанять кэбъ, и когда вернулся, Мабель уже стояла въ мѣховомъ пальто у раскрытыхъ дверей.

— Вели ему ѣхать какъ можно скорѣй,—лихорадочно проговорила она, когда онъ ее усаживалъ въ экипажъ.

. . . .

Винцентъ полудремалъ, когда его пробудилъ шумъ шаговъ по лѣстницѣ, и затѣмъ онъ услышалъ легкій стукъ въ дверь.

— Я не сплю,—сказалъ онъ, думая, что это сидѣлка.

— Винцентъ,—произнесъ тихій, дрожащій голосъ,—это я— Мабель!

Хотя онъ и не былъ подготовленъ къ ея посѣщенію, но не удивился ему.

— Итакъ, вы пришли,—сказалъ онъ:—я очень радъ, вы значитъ не такъ худо обо мнѣ думаете, какъ прежде думали.

Она подошла къ нему, и опустясь на колѣни, взяла его обѣ руки въ свои:

— Винцентъ,—съ рыданіемъ проговорила она,—не говорите такъ... я все знаю, все, что вы выстрадали... онъ все мнѣ разсказалъ, наконецъ.

Винцентъ съ безконечнымъ состраданіемъ взглянулъ въ ея опечаленное личико:

— Бѣдное дитя, значитъ вы все узнали,—я тщетно старался спасти васъ отъ этого. Что же теперь вамъ сказать?

— Скажите,—что прощаете меня.

— Неужели вы не знаете, что своимъ приходомъ вы все загладили, Мабель! Но не въ томъ дѣло, Мабель! что вы намѣрены теперь дѣлать?

— Ахъ! оставимъ это,—устало махнула она рукой.

— Мабель, умирающіе имѣютъ свои привилегіи; я долженъ спросить васъ, что вы сказали Марку?

— Ничего; что же я могла ему сказать? Онъ долженъ самъ знать, что у него больше нѣтъ жены.

— Мабель, вы не бросили его!

— Нѣтъ еще... онъ привезъ меня сюда... онъ здѣсь, кажется.... Вы меня сердите этими вопросами.

— Отвѣчайте мнѣ: вы намѣрены его бросить?

Она встала съ колѣнъ.

— Что же мнѣ дѣлать,—спросила она,—теперь, когда я все знаю. Маркъ, котораго я любила, больше не существуетъ, да и никогда не существовалъ. У меня есть мужъ только по имени. Онъ низокъ, фальшивъ и лживъ, а я считала его честнымъ, благороднымъ и великодушнымъ.

— Вы слишкомъ строги,—перебилъ Винцентъ,—онъ вовсе не такъ дуренъ, какъ вы говорите, онъ слабъ... а не безчестенъ. Еслибы онъ былъ безчестенъ, онъ бы никогда не сознался вамъ. Подумайте, Мабель, вѣдь это было и благородно, и великодушно съ его стороны. Я прошу васъ, умоляю васъ простить его. Помните, что его судьба въ вашихъ рукахъ...

Она молчала, но лицо ея показывало, что она не убѣждена.

— Вы думаете, что вы больше его не любите,—продолжалъ онъ:—но вы ошибаетесь, Мабель. Вы не изъ тѣхъ, которыхъ легко разлюбить. Не бросайте его, не покрывайте его позоромъ передъ людьми! простите, простите, ради меня. Обѣщайте мнѣ это.

Она открыла лицо, которое было закрыла руками:

— Ради васъ, да, обѣщаю простить,—ради васъ.

— Благодарю васъ,—сказалъ Винцентъ слабымъ голосомъ.— Вы меня сдѣлали счастливѣе. Я бы желалъ повидать Марка, но усталъ. Теперь я засну.

Маркъ ждалъ ее въ маленькой темной гостиной.

— Поѣдемъ домой,—сказала она ему, и они такъ же молча уѣхали, какъ и пріѣхали. Но не доѣзжая до дому, Маркъ спросилъ дрожащимъ голосомъ:

— Мабель, неужели ты мнѣ ничего не скажешь?

Она встрѣтила его умоляющій взглядъ взоромъ, гдѣ не было упрека, а лишь глубокая и безнадежная печаль.

— Да,—сказала она:—не будемъ больше никогда говорить объ этомъ... о томъ, что ты мнѣ разсказалъ сегодня вечеромъ, и постарайся, если можешь, заставить меня забыть.

Люди, знающіе Марка теперь, склонны завидовать его счастію. Его литературныя неудачи начинаютъ забываться; всякая тѣнь скандала разсѣялась, когда по смерти Винцента Гольройда стало извѣстно, что въ своемъ завѣщаніи онъ поручалъ Марку Ашбёрну изданіе своего посмертнаго сочиненія. Порученіе это было принято Маркомъ со смиреніемъ и выполнено съ полной добросовѣстностью.

Имя его начинаетъ дѣлаться извѣстнымъ въ юридическихъ кружкахъ. Его не считаютъ глубокимъ законовѣдомъ, но онъ — солидный адвокатъ, имѣющій даръ убѣждать и очаровывать присяжныхъ.

Общество почти простило аффронтъ, нанесенный имъ, и снова готово заключить его въ свои объятія, а домашняя жизнь Марка всѣмъ представляется идеаломъ благополучія. У него прелестная жена и только одинъ ребенокъ, которому мать посвящаетъ всю свою жизнь.

Еслибы его исторія была лучше извѣстна людямъ, то они, конечно, сказали бы, что онъ отдѣлался гораздо легче, чѣмъ того заслуживалъ.

И совсѣмъ тѣмъ наказаніе все еще тяготѣетъ надъ нимъ и вовсе не легкое. Справедливо, что внѣшнее благосостояніе завоевано имъ; справедливо, что извнѣ ничто ему больше не угрожаетъ; про Гарольда Каффина что-то не слыхать въ послѣднее время, да притомъ, живой или мертвый, онъ не можетъ больше стать между Маркомъ и его женой, потому что она знаетъ худшее, что онъ могъ бы ей сказать.

Но существуютъ тайныя кары, которыя врядъ ли предпочтительнѣе открытому униженію. Любовь Марка къ женѣ, вслѣдствіе самой своей силы, обрекаетъ его на вѣчное мученіе. Пропасть, раскрывшаяся между ними, все еще не сравнялась; порою ему кажется даже, что никогда и не сравняется, хотя ничто въ обращеніи Мабель не даетъ ему поводовъ къ отчаянію. Но его постоянно мучитъ мысль, что ея мягкость не что иное, какъ снисходительность, ея ласковость—одно состраданіе, а преданность—одно лишь исполненіе долга... Это мучительныя мысли, которыхъ не можетъ заглушить ни упорная работа, ни постоянное возбужденіе.

Займетъ ли онъ когда снова прежнее мѣсто въ сердцѣ своей жены—вопросъ, который можетъ рѣшить только время. „Le dénigrement de ceux que nous aimons,—говоритъ авторъ „Madame Bovary“,—toujours nous en dètache quelque peu. Il ne

faut pas toucher aux idoles: la dorure en reste aux mains [1]). А идолъ Мабели потерялъ не только свою позолоту, но даже и свой божественный характеръ.

И, однако, она любитъ его, хотя иною уже любовью: любитъ больше даже, чѣмъ онъ смѣетъ надѣяться. Пустоту въ ея душѣ наполнилъ сынъ, ея маленькій Винцентъ, котораго она постарается охранить противъ соблазновъ, оказавшихся непреоборимыми для его отца.

Вторая книга Винцента Гольройда была встрѣчена съ искреннимъ восхищеніемъ, но не произвела такого необыкновеннаго фурора, какъ „Иллюзія". Въ ней нѣтъ той силы и той свѣжести, какъ въ „Иллюзіи", и мѣстами ощущается упадокъ энергіи и болѣзненное состояніе ея автора. Но, конечно, она не уронила его славы, и многими, компетентными судьями въ этого рода дѣлахъ даже предпочитается первому его произведенію.

Во всякомъ случаѣ, есть одно существо, которое не можетъ читать эту книгу, безъ чувства страстной жалости къ человѣку, въ произведеніи котораго каждая страница говоритъ о натурѣ, способной къ безкорыстной и рыцарской любви, до конца оставшейся невознагражденной.

А. Э.

---

[1]) Униженіе тѣхъ, кого мы любимъ, всегда насъ отъ нихъ болѣе или менѣе отталкиваетъ. Не слѣдуетъ трогать идоловъ: позолота пристаетъ къ рукамъ.

ОБЗОРЪ
МАЛОРУССКОЙ ЭТНОГРАФІИ

Окончаніе.

VI. П. А. Кулишъ *).

По нашему плану, мы будемъ говорить лишь о той дѣятельности г. Кулиша, которая относится къ малорусской этнографіи, но для ясности должны коснуться частію и другихъ его трудовъ [1]).

Г. Кулишъ былъ современникомъ Костомарова. Онъ прошелъ менѣе правильную научную школу, въ вопросахъ этнографіи и исторіи былъ еще больше самоучкой; но съ талантомъ и съ живой воспріимчивостью онъ быстро схватывалъ идеи и этимъ восполнялъ недостатокъ ученой школы. Его идеи складывались подъ тѣми же вліяніями тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ; живымъ на-

*) См. выше: ноябрь, стр. 351.

[1]) Біографія г. Кулиша изложена была вкратцѣ въ чешской энциклопедіи: Slovník Naučný, и подробнѣе въ статьѣ: „Жизнь Куліша", въ галицкомъ журналѣ „Правда", 1868, № 2—4, 24—28, по свѣденіямъ, полученнымъ и отъ самого г. Кулиша. О новѣйшихъ историческихъ идеяхъ г. Кулиша, составляющихъ важнѣй фактъ его литературной біографіи за послѣдніе годы, см. въ статьѣ Костомарова, „Р. Старина", 1878, мартъ, стр. 385—402, и въ другой статьѣ: „П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность", въ „К. Старинѣ", 1883, I, стр. 221—234; въ книжкѣ „За крашанку—писанка П. Ол. Кулішеві", г. Мордовцева, Спб. 1882, и др Біографическія свѣденія и обзоръ беллетристическихъ произведеній въ „Очеркахъ" г. Петрова (Кіевъ, 1884), стр. 264—296. См. также Ист. Слав. Литер. I, стр. 373 и дал. Не мало автобіографическаго въ своеобразнихъ воспоминаніяхъ г. Кулиша о Костомаровѣ, „Новь", 1885, № 13.

блюденіемъ народнаго быта онъ былъ богаче Костомарова, какъ вѣроятно, сильнѣе былъ и его поэтическій талантъ, въ которомъ впрочемъ всегда было много искусственности и рефлексіи.

Въ первое время своей литературной дѣятельности г. Кулишъ былъ однимъ изъ самыхъ рьяныхъ представителей малорусскаго патріотизма и этнографіи, хотя уже въ то время можно было замѣчать странное колебаніе его мнѣній.

Въ послѣднія десятилѣтія въ его идеяхъ стали совершаться такіе крупные и на литературной почвѣ трудно объяснимые перевороты, что становится невозможнымъ представить его дѣятельность съ какимъ-нибудь цѣльнымъ характеромъ: то, чѣмъ опредѣляются его работы въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, совершенно непримѣнимо къ тому, что̀ онъ дѣлалъ съ шестидесятыхъ годовъ и понынѣ. Это—цѣлый рядъ опроверженій, какія писатель дѣлаетъ самому себѣ, а иногда тому, что̀ онъ писалъ наканунѣ. Главный поворотъ, въ которомъ онъ отрекался отъ своей прежней дѣятельности, былъ заявленъ извѣстной „Исторіей возсоединенія Руси" (1874); но и потомъ, въ вопросахъ южно-русской старины и настоящаго, онъ становился то на ту, то на другую сторону, такъ что его литературное поприще не есть послѣдовательное служеніе одной идеѣ, а нѣсколькимъ идеямъ, иногда совершенно противоположнымъ; это—исторія личныхъ колебаній писателя, гдѣ каждая изъ тѣхъ противоположныхъ сторонъ можетъ встрѣчать для себя сочувственное, и два враждебные лагеря могутъ считать писателя своимъ. Положеніе довольно рѣдкое. Правда, вовсе не рѣдки случаи, когда человѣкъ и писатель, къ концу своего поприща, или набираясь бо̀льшаго жизненнаго опыта и знанія, или старѣясь и слабѣя силами, въ томъ числѣ умственными, а иногда и нравственными, измѣняетъ своему прежнему направленію, отказывается отъ прежнихъ идеаловъ и возвращается на избитую колею рутины, обычая, толпы; бываютъ и другіе случаи, когда пылкій умъ, гонясь за разрѣшеніемъ мучительныхъ сомнѣній, увлекается то однимъ, то другимъ принципомъ, которому и отдается всей душой и мыслію, и надѣется найти въ нихъ искомую опору для своего одушевленія общественнымъ вопросомъ. Здѣсь не было ни того, ни другого. Упомянутые перевороты въ идеяхъ г. Кулиша совершались не въ періодѣ утомленія,—напротивъ, онъ обнаруживалъ въ ту пору весьма большую литературную дѣятельность, которая свидѣтельствовала о свѣжемъ запасѣ силы и житейской энергіи. Съ другой стороны, это далеко не была пора юношескихъ увлеченій; писатель былъ далеко не молодъ, чтобы легко мѣнять свои убѣжденія или съ новымъ

опытомъ, или подъ вліяніемъ юношескаго энтузіазма. Наконецъ, перемѣна мнѣній совершалась не въ какой-нибудь теоретической области или не въ предѣлахъ жизни одного общества, гдѣ человѣкъ, ушедшій изъ одного лагеря, находитъ въ другомъ все-таки искреннихъ приверженцевъ другого направленія, служащихъ, по своему, интересамъ того же общества. Здѣсь, напротивъ, поворотъ идей опять совершался въ необычной формѣ: писатель, нѣкогда восторгавшійся національными преданіями своего народа, видѣвшій въ нихъ высокое свидѣтельство его нравственнаго характера, его историческое достоинство, рѣшительно отрекался отъ всего своего прежняго взгляда, становился на точку зрѣнія его исконныхъ враговъ: происходило нѣчто въ родѣ отреченія отъ своего собственнаго народа.

Тѣ, кому особенно были близки эти интересы, спеціалисты южно-русской исторіи, люди, помнившіе и цѣнившіе прежнюю дѣятельность г. Кулиша,—и въ особенности Костомаровъ, нѣкогда его другъ и сотоварищъ прежней дѣятельности,—возстали рѣшительнымъ образомъ противъ этой новой точки зрѣнія, и въ самое послѣднее время принимавшей разные оттѣнки, и отыскивали источникъ этихъ отреченій въ чисто личныхъ побужденіяхъ... Отсылая читателя къ ихъ толкованіямъ, замѣтимъ, что въ этой неустойчивости могло участвовать еще одно обстоятельство, не тронутое критиками, а именно—отдаленныя послѣдствія того же романтизма, который господствовалъ въ настроеніи любителей народности тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Въ прежнихъ главахъ мы уже имѣли случаи указывать, что этотъ романтизмъ, хотя во многихъ случаяхъ и внушалъ самую теплую любовь къ народности, давалъ этому народолюбію поэтическую окраску, направлялъ его нерѣдко къ научному изслѣдованію, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ свои слабыя стороны, которыя, напримѣръ, оказывались въ неясномъ пониманіи общаго движенія литературы или въ недостаткѣ точнаго критическаго анализа. Романтическая любовь къ народности переносила дѣло въ область чувства; хорошо, если къ этому прибавлялось потомъ желаніе найти научныя средства къ объясненію любимаго предмета; у большинства этого не случилось, и этнографическій интересъ остался дѣломъ чувства, а въ научномъ смыслѣ—дилеттантствомъ.—Не говоря о томъ, какъ могутъ мѣняться понятія человѣка подъ вліяніемъ чисто личнаго произвола, себялюбиваго каприза или разсчета, нельзя не видѣть, что есть большая разница между научнымъ убѣжденіемъ и мнѣніемъ дилеттанта: первое становится строгимъ выводомъ, истиной какъ дважды два четыре, отъ которой нельзя отсту-

питься, не оскорбляя своего собственнаго здраваго смысла; мнѣніе любителя бываетъ дѣломъ вкуса, который можетъ мѣняться по настроенію или капризу. Человѣкъ образованный не можетъ, конечно, не мотивировать своего перехода отъ одного взгляда къ другому: этотъ переходъ, очевидно, долженъ простираться на всю систему воззрѣній, принципы которыхъ и должны быть выяснены. Критики г. Кулиша не нашли достаточныхъ объясненій къ крутымъ переходамъ его понятій.

Возвращаемся къ началу дѣятельности г. Кулиша. Какъ мы сказали, его литературныя идеи развивались въ атмосферѣ романтизма тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Также какъ его современники и сотоварищи, онъ проникался идеей народности, восторгался языкомъ, міровоззрѣніемъ, преданіемъ, обычаемъ, поэзіей своего народа, занимался его исторіей; въ концѣ сороковыхъ годовъ онъ сблизился съ людьми, въ средѣ которыхъ образовался кружокъ, извѣстный подъ именемъ Кирилло-Мееодіевскаго. Не будемъ входить въ разборъ того, насколько г. Кулишъ тѣсно или слабо былъ связанъ съ этимъ кружкомъ,—это въ сущности безразлично; довольно сказать, что по своимъ основнымъ вкусамъ онъ вполнѣ сходился съ людьми этого кружка и отличался тѣмъ же особымъ малорусскимъ патріотизмомъ. Въ сороковыхъ годахъ онъ уже печаталъ свой историческій романъ „Михайло Чарнышенко“, поэму „Украина“, первыя главы романа „Черная Рада“ (въ „Современникѣ“ Плетнева); особенно характернымъ его трудомъ этого времени была „Повѣсть объ Украинскомъ народѣ“, напечатанная въ маленькомъ журналѣ для юношества „Звѣздочка“, г-жи Ишимовой, и отдѣльной книжкой (1847). Книжка тогда же была остановлена и послужила потомъ къ обвиненію г. Кулиша въ преступленіи въ родѣ позднѣйшаго сепаратизма. Изъ разсказовъ о томъ, какъ велось дѣло о Кирилло-Мееодіевскомъ кружкѣ въ III отдѣленіи, извѣстно, что тамъ какъ на все дѣло, такъ въ частности на идеи г. Кулиша, взглянули въ сильно увеличивающее стекло. На дѣлѣ книжка, разумѣется, не представляла никакой политической опасности и ея нѣкоторыя историческія преувеличенія могли бы и тогда найти совершенно достаточную критическую оцѣнку въ литературѣ, какъ объ этомъ можно судить по замѣткамъ о ней Юрія Самарина, напечатаннымъ въ 1877, но написаннымъ въ 1850 [1]). Основная мысль ея, хотя не высказанная прямо, заключалась въ томъ, что Малороссія могла бы сдѣлаться самостоятельною, еслибы не измѣна дворянства и не

[1]) См. „Р. Архивъ“, 1877, № 6.

владычество Москвы, убившей ея народность [1]). Мысль эта не была тогда чѣмъ-нибудь исключительнымъ; она, безъ сомнѣнія, приходила въ голову многимъ изъ малорусскихъ патріотовъ, и къ нимъ отчасти могла дойти какъ отголосокъ стараго автономическаго чувства, которое съ самаго присоединенія Малороссіи къ Москвѣ питалось племеннымъ различіемъ и суровостями русской администраціи (послѣднихъ не отвергаетъ и Самаринъ въ своей запискѣ), а отчасти подновлялось появлявшимися тогда на свѣтъ памятниками старой малорусской исторической литературы [2]).

Послѣ того, какъ надъ кружкомъ разразилась извѣстная катастрофа и онъ разсѣялся, г. Кулишъ не покидалъ своихъ прежнихъ интересовъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ приготовилъ двѣ работы, различнымъ образомъ важныя и любопытныя. Онъ напечаталъ въ 1854 г. „Записки о жизни Гоголя“, переработанныя потомъ въ біографію, вышедшую отдѣльно (въ двухъ томахъ, Спб. 1856), а въ 1856—57 издалъ два тома „Записокъ о южной Руси“, свою главную работу по малорусской этнографіи.

Малорусскія изученія въ эти годы получали мало-по-малу новый оборотъ. Прежній, случайный вкусъ къ малорусской старинѣ въ романтическомъ духѣ, началъ смѣняться болѣе пристальнымъ изслѣдованіемъ, собираніемъ и изданіемъ памятниковъ этой старины. Важную грань въ этомъ отношеніи составили труды Бодянскаго, нѣкоторыхъ любителей и основанной въ Кіевѣ архивной коммиссіи. Возвратившись въ началѣ сороковыхъ годовъ изъ путешествія по славянскимъ землямъ, Бодянскій занялъ каѳедру славянскихъ нарѣчій въ московскомъ университетѣ, сталъ въ то же время секретаремъ московскаго Общества Исторіи и Древностей россійскихъ, и развилъ здѣсь свою необычайно трудолюбивую издательскую дѣятельность. Онъ не увлекался романтическими фантазіями, былъ человѣкъ крѣпкаго закала ума и характера, обладалъ обширными историческими знаніями и въ тогдашнемъ состояніи изученій малорусской старины одну изъ главнѣйшихъ потребностей дѣла увидѣлъ въ изданіи тѣхъ многочисленныхъ произведеній старой и новой исторической литературы о Малороссіи, которыя еще мало или совсѣмъ не были утилизированы ея историками. Въ самомъ дѣлѣ, оставались неизданными ни многіе старые лѣтописцы Малороссіи XVII вѣка, ни истори-

[1]) Противъ этой основной мысли книжки Самаринъ выставилъ весьма категорическія опроверженія.

[2]) Напр., мысли, похожія на взглядъ г. Кулиша, напомнимъ въ приведенныхъ выше выпискахъ изъ предисловія къ пѣснямъ Лукашевича.

ческіе опыты малорусскихъ патріотовъ XVIII и начала XIX столѣтій, въ которыхъ заключались многія драгоцѣнныя свѣденія. Эти памятники бывали извѣстны прежнимъ историкамъ Малороссіи, какъ, напримѣръ, Бантышъ-Каменскій, но продолжали ходить въ рукописяхъ между любителями, и ихъ значеніе, какъ источниковъ, оставалось не опредѣлено критикой. Первымъ приступомъ къ критической исторіи должно было быть именно изданіе этихъ источниковъ, и въ сороковыхъ годахъ это изданіе начато было во-первыхъ, въ Кіевѣ, въ трудахъ „Временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ", при кіевскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ, во-вторыхъ, въ Москвѣ, въ „Чтеніяхъ" московскаго Общества Исторіи и Древностей. Въ первой же книжкѣ „Чтеній", изданной Бодянскимъ, начато было печатаніе „Исторіи Руссовъ или Малой Россіи", загадочной книги, приписанной извѣстному архіепископу бѣлорусскому прошлаго вѣка Георгію Конисскому и въ то время еще принимавшейся за подлинно ему принадлежащую; въ томъ же и слѣдующихъ годахъ печатались въ „Чтеніяхъ": „Лѣтопись Самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго", съ предисловіемъ г. Кулиша и Бодянскаго; старая книга: „Исторія или повѣствованіе о Донскихъ Козакахъ, собранная и составленная чрезъ труды инженеръ-генералъ-маіора и кавалера Александра Ригельмана, 1778 года"; „Историческія сочиненія о Малороссіи и Малороссіянахъ", Г. Ф. Миллера; другое сочиненіе Александра Ригельмана: „Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, ея народѣ, и о козакахъ вообще", къ которому приложены весьма характерныя изображенія малороссіянъ въ старинной одеждѣ (28 литографій въ краскахъ) и двѣ карты; „Исторія о козакахъ запорожскихъ"; „Записки" Георгія Конисскаго объ Уніи; „Краткое описаніе о козацкомъ малороссійскомъ народѣ и о военныхъ его дѣлахъ", бунчуковаго товарища Петра Симоновскаго; „Повѣсть о томъ, что случилось на Украинѣ съ той поры, какъ она Литвою завладѣна, до смерти гетмана войска запорожскаго, Зиновія Богдана Хмельницкаго"; „Краткое историческое описаніе о Малой Россіи до 1765 г."; „Лѣтопись Густинскаго монастыря"; „Описаніе о Малой Россіи и Украинѣ", Станислава Зарульскаго; „Замѣчанія до Малой Россіи принадлежащія", и множество отдѣльныхъ актовъ, переписки, универсаловъ и т. п., относящихся къ малорусской исторіи. Все это издано было Бодянскимъ въ теченіе трехъ лѣтъ, до половины 1848-го года, когда и на его долю выпала непріятная исторія, перервавшая его дѣятельность въ московскомъ Обществѣ на десять лѣтъ, до 1858 года, когда онъ снова сдѣлался редакторомъ „Чтеній"... Кіевская ком-

миссія въ тѣ же годы издала важную лѣтопись Самуила Величка и начала изданіе историческихъ актовъ по южно-русской исторіи. Около того же времени предпринимались историческія изслѣдованія, какъ, напримѣръ, „Исторія Малороссіи" Маркевича, правда, уже вскорѣ оказавшаяся мало удовлетворительною, но указывавшая на необходимость цѣльнаго обзора южно-русскихъ событій; таковы были труды Скальковскаго по исторіи Запорожской Сѣчи; упомянутая раньше работа Костомарова по исторіи Уніи; сочиненія о малорусской старинѣ Максимовича, Самчевскаго, Сементовскаго и т. д. Въ эти годы Костомаровъ, вслѣдъ за первыми историческими и этнографическими трудами, подготовлялъ „Богдана Хмельницкаго", которымъ открылся въ пятидесятыхъ годахъ рядъ его изслѣдованій по малорусской исторіи, Кулишъ — свои „Записки о южной Руси и проч. Даже внѣ круга подобныхъ спеціалистовъ предпринимались работы, которыя свидѣтельствовали, что интересъ этого изученія бросался въ глаза и людямъ, мало приготовленнымъ въ научномъ отношеніи, но увлекаемымъ массой представлявшихся любопытныхъ этнографическихъ явленій. Очень интересный образчикъ трудовъ этого послѣдняго рода остался въ археологическо-этнографическомъ альбомѣ нѣкоего де-ла-Флиза, 1854 г., хранящемся въ церковно-археологическомъ музеѣ кіевской духовной академіи. Изъ бумагъ, находящихся при альбомѣ, видно, что этотъ де-ла-Флизъ сообщалъ въ Географическое Общество свои климатическія наблюденія по кіевской губерніи, которыя вызвали одобреніе Общества по своей полнотѣ и отчетливости; въ этнографіи и археологіи де-ла-Флизъ былъ, очевидно, любитель и хотя въ его трудѣ найдется много недостатковъ, но самая мысль остается замѣчательна, и по настоящую минуту въ нашей литературѣ нѣтъ книги, которая исполняла бы задачу, поставленную де-ла-Флизомъ. Это — сборникъ описаній разныхъ памятниковъ старины и народнаго быта кіевскаго края, и въ описаніямъ прибавлено много акварельныхъ рисунковъ, которые, хотя и не богаты художественнымъ достоинствомъ, но видимо стараются съ точностію передать описываемые предметы [1]).

„Записки о южной Руси" (1856—57) были въ свое время замѣчательнымъ явленіемъ; посвященныя исторіи, а еще больше этнографіи, онѣ не были ни ученымъ трактатомъ, ни голымъ сборникомъ произведеній народной поэзіи, и представляли совсѣмъ

[1]) См. Указатель церк. археолог. музея при кіевской духовной академіи. Кіевъ, 1880, стр. 12. Указаніе содержанія этого альбома см. въ „Описаніи рукописей церковно-археологическаго музея при кіевской духовной академіи". Н. Петрова, Кіевъ, 1875, вып. I, стр. 153—155.

новую форму этнографическаго изученія. Г. Кулишъ вводилъ читателя въ самый процессъ этнографическаго собиранія и наблюденія: онъ не только сообщалъ старинную думу, сказку, пѣсню, преданіе, но знакомилъ съ самой той обстановкой, съ тѣми людьми, въ средѣ которыхъ онъ выслушалъ эти пѣсни и преданія. Произведеніе народной поэзіи уже не являлось отдѣльнымъ анекдотическимъ фактомъ, какъ цвѣтокъ оторванный отъ своего корня, а, напротивъ, открывалось передъ читателемъ окруженное тѣми подробностями быта, личныхъ народныхъ характеровъ и понятій, между которыми оно существуетъ въ дѣйствительности. Авторъ разсказываетъ исторію своихъ поисковъ, передаетъ впечатлѣнія своихъ встрѣчъ, рисуетъ картинки быта, даетъ читателю портреты своихъ знакомцевъ, пѣвцовъ и кобзарей, и въ результатѣ получается не такой сборникъ, какіе давали обыкновенно прежніе этнографы, сборникъ фактовъ, отъединенныхъ отъ своей почвы, а цѣльная этнографическая картина, живая, какъ беллетристическій разсказъ. Это была счастливая мысль, и книга г. Кулиша встрѣчена была съ большимъ сочувствіемъ, особливо его соотечественниками: она очень понравилась Костомарову и приводила въ восторгъ Шевченка. Въ самомъ дѣлѣ, она указывала средство восполнить недостатокъ, которымъ особенно страдали прежнія собранія: настоящій характеръ народной поэзіи можно понять только въ связи съ условіями, въ которыхъ она рождается или хранится, въ обстановкѣ живыхъ лицъ, которымъ она принадлежитъ. Прежніе этнографы упоминали иногда объ этой средѣ, но лишь въ сухомъ описаніи какого-нибудь обряда, перечисленіи случаевъ, когда поются тѣ или другія пѣсни, или просто въ указаніи мѣстности и имени пѣвца и разсказчика. Здѣсь авторъ даетъ читателю не только одни эти внѣшнія указанія, но старается понять и нравственное настроеніе этихъ носителей народной поэзіи. Какъ увидимъ, впрочемъ, эта форма этнографическаго наблюденія можетъ имѣть и свои слабыя стороны.

Отношеніе автора къ народному преданью и поэзіи исполнено самыхъ теплыхъ сочувствій. Изъ словъ самого автора можно видѣть, что это были сочувствія чисто романтическія. Автора увлекала поэтическая сторона народной жизни; самъ народъ представлялся ему живымъ памятникомъ старины: въ немъ хранятся глубочайшія сокровища народной думы и поэтическаго чувства, которыхъ уже не понимаетъ и не умѣетъ сберечь „цивилизація“.

„Надобно сознаться откровенно,—разсказываетъ г. Кулишъ, — что странствуя изъ села въ село по малороссійскимъ губерніямъ, въ періодъ моей юности,

я рѣдко имѣлъ въ виду собственно науку. Меня увлекала поэтическая сторона жизни народа. Я гонялся за драмою, которую разыгрываетъ мелкими отрывками цѣлое малороссійское племя. Мнѣ нужно было видѣть постановку сельской жизни на театрѣ природы (?); и то, что внесъ я въ свои записныя книжки, составляетъ только малую часть моихъ изученій, которыя управлялись постоянно однимъ только чувствомъ—неопредѣленнымъ желаніемъ видѣть и слышать народъ въ разнообразныхъ особенностяхъ единицъ его. Если въ этомъ желаніи заключались и побужденія чисто научныя, то источникомъ ихъ была все-таки чистая любовь къ человѣку, въ его простой, сельской жизни.

„Само собою разумѣется, что города, села и мѣста, извѣстныя въ исторіи, привлекали меня къ себѣ преимущественно предъ прочими, и я съ душевнымъ волненіемъ находилъ въ нынѣшнемъ народонаселеніи слѣды и объясненіе жизни былыхъ поколѣній. Въ этихъ мѣстахъ, по выраженію лицъ, по ухваткамъ и рѣчамъ, я живѣе обыкновеннаго воображалъ, каковъ долженъ былъ быть малороссіянинъ подъ иными вліяніями и при другихъ обстоятельствахъ. Тутъ этнографія сливалась для меня въ одну науку съ исторіей, а исторія разоблачалась въ своихъ этнографическихъ послѣдствіяхъ. Наши кабинетные люди, повторяя одинъ другого, говорятъ, что въ Малороссіи не осталось почти никакихъ памятниковъ старины [1]. Но самъ народъ—такой памятникъ своей прошедшей жизни, который лучше всякаго произведенія искусствъ вводитъ насъ въ познаніе того, какъ онъ существовалъ до настоящаго момента. Надобно только всмотрѣться въ нравственный его образъ, котораго разсѣянныя черты собираетъ и объясняетъ для насъ этнографія" [2].

Дѣло собирателей народной поэзіи есть великая заслуга.

„Спасти отъ забвенія памятникъ жизни своего народа есть истинный подвигъ, который ужъ и теперь имѣетъ полную важность въ глазахъ каждаго истинно просвѣщеннаго человѣка; но, когда не останется на свѣтѣ ни одного бандуриста—а это время близко—и когда слѣдовъ старосвѣтской жизни станутъ искать только въ книгахъ и рукописяхъ, тогда имя каждаго собирателя произведеній народной поэзіи будетъ имѣть что-то общее съ ихъ неизвѣстными творцами. Въ самомъ дѣлѣ, сочувствовать пѣснѣ, странствующей какъ сирота между людьми, и сберечь ее отъ забвенія—не то ли самое, что пріютить живую душу, которая безъ нашей заботливости изчезла бы съ лица земли? Расширить своими открытіями кругъ историческихъ свѣдѣній—не значитъ ли сдѣлаться самому частью исторіи? Провести источникъ родного слова и духа къ будущимъ писателямъ — не значитъ ли быть двигателемъ ихъ успѣховъ? Уже и теперь произносятся съ почтеніемъ имена первыхъ собирателей нашихъ народныхъ пѣсенъ, которые записали ихъ отъ несуществующихъ болѣе бандуристовъ; и едва ли князь Цертелевъ и гг. Максимовичъ, Срезневскій, Лукашевичъ и Метлинскій будутъ такъ долго жить въ литературныхъ преданіяхъ по своимъ произведеніямъ, какъ по записаннымъ и изданнымъ ими народнымъ пѣснямъ" [3].

---

[1]) Это, кажется, было не совсѣмъ справедливо; отчасти такъ говорилъ Лукашевичъ, а другіе, напротивъ, ожидали еще большихъ результатовъ отъ собиранія, и эти ожиданія въ большой мѣрѣ потомъ оправдались.

[2]) Зап. о Южной Руси, I, стр. 234—235.

[3]) Тамъ же, стр. 220—221.

„Цивилизація“ истребляетъ, къ сожалѣнію, лучшее, что бываетъ въ простотѣ народныхъ нравовъ и въ чистотѣ чувства, но авторъ, не по примѣру другихъ романтиковъ народности, не впадалъ въ безплодныя сожалѣнія объ уходѣ патріархальной поэтической старины и видѣлъ то преемство, какимъ народная старина связана съ дальнѣйшимъ развитіемъ общества.

Коснувшись вопроса, почему падаетъ старая народная поэзія, почему кобзари не воспѣвали болѣе новыхъ событій, авторъ замѣчаетъ, что причину этого находятъ или въ общемъ упадкѣ малороссійскаго народнаго творчества вслѣдствіе обобщенія національностей (т.-е. великорусской и малорусской, и сліянія послѣдней съ господствующимъ племенемъ), или въ отсутствіи старосвѣтской централизаціи Малороссіи. „Я прибавлю,—замѣчаетъ г. Кулишъ,—третью причину, можетъ быть, сильнѣе обѣихъ первыхъ, именно: что духъ народный ослабѣлъ въ массѣ населенія, которая управлялась инстинктивнымъ стремленіемъ къ темной для нея исторической цѣли, и возродился въ просвѣщенномъ, небольшомъ слоѣ общества, ближайшемъ къ народу по своей любви къ нему и сознательно продолжающемъ его духовную жизнь въ новыхъ формахъ—цивилизаціи. Лирическія, эпическія и драматическія произведенія этого слоя общества, на какомъ бы языкѣ они ни были написаны, суть продолженіе первыхъ твореній малороссійскаго поэтическаго генія и никоимъ образомъ не должны быть отъ нихъ отдѣляемы. Мы всѣ, не разбирая того, велики или малы наши литературныя способности, такъ точно ведемъ свое происхожденіе отъ своихъ рапсодистовъ, какъ греческіе писатели образованнаго вѣка вели его отъ Гомера, и какъ самъ Гомеръ—отъ предшествовавшихъ ему очевидцевъ дѣяній старой Греціи... Мы и народъ—одно и то же, по нравственному развитію малороссійскаго населенія; но только онъ, съ его изустною поэзіею, представляетъ, въ духовной жизни, первый періодъ образованія, а мы—начало новаго, высшаго періода. Въ его пѣсняхъ не было и не могло быть отличающихъ насъ отъ него элементовъ, тогда какъ наша (поэзія) построена прямо на началахъ его изустной словесности (понимая это слово въ его обширномъ смыслѣ) и, идя къ развитію по законамъ общечеловѣческаго развитія, приняла въ себя новыя начала жизни. Мы, слѣдовательно, только многостороннѣе своихъ предшественниковъ, украинскихъ бардовъ, но они не лишили насъ наслѣдства по себѣ ни въ какомъ отношеніи. Какимъ же, послѣ этого, образомъ современные намъ слѣпцы, не принадлежа къ развивающейся (преимущественно предъ прочими) части малороссійскаго населенія, а составляя

только его отребіе, могутъ творить новыя думы, въ уровень съ понятіями и требованіями идущихъ впередъ представителей своей національности"?.. [1]).

Мысли—въ общемъ справедливыя, хотя можно было бы сказать ихъ проще. Дѣло въ томъ, что народная поэзія вообще исчезаетъ, становится невозможной, когда жизнь становится болѣе сложной—не только съ распространеніемъ цивилизаціи, но съ укрѣпленіемъ государственнаго быта, когда народная масса, за дѣйствіемъ новаго механизма національной жизни, теряетъ возможность отождествляться съ нею (какъ бывало во времена болѣе патріархальныя) или даже слѣдить за ея явленіями: народъ можетъ слагать эпосъ лишь о томъ, въ чемъ онъ участвуетъ своей массой, что̀ по своей простотѣ не выходитъ изъ предѣловъ его пониманія, а сложная государственная жизнь, какъ и сложныя явленія цивилизаціи становятся недоступны этому пониманію.

Далѣе, авторъ столь же справедливо возстаетъ противъ превратнаго представленія цивилизаціи, какъ чего-то враждебнаго истинно народнымъ началамъ. „Цивилизація рѣзко раздѣлила наше общество на двѣ части, касательно образа жизни и всего, что̀ сюда относится, и „слѣпцы" остались за предѣлами нашего круга... Но она не въ силахъ была расторгнуть внутреннюю связь цивилизованнаго человѣка съ остатками прежняго общества, и потому народная поэзія возродилась въ новомъ малороссійскомъ мірѣ со всѣми признаками своего происхожденія отъ поэзіи стараго міра. Противъ цивилизаціи сильно возстаютъ любители старины, какъ противъ смертоноснаго начала въ народной жизни. Но это—только вопли, безъ которыхъ не совершается въ народѣ ни одинъ переворотъ. Истинно философскій умъ стоитъ выше сожалѣній о томъ, что старое исчезаетъ, уступая мѣсто новому, и успокоиваетъ себя убѣжденіемъ, что всякій переворотъ обнаруживаетъ движеніе жизни: а жизнь, двигаясь впередъ, непремѣнно создаетъ для себя новыя и новыя формы" [2]). Авторъ недоумѣвалъ, что̀ можетъ выдти изъ первыхъ безобразныхъ приложеній этой цивилизаціи въ малороссійскомъ обществѣ, отстававшемъ отъ народа и еще не разумѣвшемъ истинной цивилизаціи, но онъ не терялъ вѣры, что за этой сумятицей понятій скрывается все-таки путь къ дальнѣйшему прогрессу.—Какъ скажемъ дальше, въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ г. Кулишъ не разъ

---

[1]) Тамъ же, I, стр. 180—182.

[2]) Тамъ же, стр. 182—183.

возвращался къ изображенію разлада между этой полу-цивилизаціей и непосредственностью народнаго быта.

Авторъ „Записокъ“ дѣлаетъ не разъ вѣрныя замѣчанія и по частнымъ вопросамъ этнографіи, какъ напримѣръ о пріемахъ собиранія, объ упадкѣ пѣсенныхъ формъ, когда напр. забываемая дума переходитъ въ отрывочное преданіе, о причинахъ исчезновенія историческихъ пѣсенъ, о личныхъ типахъ пѣвцовъ и т. п.; но рядомъ съ этимъ въ его трудѣ были и крупные недостатки. Романтическое увлеченіе, къ сожалѣнію, не сопровождалось равномѣрнымъ научнымъ знаніемъ. Авторъ, всегда склонный къ самонадѣяннымъ рѣшеніямъ, между прочимъ и тамъ, гдѣ кромѣ личнаго вкуса требуются точные критическіе пріемы и знаніе фактовъ, слишкомъ легко рѣшалъ нѣкоторые вопросы, для опредѣленія которыхъ не имѣлъ достаточнаго основанія. Начать съ того, что общій пріемъ этнографическаго описанія, которому онъ слѣдуетъ въ своей книгѣ, при указанныхъ выше достоинствахъ, имѣетъ и свои скользкія стороны. Описаніе типовъ и нравовъ можетъ достигать этнографической цѣли лишь въ томъ случаѣ, когда это дѣйствительные типы и дѣйствительно обще-народные, а не случайные нравы, иначе описаніе рискуетъ стать только сборомъ анекдотическихъ частностей, не имѣющихъ общаго значенія. Были ли напр. такими вполнѣ типическими лицами тѣ нищіе кобзари, старики и старухи, которыхъ выводитъ г. Кулишъ какъ представителей народнаго преданія? Не нуженъ ли былъ еще рядъ нѣсколькихъ или многихъ другихъ лицъ того же рода для того, чтобы изъ ихъ сложности выяснилось дѣйствительно типическое, народное явленіе? Конечно, да. Спасибо, разумѣется, и на томъ, что̀ далъ г. Кулишъ, но для общихъ заключеній тѣхъ данныхъ было еще мало. Точно также ихъ было мало, напр., для той параллели между сѣверными и южными русскими сказками [1], какую г. Кулишъ выставляетъ весьма категорически и которая однако вовсе не была доказана, и едва ли можетъ быть доказана. Стариковскіе разсказы о видѣніяхъ на томъ свѣтѣ (I, стр. 303—304) любопытны какъ отраженіе народныхъ суевѣрныхъ представленій, но къ нимъ прибавилась не малая примѣсь чисто произвольныхъ фантазій. Далѣе, какъ г. Кулишъ ни считалъ себя авторитетнымъ знатокомъ малорусской поэтической старины, ему случилось впасть въ грубую ошибку, когда онъ принялъ за подлинный остатокъ древняго преданія нескладную поддѣлку, которую пустилъ въ ходъ нѣкто Шишацкій-Иличъ, тогдашній постав-

[1]) Тамъ же, II, стр. 12—13.

щикъ самодѣльныхъ пѣсенъ, выдаваемыхъ за народныя. Авторъ „Записокъ" помѣстилъ въ своей книгѣ „Думу-сказаніе о морскомъ походѣ старшаго князя-язычника въ христіанскую землю" (I, стр. 171—179). Невозможность ея бросается въ глаза и тогда же была указана въ разборахъ книги г. Кулиша и, сколько помнимъ, авторъ „Записокъ" не протестовалъ противъ признанія этой думы подложною [1]).

Далѣе, въ „Запискахъ" разсѣяно нѣсколько историческихъ замѣчаній о козацкихъ войнахъ XVI—XVII вѣка и тѣхъ причинахъ, какія въ то время вызвали ожесточеніе между поляками и малороссіянами. Желая быть безпристрастнымъ, авторъ помѣстилъ въ своей книгѣ статью польскаго историка Михаила Грабовскаго, объяснявшую эти отношенія съ польской точки зрѣнія, а именно, что это ожесточеніе было, собственно говоря, преувеличено со стороны малороссіянъ и вовсе не вытекало изъ владѣльческаго права; что причины его заключаются не въ польскомъ государствѣ и его учрежденіяхъ и дѣйствіяхъ; что со стороны польскаго правительства вовсе не было систематическаго угнетенія и, напротивъ, правительству и дворянству польскому Малороссія обязана своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ, а что причина раздраженія заключалась только въ нѣкоторыхъ личныхъ несправедливостяхъ, которыя были раздуты малороссіянами. Грабовскій не отвергалъ этихъ частныхъ несправедливостей, но выходило такъ, какъ будто сами малороссіяне остались виноваты въ ужасахъ козацкихъ войнъ, окончившихся присоединеніемъ Малороссіи къ Москвѣ. Г. Кулишъ не отвергалъ аргументаціи Грабовскаго, соглашался, что польское правительство и паны „довели Малороссію до цвѣтущаго состоянія, поощряя сельское хозяйство, ремесла и промыслы", но прибавлялъ, что въ самомъ малороссійскомъ народѣ, именно въ средѣ козачества, развивалось такое же понятіе о благородствѣ, какимъ гордилась польская шляхта, и что непризнаніе этого понятія съ польской стороны именно послужило причиною ожесточенной борьбы. „Нося оружіе и служа отечеству наравнѣ со шляхтою,—говоритъ г. Кулишъ,—козаки создали себѣ тѣмъ же путемъ, что и она, понятіе о своемъ благородствѣ, и потому оскорблялись до глубины души надменностью старой, или польской шляхты; а будучи двигателями народныхъ возстаній, они и самому народу украинскому дали почувствовать всю нелѣпость шляхетскаго права, которое уполномочиваетъ одно

[1]) См. вообще разборы „Записокъ" въ „Современникѣ" 1857, кн. 1, 5; ст. Костомарова въ „Отеч. Зап." 1857, № 6, 9; Максимовича, въ „Р. Бесѣдѣ" 1857, кн. IV (Сочиненія, I, стр. 248 и д.), и проч.

сословіе глумиться надъ другимъ безнаказанно. Вотъ откуда, по моему, родилась страшная международная ненависть въ Рѣчи Посполитой; и въ этомъ смыслѣ Малороссія и Польша представляютъ едва ли не единственный примѣръ войны изъ-за оскорбленнаго чувства человѣческаго достоинства (?), къ которому примѣшались другія (?) оскорбленія и обиды, уже въ качествѣ прочихъ матеріаловъ, бросаемыхъ въ готовое пламя" [1]).

Другіе малорусскіе историки, какъ Максимовичъ и самъ Костомаровъ, высоко ставившій книгу г. Кулиша, не остались довольны объясненіями г. Кулиша. Дѣйствительно, были гораздо болѣе обширныя и давно извѣстныя причины раздора, кончившагося полнымъ отдѣленіемъ Малороссіи, а затѣмъ и паденіемъ Польши: кромѣ вопроса соціальнаго,—приведеннаго у г. Кулиша въ странныя рамки вопроса о „шляхетствѣ",—здѣсь несомнѣнно участвовалъ раздоръ между-племенной и религіозный. Хотѣлъ ли авторъ „Записокъ" быть оригинальнымъ, или дѣйствительно въ извѣстной степени убѣждался объясненіями польскихъ историковъ, но повидимому здѣсь былъ уже зародышъ тѣхъ мнѣній, съ какими онъ выступилъ потомъ въ „Исторіи возсоединенія",—гдѣ Польша оказывалась уже только благодѣтельницей Украйны, а козаки только дикими и тупыми бунтовщиками... Костомаровъ въ своемъ разборѣ „Записокъ" остановился на объясненіи козацкихъ войнъ „оскорбленнымъ чувствомъ человѣческаго достоинства": повидимому, авторъ „Записокъ" понималъ это чувство въ его наиболѣе возвышенномъ смыслѣ (такъ какъ считалъ это явленіе едва не беапримѣрнымъ въ исторіи),—но въ такомъ случаѣ столь возвышенное пониманіе должно бы отразиться потомъ на собственныхъ политическихъ учрежденіяхъ Малороссіи по ея освобожденіи отъ польскаго владычества. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, освободившаяся Малороссія установляетъ у себя тѣ же польскіе бытовые порядки... Максимовичъ указывалъ категорически, что какіе бы ни были частные поводы возстаній, была одна главная, господствующая причина: то, что полякамъ казалось „войсковымъ бунтомъ", для православно-русской стороны было—„крестовыми походами". „Обида православія была главною, самою чувствительною, горшею обидою для всего южно-русскаго народа, при которой всѣ остальныя обиды были уже второстепенными, и безъ которой всякая изъ остальныхъ обидъ, какъ бы ни велика была, была бы сноснѣе.

[1] Тамъ же, II, стр. 325.

То была душа всего; то былъ nervus rerum gerendarum" [1]). Другой критикъ замѣчалъ, что „оскорбленное чувство человѣческаго достоинства" вовсе не составляетъ рѣдкости въ исторіи,—потому что оно участвовало во всѣхъ возстаніяхъ угнетенныхъ противъ угнетателей.

Общій выводъ Костомарова о книгѣ былъ самый сочувственный. Высказывая желаніе видѣть продолженіе „Записокъ" г. Кулиша, Костомаровъ говорилъ: „съ его основательнымъ знаніемъ исторіи, этнографіи и языка южнорусскаго края, съ его неутомимымъ трудолюбіемъ и добросовѣстною любовью къ Украинѣ, наконецъ съ его талантомъ, показаннымъ въ собственныхъ его произведеніяхъ, г. Кулишъ въ настоящее время—единственный писатель, на котораго можно полагать надежду въ дѣлѣ развитія малороссійскаго слова и выраженія малороссійскаго элемента въ русской литературѣ".

„Записки о Южной Руси" были главнымъ трудомъ г. Кулиша въ области чистой этнографіи. Раньше онъ сообщилъ нѣсколько пѣсенъ въ сборникъ Метлинскаго, небольшое собраніе пѣсенъ помѣстилъ въ „Запискахъ" и проч., но затѣмъ, кромѣ разныхъ эпизодическихъ замѣтокъ по предметамъ народнаго быта и поэзіи, этнографическій интересъ сказывается въ другой сторонѣ его литературной дѣятельности—въ беллетристикѣ и критикѣ.

На повѣстяхъ г. Кулиша изъ малорусскаго быта намъ нѣтъ надобности останавливаться [2]). Болѣе или менѣе постоянная тэма ихъ есть противопоставленіе людей, затронутыхъ „цивилизаціей", съ тѣми простыми людьми, которые живутъ чистыми преданьями истинно народныхъ нравовъ: насколько первые испорчены мнимой цивилизаціей, при данномъ порядкѣ вещей, и служатъ образчиками распущенности, себялюбія, грубой алчности и всякой моральной заразы, настолько вторые хранятъ задатки нравственной чистоты и достоинства. Эту чистоту народнаго содержанія понимаютъ только истинно образованные люди, какъ герой одной повѣсти г. Кулиша („Майоръ", въ „Р. Вѣстникѣ, 1859), названный Сагайдачнымъ. „Простой народъ нашъ, — думаетъ этотъ Сагайдачный,—есть единственное самостоятельное у насъ общество. Только въ этомъ обществѣ, при всей его неразвитости, живутъ еще коренные наши нравы, не перемѣшанные ни съ чѣмъ чуждымъ, несвойственнымъ нашей славянской природѣ. Намъ

---

[1]) Сочиненія, I, стр. 272—273.

[2]) Обзоръ ихъ сдѣланъ въ „Очеркахъ" г. Петрова (Кіевъ, 1884), стр. 270—279.

слѣдуетъ жить съ простолюдинами, слѣдуетъ съ ними родниться. Въ простолюдинѣ скорѣе найдешь вѣрнаго, искренняго и живого человѣка, чѣмъ въ высшемъ кругу. У простолюдина есть еще дружба, есть любовь, которой не поколеблютъ никакіе разсчеты и отношенія". Въ народѣ заключены животворныя начала, которыя должны освѣтить нашу жизнь; съ нимъ надо сблизиться даже по внѣшности и одеждѣ. Герой повѣсти, благородный, просвѣщенный человѣкъ, женится на крестьянской дѣвушкѣ—въ образчикъ этого сближенія. „Сагайдачный—не исключительное явленіе,—замѣчаетъ авторъ.—Уже истосковались многія сердца отъ засухи въ области чувства женской любви, отъ узости женской души въ извѣстной сферѣ жизни, отъ искусственности ея движеній, за которою уже не видать движеній чисто природныхъ. Уже славянское, еще свѣжее, просвѣщенное общество нашло свой órганъ съ этой стороны въ первенствующемъ нынѣ польскомъ поэтѣ, который высказалъ недавно мысль о томъ, откуда современный человѣкъ чаетъ для своего сердца движенія воды живыя"... Авторъ разумѣетъ стихи Мицкевича—такого содержанія: „Еслибъ я могъ еще дать кому мое сердце, я отдалъ бы его дѣвушкѣ изъ сельскаго дома; я сталъ бы по духу сыномъ, отцомъ своего народа... Трудъ—стоющій жизни, жизнь—стоющая труда".

Историкъ современной малорусской литературы, г. Петровъ, замѣчаетъ, что эта крайняя мысль о сближеніи съ народомъ была чисто книжная и притомъ заимствованная изъ чужой литературы... Мысль была дѣйствительно книжная, но была не чужда и нашимъ писателямъ, не знавшимъ совѣтовъ Мицкевича и руководившимся собственными соображеніями. Именно, эта мысль является подобнымъ образомъ у нашихъ новеллистовъ, живописавшихъ (въ пятидесятыхъ годахъ) народную жизнь: они изображали уже любовь просвѣщенныхъ баръ къ крестьянскимъ дѣвушкамъ, какъ средство отъ общественнаго недуга—вспомнимъ нѣкоторыя тогдашнія повѣсти. Ссылка на свѣжее и просвѣщенное славянское общество въ данномъ случаѣ не особенно убѣдительна: общество польское едва ли не больше всѣхъ славянскихъ отличалось и еще отличается крайне высокомѣрнымъ отношеніемъ къ жителямъ „сельскаго дома".

Очевидно, что отношеніе г. Кулиша къ народному быту и скрытымъ въ немъ живительнымъ началамъ не было простое, а порядочно искусственное, хотя, можетъ быть, въ ту минуту и искреннее. Его изображенія сельскаго быта сентиментальны, придуманы, и самыя средства исцѣленія общества этими народными

началами немного простодушны. Правда, что въ то время дѣйствительно бывали случаи въ родѣ того, какой описывается въ повѣсти г. Кулиша; бывали люди, которые женились на крестьянкахъ не только по личному чувству, но и по общественному принципу,—но эти случаи были слишкомъ рѣдки, чтобы оказать какое-нибудь вліяніе, тѣмъ больше, что результаты были пока въ будущемъ; впослѣдствіи случалось, что свѣжія особы изъ народа въ довольно непродолжительномъ времени такъ или иначе обдѣлывались въ новомъ кругу подъ общую мѣрку и не исполняли своего, такъ сказать, лекарственнаго назначенія.

Повѣсти г. Кулиша мало прибавили къ разъясненію отношеній образованнаго общества къ народу: „общество" рисуется у него больше въ каррикатурномъ видѣ, и читатель недостаточно видитъ источникъ этой каррикатурности въ общихъ условіяхъ жизни, какъ съ другой стороны остаются недоказанными идиллическія свойства самой простонародной жизни. Усвоеніе народной внѣшности и одежды было также средство испробованное и въ русскомъ обществѣ, но какъ извѣстно, не привело ни къ какимъ результатамъ, кромѣ забавныхъ или печальныхъ qui pro quo.

Другая область, гдѣ сказались еще этнографическія идеи г. Кулиша, была историко-этнографическая критика. Цѣлый рядъ его трудовъ этого рода появился въ журналѣ „Основа" (1861—1862), въ видѣ статей о старой украинской литературѣ и разборовъ новѣйшихъ писателей. Для образчика мы остановимся только на его разборѣ малороссійскихъ повѣстей Гоголя. Этотъ разборъ характеренъ въ различныхъ отношеніяхъ, и какъ примѣръ сужденій г. Кулиша о великомъ русскомъ писателѣ (вышедшемъ именно изъ малорусской среды), сужденій, еще недавно самыхъ восторженныхъ, а теперь крайне строгихъ, почти презрительныхъ, и какъ примѣръ того высокаго мнѣнія, какое г. Кулишъ уже возъимѣлъ о себѣ, какъ историкъ и этнографъ.

Не задолго передъ тѣмъ г. Кулишъ издалъ біографію Гоголя и собраніе его сочиненій. По смерти Гоголя г. Кулишъ (лично, впрочемъ, никогда не знавшій этого писателя) предпринялъ составить его біографію, собралъ для нея много любопытнаго матеріала, напр., разсказовъ о немъ, переписки и т. п. Въ результатѣ явились „Записки о жизни Гоголя", напечатанныя сначала въ „Современникѣ" 1854, подъ буквами Н. М. [1]), потомъ отдѣльной книгой, уже съ его именемъ, въ 1856, въ двухъ томахъ.

---

[1]) Въ царствованіе имп. Николая. г. Кулишу послѣ кіевской исторіи не было разрѣшено писать, и его имя не могло явиться въ печати.

Потому ли, что впечатлительный писатель увлекся въ теченіе работы тэмой своего жизнеописанія и вмѣстѣ съ тѣмъ поддался тому одушевленію, съ какимъ общество и литература говорили тогда о великомъ только-что потерянномъ писателѣ, или опять это было давнее и искреннее отношеніе автора къ Гоголю, но оба изданія „Записокъ о жизни Гоголя“ проникнуты величайшимъ къ нему почтеніемъ и сочувствіемъ; писатель былъ такъ идеализованъ, что для самыхъ ревностныхъ поклонниковъ Гоголя изображеніе, сдѣланное г. Кулишомъ, показалось натянуто ипреувеличено. Ни въ личномъ характерѣ, ни въ сочиненіяхъ Гоголя почти не оказывалось пятнышка. Впослѣдствіи самъ авторъ біографіи сознавался, что немного „пересвѣтлилъ“ свое изображеніе Гоголя... Въ то же самое время г. Кулишъ работалъ надъ изданіемъ сочиненій Гоголя (6 томовъ, Спб. 1857; два тома переписки), которое осталось до сихъ поръ лучшимъ изданіемъ и единственнымъ, гдѣ собрана переписка Гоголя. Этотъ трудъ надъ Гоголемъ составилъ (при всей указанной односторонности біографіи) одну изъ лучшихъ литературныхъ заслугъ г. Кулиша. Тѣмъ страннѣе—и тѣмъ печальнѣе для литературной репутаціи г. Кулиша —было увидѣть черезъ какіе-нибудь три, четыре года, съ какимъ усердіемъ, дѣйствительно достойнымъ лучшаго дѣла, г. Кулишъ принялся разрушать тотъ ореолъ, какимъ онъ самъ окружалъ Гоголя.

Г. Кулишъ былъ теперь въ новомъ настроеніи. Благопріятное впечатлѣніе, произведенное „Записками о южной Руси“, повидимому, увѣрило его, что онъ является самымъ компетентнымъ судьей въ вопросахъ малорусской этнографіи, самымъ лучшимъ ея знатокомъ. Эпоха изданія „Основы“, въ условіяхъ тогдашняго общественнаго одушевленія, повидимому, наполняла его мыслью, что наступалъ новый періодъ малорусской литературы и общественности, въ которомъ онъ призванъ быть, если не пророкомъ, то наставникомъ и руководителемъ. „Основа“ наполнилась множествомъ его работъ историческихъ, беллетристическихъ, критическихъ и, между прочимъ, рядомъ статей, гдѣ онъ хотѣлъ опредѣлить историческое значеніе прежнихъ писателей малорусской литературы или къ ней прикосновенныхъ. Передъ тѣмъ, въ 1858, онъ сдѣлалъ изданіе малорусскихъ повѣстей Квитки, къ которому прибавилъ введеніе, объяснявшее великія достоинства и значеніе этого писателя. Между прочимъ, надо было теперь опредѣлить и достоинство повѣстей Гоголя изъ малорусскаго быта съ ихъ стороны этнографической.

Рѣдко критика бывала столь сурова къ знаменитому писателю,

какъ критика г. Кулиша, еще такъ недавно превозносившая его до небесъ.

Начало этому дѣлу было положено, впрочемъ, еще раньше Въ 1857 въ „Русской Бесѣдѣ“ печатался историческій романъ г. Кулиша „Черная Рада“. Въ эпилогѣ, напечатанномъ при „Черной Радѣ“, авторъ романа (вышедшаго въ то же время на малорусскомъ языкѣ) нашелъ нужнымъ объяснить значеніе своего произведенія, а также появленіе его на малорусскомъ языкѣ. Оказывалось, что малороссійскій переводъ былъ нуженъ потому, что на русскомъ языкѣ невозможно выразить всѣхъ тонкихъ подробностей южно-русскаго быта и нельзя было сохранить южнорусскаго колорита. Эпилогъ поражалъ нѣкоторыми странностями. Въ началѣ его, авторъ съ негодованіемъ отвергалъ предположеніе, будто, издавая романъ на малорусскомъ языкѣ, онъ стремился къ созданію особой малорусской литературы: „вообразятъ, пожалуй,—говорилъ онъ,—что я пишу подъ вліяніемъ узкаго мѣстнаго патріотизма и что мною управляетъ желаніе образовать отдѣльную словесность въ ущербъ словесности общерусской“. (Критики успокоивали его потомъ: „Кому же изъ читателей можетъ вообразиться такая блажь? Тѣмъ менѣе могло это вообразиться, что г. Кулишъ и для словесности общерусской перевелъ или вновь написалъ свой романъ на языкѣ русскомъ, и тѣмъ достаточно вознаградилъ себя за жертву, принесенную имъ словесности малороссійской“). Но авторъ вынужденъ былъ необходимостью обратиться къ помощи малорусскаго языка: „Волею и неволею, я долженъ былъ оставить общій литературный путь и сдѣлать поворотъ на дорогу, едва проложенную, и для такого произведенія, какъ историческій романъ, представляющую множество ужасающихъ трудностей. Я былъ приведенъ къ ней томительнымъ чувствомъ художника и человѣка, напрасно борящагося съ невозможностію выразить свои задушевныя рѣчи“. По словамъ автора, этотъ поворотъ стоилъ ему великихъ усилій и пожертвованій: ему надо было отказаться отъ удовольствія быть прочитаннымъ уважаемыми имъ великорусскими писателями; надо было выдержать порицаніе людей, „которые все то считаютъ пустяками, чего не знаютъ“; но онъ, не смотря на то, исполнилъ свою задачу. „Я долго изучалъ южно-русскій языкъ въ письменныхъ памятникахъ старины, въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ и въ повседневныхъ сношеніяхъ съ людьми, не знающими другого языка, и раскрывшіяся передо мною его красоты, его гармонія, сила, богатство и разнообразіе дали мнѣ возможность исполнить задачу, которой до сихъ поръ не смѣлъ задать себѣ ни одинъ малорос-

сіянинъ, именно—написать на родномъ языкѣ историческій романъ, во всей строгости формъ, свойственныхъ этого рода произведеніямъ". (Критика не хотѣла касаться этой авторской исповѣди и замѣчала: „чтó одному и кажется, и дается—легко, то другому и представляется, и достается, какъ ужасающая трудность"). Но постигая трудности задуманнаго имъ дѣла, г. Кулишъ убѣдился, въ тоже время, въ великихъ недостаткахъ малорусскихъ повѣстей Гоголя. Нѣкогда [1]) онъ восхищался „Тарасомъ Бульбой", какъ и всѣми вообще малорусскими повѣстями Гоголя; теперь оказывалось, что эти повѣсти, не исключая и знаменитаго романа, преисполнены величайшими недостатками. „Судя строго,—говорилъ г. Кулишъ въ своемъ Эпилогѣ, — малороссійскія повѣсти Гоголя мало заключаютъ этнографической и исторической истины... Гоголь не въ состояніи былъ изслѣдовать родное племя. Онъ брался за исторію, за историческій романъ въ Вальтеръ-Скоттовскомъ вкусѣ и кончилъ все это „Тарасомъ Бульбою", въ которомъ обнаружилъ крайнюю недостаточность свѣденій о малороссійской старинѣ и необыкновенный даръ пророчества въ прошедшемъ". „Тарасъ Бульба" былъ произведеніе „эффектное, потѣшающее воображеніе, но мало объясняющее народную жизнь". Въ своемъ взглядѣ на малороссійскую словесность [2]) г. Кулишъ заявлялъ уже категорически, что Гоголь не зналъ демократической Малороссіи и изображалъ ее, какъ „баринъ", видящій одно смѣшное въ „мужикѣ". Въ противоположность этому легкомысленному отношенію Гоголя къ малорусской старинѣ и современному народному быту, являлся г. Кулишъ съ глубокимъ знаніемъ того и другого. „Я,—говорилъ онъ опять въ Эпилогѣ,—подчинилъ всего себя былому, и потому сочиненіе мое (т.-е. „Черная Рада") вышло не романомъ, а хроникою въ драматическомъ изложеніи. Не забаву празднаго воображенія—имѣлъ я въ виду, обдумывая свое сочиненіе. Кромѣ всего того, чтó читатель увидитъ въ немъ безъ объясненія, я желалъ выставить во всей выразительности олицетворенной исторіи причины политическаго ничтожества Малороссіи, и каждому колеблющемуся уму доказать, не диссертаціей, а художественнымъ воспроизведеніемъ забытой и искаженной въ нашихъ понятіяхъ старины, нравственную необходимость слиянія въ одно государство южнаго русскаго племени съ сѣвернымъ".

---

[1]) А именно, не дальше какъ за годъ передъ тѣмъ, или еще меньше („Зап. о жизни Гоголя"—1856).

[2]) Въ „Русскомъ Вѣстникѣ", 1857, № 24.

Критика не могла обойти этихъ самонадѣянныхъ осужденій Гоголя, надъ которымъ г. Кулишъ видимо ставилъ самого себя, и весьма категорическій отпоръ ему сдѣланъ былъ тогда же въ дѣльной и иногда тонкой статьѣ Максимовича. Это былъ именно критикъ авторитетный въ вопросѣ, касавшемся малорусской исторіи, литературы и этнографіи. Максимовичъ [1]) могъ судить о дѣлѣ, тѣмъ болѣе положительно, что самъ хорошо зналъ Гоголя и зналъ степень его свѣденій въ малорусской исторіи, пѣсняхъ, бытѣ и т. д. Онъ удостовѣрялъ г. Кулиша, что Гоголь очень достаточно зналъ исторію Малороссіи, языкъ, пѣсни, всю народную жизнь ея, и понималъ ихъ глубже и вѣрнѣе „многихъ нынѣшнихъ писателей малороссійскихъ", но что свойство его поэтическаго генія было таково, что дѣйствительную жизнь онъ пересоздавалъ и переображалъ въ новое битіе, художественно образцовое. Максимовичъ успокоивалъ г. Кулиша и въ другомъ отношеніи. По словамъ послѣдняго выходило такъ, что правильное уразумѣніе малорусской исторіи начинается только съ его собственныхъ трудовъ въ этой области; во время Гоголя „не было возможности знать Малороссію больше, нежели онъ зналъ. Мало того: не возникло даже и задачи изучить ее съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ мы, преемники Гоголя въ самопознаніи, стремимся уяснить себѣ ея прошедшую и настоящую жизнь". Максимовичъ сосчитываетъ литературу по исторіи Малороссіи и выясняетъ, что открытія г. Кулиша въ этой области играютъ весьма скромную роль въ движеніи малорусской исторіографіи. Что касается до романа самого г. Кулиша, то Максимовичъ и здѣсь былъ не совсѣмъ удовлетворенъ: онъ зналъ, что романистъ не обязанъ такой строгой покорностію передъ фактами, какъ историкъ, но если г. Кулишъ, въ противоположность Гоголю, „всего себя подчинялъ былому" и самое произведеніе свое предпочелъ назвать хроникою, то отъ него требовалось и больше уваженія къ историческимъ фактамъ,—между тѣмъ, въ романѣ оказывалось достаточно историческихъ ошибокъ.

Мы не имѣли бы надобности останавливаться на этой полемикѣ, еслибы не шелъ вопросъ о такомъ крупномъ явленіи, какъ дѣятельность Гоголя, и еслибы г. Кулишъ не присвоивалъ себѣ самъ и не считали за нимъ другіе [2]) роли особеннаго знатока всего малорусскаго.

---

[1]) Объ историческомъ романѣ г. Кулиша, „Черная Рада", въ „Русской Бесѣдѣ", 1858, и въ Собраніи сочиненій, т. I, стр. 515—531.

[2]) См. приведенный выше отзывъ Костомарова.

Главное нападеніе на Гоголя произведено было нѣсколько позднѣе по поводу „Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки". Отпоръ Максимовича въ вопросѣ о „Тарасѣ Бульбѣ" побудилъ г. Кулиша „взяться вновь за критическую работу надъ повѣстями Гоголя"—въ „Основѣ"; Максимовичъ счелъ себя обязаннымъ продолжать свою защиту Гоголя—въ „Днѣ" [1]). Эта полемика теперь довольно забыта и статьи Максимовича не повторены въ собраніи его сочиненій; потому не лишнее напомнить нѣсколько подробностей объ этомъ примѣненіи этнографіи къ критикѣ Гоголя.

Максимовичъ считалъ, что ему было бы несправедливо остаться безотвѣтнымъ на то, что сказалъ, и собирался сказать о Гоголѣ г. Кулишъ „съ свойственной ему чрезмѣрностью": „грустно видѣть, какъ неоглядно и самопроизвольно, въ послѣдніе годы, онъ судитъ и рядитъ о малороссійскихъ писателяхъ и всей малороссійской словесности, будучи въ то же время самымъ ревностнымъ поборникомъ этой словесности"...

Чтобы оцѣнить „чрезмѣрность" г. Кулиша, надо припомнить, въ какомъ тонѣ онъ говорилъ о повѣстяхъ Гоголя прежде. „Надобно быть жителемъ Малороссіи,—писалъ онъ въ біографіи,—или, лучше сказать, малороссійскихъ захолустій, лѣтъ тридцать назадъ, чтобы постигнуть, до какой степени общій тонъ этихъ картинъ вѣренъ дѣйствительности. Читая эти предисловія [2]), не только чуешь знакомый складъ рѣчей, слышишь родную интонацію разговоровъ, но видишь лица собесѣдниковъ и обоняешь напитанную запахомъ пироговъ со сметаною или благоуханіемъ сотовъ атмосферу, въ которой жили эти прототипы Гоголевой фантазіи".—Теперь настроеніе и отзывы критика совсѣмъ перемѣнились. Онъ совсѣмъ не узнаётъ въ повѣстяхъ Гоголя этой малорусской жизни; тотъ юморъ знаменитыхъ повѣстей, который такъ захватывалъ русскихъ и малорусскихъ читателей Гоголя, раздражаетъ критика, кажется ему каррикатурой и простымъ незнаніемъ малорусской жизни, которыя могутъ восхищать развѣ только „столичныхъ типографскихъ наборщиковъ" [3]). Максимовичъ замѣчаетъ: „Я и на старости люблю по прежнему, какъ украинскую весну, веселость первыхъ повѣстей Гоголя, которыми онъ заставилъ смѣяться весь читающій русскій міръ, отъ типографскихъ наборщиковъ до Крылова и Пушкина и до комическаго актера Щеп-

[1]) 1861, № 3, 5, 7, 9; 1862, № 13.

[2]) Къ „Вечерамъ на хуторѣ близь Диканьки".

[3]) Критикъ разумѣетъ извѣстный анекдотъ, разсказанный Пушкинымъ и приводившій его въ восхищеніе, какъ наборщики помирали со смѣху, набирая повѣсти Гоголя.

кина, такъ близко знавшаго тогдашнюю жизнь Украины, простонародной и панской. Смѣхъ, возбужденный 20-лѣтнимъ Гоголемъ, былъ всеобщій, независимый отъ знанія или незнанія Украины читателями, не проходящій и до нынѣ. Ибо и теперь многіе земляки мои, знающіе Украину съ этнографической стороны не менѣе г. Кулиша, не могутъ читать повѣстей Гоголя безъ смѣха, безъ слезъ и безъ восторга".

Г. Кулишъ утверждалъ, съ одной стороны, что Гоголь и въ свое время не зналъ малорусской жизни, напр., неправильно описывалъ народные обычаи, какъ баринъ не понималъ народнаго духа и характера, представляя себѣ мужика только смѣшнымъ; съ другой стороны, что съ тѣхъ поръ народилось новое, болѣе глубокое знаніе Малороссіи и ея народа,—знаніе, при которомъ взглядъ Гоголя способенъ возбуждать настоящее негодованіе. Подразумѣвалось или даже говорилось ясно, что это новое знаніе создали новые малорусскіе писатели, „преемники Гоголя въ самопознаніи".

Тотъ Гоголь, который, по вчерашнему мнѣнію г. Кулиша, такъ удивительно воспроизводилъ малороссійскую жизнь, теперь оказывался въ ней грубо невѣжественнымъ. „Гоголю, въ его повѣстяхъ изъ простонароднаго быта, повредило именно незнаніе простонародной Украины, именно то, что онъ не понималъ, какъ смотритъ самъ на себя народъ, и разумѣлъ народъ по-барски. Онъ не подозрѣвалъ, что простолюдины, въ своей отчужденной жизни, сохранили въ своихъ нравахъ, обычаяхъ, преданіяхъ и чувствахъ, тѣ первообразы національнаго характера, которыхъ напрасно онъ искалъ въ фамильныхъ дворянскихъ воспоминаніяхъ и даже въ самыхъ пѣсняхъ народныхъ, разсматриваемыхъ съ литературной и научной точки зрѣнія, безъ пособія народовѣдѣнія". Въ другомъ мѣстѣ: „Еслибы Гоголь, при своемъ истинно-творческомъ дарѣ, читалъ народныя пѣсни, какъ знатокъ простонародной Украины, онѣ однѣ навели бы его перо совсѣмъ на иную сторону, и тогда бы сіяющія жизнью, хоть и слишкомъ яркія картины природы въ „Сорочинской Ярмаркѣ", сочетавшись съ вѣрною живописью нравовъ, сразу поставили бы его высоко въ глазахъ истиннаго цѣнителя искусства въ избранномъ имъ родѣ". Или въ другомъ мѣстѣ: „Если и теперь еще чувствуется недостатокъ въ пособіяхъ для народоизученія, то что же сказать объ эпохѣ тридцать лѣтъ назадъ? Что могли доставить тогдашнія книги Гоголю, желавшему знать Украйну, но не узнавшему ее въ такой степени, чтобы своими повѣстями не профанировать своего народа и собственнаго великаго таланта?" Или еще: „Что мудренаго, если люди,

содержащіе въ умѣ въ тысячу разъ больше противъ него памятниковъ народной поэзіи, люди, озаренные такими писателями, какъ Квитка и Шевченко, и при всемъ томъ взросшіе среди своего народа, находятъ многія концепціи украинскихъ повѣстей Гоголя натянутыми, насильственными, и грустно качаютъ головою надъ тѣмъ, что прежде ихъ смѣшило". Въ концѣ концовъ Гоголь оказывался, какъ повѣствователь о малорусскомъ бытѣ, гораздо ниже Квитки, а Квитка и Шевченко, по мнѣнію г. Кулиша, „были великими духами, которые уже давно вселились въ насъ и ведутъ насъ назнаменованною отъ самого Бога (!) дорогою". Квитка и Шевченко приравнивались ни много, ни мало какъ къ Вальтеръ-Скотту и—Шекспиру.

Максимовичъ на всѣ эти приговоры отвѣчалъ напоминаніемъ дѣйствительныхъ фактовъ и настоящихъ размѣровъ литературныхъ явленій, которыя такъ перепутались въ критикѣ г. Кулиша. Не было, конечно, надобности много спорить относительно сопоставленія Квитки съ Шекспиромъ (или Шекспира съ Квиткой?), но относильно народовѣдѣнія, будто бы сдѣлавшаго такіе громадные успѣхи со времени Гоголя, Максимовичъ отвѣчаетъ фактами. „Такіе люди, которые содержали въ умѣ своемъ народныхъ пѣсенъ, сказокъ ли, или пословицъ, въ тысячу разъ больше Гоголя—не люди, а небылицы въ лицахъ. Еслибы всѣхъ украинскихъ пѣвцовъ прошедшаго и нынѣшняго столѣтія сложить въ одного человѣка, и тотъ не зналъ бы даже во сто разъ больше Гоголя народныхъ украинскихъ пѣсенъ. Какъ бывшій собиратель ихъ съ 1827 года, я обращаюсь ко всѣмъ другимъ собирателямъ: слышалъ ли, записалъ ли кто-нибудь изъ нихъ 25 тысячъ украинскихъ пѣсенъ? Да еслибы и собралъ кто такое богатство—оно было бы только вдесятеро больше того, какое было подъ рукою Гоголя въ 1834 году передъ сочиненіемъ Тараса Бульбы".

Максимовичъ слѣдилъ шагъ за шагомъ обвиненія г. Кулиша противъ Гоголя въ подробномъ разборѣ „Сорочинской Ярмарки" и находитъ, что всѣ эти обвиненія, напр. относительно характера малороссійскихъ вечерницъ, относительно смѣшныхъ прозваній героевъ гоголевской повѣсти, относительно времени и мѣста сватовства Грицька, наконецъ, свадьбы, лишены основанія, что Гоголь нигдѣ не ошибся противъ народнаго обычая, зналъ хорошо подробности нравовъ и обнаруживаетъ это знаніе часто до самыхъ мелкихъ частностей. Свои объясненія Максимовичъ даетъ, конечно, съ доказательствами въ рукахъ, съ цитатами изъ пѣсенъ и т. п. Гоголь, по мнѣнію г. Кулиша, вообще относится къ малороссійской жизни очень грубо, не понимаетъ ея задушевнаго тона,

скромныхъ нравовъ и т. п.: такъ, напримѣръ, Гоголь далъ своимъ героямъ такія прозванія, которыя малороссійскому крестьянину „стыдно произнести въ своемъ обществѣ". Максимовичъ доказываетъ, что щепетильность малороссійскаго крестьянина въ своемъ обществѣ вовсе не такъ велика, что и нравы, и пѣсни допускаютъ большую простоту и нецеремонность выраженій, при которой слова, употребленныя Гоголемъ, не представляютъ ничего необыкновеннаго. Онъ доказываетъ также, что нѣкоторыя подробности разсказа, гдѣ строгій критикъ видитъ нарушеніе обычая, и у самого Гоголя изображены именно въ условіяхъ исключительныхъ и опять не представляютъ ничего невозможнаго и невѣроятнаго. Словомъ, суровый приговоръ оказывался совершенно несправедливымъ, и Максимовичъ былъ, конечно, судья, у котораго нельзя было отрицать компетентности.

Приведемъ еще одну подробность этой полемики. Въ концѣ концовъ г. Кулишъ торжественно отрицался отъ Гоголевыхъ украинцевъ и провозглашалъ это отрицаніе, по замѣчанію Максимовича, на подобіе старинныхъ универсаловъ: „Мы, всѣ тѣ, кто въ настоящее время имѣетъ драгоцѣнное право называть себя украинцемъ, объявляемъ всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что разобранные и упомянутые мною типы Гоголевыхъ повѣстей—не наши народные типы, что хотя въ нихъ кое-что и взято съ натуры и угадано великимъ талантомъ, но въ главнѣйшихъ своихъ чертахъ они чувствуютъ, судятъ и дѣйствуютъ не по-украински, и что поэтому, при всемъ уваженіи нашемъ къ таланту Гоголя, мы признать ихъ земляками не можемъ". Когда вопросъ былъ поставленъ критикомъ на точку зрѣнія такой племенной мелочности, Максимовичъ отвѣчалъ въ томъ же тонѣ и отвергъ украинство самого г. Кулиша: „такое универсальное отреченіе и объявленіе отъ лица всѣхъ украинцевъ,—говорилъ онъ,—должно показаться для нихъ очень страннымъ—уже и потому, что г. Кулишъ—не настоящій украинецъ, а сѣверянинъ, изъ того конца Малороссіи, жители которой издавна зовутся на Украинѣ, хотя неправильно, литвинами, литвою".

Въ чемъ же была подкладка этихъ нападеній на малороссійскія повѣсти Гоголя? Оставляя въ сторонѣ личные вкусы и капризы, которые, очевидно, играли здѣсь свою роль, новѣйшія требованія критика исходили также изъ его теперешняго представленія о бытовомъ характерѣ малороссійскаго народа. Это представленіе сказывалось въ немъ и раньше, напр., въ „Запискахъ о южной Руси", но теперь развилось до послѣдняго предѣла: малороссійскій народъ казался ему образцомъ нравствен-

наго достоинства, идиллической патріархальности, чистоты нравовъ и т. п. Наилучшимъ выраженіемъ этихъ свойствъ малорусскаго характера казались ему сантиментальныя повѣсти Квитки, котораго онъ недавно передъ тѣмъ издавалъ и превознесъ до сравненія съ Шекспиромъ. Это была крайняя идеализація малорусскаго народа въ сантиментальномъ родѣ, натянутая до потери всякаго чувства дѣйствительности, и опять—тотъ произвольный романтизмъ, о которомъ мы говорили въ началѣ. Степень его научнаго значенія понятна.

Но обѣ стороны забыли въ этомъ спорѣ объ одномъ. Если всѣ признаютъ, что историческій романистъ или драматургъ не обязаны къ мелочному соблюденію историческихъ фактовъ, и если дается извѣстная льгота ихъ собственной фантазіи, то подобное право очевидно принадлежитъ и повѣствователю изъ народнаго быта: довольно, если его картина въ цѣломъ схватываетъ характеръ народнаго быта или извѣстную его сторону, но затѣмъ онъ есть все-таки поэтъ, а не этнографъ.

Въ своихъ дальнѣйшихъ трудахъ г. Кулишъ давалъ еще нѣсколько разъ образчики подобнаго историческаго и этнографическаго произвола: онъ еще нѣсколько разъ свергалъ тѣхъ идоловъ, которымъ наканунѣ поклонялся, не исключая и тѣхъ, съ которыми связана была его собственная личная жизнь и совмѣстная дѣятельность „на пользу украинскаго народа“. Такъ въ „Исторіи возсоединенія“ онъ, въ новомъ потокѣ своихъ измышленій, съ презрѣніемъ говорилъ о Шевченкѣ („пьяная муза“), для котораго не находилъ прежде достаточныхъ словъ восторга, а потомъ, въ „Хуторной поэзіи“, снова воздвигалъ ему алтарь и окружалъ восхваленіями... Мы не будемъ останавливаться на этихъ послѣднихъ произведеніяхъ г. Кулиша, такъ какъ они мало относятся къ нашему частному вопросу и притомъ были достаточно разъяснены другими [1]).

VII.—Журналъ „Основа“, 1861—1862.

Противники малорусскаго литературнаго движенія считаютъ обыкновенно журналъ „Основу“ первымъ заявленіемъ ненавистнаго имъ украинофильства и ведутъ съ него хронологію разныхъ превратныхъ литературныхъ и общественныхъ идей, которыя ставятся

[1]) См. названныя выше статьи Костомарова, брошюру Мордовцова; укажемъ еще ст. газеты „Трудъ“, 1882, № 48; „Кiев. Старину“, 1882, II, стр. 509—519; Atenеum, 1885, Lipiec: Zarysy ruchu literackiego Rusinów, стр. 96—98, и др.

въ укоръ и преступленіе этому направленію. Въ дѣйствительности „Основа“ не имѣла такого значенія: само изданіе было только однимъ изъ проявленій тогдашняго общественнаго настроенія и далеко не всегда совпадало съ другими проявленіями мѣстнаго малорусскаго патріотизма въ то время и послѣ. Основаніе журнала затѣвалось и обдумывалось въ тѣ годы, когда въ русскомъ обществѣ еще продолжалось возбужденіе, отличавшее первые годы прошлаго царствованія. Послѣ извѣстныхъ впечатлѣній славной, но неудачной войны, послѣ амнистій, при вѣстяхъ о готовившихся широкихъ преобразованіяхъ, въ обществѣ началось невиданное прежде оживленіе: стали горячо, довѣрчиво—и часто очень наивно—высказываться радужныя надежды или иныя давнишнія мечты; съ возвратившимися дѣятелями прежняго времени обновлялись преданія, въ новыхъ условіяхъ времени. Вопросъ о преобразованіяхъ, поднятый въ средѣ самого правительства, самъ собою расширялъ и участіе въ немъ общественнаго мнѣнія: требовалось изученіе тѣхъ или другихъ сторонъ жизни, нуждавшихся въ исправленіи; нужно было знакомство съ результатами европейской науки, съ опытами европейскихъ учрежденій, которые (какъ, напримѣръ, въ реформѣ судебной или учебной) могли бы съ тѣми или другими видоизмѣненіями служить на пользу русской жизни. Въ то же время необходимо было болѣе внимательное и болѣе чѣмъ когда-нибудь откровенное изученіе самой русской жизни, ея условій, особенностей, старыхъ преданій и новыхъ требованій. Извѣстно, какъ съ этой поры стала особенно выростать давно созрѣвавшая литература о народѣ, и естественно было, что среди новыхъ народныхъ изученій должны были сказаться и тѣ влеченія мѣстнаго малорусскаго патріотизма, которыя давно уже выразились основаніемъ небольшой литературы на малорусскомъ языкѣ и усердными этнографическими изученіями южной Руси. „Основа“, конечно, не выдумала ни того, ни другого. Элементы ея дѣятельности были готовы давнымъ давно. Цѣлый рядъ писателей съ конца прошлаго столѣтія съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ вводили въ книгу малорусскій языкъ и находили себѣ не малочисленную и ревностную публику; въ ихъ числѣ бывали писатели съ несомнѣнными талантами, и съ большой популярностью, какъ Котляревскій, Артемовскій, Основьяненко и др.; издавна затѣвались спеціальные сборники и небольшіе журналы, посвященные Малороссіи, какъ „Украинскій Вѣстникъ“, „Альманахъ“, „Молодикъ“ и т. п.; Шевченко еще до своей ссылки пріобрѣлъ большую извѣстность и любовь между малорусскими читателями. Объ изученіяхъ этнографическихъ мы говорили: собиратели малорус-

скихъ пѣсень были почти безъ исключенія энтузіастами своего дѣла, какъ Цертелевъ, Максимовичъ, Срезневскій, Костомаровъ, Лукашевичъ, Метлинскій, Кулишъ; ихъ собранія представили множество народно-поэтическихъ произведеній необычайной красоты, которыя увлекали первостепенныхъ писателей нашей литературы, приводили въ восторгъ Пушкина и несомнѣнно вдохновляли Гоголя. Такимъ образомъ „Основа" въ своемъ началѣ имѣла передъ собой готовыя народно-литературныя стремленія, и въ предметахъ этнографіи, и въ беллетристикѣ на народномъ языкѣ; нужно было только дать новый книжный органъ для этихъ стремленій въ ту пору, когда въ цѣломъ русскомъ обществѣ произошло упомянутое возбужденіе общественнаго мнѣнія и явилась усиленная потребность высказаться. Новый журналъ основанъ былъ людьми того самаго кіевскаго кружка, которому въ концѣ 40-хъ годовъ давали названіе Кирилло-Меѳодіевскаго. Кружокъ нѣсколько измѣнился — измѣнился, какъ надобно думать, не вслѣдствіе той кары, которая его въ то время постигла, а силою вещей и времени: люди стали старше, прибавилось знанія и опыта и фантастическія мечты отпадали сами собою, но сохранилось то, въ чемъ было самое существо ихъ ближайшихъ стремленій. Руководители „Основы" проникнуты были ревностнымъ народолюбіемъ, и въ частности—стремленіемъ къ изученію малорусской старины и народности и желаніемъ содѣйствовать успѣхамъ книжнаго малорусскаго слова и народнаго образованія. Все это были старыя задачи, но до сихъ поръ малорусская литература жила какъ бы только въ своемъ замкнутомъ кругѣ и не имѣла точно опредѣленнаго положенія: явилась, наконецъ, потребность выяснить это положеніе и защитить право существованія этой литературы противъ тѣхъ возраженій и нападеній, какія съ разныхъ сторонъ появлялись. Великорусское общество бывало всего чаще равнодушно къ интересамъ малорусской литературы, которая рѣдко и доходила до него, и, въ духѣ прежнихъ взглядовъ Бѣлинскаго, считала ее или дѣломъ ненужнымъ, или лишнимъ отвлеченіемъ силъ отъ общаго хода образованія, а исключительные патріоты начинали уже думать, что она просто вредна, какъ противорѣчіе національному единству. Въ то же время съ польской стороны можно было замѣтить отношеніе къ малорусскому движенію не весьма дружелюбное: это движеніе обыкновенно соединялось съ оживленіемъ старыхъ историческихъ преданій, а эти преданія могли только подновлять старую племенную и религіозную вражду, тогда какъ полякамъ на западѣ и юго-западѣ хотѣлось безмятежно первенствовать надъ малорусскимъ населеніемъ или

по прежнему считать его однимъ оттѣнкомъ того же польскаго народа. Надо было, наконецъ, опредѣлить тѣ племенныя особенности малорусскаго народа, припомнить тѣ черты его исторіи, которыя создавали его нравственно-національную характеристику и утверждали его народное право. Всѣ эти вопросы и положенія составили тэму многочисленныхъ работъ, которыя касались ихъ прямо или косвенно и доставлены были въ „Основу“ какъ представителями стараго кружка, такъ и цѣлымъ рядомъ другихъ писателей, старыхъ и молодыхъ. Замѣтимъ притомъ, что эти работы въ защиту и объясненіе малорусской народности вовсе не были какой-нибудь придуманной тенденціей: они являлись сами собой, вызываемыя или свойствомъ готовыхъ существующихъ понятій, или прямыми вызовами противниковъ, которымъ надо было дать отпоръ, или высказывались какъ непосредственное настроеніе людей, стоявшихъ внѣ всякихъ литературныхъ споровъ. Главными дѣятелями „Основы“ были Костомаровъ, г. Кулишъ и Шевченко, который засталъ только начало предпріятія и по смерти котораго въ „Основѣ“ появилась масса его произведеній, писанныхъ въ годы ссылки и по возвращеніи. Въ виду упомянутыхъ недоразумѣній и спорныхъ пунктовъ, Костомаровъ помѣстилъ въ „Основѣ“ нѣсколько статей, имѣвшихъ объяснительное и руководящее значеніе, напр., „Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси“, „Двѣ русскія народности“, „Черты южно-русской исторіи“, „Отвѣтъ на выходки газеты Czas“ и пр., „Правда полякамъ о Руси“, „Правда москвичамъ о Руси“, „Крестьянство и крѣпостное право“ (подъ рубрикой: Мысли южноросса) и т. д. Г. Кулишъ началъ здѣсь обзоръ украинской литературы, о которомъ мы упоминали въ предъидущей главѣ; помѣстилъ статьи: „Характеръ и задача украинской критики“, „Полякамъ объ украинцахъ“ и пр. Въ беллетристикѣ журнала, кромѣ Шевченка, явились произведенія Марка-Вовчка, Алексѣя Стороженка, Кухаренка, Леонида Глѣбова, Руданскаго, многочисленныя стихотворенія и разсказы Кулиша, подъ его собственнымъ именемъ и подъ разными псевдонимами, и др. Къ старымъ именамъ присоединилось много новыхъ съ работами по малорусской старинѣ, этнографіи, какъ напр. работы Чубинскаго, Антоновича, Ефименка, Ив. Новицкаго, Номиса, А. Кониссваго, А. Лазаревскаго, Б. Познанскаго, Гатцука. Въ „Основѣ“ являлись труды лицъ, не принадлежавшихъ къ ближайшему кружку редакціи, какъ, напримѣръ, статьи Максимовича, Сухомлинова, П. Лавровскаго, А. Котляревскаго, Сѣрова (о музыкѣ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ) и пр. Не обошлось, конечно, безъ нѣкоторыхъ крайностей, въ родѣ тѣхъ, какія мы видѣли въ

статьяхъ г. Кулиша о Гоголѣ, безъ преувеличенныхъ представленій о малорусской народности, но въ большинствѣ содержаніе „Основы" заключалось въ весьма полезныхъ историческихъ и этнографическихъ работахъ, въ непритязательныхъ литературныхъ попыткахъ на малорусскомъ языкѣ, въ естественной защитѣ малорусской исторіи отъ ея тенденціозныхъ искаженій (напр., у нѣкоторыхъ польскихъ писателей), и иныхъ напраслинъ въ самой русской литературѣ. Мы видѣли въ числѣ ея сотрудниковъ нѣсколько именъ извѣстныхъ ученыхъ; другія имена, въ то время впервые появлявшіяся въ печати, къ нашему времени пріобрѣли почетную извѣстность трудами по малорусской исторіи и этнографіи, — назовемъ имена Чубинскаго, Антоновича, Ефименка. Въ связи съ дѣятелями „Основы" работалъ тогда Л. Жемчужниковъ надъ своей „Живописной Украйной"...

Не пересчитывая этихъ отдѣльныхъ работъ, остановимся нѣсколько лишь на нѣкоторыхъ статьяхъ „Основы", опредѣляющихъ историко-этнографическія отношенія малорусской народности. Таковы были упомянутыя статьи Костомарова. Наиболѣе характерную изъ нихъ — о „Двухъ русскихъ народностяхъ" — мы имѣли случай указывать раньше. Въ статьѣ: „Правда москвичамъ о Руси", рѣчь идетъ о древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи по поводу возраженій, появившихся въ газетѣ „День" [1]) противъ статьи о „Двухъ народностяхъ". Въ статьѣ „Дня" вопросъ шелъ пока объ опредѣленіи древнихъ племенъ русскаго народа, но московскій критикъ уже здѣсь находилъ возможнымъ ставить дѣло на почву племенной исключительности. Указывая, что на каждомъ народѣ лежитъ обязанность самопознанія или обязанность изучать коренныя стихіи его народности, критикъ говорилъ: „Но исполненіе этой-то обязанности и трудно. Случайныя положенія, въ которыя исторія, а вѣрнѣе, неразуміе народовъ... ставитъ, на болѣе или менѣе долгое или короткое время, тотъ или другой народъ,—образуютъ въ немъ привычки, которыя, по пословицѣ, становятся второю природою. Эти привычки, заслоняя въ народѣ коренныя свойства его природы, обольщаютъ его и заставляютъ обольщать другихъ". Но изцѣленіе возможно: оно дается изученіемъ исторіи, которая подъ внѣшними очертаніями измѣнчивыхъ событій научаетъ узнавать истинную сущность народнаго духа, которая не даетъ народу успокоиться до тѣхъ поръ, пока онъ не найдетъ себѣ быта и обстановки, отвѣчающихъ этой сущности. „Само собою разумѣется, что такое изученіе исторіи сразу

1) 1861, № 6, статья Ильи Бѣляева.

не дается ни всему народу, ни отдѣльнымъ его личностямъ. Національныя привычки, о которыхъ мы сказали выше, вносятъ и въ историческую науку самолюбивый партикуляризмъ, отъ котораго она должна очищаться постепенно. Къ счастію, самая ложь и противорѣчія, неизбѣжныя въ такихъ случаяхъ, мало-помалу саморазрушеніемъ приготовляютъ торжество истинѣ"... Костомаровъ понялъ прозрачный намекъ въ полной силѣ и, конечно, не хотѣлъ уступить. Къ своему отвѣту онъ взялъ эпиграфомъ слова изъ стараго рукописнаго житія Моисея, архіепископа новгородскаго: „Вознесеся умомъ высоты ради сана своего, яко отъ Москвы пріиде, величаяся гражданомъ, яко и племенемъ ихъ укори", — и опровергая своего противника, находилъ, что его критикъ вообще хочетъ употреблять науку средствомъ для поддержанія постороннихъ своихъ убѣжденій, имѣющихъ для него смыслъ уже не въ наукѣ, а въ современной жизни. Онъ кончаетъ, перебрасывая обвиненіе въ партикуляризмѣ на самого критика.

„Критикъ задаетъ намъ цѣлый рядъ вопросовъ. Мы боимся, чтобы московскій партикуляризмъ не увлекъ его до того, что мы станемъ внѣ возможности толковать съ нимъ серьезно. А на то похоже, когда онъ выкидываетъ изъ науки привычки, отличая ихъ отъ истинныхъ элементовъ народности. Такимъ образомъ все, что ему не нравится, онъ относитъ къ привычкамъ, а чего хочетъ—къ истиннымъ элементамъ народности, и, конечно, къ послѣднимъ отнесетъ и то, что самъ выдумаетъ, и чего на самомъ дѣлѣ не было (какъ, напримѣръ, сѣверная цивилизація на русскомъ материкѣ въ неизвѣстныя и незапамятныя времена). Отдѣленіе привычекъ отъ истинныхъ элементовъ—это московская лазейка; мы будемъ говорить: это—наши истинные элементы народности; они намъ дороги, священны; а вы скажете: неправда, это—привычки, вы должны съ ними разстаться, а вотъ ваши элементы—и будете указывать на то, чего въ самомъ дѣлѣ не было въ исторіи и теперь нѣтъ въ духовной и общественной жизни, или же на то, что хотя и существуетъ, но отъ чего мы отвращаемся, какъ отъ временныхъ привычекъ" [1].

---

[1]) „Основа", 1861, октябрь, стр. 1—15. Споръ закончился, кажется, отвѣтной замѣткой Ильи Бѣляева въ „Днѣ" 1862, № 14. Впослѣдствіи новыя нападенія на Костомарова по другому случаю были сдѣланы Гильфердингомъ, а еще позднѣе—г. Карповымъ, и пр. Костомаровъ въ извѣстной рѣчи о К. Аксаковѣ желалъ отдать справедливость славянофильскому изученію русской исторіи, но эта школа всегда относилась къ нему весьма враждебно, что и было естественно при исключительности московской точки зрѣнія.

Въ то же время Костомарову приходилось защищать южнорусскую народность съ другой стороны. Его статья: „Правда полякамъ о Руси“ направлена противъ того стараго польскаго представленія, о которомъ мы имѣли уже случай говорить и которое теперь находило своего теоретика въ Духинскомъ и его послѣдователяхъ. По этой теоріи, „русскіе“ (подъ которыми разумѣются малороссіяне и галицкіе русины) составляютъ племя совершенно особое отъ „московитовъ“ (подъ которыми разумѣются именно русскіе, великоруссы); только первые представляютъ собою настоящее славянское племя, собственно отрасль польскаго народа, съ которымъ они и были всегда связаны; они принадлежатъ къ настоящей греческой церкви (т.-е. къ уніи), далѣе, московиты составляютъ въ самой этой церкви „схизму“; а московиты— вовсе не подлинные славяне и только въ послѣдніе вѣка, захвативши часть „русскихъ“ земель (т.-е. Малороссію и западный край), присвоили себѣ и имя русскихъ, имъ вовсе не принадлежащее [1]). (Духинскій объяснялъ именно, что московиты были просто смѣсь финновъ и тюрковъ, принявшая языкъ сходный съ русскимъ). Такова была удивительная теорія, которая должна была подкрѣпить старое польское мнѣніе, что малоруссы были только вѣтвью польскаго племени, и что поэтому они должны считаться нераздѣльной частью самой Польши.

Эти безсмыслицы не заслуживали бы серьезнаго опроверженія, еслибы не были повторяемы даже въ западной литературѣ и еслибы имъ не придавалось значенія политическаго аргумента въ начинавшемся тогда польскомъ броженіи. Костомарову достаточно было указать нѣсколько элементарныхъ и положительныхъ фактовъ русской исторіи, чтобы объяснить настоящія отношенія племенъ въ ихъ прошедшемъ и въ настоящемъ. Онъ напомнилъ потомъ, какъ южно-русскій народъ достался Польшѣ (безъ его спроса на Люблинскомъ сеймѣ), какъ произошла церковная унія, какъ затѣмъ южно-русскій народъ длиннымъ рядомъ кровавыхъ возстаній заявлялъ и защищалъ свою національную и религіозную отдѣльность, какъ въ концѣ прошлаго вѣка онъ еще разъ протестовалъ противъ порабощенія, такъ-называемой коліивщиной. „По присоединеніи къ Россіи,—говорилъ Костомаровъ,—совершившемся въ концѣ XVIII в., южно-русскій народъ (т.-е. крестьянская масса) остался надолго подъ властію польскихъ помѣщиковъ, и, правду надобно сказать, только силѣ русскаго правительства эти польскіе паны должны быть благодарны за безмя-

[1]) По теоріи это произошло не дальше, какъ при Екатеринѣ II.

тежное сохраненіе своей власти надъ древлерусскими землями и порабощенными русскими земледѣльцами: безъ этого движеніе коливщины отразилось бы послѣдующимъ рядомъ событій въ привычномъ духѣ. Только событіе 19 февраля 1861 года, освободившее южно-русскихъ крестьянъ отъ произвола пановъ, подаетъ прочную надежду на окончательную сдачу въ архивъ трехвѣковаго дѣла о заявленіи народной воли, по вопросу о соединеніи Руси съ Польшею. Отъ благоразумія поляковъ будетъ зависѣть на будущее время прекратить всякую возможность перейти этому дѣлу изъ исторіи опять въ современность" [1]).

Костомаровъ заключалъ, что международные споры съ поляками должны превратиться: старыя событія, какъ бракъ Ягайла, Люблинская или Брестская унія, всякіе старые договоры, андрусовскіе, московскіе и пр., которыми польскіе патріоты хотятъ доказывать права Польши на юго-западную Русь, не имѣютъ никакого значенія. „Обо всемъ этомъ можно писать историческія книги, ученыя диссертаціи, читать лекціи,—многое изъ этого можетъ пригодиться для картины, драмы, повѣсти, оперы... но все это ровно никуда не годится для практическаго установленія международныхъ нашихъ отношеній". Пора оставить эти старыя притязанія, давно отмѣненныя послѣдующей исторіей, и пора искать другой, на справедливости основанной, связи, „которая одна можетъ быть залогомъ взаимныхъ стремленій ко всѣмъ благамъ образованности и къ успѣхамъ на пути умственнаго и вещественнаго благосостоянія". А тотъ путь, которымъ хотятъ вести свой народъ писатели, прибѣгающіе къ упомянутымъ теоріямъ—„путь погибельный"...

Г. Кулишъ въ статьѣ: „Полякамъ объ украинцахъ" [2]), останавливался на той же тэмѣ и въ томъ же духѣ, но ближе касался современныхъ отношеній польскаго общества и литературы къ малорусской народности. Между прочимъ, г. Кулишъ, какъ въ другомъ мѣстѣ и Костомаровъ [3]), говоря о такъ-называемой украинской школѣ польской поэзіи, указывалъ, какое значеніе имѣлъ ея „украинскій" элементъ и эта „попытка побрататься съ украинцами во имя ихъ козачества, перелицованнаго на изнанку", и какъ можетъ относиться къ нимъ малорусскій читатель. Характеръ статьи можетъ показать небольшая цитата:

---

[1]) „Основа", 1861, окт., стр. 111.
[2]) „Основа", 1862, февраль, стр. 67—86.
[3]) „Отвѣтъ на выходки газеты Czas" и пр., „Основа", 1861, февр., стр. 134—135.

„*Я* польское и *я* украинское,—говорилъ г. Кулишъ,—разошлись, въ теченіе вѣковъ, на такое разстояніе, что полякъ, при всемъ стараніи, не можетъ войти въ натуру украинца, а украинецъ, при всѣхъ приманкахъ, войти въ натуру польскую не хочетъ. Просвѣщенные представители той и другой народности способны сходиться дружески во имя общечеловѣческихъ идей и изъ любви къ поэтичности взаимныхъ историческихъ преданій, но лишь только они дѣлаются представителями своихъ народовъ и отъ отвлеченныхъ бесѣдъ переходятъ къ дѣлу жизни, каждый изъ нихъ по-неволѣ долженъ уйти въ свой лагерь и раздѣлываться другъ съ другомъ оружіемъ, которому не блистать подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ. Это—дѣло не ихъ произвольныхъ теорій, это—дѣло исторіи того и другого народа".

Достаточно нѣсколько ближе познакомиться съ содержаніемъ журнала, чтобы увѣриться въ крайнемъ преувеличеніи или полной несправедливости обвиненій, не разъ послѣ падавшихъ на „Основу", какъ источникъ украинофильства, въ которомъ чудился и сепаратизмъ, и союзъ съ „польской справой". „Основа" дѣйствительно выражала мѣстный патріотизмъ—вовсе не выдуманный, а тотъ самый, который издавна жилъ въ малорусскихъ людяхъ, особенно, когда, въ прежнихъ условіяхъ нашей жизни, старые нравы еще не стирались такъ быстро отъ вліяній центра, когда эти люди, встрѣчаясь съ сѣверными соотечественниками, больше чѣмъ теперь должны были чувствовать разницу въ характерѣ, языкѣ, обычаѣ. Это былъ тотъ же патріотизмъ, который отличалъ—задолго до какой-нибудь идеи исключительнаго украинофильства—первыхъ малорусскихъ писателей и, напр., самого Гоголя, хотя уже не писавшаго по-малорусски. Любовь къ языку, старому обычаю, къ прекрасной народной пѣснѣ, какъ естественное чувство къ родинѣ, не покидала уроженцевъ Малороссіи, когда они и оставляли свою родину; это былъ инстинктъ, проявлявшійся самъ собою безъ всякихъ книжныхъ справокъ изъ исторіи. Писатели, которымъ и прежде эта малорусская жизнь представлялась въ сантиментальной розовой окраскѣ, какъ Основьяненко, были уже прямые предшественники украинофильства „Основы"—не даромъ г. Кулишъ такъ превозносилъ теперь его произведенія. Максимовичъ, спорившій, какъ мы видѣли, рѣшительно противъ критическихъ „чрезмѣрностей" г. Кулиша, самъ весь былъ преданъ изученію старины и этнографіи своего народа. Мы видѣли раньше, что эта атмосфера малорусскаго быта и преданія охватывала даже русскихъ, которымъ приходилось жить подъ ея вліяніемъ,—какъ было, напр., съ Срезневскимъ и Вадимомъ Пассекомъ (выросшимъ и возмужавшимъ внѣ его вліянія и поддавшимся ему только позднѣе). Теперь подобное совершалось съ г. Л. Жемчужниковымъ, который въ тѣ годы занимался изуче-

ности, въ то время, которое менѣе вамъ извѣстно, во всѣхъ занятіяхъ его выступило на первое мѣсто именно все русское. Какъ въ наукѣ работалъ онъ по русскому языкознанію, русскимъ древностямъ, русской палеографіи, что показываютъ его капитальные труды по этимъ отраслямъ знанія, такъ и въ искусствѣ произведенія русскія привлекали его вниманіе предпочтительно передъ всѣми другими. Уваженіе къ народному творчеству не могло заглушать въ немъ горячей любви къ поэзіи, какъ къ сознательному проявленію высшей духовной дѣятельности. Понятіе его объ искусствѣ было высоко и чисто, а вслѣдствіе того требованія его строги. Личная особенность его воззрѣнія состояла въ томъ, что онъ не могъ находить удовлетворенія въ сатирѣ, а какъ педагогъ, считалъ ее прямо вредною. Отрицательное изображеніе жизни въ литературѣ никогда не давало пищи его душѣ; поэтому понятно, что и сочиненія Гоголя, за исключеніемъ относящихся къ первому періоду, не могли принадлежать къ числу его любимыхъ произведеній. Художественное же изображеніе положительныхъ идеаловъ увлекало его до послѣднихъ дней его жизни. Литературное чтеніе было постояннымъ отдыхомъ его отъ трудовъ. „Не совсѣмъ доволенъ я днемъ, если не кончу его какимъ-нибудь умнымъ легкимъ чтеніемъ",—писалъ онъ одному своему знакомому. Правда, высокій взглядъ на искусство и строгость его требованій не позволяли ему восхищаться многими изъ произведеній, получившихъ извѣстность въ наше время. Онъ искалъ правды и чистоты. „Для меня поэзія —писалъ онъ въ частномъ письмѣ къ одному изъ нашихъ писателей-беллетристовъ,—сила чистая, святая, очищающая и освящающая человѣка... вызывающая къ надеждѣ безнадежнаго, къ вѣрѣ безвѣрнаго, къ добру его забывшаго, къ достоинству имъ пренебрегшаго... Она можетъ преобразоваться въ вѣру, но не въ безвѣріе, въ покаяніе, но не въ проклинаніе, въ славословіе, но не въ злословіе". Но многое также въ новѣйшей литературѣ встрѣчалъ онъ съ чувствомъ живой и глубокой радости. Это, конечно, трудно знать тѣмъ, кому онъ былъ извѣстенъ только какъ ученый: литература не принадлежала къ его спеціальнымъ занятіямъ и онъ почти никогда не выражалъ своихъ взглядовъ на нее, развѣ только, если ему приходилось говорить о ней въ связи съ преподаваніемъ ея или изученіемъ языка. Такъ выражалъ онъ еще въ 1860 г. въ своихъ бесѣдахъ объ изученіи родного языка свой взглядъ на одного изъ новѣйшихъ писателей (стр. 82); позже, въ чтеніи о языкѣ Крылова, указывалъ, что „на произведеніяхъ нашихъ даровитыхъ писателей, если не всѣхъ, то хоть нѣкоторыхъ, отпечатлѣлась ихъ забота усвоить себѣ богатства родного языка"; въ 1871 г. писалъ замѣчанія о преподаваніи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Эти замѣчанія, конечно, не въ подробности высказываютъ его мнѣнія о новѣйшей литературѣ. Но кому случалось съ нимъ бесѣдовать, тотъ знаетъ, съ какимъ уваженіемъ и увлеченіемъ говорилъ онъ— не только о Пушкинѣ и другихъ „великанахъ нашей литературы", которыхъ труды уже принадлежатъ исторіи—а о многихъ изъ писателей позднѣйшаго времени: объ обоихъ Толстыхъ, о Майковѣ, Тургеневѣ, Достоевскомъ, Мельниковѣ, Чаевѣ, Маркевичѣ и нѣкоторыхъ другихъ. Не одинъ изъ современныхъ писателей могъ бы припомнить полные благодарности отзывы отца моего объ его произведеніяхъ. Не одинъ изъ нихъ—и изъ наиболѣе уважаемыхъ— могъ бы припомнить также, что нерѣдко обращался къ отцу моему за совѣтомъ, нерѣдко просилъ его мнѣнія о своемъ трудѣ и всегда встрѣчалъ въ немъ участіе и душевное вниманіе. „Вотъ какое чтеніе нужно намъ, — писалъ онъ объ одномъ изъ нихъ,—нужно, чтобы въ насъ теплилась и любовь къ правдѣ и любовь къ своему родному. Его могутъ дать намъ, конечно, только художники

образованные, но и изъ художниковъ только такіе, которые не позволяютъ себѣ фокусничать, которые столько же уважаютъ своего невѣдомаго читателя, сколько хотятъ имъ быть уваженными".—„Вотъ это дѣйствительно писатель. котораго можно и должно читать, перечитывать, изучать, которымъ мы можемъ хвалиться"—писалъ онъ о другомъ.—Не мало доказательствъ глубокаго вниманія къ русской литературѣ представляетъ частная переписка отца моего; и нельзя не сожалѣть, что теперь еще не настало время ей быть напечатанною.

„Я желала бы ограничиться указаніемъ только на эту невѣрность въ статьѣ вашей, какъ на такую, которую трудно исправить по однимъ печатнымъ трудамъ моего отца. Но не могу пройти молчаніемъ слѣдующаго вашего выраженія, хотя оно и представляетъ только вашъ личный взглядъ и можетъ быть опровергнуто всею жизнью, всѣми трудами отца моего: „Срезневскій несомнѣнно взялъ грѣха на душу, когда утверждалъ, будто записывалъ со словъ бандуриста тѣ пѣсни, которыхъ никогда у бандуристовъ не существовало" и т. д. Право доказывать подлинность или подложность пѣсенъ, изданныхъ въ Запорожской Старинѣ, принадлежитъ спеціалистамъ; но никто, знавшій отца моего, не можетъ спокойно встрѣтить это обвиненіе его въ недобросовѣстности. Тѣмъ болѣе странно это обвиненіе, что и самъ отецъ мой, какъ вы же указываете, относился критически къ пѣснямъ, имъ собраннымъ, и позже выражалъ даже сомнѣніе въ подлинности нѣкоторыхъ, сообщенныхъ ему. Онъ могъ впадать въ ошибки, какъ и всякій, особенно въ такомъ юношескомъ трудѣ какъ Запорожская Старина; могъ быть вводимъ въ заблужденіе лицами, доставлявшими ему матеріалъ, что̀ было не трудно при тогдашнемъ состояніи науки; но если даже и есть ошибки въ его трудѣ, онѣ еще не даютъ права никому, а тѣмъ менѣе лично его знавшимъ, обвинять его въ недобросовѣстномъ отношеніи къ наукѣ.

„Останавливаюсь на этомъ. Противъ остальныхъ заключеній вашихъ, которыя не могу считать справедливыми въ отношеніи къ моему отцу, не позволяю себѣ возражать. Противъ нихъ говорятъ сами его труды, говорятъ полные уваженія отзывы ученыхъ спеціалистовъ, говоритъ благодарная память товарищей и учениковъ, нашедшая себѣ выраженіе въ многочисленныхъ воспоминаніяхъ и очеркахъ, появившихся послѣ его смерти".

Многія указанія, сообщенныя въ этихъ строкахъ, послужатъ прекраснымъ матеріаломъ для будущей обстоятельной біографіи И. И. Срезневскаго. Но къ тому, что̀ относится до моей статьи, нужны нѣкоторыя оговорки. Прежде всего, моя статья начинается съ указанія „почетнаго мѣста", занимаемаго И. И. Ср—мъ въ исторіи русской науки, и съ указанія на лучшую до сихъ поръ оцѣнку его трудовъ въ академической біографіи: этимъ объясненъ мой взглядъ на общее значеніе его дѣятельности въ развитіи нашей науки и не было надобности повторять подробностей, которыя читатель долженъ былъ найти въ указанныхъ книгахъ— тѣмъ болѣе, что общее значеніе трудовъ И. И. Срезневскаго слишкомъ извѣстно. Моя задача была болѣе тѣсная — указаніе трудовъ И. И. Ср—го по малорусской этнографіи, и связи его литературныхъ взглядовъ съ той эпохой и условіями, въ которыхъ выростали его понятія.

Что касается этихъ литературныхъ взглядовъ И. И. Ср—го, я дѣйствительно говорилъ главнымъ образомъ о періодѣ харьковскомъ и о дѣятельности въ Петербургѣ въ 50-хъ годахъ, когда онъ, какъ профессоръ (въ мое время одинъ изъ лучшихъ, наиболѣе полезныхъ и возбуждавшихъ преподавателей факультета), имѣлъ наибольшее вліяніе на слушателей въ своей спеціальности: въ эти годы (въ теченіе лѣтъ десяти) я имѣлъ случай много разъ слышать его мнѣнія и на лекціяхъ, и въ частныхъ разговорахъ; помню оживленные, даже рѣзкіе споры по этому поводу (напр., съ покойнымъ Пекарскимъ, тогда еще не академикомъ). Это были тѣ взгляды, которые счелъ нужнымъ отмѣтить и академическій біографъ (стр. 39). Эта особенность мнѣній И. И. Ср—го была слишкомъ извѣстна, чтобы пропустить ее въ характеристикѣ его литературныхъ взглядовъ. Впослѣдствіи (какъ и я слышалъ), его литературные интересы расширились, стали менѣе исключительными, чѣмъ прежде, но основа ихъ осталась таже [1]), и тѣ любопытныя (и еще не бывшія въ печати) свѣдѣнія, какія сообщаются въ письмѣ относительно литературныхъ взглядовъ И. И. Ср—го, очень выясняютъ предметъ, но въ существѣ, мы думаемъ, только подтверждаютъ мое заключеніе что его точка зрѣнія была именно романтическая.

Далѣе, въ моей статьѣ (можетъ быть, вслѣдствіе недостаточной подробности объясненій), прочитано было или больше или меньше чѣмъ въ ней сказано. Такъ, излишня была ссылка письма на всѣми оцѣненное значеніе ученой дѣятельности И. И. Ср—го. въ защиту добросовѣстности его трудовъ: всѣмъ, кто сколько-нибудь съ ними знакомъ, извѣстна тщательная ученая работа Ср—го, обстоятельный осмотръ изслѣдуемаго предмета, обширный подборъ источниковъ, искусная и осторожная критика и т. д. Оттого именно и бросались въ глаза тѣ случаи, въ которыхъ этимъ свойствамъ не дано было мѣста, и вопросы оставлены были въ туманѣ,—между прочимъ, тамъ, гдѣ требовалось рѣшеніе категорическое: да или нѣтъ, или прямо признанное недоумѣніе... Мое выраженіе относительно „Запор. Старины" понято въ письмѣ слишкомъ преувеличенно. Самъ И. И. Ср—ій называлъ потомъ эту свою работу „юношеской": въ чемъ же состоятъ свойства юношеской работы?—въ излишней довѣрчивости къ тому,

---

[1]) Тѣ взгляды, о которыхъ говорится въ приведенномъ письмѣ, изложены, напр. въ „Замѣчаніяхъ объ изученіи съ языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ" (Спб. 1871). Здѣсь высказано нѣсколько прекрасныхъ мыслей о преподаваніи литературы; но соображенія педагогическія далеко не исчерпываютъ всего значенія литературы въ обществѣ, и какъ изображенія общества и народа.

что требовало бы больше критики, въ недостаткѣ точности, въ смѣлости тѣхъ или другихъ утвержденій. Подобное и дѣйствительно случилось: Ср—ій отмѣчаетъ, напр., какъ слышанныя „имъ самимъ" отъ бандуриста, думы, которыя новѣйшими спеціалистами единогласно признаются за не-народныя, подложныя [1]). Это была небольшая бѣда въ юношеской работѣ; я особенно отмѣтилъ, къ какой ранней порѣ жизни И. И. Ср—го относилось изданіе „Запор. Старины", и въ полу-шутливомъ выраженіи упомянулъ о недостаточно мотивированномъ показаніи о бандуристѣ. Жаль было другого—что впослѣдствіи И. И. Ср—ій такъ и оставилъ этотъ вопросъ невыясненнымъ. Лишь долго спустя онъ косвенно упомянулъ о „благопріятеляхъ", которые, надо думать, подсунули ему нѣкоторыя думы въ качествѣ якобы народныхъ. Впослѣдствіи онъ очень строго ставилъ требованія относительно подлинности народно-поэтическихъ произведеній; тѣмъ естественнѣе было бы выяснить вопросъ именно этой категоріи относительно нѣкоторыхъ думъ „Запор. Старины", чтобы не оставлять—какъ это было—плодиться научнымъ недоразумѣніямъ и заблужденіямъ. Между тѣмъ, запросъ къ нему объ этомъ предметѣ сдѣланъ былъ уже очень давно,—въ первой разъ, если не ошибаемся, Костомаровымъ, въ разборѣ „Записокъ о южной Руси", Кулиша (въ „Отеч. Зап". 1857, т. CXII, стр. 41—42). Этотъ и другіе вопросы такъ и остались безъ отвѣта.

А. Пыпинъ.

---

[1]) Цитаты приведены въ моей статьѣ.

* * *

Отрады нѣтъ ни въ чемъ. Стрѣлою мчатся годы,
Толпою медленной мгновенія текутъ.
Въ какой-то рай земной насъ больше не влекутъ
Ни свѣточь знанія, ни зарево свободы.
О, кто пойметъ болѣзнь, сразившую нашъ вѣкъ?
Та связь незримая, которой человѣкъ
Былъ связанъ съ вѣчностью и связанъ со вселенной,
Увы—порвалась вдругъ. Тотъ свѣточь сокровенный,
Что глубоко въ душѣ мерцалъ на самомъ днѣ
(Какъ называть его: невѣденьемъ иль вѣрой?)
Померкъ—и мечемся мы всѣ, какъ въ тяжкомъ снѣ,
И стала жизнь обманчивой химерой...

Отрады нѣтъ ни въ чемъ—ни въ грезахъ дѣтскихъ лѣтъ,
Ни въ скорби призрачной, ни въ мимолетномъ счастьи.
Даетъ ли юноша въ любви святой обѣтъ,
Не вѣрь: какъ зимній вихрь, безплодны наши страсти.
Кричитъ ли гордо мужъ о жертвахъ и борьбѣ,
Не вѣрь, и знай, что онъ не вѣритъ самъ себѣ.

. . . .
. . . .

Бороться—для чего? Чтобъ труженикъ злосчастный
По терніямъ прошелъ къ вершинѣ нашихъ благъ
И водрузилъ на ней печали нашей стягъ
Иль знамя ненависти страстной?
Любить людей—за что? Любить слѣпцовъ, какъ я,
Случайныхъ узниковъ въ случайномъ этомъ мірѣ,
Попутчиковъ за цѣпью бытія,
Соперниковъ на ненавистномъ пирѣ!..
И можно ли любить, и стоитъ ли скорбѣть,
Когда любовь и скорбь и все—лишь сонъ безцѣльный.

О, страсти низкія! сомнѣній ядъ смертельный!
Вопросы горькіе! противорѣчій сѣть!

Хаосъ вокругъ меня! Надъ бездною глубокой
Послѣдній гаснетъ лучъ—плыветъ, густѣетъ мракъ.
Нѣтъ, не потокъ любви или добра изсякъ,—
Изсякли родники, питавшіе потоки!
Добро и зло слилось. Опять хаосъ царитъ,
Но божій духъ надъ нимъ, какъ прежде, не паритъ...

Н. Минскій.

ДІАГНОЗЫ и РЕЦЕПТЫ

— Послѣднія произведенія графа Л. Н. Толстаго.—Критическій этюдъ М. С. Громеки. Москва, 1885.
— Симптомы и причины современнаго настроенія.—Двѣ публичныя лекціи П. Е. Астафьева. Москва, 1885.

Кто знакомъ съ содержаніемъ этюда покойнаго Громеки и вмѣстѣ съ тѣмъ не забылъ еще газетныхъ сообщеній о публичныхъ лекціяхъ г. Астафьева, тому можетъ показаться страннымъ сопоставленіе, въ заголовкѣ нашей статьи, двухъ книгъ, до такой степени неравныхъ по значенію и внутренней цѣнности. М. С. Громека поднимаетъ край завѣсы, скрывающей отъ насъ послѣдніе фазисы душевной жизни первокласснаго писателя; г. Астафьевъ философствуетъ на тэмы, изъѣзженныя вдоль и поперегъ нашей реакціонной печатью. Что общаго, повидимому, можетъ быть между двумя авторами, отправляющимися отъ самыхъ различныхъ исходныхъ точекъ и стремящимися къ самымъ различнымъ цѣлямъ? Общаго между ними, дѣйствительно, весьма немного—но одной своей стороной лекціи г. Астафьева соприкасаются, внѣшнимъ образомъ, и съ ученіемъ Л. Н. Толстаго и съ „Задачами этики" Кавелина, и со многими другими выдающимися произведеніями нашей эпохи. Онѣ любопытны какъ признакъ времени, какъ показатель распространенности и интенсивности одного изъ господствующихъ теченій современной мысли. Когда камень брошенъ въ воду, концентрическіе круги, образующіеся около мѣста паденія, обрисовываются все слабѣе и слабѣе, по мѣрѣ отдаленія отъ центра. Лекціи г. Астафьева—послѣдній, самый блѣдный изъ круговъ, вызванныхъ новой постановкой стараго вопроса. Чѣмъ громаднѣе разстояніе между этимъ

кругомъ и средоточіемъ движенія, тѣмъ меньше подлежитъ сомнѣнію сила удара.

Жалобы на все существующее,—говоритъ г. Астафьевъ,—никогда еще не были столь всеобщими, столь искренними, столь беззавѣтными и безнадежными, какъ въ наше время. Онѣ усиливаются и обостряются по мѣрѣ того, какъ растетъ знаніе, увеличиваются удобства жизни—усиливаются, другими словами, прямо пропорціонально успѣхамъ въ области научной, технической, экономической и политической. Утилитарныя задачи современнаго человѣчества осуществляются все больше и больше—но удовлетвореніе результатами своихъ усилій современный человѣкъ чувствуетъ все меньше и меньше. Констатировавъ явленіе, авторъ отыскиваетъ причину—и находитъ ее въ излишнемъ разнообразіи впечатлѣній, въ быстрой ихъ смѣнѣ, въ общедоступности наслажденій, въ легкости пріобрѣтенія всевозможныхъ благъ, въ упраздненіи всякихъ ограниченій и стѣсненій, въ происходящемъ отсюда смѣшеніи и уравненіи положеній и состояній, уменьшеніи оригинальности, обезличеніи человѣка. Остается, затѣмъ, только установить способъ леченія болѣзни. Отъ героическихъ лекарствъ г. Астафьевъ великодушно отказывается. „Сметеніе сразу съ лица земли всѣхъ плодовъ работы нашего времени“—желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, газетъ, банковъ, конституцій и т. п.—онъ признаетъ практически неисполнимымъ. Противовѣсъ позитивизму и утилитаризму, влекущимъ современнаго человѣка къ „оживотненію“ или „оскотиненію“, усматривается авторомъ съ одной стороны въ идеализмѣ, присущемъ человѣческой душѣ, съ другой стороны—въ такихъ положительныхъ выраженіяхъ идеализма, какъ религія, преданіе, народность, государственность. Учрежденія эти,—таковъ заключительный выводъ г. Астафьева,—должны стать *тѣмъ крѣпче, яснѣе и властнѣе* (курсивъ подлинника), чѣмъ сильнѣе у современнаго человѣчества желаніе „оживотниться“.

Въ схемѣ г. Астафьева все ошибочно, съ начала до конца, но за то все характеристично. Ошибочно, во-первыхъ, указаніе на *всеобщность* жалобъ—ошибочно потому, что здѣсь смѣшиваются въ одну кучу, подводятся подъ одну мѣрку самыя разнородныя явленія. Жалуются нуждающіеся и обремененные—на тяжесть усилій, цѣною которыхъ пріобрѣтается ими скудный, ничѣмъ не обезпеченный кусокъ хлѣба; жалуются поклонники старины и любители застоя—на шатаніе и паденіе обветшавшихъ соціальныхъ и политическихъ перегородокъ; жалуются систематики квіетизма—на возмущеніе тиши и глади въ умственномъ и

нравственномъ мірѣ; но развѣ въ этихъ и многихъ другихъ видахъ и формахъ неудовольствія есть что-нибудь сходное съ жалобами на все существующее вообще, съ пессимизмомъ, съ отчаяніемъ, возведеннымъ въ доктрину, съ taedium vitae? Развѣ отъ этихъ послѣднихъ жалобъ не отличается, въ свою очередь, такое отрицаніе данныхъ условій жизни, которое ведетъ къ активной борьбѣ съ ними, къ мечтамъ о переустройствѣ общества, о перевоспитаніи человѣка?.. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ первой ошибки является вторая: чѣмъ разнороднѣе факты, насильственно вдвигаемые въ одну рамку, тѣмъ неудачнѣе должна быть попытка объясненія, одинаково примѣнимаго къ каждому изъ нихъ. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, говорить объ излишнемъ разнообразіи впечатлѣній, о слишкомъ быстрой ихъ смѣнѣ, какъ объ общей причинѣ унынія, овладѣвающаго всѣми классами общества? Не ясно ли, что въ жизни громаднаго большинства господствуетъ, наоборотъ, однообразіе, поразительное однообразіе, сносное лишь настолько, насколько оно остается несознаваемымъ? Великъ ли кружокъ лицъ, для которыхъ легко доступны всѣ блага новѣйшей цивилизаціи— „желѣзныя дороги, телеграфы, банки" и т. п.? Изъ числа лицъ, входящихъ въ составъ этого кружка, многія ли пользуются достояніемъ своимъ до пресыщенія, до потери всякаго вкуса къ жизни? Вѣдь это не болѣе какъ единицы, отъ которыхъ нельзя и не слѣдуетъ заключать къ обширному цѣлому. Легкій вѣтерокъ, дующій въ одномъ направленіи съ теченіемъ широкой и глубокой рѣки, поднимаетъ на ея поверхности небольшія волны; но что сказали бы мы о наблюдателѣ, который сталъ бы приписывать вѣтерку не только происхожденіе этихъ волнъ, но и самое теченіе рѣки?.. Отправляясь отъ невѣрныхъ посылокъ, нельзя придти къ вѣрному выводу—но выводъ г. Астафьева не отличается даже послѣдовательностью по отношенію къ его собственной исходной точкѣ. Противопоставить избытку наслажденій слѣдовало бы, повидимому, ограниченіе ихъ, быстрой смѣнѣ впечатлѣній—искусственную ихъ задержку, легкости пользованія тѣмъ или другимъ благомъ—затрудненіе доступа къ нему. У автора „Симптомовъ и причинъ" рекомендуется, вмѣсто всего этого, старое универсальное средство—усиленіе власти. Необходимость „властной руки" —вотъ „короткій смыслъ длинной рѣчи", вотъ практическій результатъ яко бы философскихъ разсужденій. „Властная рука"— это тотъ Римъ, къ которому, въ нашихъ реакціонныхъ сферахъ, ведутъ рѣшительно всѣ дороги, то „caeterum censeo", которымъ обязательно заканчиваетъ свою рѣчь всякій консервативный ора-

торъ; это нѣчто въ родѣ догмата, не допускающаго сомнѣній и не требующаго доказательствъ. Возлагая свои надежды на властность учрежденій, г. Астафьевъ долженъ былъ объяснить, прежде всего, почему она не предупредила возникновенія зла, противъ котораго она теперь призвана бороться; онъ долженъ былъ показать, какимъ образомъ учрежденія, управляемыя людьми и слѣдовательно способныя увлекаться, не только останутся непоколебимыми и неизмѣнными среди потока, но и заставятъ его обратиться вспять, очистить завоеванную имъ область. Ничего подобнаго авторъ даже не пытается сдѣлать. Появясь какъ deus ex machina, „властная рука" остается висящею на воздухѣ. Вызвавъ ее изъ облаковъ, философія ad hoc считаетъ себя отслужившей свою службу; къ практическимъ аргументамъ въ пользу „властной руки" прибавился quasi-теоретическій—а больше ничего и не было нужно.

Если консервативное доктринерство безсильно опредѣлить настоящій источникъ и истинную сущность зла, если оно умѣетъ лишь взывать къ „властнымъ" учрежденіямъ, даже не преобразованнымъ, а просто усиленнымъ и укрѣпленнымъ, то оно смѣло можетъ быть скинуто со счетовъ; искать проблеска свѣта въ такой темнотѣ было бы совершенно напрасно. Подражая извѣстной этимологической шуткѣ: lucus a non lucendo, мы можемъ сказать, что въ книгѣ г. Астафьева ясно намѣчена только одна дорога—дорога, не ведущая къ цѣли или, лучше сказать, ведущая прочь отъ цѣли. Мы не думаемъ, конечно, чтобы другія дороги, прокладываемыя современною мыслью, доходили до абсолютной истины или хотя бы приближались къ ея предѣламъ; но лучшія изъ нихъ поднимаютъ насъ на высоту, откуда раскрываются широкія перспективы. Въ свѣжей, чистой атмосферѣ исчезаютъ, какъ туманъ, общія мѣста обанкрутившагося политическаго старовѣрства; далеко впереди виднѣются, по временамъ, неопредѣленныя очертанія возможнаго будущаго. Не всѣ пути этого рода одинаково доступны для изученія; съ нѣкоторыми изъ нихъ приходится знакомиться изъ вторыхъ рукъ, въ обработкѣ или переработкѣ ad usum delphini.

Такую переработку, по отношенію къ одному изъ послѣднихъ произведеній Л. Н. Толстого, представляютъ заключительныя главы критическаго этюда Громеки. Въ „сновидѣніи", приснившемся автору, онъ выслушиваетъ „исповѣдь" Левина, устами котораго, очевидно, говоритъ самъ гр. Л. Н. Толстой. Воспитаніе не дало Левину твердыхъ вѣрованій и убѣжденій. Отпаденіе его отъ вѣры произошло очень скоро, какъ оно происходило—и теперь

происходитъ въ большинствѣ людей извѣстнаго склада образованія. Люди живутъ такъ, какъ всѣ живутъ,—а всѣ живутъ на основаніи началъ, не только не имѣющихъ ничего общаго съ вѣроученіемъ, но большею частью противоположныхъ ему; вѣроученіе исповѣдуется гдѣ-то тамъ, вдали отъ жизни и независимо отъ нея. Человѣкъ часто очень долго живетъ, наивно воображая, что въ немъ цѣло вѣроученіе, сообщенное ему съ дѣтства, тогда какъ отъ него давно уже нѣтъ и слѣда... Переставъ вѣрить по прежнему, Левинъ вѣрилъ во что-то—въ совершенствованіе, въ прогрессъ; но въ чемъ было это совершенствованіе и какая была его цѣль, онъ не могъ бы сказать. Онъ старался совершенствовать себя умственно—и учился всему, на что наталкивала его жизнь; онъ старался совершенствовать свою волю—и составлялъ себѣ правила, которымъ старался слѣдовать. Началомъ всего было нравственное совершенствованіе—но скоро желаніе быть лучше передъ самимъ собою или передъ Богомъ уступило мѣсто желанію быть лучше передъ другими людьми. Зависѣло это отчасти отъ одиночества, въ которомъ Левинъ оставался каждый разъ, когда искалъ дѣйствительно хорошаго, когда хотѣлъ уйти отъ страстей и приблизиться къ добру. Въ средѣ писателей, между которыми Левинъ занялъ выдающееся мѣсто, господствовало убѣжденіе, что жизнь вообще идетъ развиваясь, и что въ развитіи ея главное участіе принимаютъ люди мысли, въ особенности художники, поэты. Ихъ призваніе—учить людей; художнику и поэту исполнять это призваніе тѣмъ легче, что они учатъ безсознательно. И Левинъ, какъ художникъ, училъ людей, самъ не зная чему; онъ былъ однимъ изъ жрецовъ вѣры въ значеніе поэзіи, въ развитіе жизни. Первымъ поводомъ къ сомнѣнію послужило для него разногласіе жрецовъ между собою. Они спорили, ссорились, бранились—а многіе изъ нихъ и не заботились о томъ, кто правъ и кто не правъ, просто стремясь къ своимъ личнымъ, корыстнымъ цѣлямъ. Разочарованіе въ вѣрующихъ привело Левина—и то не сейчасъ—къ отреченію отъ вѣры, но не отъ чина, въ который она его возвела: отъ чина художника, поэта, учителя. Въ свое учительское призваніе онъ вѣрилъ и тогда, когда былъ мировымъ посредникомъ, когда училъ крестьянскихъ дѣтей, издавалъ педагогическій журналъ. Желаніе всѣхъ учить—и вмѣстѣ съ тѣмъ скрывать свое незнаніе, чему учить—довело его до болѣзни, больше духовной, чѣмъ физической. Исцѣленіе онъ нашелъ въ семьѣ, надолго отвлекшей его отъ исканія общаго смысла жизни. Стремленіе къ личному усовершенствованію, подмѣненное уже прежде стремленіемъ къ усовершенствованію во-

обще, къ прогрессу, теперь подмѣнилось стремленіемъ къ возможно большему семейному счастью. Извѣрившись въ писательство, Левинъ продолжалъ писать, поучая тому, что для него было единой истиной: надобно жить такъ, чтобы самому съ семьей было какъ можно лучше.

Такъ прошло пятнадцать лѣтъ, послѣ которыхъ съ Левинымъ стало случаться что-то очень странное; на него стали находить минуты недоумѣнія, выражавшагося вопросами:—Зачѣмъ?.. Ну, а потомъ? Эти вопросы повторялись все чаще и чаще, и какъ точки, падающія все на одно мѣсто, сплотились, наконецъ, въ одно черное пятно. Среди мыслей о томъ, какъ воспитать дѣтей, Левинъ говорилъ самъ себѣ:—Зачѣмъ? Когда онъ думалъ о благосостояніи народа, ему приходило въ голову: а мнѣ что за дѣло? Мечты о собственной литературной славѣ прерывались вопросомъ: къ чему эта слава? Вопросы не ждутъ, надо сейчасъ отвѣтить; если не отвѣтишь, нельзя жить—а отвѣта нѣтъ. Левинъ точно очутился у края пропасти и увидалъ, что впереди ничего нѣтъ, кромѣ погибели. И остановиться нельзя, и повернуть назадъ нельзя, и закрыть глаза нельзя. Левину вспомнилась восточная басня про путника, застигнутаго въ степи разъяреннымъ звѣремъ. Спасаясь отъ звѣря, путникъ вскакиваетъ въ безводный колодезь, но на днѣ колодца видитъ дракона, разинувшаго пасть, чтобы пожрать его. Несчастный, не смѣя ни вылѣзть на верхъ, ни спрыгнуть внизъ, ухватывается за вѣтви куста, растущаго въ расщелинѣ колодца—и видитъ двухъ мышей, черную и бѣлую, равномѣрно обходящихъ стволину куста, на которомъ онъ виситъ, и подтачивающихъ ее. Паденіе неизбѣжно—но оглядываясь кругомъ себя, путникъ находитъ на листьяхъ куста капли меда, достаетъ ихъ языкомъ и лижетъ ихъ. Такъ и Левинъ держался за вѣтви жизни, зная, что его неминуемо ждетъ драконъ смерти—и не могъ понять, зачѣмъ онъ попалъ на это мученье. Перестали быть сладкими для него и тѣ двѣ капли меду, въ которыхъ онъ всего дольше находилъ отраду и утѣшенье—любовь къ семьѣ, любовь къ писательству, т.-е. къ искусству.—Семья? Но жена, дѣти—тоже люди; они тоже должны или жить во лжи, или видѣть ужасную истину.—Искусство, поэзія? Но это—украшеніе жизни, заманка къ ней; для кого жизнь потеряла всю свою заманчивость, тотъ не можетъ заманивать къ ней другихъ. Въ душу Левина закрадывалось отчаяніе; здоровый, полный силъ, окруженный любимою семьею, онъ начиналъ думать о самоубійствѣ.

Отвѣта на мучительный вопросъ: „есть ли въ жизни такой смыслъ, который не уничтожался бы неизбѣжностью смерти“—

ищетъ Левинъ прежде всего въ знаніи. Онъ замѣчаетъ, что по отношенію къ занимающему его вопросу всѣ человѣческія знанія какъ бы дѣлятся на двѣ противоположныя полусферы. Одинъ рядъ знаній какъ бы и не признаетъ вопроса, но за то точно и ясно отвѣчаетъ на многое другое: это—знанія опытныя, и на крайней ихъ точкѣ стоитъ математика. Второй рядъ знаній признаетъ вопросъ, но не отвѣчаетъ на него: это—знанія умозрительныя, и на крайней ихъ точкѣ стоитъ метафизика. Первыя говорятъ человѣку: въ безконечно большомъ пространствѣ, въ безконечно долгое время, безконечно малыя частицы видоизмѣняются въ безконечной сложности; когда ты поймешь законы этихъ видоизмѣненій, тогда и узнаешь, зачѣмъ живешь. Послѣднія предлагаютъ понять сначала, что̀ такое жизнь всего человѣчества, изъ которой каждому извѣстна только крошечная часть, въ крошечный періодъ времени—и затѣмъ уже разрѣшить вопросъ о цѣли и смыслѣ отдѣльной, личной жизни. Опытныя науки вовсе не ставятъ—или, по крайней мѣрѣ, не должны ставить—вопроса о конечной причинѣ и конечной цѣли бытія; умозрительныя науки ставятъ этотъ вопросъ только для того, чтобы отвѣчать на него: не знаю. Міръ есть что-то безконечное и непонятное; жизнь человѣческая есть непостижимая часть этого непостижимаго всего—вотъ послѣднее слово умозрительнаго знанія, пока оно не пытается опредѣлить цѣну жизни. Если оно идетъ дальше, то заключеніе его—по крайней мѣрѣ въ области истинной философіи—всегда одно и то же: „все—суета; счастливъ, кто не родился; смерть—лучше жизни; надобно избавиться отъ жизни“.

Не найдя разъясненія въ знаніи, Левинъ ищетъ его въ жизни; онъ наблюдаетъ, какъ разрѣшается роковой вопросъ вокругъ него, людьми одинаковаго съ нимъ образованія и положенія. Оказывается, что есть четыре выхода изъ заколдованнаго круга. Первый выходъ есть выходъ невѣдѣнія; онъ состоитъ въ томъ, чтобы не знать, не понимать, что жизнь есть зло или безсмыслица. Останавливаются на этомъ выходѣ, большею частью, женщины, или очень молодые, или очень тупые люди. Отъ нихъ ничему нельзя научиться; нельзя перестать знать то, что знаешь. Второй выходъ—это выходъ эпикурейства. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы, зная безнадежность жизни, пользоваться пока тѣми благами, какія она даетъ. Этого второго выхода придерживаются люди, у которыхъ земныхъ благъ больше, чѣмъ золъ, если нравственная тупость позволяетъ имъ забыть и случайность ихъ привилегированнаго положенія, и неизбѣжность болѣзней, старости и смерти.

Этимъ людямъ также нельзя подражать; не имѣя ихъ тупости воображенія, нельзя въ себѣ искусственно ее произвести. Третій выходъ состоитъ въ томъ, чтобы, понявъ жизнь, уничтожить ее въ себѣ; число избирающихъ этотъ выходъ постоянно растетъ, и мы видѣли, что о немъ помышлялъ и Левинъ. Четвертый выходъ есть выходъ слабости. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы, понимая зло и безсмысленность жизни, тянуть ее, зная напередъ, что ничего изъ нея выйти не можетъ. Таково было, въ данную минуту, положеніе Левина—положеніе мучительное, ужасное, и если Левинъ не предпочелъ ему третій выходъ, то единственно потому, что не переставалъ сомнѣваться въ правильности своихъ разсужденій. Онъ чувствовалъ, что въ нихъ есть какая-то ошибка, но не могъ найти ее, не зналъ даже, гдѣ ее искать—въ самомъ ли ходѣ мысли или въ постановкѣ вопроса. Ему помогъ не разумъ—ему помогло нѣчто другое, для чего онъ не можетъ пріискать иного имени, какъ сознаніе жизни. Сила жизненнаго сознанія заставила его обратить вниманіе на то, что онъ, съ сотнями подобныхъ ему людей—еще не все человѣчество, что жизни человѣчества онъ еще не знаетъ, что изъ-за единицъ онъ забываетъ о милліардахъ людей, жившихъ и живущихъ прежде. Въ заблужденіи умственной гордости, онъ ни разу даже и не останавливался на вопросѣ: какой же смыслъ придавали и придаютъ жизни всѣ эти милліарды? Онъ долго жилъ въ этомъ сумасшествіи, свойственномъ именно самымъ либеральнымъ и ученымъ людямъ. Пришла, наконецъ, минута, когда—благодаря какой-то странной любви къ настоящему рабочему народу—онъ почуялъ, что искать смысла жизни надо не у тѣхъ, которые потеряли смыслъ жизни и хотятъ убить себя, а у тѣхъ милліардовъ отжившихъ и живущихъ людей, которые дѣлаютъ и на себѣ несутъ свою и чужую жизнь. Оглянувшись на этихъ людей, онъ увидѣлъ, что они, за рѣдкими исключеніями, не подходятъ ни подъ одинъ изъ перечисленныхъ выше четырехъ разрядовъ. Признать ихъ непонимающими вопроса нельзя, потому, что они ставятъ его и съ необыкновенною ясностью на него отвѣчаютъ. Признать ихъ эпикурейцами тоже нельзя, потому, что въ ихъ жизни гораздо больше лишеній и страданій, чѣмъ наслажденій; признать ихъ неразумно доживающими безсмысленную жизнь можно еще меньше, такъ какъ для нихъ ясенъ всякій актъ ихъ жизни, ясна и самая смерть; убивать же себя они считаютъ величайшимъ зломъ. Оказывается, такимъ образомъ, что разумное знаніе не даетъ смысла жизни, исключаетъ жизнь,—а смыслъ, придаваемый жизни милліардами людей, зиждется на какомъ-то

презрѣнномъ, ложномъ знаніи. Гдѣ выходъ изъ этого противорѣчія? Левинъ находитъ его въ томъ, что отвѣтъ знанія на вопросъ жизни можетъ быть только неопредѣленный. Знаніе имѣетъ дѣло исключительно съ конечнымъ—а вопросъ жизни есть вопросъ объ отношеніи конечнаго къ безконечному. Это отношеніе раскрывается одной лишь вѣрой, которая одна лишь и даетъ возможность жить. Гдѣ жизнь, тамъ и вѣра; ея отвѣты, въ чемъ бы они ни заключались, даютъ конечному существованію человѣка смыслъ безконечнаго—смыслъ, не уничтожаемый страданіями, лишеніями и смертью. Вѣра—это сила жизни, это знаніе смысла жизни. Отсюда начинается новый фазисъ въ внутренней исторіи Левина—фазисъ исканія вѣры.

Онъ обращается, прежде всего, къ вѣрующимъ своего круга — но скоро замѣчаетъ, что для нихъ, какъ и для него, существуетъ, въ сущности, только одинъ смыслъ жизни: жить, пока живется, и брать все, что можетъ взять рука. Они боятся лишеній, страданій, смерти—слѣдовательно, они чужды того смысла жизни, при которомъ немыслима подобная боязнь. Ихъ вѣра — не вѣра, а только одно изъ эпикурейскихъ наслажденій жизни; она не можетъ годиться для большинства человѣчества, призваннаго не потѣшаться, а творить жизнь. Совершенно другое—вѣра бѣдныхъ, простыхъ, неученыхъ людей, страдающихъ безъ недоумѣнія и противленія, приближающихся къ смерти съ спокойствіемъ, часто съ радостью. И вотъ, жизнь круга, въ которомъ прежде вращался Левинъ, становится ему противной, теряетъ для него всякій смыслъ. Всѣ дѣйствія и разсужденія этого круга, наука, искусства—все это представляется ему однимъ баловствомъ; настоящую жизнь онъ видитъ въ жизни трудящагося народа, смыслъ этой жизни дѣлается для него истиной, потому что онъ находитъ здѣсь гармонію между вѣрованіями и жизнью. Онъ понимаетъ теперь источникъ своихъ прежнихъ заблужденій; они зависѣли не столько отъ того, что онъ невѣрно мыслилъ, сколько отъ того, что онъ жилъ дурно. Прежній отвѣтъ его на вопросъ жизни: жизнь есть безсмыслица и зло—былъ правиленъ въ примѣненіи къ прежней его жизни, проходившей въ эпикурействѣ, въ удовлетвореніи похотямъ, въ стремленіи къ личному благу; ошибка заключалась въ томъ, что этотъ отвѣтъ примѣнялся имъ къ жизни вообще. Если человѣкъ долженъ добывать жизнь, и добывать ее не только для себя, но и для другихъ, для всѣхъ, то паразитъ, никогда не добывавшій жизни, на вопросъ о смыслѣ жизни и не могъ получить иного отвѣта, какъ указанія на безсмыслицу и зло жизни,—его жизнь дѣйствительно была безсмысленна

и зла... Сознаніе ошибки освобождаетъ Левина отъ соблазна празднаго умствованія. Убѣжденіе въ томъ, что знаніе истины можно найти только жизнью, побудило его усомниться въ правильности его жизни; но спасеніе свое онъ приписываетъ только тому, что онъ успѣлъ вырваться изъ своей исключительности и понять настоящую жизнь—жизнь простого рабочаго народа. Постепенно и незамѣтно вернулась къ нему жизненная сила—именно вернулась, потому что она была не новая, а старая, та самая, которая влекла его на первыхъ порахъ его жизни. Онъ возвратился во всемъ къ самому прежнему, дѣтскому и юношескому—къ вѣрѣ въ Бога, въ нравственное совершенствованіе и въ преданіе, передававшее смыслъ жизни. Только та и была разница, что тогда все это было принято безсознательно, а теперь онъ зналъ, что безъ этого онъ не можетъ жить.

На этомъ обрывается, въ сновидѣніи М. С. Громеки, „исповѣдь“ Левина—графа Толстого. Она, очевидно, не закончена. Мы не узнаемъ, оказалось ли возможнымъ полное тождество между личными вѣрованіями, выработанными трудной, долгой борьбою, и коллективными, непосредственными вѣрованіями массы, никогда не подвергавшимися ни колебаніямъ, ни критикѣ. Мы не узнаемъ, въ чемъ заключается та вѣра, на которой окончательно остановился Л. Н. Толстой. Мы можемъ судить—или, лучше сказать, догадываться—о ней только по тѣмъ дѣйствіямъ, которыя внушены ею. Въ началѣ 1882 г., гр. Л. Н. Толстой принялъ участіе въ переписи жителей Москвы. За нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ произнесъ, въ собраніи московской думы, рѣчь, тогда же напечатанную во всѣхъ газетахъ. Онъ предложилъ воспользоваться переписью, чтобы организовать, на широкихъ и прочныхъ основаніяхъ, помощь бѣднѣйшему населенію Москвы. Для насъ особенно важны слѣдующія мысли, высказанныя при этомъ Л. Н. Толстымъ: „цѣль соціологіи — счастье людей, тогда какъ цѣль всякой другой науки есть только знаніе... Наука дѣлаетъ свое дѣло, и для своихъ цѣлей въ далекомъ будущемъ дѣлаетъ дѣло полезное и нужное. Для людей науки возможно спокойно сказать, что въ 1882 г. столько-то нищихъ, столько-то проститутокъ, столько-то дѣтей безъ призору. Наука можетъ это сказать спокойно, потому что утвержденіемъ этого факта уясняются законы соціологіи, а уясненіе законовъ ведетъ къ тому, что общества учреждаются лучше. Другое дѣло — общество и каждый изъ его членовъ; для нихъ немыслимо успокоеніе на мысли, что пускай погибаютъ и погибнутъ сотни тысячъ людей — и тогда, можетъ быть, наука устроитъ все прекрасно. Къ переписи, какъ къ

научной работѣ, надобно, поэтому, присоединить дѣло любовнаго общенія богатыхъ, досужныхъ и просвѣщенныхъ съ нищими, задавленными и темными. Нужно не давать закрыться поднятой завѣсѣ, нужно устранить зло разобщенія между нами и нищими —и еще большее зло равнодушія и безцѣльности нашей жизни. Есть и всегда будетъ одно дѣло, на которое стоитъ положить всю жизнь, какая есть въ человѣкѣ; это дѣло—любовное общеніе людей съ людьми и разрушеніе преградъ, воздвигнутыхъ для того, чтобы веселье богача не нарушалось стонами безпомощнаго голода, холода и болѣзней... Что бы ни было сдѣлано въ этомъ смыслѣ, все будетъ много. Но почему же не надѣяться, что будетъ сдѣлано все? Почему не надѣяться, что въ Москвѣ не станетъ ни одного раздѣтаго, ни одного голоднаго, ни одного проданнаго за деньги человѣческаго существа, ни одного несчастнаго, задавленнаго судьбой человѣка, который бы не зналъ, что у него есть братская помощь? Не то удивительно, чтобы этого не было, а то удивительно, что это есть, рядомъ съ нашимъ излишкомъ досуга и богатствъ, и что мы можетъ жить спокойно, зная что все это есть. Этого не должно быть, если мы—живые люди".

Таковъ былъ призывъ, обращенный къ московскому обществу; его результаты сдѣлались извѣстными только недавно, послѣ появленія въ „Русскомъ Богатствѣ" (№№ 9 и 10) воспоминаній Л. Н. Толстого о московской переписи. Эти воспоминанія, перепечатанныя почти цѣликомъ во многихъ газетахъ, вѣроятно, всѣмъ извѣстны; они представляютъ собою рядъ поразительныхъ картинъ, глубоко врѣзывающихся въ память. И здѣсь — точно такъ же какъ въ „исповѣди Левина", передаваемой М. С. Громекой - чувствуется громадный пробѣлъ, чувствуется независящая отъ автора незаконченность и недосказанность; тамъ остается неразрѣшеннымъ вопросъ о содержаніи вѣры, здѣсь — о направленіи дѣятельности, обусловливаемой вѣрою. „Благотворительность моя" — этими словами заканчиваются въ журналѣ воспоминанія о переписи—„сошла на нѣтъ и совсѣмъ прекратилась, но ходъ мыслей и чувствъ, который она вызывала во мнѣ, не только не прекратился, но внутренняя работа пошла съ удвоенною силой". Въ чемъ заключалась эта внутренняя работа и къ чему она привела—русской публикѣ пока еще не дано узнать; свободное оглашеніе — а слѣдовательно и обсужденіе—взглядовъ первокласснаго русскаго писателя возможно, покамѣстъ, лишь за предѣлами Россіи. Передъ нашими глазами остается только фактъ неудачи, постигшей первую практическую попытку Л. Н. Толстого—фактъ, едва освѣщенный намеками на причины неудачи. Для осуществленія

плана, задуманнаго въ связи съ переписью, необходимы были два условія: съ одной стороны—достаточное количество личныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ, обращенныхъ на помощь нуждающемуся населенію, съ другой стороны — достаточное число лицъ, которымъ эти силы и средства могли бы принести дѣйствительную помощь. Ни того, ни другого условія на лицо не оказалось. „Съ содѣйствіемъ благотворителей,—говоритъ авторъ воспоминаній,—произошло очень странное для меня и неожиданное. Изъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя обѣщали мнѣ денежное содѣйствіе и даже опредѣлили число рублей (такъ что всего можно было ожидать до трехъ тысячъ), ни одинъ не передалъ мнѣ для раздачи бѣднымъ ни одного рубля. Дали только студенты тѣ деньги, которыя причитались имъ за работу по переписи — кажется двѣнадцать рублей". Еще меньше сбылись ожиданія Л. Н. Толстого при разысканіи людей, нуждающихся въ помощи. Отправляясь въ самый центръ московской нищеты—въ такъ-называемую „ржановскую крѣпость", соотвѣтствующую нашему петербургскому дому князя Вяземскаго,—онъ предполагалъ найти тамъ какихъ-то „особенныхъ людей", а нашелъ точно такихъ же, какъ и тѣ, среди которыхъ самъ жилъ. „Какъ среди насъ, такъ точно и между ними, были болѣе или менѣе дурные, болѣе или менѣе счастливые, болѣе или менѣе несчастные". Несчастіе послѣднихъ было „не во внѣшнихъ условіяхъ, а въ нихъ самихъ—несчастіе такое, которое нельзя поправить какою бы то ни было бумажкой... Я искалъ просто несчастныхъ отъ бѣдности—такихъ мнѣ не попадалось, а все попадались такіе несчастные, которымъ надо посвятить много времени и заботы"... Не мало встрѣчалось и такихъ, которымъ можно было помочь, только перемѣнивъ ихъ міросозерцаніе. „Я не видѣлъ того, что люди эти несчастны не потому что у нихъ нѣтъ, такъ сказать, питательной пищи, а потому, что ихъ желудокъ испортился, и что они ужъ требуютъ не питательной, а раздражающей аппетитъ пищи; я не видѣлъ, что для того, чтобы помочь имъ, надо имъ дать не пищу, а надо вылечить ихъ испорченные желудки". Въ одной квартирѣ ржановской крѣпости жила проститутка, торгующая своей тринадцатилѣтней дочерью. „Я рѣшилъ,—говоритъ авторъ воспоминаній,—что надо спасти дочь, надо заинтересовать дамъ, сочувствующихъ жалкому положенію этихъ женщинъ, и прислать ихъ сюда... Я не подумалъ о томъ, что большинство тѣхъ дамъ, которыхъ я хотѣлъ прислать для спасенія дѣвочки, не только сами живутъ безъ рожденія дѣтей и безъ работы, служа только удовлетворенію чувственности, но и сознательно воспитываютъ своихъ дѣвочекъ

для этой самой жизни. Одна мать ведетъ дочь въ трактиръ, другая—на балы. У той и у другой матери міросозерцаніе одно и тоже—а именно, что женщина должна удовлетворять похоть мужчины, и за это ее должны одѣвать, кормить и жалѣть. Такъ какъ же наши дамы будутъ исправлять эту женщину и ея дочь?"... Остаются еще безпріютныя дѣти. Одного мальчика Л. Н. Толстой взялъ къ себѣ въ домъ, но тотъ скоро ушелъ обратно въ ржановскую крѣпость, а оттуда нанялся въ зоологическій садъ—водить слоновъ, въ костюмѣ дикаго, за 30 коп. въ день. „Еслибы я тогда вдумался въ жизнь этого мальчика и въ свою,—замѣчаетъ Л. Н. Толстой,—я бы понялъ, что мальчикъ испорченъ тѣмъ, что онъ узналъ возможность веселой жизни безъ труда, что онъ отвыкъ работать. И я, чтобы благодѣтельствовать и исправить его, взялъ его въ свой домъ, гдѣ онъ видѣлъ... что же? Моихъ дѣтей—и старше его, и моложе, и ровесниковъ,—которыя никогда ничего для себя не только не работали, но всѣми средствами доставляли работу другимъ". Въ концѣ-концовъ Л. Н. Толстой сравниваетъ себя, по поводу своихъ благотворительныхъ попытокъ въ ржановской крѣпости, съ врачемъ, „который пришелъ съ своимъ лекарствомъ къ больному, обнажилъ его язву, разбередилъ ее и долженъ сознаться передъ собой, что все это онъ сдѣлалъ напрасно, что лекарство его не годится".

По обломкамъ статуи можно, до извѣстной степени, судить о самой статуѣ, по отрывкамъ ученія или системы—о самой системѣ; но трудность оцѣнки въ послѣднемъ случаѣ несравненно больше, чѣмъ въ первомъ. Рука или нога статуи можетъ быть прекрасна сама по себѣ, независимо отъ всего остального; она можетъ свидѣтельствовать съ достаточною ясностью о высокомъ дарованіи художника, хотя бы ни одно изъ его созданій не дошло до насъ въ полномъ своемъ объемѣ. Въ произведеніи мыслителя, наоборотъ, все связано неразрывною связью; уничтожить или скрыть послѣдніе его выводы, значитъ оставить фундаментъ безъ зданія, зданіе—безъ крыши, колоннаду—безъ фронтона. „Исповѣдь Левина", отдѣленная отъ его положительныхъ вѣрованій—это точно египетская аллея сфинксовъ, прежде составлявшая преддверіе храма, а теперь теряющаяся въ степи. Чѣмъ живѣе ощущаетъ путникъ близость величественной постройки, тѣмъ сильнѣе разочарованіе его, когда онъ останавливается въ концѣ аллеи—и видитъ передъ собою лишь нѣсколько разрозненныхъ камней, на половину занесенныхъ пескомъ пустыни... Наше сравненіе грѣшитъ только

однимъ: храмъ, въ данномъ случаѣ, существуетъ, но переступить его порогъ можно не иначе, какъ украдкой, и о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ оттуда, говорить нельзя. Однихъ терзаетъ невозможность проникнуть въ храмъ, другихъ тяготитъ вынужденное молчаніе о его тайнахъ—но всѣми, дошедшими до конца аллеи, овладѣваетъ томительное чувство, одинъ оттѣнокъ котораго съ такою силой выраженъ въ послѣднихъ страницахъ, написанныхъ М. С. Громекой. „Вы намъ сказали,—восклицаетъ юноша, выслушавшій „Исповѣдь Левина“,—какой путь ведетъ къ истинѣ, вы указали на послѣднюю дверь, за которой стоитъ уже она одна, эта желанная истина, но дверь все такъ же, какъ прежде, закрыта, и вы—только волненіе, но не тотъ миръ и спокойствіе, которыхъ такъ мучительно жаждемъ всѣ мы, сомнѣвающіеся, страдающіе, сумасшествующіе люди девятнадцатаго вѣка. Вы сообщили намъ ваше волненіе—и мы наполнились имъ; давайте же намъ миръ и отраду, а не только волненіе, разскажите намъ, что̀ вы узнали... Слушая васъ, чувствуешь то неповторяемое блаженство, какъ въ дѣтствѣ, бывало, когда, сдѣлавъ что-нибудь злое, послѣ тяжелаго, злобнаго чувства, на колѣняхъ у отца или у матери, плачешь слезами раскаянія и вѣры, что они своею любовью сдѣлаютъ тебя снова счастливымъ и чистымъ... Слушая васъ, опять ждешь новой надежды, новой вѣры въ разумность и добро человѣческой жизни. Разсказъ вашъ, его чистое чувство, сдѣлали дѣло. Они смягчили намъ сердце, наполнили насъ предчувствіемъ истины, приготовили насъ. Говорите теперь; раскройте намъ тайны открывающейся вамъ новой, величайшей области прекраснаго—и пусть вашъ голосъ звучитъ одной только любовью“... Это, очевидно, слова человѣка заранѣе повѣрившаго, заранѣе убѣжденнаго, что храмъ, еще не раскрытый, есть храмъ безусловной истины и всепобѣждающей любви. Само собою разумѣется, что рядомъ съ вѣрующими стоятъ и невѣрующіе, и колеблющіеся, и полу-вѣрующіе—но раскрытія дверей храма нетерпѣливо ждутъ не одни первые, потому что значительность раздающагося тамъ слова стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній. Она чувствуется во всемъ томъ, что̀ долетаетъ оттуда до нашего слуха. Не даромъ понадобилось такъ скоро второе изданіе книги М. С. Громеки; не даромъ содержаніе „исповѣди“ воспроизводится еще разъ, въ другой формѣ, однимъ изъ органовъ нашей періодической печати. Невозможность изучить цѣлое обусловливаетъ собою интересъ къ отрывкамъ—интересъ вполнѣ законный, потому что въ этихъ отрывкахъ отражается все-таки

не только душевный міръ замѣчательнаго человѣка, но и одно изъ главныхъ вѣяній эпохи.

О двухъ сторонахъ „исповѣди“ мы не будемъ говорить вовсе, потому что онѣ достаточно оттѣнены въ книгѣ М. С. Громеки. Одна изъ нихъ—это преувеличеніе, въ которое впадаетъ „Левинъ“, вспоминая свое нравственное и умственное одиночество въ годы молодости, во время писательскихъ дебютовъ. „Года вашей молодости,—справедливо возражаетъ Левину его слушатель и поклонникъ,—были временемъ духовнаго расцвѣта Россіи. Тогда было много людей, быть можетъ неумѣло, но все же горячо и искренно стремившихся къ истинѣ и добру. И потому слова объ одиночествѣ нехорошо дѣйствуютъ на слухъ, отзываясь чѣмъ-то аристократическимъ и капризнымъ... Корыстолюбіе и славолюбіе не были же безусловно общимъ свойствомъ всѣхъ тогдашнихъ писателей; были же люди чистые, да и у самыхъ низменныхъ писателей была своя, хотя и несовершенная, но все же чистая для нихъ святыня“. Второе, столь же основательное замѣчаніе М. С. Громеки касается пробѣла, образующагося въ „исповѣди“ вслѣдствіе совершеннаго игнорированія ею художественной дѣятельности Л. Н. Толстого. Кто не знаетъ этой дѣятельности, тотъ можетъ подумать, читая „Исповѣдь“, что въ литературныхъ произведеніяхъ автора никогда не затрогивались вопросы, на которыхъ теперь сосредоточено все его вниманіе, никогда не чувствовалась борьба, заключившаяся полнѣйшимъ нравственнымъ переворотомъ. На самомъ дѣлѣ это не такъ; черезъ всѣ сочиненія Л. Н. Толстого, начиная съ самыхъ раннихъ, проходитъ, какъ красная нить, то „исканіе выхода“, которое завершилось въ послѣдніе годы. Слушатель „исповѣди“ Левина совершенно правъ, когда восклицаетъ, обращаясь къ учителю: „вы всегда задавали себѣ вопросъ:—Зачѣмъ?.. Ну, а потомъ?—всегда искали рѣшенія ему въ той области, которая была родною для няни вашей матери, Настасьи, для блаженнаго, юродиваго Гриши, для казаковъ, для солдатъ, для мужиковъ, для всѣхъ этихъ милліоновъ простыхъ трудящихся людей“. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить юношескія мечты Коли Иртеньева, бѣгство Оленина на лоно полу-дикой природы, недоумѣнія и порывы Пьера Безухаго, чистый образъ Каратаева—и въ особенности исторію Левина, столь схожаго съ своимъ оригиналомъ, что нѣкоторыя страницы „Анны Карениной“ кажутся точно выхваченными изъ „Исповѣди“, или наоборотъ.

Остановимся на этомъ безспорномъ фактѣ и сопоставимъ его

съ однимъ изъ выводовъ „Исповѣди". „Исповѣдь" провозглашаетъ искусство баловствомъ, не признаетъ за художествомъ, за поэзіей „призванія учить людей". „Баловствомъ", слѣдовательно, было изображеніе сомнѣній, мучившихъ Левина, помысловъ о самоубійствѣ, тяготѣвшихъ надъ нимъ въ минуты полнѣйшаго внѣшняго счастья, первыхъ шаговъ его къ спокойствію, къ душевному миру? Серьезнымъ, чуждымъ баловства—то же теченіе мысли сдѣлалось лишь съ тѣхъ поръ, какъ была отброшена въ сторону поэтическая оболочка, съ тѣхъ поръ, какъ вопросъ былъ перенесенъ на почву дѣйствительности, поставленъ прямо отъ лица автора? Вѣроятно ли, возможно ли такое превращеніе? Неужели юридическій афоризмъ: la forme emporte le fond—примѣнимъ къ области философскихъ и нравственныхъ ученій; неужели внутренняя цѣнность идеи или чувства зависитъ такъ безусловно отъ способа ихъ выраженія? Нѣтъ, мы отказываемся допустить, чтобы между „Анной Карениной" и „Исповѣдью"—беремъ ближайшія, по времени, произведенія двухъ различныхъ категорій—была та solution de continuité, та непроходимая пропасть, къ признанію которой ведетъ отрицаніе искусства. Одно изъ этихъ произведеній является продолженіемъ другого, оба идутъ изъ одного и того же источника,—и протестъ художника противъ художества опровергается, прежде всего, собственнымъ его прошедшимъ. Какъ бы онъ ни смотрѣлъ теперь на свое художественное творчество, оно сохраняетъ прежнее значеніе—сохраняетъ его, между прочимъ, именно благодаря тому, чѣмъ оно связано съ новымъ фазисомъ жизни писателя. Великій поэтъ, если онъ не только мастеръ формы, вкладываетъ въ свои созданія всю свою душу—и уже въ силу этого одного становится, сознательно или безсознательно, учителемъ для современниковъ и для потомства. Такимъ учителемъ Л. Н. Толстой не только казался—онъ былъ имъ на самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ, какъ написалъ „Дѣтство" и кавказскіе военные разсказы. Это не значитъ, конечно, чтобы ученіе, проповѣдуемое имъ теперь, было простой парафразой его романовъ—далеко нѣтъ; оно заключаетъ въ себѣ много новаго, существенно отличнаго отъ прежнихъ идеаловъ автора. Для насъ важно только то, что Толстому—мыслителю, презирающему искусство, можетъ быть противопоставленъ Толстой—художникъ, именно въ области искусства ставшій тѣмъ, чѣмъ мы видимъ его въ настоящее время.

„Баловствомъ", съ точки зрѣнія „Исповѣди", слѣдуетъ признать и науку. Отъ Толстого мы и въ этомъ отношеніи можемъ апеллировать къ самому Толстому—и, что всего важнѣе, къ Тол-

стому, уже написавшему „Исповѣдь“. Два года спустя послѣ ея окончанія, въ московской рѣчи 1882 г., Толстой произноситъ слѣдующія знаменательныя слова: „Цѣль соціологіи—счастье людей... Уясненіе законовъ соціологіи ведетъ къ тому, что общества учреждаются лучше“. Изъ области наукъ выдѣлена здѣсь, правда, только одна—но этимъ выгораживаются всѣ другія, подобно тому, какъ десяти праведниковъ было бы достаточно для спасенія всѣхъ жителей Содома. Соціологія—послѣдняя въ ряду наукъ, предполагающая существованіе всѣхъ остальныхъ, на нихъ опирающаяся, черпающая изъ нихъ значительную часть своего матеріала. Если цѣль соціологіи—счастье людей, если съ ея помощью „улучшается устройство обществъ“, а слѣдовательно и положеніе каждаго отдѣльного человѣка, то безполезной нельзя признать ни одну науку, „баловствомъ“—ни одно научное занятіе. О правильности или точности выраженія: „цѣль науки (какой бы то ни было)—счастье людей“,—можно, безъ сомнѣнія, много спорить; можно утверждать, что наука служитъ цѣлью сама для себя, что она не нуждается въ утилитарной подкладкѣ или даже плохо уживается съ нею. Намъ нѣтъ надобности вдаваться въ подробности этого спора; для нашей цѣли нужно только установить, что научное знаніе, по словамъ самого Л. Н. Толстого, можетъ служить *однимъ изъ средствъ* къ достиженію всеобщаго счастія. Ошибочно было бы думать, что неизбѣжной, характеристической чертой научныхъ занятій служитъ то безстрастіе, то невозмутимое спокойствіе, о которыхъ упоминаетъ Л. Н. Толстой въ своей московской рѣчи. Безстрастенъ фактъ, заносимый въ лѣтописи науки—но далеко не всегда безстрастно отношеніе изслѣдователя къ этому факту. Наука всегда имѣла и до сихъ поръ имѣетъ своихъ мучениковъ, всѣмъ жертвующихъ для раскрытія истины – иногда изъ-за отвлеченнаго ея культа, иногда изъ-за благъ, которыя она можетъ принести страдающему человѣчеству. Припомнимъ, напримѣръ, опыты д-ра Пастёра и его сотрудниковъ надъ собачьимъ бѣшенствомъ — опыты, сопряженные съ постоянною опасностью для жизни; припомнимъ готовность одного изъ учениковъ или поклонниковъ Пастёра привить самому себѣ тотъ ядъ, нейтрализаціи котораго хочетъ достигнуть великій ученый. „Счастье людей“ является, такимъ образомъ, предметомъ заботъ не для одной только соціологіи—или, лучше сказать, не для однихъ только соціологовъ. Наука, какъ одно великое цѣлое, не имѣетъ ничего общаго съ „баловствомъ“ уже въ силу тѣхъ практическихъ результатовъ, къ которымъ она приводитъ или возможность которыхъ прямо отъ нея зависитъ. *Одной доброй воли*, одного

желанія служить другимъ не всегда достаточно для достиженія цѣли; на каждомъ шагу необходима помощь знанія, т.-е. науки. Безъ заимствованій изъ науки не можетъ обойтись ни одна теорія, ни одна система, какъ бы далека, повидимому, она ни была отъ научной почвы. Возьмемъ хотя бы ученіе о „непротивленіи злу“, составляющее, по слухамъ, средоточіе „вѣры“ Л. Н. Толстого. Можно ли построить и обосновать его безъ содѣйствія лингвистики, раскрывающей смыслъ источниковъ, безъ содѣйствія исторіи, знакомящей съ послѣдствіями „противленія злу“, безъ ссылокъ на философію, подставлявшую подъ него тѣ или другія теоретическія подпорки?..

Мы говорили до сихъ поръ только о служебной роли науки и искусства; мы старались доказать, что даже съ точки зрѣнія автора „Исповѣди“ въ нихъ нельзя видѣть одно только „баловство“, одну только забаву образованныхъ, достаточныхъ, „праздныхъ“ классовъ общества. Нужно ли напоминать, что кромѣ этой точки зрѣнія существуютъ другія, столь же естественныя и законныя? Стремленіе къ знанію непогасимо и неудержимо. Постоянно воспринимая впечатлѣнія, постоянно перерабатывая ихъ въ своемъ сознаніи, человѣкъ не можетъ не идти отъ обобщенія къ обобщенію, пополняя, повѣряя, исправляя свои представленія о внѣшнемъ и внутреннемъ мірѣ. Настолько же свойственно ему и воспроизведеніе испытаннаго—воспроизведеніе, кульминаціоннымъ пунктомъ котораго служитъ искусство. Отрицательное отношеніе къ наукѣ, къ искусству, возможно для отдѣльнаго лица, какъ протестъ противъ исключительнаго ихъ господства, какъ результатъ беззавѣтнаго погруженія въ другую сферу—но невозможно для цѣлаго общества, для совокупности людей, живущихъ полною, всестороннею жизнью. Вокругъ девиза: „наука—суета, искусство—суета“, можетъ соединиться небольшая группа аскетовъ, отворачивающихся отъ всего земного, или небольшая группа самоотверженныхъ самарянъ, посвятившихъ себя всецѣло облегченію чужихъ страданій, утоленію чужого горя; краеугольнымъ камнемъ практической морали, для всѣхъ обязательной и для всѣхъ доступной, этотъ девизъ сдѣлаться не можетъ, потому что онъ идетъ въ разрѣзъ съ самымъ существомъ человѣческой природы, ограничиваетъ ея развитіе, игнорируетъ часть ея требованій. Сильное движеніе въ эту сторону—еслибы ему и суждено было наступить—непремѣнно вызвало бы реакцію, порывистое возвращеніе въ запретную, осужденную область.

Низводя науку на степень „баловства“, Л. Н. Толстой дѣйствовалъ, повидимому, подъ вліяніемъ трехъ главныхъ мотивовъ:

воспоминанія о томъ, что наука не дала ему отвѣта на вопросъ жизни; убѣжденія, что гдѣ различіе мнѣній, тамъ нѣтъ мѣста для истины, и—стремленія къ непосредственности того быта, въ которомъ онъ нашелъ давно желанный отвѣтъ—быта „простыхъ рабочихъ людей", не знающихъ иного труда, кромѣ физическаго. Безспорно, на вопросъ: зачѣмъ? наука прямо не отвѣчаетъ—но среди разнообразныхъ основаній, изъ которыхъ выводится каждымъ ищущимъ искомое руководящее начало, большую роль играютъ уже теперь (и еще бóльшую, вѣроятно, будутъ играть въ будущемъ) данныя, доставляемыя наукой. Она даетъ матеріалъ для построеній, выходящихъ за предѣлы положительнаго знанія, но въ немъ имѣющихъ свою исходную точку,—для идеаловъ, направляющихъ личную дѣятельность къ опредѣленной практической цѣли. Роль науки, въ этомъ отношеніи, начинаетъ походить на роль, еще недавно принадлежавшую философіи, да и теперь не совсѣмъ утраченную ею. Собственно говоря, „категорическій императивъ" Канта не вытекалъ изъ главныхъ началъ его системы; это было скорѣе приставкою къ философіи, вызванною стремленіемъ связать ее съ жизнью, чѣмъ строго логическимъ изъ нея выводомъ. Такія же приставки дѣлаются, въ наше время, и къ наукѣ; на равенство съ нею, на включеніе въ ея сферу онѣ, въ большинствѣ случаевъ, и не претендуютъ—но въ глазахъ своихъ авторовъ онѣ неразрывно связаны съ наукой, и изъ нея, по крайней мѣрѣ отчасти, черпаютъ свою нравственную силу. При извѣстномъ складѣ ума онѣ ничѣмъ незамѣнимы; по твердости и прочности онѣ равняются иногда опорамъ другого рода, не имѣющимъ ничего общаго съ наукой. Еще чаще нравственныя основы жизни заимствуются изъ области, разстилающейся за границами науки—изъ области непознаваемаго, magni ignoti (Спенсеровскаго Unknowable). Такое заимствованіе отнюдь не равносильно отрицанію науки, пренебреженію къ ней, провозглашенію ея пустымъ „баловствомъ"; оно совмѣстимо съ величайшимъ уваженіемъ къ научному знанію, съ полнѣйшею преданностью наукѣ. Если наука имѣетъ свой предѣлъ, постоянно отодвигаемый впередъ, но все же, въ каждую данную минуту, останавливающій движеніе научной мысли, то перейти за этотъ предѣлъ—сознавая, что по ту сторону его начинается совершенно другая область,—не значитъ еще отречься отъ науки; это значитъ только признать, лично для себя, недостаточность тѣхъ стимуловъ къ дѣятельности, прямымъ или косвеннымъ источникомъ которыхъ служитъ наука. Ничего другого, въ сущности, и не сдѣлалъ Л. Н. Толстой; напрасно только онъ обрекъ на сожженіе корабль, неприспособленный ко

всѣмъ его личнымъ требованіямъ. Изъ того что онъ, оставаясь на этомъ кораблѣ, не могъ бы достигнуть своей цѣли, еще не слѣдуетъ, чтобы не могъ плыть на немъ до самаго конца и никто другой.

Существенно отличаясь отъ области познаваемаго, область непознаваемаго имѣетъ съ нею, однако, по меньшей мѣрѣ одну общую черту: ни та, ни другая не исключаетъ различія, даже противорѣчія взглядовъ. Разногласіе, встрѣченное Л. Н. Толстымъ въ его прежней сферѣ дѣятельности и оттолкнувшее его отъ нея, повторяется, mutatis mutandis, и тамъ, куда насъ вводитъ „Исповѣдь". Авторъ „Исповѣди", повидимому, этого не замѣчаетъ. Какъ только онъ понялъ значеніе нѣкоторыхъ явленій общественной жизни, такъ—говоря собственными его словами—„ему не только ясно и несомнѣнно стало, что̀ ему дѣлать, но и ясно, и несомнѣнно стало, что̀ всѣ другіе должны дѣлать, потому что они неизбѣжно будутъ это дѣлать". Не очевидно ли, что это иллюзія глубоко убѣжденнаго—или, лучше сказать, глубоко вѣрующаго—человѣка, иллюзія, безъ которой немыслимо, быть можетъ, беззавѣтное служеніе избранному дѣлу, но которая сообщается, въ той же силѣ, только немногимъ послѣдователямъ даннаго ученія? Если истина и разногласіе—понятія, взаимно исключающія другъ друга, то истины нѣтъ и въ томъ, въ чемъ находитъ ее Л. Н. Толстой, потому что его взгляду противопоставляются и будутъ противопоставляться многіе другіе. Аргументомъ противъ науки различіе научныхъ мнѣній не можетъ служить и потому, что число пунктовъ, по которымъ установляется единогласіе, постоянно растетъ, да и самое разнорѣчіе является необходимымъ условіемъ всесторонняго обсужденія вопросовъ, а слѣдовательно и правильнаго ихъ разрѣшенія.

Чѣмъ покорила Л. Н. Толстого непосредственность быта „простыхъ рабочихъ людей"? Тѣмъ ли, что онъ нашелъ именно здѣсь знаніе смысла жизни, или тѣмъ, что жизнь согласовалась здѣсь съ вѣрованіями и не представляла того противорѣчія между словомъ и дѣломъ, которое такъ непріятно поражало Л. Н. Толстого въ вѣрующихъ образованнаго, достаточнаго класса? Съ перваго взгляда можетъ показаться, что „Исповѣдь" даетъ утвердительный отвѣтъ на оба эти вопроса; но вѣдь мы не знаемъ ни конца „Исповѣди", ни всего содержанія вѣры, на которой окончательно остановился Л. Н. Толстой—не знаемъ, значитъ, и того, въ какой степени міросозерцаніе Л. Н. Толстого слилось съ міросозерцаніемъ массы. Если сліяніе не произошло, то нельзя утверждать, что смыслъ жизни одинаково понимается массой и Л. Н.

Толстымъ—нельзя утверждать и того, что привлекло писателя къ массѣ отсутствіе въ послѣдней научнаго знанія. Притягательной силой остается, затѣмъ, трудовой характеръ народной жизни, гармонія вѣрованій и дѣйствій, легче достижимая на этой почвѣ, нежели на какой-либо другой. Чѣмъ больше мы вчитываемся въ „Исповѣдь", тѣмъ больше мы убѣждаемся въ томъ, что именно здѣсь настоящая разгадка переворота, совершившагося въ Л. Н. Толстомъ. Припомнимъ, какъ опредѣляетъ онъ самъ причину своихъ прежнихъ ошибокъ. „Я понялъ—говоритъ онъ—что истину закрывало отъ меня не столько заблужденіе моей мысли, сколько самая жизнь моя, въ тѣхъ исключительныхъ условіяхъ эпикурейства, въ которыхъ я проводилъ ее... Если смыслъ человѣческой жизни—въ томъ, чтобы добывать ее, то какъ же я, тридцать лѣтъ занимавшійся тѣмъ, чтобы не добывать жизнь, а губить ее въ себѣ и другихъ, могъ получить другой отвѣтъ (на вопросъ о смыслѣ жизни), какъ тотъ, что жизнь моя есть безсмыслица и зло? Она и была безсмыслица и зло".

Выводъ изъ всего сказаннаго нами до сихъ поръ таковъ: ученіе Л. Н. Толстого вовсе не требуетъ, само по себѣ, отрицанія науки и искусства. Признаніе ихъ „баловствомъ"—не необходимая составная часть этого ученія, а скорѣе случайная его принадлежность, зависящая отъ того пути, которымъ шла мысль автора. Исканіе „смысла жизни" и проведеніе найденнаго въ жизнь не только не идетъ въ разрѣзъ съ наукой и искусствомъ, но, наоборотъ, можетъ подвигаться впередъ въ тѣсномъ съ ними общеніи и союзѣ. Физическій трудъ не одинъ только заслуживаетъ названіе труда; умственная работа—не замаскированная праздность, даже не низшая степень труда, а одна изъ равноправныхъ его формъ. Научная дѣятельность, а слѣдовательно и приготовленіе къ ней, т.-е. пріобрѣтеніе необходимыхъ научныхъ свѣденій—не красивый паразитизмъ, а также своего рода „добываніе жизни". Произведенія культуры—не исключая и большихъ городовъ, столь антипатичныхъ Л. Н. Толстому,—не болѣзненные наросты, подлежащіе снятію и удаленію съ общественнаго тѣла, а драгоцѣнный завѣтъ прошедшаго, неравномѣрно лишь распредѣленный между отдѣльными людьми, различными общественными классами и различными народами. Задача будущаго съ этой точки зрѣнія—возможно большее уничтоженіе неравенства, но не посредствомъ общаго пониженія уровня, а посредствомъ общаго повышенія его.

Когда наступаетъ періодъ преобладанія извѣстной идеи, притягательная ея сила чувствуется людьми самаго различнаго склада,

самыхъ различныхъ направленій—но чувствуется каждымъ изъ нихъ по своему; каждый изъ нихъ приближается къ ней своимъ путемъ, съ той стороны, которая для него всего болѣе доступна. Совершается цѣлый рядъ концентрическихъ движеній, въ одномъ—правда, самомъ существенномъ и важномъ—между собою сходныхъ, въ другомъ—до крайности разнообразныхъ. Типическая черта, обусловливающая собою сходство, усложняется множествомъ придатковъ, характеристичныхъ только для даннаго лица. Въ „Исповѣди“ Л. Н. Толстого такимъ придаткомъ является, напримѣръ, душевное настроеніе, непосредственно предшествовавшее рѣшительному перевороту—настроеніе, столь ярко иллюстрованное восточной сказкой о путникѣ, повисшемъ на кустѣ въ расщелинѣ колодца. Да, положеніе этого путника ужасно—ужасно своею безвыходностью, мучительнымъ ожиданіемъ неизбѣжнаго конца, который можно только ускорить, но не замедлить. Надъ головой—разъяренный дикій звѣрь, подъ ногами неумолимый драконъ, по бокамъ мыши, подтачивающія единственную точку опоры: при такой обстановкѣ нужно потерять сознаніе или по меньшей мѣрѣ заглушить его крупной дозой легкомыслія, чтобы находить отраду въ нѣсколькихъ капляхъ меду, накопившихся на листьяхъ куста. Оговорку мы должны сдѣлать только одну: аллегорія, придуманная пылкимъ воображеніемъ восточнаго пессимиста, примѣнима далеко не ко всѣмъ жившимъ и живущимъ. Колодцемъ, описаннымъ въ сказкѣ, жизнь представляется только тогда, когда съ горячей привязанностью къ ея благамъ соединяется съ одной стороны безсодержательность ея, безцѣльность, дѣйствительная или кажущаяся, съ другой стороны—страхъ смерти. Этотъ страхъ можетъ быть или простымъ нежеланіемъ разстаться съ земными радостями, или, по выраженію Гамлета, боязнью передъ „безвѣстной страной, откуда никто не возвращался“; но онъ во всякомъ случаѣ долженъ существовать, иначе не будетъ ни дракона, ни дикаго звѣря, и работа мышей потеряетъ весь свой ужасъ. По мнѣнію Л. Н. Толстого, средство побѣдить страхъ смерти есть только одно, именно то, къ которому онъ обратился, и которымъ издавна пользуются милліарды „простыхъ людей“; но это едва ли такъ. Если удержать сравненіе жизни съ путешествіемъ, то найдется не мало путниковъ, никогда не падавшихъ въ колодецъ и никогда не выбиравшихся изъ него путемъ Л. Н. Толстого. Такіе путники знаютъ, что мыши неустанно грызутъ нить жизни, но не смущаются этимъ, не смущаются и тѣмъ, что передъ ихъ ногами внезапно можетъ открыться бездонная пропасть. Источникомъ спокойствія служитъ для однихъ

никогда не прекращающееся напряженіе мысли, не оставляющее мѣста опасеніямъ за будущее, для другихъ—рѣшимость не думать о „безвѣстной странѣ“, не пытаться раскрыть ея нераскрываемой тайны. Очевидно, что ни тѣ, ни другіе не подойдутъ ни подъ одинъ изъ четырехъ разрядовъ, о которыхъ говоритъ Л. Н. Толстой—и не войдутъ также въ категорію людей, одинаково съ Л. Н. Толстымъ разрѣшившихъ вопросъ о смыслѣ жизни. Это не эпикурейцы, не кандидаты въ самоубійцы, не трусы, влачащіе жизнь только вслѣдствіе нерѣшимости покончить съ нею; это также не люди, никогда не задумывавшіеся надъ вопросомъ жизни—это люди, сознательно признавшіе его неразрѣшимымъ, или разрѣшившіе его практически, погруженіемъ въ трудъ, посвященіемъ себя всецѣло одной любимой задачѣ. Число такихъ людей скорѣе растетъ, чѣмъ уменьшается—и слѣдовательно положеніе путника, висящаго между дикимъ звѣремъ и дракономъ, не составляетъ той типичной черты, которой мы ищемъ въ „Исповѣди“ Л. Н. Толстого. Убѣждаетъ насъ въ этомъ еще и слѣдующее соображеніе: страхъ смерти, испытываемый путникомъ, вызывается, какъ мы уже сказали, не только привязанностью къ благамъ жизни, но и смущеніемъ передъ тѣмъ, что ожидаетъ человѣка за гробомъ. Отсюда—то направленіе, которое принимаютъ почти всегда попытки избавиться отъ страха смерти; онѣ тяготѣютъ къ тому, чтобы обезпечить за собою будущее, чтобы обрѣсти путь къ личному спасенію. У Л. Н. Толстого мы не видимъ ничего подобнаго; если онъ попалъ въ колодецъ, какъ многіе другіе, то вышелъ онъ изъ него не такъ, какъ выходятъ изъ него обыкновенно. На первый планъ выдвигается у него не личное спасеніе, а „любовное общеніе людей съ людьми, богатыхъ, досужныхъ и просвѣщенныхъ съ нищими, задавленными и темными“ (московская рѣчь 1882 г.). Необходимымъ условіемъ такого общенія является „разрушеніе преградъ, воздвигнутыхъ для того, чтобы веселье богача не нарушалось стонами безпомощнаго голода, холода и болѣзней“. Здѣсь-то именно мысль Л. Н. Толстого и соприкасается съ „великими цѣлями вѣка“, здѣсь выступаетъ на видъ та концентричность теченій, о которой мы говорили.

Въ самомъ дѣлѣ, не достойно ли вниманія совпаденіе, по меньшей мѣрѣ въ одной точкѣ, столь многихъ и столь различныхъ путей, прокладываемыхъ современною мыслью? Всѣхъ стремленій, аналогичныхъ съ мечтою Л. Н. Толстого, мы перечислять не станемъ; для нашей цѣли достаточно будетъ одного примѣра. Прямою противоположностью Л. Н. Толстому во многихъ

отношеніяхъ былъ К. Д. Кавелинъ. Въ „Задачахъ этики“ мы встрѣчаемъ прямое опроверженіе нѣкоторыхъ взглядовъ, играющихъ существенную роль въ ученіи Л. Н. Толстого—но встрѣчаемъ и выводы, весьма близкіе къ этому ученію. Отправляясь отъ совершенно различныхъ началъ, оба изслѣдователя приходятъ къ одному заключенію. „Высшій идеалъ отношеній человѣка къ другимъ людямъ,—говоритъ Кавелинъ,—есть любовь... Любовь идеальна, но не даетъ человѣку оторваться отъ дѣйствительности, искать успокоенія и утѣшенія отъ ея треволненій и докукъ въ мірѣ отвлеченныхъ идей, къ чему мы всѣ такъ склонны. Незлобивость, прощеніе обидъ, сострадаіе, милосердіе, самоотверженіе на пользу другихъ, терпѣніе и кротость, снисходительность, готовность помочь и утѣшить, суть лишь проявленія и примѣненія любви“. Мыслитель, пытающійся построить этику на научныхъ основахъ, подаетъ здѣсь руку отрицателю науки. Есть еще одна, весьма характеристичная точка соприкосновенія между Кавелинымъ и Л. Н. Толстымъ—это сочувствіе и близость ихъ къ такъ называемому „простому“ рабочему народу. „Странной“, т.-е. безсознательной, неизвѣстно откуда явившейся любви къ этому народу Л. Н. Толстой приписываетъ обращеніе свое къ истинѣ, обрѣтеніе смысла жизни. Въ внутренней исторіи Кавелина не было, кажется, рѣзкихъ скачковъ и переворотовъ—но любовь къ народу, къ крестьянству, несомнѣнно играла въ ней господствующую роль, и двѣ послѣднія работы покойнаго писателя не даромъ были посвящены задачамъ этики и крестьянскому вопросу [1]). Сознаніе долга по отношенію къ народу—сознаніе, не остающееся на степени разсудочнаго убѣжденія, а переходящее въ жизнь, принимающее форму глубокаго страстнаго чувства,—вотъ знаменіе времени, вотъ соединительное звено между Л. Н. Толстымъ и многими другими работниками современной мысли. Назовемъ изъ нихъ еще одного, поразительно, несмотря на все кажущееся несходство и на полную самобытность пріемовъ, близкаго къ Л. Н. Толстому. Читатели, вѣроятно, уже угадали, о комъ мы говоримъ, и произнесли имя Глѣба Успенскаго. Общая черта обоихъ—не только тяготѣніе къ народу, но и исканіе въ немъ самомъ основаній нравственнаго обновленія и соціальной реформы.

Спѣшимъ оговориться: намѣчая точки соприкосновенія между

---

1) Юридическихъ книгъ, изданныхъ Кавелинымъ послѣ 1878 г., мы здѣсь въ разсчетъ не принимаемъ; это не столько самостоятельныя изслѣдованія, сколько бѣглый очеркъ нѣкоторыхъ юридическихъ институтовъ, образовавшійся изъ лекцій гражданскаго права, которыя читалъ покойный въ военно-юридической академіи.

ученіемъ Л. Н. Толстого и нѣкоторыми другими явленіями современной жизни, мы не забываемъ тѣхъ сторонъ ученія, въ которыхъ коренится его оригинальность, а слѣдовательно и главное его значеніе. Если мы ничего не сказали о теоріи „непротивленія злу“, составляющей краеугольный камень ученія, то это объясняется условіями, не зависящими отъ нашей воли. Въ нашемъ распоряженіи были — кромѣ московской рѣчи 1882 г.— только отрывки изъ двухъ произведеній Л. Н. Толстаго („Исповѣди“ и „Такъ что жъ намъ дѣлать“); изъ третьяго („Въ чемъ моя вѣра“) въ нашу печать проникло до сихъ поръ одно лишь заглавіе—а между тѣмъ, именно въ немъ лежитъ центръ тяжести всего ученія. „Исповѣдь“—это предисловіе къ нему; „Такъ что жъ намъ дѣлать“—практическій изъ него выводъ; но и объ этомъ выводѣ можно лишь догадываться, по окраскѣ картинъ, ему предпосланныхъ. Располагая такими матеріалами, мы по необходимости должны были говорить не столько о содержаніи ученія, сколько о путяхъ, къ нему ведущихъ. Діагнозъ современной общественной болѣзни, вытекающій изъ пережитого и испытаннаго Л. Н. Толстымъ, обрисовался передъ нами по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ—но самая борьба съ болѣзнью сокрыта отъ насъ непроницаемой завѣсой, и ничто еще не указываетъ на близость времени, когда поднимется эта завѣса.

Ц—с—

ПАСПОРТНАЯ РЕФОРМА.

Истекающій нынѣ годъ ознаменовался важнымъ для экономической жизни народа нашего фактомъ — окончательною отмѣною подушной подати. Около четверти столѣтія эта отмѣна стояла на очереди, но болѣе двадцати лѣтъ не давалась въ руки, до тѣхъ поръ, пока не рѣшено было совершать ее постепенно, отмѣняя одну часть подати за другою, по мѣрѣ отысканія нужныхъ для того финансовыхъ средствъ. И оказалось вполнѣ возможнымъ покончить съ податью въ три пріема: часть ея отмѣнена въ 1882 году, другая, бо́льшая, въ 1883, и наконецъ послѣдняя—еще бо́льшая, теперь, въ 1885 году. Какъ шла эта постепенная отмѣна—объяснять нѣтъ надобности, потому что это у всѣхъ еще въ свѣжей памяти, и притомъ намъ уже приходилось прежде говорить обстоятельно о каждомъ изъ упомянутыхъ шаговъ. Теперь, начиная съ 1886 года, отъ подушной подати освобождаются всѣ ея плательщики, за исключеніемъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, а съ 1887 года—и бывшіе государственные, послѣ чего сто-шестидесятилѣтнее существованіе личной подати прекращается окончательно, становясь исключительно достояніемъ исторіи.

Упраздненіе личной подати, важное въ принципіальномъ отношеніи и въ смыслѣ платежнаго облегченія народной массы, не менѣе важно по своему косвенному вліянію, такъ какъ оно расчистило путь для другихъ реформъ, способныхъ содѣйствовать еще большему экономическому улучшенію народнаго быта; оно открыло возможность приступить къ коренному измѣненію паспортной системы и устранило одинъ изъ крупныхъ тормазовъ, препятствовавшій свободному передвиженію населенія съ мѣста на мѣсто. Можно даже сказать, что означенное косвенное вліяніе важнѣе прямого вліянія отмѣны подати. Собственно платежной тягости эта отмѣна сняла лишь около

полутора рубля съ ревизской души, или меньше рубля на наличную душу (такъ какъ со времени послѣдней ревизіи населеніе умножилось больше, чѣмъ въ полтора раза). А ужъ разумѣется, отмѣненная подать приносила населенію больше лишеній, чѣмъ на рубль съ души! Еслибы мужикъ не доѣдалъ только на рубль въ годъ, или на 8 копѣекъ въ мѣсяцъ, то подать далеко не вызывала бы столько жалобъ, сколько она ихъ вызвала. Объ отмѣнѣ ея не стоило бы слишкомъ много и хлопотать. Главный вредъ этой подати, какъ извѣстно, состоялъ въ томъ, что она отнимала у народа нѣчто гораздо большее, такъ какъ уплата ея гарантировалась цѣлымъ рядомъ стѣснительныхъ и разорительныхъ для населенія правилъ. При взысканіи казеннаго рубля принудительными способами, продажею имуществъ и т. под., или при вынужденномъ, продешевленномъ наймѣ въ работы населеніе теряло вдесятеро больше, чѣмъ получала казна; та же уплата гарантировалась стѣснительною паспортною системою, искусственнымъ привязываніемъ плательщика къ данному мѣсту, т.-е. здѣсь накладывались тяжелые путы на народную предпріимчивость, на промыслы, на способы добыванія матеріальныхъ средствъ къ жизни. Иначе сказать, подать не столько брала съ народа деньги, сколько препятствовала ему пріобрѣтать нужныя для жизни средства. Она являлась для народа не только минусомъ, но и устранителемъ плюсовъ.

Связь податной системы съ паспортною вполнѣ ясна. Конечно, съ перваго взгляда могло казаться, будто паспортъ — только способъ удостовѣренія личности человѣка, удостовѣреніе въ томъ, что этотъ человѣкъ—Иванъ, а не Сидоръ, и имѣетъ столько-то лѣтъ отъ роду; но еслибы надобность была только въ удостовѣреніи личности, то паспорты могли бы быть вѣчными или по крайней мѣрѣ очень долгосрочными. Вѣдь привилегированныя сословія, не платящія податей, обходятся безъ годовыхъ и полугодовыхъ паспортовъ. Дворянинъ съ свидѣтельствомъ о своемъ званіи, полученнымъ отъ депутатскаго собранія, живетъ гдѣ ему угодно; отставной чиновникъ проживаетъ всю жизнь, довольствуясь своимъ указомъ объ отставкѣ. Но крестьянинъ или мѣщанинъ поставленъ совсѣмъ въ иное положеніе. Онъ крѣпко привязанъ къ обществу даннаго селенія или города; онъ не только числится членомъ этого общества, но и обязанъ проживать въ немъ, отлучаясь не иначе, какъ съ особаго дозволенія общественной власти, выдаваемаго на короткое время. Какъ бы ни было нужно рабочему человѣку оставаться на мѣстѣ своего промысла подольше— онъ не можетъ достигнуть этого законнымъ способомъ, коль скоро въ его обществѣ рѣшили, не возобновлять выданнаго ему паспорта; ему, какъ Дамокловъ мечъ, грозитъ традиціонное „водвореніе“ на

мѣсто жительства, съ препровожденіемъ по этапу. И всѣ эти стѣсненія, все это отличіе отъ положенія привилегированныхъ классовъ—ради гарантіи поступленія казеннаго рубля. Фискальная философія разсуждала тутъ не безъ основанія, хотя и односторонне: если предоставлять каждому произвольныя отлучки, то рабочій человѣкъ можетъ совсѣмъ не платить податей и розыскивать недоимщика будетъ трудно; потому надобно, чтобы за каждаго отвѣчало его общество круговою порукою. А чтобы общество могло отвѣчать за каждую свою единицу—надо дать ему надъ нею полную власть, надо отдать всю дѣятельность этой единицы подъ общественный надзоръ; тогда казенный рубль поступитъ вѣрнѣе.—Что подобное обезпеченіе одного рубля обходилось народной промышленности въ десятки, что общественная власть на самомъ дѣлѣ вырождалась здѣсь въ произволъ старшины, писаря и т. под.,—это или игнорировалось, или терпѣлось, словно тутъ было меньшее зло, чѣмъ недоимки. И вотъ личность, личная предпріимчивость, очутились въ самомъ подавленномъ состояніи.

Понятно, что при такой связи паспортной и податной системъ, отмѣна одной неизбѣжно затрогивала вопросъ о другой. Паспортная служила подпоркою для податной, слѣдовательно, коль скоро эта послѣдняя исчезаетъ, — немедленно возникаетъ вопросъ насколько нужна еще старая подпорка, не нужно ли отбросить ее, какъ отжившую свой вѣкъ, и устроить паспорты уже на другихъ основаніяхъ? И вотъ, едва совершился второй крупный шагъ податной реформы (въ 1883 г.)., какъ рѣшено было озаботиться возможнымъ устраненіемъ препятствій къ болѣе свободному передвиженію населенія; правда, изъ этого рѣшенія ничего не вышло, но уже теперь при окончательной отмѣнѣ подушной подати, рѣшеніе сдѣлано болѣе положительное: внести въ Государственный Совѣтъ проектъ измѣненія паспортной системы, и притомъ съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы состоявшееся по этому предмету преобразованіе могло быть введено въ дѣйствіе съ самаго начала 1887 года. Такимъ образомъ, паспортная реформа не только получаетъ полный современный интересъ, но становится дѣломъ срочнымъ, даже краткосрочнымъ; движенію вопроса о ней указано не только начало, но и конецъ; реформа осуществится съ небольшимъ черезъ годъ. Стало быть теперь впору всякое слово о ней.

Реформа состоится; но вопросъ въ томъ: какъ именно она состоится, достаточно ли она будетъ полна, чтобы удовлетворить на личныя потребности? Тутъ прежде всего необходимо опредѣлить эти потребности.

Паспортная система, какъ объяснено выше, имѣла двѣ задачи:

гарантировать исправное поступленіе податей и давать удостовѣреніе личности людей, опредѣляя ихъ имя, семейное положеніе и права состоянія. Прежде всего возникаетъ вопросъ — вполнѣ ли теперь упраздняется первая задача. Здѣсь необходимо для большей ясности разсмотрѣть въ главныхъ чертахъ составъ лежащихъ на податномъ населеніи сборовъ. Это населеніе платитъ: подушную подать, выкупные платежи, государственный поземельный налогъ, земскіе и мірскіе (общественные) сборы. Изъ числа этихъ сборовъ подушная — упраздняется. Поземельный налогъ лежитъ не на личности, а на землѣ и, по незначительности своей, достаточно обезпечивается землею. Для взысканія его нѣтъ надобности мѣшать людямъ передвигаться, потому что налогъ всегда можетъ заплатить тотъ, кто пользуется землею; владѣетъ ли послѣднею тотъ, за кѣмъ она записана, или временный владѣлецъ или все общество—отъ этого гарантія уплаты нисколько не измѣняется. То же самое слѣдуетъ сказать и о земскихъ сборахъ, которые также—поземельные; хотя они значительнѣе государственнаго налога, но все-таки далеко не поглощаютъ всей земельной доходности, и слѣдовательно обезпечены видимымъ имуществомъ, а не личностью. Что касается мірскихъ сборовъ, то и назначеніе ихъ, и размѣръ, зависятъ отъ рѣшенія самого общества, и никакого касательства къ казенному интересу они не имѣютъ; общество раскладываетъ свои сборы въ собственной средѣ, на наличное населеніе и соображаясь съ достаткомъ каждаго, слѣдовательно здѣсь никакого тормаза облегченію паспортной системы не предвидится, тѣмъ болѣе, что это облегченіе составляетъ интересъ каждаго члена общества, и общества могутъ только желать его. Остаются выкупные платежи, но они хотя въ началѣ и опредѣлялись по душамъ, однако, имѣютъ характеръ налога поземельнаго и лежатъ собственно на надѣлахъ. Правда, въ началѣ, и довольно долго, они фактически чувствовались какъ личный налогъ, потому что превышали доходность надѣловъ; но въ послѣднее время значеніе ихъ сильно измѣнилось, подъ вліяніемъ двухъ причинъ: общаго вздорожанія земли, послѣдовавшаго за недавнимъ упадкомъ цѣны денегъ, и пониженія выкупныхъ платежей. Когда хлѣбъ сталъ дороже, — тогда поднялась и арендная плата за земли, — выразительница денежнаго ихъ дохода; еще до пониженія выкупныхъ платежей во многихъ губерніяхъ земельный доходъ уже значительно превышалъ выкупные платежи, а означенное пониженіе коснулось главнымъ образомъ губерній съ менѣе цѣнными землями. Такимъ образомъ выкупные платежи выплачиваются самою земельною доходностью, не падая на личность мужика. Правда, нельзя отрицать исключеній, коегдѣ, разумѣется, выкупные платежи еще не достаточно облегчены и

могутъ превышать земельную доходность, но подобное явленіе—болѣе или менѣе случайно, и изъ-за него нельзя задерживать удовлетворенія общей потребности. Если дожидать, пока выравняется съ повинностями доходность послѣдней обремененной десятины, то придется затягивать дѣло на неопредѣленный срокъ и вредить всѣмъ изъ-за условій, обставляющихъ сравнительно не многихъ. Стало быть лучше сдѣлать еще одинъ, хотя бы небольшой шагъ по скидкѣ выкупнаго платежа, лучше рискнуть даже небольшими недоимками, чѣмъ обезсиливать новую реформу, сводя ее на половину, тѣмъ болѣе, что порядокъ дополненія реформъ довольно сложенъ, требуетъ времени, и притомъ — что также важно — не всегда удается сдѣлать завтра то, что осталось недодѣланнымъ сегодня. Словомъ, и въ выкупныхъ платежахъ не слѣдуетъ видѣть препятствія къ болѣе полному осуществленію паспортной реформы. Связь между паспортной системой и обезпеченіемъ остающихся на населеніи казенныхъ сборовъ можно считать совсѣмъ порванною.

А если паспорты не должны болѣе считаться гарантіею казенныхъ податей, то за ними остается только одно значеніе: удостовѣренія личности людей; и будущая паспортная система, чтобы соотвѣтствовать вновь возникающему положенію вещей, не должна преслѣдовать никакихъ другихъ цѣлей. Полученіе паспорта должно быть правомъ каждаго, не поставляемымъ въ зависимость отъ чьего-нибудь усмотрѣнія или каприза. Каждый въ правѣ требовать удостовѣренія, что онъ дѣйствительно Иванъ или Петръ, что ему принадлежать такія-то права состоянія: мѣщанскія, крестьянскія и т. под. Но это право можетъ быть фактически обезсилено при сохраненіи прежней краткосрочности паспортовъ; оставьте, напримѣръ, годовые сроки — и прежнее стѣсненіе сохранится; положимъ, обязанность общественныхъ властей возобновлять паспорты безъ замедленія установлена, но вѣдь всегда есть возможность фактически не выполнять этой обязанности; слѣдовательно рабочій человѣкъ, такъ или иначе, отъ каприза или злоупотребленія освобожденъ не будетъ. Освобожденіе его становится возможнымъ только съ устраненіемъ необходимости частаго возобновленія документа; это возобновленіе не только стѣснительно, но даже совершенно безцѣльно. Въ самомъ дѣлѣ, Иванъ и черезъ годъ, и черезъ пять лѣтъ остается Иваномъ же, стало быть зачѣмъ ему новое удостовѣреніе. Его права состоянія также остаются прежнія, стало быть въ свою очередь не требуютъ новаго подтвержденія; а если человѣкъ потерялъ прежнія права состоянія преступленіемъ, то при судѣ надъ нимъ, конечно, будетъ у него вытребованъ документъ, опредѣляющій его личность, который и подвергнется должнымъ измѣненіямъ. Словомъ, какъ ни взглянуть на дѣло — все

выходитъ, что новые паспорты должны быть или вѣчными, какъ у лицъ привилегированныхъ сословій, или по меньшей мѣрѣ долговременными—десятилѣтними, пятнадцатилѣтними и т. под. И точно также долженъ быть облегченъ переходъ изъ одного общества въ другое. Коль скоро человѣка приняли въ другое общество, дали ему участіе въ пользованіи общественною землею,—онъ не долженъ встрѣчать никакихъ препятствій къ выходу изъ прежняго общества, такъ какъ разсчеты по недоимкамъ личнаго налога не будутъ уже имѣть мѣста.

Всѣ эти выводы такъ просты и такъ естественно вытекаютъ изъ созданныхъ отмѣною подушной подати условій, что едва ли встрѣтятъ съ какой-либо стороны серьезныя возраженія. Возражать станутъ развѣ тѣ, кто любитъ стѣсненіе ради самаго стѣсненія. Потому, совершенно достаточно будетъ лишь отмѣтить означенные выводы, не распространяясь дальше, въ полной надеждѣ, что принципъ вѣчности или долгосрочности паспортовъ получитъ практическое осуществленіе въ недалекомъ будущемъ. Нужнѣе выяснить—достаточно ли будетъ ограничиться установленіемъ вѣчныхъ паспортовъ; будетъ ли реформа при этомъ достаточно полна; не слѣдуетъ ли коснуться еще какихъ-нибудь существенныхъ остатковъ старой системы, имѣвшихъ свое объясненіе въ прошломъ и теперь потерявшихъ всякій жизненный смыслъ? Подобные остатки иногда забываются и, уцѣлѣвъ, продолжаютъ напрасно тѣснить людей, слѣдовательно объ упраздненіи ихъ надо позаботиться заблаговременно.

Намъ кажется, что одинъ изъ самыхъ крупныхъ остатковъ подобнаго рода состоитъ въ требованіи, чтобы **каждый** былъ непремѣнно причисленъ къ тому или другому **обществу** — мѣщанскому или крестьянскому. Человѣкъ, **самъ по себѣ**, а не какъ непремѣнная частица того или другого общества, у насъ не признается, и это вполнѣ согласуется съ условіями старой податной системы, при которой на каждомъ **лицѣ** лежалъ опредѣленный налогъ, и за налогъ этотъ отвѣчало общество. Но зачѣмъ удерживать подобное требованіе теперь, послѣ отмѣны личныхъ податей? Для гарантіи казеннаго рубля, оно, какъ объяснено уже, вовсе не нужно, стало быть остается рѣшить — нужно ли оно самимъ „лицамъ" или обществамъ? Но рѣшеніе это едва ли возбуждаетъ какія-нибудь сомнѣнія. Конечно, почтенна общественная связь, но—лишь тогда, когда она существуетъ въ дѣйствительности, а не пишется только на бумагѣ, т.-е. когда она — правда, а не ложь. Если мужикъ живетъ въ своей деревнѣ, ведетъ тамъ хозяйство, пользуется общественною землею, да и вообще хочетъ состоять въ обществѣ—пусть онъ и пребываетъ, и пишется членомъ общества, такъ какъ здѣсь ясна его живая связь съ

нимъ. Въ такомъ же положеніи и промышленникъ, отлучающійся изъ деревни на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, но временами возвращающійся домой къ своему хозяйству. Онъ и самъ не захочетъ отстать отъ общества. Но мало ли можно встрѣтить людей, давно отбившихся отъ обществъ или приписанныхъ къ нимъ единственно въ силу обязательности формальныхъ требованій; живетъ человѣкъ всю жизнь гдѣ-нибудь въ столицѣ или работаетъ въ южныхъ портахъ, а по документу числится крестьяниномъ какой-нибудь дальней деревни или мѣщаниномъ такого города, въ которомъ онъ и не бывалъ никогда; иной и родился, и выросъ вдали отъ своей фиктивной родины, и не имѣетъ съ нею никакого дѣла; вся связь его съ нею состоитъ лишь въ полученіи по временамъ оттуда паспорта, въ высылкѣ туда денегъ на уплату податей—разумѣется, въ усиленномъ размѣрѣ, потому что общество при раскладкѣ не жалѣетъ чужака, — да на разные поборы тамошнимъ властямъ, и еще въ страхѣ, что вдругъ его могутъ выслать на невиданную родину; такой человѣкъ охотно перечислился бы на мѣсто болѣе постояннаго жительства, и не дѣлаетъ этого единственно потому, что перечисленія слишкомъ хлопотны и не всякому карману посильны. Выходитъ, что для подобныхъ людей фиктивная связь съ обществомъ только крайне обременительна и ничего, кромѣ чувствительныхъ непріятностей, не приноситъ, а обществамъ эти люди тоже вовсе не нужны; выгода получается развѣ только властями, отъ которыхъ зависитъ выдача паспортовъ, или притѣсненія, т.-е. тутъ есть лишь незаконная выгода. Правда, предполагается, что связь съ обществомъ представляетъ и извѣстныя выгоды, что общество обязано имѣть, и дѣйствительно имѣетъ попеченіе о своихъ членахъ, объ ихъ сиротахъ, объ ихъ интересахъ и т. под.; но все это справедливо лишь въ отношеніи къ дѣйствительнымъ членамъ общества, о которыхъ упоминалось выше, а не въ отношеніи къ лицамъ, такъ сказать, насильно привязаннымъ къ обществу. Этихъ послѣднихъ никто не жалѣетъ; ихъ только обираютъ. Настоящій деревенскій житель пользуется отъ общества выгодами, а фиктивный—не болѣе, какъ матеріалъ для эксплуатированія. Связь съ обществомъ обращена къ нему одною только невыгодною стороною—возможностью притѣсненія. Спрашивается, къ чему же длить такую фальшивую связь, не лучше ли поставить человѣка такъ, чтобы онъ былъ „самъ по себѣ?“ Жизнь уже создала человѣка, „самого по себѣ“, зачѣмъ же бумага фальшиво представляетъ его положеніе?

Но еще жестче старое требованіе для другой группы людей, тоже многочисленной. Если тяготится связью съ незнакомымъ обществомъ человѣкъ, уже въ немъ числящійся, то еще хуже приходится

тому, кто обязанъ добиваться подобнаго причисленія. Съ перваго по крайней мѣрѣ не дерутъ за самое причисленіе, а съ другихъ много возьмутъ за самую постановку въ объясненное ниже тягостное положеніе. У насъ есть цѣлые разряды людей, которые, по оффиціальному выраженію, обязаны избрать себѣ „родъ жизни", то-есть приписаться къ тому или другому обществу, хотя между этою припискою и дѣйствительнымъ избраніемъ опредѣленнаго рода жизни нѣтъ ничего общаго, такъ что и здѣсь предъ нами лишь оффиціальная фальшь. Остановимся для примѣра на одномъ или двухъ подобныхъ разрядахъ.

Возьмемъ, напримѣръ, незаконорожденныхъ, число которыхъ увеличивается съ каждымъ годомъ. Каждый изъ нихъ, по приходѣ въ совершеннолѣтіе, обязанъ избрать „родъ жизни" и куда-нибудь приписаться. Выросъ подобный человѣкъ гдѣ-нибудь въ столицѣ или въ помѣщичьей усадьбѣ и вотъ предъ нимъ возникаетъ вопросъ: причислиться ли къ мѣщанамъ или крестьянамъ? искать ли ему какую-нибудь деревню Барандаевку въ ярославской губерніи или остановить свой выборъ на мѣщанскомъ обществѣ города Себежа, витебской губерніи, или Ананьева—херсонской? Сопоставляемъ эти разнородныя и взаимно-отдаленныя мѣста потому, что для самого причисляемаго и Ананьевъ, и Себежъ, и ярославская деревня совершенно безразличны. Ему все равно считаться хоть въ Батумѣ, хоть во Фридрихсгамѣ, потому что ни тамъ, ни здѣсь—онъ все равно жить не будетъ; ему нужно только одно—исполнить формальное требованіе, и получить документъ. Выборъ его можетъ зависѣть только отъ того — гдѣ обѣщаютъ больше содрать за приписку, и гдѣ будутъ меньше тѣснить паспортомъ. На самомъ дѣлѣ, обреченный на обязательную приписку будетъ продолжать жить въ столицѣ или займется какимъ-нибудь дѣломъ въ другомъ мѣстѣ, поступитъ въ ремесленники или получитъ даже высшее образованіе, станетъ художникомъ или торговцемъ, и только его документъ будетъ увѣрять въ принадлежности его къ невѣдомому ему городу. Если онъ приписался къ крестьянскому обществу — этотъ документъ будетъ утверждать, что причисленный избралъ себѣ земледѣльческій „родъ жизни", а если его причислили въ Себежъ—документъ свидѣтельствуетъ, будто онъ городской промышленникъ. Паспортъ изображаетъ художника торговцемъ, студента—пахаремъ. Такимъ образомъ формальное избраніе рода жизни въ сущности выражаетъ только избраніе того или другого вида завѣдомой лжи. И эта ложь на самомъ дѣлѣ никому не нужна, кромѣ развѣ орудующихъ приписками и взимающихъ при этомъ поборы, слѣдовательно она безцѣльно подвергнетъ безвиннаго

и безсильнаго человѣка, при первыхъ его жизненныхъ шагахъ, тяжкимъ матеріальнымъ повинностямъ и нравственнымъ истязаніямъ.

Въ положеніе незаконнорожденныхъ попадаютъ даже не одни родившіеся отъ внѣбрачнаго сожитія, но и по совершенно случайнымъ причинамъ. Вотъ, напримѣръ, семейство, отецъ и мать котораго давно живутъ въ законномъ бракѣ, но на повѣрку выходитъ, что они находятся или въ какомъ-нибудь болѣе или менѣе дальномъ или близкомъ родствѣ или свойствѣ, въ такомъ даже, что представляется вопросомъ—могли ли они вступить въ супружество или нѣтъ. Консисторская казуистика — дѣло темное. Люди живутъ спокойно лѣтъ десять или больше, у нихъ трое или четверо дѣтей, вполнѣ находящихся въ положеніи законныхъ. Но вдругъ нашелся какой-нибудь господинъ, который, узнавъ ихъ семейныя или родственныя отношенія, пытается этимъ воспользоваться, чтобы имъ навредить, и пишетъ доносъ. Не говоря уже о возможности повредить нелюбимому человѣку, тутъ бываетъ и своего рода выгода. Можно пугать доносомъ и за это получать деньги; сколько разъ случалось слышать о подобныхъ мастерахъ! Спеціальный доносчикъ— своего рода чума для окрестности, и отъ него нерѣдко откупаются. Намѣченныхъ имъ жертвъ онъ держитъ словно на оброкѣ; отказывать ему боятся. Чуть люди, наскучивъ оброчнымъ положеніемъ, откажутъ въ требованіи—доносъ готовъ. А за доносомъ — слѣдствіе, извѣстное консисторское производство, болѣе или менѣе продолжительное дѣло. Иной человѣкъ со средствами для борьбы противъ доноса отдѣлается счастливо, но вѣдь не всѣ обладаютъ подобными средствами; а коль скоро неудача—результатъ очень скверный; бракъ расторгается, дѣтей признаютъ незаконными, и семейство — разрушается. Мы не входимъ въ объясненія, насколько правильны бываютъ даже юридически подобные приговоры, насколько они осложняются казуистикой и другими мотивами, но бытовыя послѣдствія ихъ очень тягостны. Положимъ, во многихъ случаяхъ подобное семейство продолжаетъ существовать, и родители по прежнему заботятся о своихъ дѣтяхъ; однако, имъ приходится пристраивать ихъ уже какъ незаконнорожденныхъ и, по истеченіи извѣстнаго времени, приписывать въ податныя общества. Помѣщикъ продолжаетъ воспитывать своего сына, какъ члена того общества, къ которому самъ принадлежитъ, даетъ ему приличное образованіе, оставляетъ ему и наслѣдство, такъ что возрастающій молодой человѣкъ остается въ томъ самомъ общественномъ кругу, въ которомъ родился; точно также дѣйствуетъ и чиновникъ, и другой человѣкъ не крестьянскаго и не мѣщанскаго званія, готовя своихъ дѣтей на ту же дорогу, по которой сами идутъ. Люди получаютъ образованіе, но какъ только под-

росли — непремѣнно обращайся къ выбору между Барандаевкою и Себежомъ, запасайся средствами для „причисленія“ и выдерживай мучительный искусъ для полученія документа, удостовѣряющаго явную ложь.

Мы назвали этотъ искусъ мучительнымъ и вовсе не для эффекта. Стоитъ остановиться на существующемъ порядкѣ причисленія и на бытовой его обстановкѣ, и мы убѣдимся, что здѣсь не одни матеріальныя пожертвованія, но и положительное нравственное истязаніе.

Если человѣкъ хочетъ приписаться въ крестьяне — ему нужно получить отъ общества пріемный приговоръ, и всякое общество имѣетъ полное право дать или не дать этотъ приговоръ, и всякій писарь имѣетъ возможность благопріятствовать или препятствовать принятію въ общество. Коль скоро пріемъ зависитъ исключительно отъ усмотрѣнія—его рѣдко дадутъ даромъ. Надо или вкладъ какой-нибудь внести, или угощать, да при этомъ кланяться и упрашивать. Надо столько же, если не больше, кланяться и писарю, да еще остерегаться, чтобы онъ не ввернулъ какого-нибудь канцелярскаго фортеля, изъ-за котораго потомъ разстроится все дѣло. Заупрямилась деревня Барандаевка—иди въ село Одноухово, а не удалось тамъ—въ Борисовку, Юловскіе-Мазы или Лопуховку, ходи изъ деревни въ деревню, пока гдѣ-нибудь изволятъ принять. Ужъ не приняться ли за выставку нѣсколькихъ ведеръ водки и кланяться подпившему собранію? Какой прекрасный жизненный дебютъ для начинающаго жить молодого человѣка, добивающагося не чего-нибудь нечистаго, неправеднаго, а ординарнѣйшаго права гражданства, безъ какихъ бы то ни было выгодъ отъ упрашиваемаго общества! Какой прекрасный жизненный дебютъ и въ поднесеніи взятокъ писарямъ, грознымъ своимъ канцелярскимъ могуществомъ и умѣньемъ обрабатывать всякія дѣлишки! Если упрашивающій попытается приписаться даже не къ обществу, а къ волости (т.-е. будетъ просить одного только подчиненія себя данной волости, безъ всякихъ общественныхъ ему не нужныхъ правъ)—и тогда онъ долженъ выдерживать тотъ же искусъ, потому что и для подобной приписки нужно согласіе волостного схода и благоволеніе того же могучаго писаря.

Не легче ли приписываться къ мѣщанамъ? Съ перваго взгляда какъ будто и легче, потому что многимъ разрядамъ людей, подлежащихъ припискѣ, дозволяется причисляться даже безъ согласія мѣщанскихъ обществъ, но на практикѣ облегченіе это оказывается не значительнымъ и даже фиктивнымъ. Причисляемые обязаны представить одобрéніе шести благонадежныхъ гражданъ-домохозяевъ, да еще получить согласіе Мѣщанской и Ремесленной управъ. Пусть же, напримѣръ, петербургскій или московскій житель (въ столицахъ со-

гласіе общества требуется непремѣнно) поищеть гдѣ-нибудь въ уѣздномъ городкѣ шесть поручителей, да еще такихъ, которые признаны будутъ благонадежными, и еще пріобрѣтетъ согласіе мѣщанской или ремесленной управъ, репутація которыхъ никакъ не выше репутаціи волостныхъ правленій или писарей. Вѣдь въ этихъ то управахъ и писаряхъ весь центръ тяжести дѣла, они орудуютъ и самими согласіями обществъ. Извольте пораспросить имѣвшихъ дѣло съ мѣщанскими управами, прислушайтесь къ тому, что о нихъ говорятъ вообще, и вы убѣдитесь, что едва ли даже не лучше имѣть дѣло въ волостныхъ правленіяхъ, съ которыми можно справляться хотя при посредствѣ ихъ начальства, тогда какъ у мѣщанскихъ и ремесленныхъ и начальство какое то неопредѣленное. Стало быть и тутъ упрашивай, кланяйся, ходи изъ одного города въ другой и считай себя счастливымъ, если наконецъ гдѣ нибудь нашлась податливая и не черезъ-чуръ требовательная мѣщанская управа, которая согласится дать не нужныя просителю права гражданства въ данномъ городѣ.

Мы остановились собственно на незаконнорожденныхъ, только для примѣра; но обязанность избирать себѣ „родъ жизни", припискою къ податнымъ обществамъ, распространяется на очень многихъ; однихъ, имѣющихъ право приписывать безъ согласія обществъ, въ законахъ о состояніяхъ указано 12 разрядовъ; тутъ и питомцы воспитательныхъ домовъ, и дѣти канцелярскихъ служителей, и воспитывавшіеся въ сиротскихъ домахъ законныя дѣти, и иновѣрцы, принявшіе христіанство, и дѣти пѣвчихъ, звонарей и церковныхъ сторожей и т. д. и т. д. Да сверхъ того, не мало людей, которые и для приписки въ мѣщане нуждаются въ согласіи обществъ. Намъ нѣтъ надобности подробно перечислять всѣ разряды подобныхъ людей, потому что это не нужно для выраженія основной нашей мысли. Довольно того, что такихъ людей очень много, и они находятся въ самыхъ различныхъ положеніяхъ, часто нисколько не соотвѣтствующихъ оффиціальному званію ихъ отцевъ. Иной сынъ канцелярскаго служителя получилъ высшее образованіе, сынъ пѣвчаго—ремесленникъ, звонарскій сынъ—торговецъ и т. д. Словомъ, правила о которыхъ идетъ рѣчь стѣснительны для массы людей самыхъ разнообразныхъ типовъ, и всѣ эти люди сильнѣйшимъ образомъ заинтересованы въ устраненіи безцѣльнаго притѣсненія, въ устраненіи необходимости ходить темными путями и ознаменовать подобнымъ способомъ свое вступленіе въ жизнь.

Итакъ, по нынѣшнему порядку выходитъ: плати, упрашивай, накланяйся вдоволь встрѣчному и поперечному, развращайся прикосновеніемъ къ установившимся безобразіямъ, поднесеніемъ взятокъ

или угощеніями, и за всѣ эти мытарства претерпѣвающій ихъ человѣкъ не вознаграждается никакими особыми правами состоянія, ни одною выгодою, словомъ—ровно ничѣмъ: онъ и послѣ приписки останется съ тѣми же самыми правами состоянія, какія уже принадлежатъ ему по рожденію, т.-е. ординарнѣйшими правами существованія, чуждыми всякихъ привилегій. Если же ни малѣйшей прибавки правъ общества ему не даютъ, то весь тяжкій искусъ, о которомъ объяснено выше, не болѣе, какъ исполненіе традиціоннаго обряда, который какъ бы самъ служитъ себѣ цѣлью. Тяготящій приписывающагося искусъ не нуженъ также ни обществамъ, ни казнѣ. Причисленный, какъ былъ прежде самъ по себѣ, такъ останется и на будущее время; породнившееся съ нимъ на бумагѣ общество не затратитъ на него ни копѣйки, въ интересы его входить не будетъ, и самъ онъ никакимъ участіемъ въ общественномъ хозяйствѣ или иномъ общественномъ дѣлѣ не интересуется.

А если онъ и прежде былъ одинъ и послѣ будетъ „одинъ“ же, то и считайте его такою самостоятельною отдѣльною единицею, не поддерживая лжи, не требуйте, чтобы онъ непремѣнно представлялъ себя частицею совершенно чужого ему общества. Когда подобный человѣкъ вступаетъ въ жизнь, ему просто слѣдуетъ выдать вѣчный документъ съ означеніемъ: какъ его зовутъ, когда онъ родился и какія принадлежатъ ему права состоянія. Цѣли паспортной системы этимъ достигнуты будутъ, слѣдовательно и требовать больше ничего не надо. Если онъ, въ силу какихъ-нибудь жизненныхъ условій, самъ пожелаетъ войти въ то или другое общество, пусть онъ тогда и приписывается, какъ знаетъ, но нельзя дѣлать этого для него обязательнымъ, не нужно ставить безцѣльныхъ требованій. И точно также слѣдуетъ дать возможность уже причисленнымъ переходить въ состояніе подобной „единицы“, когда они отказываются отъ участія въ общественныхъ выгодахъ и дѣлахъ.

Намъ, пожалуй, кто-нибудь скажетъ, будто мы совѣтуемъ завести какихъ-то многочисленныхъ изгоевъ, какой-то новый общественный классъ людей безродныхъ, безъ общественнаго положенія, словомъ—завести какой-то новый пролетаріатъ. Но подобное замѣчаніе будетъ одною фра́зою. Пора намъ не пугаться страшныхъ словъ, когда они—только слова. Изгоевъ создаетъ сама жизнь, она и множитъ ихъ съ каждымъ годомъ. Этой работѣ жизни ни что не препятствуетъ; изгойства строгія правила не уничтожили и не ослабляютъ ни на ничтожную частицу, а только отягчаютъ положеніе и безъ того обездоленныхъ людей. Всѣ эти приписки, всѣ эти формальныя увѣренія, будто человѣкъ принадлежитъ къ опредѣленному обществу и пользуется общественною поддержкою, только скрываютъ

правду, отводятъ глаза; это только парадная ложь, которой никто не вѣритъ. Зло, прикрытое личиною благополучія, сугубое зло. Признаніемъ дѣйствительной человѣческой единицы — единицею, мы только представили бы дѣло въ истинномъ свѣтѣ, выразили бы большее уваженіе къ правдѣ и облегчили трудность положенія тѣхъ, кого дѣйствительно надо облегчить. Хорошо противодѣйствовать распространенію изгойства, хорошо помогать людямъ находить себѣ опредѣленный родъ жизни и средства къ жизни, но все это хорошо, когда дѣло идетъ объ ослабленіи изгойства въ самой жизни, а не на бумагѣ. Усиливать изгойство въ жизни, изъ за уменьшенія его на бумагѣ, значитъ обманывать самихъ себя; а ухудшеніе положенія изгоевъ безцѣльными стѣсненіями есть именно усиленіе изгойства, а не уменьшеніе.

Въ виду всего этого, нельзя не желать, чтобы при предстоящей паспортной реформѣ, вмѣстѣ съ допущеніемъ вѣчныхъ или продолжительныхъ паспортовъ, были отмѣнены, какъ ненужныя, фиктивныя приписки къ обществамъ; чтобы признано было существованіе человѣческихъ единицъ „самихъ по себѣ", и вообще уничтожены были тѣ формальныя стѣсненія, безъ которыхъ при настоящемъ положеніи вещей уже вполнѣ можно обходиться.

Ѳ. Воропоновъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е декабря 1885.

Перемѣна въ управленіи министерствомъ юстиціи.—Вопросы о независимости судей, о разграниченіи властей, о судѣ присяжныхъ.—Судебная часть въ закавказскомъ краѣ.—Положеніе работъ въ коммиссіи по составленію гражданскаго уложенія.—Отчетъ департамента неокладныхъ сборовъ за 1884 годъ.—Еще два слова о дѣлѣ Мироновича.

Перемѣны въ личномъ составѣ высшей администраціи интересуютъ у насъ массу публики только тогда, когда въ нихъ видятъ, съ бо̀льшимъ или меньшимъ основаніемъ, признакъ наступившей или наступающей перемѣны въ направленіи, въ системѣ. Внѣ предѣловъ вѣдомства, прямо затронутаго новымъ назначеніемъ, весьма немногіе, напримѣръ, обращали вниманіе на замѣну Брока — Княжевичемъ Норова—Ковалевскимъ, П. А. Валуева—А. Е. Тимашевымъ, А. Е. Тимашёва—Л. С. Маковымъ, М. Х. Рейтерна—С. А. Грейгомъ; но увольненіе, въ 1861 г., С. С. Ланского (и Н. А. Милютина); въ 1866 г.—А. В. Головнина; въ 1867 г.—Д. Н. Замятнина; въ 1880 г.—гр. Д. А. Толстаго; въ 1881 г.—гр. Лорисъ-Меликова, гр. Д. А. Милютина и А. А. Абазы; въ 1882 г.—гр. Н. П. Игнатьева и барона Николаи,—возводилось, каждый разъ, на степень событія, вызывавшаго толки и догадки, радость или печаль, успокоеніе или тревогу. Къ такимъ событіямъ прибавилось, въ истекшемъ мѣсяцѣ, еще одно—увольненіе Д. Н. Набокова отъ управленія министерствомъ юстиціи. Мы нарочно не прибавили къ этому: „и назначеніе на его мѣсто Н. А. Манассеина“,—потому что сила впечатлѣнія зависѣла, въ данномъ случаѣ, именно отъ удаленія прежняго министра, а не отъ новаго назначенія. Кто бы ни былъ призванъ занять мѣсто Д. Н. Набокова, значеніе перемѣны—или, лучше сказать, предположенія о ея значеніи—отъ этого бы не измѣнилось, развѣ еслибы имя или званіе (напримѣръ—военное) новаго министра слишкомъ ясно уже намекало на характеръ предстоящей ему задачи. Н. А. Манассеинъ—

юристъ по образованію и прежней службѣ, хорошо знакомый съ новыми судебными порядками; ничего другого о немъ, покамѣстъ, сказать нельзя, потому что по прошедшей дѣятельности прокурора, директора департамента, сенатора, нельзя судить о будущей дѣятельности министра. Болѣе цѣннымъ матеріаломъ могли бы послужить, въ этомъ отношеніи, результаты ревизіи остзейскихъ губерній, произведенной Н. А. Манассеинымъ—но они до сихъ поръ остаются неизвѣстными. Чтобы опредѣлить, насколько возможно, смыслъ совершившейся перемѣны, остается, слѣдовательно, только припомнить обстоятельства, предшествовавшія ей и ее сопровождавшія.

Д. Н. Набоковъ былъ назначенъ министромъ юстиціи лѣтомъ 1878 г., черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ оправданія Вѣры Засуличъ и черезъ нѣсколько недѣль послѣ изданія закона 9-го мая, ограничившаго кругъ дѣйствій суда присяжныхъ (изъятіемъ изъ его вѣденія дѣлъ о сопротивленіи распоряженіямъ правительства, о неповиновеніи властямъ, объ оскорбленіи начальниковъ подчиненными, о насильственныхъ дѣйствіяхъ и угрозахъ противъ должностныхъ лицъ и т. п.). Уже отсюда можно заключить, что бывшій министръ былъ облеченъ этимъ званіемъ не какъ „ревностный, фанатически усердный борецъ за идею неприкосновенности новыхъ судебныхъ учрежденій“ (этими словами характеризуетъ его одна изъ газетъ, ликующихъ по поводу его увольненія). И дѣйствительно, семилѣтнее управленіе его министерствомъ юстиціи ознаменовалось нѣсколькими крупными шагами назадъ, по той дорогѣ, на которую вступилъ его предшественникъ. Многое зависѣло здѣсь, безъ сомнѣнія, отъ условій исключительно тяжелаго времени, пережитаго Россіей послѣ 1878 г. Если политическія дѣла отошли почти всецѣло въ сферу дѣйствій военнаго суда, если законъ 4 сентября 1881 г. предоставилъ генералъ-губернаторамъ и министру внутреннихъ дѣлъ право устранять гласный разборъ всякаго судебнаго дѣла, „публичное разсмотрѣніе котораго можетъ послужить поводомъ къ возбужденію умовъ и нарушенію порядка“, если министръ юстиціи, на основаніи „временныхъ“ правилъ 1882 г., сдѣлался однимъ изъ четырехъ членовъ коллегіи, безапелляціонному рѣшенію которой предоставлена участь газетъ и журналовъ, то несправедливо было бы упускать изъ виду, что иниціатива всѣхъ этихъ мѣръ принадлежала не министерству юстиціи, что онѣ были трудно отвратимымъ результатомъ общаго положенія дѣлъ, общаго направленія государственной жизни. Несравненно болѣе характеристичнымъ, съ занимающей насъ теперь точки зрѣнія, слѣдуетъ признать законъ 20 мая 1885 г., изготовленный и проведенный непосредственно министерствомъ юстиціи. Этимъ закономъ поколеблено одно изъ главныхъ основныхъ началъ судебной реформы—

ограничена, и довольно существенно, несмѣняемость судей. Правда, враги новаго суда не удовлетворились сдѣланною имъ уступкой, не прекратили своихъ нападеній на „судебную республику"; правда и то, что въ законѣ 20 мая замѣтно усиліе не идти слишкомъ далеко, замѣтно желаніе удержать нѣкоторыя гарантіи, обезпечивающія положеніе судьи. „Составители закона"—было сказано нами при подробномъ его разборѣ [1])—„поступили такъ, какъ дѣйствуетъ капитанъ корабля во время сильной бури: они выбросили за бортъ часть груза, чтобы спасти остальное". Мы едва ли ошибемся, если отнесемъ эти слова и ко всей вообще дѣятельности Д. Н. Набокова.

Внѣшняя исторія судебныхъ уставовъ, утвержденныхъ 20 ноября 1864 г., можетъ быть раздѣлена на столько періодовъ, сколько было съ тѣхъ поръ министровъ юстиціи (не считая кн. Урусова, управленіе котораго министерствомъ юстиціи продолжалось очень недолго и прошло, поэтому, совершенно безслѣдно). Д. Н. Замятнинъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Н. И. Стояновскимъ, стремился къ осуществленію уставовъ въ томъ смыслѣ и въ томъ объемѣ, въ какомъ они были задуманы. Этой простой, ясной программѣ не было дано условія необходимаго и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточнаго для ея успѣха—не было дано продолжительнаго существованія, настолько продолжительнаго, чтобы она могла выразиться вполнѣ и принести всѣ плоды свои. Судебную реформу постигла участь всѣхъ остальныхъ важнѣйшихъ преобразованій прошедшаго царствованія (за исключеніемъ только военнаго); въ исполненіе ея скоро, слишкомъ скоро были внесены тенденціи, чуждыя или даже враждебныя ея духу. Управленіе гр. Палена (1867—78) представляетъ собою рядъ отступленій отъ уставовъ, отчасти фактическихъ, отчасти формальныхъ, т.-е. сопряженныхъ съ измѣненіемъ самаго текста закона. Если измѣненіе уставовъ оставалось въ извѣстныхъ предѣлахъ, если далеко не все проектированное и предпринятое противъ нихъ осуществлялось на самомъ дѣлѣ, то это зависѣло отъ общаго характера эпохи, расположенной къ полу-мѣрамъ, болѣе склонной къ застою, чѣмъ къ рѣшительному регрессу. Многое въ судебныхъ уставахъ сохраняло свою силу не благодаря министру юстиціи, а помимо его воли или даже вопреки его желанію, вслѣдствіе условій, неблагопріятныхъ для крутого поворота къ недавно осужденному прошедшему. При Д. Н. Набоковѣ наступаетъ другая, прямо противоположная комбинація обстоятельствъ. Походъ противъ судебныхъ уставовъ идетъ теперь извнѣ, встрѣчая со стороны министерства юстиціи, если не твердый отпоръ, то по крайней мѣрѣ сдерживающее, умѣряющее воздѣйствіе.

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 9 „В. Е." за 1885 г., стр. 365—372.

Съ „фанатическимъ“ или даже просто систематическимъ отстаиваніемъ новыхъ порядковъ это воздѣйствіе, какъ видно уже изъ сказаннаго нами выше, не имѣетъ ничего общаго; перемѣны допускаются —но именно допускаются, а не вызываются, не требуются, и большая заботливость прилагается къ тому, чтобы смягчить ихъ рѣзкость. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается главная заслуга бывшаго министра юстиціи—заслуга условная, болѣе отрицательная, чѣмъ положительная, но тѣмъ не менѣе вполнѣ реальная. Ни разу, кажется, она не проявлялась такъ ярко, какъ въ прошедшемъ году, когда штурмъ противъ суда присяжныхъ, мотивированный оправданіемъ Свиридова, Мельницкихъ, Островлевой, окончился изданіемъ закона 12 іюня 1884 г., оставившаго неприкосновенными всѣ лучшія стороны учрежденія. Рѣчь шла, если не объ уничтоженіи самого института, то по меньшей мѣрѣ объ устраненіи цѣлыхъ категорій присяжныхъ, о радикальномъ измѣненіи тѣхъ статей учрежденія судебныхъ установленій, которыми опредѣляются право и обязанность быть присяжнымъ — а въ концѣ-концовъ измѣнился только (и не къ худшему) порядокъ составленія списковъ присяжныхъ, да ограниченъ нѣсколько отводъ присяжныхъ сторонами, въ особенности защитой. О значеніи этой послѣдней мѣры между приверженцами судебныхъ уставовъ существуютъ разныя мнѣнія; одни видятъ въ ней нѣкоторое пониженіе гарантій, представляемыхъ судомъ присяжныхъ, другіе (въ томъ числѣ и мы) считаютъ ее скорѣе полезной, чѣмъ вредной [1])—но во всякомъ случаѣ она не нарушаетъ основныхъ началъ, на которыхъ построенъ судъ присяжныхъ. Ввести реформу въ тѣ границы, въ которыя она заключена закономъ 12 іюня, значило отразить еще разъ принципіальныхъ враговъ учрежденія, занимающаго одно изъ первыхъ мѣстъ между нововведеніями 1864 года. Если бы этимъ однимъ ограничивался активъ баланса, оставляемаго Д. Н. Набоковымъ въ лѣтописяхъ русскаго суда, онъ имѣлъ бы несомнѣнное право на благодарное воспоминаніе всѣхъ тѣхъ, кому дороги краеугольные камни новаго судоустройства.

Географическое распространеніе круга дѣйствій судебныхъ уставовъ подвигалось впередъ, при Д. Н. Набоковѣ, такъ же медленно, какъ и при графѣ Паленѣ. Въ продолженіе семи лѣтъ они введены только въ юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ губерніяхъ, въ которыхъ, притомъ, уже раньше были призваны къ жизни мировыя учрежденія. Число губерній, обладающихъ этою половиной новаго судоустройства, увеличилось двумя или тремя. Закономъ 28 мая 1880 г. разрѣшенъ вопросъ о примѣненіи мировыхъ учрежденій къ

[1]) См. Внутрен. Обозрѣніе, въ № 4 „В. Е.“ за 1880 г., въ №№ 4 и 8 за 1884 г.

остзейскому краю, но этотъ законъ до сихъ поръ остается мертвою буквой. По ту сторону Уральскихъ горъ судебные порядки измѣнены только въ нынѣшнемъ году и только слегка, не смотря на ходатайства, вызванныя годовщиной присоединенія Сибири къ русскому царству. Производство дѣлъ въ старыхъ судебныхъ департаментахъ сената упрощено и ускорено (законъ 28 мая 1883 г.), но для перваго департамента давно обветшавшій порядокъ сохраняется въ полной силѣ. Не задѣланы вовсе или не вполнѣ задѣланы бреши, пробитыя въ судебныхъ уставахъ практикою 1867—78 г. Рядомъ съ судебными слѣдователями, утвержденными въ должности на точномъ основаніи закона, мы видимъ до сихъ поръ „исправляющихъ должность судебныхъ слѣдователей". Всѣ судебные округа, кромѣ петербургскаго, московскаго и харьковскаго, по прежнему остаются безъ совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, хотя Д. Н. Набоковъ, въ прошлогодней московской своей рѣчи, и выразилъ сочувствіе къ дѣятельности большинства присяжной адвокатуры. Множество важныхъ вопросовъ, вполнѣ созрѣвшихъ и разработанныхъ, все еще ожидаетъ разрѣшенія; назовемъ, для примѣра, вопросы объ охраненіи имуществъ, о производствѣ безспорныхъ дѣлъ, объ организаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, о преобразованіи слѣдственной части. Всѣ эти пробѣлы и недочеты—зависящіе, конечно, не отъ одного министерства юстиціи, но все же преимущественно упадающіе на его отвѣтственность—уравновѣшиваются, въ нашихъ глазахъ, двумя предпріятіями капитальной важности: пересмотромъ нашихъ уголовныхъ и гражданскихъ законовъ. Послѣднее изъ этихъ двухъ дѣлъ, гораздо позже начатое и несравненно болѣе обширное, сложное и трудное, не обрисовалось еще въ такой мѣрѣ, чтобы можно было судить о способѣ его веденія, о шансахъ его удачи; многое, очень многое зависитъ здѣсь, притомъ, не отъ юридической—какъ подготовительной, такъ и заключительной, редакціонной—работы, а отъ способа обсужденія и установленія основныхъ началъ новаго гражданскаго кодекса. Большой заслугой, во всякомъ случаѣ, является самый приступъ къ дѣлу первостепенной важности, поставленному на очередь еще въ прошедшемъ вѣкѣ и болѣе чѣмъ когда-нибудь необходимому въ настоящее время, послѣ всѣхъ перемѣнъ въ нашемъ общественномъ бытѣ, вызванныхъ реформами Александра II-го и новыми условіями жизни. Что касается до работъ по составленію уголовнаго уложенія, то внутреннее ихъ достоинство достаточно выяснилось уже теперь, благодаря гласности, данной, по инціативѣ Д. Н. Набокова, изготовленнымъ отдѣламъ проекта. Результатомъ этой гласности явилась масса замѣчаній, вызвавшихъ, въ свою очередь, немаловажныя поправки въ первоначальныхъ предположеніяхъ коммиссіи. Кому бы

ни суждено было довести до конца великое дѣло обновленія нашихъ уголовныхъ законовъ, имя Д. Н. Набокова навсегда останется связаннымъ съ этимъ дѣломъ, не только начатымъ при немъ, но имъ поставленнымъ на ту дорогу, которою обусловливается возможность успѣха.

Не стараясь заглядывать въ будущее, попробуемъ опредѣлить, на основаніи данныхъ ближайшаго прошлаго и настоящей минуты, въ чемъ именно заключается опасность, могущая угрожать судебнымъ уставамъ. Предметомъ нападеній служила и служитъ, прежде всего, несмѣняемость судей, хотя послѣ закона 20 мая 1885 г. о ней, собственно говоря, не можетъ уже быть и рѣчи. Повторять теперь старую пѣсню о безотвѣтственныхъ и полновластныхъ судьяхъ, значитъ требовать не чего иного, какъ полнаго уравненія судей съ административными чиновниками, т.-е. предоставленія министру юстиціи безотчетной и безконтрольной власти перемѣщать судей съ одной должности на другую, увольнять ихъ отъ должности и отъ службы. Такое право—говоря словами государственнаго совѣта, сказанными не дальше какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, при обсужденіи закона 20-го мая—безъ сомнѣнія „отвратило бы отъ трудной, отвѣтственной и сравнительно скудно вознаграждаемой службы многихъ полезныхъ дѣятелей, которые нынѣ дорожатъ ею, главнымъ образомъ, въ виду прочности принадлежащаго ей положенія". Различіе между судьями и административными чиновниками, существующее, въ той или другой формѣ, во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ—не случайность, не капризъ, не привилегія, созданная пристрастіемъ и поддерживаемая рутиной, а естественный результатъ судебныхъ функцій и необходимое условіе правосудія. Въ административныхъ вѣдомствахъ (за нѣкоторыми исключеніями, на которыхъ мы не останавливаемся, чтобы не отвлекаться отъ нашей главной тэмы) не только возможна, но даже неизбѣжна дисциплина, т.-е. строгое подчиненіе низшихъ должностныхъ лицъ —высшимъ, проведенное по всѣмъ ступенямъ іерархической лѣстницы. Ограничено это подчиненіе только однимъ — неприкосновенностью закона, прямое нарушеніе котораго со стороны должностного лица не можетъ быть оправдано даже прямымъ начальническимъ приказомъ. Что касается до толкованія, примѣненія, исполненія закона, то въ этой сферѣ воля подчиненнаго-администратора стушевывается передъ волей начальника; распоряженіе послѣдняго безусловно обязательно для перваго, сколько бы ни имѣлось основаній сомнѣваться въ его правильности. Самое бóльшее, что можетъ быть предоставлено подчиненному—это право оговорить свое несогласіе съ распоряженіемъ начальника, но отнюдь не право оставить его безъ исполненія. На-

чальникъ можетъ во всякое время и во всѣхъ отношеніяхъ замѣнить своего подчиненнаго, можетъ дѣйствовать вмѣсто него и помимо него, именно потому, что подчиненный всегда какъ бы представляетъ собою своего начальника, какъ бы заимствуетъ отъ него свою долю власти. На начальника упадаетъ, за то, и отвѣтственность за дѣйствія подчиненнаго, совершенныя по предписанію начальника и согласно съ этимъ предписаніемъ. Все это вытекаетъ изъ самаго свойства административныхъ функцій, требующихъ, прежде всего, быстраго и точнаго исполненія, которому далеко не всегда должно предшествовать разсужденіе. Мыслимо ли что-либо подобное въ судебномъ мірѣ, возможно ли здѣсь господстзо „идеи начальства и дисциплины", водвореніе которой реакціонная печать спѣшитъ провозгласить важнѣйшей задачей новаго министра юстиціи? Что сталось бы съ правосудіемъ, еслибы судьи начали рѣшать дѣла не по убѣжденію, а по предписанію свыше? Положимъ, что предписаніе являлось бы далеко не по каждому дѣлу — но одной возможности его появленія было бы вполнѣ достаточно, чтобы похоронить достоинство суда. Судья, хоть одинъ разъ написавшій рѣшеніе подъ диктовку начальства, теряетъ право на имя судьи. Независимость—не носовой платокъ, который можно то класть въ карманъ, то вынимать оттуда; допустить заранѣе отказъ отъ нея въ извѣстныхъ случаяхъ, значитъ отказаться отъ нея совершенно. Судья-- подчиненный, судья—покорный исполнитель чужихъ велѣній, не будетъ самостоятельнымъ и тогда, когда ничто, повидимому, не ограничиваетъ его свободы. Не получивъ инструкцій, онъ будетъ угадывать, въ чемъ онѣ могли бы заключаться; за отсутствіемъ прямого приказа, онъ будетъ вспоминать, не было ли аналогичныхъ случаевъ, въ которыхъ выразились бы воззрѣнія начальства, или соображать, какимъ образомъ можно попасть въ тонъ этимъ воззрѣніямъ. Въ вопросахъ нейтральныхъ, въ дѣлахъ, очевидно не интересующихъ начальство, онъ будетъ поддаваться другимъ вліяніямъ, руководствоваться другими мотивами, столь же мало вытекающими изъ самой сущности дѣла. Сегодня онъ будетъ поступать такъ, завтра — иначе, смотря по направленію вѣтра и теченія. Мы говоримъ здѣсь, конечно, только о тѣхъ судьяхъ, которые способны обратиться въ „подчиненныхъ"; остальные не стали бы продолжать службы, главнымъ условіемъ которой сдѣлалась бы ежеминутная готовность дѣйствовать противъ убѣжденія...

Административное распоряженіе можетъ обнимать собою массу однородныхъ случаевъ — судебное рѣшеніе должно соотвѣтствовать даннымъ обстоятельствамъ, конкретнымъ фактамъ. Первое имѣетъ дѣло съ условіями сравнительно простыми и часто повторяющимися въ одномъ и томъ же видѣ, второе—съ условіями сложными и без-

конечно разнообразными. Первое можетъ воспослѣдовать еще прежде наступленія данныхъ, къ которымъ оно должно быть примѣнено: второе всегда считается съ совершившимся фактомъ, и притомъ совершившимся такъ, а не иначе. Административное распоряженіе можетъ быть измѣняемо, дополняемо, отмѣняемо, вновь повторяемо неопредѣленное число разъ; пересмотръ и повѣрка судебнаго рѣшенія должны быть регулированы твердыми нормами, и послѣднее слово процесса—за рѣдкими, также опредѣленными исключеніями—дѣйствительно должно быть безповоротно послѣднимъ. Исполненіе административной мѣры можетъ быть возложено на любое должностное лицо административнаго вѣдомстна; судебное рѣшеніе должно исходить отъ лица или лицъ, заранѣе призванныхъ къ разсмотрѣнію даннаго разряда дѣлъ, въ данное время и въ данномъ мѣстѣ. Высшее должностное лицо судебнаго вѣдомства не можетъ замѣнить собою, по своему усмотрѣнію (т.-е. внѣ случаевъ и условій, закономъ опредѣленныхъ), низшее должностное лицо того же вѣдомства; высшій судъ не можетъ отвѣчать за рѣшенія или дѣйствія низшаго, по той простой причинѣ, что не можетъ ни заранѣе продиктовать, ни заранѣе предупредить ихъ. Нельзя сказать, чтобы полный произволъ начальника по отношенію къ подчиненнымъ былъ неизбѣжною принадлежностью административной службы; въ Германіи, напримѣръ, давно уже замѣтно стремленіе обезпечить положеніе служащихъ, къ какому бы вѣдомству они ни принадлежали, оградить ихъ отъ безпричинныхъ „мѣропріятій“ со стороны начальства — но во всякомъ случаѣ самый принципъ отвѣтственности начальника за подчиненныхъ влечетъ за собою большую долю зависимости для послѣднихъ, и этой зависимости не противорѣчитъ слишкомъ рѣзко характеръ обязанностей, на нихъ лежащихъ. Въ судебномъ мірѣ для отвѣтственности высшаго за низшихъ не остается ни повода, ни мѣста; все говоритъ, напротивъ того, за возможно бо̀льшую самостоятельность каждаго судьи, какое положеніе онъ бы ни занималъ въ судебной іерархіи. Отсюда несмѣняемость судей или ея суррогата, въ родѣ того, который установленъ закономъ 20-го мая.

Не ошибаемся ли мы, однако, относительно значенія идеи „начальства и дисциплины“, примѣненной къ судебному вѣдомству? Подъ этими словами слѣдуетъ понимать, можетъ быть, не прямое вмѣшательство начальства въ отправленіе правосудія, а только общее наблюденіе за духомъ и характеромъ дѣятельности судовъ и судей? Такое разрѣшеніе вопроса было бы косвеннымъ признаніемъ различія, существующаго между судьями и административными чиновниками—но оно все-таки заключало бы въ себѣ большую фальшь. Въ чемъ выражается „направленіе“ судьи? Конечно—въ постановляемыхъ имъ рѣшеніяхъ. Не говоря уже о томъ, что въ судѣ коллегіальномъ

трудно, почти невозможно (безъ употребленія средствъ, похожихъ на наушничество) распознавать роль каждаго отдѣльнаго судьи; — повѣрка рѣшеній, въ видахъ опредѣленія благонадежности судей, была бы сопряжена съ величайшими неудобствами и сводилась бы, въ концѣ-концовъ, къ такому нравственному давленію, которое немногимъ отличалось бы отъ приказа. Чтобы узнать, какимъ путемъ судья пришелъ къ извѣстному заключенію — путемъ ли безпристрастнаго взвѣшиванія обстоятельствъ дѣла и сопоставленія ихъ съ закономъ, или путемъ предвзятой мысли — нужно обладать сердцевѣдѣніемъ, доступнымъ для немногихъ и во всякомъ случаѣ весьма шаткимъ въ своихъ догадкахъ. Чтеніе между строками, примѣненное къ судебнымъ рѣшеніямъ, до крайности рисковано — и вмѣстѣ съ тѣмъ до крайности опасно для судей. Одно ожиданіе такого чтенія можетъ побудить судью къ согласованію своихъ выводовъ не столько съ сущностью дѣла, сколько съ вѣроятной оцѣнкой, которая будетъ имъ дана бдительнымъ начальствомъ. Отсюда только одинъ шагъ до тенденціозности худшаго свойства—до подлаживанья подъ чужую тенденціозность. Противъ дѣйствительныхъ погрѣшностей и злоупотребленій суда или судьи существуетъ и теперь — особенно со времени изданія закона 20-го мая—совершенно достаточный запасъ оружій. Неправильное рѣшеніе — если оно постановлено не высшей инстанціей—всегда можетъ быть отмѣнено въ установленномъ порядкѣ: за явное нарушеніе закона судья всегда можетъ быть преданъ суду; за важныя служебныя упущенія, а также за внѣ-служебные поступки, несовмѣстные съ достоинствомъ судьи—удаленъ отъ должности безъ суда, по опредѣленію высшаго дисциплинарнаго присутствія; возможно, наконецъ, и перемѣщеніе судьи, противъ его воли, въ другую мѣстность, на равную должность. Идти еще дальше, измѣнить самый порядокъ увольненія судей, поставить ихъ участь въ зависимость не отъ коллегіи, разбирающей дѣло съ соблюденіемъ судебныхъ формъ и пріемовъ, а отъ отдѣльнаго лица, дѣйствующаго подъ вліяніемъ впечатлѣній, допустить удаленіе судей отъ должности безъ всякой опредѣленной, фактически доказанной причины, вслѣдствіе одного лишь неблагопріятнаго мнѣнія о нихъ, значило бы отодвинуться за черту, достигнутую русскимъ судомъ еще до реформы 1864 г. Въ старыхъ судахъ второй инстанціи предсѣдатели и засѣдатели избирались сословіями, на извѣстный срокъ, и, слѣдовательно были—или по крайней мѣрѣ могли быть — болѣе независимы чѣмъ судьи, во всякую данную минуту, по всякому данному поводу или безъ повода подлежащіе отозванію отъ должности.

Если „идея начальства и дисциплины“ непримѣнима къ рѣшенію судебныхъ дѣлъ, то не слѣдуетъ ли, по меньшей мѣрѣ, предо-

ставить ей широкій просторъ въ способѣ веденія дѣлъ, въ порядкѣ отправленія правосудія? Здѣсь необходимо различать тѣ стороны дѣлопроизводствъ, которыя требуютъ, наравнѣ съ самымъ рѣшеніемъ, свободы дѣйствій, ограниченной только закономъ, отъ тѣхъ сторонъ, которыя имѣютъ болѣе формальное значеніе и легче поддаются регламентаціи. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Допросъ свидѣтелей или экспертовъ составляетъ одно изъ главныхъ средствъ къ раскрытію истины. Подчинить его стѣсненіямъ, не предусмотрѣннымъ въ законѣ, создать для него узкія, разъ навсегда опредѣленныя рамки, значило бы повліять, хотя и не прямо, на разрѣшеніе дѣлъ, насиловать совѣсть судей, вынуждая ихъ постановлять приговоръ по неполнымъ или недостаточно провѣреннымъ даннымъ. Вотъ почему нельзя предписать предсѣдательствующимъ по дѣламъ уголовнымъ, чтобы они ограничивали опросъ каждаго свидѣтеля извѣстнымъ числомъ минутъ, или не позволяли сторонамъ спрашивать свидѣтеля объ обстоятельствахъ, не касающихся непосредственно предмета обвиненія, или останавливали экспертовъ, вдающихся въ область науки; нельзя предписать судамъ, чтобы они не допускали къ экспертизѣ свѣдущихъ людей, указываемыхъ защитой, или производили выборъ экспертовъ изъ списка, заранѣе установленнаго администраціей. Столь же ненормально были бы предписаніе предсѣдательствующимъ на ассизахъ проводить въ заключительномъ словѣ именно такой, а не иной взглядъ на значеніе той или другой категоріи доказательствъ,—или предписаніе предсѣдательствующимъ въ гражданскомъ судѣ не допускать, со стороны каждаго тяжущагося, болѣе чѣмъ одной судебной рѣчи. Другое дѣло—тѣ формальности, отъ которыхъ не зависитъ, если можно такъ выразиться, самый составъ процесса; но въ этомъ отношеніи высшая судебная администрація имѣетъ и теперь полную возможность воздѣйствія на суды. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить послѣдній циркуляръ Д. Н. Набокова, состоявшійся за нѣсколько дней до оставленія имъ министерства юстиціи — циркуляръ, высказывающійся противъ ночныхъ судебныхъ засѣданій. Сюда же относится другое недавнее распоряженіе бывшаго министра (циркуляръ 3 іюня 1885 г.), направленное противъ слишкомъ поздняго открытія судебныхъ засѣданій и слишкомъ ранняго призыва въ судъ присяжныхъ засѣдателей, свидѣтелей и экспертовъ. Въ обязательности подобныхъ распоряженій, основанныхъ на примѣчаніи къ ст. 168 учр. суд. устан., нѣтъ никакого повода сомнѣваться,—да они ни въ чемъ и не мѣшаютъ всестороннему разсмотрѣнію и безпристрастному рѣшенію судебныхъ дѣлъ. Во всемъ томъ, что касается внѣшняго порядка дѣлопроизводства, суды и судьи подчинены еще болѣе тщательному контролю,

чѣмъ административныя присутственныя мѣста, такъ какъ по отношенію къ суду существуетъ, кромѣ наблюденія министра, еще надзоръ кассаціонныхъ департаментовъ сената. Не ограничиваясь возстановленіемъ порядка въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, сенатъ нерѣдко даетъ судебнымъ мѣстамъ общія разъясненія и указанія, въ родѣ тѣхъ, которыя составляютъ предметъ приведенныхъ нами министерскихъ циркуляровъ. Такъ, напримѣръ, въ циркулярномъ указѣ отъ 13 апрѣля 1873 г. сенатъ высказался противъ чрезмѣрнаго наплыва публики въ залы судебныхъ засѣданій, затрудняющаго наблюденіе за присяжными и несовмѣстнаго съ торжественностью судебной обстановки. Есть, наконецъ, весьма удобное и простое средство соединить въ одно цѣлое и окончательно закрѣпить всѣ правила дѣлопроизводства, обязательныя для судей и судебныхъ мѣстъ. Это средство—изданіе общаго наказа, для котораго уже давно наступило время. Итакъ, на сколько „дисциплина" въ судебномъ вѣдомствѣ мыслима и законна, на столько она существуетъ и теперь; для поддержанія ея нѣтъ надобности апеллировать къ „идеѣ начальства", нѣтъ надобности обращать судей въ простыхъ „подчиненныхъ" министра юстиціи.

Наравнѣ съ несмѣняемостью и независимостью судей, обычной тэмой для враговъ новаго суда служитъ оторванность его отъ общаго государственнаго строя или такъ называемое „самодержавіе" суда. За декламаціями на эту тэму могутъ скрываться два различные взгляда. Одинъ изъ нихъ заключается въ томъ, что всякое судебное дѣло можетъ быть во всякое время, по усмотрѣнію высшей власти, прекращено до окончанія, возобновлено и перерѣшено послѣ окончанія, изъято изъ вѣденія общихъ судовъ и направлено въ порядкѣ спеціально-судебномъ или просто административномъ. Это теорія такъ называемой „кабинетной юстиціи", о которой давно уже успѣла забыть западная Европа, и которой, въ принципѣ, не признавала, по крайней мѣрѣ съ начала нынѣшняго вѣка—даже дореформенная Россія. Неудивительно, что открытыхъ приверженцевъ у нея немного или нѣтъ вовсе, что ее, въ большинствѣ случаевъ, только безмолвно допускаютъ, но не возводятъ въ систему. Кабинетная юстиція, это—отрицаніе закона, какъ твердаго, постояннаго, для всѣхъ одинаковаго правила; а управленіе на основаніи закона и согласно съ закономъ составляетъ, какъ извѣстно, характеристическую черту неограниченнаго монархическаго образа правленія, именно этимъ отличающагося отъ деспотизма. Другой взглядъ, болѣе умѣренный, не идетъ дальше возстановленія той высшей судебной инстанціи, которая существовала до реформы 1864 г. Замѣтимъ, прежде всего, что этимъ путемъ нельзя создать того полнаго единенія между судомъ и высшей властью, о которомъ мечтаютъ доктринеры реакціи.

Въ до-реформенной Россіи были цѣлыя категоріи судебныхъ дѣлъ, разрѣшавшихся окончательно судомъ и ни въ какомъ случаѣ не восходившихъ на усмотрѣніе высшей власти; таковы были, напримѣръ, малоцѣнные гражданскіе иски, до суммы 30 руб. заканчивавшіеся безповоротно въ уѣздныхъ судахъ или магистратахъ, до суммы 600 руб.—въ гражданскихъ палатахъ. Такія же ограниченія пришлось бы, по необходимости, установить и теперь—а если допустить ихъ для одного вида судебныхъ дѣлъ, то нѣтъ причины отвергать ихъ, по принципу, для какого бы то ни было другого. Если въ окончательномъ разрѣшеніи судомъ—однимъ только судомъ—малоцѣнныхъ гражданскихъ и маловажныхъ уголовныхъ дѣлъ, нѣтъ ничего несовмѣстнаго съ общимъ государственнымъ устройствомъ Россіи, то не противорѣчитъ послѣднему, очевидно, и такой порядокъ, при которомъ ни одно судебное дѣло не выходитъ изъ судебной сферы. Единство источника власти не исключаетъ делегаціи тѣхъ или другихъ отраслей ея—и эта делегація можетъ быть какъ частной, такъ и общей, т.-е., обнимать собою, какъ отдѣльные разряды дѣлъ, такъ и цѣлый родъ дѣятельности. Центръ тяжести, при разрѣшеніи вопроса о предѣлахъ и размѣрахъ делегаціи, долженъ лежать не въ чемъ иномъ, какъ въ ея практичности и цѣлесообразности. Съ этой точки зрѣнія обособленность судебной сферы несомнѣнно соотвѣтствуетъ условіямъ современной дѣйствительности. Отражая, около двухъ лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ обычныхъ наѣздовъ противъ „судебной республики", мы имѣли уже случай замѣтить, что „дубъ Людовика святого отошелъ всецѣло въ область преданій". Надъ судомъ, въ наше время, можетъ быть поставленъ, de facto, не одинъ верховный судья, а опять-таки судъ, только иначе названный[1]. Не даромъ же, въ самомъ дѣлѣ, и не случайно судебная реформа 1864 г. завершила лѣстницу процесса—прежде поднимавшуюся до самой вершины государственнаго зданія—кассаціонными департаментами сената. Это былъ не отказъ отъ права—это было справедливое признаніе, что правомъ, при всемъ добромъ и искреннемъ желаніи, пользоваться нельзя, что оно существуетъ только по имени. Высшимъ, въ сущности, до-реформеннымъ судомъ былъ судебный департаментъ государственнаго совѣта (такъ называемый департаментъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ), вмѣстѣ съ коммиссіею прошеній—и былъ имъ, не соединяя въ себѣ тѣхъ условій, которымъ долженъ удовлетворять судъ, хотя бы и не высшій. Возстановленіе этого порядка, достаточно испытаннаго на опытѣ и достаточно имъ осужденнаго, было бы рѣшительнымъ шагомъ назадъ, ничѣмъ не оправдываемымъ и не вызываемымъ".

---

[1]) См. Общественную Хронику въ № 2 „В. Е." за 1884 г.

Опасную честь нападеній, идущихъ изъ реакціоннаго лагеря, раздѣляетъ, съ несмѣняемостью судей и принципомъ разграниченія властей, прежде всего институтъ присяжныхъ засѣдателей. Подробно останавливаться на этой сторонѣ вопроса, въ виду всего сказаннаго о ней въ прежнихъ нашихъ обозрѣніяхъ, мы не будемъ: ограничимся указаніемъ главныхъ линій, по которымъ ведется атака. На крайнемъ правомъ флангѣ идутъ „непримиримые" (наши intransigeants), т.-е. рѣшительные противники учрежденія, вовсе не признающіе за нимъ права на существованіе; затѣмъ, слѣдуетъ множество отдѣльныхъ отрядовъ, подкапывающихся либо подъ составъ суда присяжныхъ, либо подъ компетенцію его, либо подъ положеніе его во время самаго процесса. Значительное ограниченіе круга лицъ, изъ которыхъ избираются присяжные—изъятіе изъ вѣденія суда присяжныхъ еще нѣсколькихъ, существенно-важныхъ категорій уголовныхъ дѣлъ — постановка вопросовъ, оставляющая какъ можно меньше простора для отвѣтовъ, по возможности предрѣшающая дѣло: подъ эти три основные типа могутъ быть подведены всѣ измышленія, враждебныя суду присяжныхъ, но не исключающія его вовсе изъ системы нашего уголовнаго судопроизводства. Само собою разумѣется, что мы не смѣшиваемъ съ ними тѣхъ предложеній, которыя направлены къ улучшенію закона, къ устраненію неудобствъ его или недостатковъ безъ всякаго посягательства на идею учрежденія. Эти предложенія также могутъ касаться либо составленія списковъ присяжныхъ (укажемъ, для примѣра, на пониженіе имущественнаго ценза, въ особенности для людей образованныхъ), либо предѣловъ вѣдомства суда присяжныхъ (напр., изъятіе изъ него нѣкоторыхъ маловажныхъ дѣлъ, согласно съ проектомъ, составленнымъ, если вѣрить слухамъ, еще до увольненія Д. Н. Набокова отъ званія министра юстиціи), либо способа разрѣшенія дѣлъ (напр., расширеніе права присяжныхъ на дополнительные отвѣты). Демаркаціонной чертой между обѣими группами предложеній служитъ отношеніе ихъ къ дѣйствующему порядку; стремленіе исказить его—сигнатура первой группы; стремленіе развить его или поправить, не нарушая основныхъ его началъ—отличительный признакъ второй группы. Въ этой послѣдней группѣ возможны, безъ сомнѣнія, частныя ошибки—но въ общемъ и цѣломъ на ея сторонѣ безспорное преимущество передъ первою. Послѣдовательность—лучшій залогъ успѣха; прежде чѣмъ осудить преобразованіе и выбросить его за бортъ, нужно довести его до конца, устранивъ отдѣльные, случайные его недостатки. Большимъ несчастьемъ для Россіи были именно преждевременные повороты и остановки, знаменующіе собою исторію всѣхъ почти реформъ прошедшаго царствованія. Допустимъ, что судъ присяжныхъ

въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ у насъ въ настоящее время, оставляетъ желать весьма многаго; остается еще доказать, что это зависитъ отъ свойствъ, неизбѣжно ему присущихъ, или отъ осуществленія его въ слишкомъ широкихъ размѣрахъ, а не отъ обстоятельствъ, легко поправимыхъ. Съ цѣлью поправки изданъ, между прочимъ, законъ 12 іюня 1884 г., результаты котораго еще не успѣли обнаружиться на практикѣ; необходимо, по меньшей мѣрѣ, ихъ выждать, дополнивъ, между тѣмъ, начатую реформу дальнѣйшимъ усиленіемъ интеллигентнаго элемента въ составѣ присяжныхъ засѣдателей. Всего опаснѣе и неосмотрительнѣе было бы предпринять ломку учрежденія подъ вліяніемъ частныхъ случаевъ, отдѣльныхъ фактовъ. Такой способъ дѣйствій, рискованный вездѣ и всегда, въ особенности неумѣстенъ по отношенію къ суду, ошибки котораго постоянно разсматриваются въ увеличительное стекло, а заслуги остаются незамѣченными или неоцѣненными. На одинъ приговоръ, возбуждающій неудовольствіе (да еще неудовольствіе, сплошь да рядомъ основанное на недоразумѣніи, какъ мы это видѣли, напримѣръ, по дѣлу Мироновича), сколько приходится приговоровъ, никѣмъ не опорочиваемыхъ и не подлежащихъ опороченію! Нѣтъ такого положенія, мотивированнаго ссылкою на два—три процесса, которому нельзя было бы противопоставить другого положенія, по меньшей мѣрѣ столь же вѣскаго. Возьмемъ хотя бы слѣдующій примѣръ, прямо почерпнутый изъ „злобы дня". Дѣла Мироновича и Головачева дали реакціонной печати желанный предлогъ къ заподозриванію суда въ систематической враждѣ противъ полиціи. И что же? Почти одновременно съ осужденіемъ петербургскою судебною палатою кронштадтскаго полиціймейстера Головачева, одесская судебная палата, засѣдая въ Симферополѣ, оправдываетъ, на основаніи вердикта присяжныхъ, керченскаго полиціймейстера Майновскаго и нѣсколькихъ полицейскихъ чиновниковъ, обвинявшихся вмѣстѣ съ нимъ во взяточничествѣ и другихъ служебныхъ преступленіяхъ. Въ петербургскомъ окружномъ судѣ, двумя мѣсяцами раньше, оканчивается оправданіемъ дѣло смотрителя полицейскаго дома, Кульмана, обвинявшагося въ присвоеніи имущества, ввѣреннаго ему по службѣ. Отчего бы не утверждать, на основаніи этихъ двухъ примѣровъ, что судъ потворствуетъ злоупотребленіямъ полиціи, недостаточно защищаетъ частныхъ лицъ отъ произвола полицейскихъ чиновниковъ? Такой выводъ былъ бы столь же основателенъ—т.-е. столь же неоснователенъ—какъ и обратное заключеніе, извлекаемое, per fas et nefas, изъ дѣлъ Мироновича и Головачева. Вся разница въ томъ, что два послѣднія дѣла надѣлали много шуму, а дѣла Майновскаго и Кульмана прошли почти незамѣченными обществомъ и печатью. Скажемъ болѣе: есть

громкія, крупныя дѣла, замалчиваемыя извѣстными органами печати—замалчиваемыя именно потому, что изъ нихъ никакъ нельзя вывести заключеній, неблагопріятныхъ для суда присяжныхъ. Назовемъ, для примѣра, дѣло о злоупотребленіяхъ въ таганрогской таможнѣ, составляющее настоящій памятникъ неутомимаго, честнаго и разумнаго труда со стороны присяжныхъ (и коронныхъ судей)... Повторяемъ еще разъ, фактами, въ отдѣльности взятыми, можно доказать что угодно. Пора, давно пора отказаться отъ произвольныхъ обобщеній, воздвигаемыхъ съ помощью исскуственно подобранныхъ или поддѣланныхъ подпорокъ—или предоставить ихъ однимъ органамъ печати, живущимъ сплетнями и клеветою. Мы не хотимъ допустить и мысли, чтобы навѣты, идущіе изъ этой сферы, могли остановить на себѣ серьезное вниманіе высшихъ оффиціальныхъ сферъ.

Сравненіе—одинъ изъ лучшихъ способовъ оцѣнки учрежденій. По отношенію къ суду употребленіе этого способа особенно удобно у насъ въ Россіи, гдѣ различные судебные порядки не только слѣдуютъ одинъ за другимъ, но и существуютъ одинъ возлѣ другого. Для того чтобы сравнить старое судопроизводство съ новымъ, коронный судъ—съ судомъ присяжныхъ, назначенныхъ судей—съ выборными, сословныхъ—съ безсословными,—русскому изслѣдователю не предстоитъ надобности углубляться въ прошедшее или переноситься мысленно въ другія страны; все это онъ имѣетъ у себя дома, въ настоящую минуту. Нельзя не пожалѣть, что къ методу, прямо подсказываемому дѣйствительностью, у насъ прибѣгаютъ слишкомъ рѣдко. Объясняется это, отчасти, крайнею недостаточностью общедоступнаго матеріала. Скудныя, покамѣстъ, данныя уголовной статистики (не коснувшейся еще, притомъ, одного изъ важнѣйшихъ, съ занимающей насъ точки зрѣнія, судебныхъ округовъ—округа тифлисской судебной палаты), случайныя, отрывочныя сообщенія о дѣятельности мировыхъ судей въ западныхъ губерніяхъ, о подвигахъ остзейскихъ бароновъ, вооруженныхъ „мечами правосудія", о судебныхъ порядкахъ въ царствѣ польскомъ, о жалобахъ сибиряковъ на рѣшенія своихъ дореформенныхъ судовъ—вотъ почти все содержаніе этого запаса. Нѣсколько больше свѣденій можно собрать о закавказскомъ краѣ, благодаря, въ особенности, тифлисскому „Юридическому Обозрѣнію", около четырехъ лѣтъ мужественно ведущему борьбу съ тяжелыми условіями изданія, въ далекой провинціи, подцензурной, да вдобавокъ еще спеціальной, газеты [1]). Стоитъ только просмотрѣть нѣсколько нумеровъ „Юридическаго Обозрѣнія", чтобы придти

[1]) Большой заслугой „Юридическаго Обозрѣнія" слѣдуетъ признать усердную разработку мѣстныхъ законовъ и обычаевъ закавказскаго края армянскихъ, грузинскихъ, татарскихъ и др.

къ двумъ несомнѣннымъ заключеніямъ: съ одной стороны—что въ судебныхъ учрежденіяхъ закавказскаго края далеко не все обстоитъ благополучно, съ другой стороны—что объ этомъ неблагополучіи нельзя говорить прямо и свободно. А между тѣмъ, въ закавказскомъ краѣ нѣтъ присяжныхъ, нѣтъ выборныхъ мировыхъ судей, да и зависимость судей отъ администраціи тамъ несравненно чувствительнѣе, чѣмъ въ европейской Россіи. Министерству юстиціи настоящее положеніе дѣлъ за Кавказомъ извѣстно, безъ сомнѣнія, гораздо лучше, чѣмъ читающей публикѣ; для него сравненіе тамошнихъ порядковъ съ иными, болѣе близкими къ духу судебныхъ уставовъ, не представляетъ никакихъ трудностей. Еще недавно, года два или три тому назадъ, закавказскіе суды были предметомъ спеціальной сенаторской ревизіи, результатомъ которой, по словамъ „Юридическаго Обозрѣнія", было, между прочимъ, „нелестное мнѣніе о закавказской судебно-мировой практикѣ". Основанія этого „не лестнаго мнѣнія" сдѣлались для насъ вполнѣ ясны, когда мы прочли, въ послѣдней (ноябрьской) книжкѣ „Журнала гражданскаго и уголовнаго права", весьма интересную статью г. Красовскаго о „слѣдственной части въ закавказскомъ краѣ". Размѣры нашего обозрѣнія не позволяютъ намъ, къ сожалѣнію, познакомить читателей съ содержаніемъ этой статьи; замѣтимъ только, что предварительное слѣдствіе за Кавказомъ производится, большею частью, не судебными слѣдователями, а помощниками мировыхъ судей, лишенными самостоятельности, обставленными во всѣхъ отношеніяхъ весьма печально, и именно потому не имѣющими возможности исполнять, какъ слѣдуетъ, свою задачу. Само собою разумѣется, что въ такой мѣстности, какъ Закавказье—населенное самыми различными и большею частью мало цивилизованными племенами—отправленіе правосудія затрудняется не однимъ только ненормальнымъ положеніемъ судовъ и судей; для нашей цѣли достаточно доказать, что эта ненормальность не уменьшаетъ, а увеличиваетъ затрудненія, что опытъ закавказскаго края отнюдь не можетъ служить аргументомъ въ пользу несамостоятельнаго или полу-самостоятельнаго суда. Къ такому же выводу, мы въ этомъ убѣждены, должно привести и внимательное изученіе судебныхъ порядковъ въ другихъ мѣстностяхъ, на которыя не распространено или распространено не вполнѣ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ.

Общее заключеніе наше таково: высшей судебной администраціи предстоитъ масса дѣла, но это дѣло состоитъ не въ упраздненіи основныхъ началъ судебной реформы, а въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи и усовершенствованіи. Повсемѣстное и, по возможности, полное осуществленіе судебныхъ уставовъ, преобразованіе слѣдственной части, улучшеніе мирового суда, упрощеніе и удешевленіе гражданскаго

процесса, ускоренное движеніе работъ по пересмотру гражданскихъ, уголовныхъ и торговыхъ законовъ — вотъ задачи, исполненія которыхъ русское общество въ правѣ ожидать отъ каждаго новаго министра юстиціи.

Мы упомянули, мимоходомъ, о работахъ по составленію гражданскаго уложенія, какъ о драгоцѣнномъ наслѣдствѣ, оставленномъ Д. Н. Набоковымъ своему преемнику. До сихъ поръ достовѣрныя свѣденія о работахъ этой коммиссіи рѣдко проникали въ печать; тѣмъ больше, за то, появлялось о нихъ неосновательныхъ, иногда даже явно нелѣпыхъ, слуховъ [1]). Въ октябрьской книжкѣ „Журнала гражданскаго и уголовнаго права" мы нашли, наконецъ, обширную статью о занятіяхъ коммиссіи, составленную, повидимому, на основаніи оффиціальныхъ данныхъ. Заимствуемъ изъ нея нѣкоторыя подробности, интересныя не для однихъ юристовъ. Приступивъ къ пересмотру дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ, коммиссія должна была, прежде всего, имѣть въ виду всю ихъ совокупность, далеко неисчерпываемую первою частью десятаго тома. Для этого составленъ былъ сборникъ всѣхъ постановленій, относящихся къ гражданскому праву, гдѣ бы они ни заключались—въ одномъ ли изъ пятнадцати томовъ свода законовъ, въ военныхъ ли, морскихъ или духовныхъ узаконеніяхъ, въ уставахъ ли акціонерныхъ обществъ, въ конвенціяхъ ли съ иностранными державами (о наслѣдствахъ, о литературной и художественной собственности). О размѣрахъ этой работы можно судить по тому, что сборникъ, въ настоящее время уже печатаемый, составитъ около ста листовъ большого формата и убористой печати [2]). На изученіе судебной практики по дѣламъ гражданскимъ коммиссія также обратила особенное вниманіе, но матеріалъ, сюда относящійся, такъ громаденъ, что полная его разработка не представляется возможной; коммиссіи придется удовольствоваться преимущественно рѣшеніями напечатанными, хотя она и не намѣрена строго держаться этой границы. Чтобы облегчить для себя широкое пользованіе юридическою литературой, коммиссія распорядилась составленіемъ библіографическаго указателя не только книгъ, но и газетныхъ и журнальныхъ статей по гражданскому праву, напечатанныхъ въ Россіи съ

---

[1]) Образцы подобныхъ слуховъ приведены были нами въ одной изъ нашихъ общественныхъ хроникъ (В. Е. 1885 г. № 3).

[2]) Пишущій эти строки помнитъ, что необходимость подобнаго сборника признавалась, лѣтъ двадцать пять тому назадъ, К. Д. Кавелинымъ, читавшимъ тогда гражданское право въ петербургскомъ университетѣ, и что съ этою цѣлью молодыми знакомыми покойнаго профессора произведены были даже нѣкоторыя работы, невыходившія, впрочемъ, за предѣлы свода законовъ.

1758 по 1884 г. Указатель этотъ, содержащій въ себѣ почти 5000 названій (свыше 1300 книгъ и брошюръ, свыше 3600 газетныхъ и журнальныхъ статей), будетъ напечатанъ и сдѣлается драгоцѣннымъ пособіемъ для всѣхъ занимающихся гражданскимъ правомъ. На основаніи данныхъ, затребованныхъ отъ коммерческихъ судовъ, коммиссіею будетъ составленъ обзоръ русскаго обычнаго торговаго права. Что касается до крестьянскаго обычнаго права, то, не ограничиваясь систематическою группировкой данныхъ, разсѣянныхъ по этому предмету въ литературѣ и въ трудахъ коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ (работавшей въ 1872 г. подъ предсѣдательствомъ М. Н. Любощинскаго), коммиссія по составленію гражданскаго уложенія собираетъ, по крайней мѣрѣ, по нѣкоторымъ губерніямъ, дополнительныя свѣденія, причемъ выборъ уѣздовъ и волостей, подлежащихъ изслѣдованію, предоставляется усмотрѣнію мѣстнаго начальства, „имѣющаго средства и обязаннаго знать бытовыя, этнографическія и экономическія условія народонаселенія". Этотъ послѣдній способъ собиранія свѣденій кажется намъ не особенно удачнымъ. Обязанность мѣстнаго начальства знать условія народнаго быта мы не отрицаемъ, но сомнѣваемся въ повсемѣстномъ исполненіи этой обязанности. Главными органами власти, когда идетъ рѣчь объ изученіи мѣстной жизни, являются губернскіе статистическіе комитеты—а кому же неизвѣстенъ обыкновенный уровень (количественный и качественный) трудовъ, исполняемыхъ этими комитетами съ помощью волостныхъ писарей? Мы думаемъ, что въ дѣлѣ такой важности, какъ изученіе народныхъ обычаевъ, въ качествѣ одного изъ источниковъ будущаго гражданскаго уложенія, не слѣдовало бы ни съуживать рамки изслѣдованія, ни прибѣгать къ формальнымъ пріемамъ, не гарантирующимъ ни полноты, ни основательности данныхъ. Съ помощью земствъ и ученыхъ обществъ (географическаго, вольно-экономическаго) въ каждой губерніи легко было бы организовать небольшую экспедицію, которая, на основаніи данной коммиссіею программы, въ короткое время могла бы собрать богатый, сравнительно достовѣрный матеріалъ, заимствуя его не только изъ рѣшеній волостныхъ судовъ, но и изъ бесѣдъ съ „стариками" и другими деревенскими старожилами. Передъ вопросомъ объ издержкахъ останавливаться здѣсь было бы неумѣстно, въ виду громаднаго значенія работы.

Возвращаемся къ подготовительнымъ трудамъ коммиссіи. По многимъ отдѣламъ гражданскаго права были приготовлены въ разное время —еще до учрежденія коммиссіи—обширные законопроекты (напр., объ опекахъ, о духовныхъ завѣщаніяхъ, о личномъ наймѣ, объ акціонерныхъ компаніяхъ); разработаны были, съ цѣлью законодательною, и нѣкоторые частные, сравнительно мелкіе, вопросы. Всѣ эти

работы приведены коммиссіею въ извѣстность и надлежащій порядокъ. Отзывамъ о недостаткахъ и пробѣлахъ дѣйствующаго гражданскаго законодательства, доставленнымъ разными лицами и учрежденіями (числомъ 114), вслѣдствіе приглашенія министра юстиціи, а также журнальнымъ и газетнымъ статьямъ, вызваннымъ учрежденіемъ коммиссіи, составляется систематическій обзоръ. Разрабатывается русская юридическая терминологія, т.-е. приводится въ ясность, посредствомъ разсмотрѣнія источниковъ и литературы, въ какомъ смыслѣ употребляются главныя спеціальныя выраженія, свойственныя русскому гражданскому праву. Собираются статистическія данныя, могущія бросить свѣтъ на положеніе того или другого юридическаго института—напр., о числѣ браковъ, повѣнчанныхъ, признанныхъ недѣйствительными и расторгнутыхъ (съ 1837 г.), о числѣ опекъ, о дѣятельности, въ округѣ варшавской судебной палаты, семейныхъ совѣтовъ, о числѣ судебныхъ раздѣловъ и т. п. Составлена записка о мусульманскомъ правѣ вообще и наслѣдственномъ—въ особенности, а также извлечены изъ корана постановленія, относящіяся къ наслѣдственному праву.

Большое вниманіе обращено коммиссіею на иностранныя гражданскія уложенія—и, конечно, никто изъ людей, сознающихъ всю трудность кодификаціонной работы, не удивится этому, не поставитъ этого въ вину коммиссіи. „Нѣкоторые изъ иностранныхъ кодексовъ—говоритъ „Журналъ гражданскаго и уголовнаго права"—составлены при участіи знаменитыхъ юристовъ; всѣ они до своего утвержденія были подвергнуты всесторонней критикѣ въ юридической литературѣ и въ законодательныхъ собраніяхъ, и затѣмъ послужили предметомъ для многихъ комментаріевъ и научныхъ сочиненій. Кромѣ технической стороны, иностранные кодексы могутъ послужить важнымъ пособіемъ при разработкѣ отдѣльныхъ институтовъ гражданскаго права, въ особенности такихъ, которые имѣютъ всемірное значеніе, и въ которыхъ національныя особенности играютъ, сравнительно, небольшую роль". На основаніи этихъ, совершенно правильныхъ соображеній, коммиссія распорядилась переводомъ гражданскихъ уложеній саксонскаго, австрійскаго, сербскаго, цюрихскаго и калифорнскаго, а также нѣкоторыхъ отдѣльныхъ законовъ прусскихъ и обще-швейцарскихъ. Особенно тщательно обработано саксонское уложеніе, отпечатанію котораго предшествовала разсылка перевода, въ корректурныхъ листахъ, профессорамъ римскаго и гражданскаго права и нѣкоторымъ судебнымъ дѣятелямъ, съ цѣлью воспользоваться ихъ замѣчаніями относительно принятой въ переводѣ терминологіи. Весьма вѣроятно, что эта терминологія перейдетъ, въ большей или меньшей степени, въ текстъ нашихъ будущихъ гражданскихъ законовъ.

Параллельно съ подготовительными работами, коммиссія ведетъ и главное свое дѣло. Въ концѣ 1882 г., на ея разсмотрѣніе было передано все сдѣланное до тѣхъ поръ по вопросу объ укрѣпленіи правъ на недвижимыя имущества [1]), съ тѣмъ, чтобы разрѣшеніе этого вопроса не было откладываемо до окончанія всѣхъ работъ по составленію гражданскаго уложенія. Особою подкоммиссіею составленъ, вслѣдствіе этого, проектъ вотчиннаго устава, обнимающій собою (въ 412 статьяхъ) не только существенно-важную часть будущаго гражданскаго кодекса, но и многое изъ области охранительнаго производства. Теперь этотъ проектъ разсматривается коммиссіею въ полномъ ея составѣ. Изготовлены, далѣе, и отпечатаны: 1) проектъ первой книги уложенія, заключающей въ себѣ общія положенія гражданскаго права (110 статей); 2) проектъ общей части объ обязательствахъ (428 статей), и 3) проектъ по наслѣдственному праву (326 статей); изготовляется проектъ объ опекахъ, попечительствахъ и опекунскихъ установленіяхъ. Къ разсмотрѣнію этихъ работъ въ коммиссіи будетъ приступлено по окончаніи ея занятій вотчиннымъ уставомъ. Сверхъ того, редакціонною коммиссіею, въ полномъ ея составѣ, разрѣшенъ утвердительно вопросъ о включеніи въ гражданскій кодексъ торговаго права и установлена, отчасти, система будущаго уложенія (опредѣлены главныя его части и главные раздѣлы этихъ частей).

Въ три съ половиною года, истекшіе со времени учрежденія коммиссіи (въ маѣ 1882 г.), она, очевидно, сдѣлала не мало, и упреки въ бездѣйствіи, съ которыми обращались къ ней нѣкоторые органы печати, были основаны только на неполнотѣ и неточности свѣденій о ходѣ ея занятій. Въ этой неполнотѣ и неточности была виновата, отчасти, сама коммиссія, ничего не сообщавшая о своихъ работахъ; теперь пробѣлъ пополненъ, и для бездоказательныхъ обвиненій нѣтъ больше никакого повода. Остается пожелать, чтобы сообщенія о дѣятельности коммиссіи продолжали появляться, отъ времени до времени, хотя бы въ той формѣ, которая была выбрана въ данномъ случаѣ. Такое дѣло, какъ составленіе гражданскаго уложенія, не можетъ быть окончено скоро; даже въ Германіи, гдѣ почва для работы приготовлена гораздо больше, прошло уже почти двѣнадцать лѣтъ со времени приступа къ составленію общеимперскаго гражданскаго кодекса—а достиженіе цѣли все еще, повидимому, не близко.

---

[1]) Основныя положенія этой реформы, приготовляемой уже чуть не четверть вѣка, получили Высочайшее утвержденіе еще 19 мая 1881 г. (см. Внутр. Обозр. въ № 7 В. Е. за 1881 г.)

Обнародованный недавно отчетъ департамента неокладныхъ сборовъ за 1884 г. представляется не менѣе интереснымъ, чѣмъ прошлогодній [1]). Болѣе всего бросаются въ глаза цифры поступленія доходовъ, находящихся въ вѣденіи департамента. Въ питейномъ доходѣ, составившемъ около 243¼ милліоновъ, оказывается крупный недоборъ — почти на 6½ милліоновъ противъ росписи, слишкомъ на 8 милліоновъ противъ дѣйствительнаго поступленія въ 1882, на 8¾ мил. —противъ дѣйствительнаго поступленія въ 1883 году. Увеличивается, за то, поступленіе акцизовъ сахарнаго и табачнаго — увеличивается непрерывно съ тѣхъ поръ, какъ состоялись новыя законодательныя мѣры по этому предмету (по отношенію къ сахарному акцизу — въ 1881, по отношенію къ табачному—въ 1882 году). Сахарнаго акциза въ послѣдній годъ до преобразованія поступило 4¼ милліона, въ 1882 г.— 8 милліоновъ, въ 1883 г.—8¾ мил. въ 1884 г. — болѣе 12¼ мил. руб. (болѣе противъ росписи на 1¼ мил.). Табачнаго акциза въ послѣдній годъ до преобразованія поступило около 12¼ мил.; въ 1883 г.—18¾ мил., въ 1884 г.—болѣе 20 мил. (болѣе противъ росписи на 2¾ мил. руб.). Одною изъ главныхъ причинъ неудовлетворительнаго поступленія питейнаго дохода слѣдуетъ считать, судя по даннымъ отчета, существующее въ разныхъ мѣстностяхъ сосредоточеніе питейной торговли въ рукахъ немногихъ монополистовъ. Давно уже замѣчалось — говорится въ отчетѣ, — что въ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе богатыхъ губерній восточнаго раіона, цифры душевого потребленія вина были весьма низки, а именно, по даннымъ за трехлѣтіе 1880—82 г., въ самарской губерніи—0,24 ведра на душу, въ вятской—0,22, въ симбирской—0,19, въ уфимской—0,12, при средней цифрѣ душевого потребленія вина въ Россіи за то же время въ 0,32 ведра (въ столичныхъ губерніяхъ эта цифра доходила до 0,72, въ юго-западныхъ—до 0,40, въ южныхъ—до 0,35). Это ненормальное явленіе приходится приписать исключительно тому положенію, въ которое была поставлена мѣстная питейная торговля. Монополизація ея, основанная на правѣ сельскихъ обществъ давать разрѣшенія на открытіе питейныхъ заведеній, дошла въ названныхъ нами губерніяхъ до крайнихъ размѣровъ. Одна небольшая группа винопромышленниковъ завладѣла всей питейной торговлей въ губерніяхъ пермской, вятской, уфимской и въ части западной Сибири; другія подобныя группы и частью отдѣльные промышленники дѣйствовали въ губерніяхъ саратовской, самарской, симбирской, астраханской. Входя въ соглашеніе съ сельскими обществами, члены этихъ группъ гарантируютъ себя противъ всякой возможной конкурренціи и затѣмъ полу-

---

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 11 В. Е. за 1884 г.

бовно дѣлять части губерній между собою, становясь, въ предѣлахъ достающейся каждому изъ нихъ территоріи, полными и полновластными хозяевами. При такихъ условіяхъ они доводятъ цѣну ведра, въ розничной продажѣ, до 8, 10 и даже 12 руб., между тѣмъ какъ нормальная цѣна его, даже въ мѣстностяхъ, менѣе выгодно поставленныхъ по отношенію къ цѣнности сырыхъ матеріаловъ, не превышаетъ 5—6 руб. По приблизительному разсчету департамента, въ одной пермской губерніи потеря казны или населенія (смотря по тому, повліяла ли бы дешевизна вина или не повліяла бы на увеличеніе потребленія) составляла, вслѣдствіе этихъ злоупотребленій, до двухъ милліоновъ руб. ежегодно. Изъ суммы, выручаемой за ведро вина, 60% идутъ, обыкновенно, въ пользу казны, 40%—въ пользу торговцевъ и производителей; въ мѣстностяхъ, гдѣ господствуетъ монополія, отношеніе является обратнымъ—казна получаетъ не болѣе 44%, остальное идетъ въ карманъ монополистовъ. Къ какимъ мѣрамъ прибѣгаютъ послѣдніе, чтобы удержать дѣло въ своихъ рукахъ, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ фактамъ, относящимся къ пермской губерніи. Бывали случаи, когда заводчики-монополисты, чтобы избавиться отъ конкурренціи какого-нибудь несоглашавшагося вступить въ стачку завода, брали заводъ въ аренду на нѣсколько лѣтъ и, оставляя его въ бездѣйствіи, платили владѣльцу ежегодной аренды отъ 10 до 30 тысячъ руб.! Болѣе мелкіе и слабосильные конкурренты подавлялись временнымъ пониженіемъ цѣнъ до невозможнаго уровня, продолжавшимся, конечно, лишь до тѣхъ поръ, пока обезсиленный конкуррентъ не оставлялъ поля битвы. Тайной, безпатентной торговлѣ виномъ, какъ уже замѣчено было въ отчетѣ за 1883 г., монополисты не только не противодѣйствуютъ, но скорѣе покровительствуютъ, лишь бы только корчемное вино покупалось изъ ихъ заводовъ или складовъ. Составители отчета выражаютъ надежду, что съ введеніемъ въ дѣйствіе новаго закона о питейной торговлѣ „всей этой искусственно созданной, опирающейся на законѣ, хотя и противозаконной, организаціи питейнаго дѣла будетъ нанесенъ окончательный ударъ, и она исчезнетъ безслѣдно, къ вящшей выгодѣ какъ казны, такъ и населенія“. Мы желали-бы раздѣлять эту надежду, но не можемъ не признать въ ней значительную долю оптимизма. Могущественная монополія, продержавшаяся много лѣтъ сряду и ни разу не обезпокоенная администраціей, не смотря на явную противозаконность (антитеза, созидаемая по этому поводу отчетомъ, болѣе остроумна, чѣмъ основательна), едва ли рухнетъ внезапно, едва ли сдастся безъ бою. Основаніемъ ея служило, какъ видно изъ самаго отчета, не одно только уничтожаемое теперь право сельскихъ обществъ разрѣшать открытіе, на общественной территоріи, питейныхъ

заведеній; она поддерживалась такими маневрами (мнимая аренда, временное пониженіе цѣнъ), противъ которыхъ легко могутъ оказаться безсильными и новыя правила. Не знаемъ, почему акцизное вѣдомство ни разу не возбуждало противъ монополистовъ уголовнаго преслѣдованія за противозаконную стачку. Возможность такого преслѣдованія, въ виду статьи 1180 уложенія о наказаніяхъ, едва ли подлежитъ какому-либо сомнѣнію.

Разбирая, года два тому назадъ [1]), новыя правила о взысканіяхъ за нарушеніе постановленій о питейномъ и табачномъ сборахъ, мы замѣтили, что, съ точки зрѣнія быстроты производства,—весьма важной въ видахъ предупрежденія нарушеній,—едва ли можно признать цѣлесообразною ту часть правилъ, въ силу которой всѣ дѣла о нарушеніяхъ, влекущихъ за собою одни лишь денежныя взысканія, разбираются акцизнымъ управленіемъ, и только въ случаѣ неуплаты въ опредѣленный срокъ назначеннаго имъ штрафа передаются судебному вѣдомству. „Практичнымъ,—говорили мы,—такой порядокъ представляется только тогда, когда нарушенія, по самому характеру своему, могутъ быть констатируемы безъ всякихъ серьезныхъ затрудненій, а слѣдующее за нихъ взысканіе столь незначительно, что уплачивается, въ большинствѣ случаевъ, добровольно". Именно такъ и оказалось въ дѣйствительности. Изъ числа 46½ тысячъ дѣлъ о нарушеніяхъ, возникшихъ въ 1884 г., въ административномъ порядкѣ окончилось въ акцизныхъ управленіяхъ только 16½ тысячъ, а 23 тысячи перенесены въ судъ (остальныя 7 тысячъ къ концу года не были еще разрѣшены). По удостовѣренію управляющихъ акцизными сборами, переносятся въ судъ преимущественно дѣла важнѣйшія, по которымъ въ законѣ установлены болѣе значительныя взысканія. Такъ какъ по всѣмъ дѣламъ, переносимымъ въ судъ, производство начинается съизнова, то весь трудъ по нимъ акцизныхъ управленій, по выраженію отчета, оказывается совершенно потеряннымъ. Съ другой стороны, окончаніе важнѣйшихъ дѣлъ замедляется, разсмотрѣніемъ ихъ въ двухъ вѣдомствахъ, настолько, что именно этому обстоятельству отчетъ приписываетъ крупный недоборъ взысканій противъ суммы, предположенной въ росписи (болѣе ста тысячъ рублей). Констатируя значительный процентъ оправдательныхъ приговоровъ, постановляемыхъ мировыми учрежденіями по дѣламъ о нарушеніи акцизныхъ уставовъ, составители отчета и не думаютъ, однако, присоединяться къ моднымъ въ настоящую минуту жалобамъ на судебное вѣдомство; они объясняютъ неудачный исходъ дѣлъ недостаточною юридическою подготовкой чиновъ акцизнаго управленія, поддер-

---

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 9 В. Е. за 1883 г.

живающихъ обвиненіе. Таково, очевидно, и мнѣніе министерства финансовъ, разрѣшившаго приглашать, для защиты на судѣ важнѣйшихъ дѣлъ, присяжныхъ повѣренныхъ, и ассигновавшаго на этотъ предметъ особую сумму. Въ теченіе 1884 г. эта мѣра была уже неоднократно принимаема, и притомъ „съ постояннымъ успѣхомъ, вполнѣ оправдавшимъ ея цѣлесообразность".

Въ отчетѣ департамента разсѣяно множество статистическихъ и иныхъ данныхъ, важныхъ и любопытныхъ не съ одной только фискальной точки зрѣнія. Укажемъ, для примѣра, на свѣденія о колебаніяхъ питейнаго дохода по мѣсяцамъ, позволяющія догадываться о причинахъ, отъ которыхъ зависитъ бо̀льшее или меньшее потребленіе вина. Мѣсяцемъ наибольшаго поступленія питейнаго дохода оказывается въ большинствѣ губерній—октябрь; въ губерніяхъ сѣверныхъ и восточныхъ, а также въ царствѣ польскомъ—январь; въ губерніяхъ столичныхъ и прибалтійскихъ—декабрь. Мѣсяцы наименьшаго поступленія дохода въ большинствѣ губерній—мартъ и апрѣль (вліяніе великаго поста), въ царствѣ польскомъ—май, въ губерніяхъ прибалтійскихъ—іюль.

Говоря, мѣсяцъ тому назадъ, о дѣлѣ Мироновича, мы имѣли въ виду ту редакцію вопроса, предложеннаго присяжнымъ, которая была сообщена въ главныхъ петербургскихъ и московскихъ газетахъ. Въ этой редакціи, какъ оказывается теперь, была допущена крупная ошибка; вопросъ, дѣйствительно поставленный судомъ, заключалъ въ себѣ прямое указаніе на намѣреніе Мироновича убить Сарру Беккеръ („виновенъ ли Мироновичъ въ томъ, что, въ порывѣ гнѣва, ярости и страсти, намѣренно лишилъ жизни Сарру Беккеръ, нанеся ей" и т. д.). Наши выводы о правѣ предсѣдательствовавшаго отослать присяжныхъ къ новому совѣщанію существенно отъ этого не измѣняются; отпадаетъ только предположеніе наше о томъ, что употребленіе присяжными неподходящаго слова: преднамѣреніе, зависѣло, между прочимъ, отъ отсутствія въ вопросѣ словъ: намѣреніе или намѣренно. Все остальное, сказанное нами, остается въ полной силѣ. Слова присяжныхъ: но безъ преднамѣренія—во всякомъ случаѣ могли и должны были возбудить сомнѣніе, не заключалась ли мысль присяжныхъ именно въ отрицаніи намѣренія Мироновича убить Сарру—а при такомъ сомнѣніи новое совѣщаніе присяжныхъ представлялось безусловно необходимымъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го декабря 1885 г.

Поворотъ въ балканскихъ дѣлахъ —Сербія и Болгарія.—Австрія и Сербія.—Мнимые и настоящіе мотивы войны.—Значеніе союза трехъ имперій.—Константинопольская конференція. — Турецко-болгарскіе проекты.—Политика Англіи и ошибочная оцѣнка ея.—Причины сербскихъ неудачъ.—Внутренній разладъ между королемъ и народомъ.—Смерть короля Испаніи Альфонса.

Картина балканскихъ дѣлъ совершенно измѣнилась въ теченіе послѣдняго мѣсяца. Болгарія, осужденная европейскимъ ареопагомъ, за удачную попытку національнаго объединенія, является теперь въ неожиданной роли побѣдительницы, и князь Александръ, безпощадно осмѣянный значительною частью русской печати, вызываетъ всеобщія похвалы, какъ полководецъ и политическій дѣятель. Великимъ державамъ пришлось спасать уже не призракъ турецкаго режима въ Восточной Румеліи, а благонамѣренную Сербію, напавшую на болгаръ подъ предлогомъ возстановленія равновѣсія на Балканскомъ полуостровѣ. Дѣло идетъ уже не о низложеніи князя Александра, а о поддержаніи короля Милана на сербскомъ престолѣ. Разсчеты дипломатіи потерпѣли полнѣйшее фіаско. Преступная война, затѣянная Сербіею подъ вліяніемъ Австріи, окончилась не торжественнымъ въѣздомъ въ Софію, какъ ожидали австрійцы, а жалкимъ разгромомъ сербскихъ войскъ, вынужденныхъ защищать свою собственную территорію отъ напора „непріятеля“. Бѣлградскіе честолюбцы, взявшіеся наказать болгаръ во имя неприкосновенности берлинскаго трактата, очутились сами въ положеніи наказанныхъ, и это возмездіе было-бы вполнѣ справедливо, еслибы жертвами его не были въ то же время тысячи ни въ чемъ неповинныхъ людей.

Побѣда Болгаріи измѣнила и положеніе первоначальнаго вопроса, подавшаго поводъ къ созванію конференціи въ Константинополѣ. Военный успѣхъ есть одинъ изъ самыхъ вѣскихъ и безспорныхъ двигателей международной политики,—и нѣтъ основанія думать, что общепринятый въ Европѣ принципъ „совершившагося факта“ останется безъ примѣненія въ настоящемъ случаѣ. Болгарія сразу возвысилась въ общественномъ мнѣніи, и объ ней не говорятъ уже въ презрительномъ или насмѣшливомъ тонѣ, какъ послѣ „безкровнаго“ филиппопольскаго переворота. Не слышно уже прежнихъ газетныхъ отзывовъ о „дерзскомъ прусскомъ поручикѣ“, надъ которымъ

трунила „Русь“, и о „безмозглыхъ“ болгарскихъ патріотахъ, которыхъ уничтожали „Московскія Вѣдомости“: поручикъ превратился въ полководца, и его совѣтники получили нѣкоторое политическое значеніе. Перемѣна вышла тѣмъ болѣе эффектная, что совершилась какъ-то внезапно, въ нѣсколько дней, вопреки всеобщимъ ожиданіямъ. Восточно-румелійскій кризисъ блѣднѣетъ передъ сербско-болгарскимъ столкновеніемъ, результаты котораго не могутъ не отразиться на дѣйствіяхъ дипломатіи, призванной водворить порядокъ въ области восточнаго вопроса.

Событія послѣдняго мѣсяца займутъ печальную страницу въ исторіи не только южнаго славянства, но и европейскихъ международныхъ отношеній вообще. Десять лѣтъ тому назадъ, сербы имѣли предъ собою широкую политическую будущность: они готовились стать во главѣ освободительныхъ національныхъ движеній на Балканскомъ полуостровѣ. Они первые выступили на защиту болгаръ противъ турокъ и упорно боролись съ войсками Абдулъ-Керима, при содѣйствіи русскихъ добровольцевъ. Самоотверженныя дѣйствія Сербіи дали сильный толчокъ событіямъ, приведшимъ къ освобожденію нынѣшней Болгаріи. А теперь та же самая Сербія начала войну съ своими бывшими „братьями“ для защиты интересовъ Турціи и Австро-Венгріи. Какимъ образомъ попала Сербія на этотъ антиславянскій путь? Нельзя-же объяснить такой поворотъ одними личными свойствами короля Милана, который давно уже втянулся въ сферу австрійскаго господства, и узкихъ династическихъ интересовъ. Король Миланъ, каковы бы ни были его слабости, не могъ бы увлечь за собою страну, еслибы пренебрегалъ народными чувствами и стремленіями; онъ несомнѣнно окруженъ чисто сербскими людьми, которые направляютъ его въ объятія Австро-Венгріи. Правитель Сербіи не имѣетъ возможности руководствоваться только своимъ личнымъ усмотрѣніемъ въ дѣлахъ общей политики; онъ обязанъ принимать во вниманіе преобладающее въ народѣ настроеніе, особенно чувствительное въ небольшомъ государствѣ, гдѣ нѣтъ ни взаимнаго антагонизма племенъ, ни сословной розни, ни серьезной борьбы партій. Если тѣсная дружба съ „швабами“ была непопулярна въ массѣ населенія, то она имѣла все-таки прочные корни въ большинствѣ образованныхъ людей, среди которыхъ Милану приходилось выбирать себѣ помощниковъ и исполнителей. Чѣмъ же объяснить сознательное превращеніе Сербіи въ послушное орудіе Австріи? Почему отшатнулось отъ насъ это „королевство“, обязанное Россіи и своею независимостью, и расширеніемъ своей территоріи? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, необходимо вспомнить недавнее прошлое.

Въ Санъ-Стефанскомъ мирномъ договорѣ, закончившемъ собою

тяжелую войну, для которой сербская кампанія была какъ бы необходимою прелюдіею,—Сербія была отчасти обойдена: вмѣстѣ съ признаніемъ независимости, которою она фактически пользовалась и ранѣе, она получила лишь незначительную прирѣзку земли, тогда какъ къ Черногоріи были присоединены сосѣднія области, почти равныя ей по пространству, со включеніемъ прибрежной полосы у Адріатическаго моря. По тому важному участію, которое принимала Сербія въ предшествовавшихъ событіяхъ, и по количеству жертвъ, принесенныхъ ею съ 1876 года, она считала себя вправѣ разсчитывать на болѣе существенное вниманіе къ своимъ интересамъ и надеждамъ. Условія мира предписывались Портѣ подъ стѣнами Константинополя, и размѣръ сербскихъ пріобрѣтеній зависѣлъ всецѣло отъ опредѣленія русской дипломатіи. Придерживаясь національнаго принципа, можно было признать за Сербіею право на значительную часть сербскихъ земель, подвластныхъ туркамъ—на Боснію и старую Сербію; безъ сомнѣнія, такой планъ встрѣтилъ бы позднѣе рѣшительное противодѣйствіе Австріи и былъ бы, вѣроятно, отвергнутъ на берлинскомъ конгрессѣ, но онъ остался бы пріятнымъ воспоминаніемъ въ умахъ сербовъ и надолго привязалъ бы ихъ къ Россіи, какъ къ великодушной ихъ покровительницѣ. Во всякомъ случаѣ, намъ ничего не стоило бы выставить требованіе, желательное для Сербіи и выгодное для славянства; но мы почему-то поступили тогда иначе,—и даже знаменитое Коссово поле, съ которымъ связаны самыя завѣтныя для сербовъ историческія традиціи, оставлено было по-прежнему за Турціею. Создавая великую Болгарію до Эгейскаго моря, мы должны были, по справедливости, допустить соотвѣтственное расширеніе Сербіи, согласно племенному составу прилегающихъ къ ней областей: не сдѣлавъ этого и доведя сербскія притязанія до минимума, мы совершили крупную политическую ошибку, которая выяснилась для насъ наглядно на берлинскомъ конгрессѣ. Конгрессъ, урѣзывавшій по возможности, всѣ наши требованія, взялъ подъ свое покровительство Сербію и прибавилъ ей болѣе земли, чѣмъ предположено было нами въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ; правда, прирѣзка сдѣлана была на счетъ проектированнаго болгарскаго княжества, въ ущербъ этнографической правдѣ, и этимъ брошено было сѣмя раздора между сосѣдними родственными племенами,—но самый фактъ прибавочнаго увеличенія Сербіи по берлинскому трактату указывалъ на допущенный нами промахъ и на готовность воспользоваться имъ со стороны враждебныхъ намъ державъ. Очевидно, сами сербы, разочарованные достигнутыми нами условіями мира, искали поддержки у другихъ кабинетовъ и нашли ее въ Австро-Венгріи. По австрійскому настоянію. Черногоріи дано было почти втрое меньше, чѣмъ пред-

полагалось, а Сербія расширена въ сторону Болгаріи; черногорцы до сихъ поръ благодарны намъ за неудавшуюся попытку округлить ихъ владѣнія и открыть имъ свободный доступъ къ морю, а сербы до сихъ поръ не могутъ забыть, что имъ не достался Коссовскій вилайетъ, гдѣ предки ихъ потеряли свободу въ 1389 году, и что окончательно утрачена для нихъ Боснія, гдѣ мы предлагали лишь ввести турецкія реформы въ духѣ самоуправленія, съ христіанскимъ губернаторомъ во главѣ. Такъ какъ прочное спокойствіе не могло быть возстановлено въ Босніи при подобныхъ условіяхъ, то эта богатая и обширная провинція сама собою попалась въ руки сосѣдней австрійской имперіи. Потомъ мы нападали на австрійское коварство и корыстолюбіе; но кто виноватъ въ добровольномъ отреченіи нашемъ отъ выгодъ безусловной побѣды и въ оставленіи сербскихъ земель на произволъ судьбы?

Австрія притянула къ себѣ Сербію со времени берлинскаго конгресса—не только своею покровительственною политикою, но и торговыми и финансовыми льготами, національными и придворными вліяніями. Нуждаясь въ охранѣ и развитіи своихъ политическихъ интересовъ, сербы съ удовольствіемъ принимали дружбу могущественной полу-славянской Австріи, владѣющей и Босніею, и другими областями стараго сербскаго царства. Австрійская опека давала или, по крайней мѣрѣ, обѣщала имъ гораздо больше, чѣмъ могли предложить имъ мы; Австрія—ближайшая къ нимъ великая держава, охраняемая отъ всякихъ политическихъ невзгодъ твердымъ союзомъ съ Германіею—тогда какъ до насъ далеко и намъ не до нихъ. За что же винить сербовъ, что они поневолѣ вошли въ кругъ австрійскаго господства? Въ нѣкоторой степени мы сами позаботились толкнуть ихъ въ сферу вѣнской дипломатіи, и когда существуетъ благопріятная почва, нетрудно уже дѣйствовать на отдѣльныхъ лицъ, начиная съ короля и кончая мелкими чиновниками. Миланъ получилъ королевскій титулъ при содѣйствіи Австріи; онъ пользуется особеннымъ вниманіемъ вѣнскаго двора и высшихъ правительственныхъ сферъ, за нимъ ухаживаютъ носители самыхъ громкихъ аристократическихъ именъ,—и неудивительно, что все это неотразимо вліяетъ на натуру не особенно даровитую, далеко не оригинальную и вполнѣ доступную мірскимъ соблазнамъ. Къ этому присоединяется незамѣтная, но непрерывно дѣйствующая сила притязанія, свойственная всякой высшей культурѣ,—хотя бы только внѣшней и неглубокой—по отношенію къ менѣе развитому общественному быту. Вмѣстѣ съ промышленными приманками, съ усвоеніемъ привычки роскоши въ разныхъ видахъ, съ проектами новыхъ дворцовъ и полезныхъ сооруженій, заимствованъ отъ Австріи и хроническій ежегодный дефи-

цитъ, пополняемый займами. Нечего и говорить, что Австро-Венгрія имѣетъ гораздо болѣе выгодъ отъ союзнаго королевства, чѣмъ последнее—отъ австрійцевъ; въ Сербіи господствуетъ почти безраздѣльно австрійская промышленность и торговля, вѣнская биржа держитъ въ рукахъ сербскіе финансы, снабжаетъ короля деньгами на тягостныхъ условіяхъ и беретъ въ залогъ извѣстныя отрасли государственныхъ доходовъ; австрійскій главный штабъ оказываетъ дружескія услуги въ дѣлѣ усовершенствованія сербской арміи, а представитель Австріи въ Бѣлградѣ косвенно руководитъ внѣшними и отчасти даже внутренними дѣлами страны. Нѣкоторыя особенности австрійскаго владычества, отражаясь слишкомъ ярко въ поведеніи короля Милана и его приближенныхъ, возбуждаютъ въ странѣ неудовольствіе, которое породило даже цѣлый рядъ заговоровъ и волненій; но опасность внутренней неурядицы еще болѣе сблизила короля съ вѣнскими друзьями и покровителями. Нужны были какія-либо осязательныя политическія пріобрѣтенія, чтобы оправдать долгую подчиненность австрійскому вліянію, и случай представился при возсоединеніи обѣихъ Болгарій. Остаться зрительницею болгарскаго успѣха Сербія не могла; сдѣлать что нибудь нужно было,—ибо при первомъ извѣстіи о прибытіи князя Александра въ Филиппополь сами собою возникали у сербовъ вопросы: „гдѣ плоды многолѣтнихъ національныхъ усилій Сербіи? Гдѣ Коссово поле и старая Сербія?" Мысль, что Сербія даетъ перегнать себя недавно созданному вассальному княжеству должна была заставить дѣйствовать бѣлградское правительство; въ этомъ отношеніи не существовало разногласій. Такъ какъ Болгарія считалась находящеюся подъ спеціальною опекою Россіи, то и Австрія вынуждена была доставить Сербіи какое-либо удовлетвореніе, чтобы австрійское покровительство не показалось безплоднымъ сравнительно съ русскимъ.

Сербія приготовилась къ выступленію въ походъ при помощи австрійскихъ финансовъ,—и все еще оставалось невыясненнымъ, что именно будетъ предпринято и куда направятся сербскія войска. Повидимому, дѣло шло о занятіи сосѣднихъ старо-сербскихъ мѣстностей, о чемъ мечтали въ Бѣлградѣ еще десять лѣтъ тому назадъ, и никто не сомнѣвался, что такова именно цѣль мобилизаціи, обошедшейся весьма дорого и встрѣченной населеніемъ безъ особеннаго воодушевленія. Но занимать сербскія земли, подвластныя непосредственно турецкому султану,—значило бы рѣшиться на войну съ Турціею, а это было бы слишкомъ рискованно; притомъ на старую Сербію имѣетъ свои виды сама Австро-Венгрія, стремящаяся безспорно проложить себѣ дорогу къ Эгейскому морю, къ Салоникамъ. Боснія принадлежитъ австрійцамъ, и сербы могли расшириться только

въ одну сторону, по направленію къ Болгаріи, въ ущербъ такъ называемому „русскому району интересовъ". Болгарское правительство какъ разъ находилось въ разладѣ съ Россіею и не пользовалось ея расположеніемъ; оно собирало свои скудныя военныя силы у турецкихъ границъ Восточной Румеліи. Вѣнская оффиціозная печать занималась усиленнымъ разжиганіемъ сербско-болгарской „вражды", вспоминала старые пограничные споры, возводила мелкія столкновенія на степень событій и доказывала необходимость вознагражденія Сербіи на счетъ „безпокойной" сосѣдки. Толки о равновѣсіи, нарушенномъ будто бы Болгаріею, повсюду понимались въ томъ смыслѣ, что, въ случаѣ болгарскаго объединенія, Сербія потребуетъ себѣ нѣкоторой компенсаціи, путемъ прирѣзки отъ княжества Виддинскаго округа. Между тѣмъ, Россія предложила возстановить прежній порядокъ вещей въ Восточной Румеліи, и къ этому мнѣнію склонилось большинство великихъ державъ, представители которыхъ собрались на конференцію въ Константинополѣ. Для Сербіи исчезъ бы тогда мотивъ для предъявленія какихъ либо притязаній, и миръ былъ бы обезпеченъ на Востокѣ. Вотъ тутъ то начинается самая плачевная сторона всей этой трагикомической исторіи. Король Миланъ заявлялъ торжественно, что онъ хлопочетъ лишь о соблюденіи берлинскаго трактата и о недопущеніи чрезмѣрнаго возрастанія Болгаріи; но когда получились свѣденія, что берлинскій трактатъ будетъ сохраненъ, и что державы хотятъ уничтожить послѣдствія переворота 6 сентября, то сербскіе дѣятели и ихъ вдохновители поспѣшили создать „совершившійся фактъ" захвата, которому не предвидѣли ни съ чьей стороны серьезнаго отпора. Выдумать правдоподобный предлогъ было не трудно: сербская армія стояла на готовѣ у болгарскихъ предѣловъ, и ежедневно появлялись въ газетахъ телеграммы изъ Бѣлграда объ угрожающихъ движеніяхъ болгарскихъ отрядовъ, медленно стягивавшихся къ границѣ въ видахъ обороны. Болгары постоянно обвинялись то въ нарушеніи сербской территоріи, то въ желаніи обидѣть черезчуръ выдвинувшіеся сербскіе форпосты; попытка князя Александра войти въ дружескіе переговоры съ Сербіею была надменно отвергнута королемъ Миланомъ. Наконецъ, какая-то пограничная стычка, устроенная, быть можетъ, преднамѣренно, послужила желаннымъ поводомъ къ рѣшительному шагу, и война была формально объявлена Болгаріи прокламаціею, выпущенною въ Нишѣ, 2 (14) ноября.

Этотъ документъ представляетъ собою любопытный образчикъ политической беззастѣнчивости, лицемѣрія и лживости; тутъ говорится о берлинскомъ трактатѣ и о равновѣсіи, послѣ того, какъ возстановленіе status quo могло уже считаться вполнѣ обезпеченнымъ со сто-

роны Европы; тутъ приводятся давнишніе случаи мелочныхъ споровъ, изъ-за дѣйствій сербскихъ эмигрантовъ въ Болгаріи и изъ-за неточности границъ около какихъ-то деревень; тутъ говорится и о таможенныхъ тарифахъ, обнаруживающихъ будто бы „враждебныя чувства“ болгаръ, и о сосредоточеніи „безпорядочныхъ волонтеровъ“ близь предѣловъ Сербіи, и вообще о томъ, что княжество съ самаго своего рожденія было дурнымъ сосѣдомъ для королевства. Прокламація заканчивается увѣреніемъ, что „справедливое (!) дѣло Сербіи отдается нынѣ рѣшенію меча, храбрости войскъ и могущественной защитѣ Бога“. Такъ цинично предпринимать набѣгъ на сосѣда, считавшагося почти беззащитнымъ,—не случалось и болѣе сильнымъ государствамъ въ новѣйшей Европѣ; крайняя натянутость и даже нелѣпость мотивовъ, выставленныхъ для оправданія кровавой расправы, бросается въ глаза каждому. Еслибъ предлогомъ къ войнѣ могли служить таможенные тарифы, дѣйствія эмигрантовъ и случайныя ссоры пограничныхъ поселянъ, то всѣ державы постоянно воевали бы между собою, и безсмысленное кровопролитіе не прекращалось бы въ Европѣ. Прокламація 2 ноября должна была непріятно поразить сербскій народъ; она—какъ осторожно выражается бѣлградскій корреспондентъ „Times'a“—„не попала въ тонъ народному чувству и обнаружила такое отношеніе къ болгарамъ, котораго страна не раздѣляетъ“. Всѣ мелкія обвиненія противъ княжества, повторявшіяся въ оффиціозныхъ газетахъ и телеграммахъ, не могли никого убѣдить въ серьезности распри; только вѣнская министерская пресса объясняла откровенно, что Сербія не можетъ выйти изъ кризиса безъ добычи, что разорительныя военныя приготовленія требуютъ „компенсаціи“, и что присоединеніе части Болгаріи необходимо для поддержанія династіи Обреновичей, независимо отъ вопроса о берлинскомъ трактатѣ и о судьбѣ Восточной Румеліи. Такимъ образомъ, дѣло было перенесено совсѣмъ на другую почву: запутанныя обстоятельства Болгаріи породили планъ завоеванія, который долженъ былъ осуществиться занятіемъ столицы княжества Софіи.

Что же дѣлала европейская дипломатія, контролю которой подчинены всякія перемѣны, совершаемыя на Востокѣ? Три имперіи, три могущественныя „стражи мира“, озабочены были румелійскимъ переворотомъ именно потому, что онъ грозилъ нарушеніемъ спокойствія на Балканскомъ полуостровѣ; а сербско-болгарскій споръ представлялъ уже ту самую опасность, которую надлежало предупредить,—опасность дѣйствительной, а не предполагаемой только войны. Но тутъ происходитъ что-то непонятное: великія державы смотрятъ равнодушно на воинственное предпріятіе Сербіи, противорѣчащее всѣмъ трактатамъ и угрожающее общему миру, въ то время какъ status

quo ante обсуждается по прежнему относительно Восточной Румеліи. Изъ этого можно видѣть, на сколько искренни увѣренія объ единодушномъ миролюбіи кабинетовъ. Не задолго до открытія военныхъ дѣйствій, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ въ делегаціи парламента, что Сербія, какъ независимое государство, можетъ дѣйствовать на собственный свой страхъ, и что Австрія не станетъ препятствовать ей; это было какъ бы оффиціальнымъ разрѣшеніемъ сербскаго похода въ Болгарію. Германія и Россія не возражали, чтобы сохранить подобіе взаимнаго согласія,—такъ что миролюбивая цѣль союза трехъ имперій отдавалась въ жертву интересамъ одной изъ нихъ, безъ достаточнаго къ тому основанія. Если бы не было мнимаго тройственнаго союза, Австро-Венгрія не рѣшилась бы возбуждать удобную для нея войну между балканскими государствами; она сдерживалась бы неизвѣстностью намѣреній Россіи и нежеланіемъ дипломатическихъ столкновеній. Теперь же, подъ прикрытіемъ европейскаго „концерта", долженствующаго заботиться о мирѣ, предпринята была самая несправедливая и убійственная кампанія, какая когда-либо предпринималась во имя политическихъ выгодъ. Одного категорическаго слова трехъ имперій достаточно было бы для остановки предпріятія въ самомъ зародышѣ или для прекращенія войны, когда она уже была объявлена; но этого слова сказано не было, и державы спокойно присутствовали при нашествіи сербской арміи на болгарскую территорію. Хранители берлинскаго трактата и даже сама Турція не считали нужнымъ вспомнить, что болгарское княжество составляетъ часть Оттоманской имперіи, и что оно не можетъ подвергаться нападеніямъ со стороны государства, находящагося въ мирѣ съ Портою. Ради чего же поддерживается обманчивый призракъ союза или „концерта", ведущій къ подобнымъ результатамъ? Какое значеніе могутъ имѣть фиктивныя формулы дипломатіи, если въ нихъ можно вкладывать какое угодно содержаніе? Въ данномъ случаѣ нѣкоторыя изъ великихъ державъ разсчитывали, повидимому, что побѣда Сербіи облегчитъ усмиреніе Восточной Румеліи и низложеніе князя Александра; но сербы, занявъ Софію, потребовали бы расчлененія Болгаріи, въ чемъ ихъ поддерживала бы Австрія, а это совершенно подорвало бы основы порядка, установленнаго съ такимъ трудомъ послѣ тяжелой русско-турецкой войны. Послѣдствія сербской побѣды были бы гораздо опаснѣе для европейскаго мира, чѣмъ возсоединеніе обѣихъ Болгарій; они усилили бы антагонизмъ между Австріею и Россіею, внесли бы хаосъ въ балканскія дѣла и привели бы къ столкновеніямъ, размѣры которыхъ предвидѣть трудно.

Къ счастью, событія не оправдали того восторга, съ какимъ при-

нята была вѣсть о войнѣ въ австрійской столицѣ и особенно среди мадьяръ. Иллюзія продолжалась не болѣе трехъ дней, пока сербскія войска двигались впередъ, не встрѣчая серьезнаго сопротивленія. Король Миланъ, по примѣру Наполеона III, телеграфировалъ королевѣ Наталіи о военныхъ успѣхахъ и о маломъ количествѣ убитыхъ. на-ряду съ порученіями „поцѣловать Сашу“,—что должно было, безъ сомнѣнія, трогать сердца мирныхъ гражданъ. Сербы уже начали вѣрить, что имъ предстоитъ военная прогулка въ Софію; однако, съ 5 числа телеграммы становятся сбивчивыми и не столь краснорѣчивыми,—побѣдители нечаянно наткнулись на „превосходящаго числомъ непріятеля“ и мало-по-малу стали отступать на „болѣе выгодныя позиціи“. Упорныя битвы при Сливницѣ убѣдили короля Милана, что онъ горько ошибся въ своихъ разсчетахъ; болгары вовсе не расположены были доставить ему дешевые лавры, и „безпорядочные волонтеры“, о которыхъ онъ презрительно упоминалъ въ своемъ манифестѣ, не стѣснялись жестоко бить и преслѣдовать королевскую регулярную армію. Вѣнскія газеты увѣряли читателей, что эти временныя неудачи будутъ скоро поправлены болѣе значительнымъ сосредоточеніемъ силъ, прибытіемъ новыхъ отрядовъ, обходомъ болгаръ съ тыла; но неугомонный князь Александръ, какъ настоящій „прусскій поручикъ“, не давалъ опомниться сербамъ и безпощадно разстраивалъ ихъ комбинаціи. Великія державы, безучастно глядѣвшія на беззащитную Болгарію въ первые дни сербскаго нашествія, вспомнили о своихъ мирныхъ задачахъ только тогда, когда военное счастье окончательно повернулось противъ зачинщиковъ войны; однако, прежде чѣмъ удовлетворить дипломатію, болгары успѣли водвориться въ бывшей главной квартирѣ короля Милана, въ Пиротѣ. Чтобы вѣрнѣе добиться скорѣйшаго перемирія, Австрія присоединила къ требованію трехъ имперій свою самостоятельную угрозу—двинуть свои войска на помощь сербамъ, въ случаѣ дальнѣйшаго наступленія болгаръ. Князь Александръ, подчинившись волѣ державъ, простодушно возвѣстилъ объ австрійской угрозѣ, которая, повидимому, должна была оставаться секретною. Война прекратилась 16 ноября, ровно чрезъ двѣ недѣли послѣ объявленія ея Сербіею. Сербскія притязанія на „компенсацію“ пали сами собою, вмѣстѣ съ протестами противъ болгарскаго объединенія.

Турецкая дипломатія не отставала отъ европейской въ странныхъ поворотахъ, промедленіяхъ и скачкахъ. Тотчасъ послѣ объявленія войны, князь Александръ обратился къ Портѣ съ запросомъ о мѣрахъ защиты Болгаріи со стороны турецкаго правительства, въ виду вассальной подчиненности княжества султану; затѣмъ, на требованіе Порты предварительно подчиниться авторитету Турціи и отказаться

отъ Восточной Румеліи, болгарскій князь выразилъ свое полное согласіе и вновь повторилъ просьбу о помощи. Сила Сербіи казалась болѣе грозною, чѣмъ обнаружилось впослѣдствіи, и софійскіе дѣятели рѣшились отречься отъ совершившагося „возсоединенія“, лишь бы избѣгнуть опасностей враждебнаго нашествія. Что же сдѣлала Порта? Она съ удовольствіемъ приняла подчиненіе князя Александра и отложила до другого времени исполненіе того условія, ради котораго этотъ шагъ былъ сдѣланъ,—такъ что Болгарія была по-прежнему предоставлена своимъ собственнымъ силамъ. Турція обѣщала „обсудить“ просьбу о помощи, — и обсуждала до окончанія войны. Не найдя никакой защиты у номинальнаго своего сюзерена, Болгарія имѣетъ несомнѣнное право взять обратно свое подчиненіе и вновь подтвердить свою рѣшимость добиться соединенія съ Румеліею, — тѣмъ болѣе, что послѣднее освящено на полѣ битвы, гдѣ румеліоты сражались рядомъ съ болгарами княжества во имя общаго національнаго дѣла. Жертвы, понесенныя страною отчасти по винѣ державъ, допустившихъ Сербію до войны, не могутъ остаться напрасными; наконецъ, самое положеніе побѣдителей даетъ болгарамъ право на нѣкоторое вниманіе къ своимъ народнымъ чувствамъ и интересамъ. Понятно поэтому, что формула „status quo ante“, считавшаяся удобною во время сербскихъ угрозъ, не годится въ настоящее время, послѣ блестящаго военнаго торжества Болгаріи. Между тѣмъ, константинопольскіе дипломаты, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжали стоять крѣпко за эту формулу и готовились подписать соотвѣтственный международный актъ; и только представитель Англіи, сэръ Уайдъ, внезапно нарушилъ достигнутую „гармонію“, сообщивъ конференціи новыя предложенія лорда Сольсбюри, клонящіяся къ признанію правъ болгаръ и румеліотовъ на добровольное объединеніе, подъ верховною властью султана. Конференція, безцѣльно работавшая около мѣсяца (съ конца октября), разстроилась безнадежно; долгіе дипломатическіе труды, вращавшіеся около пустыхъ, ничего невыражающихъ, фикцій, вполнѣ основательно сданы въ архивъ. Турецкіе сановники пользуются общимъ разладомъ для скорѣйшаго водворенія стараго режима въ Восточной Румеліи; они торопятся посылать туда коммисаровъ съ краснорѣчивыми воззваніями о „законности“ (турецкой!), пока болгарскія войска заняты еще подъ Пиротомъ, въ ожиданіи окончательнаго заключенія мира. Не вѣрнѣе ли было бы для турокъ примирить съ собою болгаръ, согласившись на объединеніе, отъ котораго меньше всего пострадаетъ Турція,—это вопросъ, который долженъ разъясниться въ ближайшемъ будущемъ.

Роль, которую играла Англія въ настоящемъ кризисѣ, представляется на первый взглядъ довольно неясною. Большинство англій-

скихъ газетъ находило вполнѣ законнымъ и осуществимымъ желаніе болгаръ; въ томъ же смыслѣ, высказался и премьеръ, ссылаясь на существенную перемѣну политическихъ условій со времени берлинскаго конгресса. Англичане выражаютъ недоумѣніе по поводу логическаго противорѣчія въ нашей политикѣ, то стоящей на почвѣ славянскихъ симпатій и „реальныхъ интересовъ", то выступающей въ защиту трактатовъ, въ ущербъ этимъ симпатіямъ и интересамъ. По обыкновенію, они приписываютъ намъ заднія мысли, которыхъ у насъ нѣтъ, и отдаленные планы, которые намъ совершенно чужды. Они нападаютъ на Австрію за ея двусмысленныя дѣйствія и возстаютъ противъ начала „равновѣсія" въ примѣненіи къ государствамъ Балканскаго полуострова. Гдѣ дѣло идетъ объ автономіи племенъ и областей, тамъ руководящее значеніе принадлежитъ этнографическому элементу, а никакъ не принципу равновѣсія силъ; въ противномъ случаѣ, пришлось бы допустить искусственный дѣлежъ территоріи между соперничествующими народностями, что привело бы къ безконечнымъ раздорамъ и къ господству одного племени надъ другимъ. Эти разумныя сужденія повторяются одинаково въ органахъ обѣихъ партій, либеральной и консервативной, между которыми установилось замѣчательное единодушіе по вопросамъ внѣшней политики. Оппозиція утверждаетъ, что правительство усвоило себѣ либеральныя идеи и слѣдуетъ по пути, проторенному Гладстономъ; но если это справедливо, то все-таки нужно признать, что способъ дѣйствій лорда Сольсбюри имѣетъ большія преимущества, благодаря спокойной энергіи, послѣдовательности и точности. Неясность, о которой мы упомянули выше, происходитъ только отъ временныхъ сдѣлокъ съ обстоятельствами и отъ чрезмѣрнаго обилія комментаріевъ по поводу каждаго самостоятельнаго шага англійской дипломатіи. Давно уже въ печати не раздавалось столько жалобъ на коварство и интриги Англіи, какъ въ послѣднее время. Австрійскія газеты обвиняли англичанъ въ умышленныхъ проволочкахъ и въ задержкѣ работъ конференціи,—обвиняли даже въ устройствѣ или поощреніи самаго переворота 6 сентября, въ подозрительныхъ сношеніяхъ съ княземъ Александромъ и въ пагубномъ противодѣйствіи миролюбивымъ усиліямъ трехъ имперій. Что все это доказывалось неуклонно въ австрійской и нѣмецкой печати—это вполнѣ естественно, въ виду особыхъ „интересовъ" Австріи и ея protégé, короля Милана; надо было отвѣтственность за будущія усложненія, подготовляемыя въ Вѣнѣ и въ другихъ мѣстахъ, свалить заранѣе съ больной головы на здоровую. Но любопытно, что наши газеты слѣпо вторятъ обвиненіямъ и выходкамъ австро-нѣмецкой прессы, отыскивая Англію повсюду, гдѣ дѣйствуютъ втихомолку австрійцы. Даже, видя явное участіе Австро-

Венгріи въ возбужденіи сербско-болгарской войны, наши политики глубокомысленно кивають на Англію,—хотя всякій знаетъ, что въ Бѣлградѣ австрійское вліяніе издавна господствуетъ безраздѣльно. Многіе повѣрили даже нелѣпой баснѣ о томъ, что Англія замышляетъ взять подъ свою опеку объединенную Болгарію и ввести свои броненосцы въ Черное море, подъ предлогомъ этой опеки.

Нѣтъ ничего комичнѣе этой легкой игры народами и странами—на столбцахъ газетъ. Есть люди, которымъ ничего не стоитъ перемѣщать милліоны болгаръ изъ сферы русскихъ традиціонныхъ связей въ кругъ враждебнаго намъ англійскаго предпріятія; подобныя радикальныя перемѣны приписываются „интригамъ“ того или другого дипломатическаго агента или тонкому плану министра,—какъ будто чувства и интересы народовъ мѣняются по желанію отдѣльныхъ, хотя бы могущественныхъ лицъ или правительствъ. Если же дѣйствительно Болгарія, призванная нами къ самостоятельному существованію, начинаетъ выходить изъ-подъ нашего вліянія, то этотъ поворотъ долженъ же имѣть какія-либо общія внутреннія причины, независимо отъ чужеземныхъ козней. Намъ слѣдовало бы поставить себѣ общій вопросъ: почему народности, обязанныя намъ своею независимостью и свободою, удаляются отъ нашего покровительства и ищутъ иностранной дружбы, подобно тому, какъ это случилось ранѣе съ Сербіею, а теперь съ Болгаріею? Вникнувъ въ положеніе обѣихъ странъ и въ условія ихъ національнаго развитія, можно отчасти различить элементы, порождающіе указанный неблагопріятный результатъ. Мы видѣли выше, что Сербія отошла къ Австро-Венгріи не безъ нашей вины; то же самое легко замѣтить относительно Болгаріи, хотя ошибочно было бы говорить о настоящемъ охлажденіи ея къ Россіи. Разладъ съ правителями и съ извѣстною партіею далеко еще не означаетъ разлада съ народомъ; старыя симпатіи долго живутъ въ населеніи и просыпаются съ новою силою всякій разъ, когда событія даютъ къ тому поводъ. И теперь сербская народная масса чувствуетъ себя несравненно ближе къ Россіи и ко всему русскому, чѣмъ къ Австро-Венгріи,—хотя политика связываетъ Сербію съ вѣнскимъ кабинетомъ. Жалкая неудача Милана объясняется именно тѣмъ, что онъ смѣшалъ правительственныя тенденціи съ народными и упустилъ изъ виду историческое народное чувство, которое вовсе не измѣнило своего прежняго характера, съ учащеніемъ поѣздокъ короля въ Вѣну и съ подчиненіемъ придворно-чиновничьихъ порядковъ австрійскимъ образцамъ. Сербскій король забылъ, что народъ живетъ своею собственною жизнью, и что всегда возможно вести его съ успѣхомъ туда, куда хотѣлось бы правительству. Сербы пошли противъ болгаръ един-

ственно по приказанію начальства, — и они не устояли при первомъ серьезномъ сопротивленіи; они не могли сражаться съ тою стойкостью и съ тѣмъ воинственнымъ азартомъ, съ какимъ боролись они обыкновенно противъ турокъ. Сербы не довѣряли своему королю и весьма неохотно шли на войну, непонятную для большинства народа; это обстоятельство служитъ разгадкою удивительнаго факта, на который не было обращено у насъ вниманія,— необычайной разницы въ силѣ и продолжительности обороны между кампаніею 1876 года и настоящимъ походомъ. Тогда Сербія боролась противъ цѣлой Оттоманской имперіи и имѣла противъ себя многочисленную регулярную армію; тогда дѣйствовали, главнымъ образомъ, „безпорядочные волонтеры", и эту неравную борьбу страна выдерживала въ продолженіе шести недѣль, пока русскій ультиматумъ не остановилъ разгрома. Теперь Сербія выступала во всеоружіи, съ многочисленнымъ войскомъ, противъ неподготовленныхъ болгарскихъ отрядовъ,—и черезъ одну недѣлю она разбита, и безпомощный король ждетъ своего спасенія отъ вмѣшательства Австріи. Этотъ контрастъ между прошлымъ и настоящимъ доказываетъ, что сербы дерутся энергично противъ дѣйствительнаго врага, а не противъ навязанныхъ имъ мнимыхъ „непріятелей",—и что, съ другой стороны, болгары были глубоко возмущены несправедливостью нападенія. Армія, идущая съ одинаковою рѣшимостью противъ какихъ угодно враговъ по одному мановенію вождя, создается не въ одно поколѣніе; династія Обреновичей не можетъ претендовать на то благоговѣніе, съ какимъ произносится въ Пруссіи имя Гогенцоллерновъ или въ Австріи—Габсбурговъ. Сербскіе солдаты не превратились еще въ слѣпыя орудія; они еще разсуждаютъ и критикуютъ,—и отсутствіе воодушевленія самою идеею предпріятія неизбѣжно парализуетъ военныя дѣйствія. Также точно и Болгарія будетъ имѣть успѣхи до тѣхъ поръ, пока ея правитель не начнетъ выдвигать на первый планъ свои личныя чувства и симпатіи, пока онъ будетъ добросовѣстно исполнять свое назначеніе, сообразно интересамъ народа, и пока не возникнетъ внутренній разладъ, погубившій короля Милана. Дружба князя Александра съ представителями Англіи нисколько сама по себѣ не измѣнитъ отношеній болгаръ къ русскимъ и не ослабитъ русскаго вліянія въ странѣ, если только сама Россія захочетъ поддерживать это вліяніе надлежащимъ образомъ, путемъ сочувствія и снисхожденія.

Испанія лишилась своего короля, и въ ней опять наступаетъ періодъ неожиданныхъ случайностей, волненій и переворотовъ. Альфонсъ XII скончался 13 (25) ноября, на 28 году жизни. Пятилѣт-

няя дочь его, принцесса Астурійская, Марія де-ла Мерседесъ, объявлена королевою, и до ея совершеннолѣтія будетъ управлять, въ качествѣ регентши, мать ея, бывшая эрцгерцогиня австрійская Марія-Христина. Перспектива долгаго женскаго управленія обѣщаетъ мало хорошаго Испаніи. Королева-регентша не можетъ пользоваться особеннымъ авторитетомъ уже въ силу своего иностраннаго происхожденія и сравнительно недавняго пребыванія въ странѣ (съ 1879 г.); народъ едва ли будетъ имѣть довѣріе къ молодой принцессѣ, не приготовленной къ самостоятельной политической роли. Крайнія партіи—республиканская и карлистская — готовятся одновременно выступить на сцену, чтобы установить режимъ болѣе мужественный, національный. Донъ-Карлосъ, примирившійся въ концѣ-концовъ съ царствованіемъ своего кузена, вновь предъявляетъ свои права: мысль о воцареніи женщины кажется ему оскорбительною и невозможною, такъ какъ всю свою жизнь онъ боролся противъ допущенія наслѣдованія по женской линіи и стоялъ за строгое соблюденіе принципа салическаго закона, нарушеннаго еще матерью покойнаго короля, Изабеллою II. Отряды карлистовъ уже организуются на сѣверѣ, и трудно избѣгнуть новыхъ попытокъ возстанія, если во главѣ ихъ станетъ Донъ-Карлосъ. Мирное населеніе желаетъ спокойствія, и отъ такта королевы-регентши будетъ зависѣть сохраненіе порядка на первое время, пока не выяснятся намѣренія главныхъ политическихъ партій. Главою министерства назначенъ Сагаста, предводитель умѣрѣнныхъ либераловъ, опытный государственный дѣятель, игравшій не разъ руководящую роль въ политической жизни Испаніи.

Король Альфонсъ оставляетъ по себѣ хорошую память не только въ Испаніи, но и въ Европѣ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ скромныхъ правителей, которые незамѣтно, безъ личныхъ или династическихъ разсчетовъ, работаютъ на пользу страны; онъ не задавался широкими цѣлями, избѣгалъ всякихъ рискованныхъ предпріятій, старательно устранялъ внутреннія и внѣшнія усложненія, добросовѣстно прислушивался къ голосу народа и выбиралъ совѣтниковъ изъ среды людей, на которыхъ указывало общественное мнѣніе. Вступивъ на престолъ въ началѣ 1875 года, онъ въ теченіе шести лѣтъ руководствовался совѣтами своего бывшаго наставника, консервативнаго премьера, Кановаса де-Кастильо. Въ 1881 году онъ принялъ отставку кабинета и поручилъ управленіе либеральному Сагастѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приблизилъ къ себѣ такихъ прогрессистовъ, какъ Моретъ и Мартосъ, и совершенно обезоружилъ бывшихъ республиканцевъ, которые составили партію такъ называемой „династической лѣвой“ подъ предводительствомъ покойнаго маршала Серрано, бывшаго президента республики. Однако возникшія вслѣдъ затѣмъ разногласія въ средѣ ли-

бераловъ заставили Альфонса XII вновь обратиться къ Кановасу де-Кастильо, который и занималъ свой постъ до самой кончины короля. Внѣшняя политика Испаніи, при всемъ своемъ миролюбіи, была энергична и послѣдовательна; достаточно вспомнить стойкую защиту испанскаго владычества на островѣ Кубѣ, вопреки усиліямъ вашингтонской дипломатіи, и недавнее столкновеніе съ Германіею изъ-за Каролинскихъ острововъ. Король Альфонсъ поддерживалъ дружескія отношенія съ наиболѣе могущественными правительствами Европы и заботился повсюду объ охранѣ правъ Испаніи, хотя и не претендовалъ на такое международное положеніе, которое превышало бы скромныя средства и силы народа.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е декабря 1885.

— Разсказы бабушки. Изъ воспоминаній пяти поколѣній. Записанные и собранные ея внукомъ Д. Благово. Съ портретомъ. Спб. 1885.

На книгѣ не указано, что это—уже второе изданіе, но новый выпускъ книги говоритъ, что она успѣла достаточно заинтересовать любителей историческаго чтенія.

Бабушка, разсказы которой передаетъ г. Благово, была личность довольно феноменальная. Это была Елизавета Петровна, по мужу Янькова, дочь Петра Мих. Римскаго-Корсакова, женатаго на княжнѣ Щербатовой; мать Петра Михайловича, Евпраксія Васильевна, была дочь знаменитаго историка Василія Никитича Татищева. Яньковъ, за которымъ бабушка была замужемъ, принадлежалъ къ роду, предки котораго выѣхали нѣкогда изъ Македоніи, уходя отъ турецкаго угнетенія, и поселились въ Польшѣ. Этихъ Яньковыхъ было нѣсколько братьевъ: одинъ остался въ Польшѣ и назывался Яньковскій, другой ушелъ въ Венгрію и сталъ писаться Яньковичъ, а еще двое выѣхали въ Россію при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ. Одинъ изъ нихъ былъ человѣкъ ученый и, принявши монашество, назывался Ѳеодосіемъ Янковскимъ, дошелъ до архіерейства (между прочимъ, онъ короновалъ Екатерину I), но, гонимый Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, былъ лишенъ архіерейства и сосланъ въ какой-то архангельскій монастырь. Родъ другого брата, подъ именемъ Яньковыхъ, шелъ со временъ Петра Великаго по военной и гражданской службѣ. Яньковы доходили до важныхъ чиновъ и пріобрѣли хорошее состояніе. Родъ Римскихъ-Корсаковыхъ, Татищевыхъ и Щербатовыхъ былъ въ родствѣ со множествомъ болѣе или менѣе знатныхъ фамилій дворянскихъ, графскихъ и княжескихъ, и такъ какъ родство въ старину имѣло гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ въ наше время, то эти родственныя связи были основаніемъ и болѣе или менѣе тѣсныхъ связей общественныхъ между родственниками.

Бабушка родилась въ 1768 году и умерла въ 1861, сохранивъ, по словамъ внука, до самой своей кончины твердую память, особенно когда рѣчь касалась прошлаго. Всѣ члены рода Корсаковыхъ,—говоритъ г. Благово,—жили очень долго, но Елизавета Петровна превзошла всѣхъ своимъ долгоденствіемъ; она живо помнила всѣ преданія семейства, восходившія до временъ Петра I, и разсказывала съ удивительной подробностью, помня иногда годы и числа—кто на комъ былъ женатъ, сколько у кого было дѣтей и какъ ихъ звали, и т. д. Авторъ настоящей книги еще ребенкомъ, съ 1830 года, зналъ свою бабушку, а впослѣдствіи, уже взрослымъ, долго живалъ съ ней вмѣстѣ и, заинтересованный ея разсказами, сталъ ихъ правильно записывать, провѣряя и дополняя ихъ нѣкоторыми уцѣлѣвшими семейными записками. Такимъ образомъ произошла книга, гдѣ разсказъ ведется прямо отъ имени бабушки; кое-гдѣ авторъ прибавилъ фактическія дополненія и справки изъ печатныхъ источниковъ.

Разсказы бабушки достигаютъ дѣйствительно по старинѣ до временъ Петра Великаго и кончаются тридцатыми годами нынѣшняго столѣтія. Содержаніе ихъ есть, по преимуществу, почти исключительно, исторія семейная, родовая. Бабушка обладала изумительною памятью. Ея разсказы—цѣлая генеалогія, длинная и сложная, всѣхъ тѣхъ фамилій, съ которыми ея семья была въ близкомъ или даже дальнемъ родствѣ, свойствѣ и знакомствѣ. Вводя въ разсказъ какое-нибудь новое лицо, бабушка непремѣнно объяснить, кто былъ отецъ и мать, дѣдъ и бабушка этого лица, кто на комъ былъ женатъ, сколько было дѣтей, на комъ поженились сыновья, за кого вышли дочери, сколько у кого было душъ крестьянъ, гдѣ были ихъ имѣнія, какихъ характеровъ были эти люди, какіе съ ними бывали особенные случаи, и такъ далѣе. Словомъ, это безконечная вереница лицъ XVIII и XIX вѣка изъ высшаго дворянскаго и аристократическаго слоя, и издатель разсказовъ сдѣлалъ очень хорошо, что въ концѣ книги прибавилъ именной указатель (очень обширный), чтобы облегчить пользованіе этими генеалогическими справками. Въ числѣ лицъ, упоминаемыхъ въ разсказахъ, встрѣчается не мало и лицъ историческихъ, которыхъ бабушка сама видывала или даже близко знала. Такъ, напр., упоминаются здѣсь съ большими или меньшими подробностями различные Щербатовы, Римскіе-Корсаковы, Голицыны, Апраксины, Бахметевы, Долгорукіе, Юсуповы, Еропкины, Архаровы, Обольяниновы, Оболенскіе и пр. и пр. Бабушка знала, напримѣръ, извѣстнаго временщика царствованія Павла, Обольянинова, видала Ростопчина, хорошо знала С. С. Апраксина и т. д.

Въ разсказахъ бабушки не найдется никакой общей картины времени; одно царствованіе выходитъ похоже на другое, хотя въ

общественной жизни бывали между ними большія разницы: дѣло въ томъ, что бабушка занята была только однимъ кругомъ интересовъ домашнихъ, родовыхъ, и крупныхъ событій касается лишь съ анекдотической, такъ сказать, домашней точки зрѣнія. Но она не разъ отмѣчаетъ большую разницу въ нравахъ нынѣшнихъ и прежнихъ, которые она такъ близко знавала, и для исторіи этихъ нравовъ у нея найдутся очень характерныя подробности.

Такъ, она нѣсколько разъ описываетъ широкую барскую жизнь стараго времени, напр., у такихъ богачей и хлѣбосоловъ, какъ были Апраксины, Долгорукіе и подобные московскіе „тузы", которые задавали пиры и увеселенія въ старомъ вкусѣ чуть не „на весь міръ", у которыхъ къ столу можно было придти незваннымъ, которые устраивали въ своихъ садахъ и паркахъ общественныя гулянья и увеселенія, какія дѣлаются теперь только антрепренерами. Бабушка вспоминаетъ объ этомъ съ большимъ удовольствіемъ и—съ сожалѣніемъ, что уже нѣтъ теперь и не можетъ быть ничего подобнаго, что дворянская жизнь и средства измельчали. Очень широко жили даже не первостепенные богачи. Вотъ, напримѣръ, какъ проживалъ въ половинѣ прошлаго столѣтія одинъ изъ Яньковыхъ:

„Александръ Даниловичъ жилъ очень хорошо и открыто; когда онъ женился, у него была золотая карета, обитая внутри краснымъ рытымъ бархатомъ, и вороной цугъ лошадей въ шорахъ съ перьями, а назади, на запяткахъ букетъ. Такъ называли трехъ людей, которые становились сзади: лакей выѣздной въ ливреѣ, по цвѣтамъ герба, напудренный, съ пучкомъ и въ треугольной шляпѣ; гайдукъ высокаго роста, въ красной одеждѣ, и арапъ въ курткѣ и шароварахъ ливрейныхъ цвѣтовъ, опоясанный турецкою шалью и съ бѣлою чалмой на головѣ. Кромѣ того, предъ каретой бѣжали два скорохода, тоже въ ливреяхъ и въ высокихъ шапкахъ: тульи на подобіе сахарной головы, узенькія поля и предлинный козырекъ. Такъ выѣзжали только въ торжественныхъ случаяхъ, когда нуженъ былъ парадъ, а когда ѣздили запросто, то скороходовъ не брали, на запяткахъ былъ только лакей да арапъ, а ѣзда не въ шесть лошадей, а только въ четыре, но тоже въ шорахъ, и это значило ѣхать запросто. Лошадей въ то время держали по многу: у батюшки, при жизни матушки, было три цуга: одинъ для него, одинъ для матушки, да запасный, и кромѣ того, нѣсколько лошадей разсыльныхъ для людей, водовозовъ, такъ что на конюшняхъ набиралось лошадей около тридцати, а у кого и больше. Стало быть, и кучеровъ, и конюховъ человѣкъ по десяти... Людей въ домахъ держали тогда премножество, потому что, кромѣ выѣздныхъ лакеевъ и офиціантовъ, были еще: дворецкій и буфетчикъ, а то и два, камердинеръ

и помощникъ, парикмахеръ, кондитеръ, два или три повара и столько же поварятъ; ключникъ, два дворника, скороходы, кучера, форейторы и конюхи, а ежели гдѣ при домѣ садъ, такъ и садовники. Кромѣ этого, у людей достаточныхъ, и не то, что особенно богатыхъ, бывали свои музыканты и пѣсенники, ну, хоть по немногу, а все-таки человѣкъ по десяти. Это только въ городѣ, а въ деревнѣ—тамъ еще всякіе мастеровые, и у многихъ псари и егеря, которые стрѣляли дичь для стола; а тамъ скотники, скотницы,—право, я думаю, какъ всѣхъ сосчитать городскихъ и деревенскихъ мужчинъ и женщинъ, такъ едва ли въ большихъ домахъ бывало не по двѣсти человѣкъ прислуги, ежели не болѣе. Теперь и самой-то не вѣрится, куда такое множество народа держать, а тогда такъ было принято, и вѣдь казалось же, что иначе и быть не могло. Это, я думаю, потому, что все было свое: и хлѣбъ, и живность, и всѣ припасы, все привозилось изъ деревень; всего заготовляли по многу, стало быть, и содержаніе стоило не дорого; а жалованье людямъ платили небольшое, сапоги шили имъ свои мастера, платье тоже, холстъ былъ некупленный" (стр. 54—55).

О бытѣ своей собственной семьи, объ устройствѣ дома, о гостепріимствѣ своего отца бабушка разсказываетъ такъ: „По зимамъ мы живали въ Москвѣ, а весной, по просухѣ, уѣзжали въ Боброво. Домъ выстроила тамъ бабушка Евпраксія Васильевна, онъ былъ прекрасный: строенъ изъ очень толстыхъ брусьевъ, и чуть ли не изъ дубовыхъ; низъ былъ каменный, и стѣны претолстыя. Весь нижній ярусъ назывался тогда подклѣтями; тамъ были кладовыя, но были и жилыя комнаты, и когда для братьевъ приняли въ домъ мусье, француза, то ему тамъ и отвели жилье. Двойныхъ рамъ у него въ комнатѣ не было, стекла были еще очень дороги, такъ онъ и придумалъ во вторыя рамы вставить бумагу промазанную масломъ; можно себѣ вообразить, какая тамъ была темь и среди бѣла дня. У насъ въ дѣтской также не было зимнихъ рамъ; моя кровать стояла у самаго окна, и чтобъ отъ него ночью не дуло во время сильныхъ холодовъ, то на ночь заставляли доской и завѣшивали чѣмъ-нибудь потолще. Всѣ парадныя комнаты были съ панелями, а стѣны и потолки затянуты холстомъ и расписаны краской на клею. Въ залѣ нарисована на стѣнахъ охота, въ гостиной ландшафты, въ кабинетѣ у матушки тоже, а въ спальнѣ, кажется, стѣны были росписаны боскетомъ; еще гдѣ-то—драпировкой или спущеннымъ завѣсомъ. Конечно, все это было малевано домашними мазунами, но, впрочемъ, очень недурно, а по тогдашнимъ понятіямъ о живописи—даже и хорошо. Важнѣе всего было въ то время, чтобы хозяинъ дома могъ

похвалиться и сказать: „оно, правда, не очень хорошо писано, да писали свои крѣпостные мастера".

„У батюшки были свои мастеровые всякаго рода: столяры, кузнецы, каретники; столовое бѣлье ткали дома и, кромѣ того, были ткачи для полотна; былъ свой кондитеръ. Въ комнатахъ людей было премножество, такъ что за каждымъ стуломъ, во время стола, стоялъ человѣкъ съ тарелкой.

„Въ гостиной мебель была пальмовая, обита черною кожей съ золотыми гвоздиками; это было очень не дурно и прочно. На окнахъ были шторы изъ парусины, росписаны на клею, но гардинъ и драпировокъ не было нигдѣ; только у матушки въ кабинетѣ были кисейные подборы на окнахъ.

„Батюшка былъ богатъ: онъ имѣлъ 4,000 душъ крестьянъ, а матушка 1,000; въ домѣ было всего вдоволь, но роскоши не было ни въ чемъ. Посуда была вся оловянная: блюда, чаши, миски; только впослѣдствіи, когда мы стали постоянно жить по зимамъ въ Москвѣ, батюшка купилъ столовый сервизъ серебряный, а въ Бобровѣ остался все тотъ же оловянный. По воскресеньямъ и праздникамъ, гостей съѣзжалось премножество, обѣдывало иногда человѣкъ по тридцати и болѣе. И все это пріѣдетъ со своими людьми, тройками и четвернями. Батюшка принималъ всѣхъ привѣтливо" (стр. 24—26).

Нравы были еще просты и значительно патріархальны: „Въ то время дѣти не бывали при родителяхъ неотлучно, какъ теперь, и не смѣли придти, когда вздумается, а приходили по утру поздороваться, къ обѣду, къ чаю и къ ужину, или когда позовутъ за чѣмъ-нибудь. Отношенія дѣтей къ родителямъ были совсѣмъ не такія, какъ теперь; мы не смѣли сказать: за что вы на меня сердитесь, а говорили: за что вы изволите гнѣваться, или: чѣмъ я васъ прогнѣвала; не говорили: это вы мнѣ подарили; нѣтъ, это было бы нескладно, а слѣдовало сказать: это вы мнѣ пожаловали, это ваше жалованіе. Мы нашихъ родителей боялись, любили и почитали. Теперь дѣти отца и матери не боятся, а больше ли отъ этого любятъ ихъ—не знаю. Въ наше время никогда никому и въ мысль не приходило, чтобы можно было ослушаться отца или мать и безпрекословно не исполнить, что́ приказано. Какъ это возможно! Даже и отвѣтить нельзя было, и въ разговоръ свободно не вступали: ждешь, чтобы старшій спросилъ, тогда и отвѣчаешь, а то, пожалуй, и дождешься, что тебѣ скажутъ: „ты что въ разговоръ ввязываешься? тебя вѣдь не спрашиваютъ, ну, такъ молчи!" Да, такого панибратства, какъ теперь, не было; и, право, лучше было, больше чтили старшихъ, было больше порядку въ семействахъ и благочестія... Теперь все перемѣнилось, не нахожу, чтобы къ лучшему. Теперь и часы-то совсѣмъ иначе

распредѣлены, какъ бывало: что̀ тогда былъ вечеръ, теперь, по вашему еще утро!.. Когда матушка была еще жива, стало быть, до 1783 года, приносили въ гостиную большую жаровню и мѣдный чайникъ съ горячею водой. Матушка заваривала сама чай. Ложечекъ чайныхъ для всѣхъ не было; во всемъ домѣ и было только двѣ чайныя ложки: одну матушка носила при себѣ въ своей готовальнѣ, а другую подавали для батюшки... Балы начинались рѣдко позднѣе шести часовъ, а къ двѣнадцати всѣ уже возвратятся домой. Такъ какъ тогда точно танцовали, а не ходили, то танцующихъ было не много. Главнымъ танцемъ бывалъ менуэтъ, потомъ стали танцовать: гавотъ, кадрили, котильйоны, экосезы. Однѣ только дѣвицы и танцовали, а замужнія женщины—очень не многія, вдовы—никогда" (стр. 27—28).

Ученье въ тѣ времена было однако плохое; и мужскія учебныя заведенія были еще не многочисленны, а женское образованіе почти совсѣмъ отсутствовало: учились дома и кое-какъ. Въ рѣдкихъ только случаяхъ бабушка упоминаетъ о дамахъ или дѣвушкахъ, что онѣ были „образованы"; о большинствѣ, очевидно, этого сказать было нельзя. „Хорошее воспитаніе было тогда довольно рѣдко. Все ученіе въ наше время состояло въ томъ, чтобы умѣть читать, да кое-какъ писать, и много было очень знатныхъ и большихъ барынь, которыя кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, подписывали свое имя каракулями" (стр. 60). Въ видѣ рѣдкости бабушка упоминаетъ объ одной своей родственницѣ, которая и по-французски, и по-русски писала „очень изрядно".

Родственныя связи очень уважались и разсказы бабушки въ этомъ случаѣ (какъ впрочемъ и во многихъ другихъ) прекрасно рисуютъ Грибоѣдовскую Москву. „Теперь родство стали ни во что вмѣнять: какъ скоро не родные братья и сестры, такъ и не родня: на двоюродныхъ сестрахъ женятся; чего добраго, придетъ время, пожалуй и за родныхъ братьевъ сестры станутъ выходить, и дядья поженятся на родныхъ племянницахъ! Нѣтъ, въ наше время, пока можно счесться родствомъ — родня, а ежели дальнее очень родство, все-таки не чужіе, а свои люди—въ свойствѣ... Отъ знакомства и отъ дружбы можно отказаться, а отъ родства, какъ ты ни вертись, признавай, не признавай, а отказаться нельзя: все-таки родня" (стр. 195).

Естественно, что всѣ симпатіи бабушки принадлежали этому доброму старому времени, когда жилось такъ широко и привольно. Она восторгается тѣми богатыми и гостепріимными вельможами, которые, владѣя огромными богатствами, не скряжничали надъ ними и задавали свои великолѣпные пиры, устраивали праздники для цѣлыхъ сотенъ гостей и т. п.; это были времена наибольшаго процвѣтанія

помѣщичьяго быта. Бабушка съ великимъ сочувствіемъ говоритъ напр. о великолѣпіи коронованія императора Павла, когда оказано было много разныхъ „милостей“, и въ ряду ихъ одною изъ главныхъ было то, что было роздано до 90,000 душъ крестьянъ въ пожалованіе. Это было совершенно въ духѣ времени, но бабушка не думала о томъ, что это было 90,000 свободныхъ людей, сдѣлавшихся крѣпостными, какъ не думала вообще—какою цѣною доставались тѣ богатства, которыми она восхищалась. О положеніи крѣпостного населенія она почти не упоминаетъ, хотя разъ или два ей случилось сказать о примѣрахъ жестокаго обращенія съ крестьянами. О томъ, какъ жилось въ деревняхъ, можетъ дать понятіе, напримѣръ, ея встрѣча съ сельскимъ духовенствомъ. Однажды бабушка поѣхала въ одну изъ своихъ собственныхъ деревень, гдѣ еще не бывала. „Я вздумала послать къ священнику,—говоритъ она,—просить его отслужить у насъ на дому всенощную подъ какой-то большой праздникъ. Каково же мое было удивленіе: священникъ приходитъ въ валенкахъ, а діаконъ и дьячекъ въ лаптяхъ и превонючихъ тулупахъ. Сначала я это терпѣла, хотя бывало послѣ нихъ не закуришь ничѣмъ, а полы хоть мой; потомъ это мнѣ надоѣло, и я велѣла сшить всѣмъ тремъ сапоги и имъ подарила. Надобно было видѣть ихъ радость: ужъ такъ я ихъ этимъ утѣшила“ (стр. 101).

Изъ этого положенія сельскаго духовенства можно заключить и о бѣднотѣ самой паствы.

Вообще книга г. Благово можетъ послужить хорошимъ матеріаломъ для бытовой исторіи прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Изобиліе генеалогіи нѣсколько утомительно въ чтеніи (хотя и генеалогія имѣетъ свою историческую цѣну), но затѣмъ въ разсказахъ бабушки разсѣяно много характерныхъ подробностей о старомъ дворянскомъ бытѣ и не мало интересныхъ историческихъ анекдотовъ, рисующихъ время и людей. Это по преимуществу исторія дворянскихъ семей, которыя сплочивались тогда гораздо больше, чѣмъ теперь, въ цѣльную общественную группу, связанную одними бытовыми интересами—службой и крѣпостнымъ правомъ.

—**Всеобщая Исторія.** Георга Вебера. Переводъ со второго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи спеціалистовъ. Томъ первый. Перевелъ Андреевъ. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 1885.

Въ нашей литературѣ несомнѣнно давно была потребность въ такомъ изданіи, какое предпринято теперь г. Солдатенковымъ. Единственнымъ обширнымъ изложеніемъ всеобщей исторіи была у насъ книга Шлоссера, имѣвшая въ свое время свои большія достоинства,

но писанная очень давно и, слѣд., далеко отставшая отъ новыхъ изслѣдованій по всѣмъ отраслямъ предмета. Книга Вебера представляетъ лучшій сводъ всеобщей исторіи, какой сдѣланъ былъ до сихъ поръ въ нѣмецкой литературѣ, наиболѣе компетентной въ ученыхъ предпріятіяхъ подобнаго рода. Она давно обратила на себя вниманіе въ нашей литературѣ и уже много лѣтъ назадъ былъ изданъ переводъ ея краткой редакціи: теперь начатъ переводъ ея настоящей, полной редакціи, съ новѣйшаго изданія подлинника, которое было переработано при содѣйствіи спеціалистовъ.—Какъ велика потребность въ подобномъ трудѣ въ нашей литературѣ, можно судить по тому, что многотомная всеобщая исторія Шлоссера имѣла у насъ два изданія.—Вышедшій теперь первый томъ Вебера (XXIV и 834 стр.) заключаетъ въ себѣ введеніе, гдѣ объясняются задачи всеобщей исторіи, ходъ развитія человѣчества, и затѣмъ исторію древняго востока: китайцевъ и египтянъ, арійцевъ и иранцевъ (древнихъ индійцевъ, иранцевъ, мидянъ, персовъ); народовъ семитическихъ (вавилонянъ и ассиріянъ, ханаанскихъ семитовъ, народа израильскаго). Въ началѣ каждаго отдѣла указана историческая литература предмета, доходящая до самыхъ новыхъ изслѣдованій, и въ спорныхъ вопросахъ отмѣчено различіе ихъ точекъ зрѣнія и критическаго достоинства. Такимъ образомъ, читатель получаетъ возможность освоиться съ даннымъ положеніемъ предмета въ наукѣ и вести свои занятія дальше, если бы предметъ заинтересовалъ его.

Русскій переводъ исполненъ прекрасно.

Издательская фирма Солдатенкова начала свои книжныя предпріятія въ первые годы прошлаго царствованія: теперь скоро исполнится тридцать лѣтъ ея дѣятельности. Въ теченіе этого времени она сдѣлала цѣлую массу важныхъ изданій—книгъ русскихъ и переводныхъ. Ею изданы были сочиненія Бѣлинскаго, Кавелина, Елисеевскаго, Ключевскаго, нѣкоторыя сочиненія Забѣлина, Н. А. Попова, Фриккена („Катакомбы"), стихотворенія Кольцова, Огарева, Фета, Сурикова, сочиненія Рѣшетникова, Левитова. Изъ книгъ переводныхъ—цѣлый рядъ серьезныхъ сочиненій, за изданіе которыхъ рѣдко берутся издатели, ожидающіе быстрой выгоды, но которыя составляютъ драгоцѣнный вкладъ въ литературу по своему научному и образовательному значенію. Такъ, здѣсь впервые предпринято было изданіе Шекспира въ прозаическомъ переводѣ г. Кетчера, и затѣмъ издано было множество ученыхъ сочиненій, между прочимъ первостепеннаго научнаго достоинства, какъ напр., сочиненія: Гастона Буассье („Римская религія"), Бэра („Исторія всемірной торговли"), Вейса („Внѣшній бытъ народовъ", 6 том.), Гартмана („Философія безсознательнаго");Гиббона, Гизо, Гнейста, Каррьера („Искусство въ

связи съ общемъ развитіемъ культуры"), Куглера, Куно Фишера, Курціуса, Лессинга, Любке, Лотце, Моммсена, Морлея, Тикнора, Тренделенбурга, Тэна, Финлея, Фойгта, Карла Шмидта („Исторія педагогики"), древнихъ писателей,—какъ Тацитъ и Страбонъ, и проч. Новое предпріятіе достойнымъ образомъ продолжаетъ этотъ рядъ замѣчательныхъ изданій.—А. П.

— І. И. Каблицъ (І. Юзовъ). Интеллигенція и народъ въ общественной жизни Россіи. Спб., 1885.

Среди недавнихъ споровъ объ интеллигенціи и народѣ обращала на себя вниманіе одна странная черта—крайняя сбивчивость и неясность представленій о томъ, какую именно интеллигенцію имѣютъ въ виду спорящіе. Одни нападали на культурный классъ вообще, не различая дѣятелей литературы и науки отъ представителей кулачества въ разныхъ его видахъ; другіе разумѣли подъ интеллигенціею какую-либо отдѣльную часть образованнаго русскаго общества— главнымъ образомъ, часть передовую, либеральную или прогрессивную; третьи имѣли въ виду извѣстное направленіе умовъ, оторванность отъ народной жизни, бюрократическій духъ, невниманіе къ мнѣніямъ народа и т. п. Въ газетѣ г. Аксакова слово „интеллигенція" употребляется чуть ли не въ смыслѣ ругательства, для обозначенія чего-то чуждаго и враждебнаго московскому „народному духу"; новѣйшіе народники-прогрессисты также не прочь взвалить на интеллигенцію отвѣтственность за то, въ чемъ она менѣе всего повинна. Въ результатѣ выходитъ путаница понятій, которою какъ нельзя лучше пользуются ратоборцы реакціи въ журналистикѣ.

Съ этой точки зрѣнія книга г. Юзова могла бы имѣть для насъ двойной интересъ,—во-первыхъ, какъ серьезная попытка разобраться среди смутныхъ идей, служившихъ предметомъ горячей и отчасти безплодной полемики, и во-вторыхъ, какъ самостоятельный опытъ выясненія началъ такъ-называемаго народничества въ отличіе отъ другихъ существующихъ у насъ „партій". Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи трудъ автора едва ли удовлетворитъ безпристрастнаго читателя. Г. Юзовъ уже высказалъ свои взгляды на „народничество" въ книгѣ, которая была подробно разобрана въ нашемъ журналѣ (въ статьѣ А. Н. Пыпина, въ февральской книгѣ за прошлый годъ); теперь онъ вновь развиваетъ ту же теорію въ примѣненіи къ практическимъ задачамъ нашей общественной жизни, причемъ направляетъ усиленные удары противъ „либерализма". Авторъ говоритъ отъ имени народничества въ такомъ тонѣ, какъ будто это направ-

леніе есть нѣчто вполнѣ выработанное, установившееся, безъ существенныхъ разногласій и оттѣнковъ; онъ выдаетъ свои личныя воззрѣнія за народническіе принципы вообще, не заботясь о провѣркѣ ихъ мнѣніями другихъ писателей, считающихъ себя народниками по преимуществу. Эта особенность книги г. Юзова лишаетъ ее значительной доли того значенія, какое могла бы она имѣть для оцѣнки дѣйствительныхъ тенденцій и требованій, выражаемыхъ народничествомъ. Все то, что излагаетъ и проповѣдуетъ авторъ подъ именемъ народничества, оказывается или чистѣйшимъ либерализмомъ, или смѣсью консервативныхъ идей съ умѣренно-соціалистическими. Съ либеральными принципами авторъ поступаетъ довольно оригинально: существенные изъ нихъ онъ относитъ къ народничеству, а либераламъ навязываетъ непріятныя черты, составляющія спеціальную принадлежность совсѣмъ другого лагеря. Такъ, „либералы“ будто бы стоятъ за господство „бюрократической палки“ надъ народною жизнью: они презираютъ народное мнѣніе и хотятъ насильно подчинить народъ своимъ культурнымъ взглядамъ и интересамъ. Они даже любятъ народъ по своему, не такъ, какъ народники; „объектъ любви считается невѣжественнымъ и безнравственнымъ скотомъ (?!), не имѣющимъ никакого понятія объ истинныхъ своихъ нуждахъ и потребностяхъ,—но этотъ скотъ, видите ли, несчастенъ, а потому нѣжное сердце интеллигентнаго человѣка сжимается отъ тоскливаго чувства, и онъ готовъ снизойти къ нему для руководства его мыслью, чувствомъ и дѣятельностью“ (стр. 41). Иное дѣло — народники: они „любятъ народъ не потому только, что онъ несчастенъ, а вообще въ силу способности любить людей“; въ основѣ ихъ ученія лежитъ „не только любовь къ народу, но и уваженіе ко всякой человѣческой личности, а слѣдовательно и къ личности крестьянина“. Другими словами, народники проникнуты чисто-либеральными воззрѣніями и чувствами; они „не третируютъ личности крестьянина и не считаютъ себя въ правѣ обходиться съ нимъ, какъ съ малолѣтнимъ, не имѣющимъ возможности жить самостоятельно, безъ опеки“. Они допускаютъ только „духовное воздѣйствіе на мнѣнія народа“ и отрицаютъ всякое насильственное вторженіе въ народную жизнь, — подобно тому какъ дѣлаютъ это истинные либералы, сторонники широкаго народнаго самоуправленія. Авторъ идетъ еще далѣе; онъ доводитъ свой либерализмъ до отрицанія народнаго господства надъ интеллигенціею. „Насколько нераціонально,—говоритъ онъ,—требовать подчиненія народной жизни интеллигентной опекѣ, настолько же противно здравому разсудку подчинять интеллигенцію и городъ мнѣнію народа (крестьянства?)“; такимъ образомъ, „чѣмъ больше будетъ самостоятельности въ жизни каждой группы, тѣмъ лучше, ибо каж-

дая изъ нихъ будетъ чувствовать себя свободнѣе и независимѣе". Вообще „не о подчиненіи культурныхъ классовъ народу хлопочутъ народники, а о предоставленіи простора развитію всѣхъ группъ народа, насколько, конечно, это возможно при необходимомъ согласованіи интересовъ всѣхъ во имя общенароднаго благополучія" (стр. 50). Почему эти старыя либеральныя требованія должны быть названы теперь народническими—понять трудно. Даже уваженіе къ суду присяжныхъ заимствуется либералами отъ народничества (стр. 39), хотя судъ общественной совѣсти насажденъ и поддерживается у насъ, конечно, не народниками. На какомъ основаніи авторъ приписываетъ либерализму „полное презрѣніе къ личности" крестьянина и къ его правамъ—этого изъ книги не видно; вѣдь отзывы отдѣльныхъ лицъ или газетъ, считающихъ себя либеральными, не могутъ поколебать того безспорнаго и общеизвѣстнаго факта, что уваженіе ко всякой человѣческой личности и признаніе равноправности всѣхъ гражданъ государства составляютъ повсюду одно изъ коренныхъ началъ либерализма.

Односторонняя полемика противъ „либераловъ" является слишкомъ слабо мотивированною въ разсужденіяхъ г. Юзова. Полемическіе пріемы автора также мало убѣдительны. Образцикомъ можетъ служить толкованіе слѣдующихъ словъ А. Н. Пыпина: „если желать, чтобъ народъ былъ рѣшающимъ принципомъ, онъ долженъ сначала выйти изъ покрывающей его темноты, и путь къ этому—не мистика и высокомѣрное отношеніе къ народу, а общественная свобода и просвѣщеніе". Такимъ образомъ,—заключаетъ авторъ,—„правовой порядокъ состоитъ только въ общественной свободѣ, которую онъ самъ (г. Пыпинъ) противопоставляетъ (гдѣ?) свободѣ общенародной"; по мнѣнію его (г. Пыпина), „общенародное участіе въ дѣлахъ общественнаго устройства будетъ вредно до тѣхъ поръ, пока народъ не выйдетъ изъ покрывающей его темноты, а въ ожиданіи этого блаженнаго времени пусть общество само, безъ народа, вершитъ всѣ дѣла". Ничего подобнаго не содержится, очевидно, въ приведенныхъ выше словахъ, въ которыхъ прямо осуждается „высокомѣрное отношеніе къ народу". Выставлять либераловъ противниками „общенароднаго участія въ дѣлахъ общественнаго устройства"—по меньшей мѣрѣ странно, хотя, быть можетъ, и удобно по нѣкоторымъ постороннимъ соображеніямъ. Нападая на „либераловъ" за то, что они „имѣютъ въ виду только интересы народа и знать не хотятъ его мнѣній", авторъ въ другомъ мѣстѣ доказываетъ необходимость такого же способа дѣйствій для народниковъ: „понятно, — говоритъ онъ,— что въ настоящее время народники не могутъ по многимъ вопросамъ опираться на народное мнѣніе и должны рѣшать ихъ, имѣя въ

виду только защиту народныхъ интересовъ", такъ какъ „вопросы, подлежащіе рѣшенію государства, недоступны народному мнѣнію въ тѣсномъ смыслѣ этого слова" (стр. 103—4). Въ чемъ же тогда принципіальная разница между либералами и „народниками"? Послѣдніе, по словамъ автора, выступаютъ „противниками всякаго бюрократизма, въ какой бы привлекательной формѣ онъ ни являлся" (стр. 50); и въ то же время они возлагаютъ на бюрократію обширныя надежды въ области экономическихъ реформъ (стр. 177 и слѣд.). Какъ примирить эти противорѣчія? Г. Юзовъ полагаетъ, что „проповѣдники просвѣщеннаго бюрократизма, получивъ возможность осуществлять свою программу на практикѣ, мало чѣмъ будутъ отличаться отъ лихой памяти инквизиторовъ", и что „политическое господство интеллигенціи надъ народомъ могло бы только ухудшить положеніе этого послѣдняго" (сравнительно съ чѣмъ?). Отъ кого же ждетъ авторъ экономическихъ реформъ на пользу народа, какъ не отъ интеллигенціи въ видѣ „просвѣщеннаго бюрократизма?" По увѣренію автора, либералы возстаютъ будто бы противъ обезпеченія экономической независимости крестьянства; а въ сферѣ политическихъ правъ „либерализмъ (?) старается доказать, что политическое достоинство личности должно измѣряться ея имуществомъ". Откуда авторъ почерпнулъ эти выводы—неизвѣстно. Если подъ либеральнымъ флагомъ нерѣдко проповѣдуются идеи, враждебныя народу или несогласныя съ его интересами, то еще чаще подъ видомъ народничества выставляются принципы, клонящіеся къ подавленію народной жизни и къ отрицанію всякихъ общественныхъ правъ [1]). Однако, авторъ ничего или почти ничего не говоритъ объ этихъ сомнительныхъ элементахъ народничества, какъ будто ихъ вовсе не существуетъ; онъ занятъ всецѣло фантастическою борьбою противъ воображаемыхъ тенденцій либерализма, тогда какъ самъ же предлагаетъ старую либеральную программу подъ другимъ болѣе двусмысленнымъ и неопредѣленнымъ названіемъ. Въ книгѣ встрѣчаются выходки, которыя производятъ непріятное впечатлѣніе именно потому, что онѣ направлены по невѣрному адресу: такъ, характеризуя дѣятелей „злобнаго направленія", авторъ неожиданно даетъ понять, что онъ имѣетъ въ виду „прогрессистовъ" (?!), которые будто бы съ пѣною у рта, съ презрѣніемъ и негодованіемъ „накидываются на всякаго, кто видитъ въ крестьянинѣ человѣка" (sic!) и т. д. (стр. 300). Слѣдовало бы по крайней мѣрѣ точнѣе обозначить этихъ „прогрессистовъ", если они дѣйствительно представляютъ собою наиболѣе замѣтное изъ суще-

[1]) См. въ „Вѣстникѣ Европы" за 1883 годъ, № 1: „Либералы и либерализмъ въ Западной Европѣ".

ствующихъ у насъ „злобныхъ направленій".—Независимо отъ своей неудачной полемической части, книга г. Юзова содержитъ много литературныхъ и фактическихъ указаній, небезполезныхъ для большинства читающей публики. Особенно интересны главы IV и V—о „національныхъ вопросахъ въ Россіи, включая и еврейскій" и объ „этическихъ ученіяхъ и народничествѣ".

— Востокъ, Россія и славянство. Сборникъ статей К. Леонтьева. Томъ I. Москва, 1885.

Г-нъ Леонтьевъ, бывшій консуломъ на Востокѣ, является горячимъ сторонникомъ славянофильства, доведеннаго до абсурда. Въ сущности его нельзя уже назвать славянофиломъ; онъ весь ушелъ въ византійскія бредни, отъ которыхъ вѣетъ чѣмъ-то совершенно затхлымъ, безпощадно-фанатическимъ, не имѣющимъ ничего общаго съ русскою жизнью, съ ея дѣйствительными потребностями и стремленіями. Онъ тоже—народникъ, приверженецъ самобытности и противникъ „либеральнаго прогресса"; онъ вѣритъ, что „намъ, русскимъ, надо совершенно сорваться съ европейскихъ рельсовъ и, выбравъ совсѣмъ новый путь, стать, наконецъ, во главѣ умственной и соціальной жизни всечеловѣчества" (стр. 310). Давно уже извѣстно, что Европа погибаетъ отъ упадка въ ней византійскихъ началъ; но г. Леонтьевъ не довольствуется этимъ сознаніемъ,—онъ мечтаетъ о дѣйствительномъ разрушеніи западныхъ государствъ и особенно Франціи, съ ея соблазнительнымъ центромъ, Парижемъ. „Почему бы,—спрашиваетъ онъ,—людямъ, желающимъ Россіи идеальнаго блага (т.-е. духовной независимости), не желать отъ всего сердца гибели и окончательнаго униженія той странѣ или той націи, которой духъ во дни величія и во дни паденія представлялъ и представляетъ собою квинтъ-эссенцію западной культуры, хотя и отживающей, но еще не утратившей вполнѣ своего авторитета" и пр.? Это тѣмъ болѣе желательно для г. Леонтьева, что „при нынѣшнихъ средствахъ разрушенія обратить большую часть Парижа въ развалины и груды пепла гораздо легче, чѣмъ было во времена древнія разрушать другіе великіе культурные центры"; а разрушеніе Парижа „сразу облегчитъ намъ дѣло культуры... въ Царьградѣ" (!!). Тамъ, въ центрѣ цивилизаціи, можно было бы въ самомъ корнѣ уничтожить „подлый идеалъ всеобщей пользы, мелочного труда и позорной прозы",—идеалъ, которымъ отчасти заразилась Россія, гдѣ тоже заговорили о всеобщей пользѣ, о вредѣ хищеній и о необходимости прозаическаго трудового существованія для людей, вскормленныхъ крѣпостнымъ

правомъ. И авторъ говоритъ отъ имени народа, отъ имени его вѣрованій и „духовныхъ“ интересовъ!

Если это бредъ больного ума, то въ этомъ бредѣ видна система. Перспектива водворенія законности и честности въ общественныхъ дѣлахъ всего болѣе пугаетъ г. Леонтьева. „Благоденствіе земное,—проповѣдуетъ онъ,—есть вздоръ и невозможность; царство равномѣрной и всеобщей человѣческой правды на землѣ—вздоръ и даже обидная неправда, обида лучшимъ“. Вѣроятно, авторъ нашелъ способъ обходиться безъ заботъ о личномъ „благоденствіи“; для него даже турецкое иго представляетъ нѣчто заманчивое, ибо „мученики за вѣру были при туркахъ, а при бельгійской конституціи едва ли будутъ и преподобные“ (стр. 265). Напрасно мы возмущались турецкими звѣрствами: они порождали мучениковъ, которыхъ не предвидится болѣе при свободномъ самоуправленіи славянъ. До чего можетъ договориться мистицизмъ на грубой хищнической подкладкѣ! Г. Леонтьевъ убѣжденъ, что „никакое насильственное иго азіатскихъ владыкъ не можетъ быть такъ позорно, какъ добровольно допускаемая народомъ власть собственныхъ адвокатовъ, либеральныхъ банкировъ и газетчиковъ“ (стр. 280); онъ стоитъ за господство фанаріотскаго духовенства надъ болгарами потому, что „самый жестокій и даже порочный, по личному характеру своему, православный епископъ, какого бы онъ ни былъ племени, хотя бы крещеный монголъ, долженъ быть намъ дороже двадцати славянскихъ демагоговъ и прогрессистовъ“ (стр. 262). Сила Россіи—въ византинизмѣ; „подъ его знаменемъ, если мы будемъ ему вѣрны, мы, конечно, будемъ въ силахъ выдержать натискъ и цѣлой интернаціональной Европы, еслибы она, разрушивши у себя все благородное, осмѣлилась когда-нибудь и намъ предписать гниль и смрадъ (sic!) своихъ новыхъ законовъ о мелкомъ земномъ всеблаженствѣ, о земной радикальной всепошлости“ (стр. 98).

Съ какимъ же запасомъ творческихъ идей возьмемся мы замѣнить уничтоженную культуру и „стать, наконецъ, во главѣ умственной и соціальной жизни всечеловѣчества“? На это нѣтъ отвѣта со стороны автора; онъ даже забываетъ о нашемъ великомъ призваніи, когда начинаетъ разсуждать слѣдующимъ образомъ: „Развѣ рѣшено, что̀ именно предстоитъ Россіи въ будущемъ? Иные находятъ, что наше сравнительное умственное безплодіе въ прошедшемъ можетъ служить доказательствомъ нашей незрѣлости или молодости. Но такъ ли это? Тысячелѣтняя бѣдность творческаго духа еще не ручательство за будущіе богатые плоды... Молодость наша, говорю я съ горькимъ чувствомъ, сомнительна. Мы прожили много, сотворили духомъ мало, и стоимъ у какого-то страшнаго предѣла“ (стр. 186—8). Впрочемъ, никакого умственнаго творчества не требуется для „разру-

шенія Парижа" и западной культуры; притомъ и самые взгляды на культуру бываютъ различны: для автора, напримѣръ, „русскій старовѣръ или даже скопецъ (sic!) гораздо культурнѣе русскаго народнаго учителя по книжкѣ барона Корфа" (?!). Авторъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что „мы, русскіе, не смотря на столько войнъ и на старый политическій антагонизмъ нашъ съ Турціею, больше нравимся туркамъ и личнымъ, и государственнымъ характеромъ нашимъ, чѣмъ западные европейцы." (стр. 102) Чего же больше? Турецко-византійскіе идеалы, связанные съ „умственнымъ безплодіемъ" и съ „бѣдностью творческаго духа", составляютъ все содержаніе того направленія, которое иногда называется славянофильскимъ, а иногда даже „истинно-русскимъ",—какъ бы въ насмѣшку надъ настоящими понятіями и чувствами народа.

Г. Леонтьевъ, подобно многимъ нашимъ „славянофиламъ", интересуется славянствомъ только какъ удобною почвою для византійства; онъ даже просто отрицаетъ самостоятельное значеніе „славянской идеи". „До сихъ поръ,—говоритъ онъ,—мы этихъ общихъ и своихъ всеміpно-оригинальныхъ идей, которыми славяне отличались бы рѣзко отъ другихъ націй и культурныхъ міровъ, не видимъ. Мы видимъ вообще что-то отрицательное, очень сходное съ романо-германскимъ, но какъ-то жиже, слабѣе все, бѣднѣе. Славянство есть, и оно численностью очень сильно; славизма нѣтъ, или онъ еще очень слабъ и неясенъ... До сихъ поръ всѣ славяне, не исключая даже русскихъ и поляковъ, были чѣмъ-то средне-пропорціональнымъ, отрицательнымъ, во всемъ уступающимъ духовно другимъ, во всемъ второстепеннымъ" (стр. 122). Отъ чеховъ авторъ открещивается, какъ отъ „нѣмцевъ, переведенныхъ на славянскій языкъ", проникнутыхъ слишкомъ сильно инстинктами мѣщанской „честности". По мнѣнію г. Леонтьева, „было бы большимъ счастіемъ, еслибы нѣмцы заставили насъ предать чеховъ на совершенное съѣденіе германизму", такъ какъ чехи—европейскіе буржуа по преимуществу, „честные либералы изъ честныхъ либераловъ" (стр. 301). Честность служитъ чуть ли не ругательнымъ словомъ, съ точки зрѣнія автора и подобныхъ ему патріотовъ. Отдѣльныя славянскія племена обнаруживаютъ наклонность къ либерализму, и это лишаетъ ихъ сочувствія московскихъ византійцевъ; „не для того же русскіе орлы перелетали за Дунай и Балканы, чтобы сербы и болгары высиживали послѣ на свободѣ куриныя яйца мѣщанскаго европейства, à la Вирховъ, Кобденъ или Жюль Фавръ" (стр. 285). И въ самомъ дѣлѣ, могутъ ли Вирховы и Кобдены сравниться съ фанаріотами, о которыхъ хлопочетъ авторъ? Не стоитъ поэтому сочувствовать болгарамъ и сербамъ. „Болгары—по словамъ бывшаго консула,—вовсе не агнцы; это народъ хитрый, искусный,

упорный, терпѣливый,—народъ, который заботится теперь лишь о томъ, чтобы выдѣлить свою народность какими бы то ни было путями изъ другихъ болѣе выросшихъ націй. Болгары не станутъ стѣсняться и съ нами, русскими, какъ скоро увидятъ, что мы не вторимъ всѣмъ увлеченіямъ ихъ племенного раздраженія. Они это уже доказали, и мы знаемъ это коротко. Болгары посягаютъ уже и на сербское племя въ старой Сербіи, разсылая туда свое духовенство и своихъ учителей, чтобы отбить этотъ край не только церковно у нашего племени, но и этнографически у сербовъ" (стр 11). Вообще болгары—„неважная и видимо ни къ чему замѣчательному не призванная народность" (стр. 77). Что касается Сербіи, то ей „очень было бы желательно стать славянскимъ Піемонтомъ, какъ для австрійскихъ, такъ и для турецкихъ славянъ; нужна лишь благопріятная перестановка обстоятельствъ, счастливое сочетаніе политическихъ силъ,—и однимъ изъ такихъ счастливыхъ сочетаній сербы основательно могутъ считать военное безсиліе и государственную неприготовленность сосѣдней, столь родственной, столь удобной для поглощенія и такъ великолѣпно у Босфора и при устьяхъ Дуная стоящей болгарской націи. Болгары это чувствуютъ и сербамъ не довѣряютъ, точно такъ же какъ мало довѣряютъ ихъ крайніе и вліятельные дѣятели и намъ, русскимъ"... (стр. 131). Эти замѣчанія автора, долго жившаго на Балканскомъ полуостровѣ, несомнѣнно любопытны въ виду современныхъ событій. „Русскіе люди,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ г. Леонтьевъ — все болѣе и болѣе начинаютъ, повидимому, разочаровываться въ пользѣ и цѣлесообразности политики чисто-эмансипаціонной, и можно надѣяться, что близокъ часъ, когда мы не только всѣ поймемъ, но и скажемъ громко, что присоединеніе Царьграда, напр., гораздо необходимѣе и государственнѣе, чѣмъ платоническое освобожденіе славянъ" (стр. 76).

Славянская идея должна уступить мѣсто византійской, а послѣдняя призвана положить свою безнадежно-мертвящую печать на русское народное развитіе:—такова печальная программа людей, выдающихъ себя за избранныхъ „патріотовъ своего отечества". Насажденное извнѣ византійство и полная національная самобытность уживаются вмѣстѣ въ этихъ болѣзненныхъ умахъ, которыхъ дикія теоріи нашли себѣ достойное выраженіе въ печально курьезной книгѣ г. К. Леонтьева.

— Нашъ нервный вѣкъ. Популярное сочиненіе о здоровыхъ и больныхъ нервахъ Проф. Крафтъ-Эбинга. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб., 1885.

Книжка Крафтъ-Эбинга написана весьма популярно—быть можетъ, даже слишкомъ популярно, въ ущербъ солидности содержанія. Авторъ, извѣстный спеціалистъ по психіатріи, затрогиваетъ область соціальныхъ вопросовъ и дѣлаетъ выводы не всегда основательные. Онъ видитъ признакъ нервности нашего вѣка въ постоянной озабоченности людей, вслѣдствіе боязни „политическихъ переворотовъ, биржевыхъ краховъ, войны, соціализма и другихъ страшныхъ явленій". Во всѣхъ государствахъ,—замѣчаетъ онъ,—ощущается недостатокъ въ финансахъ, раздаются жалобы на чрезмѣрные налоги, вызываемые отчасти взаимнымъ страхомъ государствъ и потребностью ихъ содержать громадныя военныя силы;... деньги все болѣе падаютъ въ цѣнѣ; конкурренція въ области искусствъ, наукъ, торговли и ремеслъ принимаетъ небывалые размѣры. Но всѣ упомянутыя опасенія—естественное слѣдствіе подобныхъ соціальныхъ и политическихъ отношеній—преувеличены и ненормальны, и во всякомъ случаѣ вызываются нервною напряженностью массъ. Этотъ всеобщій трепетъ передъ народными бѣдствіями—одного происхожденія съ запуганностью нервнобольныхъ, боящихся всевозможныхъ бѣдствій, грозы, одиночества, бѣшеныхъ собакъ, огня, особенно пожаровъ въ театрѣ, заразительныхъ болѣзней и апоплексическаго удара" (стр. 6—7).

Мнѣнія о разстройствѣ финансовъ и о непомѣрныхъ налогахъ сопоставляются здѣсь съ фантастическими страхами нервно-больныхъ, хотя между обѣими категоріями „опасеній" нѣтъ рѣшительно ничего общаго: нельзя же утверждать, что экономическія и соціальныя невзгоды существуютъ только въ запуганномъ воображеніи отдѣльныхъ лицъ или всего общества. Крафтъ-Эбингъ полагаетъ, что „обществу нашему грозитъ окончательное физическое и нравственное разложеніе, если не наступятъ благопріятныя условія, могущія поставить развитіе культуры на болѣе твердую почву, подкрѣпить и успокоить духъ и тѣло и выдвинуть болѣе благородныя и нравственныя цѣли нашего бытія". Что эти желанныя условія едва ли осуществимы—видно уже изъ тѣхъ ожиданій, которыя связываетъ съ ними авторъ. „Отраднымъ послѣдствіемъ подобной перемѣны было бы—по его словамъ—достиженіе высшей степени культурнаго развитія, при которой, съ одной стороны, безусловная (?) нравственность дала бы возможность народамъ жить въ мирѣ, устранивъ всякія (?) національныя, соціальныя и религіозныя распри, а съ другой—полное физическое развитіе, распознавъ законы природы, указало бы средства къ правильному образу жизни". Такъ какъ это идеальное состояніе вѣ-

роятно, никогда не наступитъ, то остается принимать частныя мѣры для противодѣйствія угрожающему намъ „физическому и нравственному разложенію".

Возвращаясь въ предѣлы своей спеціальности, Крафтъ-Эбингъ даетъ разумныя указанія и совѣты, хотя иногда оставляетъ ихъ безъ надлежащаго освѣщенія. Между прочимъ, онъ указываетъ на недостатки современнаго воспитанія. „Чего только не учатъ наши дѣти! Ихъ обучаютъ новымъ языкамъ, прежде чѣмъ они научаются болтать на родномъ. Не успѣли ихъ пальцы еще достаточно окрѣпнуть, какъ имъ уже начинаютъ преподавать первыя правила музыки... Обращая лишь вниманіе на развитіе ума, они (педагоги) совершенно оставляютъ въ сторонѣ физическое и нравственное развитіе. Поэтому-то мы и встрѣчаемъ такъ много эгоистовъ, матеріалистовъ и безхарактерныхъ людей... Господствующее нынѣ слишкомъ сухое и, такъ сказать, спеціально филологическое направленіе, при которомъ учениковъ заставляютъ изучать грамматику, не обращая ихъ вниманія на самый духъ классическаго писателя, отбиваютъ всякую охоту къ занятіямъ" и т. д. (стр. 31 и слѣд.). Духовную жизнь новѣйшихъ поколѣній авторъ сравниваетъ съ хищнической разработкой поля. „Злоупотребленіе духовными силами доведено поколѣніями до полной непроизводительности ихъ. Чтобы не истощить почвы, земледѣлецъ прибѣгаетъ къ плодоперемѣнной системѣ. Какъ измѣнилась бы судьба потомковъ умственныхъ дѣятелей, еслибы дѣти и внуки послѣднихъ, придерживаясь подобной плодоперемѣнной системы, обратились къ первобытному назначенію человѣческой дѣятельности—къ занятію сельскимъ хозяйствомъ!" (стр. 125—6). Въ концѣ книжки авторъ предлагаетъ устроить для нервныхъ больныхъ особыя лечебницы, проникнутыя духомъ науки и человѣколюбія, съ цѣлью „излечивать глубокія раны, наносимыя человѣку современною культурною жизнью"; но эти лечебницы, судя по описанію, были бы предназначены лишь для небольшого числа достаточныхъ людей и не могли бы замѣтно ослабить недуги „нашего нервнаго вѣка".—Л. С.

ЗАМѢТКА.

По поводу книги Ц. Ломврозо: „Гениальность и помѣшательство. Параллель между великими людьми и помѣшанными".

Въ природѣ нѣтъ скачковъ, нѣтъ рѣзкихъ переходовъ отъ одной формы жизни къ другой; нѣтъ, поэтому, рѣзкой грани, отдѣляющей больного человѣка отъ здороваго. Естественно, поэтому, стремленіе психіатровъ отыскать промежуточныя ступени между психически-здоровымъ и помѣшаннымъ, и это стремленіе привело къ выдѣленію группы лицъ (невропатовъ, психопатовъ и т. д.), еще не образующихъ положительно больного типа, но уже близкихъ къ послѣднему, такъ какъ они представляютъ замѣтныя патологическія уклоненія отъ нормы, въ своемъ характерѣ, очень часто строеніи, наклонность къ психическимъ страданіямъ и происхожденіе отъ больныхъ предковъ. Этотъ типъ далеко еще не установленъ окончательно; одни психіатры слишкомъ расширяютъ его границы, другіе стараются быть осторожнѣе. При большемъ усердіи, въ разрядъ невропатовъ можно зачислить всякаго, болѣе или менѣе рѣзко отличающагося въ какомъ-либо отношеніи отъ средняго человѣческаго образца нашего времени; но такое расширеніе предѣловъ типа, промежуточнаго между больнымъ и здоровымъ организмомъ, врядъ ли особенно цѣнно въ научномъ отношеніи и важно въ практическомъ. А чтобы избѣжать подобной крайности, необходимо результаты одного метода изслѣдованія провѣрять данными, добытыми другимъ, и, такимъ образомъ, установить опредѣленный типъ. характеризующійся не только психологическими, но и анатомическими чертами, сближающими его съ больнымъ организмомъ.

Первымъ и самымъ грубымъ пріемомъ въ этомъ дѣлѣ является отысканіе внѣшняго психическаго сходства съ помѣшаннымъ; за нимъ долженъ слѣдовать психологическій анализъ, съ цѣлью выяснить существуютъ ли достаточныя физіологическія причины проявленія тѣхъ особенностей, которыя обратили на себя вниманіе изслѣдователя, или онѣ являются не мотивированными, подобно тому, какъ немотивированныя чувства и поступки сумасшедшаго. Психіатры, однако, очень часто пренебрегаютъ второй половиной задачи и. увлекаемые аналогіей, заходятъ въ своемъ сближеніи больного и здороваго за предѣлы, неимѣющіе никакихъ научныхъ оправданій. Къ такимъ ненаучнымъ

стремленіямъ слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, отнести попытку нѣкоторыхъ психіатровъ образовать особую патологическую группу геніальныхъ людей. Ненаучнымъ это стремленіе мы называемъ потому, что оно основано на отысканіи внѣшнихъ чертъ сходства между геніемъ и помѣшаннымъ, строгій же анализъ подмѣченныхъ признаковъ при этомъ обыкновенно отсутствуетъ. Къ такимъ ученымъ принадлежитъ и Ломброзо, что̀ очевидно изъ заглавія сочиненія, приведеннаго нами выше. Самъ авторъ очень высокаго мнѣнія о своемъ трудѣ. Онъ считаетъ, что его теорія даетъ ключъ къ уразумѣнію таинственной сущности генія, объясненію нѣкоторыхъ историческихъ явленій, „поможетъ установить новую точку зрѣнія для оцѣнки художественнаго творчества геніевъ" и т. п. Однако, методъ изслѣдованія, которымъ пользовался авторъ, по своей научности вовсе не соотвѣтствуетъ важности задачи. Поставивъ себѣ цѣлью выяснить психологическую природу генія, авторъ не принимаетъ никакихъ мѣръ къ тому, чтобы оперировать надъ соотвѣтствующимъ матеріаломъ, а почерпаетъ свои примѣры изъ всѣхъ человѣческихъ типовъ, будетъ ли то группа геніевъ, талантливыхъ людей или обыкновеннѣйшихъ смертныхъ. Смѣшавъ, такимъ образомъ, объекты наблюденія, Ломброзо затѣмъ производитъ подобное же смѣшеніе физическихъ и патологическихъ явленій въ здоровомъ и больномъ человѣкѣ. Какова бы ни была степень душевнаго разстройства, больной этимъ не освобождается отъ подчиненія законамъ живого организма; поэтому, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ будетъ сходенъ со всѣми людьми. Съ другой стороны, и геніи не застрахованы отъ помѣшательства, и нерѣдко геній и безуміе одновременно соединяется въ одномъ лицѣ. Ломброзо однако не принимаетъ этого во вниманіе, и всѣ пункты сходства обоихъ типовъ — будутъ ли это специфическіе признаки или обще-человѣческія черты, постоянныя или случайныя явленія — соединяетъ во-едино, почти не подвергая ихъ анализу. Въ концѣ-концовъ читатель недоумѣваетъ, какова же настоящая цѣль автора: провести параллель между геніальностью и помѣшательствомъ, или между психически-больнымъ и здоровымъ организмомъ. Въ краткой, библіографической замѣткѣ мы не можемъ подробно разбирать аргументацію Ломброзо и остановимся на двухъ-трехъ примѣрахъ, выбирая ихъ изъ числа наиболѣе важныхъ основаній теоріи автора.

Точки соприкосновенія генія и помѣшательства, указываемыя Ломброзо, относятся, главнымъ образомъ, къ двумъ разрядамъ явленій. Одна группа ихъ (по преимуществу физіологическіе акты) составляетъ естественный результатъ той сильной нервно-мозговой работы, какая неизбѣжна у геніевъ и помѣшанныхъ, но которая составляетъ обычное явленіе и среди обыкновенныхъ смертныхъ. Поэтому, мы ихъ наблю-

даемъ вездѣ, гдѣ только встрѣчаемъ сильное психическое возбужденіе, будетъ ли передъ нами священникъ-проповѣдникъ, ученый, геній или сумасшедшій. На этотъ пунктъ смѣшенія авторомъ слѣдствія и причины было уже не разъ указано; поэтому, мы здѣсь остановимся на другой категоріи фактовъ, уже чисто психическихъ и составляющихъ главнѣйшее основаніе аналогіи между геніальностью и сумасшествіемъ.

Если первый рядъ пунктовъ сходства генія и помѣшаннаго, составляющій группу дѣйствительно существующихъ явленій, вмѣсто того, чтобы подтверждать мнѣніе Ломброзо, доказываетъ только единство физіологической природы человѣка, будетъ ли онъ геній, сумасшедшій или обыкновенный смертный, то вторая категорія явленій не можетъ вовсе служить подтвержденіемъ гипотезѣ Ломброзо, такъ какъ она касается чисто внѣшняго сходства обоихъ типовъ, между тѣмъ какъ внутреннее основаніе этихъ явленій у генія и помѣшаннаго не только не сходно, но и совершенно противуположно. Мы здѣсь говоримъ о безсознательности появленія идей и образовъ у генія и помѣшаннаго въ противуположность тому, что обыкновенно будто бы наблюдается у здоровыхъ людей, и оригинальности идей того и другого.

Встрѣчаясь съ тѣми сближеніями между геніемъ и безумцемъ, которыя дѣлаются не однимъ Ломброзо, но и многими другими психіатрами, приходится только удивляться, до чего предвзятая идея можетъ затемнить сознаніе человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, настаивая на вышеуказанныхъ пунктахъ сходства между обоими человѣческими типами, психіатры забываютъ основныя истины не только психологіи, но даже психіатріи. Это сдѣлается очевиднымъ, если ближе анализировать сходство генія и помѣшаннаго въ отношеніи безсознательности творчества.

„Талантливый человѣкъ дѣйствуетъ строго обдуманно,—пишетъ Ломброзо; онъ знаетъ, какъ и почему онъ пришелъ къ извѣстной теоріи, тогда какъ генію это совершенно неизвѣстно; всякая творческая дѣятельность безсознательна“ и проявляется совершенно неожиданно. „Такимъ образомъ величайшія идеи мыслителей родятся внезапно и развиваются настолько же безсознательно, какъ и необдуманные поступки помѣшанныхъ“. „Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что между помѣшаннымъ, во время припадка, и геніальнымъ человѣкомъ, обдумывающимъ и создающимъ свое произведеніе, существуетъ полнѣйшее сходство“ (1—9, 12). Изъ послѣдней тирады Ломброзо видно, что дѣятельность генія уже не настолько безсознательна и неожиданна, какъ это можно подумать, основываясь на выпискахъ, приведенныхъ раньше. Оказывается, что геній не только создаетъ

свои произведенія, но и обдумываетъ ихъ, а процессъ обдумыванія никто, разумѣется, не назоветъ безсознательнымъ. И дѣйствительно. можно ли, напримѣръ, въ великихъ твореніяхъ Дарвина отвергнуть огромную сознательную работу опыта, наблюденія, анализа, имѣющихъ одну цѣль—выясненіе той идеи, которую Ломброзо приписываетъ безсознательному творчеству? Точно также въ примѣрѣ Наполеона, указываемомъ Ломброзо, вырывающаго у непріятеля побѣду, благодаря идеѣ, вспыхнувшей, подобно искрѣ, во время хода боя, наряду съ безсознательной дѣятельностью ума, мы встрѣчаемъ цѣлый планъ сраженія, выработанный совершенно сознательно и который привелъ къ побѣдѣ. Это значитъ, что дѣятельность генія, по крайней мѣрѣ въ сферѣ науки и соприкасающихся съ нею отрасляхъ искусства, идетъ такъ же планомѣрно, какъ и дѣятельность обыкновеннаго человѣка. Геній, какъ и просто талантливый ученый, скажетъ вамъ, почему онъ пришелъ къ извѣстной теоріи или, вѣрнѣе, съумѣетъ доказать ея истинность. И тѣмъ не менѣе, остается вѣрнымъ положеніе, что великая идея первоначально является въ умѣ генія въ такой формѣ, что онъ не можетъ подтвердить ее логически; она, слѣдовательно, не есть сознательно-логическій результатъ непосредственно предшествовавшаго разсужденія. Она выработалась гдѣ-то за предѣлами сознанія и явилась послѣднему въ видѣ готовой формулы, иногда поражающей самого генія своей новизной и неожиданностью. Но получивъ свое окончательное сложеніе за предѣлами сознанія, новая идея тѣмъ не менѣе не есть результатъ исключительно безсознательной дѣятельности души. Геній давно ждетъ идею, способную новымъ свѣтомъ озарить цѣлую массу фактовъ, связь между которыми для него очевидна, но еще не уловлена; онъ строилъ уже (сознательно и безсознательно) не одну гипотезу, не разъ предпринималъ ряды опытовъ, наблюденій, вычисленій, способныхъ подтвердить или опровергнуть послѣднюю, и лишь благодаря всей этой предшествующей работѣ его безсознательная область генія открыла, наконецъ, истину. Итакъ, хотя безсознательность творчества генія—фактъ, неподлежащій сомнѣнію; но эта безсознательность есть лишь одинъ изъ элементовъ творчества; другую часть послѣдняго составляетъ сознательная работа мысли, преслѣдующая ту же цѣль, а новая идея, явившись какъ бы по вдохновенію, въ концѣ-концовъ есть однако результатъ этой общей и солидарной работы сознательной и безсознательной областей души.

Если, такимъ образомъ, сознаніе нечуждо творческой дѣятельности генія, то съ другой стороны и талантливый человѣкъ, равно какъ и обыкновеннѣйшій смертный, не представляютъ собой олицетворенія сознательно-разумной умственной дѣятельности. Новѣйшая психологія, напротивъ того, учитъ, что безсознательная сфера мышленія гораздо

обширнѣе и важнѣе сознательной психической жизни, и это положеніе всецѣло признается психіатріей. Безсознательное мышленіе находится въ безпрерывной дѣятельности, говоритъ, напр., Крафтъ-Эбингъ. „Оно переработываетъ въ настроеніи духа тѣ возбужденія, которыя приносятся мозгу чувствительными нервами изъ всѣхъ провинцій тѣла; оно регулируетъ движенія, возбуждаемыя волею. напр., передвиженіе тѣла, и позволяетъ имъ совершаться съ такою же быстротою и вѣрностью, какъ и подъ контролемъ воли. Оно переработываетъ возникающія физіологическимъ путемъ представленія образа въ мысли, импульсы къ поступкамъ и въ другіе психическіе процессы, а передъ самосознаніемъ является только готовый результатъ этой переработки—въ видѣ воззрѣній, сужденій, умозаключеній, аффектовъ. Этой безсознательно работающей дѣятельности обязаны мы нашею умственною индивидуальностью, нашими психическими расположеніями, нашими идеями и интересами. Она гораздо болѣе важное отправленіе, чѣмъ дѣятельность нашего самосознающаго „я“ [1]).

Итакъ, безсознательность происхожденія идей свойственна не одному только генію; всѣ мы обязаны своимъ умственнымъ достояніемъ этой безсознательной психической дѣятельности. По какому же праву Ломброзо, на основаніи этого признака, выдѣляетъ генія изъ массы здороваго человѣчества и ставитъ въ одну категорію съ безумцемъ? Хотя геній творитъ свои идеи тѣмъ же безсознательнымъ путемъ, какъ и обыкновенный смертный, но разница въ результатахъ психической дѣятельности того и другого громадна. Идея обыкновеннаго человѣка такъ же мелка, какъ и его умъ; идея генія—геніальна. Поэтому, тогда какъ первая пропадаетъ для человѣчества безслѣдно, вторая обращаетъ на себя общее вниманіе. Произведеніе безсознательное психики обыкновеннаго ученаго, если это—новая идея, такъ мало отличается отъ законовъ и отношеній, уже извѣстныхъ, что только-что появившись, она сейчасъ же находитъ свое мѣсто среди остальныхъ идей, связывается съ ними сознательно-логически. Идея генія,—потому что и сама она геніальна,—далеко опережаетъ сферу законовъ и отношеній, уясненныхъ сознательной логикой. Явившись впервые въ сознаніе, она представляется какъ бы оторванной отъ научнаго знанія, освѣщающей предметъ сверху, но несвязанной съ нимъ. Будучи высказана лицу постороннему, она его поражаетъ своей грандіозностью, оригинальностью, кажется вдохновеніемъ свыше. Ея логическая связь съ предъидущимъ не видна, и потому, если ее не признаютъ за великую, то отвергнутъ, какъ бе-

[1]) Учебникъ психіатріи, с. 92 –3.

зумную. Лишь послѣ того, какъ самъ геній или его послѣдователи обоснуютъ идею логически, свяжутъ ее сознательной индуктивной или дедуктивной логикой съ другими идеями, уже признанными человѣчествомъ,—она становится всѣмъ понятной и принимается наукой. Такимъ образомъ, не способъ творчества отличаетъ генія отъ обыкновеннаго человѣка, а его результаты, точно такъ же, какъ и въ сферѣ сознательной психической жизни, умный человѣкъ отличается отъ глупаго не качественно, а количественно. Поэтому, выдѣленіе генія изъ массы остальнаго человѣчества, сдѣланное Ломброзо на основаніи того обстоятельства, что безсознательность творчества свойственна будто-бы ему одному въ противуположность обыкновенному смертному, не выдерживаетъ научной критики. Не болѣе научно и другое основаніе для сближенія генія и помѣшаннаго, это—оригинальность ихъ мыслей. „Гагенъ считаетъ оригинальность тѣмъ качествомъ, которое рѣзко отличаетъ геній отъ таланта“, говоритъ Ломброзо. „Но оригинальность, хотя почти всегда безцѣльная, не рѣдко замѣчается также въ поступкахъ людей помѣшанныхъ, въ особенности же въ ихъ сочиненіяхъ, которыя только вслѣдствіе этого получаютъ иногда оттѣнокъ геніальности“ (с. 26—27). Что геній долженъ быть оригиналенъ, иначе онъ не былъ бы геніемъ,—это очевидно. Идея, имъ открываемая, представляетъ нѣчто совершенно новое, неожиданное, иначе говоря, оригинальное. Эта оригинальность есть простой результатъ силы ума и воображенія генія, позволяющихъ ему открывать такіе законы, создавать такія комбинаціи формъ, которыя далеко обгоняютъ воззрѣнія средняго человѣка, которыя поэтому отличаются оригинальностью. Въ этомъ смыслѣ, въ смыслѣ отличія отъ общепринятаго, могутъ быть названы оригинальными и идеи сумасшедшаго. Но кромѣ этого внѣшняго сходства, въ идеяхъ генія и безумца нѣтъ ничего общаго; мало того—по существу они совершенно противуположны, и это сдѣлается очевиднымъ, если мы уяснимъ себѣ, въ чемъ состоитъ различіе помѣшаннаго и здороваго человѣка.

Психическіе процессы въ больномъ организмѣ не отличаются по существу отъ процессовъ физіологической жизни. „Элементы, изъ которыхъ строится больная душевная жизнь—тѣ же самые, какъ и здоровой жизни“. „Помѣшанный можетъ такъ же говорить и поступать, какъ и здоровый. Не въ качествѣ его психическихъ процессовъ, а въ способѣ ихъ возникновенія лежитъ существенный отличительный признакъ. Болѣзненная черта этихъ процессовъ заключается въ томъ, что они возникаютъ самородно, вслѣдствіе внутреннихъ болѣзненныхъ раздраженій органа, между тѣмъ, какъ при физіологическихъ условіяхъ, они вызываются и измѣняются внѣшними раздраженіями,

вслѣдствіе чего и поддерживается постоянная гармонія между процессами сознанія и процессами окружающаго міра" [1]). Такимъ образомъ, условіе, придающее психически больному его индивидуальность, заключается въ болѣзненномъ процесѣ въ его нервной системѣ. Извѣстная идея или душевное настроеніе сумасшедшаго является результатомъ не соотвѣтствующихъ внѣшнихъ впечатлѣній, а раздраженія мозга, производимаго болѣзненнымъ фокусомъ. Эти раздраженія дѣйствуютъ съ большей или меньшей силой въ зависимости отъ хода патологическаго процесса, а не отъ измѣненій впечатлѣній внѣшняго міра; отъ этого и идеи, являющіяся въ умѣ больного, внезапны, неожиданны, не соотвѣтствуютъ подѣйствовавшимъ на него впечатлѣніямъ, не сообразны съ ними. Для посторонняго невнимательнаго наблюдателя онѣ будутъ вполнѣ аналогичны идеѣ, даваемой міру геніемъ: обѣ произошли такъ же безсознательно, такъ же несходны съ воззрѣніемъ массы, такъ же оригинальны. Разница лишь въ томъ, что идея генія, явившись результатомъ физіологическаго воздѣйствія на его богатую натуру впечатлѣній внѣшняго міра, представляетъ и физіологическій отвѣтъ на эти впечатлѣнія, т.-е. соотвѣтствуетъ дѣйствительности, объясняетъ явленія, словомъ, она истинна. Идея же безумца, явившись результатомъ внутренняго раздраженія мозга патологическимъ процессомъ, не находится ни въ какомъ реальномъ отношеніи къ внѣшнему міру, ни мало не соотвѣтствуетъ впечатлѣніямъ, проникавшимъ изъ этого міра въ душу безумца, ничего не объясняетъ; она нелѣпа. Очевидно, что происхожденіе идей того и другого не имѣетъ ничего общаго, что сближать генія съ сумасшедшимъ, на основаніи внѣшняго сходства продуктовъ ума обоихъ, то же, что сближать генія и бредящаго отъ лихорадки, генія со спящимъ, пьянымъ, отравленнымъ хлороформомъ, белладонной и т. д. Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ, вы будете имѣть неожиданность или безсознательность происхожденія идеи, или образа, и ихъ оригинальность (или, что то же, нелѣпость) и т. п. Но врядъ ли такое сравненіе способно дать какіе-нибудь плодотворные результаты?

Мы не можемъ здѣсь останавливаться на другихъ, не столь важныхъ пунктахъ сходства генія и помѣшаннаго; но не можемъ также и обойти молчаніемъ одного вопроса—роли наслѣдственности въ развитіи того и другого типа. Этотъ пунктъ кажется намъ имѣющимъ особенное значеніе для выясненія интересующаго насъ вопроса. Дѣйствительно, если геніальность и сумасшествіе сходны по своей основѣ; если то и другое вытекаетъ изъ анатомическихъ особенностей организма, выдѣляющихся изъ предѣловъ физіологическаго уклоненія въ

[1]) Крафтъ-Эбингъ, ib. с. 32.

строеніи послѣдняго, то оба типа должны подчиняться одному и тому же закону наслѣдственности. А между тѣмъ мы этого-то и не видимъ. Тогда какъ главнѣйшей причиной помѣшательства считается именно наслѣдственность, и, разъ появившись въ семьѣ, сумасшествіе въ большинствѣ случаевъ отразится на потомствѣ и потомъ усиливается съ каждымъ поколѣніемъ, „геніальность почти всегда умираетъ вмѣстѣ съ геніальнымъ человѣкомъ, и наслѣдственныя геніальныя способности, особенно у нѣсколькихъ поколѣній, составляютъ рѣдкое исключеніе“ (с. 278). Правда, мы видимъ, какъ нерѣдко потомки геніевъ отличаются выдающимися способностями именно въ той области, которая прославила ихъ предка; но, во-первыхъ, трудно сказать, какая часть этихъ случаевъ выпадаетъ на долю наслѣдственности и какая должна быть приписана воспитанію и подражанію. Во-вторыхъ, наслѣдованіе извѣстной способности еще не значитъ наслѣдованіе геніальности. Среди тысячъ лицъ, обладающихъ той же способностью (напр., къ музыкѣ), найдется всего одинъ геній. Нѣкоторые изъ этихъ лицъ, въ томъ числѣ, можетъ быть, и геніи передадутъ свою способность дѣтямъ, причемъ потомокъ геніальнаго человѣка окажется обладающимъ наслѣдованной способностью въ той же степени, какъ и лица, неимѣвшіе въ своемъ роду геніевъ. На какомъ же основаніи мы будемъ утверждать, что первый наслѣдовалъ геніальность своего предка? Не вѣрнѣе ли объяснить дѣло передачей той спицифической способности, которая свойственна генію вмѣстѣ съ массою другихъ лицъ? Иначе говоря, не имѣемъ ли мы здѣсь случай наслѣдственности таланта, а не геніальности? Анализируя геніальность, мы въ ней найдемъ двѣ стороны: спеціальную интеллектуальную способность (къ поэзіи, музыкѣ и т. д.) и специфическую особенность, возвышающую человѣка до генія. Во всѣхъ случаяхъ наслѣдственности генія, мы имѣемъ передачу простой способности и нѣтъ ни одного примѣра, гдѣ бы наслѣдовалась геніальность. Передача же способности совершается въ силу наслѣдственности таланта: геніальность, такимъ образомъ, оказывается абсолютно не передаваемой потомству.

Итакъ, сближеніе генія и помѣшаннаго, въ одинъ родственный типъ, кажется намъ задачей крайне неблагодарной. И тѣмъ не менѣе нельзя вполнѣ отрицать сходства, существующаго между обоими типами. Вопросъ лишь въ томъ, вытекаетъ ли это сходство изъ одинаковости основныхъ началъ организаціи, или оно есть, главнымъ образомъ, результатъ подверженности генія психическому заболѣванію. Иначе говоря, не суть ли нервныя и психическія страданія такая же профессіональная болѣзнь геніальнаго работника, какъ чахотка фабричнаго и т. п. Съ перваго взгляда, очевидно, что въ

этомъ утвержденіи есть значительная доля истины. Если вспомнить, что работа генія неизбѣжно сопровождается высшей степенью нервно-психическаго возбужденія; что она доставляетъ субъекту высокое наслажденіе, вслѣдствіе чего онъ не сдерживаетъ своихъ вдохновенныхъ порывовъ, а, напротивъ, старается вызвать ихъ искусственно; если принять во вниманіе, что геній нерѣдко остается непонятымъ современниками, осмѣивается и преслѣдуется ими, что опять-таки не можетъ дѣйствовать успокоительно на его мозгъ; если прибавить къ этому, что великій человѣкъ, какъ и всѣ люди, очень часто не свободенъ отъ излишествъ въ наслажденіяхъ, что должно особенно вредно дѣйствовать на его уже расшатанную работой нервную систему—мы поймемъ, что различныя нервныя и психическія страданія и даже простые недостатки характера у генія должны встрѣчаться чаще, чѣмъ у обыкновеннаго человѣка; „меланхолія, уныніе, застѣнчивость, эгоизмъ—вотъ жестокая расплата за высшія умственныя дарованія, подобно тому, какъ злоупотребленіе чувственными наслажденіями влекутъ за собой разстройство спинного мозга, а неумѣренность въ пищѣ сопровождается желудочными катаррами“ (с. 22).

Но вѣдь подобное сходство генія и безумца имѣетъ совершенно иной характеръ, сравнительно съ тѣмъ, на которомъ настаиваютъ психіатры. Вообще, слѣдуетъ пожалѣть, что изслѣдованіе этого весьма интереснаго вопроса находится почти исключительно въ рукахъ психіатровъ. Здѣсь нуженъ умъ, развитый болѣе философски, чѣмъ какимъ слѣдуетъ признать умъ узкаго спеціалиста, ибо не слѣдуетъ забывать извѣстнаго изреченія, что „спеціалистъ подобенъ флюсу: полнота его одностороння“.

В. В.

НЕКРОЛОГЪ.

I.—Николай Васильевичъ Калачовъ.

Одинъ за другимъ сходятъ съ поприща общественной жизни и литературы послѣдніе дѣятели сороковыхъ годовъ. 25-го октября умеръ въ селѣ Волхонщинѣ сердобскаго уѣзда саратовской губерніи Н. В. Калачовъ, сенаторъ и академикъ, управлявшій московскимъ архивомъ министерства юстиціи, а нѣкогда, въ сороковыхъ годахъ, профессоръ московскаго университета. Калачовъ родился 26-го мая 1819, во владимірской губерніи, въ семьѣ, которая вела свое происхожденіе отъ Посошка Калачова, бывшаго въ XVI—XVII вѣкахъ дьякомъ земскаго приказа, дворцовымъ ключникомъ и московскимъ объѣзжимъ головой; какъ будто не случайно таковъ былъ предокъ ученаго юриста нашего времени, который положилъ много труда именно на изученіе стараго русскаго права, стараго юридическаго быта и обычая. Послѣ домашняго воспитанія, Калачовъ учился въ извѣстномъ нѣкогда въ Москвѣ пансіонѣ Чермака, потомъ въ московскомъ дворянскомъ институтѣ, а съ 1836 года въ московскомъ университетѣ по юридическому факультету. По окончаніи курса, онъ поступилъ-было въ археографическую коммиссію, но вскорѣ оставилъ ее и занялся хозяйствомъ въ своихъ родовыхъ имѣніяхъ. Въ 1846 году онъ вернулся въ Москву и занялъ должность библіотекаря въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, а съ 1848 года получилъ въ университетѣ, за выходомъ Кавелина, каѳедру исторіи русскаго законодательства.

Его ученыя работы начались, впрочемъ, еще раньше. Бывши студентомъ, онъ написалъ уже изслѣдованіе о судебникахъ Ивана III и Ивана IV, напечатанное въ „Юридическихъ Запискахъ“ Рѣдкина въ 1841 и 1843 годахъ. Его магистерская диссертація: „Предварительныя юридическія свѣденія для полнаго объясненія Русской Правды“ (М. 1846), и вслѣдъ затѣмъ изслѣдованіе: „О значеніи Кормчей въ системѣ древняго русскаго права“, явившееся сначала въ „Чтеніяхъ“ Московскаго Общества исторіи и древностей, 1847, а потомъ отдѣльной книгой, 1850,—сразу доставили ему авторитетное имя въ вопросахъ исторіи русскаго права. Уже съ тѣхъ поръ чрезвы-

чайно дѣятельный и трудолюбивый, Калачовъ началъ въ 1850 году изданіе „Архива историко-юридическихъ свѣденій о Россіи", гдѣ, кромѣ вопросовъ древняго русскаго законодательства, нашли мѣсто изслѣдованія о древней жизни въ широкомъ смыслѣ, съ тѣми новыми пріемами, какіе развивались тогда въ нашей исторической наукѣ, напр., въ сочиненіяхъ Кавелина и Соловьева, и въ историко-филологическихъ и этнографическихъ изслѣдованіяхъ Буслаева, Аѳанасьева и др. Труды этихъ и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ новой школы, а также и самого Калачова сдѣлали „Архивъ" очень важнымъ явленіемъ тогдашней исторической литературы.

На московской каѳедрѣ Калачовъ оставался недолго. Въ концѣ 1852 года его замѣнилъ на каѳедрѣ И. Д. Бѣляевъ. Калачовъ переселился въ Петербургъ и здѣсь работалъ во второмъ отдѣленіи Собственной Канцеляріи Е. В., гдѣ ему поручена была редакція третьяго изданія гражданскихъ законовъ, и въ археографической коммиссіи. Онъ приготовилъ тогда весьма отчетливое изданіе „Актовъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи" (3 тома), „Писцовыхъ книгъ" (2 тома), „Докладовъ и приговоровъ сената 1811 и 1812 годовъ" (три книги). Вмѣсто прежняго „Архива" онъ началъ, съ 1858, изданіе „Архива историческихъ и практическихъ свѣденій, относящихся до Россіи"; работалъ въ географическомъ обществѣ по этнографическому отдѣленію и т. д.

Рядомъ съ этими учеными работами, Калачовъ ревностно трудился и для практическихъ вопросовъ русскаго права и суда, когда съ возникшимъ, въ началѣ прошлаго царствованія, вопросомъ о реформахъ въ этой области открылась возможность излагать и примѣнять созрѣвавшія ранѣе мысли. Онъ работалъ въ коммиссіи, составлявшей проекты судебныхъ уставовъ, и по словамъ г. Джаншіева, „личной иниціативѣ Калачова наше новое судебное законодательство обязано однимъ изъ своихъ лучшихъ постановленій, а именно ст. 130 уст. гражд. суд., впервые узаконившей на судѣ примѣненіе обычнаго права... Если постановленіе это не принесло всѣхъ ожидаемыхъ плодовъ, то виною тому не ошибочность постановленія, а незнакомство нашего судебнаго персонала съ обычнымъ правомъ, имѣвшее послѣдствіемъ почти полное упраздненіе этой статьи". Въ тѣ годы, въ видахъ образованія юридическихъ силъ для предполагаемаго новаго порядка суда, Калачовъ собралъ (въ Петербургѣ) кружокъ молодыхъ юристовъ и занимался съ ними вопросами практическаго судопроизводства, а позднѣе, въ Москвѣ принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ перваго нашего юридическаго общества, московскаго, гдѣ нѣсколько лѣтъ былъ предсѣдателемъ, и положилъ основаніе „Юри-

дическаго Вѣстника", перваго въ Россіи частнаго изданія этого рода. Въ 1870-хъ годахъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ дѣйствія новыхъ судебныхъ уставовъ, когда въ средѣ юристовъ возникла потребность обмѣна мыслей, опытовъ и вопросовъ, и состоялся первый юридическій съѣздъ въ Москвѣ, Калачовъ былъ выбранъ его предсѣдателемъ, дѣятельно участвовалъ въ его работахъ, а потомъ въ ихъ изданіи. Какъ говорятъ, мечтою Калачова было упрочить правильные юридическіе съѣзды, и еще немного лѣтъ назадъ онъ, по порученію Московскаго юридическаго общества, много хлопоталъ объ устройствѣ другого съѣзда, но безуспѣшно.

Изучая издавна и до послѣдняго времени юридическую жизнь древней Россіи, Калачовъ одинъ изъ первыхъ поднялъ ученый вопросъ о древнемъ правѣ съ его живой стороны и именно относительно уцѣлѣвшаго донынѣ обычнаго права. Ему несомнѣнно принадлежитъ заслуга возбужденія этого вопроса, который къ нашему времени сталъ прочнымъ интересомъ нашей юридической и этнографической науки. Таково было, напр., его давнишнее изслѣдованіе объ „Артеляхъ" и пр.

Въ послѣдніе годы его поглотила новая мысль, которая была впрочемъ естественнымъ продолженіемъ его давнишнихъ ученыхъ стремленій—мысль о правильномъ устройствѣ нашего архивнаго дѣла и о приготовленіи настоящихъ спеціалистовъ для устройства и изслѣдованія архивовъ. Знаменитая парижская „Ecole des Chartes", которая въ послѣднія десятилѣтія не разъ привлекала вниманіе нашихъ ученыхъ путешественниковъ, историковъ и юристовъ, представлялась и для Калачова образцомъ, примѣръ котораго ему хотѣлось примѣнить и къ устройству русскаго архивнаго дѣла. Получивъ начальство надъ архивомъ министерства юстиціи, Калачовъ съ обычной ревностью принялся за работу и вмѣстѣ съ тѣмъ задумалъ основаніе археологическаго института, гдѣ могли бы приготовляться будущіе организаторы и изслѣдователи столичныхъ и мѣстныхъ архивовъ. При своемъ служебномъ положеніи, обширныхъ связяхъ и также при значительныхъ матеріальныхъ средствахъ онъ успѣлъ осуществить свою мысль и основалъ небольшую спеціальную школу, гдѣ преподаваніе нѣсколькихъ археологическихъ предметовъ было примѣнено въ особенности къ изученію архивнаго дѣла и откуда должны были выходить (и уже многія вышли) лица, способныя къ правильной организаціи архивовъ. Въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ по его мысли и настояніямъ, уже устроены такъ называемыя архивныя коммиссіи, которыя ему хотѣлось распространить по всѣмъ главнымъ городамъ имперіи. Свои научно-практическіе интересы онъ, какъ всегда,

желалъ перевести въ литературу и въ результатѣ вышло подъ его редакціей нѣсколько томовъ „Сборника археологическаго института", а въ послѣдніе дни своей жизни онъ приготовлялъ послѣдніе выпуски „Вѣстника археологіи и Исторіи" (Спб. 1885, четыре выпуска съ атласомъ археологическихъ рисунковъ).

Такова была долголѣтняя и неустанная дѣятельность покойнаго ученаго. Изъ сказаннаго видно, какіе обильные результаты далъ его трудъ для разработки исторіи и археологіи, между прочимъ въ такихъ не легко одолѣваемыхъ вопросахъ, какъ устройство архивнаго дѣла, вопросахъ сложныхъ не только съ научной, но и съ чисто матеріальной стороны. Съ самаго начала его ученыхъ работъ въ немъ видно было стремленіе къ приведенію въ извѣстность и къ систематизаціи историческаго матеріала, особливо по исторіи права, и очевидно, что забота объ архивахъ и ихъ изученіе были одной изъ важныхъ потребностей, которымъ нужно было удовлетворить для того, чтобы ихъ огромный матеріалъ могъ быть приведенъ въ научное обращеніе. Какъ мы видѣли, онъ не остался чуждъ и тѣмъ бытовымъ вопросамъ, которые возникали изъ изученія старины, какъ напр. вопросъ обычнаго права, и, наконецъ, не былъ чуждъ практическимъ вопросамъ права и суда нашего времени. Къ общимъ вопросамъ нашей исторіи онъ обращался рѣдко и въ этой области сдѣлалъ меньше, чѣмъ его современники по московскому университету, какъ Соловьевъ и Кавелинъ, но сдѣлалъ много для разработки источниковъ нашего юридическаго быта.

Археологическій институтъ былъ личнымъ дѣломъ Калачова и только полу-оффиціальнымъ учрежденіемъ. Со смертью Калачова судьба его становилась вопросомъ. Какъ мы слышали, можно ожидать продолженія его дѣятельности здѣсь или въ Москвѣ, и на первое время завѣдываніе этимъ учрежденіемъ предоставлено И. Е. Андреевскому.

II.—Евгеній Петровичъ Карновичъ.

25 октября скончался Е. П. Карновичъ, одинъ изъ заслуженныхъ дѣятелей нашей литературы, чрезвычайно трудолюбивый писатель, оставившій массу работъ публицистическихъ, историческихъ и повѣствовательныхъ. Онъ родился 28 окт. 1823, въ Ярославлѣ; отецъ его былъ одинъ изъ крупныхъ помѣщиковъ этой губерніи. Родъ Карновичей, по словамъ Е. П., былъ чешскій; Карновичи являются съ XVI вѣка въ Малороссіи; дѣдъ его служилъ въ гатчинскихъ вой-

скахъ и сдѣлался любимцемъ имп. Павла, который, по своемъ воцареніи, надѣлилъ его богатыми имѣньями. Былъ еще богатъ и отецъ, но Е. П. наслѣдовалъ уже разоренное имѣніе и отпустилъ своихъ крестьянъ на волю. — Евгеній Петровичъ учился въ педагогическомъ институтѣ и, кончивъ тамъ курсъ въ 1844, поступилъ на службу въ гимназію, въ Калугѣ, учителемъ греческаго языка и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ дѣятельнымъ членомъ мѣстнаго статистическаго комитета. Пробывши здѣсь пять лѣтъ, онъ перешелъ на службу въ Вильну, чиновникомъ въ канцелярію генералъ-губернатора, а впослѣдствіи былъ назначенъ здѣсь правителемъ канцеляріи учебнаго округа при генералъ-губернаторѣ (Бибиковѣ). Говорятъ, генералъ-губернаторъ умѣлъ оцѣнить Карновича какъ человѣка широкаго образованія, свѣдущаго, дѣятельнаго и неподкупнаго; тѣмъ не менѣе Карновичъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ оставилъ эту службу, по своимъ семейнымъ обстоятельствамъ.

Съ тѣхъ поръ онъ посвятилъ себя исключительно литературѣ. Его дѣятельность на новомъ поприщѣ была чрезвычайно обильна и очень разнообразна. Человѣкъ обширныхъ свѣденій и серьезныхъ интересовъ, онъ работалъ и въ области классическихъ литературъ (здѣсь ему принадлежитъ замѣчательный переводъ „Облаковъ“ Аристофана, напечатанный еще въ 1845 г. въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ), и въ русской исторіи, и въ статистикѣ, и въ предметахъ юридическихъ, и, наконецъ, въ беллетристикѣ. Его первыя журнальныя работы уже обратили на себя вниманіе. Это были разсказы изъ стариннаго быта Польши, въ „Современникѣ“. Съ тѣхъ поръ его безчисленныя работы, научныя и литературныя, появлялись въ „Отеч. Запискахъ“, „Русской Мысли“, „Р. Старинѣ“, „Историческомъ Вѣстникѣ“, „Наблюдателѣ“, „Недѣлѣ“, наконецъ, „Нови“, и др.

Въ эпоху освобожденія крестьянъ, Карновичъ началъ издавать газету „Мировой Посредникъ“, которая продержалась однако недолго. Въ то же время онъ предпринималъ другія серьезныя работы, выходившія отдѣльными книжками: „Санктпетербургъ въ статистическомъ отношеніи“, 1861; „О разработкѣ статистики народнаго просвѣщенія въ Россіи“, 1863; „Еврейскій вопросъ въ Россіи“, 1864; „О развитіи женскаго труда въ Петербургѣ“ (публичныя лекціи), 1865, и друг. Въ семидесятыхъ годахъ онъ предпринялъ-было огромное изданіе: „Собраніе узаконеній русскаго государства“, но вышелъ, кажется, только одинъ первый томъ (1874 г.), обнимающій царствованіе Алексѣя Михайловича.

Съ 1865, Карновичъ былъ постояннымъ сотрудникомъ „Голоса“ по внутреннему отдѣлу; въ началѣ 70-хъ годовъ онъ редактировалъ

„Биржевыя Вѣдомости“, издателемъ которыхъ былъ г. Полетика; затѣмъ множество его статей разсѣяно было въ журналахъ. Въ 1880 году онъ взялъ на себя редакцію „Отголосковъ“, изданія, предпринятаго книгопродавцемъ Реттеромъ, но существовавшаго лишь года два. Въ послѣднее время онъ написалъ цѣлый рядъ историческихъ романовъ и повѣстей, напр. „Любовь и корона“—изъ временъ Анны Іоанновны и Анны Леопольдовны; „Самозванныя дѣти“—изъ временъ Екатерины II; „Мальтійскіе рыцари въ Россіи“ — изъ эпохи Павла; далѣе рядъ популярно-историческихъ трактатовъ, напр. „Замѣчательныя богатства въ Россіи“ (два изданія), „Загадочныя личности XVIII вѣка“ и пр. и пр. Въ настоящее время въ „Нови“ печатается еще одинъ историческій романъ его: „Смѣлая жизнь“, изъ XVII-го столѣтія, и остаются еще статьи: „Наши сосѣди нѣмцы и ихъ умственные центры“ и нѣкоторые историческіе труды; наконецъ, ожидаетъ изданія еще обширная „Русская исторія для юношества“.

Какъ беллетристъ, Карновичъ не имѣлъ выдающагося таланта, но его историческіе романы и повѣсти не лишены своихъ достоинствъ и отличаются обыкновенно внимательнымъ изученіемъ эпохи. Это былъ не поэтъ, но умный, богатый знаніемъ, одаренный вкусомъ разсказчикъ, и ему принадлежитъ немалая заслуга въ популяризаціи историческихъ свѣденій. Онъ владѣлъ, дѣйствительно, очень обширной начитанностью, которая, при иномъ оборотѣ жизни, могла бы направиться иначе и стать настоящей ученостью. Это была однако начитанность нимало не пассивная: у него сложились свои историческіе и общественные взгляды, въ которыхъ было не мало оригинальнаго. Назовемъ, напримѣръ, его статьи (въ „Отеч. Запискахъ“): „Объ участіи Россіи въ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига“, писанныя въ разгаръ увлеченій освобожденіемъ славянъ (которое оказалось потомъ неполнымъ освобожденіемъ Болгаріи, и не освобожденіемъ Босніи и Герцеговины), какъ исторической „миссіей“ русскаго народа—Карновичъ этой миссіи совсѣмъ не усматривалъ; или его „Очерки русско-народныхъ воззрѣній“ (въ „Отголоскахъ“), гдѣ онъ оспариваетъ иныя весьма распространенныя представленія объ этомъ предметѣ, и особенно славянофильскія; его своеобразное пониманіе эпохи Бирона, и т. д. Онъ хотѣлъ провѣрять самъ ходячія историческія рѣшенія, и, свободный отъ тенденціозныхъ пристрастій, хотѣлъ дать мѣсто простому реальному значенію фактовъ и здравому смыслу; иной разъ, это нежеланіе подчиниться чужому взгляду приводило его даже къ капризному парадоксу...

Карновичъ не принадлежалъ къ какому-нибудь опредѣленному литературному кругу; его образъ мыслей вполнѣ сходился со взгля-

дами образованнѣйшихъ людей нашего общества,—но, быть можетъ, извѣстная доля скептицизма держала его вдали отъ полемическихъ столкновеній. Въ весьма различныхъ литературныхъ кругахъ онъ оставилъ самыя сочувственныя воспоминанія, хотя стоялъ нѣсколько особнякомъ; и эти сочувствія въ большой мѣрѣ привлекалъ также его личный характеръ, простой, открытый и дружелюбный. Это была, во всякомъ случаѣ, своеобразная и симпатичная личность нашего литературнаго круга и общества. Желательно, чтобы сдѣланъ былъ кѣмъ-либо изъ ближе его знавшихъ полный обзоръ его литературной дѣятельности.

А. П.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е декабря, 1885.

Засѣданія 30 октября и 6 ноября въ петербургской городской Думѣ.—Дѣятельность „партіи", объясняемая ея „программой".— Общія черты городского самоуправленія въ Москвѣ и Петербургѣ. — „Москов. Вѣдомости" по поводу ожиданія перемѣнъ въ остзейскихъ губерніяхъ.—Н. Я. Данилевскій †.—Разъясненіе одного недоразумѣнія.

Если бы достоинство учрежденія измѣрялось количествомъ посвящаемыхъ ему газетныхъ статей и разговоровъ, то Петербургъ имѣлъ бы право гордиться своимъ муниципальнымъ управленіемъ. Петербургская городская Дума давно уже не привлекала къ себѣ такъ сильно вниманіе общества, какъ въ послѣднее время. Къ сожалѣнію, это вниманіе — особеннаго свойства. Засѣданія 30 октября и 6 ноября займутъ мѣсто между самыми прискорбными страницами исторіи городского самоуправленія въ Россіи. Вопросы, подлежавшіе, въ эти дни, обсужденію Думы, были чрезвычайно просты, даже безспорны—только безспорны не въ томъ смыслѣ, въ какомъ они разрѣшены Думою. Первый изъ нихъ касался совмѣстительства званія городского головы съ какими-либо иными матеріально-вознаграждаемыми званіями или должностями. Уже при выборѣ городского головы на мѣсто Н. И. Погребова, въ октябрѣ 1878 г., Дума выразила желаніе, чтобы лицо, избранное на эту должность, „посвятило всю свою дѣятельность исключительно городскому общественному управленію". То же желаніе было повторено ею передъ выборами 1881 г. Въ инструкцію городской управѣ постановлено было, въ 1883 г., включить слѣдующій параграфъ: „городской голова, товарищъ городского головы и члены городской управы не могутъ, совмѣстно съ ихъ должностью, отправлять какую-либо службу съ вознагражденіемъ въ постороннемъ вѣдомствѣ, безъ особаго, каждый разъ, разрѣшенія на то городской Думы". Передъ выборами нынѣшняго года оба кандидата на должность городского головы—баронъ П. Л. Корфъ и В. И. Лихачевъ—изъявили согласіе баллотироваться „подъ условіемъ посвятить свою дѣятельность исключительно городскому управленію" [1]). Таково было положеніе дѣлъ, когда одинъ изъ гласныхъ, Г. Н. Шауманъ, обратилъ вниманіе Думы на то, что городской голова, В. И. Лихачевъ, занимаетъ должность члена совѣта

---

[1]) Мы заимствуемъ эти слова буквально изъ доклада городской управы, напечатаннаго въ „Извѣстіяхъ городской Думы", № 35).

волжско-камскаго банка (должность, соединенную съ вознагражденіемъ). На это городской голова объяснилъ, что, „будучи избранъ, ранѣе утвержденія его въ должности головы, членомъ совѣта волжско-камскаго банка, онъ и теперь состоитъ еще въ этомъ званіи; что засѣданія совѣта, по одному разу въ мѣсяцъ, происходятъ по вечерамъ и иногда по воскресеньямъ, и что участіе въ этихъ засѣданіяхъ нисколько не мѣшаетъ ему всецѣло и исключительно посвящать себя исполненію обязанностей городского головы". Въ виду такого заявленія, Думѣ предстояло опредѣлить, разрѣшаетъ ли она городскому головѣ сохранить за собою званіе члена совѣта волжско-камскаго банка. Пренія по этому предмету происходили 30-го октября, подъ руководствомъ городского головы, находившаго, вопреки мнѣнію одного изъ гласныхъ, что, по закону и по разъясненію сената, онъ не имѣетъ права, въ данномъ случаѣ, уступить предсѣдательское мѣсто другому лицу. Во время преній указываемо было, съ одной стороны, на значеніе обязательства, принятаго городскимъ головой передъ выборами, съ другой—на необходимость довѣрія къ избраннику городского общества, довѣрія, исключающаго возможность внѣшняго регулированія его занятій. Въ послѣднемъ смыслѣ говорилъ, между прочимъ, самъ городской голова. Большинствомъ 163 голосовъ противъ 44 Дума разрѣшила городскому головѣ остаться членомъ совѣта волжско-камскаго банка.

Странностей во всемъ этомъ дѣлѣ, по меньшей мѣрѣ, столько же, сколько въ немъ было различныхъ фазисовъ. Крупною несообразностью представляется, прежде всего, предсѣдательство городского головы при разборѣ лично его касающагося дѣла. Законъ не можетъ предвидѣть всѣхъ случаевъ, когда городской голова долженъ передать предсѣдательство другому лицу. Статьи 51 и 52 Городового Положенія указываютъ съ достаточною ясностью на намѣреніе законодателя. Первая изъ нихъ установляетъ, что должностное лицо, объ отвѣтственности котораго идетъ рѣчь, вовсе не должно присутствовать въ собраніи; вторая устраняетъ городского голову отъ предсѣдательства въ тѣхъ случаяхъ, когда разсматриваются отчеты городской управы или обсуждаются вопросы о назначеніи или размѣрѣ содержанія лицамъ общественнаго управленія. Отсюда слѣдуетъ заключить, что предсѣдательство городского головы законъ признаетъ неудобнымъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ косвенно заинтересованъ въ рѣшеніи Думы. Въ засѣданіи же 30 октября предстояло постановить рѣшеніе, прямо и непосредственно касавшееся городского головы; положеніе послѣдняго подходило если не подъ буквальный, то подъ внутренній смыслъ ст. 51 и 52, и всего правильнѣе было бы, еслибы онъ не только сложилъ съ себя на время ис-

полненіе обязанностей предсѣдателя, но и удалился изъ залы засѣданія [1]). Формальное основаніе для такого образа дѣйствій онъ могъ бы найти и въ ст. 83 Городового Положенія, предусматривающей временную невозможность для городского головы предсѣдательствовать въ Думѣ „по болѣзни или по другимъ причинамъ". Мы вполнѣ убѣждены, что если бы городской голова, на основаніи ст. 83, передалъ предсѣдательство въ Думѣ, 30 октября, своему товарищу, или заступающему мѣсто товарища, никто не увидѣлъ бы въ этомъ повода къ обжалованію—или, тѣмъ болѣе, къ отмѣнѣ—постановленія Думы, состоявшагося безъ участія городского головы; но если бы и была принесена жалоба, если бы она, паче чаянія, и была найдена основательною, городской голова во всякомъ случаѣ исполнилъ бы свой нравственный долгъ и могъ бы спокойно отнестись къ послѣдствіямъ этого исполненія. Лучше формальная ошибка въ примѣненіи закона, чѣмъ пользованіе его буквой для нарушенія его смысла. Но тутъ не было бы и формальной ошибки, такъ какъ ст. 83 вполнѣ освобождала городскаго голову отъ предсѣдательства,—если бы только онъ самъ того пожелалъ.

Центръ тяжести вопроса, разсматриваемаго по существу, лежалъ очевидно въ обязательствѣ, принятомъ на себя обоими кандидатами на званіе головы, передъ самымъ производствомъ выборовъ. Ничто не вынуждало ихъ къ этому обязательству; ничто не препятствовало имъ поставить, передъ выборами, тотъ вопросъ о довѣріи, на которомъ вращалась, полгода спустя послѣ выборовъ, защитительная рѣчь городского головы. В. И. Лихачевъ могъ тогда сказать, обращаясь къ избирателямъ: „господа, если вы довѣряете мнѣ, не стѣсняйте меня ничѣмъ въ выборѣ занятій. Вы знаете мою прошедшую дѣятельность; судите по ней, вѣроятна ли съ моей стороны небрежность въ исполненіи обязанностей по отношенію къ городу. Я занимаю такую-то должность въ банкѣ, но это почти синекура, ничуть не мѣшающая мнѣ посвятить все свое время городскимъ дѣламъ; другихъ неудобствъ для городского головы она также не представляетъ. Судите сами, есть ли здѣсь что либо несовмѣстное съ званіемъ городского головы". На вопросъ, такимъ образомъ поставленный, гласные могли отвѣчать баллотировкой, съ полнымъ сознаніемъ ея значенія; избраніе было бы, въ такомъ случаѣ, утвердительнымъ отвѣтомъ, т.-е. уполномочіемъ на совмѣсти-

[1]) Толкованіе сенатскихъ разъясненій къ ст. 51 и 52 заставило бы насъ вдаться въ слишкомъ большія техническія подробности; замѣтимъ только, что хотя они вообще и поддерживаютъ ограничительное толкованіе закона, но ни одно изъ нихъ, насколько намъ извѣстно, не имѣло въ виду случая, вполнѣ однороднаго съ настоящимъ.

тельство. Послѣ избранія, постановка вопроса о довѣріи является запоздалой и прямо противоположной тому обѣщанію, которое было дано передъ выборами. Слово: „исключительно", употребленное въ обѣщаніи, не допускаетъ двухъ толкованій: разсматриваемое въ связи съ прежними постановленіями Думы, оно положительно устраняетъ занятіе городскимъ головою, внѣ области городского самоуправленія, какой бы то ни было платной должности. Причины этого устраненія весьма понятны; по справедливому замѣчанію барона П. Л. Корфа, здѣсь идетъ рѣчь вовсе не о регулированіи числа часовъ, отдаваемыхъ городской службѣ (нельзя же, въ самомъ дѣлѣ. обязать городского голову читать и писать только дѣловыя бумаги, бывать только въ Думѣ и управѣ, не завѣдывать ни своимъ состояніемъ, ни воспитаніемъ дѣтей, и т. п.), а о непринятіи городскимъ головою такихъ обязанностей, которыя дѣлали бы его отвѣтственнымъ за дѣла какого либо учрежденія, кромѣ города. Сведенныя къ вопросу о довѣріи, пренія 30-го октября вышли на фальшивую дорогу—не неудивительно, что они получили неправильное заключеніе. Рѣшеніе Думы было, собственно говоря, заявленіемъ довѣрія (vote de confiance) къ городскому головѣ, между тѣмъ, какъ оно должно было быть торжественнымъ подтвержденіемъ принципа несовмѣстительства, давно одобреннаго Думой и красовавшагося передъ выборами на знамени обоихъ кандидатовъ въ городскіе головы.

Еще проще и яснѣе было второе дѣло, разрѣшенное Думой въ засѣданіи 6 ноября. На основаніи п. 5, ст. 18 Городового Положенія, гласные, состоящіе подъ слѣдствіемъ по обвиненію въ преступныхъ дѣйствіяхъ, могущихъ повлечь за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, устраняются отъ своихъ обязанностей по общественному управленію временно, впредь до окончанія слѣдствія. Это устраненіе зависитъ, за силою того же закона, отъ городской Думы, но относительно ко всѣмъ вообще лицамъ городского общественнаго управленія, кромѣ лишь городского головы, который временно устраняется отъ должности по опредѣленію столичнаго по городскимъ дѣламъ присутствія. До свѣденія Думы было доведено, что пять изъ числа гласныхъ состоятъ подъ слѣдствіемъ по дѣлу, возникшему противъ бывшихъ членовъ правленія петербургскаго городского кредитнаго общества и другихъ лицъ, служившихъ въ этомъ обществѣ. Достовѣрность этого факта, а также и принадлежность обвиненія къ числу тѣхъ, о которыхъ говорится въ п. 5, ст. 18, никто не отвергалъ; споръ завязался только о томъ, обязана ли Дума постановить о временномъ устраненіи гласныхъ, находящихся подъ слѣдствіемъ, или имѣетъ на то только право, которымъ можетъ и не воспользоваться. Намъ кажется, что смыслъ закона не оставляетъ на этотъ счетъ никакихъ

сомнѣній; гласные, подходящіе подъ его дѣйствіе, сказано въ законѣ, устраняются — а не сказано: могутъ быть устранены — отъ обязанностей по общественному управленію. Дума должна только убѣдиться, дѣйствительно ли данное лицо состоитъ подъ слѣдствіемъ по обвиненію въ преступленіи, влекущемъ за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, и, въ случаѣ утвердительнаго разрѣшенія этого вопроса — принять требуемую закономъ мѣру. Въ этомъ только смыслѣ отъ нея „зависитъ“ устраненіе гласнаго. Всякое другое разрѣшеніе вопроса привело бы къ тому, что Дума стала бы словно повѣрять дѣйствія обвинительной власти и судебнаго слѣдователя, взвѣшивать, въ одно время съ ними, тяжесть уликъ, имѣющихся противъ обвиняемыхъ и заниматься всѣмъ этимъ, въ добавокъ, не имѣя ни точныхъ свѣденій о положеніи дѣла, ни навыка въ опредѣленіи силы доказательствъ. Неизбѣжность такого вторженія въ чужую область подтвердилась и 6-го ноября; одинъ изъ думскихъ ораторовъ, приглашая Думу слѣдовать не только писанному, но и нравственному закону, прямо провозгласилъ обвиняемыхъ гласныхъ „невиновными въ дѣлѣ, къ которому они привлечены“. Рѣшительное значеніе имѣетъ, въ нашихъ глазахъ, то постановленіе закона, которое возлагаетъ устраненіе городского головы, въ случаѣ привлеченія его къ слѣдствію, на столичное по городскимъ дѣламъ присутствіе. Можно, пожалуй, утверждать—хотя и съ величайшей натяжкой,—что устраненіе или неустраненіе гласныхъ законъ имѣлъ въ виду предоставить усмотрѣнію товарищей ихъ, лучше всего знакомыхъ съ ихъ дѣятельностью, съ ихъ личными качествами; но уже совершенно немыслимымъ является облеченіе такою дискреціонною властью присутственнаго мѣста, менѣе всего призваннаго постановлять рѣшенія по совѣсти, по душѣ. Стоитъ только вообразить себѣ, что отъ произвола столичнаго по городскимъ дѣламъ присутствія зависѣло бы устранить или не устранить городского голову, находящагося подъ слѣдствіемъ по важному уголовному дѣлу, чтобы понять, куда ведетъ опровергаемая нами теорія. Вѣдь это значило бы признать за присутствіемъ право оставить во главѣ Думы такое лицо, противъ котораго слѣдствіе возбуждено по иниціативѣ самой Думы, которому Дума ни въ чемъ не довѣряетъ! Хорошо было бы положеніе Думы, обязанной подчиняться руководству заподозрѣннаго и обвиняемаго ею городского головы! А между тѣмъ полномочія городского присутствія по отношенію къ устраненію городского головы совершенно одинаковы съ тѣми, которыя принадлежатъ Думѣ по отношенію къ другимъ гласнымъ... Какъ бы то ни было, за право Думы не устранять гласныхъ, находящихся подъ слѣдствіемъ, высказалось нѣсколько ораторовъ, высказался самъ

городской голова, пытавшійся прекратить пренія уже въ самомъ ихъ началѣ, высказалось, наконецъ, и большинство голосовъ (125 противъ 71)! Какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ гласныхъ, Дума собственно баллотировала вопросъ: слѣдуетъ ли удовлетворить требованіе закона—и дала отрицательный отвѣтъ! Теперь остается ожидать, какъ отнесется къ такому событію присутствіе по городскимъ дѣламъ: опротестуетъ оно вышеупомянутое постановленіе, или нѣтъ? На присутствіи лежитъ обязанность слѣдить за законностью постановленій Думы.

Чтобы правильно оцѣнить значеніе всѣхъ подобныхъ печальныхъ эпизодовъ и еще болѣе печальныхъ рѣшеній, ознаменовавшихъ собою засѣданія 30 октября и 6 ноября, нужно возвратиться къ избирательной борьбѣ, происходившей въ мартѣ и апрѣлѣ нынѣшняго года. Въ нашей апрѣльской хроникѣ было выражено впечатлѣніе, произведенное началомъ выборовъ, т.-е. выборами гласныхъ по первому разряду. „Бо́льшее изъ двухъ золъ,—замѣтили мы тогда,—всегда заставляетъ жалѣть о меньшемъ; отсутствіе крѣпко сплоченныхъ, правильно организованныхъ партій отзывалось иногда неблагопріятно на городскихъ выборахъ, а потомъ и на дѣятельности городской Думы — но оно было въ тысячу разъ лучше, чѣмъ существованіе такой партіи, которая побѣдила на выборахъ 11 (16) марта". Началу соотвѣтствовалъ конецъ; торжество „партіи" на выборахъ оказалось полнымъ —а теперь мы присутствуемъ при торжествѣ ея въ Думѣ... Образъ дѣйствій партіи предрѣшается, въ значительной степени, цѣлью, во имя которой она образовалась. Какую же цѣль имѣла въ виду партія, заполонившая петербургскую Думу? Собственная „программа" партіи опредѣляла эту цѣль слѣдующимъ образомъ; „выбрать въ Думу такихъ, достойныхъ почтенія лицъ, которыя, по мнѣнію партіи, могутъ принести дѣйствительную пользу интересамъ города въ матеріальномъ, нравственномъ и умственномъ отношеніи, и которыя имѣютъ усердное желаніе къ тому". Очевидно, что это опредѣленіе ровно ничего не опредѣляло: „люди достойные почтенія", „дѣйствительная польза городскимъ интересамъ"—все это понятія условныя, относительныя, за которыми можетъ скрываться самое разнообразное содержаніе. Знаменательными — и откровенными — представляются здѣсь только три слова: по мнѣнію партіи, въ особенности если сопоставить ихъ съ параграфомъ програмы, озаглавленнымъ: „организація партіи", и возлагающимъ трудъ вербовки членовъ и сплоченіе ихъ въ одно цѣлое на небольшой кругъ „энергичныхъ лицъ, знакомыхъ съ людьми и дѣломъ". Выходитъ, такимъ образомъ, слѣдующее: партіи еще нѣтъ, нѣтъ и знамени, девиза, вокругъ которыхъ она могла бы образоваться—но есть уже мнѣніе партіи, представ-

ляемое нѣсколькими „энергичными лицами“, и рѣшающее, въ каждомъ данномъ случаѣ, вопросъ о правѣ на „почтеніе“ и объ ожидаемой „дѣйствительной пользѣ“. На способъ рѣшенія этого вопроса указываетъ, до извѣстной степени, примѣчаніе къ четвертому „правилу“ программы: „о партіи слѣдуетъ судить не по нѣкоторымъ отдѣльнымъ лицамъ, принадлежащимъ къ ней, но по всѣмъ лицамъ, въ совокупности, составляющимъ ее“. Предполагалось, слѣдовательно, что между членами „партіи“ окажутся и такіе, которые внушать избирателямъ не „почтеніе“, а противоположное чувство—и избиратели заранѣе увѣщевались проглотить ложку дегтя вмѣстѣ съ бочкой меду. Неразборчивость, выразившаяся въ этомъ „правилѣ“, сдѣлается вполнѣ понятной, если обратить вниманіе на то, чего „партія“ требовала отъ своихъ членовъ. Требованія эти сводились къ двумъ пунктамъ: полнѣйшей дисциплинѣ („кто желаетъ быть выбраннымъ партіей, тотъ безусловно и исключительно долженъ принадлежать къ партіи при выборахъ“) и добыванію голосовъ, т.-е. избирательныхъ довѣренностей. Кто знакомъ хоть сколько-нибудь съ нашими земскими и городскими выборами, тотъ знаетъ, что „добываніе довѣренностей“ составляетъ чуть ли не главную ихъ язву [1]); именно этимъ путемъ успѣхъ, сплошь и рядомъ, достается не болѣе достойнымъ, а болѣе... расторопнымъ. Намѣтить лѣнивыхъ и равнодушныхъ избирателей, найти къ нимъ доступъ и дорогу, обѣгать ихъ домà, выпросить у нихъ ничѣмъ неограниченное полномочіе—все это требуетъ массы труда, и притомъ труда, за который возьмется далеко не всякій. Сказать своимъ сподвижникамъ: „достань столько-то голосовъ, иначе ты не будешь выбранъ“, значитъ—заранѣе извратить ходъ и исходъ выборовъ, внести въ нихъ элементъ искусственности, провозгласить принципъ служенія не дѣлу, а лицамъ. Этотъ же принципъ вытекаетъ и изъ требованія дисциплины, въ томъ видѣ, въ какомъ оно поставлено программой „партіи“. Понятна и законна дисциплина только тогда, когда она установляется для достиженія общей цѣли, для дружнаго стремленія къ общимъ интересамъ, одинаково близкимъ и дорогимъ каждому члену партіи. Руководителямъ партіи предоставляется, при такихъ условіяхъ, только выборъ средствъ, выборъ удобнаго момента и удобнаго пути для дѣйствія; только въ этомъ отношеніи члены партіи жертвуютъ, до извѣстной степени, собственнымъ мнѣніемъ и свободой воли. Другое дѣло — подчиниться нѣсколькимъ „энергичнымъ“, но неизвѣстно къ чему стремящимся лицамъ, только для того, чтобы самому быть выбраннымъ. Въ средѣ лицъ, соединенныхъ только такою связью, дисци-

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 8 „В. Е.“ за 1884.

плина равносильна отреченію отъ всякой заботы объ общемъ дѣлѣ, общемъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, а не съ точки зрѣнія „партіи“.

Возможно ли, однако, существованіе у насъ, на земской или городской почвѣ, настоящей партіи, т.-е. группы лицъ, соединенныхъ общностью взглядовъ и стремленій? По нашему мнѣнію—вполнѣ возможно. Спѣшимъ прибавить, что слову: партія, мы не придаемъ здѣсь никакого политическаго значенія, что условіемъ образованія партіи мы и не думаемъ признавать, въ данномъ случаѣ, намѣреніе выйти за черту законной компетентности земскихъ и городскихъ учрежденій. Внутри этой черты есть множество вопросовъ достаточно важныхъ и достаточно спорныхъ, чтобы служить поводомъ къ раздѣленію на партіи. Исторія нашихъ городовъ, тѣмъ болѣе—нашего земства, представляетъ уже теперь не мало примѣровъ появленія подобныхъ партій, замкнутыхъ въ небольшой кругъ дѣйствій и, большею частью, вовсе неизвѣстныхъ за его предѣлами. Къ борьбѣ изъ-за мѣстъ, изъ-за вліянія и власти часто присоединялся элементъ болѣе серьезный; случалось и такъ, что онъ бралъ верхъ надъ остальными и становился осью, около которой вращалось, въ данной мѣстности, городское или земское самоуправленіе. Въ особенности замѣтными столкновенія такихъ партій были въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, дѣятельность которыхъ больше на виду, чаще обращаетъ на себя вниманіе газетъ и журналовъ [1]); достаточно напомнить войну изъ-за земской статистики въ губернскихъ собраніяхъ черниговскомъ, рязанскомъ, саратовскомъ, или споры о всесословной волости и вообще объ устройствѣ мѣстнаго управленія въ губернскихъ собраніяхъ московскомъ, петербургскомъ, казанскомъ, тверскомъ, симбирскомъ. Автору этихъ строкъ, участвовавшему одно время въ петербургскомъ губернскомъ собраніи, особенно памятна сессія 1881—2 г., по крайней мѣрѣ, на половину посвященная вопросамъ чисто принципіальнаго свойства. Въ спорахъ объ этихъ вопросахъ очень ясно выражались два направленія, прямо противоположныя одно другому [2]). Не мало подобныхъ вопросовъ найдется и въ области городского самоуправленія, въ особенности столичнаго. Назовемъ, для примѣра, вопросы о пересмотрѣ всей системы городскихъ сборовъ, о квартирномъ налогѣ, о соединенномъ съ нимъ измѣненіи избирательной системы. Группировка на партіи возможна даже по вопросамъ болѣе частнымъ, чисто хозяйственнаго свойства. Еслибы нѣсколько отдѣльныхъ лицъ

[1]) Исторія послѣднихъ выборовъ въ московское уѣздное земское собраніе, доставившихъ побѣду партіи фабрикантовъ надъ союзомъ землевладѣльцевъ и крестьянъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что борьба за принципъ не чужда и уѣзднымъ земствамъ.

[2]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 3 „В. Е.“ за 1882 г.

составили списокъ предпріятій, особенно необходимыхъ или полезныхъ для столицы (канализація, улучшеніе мостовыхъ и переводъ ихъ на денежную повинность, усиленіе санитарныхъ мѣръ, устройство народнаго театра, народныхъ кухонъ или столовыхъ, постройка домовъ для рабочихъ и т. п.), указали, въ главныхъ чертахъ, способъ ихъ осуществленія и затѣмъ обратились къ избирателямъ съ совѣтомъ выбирать въ гласные только тѣхъ, кто обяжется дѣйствовать именно въ такомъ смыслѣ—въ этомъ не было бы ничего ненормальнаго, непрактичнаго. Одной программѣ могла бы быть противопоставлена другая, третья и т. д.—и выборы сдѣлались бы сознательными, въ Думѣ могли бы образоваться партіи, достойныя этого названія. Не то мы видимъ теперь. Побѣдивъ не во имя принципа, а во имя безпринципности, образовавшись и укрѣпившись на почвѣ взаимныхъ услугъ (т.-е. взаимнаго проведенія въ гласные), торжествующая партія остается на этой почвѣ и въ настоящее время. Допущеніе совмѣстительства, неустраненіе гласныхъ, находящихся подъ слѣдствіемъ,—все это результаты и проявленія того начала, которымъ вдохновлялось большинство избирателей, шествуя „сомкнутымъ строемъ“, „рядами и шеренгами“, къ избирательнымъ урнамъ. Личный вопросъ, поставленный на выборахъ, продолжаетъ стоять на первомъ планѣ и въ Думѣ—и не сойдетъ съ него до тѣхъ поръ, пока не рушится „партія“. Не слѣдуетъ ли видѣть начало ея крушенія въ значительной разницѣ цифръ, данныхъ голосованіями 30 октября и 6 ноября (большинство понизилось съ 163 до 125, меньшинство повысилось съ 44 до 71), или это только счастливая случайность?—на этотъ вопросъ можетъ отвѣтить только время.

Московская городская Дума представляетъ, со времени послѣднихъ выборовъ, много общаго съ петербургскою. Какъ и въ Петербургѣ, побѣда господствующей „партіи“ рѣшена была въ Москвѣ прежде всего и больше всего первымъ разрядомъ избирателей; какъ и въ Петербургѣ, сильнѣйшимъ орудіемъ борьбы было „добываніе довѣренностей“; какъ и въ Петербургѣ, рѣшающее вліяніе далеко не всегда оказывалось на сторонѣ интересовъ города, интересовъ массы населенія. Главная разница между Москвою и Петербургомъ заключается въ томъ, что въ первой гораздо больше бросается въ глаза сословный вопросъ. Выборы 1884 г. окончились тамъ торжествомъ купечества, типичнымъ представителемъ котораго, судя по московскимъ сообщеніямъ, можетъ считаться новый московскій городской голова, г. Алексѣевъ (игравшій большую роль въ упомянутой нами борьбѣ фабрикантовъ противъ прежнихъ руководителей московскаго

уѣзднаго земства). Разница, однако, оказывается скорѣе наружной. чѣмъ внутренней: „правящіе элементы" обоихъ столичныхъ муниципалитетовъ очень похожи другъ на друга. Петербургская „партія", насколько можно судить по ея дебютамъ, далеко не чужда тѣхъ свойствъ, которыми отличается наше купечество, какъ сословіе: холодности къ общественному дѣлу и равнодушія къ принципамъ, за исключеніемъ развѣ двухъ, выражающихся поговорками: „рука руку моетъ" и „своя рука—владыка". Быть можетъ, обстоятельства данной минуты благопріятствуютъ торжеству этого типа, въ разныхъ его видахъ и формахъ; но едва ли можно отрицать, что въ области городского самоуправленія передъ нимъ растворяетъ настежъ всѣ двери избирательная система, негодность и несостоятельность которой давно уже стоитъ внѣ всякаго спора. Все дѣлающееся теперь въ Москвѣ и Петербургѣ составляетъ длинную цѣпь неотразимыхъ доводовъ въ пользу пересмотра Городового Положенія.

Если пересмотръ Городового Положенія будетъ предпринятъ, то неминуемо долженъ возникнуть—какъ это уже и случилось во время работъ Кахановской коммиссіи — вопросъ объ усиленіи правительственнаго контроля надъ городскимъ самоуправленіемъ. Не касаясь пока этого вопроса, замѣтимъ только, что правительственный контроль существуетъ и теперь, но, по странному стеченію обстоятельствъ, проявляется, большею частью, не тогда и не тамъ, когда и гдѣ это въ особенности желательно. Всѣмъ памятны административные протесты противъ постановленій Думы, по меньшей мѣрѣ совершенно безвредныхъ и копѣечныхъ — но о протестѣ, напримѣръ, противъ безпорядковъ, происходившихъ на послѣднихъ выборахъ въ Москвѣ и Петербургѣ, что-то не было слышно. Оригинальное замѣчаніе по этому предмету мы встрѣтили въ одной петербургской газетѣ. „Петербургскому градоначальнику,—говоритъ она,—и своего дѣла довольно, такъ что слѣдить за юркостью и хищными инстинктами (господствующей въ Думѣ партіи) у него не хватало времени. Его протесты, далѣе, касаются только чисто полицейскихъ интересовъ; пятнадцатилѣтняя практика такъ сложилась, что градоначальству мало дѣла, когда нарушаются существенные интересы жителей и когда городской кассѣ грозитъ серьезная опасность". Отсюда газета выводитъ необходимость назначенія особаго правительственнаго коммиссара, который бы слѣдилъ спеціально за дѣятельностью городского самоуправленія и отвѣчалъ бы за оставленныя безъ протеста явныя нарушенія закона. Но развѣ охраненіе интересовъ столичнаго населенія—не свое дѣло для градоначальника? Развѣ послѣдній—только оберъ-полиціймейстеръ, и ничего болѣе? Развѣ „пятнадцатилѣтняя практика"—если и допустить ея существованіе—не можетъ

быть измѣнена, сообразно съ требованіями времени? Развѣ трудъ просмотра, въ теченіе недѣли, одного или двухъ думскихъ журналовъ такъ великъ, что для него необходимо особое лицо? Неужели постановленія Думы, о которыхъ толкуетъ весь городъ, остаются незамѣченными только въ одномъ домѣ на Адмиралтейской площади? Все это—чистая фантазія той газеты, а потому намъ кажется, что назначеніе „особаго коммиссара" только обострило бы отношенія города къ администраціи, безъ всякой существенной выгоды для городскихъ жителей; болѣе чѣмъ вѣроятно, что „коммиссаръ", съ цѣлью доказать свою бдительность, слишкомъ легко сталъ бы возбуждать конфликты съ городскимъ самоуправленіемъ. Гораздо больше пользы—въ ожиданіи коренныхъ перемѣнъ въ Городовомъ Положеніи—могло бы принести, по нашему мнѣнію, изданіе закона, уполномочивающаго министерство внутреннихъ дѣлъ распускать городскія Думы и земскія собранія раньше срока, на который они выбраны, съ тѣмъ, конечно, чтобы немедленно были назначены новые выборы. Самостоятельность земскихъ и городскихъ учрежденій эта мѣра ни мало не ограничила бы, уже потому, что она примѣнялась бы, безъ сомнѣнія, только въ рѣдкихъ случаяхъ—а между тѣмъ, она позволила бы правительству освободить городъ, уѣздъ или губернію отъ управленія, дѣйствующаго въ ущербъ общимъ интересамъ населенія. Особенно цѣлесообразной она представлялась бы въ тѣхъ случаяхъ, когда выборы произведены явно неправильно, съ допущеніемъ вопіющихъ злоупотребленій (припомнимъ хоть бы исторію духовщинскаго уѣзднаго земства, завоеваннаго купцемъ Хлудовымъ), а формальное раскрытіе этихъ злоупотребленій крайне затруднительно или требуетъ много времени—почти столько же, сколько продолжается періодъ полномочій собранія.

Наше внутреннее обозрѣніе было уже въ печати, когда мы прочли передовую статью „Московскихъ Вѣдомостей" по поводу призыва Н. А. Манассеина къ управленію министерствомъ юстиціи. Новаго въ ней нѣтъ ничего, но никогда, кажется, извѣстная доктрина не высказывалась такъ прямо и не проводилась такъ прямолинейно. „Судебные, какъ и всякіе уставы, не для верховной власти писаны. Они даются ею для подвластныхъ ей властей. Русскій Самодержецъ можетъ, не стѣсняясь никакими формальностями, не нуждаясь ни въ какомъ уставѣ, поправлять всякую несправедливость и пресѣкать всякое зло; для него нѣтъ ни судей несмѣняемыхъ, ни судебныхъ рѣшеній неотмѣнимыхъ". Законъ 20 мая 1885 г. московская газета иронически называетъ „увѣнчаніемъ величественнаго зданія само-

державной судебной республики (!)... Судебная корпорація взялась сама расправляться съ своими членами, лишь бы государство не мѣшалось въ ея дѣла и оставалось о-бокъ, въ сторонѣ. Но, для сохраненія приличія, Императору Всероссійскому предоставлено имѣть два (?) голоса въ этомъ августѣйшемъ инквизиціонномъ судилищѣ, хотя непремѣнно изъ числа кассаціонныхъ сенаторовъ"... Такія статьи нельзя писать безъ искаженія закона, а потому и здѣсь, по обыкновенію, искаженъ не только уже смыслъ, но и текстъ закона. Высочайшею властью назначаются ежегодно въ составъ высшаго дисциплинарнаго присутствія не двое, а четверо сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ. Членами высшаго дисциплинарнаго присутствія являются, далѣе, всѣ сенаторы соединеннаго присутствія перваго и кассаціонныхъ департаментовъ—а кѣмъ же опредѣляется ежегодно составъ этого присутствія, какъ не Высочайшею властью? Остальные два члена дисциплинарнаго присутствія—первоприсутствующіе кассаціонныхъ департаментовъ, призванные къ своему высокому званію личнымъ довѣріемъ Государя. И въ виду всего этого рѣшаются говорить объ увѣнчаніи зданія „судебной республики", о „двухъ" голосахъ, предоставленныхъ ею Императору Всероссійскому? Настоящее имя для такой дерзости пускай пріищутъ сами читатели... „Незадолго предъ тѣмъ,—продолжаетъ та же правдивая газета,—когда устраивалась на новыхъ основаніяхъ коммиссія прошеній, было устроено такъ, чтобъ она не принимала никакихъ жалобъ на рѣшенія судебныхъ мѣстъ". Всякому, хоть сколько-нибудь знакомому съ прежнимъ и нынѣшнимъ устройствомъ коммиссіи прошеній, очень хорошо извѣстно, что законъ 1884 г. не произвелъ въ ея кругѣ никакой существенной перемѣны. Прежде она не принимала жалобъ на рѣшенія новыхъ судебныхъ мѣстъ, учрежденныхъ на основаніи уставовъ 1864 г.—и теперь ихъ не принимаетъ; что касается до жалобъ на такъ-называемые старые департаменты сената, то онѣ принимаются и теперь, какъ принимались прежде. Что же означаетъ и какъ квалифицируется намекъ московской газеты?

Связывая, и не безъ основанія, назначеніе Н. А. Манассеина съ перемѣнами, предстоящими въ остзейскомъ краѣ, „Московскія Вѣдомости" находятъ, что безобразія балтійскихъ порядковъ ничто въ сравненіи съ аномаліями, существующими въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ. Само собою разумѣется, что первая и главная изъ этихъ аномалій—опять таки „самодержавіе судебной республики". Нужно сперва ее уничтожить, и потомъ уже думать о распространеніи на прибалтійскій край общихъ учрежденій имперіи... Справедливо здѣсь только то, что вопросъ о реформахъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ состоитъ въ тѣсной, неразрывной связи съ общимъ направленіемъ

государственной политики. Нельзя, напримѣръ, положить конецъ всемогуществу остзейскихъ бароновъ—и въ то же самое время отдать все мѣстное управленіе, въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, въ руки дворянства. Мы также желаемъ сближенія остзейскихъ губерній съ остальной Россіи—но такого сближенія, которое ни въ чемъ не было бы для первыхъ—шагомъ назадъ, перемѣной къ худшему. Только при этомъ условіи объединеніе окраинъ можетъ быть плодотворно и прочно. Чрезвычайно прискорбной, напримѣръ, была бы отмѣна, въ видахъ возстановленія внѣшняго единства, того порядка, который установился въ остзейскихъ губерніяхъ—если не de jure, то de facto, по отношенію къ смѣшаннымъ бракамъ [1]). Не въ ограниченіи вѣротерпимости, а въ расширеніи ея заключается залогъ гармоніи между національностями и племенами, входящими въ составъ русской имперіи.

Давно уже порѣдѣвшіе ряды славянофильской группы лишились еще одного борца, стоявшаго въ первой линіи ихъ; скончался Н. Я. Данилевскій, многолѣтній сотрудникъ славянофильскихъ изданій, извѣстный въ особенности обширнымъ сочиненіемъ: „Россія и Европа". Какова бы ни была внутренняя цѣнность тезисовъ, поддерживаемыхъ этою книгой,—въ большой эрудиціи, въ дарѣ яснаго, легкаго изложенія, въ искренности и твердости убѣжденій автору ея ни въ какомъ случаѣ отказать нельзя. Большой его заслугой было то, что онъ стоялъ за свободу мнѣній, стоялъ за нее даже въ богословской области; полемизируя съ г. Владиміромъ Соловьевымъ объ отношеніи православной церкви къ католической, онъ провозглашалъ еще недавно необходимость полнаго простора въ обсужденіи церковныхъ и религіозныхъ вопросовъ и выражалъ сожалѣніе о запретѣ положенномъ на послѣднія произведенія графа Л. Н. Толстого [2]). На односторонность воззрѣній Н. Я. Данилевскаго, мы имѣли случай указать въ одной изъ нашихъ общественныхъ хроникъ (1885 г. № 1), по поводу его статьи о происхожденіи нигилизма; но эта односторонность являлась логическимъ результатомъ его исходной точки, общимъ достояніемъ партіи, къ которой онъ принадлежалъ. Въ его пассивѣ нѣтъ тѣхъ ошибокъ и противорѣчій, которыми такъ богата исторія нашего неославянофильства.

---

[1]) Мы имѣемъ въ виду разрѣшеніе лютеранамъ, вступающимъ въ бракъ съ православными, воспитывать дѣтей, рождающихся отъ такого брака, въ догматахъ лютеранскаго вѣроисповѣданія.

[2]) См. Обществ. Хронику въ № 8 „В. Е." за 1885 г.

Говоря, въ прошедшій разъ, о процессѣ Головачева, мы согласились съ замѣчаніями „Новостей" о преимуществѣ „явочной" системы передъ разрѣшительною, но сдѣлали оговорку, „что ошибочно было бы ожидать слишкомъ многаго" отъ замѣны послѣдней системы первою. Эту оговорку „Новости", къ большому удивленію нашему, толкуютъ въ смыслѣ принципіальнаго возраженія противъ явочной системы. Въ такое противорѣчіе съ самими собою мы впасть не могли; наша мысль заключалась и заключается только въ томъ, что достаточной гарантіи противъ злоупотребленій распространеніе „явочной" системы, даже самое широкое, не представляетъ; очевидно, что это—отнюдь не возраженіе противъ „явочной" системы. „Новости" считаютъ нужнымъ увѣрять, что онѣ не „проглядѣли" значенія гласности и большей служебной отвѣтственности, какъ средствъ предупрежденія и раскрытія служебныхъ преступленій; но мы никогда ихъ ни въ чемъ подобномъ и не обвиняли. Мысль о значеніи, въ этой сферѣ, гласности и отвѣтственности принадлежитъ столь же мало намъ, какъ и „Новостямъ"; она находится въ обращеніи съ тѣхъ поръ, какъ изыскиваются средства для упорядоченія дѣятельности должностныхъ лицъ—и если намъ, наравнѣ съ „Новостями", часто приходится къ ней возвращаться, то только потому, что она все еще недостаточно проникла въ законодательство и въ жизнь, а новыя доказательства въ ея пользу дѣйствительность создаетъ на каждомъ шагу.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1885 году.

Въ 1885-мъ году экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

I. Въ губерніяхъ:

		экз.			экз.			экз.
1.	Херсонск. .	273	23.	Волынская .	65	45.	Астраханск.	38
2.	Кіевская. .	235	24.	Иркутская .	61	46.	Витебская .	36
3.	Екатеринос.	171	25.	Тульская. .	61	47.	Гродненская	36
4.	Таврическ..	135	26.	Самарская .	59	48.	Примор. об.	35
5.	Бессарабск.	125	27.	Новгородск.	58	49.	Ковенская .	33
6.	Тифлисская.	120	28.	Пензенская.	57	50.	Обл. В. Дон.	33
7.	Харьковск..	116	29.	Нижегород.	57	51.	Енисейская.	32
8.	Полтавская.	114	30.	Кубанск. об.	53	52.	Калужская .	32
9.	Курская . .	104	31.	Костромская	52	53.	Лифляндск.	31
10.	Варшавск. .	103	32.	Минская. .	52	54.	Томская . .	29
11.	Пермская. .	102	33.	Московская.	51	55.	Могилевск..	26
12.	Черниговск.	95	34.	Тверская. .	51	56.	Тобольская.	25
13.	Казанская .	92	35.	Вятская .	48	57.	Архангельс.	25
14.	Подольская.	88	36.	Виленская .	48	58.	Вологодская	25
15.	Саратовск. .	87	37.	Псковская .	44	59.	Бакинская .	24
16.	Смоленская.	80	38.	Сыръ-Д. об.	44	60.	Семирѣченс.	24
17.	Тамбовская.	76	39.	Оренбургск.	44	61.	Акмол. об.	23
18.	Воронежск..	76	40.	Симбирская.	43	62.	Кутаисская.	22
19.	Рязанская .	75	41.	Забайк. об.	41	63.	Люблинская	21
20.	С.-Петерб. .	72	42.	Уфимская .	41	64.	Петроковск.	19
21.	Владимірск.	72	43.	Ярославская	41	65.	Ставропол. .	18
22.	Орловская .	70	44.	Терская об.	41	66.	Дагест. обл.	18

67.	Закасп. об.	17	77.	Амурск. об.	14	87.	Черном. ок.	6
68.	Ломжинская.	17	78.	Сувалкская.	13	88.	Плоцкая . .	6
69.	Радомская .	17	79.	Елисаветпол.	13	89.	Выборгская.	6
70.	Олонецкая .	17	80.	Сѣдлецкая .	10	90.	Тургайск. об.	3
71.	Калишская.	16	81.	Батумская .	9	91.	Семипал. об.	3
72.	Карская. об.	16	82.	Заравш. окр.	9	92.	Куопіоской.	2
73.	Эстляндская	14	83.	Курляндск.	9	93.	Сухумск. ок.	2
74.	Эриванская.	14	84.	Якутск. об.	8	94.	С.-Михельск.	1
75.	Ферганская.	14	85.	Уральск. об.	7	95.	Закат. окр.	1
76.	Нюландская	14	86.	Кѣлецкая. .	7			
								4485

II. Въ С.-Петербургѣ. 1156

III. Въ Москвѣ 604

IV. За границей 150

Всего: экз. 6395

А. Хомиховскій

Управл. конторою журнала.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»

въ 1885 году.

Абрамовъ, Влад. — Люди провинціи (авг., 626).

Альбовъ, М. Н.—Силуэты. I. Филиппъ Филиппычъ (дек., 648).

А — н —.— Статистика германскихъ университетовъ (нояб., 326).

Андреевскій, С. А. — Обрученные (янв., 317).

Анисимовъ, Н. — Разложеніе нашей земельной общины (янв., 111).

Анненковъ, П. В.—Шесть лѣтъ переписки съ И. С. Тургеневымъ (мар., 5; апр., 465).

А—ревъ, Н. А.—Въ волостныхъ писаряхъ (іюль, 278; авг., 461; сент., 190).

Арсеньевъ, К. К.—Современный русскій романъ въ его главныхъ представителяхъ (янв., 330; фев., 739; мар., 342). — Поэты двухъ поколѣній (окт., 757).—Пейзажъ въ современномъ русскомъ романѣ (май, 222).

Ахшарумовъ, Н. Д. — Всесословная семья (сент., 157; окт., 480; нояб., 5; дек., 473).

Б.—Столѣтіе газеты „Таймсъ" (мар., 411).

Б — въ, С. — Стихотворенія (нояб., 349).

Боборыкинъ, П. Д.—Этюды по психологіи творчества (май, 182; іюнь, 566).

В. А.—Новые документы объ екатерининской коммиссіи (іюль, 436).

В. В.—Текущая сельско-хозяйственная статистика (май, 324). — В. И. Орловъ, некрологъ (нояб., 451).—По поводу книги Ломброзо: „Геніальность и помѣшательство" (дек., 815).

Wz.—Письма изъ Москвы (янв., 383; фев., 842; апр., 830; май, 380; окт., 822; нояб., 410).—Музыкальное торжество въ Смоленскѣ (іюль, 390).

Верещагинъ, А. В.—На войнѣ (янв., 5; фев., 461; март., 82).

Висковатовъ, П. А.—К. К. Зейдлицъ, некрологъ (мар., 445).

В—нъ, А. — Греки въ московскомъ царствѣ (май, 298).

Воронецкій, В.—Осенній день, стих. (авг., 781).

Воронцовъ, Ѳ. Ѳ.—Паспортная реформа (дек., 845).

Г. П. — Берлинъ, какъ столица германіи, Брандеса (апр., 621; окт., 535).

Д. Н.—Наполеонъ I (окт., 621; нояб., 225; дек., 553).

Жемчужниковъ, А. М.—Стихотворенія (фев., 734).

Z.—Морской портъ въ Петербургѣ (май, 344).

Зеленскій, М. — Наши тряпичники (іюнь, 836).

И. И. — Добрые люди (іюль, 5). — Въ непочатомъ углу (авг., 666; сен., 49).

Ивановъ, Д. Л. — Шунганъ (іюнь, 612; іюль, 48).

Иванюковъ, И. — Свобода внѣшней торговли и протекціонизмъ (янв., 248).

Карѣевъ, Н.—Реформація и католическая реакція въ Польшѣ (авг., 523; сен., 5; окт., 433; нояб., 145).

Кауфманъ, И. И.—Государственные долги Россіи (янв., 184, фев., 572).

Ковалевскій, М. М. — Мѣстное самоуправленіе въ Америкѣ (фев., 793).—Памяти графа А. С. Уварова (фев., 883).—Національный вопросъ въ старомъ и новомъ свѣтѣ (іюнь, 677).

Корелинъ, М.—Эпоха возрожденія и германофилы (дек., 698).

Костомаровъ, Н. И.—По поводу книги М. О. Кояловича (апр., 867).

Красносельскій, А. — Пессимизмъ и прогрессъ (авг., 708; сент., 88).

Кулишеръ, М. И.—Кавелинъ и русская этнографія (авг., 657). — Съѣздъ германскихъ антропологовъ (сент., 389).—Источники матеріализма (дек., 608).

Л. М.—Эдуардъ Бульверъ (іюль, 216).

Луговой, А. — Крымскіе пейзажи (май, 157).

Макъ-Гаханъ, В. —Письма изъ-за границы (янв., 409).

Маминъ, Д. Н.—Родительская кровь (май, 115).

Мартенсъ, Ѳ. Ѳ.—Африканская конференція въ Берлинѣ (нояб., 186; дек. 512).

Мережковскій, Д. — Стихотворенія (мар., 370; іюль, 249).

Минскій, Н.—Робкому соловью (янв., 219).—Стихотворенія (май, 220).—Прокаженный (іюнь, 563).—Надъ свѣжей могилой (іюнь, 811). — Стихотворенія (нояб., 184; дек., 818).

Н—а, В.—Стихотворенія (апр., 778).

Некрасова, Е. С. — Графиня Е. П. Ростопчина (мар., 42).

Ѳ. Д.—Печенгскій монастырь въ русской Лапландіи (іюль, 253; авг., 611).

П. А.—Некрологъ: I. Н. В. Калачевъ. II. Е. П. Карновичъ (дек., 924).

Потапенко, И. — Святое искусство (авг., 565).

Пыпинъ, А. Н.—Московская старина (янв., 267; фев., 689; мар., 299). — Библіографическая замѣтка (мар., 444).—О задачахъ русской этнографіи (апр., 780; май, 159). — Н. И. Костомаровъ, некрологъ (май, 411).—Волга и Кіевъ (іюль, 188). — Открытіе Радищевскаго музея (авг., 836).—Обзоръ малорусской этнографіи (авг., 744; сент., 325; окт., 777; нояб., 351; дек., 778).

С. М. — К. Д. Кавелинъ, некрологъ (іюнь, 787).

Северинъ, Н.—Семейная тайна (фев., 764).

Скабичевскій, А. М. — П. А. Плетневъ (нояб., 49).

Слонимскій, Л. З.—Поземельный вопросъ въ Европѣ и Россіи (мар., 172; апр., 744).

Спасовичъ, В. Д.—Памяти К. Д. Кавелина (іюнь, 807).—Разборъ послѣдняго труда К. Д. Кавелина (окт., 717).

С—скаго, Л.—Неизбѣжна ли война? (авг., 863).—Новый томъ книги Маркса (сен., 400).

Стасовъ, В. В.—Тормазы новаго русскаго искусства (фев., 541; мар., 212; апр., 526; май, 64).

Стороженко, Н. И.—Философія донъ Кихота (сен., 307).

Стулли, О. С.—Моя женитьба (окт., 571; нояб., 104).

Т.—Разбои и саморасправа на Кавказѣ (дек., 617).
Таль, Н. А.—Жизнь за жизнь (апр., 577; май, 5; iюнь, 441).
Трачевскій, А. С.—Россія и Франція (iюнь, 506).
Трифоновъ, П. — Робертъ Шуманъ (авг., 782; сен., 123).

Ухтомскій, кн. Эсіеръ. — Стихотворенія (фев., 651; май, 321).

Фетъ, А.—Стихотворенія (фев., 570).

Ц—е—.— Діагнозы и рецепты (дек., 820).

Ч.—Изъ Теннисона, стих. (дек., 607).

Шапиръ, Ольга. — Бабье лѣто (янв., 59; фев., 510).

Щедринъ, Н.—Пестрыя письма (янв., 161; фев., 619; мар., 148; апр., 506; iюнь, 659).

Э. А. — Какъ меня учили живописи въ Парижѣ, съ англ. (янв., 221).—Я и моя бѣдная жена, съ англ. (фев., 653).—Милый другъ, съ франц. (мар., 245; апр., 686; май, 262; iюнь, 732; iюль, 98).—Въ панцырѣ великана, съ англ. (сен., 246; окт., 668; нояб., 273; дек., 726).

Языковъ, Д. Д.—Учено-литературная дѣятельность К. Д. Кавелина (iюнь, 812).
Яхонтовъ, А.—Изъ Гейне (янв., 266).

Хроника.

I. Внутреннее Обозрѣніе.—Первая половина 80-хъ годовъ, какъ противоположность первой половинѣ 60-хъ.—Совершившіеся факты; опасенія и надежды.—Сословность и ея защитники; сословный романтизмъ.—Исполненіе росписи 1883 года.—Правила о совмѣстительствѣ *(Январь, 362)*.—Государственная роспись на 1885-ый годъ; виды на будущее, ожидаемыя нововведенія, мѣры къ ограниченію сверхсмѣтныхъ расходовъ.—Сдача казенной земли, безъ торговъ, въ арендное содержаніе крестьянскихъ обществъ.—Неотчуждаемость крестьянскихъ надѣловъ.—Новыя правила о покупкѣ, залогѣ и арендованіи имѣній въ западномъ краѣ.—Еще о проектѣ особенной части уголовнаго уложенія *(Февраль, 821)*.—Новые образцы сословнаго прожектерства.—Сословное земство и привилегированное дворянство.—Безсословность, какъ источникъ всѣхъ золъ, и устраненіе ея, какъ лекарство отъ всѣхъ болѣзней.—„Мечи правосудія“ въ остзейскихъ губерніяхъ.—Правила о процентномъ и раскладочномъ сборѣ.—Шестая глава проекта особенной части уголовнаго уложенія.—Новыя свѣденія о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ *(Мартъ, 372)*.—Столѣтняя годовщина дворянской грамоты.—Слухи о ходатайствахъ, къ ней пріурочиваемыхъ.—Способы празднованія юбилея и самый его характеръ.—Глава объ оскорбленіяхъ въ проектѣ особенной части уголовнаго уложенія.—Воинская повинность въ Петербургѣ *(Апрѣль, 810)*.—Закрытіе Кахановской коммиссіи.—Администрація и судъ.—Законопроектъ о налогѣ на процентныя бумаги.—Отношеніе его къ подоходному налогу.—Инструкція чинамъ фабричной инспекціи.—Успѣхи и притязанія протекціонизма.—Высочайшій рескриптъ дворянству *(Май, 360)*.—Проектъ положенія о государственномъ земельномъ банкѣ, какъ возможная основа дворянскаго земельнаго банка.—Двѣ противоположныя точки зрѣнія на дѣятельность будущаго банка и обусловливаемые ими спорные пункты.—Необходимые предѣлы и условія удешевленія кредита.—Близкій конецъ подушной подати *(Іюнь, 821)*.—Статистико-экономическіе труды земства.—Новые пріемы собиранія матеріаловъ и подворная перепись.—Два типа статистическихъ бюро: московскій и черниговскій, и ихъ отличительныя черты.—Частныя особенности нѣкоторыхъ бюро.—По поводу мысли объ общемъ планѣ для всѣхъ бюро.—Важность и необходимость отдѣла дополненій.—Возраженія противъ статистическихъ работъ по сельскому хозяйству *(Іюль, 353)*.—Второй годичный отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка.—Положеніе о дворянскомъ земельномъ банкѣ.—Новый текстъ проекта общей части уголовнаго уложенія.—Церковно-приходскія школы въ с.-петербургской губерніи.—Новыя правила о питейной торговлѣ *(Августъ, 811)*.—Общій желѣзно-дорожный уставъ.—Сравненіе его съ первоначальнымъ проектомъ коммиссіи гр. Э. Т. Баранова.—Неразрѣшенные и неудовлетворительно разрѣшенные вопросы.—Достоинства новаго закона.—Перемѣны въ учрежденіи судебныхъ установленій; высшее дисциплинарное присутствіе сената.—Еще нѣсколько словъ по поводу банковъ крестьянскаго и дворянскаго *(Сентябрь, 351)*.—Новый фазисъ вопроса объ административной реформѣ.—„Улучшеніе мѣстныхъ учрежденій“, разсматриваемое съ спеціально-сословной точки зрѣнія—Охраненіе à outrance и такая же ломка.—„Соединеніе властей“ и сословное земство, какъ главныя основанія „улучшеній“ *(Октябрь, 805)*.—Общіе вопросы, возбуждаемые процессомъ Мироновича.—Возобновленіе преслѣдованія противъ оправданнаго подсудимаго; обращеніе присяжныхъ къ новому совѣщанію; разрѣшеніе дѣла до окончанія судебнаго слѣдствія и мотивированіе рѣшенія присяжныхъ.—Дворянскій проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ, и вызванная имъ историческая справка по вопросу объ обязательности рабочей книжки *(Ноябрь, 388)*.—Перемѣна въ управленіи министерствомъ юстиціи.—Вопросы о независимости судей, о разграниченіи властей, о судѣ присяжныхъ.—Судебная часть въ закавказскомъ краѣ.—Положеніе работъ въ коммиссіи по составленію гражданскаго уложенія.—Отчетъ департамента неокладныхъ сборовъ за 1884 годъ.—Еще два слова о дѣлѣ Мироновича (*Декабрь*, *858*).

II. Иностранное Обозрѣніе.—Политическіе итоги 1884 года.—Колоніальныя предпріятія и ихъ значеніе.—Положеніе дѣлъ въ Англіи и во Франціи.—Экономическіе кризисы. — Новые успѣхи князя Бисмарка и борьба его съ парламентомъ. —Рѣшеніе палаты и его дѣйствительный смыслъ.—Замѣчанія Бисмарка о соціаль-демократіи. — Австрійскія дѣла.—Новый американскій президентъ *(Январь, 392)*. —Борьба противъ анархистовъ въ различныхъ государствахъ. — Лондонскіе взрывы и ихъ послѣдствія. — Англичане и ирландцы.—Рѣчь Чамберлэна о земельномъ вопросѣ. — Положеніе Гладстона и его вѣроятные преемники.—Французская политика. — „Національная лига" Леона Сэя.—Эдмондъ Абу, какъ писатель и журналистъ *(Февраль, 852)*.—Либеральные принципы въ иностранной политикѣ. — Неудачи и промахи министерства Гладстона. — Борьба партій и министерскій кризисъ. — Внѣшніе успѣхи Франціи и дѣятельность Жюля Ферри. — Пренія въ парламентахъ французскомъ и германскомъ по поводу упадка хлѣбныхъ цѣнъ.—Рѣчи князя Бисмарка и ихъ особенности *(Мартъ, 395)*. — Международные газетные споры.—Отношенія между Англіею и Россіею. — Патріотическія увлеченія. — Проектъ „имперской британской федераціи".—Пререканіе между лордомъ Гренвилемъ и княземъ Бисмаркомъ.—Рѣчи въ германскомъ парламентѣ.—Перемѣна въ Вашингтонѣ *(Апрѣль, 837)*.—Перспектива войны съ Англіею.—Особенности настоящаго кризиса.—Рѣчь Гладстона въ палатѣ общинъ, при требованіи кредита на военныя надобности.—Русскій отвѣтъ на депешу генерала Лемсдена.—Какой смыслъ для Россіи имѣла бы война съ Англіею, при современномъ положеніи дѣлъ въ Европѣ? — Увлеченія печати. — Паденіе Жюля Ферри во Франціи, и новое министерство Бриссона *(Май, 386)*. —Мирныя вѣянія въ международной политикѣ. — Англійскія парламентскія рѣчи.—Упреки въ парламентѣ русской дипломатіи. — Напрасные поводы къ недоразумѣніямъ. —Результаты англо-русскаго конфликта и отношеніе къ нимъ печати.—Кончина Виктора Гюго; труды и заслуги его, какъ писателя и человѣка *(Іюнь, 848)*. — Перемѣна министерства въ Англіи. — Причины и послѣдствія кризиса.—Разсужденія и предположенія печати.—Политическая карьера маркиза Сольсбюри.—Молодые и старые государственные люди.—Лордъ Рандольфъ Черчилль и консервативная демократія.—Значеніе новаго кабинета для международной политики. — Возвѣщенный упадокъ англійскаго парламентаризма *(Іюль, 401)*.—Министерство лорда Сольсбюри и англо-русскій конфликтъ.—Дипломатическія недоразумѣнія. —Поворотъ въ среднеазіатскихъ заботахъ Англіи. — Внутренняя политика новаго кабинета. — Положеніе дѣлъ во Франціи. — Французскія политическія партіи. — Покровительственная система и принципъ взаимности.—Смерть генерала Гранта *(Августъ, 845)*.—Свиданія монарховъ въ Гаштейнѣ и въ Кремзирѣ. — Австро-германская дружба. — Отношенія между Германіею и Россіею. — Политическая роль Англіи и мирныя вѣянія въ Европѣ. —Приготовленія къ парламентскимъ выборамъ.—Положеніе дѣлъ во Франціи. — Ссора нѣмцевъ съ испанцами изъ-за колоніальнаго недоразумѣнія. — Колоніальные захваты и ихъ условія *(Сентябрь, 375)*.—Болгарское „возсоединеніе", и его предполагаемая связь съ политикою трехъ имперій.—Роль князя Александра и мѣстныхъ патріотовъ. — Отношеніе европейскихъ державъ, иностранной и нашей реакціонной печати къ совершившемуся перевороту *(Октябрь, 835)*.—Парламентскіе выборы во Франціи и ихъ значеніе. — Успѣхи монархистовъ и кажущаяся непрочность республики. — Французскія политическія партіи.—Избирательное движеніе въ Англіи.—Либеральныя и консервативныя рѣчи.—Особенность предстоящихъ выборовъ.—Англійское миролюбіе. — Наши проповѣдники англо - русской войны *(Ноябрь, 418)*.—Поворотъ въ балканскихъ дѣлахъ.—Сербія и Болгарія.— Австрія и Сербія.—Мнимые и настоящіе мотивы войны.—Значеніе союза трехъ имперій. — Константинопольская конференція. — Турецко-болгарскіе проекты. — Политика Англіи и ошибочная оцѣнка ея.— Причины сербскихъ неудачъ.—Смерть короля Италіи Альфонса (*Декабрь, 882*).

III. Литературное Обозрѣніе.—Родъ Шереметевыхъ, соч. А. Барсукова, кн. 4. — Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи, В. Эккермана. —М. Ѳ. Раевскій и россійскій панславизмъ, К. Н. Устіановича.—А. В-нъ.—Законосообразности въ общественной жизни, Георга Майра. — Руководство коммерческой экономіи, Д. Морева. — Будда, его жизнь, ученіе и община, Германа Ольденберга. — Л. С. (*Январь, 436)*.—Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ, Н. Каблукова.—Г. — Всеобщая исторія литературы, вып. XVI, подъ ред. А. И. Кирпичникова. — Всеобщая исторія литературы, А. Штерна, перев. съ нѣм.—Божества древнихъ славянъ, А. С. Фаминцына.—А. В-на.— Фабричный бытъ владимірской губерніи, П. А. Пескова. — Очеркъ юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ семейнаго

союза, К. Кавелина.—К. К. *(Февраль, 868).* — Архивъ юго-западной Россіи, т. IV, ч. I. — Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII столѣтія, В. Латкина. — В. Острогорскаго: Бесѣды о преподаваніи словесности; Выразительное чтеніе; Русскіе писатели для школъ.—А. В. *(Мартъ, 435).*—А. М. Уманецъ, Колонизація свободныхъ земель Россіи. — В. В. — В. В. Чуйко, Современная русская поэзія въ ея представителяхъ.—К. К. *(Апрѣль, 851).* —Исторія Санкт-Петербурга, съ основанія города до введенія въ дѣйствіе выборнаго городского управленія, 1703 — 1782. П. Н. Петрова.—О популяризаціи свѣденій по классической древности, Д. И. Нагуевскаго. — Историко-критическій комментарій къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго, состав. В. Зелинскій. — А. В-нъ *(Май, 402).* — Великая княгиня Екатерина Алексѣевна, П. Дирина. — Очеркъ изъ исторіи Тамбовскаго края, И. И. Дубасова.—Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи, В. Б. Антоновича.—А. В. *(Іюнь, 862).*— Д. Рикардо и К. Марксъ, Н. И. Зибера. — Вѣчно-наслѣдственный наемъ земель на континентѣ зап. Европы, Н. Карышева. —Что такое догма права? С. Муромцева. — Сомнамбулизмъ, демонизмъ и яды интеллекта, Ш. Рише. — Происхожденіе войны за наслѣдство испанскаго престола. Я. Гуревича. — Защита въ уголовномъ процессѣ, И. Я. Фойницкаго.- Л. З.—На Алтаѣ, Л. П. Блюммера. — В. Н.—Сборникъ произведеній русской народной словесности, А. Цвѣткова. — Народныя былины, Н. Бунакова.—А. Н. *(Іюль, 417).* — Литературный сборникъ, Н. Ядринцева.—Письма Добровскаго и Копитара въ повременномъ порядкѣ, И. В. Ягича. — А. В. — Политическая экономія, какъ ученіе о процессѣ развитія экономическихъ явленій, проф. Иванюкова. — По Индіи. Путевыя впечатлѣнія, П. Пашино. —Л. С. *(Августъ, 873).*—Учебникъ логики, проф. М. Троицкаго.—Международная хлѣбная торговля, П. Георгіевскаго. —Труды коммиссіи при Имп. Вольномъ Экономическомъ Обществѣ по вопросу о внѣшней хлѣбной торговлѣ.—Матеріалы къ медицинской географіи и статистикѣ Россіи, Г. М. Герценштейна.—Л.—Закавказскіе сектанты, Николая Дингельштедта. – Историко-критическій комментарій къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго. В. Зелинскаго. — Русское правописаніе, акад. Я. К. Грота.—А. В.. *(Сентябрь, 405).* — Съ русскими паломниками на Святой Землѣ весною 1884 года, А. В. Елисѣева. —А. В. *(Октябрь, 853).* – Тѣни прошлаго, Н. И. Захарьина.—Тяжелая память прошлаго, Г. В. Есипова; Разсказы изъ русской исторіи, А. Барсукова; Историческіе разсказы изъ жизни русскихъ государей и замѣчательныхъ людей XVIII и XIX столѣтій.— Краткій словарь шести славянскихъ языковъ, Миклошича. — А. П. — Россія и Англія на среднеазіатскихъ рынкахъ, А. П. Субботина. — Торгово-промышленныя стачки, Д. Пихно. — Русско-балканскій торговый вопросъ, А. Мурашевича.—Л. С. *(Ноябрь, 434).*—Разсказы бабушки, Д. Благово.— Всеобщая исторія, Г. Вебера, пер. Андреева; т. I.— А. П.—Интеллигенція и народъ, въ общественной жизни Россіи І. Каблица (Юзовъ).—Востокъ, Россія и славянство, К. Леонтьева.—Нашъ нервный вѣкъ, пр. Крафтъ-Эбинга, пер. съ нѣм.— Л. С. *(Декабрь, 897).*

IV. Изъ Общественной Хроники.— Трудность опредѣлить характеристическія черты нашей общественной жизни. —Есть ли поводъ къ „разочарованію“ въ могуществѣ науки и общественныхъ порядковъ, и къ „великой скорби“ о настоящемъ и будущемъ? Значеніе „подражательности“ въ исторіи русской мысли за послѣднюю четверть вѣка.—Нѣсколько словъ по поводу недавнихъ уголовныхъ процессовъ *(Январь, 446).*—„Двоевѣріе“, какъ отличительная черта современной жизни.—Отношеніе „интеллигенціи“ къ „бытовому стану“.—Городскіе выборы въ Москвѣ.—Фабричныя волненія въ московскомъ округѣ; частныя мѣры или законъ, административная расправа или судъ?— Петербургское городское кредитное общество *(Февраль, 889).*—Временная пріостановка изданія „Руси“; значеніе этой потери для русской журналистики. —Выборное право для прихожанъ. — Исторія Городового Положенія 1870 г. — Городское самоуправленіе въ Харьковѣ.—Изъ области печати *(Мартъ, 447).*—Возстановленіе упраздненныхъ приходовъ и вопросъ о церковно-приходскихъ школахъ. —Достовѣрность приговоровъ, постановленныхъ присяжными.—Присяжные и защита по таганрогскому таможенному дѣлу. —Изъ міра печати.—Начало городскихъ выборовъ въ гласные *(Апрѣль, 879).* — Настроеніе общества и печати, въ виду возможной войны. — Походъ противъ дипломатіи и дипломатовъ.—Духовная связь между воинственнымъ азартомъ и домашнимъ реакціонерствомъ. — Празднество 6-го апрѣля, и внѣшнія къ нему приставки.—Столѣтіе петербургскаго городского общества *(Май, 427).*—По поводу смерти К. Д. Кавелина.—Окончаніе городскихъ выборовъ. — Выборное начало по Городовому Положенію 1870 и 1846 г. —Отзывы современниковъ о выборахъ и

характерѣ городского общественнаго управленія до 1870 года. — Недостатки нынѣ дѣйствующаго выборнаго начала.— Сравненіе нынѣшнихъ выборовъ съ предъидущими и составъ новой Думы (1885—1889 гг) *(Іюнь, 875)*. — Десятый годъ существованія начальныхъ городскихъ училищъ. — Вопросъ о повышеніи въ нихъ платы за ученіе.—Ненормальность отношенія числа начальныхъ городскихъ школъ къ числу городскихъ училищъ двухъ-и трехклассныхъ. — Пятнадцать лѣтъ „Общества земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ", и современное положеніе Спб. колоніи малолѣтнихъ преступниковъ.—„Московскія Вѣдомости" по поводу городскихъ выборовъ въ Петербургѣ *(Іюль, 444)*. — Два теченія въ современной общественной жизни.—Полезная сторона двойственности.—Концентрическое движеніе къ свободѣ мысли и слова. —Различіе между путями, по которымъ совершается это движеніе.—Черта сходства между прошедшимъ и настоящимъ *(Августъ, 885)*.—Русская печать о Финляндіи. — Представленія, возстающія изъ могилы.—„Русь" и берлинскій трактатъ. — „Хорошіе" и „дурные" учебники. — Наказаніе, идущее вслѣдъ за преступленіемъ.—Кому у насъ весело?—Отставки городскихъ головъ въ Ревелѣ и Ригѣ *(Сентябрь, 420)*. — Исполненіе новаго университетскаго устава. — Правила о зачетѣ полугодій и объ экзаменныхъ требованіяхъ правительственныхъ коммиссій. — Регламентація студенческихъ занятій и профессорскихъ лекцій. — Вопросъ о дерптскомъ университетѣ. — По адресу „Московскихъ Вѣдомостей" *(Октябрь, 861)*. — Процессъ кронштадтскаго полиціймейстера Головачева, разсматриваемый съ точки зрѣнія „вынесенія сору изъ избы".—Обнаруженное имъ зло и способы леченія.—Путь къ исправленію нравовъ, предлагаемый г. Рачинскимъ. — Продолженіе газетной войны съ Финляндіею *(Ноябрь, 458)*.—Засѣданія 30 октября и 6 ноября въ петербургской городской Думѣ.—Дѣятельность „партіи", объясняемая ея „програмкой".—Общія черты городского самоуправленія въ Москвѣ и Петербургѣ.—Ожиданіе перемѣнъ въ остзейскихъ губерніяхъ. — Н. Я. Данилевскій †.—Разъясненіе одного недоразумѣнія (*Декабрь, 931*).

V. Библіографическій Листокъ.— Пошехонскіе разсказы, Н. Щедрина (М. Е. Салтыкова). — На память, разск. В. Крестовскаго (псевдонимъ). — Всеобщая исторія литературы, выпускъ XVI.—Иллюстрированная исторія Екатерины II, А. Брикнера, вып. 1 и 2.—Сводъ узаконеній о евреяхъ, сост. Е. Б. Левинъ. — Дѣйствія отрядовъ ген. Скобелева, соч. ген.-м. Куропаткина.—Геологія, проф. А. А. Иностранцева, т. I. — Пословицы въ силуэтахъ, Елиз. Бемъ (*Январь*).—Мазепа и Мазепинцы, Н. Костомарова. — Этюды В. Ѳ. Корша. — Русскій рубль XVI — XVIII в., В. Ключевскаго.—Сочиненія Е. А. Баратынскаго. — Азбука для начальныхъ военныхъ школъ и для обученія взрослыхъ вообще, К. К. Абаза.—Общедоступный лечебникъ, д-ра Кунца. Пер. д-ра Д. Г. Фридберга (*Февраль*).—Полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева. — Стихотворенія И. С. Тургенева.—Въ средѣ умѣренности и аккуратности, М. Е. Салтыкова (Щедрина).—Сочиненія и переписка П. А. Плетнева.—Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы, Ив. Забѣлина.—Словарь практическихъ свѣдѣній, д-ра Симонова (*Мартъ*). — Политическая экономія, какъ ученіе о процессѣ развитія экономическихъ явленій, Ив. Иванюкова. — Дневникъ пребыванія Царя-Освободителя въ дунайской арміи, Л. М. Чичагова.—Всеобщая исторія литературы, п. р. А. Кирпичникова, вып. XVII. — Земля и люди, Эл. Реклю, т. VII. — Исторія искусствъ съ древнѣйшихъ временъ, П. П. Гнѣдича.—Путевыя впечатлѣнія въ Португаліи, Франціи, Австріи и Италіи, К. Скальковскаго (*Апрѣль*). — Столѣтіе Спб. Городского Общества. 1785—1885 гг. Изд. Спб. Городской Думы. —Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, т. 42 и 43.—Учебникъ исторіи, пр. А. Трачевскаго: Русская исторія. — Современный пессимизмъ въ Германіи, кн. Д. Цертелева (*Май*).—Рѣчь гласнаго В. И. Герье, 21 апрѣля 1885 г., въ московской Думѣ.—Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, т. 44 и 47.— Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ, Н. И. Зибера.—Путеводитель и собесѣдникъ въ путешествіи по Кавказу, М. Владыкина (*Іюнь*). — Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства, К. Анненкова, т. V.—Амуръ и Уссурійскій край, изд. Комитета грамотности.—Переселеніе крестьянъ рязанской губерніи, В. Н. Григорьева. — Сочиненія Ю. Ѳ Самарина. т. III. — Безпозвоночныя Бѣлаго моря, проф. В. П. Вагнера.—Иллюстрированный охотничій календарь, Л. П. Сабанѣева (*Іюль*).— Экономическій журналъ, 1885 г., книжки I и II.—Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи, проф. Мержеевскаго. — Очеркъ мелкаго народнаго кредита, А. Мудрова. — Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства, К. Анненкова. — Жизнь и труды В. Г. Барскаго, соч. Н. Барсукова (*Августъ*). —В. Н. Латкинъ. Земскіе соборы древ-

ней Руси. — Полное собраніе сочиненій Я. П. Полонскаго, изд. Ж. А. Полонской. —Словарь практическихъ свѣдѣній, изд. д-ра Л. Симонова.—Архивъ князя Воронцова.—Методы изслѣдованія низшихъ организмовъ, Л. Л. Гейденрейха.— Отчетъ по главному тюремному управленію за 1883 годъ.—1885 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. — Полный курсъ коммерческой корреспонденціи, С. М. Бараца (*Сентябрь*).—Геродотъ. Исторія въ девяти книгахъ, Ѳ. Г. Мищенко.—Обзоръ главныхъ явленій средней исторіи по вѣкамъ, Я. Г. Гуревича.—Переходъ Россіи къ регулярной арміи, П. О. Бобровскаго.—Введеніе въ общее языкознаніе, А. Питта (*Октябрь*).—Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I, А. Н. Пыпина. —Исторія государственныхъ учрежденій Англіи, Р. Гнейста. — Россія дальняго востока, Фр. Шперка.—Римская исторія, Моммсена, т. V.—Сочиненія П. В. Жуковскаго.—Всеобщій календарь на 1886 г., Г. Гоппе (*Ноябрь*).—Сочиненія Добролюбова, 4-ое изданіе.—Дома и на войнѣ, А. Верещагина. — Базилика имп. Константина въ Іерусалимѣ, Б. Мансурова.—Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ, д-ра Хвольсона.—Календарь для врачей на 1886.—Русскій календарь на 1886 (*Декабрь*).

VI. Извѣстія. — О подпискѣ на памятникъ Гоголю (*Іюнь*, *882*). — Отъ Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества (*Августъ*, *897*). —Отъ Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ университетѣ (*Сентябрь*, *482*). — Отъ Общества Любителей Россійской Словесности (*Октябрь*, *878*).—I.—Отъ Общества Любителей Россійской Словесности о подпискѣ на памятникъ Н. В. Гоголю. — II. — На поддержаніе сельской школы К. Д. Кавелина (*Ноябрь*, *472*).

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА.

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ, 1885.

Книга одиннадцатая. — Ноябрь.

СТР.

Всесословная семья. — Разсказъ—XI-XVI.—Н. Д. АХШАРУМОВА. 5
П. А. Плетневъ.—Біографическій очеркъ.—А. И. СКАБИЧЕВСКАГО . . . 49
Моя женитьба.—Записки М. И. Матвѣева.—II.—Окончаніе.—Ө. С. СТУЛЛИ . 104
Реформація и католическая реакція въ Польшѣ.—VIII. Начало іезуитской реакціи и борьба противъ религіозной свободы. — IX. Побѣда реакціи и гибель протестантизма.—Окончаніе.—Н. И. КАРѢЕВА. 145
Стихотворенія.—I.—Въ минуту скорби.—II. Мой демонъ.—Н. МИНСКАГО . 184
Африканская конференція въ Берлинѣ.—Колоніальная политика современныхъ государствъ.—I-III.—Ө. Ө. МАРТЕНСА. 186
Наполеонъ I, по новымъ изслѣдованіямъ.—X-XVIII.—Н. Д. 225
Въ панцирѣ великана.—Романъ Ф. Ансти. — Съ англійскаго. — XVII-XXIII.— А. Э.. 273
Статистика германскихъ университетовъ.—А—Н— 326
Стихотворенія —Danse Macabre.—Осенняя мелодія.—С. Б—ВЪ. 349
Обзоръ малорусской этнографіи.—IV.—Польскіе и галицкіе этнографическіе сборники 30-хъ годовъ.—V.—Лукашевичъ и Метлинскій.—А. Н. ПЫПИНА. 351
Хроника.—Внутреннее Обозрѣніе. — Общіе вопросы, возбуждаемые процессомъ Мироновича. — Возобновленіе преслѣдованія противъ оправданнаго подсудимаго; обращеніе присяжныхъ къ новому совѣщанію; разрѣшеніе дѣла до окончанія судебнаго слѣдствія и мотивированіе рѣшенія присяжныхъ. —Дворянскій проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ и вызванная имъ историческая справка по вопросу объ обязательности рабочей книжки . 388
Письмо изъ Москвы.—WZ. 410
Иностранное Обозрѣніе.—Парламентскіе выборы во Франціи и ихъ значеніе.— Успѣхи монархистовъ и кажущаяся непрочность республики.—Французскія политическія партіи.—Избирательное движеніе въ Англіи.—Либеральныя и консервативныя рѣчи.—Особенность предстоящихъ выборовъ. —Англійское миролюбіе.—Наши проповѣдники англо-русской войны. . 418
Литературное Обозрѣніе —Тѣни прошлаго, Н. И. Захарьина.—Тяжелая память прошлаго, Г. В. Есипова; Разсказы изъ русской исторіи, А. Варсукова; Историческіе разсказы изъ жизни русскихъ государей и замѣчательныхъ людей XVIII и XIX столѣтій.—Краткій словарь шести славянскихъ языковъ, Миклошича. — А. П.—Россія и Англія на среднеазіатскихъ рынкахъ, А. П. Субботина. — Торгово-промышленныя стачки. Д. Пихно.— Русско-балканскій торговый вопросъ. А. Мурашевича.—Л. С. 434
Некрологъ.—В. И. Орловъ.—В. В. 451
Изъ Общественной Хроники. — Процессъ кронштадтскаго полиціймейстера Головачева, разсматриваемый съ точки зрѣнія „вынесенія сору изъ избы". —Обнаруженное имъ зло и способы леченія.—Путь къ исправленію нравовъ, предлагаемый г. Рачинскимъ. — Продолженіе газетной войны съ Финляндіею 458
Извѣщенія.—I.—Отъ Общества Любителей Россійской Словесности о подпискѣ на памятникъ Н. В. Гоголю.—II. — На поддержаніе сельской школы К. Д. Кавелина. 472
Библіографическій Листокъ. — Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I, А. Н. Пыпина. — Исторія государственныхъ учрежденій Англіи, Р. Гнейста.—Россія дальняго востока, Фр. Шперка.—Римская исторія, Моммсена, т. V.—Сочиненія П. В. Жуковскаго. — Всеобщій календарь на 1886 г., Г. Гоше.

Книга двѣнадцатая.—Декабрь. стр.

Всесословная семья.—Разсказъ.—Эпилогъ.—Н. Д. АХШАРУМОВА 473
Африканская конференція въ Берлинѣ.—Колоніальная политика современныхъ государствъ.—IV-VII.—Окончаніе.—Ѳ. Ѳ. МАРТЕНСА 512
Наполеонъ I, по новымъ изслѣдованіямъ.—XIX-XXV.—Окончаніе.—Н. Д. . . 553
Изъ Тиннисона.—Стих.—Ч. 607
Источники матеріализма.—М. КУЛИШЕРА 608
Разводъ и саморасправа на Кавказѣ.—Т. 617
Силуэты.—I. Филиппъ Филиппычъ.—М. Н. АЛЬБОВА 648
Эпоха возрожденія и германофилы.—М. КАРЕЛИНА. 698
Въ панцырѣ великана.—Романъ Ф. Ансти.—Съ англійскаго.—XXIV-XXXVI.—Окончаніе.—А. Э. 726
Обзоръ малорусской этнографіи.—VI.—П. А. Кулишъ.—Окончаніе.—А. Н. ПЫПИНА. 778
Стихотвореніе.—Н. МИНСКАГО 818
Діагнозы и рецепты.—По поводу этюда М. С. Громеки о послѣднихъ произведеніяхъ гр. Л. Н. Толстого и публичныхъ лекцій П. Е. Астафьева.—Ц—с— 820
Хроника.—Паспортная реформа.—Ѳ. Ѳ. ВОРОПОНОВА 845
Внутреннее Обозрѣніе. — Перемѣна въ управленіи министерствомъ юстиціи.—Вопросы о независимости судей, о разграниченіи властей, о судѣ присяжныхъ.—Судебная часть въ закавказскомъ краѣ.—Положеніе работъ въ коммиссіи по составленію гражданскаго уложенія.—Отчетъ департамента неокладныхъ сборовъ за 1884 г. — Еще два слова о дѣлѣ Мироновича 858
Иностранное Обозрѣніе.—Поворотъ въ балканскихъ дѣлахъ.—Сербія и Болгарія.—Австрія и Сербія.—Мнимые и настоящіе мотивы войны.—Значеніе союза трехъ имперій.—Константинопольская конференція.—Турецко-болгарскіе проекты.—Политика Англіи и ошибочная оцѣнка ея.—Причины сербскихъ неудачъ.—Смерть короля Испаніи Альфонса 882
Литературное Обозрѣніе.—Разсказы бабушки, Д. Благово.—Всеобщая исторія, Г. Вебера, пер. Андреева, т I.—А. П.—Интеллигенція и народъ въ общ. жизни Россіи, I. Каблица (Юзовъ). — Востокъ, Россія и славянство. Б. Леонтьева.—Нашъ нервный вѣкъ, пр. Крафтъ-Эбинга, пер. съ нѣм.—I. С. 897
Замѣтка.—По поводу книги Ц. Ломброзо: „Геніальность и помѣшательство".—В. В. 915
Некрологъ.—I.—Н. В. Калачовъ.—II. Е. П. Карновичъ.—А. П. 924
Изъ Общественной Хроники.—Засѣданіе 30 октября и 6 ноября въ петербургской городской Думѣ. — Дѣятельность „партіи", объясняемая ея „программой".—Общія черты городского самоуправленія въ Москвѣ и Петербургѣ. — „Москов. Вѣд." по поводу ожиданія перемѣнъ въ остзейскихъ губерніяхъ.—Н. Я. Данилевскій †.—Разъясненіе одного недоразумѣнія. 933
Матеріалы журнальной статистики.—„Вѣстникъ Европы" за 1885 г. 945
Алфавитный указатель авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы" за 1885 г. 947
Библіографическій Листокъ.—Сочиненія Добролюбова, 4-е изд.—Дома и на войнѣ, А. Верещагина.—Базилика имп. Константина въ Іерусалимѣ, Б. Мансурова. — Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ, доктора Хвольсона. — Календарь для врачей на 1886 годъ. — Русскій кале[ндарь] на 1886 годъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Сочиненія Добролюбова, въ четырехъ томахъ. Изданіе 4-ое. Спб. 1885. Ц. 7 р.

Новое изданіе, прежде всего, поставило своею задачею возстановленіе правильности текста, нѣсколько пострадавшаго въ послѣднихъ двухъ изданіяхъ отъ корректурныхъ недосмотровъ; въ первомъ томѣ новаго изданія, въ отличіе отъ предъидущихъ, сгруппированы вмѣстѣ нѣкоторыя изъ критическихъ и историко-литературныхъ статей Добролюбова, появлявшихся въ разное время, — вслѣдствіе тѣсной взаимной связи ихъ по содержанію. Затѣмъ, вторая половина перваго тома и томы второй и третій содержатъ, уже въ строго хронологическомъ порядкѣ, всю дѣятельность Добролюбова, какъ критика, въ „Современникѣ" (1857 — 1861 гг.). Четвертый томъ представляетъ, въ первой половинѣ собраніе другихъ случайныхъ статей въ „Современникѣ", а во второй — помѣщенъ „Свистокъ", дополненный въ настоящемъ изданіи стихотвореніями и замѣтками, которыя нигдѣ не были напечатаны прежде; точно также дополненъ неизданными стихотвореніями и отдѣлъ лирическихъ пьесъ.

Дома и на войнѣ. 1853—1881. Воспоминанія и разсказы Александра Верещагина. Спб. 1886. Стр. 600. Ц. 2 р. 50 к.

Читателямъ нашего журнала знакома только та часть труда А. В. Верещагина, которая заключаетъ въ себѣ воспоминанія и очерки изъ русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Въ особомъ изданіи этому предпослана обширная и интересная семейная хроника автора и автобіографія: первая воспроизводитъ неисчерпанную и до сихъ поръ картину помѣщичьяго быта крѣпостной эпохи въ сосѣдней намъ новгородской губерніи, а въ послѣдней — можно найти не менѣе интересную и вѣрную картину нашего педагогическаго быта не особенно отдаленной эпохи, и притомъ, какъ въ общеобразовательныхъ, такъ и въ нѣкоторыхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Кромѣ того, въ особомъ изданіи помѣщены вновь воспоминанія о текинской экспедиціи генерала Скобелева, 1880—81 гг.

Базилика императора Константина въ Іерусалимѣ. Б. Мансурова, съ 14 чертежами. М. 1885. Стр. 198 Ц. 4 руб.

Авторъ изслѣдованія, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу нашихъ старѣйшихъ и опытнѣйшихъ знатоковъ палестинскихъ древностей. Только-что появившійся его трудъ, роскошно изданный, съ превосходно выполненными чертежами и планами, вызванъ новѣйшими раскопками въ Іерусалимѣ на русскомъ участкѣ земли близъ храма Гроба Господня, и тѣми свѣдѣніями, какія были помѣщены по этому поводу въ послѣднемъ выпускѣ „Палестинскаго Сборника", съ предположеніями о реставраціи сооруженій эпохи Константина В. Въ результатѣ изслѣдованій автора, произведенныхъ имъ на мѣстѣ въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго года, оказывается, что „Русское Палестинское Общество", въ Петербургѣ, „введено было въ заблужденіе и опубликовало на весь русскій читающій міръ данныя, не соотвѣтствующія дѣйствительности". Безъ сомнѣнія, трудъ Б. А. Мансурова окажетъ важную услугу палестинской археологіи и заставитъ относиться болѣе осмотрительно къ древнимъ остаткамъ, или иначе — реставрація можетъ превратиться въ ихъ уничтоженіе.

Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ. Доктора физики Хвольсона. 2-ое изданіе. Съ 220 рисунками въ текстѣ 251 стр. in 8°.

Чрезвычайное развитіе приложенія электричества къ различнымъ родамъ техники и удивительныя открытія въ области магнетизма, совершенныя за послѣднія 15 лѣтъ, вызвали въ обществѣ живой и серьезный интересъ къ предмету лекцій г. Хвольсона. Читанныя съ 1881 по 1883 г., лекціи эти являются нынѣ въ окончательно обработанномъ видѣ и, будучи снабжены множествомъ прекрасныхъ рисунковъ, представляютъ вполнѣ доступное, и для неспеціалистовъ, чтеніе; глубина и серьезность содержанія ничего не проигрываютъ отъ простоты и удобопонятности изложенія.

Календарь для врачей всѣхъ вѣдомствъ на 1886 г., подъ редакціею профессора Анрепа и доктора Ворониxина. 2 части. 259 + 227. in 16°.

Несмотря на скромное названіе календаря — изданіе это, весьма удобное для употребленія и изящное по формѣ, отличается обиліемъ свѣдѣній, составляющихъ результаты послѣднихъ открытій и изслѣдованій по всѣмъ отраслямъ медицины, и представляетъ собою подробный vade-mecum врача. Послѣдній найдетъ въ первой части календаря не только всѣ разнообразныя числовыя данныя и всѣ мѣры вѣса и дозированія, необходимыя въ многоразличныхъ пріемахъ леченія, но встрѣтитъ и рядъ чертежей и рисунковъ, поясняющихъ свѣдѣнія, которыми изобилуетъ первая часть; — во второй же части онъ встрѣтитъ, помимо справочныхъ данныхъ о личномъ составѣ медицинскаго персонала въ Россіи, еще и пятнадцать сообщеній по наиболѣе живымъ изъ современныхъ медицинскихъ вопросовъ, напр. о локализаціи отправленій коры большихъ полушарій мозга человѣка, — д-ра Оршанскаго, съ приложеніемъ изображенія схемы Шарко для дифференціальной діагностики, — или: о способахъ изслѣдованія бактерій д-ра Оршанскаго, со многими интересными рисунками, и т. д. — Матеріалъ календаря распредѣленъ такъ, что первая часть его содержитъ тѣ свѣдѣнія, которыя всегда необходимо имѣть подъ рукою, почему ей и приданъ видъ записной книжки, которую удобно носить съ собою.

Русскій календарь на 1886 г. Пятнадцатый годъ. Спб. 1886.

Въ связи съ недавно высказаннымъ у насъ общимъ замѣчаніемъ по поводу появленія Всеобщаго календаря, можно было бы сказать, что „Русскій календарь" въ мѣстномъ справочномъ отдѣлѣ удовлетворяетъ болѣе всѣхъ другихъ календарей; но зато онъ нуждается въ болѣе внимательномъ пересмотрѣ тѣхъ частей, которыя, по самой природѣ вещей, подвергаются частымъ измѣненіямъ. Такъ, напр., въ Голландіи второй разъ повторяется наслѣдникомъ Александръ, принцъ Оранскій, между тѣмъ какъ онъ уж[e] давно умеръ, а въ Гаагѣ показано около 28 т[ы]сячъ жителей, вмѣсто 140 тысячъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

НА 1886 г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

	Годъ:	Полгода:	Четверть:		Годъ:	Полгода:	Четверть:
Безъ доставки	15 р. 50 к.	8 р.	4 р.	Съ пересылкою	17 „ — „	10 „	6 „
Съ доставкою	16 „ — „	9 „	5 „	За-границей	19 „ — „	11 „	7 „

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к.
за-границей — 3 руб.

☞ Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою. ☜

ПОДПИСКА принимается — въ Петербургѣ: 1) въ Главной Конторѣ журнала „Вѣстникъ Европы" въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, и 2) въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Меллье, на Невскомъ проспектѣ; — въ Москвѣ: 1) при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; 2) Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и 3) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — Иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично — въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журналѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку городскимъ подписчикамъ Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію „Вѣстника Европы", въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе — 40 коп.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

NOV 14 '58 H
STALL-STUDY
CHARGE
CANCELLED